

Из откровенных писем С.Н. Мотовиловой
(с добавлением корреспонденций ее родственников)*

З.Н. Некрасова (Планерское, Крым) – В.Н. Ульяновой (Lausanne, Avenue Mon Repos, 22), 29 сентября 1953 г.

Милая Вера! Вчера получила твоё письмо, пересланное мне из Киева. Поздравляю с именинами и желаю всего наилучшего. Главное – здоровья. Мы с Викой отдыхаем в Доме творчества писателей, опять в Коктебеле (Крым). Погода чудесная, но не жаркая. С утра до обеда купаемся и пляжимся. Вика, кроме того, работает – заканчивает и отделяет новую повесть, которую принял журнал «Новый мир»^{**}. Зина

С.Н. Мотовилова (Киев, ул. Горького, 38, кв. 7) – Н.А. Ульянову (Лозанна), 26 ноября 1953 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

<...> Пишу это для Веры, может, ей интересно: мы, наконец, (на одиннадцатый год!) поставили памятник на маминой могиле. Памятник простой, трафаретный: аналог с раскрытой книгой и над ним небольшой мраморный крест.^{***} Вера, верно, не помнит, такой же памятник стоит на могиле отца Ленина в Симбирске. Папин памятник там разрушен, ну а отца Ленина сохранился. В детстве Зине этот памятник очень нравился. Ну вот, в таком духе мы поставили на маминой могиле [на Байковом кладбище].

<...> Вчера Зина принесла мне Верино письмо с обращением и ко мне. Я всегда отвечаю на письма и не хочу, чтоб меня считали невежливой. Но тут я бы хотела, чтобы Вы сами поняли, что лучше мне с Верой не переписываться. Я посылала ей в течение года длинные письма, вспоминая детство, рассказывая о себе, Зине, Вике. Мне казалось, что мои письма очень милы и заботливы. И вдруг от Веры пришло письмо. Она просит меня ей больше не писать и вернуть все её письма, она не желает от меня ничего слышать о Зине и Вике (Зина ей сама пишет). Мои рассказы о моих новых и старых знакомых, пишет она, ей «естественно» не интересны.

Мне-то все в её письмах было интересно: и то, у какой модистки М-ме Рату заказывала шляпы, и какой chalet [(швейцарский домик)] у жены её дантиста, это её интересует. Правда, я предпочла бы узнать, из-за чего она поссорилась с [нашей швейцарской знакомой] Линой, или чтоб она прислала мне адрес Лены Гефтер [в Швейцарии] (и Вас я об этом просила, но Вы не сообразовали ответить, а ведь в крайнем случае Вы могли бы мне прислать адрес Лизы Эпштейн, и я бы сама ей написала).

Далее Вера писала, что я «груба и мещанственна», воображаю, что всех благодетельствую, и, читая мои письма, она «смеется mais avec mépris» [(«смеется, но с презрением»)]. Сказать правду, письмо это меня несколько ошеломило. Затем пришло письмо от Вас Зине. Вы писали, что мои письма Вере – это был какой-то «бокс», и я старалась нанести Вере самый «больной удар». После моих писем Вере не хотелось больше жить, и «она думала о самоубийстве». Ну, если Вера психически несколько расстроена, то Вы-то в своем уме?

* Письма И.Р. Классону (с его немногочисленными, сохранившимися в виде машинописных копий ответами С.Н. Мотовиловой) хранятся в фонде 9508 РГАЭ, остальные – в фонде 786 отдела рукописей РГБ.

** Повесть «В родном городе» будет опубликована в №№ 10 и 11 «Нового мира» за 1954 г.

*** В православных церквях аналог – высокая подставка, на которую при службах кладут для чтения церковные книги, ставят иконы и крест.

Далее Вера прислала несколько писем Зине, все – клокочущие злобой на меня. Вике (!) Вера специально писала, что у меня и Зины – темное прошлое. В чем? Вы писали Зине, что мама была ближе с нами, чем с Верой. Верины письма мы все читали, а наши письма мама вслух не читала.

Но что же Вы думаете, маме приятен бы был Верин «смех avec mépris»? Замечания о моей «грубости и мешанственности» и замечания о нашем темном прошлом? Ну, и зная Верино отношение к нам, мама предпочитала не читать ей наших писем. Я не видела Веру больше сорока лет, да и раньше далека была с ней. Так как она моя сестра, то мне естественно интересно, как она живет и что с ней, и я от души желаю ей всего хорошего. Смешно, я как будто оправдываюсь, а на самом деле мне, конечно, безразлично, кажется Вере или нет, что я как Лина «une vieille fille érotique» [(«эротичная старая дева»)] ...в 73 года!

<...> Сегодня я была на выставке Билибина в нашем музее русского искусства и вспомнила Вас. Там есть чудесные иллюстрации к «Петру I» Алексея Толстого. «Петр I» ведь Вам понравился? Но для грубого стиля Толстого, по-моему, эти иллюстрации слишком изящны. Билибин умер во время блокады Ленинграда в войну, он оттуда не уезжал.

С.Н. Мотовилова – Н.А. Ульянову, 16-22 октября 1955 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Зина мне приносила Ваше письмо к Вике, где Вы пишете, что хотели бы на некоторое время приехать в СССР. По-моему, это у Вас хорошая идея, но, надеюсь, на это раз Вы приедете с Верой. Я тогда смогу Вам передать две вещи для Веры, которые, к сожалению, переслать нельзя. Если бы мама была жива, она бы помогла Вам все устроить, у мамы была и энергия, и дипломатические способности, но Зина и Вика – люди непрактичные, мало к жизни приспособленные.

Это еще счастье, что Вика получает уйму денег, но он сейчас же их все раздает, вернее, его паразиты у него все забирают, и он опять без гроша! Обычно все его практические дела ему устраивают его приятели. Вот, например, Зина просит его ей купить часы. Часов у нас в магазинах сколько угодно и очень хороших, денег у них, Зины и Вики, тоже сколько угодно (он ведь в два года спустил 680 000!, столько сколько его мать может заработать за 57 лет).

И вот, вместо того, чтоб пойти в магазин и как нормальный человек купить часы, он говорит приятелю: «Матери нужны часы». Приятель сейчас же соображает: у него есть знакомый, который хотел бы продать свои старые часы. Правда, у них испорченный циферблат, а внутри какая-то надпись, и размер большой [для дамы]. Ничего, Вика их покупает за 1 000 р. (как [стоят] лучшие часы в магазине!), и они вечно в починке, так что их хронические починки стоили, думаю, столько же, сколько сами часы.

Я буду очень рада, конечно, если Вам Вика будет чем-нибудь полезен, но сомневаюсь в этом. В 1937 году он работал во Владивостоке [в театре], мы тогда очень нуждались, мама была больна, а он писал, что не знает, куда свои деньги девать! К новому году прислал 82-летней бабушке и 60-летней матери посылку: дорогого испанского шампанского. По дороге через Сибирь, верно от холода, бутылка лопнула, и мы получили одни осколки стекла.

Вера мне писала, чтоб я не смела больше ей писать о Зине и Вике, но что поделать: Вера может писать только о своих врачах, а я – о Зине и Вике. У каждого по-своему выражается старческий склероз. И у меня это естественно: ведь тридцать [прошедших после моего приезда в Киев] лет и для меня, и для мамы были борьбой за существование нашей семьи, да еще какой борьбы.

Может быть, мама Вам рассказывала в свои приезды в Швейцарию. До 82-х лет мама и сама готовила, и сама все покупала, и все делалось для Зины и ее детей. Но Вы это могли и сами заметить, когда жили в Киеве или когда мама с Зиной жили в Париже. Мне кажется, что Вы и Вера переоцениваете Викины способности. Вот приедете – увидите.

С.Н. Мотовилова – Н.А. Ульянову, 1 апреля 1958 г.*

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Вы как-то писали Зине, что Вера интересуется Г. Мотовиловым. Я тогда сейчас же отдала книжку репродукций его некоторых скульптур Зине, чтоб послать Вере, но Зина, очевидно, это забыла.

* Из-за «клокотавших злобой» в адрес Софьи Николаевны в 1953 году писем Веры Николаевны Зинаиде Николаевне средняя сестра на несколько лет прекратила переписку с лозаннскими родственниками, и мы поэтому оказались лишены многих интересных подробностей о жизни Некрасовых в Киеве, о трудах «великого писателя» в эти годы. Из «Хроники жизни и творчества», составленной Лазарем Лазаревым:

1954. В журнале «Новый мир» (1954, № 10, 11) опубликована повесть «В родном городе». Официозной критикой повесть была оценена отрицательно как идейно ущербное произведение.

1956. В журнале «Молодая гвардия» (1956, № 3) опубликован рассказ «Сенька».

1957. В апреле 1957 г. поездка в Италию (через Париж туда и обратно). Экранизирована под названием «Солдаты» повесть «В окопах Сталинграда» (режиссер А. Иванов). Некрасов принимал участие в съемках фильма и даже снялся в одном эпизоде.

Приведем фрагмент обзора Ивана Швецова «Эпос народного подвига» в «Литературке» от 20 февраля 1958 г., по поводу спорного рассказа «Сенька»:

Только человек высокой сознательности, большой духовной силы способен на воинский подвиг. Внутренне пустой человек, трус и негодяй на подвиг не пойдет. И как бы ни старались некоторые писатели найти в этом вопросе какой-то компромисс, какие-то «исключительные обстоятельства», все будет звучать фальшиво и неубедительно. Не помогут в данном случае и никакие психологические «обоснования». В недавно опубликованном рассказе «Сенька» В. Некрасов – автор талантливой повести «В окопах Сталинграда» – пытается оправдать умышленно прострелившего себе руку труса и паникера. А затем, чтобы «реабилитировать» своего героя, автор заставляет его совершить подвиг. Но в такой подвиг читатель не верит, потому что это противоречит жизни, всей логике характера персонажа и природе воинского подвига. Впрочем, до В. Некрасова то же самое пытался делать и Э. Казакевич в повести «Двое в степи». Но из этого, как известно, ничего хорошего не получилось.

К этому же рассказу «Сенька» возвращается и критик И. Козлов в своей статье «Об авторской позиции» в «Литературке» от 17 ноября 1959 г.:

Как нередко, однако, мы грешим и субъективностью, и предвзятостью! В качестве примера мне хочется привести суждение одного из критиков о рассказе Виктора Некрасова «Сенька». По безапелляционному мнению этого критика [И. Швецова], автор «пытается оправдать умышленно прострелившего себе руку труса и паникера». Подумать только, оправдать труса и паникера! Но, ей-богу же, совсем не в этом – пафос рассказа. Кто такой Сенька? Можно просто считать его самострелом – а он, действительно, подпадает под эту категорию – и не увидеть все остальное. Тогда идейная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению. Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в протоколе дознания плохого следователя!) является самым существенным, объясняющим и истоки преступления Сеньки, и отношение к нему писателя. Сенька – боец неопытный, не нюхавший пороха, наивный до чрезвычайности; эта наивность делает его суждения о бое сродни суждениям какого-то древнего человека. И руку он прострелил почти в том состоянии, которое на юридическом языке именуется невменяемостью. <...> Как относится ко всему этому автор? Он жалеет Сеньку – не самострела, а этого наивного молодого человека, который растерялся, испугался; самострел же им осуждается самым решительным образом. Парадокс! Если хотите – да, но в этом парадоксе отразилась сложность и противоречивость человеческой души. Мы знаем людей, путь которых ясен и прям, как полет стрелы. Но знаем и других, судьба которых трудна и запутана, и это не обязательно совсем плохие люди, заслуживающие только презрения на том основании, что единожды оступились, пускай и серьезно. Не о такой ли трудной судьбе рассказывал тов. Н.С. Хрущев на III съезде писателей? Воинское преступление осуждается автором в рассказе весьма недвусмысленно. Как отвернулись от Сеньки все раненые бойцы медсанбата, когда узнали истинную историю его забинтованной левой руки! И как глубоко, мучительно переживает он это наказание презрением – самое страшное из наказаний для людей с подобным характером. <...>

Сейчас я заходила к ним и нашла эту книжку, пошлю ее Вере завтра. Зина и Вика должны были вернуться, мы думали, что они будут в Киеве к Пасхе, 13-го, но они уехали в Ленинград, и Зина пишет, что в Киев приедут только во второй половине апреля.

Когда Вера меня просила ей больше не писать, она прибавила: «Сносись с Колей». Меня это сперва удивило, но потом [показалось] естественным, так как Вера – моя сестра, меня интересует все, ее касающееся. Я[правда,] Вам за эти годы написала четыре письма, на которые Вы не сообразовали ответить. Вот так: «Сносись с Колей!» Ну, я Вашу вежливость еще с [дореволюционной] поездки в Нижний знаю. Затем Вера Зине писала, что я хочу с Вами переписываться, потому что Вы «мужчина»! Мне 77 лет и Вам столько же, и мне совершенно все равно, кто мой корреспондент – мужчина или женщина, По правде сказать, и в 17 лет мне это было все равно.

<...> Я весь прошлый год обменивалась книгами с Викиным итальянским переводчиком*, я ему посылала, а он – мне. Однажды я ему послала несколько интересных книг, купленных у букиниста, и вижу – он недоволен. И что же оказалось? Все эти книги у него уже были! Вот как за границей нас читают! Послала еще несколько журналов с его любимыми поэтами, а он пишет, что на все (?) русские журналы он записывается с начала года!

Сейчас этот юноша кончил Миланский университет и приехал в аспирантуру в Московский университет. Он коммунист, прекрасно знает русскую литературу – и новую, и старую, влюблен в Россию, в нашу литературу, рвался сюда ужасно (ему долго не давали визы), и вот такой – противный, как приехал, перестал мне писать и Вике не пишет. А ведь страшно интересно, как он нашел наше «Эльдорадо», это он так называл СССР.

<...> Вышел Викин новый рассказ в журнале «Москва», но в февральском номере, верно, Вика его уже Вам послал**. О французском переводе Викиной «Ville natale» [(«В родном городе»)] я читала три французские рецензии <...>, все три хвалебные.

* Речь идет об итальянце Витторио Страда, переводчике «В родном городе» В.П. Некрасова, после учебы в аспирантуре Московского университета он станет работать в итальянском издательстве Эйнауди.

Nekrasov Viktor. Nella città natale. Einaudi, Torino, 1955 (с сайта www.barbacanelibri.it)

** Это военный рассказ «Судак».

З.Н. Некрасова – Н.А. Ульянову, 21 мая 1958 г.

Дорогой Николай Алексеевич!

Получила Ваше письмо со сведениями о болезни Веры и о всех принятых мерах. <...> Очень прошу держать меня в курсе всех событий, а главное Вериного настроения, которое вследствие какого-то нарушения обмена [веществ], должно быть, было таким тяжелым, угнетенным последнее время. Ужасно, что благодаря всяким внешним помехам мы не можем свидеться, вновь узнать друг друга. Мы ведь не виделись с 1915 г., когда мы с мамой уехали из Швейцарии в конце 1-й мировой войны – уже сорок три года. И, должно быть, все мы за это время стали неузнаваемы!

Вика пошел сейчас на главный телеграф, чтобы послать Вам телеграмму с запросом о Верином здоровье в данную минуту: ведь, верно, за эти дни уже есть сдвиг в лучшую сторону!

У нас все благополучно. Вика много работает – пишет новое произведение, своего рода воспоминания о своем прошлогоднем пребывании в Италии. В этом году конференция писателей в Венеции будет не в апреле как всегда (вдобавок, уже половина мая прошла), а в августе, если не помешают всякие политические события. Крепко целую. З.Н.

З.Н. Некрасова (Киев, ул. Крещатик, 15, кв. 10) – В.Н. и Н.А. Ульяновым
(без даты, предположительно июнь 1958 г.)

Дорогие Вера и Николай Алексеевич!

Пишу так кратко, т.к. спешу – иду к Соне. Вика сейчас в Москве, вызванный журналом «Новый Мир» – печатает свои очерки «Первое знакомство». * На днях должен вернуться.

Крепко целую. З.Н.

С.Н. Мотовилова – Н.А. Ульянову, 22 июля 1958 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Благодарю, что сооблаговостили ответить на мое письмо от 9 апреля.

<...> Меня уже много лет волнует вопрос, что мы ничего не можем высылать Вере (ну, значит, и Вам). Все время высылали маме и посылки, и деньги. Я опять заходила на почту, и мне там сказали, что ни посылок, ни денег посылать от нас за границу нельзя. Единственное, что можно посылать, это книги. Книжки-то у нас очень дешевы, распродаются в магазинах и на улице в лотках.

Сейчас я шла, провожала Зину до их Пассажа. Увидела на лотке толстую книгу «Ленинград», вспомнила, что Вера писала, что очень любит Петербург и купила ее. Но издана она довольно не изящно, да и по содержанию, может быть, не будет Вере интересна. Ну, ничего, посмотрите и отдадите тогда в русскую библиотеку.

<...> Зина, верно, Вам писала, что Викины «Солдаты» получили премию. Причем, очень дико. Сперва сообщили, что [присуждена] вторая премия и отдельно премия – ему, как сценаристу. А через несколько дней все переменили, т.е. фильмы, которые были третьими, стали первыми, а Викина премия стала уже третьей, а как сценаристу – ничего. **

* Очерки «Первое знакомство» выйдут в №№ 7 и 8 «Нового мира» за 1958 г.

** Действительно, 8 июля «Советская культура» сообщала, что по итогам первого Всесоюзного кинофестиваля советских фильмов, выпущенных в 1957 г., первая премия была присуждена художфильму «Тихий Дон», вторая – художфильмам «Семья Ульяновых», «Сестры» и «Карнавальная ночь», а третья – художфильмам «Мы здесь живем», «Солдаты», «Последний из Сабудара», «За лебединой статей облаков» и «Дон Кихот».

На днях в Киеве пойдет Викин второй фильм. Кажется, называется «В городе зажигаются огни». Что-то в этом роде. Первую часть ставил Вика сам (Вика отказался переделывать), а вторую – его «соавтор», весь конфликт с профессором выкинут, а это самое сильное место этой вещи. Зина видела в Ленинграде и говорит, что там красивые виды Киева.* Вика должен был ехать в Брюссель, но почему-то не поехал. В августе конгресс писателей (всемирный, кажется) в Риме, приглашение Вика получил, но не знаю, поедет ли.

С.Н. Мотовилова – Н.А. Ульянову, 10 августа 1958 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Я думаю, что Вере может быть интересно прочесть одну из рецензий о Викином втором фильме и посылаю вырезку из газеты «Советская культура». Вика только ведь начал его ставить, а затем отказался, так как требовали, чтоб все было изменено. Его всячески уговаривал Ленфильм ставить до конца, но, по-моему, он был совершенно прав, отказавшись. Он потерял, кажется на этом 75 000, но деньги ведь для него не играют роли. У него в повести было так: человек приезжает после войны и чувствует себя подавленным и не сразу находит себе место в мирной, послевоенной жизни (как у Ремарка). Старика, хорошего профессора, снимают с работы за то, что он оставался во время немецкой оккупации. А в фильме сделали так: приезжих с фронта встречают *à brasséuverts***, всех приглашают учиться в Вузах, и старый профессор читает лекцию! Ну, теперь фильм «идеологически выдержан» и идет во многих кино. Смотрят, по-моему, охотно, актеры хорошо играют.***

* «Город зажигает огни», режиссер и «соавтор» Владимир Венгеров.

** «С распростертыми объятиями»? (от франц. *brassée* – охапка, взмах обеих рук при плавании).

*** В «Советской культуре» 10 августа была такая информашка:

«Город зажигает огни» – так называется новый художественный фильм, созданный на киностудии «Ленфильм» по мотивам повести В. Некрасова «В родном городе». Автор сценария и режиссер-постановщик – В. Венгеров, оператор – Г. Маранджян, художник – В. Волин, композитор – О. Каравайчук. В ролях снимались актеры: Н. Погодин (Николай), Е. Добронравова (Валя), О. Борисов (Сергей), Л. Алешникова (Шура), П. Усовниченко (Хохряков), Ю. Любимов (Бойков). На днях в Центральном доме журналиста Министерство культуры устроило общественный просмотр нового фильма, который в ближайшее время выходит на экраны.

Как мы видим, В. Некрасов даже отказался от авторства в сценарии и отдал его своему знакомому режиссеру! Ну а 7 августа в той же «Советской культуре» вышла большая рецензия, которую, по-видимому, Софья Николаевна и отослала в Лозанну:

А. Байгушев. На сложных путях жизни (Новая картина «Ленфильма» «Город зажигает огни»)

Ты стоишь на развилке жизненных дорог. Где же она – твоя настоящая! Не всегда сразу пойдешь по ней, даже когда тебе всего 18 и все двери открыты перед тобой. Но если золотая юность уже позади, если уже столько пережито и столько изломано войной, а ты лишь теперь начинаешь искать себя в жизни? Как обостряется тогда эта большая проблема! И от фильма, рассказывающего о возвращении к мирной жизни прошедших войну людей, мы ждали яркого, серьезного разговора о поисках каждым своего любимого, настоящего дела, в повседневном служении которому он обретает счастье.

Повесть В. Некрасова в «Родном городе», по которой режиссер-постановщик В. Венгеров написал сценарий, давала, несмотря на все ее противоречия, материал для такого разговора. Мы узнаем его сразу – героя повести Николая Митясова в исполнении артиста Н. Погодина. Немногословный, еще юношески угловатый, он очень застенчив и невольно кажется бирюком. Вот он неловко сидит среди кухни. Надо же так случиться: после нескольких лет фронта вернулся, наконец, домой – и вдруг на двери [комнаты] замок. У Николая – Н. Погодина насупившееся лицо. Односложно, будто с трудом, отвечает он на наивные вопросы соседского мальчишки. Но по светлой улыбке, что вспыхнула на его лице при одном упоминании имени жены Шуры, по суетливому жесту, с которым он принял предложение мальчишки принести щетку, чтобы перед приходом Шуры почистить сапоги, видишь, как взволнован сейчас Николай и даже будто страшится этого огромного счастья первой встречи после долгой разлуки.

Не знаю, выслали Зина и Вика Вам оттиск его статьи о поездке в Италию. Они уже получили их много и номер «Нового Мира» за июль, но от меня почему-то скрывают. Так как они сейчас в доме отдыха [в Ирпене], то Ганя дала мне этот оттиск прочесть до следующего дня. В прошлом году, когда еще не шел Викин фильм «Солдаты», он показывал его своим друзьям, но от меня тоже это скрыли, хоть Зина за день до этого была у меня.

Окончание примечания

А мальчишка все задает вопросы: «А столик тети Шуры знаете какой? Показать» – «Ну, покажи! Или нет, погоди, я сам угадаю?» (Ну можно ли отказать себе в радости самому узнать вещь, к которой каждый день прикасалась она, его Шура?!) И вдруг... потускнело лицо, поблекли глаза, сжались губы. «А это чье?» – почти неслышно спрашивает он у мальчишки. «Что? Щеточки? Красная – тети Шуры, а желтая – дяди Феди». Так до смешного просто узнал Николай, что жена не дождалась его. С трудом растянул он ворот, не зная, куда деть себя, подошел к окну. А мальчишка все еще наивно разъясняет: «Нельзя же одной щеточкой чистить зубы, правда?». Уже эта первая сцена обещает «большой фильм». Как удивительно тонко сохранил режиссер на экране даже стилистику повести – и ее внешнюю безыскусственность, и тот чуточку минорный, глубинный лиризм, который струился внутри ее. Герои мало говорят. Скупы их жесты. Много строится на подтексте. На контрасте двух-трех обычных, подчеркнуто банальных фраз и глубокой драмы чувств, скрываемой за ними.

А как великолепно подобран актерский ансамбль! Просто трудно себе представить Сергея Ерошика иным, не таким, каким его играет артист О. Борисов. «Курская дуга, четыре «фоккера» на одного «лавочкина» – и вот сбывает теперь артельные тапочки бывший летчик-истребитель одноногий Сергей Ерошик. Грубоватые жесты, та же грубоватая образность речи, но чуткость и теплота слышатся за этой внешней грубостью Ерошика – О. Борисова, когда он говорит с Николаем, с Шурой. С первого знакомства с ним веришь, что не навсегда опустил Ерошик руки, только временно поплыл вниз по течению. Не может такой человек потерять себя, сумеет он крепко стать на ноги!

Чудесна Шура – артистка Л. Алешникова. Она вся внутренне напряжена на трудном повороте своей судьбы. Вот произошла ее долгожданная встреча с Николаем. Снова рядом они, бывшие муж и жена. Внизу перед ними в солнечных лучах родной город. О многом напоминает он им! Шура молчит. Ни слова не скажет она Николаю в свое оправдание. Но сколько прежней чистоты в этом ее полубороте головы, в доверчиво мигающих больших, широко раскрытых глазах. Чуть дрогнули ее упрямые губы: он поймет, он простит все! Но Николай ни о чем не спросил. Шура уходит. И вдруг он зовет. Она остановилась, замерла, боясь поверить, только дрожат плечи: неужели понял, вернул?! Увы, он просто подумал, что она забыла чемоданчик. Шура уходит.

<...> И все-таки ослабевает где-то на половине накал кинокартины. Кажется, что была сделана удивительно лирическая заставка; познакомили нас с героями фильма, и вдруг больше нечего стало режиссеру говорить о них. Нас информируют, что нашел, мол, свое место в жизни, став шофером, Сергей Ерошик [без одной ноги???], что готова связать с ним свою судьбу Шура. А Валя [(вторая героиня фильма, прошедшая фронт, которую играет Е. Добронравова)], верно, найдет свое счастье с Николаем. Николая Митясов готовится поступить в институт. Нам долго и подробно показывают, как трудно укладывались в головы фронтовиков математические «школьные» формулы, как кидали им шпаргалки, ставили тройки, как, наконец, их приняли. Но неужели это все, что можно было сказать о них?

Фильм был задуман как рассказ о поисках вернувшимися фронтовиками своего активного места в нашей жизни, своего большого любимого дела, своего настоящего счастья. Никому не придет в голову упрекать авторов экранизации, что они сделали Сергея Крошика шофером, а не инструктором в аэроклубе, как было в повести. Но беда в другом. В повести Сергей Ерошик, бросив к черту «тапочную компанию», по винтику, по гаечке доставал для аэроклуба самолет; дни и ночи проводил в аэроклубе с подрастающей сменой; сумел заразить своей большой мечтой даже Шуру. В картине же Ерошика наградили фразой: «Твоя академия попроще!» и не показали большой его увлеченности любимым делом.

Так и остался довольно инертным Николай Митясов. Понятно, всего не уложишь в метрах одной кинокартины. Но как можно было при экранизации картины отказаться от главного конфликта повести, который в свое время критика так прямо и определяла: [партийный] Митясов против [члена партбюро и карьериста] Чекменя?! <...> В борьбе Николая Митясова с Чекменем сталкивались два разных взгляда на место человека в жизни. Разоблачение Чекменя на партсобрании было кульминацией всей повести. Здесь торжествовала та большая идея жизни-горения. Из фильма же эта главная идея почти исчезла, даже самого Чекменя нет и в помине. <...>

Ну а не пошедший на службу немцам и существовавший впроголодь профессор Никольцев (арт. Александр Соколов) как ни в чем не бывало стал в фильме вполне себе благополучным персонажем!!!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3 сентября 1958 г.

Милая Вера. Получила сегодня твое письмо. И я, и Зина – мы так рады, что ты поправилась, но ради бога, выходи больше на воздух. В нашем возрасте кислород воздуха нам необходим. Я-то боюсь по зимам выходить из-за скользоты, у меня и так три раза ломалась рука, поломаны ребра и ключицы, но ведь ты же можешь выходить с Ульяновым? Когда Вика дома, он всюду ходит с Зиной, так как боится, что она упадет. У Зины тоже рука ломалась много раз, и срослась под углом. А сейчас меня очень волнует, что у Зины опять появилась опухоль на лбу. Ей делали операцию весной, когда они приехали из Москвы, а теперь опять – такая же опухоль. По-моему, врачи не понимают, что это такое. Зина предложила на этот раз вместо операции сделать какую-то «пункцию»: выкачали, а через два дня опять опухоль! Вчера Зина ходила на рентген, а сегодня звонила, что завтра опять идет на рентген, как-то еще иначе снимут.

<...> Я страшно страдаю от одиночества, я всегда была очень одинока. Может быть, ты помнишь, как когда Зина была в Англии, мама посылала тебя к [Лозаннской знакомой] Pelit, чтоб Лина пришла ко мне? Да, опять воспоминания! Иначе я не могу. Года полтора я переписывалась с Линой, вплоть до ее смерти. Мне очень [тогда] хотелось, чтоб Вы с ней помирились, хоть я не знаю, из-за чего Вы разошлись. Переписка с Линой была для меня большим развлечением, а после ее смерти ее племянник прислал мне сперва faire part [(уведомление)] о смерти, а потом ее последнее письмо, и сам писал, что Лине тоже были интересны мои письма, и последнее письмо, которое она писала, было мне, так он и прислал мне его неоконченным. Ты как-то писала Зине, что у Лины была тяжелая жизнь. Я этого не нахожу, прекрасная жизнь, достойная, содержательная, независимая и, главное, прекрасная старость.

<...> Я ведь привыкла жить в семье, быть загруженной всякими хлопотами и заботами, работать в коллективе, а теперь – полное одиночество. Я уже девять лет живу одна. Зина заходит par acquit de conscience [(для очистки совести)], но ей ужасно скучно у меня, она посматривает на часы, а если мы выходим вместе, она встречает каких-нибудь своих знакомых, начинает с ними разговаривать, хоть знает, что я стоять не могу, и мы расходимся. Ты спрашивала Зину, на что я живу. Я уже двадцать первый год получаю пенсию, сперва она была слишком мала, приходилось подрабатывать. Но год тому назад или два ее увеличили более чем вдвое, и мне ее вполне хватает.

<...> Завтра я вышлю тебе две книги. [Одну – Корнея] Чуковского. По-моему, он очень интересно пишет, не знаю, как ты найдешь. Ему семьдесят шесть лет, он на год моложе меня, но пишет он, по-моему, лучше своего сына [Николая]. Если тебе понравится, я смогу еще одну книгу его послать (у меня есть). Один год, это было еще при маме, я с ним переписывалась. Он очень забавные письма писал, нас всех это развлекало, но и ему я тоже надоела. Вторую книгу я посылаю Тендрякова. Я не выношу вообще читать о колхозах, я их не знаю, и вообще там бывает много подлизывания. Но Тендрякова я прочла с интересом. Это Викин приятель, они жили с ним вместе в Малеевке [под Москвой] зимой. Он моложе Вики на тринадцать лет. Когда я прочла его первую вещь, я написала ему, чтоб он берег свой талант, не шел на уступки. Он мне не ответил. Вика его устыдил, и тогда он мне написал. Сейчас он гостил у Вики неделю или десять дней. Зашел с Зиной ко мне и очень наивно сказал: «Я сам понял, что должен (?) к Вам зайти». Мы с Зиной расхохотались. <...> Я думала, что Тендряков простой крестьянин, а оказывается – сын прокурора, современного, конечно. Он кончил Литературный Институт, но ему, как и большинству наших писателей (и Вике), не хватает общей культуры.*

* К этому времени В.Ф. Тендряков написал несколько вещей «о колхозах»: очерк «Падение Ивана Чупрова» (1953), повести «Среди лесов» (1953), «Не ко двору» (1954) и роман «Саша отправляется в путь» (1956, далее печатался под названием «Тугой узел»).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 сентября 1958 г.

Милая Вера.

<...> Поздравляю тебя с днем именин^{*}. В былые годы мы не придавали этому значения, ну а теперь уж несколько лет празднуем. У Зины бывает в день ее именин от тридцати до пятидесяти (!) человек гостей. Сейчас уже меньше, так как прежде приходили ее сослуживцы по поликлинике. Я всегда считаю всех ее гостей и полученные телеграммы. Я вообще всякие празднования у себя не люблю, но в этот день ко мне приходят шесть-семь человек гостей. Я, конечно, ничего не готовлю, и вообще это для меня трудно. Стульев у меня всего три, ложек и чашек – тоже.

Гости приходят, обычно, заранее и ждут Зину и [домработницу] Ганю с пирогами и всякими угощениями. А Зина и Ганя всегда опаздывают. Затем появляется Зина с Ганей, и начинается сумасшедшая суета. Стол передвигается к кровати, у меня их две, одна детская, и на детской спала Зина (наши ведь вещи все [при отступлении немцев из Киева] сгорели). Но когда они [в 1950 году] переезжали на новую квартиру, я ее им не дала, надеялась, что они купят Зине хорошую кровать. Но, увы, она спит на неудобной раскидачке, а ей ведь восьмидесятый год [идет]!

На следующий день после моих именин обычно я облегченно вздыхаю, что все это «vorüber» и «vorbei»^{**}. К счастью, «прием» у меня бывает раз в год, а у Зины ежедневно гости или они едут в гости. Сегодня Зина уехала за город на именины к своей знакомой, третьего дня они ездили вечером на окраину города, родился ребенок у Викиного «соавтора», который испортил Викин фильм (и получил за это 75 000 р.!).

Перед этим они были на похоронах одной знакомой нашей старухи. Которые это уже похороны у них в этом году – не пересчитать! Я не знаю, как Зина не устает от этой суматошной жизни?

<...> А как понравились Вам воспоминания Вики об Италии? Тут все в восторге. Зина приносит мне письма его читателей. Один писатель из Ленинграда пишет, что хотя большинство [его знакомых] еще на даче, но все, кого он встречает в Ленинграде, уже прочли Викины очерки и «в восторге». Из Москвы пишут, что после Викиных очерков другие очерки о путешествиях стали «не читаемы», говорят, что это возвращение к хорошей публицистике XIX века, и сравнивают его ni plus ni moins [(ни больше, ни меньше)] с Герценом! И всем, кому я давала это [сравнение] читать, они кривятся.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 сентября 1958 г.

Милая Вера. <...> Ты писала, что тебе трудно читать мои письма. Нам трудно вообще с тобой переписываться, ведь мы не виделись с тобой сорок пять лет и жили совсем в других условиях.

Окончание примечания

Какую «первую вещь» прочитала Софья Николаевна, сейчас трудно определенно сказать, по крайней мере, «Падение Ивана Чупрова», «Не ко двору» были напечатаны в «Новом мире», а в 1956-м вышел сборник «В колхозной деревне», куда вошли, в т.ч., и эти два его произведения. «Саша отправляется в путь» тоже был напечатан в «Новом мире». Несколько позже С.Н. Мотовилова сможет прочитать и ряд военных рассказов: «Солнышко» и «Письмо, запоздавшее на двадцать лет» будут напечатаны в «Новом мире» №9 за 1963 г.

По поводу отца-прокурора писателя В.Ф. Тендрякова есть в Интернете сюжет о том, как первый потребовал в 1937 г. дать агроному срок в 20-25 лет! (samlib.ru/l/lola_m_w/agronomsewernogokraja.shtml) Своего отца Владимир Федорович упомянул в двух рассказах: «Пара гнедых» (летом 1929 г. руководил раскулачиванием в селе) и «Хлеб для собаки» (летом 1933 г. занимал ответственную должность и получал хороший паек).

^{*} 17/30 сентября – «Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья».

^{**} «Мимо» (vorüber sein, vorbei sein – миновать, пройти).

<...> В августе прошлого года Страда приехал на фестиваль, ну, и ошалел от восторга, что у нас в России [[происходит](#)]. Затем, уехав в Италию и не получая визы, сперва два месяца итальянской, потом два месяца нашей, немножко очухался от своего восторга. На фестивале он, очевидно, влюбился в какую-то нашу девицу. Теперь женился на ней [(на [Кларе Янович](#))]. Он с гордостью говорит, что она «сибирячка». Она, как и он, филологичка, окончила университет. Ты знаешь, у нас студенты не только даром учатся, но еще получают стипендию все время учения в течение четырех-шести лет, в зависимости от факультета, который кончают. Но по окончании они должны ехать, всего на три года, туда, куда их посылают. Я думаю, что это совершенно правильно. Говорят, что содержание одного студента за все время его учения обходится в 40 000. Но многие девицы, окончив вуз, выходят замуж, их называют «сорокатысячными женами».

Вот, около меня, в комнате, которая раньше была наша, жил семь лет украинский поэт (это Вика ему передал свою комнату, когда получил квартиру), а жена его окончила юридический факультет, но не работала, а занималась только хозяйством, готовлением, стиркой. Ну, вот на такой «сорокатысячной» девице Страда и женился. Викины приятели, переводчики, говорят, что она вышла замуж, чтоб не уезжать из Москвы. Тендряков говорил мне, что она совершенно глупая. Ну, одним словом, его жену в Москве не прописывали. Не знаю, чем все это кончилось.

Сейчас в Риме – нет, в Неаполе идет всемирный, кажется конгресс писателей. Вика не послали, наша делегация очень маленькая. Но там Викин приятель «Жоринька», переводчик, о котором пишет Леви в своей книге и который изображен на обложке его книги о России*.

<...> Через три дня Зинины именины. И вот каждый год я уже заранее волнуюсь: будет ли в этот день Вика дома? День Зининых именин всегда у нас праздновался. Я почти каждый год вспоминаю, как мама к этому дню готовилась, например, ездила печь пироги на дачу [[в Ворзель](#)]. У нас не было дров, [[печка была испорчена](#),] а там мама в лесу собирала хворост и пекла у знакомых.

И тогда, в двадцатые годы не было классных вагонов, надо было ехать в теплушках. И маме, тогда уже старухе, трудно было влезть. [[Но маме помог один железнодорожник, он в тот же год умер от сыпного тифа.**](#)] Мы с утра пошли тогда встречать маму на вокзале, но все обошлось благополучно. Боже, сколько энергии, сколько любви к своему дому было у мамы! И как героически она переносила все лишения после революции. Но самое ужасное для меня то, что мама умерла в самый тяжелый период нашей жизни, во время немецкой оккупации. Мы голодали, да как! Ты этого не понимаешь, так как сама не пережила. Ну вот, опять я съехала в старину.

Для Зины в день ее именин самое главное, конечно, чтоб Вика был дома, и это же главное для всех их гостей. Все хотят видеть «знаменитого писателя». А он норовит в этот день куда-нибудь уехать или уйти, так как не любит Зининых гостей, наших старых знакомых. В прошлом году за пять дней до Зининых именин он улетел в Москву. Не потому что у него было дело или его вызвали, а просто так. Ну и агонизировала же я! Прилетел 24-го [[сентября](#)], в пять часов вечера, ну а если бы была нелетная погода?

* Карло Леви (1902-75), итальянский писатель, живописец, общественный деятель. Книга «У будущего – древняя добрая душа» – дневник поездки писателя в «страну будущего», СССР. Сие издание (*Il futuro ha un cuore antico*, Einaudi, 1956) так и не было переведено на русский язык. «Жоринька» – это переводчик, литературовед и лингвист Георгий Самсонович Брейтбурд (1921-1976). Как сообщил А.Е. Парнис, «Виктор Платонович с ним был одно время дружен. Когда выяснились подробности о его связи с органами, ВП прекратил с ним знакомство». О «чекистской деятельности» Г.С. Брейтбурда среди советских писателей см., напр., (www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1706).

** Повтор сюжета – в письме В.Н. Ульяновой от 21 октября 1965 г. (см. ниже).

Сейчас у меня очередной «разрыв сношений» с Зиной. Это довольно часто повторяется. Стоит мне сказать что-нибудь в осуждение Вики, Зина обижается, начинает судорожно хватать свои вещи, как будто кто-нибудь за ней гонится, с грохотом бросает мою дверь и уходит. Я всегда думаю: «Навсегда это или нет?» Обычно дней через пять или неделю она вновь появляется у меня, и все по-старому, до нового «разрыва сношений». Сейчас я даже рада ему, так как мне трудно было бы не показать ей мою агонию: будет ли Вика дома или нет? Она говорит, что ей это все равно, но, конечно, ей больно. Я уже, верно, писала тебе.

Знаешь сказку Андерсена [[«Снежная королева»](#)]? Был милый мальчик, любил свою бабушку, вдруг злая фея бросила ему осколок зеркала, и он невзлюбил свою бабушку и всех близких. Вот это в каком-то возрасте произошло с Зиниными детьми [[Колей и Викой](#)]. Все домашнее им сделалось противным. Мне казалось, что у меня с Викой были всегда хорошие отношения, никаких ссор у нас никогда не случалось. Вдруг, когда ему было уже двадцать восемь лет (до этого возраста он ведь не уезжал из дома), он мне заявляет: «С тех пор, как я помню себя, я всегда тебя ненавидел». Потом эту же фразу он мне повторил, когда ему было уже тридцать восемь лет. Это счастье, что нам удалось разъехаться. За девять лет, что я живу одна, он ни разу не заходил ко мне, а на улице, когда встречаемся, не здоровается. Ты, верно, должна его понять, ты ведь тоже писала маме, что я отравляла твою жизнь дома.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 октября 1958 г.

Милая Вера.

<...> В моей жизни так мало бывает «событий», что расскажу о двух последних. Во-первых, мои именины. Я заранее агонизирую. Зина успокаивает: «Чего ты волнуешься? У тебя будет полтора человека гостей». Увы! 30-го было гостей четырнадцать человек! А 1-го и 2-го еще! Слава богу, *vorüber* и *vorbei*, до следующего года. На этот раз Зина разумно часть угощений мне принесла 29-го вечером, помадку, [[нрзб.](#)]. А утром 30-го Ганя принесла сладкий пирог, я ее попросила нарезать и хорошо сделала, так как я от старости стала страшно бестолковой (и Зина тоже), и все три мои ножа вечером были потеряны!

Я все готовлю в своей комнате на электричестве, на кухню не хожу, а тут как назло в 9-10 часов вечера у всех горит [[освещение](#)] и [[поэтому](#)] слабое напряжение тока. Мои чайники нагревались больше часа. Угощение на столе, гости приходят в нетерпение: когда же чай?

Уверяют, что у меня испорчены мои электроприборы, я уже не знаю, *où donner de la tête* [[\(куда голову приклонить\)](#)]. Зина благородно приходила и утром, и вечером занимать моих гостей, она же у меня играет роль свадебного генерала. Гвалт стоял невероятный: Зина глухая, я глухая, гости тоже не очень-то слышат. А я как назло села к моему соседу глухим ухом, ничего не слышу! В 11 часов благополучно все ушли, и я занялась перемыванием посуды. Это немцы у нас, когда мы были в оккупации, все пели, т.е. [[их](#)] радио пело: «*Es ist alles vorüber, es ist alles vorbei*»^{*}. Ну и я теперь заранее, когда о чем-нибудь волнуюсь, жду, чтоб было *vorüber* и *vorbei*!

^{*} Оригинал припева немецкого шлягера «Все проходит...» таков:

Es geht alles vorüber, / es geht alles vorbei, / auf jeden Dezember / folgt wieder ein Mai, / es geht alles vorüber, / es geht alles vorbei, / doch zwei, die sich lieben, / die bleiben sich treu.

Или:

Все на свете проходит, / все на свете пройдет, / за декабрьским морозом / солнце мая придет. / Все на свете проходит, / все на свете пройдет, / только верность сердец / неизменна всегда.

Другое мое событие. Это уже совсем «колоссальное»: здесь был мой «итальянский внук». Это я так назвала Викиного итальянского переводчика. <...> Вика (он что-то важное в обществе «Италия-СССР») развозил итальянских поэтов по Киеву, показывал им все наши достопримечательности. В три часа был обед в Союзе писателей со спичами, вечером итальянские поэты читали свои стихи в университете, а украинские – свои переводы их. Зина убедила меня пойти в университет. Отвезли меня туда в такси, привезли обратно в такси, но это было ни к чему. Я ничего не слышала, ничего не понимала, и только через день, когда один мой знакомый прислал вырезку из московской газеты, я узнала, что происходило в зале университета, где я была, кто что говорил. Да, впрочем, и я, и Зина слышали выступление Вики. Он говорил громко и по-русски. Да, так Страду Зина привезла ко мне между поездками по Киеву и обедом в Союзе писателей, на полчаса. Он оказался совсем не таким, как я его представляла. Не знаю, что сделалось с ним в «нашем Эльдорадо». Ну, извинился, что мне не писал и затем с отчаянием сказал: «Это ужасно, у вас непрерывно пьют, то водку, то вино». Я испугалась, как бы и мой «итальянский внук» не стал пьяницей (Вика отчаянно пьет, я не видала, а это мне рассказывают). Но Страда заявил: «Этого никогда не будет!».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 октября 1958 г.

Милая Вера.

<...> Я сейчас кончила читать Кочетова «Братья Ершовы»^{*}. Это Зина мне подарила, а я хочу тебе послать. Зина советует – лучше не посылать, тебе не будет интересно. Один критик писал Вике, что навряд ли будут рецензии на Викино «Первое знакомство», «так как весь фимиам ушел на восхваление Кочетова». Ну, меня, конечно, заинтересовало: что это за книга, на которую ушел «весь фимиам» наших критиков. Ты знаешь, что Викиного «В родном городе» вышло всего одно издание и тираж 30 000. Это страшно мало для нас. Ну, а Кочетова, одно только издание в «Роман-газете» – тиражом 500 000!

Этот роман написан как бы в pendant [(здесь – в контрастное дополнение к)] «Оттепели» Эренбурга и «Не хлебом единым» Дудинцева, но только тут все наоборот.

Листок из письма С.Н. Мотовиловой В.Н. Ульяновой

[(без даты, предположительно октябрь 1958 г.)]

<...> У меня теперь большое развлечение: Зина мне приносит письма Викиных читателей «Первого знакомства». Пока письма главным образом из Москвы и Ленинграда, где публика более культурная. Это полный восторг, пишут всякие люди и писатели и критики, очень длинные, подробные письма, а рецензии в журналах до сих пор ни одной. У нас октябрь, а вышло это в июле и августе.

^{*} Что касается самого Всеволода Анисимовича Кочетова (1912-1973), то это был третьестепенный советский писатель, исправно плодивший псевдореалистические романы, в которых тематизировались советские идеологемы. В романе «Братья Ершовы» Кочетов показал сплоченный рабочий коллектив как носителя передовых идей и среду художественной «гнилой» интеллигенции как носительницу идей ревизионистских. Возможно, такова была реакция на события в Венгрии. Но даже «Правда» (1958, 25 сент.) поправила его, заметив, что «настроения эти затронули значительно меньший круг творческих работников, чем показано в романе». Поправки «Правды» характерны: Кочетов всегда святее папы и всегда выражает мнение самых реакционных слоев ЦК и «органов». Все знали, что если основная масса советских писателей смотрит на жизнь глазами идеологического отдела ЦК КПСС, то у Кочетова на все точка зрения КГБ. – Михаил Золотоносов. Всеволод Кочетов: судьбодоносный роман и его автор // Еженедельник «Дело», 13 июня 2006 г.

Критики, которые изливают свой восторг Вике, могли бы написать рецензию? Нет, боятся. Ужасно у нас пуганные вороны. Знаешь поговорку: «Пуганая ворона куста боится»? Но восторг всеобщий от Викиного очерка, особенно у пожилых культурных людей, бывших за границей. Третьего дня Зина принесла мне тринадцать писем читателей: есть из Франции, Чехословакии, Италии. Среди них письмо Ульянова, я нашла, что это самое интеллигентное и культурное письмо, хоть смысл тот же, что и у других.

Ульянов мог бы быть критиком. Я например нахожу, что в Викиных вещах нет конструкции (как у Тургенева, Короленко и т.п. – все законченно), а какой-то винегрет или вермишель. А Ульянов это же самое называет «мозаикой». Хорошо звучит.

Из писем Викиных читателей.

Прислано из редакции «Нового Мира»

4-X-1958

Уважаемый тов. редактор.

Мне хочется поблагодарить редакцию журнала «Нов. Мир» за опубликование путевых впечатлений Виктора Некрасова в 7 и 8 номерах. Среди огромного количества стандартных, безвкусных путевых заметок, похожих друг на друга, как родные братья, написанных к тому же дурным языком, выделяется только несколько вещей. Это Образцов – «О том что я увидел в Лондоне», заметки Эренбурга о Японии и Индии и «Первое знакомство» Некрасова. У Некрасова сочетается живость описания с глубокими раздумьями писателя, очень большая теплота в обрисовке наших заграничных друзей с тонко подмеченными чертами, специфическими для Италии. Прошу Вас передать мою благодарность автору заметок – одному из лучших русских современных прозаиков и пожелать ему дальнейших успехов.

Дальше подпись и адрес: какой-то аспирант педиатрического [педагогического? – МК] Института. Еще из одного письма читателя выпишу несколько строк. Дело в том, что он говорит то же, что и другие: что после прочтения Викиного очерка, создается впечатление такое, точно сам побывал в Италии:

Вы добились труднейшего: ощущение такое будто сам видишь всех людей, разговариваешь с ними, а не автор, настолько четко, ярко и культурно передаете все.

Это утверждает писатель, прозаик.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 октября 1958 г.

Милая Вера.

<...> Я затеяла переписку с Любой Пятницкой, но что это за переписка, когда она отвечает через четыре месяца! Ты, верно, с ней тоже переписываешься? Мне ее очень жаль: живет одна [в Париже], а ее дочка ей почти не пишет и живет где-то на юге Франции.

У меня есть только одна идеальная корреспондентка Машенька [Володина в Тамбове], дочь тети Анюты. Ты помнишь, у тети Анюты было четверо детей: Мишенька, Машенька, Надя и Лена [(мать Лены Игнатович)]. Лена была младшая и самая хорошенькая, но она давно уже умерла. А Миша и Надя пропали после войны: то ли их бомбой убило, то ли не знаю что. Миша и Надя бывали у нас в Киеве, а Машеньку я никогда не видела, ни она – меня. И вот мы переписываемся с ней уже десять лет, с тех пор как умер ее муж. Она, бедная, очень нуждается, живет со своей дочкой, которая в этом году кончает музыкальную школу. Есть у нее еще сын, но у него своя семья: жена и двое детей. Живет он во Владивостоке, военный инженер. Свиная такой: матери совсем не помогает.

Каждые десять дней я получаю письма от Машеньки, где она рассказывает мне все свои дела. Жизнь у нее очень трудная. Как все Мотовиловы она совершенно непрактична и страшно одинока. Но с ней можно переписываться только о житейских делах. Литература, которая меня так интересует, ее и дочку мало трогает.

А я сейчас бурно переживаю Нобелевскую премию поэта Пастернака. Наш поэт получил Нобелевскую премию. Казалось бы, надо этому радоваться. Я, было, хотела послать ему поздравление. Вдруг открываю «Литературную газету», и там его ругают на трех страницах! Я специально купила этот номер себе и тебе. Называют его и «Иудой», и «предателем», и вообще чорт знает чем. А виноват он только в том, что его роман, который не хотели у нас печатать, напечатали за границей. Я даже уверена – без его ведома!*

Я с ним служила когда-то в Москве в Наркомпросе или, как это тогда называлось, Центральном Комиссариате Просвещения. А начальством у нас был Брюсов. Пастернак очень недолго был у нас. Это еще когда Ульянов жил в Москве, в 1918-м. Талантливый поэт, талантливый музыкант (отец его – художник, [это] его иллюстрации к «Воскресению» Толстого»). В музыке и поэзии я ведь ничего не понимаю, но как человек он мне симпатичен. Его романа, из-за которого на него [обрушилось] столько ругани, я, конечно, не смогу прочесть – у нас печатать не будут. А у Вас Вы его легко достанете, на каком-нибудь, если не русском, языке. Напиши мне тогда о нем и как он тебе понравился.

После восьми дней, что Зина не приходила ко мне, вчера она вновь появилась у меня, принесла остатки угощений с ее именин. По-видимому, Вика был дома, и все сошло «честь честью». Было 29 человек гостей, Зина получила 19 поздравительных телеграмм, и их комната утопает в цветах. Зина жалеет, что все [цветы] белые. А, по-моему, так красивее. Я у них, конечно, не была, послала телеграмму Зине. Пиши! Тебе же, как и мне, нечего ведь делать, а все-таки письма – какое-то человеческое общение.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 октября 1958 г.

Милая Вера.

<...> В 1950-м году [мой бывший «жених»] Сергей Васильевич [Андропов] предложил мне переписываться (он умер года три тому назад). Я его видела тогда в 1950-м проездом через Москву. Он выглядел страшно дряхлым, хоть ему было всего семьдесят восемь лет, как мне теперь, и что мне было ужасно – он все забыл! Надо же! Вот тебе и глубокие переживания! У него развился страшный склероз. После смерти жены он десять лет не выходил из комнаты, и окна были все заклеены, не открывались [летом]. Я у него не была, но Зина рассказывала, я ее просила, когда она бывает в Москве, заходить к нему. В нашем возрасте самое главное – свежий воздух [и прогулки], иначе усиливается склероз.

* С.Н. Мотовилова здесь ошибается, но она в этом не виновата: рукопись «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернак сам вручил в Переделкине весной 1956 г. литературному агенту Джанджакомо Фельтринелли – Серджо Д'Анджело для переправки ее за границу, а отказ коммунистического (!) издательства Фельтринелли согласиться на требование СССР не публиковать его – на страницы советских газет тоже не могло попасть!

«Переживать» она могла, читая «Литературку», где 25 октября 1958 г. (после объявления Нобелевского комитета от 23 октября) появилась подборка материалов (на 2 с лишним полосы формата А3): «Провокационная вылазка международной реакции», «Письмо членов редколлегии журнала Новый мир Б. Пастернаку» за подписями Б. Агапова, Б. Лавренева, К. Федина, К. Симонова, А. Кривицкого (одновременно печаталось в №11 «Нового мира»). А 28 октября было опубликовано постановление президиума правления Союза советских писателей (ССП) и других совбюрократических писательских структур «О действиях члена ССП Б.Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя»; 1 ноября – подборка писем с мест «Советские люди осуждают...» (типа, «я Пастернака не читал, но заявляю свой решительный протест!»).

И вот, когда мы вернулись из Симбирска в 1950 году, Сергей Васильевич прислал мне письмо, звал меня переехать в Москву (?!), но потом предложил переписываться. Я обрадовалась и начала посылать ему длинные письма (люблю вспоминать прошлое). Увы, на два последних письма он не ответил. Писал, что попросит племянницу жены (они жили вместе) ему их прочесть, а то какая-то «милая дама», которая к нему ходит, сказала, что ему «вредно читать мои письма».

От склероза мозга ему трудно было вообще читать, хоть глаза были совсем здоровы. Отношение его ко всей нашей действительности у него было, как у «доктора Живаго» (судя по критике на эту книгу): все бранил, особенно ненавидел радио.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4-10 ноября 1958 г.

Милая Вера. Тщетно жду от тебя ответа на мои три октябрьских письма. Поблагодари Ульянова за присылку его статей.

Я очень далека теперь от геологии: предполагаю, что Ульянову интересно не мое мнение, а мнение настоящих геологов и чтоб я его статьи куда-нибудь передала. Прошлый раз я понесла его два отиска [\[на французском языке\]](#) в библиотеку геологического института Украинской Академии наук. По-моему, там место подобным статьям (хоть там читают геологи). Было это лет десять тому назад. Библиотекарша там, по-моему, была дура и напугалась моих книг, точно я ей бомбу принесла. Отказалась их принять и посоветовала отдать в общую библиотеку Украинской Академии наук.

Теперь она уже не библиотека Академии наук, а называется публичной, т.е. крупнейшая республиканская библиотека, ну как национальная библиотека во Франции, библиотека им. Ленина в Москве и библиотека Салтыкова в Ленинграде. Книги Ульянова я туда отдала, но проверить долго не могла, включили ли их в каталог.

Дело в том, что неизвестно почему все иностранные каталоги были изъяты из пользования читателем! Но, слава богу, год или два тому назад для иностранного каталога отвели маленькую комнату.

Ну, вот я сегодня прошла туда и проверила. В доказательство того, что книги есть в каталоге, посылаю их названия с номерами. Но дело в том, что каталог-то поставили алфавитный! Вероятно, все люди, знавшие языки в библиотеке, уже умерли, ну а эта молодежь, которая теперь работает, не может книги отнести к определенному отделу, так как не понимает, что там написано. Вероятно, со временем будет и систематический каталог.

С знанием языков у нас ужасно. Я ведь работала в нескольких научных учреждениях в качестве библиографа, просматривала новые иностранные журналы. Но кроме двух-трех старых профессоров никто этих журналов не читал. И хоть я давала переводы заглавий на каталожных карточках, все равно почти никто иностранной литературы не читал. Ужасно! А прежде наши русские ученые изумляли всех на международных съездах своим знанием языков.

Вика наш тоже хорош! Французский забыл, немецкий учил в школе – не знает, английский... все детство брал частные уроки у лучших Киевских учительниц, потом учил его в Строительном Институте, поражая своим хорошим произношением и знанием языка свою преподавательницу. Я ее теперь иногда встречаю, и она всегда вспоминает его. У Вики большие способности к языкам, и теперь, когда его посылают за границу, так бы ему это знание языков пригодилось, да и вообще, мог бы их подучить теперь, все равно ведь ничего не делает. Как архитектор он был в высшей степени талантлив, это знали и его профессора и, главное, товарищи. «Его гениальные линии», – говорил один из них. Ну, и что же? Бросил.

<...> Знаешь, почему я тебе пишу? Зина просила меня сделать для Вики перевод из итальянской газеты. А мне это ужасно трудно. И итальянский я забыла, и словаря хорошего нет, и совершенно мне не понятно, и боюсь переутомиться. Делается у меня тогда какой-то спазм сосудов, падаю, головная рвота. Боже, я так счастлива, что у меня пенсия, на которую могу жить, и не надо мне больше ни работать, ни подрабатывать.

Я тебе пошлю на днях очень интересную книгу – воспоминания Прахова о художниках. Это наш и, особенно, Вики хороший знакомый, он много лет пытался где-нибудь напечатать свои воспоминания.

И никто не хотел печатать, вероятно, потому что там рассказывается о том, как писали иконы для Владимирского собора и Кирилловской церкви [в Киеве]*, и о Мамонтове (меценате, выдвинувшем многих художников и музыкантов), Шаляпине и др.

<...> Кажется, этим или прошлым летом я была у [Н.А.] Прахова, и он с радостью сообщил, что наконец его воспоминания печатаются. Я порадовалась за него, ему было уже свыше восьмидесяти лет! Книга его вышла, но сам он ее не увидел, умер за полгода перед этим.

<...> Зина опять заболела. Очевидно, грипп. Ну, я пошла ей отнести этот злосчастный перевод. Зина ходит, но охрипла, насморк, так что сидит дома. Очевидно, огорчена, не может идти на вечер в свою бывшую поликлинику. У нас пенсионерам почет и уважение, и их старые службы приглашают на праздники их к себе. Вика дома, т.е. не уехал. Когда я у них была сегодня, его дома не было, к счастью.

[Домработница] Ганя готовится к празднику 7-8 [ноября], варит, жарит, печет. Очень горда и довольна, что Зина ей подарила вязаную кофту, заграничную и очень дорогую [привезенную Виктором Платоновичем?]. Сперва ее Зина мне подарила. Я никуда не хожу, на что мне бледно-голубо-зеленая кофта? А Зина – комична, приносит мне ее и говорит: «У тебя был хороший цвет лица, тебе этот цвет подойдет».

Хороший-то цвет лица у меня был в семнадцать-восемнадцать лет, т.е. полвека, нет шестьдесят лет тому назад. Иногда Зина негодует: «Ты же [в Швейцарии] по горам хорошо ходила, а теперь с тротуара не можешь сойти!» Узнав, что я кофту не буду носить, на меня набросились все мои знакомые, чтоб я им продала. Зина возмутилась, купила ее у меня (!), подарила Гане. И Ганя счастлива, это для нее вопрос чести.

<...> Прихожу домой [10 ноября], на столе негодующая записка от Зины: «Где ты по ночам ходишь?» А была-то всего половина седьмого вечера! Сама-то она каждую ночь куда-нибудь идет, то на концерт, то в гости. Я бываю так рада, когда я опять у себя дома. У тебя, кажется, тоже на старости лет такая привязанность к дому своему?

Вечером ко мне пришли две знакомые докторши, очень милые. Вообще я люблю тех знакомых, которые у нас были еще при маме и которые знали маму. Сидим мы, пьем чай, вдруг появляется Вика: «Где ты была?» Нравится тебе этот контроль?

Мои старушки всячески упрашивали его побыть хоть несколько минут. Одна из них – восьмидесяти трех лет, его обожает, знает его с детства, лечила его когда-то, хотела поделиться с ним своими впечатлениями от его писания. А он все пятится к двери, уверяет, что ни минуты не может остаться. Так и ушел, ни слова им не сказав. А за день до этого принес мне угощение. Ганю, верно, не пустил, чтоб она мне чего-нибудь не рассказала о них.

* По-видимому, речь идет, в первую очередь, о древнерусских фресках Кирилловской церкви, которые были восстановлены в 1880-х под руководством Адриана Викторовича Прахова и при участии М. Врубеля, а затем уже о четырех иконах для этой же церкви, а также о росписи собора св. Владимира при участии В. Васнецова. А воспоминания написал сын А.В. Прахова, художник и искусствовед Николай (1873-1957) – Прахов Н.А. Страницы прошлого. Киев, Изомузгиз, 1958

У них там что-то происходит, что он очень нервничает. За девять лет, впервые, я решила его о чем-то спросить. Ни слова не ответил, повернул [ко мне] спину и ушел. Любезен? Нда! <...> Ну, я думала, что Вику внизу ждали. Ничего подобного! Просто Зина беспокоилась – что со мной? Телефон не у меня, а соседей, а их не было дома, дозвониться не могла. Хотела ко мне идти, и очень жаль, что не пришла, посидела бы с моими гостями, нет – Вика примчался.

<...> Ульянов когда-то в Мюнхене давал уроки мальчикам Кистьяковским. Один из них теперь очень крупный ученый в Америке (это Горя), а второй, Саша, профессор зоологии нашего Киевского университета.* А младший сын Миша погиб. Это был Викин главный товарищ детства. Он поехал в Крым, в первый раз в жизни увидел море, захотел купаться – море было бурное, и он утонул.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 ноября 1958 г. Милая Вера.

<...> Были годы, когда мы нуждались, при маме, и ты присылала все время и посылки, и деньги. Теперь наоборот. У Ульянова небольшая пенсия, а у Вики сотни и сотни тысяч, которые он раздает направо и налево всяким своим «друзьям», т.е. всяким мерзким приживалам и паразитам. А эта дрянь – паразиты – не стесняется, ездит на его деньги на курорты, летает взад и вперед по всему [Советскому] Союзу, в то время как тебе не удалось побывать в Риме, куда тебе хотелось поехать.

* Родители. Отец – Богдан (Федор при крещении, священник посчитал предложенное родителями имя Богдан неправославным!) Александрович Кистьяковский (1868-1920) родился в Киеве в семье профессора Киевского университета, юриста, криминалиста и руководителя украинского национального движения Александра Федоровича Кистьяковского и Александры Ивановны, урожденной Михель. С 1888-го по 1892 год последовательно исключался из Киевского, Харьковского и Дерптского университетов за участие в подпольных кружках и студенческих волнениях. В 1895 г. выехал за границу: обучался в Берлинском университете, Сорбонне, Страсбургском университете – в 1898 г. защитил диссертацию по философии «Общество и индивидуальность». В 1899-м вернулся в Россию и женился на Марии Вильямовне Беренштам, они стали жить в Петербурге. В 1900-м Марию Вильямовну арестовали и выслали из Петербурга, ей было запрещено проживание в «трех столицах». Поэтому Кистьяковские поселились в Боярке под Киевом и провели там зиму 1900/01 года. В 1901-1902 гг. Богдан Александрович занимался по юриспруденции в Гейдельбергском университете, вызвал туда и семью. Часто выезжал за границу для продолжения обучения и в дальнейшем. Жил в Вологде (куда сослали его жену), Петербурге, Киеве, Москве. Публиковался в журналах, участвовал в создании «Союза освобождения». В начале XX века отошел от марксизма. С 1917 г. профессор Киевского университета. В 1919 г. был избран действительным членом только что созданной Украинской Академии наук и вместе с ее президентом В.И. Вернадским совершил поездку в Ростов-на-Дону к А.И. Деникину с целью защиты интересов академии, во время которой заболел, перенес операцию и умер в Екатеринодаре.

Мать – Мария Вильямовна Кистьяковская (урожд. Беренштам или Бернштам; псевд. Верен М.В.; 1869-1932), литератор. Вместе с Н.К. Крупской преподавала в рабочих школах в Петербурге; за то, что занималась противоправительственной деятельностью, была выслана в Вологду (амнистию получила в 1904-м). Ее перу принадлежат несколько книг по педагогике, в том числе: «Рассказы о борьбе человека с природой» (с 1897 по 1927 г. книга выдержала 7 изданий), «Первый опыт свободной трудовой школы «Дом свободного ребенка»» (М.-Пг., 1923; Изд. 2-е: М., 1924. В соавторстве с Е.Е. Горбуновой-Посадовой).

«Мальчики Кистьяковские»: Георгий (Джордж) Богданович Кистьяковский (1900-1982) – американский доктор физики и химии, один из руководителей Манхэттенского проекта, советник Эйзенхауэра по науке; Александр Богданович Кистьяковский (1904-1983) – видный украинский биолог, ориентолог, доктор биологических наук, профессор. Всего у Кистьяковских было 6 сыновей. – Из Интернета

<...> Но от нас (я уже несколько раз осведомлялась!) ничего посылать за границу нельзя, ни денег, ни посылок, только книги. Самое обидное, что у Вики ведь много денег за границей, от издателей его переводов. Но он тоже не имеет права их получать, т.е. сюда почему-то их пересылать нельзя. Он имеет право их получать, только если сам находится в той стране. Это я все знаю больше от Зины и одного Викиного товарища. Вика со мной не разговаривает и, как я тебе писала в последнем письме, даже на мои прямые вопросы не отвечает. Повернул спину и ушел.

<...> Да, сегодня день Викиных именин^{*}. В 1928-м году мама хотела как раз к этому дню, когда ехала из Швейцарии, приехать к нам [в Киев] (но приехала только 25-го). Ее задержали тогда на границе, безобразно забрали все что могли, до теплых панталон включительно. А была осень, и маме был уже тогда 71 год! Ну, теперь, вероятно, у нас таких безобразий уже нет. А тогда ведь нам пришлось подавать заявление во ВЦИК, так как еще какой-то штраф (в 2 000 [руб.]!) наложили. ВЦИК этот штраф снял, конечно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 декабря 1958 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас получила три письма. Это у меня редкая *bonne aubaine*^{**}. Одно из них от Любы [Пятницкой]. Ты ведь знаешь, что ее Лена вышла замуж за своего Бистера. Он фотограф и, кажется, артист в своем деле. Зине как-то Любочка что-то из его снимков прислала – изумительные! Лена с мужем живут на юге Франции, для заработка. У них там своя квартира. Люба к ним ездила в прошлом году, но пишет, что в этом году не поедет, так как там нет отопления, и она мерзла. Люба уверяет, что во Франции климат изменился. Живет Люба [в Париже] одна с двумя котами, жалуется, что их надо выпускать по три раза погулять. Но Люба нисколько не страдает от одиночества, уверяет, что у нее так много дел, что она не успевает все сделать. Еще она бранит современную медицину, лекарства и пишет, что лучше обращаться к «*guérisseurs*»(?). Что это такое – знахари?

А я страшно страдаю от своего одиночества! Главное, всю жизнь была одинока, но тогда ведь впереди было будущее, а теперь... Кроме того, последние годы, от 1918-го до 1950-го, я привыкла жить в семье, быть перегруженной всякими делами, ну и службой. У меня бывало по три-четыре службы зараз! Последние годы – только одна. После войны у нас был введен восьмичасовой день и обязательный часовой перерыв. Так что с ходьбой туда и обратно это отнимало десять часов. Ну, а потом масса времени уходила на получение пайков, готовление на всех.

Ведь Ганя к нам приехала только в [19]48-м году^{***}, а дом-то у нас все время был полон Викиными приживалами, не говоря уже об их гостях. Приживалы жили годами у нас, а гостей – без конца. И на всех-то я готовила, я же стояла за пайками! И еще дрова приносила.

Ну, а теперь совсем одна. В этой квартире я живу пятнадцатый год. Кроме меня тут живет еще двадцать человек, было двадцать три, но трем семьям дали уже отдельные квартиры (но на их место приехали другие) и теперь только двадцать [жильцов]. Но с этими соседями я ничего не имею общего, даже их по имени не знаю. Иногда кто-нибудь из них зайдет ко мне сделать ему немецкий или английский перевод или взвесить что-нибудь на моих весах. Весы есть только у меня.

^{*} На самом деле, это последние именины Викторов в году, поскольку они могут отмечаться: 23 февраля; 2 апреля; 1 мая; 29 сентября; 24 ноября и даже еще чаще!

^{**} Удачная находка, неожиданная прибыль, в общем – «везуха».

^{***} Оказывается Ганя, или Анна Ивановна, которая приехала в Киев из деревни в 1930 г., была племянницей Моти (Матрены?), прежней домработницы Мотовиловых-Ульяновых.

Слава богу, у нас центральное отопление, всегда ровная и хорошая температура, у меня постоянно открыта форточка. А бедная Любочка [в Париже] возится с топкой печей, значит, дрова носит и пр.

Я тебе очень благодарна за [присланный французско-]итальянский словарь. Он мне очень удобен, шрифт хороший. А то Зина мне подарила французскую библию. Уже лет десять она у меня, а читать ее не могу, такой мелкий шрифт, надо ее читать с лупой!

<...> Вот Люба пишет, как tante Emilie жила в Богурне и как все дети ее жалели, потому что тетя Соня вечно над ней насмехалась, и Сонечка была с ней очень груба и как-то бросила в нее калошей. Я этого не помню. Верно, это было, когда я уже жила в Веймаре, в 1898-м году.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 декабря 1958 г.

Милая Вера.

<...> У нас сейчас выставка Рериха. Ты помнишь его картины по выставкам «Мира искусства»? Выставки и в Москве, и в Ленинграде, и у нас пользуются большим успехом.

Завтра приезжает его сын и будет говорить о нем (в 6 час вечера), но это уже такое время, когда я боюсь выходить. Зина, верно, пойдет со своей приживалкой [Ниней Аль].* Вика в Москве. Они все скрывают от меня, тоже [мне] психоз! Но от знакомых я узнала, что Зина через неделю думает ехать в Москву.

<...> Я тебе писала, что Зина для тебя купила две книги Репина и учителя Левитана, ах да, вспомнила – Саврасова! Я все ее спрашиваю, послала ли она тебе. Она от этих напоминаний приходит в бешенство, кричит: «Не мешайся в мои дела» или: «Это не к спеху». Но я боюсь, что кто-то из их «друзей», как они называют «паразитов» и «приживалов», как я их называю, присвоит эти книги себе. Зина на днях приносила мне письмо Ульянова Вике, где он просит Вику прислать ему «Первое знакомство», потому что у Вас тоже зажулили. Не знаю, есть ли у Вики эти книги. Из-за Викиного «Первого знакомства» в Москве и Ленинграде стояли очереди за «Новым Миром», в библиотеках этих номеров не достать, [они] или окончательно затрепаны или зажулены.

А из Парижа один русский писал Вике, что там есть специальный магазин, где продаются русские книги – и по-русски и на всех языках. Когда он пришел туда и спросил «Новый Мир», №№ 7 и 8 [за 1958 год], ему сразу сказали: «Вам нужно «Первое знакомство», но все эти номера уже проданы». Я о Викиных делах знаю только от Зины. Она говорит, что Вика поехал [в Москву], чтоб устроить это «Первое знакомство» отдельной книгой, и, кажется, ничего не выходит [отдельную книгу издаст «Совпис» в 1960 г., с рисунком и фото автора]. Рецензии не было, и издательства боятся издавать. Он уже второй год хочет, чтоб издали однотомник его вещей, тоже боятся. Викины книги – best seller, но у нас ведь не частные издательства, которые гонятся за выгодой.

Зина сегодня смеялась надо мной, что я тебе послала Кочетова. Но ведь интересно же тебе знать, какие книги у нас считаются лучшими? Я думаю, что эта книга Кочетова получит Ленинскую премию, хоть, по-моему, она серая, бездарная и противная. А по-твоему?

<...> Ну, я думаю, это уже последнее письмо тебе в этом году. Поздравляю тебя с Новым Годом. Я всегда его встречаю одна с радио. В двенадцать часов ночи меня поздравляет Ворошилов. В прошлом году почему-то не поздравил, я была огорчена.

* Речь идет о «приживалке» Антонине (Нине) Александровне Аль, которая 10 лет гостила у Некрасовых на всем готовом – и еде, и даже одежде и обуви, см. ее «линию жизни» по ссылке (nekrassov-viktor.com/Friends/Al-Nina.aspx).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16 декабря 1958 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика на зиму опять уезжают под Москву. Когда Зина уезжает, она часто присылает мне, обычно малосодержательные, открытки. А о чем мне ей писать? Ведь обычно я всем рассказываю о ней и о Вике. А она от меня все скрывает, это Вика, очевидно, ей велит. Вчера я сказала Зине, что зайду к ним взять ванну, а у нас ведь ремонт, и ни ванна не действует, ни <нрзб. – душ?>! Зашла, как сказала, после двенадцати, нет в полвторого, а Зины и след простыл. Она ушла к парикмахеру и велела Гане ждать меня. Ну я, как всегда, сидела в кухне, дома у них была их приживалка [Нина Аль], почему-то она не на службе. А я эту дрянь видеть не могу: живет у них уже семь лет(!), нахальна сверх меры, а Зина ее обожает. Ганя говорит, что Зина «расцветает, как розы», когда эта особа возвращается из какой-нибудь поездки или командировки! Ну, что же, и в прежнее время у богатых старух бывали приживалки! Она, правда, выдает себя за Викину жену. Но Зина говорит, что она ею никогда не была и никогда не будет. Поживем – увидим.

<...> Сидела я у них до четырех, Зина ушла около двенадцати, и я начала думать, что с ней что-нибудь случилось. Ганя стала звонить всем Зининым знакомым – Зины нигде нет! Ганя уверяла, что Зина, верно, забыла, что я к ней пришла, и [сама] пошла ко мне. Наконец, в четыре часа Зина появилась. Она сидела у парикмахера четыре часа! Ужас!

<...> Я с тобой согласна, что Чехов очень неприятен своим поучительным тоном в письмах к братьям. Теперь почему-то нужно всем восхищаться Чеховым, а я его не люблю. Некоторые мелкие его рассказы хороши, а пьесы, по-моему, нудны.

Недавно, т.е. лет пять тому назад, видела его «Иванова» в телевизоре (в исполнении Художественного театра), и мне, и Зине не понравилось. Видела, уже на сцене Художественного театра «Трех сестер», тоже мне не понравилось. Я говорю одному моему знакомому профессору (моих же лет): «В наше время офицеры были совсем не такие, и манеры у них были не такие». А он мне отвечает: «Ну, а это офицеры – советизированные». Но ведь это у вас в Европе, и теперь в Японии, приходят в такой восторг от Чехова и Художественного театра. Почему, не знаю.

Но вот что было со мной в 1931-м году. Поехала я с Викой вместе в Москву и Ленинград. Еще Ева [Засецкая] была жива, и я у нее останавливалась, а билеты железнодорожные у нас были даровые.* И я ведь, и Зина на железной дороге служили. В Москве мы пошли с Викой в Художественный театр [на пьесу Чехова «Вишневый сад»? – МК]. Рядом мест не достали, я сидела в партере, а Вика в бельэтаже.

В антракте Вика сошел ко мне и, смеясь, говорит: «Ты знаешь, около меня сидят две старушки и все время плачут». Взглянул на меня и с изумлением: «И ты тоже плачешь?!» Но, ты понимаешь, мы плакали над прошлым, которое уже никогда не вернется, над этими старыми усадьбами с вишневыми садами, с нелепыми людьми, ничего не понимающими в деньгах, непрактичными. Толстой очень не любил пьес Чехова и сказал ему как-то: «Они еще хуже Шекспира, там хоть действие есть, а у Вас что? Ходит человек от комода к шкафу».

* Согласно труду Н.П. Черепнина. «Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764-1914)» (Петроград, 1914-15) в 1874 г. вместе с Алиной Антоновной Эрн были выпущены две сестры – Надежда и Евгения, дочери надворного советника Дмитрия Петровича Засецкого. Значит, ее подругу на самом деле звали Евгения, а Ева – это было милое институтское сокращение?

<...> Да, я все тебе хотела сказать, ради бога, выходи и дыши воздухом. В нашем возрасте важнее всего кислород воздуха и движение. Я всякий раз, как выхожу, пройдуся и гораздо лучше себя чувствую: и больному глазу становится лучше (у тебя, правда, больного глаза нет), и желудок нормально действует. А в нашем возрасте это тоже очень важно. И, главное, у тебя есть возможность гулять с Ульяновым, а мне не с кем выходить, а Зина и я боимся скользоты.

Всегда вспоминаю, как меня раздражало, что Сергей Васильевич [Андропов] за мной ходил как тень, в годы его пылкой любви ко мне. Он был нелегальный, никто с ним общаться не хотел, боялись, даже братья его, жившие тогда в Петербурге, к нему ни разу не зашли. Ну, и у него была я одна и мои подруги. Я шла на урок, он провожал меня, я возвращалась с урока, он уже ждал меня у подъезда моего ученика. Я шла в булочную, он стоял на улице, подпирая столб возле булочной, пока я покупаю. Я просто с ума сходила от этого «двойникового» состояния. Знаешь, такие кристаллы бывают: двойники. Я тогда уехала на год в Швейцарию и Италию [(в 1908 году)]. Я всегда была независима. Ну, а теперь, когда я – больная старуха, мне бы и нужно, чтоб кто-нибудь со мной ходил, но желающих нет.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9 января 1959 г.

Милая Вера.

<...> Я послала тебе за прошлые полгода 15 книг и журналов. Из них тебе, по-видимому, понравились только книги Чуковского и Левитана? А понравился ли тебе альбом с репродукциями Третьяковской галереи? Я рада, что он пришел к новому году. Да, еще Ульянов пишет, не прислать ли мне каких-нибудь книг. Ради бога, не присылай! Книги у Вас дорогие, денег у Вас немного, тратьте их лучше на себя.

Меня так Зина возмущает, когда выписывает от тебя книги и, главное, не себе, а для всяких Викиных приживалов и паразитов! И от [небогатого] Страды они тоже выписывали книги для разных Викиных знакомых!

Меня все время волнует вопрос, что теперь, когда ты больна, а у Ульянова маленькая пенсия, мы ничего не можем Вам посылать. Вы же нам все годы нужды присылали и деньги, и посылки. Еще перед самой войной прислали маме [отрез] на костюм. Это вовсе было не для мамы (мама плохо одевалась), но для Вики.

Вообще, Вика меня возмущает. Когда он поехал в Италию, я была уверена, что деньги, которые он там получит, он вышлет тебе. У него много изданий за границей, но он имеет право эти деньги получать, только если сам находится там. Значит, все эти заграничные деньги пропадают. Обидно. В Италии он получил только от одного издательства, и Зина при мне рассказывала знакомым: «Вика был очень доволен, что получил только от одного издательства, а то бы он не знал, куда девать деньги!»

Когда он жил во Владивостоке, в 1938 году, он тоже тогда много зарабатывал. Мама была больна, мы нуждались, а он встретил одну знакомую, и сказал ей, что у него так много денег, что он не знает, куда их девать! На новый год прислал своей бабушке, восьмидесяти двух лет, и матери, шестидесяти с лишним, испанского шампанского. Бутылка по дороге через Сибирь лопнула, и мы получили осколки. Он все-таки присылал домой тогда по 500 руб. в месяц, а там взял на свое содержание свою приятельницу по театральной студии, [Нанину] Прахову (дочь того, чью книгу я тебе послала) и с ребенком от какого-то актера и нянькой, и всех их содержал! Я спрашиваю его тогда: «Зачем Нанина вернулась в Киев, ведь во Владивостоке у нее была служба?» А Вика отвечает: «Да ведь этого ей не хватало, она жила на мои деньги».

Сколько людей на его деньги живет теперь, этого не перечесть! Недавно он кому-то 50 000 подарил. Это мне его товарищ сказал. Это целое состояние, кому – не знаю. На все деньги, полученные в Италии, купил бесчисленное количество вязаных кофт, шарфов, своей приживалке [Нине Аль] – башмаки, ну и т.п., ну и раздал своим знакомым! Расскажу смешное про Ганю. Подарил Вика ей жемчуг, из Италии привез. Сперва Ганя была довольна, сказала, что давно хотела жемчуг иметь. Через несколько дней входит Зина в кухню и видит: сидит Ганя с кухонным ножом и скребет этот жемчуг. Каково ее негодование: жемчуг оказался фальшивым. Она думала, что это настоящий.

Она вообще очень смешная. Как-то я ей рассказываю, что одна Викина знакомая (доктор филологических наук [А.А. Елистратова]) ездила [вместе с переводчиком шотландского поэта С.Я. Маршаком] в Шотландию на юбилей Бернса*. Ганя, которая терпеть не может всех Викиных знакомых дам, с негодованием говорит: «Такие всегда по Шотландиям таскаются». Она, очевидно, поняла, что это какое-то [непристойное] café**.

Вика запретил Гане мне что-нибудь о их жизни рассказывать. И Зина тоже все от меня скрывает. Зина редко у меня (если у меня нет гостей) может высидеть больше двадцати минут. И мне тяжело. Я знаю, что она приходит ко мне par acquit de conscience [(для очистки совести)], и Вика жалуется своим друзьям: «Это так ужасно – мама постоянно должна к Соне ходить». А что тут ужасного? Видишь, ты меня просила не писать о Зине и Вике. Но я могу писать и рассказывать только о Зине и Вике. Ведь последние тридцать лет они были центром нашей жизни, и я, и мама все для них делали. А после смерти мамы – я одна [их обслуживала].

Надо было слышать негодование Вики, когда я в 1947-м году (когда уже они получали сумасшедшие деньги и могли себе кого угодно нанять) сказала, что больше не буду на них готовить. Вика кричал: «Слышишь, мама?! Сюрпризик к новому году! Соня не хочет больше готовить!» Как будто я у них крепостная кухарка, которая должна для них все делать и все свое им отдавать! Это счастье, что нам удалось с ними разъехаться. Приятно ли мне было, когда я проходила через их комнату [к себе или от себя], а Вика кричал Зине: «Мама, ничего не говори! Мама, ничего не спрашивай» – как бы я чего не узнала. И все ворчал, что из-за меня он не может жить дома, хоть прожил до двадцати восьми лет, не выезжая из дома, вместе со мной!

Ты знаешь, война – это ужасная травма. Читала ли ты Ремарка, как возвращаются с войны и не чувствуют связи со своим домом? Первое время мне казалось, что Вика сходит с ума, он все время молчал. Я вспоминала дядю Сашу, который перед тем, как сошел с ума, все молчал. Потом, чтоб быть совсем одному, из флигеля, в Богурне, переехал в избу. Ты этого не помнишь?***

* Шотландский поэт Роберт Бернс родился 25 января 1759 г. В январе 1955 г. в Шотландии прошла конференция, посвященная его памяти, по-видимому, в связи со 195-летием со дня рождения.

Елистратова Анна Аркадьевна (1910-1974). Член редколлегии серии «Литературные памятники» с 1957 г. Окончила литературный факультет Московского ун-та в 1930 г.; после окончания МГУ работала библиографом в Библиотеке иностранной литературы, а в 1931-1934 гг. – референтом по англо-американским литературам в Международном объединении революционных писателей. После окончания в 1937 г. аспирантуры Московского института философии, литературы, истории и защиты кандидатской диссертации преподавала в МИФЛИ до 1940 г. С 1939 г. научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. Доктор филологических наук с 1946 г. – Из Интернета

** Тот же эпизод С.Н. Мотовилова вспомнит потом в письме сестре В.Н. Ульяновой в Лозанну от 20 февраля 1964 г.

*** Речь идет о брате Софьи Ивановны Мотовиловой Александре, который в 1890 г. убил из револьвера в Батуме железнодорожного служащего «за грубое слово», после чего жестоко избита сбежавшая на выстрелы толпа. Окончил свои дни в питерской больнице для умалишенных доктора Фрея в ≈1895 г.

<...> Получила письмо от Любы [Пятницкой из Парижа]. Я ей написала, что больше писать не буду, она отвечает иногда через четыре месяца! Но тут получилось письмо [из Симбирска-Ульяновска] от Сони Пятницкой, жены Пети, и я ей его переслала. Люба жалуется, что ты ей не отвечаешь на ее письма, и пишет, что мы (ты, Зина, я) ее единственные оставшиеся в живых родственники и что ей очень тяжело, что она нас никогда не увидит. Пишет, что Лена ее письмами не балует. Тоже хороша, всю жизнь ей Люба свою отдала: и какое ей дала прекрасное образование, и в университете она училась, и знает пять языков (русский, французский, английский, немецкий и венгерский). И, кроме того, умеет, кажется, хорошо готовить и шить. Люба писала, что, когда Лена жила теперь у нее, она шила сама себе пальто. Но сейчас Лена опять уехала на юг.

<...> Сейчас я тебе купила «Литературное Наследство». Это очень хороший сборник, но оказалось, что этот том посвящен Маяковскому. Зина говорит, тебе это будет неинтересно. И я, и Зина не любим Маяковского. Я его слышала несколько раз, когда он сам читал, это было чудесно, голос у него звучал, как колокол. Последний раз я его видела в Политехническом музее. Выбирали короля поэтов. Все подавали записки, я – тоже. Выбрали Игоря Северянина, он чудесно пел свои «поэзи». Король поэтов должен был прочесть после избрания свое стихотворение. Но тут начал скандалить Маяковский. Он кричал: «Король поэтов – это я! Выборы неправильны». Вскочил на стол, на голове была каскетка (кепка)*, на шее – шарф, или какая-то тряпка, вид <нрзб>. Кричал, скандалил, потушил электричество. А за год или два перед этим я его видела на Невском, в цилиндре (в России так редко носили цилиндр!), элегантно одетого, в черном костюме.

<...> Затем я купила [для вас] еще Викины «Окопы», двадцать четвертое издание! А тираж всех изданий – [уже] около полутора миллиона! Вы можете эту книгу кому-нибудь подарить или отдать в библиотеку.**

<...> Викино «Первое знакомство» так и не хотят печатать отдельной книгой. Не знаю, может быть, этого он [когда-нибудь] добьется. Но, кажется, и Твардовский, со всем своим авторитетом настаивающий, чтоб Викину вещь издали отдельной книгой, ничего добиться не может. Зина хотела показать мне «внутренние рецензии», т.е. рецензии для издательства. Один дурак пишет, например, что Вика [в «Первом знакомстве»] слишком добродушно относится к французским полицейским! Это я с Зининых слов говорю, Вика, очевидно, не захотел показывать мне этих рецензий.

<...> Зина и Вика уехали в Москву 29-го декабря [1958 года]. Не знаю, сколько времени там будут. Это хорошо, что теперь Вика Зину всюду берет с собой, ведь Зине через полгода минет восемьдесят лет!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16 января 1959 г.

Милая Вера.

<...> Ульянов, кажется, писал Вике, что Вы шли смотреть какой-то фильм, наш советский, понравилось ли тебе?

<...> Зина и Вика уехали три недели тому назад, и за это время от нее было только три открытки. Целую неделю не было никаких известий. Я уже боялась, не случилось ли чего с Зиной. Сказала Гане, чтоб они позвонили знакомым, где Зина с Викторией останавливаются.

* Каскетка (фр. casquette). Легкий мужской головной убор вроде фуражки. – *Толковый словарь русского языка Ушакова*

** «Двадцать четвертое издание» «Окопов» – это не фигура речи, а реальный факт! Автор сих биографических очерков выписал имеющиеся в РГБ издания «В окопах Сталинграда»: в 1947-м их успели выпустить только «Роман-газета», «Советский писатель» и «Московский рабочий», зато в 1948-м издавали все кому не лень: Калинин, Киров, Красноярск, Курск, Ленинград, Воениздат, Гослитиздат, «Советский писатель», Рига, Саратов, Сталинград! Вся эта масштабная издательская кампания продолжалась по 1971 год (с перерывом во время озлобления Н.С. Хрущева на В.П. Некрасова в 1963-м)!!

Позвонила их приживалка [Нина Аль] и даже была так любезна, что прислала мне открытку. У нас два телефона в квартире, но из-за ремонта они не действовали. Сейчас уже работают, хоть ремонт продолжается. Зинина приживалка уехала на две недели к своим родителям в Ленинград. Ганя одна и, так как она боится оставаться одна в квартире, то у них ночует какой-то Викин знакомый милиционер [Вася].

Зина писала, что в первый день они были в Москве на премьере их знакомого [режиссера? – МК]*, следующий день встречали новый год и кроме хозяев (троих) и их (двоих) было двадцать человек гостей, все сидели до семи утра, когда идет первое метро.

В Малеевку их отвезла на своем автомобиле жена Тендрякова, тоже писательница. Почему тебе не понравились его произведения? Он очень талантлив. Вообще это, по-моему, лучший из Викиных знакомых. Очень скромный, ну и, конечно, не паразит. Вика мечтал, так Зина писала, бегать на лыжах. Он, кажется, в прошлом году только научился. 14 января у меня была Ганя, принесла мне газеты и журналы, сидела у меня. Но они ведь запрещают ей о них рассказывать.

<...> Я эти дни все вспоминаю Софию Гефтер. Когда они жили с Соловейчиком в Петербурге, они жили на островах, и когда я приходила к ним, они сейчас же заказывали в кондитерской все [что нужно] по телефону, и моментально же приезжали на велосипеде из магазина и привозили их заказ. А когда они жили на Кузнецком в Москве, и я заходила к ним, они посылали сейчас же своего лакея купить внизу *chocolat des dames*. Ты не помнишь шоколад с фисташками, в белых коробках с зонтом (?)?

Нда! Но у меня нет лакеев, и, увы, никакой магазин, звони не звони, ничего мне не придет. А Ганя невероятно толста (90 kg весит) и ходит [ко мне] неохотно.

Сейчас получила первое письмо от Зины, они хотят остаться еще на февраль в Малеевке, но не знают, будет ли это возможно, так как много желающих жить там зимой. Их друзья [Лунгины], где они останавливаются в Москве, тоже хотели там устроиться, но им пришлось снять комнаты в частной квартире. Я боюсь, что Зина там одинока, Вика целый день [проводит] со своими друзьями, катается на лыжах, а Зина ходит гулять одна.

В прошлом году она заблудилась, и Вика всюду ее искал! И в Ирпене [под Киевом], когда я к ней приезжала, она тоже заблудилась**.

Я хочу послать тебе «Новый Мир» за январь. Там довольно забавно: рецензия на фильм по Викиному «В родном городе». Написала закройщица из магазина в их Пассаже. Эта закройщица пишет письма в «Литературную Газету», высказывает свое мнение. Видишь, какие у нас читатели и литературоведы! Ганя должна была мне принести этот номер в прошлый раз и забыла! Закройщица [работает] в этом магазине, где шили Зине пальто и Гане шубу. И то, и другое [покрой и шитье пальто и шубы] очень плохое, Ганя потом пригласила на дом портного все переделывать, а Зина в этом пальто похожа на бывших извозчиков, помнишь?***

* Возможно, речь шла о фильме «Веселый заговор» режиссера Владимира Ляховецкого, производства Киевской киностудии художественных фильмов, премьера которого прошла как раз 30 декабря 1958 г., правда, уже неизвестно – в Москве или Киеве.

** Ирпень – климатический курорт, расстояние от центра Киева – 21 км, находится на одноименной реке, притоке Днепра.

*** В январском номере «Нового мира» (1959 г.), под рубрикой «Трибуна читателя», действительно была опубликована реплика закройщицы Галины Зинченко «По мотивам повести...». Весьма забавно, когда советская «работница мелка и ножниц» плохо кроит пальто и шубы, зато берется оценивать художественные произведения! Что касается «Литературной газеты», то при жизни Софьи Николаевны реплика Г. Зинченко была опубликована лишь 25 апреля 1956 г., в рамках подборки писем читателей в связи с речью М.А. Шолохова на XX съезде КПСС:

<...> А отдали Вам «Новый Мир» с Викиными воспоминаниями об Италии? Я переслала Зине письмо от Любы Пятницкой, она просит Зину ей прислать. Даже пишет, что может, прочтя, вернуть обратно. О Викиных делах Зина мне совсем уже не пишет. Выйдет ли его «Первое знакомство» отдельной книгой, выйдет ли его однотомник? Очевидно, он запретил о себе писать.

<...> Вкладываю в это письмо переписанное из «Крокодила» 1952 г. стихотворение, которое мне очень нравится. Как наши редакторы поправляют произведения писателей! Оно хоть и 1952-го года, но и теперь вполне актуально.* У Вики в его «Родном городе» выкинули 7 печатных листов! Впечатление, что нет конца.

Сегодня воскресенье. Я жду Ганю, сейчас звонила ей, что мне принести. За эту неделю я вышла [\[на улицу только\]](#) один раз. Ганю я жду с таким нетерпением и радостью, как возлюбленная ждет своего возлюбленного. Причина – мое одиночество, ну и потом все же через Ганю [\[поддерживается\]](#) какая-то связь с Зининым домом, остатком того, что было когда-то нашим домом, в который я вкладывала все свои заботы, всю свою душу.

Тоже «осколок разбитого вдребезги».

Окончание примечания

<...> Ваше выступление талантливо, остроумно и метко. И именно к такому выступлению хочется присоединиться, хочется подписаться «обеими руками». И вместе с тем что-то мешает. Как будто что-то не договорено, есть какая-то неясность. Или вы нам, читателям, до конца не высказали все ваши мысли, или вы сами до конца не продумали. Вы предлагаете многим писателям ехать в деревню, в те места, где они родились, и там заниматься созданием новых художественных произведений и считаете, что их труд будет более полноценным. Почему? Если бы вы это предлагали молодым газетным работникам, журналистам, вы были бы правы. Но предлагать это писателям, имеющим доброе имя и заслужившим любовь читателя, предлагать это в таком легком шутиливом тоне! Что же вы думаете, что если бы писателю захотелось пожить в деревне и описать колхозную жизнь, то он без вашего совета этого не сделал бы, не додумался до этого? <...>

Еще одно письмо Г. Зинченко было опубликовано в «Литературной газете» уже после смерти С.Н. Мотовиловой – 4 июня 1997 г., в рамках ретро-подборки откликов граждан на окрики Н.С. Хрущева во время встречи с творческой интеллигенцией 8 марта 1963 г.: «Виктор Некрасов увидел Америку глазами человека коммунистического общества!» – см. очерк «Виктор Некрасов в разных измерениях».

* За давностью лет мы можем лишь предположить, что Софья Николаевна переписала следующее стихотворение, опубликованное в «Крокодиле» под №12 за 30 апреля 1952 г.

Вл. Дыховичный, М. Слободской. Типичная каша

Написал вчерне поэму / Начинаящий поэт, / Взял бытующую тему, / Взял кочующий сюжет. / Выбрал из возможных фабул / Ту, с которой был знаком: / «Жили-были дед да баба, / Ели кашу с молоком...» / И принес поэму эту / Он редактору в журнал. / Тот прочел и так поэту / Назидательно сказал: / – Типизировано слабо! / Спросят вас: вы, мол, о ком: / «Жили-были дед да баба, / Ели кашу с молоком...»? / Дед – бытует, баба – наша, / Но типична ль ваша каша? / Вместо каши вставим: крабы – / В этом нового симптом: / «Жили-были дед да баба, / Ели крабов с молоком...» / Вот теперь уже типично, / Но... немного эксцентрично! / Наш советский дед по форме / И по сути чудачком / Здесь представлен. / Кто же кормит / Бабу крабом с молоком?! / Бабе сладкая еда бы – / Бабу ромовую в дом!.. / «Жили-были дед да баба, / Ели дед да баба бабу... / Ну, допустим, с молоком». / Вкусно, жизненно. Но... сложно! / Здесь логический пробел – / Разобраться невозможно, / Кто кого и с кем тут ел. / Получается, что лично / Дед ел бабу... Нетипично! / Мы заменим пищу дабы / Не придрались к нам потом: / «Жили-были дед да баба, / Ели мясо с чесноком». / Так сюжет весьма логичен – / Очень жизненный обед! / Но... теперь проблематичен / Ваш любимый старый дед: / Дед для мяса нетипичен! / Зубы есть у деда? Нет! / Прямо скажем: деда я бы / Заменял бы паренком: / «Жили-были парень с бабой, / Ели мясо с чесноком». / Это жизненно, правдиво, / Но... герой без коллектива! / Лучше – ясно, точно, броско – / Так и скажем прямо: / «Жили-были два подростка, / Ели мясо с чесноком». / Хорошо! Но... мы не дали / Производственной детали, / Чтоб герой не пищей просто / Был читателю знаком: / «Жили-были два подростка, / С долотом и с молотком...» / Вот теперь умно, тактично, / Без уволенных в тираж / Нетипичных, схематичных / Дедов, баб и разных каш!.. / Так, покончив с бабой, дедом, / С их надуманным обедом, / Наш редактор вечером / Упражнялся над стихом, / Создавая «вещь с масштабом»... / / А в кафе за уголком / В это время дед да баба / Ели кашу с молоком.

Как странно, что у тебя нет потребности общения с другими людьми или общество Ульянова тебя вполне удовлетворяет? Я ведь в детстве-то была очень общительна. Помнишь, как [в 1895-м] на рождество у нас на [улице] Maupas [в Лозанне] была елка, пришел M-r Broye, отец M-elle Broye, мамы не было дома, и ты занимала M-r Broye, как взрослая, тебе было десять лет. <...> Я считаю, что наша гостиная на Maupas была самая уютная из всех наших гостиных, менее нарядная чем другие, но уютнее. Помнишь, в углу был камин, окна с двух сторон. Тяжелые, цвета крем, портьеры на окнах. Я любила сидеть в низеньком кресле у камина, читать и есть чищенные орехи от Bichers [?].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9-10 марта 1959 г.

Милая Вера. <...>

Когда они приедут – неизвестно. Просила Ганю позвонить, когда приживалка [Нина Аль] получит от Зины известия. Завтра начинается Украинский Съезд Писателей. Вика норовит, вероятно, на него не попасть. До сих пор он обязан был бывать на нем, так как был заместителем председателя [правления] союза Украинских Писателей, но уже года два его с этого поста сняли. Но и тогда, когда он был заместителем председателя союза Украинских писателей, он избегал бывать в президиуме, а больше таскался в коридорах. Я в этом году и билета на съезд писателей не буду спрашивать: я была на первом съезде писателей в Москве в 1934-м году и на двух последних съездах союза Украинских писателей в Киеве, но я все хуже и хуже слышу. Я, кажется, тебе писала, как я три раза ходила в театр весной: на «Гамлета», на «Стакан воды» и т.п. И хотя места были хорошие, но я ровно ничего не слышала.

Ульянов в сегодняшнем письме пишет, что ты не хочешь выходить. Ради бога, выходи! В нашем возрасте необходим кислород воздуха. Ты знаешь, что Сергей Васильевич [Андропов] после смерти своей жены десять лет не выходил из комнаты, да еще две рамы у него были замазаны.

<...> А его друг, академик Яснопольский, который старше его был на полгода (он приезжал сюда по летам, жил под Киевом на даче, но когда бывал в Киеве, заходил ко мне), был еще совсем бодрым стариком, председательствовал в комиссии государственных экзаменов в Финансовом Институте. И ходил хорошо, и слышал хорошо и, главное, был очень жизнерадостен и отзывчив. Ты его помнишь? Он был женат на сестре Коробко, жил у Коробко (когда мы жили в Петербурге). Тогда он был приват-доцентом, ну, а теперь академиком. И Сергей Васильевич, и Яснопольский уже умерли в возрасте восьмидесяти с лишним лет.

Ты писала, что Ульянову предлагают какую-то работу, не то в бельгийском, не то в американском [геологическом] обществе. Взял ли он ее? Вообще, как Ваши материальные дела? У Любочки Пятницкой они ужасны. У них ведь, кажется, во Франции уменьшили пенсии? И беда, ни в чем ведь помочь нельзя, от нас ведь ничего нельзя выслать, кроме книг. Я бы на месте [ее дочери] Лены приехала в СССР. Нам так нужны переводчики, а она ведь знает пять языков: французский, русский, немецкий, английский, венгерский. Венгерский-то у нас мало кто знает. Год или два тому назад праздновали семидесятилетие ее отца, Осколкова. Он ведь очень талантливый скульптор. Я тогда эти статьи послала Любе.*

* К сожалению, комментатор сих писем, пролистав подшивку «Литературной газеты» за 1955-58 годы, не смог найти упоминание о 70-летнем юбилее «талантливого скульптора» Осколкова или под какой-либо другой фамилией (за эти годы в «Литературке» прославилась даже воспитательница детского сада такая-то, изваяв бюст Пушкина!). Не засветился второй муж Л.Н. Пятницкой и на Капри, когда втерся в окружение А.М. Пешкова-Горького (см. ниже). Так что пока «талантливый скульптор» с «девичьей фамилией» Осколков остается в роли «мистера X».

<...> Я могу читать [теперь лишь] воспоминания, переписку и некоторую беллетристику. Даже от газет я устаю. Мне приносили от Зины три газеты: «Правду», местную «Правду Украины» и «Литературную газету». И я попросила приносить только одну – «Литературную газету», не могу их [все] прочесть. Устаю. А французские газеты, которые Зина мне приносит, меня прямо с ума сводят. Я не знаю, когда люди могут успеть это [объемное издание] прочесть?!

У меня кроме склероза еще какой-то спазм мозговых сосудов. Уже лет десять тому назад глазная врачиха удивлялась, как с такой сосудистой системой я могу работать. Но меня ведь постоянно привозили со службы домой в карете скорой помощи. Я уже десять лет не работаю. Но, к сожалению, так же как и ты, мало бываю на воздухе.

Недавно одна из моих соседок по квартире упала на улице и сломала себе руку. Я так этого напугалась, что совсем перестала выходить. Хотя знаю, что это вредно. Ульянов пишет, что у Вас уже весна началась, а у нас, боюсь, опять будут морозы. Я не смогу прийти на кладбище. 27-го марта – день маминей смерти, и в этот день я всегда бываю на кладбище. Мама умерла в 1943-м году, теперь ей было бы сто два года. А на днях я перечла одну мамину открытку мне, где она пишет, что мое поздравление пришло вовремя. Маме минуло тогда пятьдесят лет. Это такое горе, что все мамини письма нам сгорели. Мама писала такие интересные письма, и сейчас, когда Вика стал знаменитостью (переведен на много языков), эти письма были бы интересны не только для нашей семьи.

<...> Сейчас [(10 марта)] получила письмо от Зины. Сегодня у нас в Киеве начался съезд писателей, и Вика, конечно, не приехал! Почему он избегает всех съездов – не знаю. И известных писателей тоже избегает. Кажется, даже не знаком с Эренбургом, а тот всюду Вику хвалит, как одного из лучших наших писателей! Он же его, по-моему, и за границей разрекламировал. Вообще, Вика – странный, а иногда немного на тебя похож. Всех Зининых старых знакомых он почему-то не выносит. Когда старые знакомые приходят к Зине, они, входя, видят две спины: Вика и приживалка [Нина Аль] удаляются в их спальню, не желают видеть наших старых знакомых.

Сейчас получила письмо от Зины. Они с Викой были у Веры Ивановны [Билибиной] в Москве, и как раз пришла Роллье, приехавшая только что из Швейцарии, где провела месяц. На дольше ей не разрешили.*

* Скорее всего, речь идет о следующем персонаже:

В 1918 г. под Москвой начинает функционировать детский санаторий «Захарьино». Для организации костного отделения сюда на три года откомандирована из Сокольников З. Ролье. В 1921 г. создан Центральный институт туберкулеза, а санаторий в Сокольниках становится его клиникой. <...> Зинаиде пришлось коротко рассказать [замнаркома здравоохранения З.П. Соловьеву] о себе. Родом со Смоленщины. По настоянию отца – военного инженера поехала за границу, поправить здоровье. Стала студенткой Лозаннского университета. Профессор Цезарь Ру, знаменитый в Европе хирург, заметил старательную русскую девушку. Он представил ее своему коллеге – профессору Огюсту Ролье, автору знаменитой методики лечения костного туберкулеза гелиотерапией. Так, в клинике в Лейзене, в горах Швейцарии, начался путь в медицину молодого доктора. Ей сразу же доверили более ста больных. Зинаида стала членом семьи профессора Ролье, вышла замуж за его брата. Правда, семейное счастье оказалось недолгим: муж умер от болезни сердца. Все чаще снилась Россия. На пороге стоял 1917 г. В стране назревали большие события. И Зинаида Юлиановна, отвергнув уют и благополучие, вернулась на родину. Чтобы помочь ей как врач. – «Медицинская газета», 28 ноября 2008 г. (www.mgzt.ru/%E2%84%96-90-%D0%BE%D1%82-28-%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F-2008%D0%B3/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%BE-%D0%BD%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%BE-%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C)

По-видимому, в Лозаннском университете (на медицинском факультете) З.Н. Некрасова и познакомилась с З.Ю. Ролье.

Зина пишет, что [Роллье] рассказывала много интересного о Швейцарии. Будто бы Швейцария страдает от отсутствия туристов, англичан и американцев. Почему они перестали ездить? Англичане обеднели, но в Швейцарии им ведь дешевле жить? Что в Швейцарии все думают, что СССР нападет на Запад. Ну, и глупо. Это, вероятно, чтоб поддержать коммерцию изготовления оружия. Зина пишет, что швейцарские 100 франков стоят теперь 250 руб. золотом. Это они, верно, путают, верно, 250 наших теперешних рублей*? <...> Звонила сейчас Ганя, оказывается, Зина и Вика уже приехали, но мне не дали знать.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15-21 марта 1959 г.

Милая Вера. Спешу сообщить тебе, что я сейчас получила оттиски со статьями по геологии от Ульянова. Пожалуйста, поблагодари его за присылку этих статей. Начала читать, но от моей геологии я давно отошла и уже совершенный профан в этой области.

Да, кстати, передай Ульянову, он несколько раз просил Вику дать литературу по каким-то вопросам. Я уже несколько раз просила Зину Ульянову передать, что проще всего за указанием библиографии обращаться в наши библиотеки: или в Москву, библиотеку им. Ленина, или в Ленинград, в Публичную библиотеку им Салтыкова. Кажется, последняя особенно хорошо дает библиографические справки. Дают они их даром. Два года назад Викин переводчик [Витторио Страда] (тогда он еще жил в Италии) попросил меня для какого-то своего друга прислать список русской литературы о [Роджере] Бэконе. Я попросила тети Вериного внука** дать эту справку в Ленинградскую Публичную Библиотеку и затем выслать в Италию. Он это сделал. Ответа Публичной Библиотеки я, правда, не видала. Но, во всяком случае, статья этого друга Викиного переводчика была напечатана в каком-то итальянском философском журнале, и эта библиография туда вошла.

<...> 27 марта – день маминой смерти. Уже шестнадцать лет прошло с тех пор. А 8 мая – день маминого рождения, маме было бы теперь 102 года. Зина и Вика приехали из Малеевки 10-го марта. Зина в Малеевке много гуляет и, когда оттуда приезжает, надышавшись свежего воздуха, несколько лучше слышит. Зато обоняние у нее обостренное. Сегодня воскресенье, не знаю, придет ли Зина. На днях из командировки вернулась их приживалка [Нина Аль]. Дрянь, врунья, уродина, пьяница (водку пьет стаканами), все от нее в ужасе, а Зина ее обожает. Это я когда-то увлекалась то Надеждой Константиновной [Крупской], то [подругой] Фриле, то [подругой] Свиридовой, а у Зины этого не было. А тут эту дрянь Зина нежно любит. Сказала ей, что все, что им принадлежит, принадлежит и ей. Ну, и та старается что может перевести на свое имя. Несколько лет тому назад я спросила Зину: «Зачем она у вас живет?» – «У нее нет комнаты. И Ева же у нас жила!». Я говорю: «[Это] была мама институтская подруга. И у мамы были свои деньги, а у Евы – свои».

И жила-то Ева [Засецкая] у нас всего два или три года. А эта приживалка живет у них семь лет! Нагла сверх меры. Я, впрочем, за эти семь лет ее ни разу не видела. Я берегу свои нервы. Я надеялась, что до Викиного приезда милиционер [Вася], охранявший Ганю, получит службу и переедет в общежитие. Службу-то он получил, но в общежитие переехать не спешит. Ведь у них он живет на всем готовом уже третий месяц!

* Поскольку советский рубль не был конвертируемой валютой, то речь может идти лишь о т.н. «инвалютных рублях». А практически каждому выезжающему из СССР выдавалась на ограниченную сумму соврублей соответствующая инвалюта, по условному курсу между последней и «инвалютными рублями». Интуристы по этому же курсу меняли свою валюту на соврубли. Выходит, в 1959 г. за 100 швейцарских франков они получали 250 советских рублей (с 1961 г. – около 25 руб.)

** Это Николай Гоголев-Мотовилов (р. 1937), ленинградский студент и затем учитель в средней школе.

Вика с Зиной и милиционером заходили ко мне 10-го, я его спрашиваю, когда же он переедет в общежитие. И сейчас же вмешивается Вика, что ему в общежитие нечего переезжать. Ведь у них, по три года каждый, жили Ванька и Женька, носили Викины вещи, ездили на его счет на курорт и т.п.!

Я как-то жалуюсь одной знакомой старухе на всех этих Викиных приживалов. А она отвечает: «Видите ли, у принца бывает своя свита, у князя – дружина, очевидно, и у лауреата [Сталинской премии] должна быть какая-то свита или дружина». А, по-моему, у них «Вишневый сад» в советском строе! Такая же беспечность и полное непонимание стоимости денег! Конечно, разница есть. Зина всю жизнь зарабатывала, и Вика сейчас получает безумные (по-моему) деньги. Но он их все раздает.

Ну, Ваньку своего он «вывел в люди». Ванька стал геологом (коллега Ульянову). Немало тысяч Вика на него ухлопал. Я всегда утверждала, что у Ваньки вид бандита, Зина возражала: «Ничего подобного!». А тут показывали фильм индийский «Бродяга», и этот бродяга – живой портрет Ваньки. Знаешь, этот Ванька стал прототипом Чумака в Викиных «Окопах». Ему еще там танкист говорит: «Ты кто? Разведчик, верно? По морде видно». Какие у них «морды» я, конечно, не знаю. Но видеть Зину на фотографиях рядом с этим типом было противно.

* Речь идет, во-первых, о бывшем полковом разведчике Иване Фищенко, с которым В.П. Некрасов познакомился в Сталинграде и который стал прототипом Чумака в повести «В окопах Сталинграда» и в фильме «Солдаты». Некоторые перипетии учебы И. Фищенко «на геолога» в Киеве, при посредничестве Виктора Платоновича, отображены в «Записках зеваяки».

Иван Фищенко с Ниной Аль и З.Н. Некрасовой, Киев, 1950-е
(фото с сайта «Памяти Виктора Некрасова»)

Женька, или Евгений, это старший сын Раисы Исаевны Линцер («Сацхи») и Игоря Александровича Саца. В более позднем письме Софья Николаевна поясняла: «Сац – пьяница, и у них в доме идет (т.е. шла) такая пьянка, что старший сын Женька (очень красивый) не мог учиться. Вика его взял к себе, он прожил у Зины и Вики три года. Потом женился и внезапно умер, остались его жена и дочь».

Евгений Сац тоже, как и Иван Фищенко, учился эти три года вроде бы в том же киевском геологическом техникуме.

Два раза, приезжая домой с войны, Вика привозил: в первый раз какую-то девчонку, воровку, во второй раз какого-то пьяницу из штрафного батальона. Девчонка-то нас отчаянно обворовывала, а второй раз Вику и его «друга» из штрафного батальона, обоих раненных, удалось в госпиталь поместить. Тут-то тип из штрафного батальона и запил, какому-то начальству, кажется, ноги сломал и получил десять лет. Счастье, что не нам ноги сломал. Ванька благополучно кончил геологический техникум, и так как нам нужны очень геологи, работал им. Получил прекрасную квартиру, женился, хорошо зарабатывает, по пьянствовал так, что его, кажется, отовсюду поснимали. Что с ним теперь – они от меня скрывают. Вика и Зине и Гане велел все от меня скрывать!

Я уже рада, что теперь Вика дружит с Тендряковым. Все-таки не вор, не пьяница, не паразит, а очень талантливый писатель. Культурой он, правда, не блещет, но и Вика ведь тоже не блещет, но оба очень талантливы. Зине, кажется, не нравится жена Тендрякова.

Сегодня воскресенье. Ко мне в этот день обычно приходит одна старушка, мать Викиного товарища еще по школе. Года три тому назад умер ее муж, а еще раньше – от ран, полученных на войне, погиб ее сын, Викин товарищ. Она, как и я, чувствует себя ужасно одинокой, еще она плохо видит – ни шить, ни читать не может. Ко мне она приходит, главное, чтоб встретить Зину. Она ведь с ней гораздо более знакома, чем со мной. Но Зинина приживалка [Нина Аль] ее к Зине не пускает. Она все врет, что Зины дома нет, даже в переднюю не дает войти! Отвадила от Зины всех наших старых знакомых. Она пыталась и Викиных старых знакомых отвадить, но это ей не удалось. Я боюсь, что из-за нее Ганя от них уйдет.

Сегодня Зина ко мне заходила ненадолго, ужасно раздраженная, с яростью рассказывала этой знакомой про Ганю и еще про жену одного Викиного приятеля. И он, и его жена для Зины и Вики очень много делали. Но я боюсь, что приживалка и с ними Зину поссорит. <...> Когда Зина бывает в Москве, она из наших старых знакомых никого не видит, хоть может всех вызвать к себе по телефону. Ведь все наши знакомые – старики и старухи и, значит, пенсионеры и времени у них много.

Нет, Зина бывает только у Викиных друзей и знакомых Викиных друзей. Из старых знакомых заходит иногда к Билибиной В.И.^{*}, но это, кажется, потому что та в таком восторге от Вики и его произведений. Кстати, как тебе понравилась критика на Викин второй фильм в №1 «Нового Мира»? Мне – очень. А писала его простая закройщица.

<...> Сейчас[21 марта] пойду для рекогносцировки на кладбище. Иду туда с замиранием сердца всегда. Что там сломали [на этот раз]? Два раза обламывали мраморный крест, и цветы почти всегда обрывают, хороших цветов совсем сажать нельзя. О розах и думать нечего! Зина уже неделю не была у меня. Что с ней – не знаю. Это очередной у нас «разрыв отношений». Я нахожу, что за неделю они могли мне хоть с Ганей или их милиционером [Васей] присылать газеты. Но я им не звоню.

Как-то Зина была больна, естественно я звонила им ежедневно – узнать об ее состоянии. К телефону [обычно] подходила Ганя. Но как-то нарвалась на Вику. Он заявил: «Не звони нам. Если мама захочет с тобой разговаривать, она сама тебе позвонит».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 марта 1959 г.

Милая Вера.

Начинаю писать тебе восьмое письмо в этом году, а от тебя не получила ни одного. Я еще раз перечислю все мои письма и книги, которые послала тебе за эти три месяца. Как будто бы все доходит, меня только беспокоит, получила ли ты том «Литературного Наследства» о Маяковском? Напиши!

^{*} Уже упоминавшаяся москвичка Вера Ивановна Билибина, по мужу Краснобаева, муж – ученый-медик.

<...> 27-го марта, день маминой смерти, мы как всегда с Зиной были на кладбище. <...> Женщина, которая смотрит за могилой и летом поливает цветы, уже ждала нас внизу. Травы и цветов теперь еще нет, но она покрыла могилу сосновыми ветвями и поставила два букета иммортелей. Так что все в порядке.

<...> А 5-го апреля будет три года после смерти [нашей швейцарской знакомой] Лины. Это было в 1956-м году. Только было 1-е апреля. В этот день она села писать мне письмо и не окончила, пошла к своему графу. Ты знаешь, она никогда не могла иначе о нем писать, как «M-r de Reche[n]berg» или «le comte Otto». Казалось бы, этот его титул ей должен был быть противен, так как из-за этого он не женился на ней! Не мог же граф жениться на простой учительнице école primaire [(начальной школы)]! Но тут было наоборот: его титул ей был приятен.

<...> Неизвестно почему Зина теперь совершенно не интересуется ни нашими родственниками, ни бывшими знакомыми. Как я ни прошу ее, когда она бывает в Москве, позвонить Гуге и Оле Поповым, Классонятам – она не хочет. [Р.Э.] Классон умер в 1926-м году, и мне хотелось знать, что случилось со всеми тети Сониными детьми. Зина уперлась и им не звонила и не писала. (Так же как ты не хочешь для меня узнать адреса Лены Гефтер [в Швейцарии]. А я сама узнать не могла, так как забыла фамилию ее мужа. Лизе Эпштейн я писала, но она мне не ответила, вероятно, умерла?)

Ну, так я, наконец, от тети Анютиной внучки, которая живет под Москвой*, получила адрес Кати Классон, это их младшая дочь – художница. Но эта свинья Катя четыре месяца мне не отвечала. Пишет ей семидесятивосьмилетняя старуха, а она даже ответить не может! К ней пошла тети Анютина внучка, а она[оказывается,] передала мое письмо своему брату – Ване Классону, старшему сыну тети Сони.

Он сейчас же ответил. Рассказал мне все о своей семье. Из пяти детей тети Сони в живых осталось только двое – Катя и Ваня, последнему уже 60 лет! Он, как и его отец, инженер-электрик. И так досадно, что Зина не хотела узнавать о них, в 1926-м году он был в командировке в Киеве** и, знай, что мы здесь, побывал бы у нас. Я сделала выписки из его письма и послала Любе [Пятницкой в Париж].

<...> Зинина приживалка [Нина Аль] опять улетела в Ленинград к своим родителям (она уже к ним летала в январе). Они больше года живут в Ленинграде, приехали из Сибири, но Зина хочет, чтоб они переехали в Киев. Зачем? Зина говорит: «Тут климат лучше». Зина о своей приживалке [по собственной инициативе] со мной никогда не говорит, как будто ее нет на свете.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 2 апреля 1959 г.

<...> Моя сестра, Зинаида Николаевна Некрасова, жила эту зиму [1958/59 года] в Москве и под Москвой (в Малеевке, где дом творчества писателей). И вот мои письма в Москву и в Малеевку шли по четыре дня и даже по неделе, так что письмо из Лозанны шло столько же, как из Москвы. У моей сестры мания посылать все письма авиа, но они обычно еще дольше идут.

<...> Итак, еще один человек, хорошо знавший [Р.Э.] Классона, умер: Кржижановский. Его я не знала, но встречалась с его женой, встречалась на службе, когда работала в Наркомпросе. (Тогда Наркомпрос назывался – Центральный комиссариат просвещения, был 1918 г.)

* Это «бедная родственница» Елена Александровна Игнатович, работавшая в то время «шахтеркой» в Кимовске под Тулой.

** Явная описка: в 1926 г. И.Р. Классон учился в Высшей технической школе в Берлине, а мог быть в Киеве лишь в 1946 г., когда он в должности начальника Бюро пуско-наладочных работ Гидроэнергопроекта участвовал в восстановлении и пуске Днепровской ГЭС, взорванной сначала нашими, а затем немцами.

Помню, я шла с Крупской (оторвала ее тогда от обеда, чтоб она написала мне одну бумагу). Крупская несла коробку шоколадных конфет и сказала: «Это проиграла мне Кржижановская. Мы держали пари. Она говорила, что немцы войдут в Москву, а я говорила, что не войдут, и выиграла». Меня это очень удивило.

Последний раз я видела Крупскую во время 17-го съезда партии*. Кажется, он назывался тогда «съездом победителей», а потом часть их оказалась вредителями, и [они] были сосланы и расстреляны. Крупская специально, чтоб повидаться со мной, приехала в Наркомпрос. Она туда не ездила, бывала на съезде. Я приехала хлопотать о сорока выкинутых служащих библиотеки Украинской Академии наук, а на их место черт знает кого взяли. Это, конечно, было вредительство <...>.

Моя мать (да, ее звали Алина Антоновна) мне сказала тогда: «Когда ты будешь говорить с Крупской, вспомни [Р.Э.] Классона, тетю Соню, старики любят вспоминать прошлое, и это расположит ее к тебе и будет полезно твоему делу». За год перед этим я послала к Крупской моего племянника (В.П. Некрасова). Она его очень мило приняла и просила на возвратном пути из Ленинграда еще заехать к ней.

Тогда я хлопотала о десяти геологах и пяти научных работниках, это было во время чистки 1931-го года**. Они все были выкинуты. Одного выкинули, потому что у него был когда-то свой дом, чего он никогда не скрывал, другого за то, что он «продавал рыбу» (очевидно, получил ненужный ему паек, и его жена продала на базаре). Ну и т.п. Комиссия по чистке состояла тогда из жуликов и мелких взяточников, а среди обвинителей был даже вор-рецидивист [(как вскоре выяснилось)]. Потом его судили. Я была на суде. Куда я ни писала, куда ни обращалась: и в «Правду», и в Госконтроль, и к Каменеву ходили об этом говорить, и у Крупской была. Ничего не помогало! Тогда я работала в Геолкоме. Мне сказали, что отныне целая геологическая работа безнадежно погибла. Ибо у директора Геолкома будто бы большая протекция: сам Берия (тогда мне его имя ничего не говорило)***.

Ну так я вспомнила, когда встретилась в Москве с Надеждой Константиновной, что я, из ее воспоминаний, узнала, что в доме у тети Сони, у Классонов она познакомилась с Лениным, и припомнила ей еще всех наших общих знакомых, их было очень много. В те годы Н.К. получала по 400 писем в день, две секретарши сидели и разбирали их. Н.К. не могла так реагировать на все дела, как я хотела. И, кроме того, ведь ей вероятно из Киева писали черт знает что все мои клеветники.

А вот воспоминания ей были приятны и интересны. Я дала ей бумаги, чтоб передать Марии Ильиничне, стоявшей во главе Бюро жалоб****. Как-то так это называлось. Жуткое было учреждение. Толку из моих просьб к Н.К. никогда не выходило. Она была очень хороший, очень мягкий, но не настойчивый человек. В этот раз она опять вспомнила, что [Р.Э.] Классон был ее учителем марксизма. Когда я уходила, я обернулась и грустно подумала, что вижу ее, вероятно, в последний раз. Она ходила взад и вперед по своему кабинету и (как это бывает со стариками) разговаривала сама с собой: «Да, ее звали София Ивановна Мотовилова». Это она вспомнила тетю Соню.

* 17-й съезд ВКП(б) прошел 26 января – 10 февраля 1934 г.

** Эта обширная тема «чистки» будет постоянно возникать в воспоминаниях и письмах Софьи Николаевны. Инициировало сию мерзкую кампанию постановление ЦИК и СНК СССР о чистке аппарата гос. органов, кооперативных и общественных организаций. См., напр., «Правду» от 2 июня 1929 г.

*** Аберрация памяти: в письме Н.А. Рубакину в Лозанну в январе 1933 г. С.Н. Мотовилова упоминала чекиста Глеба Бокия (директор Геолкома, или Геологического треста, или Геологоразведочного управления Мельников знал Бокия по учебе в Горном институте); Берия же был назначен наркомом МВД СССР лишь в 1938-м.

**** Бюро жалоб Центральной контрольной комиссии – Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции.

Это было мое последнее впечатление от Надежды Константиновны. Она взяла тогда мой адрес. Я ей сказала: «Да вы же ни разу не ответили, ни на одно мое письмо!». Она сердито ответила: «А теперь напишу». Но я никогда от нее ничего не получила. Была у меня [только] записка от нее о моей работе с ней в 1918-м. Она дала [ее] моему племяннику. Но записка эта сгорела.

За день до прихода наших войск в Киев немцы сожгли дом, где мы жили двадцать восемь лет. Для меня это большая утрата. У нас был свой дом, со своими традициями, со старинной мебелью, привезенной из бабушкиного имения, с массой всяких сувениров, старинных вещей. Нас все уплотняли и уплотняли, в конце концов мы жили уже в двух комнатах, но вся обстановка была та же, те же старинные акварели, гарднеровский фарфор и т.д.* Сгорел и весь мой архив, где была переписка с несколькими писателями, и с моими друзьями – первыми большевиками, то есть со 2-го съезда партии**. Очень мне это грустно.

Вы спрашиваете о моей профессии. По-моему, добровольный ходатай по чужим делам, борец против вредительства, ну и графоманка, но это уже, кажется, не профессия, а свойство. Нет, на самом деле, последние годы, так от 32-го года до 49-го, я работала как библиограф в научно-исследовательских институтах и учебных. Для подработки делала переводы. Затем перешла на пенсию, только в 1950-м. Но пенсия была 210 руб., приходилось подрабатывать.*** Знаете: нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет. Переводила из всяких областей техники и медицины, в которых мало понимаю. И даже с итальянского, который плохо знаю, математические статьи!

Правда, я окончила в 1907 г. физико-математический факультет, была оставлена при кафедре геологии у большого и интересного ученого Левинсона-Лессинга (потом он был академиком). Но из моей геологии ничего не вышло, в Геолкоме я работала как библиограф. Во время чистки (я их очень раскритиковала) выступил директор (protégé Бери) и сказал: «Тут Мотовилова выступала как 100%-ная большевичка, а посмотрите, что она в жизни представляет?». У меня душа в пятки ушла: что же я в жизни представляю? Он был большой, грузный. Нагнулся, пошарил по полу и сказал: «Она там внизу, совсем внизу занимается библиографией». Мне кажется, это очень хорошо определяет мою профессию, хотя бы с точки зрения современных «партийцев».

Да, Вы не написали, понравились ли Вам произведения моего племянника. А мне это очень интересно. Его итальянский переводчик ему написал, что, прочтя его в «Родном городе», он готов был, как Колумб, закричать – «Америка». Т.е. наконец [появилось] настоящее произведение в советской литературе. Вся итальянская критика, а затем французская была хвалебная. В Италии вышло 4 издания, а теперь может быть еще больше, но у нас не переиздают. В Италии писали: «Наконец мы видим настоящих советских людей, а не манекены». Мой племянник – коммунист, а Вы?

* Гарднеровская фабрика считалась лучшей в России. Ее фарфор до середины 19 в. не имел соперников, а некоторые изделия не уступали иностранным. Характерной чертой массовых изделий гарднеровской фабрики 18 в. являлась простота. В отличие от Императорского завода фабрика Гарднера работала в расчете на широкого потребителя и вырабатывала устойчивые образцы массовой посуды и ее росписи. <...> С переходом фабрики в руки Кузнецова (1891) производство увеличилось. Будучи хорошим коммерсантом, Кузнецов не захотел терять постоянных заказчиков на гарднеровский фарфор и поэтому до революции 1917 г. ставил на изделиях клеймо Гарднера (на этих условиях ему была продана фабрика). <...> Изучив рынок, Кузнецов на вербилковской фабрике выпускал в основном чайные и столовые сервизы, а также отдельные предметы старых гарднеровских форм. – Из Интернета

** 2-й съезд РСДРП проходил в июле – августе 1903 г. в Брюсселе и Лондоне.

*** Для сравнения, адресат С.Н. Мотовиловой – И.Р. Классон в 1959 г. вышел на пенсию и получал 1 200 руб., после денежной реформы 1961 г. – 120 руб. И тоже подрабатывал переводами, т.к. у него были жена-домохозяйка и 2 сына-школьника.

Знаете, я хотела Вам рассказать в том письме историю с телеграммой Коробки «Komme Aufers[te]hung»^{*}. Мы ее получили в Ormonts в горах и страшно смеялись. Но я подумала, для меня Коробко хороший знакомый, а Вам он может [быть] вовсе не интересен. У меня есть фотография всех нас в Ormonts у водопада. Мама, тетя Соня, [Р.Э.] Классон, Коробко и мы три [сестры]. <...> У мамы (Алины Антоновны) было трое детей. Зина, вышла замуж за [Платона Федосеевича] Некрасова, он умер в Сибири в 1917 году, он там служил. Вера, она уже шесть десятков лет живет в Швейцарии, в Лозанне, замужем за профессором геологии Лозаннского университета, детей у них не было. Я замужем не была. Зине восемьдесят лет (минет в июне), мне семьдесят восемь, а Вере семьдесят четыре.

Мать Пятницких звали Лидия, мужа ее – Николай Федорович.

Дедушка Иван Егорович Мотовилов, как все дворяне того времени, служил военным, но дослужился только до корнета. Его будто бы подпоили, и он, играя в карты, проиграл в один вечер 100 000. Тогда это были громадные деньги. Его военное начальство требовало, чтоб он этих денег не отдавал (это была какая-то мошенническая история), но дворянин не мог не платить своих долгов. Дедушка Иван Егорович сейчас же ушел с военной службы, продал одно или два своих имения, отдал проигранные деньги, но эта история его так потрясла, что он решил постричься в монахи, и поехал прощаться со своей любимой сестрой [Анной в Киеве].

Но тут он познакомился с ее гувернанткой итальянкой Луизой Флориани. Ей [в 1848 году] было шестнадцать лет, и она была красавицей. Дедушка влюбился, женился на ней и имел от нее пятнадцать человек детей. Перечту Вам тех, которых помню, некоторые умерли маленькими. Дядя Володя, Петя, Николай (мой отец), Лида, Леля, Соня, Аня, дядя Саша, дядя Алеша, дядя Паша, Маня, Вера. Был еще после Веры малый Миша, одного возраста с нашей Зиной, но он умер в детстве.

Ну, тринадцать [детей] я вспомнила, другие, очевидно, умерли в детстве. Бабушка Луиза Францевна (общая наша с Вами) умерла в 1895 году, когда мы приехали из Швейцарии. Ей было пятьдесят с чем-то лет [на самом деле, 63 года – МК], но мне она казалась ужасно старой. Дедушку мы все очень любили, а бабушку очень боялись. Она была властной и молчаливой.

Наш общий с Вами прадед Флориани был врач, у меня сохранился как-то докторский диплом на пергаменте на латинском языке. Учился медицине он почему-то в Германии^{**}. Жена его была швейцарка, но рано умерла. Он приехал в Россию в качестве домашнего врача с каким-то русским помещиком и привез с собой пять дочерей: grande tante Emilie, бабушку мою Валерию Францевну, grande tante Xaverine, бабушку нашу общую с Вами Луизу Францевну и Матильду, но она вскоре уехала за границу.

Все его дочери стали гувернантками. Две более красивые вышли замуж за русских помещиков, а две другие до конца жизни остались учительницами французского языка. Tante Emilie жила в Харькове, а tante Xaverine в Петербурге. Tante Xaverine вышла замуж за Уварова (но не графа). Этот же Уваров оказался двоеженцем и был сослан в Сибирь.

^{*} Я.П. Коробко, друг Р.Э. Классона по Петербургскому Технологическому институту. Написал «Komme Aufers[te]hung» («приезжай Воскресение»), а, наверное, имел в виду: «Ich komme Sonntag» («приеду в воскресенье»).

^{**} Как свидетельствовал киевский знакомый В.П. Некрасова Ион Лазаревич Деген, он сам видел «роскошный диплом – пергаментный свиток с массивной сургучной печатью на витых шелковых шнурах – об окончании пра[пра]дедом [Виктора Платоновича] медицинского факультета Виленского университета», а Ф. Флориани был «жителем вольного города Гамбурга, женился на дочери шведского фельдмаршала».

В 2016 г. на сайте памяти Виктора Некрасова неожиданно всплыл диплом Ф. Флориани: он очутился у «наследника», пасынка В.П. Некрасова – В.Л. Кондырева в Париже, см.

(nekrassov-viktor.com/Family/Baxareva-Svetlana-Dom-komod.aspx).

3 апреля 1959 г. (продолжение). Хочу спросить Зину, как перевести «J'ai filé». [П.Э.] Классон хотел сказать «я помчался», а вышло нечто вроде «я улепетнул». Интересно, как Зина переведет? А я-то думала, что тети Сонины дети прекрасно знают французский! В 1902 или 1903 году мы жили в Петербурге на Ивановской, а тетя Соня с детьми приехала и остановилась в «Северной гостинице» совсем близко от нас, но к нам не поехала. А затем пришла к нам grande tante Xaverine, сама преподавательница французского языка, и восхищалась, как тети Сонины дети хорошо говорят по-французски. Маленькая Таня ей сказала на что-то «Oh, que c'est bizarre» [(«О, как это странно»)]. Довольно изысканное слово.

Вы спрашиваете, не у нас ли росла Лена [Игнатович]. Бог с Вами! Ну разве мы ее бы так воспитали! Она появилась у нас в 1941 году за день или два до начала войны. В Киеве она была проездом: ехала к своему родному дяде Мише Гельшерту. Он жил в селе, был учителем, детей у них не было. И когда я ему написала, что тетки Лены (сестры ее отца) пишут, что не могут больше ее терпеть, так она скандалит, Миша согласился взять ее к себе, но просил не давать в Лубны, где они [(тетки)] жили, его адреса – тетка хотела непременно на него донести. Лена говорила, что и на ее отца тетка донесла, и он был сослан. Миша прислал денег на Ленину дорогу. Я переслала их в Лубны, но месяца два Лена не приезжала. Когда она приехала, я не решилась ее сразу послать дальше к Мише (что Зина мне не может простить), Лена застряла у нас в 1941 году на десять месяцев.

У нас был жуткий голод, немецкая оккупация (сестра [академика Л.Н.] Яснопольского умерла от голода), много старой интеллигенции в Киеве умерло в эту зиму. Моя сестра была больна. Самое страшное время в моей жизни. А тут вечно скандалившая и кричавшая на нас Лена. К счастью, через десять месяцев она уехала в Германию*. Но Зина теперь боится ее к себе пускать. Лене хотелось бы отдохнуть, пожить в хорошей обстановке, но Вика ее отправил обратно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 апреля 1959 г.

Милая Вера.

<...> У меня теперь появился новый корреспондент: сын Классона. Вчера прислал опять длинное письмо, последнюю карточку [П.Э.] Классона и свою.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону (Москва, Измайловский проезд, д. 2а, кв. 58), 15 апреля 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я думала «осчастливить» Вас, послав Вам пять карточек Вашей семьи, одна ведь – [П.Э.] Классона во Франкфурте, очень хорошая, другая (где тетя Соня очень хорошенькая), вероятно 1888 года и три карточки Вашей же семьи. Соня с Таней, карточка, снятая в Симбирске, очевидно Таничкина, а на фотографии с няней очевидно Вы?

<...> Да, насчет «j'ai filé», ни в Larousse'е точного значения не нашла, ни Зина не смогла точно перевести. Это вроде «я улизнул», только «улизнул» («filer») означает – от кого-нибудь, а в данном контексте – просто так, ни от кого [(в значении – «умчался»)]. Еще Зина помнит, что Крафт сказал: это выражение слишком «Studentenhaft» [(«студенческое»)], помнит – так как впервые услышала это немецкое слово.

По-моему, этот Крафт был нахал, его пригласили как акушера к тете Соне, а не учителем французского языка к ее мужу. Но по фамилии Вы знаете, что он был немец и очевидно гордился тем, что хорошо знает французский язык. Вы ведь немецкий должны знать, раз учились там?

* На самом деле, Елену Игнатович немцы принудительно увезли на работы в Германию.

Я прожила год в Веймаре, затем слушала лекции в университете в Лейпциге, в разное время бывала там [(в 1899-1900 и в 1911 годах)]. Почти ежегодно по дороге из России в Швейцарию бывала в Мюнхене весной, там как раз тогда выставки картин бывали. Но немцы, которые были здесь во время оккупации Киева, совсем не похожи на немцев, которых я знала в Германии. Очевидно, я там больше знала университетскую публику, а тех, которых я видела здесь, были невероятно некультурны и даже безграмотны.

<...> Как-нибудь расскажу Вам, как тетя Соня пригласила жить к себе «навсегда» *grande tante Emilie*, и как это плачевно кончилось.

<...> Мой племянник немножко психопат. Ему, как лауреату, предложили квартиру из четырех комнат, но он отказался. Боялся, что тогда сейчас же поселятся у него его «друзья» с семьями, которым негде жить. И в этих двух комнатах [нынешней квартиры] у него полно приживалов! Они их называют «друзьями». Сейчас у них живут только двое. Один живет у них семь лет [одна – Нина Аль!], а другой «друг» – уволенный милиционер [Вася] двадцати шести лет. Они его пустили во время своего отсутствия, чтоб «охранять» их домработницу и квартиру. Службу он теперь получил, но переехать от них в общежитие не торопится. Ходит с ними в театры, на концерты, в Викиной одежде, конечно. Таких у них уже много было. Вечно дом полон приживалами! Вика их «выводит в люди».

Квартиру Вике в четыре комнаты оттого предлагали, что он был заместителем председателя Союза украинских писателей, и у него бывают иностранцы: неловко, что писатель, да еще известный, в двух комнатах живет. То есть кому-то, высшему [начальству] неловко. Иногда, когда к нему приезжают из Москвы гости, он им снимает комнаты в гостинице, на свой счет, конечно, но для этого надо добывать фальшивые командировки. Вообще, мой племянник – это моя «зияющая рана».

Ребенком он был изумительно мил и хорош, никогда с ним не было никаких ссор, споров, трений. Делал, что ему говорили. Кроме школы ходил на уроки английского, французского. Когда он поступал в вуз, оказалось, что в архитектурный не принимали детей интеллигентов («умный» закон!), а можно было только поступить в художественный. И вот Вика звонит своей бабушке*: как ему быть – поступать в художественный? Много ли студентов у нас найдется, которые, поступая в вуз, советуются со своей бабушкой?! Но, увы, война его совершенно изменила. Он вернулся оттуда грубый, два раза был ранен, ничем домашним не интересующийся, с жуткими манерами и окруженный всяким сбродом, вечно живущим у нас!

<...> [Р.Э.] Классон нам рассказывал (может быть и Вам тоже?), что за время своего учения в гимназии он два раза по 2 года сидел в одном и том же классе. В младшем классе один год увлекался игрой в мяч, а в одном из старших классов влюбился в какую-то девицу. И все-таки кончил гимназию за 10 лет. Ему было 19 лет, когда тетя Соня с ним познакомилась, и [он] выдержал конкурсный экзамен в Технологический институт [в Петербурге]. А это было нелегко...

<...> Вещь Дудинцева [(«Не хлебом единым»)] мне абсолютно не нравится. Его герой не типичен и противен, какой-то психопат. Голодает, но никакой платной работы не хочет брать, живет на деньги мужа своей любовницы. Брр! И, кроме того, в вещи этой все-таки проскальзывает подхалимство, а я этого не выношу. Мы, Мотовиловы, люди гордые и независимые. Вещи моего племянника мне тоже не нравятся. Все его герои из чуждой и не понятной мне среды и все противные. Его воспоминания о родном доме привели меня в ужас. Вы не можете себе представить, что за уютный культурный дом у нас был [в Киеве], какая уйма книг.

* АLINE Антоновне Мотовиловой.

Наш с Вами общий прадед Флориани был высококультурный человек, и от него у нас остались старинные тома в кожаных переплетах Вольтера, Руссо, Гельвеция издания XVIII века. Масса книг по социологии мужа Зины Некрасова, он учился в Германии. Тут был и Маркс, и Энгельс. Библиотека моего отца – русские классики. Зинины медицинские книги, мои книги по искусству, очень много детских книг на четырех языках с чудесными иллюстрациями. Книги по геологии я в годы революции продала.

Когда-то Коробко говорил тете Соне: «Не покупайте себе такую мебель, как у Мотовиловых». Тогда ведь мода была на стиль модерн, ну а у нас было все старое и старинное. «Пушкинские диваны», как говорила одна моя знакомая, мебель с гнутыми ножками, треугольные столики в углах, чудесные ковры с розами. Войдешь и сразу видишь: обстановка среднего дворянства, XIX век. Когда мама была больна, и мы пригласили врача-профессора, он, войдя, спросил: «Мотовиловка (это местечко под Киевом) была Ваша?». Иначе говоря, сразу почувствовал: бывшие помещики.

Ну и как и что вспомнил мой племянник о своем доме? Клопы, пыль, продавленный самовар, старые туфли... Я, прочтя это, была больна недели две, и дочитать «Окопов» не могла. Подумала: «Хорошо, что мама умерла, до чего бы ей было больно это читать! Все, что осталось у него в памяти от его детства!». Знакомые мне говорили: «Поймите, он же не мог изобразить Ваш дом таким, как он был». А знаете, что один из киевских критиков написал? «Сейчас видно, что дом буржуазный, клопы». Как Вам известно, пролетариат отличается верхом культуры и чистоты, ну а все плохое – у «бывших».*

<...> Я как-то спросила в киоске, «кто больше всего покупает эту книгу?»**. И мне ответили: «Мальчики от двенадцати до четырнадцати лет». Обе вещи идут в кино. Первую трудно было поставить: возмущался [маршал] Жуков всеми этими солдатами – всегда ободранцами. Он любил парад. Ну а второй фильм Вика отказался переделать, и его исказили без него.***

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 мая 1959 г.

Милая Вера.

Наконец, получила несколько строк от тебя. 8 мая мы, как всегда, были с Зиной на кладбище. Ведь это день маминого рождения, маме было бы теперь сто два года.

<...> Я много лет подряд просила Зину узнать, что случилось с детьми тети Сони, но она ни за что не хотела. Наконец, через тети Анютину внучку, я получила адрес младшей т. Сониной дочери, Кати. Она была художницей, и я даже видела (давно) в журнале репродукции ее картин. Она четыре месяца мне не отвечала. И так все. Пишут, что мои письма им очень интересны и ...не отвечают! Наконец, когда к ней опять зашла т. Анютина дочка, она [сообщила, что] передала мое письмо своему брату Ване, ему уже шестьдесят лет (названному в честь дедушки Ивана Егоровича).

* Объективности ради стоит заметить, что впечатления В.П. Некрасова о своем доме носили достаточно нейтральный характер:

Хороший был диван – мягкий, просторный. Я на нем спал. В нем было много клопов, но мы жили дружно, и они меня не трогали. <...> Направо большой гардероб. <...> На гардеробе картонки со шляпами.

На них много пыли, ее сметают только перед Новым годом, Первым мая и мамиными именинами – двадцать четвертое октября. За гардеробом комод с овальным зеркалом и бесчисленными вазочками и флакончиками. Я не помню, когда в этих флакончиках были духи, но их почему-то не позволяют убирать. Если вынуть пробку и сильно втянуть носом, то можно еще уловить запах духов.

Дальше идет ночной столик. Нет, голубое кресло с подвязанной ножкой. Садиться на него нельзя, и гостей всегда об этом предупреждают. А затем уже ночной столик. Он набит мягкими клетчатými туфлями, а в его ящике – коробочки с бабушкиными порошками и пилюлями. В них давно уже никто не может разобраться. (из повести «В окопах Сталинграда»)

** «В окопах Сталинграда».

*** Фильмы «Солдаты» и «Город зажигает огни» (по повести «В родном городе»).

Тот мне сразу ответил и описал судьбу всех своих сестер и брата. Из пяти детей т. Сони осталось только двое. Он – Ваня и Катя, другие трое умерли. Остались их дети: у Кати один сын, у Сони трое детей, у Тани остался один сын, у Вани двое сыновей. Но я сделала выписки из его письма и послала Любе [Пятницкой в Париж]. Если тебе интересно, напиши ей, пусть пришлет тебе мое письмо, если оно сохранилось.

Но Люба должна быть теперь на юге Франции, у [своей дочери] Лены. <...> Бедная Люба очень бедствует теперь в Париже, и, так обидно, ничего ей переслать нельзя, у нас такой теперь закон. На почте мне так сказали. Посылать можно только книги. Я ей написала, не прислать ли ей книг? Может быть, она могла бы их продать, как мы продавали когда-то присылаемые тобой чулки. Но Люба ответила, что из этого ничего не выйдет, Советских книг у них в Париже сколько угодно, из всех отделов знания, а русских эмигрантов в Париже уже очень мало, зато русское кладбище [Сен-Женевьев-де-Буа] там уже заполнено.

Но самое обидное, что у Вики сколько угодно денег и в Италии, и во Франции и Германии. Его издатели ему охотно бы высылали (они об этом пишут), но теперь, будто бы, новое правило, т.е. это уже несколько лет, что наши писатели не имеют права получать деньги из-за границы за свои переводы! Ну, и деньги пропадают зря, обогащают издателей, а они бы и Вам, и Любегодились. Я с Викой не разговариваю, вернее, он со мной не разговаривает. Возможно, так и лучше, я человек больной, старый, у меня сжатие мозговых сосудов и мне надо беречься от всякого волнения, а он – груб [со мной]. Это счастье, что мне удалось с ними разъехаться, а то бы меня давно в живых не было. Ну, и им, вероятно, без меня легче [жить] со всеми их обнаглевшими приживалами!

Сейчас заходила Зина, я ей дала прочесть твое письмо. Она шла на дневной концерт-лекцию. У нее они по воскресениям. Она слушает русских музыкантов, т.е. русскую музыку. В последний раз у них был Чайковский, а сегодня – не знаю кто. Если ты и я никуда не ходим, то Зина ходит за нас обеих. Она почти ежедневно [бывает] в кино, театре или концерте, всегда в обществе своих приживалов, водит их с собой. А на этих дневных концертах встречается с массой своих знакомых. Это счастье, что у нее такой интерес к жизни, ведь ей скоро минет восемьдесят лет.

13 мая Вика улетел на съезд писателей в Москве, его делегировали отсюда и вызвали из Москвы. У него как раз гостила одна из его Московских дам, так что он с ней вместе улетел. Вика очень мало пишет, но моя соседка, вдова одного еврейского писателя, мне говорила, что в Московских литературных кругах Вика считается лучшим русским прозаиком теперь. Он ведь мог бы быть талантливым художником. Когда-то давно Гомочка утверждал, что он мог бы его научить быть скульптором.*

<...> Я рада, что ты поправилась в клинике, но умоляю тебя: ходи гулять! И ходьба, и воздух в нашем возрасте очень нужны. Я уже тебе писала, две моих знакомых старухи, после перелома ноги, совсем перестали ходить. У тебя после перелома все было хорошо, и ты ведь могла ходить, но если весь день не двигаться, то ноги атрофируются.

У одной из этих старух (Викиной знакомой), которая все время лежала, ноги атрофировались. Вика вызвал какого-то известного врача, но тот сказал, что она уже никогда ходить не будет, так она и пролежала до самой своей смерти.

<...> Я читала вчера воспоминания о Крупской, там пишут, что сперва она начала заниматься марксизмом в кружке Я.П. Коробки, а на следующий год занималась в кружке Р.Э. Классона.

* Это известный советский скульптор и профессор в Московском высшем художественно-промышленном училище Георгий Иванович Мотовилов.

Есть у нас писатель Гранин. Он инженер-электрик, но сейчас не работает как инженер, а только как писатель. Это большой приятель Вики. Если у Вас есть в библиотеке его книга «Искатели», прочти! Он несколько раз писал о Классоне в статьях.*

Ну, и вот я ему предложила, отчего бы ему не написать книгу о Классоне? Зина предупреждала меня: Гранин на письма не отвечает, но мне он сейчас же ответил. Эта мысль ему очень понравилась, просил дать адрес сына Классона. Я его письмо переслала Ване Классону, а тот ответил мне, что из этого ничего не выйдет, так как уже три писателя пишут биографии Классона**! Сперва ждут, чтоб все умерли из его знавших, а потом начинают биографию писать! А жива ли сестра Классона, Кристиани?

<...> Гранина, Панову трудно достать, страшно раскупают. Боюсь, что некоторые вещи тебе будут непонятны, например, их радость, что они «получили комнату». У нас ведь после всех этих лет революции страшный жилищный кризис, и хоть строят без конца, но все же масса людей без своей «площади», как у нас говорят. Да, книги у нас ужасно дешевы. Обычно книга в переплете стоит 8-10 руб., что равняется стоимости одного kg сахара (8 руб. – песок, 10 руб. – кусковой). А у Вас сколько сахар стоит? Если перевести на дореволюционные цены, когда книги стоили прежде 1-2 руб., то теперь [они] стоят копеек 25 на прежние деньги.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 мая 1959 г.

Милая Вера.

<...> Недавно ушла от меня Зина, зашла, как всегда на несколько минут. Завтра в 10 часов утра она с Викой улетает в Ялту. Вчера в 12 часов ночи Вика прилетел из Москвы со съезда писателей, до конца съезда он не остался. Что он рассказывает? Зина не говорит, она в страшном волнении. Дня два тому назад их «добрые друзья» позвонили им, что на съезде писателей должно быть очень резкое выступление против Вики со стороны украинцев.

Вика написал какую-то статью в какой-то журнал «Кино» или что-то в этом роде. Она должна [была] пойти в майский номер, а [теперь] пойдет в июньский, а может быть совсем не пойдет. Я не знаю, как это надо рассматривать с точки зрения литературной этики, но до напечатания редактор дал прочесть ее разным лицам.

* Статьи Д. Гранина об Р.Э. Классоне в Интернете не обнаруживаются. Не заметил их и Марк Каменецкий, автор книги «Р.Э. Классон» (1963 г.), и потому не внес в подробный «Список литературы о Классоне» (www.famhist.ru/famhist/klasjon/kniga_kamenetsky_mo.pdf). А вот в романе «Искатели» (1954 г.) начинающий писатель примитивно-патриотично поддержал живучие советские мифы:

Под стать этим богатырям [(русским электротехникам)] была и группа первых советских электриков. На плечи этих ленинских выучеников легло создание новых электростанций. Андрей с гордостью перечислял их имена – Кржижановский, Классон, Винтер, Александров, Графтио... Про каждого из них он мог рассказывать часами. Это были ученые нового склада. Большую часть своих научных работ они писали железом и бетоном на берегах Волхова, Днепра, Свири.

«Первые советские электрики» не были «ленинскими выучениками», а все теми же – «старыми буржуазными инженерами». Кржижановский, в отличие от Классона, не построил ни одной электростанции. На «Электропередаче» в 1910-х годах он лишь отвечал за заключение договоров на поставку электроэнергии с текстильными фабрикантами и другими потребителями Московского промышленного района.

** По-видимому, кроме ленинградского биографа Марка Каменецкого И.Р. Классон мог упомянуть Бориса Галина с вылизывающим В.И. Ульянова-Ленина очерком «Азарт юности» (был опубликован в 1960 г., а затем вошел в книгу «Строитель нового мира») и Тамару Леонтьеву с не менее восторженной, но неряшливой фактологически книгой «Вторая программа. Документальная повесть» (о ГОЭЛРО, вышла в 1970 г.).

И вот Гончар (недавно выбранный председатель Союза Украинских Писателей) почти треть своего выступления на съезде посвящает негодованию по поводу этой статьи. Он так и говорит: «Пришлось мне прочитать в рукописи статью известного нашего писателя». Он, что – цензор? Почему «пришлось»? Хотя я и говорю Зине: «Но ведь никто же не знает, что он это говорит про Вику. Ну, кроме украинцев», но Зина негодует: «Как он смеет критиковать то, что еще не напечатано?»*

* Статья Виктора Некрасова “Слова «великие» и простые”. Журнал «Искусство кино», №5, 1959 (с критикой фильма Александра Довженко «Поэма о море» – nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Slova%20velikie%20i%20prostie.aspx). По ней развернется острая дискуссия, и не только в «Искусстве кино». Например, 11 июля московская «ЛГ» перескажет полемическую статью Л. Новиченко «О взглядах широких и узких» в украинской «Литературной газете». А критик В. Щербина выступит с обстоятельной статьей «Об одной плодотворной дискуссии» в «Советской культуре» за 14 июля 1959 г.:

<...> Писатель В. Некрасов в открывшей дискуссии полемической статье “Слова «великие» и простые” весьма отрицательно и даже иронически оценил сценарий и фильм А. Довженко «Поэма о море». <...> В. Некрасов не находит в «Поэме о море» подлинных людей, т.к. в их облике, во всем строе произведения он все время чувствует патетическую мысль Довженко. Но действительно ли все это лишает произведение настоящей жизненности, переводит его в разряд условной риторики? Конечно, нет. Позволим здесь даже несколько не поверить В. Некрасову, как он не верит в искренность романтического пафоса Довженко и его героев. Полезно заметить, что в той или иной степени личность художника всегда чувствуется в художественном произведении. Едва ли кто станет отрицать, что личность В. Некрасова отчетливо проглядывает в облике героев его произведений. Всем своим существом они так же демонстративно отвергают пафос, романтическую приподнятость. Значит, дело совсем не в том, что в духовном складе героев «Поэмы о море» проглядывает облик самого Довженко. Суть дела в другом – в неприятии определенной художественной линии, резко выраженной, в частности, в творчестве А. Довженко. С автором статьи можно было бы согласиться, если бы речь шла о псевдоромантике, ходульности, ложном пафосе, подменяющих подлинное жизненное содержание. Но, к сожалению, В. Некрасов возражает против другого. Он отвергает, находя его безжизненным, искусство, исполненное пафоса, большой мысли, романтической патетики. Ему не нравится то, что А. Довженко любил «великие слова». В. Некрасова куда более трогает простая человеческая речь, а «пламенные слова» оставляют «сердце холодным», а разум «непотревоженным».

И здесь мне хотелось бы решительно возразить писателю. В нашей жизни есть много разных положений, настроений, граней бытия, и соответственно нужны слова разные – и простые, обычные, и великие, пламенные. Неспособность героя возвыситься душой, все время оставаясь в плоскости обычного, так сказать «среднего состояния», есть лишь свидетельство духовной ограниченности человека, притупленности его эмоциональной сферы.

Едва ли можно полностью принять трактовку вопроса о соотношении художественных особенностей А. Довженко и В. Некрасова в статье Б. Сарнова “«Глобус» и «карта-двухверстка»” («Литературная газета», 1959, 9 июля). Вполне правильна мысль автора статьи, что правомерны различные, а нередко даже противоположные манеры художественного изображения. Действительно, имеют право на существование в советском искусстве и «общий план» А. Довженко, и «карта-двухверстка» В. Некрасова. Но неверная тенденция В. Некрасова абсолютизировать свою точку зрения на правдивость искусства не встретила в статье «Литературной газеты» необходимых возражений.

Склонность находить правдивость только в сравнительно узком, определенном кругу явлений литературы проявляется В. Некрасовым не впервые. Подчеркиваем, что никто не навязывает В. Некрасову симпатий к тем писателям, которых он не приемлет своим разумом и сердцем. Никто не предлагает так же канонизировать особенности творческой манеры авторов «Поэмы о море», выдавать ее за единственный творческий путь в искусстве. Но тем более неуместно желание привести все содержание понятия правдивости в искусстве к одному знаменателю – к подчеркнутой будничности, к антиромантической приземленности повествования. <...> Каждый художник имеет право на свое видение мира. В. Некрасов в жизни видит главным образом [вернувшихся с войны] молчаливых молодых людей. Но ведь мир беспредельно шире. А. Довженко увидел другую сторону действительности. О ней он хорошо говорил на Втором съезде советских писателей: <...>. <...> Да как можно иногда не заговорить романтически возвышенно, даже торжественно, при виде таких свершений, как Куйбышевская, Каховская, Братская ГЭС, и другие великие преобразующие деяния советских людей. <...>

Как известно, на сооружении той же Куйбышевской ГЭС широко применялся труд эзков. Одно это обстоятельство вскрывает всю фальшь риторики критика В. Щербины и «романтики» А. Довженко!!!

Ты читала книгу [Феликса] Джексона «Да поможет мне бог!»? Я тебе посылала. Ну вот, у нас то же самое. Все должны говорить в унисон то, что прикажут, и люди лезут туда же, не зная, в чем дело.*

<...> Да, Зина сегодня принесла Humanité с репродукциями Викиного фильма «Солдаты», там он называется как-то иначе [(«Les quatre de Stalingrad»)]. Значит, его уже показывают в Париже. Это в одном из майских номеров Humanité, кажется Humanité-dimanche [(воскресный выпуск)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 мая 1959 г.

Милая Вера.

Получила сейчас твое письмо с припиской Ульянова. Поблагодари Ульянова за присылку твоего письма и его статьи «La géologie de grands tunnels alpins» [(«Геология больших тоннелей в Альпах»)].

Статью получила вчера, а твое письмо сегодня. Дома ли ты или еще в клинике? Мне кажется, тебе не стоит спешить домой, надо научиться как следует ходить. Как Ваши материальные дела? Получил ли Ульянов ту работу, о которой ты писала в 1958-м году?

<...> На карикатуре в «Литературной газете» Гранин в женском костюме и с фатой невесты. Ты знаешь о Вике там написано две строчки: «Изведав путь эксперимента / Вернись, Некрасов, из Сорренто». Это ирония, что он будто больше интересуется Сорренто, чем СССР.

А [домработницу] Ганю встречает их сосед по дому и спрашивает: «Оказывается, Некрасов опять в Италии?» Ганя отвечает: «Нет, он в Москве на съезде писателей», А тот: «Что вы рассказываете! Я сам читал в газете, что он в Сорренто».**

* Книга [Феликса Джексона «Да поможет мне бог!»] проникла мне в самую душу, так как сюжет мне очень и очень близок, и... злободневен. Молодой адвокат Спенсер Донован, проделал сам над собой жестокий, но поучительный опыт: он написал сам на себя анонимный донос и направил его в ФБР. Результат был потрясающий: его начали со всех сторон травить, разбили его карьеру, он потерял друзей, невесту, клиентов, и даже... уборщицу! Но он выдержал до конца, и лишь пред лицом комиссии по расследованию антиамериканской деятельности предъявил копию письма, снятую на копирке. Скандал получился потрясающий! Кончается книга «на полуслове». Хочется знать, попадет ли Донован в тюрьму за «мистификацию», не предаст ли его друг Лэрри и многое подобное. Но хорошо, что все же есть мужественные люди, готовые пострадать ради идеи. – Е.А. Керсновская (отсидела в сталинских лагерях 11 лет). Книги, прочитанные мною в 1960 году

** Весна! Деревья расцветают... / С литературных облаков / Несется гул: там заседают / Смирнов, Ажаев и Сурков. / Томительно колышет воздух / Речей руководящих звуков.

Весь в улыбающихся звездах / весну встречает Корнейчук. / Барашка к празднику зарезав / И заварив крепчайший чай, / Сидит пред юртой Ауэзов: / Он завершил роман «Абай». / От всех ветров и бурь весенних / Ермилов скрылся в книжный дот: / Нетерпеливый современник / К нему без боя не войдет.

Весна! Отрада чувств и взора... / Чу! Слышен милицейский свист. / «Поймал!» – Леонов держит «Вора», / И этот «Вор» – рецидивист.

С кем дружит Кочетов? По новой, / Весенней версии – с Пановой: / Консолидация идет! / Какая сцена у фонтана! / Сие – мираж? Фата-моргана? / «Сентиментального романа» / Малоизвестный эпизод?..

Вот в виде трех античных граций / Даны три критика. Навет! / Книпович с Трифионовой? Нет / Столь необычных комбинаций. / Наоборот: в конце концов / Здесь каждый сам себе Перцов!

... Пора любовных разговоров, / Пора признаний! Чуждый дум / Весенний шум, зеленый шум! / Его не чувствует Парфенов: / Сидит в «Раздумье» день-деньской / Над Волгой матушкой-рекой. / Вот Соболев и Друзин – с новым / Жильцом московским Сартаковым. / Все трое ездят по Руси, / За что им русское «мерси»!

Презрев весну, забросив лиру, / Разить врагов, грозящих пиру, / Во всех изданиях готов / Неутомимый Грибачев. / Войны холодной бита карта, / Ан вдруг – сквозь строки мирных нот – / Она негаданно дохнёт / Январской стужей, вьюгой марта, / Декабрьским холодом зимних пург. / В боях, сопутствуем удачей, / С войной холодной (и с горячей!) / Вовсю воюет Эренбург.

Твое коротенькое письмо и приписку Ульянова пошлю Зине, а тебе посылаю ее первое письмо из Ялты.

Сегодня же получила письмо от Машеньки, тети Анютиной дочери. Мы с ней никогда друг друга не видали, но это моя самая аккуратная корреспондентка. Она очень одинока, муж умер десять лет тому назад, а сын военный – в Амурском крае, она с дочкой живет в Тамбове. Дочка кончает Музыкальное училище.

Для развлечения Машеньки пересылаю ей все письма наших родственников. Любины из Франции, т. Вериней дочери из Ленинграда, жены Пети Пятницкого из Симбирска, а теперь она просит еще письма Вани Классона. Я, так сказать, «семейная связь», да еще письма от т. Анютиной внучки, она живет под Москвой – шахтерка!

<...> Зина говорила, что съезд был очень скучный, очевидно, со слов Вики. Да он вообще норовит всегда находиться только в кулуарах. Когда он был заместителем председателя Союза Украинских Писателей, приходилось и в президиуме сидеть.

Очень бы хотелось знать отзывы французской печати о Викином фильме. У нас тут только коммунистические французские и итальянские газеты. Если у Вас встретится рецензия в газете, пришлите вырезку мне. Я знаю, что есть рецензия в «Lettres françaises». Если бы Зина была в Киеве, она бы ее принесла мне. А люди-то знакомые уже не очень-то любезны и принести мне не хотят. Я уже даже «унизила» и написала Зининой приживалке [[Нине Аль](#)], не достанет ли мне она.

Окончание примечания

Скрестив поэзию и прозу, / Лелеет Паустовский «Розу» – / В литературе, как в саду, / Гибридизация в ходу. / Давно костер разводит Федин, / (Садам искусства холод вреден). / Катаев, юных ждя гостей, / Им вход в искусство открывает, – / А сам, пожалуй, застревает / В одесской юности своей...

Изведав путь эксперимента, / Вернись, Некрасов, из Сорренто! / У Кербабаева Берды, / Как в солнечном Туркменистане, / Нефть фонтанирует в романе. / Пусть. Только не было б воды. / Здесь, в нарушение всех канонов, / Изображен худым Сафронов. / Он не таков – не «весом в пуд»! / Вот «Огонек» – он, вправду, худ.

Здесь за работою всегдашней / Мы видим Шолохова. С пашней / Он кровно связан. Как родне, / Своей он предан целине, / Он любит труд на ниве слова. / (Я здесь Вирту и Бубеннова / Вполне уместно помяну: / Они пришли на целину.) / Презрев занятия другие, / Овечкин льнет к драматургии. / «Вернись в наш очеркистский стан! – / Кричат Михайлов с Шагинян, – / Не всяк из нас в Шекспире годеи!»

... Итак, продолжим. Вот Погодин. / Вновь патетический дебют – / Опять «Куранты» громко бьют. / С весьма похвальным постоянством / В. Розов борется с мещанством, / Но позволительно сказать, / Что стулья незачем ломать. / Стул – это вещь, и Гоголь, право, / Смотрел на вещи очень здраво.

Вот – Николаева. Она / И знаньем техники сильна, / И знаньем чувств: в своем романе, / Таком лирично-деловом, / То говорит о женском стане, / То – вновь о стане полевом. / А это – кто? Узнали? Гранин. / Его наряд довольно странен. / Он – «После свадьбы», неспроста / На нем венчальная фата!

Идет Твардовский – даль за далью! – / Своей сибирской магистралью, – / Ему простор необходим. / Спешит Кожевников Вадим – / Идет со «Знаменем», как в сечу, / К себе в журнал... «заре навстречу». / В. Лацис, старый рыболов, / Берет богатый свой улов.

Детсад. Узнали? Нет вопросов? / Барто, Маршак, Чуковский Носов. / (Я, начиная список с дам, / Пример воспитанности дам.) / Вот Михалков с Кассилем рядом... / Мы все довольны «детским садом». / Но, дети, дети, вас никак / Нельзя принять за «молодняк»!

... Вкруг поэтического древа / Земля от вешнего напева / Дрожит. О, сколько здесь рулад / На всякий вкус и всякий лад! / Здесь – сто парнасов. Вот – московский: / Светлов, Кирсанов, Исаковский, / Смирнов, Мартынов, Щипачев / (Он петь любовь «всегда готов»). / Прокофьев, Тихонов, чья лира / Поет успешно песни мира. / Вот – старый (?) Гулиа... о, нет, – / Он молод, молод с давних лет! / Вот Абашидзе, вот Венцлова, / Гулям и Рыльский, мастер слова, / Вот Кулешов, Турсун-заде, / Расул Гамзатов и т.д.

Не всех поющих в вешний праздник, / Не всех хороших (как и «разных») / Я смог вместить в свой длинный стих, – / Прошу прощения у них.

Эмиль Кроткий (рядом с дружескими шаржами И. Игина и И. Семенова). «Литературная газета», 18 мая 1959 года.

Вчера заходила Ганя, принесла мне мое белье, она мне его стирает, но я плачу, конечно. Она злится, что в июне к ним должны приехать пять знакомых из Ленинграда. Где они у них уместятся в двух комнатах?, да их трое, да еще этот бывший милиционер [Вася]. Но Зина любит людей и гостей.

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 25 мая 1959 г.
(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня.

Вчера мы ездили (25 человек) в автобусе в Севастополь: выехали в 9 ч. утра и вернулись в 9 ч. вечера. Погода была изумительная! Яркое солнце, которое появилось уже третьего дня, когда мы ездили на пляж, где я переругалась со старой медсестрой (мы попали на медицинский пляж), которая запрещала мне входить в воду <...>.

На мужском пляже, где был Вика, другая сестра не позволила курить, чтобы не портить воздух и тоже давала какие-то медицинские распоряжения. Выйдя, мы пошли смотреть на обыкновенный пляж, но там только три «закутка», вокруг которых ютятся толпа людей, «друг на друге».

Поэтому сегодня мы катером поехали на «Золотой пляж», где купаются только «диким образом», но вода была холодная настолько, что я просто облилась, а Вика влез в воду, но даже не поплавал. Зато на солнце было тепло, и мы немного полежали и почитали, а затем поехали катером обратно.

Вчерашняя прогулка была очень хорошей, смотрели в Севастополе Малахов курган, памятник Нахимову совершенно разбит – груда камней, но его восстановят в точности по сохранившейся модели, а Тотлебену памятник уцелел, хотя на нем много следов пуль, пробивших его в разных местах*.

Затем пошли смотреть восстановленную [панораму], вернее совсем новую, но сделанную в точности по старому плану и очень хорошую и в смысле красок, да и всего оформления, а в музее видели сохранившиеся фрагменты старой [панорамы], очень потемневшей и плохо различаемой.

<...> Знакомых у нас пока немного: несколько полузнакомых и один старый Викин знакомый Попов, написавший «Сталь и Шлак»**. Ближе познакомились с двумя дамами, сидящими за нашим столом. Одна из них армянка [из Москвы], зовут Рануш Акоповна Акопян (а, может быть, надо писать через «о»?).

Ну, нам впереди еще предстоит много экскурсий и разных посещений. <...> Видели в порту два огромных парохода: «Крым» и «Россию» у причала.

Через день у нас кино, сегодня смотрели грузинский фильм «Чужие дети» [Тенгиза Абуладзе]. Очень хороший, в котором играют главные роли мальчик и девочка.

А что у тебя? Кто тебе пишет? Писал ли еще Ваня Классон? Кончила ли свою музшколу Эллочка [из Тамбова]? Куда ее назначили? Прошу тебя, если это не затруднит, послать ей от меня в подарок к окончанию 200 рублей. Получила ли Лена [Игнатович] мою посылку? Была ли у тебя Ганя с бельем? Пиши авио, т.к. [обычное письмо] долго идет.

Зина

* На Историческом бульваре установлен памятник талантливому военному инженеру Э.И. Тотлебену (1818-84 гг.). Монумент сооружен по проекту скульптора И.Н. Шредера, который использовал эскизы художника А.А. Бильдерлинга. – Из Интернета

** Владимир Федорович Попов (1907-2001), русский писатель. Романы о рабочих в годы войны и мира: «Сталь и шлак» (1948; Сталинская премия, 1949), «Разорванный круг» (1966), «Обретешь в бою» (1969), «Тихая заводь» (1980). – Из Интернета

Почему-то на пафосном сайте «Памяти Виктора Некрасова» (www.nekrassov-viktor.com/Default.aspx) об этом «старом знакомом» Виктора Платоновича не сказано ни слова!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 26 мая 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы не видали «Литературную газету» за эти дни съезда [писателей]? Там [на карикатуре] изображен мой племянник, но он, по-моему, совсем не похож. Лежит он будто бы на пляже, рядом какая-то кучка – Везувий, и в общем стихотворении, поясняющем карикатуру, о Вике написано:

Изведав путь эксперимента, / Вернись Некрасов из Сорренто.

Очевидно, язвят, что он больше Сорренто интересуется, чем СССР. А сосед по дому спрашивает их домработницу: «Некрасов опять в Италии?». Она говорит: «Нет, он на съезде писателей в Москве». А сосед с негодованием говорит: «Что вы рассказываете! Я сам в газете читал, что он в Сорренто».

На самом деле сейчас и Зина, и Вика в Ялте (на съезде он был всего 2 дня!), как всегда в доме творчества писателей. Зина пишет, что этот дом исключительно комфортабельный, для каждого отдыхающего отдельная комната со всеми удобствами. А они каждый год живут в каком-нибудь из этих домов отдыха-творчества, то в Прибалтике, то под Москвой, то в Крыму, на Кавказе и пр. Но что мне вовсе не нравится, что моя сестра, которой 24 июня минет восемьдесят лет, любит купаться в море по несколько раз в день, а затем лежать на пляже. Не думаю, что в этом возрасте это было полезно.

<...> «Звезда» моего племянника в Союзе писателей что-то закатилась. То он был в президиуме, в правлении, был заместителем председателя Союза украинских писателей – а теперь его нигде нет! Почему – не знаю. Они же от меня все скрывают. Возможно, что это потому, что когда шло это омерзительное улюлюкание против Пастернака, мой племянник молчал как рыба и нигде не показывался. Уж очень было мерзко. Люди, которые «романы не читали», да и Пастернака как писателя мало знали, вдруг все вывелись и пошли его травить. А писатели хороши! Выкинули Пастернака из Союза писателей и требовали, чтоб из СССР его выгнали!

<...> Я мало понимаю поэзию Пастернака, но как человек он мне симпатичен. Культурный, образованный, воспитанный и непосредственный. Я работала с ним в Центральном Комиссариате просвещения в Москве в 1918 году. Меня туда пригласила Надежда Константиновна Крупская <...>. Очень она меня уговаривала тогда перейти к ним работать. А я тогда работала в Совете рабочих депутатов. Библиотечный отдел возглавлял в Центральном Комиссариате Брюсов, а секретарем был Пастернак, ему было тогда 28 лет.

Но то, что я пишу о моем племяннике, это мое предположение. Он со мной не разговаривает. 22-го утром Зина и Вика летели в Ялту, накануне Зина зашла ко мне. Принесла Humanite с репродукциями Викиного фильма «Солдаты» (идиотское название, кажется, выдумал Жуков, там во Франции, где он идет теперь, название переделали). Все-таки это приятно: Викин фильм идет в Париже.

Хотелось бы прочесть французскую рецензию о нем. Но к нам приходят только коммунистические французские газеты и журналы. Ну эти всегда Вику хвалят. Зины сейчас в Киеве нет, и я и коммунистических газет и журналов достать не могу. Злюсь.

Да, я хотела Вам послать две выписки из книги Веры Дридзо «Н.К. Крупская».*

Стр. 10. «Вскоре Н.К. связалась с марксистским кружком студентов технологов <...>. Сначала она вступила в кружок Я.П. Коробко, ставивший себе задачу изучить вопрос о революционной этике».

* Дридзо В.С. Надежда Константиновна Крупская. М., Госполитиздат, 1958 (104 с.).

Стр. 11. «На следующий год Н.К. вошла в марксистский кружок Р.Э. Классона, занимавшийся изучением I тома «Капитала», а потом в кружок Бруснева, где разбирался вопрос о развитии капитализма и рабочего движения в России».

Знаете, возможно, среди бумаг Кржижановского есть письма Классона и материалы о нем. Его бумаги, вероятно, переданы в Институт Маркса – Энгельса – Ленина.

<...> Читали ли Вы в «Литературке» от 20 мая выступление Гончара? Оно все направлено против Вики. Вика послал какую-то статью в журнал «Кино», его просили, он там между прочим критикует фильм Довженко – «Поэма о море». Ну а Довженко украинец, его фильм получил Ленинскую премию, значит, уж никак критиковать нельзя, надо восхищаться, воздевать руки к небу и петь аллилуйя. Викина статья должна была быть напечатана в мае, отложили на июнь. Как она в рукописи попала к Гончару – неизвестно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 мая 1959 г.

Милая Вера.

<...> По-моему, почта стала немного лучше работать. У меня уже на почте не раскрывают мои бандероли и меньше придираются к тому, как написан адрес, а то ведь требовали, чтоб под каждым словом был перевод, ну и тому подобная чепуха.

Сегодня я послала тебе с главного почтамта такие книги: два альбома репродукций русских картин в красках и номера «Литературной Газеты» за время съезда. Это Ульянов писал, что Вам будет интересно. Я сама читала их поверхностно, теперь Зина пишет, читала ли я речь Твардовского [на 3-м съезде советских писателей, где он защищал Некрасова от нападок Гончара, см. ниже письмо за 11.6], и об этом же спрашивает Ваня Классон. А я ее так и не нашла, послала ли ее Вам – не знаю. Я, вообще, немножечко из ума выживаю. Ну, мне уже семьдесят восемь лет.

<...> У нас были дожди и холодные дни. Я радуюсь, что Зина не может купаться, а то ведь она любит купаться по несколько раз в день да еще в море. Не думаю, чтоб это было полезно в ее возрасте, 24-го июня ей минет восемьдесят лет!

Вчера мне позвонила Ганя [и сообщила], что их приживалка достала номер [еженедельника] «Lettres françaises» с рецензией на Викин фильм. Ну, я поехала к ним. Дальше кухни я у них не хожу. Если Вам (т.е. тебе и Ульянову) интересно, прочтите «Lettres françaises» №773 du 14 au 20 mai 1959.* По-моему, это пишет какая-то дама Michèle Firk. Или это мужское имя? Викин фильм «Солдаты» (идиотское название) там называется Les quatre de Stalingrad (другое дурацкое название). Она пишет, что с таким же успехом можно было «les deux, les cinq ou les cinquante» [(«Четверо из Сталинграда», «двое, пятеро или пятьдесят»)]. Фильм хвалит, сравнивает его с фильмом Quand passent les cigognes и Le Destin de l'homme [(«Когда летят аисты» («Летят журавли»?) и «Судьба человека»)].

Эта [последняя] вещь – Шолохова, но мне совсем не нравится, [хотя] не видала в кино. Я вообще кино не люблю. А этот рассказ Шолохова в кино производит на всех очень тяжелое впечатление. Если тебе или Ульянову встретится рецензия на Викин фильм в буржуазных газетах, пришлите мне. Когда Викина вторая книжка [(«В родном городе»)] была переведена в Италии, его переводчик прислал отзывы из самых разных журналов. Твардовский говорил про Викин фильм [«Солдаты»], что считает его, и еще у нас есть фильм «Чапаев», лучшими фильмами о войне. А Твардовский [как корреспондент] участвовал в двух войнах – с Финляндией и с Гитлером, так что он это понимает.

* В ф. 786 отдела рукописей РГБ имеется эта рецензия, переписанная рукой С.Н. Мотовиловой: «Les quatre de Stalingrad. Une belle chronique de la vie des soldats (sov.)».

<...> Я сегодня опять спрашивала на почте, можно ли что-нибудь посылать за границу? Отвечают: «Ничего, кроме книг». Ужасно! Когда мы нуждались, Вы нам и посылки, и деньги присылали, а мы ничего не можем [сейчас]. А Вика так и швыряется деньгами. Кому-то недавно 50 000 подарил! Это его товарищ мне сказал. Насколько [наш родственник] Сережа Эрн был скуп и очень богат, настолько Вика бессмысленно расточителен. По-моему, и то, и другое – психоз. Ну, конечно, Сережа был очень одинок, а Вика и Зина окружены сворой людей, живущих на их счет. Ты представляешь себе, что это за люди? Я чувствую к ним всем безразличность.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2 июня 1959 г.

Милая Вера.

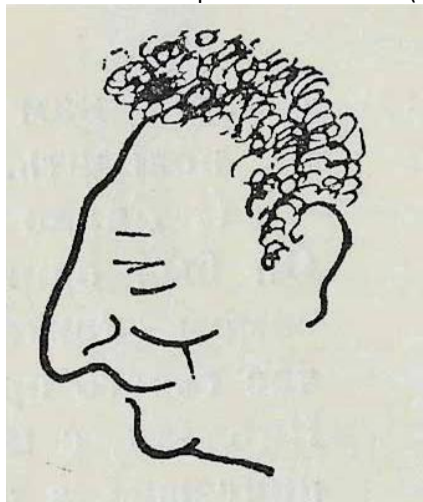
<...> Зина и Вика теперь уж почти никогда не ездят железной дорогой, а всегда летают. Я понимаю – лететь, когда что-нибудь спешное, но зачем платить вдвое дороже, когда никуда никакого спеха нет?! Ну, их приживалы тоже, конечно, все время летают. Уже в этом году (т.е. за пять месяцев) их приживалка [Нина Аль] три или четыре раза летала к своим родителям в Ленинград, раза два – в Западную Украину. Как-то Зина выписывала ее из Сибири, та, конечно, летела.

<...> Ну и я просто не могу видеть это безумное, бестолковое швыряние денег. Например, они (Зина и Вика) выписывают десятки иностранных газет на языках, которые не знают – чешский, польский, немецкий и т.п. Зачем? Так[, чтобы было]. Когда Вика был первый раз в Германии [в 1948 году], он снимал в гостинице не комнату, как все нормальные люди, а апартаменты в несколько комнат. Зачем?

<...> Одна моя знакомая мне написала, что ей противно читать мои письма, так как я только и делаю, что «считаю деньги». Она уже умерла теперь. Злит меня и то, что письма Зина должна всегда посылать авиа. Разница – не велика, 60 коп. Но зачем? Идут они так же долго, а то и дольше. Вот Зинино письмо от 25-V – авиа, конечно, шло из Ялты восемь дней! Я его получила 2-VI! Я уж думала, не заболела ли Зина. А в конце письма она пишет: «Пиши авиа». А в это время бедная Любочка пишет из Парижа: «Я послала Вам письмо на один адрес, чтоб сэкономить [почтовую] марку».

<...> Не написала ты мне, получила ли ты [фото]портрет Вики и [Карло] Леви? Понравился ли он тебе? Вика нарисовал на Леви ужасающую карикатуру, хочет ее напечатать. По-моему, свинство, Леви так хорошо изобразил его в своей книге, так звал с Зиной приехать погостить к нему в Италию, хотел Викин портрет писать. Зачем же обижать Леви? И, главное, ведь самое обидное, когда карикатура очень похожа.*

* С итальянским писателем К. Леви В. Некрасов встречался в 1957 г., во время своей поездки в Италию. А «дружеский шарж» на него опубликовал в книге «Первое знакомство» («Советский писатель», 1960):

<...> А другой раз нам прислали (вероятно, ты же) наши старые вещи из Швейцарии (тогда это было можно). Но вместо нашей посылки нам прислали чужую. У мамы было очень много энергии, а железнодорожные билеты мы получали даровые (и я, и Зина служили тогда на железной дороге). Мама сейчас же поехала в Москву, отвезла туда чужую посылку и разыскала нашу.

А еще раз ты купила какое-то хорошее пальто в Лувре [(парижском магазине)], подробно маме описала, серый драп и т.д. Увы! От Лувровского пальто мы получили только Лувровскую подкладку. Это, говорят, наши эмигранты в Финляндии проверяли идущие в СССР посылки, ну и, очевидно, все более ценное оставляли себе. Подкладка была одного фасона (рукава реглан), а трикотажный верх – другого. Ничего, пальто послужило [долго].

Сперва носили мама и Зина, потом, когда оно вытерлось, носила я. Оно спаслось от пожара [при уходе немцев]. Я дала его переделать одной знакомой, сумасшедшей (на самом деле). Она сделала из него кофту, но слишком большую. Кофту стал носить дома Вика, потом гостил один из его приживалов и пока жил у нас, в этой кофте ходил.

Потом я ее послала Машеньке, у них не было дров, и они в комнате мерзли. Зина говорила: «Эта кофта годится только на подстилку Машенькиной собаке». Дальнейшая судьба мне ее неизвестна.

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 30 мая 1959 г.

Переслано В.Н. Ульяновой (в Лозанну)

Милая Соня, вчера я получила все твои и пересланные тобой письма. Спасибо! Тут стоит чудная солнечная погода, мы ежедневно бываем на пляже, ездим туда катером на «Золотой пляж», где неплохое дно и много места. А в Ялте «дикий» пляж переполнен, а на медицинский я не «хожок»: медсестра до сих пор не позволяет купаться на женском пляже и «загорать» запрещает. Просто психоз какой-то! По вечерам смотрим кино у себя или в городе. <...> Мы тут пробудем до 15 июня.

Зина

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 4 июня 1959 г.

Переслано В.Н. Ульяновой (в Лозанну)

Милая Соня, вчера получили твои письма с Вериним, Ульяновским вложениями и Вани Классона. Остальные тоже все дошли. Не ответила вчера же, т.к. день был у нас очень «гемпли» [(«наполненный»)] : в 10 утра поехали в автобусе на Ай-Петри (1 200 м).

Смотрели на водопад Учан-Су, снабжающий Ялту водой и падающий с большой высоты – напоминает в миниатюре Гисбах швейцарский. <...> Как только приехали домой и поужинали, пошли смотреть в кино две серии (!) «Петра I», который нас несколько измучил: столько было шуму, битв, толп, крестьян, нищих, увечных и тому подобное.

<...> Сегодня сюда приехал Жоринька с итальянцем и еще каким-то иностранцем (кажется, гаитянином)*. <...> Завтра мы с Викой собираемся в Гурзуф: вот они с Жоринькой и выработают план наших поездок в разные места – Гурзуф, Алупку, Никитский [ботанический] сад и т.д. Алушту мы приберегаем под конец, чтобы там провести весь день. Мы должны выехать 17 июня, но сегодня, заказывая билеты, Вика хотел продлить дня на три-четыре наше пребывание.

* В [1962-м г] Сиене я встретился с писателем Карло Монтеллой. Он живет в Пизе, но, узнав, что мы будем в Сиене, приехал туда на своей машине. Я познакомился с ним еще в 1959 году в Ялте. Прилетел он туда на несколько дней из Москвы, со съезда писателей, вместе с известным гаитянским писателем и общественным деятелем Жаком Стефеном Алексисом, замученным сейчас у себя на родине. – В. Некрасов. Сапёрлипопет

Но, оказывается, ждут вновь приезжающих и продлили только на один день, т.е. мы вылетим 18 июня. Очень удачно вышло, что вместо Коктебеля нам дали путевку в Ялту и именно в конце мая, когда она буквально утопает в цветах и зелени <...>.

Тут идут киносъемки «Дамы с собачкой». Сегодня Вика встретил своего пом. режиссера, ставившего его «Солдат», который сказал, что им пришлось долго ждать, [до того] как настала хорошая ясная погода. А эти дни небо безоблачное! А вы-то, бедные, как мерзнете в Киеве! Это все же что-то небывалое, чтобы так было холодно в июне!

Мы с Викой понемногу начали чернеть, хотя купаемся и пляжимся всего один раз – от 11 ч до 2-х, после чего спешим на обед. Предпочитаем ходить и туда и обратно и не ездить в автобусе. <...>

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-9 июня 1959 г.

Милая Вера. <...> Посылаю тебе Зинино письмо. Как видишь, им хорошо и весело в Ялте. «Жоринька» – это переводчик, которого Леви изобразил на обложке своей книги о поездке в СССР. Он, Леви много в своей книге о нем пишет. Не знаю, читала ли ты ее? Тебе, верно, трудно читать по-итальянски? Вика с этим «Жоринькой» дружен, я его видела раз мельком, но мне он не нравится.*

Вот Викин итальянский переводчик, Страда, очень мне нравится. Серьезный, образованный и очень милый и деликатный. <...> Все Викины товарищи эту Страдину жену[-сибирячку] почему-то очень критикуют. Страда окончил Миланский университет и теперь [учится] в Московском университете в аспирантуре, уже два года. Через год должен вернуться в Италию. Раньше он обожал Вику, а, по-моему, теперь к нему остыл. Почему – не знаю.

Как тебе нравится Зина в свои восемьдесят лет? Весь день провела в экскурсии на Ай-Петри, а вечером смотрит две серии кино, да еще такое тяжелое, как «Петр I». Но на самом деле Зина все-таки очень постарела, все забывает и путает. В первом же письме в Ялту я переслала ей письмо тети Анютиной внучки, а она пишет: «Ты не знаешь, ответила мне Лена?», а потом уже прибавляет: «Да, я вспомнила, я получила ее письмо». Я тебе конца Зининого письма не пересылаю: это все вопросы о Киевских знакомых.

Странный Ульянов, пишет, какие мои книги дошли [до Вас], а не пишет, вернулась ли ты домой или все еще в клинике. Как ты себя чувствуешь?

<...> Получила [9 июня] еще две хорошеньких открытки от Зины. Они с итальянцем и человеком с Гаити и их двумя переводчиками разъезжают в автомобиле по Крыму. Как все просто, когда много денег, а я вспоминаю как мы с мамой в Алуште жили. Мама с Зининой сослуживицей брали на двоих один обед и делили пополам единственную картошку!

* Речь идет о книге Карло Леви «(Il futuro ha un cuore antico», или «У будущего – древняя душа») о путешествии в Советский Союз в 1956 г. «Жоринька» – это переводчик и «стукач» Георгий Брейтбурд:

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11 июня 1959 г.

Милая Вера. <...>

Прочла ли я речь Твардовского [на съезде писателей]? И Зина об этом спрашивала из Ялты, и Ваня Классон из Москвы, и один мой знакомый старик из Киева.

Очевидно, эта речь была гвоздем съезда. Ну, тогда я ее нашла и посылаю тебе. Конечно, не все в ней тебе будет понятно, ты не знаешь «подтекста» того, что он говорит, кому возражает. Отчасти (это, по-моему) он защищает Вику от нападок Гончара («отсутствие романтизма», пишет «серым по серому») и от постоянных нападок на Вику, что он мало пишет. После первой Викиной повести прошло восемь лет, а он все молчал. На одном литературном вечере один читатель спросил: «Может ли считаться писателем человек, написавший одну вещь?» Корнейчук очень удачно, по-моему, ответил: “Это зависит от того, что он написал. Грибоедов, например, написал «Горе от ума». Он – писатель!”

Сию и жду Ганю. Она должна придти набить мне штору. Вчера я заходила к ней. Мне ее очень жалко: Зина ни разу не написала из Ялты ей, а свою приживалку [Нину Аль] засыпает письмами. Приживалка опять куда-то улетела, называется это обычно «командировками», но часто эти «командировки» бывают к ее родителям в Ленинград. Вчера мне открылось у них что-то голое, лоснящееся и сияющее. Очевидно, их милиционер [Вася]. Но так как я не выношу голышей, ни женского, ни мужского пола, то поспешила отвернуться и уйти в кухню. Ганя стирала в ванной.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26-29 июня 1959 г.

Милая Вера.

<...> Третьего дня праздновали Зинино восьмидесятилетие. Я у них не бываю [при гостях]. Вика, когда мы жили вместе, специально просил, чтоб меня не было дома, когда у него бывают гости, и говорил, что не только он меня ненавидит, но и все его товарищи. Почему, я не знаю. Ты, вероятно, можешь это понять, так как писала маме, что я отравляла тебе жизнь дома. Чем, я тоже не знаю. Последний раз мы с тобой жили вместе два года в Петербурге, в 1901-1903 году. Когда я жила [в Лозанне] на Tourelles – Mousquines, ты с [Леной] Готской жила в Англии. А потом я иногда, ненадолго приезжала к Вам, когда Вы жили на place du Tunnel и затем на Avenue Drусу, но, по-моему, никаких дел с тобой не имела.

<...> Ну, теперь я, по-моему, никому жизнь не отравляю, уже десять лет живу одна.

Итак, Зинино восьмидесятилетие благополучно прошло. Я всегда заранее волнуюсь, будет ли Вика дома? В прошлом году он в этот день уехал с итальянцами на весь день в Колхоз. Но на этот раз, кажется, все было честь честью. Вика был дома и даже сам купил Зине букет роз. Зина получила десять поздравительных писем и двадцать пять телеграмм. Ваша телеграмма пришла первая. Гостей у них было тридцать семь человек. Удивляюсь, как у них посуды хватило. Раз нанесли столько [цветов], что не только обе комнаты в них утопали, но уже некуда было ставить (мало ваз [оказалось]), так что часть роз стоит в кухне. Кухня у них очень хорошая, переделана из комнаты, с широким окном, выходящим на балкон, а балкон у них весь в [живых] цветах.

Описание Зинино восьмидесятилетия я делаю с Зининых слов, она вчера зашла ко мне, принесла коробку конфет и пирожков. Вечером вчера они [с Викой] шли на чьи-то именины, а перед этим, в один и тот же вечер были на двух свадьбах! На каждой из них было больше шестидесяти человек гостей. На одной они были от восьми до одиннадцати часов вечера, а на другой – от полдвенадцатого до двух ночи! Как Зина не устает – не понимаю! Я ставлю Вике в заслугу, что он всюду берет с собой мать, а ей ведь все-таки восемьдесят лет, и что ей делать в молодой компании?

Да, я хотела послать тебе, чтоб позабавить тебя, список гостей, бывших у Зины на дне рождения. Этот список составляет для меня каждый раз Ганя. Преобладает в нем буква «ы», ведь по-украински «и» произносится как «ы». Наших знакомых, Дзигановских, она называет «Зычы» (их было шесть человек). Викиного приятеля, тоже писателя, с женой она называет «Мышы», а их фамилия Клигерман (вероятно, его зовут «Миша»).

Но все-таки это трогательно, что она делает для меня список, чтоб я была au courant [(в курсе)] того, что у них происходит.

<...> Я уже ни к кому теперь не хожу, потому что всегда чувствую, что мой приход никому не приятен. Как-то, много лет тому назад, я пришла к Зине, когда Вики не было дома. Она поговорила со мной, потом ей стало скучно, она подошла к телефону, начала вызывать своих знакомых и разговаривать с ними[, игнорируя мое общество].

<...> Милая Вера. Вкладываю тебе Зинину записку ко мне. К Вике приехал Иончик*. Вика с ним учился и в архитектурном институте, и в театральной студии. Викин главный, в прошлом, приятель. Ты несколько раз писала маме, что он [был] тебе очень симпатичен. А, по-моему, он отвратительный. Все товарищи Вики его терпеть не могли. А когда Вика жил в Вятке, один Викин товарищ говорил: «Одно только хорошо в Вятке, что там с Викторией нет Иончика». Самовлюбленный эгоист. Когда они кончали институт, Вика на полгода отложил свою работу, чтоб сделать дипломную работу Иончика и еще одного своего товарища.

За работу, сделанную Викторией, Иончик получил «пять», и она была выставлена на выставке лучших работ. Вика был очень талантлив как архитектор, а Иончик бездарен, но очень хорошо умел использовать Вика во всех отношениях. И Вика, и Иончик бросили архитектуру. Иончик работает [теперь] как режиссер в каком-то театре. Его жена – талантливая актриса.

И вот он впервые за все эти годы, после окончания студии, приехал в Киев. Мне как-то Зина передавала, что Вика разочаровался в Иончике и будто бы даже говорил: «Кажется, относительно Иончика Соня была права». Они виделись [тогда] с Иончиком в Москве. Я всегда бываю права, ибо разбираюсь в людях, а Зина и Вика готовы всякую дрянь обожать. Когда-то в Италии [в 1900-м или 1908-м?] я сказала: «Я люблю только близких людей». А Тверской [знакомый? – МК] в ответ: «А для Зины все близкие». Да и, к сожалению, чужие ей гораздо приятнее, чем свои.

Ты ведь тоже мне писала, что не любила свою семью, ты это называла «ta famille proche» [(«твоя близкая родня»)], а любила своих теток. Каких? Кого? Неужели, Александру Яковлевну Эрн? Это из-за этой дряни погиб [племянник] Коля.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 июля 1959 г.

Милая Вера.

<...> Когда Вика пишет с соавтором, то разделение труда такое: пишет Вика, гонорар получает «соавтор». Но это – Викина вольная воля. Тоже психопат.

Сейчас была у меня Зина, я ей дала прочесть письмо Ульянова, не прошло и десяти минут, как она его куда-то засунула, и оно так и не нашлось. До чего Зина стала теперь бестолкова, ты себе представить не можешь! Правда, ей восемьдесят лет. Она все забывает, начнет рассказывать и путает события, например, два года и двенадцать лет тому назад. Поправляешь ее: «Да ведь это было двенадцать лет назад!» Зина машет: «Ах, не все ли равно!»

* Речь идет о ближайшем Виктору друге в довоенные годы Ионе Локштанове (см. очерк В.П. Некрасова «Станиславский»).

Вчера к ним приехала одна знакомая старуха из Ленинграда с внучкой, и в тот же день – другая старуха, из Москвы. Зина говорит: «У нас был парадный обед». Значит, было еще много гостей. Обе старухи – нахалки и паразитки, одна из них перешла с Зиной на «ты». Даже Ганя возмущается: «Ну, кто же в семьдесят лет на «ты» переходит?»

Милиционер [Вася] продолжает у них жить, хоть ему сказали, чтоб он искал себе квартиру. Он в ус не дуёт. Купил себе баян. Я в [музыкальных] инструментах мало понимаю. По-моему, это большая гармоника. Одним словом, спят у них на раскидачках: в спальне, столовой, кухне, коридоре, можно будет и на балконах спать. У них два балкона. К милиционеру приходят невесты, а он, как жених в «Женитьбе» Гоголя, все не может выбрать, какая лучше. В этом деле принимает горячее участие Ганя, устраивает для приглашенных невест обеды. Вчера ко мне заходила Зина, очевидно, наслаждается среди всех своих приживалок. Ну, слава богу, ей есть с кем гулять. Говорила, что их милиционер едет в командировку в Москву, на сколько – неизвестно.

<...> Послал ли Вам Вика «Искусство Кино» со своей статьей? Она вызвала бурю негодования, и буря все еще бушует. Сперва против Вики выступил Гончар на съезде писателей (этот номер «Литературной Газеты» с его выступлением я тебе послала). Выступал он против не напечатанной еще статьи! Затем Викину статью напечатали, но сразу же за ней возражающую ему статью редактора журнала и тоже негодующую статью Рильского. Довженко, которого Вика критиковал, был его другом.*

* Это не рецензия, это просто мысли, возникшие в результате просмотра двух новых фильмов. Вышли они на экраны с промежутком в несколько месяцев, мне же случилось увидеть их почти одновременно. Вероятно, то, что впечатление от одной картины почти сразу же сменилось впечатлением от другой и то, что моя оценка этих картин не совсем совпала с оценкой, появившейся в печати и услышанной мной на обсуждении, – вероятно, именно это заставило меня попытаться разобраться в существе дела.

<...> Одну [картину] сделал крупнейший в нашей стране режиссер, которого, увы, уже нет в живых, другую – совсем молодой, начинающий. Фактически это его первая самостоятельная работа. У одного – свой собственный почерк, язык, стиль, носящий имя автора; у другого – только еще начинаются поиски. У одного – итог большой и нелегкой жизни, у другого – начало, первая заявка.

Можно ли в таком случае сопоставлять эти две картины? Можно. И даже нужно. Нужно потому, что обе они сделаны в одно и то же время, обе сделаны на советских студиях, советскими режиссерами и воюют за советского человека. Но воюют по-разному. Картины эти – «Поэма о море» Александра Довженко и «Два Федора» Марлена Хуциева.

<...> Попытаюсь подвести итог. Свой собственный итог. Одна картина – большого мастера – оставила меня холодным, другая – молодого режиссера – чем-то задела. Думаю, что все дело в тенденции одного и другого.

У Довженко есть генерал армии, который перед боем обращается с призывом к командирам полков. «Это великая ночь, – говорит он, – поэтому не бойтесь великих слов». В связи с этим не могу не привести один абзац из статьи Я. Варшавского «Душа современника», напечатанной в №11 «Искусство кино» за 1958 год.

«Наше искусство, – пишет автор, – порой боится, избегает «великих слов», нередко предпочитает им бытовой говорок. Многие режиссеры и драматурги считают великие слова призывной патетики «громкими», «высокопарными», предпочитают некую бесстрастную повествовательность, которая считается признаком художественной сдержанности, скромности, простоты. Довженко всегда воевал против такой приземленной простоты, он верил, что такое великое дело требует пламенного слова, и искал такое слово».

Да, Довженко любил «великие слова». Но так ли уж обязательно великие дела требуют именно этих слов? И почему этим «великим словам» противопоставляется «бытовой говорок» и «бесстрастная повествовательность»? Есть и другая речь – страстная, но не высокопарная, правдивая и не приземленная, речь, на которой говорят обыкновенные люди, те самые, которые делают иногда и великие дела. Меня, например, такая простая, человеческая речь трогает куда больше, чем пламенные слова, оставляющие твоё сердце холодным, а разум непоколебленным.

Негодование на Вику продолжается. Субботнее заседание в Союзе Украинских Писателей было посвящено Вике. Он не ходил, а его «друзья», выражающие ему дома сочувствие, там в Викину пользу не пикнули! Шкурники и трусы. Меня, конечно, эта история интересует, но Зина не приносит мне статей [[на эту тему](#)], говорит: «К Вике может придти кто-нибудь из его друзей, и он может захотеть эту статью ему показать». Викину статью и Рыльского Зина принесла, сама мне прочла и сейчас же унесла журнал. Ну, а статьи против Вики, которые я не читала, скука и жвачка. Вчера в союзе писателей назначена была дискуссия о другом фильме, о котором Вика писал. Но дискуссия не состоялась.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3 августа 1959 г.

Милая Вера.

Во-первых, поздравляю тебя с днем твоего рождения. Я уже точно забыла, в какой это день. По-моему, в конце июля, а по новому стилю в середине августа? Возможно, что я спутала. Тебе, по-моему, было шесть лет (или пять?) в 1891-м году, когда мы впервые с мамой приехали в Швейцарию, это было шестьдесят восемь лет тому назад. Помнишь, первый hotel Belle Vue, затем гостиница la France, кажется, на rue Haldimand...

<...> Зина и Вика 1-го августа уехали в дом отдыха на Ирпень, с одной Викиной приятельницей [(с «Сацихой»)], матерью того Женьки, который у них жил три года. Я всех Викиных знакомых не выношу: сплошь какие-то шкурные и навязчивые. Помнишь, у нас все смеялись над tante Xaverine, что все ее ученики и знакомые – жулики. И замуж она вышла за какого-то Панина (не графа), а он оказался двоеженцем, за что был сослан в Сибирь. Вот и Любе Пятницкой так не везет со всеми тремя мужьями. Бывает же такое?

Я последние годы очень часто вспоминаю tante Emilie и tante Xaverine. Бедные старухи, нас они тогда очень мало интересовали, ну а теперь я в их положении в отношении к богатым сестрам. Люба недавно вспоминала, как в Богурне Соничка Классон бросила калошей в tante Emilie. Это уже было без меня, я тогда жила в Веймаре. Это был неурожайный год, и Соничка Классон с важностью говорила (ей было пять лет): «Мне вас очень жаль, а нам-то это совсем все равно»*. [[Р.Э.](#)] Классон уже тогда очень много зарабатывал.

А жива Кристиани? Помнишь, как они нас пригласили «на сбор винограда»? Винограда никакого не было, но сестра Классона заставляла меня лазить на деревья ([\[не разрешая это делать мужу\]](#), как бы он не упал) и рвать яблоки и груши. Я лазить на деревья не умела, и она кричала на меня, что я «дура». Не помнишь? А к тебе она хорошо относилась. Это было, когда Зина жила в Англии.

Ваня Классон приглашает меня приехать к нему на лето, у него какой-то сад и домишко под Москвой, где он провел сам электричество и теперь очень волнуется, какой у него будет урожай фруктов. По письмам он симпатичен, но тетя Соня и Классон были такие умные, а у него это что-то незаметно. Я, конечно, ехать к нему на лето отказалась (вспомнила tante Emilie и сестру Классона).

[Окончание примечания](#)

В этом, по-моему, и заключается различие этих двух, столь непохожих и говорящих на столь разных языках фильмов. Один – торжественно и многословно, голосом уверенного в себе мастера о «возвеличенных», поставленных на котурны людях, другой – куда менее уверенным и окрепшим голосом, но о людях простых, из жизни, о наших друзьях. – Виктор Некрасов. Слова «великие» и простые. «Искусство кино», №5, 1959 (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Slova%20velikie%20i%20prostie.aspx)

* Значит, действие происходило в 1897-м (Соничка Классон родилась в 1892 году).

Зато я просила Зину пригласить его, [Ваню] Классона, на несколько дней, когда они [будут] на Ирпене. Но, очевидно, ее приживалка [Нина Аль] или Вика этого не хотели, и Зина пришла в такое бешенство, что неделю после этого ко мне не приходила.

А этот Ваня перешел на пенсию (ему шестьдесят лет, и было тринадцать, когда тетя Соня умерла) и охотно приехал бы на неделю. Но я не знаю, кто теперь у Зины в квартире живет. Две дамы, милиционер [Вася], возможно, родители главной приживалки приехали? Шестого [августа], кажется, день рождения или именины Гани. Я пойду к ней. Мне ее жалко, тоже страшно одинока. Ее обижает, что Зина, которая поздравляет всяких своих знакомых и мало знакомых, ее, Ганю, никогда не поздравляет с именинами.

Я тебе писала, как в прошлом году я поехала с ней, на второй день ее именин к Зине в Ирпень. И Вика даже не вышел к нам, не проводил до вокзала, ничем нас не угостили, и бедная Ганя оставила там свои, привезенные пироги. Вместо удовольствия ей я ее только огорчила этой поездкой. Я Зине сказала (она была у меня, шла на именины к нашей знакомой, несла вино и конфеты): «Помни, что седьмого Ганины именины». Зина обозлилась и стала кричать: «И не подумаю ее поздравить, с какой стати!» Ведь для Гани-то ее именины важнее, чем для всех нас.

Сейчас у Зины какое-то злобное отношение ко всем нашим родственникам. Почему – не знаю.

Тети Анютина дочка Маша (из всей семьи тети Анюты осталась она одна) страшно нуждалась (муж ее умер десять лет тому назад), а Зина ни за что не хотела ей ничего посылать. Я посылала Маше посылки из вещей, которые Зина приносила, и Зина злобно говорила: «Я нарочно приношу тебе все рваное, чтоб ты Машеньке не могла послать». Ну, что делать, я посылала рваное. Можно подумать, что Зина не пережила эти годы страшной нужды или все сразу забыла!

Я помню, как восьмилетний Вика сидит при коптилке и говорит мне: «Ты знаешь, я читаю книгу и собака в ней в таком же положении, как мы». «В каком она положении?» «Ей есть нечего». Ну, а самые страшные годы, это были годы немецкой оккупации. Как раз последние годы маминой жизни!

<...> Наша чудесная библиотека, помнишь ее? Voltaire, Rousseau, Гельвеций (издания 18-го века), много книг Некрасова по социологии, почти все наши русские классики, мои книги по искусству. Книги по геологии я все сразу же продала в [украинский] геолком, а Зина ни за что не соглашалась продать медицинские книги, хоть никогда их не читала. Ну, они все сгорели.

Вика не захотел же купить Щедрина (приложение к «Огоньку») и Герцена тоже не захотел: «Мы с тобой, мама, не будем его (Щедрина) читать!». Это говорит наш писатель! У меня есть четырехтомник Гоголя, но его «Переписки с друзьями» там нет. В библиотеке не выдают! Думала найти у Вики. Но и у него нет! А он все-таки русский писатель. Кстати, как тебе понравился Викин рассказ в «Литературной Газете», которую я послала? Здесь всем очень понравилось.*

Я не люблю нашей советской литературы: 1) о войне, 2) о колхозах и 3) о заводах. Войну я ненавижу, а колхозов и заводов не знаю, и мне все это чуждо. Кроме того, я постоянно чувствую неискренность и это я не выношу.

<...> Ты говоришь, что жизнь в Швейцарии тебе не интересна. Я, судя по письмам [моей покойной подруги] Лины, тоже думаю: уж очень как-то там все остановилось, какой-то enclos [(огороженное место, ограда)].

* По-видимому, речь идет об очерке «Посвящается Хемингуэю (к 60-летию со дня рождения писателя)». // «Литературная газета», 23 июля 1959 г.

Наша писательница Форш написала свои воспоминания (лет двадцать тому назад) о Европе и назвала это «Под куполом». У нас как-то чувствуется вдали горизонт, а в Европе они замкнулись: «Как было, так и будет».*

Ты вспоминаешь свою жизнь в Петербурге в 1901-1903 годах. Но ведь такой жизни у нас больше нет. Жизнь стала совсем другая, ты это можешь судить по книгам, которые я тебе посылаю. Ты это из любезности ко мне говоришь, что эти книги тебе интересны? Я не люблю нашей теперешней литературы. Жизнь в ней не отражена. Что это за жизнь без трагедии, без юмора?

<...> У Вики была в школе учительница Надежда Петровна [Новоборская]. Может быть, ты ее знала (видела в Киеве), это приятельница Кистяковской. Она была школьной наставницей Вики от первого до последнего [класса]. При немецкой оккупации она ужасно голодала, часто приходила к нам и у нас умерла. Ну, так она одну и ту же вещь могла рассказывать много раз подряд. Сперва Зина мне не верила, но однажды Надежда Петровна ей рассказала пятнадцать раз подряд о том, как ее подруга вышла замуж за Тургенева, друга [Платона] Некрасова. Расскажет Надежда Петровна и вновь начинает все сначала. Мы, конечно, молча слушали и ничего ей не говорили.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 26 августа 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина мне приносит свои газеты, а когда ее нет, их приносит ее домработница. Мне приносят «Правду», местную газету и «Литературку», больше я не хочу, но Зина еще приносит иностранные газеты: Humanite, Liberation, итальянскую Unita. Зачем они получают такую уймищу газет – не понимаю. Чешские, немецкие, польские. И ни они, ни их приживалы языков не знают. Потом принесут мне итальянскую газету: «Переводи».

* С апреля 1927-го до середины декабря Форш путешествует по Франции и Италии, 10 дней проводит в Сорренто у Горького. Переписка Форш с Горьким началась в 1926 г. Он высоко ценил ее творчество. Цикл рассказов «Под куполом» был вчерне написан во время этой поездки, рассказы публиковались в журнале «Звезда», «Огонек», «Красная новь» в 1927-29 (отдельным изданием – 1929). Главный предмет изображения Форш – французское мещанство. – Из Интернета

К сожалению, С.Н. Мотовилова по объективным причинам не смогла прочесть воспоминания Нины Берберовой «Курсив мой» (за рубежом, на английском языке вышли в 1969-м, на русском – в Мюнхене в 1972 г., в Москве – лишь 1996-м), согласно которым О.Д. Форш проявила в Париже «жуткий пессимизм» по поводу перспектив старой «творческой интеллигенции» в советской России:

В этом году [(летом 1927-го)] в Париж из Советского Союза приезжала Ольга Дмитриевна Форш, которую я знала по Петербургу 1922 года, когда она была одним из ближайших друзей [моего теперешнего мужа] Ходасевича. Приехав в Париж, она сейчас же пришла к нам. <...> Форш проводила у нас вечера, говорила о переменах в литературе, о политике партии в отношении литературы, иногда осторожно, иногда искренне, с жаром. Седая, толстая, старая (так мне казалось в то время), она говорила, что у всех них там только одна надежда. Они все ждут.

– На что надежда? – спросил Ходасевич.

– На мировую революцию.

Ходасевич был поражен.

– Но ее не будет.

Форш помолчала с минуту. Лицо ее, и без того тяжелое, стало мрачным, углы рта упали, глаза потухли.

– Тогда мы пропали, – сказала она.

– Кто пропал?

– Мы все. Конец нам придет. <...>

Словарь у меня правда теперь есть (прислали из-за границы), но я забыла итальянский язык. И, кроме того, стара, и всякое умственное напряжение меня утомляет. Я умоляю Зину приносить мне поменьше газет. Иностранные газеты имеют такую массу страниц, в них так трудно разобраться. Я всегда попадаю на faits divers [[происшествия](#)]. Начитаюсь о всяких преступлениях, убийствах, сожжении детей в печи и т.п. Тогда я думаю: хорошо, что у нас в газетах такого не пишут.

<...> Моего племянника зовут Виктор Платонович. Ему сорок восемь лет. Тоже уже старик. Муж моей сестры был сибиряк, он умер внезапно в Сибири в 1917 году от разрыва сердца. А познакомилась Зина с ним у меня в Лейпциге в 1899 году, когда на рождественские каникулы приезжала ко мне из Швейцарии.

Травля на Вику была главным образом у нас на Украине. Тут целые собрания были посвящены Вике в Союзе писателей. Никто из его приятелей слова не пикнул в его защиту. Статьи в «Литературной газете» я не читала. Но, видите ли, сейчас там по-видимому благосклонная к Вике редакция, а в те годы (когда редакторами были Рюриков и Кочетов) была неблагосклонная. Кстати, когда редактором там был Кочетов, тираж газеты упал на 50%! <...> В отместку (так Зина говорит) за Викину статью о Довженко здешний Союз украинских писателей отказал Вике в путевке (на свой счет) в Италию (а сами ездили), а сейчас отказали в путевке в Америку.

Зина 26-го приезжает в Киев, двое их московских «друзей», которые жили с ними на Ирпене, летят 26-го в Москву, а трое других приезжают 27-го. Поместиться негде. Двое еще у них в квартире живут. Вика уезжает на Ирпень.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-2 сентября 1959 г.

Милая Вера. Вчера, воспользовавшись, что у Зины нет ни Вики, ни их приживалки, я пошла к ним брать ванну. Зина радостно встретила меня в коридоре: «Я только что получила письмо от Веры». Ну, я тоже очень обрадовалась, и мы пошли в их спальню, прочли твое письмо в три строчки. Но я бы предпочла менее радоваться твоим письмам, но чтоб они чаще приходили. Ну, а это было твое первое письмо Зине в этом году!

После ванны осталась у них обедать. Прежде у них обед был в шесть часов, а теперь, когда у них живет эта туберкулезная старуха[[-приживалка Дора Владимировна](#)], она захотела обедать в три часа. За обедом были только Зина, старуха и я. Но, по-моему, она какая-то ужасная, угрюмая, молчит, сидит как-то криво за столом, кладет себе ладони на глаза. Не знаю, может быть, в моем присутствии она такая кислая и угрюмая. Но куда приживалка номер один [[Нина Аль](#)] уехала, Зине, конечно, какая-то компаньонка нужна, чтоб с ней гулять, ходить в концерты, кино и т.п.

Их «приятельница» Сациха с сыном улетела в Москву двадцать шестого [[августа](#)], а в тот же день приехали к ним три московские знакомые: Зинина знакомая докторша с дочкой и внучкой. И вдруг в этот день им объявили, что у них не будет газа! Несчастливая Ганя – четверо домашних, пять гостей, и готовь на всех на одной электрической плитке! Зина не ценит в Гане, что она всегда выходит из таких положений.

Однажды было такое: Вика вернулся из Москвы, и совершенно неожиданно, к обеду, к нему пришло восемнадцать человек! Ну, и готовь на всех! Зина все ссорится с Ганей и уверяет, что они в ней не нуждаются. Но я не знаю, что бы с ними было, если бы Ганя ушла от них. А теперь – полный порядок в доме, чистота, все балконы в цветах.

Я Зине и Гане сказала: «Ну, конечно, Вика помчится в Москву со своей Сацихой (жившей с ними на Ирпене)». Зина и Ганя на меня негодовали. Он, де, взял уже путевку еще на десять дней на Ирпень. Но вышло, конечно, по-моему.

Двадцать шестого Сацixa с сыном улетела в Москву, а в тот же день Вика поехал на Ирпень, забрал там свои вещи и двадцать седьмого полетел в Москву. С аэродрома помчался к Сацixе, где застал Твардовского. Зина меня уверяла, что Вика поехал, чтоб переговорить с Твардовским о напечатании в «Новом Мире» его новой статьи о кино.

Но в 1947-м году [в 1948-м – МК], когда Вика получил командировку в Германию на три месяца (ведь интересно там?), он не выдержал и шести недель и примчался в Крым, где тогда, как у нас говорят, «отдыхали» Зина и Сацixa! Она старуха, лет на восемь-десять старше Вики, но это у него что-то вроде Тургеневской любви к Виардо. Вот, тоже дрянь была! И жадюга.

<...> На днях я получила письма от наших родственников. От [ленинградской] Нины Мотовиловой, тети Вериней дочери, она через меня прислала письмо Зине, так как Зинина приживалка в их отсутствие вскрывает все Зинины и Викины письма (с их согласия), а им отдает только то, что сама считает нужным. Ганя много раз мне рассказывала. Ганя старается сама достать письма из почтового ящика, и если они заграничные (от Ульянова, Тилло*), прячет их в кухне и затем приносит мне, чтоб я переслала Зине.

На днях я получила письма почти от всех наших родственников, от Лены [Игнатович] (тети Анютиной внучки), от Вани Классона. Я тебе писала, что он перешел на пенсию (ему шестьдесят лет) и страшно увлекается своим садом и домом где-то под Москвой. Делал к дому (очевидно, по переносному [способу]) фундамент, провел электричество. По письмам он симпатичный, но какой-то наивный, ни на кого из Мотовиловых и [Р.Э.] Классона не похож. Но сегодня у меня большая радость. Получила письмо от Машеньки [из Тамбова] (тети Анютиной дочери).

<...> Сергей Васильевич [Андропов] говорил, что у меня «алармистский характер», он-таки у меня «алармистский». Сейчас я больше всего волнуюсь, как ты живешь. Лина (когда была жива) мне писала, что я напрасно беспокоюсь: Ульянов получает достаточную пенсию, и ты живешь в тех же условиях, в которых привыкла жить всю жизнь!

Но я все-таки никак не могу понять, отчего у Вас нет *femme de ménage* [(приходящая прислуга, экономка)] и отчего ты целый день одна? Я так страдаю от своего одиночества, но живу в квартире, где кроме меня еще двадцать человек. Правда, я с ними мало общего имею, но все же вокруг [меня] люди.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 сентября 1959 г.
Милая Вера.

<...> Сегодня, завтра и послезавтра Зина будет на концертах какого-то американского дирижера [Леонарда Бернстайна?]. Ты знаешь, Зина никогда особенно не любила музыки, слышит она очень плохо, но теперь никогда ни одного концерта не пропускает. Для нее это развлечение, встречает там всех своих знакомых и, конечно, берет с собой одну из двух приживалок.

Сегодня я опять заходила к ним, отнесла белье Гане. Для меня прямо удручающее впечатление произвела эта их туберкулезная старуха [Дора Владимировна]. Седая, худая и целый день лежит на диване. Если бы это близкий был человек, а то только теперь присоседилась к Зине, чтоб жить на ее счет. И, нахалка, всем распоряжается. Значит, сегодня и завтра они идут с Зиной в концерт. Зина говорит, что билеты может брать только в первых рядах. Я, кажется, тебе писала: года два назад мы были с Зиной в театре (я, конечно, хожу только днем), билет достали в первый ряд, и я и Зина ни слова не слышали, для нас это была пантомима.

* Швейцарский знакомый З.Н. Некрасовой (м.б. даже сокурсник по медицинскому факультету Лозаннского университета?) – Paul Thillot.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 6 сентября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Я ужасно люблю получать письма, но почему-то мои письма всем надоедают. Однажды моя сестра Вера даже написала, чтоб я ей больше не писала, и мы шесть лет с ней не переписывались. В прошлом году я все же с ней возобновила переписку, но переписка такая. Я ей послала в этом году 20 длинных писем, а она мне 2 коротеньких, пишет, что ей трудно писать. Я посылаю ей все время наши русские книги, и ее муж извещает меня о получении их. Ее муж геолог, профессор Лозаннского университета. Много пишет.

Присылает мне свои геологические работы, но я от геологии совсем отошла и не могу сейчас читать научных книг ни из какой области. Мои знакомые мне дарят свои труды, но, увы, они лежат у меня зря. В сентябре мой зять, Верин муж, будет водить экскурсии геологов (не студентов, а ученых) по массиву МонБлана, это участок его работы. Работает еще как консультант в постройке туннеля через МонБлан из Франции в Италию. И при этом ему материально трудно, а мы ничего не можем ему посылать. А во всех европейских издательствах есть деньги на Викины издания, лежат зря. Наши писатели не имеют права получать свой гонорар из заграничных издательств. Почему? Что за нелепость?

<...> Теперь о Зине. Она сейчас в Киеве, гости разъехались, и у нее живет одна московская старуха, но 15-го она, старуха [(приживалка Дора Владимировна)], уезжает. Вика 27-го уехал, т.е., конечно, улетел в Москву. Зачем?

Зина говорит, переговорить с Твардовским о помещении какой-то статьи [в «Новом мире»], а по-моему помчался следом за своей приятельницей [«Сацихой»], которая гостила у них на Ирпене. 27-го улетела она в Москву, а 28-го улетел Вика. Зовут его Виктор Платонович. Зина вышла замуж в 1900 году, а в 1902 году у нее родился старший сын Коля, очень одаренный талантливый мальчик, великолепный художник. Он умер в 1920 году, 18 лет (его убили). Но об этом долго писать. Расскажу, когда встретимся.

Но Вы все-таки прочтите Викины книги: «В окопах Сталинграда», «В родном городе», «Первое знакомство» (описание его поездки в Италию). Читается он очень легко. Многие пишут, что оторваться нельзя.

Затем я Вам пришлю два отрывка из моих воспоминаний. Они не напечатаны, но их купил у меня Бонч-Бруевич для Литературного музея, когда был его директором. Сейчас Бонч-Бруевич умер (года три тому назад). Он писал, что надеется их напечатать. Хоть это очень трудно, и уговаривал меня писать еще и еще. Мы тогда очень нуждались, и деньги, которые Бонч-Бруевич присылал (гроши), нам очень были нужны.

Это отрывки из моих воспоминаний: о детстве, дяде Алеше, Короленко и один эпизод в связи с Короленко о Брюсове. Там есть упоминания о тете Соне и [Р.Э.] Классоне. Прислать Вам?

<...> Мои воспоминания о Брюсове Корней Иванович Чуковский пытался устроить в журналах, но бесполезно, дал Бончу в [литературный альманах] «Звенья», но они так и не вышли. О Брюсове у нас почти не пишут. Ведь он был символист, а символисты – табу. Во-вторых, его ввел в партию Каменев, а о Каменеве тоже нельзя писать.* Увы, уже после моей смерти выяснится, кто кем был на самом деле.

* Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) в 1919-м действительно вступил в РКП(б). Что касается Каменева, то он еще до революции опубликовал следующую критическую статью: Каменев Ю. (Л.Б. [Розенфельд]). О ласковом старике и о Валерии Брюсове. / сб. «Литературный распад», т. 1, СПб., 1908 («В своей статье о Брюсове, написанной в эпоху провозглашения последнего новатором в литературе, К. вскрывает классовую сущность этого «новаторства», характеризуя путь Брюсова от патриархального «амбара» к европеизирующейся буржуазии.»).

Я как-то Вас спрашивала, какие у Классона были отношения со Сталиным? Ведь Сталин работал в подполье Баку в те годы, когда Классон заведовал там электрической станцией, и, кажется, у Классона же работал тогда Красин. Вы знали Красина? Какое Ваше впечатление от него? Читали ли Вы воспоминания Тихонова (не поэта, а бывшего секретаря Горького), там есть о Красине. Вообще очень интересные воспоминания, забыла, как называются.* Непременно прочтите. Мы их два раза посылали Вере, первый раз не дошло. Это, по-моему, за границей в перлюстрации наши эмигранты забирают интересные книги.

<...> Зина получила письмо от [находившегося в Москве] Вики. Ему предлагают ехать в Китай. Ему хотелось ехать опять в Европу, но тут ему отказали. Его произведения почему-то очень любят в Италии. Мы ведь с Вами немного итальянского происхождения. У меня обе бабушки итальянки, а у Вас одна итальянка, а другая немка. Зина Вашу бабушку [Анну Карловну], жившую в Киеве, видела, они были у нее проездом через Киев. Когда она умерла? Скажите, что это за тетка Johanna, с которой Вы переписывались по-немецки? Никогда о ней не слышала. И ее выражение «eine Heiratslustige Familie» [«желающее породниться семейство»? – МК] мне совершенно не понятно. Объясните.

Тетя Соня была старше [Р.Э.] Классона: познакомилась с ним, когда ему было 18 лет. Тетя Соня хотела, чтоб брак их был гражданским. Во Франкфурт сперва приехал Классон, а потом тетя Соня. Но ни в одну комнату и пансион их не пускали, пока они не поженятся, и им пришлось венчаться в русской церкви.

Вы знали тогдашнего классоновского патрона, Линдлея? Говорят, он приезжал к Классону в Баку? Когда [во Франкфурт] приехала тетя Соня, и он узнал, что Классон женится, он сейчас же удвоил ему жалованье.

Оказывается, Вы были еще раз женаты? Где же Ваша первая жена? Умерла или Вы разошлись? У Викиных приятелей обычно [по] 2-3 жены, а Зина встретила в Малеевке пятую жену одного нашего знакомого! Какие у Вас, тети Сониных детей, были отношения с Вашей мамой? Вы жили все вместе? Пишите! Ваши письма очень интересны.

<...> Мне Георгий Иванович Мотовилов [(скульптор)] говорил, что и он забывает имена и отчества. Видитесь ли вы с ним? Вы знаете, что он был влюблен в Вашу сестру Соню? И что трогательно, уже глубокий старик и все вспоминает ее. <...> О том, что он был влюблен, рассказывала мне его мать. Гомочка талантливый скульптор и большой труженик.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-13 сентября 1959 г.

Милая Вера.

<...> Получила письмо от Вани Классона. Он наслаждается тем, что перешел на пенсию и увлекается своим садом. Там [(под Москвой)] какой-то поселок садоводов. Сейчас его семья переехала в Москву, так как у его сыновей началось учение. А он еще увлекается «утеплением» своего дома и сбором фруктов и овощей. По-моему, у него что-то немецкое, очевидно, со стороны [Р.Э.] Классона.

<...> Состоялась ли экскурсия геологов на массив Мон Блана, которой, как ты писала, должен руководить Ульянов? Хорошо ли прошла?

Сегодня Зина говорила, что получила от Вики открытку из Москвы.** Ему предлагают поехать на месяц в Китай. По-моему, это очень интересно. Книга его об Италии с его рисунками все еще не выходит и однотомник его сочинений почему-то не издают.

* Возможно, это – Александр Серебров (А.Н. Тихонов). Время и люди. Воспоминания. 1898-1905. М., «Советский писатель», 1949.

** Похоже, Зинаида Николаевна не сообщила сестре о том, что Вика участвовал в Москве в весьма представительном мероприятии. Цитируем из «Литературной газеты» от 5 сентября:

<...> Ко мне сегодня заходил починить мою электрическую лампу «бывший милиционер» [Вася], который все еще живет у Зины. Он говорит, что ему скоро должны дать квартиру, но когда это будет? А Зину его присутствие ужасно злит. Вчера Зина зашла ко мне, перед этим неделю не заходила. Ее приживалка номер один все еще в командировке, ну, а вторая у нее живет. Вика из Москвы поехал в гости к какому-то писателю [к И.С. Соколову-Микитову?]. Зина думает, что он приедет в Киев в конце будущей недели.

Да, милиционер сообщил, что Зина сегодня идет в планетарий, но, я думаю, там сегодня толпа.* Ты знаешь, кто был в полном восторге, когда появился наш первый спутник? Вера Ивановна Билибина, такая глубокая старуха, а так все живо воспринимает. Не знаешь, как здоровье Поля Тилло? По-моему, он самый симпатичный из их семьи. А жена его тебе нравится. Что-то он мало пишет теперь о своем сыне.

<...> Когда мама была жива, у меня на именины бывало только двое гостей, одна моя сослуживица по Академии наук, и один профессор географии, друг всего нашего дома. Даже когда мы бывали на даче, он туда на мои именины приезжал, что меня трогало. Но теперь они оба умерли. То были свои люди, с которыми можно было обо всем поговорить, и [изысканных] угощений никаких не бывало.

А теперь я все думаю, хоть бы скорее эти именины были vorüber и vorbei! Комната маленькая, узкая как коридор, стула у меня три и два соломенных кресла, одно – провалившееся, а другое – ужасно громоздкое. Люди приходят, чтоб сделать мне честь и, главное, чтоб повидать Зину.

Многие ведь у нее не бывают из-за приживалки [Нины Аль], которая старается отвалить от Зины всех ее старых знакомых. Она уже восьмой год живет у Зины, и Зина все еще ее обожает. Зина хотела, чтоб и родители ее переехали в Киев, но им дали хорошую комнату в Ленинграде и они не захотели переезжать сюда. Особа эта, вероятно, все еще надеется женить на себе Вику, хоть за семь лет это [сделать] не удалось. Брат Тургенева женился на немке, приживалке своей матери**.

Окончание примечания

До новой встречи!

Две недели провела в Советском Союзе делегация Национального синдиката писателей Италии, по инициативе которого был созван Международный конгресс в Неаполе с целью создания Европейского сообщества писателей. Члены делегации – известный итальянский критик и публицист Джанкарло Вигорелли, генеральный секретарь неаполитанского конгресса Пьетро Фризоли и критик, искусствовед г-жа Лоренца Трукки – совершили за это время поездку по стране, побывали в Киеве, Риге, Ленинграде.

На днях в Союзе писателей СССР под председательством А. Суркова между итальянскими и советскими писателями состоялся официальный обмен мнениями по поводу проекта устава Европейского сообщества. Членам делегации Д. Вигорелли и П. Фризоли были вручены письма М. Бажана и А. Чаковского – представителей Союза писателей в подготовительном комитете по созданию Европейского сообщества. В письмах изложена точка зрения Союза писателей СССР на проект устава, содержатся замечания и конструктивные предложения к этому документу. В обсуждении приняли участие К. Зелинский, В. Инбер, В. Некрасов, Е. Романова, А. Салынский, А. Чаковский.

<...> По словам П. Фризоли, итальянские писатели надеются в скором времени принять советских писателей у себя в Италии и оказать им такое же теплое гостеприимство, какое было оказано итальянцам советскими людьми.

* Весь мир облетело волнующее сообщение о запуске в Советском Союзе второй космической ракеты, которая 14 сентября в 0 часов 2 минуты 24 секунды успешно достигла поверхности Луны [т.е. врезалась в нее на скорости 3,3 км/с – МК]. Впервые в истории человечества совершен космический полет с Земли на другое небесное тело. – «Правда», 21 сентября 1959 г.

** Речь идет о Николае Сергеевиче Тургеневе (1816-1879), который с 1841 г. жил в гражданском браке, а затем тайно повенчался с Анной Яковлевной Шварц («немкой из Риги»), камеристкой Варвары Петровны Лутовиновой-Тургеневой, матери Николая и Ивана (1818 г.р.).

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 18 сентября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вчера заходила ко мне Зина. Говорит, что мой племянник завтра едет в Москву. Зачем – неизвестно. В мае [1960-го] ведь будет съезд писателей СССР, и он должен будет быть там. Вероятно, едет (т.е. он не ездит, а летает, как и все его паразиты) устраивать дела какого-нибудь из своих приживалов.

Принесла мне Зина итальянский журнал по архитектуре, чтоб я перевела для него одну статью. Но до завтра я этого [сделать] не успею и, кроме того, в архитектуре я понимаю мало, а итальянский знаю плохо. Переведу что-нибудь, а он потом это напишет?

<...> Коробко был очень милый и симпатичный человек (мы дружили), гораздо более домашливый чем [Р.Э.] Классон. Его дочь [Наталья Яковлевна] жива, то есть была жива 2 года назад, когда еще [Л.Н.] Яснопольский бывал в Киеве. Служит библиотекарем где-то на Украине. Одно время жила у Яснопольских, а денег ей одно время присылал Классон. Я люблю дружбу, которая сохраняется до конца жизни, как у Коробки и Классона.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 19 сентября 1959 г.

Милая Вера.

<...> Я уже писала тебе, что №8 «Нового Мира» я не достала.* Если Вы очень хотите его иметь, пусть Ульянов напишет Вике. Если я его, Вику попрошу, он скорее сделает наоборот.

Он мне уже дважды рассказывал (один раз, когда ему было двадцать восемь лет, а другой – тридцать восемь), что с тех пор, как он помнит себя, он меня всегда ненавидел. В детстве он был такой тихий, разумный мальчик, никогда у меня с ним не было никаких столкновений. Мне и в голову не приходило, что в нем кипит ненависть ко мне. Я была страшно поражена, когда он мне это сказал в 1939 году. Когда ему было уже тридцать восемь лет, он еще прибавил, что и все его товарищи ненавидят меня. Ну, это-то мне глубоко наплевать, я так презираю всех этих беспринципных его паразитов.

Ты, вероятно, можешь понять Вику, ведь ты писала маме, что я отравляла твою жизнь дома, а недавно писала Зине, что Ульянов меня не любит. Хотя я с ним, по-моему, никаких дел не имела и, вообще, его мало знаю. Очевидно, есть что-то во мне, что возбуждает вражду и ненависть в людях!

Когда мне [в Симбирске] было четыре года (!), Маня Нейкова писала Зине: «Приходи ко мне, только без Сони». Папа заявил: «Чепуха, Соня будет ходить туда же, куда и Зина». Когда в 1947 году Вика праздновал свое лауреатство, он потребовал, чтоб меня не было дома. А ты как-то писала Зине, что лучше было бы, чтоб я жила с ней! Зина заходит ко мне раз десять-пятнадцать в месяц, но обычно больше двадцати минут не может у меня пробыть: ей со мной скучно. Недавно зашла, я засекала по часам – Зина была у меня ровно семь минут. Это счастье, что нам удалось с ними разъехаться. Не так-то это просто у нас, при нашем жилищном кризисе.

Скажи Ульянову, что лучше бы он посылал свои книги по геологии Вике. У Вики есть приятель-геолог [Яся Свет] и вообще много знакомых. А я никого не вижу. Этот геолог – Викин друг с детства, одно время читал даже лекции в Московском университете. Сейчас он, кажется, работает в каком-то издательстве. Геологом он стал malgré lui [(против своей воли)]. Он хотел быть историком, но в те годы детей интеллигентов в Вузы не принимали.

* Трудно сейчас предположить, что вызвало такой повышенный читательский интерес лозаннских Ульяновых к №8 «НМ» за 1959 год. Здесь не было помещено какого-либо произведения В.П. Некрасова, правда, напечатана критическая статья Виктора Шкловского «О реализме у нас и на Западе» и Анны Берзер – «Революцией мобилизованный...» (к 55-летию со дня рождения А.П. Голикова-Гайдара).

Я уже тебе писала, что [П.Э.] Классон своих обоих сыновей вынужден был послать в Германию. Вику приняли благодаря Луначарскому. Ну, и вот этот исключительно талантливый юноша [Яся Свет] держал экзамены в разных городах, выдерживал отлично, но ...сын адвоката, его не принимали. Наконец, ему повезло. Его отец переехал работать в Казахстан, ну, а детей казахов принимали на каких-то льготных условиях. Его приняли, но на геологический факультет. Он по окончании написал работу геологическую о каких-то слоях в Италии. Это очень волнует Зину: как можно писать о геологии страны, в которой никогда не бывал? Может быть, Ульянов это Зине объяснит?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 20 сентября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Что это Вы так обиделись, что я написала, что у тети Сони были приживалки? Да, очевидно я имела в виду Елизавету Сергеевну. Это не я ее так назвала, а кто-то мне ее так назвал. Возможно, что она жила у тети Сони, когда Классоны жили в Петербурге.*

Я ее видела иногда у Лидии Михайловны Щетковской. В 1913 году я (увы!) в последний раз приехала из-за границы. Искала себе комнату в Петербурге, зашла к Лидии Михайловне. Она уговорила меня взять у нее комнату. Комната ее очень хорошая, со старинной мебелью, была мне слишком дорога, и Лидия Михайловна предложила мне, кроме платы [30 руб./мес. за полный пансион] учить французскому языку ее воспитанников.

<...> Лидия Михайловна была очень дружна с тетей Соней и даже приезжала с ней в Симбирск, восхищалась, что у нас все «особняки» (одноэтажные дома). Она видела тетю Соню незадолго до ее смерти, и тетя Соня жаловалась на свое одиночество. Мать пяти детей! В Петербурге тетя Соня находилась в какой-то лечебнице для психических больных. А где же был [П.Э.] Классон? Где были ее дети? Из Ваших писем у меня сложилось впечатление, что после смерти тети Сони главой семьи у Вас сделалась Соничка**? Скажите, кто был первый муж Сонички, Богомоллов? Какой-то Богомоллов во время войны был чем-то в полпредстве в Лондоне. О нем рассказывает в своих воспоминаниях де Голль, очень его хвалит и находит его человеком высокой культуры***.

* В альбоме С.И. Мотовиловой-Классон имеется фото «приживалки» Елизаветы Сергеевны:

Из петербургского письма С.Н. Мотовиловой маме Алине Антоновне в Париж от 17-18 августа 1913 г.:

А вечером [к Лидии Михайловне Щетковской] приезжала сегодня Елизавета Сергеевна, Мотовиловская приживалка, у этой лучшие условия, даровая комната, пенсия 8 руб., и затем Мотовиловы снабдили ее бесконечным количеством вещей и постоянно помогают деньгами. Раньше тетя Соня, теперь тетя Анюта ежемесячно высылает ей. Скажи тете Мане [(Марии Ивановне)], когда увидишь, что постарела она [(приживалка)] ужасно, но очень элегантна в бархатной мантии и в шляпке из черного газа или кружев. Только от старости она начинает все путать, и сама это замечает. И все-таки ходит так бодренько и в девятом часу отправилась к себе на Охту.

** Соничка – это Софья Робертовна Классон.

*** Это Александр Ефремович Богомоллов (1900-1969), а первым мужем С.Р. Классон был Валериан Иванович Богомоллов (см. Приложение «Действующие лица»).

<...> Детство свое тетя Соня провела в родовом имении дедушки [Русской] Цыльне.* Где тетя Соня училась – я не знаю. Но когда ей стало столько лет, когда девицам полагается выезжать [в свет, прежде всего на балы], она сказала, что выезжать не хочет, а хочет ехать [из Симбирска] учиться на курсы в Петербург. Бабушка Луиза Францевна почему-то согласилась на это, но провожатым в дорогу с тетей Соней поехал староста. Очевидно, это было зимой, и по Волге ехать было нельзя, ну а железной дороги от Симбирска тогда не было.

Тетя Соня поступила сперва на педагогические курсы. А затем перешла на курсы Лесгафта. С Лесгафтом она была очень дружна, прониклась всеми его указаниями, сняла сейчас же свой корсет, и одно лето ездила гостить в деревню к Лесгафту, причем взяла с собой свою подругу Иванову (Лесгафт Иванову не любил и называл ее «бледноноской») и своих сестер тетю Маню и тетю Веру. Тетя Соня была в это время очень хорошенькой, и маленькие усики над верхней губой придавали ей особую прелесть. Она была умна, остроумна, образованна, и в нее легко влюблялись.

Одно время она жила почему-то в Харькове, у нее тут был роман с каким-то немцем. Я забыла его фамилию, и кем он был. Это был лучший период tante Emilie жизни. Она переживала с тетей Соней все перипетии этого романа. Тетя Соня его (героя романа) не любила, отказала ему и уехала из Харькова. Затем тетя Соня гостила одно время у тети Лиды в ее имении Протопопово**.

Здесь в нее влюбился брат Николая Федоровича, мужа тети Лиды, Федя Пятницкий [Зинаида Николаевна вскоре поправила сестру – Петр Федорович – МК]. Говорили тогда, что он был очень хороший человек, он полюбил тетю Соню очень глубоко, и когда она отказала ему, застрелился. Его портрет почему-то висел в кабинете моего отца и почему-то вокруг портрета – венок из плюща (искусственный).

Когда одно лето мы жили в Ишеевке, на даче у нас гостила тетя Соня и Федя Мотовилов, дядя Гомочки, брат его отца Ивана Андреевича. Помню, тетя Соня гуляла с этим Федей по Ишеевскому чудесному парку. Этот Федя тоже влюбился в тетю Соню, но и ему она отказала, и он тоже застрелился. У меня есть его портрет, когда приедете в Киев, я Вам покажу.***

* Дедушка – Иван Егорович Мотовилов, по отношению к автору письма, то есть отец С.И. Классон.

** По-видимому, здесь речь идет не о деревне Протоповка, которая располагалась при р. Свияга по почтовому тракту в Казань в 10 верстах от Симбирска, а о селе Протопопово, располагавшемся на притоке б. реки Карлы, по коммерческому тракту из г. Буинска в г. Алатырь в 15 верстах от уездного Буинска, который в свою очередь находился в 75 верстах от Симбирска (т.е. это был «медвежий угол» губернии!). Источник: Симбирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. С.-Петербург, 1863.

*** Село Ишеевка находилось в 15 верстах к северу от Симбирска, основано в начале XVII в. служилыми татарами князя Ишеева на правом берегу р. Свияги.

Что касается фото застрелившегося в Казани в 1887 г. 24-летнего студента Федора Андреевича Мотовилова, то оно предположительно имеется и в альбоме С.И. Мотовиловой-Классон:

В Петербурге [23-летняя] тетя Соня познакомилась с [Р.Э.] Классоном, ему было тогда 18 лет! Мой отец умер в 1888 году, тетя Соня тогда бросила свое учение в Петербурге, бросила Классона, которого любила, и приехала на всю зиму в Симбирск, чтобы мама не так чувствовала свое одиночество после смерти моего отца. * Живя у нас, тетя Соня давала нам уроки. Мне было тогда 7 лет. Жили мы очень замкнуто, и поэтому на меня сильное впечатление произвело, когда однажды за тетей Соней приехал, чтоб ехать на какой-то вечер Леня Березников (сын нашей знакомой помещицы, он был потом городским головой в Симбирске). Он был высокий, стройный, в блестящем студенческом мундире. Но это был не бал, так как тетя Соня была в простом, а не бальном платье.

<...> Приживалка Зины [Нина Аль] вернулась из командировки, а бывший милиционер [Вася] уехал в Москву. Он служит экспедитором на каком-то заводе и все разъезжает из Киева в Москву. Недавно приходил чинить у меня электрическую лампу (испортил котенок). Он, милиционер, меня позабавил. Говорит: «У нас дома мы то и то и то». Конечно, гораздо более в курсе их дел, чем я.

Оказывается, его приятельские отношения продолжаются с Викой и в Москве. Он рассказывает: «Когда мы ехали с Виктором на съезд писателей в Кремль...». Я даже изумилась: «Вы были на съезде писателей?». «Нет, я ехал осматривать Кремль, а Виктор – на съезд писателей, нас подвозил писатель Тендряков. Ничего, славный хлопец!». Тендряков талантливый писатель, переведен на много языков – английский, итальянский, китайский и прочие, а этот милиционер с ним запанибрата: «Ничего, славный хлопец». Нда! **

<...> В следующем письме напишу Вам о моем знакомстве с Вашей теткой Кристиани и о том, как тетя Соня сама сделала предложение [Р.Э.] Классону.

После революции моей матери удалось побывать в Лозанне, в 23-м и 28-м году. Сейчас (учтите, что мне уже 78 лет и даты в голове путаются) не помню, в каком году. Ну так вот в один из этих годов Кристиани (он, жена и, кажется, дочка) приезжали на своем автомобиле из Женевы в Лозанну, чтоб повидаться с мамой. <...> Зина говорит, что женевскую сестру Классона называли «Анна Эдуардовна» ***.

<...> Вот и я хочу к моим воспоминаниям приложить некоторые отзывы о них. Писала я эти воспоминания, вероятно, лет пятидесяти. В эти годы, 50-60 лет, еще можно писать воспоминания, а в моем возрасте, под 80, трудно писать. Думаю, что многое уже путается. Вот документы (как брачное свидетельство), письма того времени, это дело достоверное, а не память человеческая.

Сегодня Зина говорила, что Вика должен ехать в Китай в конце октября – в ноябре. Она, вероятно, поедет сопровождать [его] в Москву, тогда вы с Зиной сможете познакомиться.

В Викином «Первом знакомстве» мне, как и Вам, нравится начало: живо, непосредственно. А знаете, что ему писали его читатели? Одна писала: «Какой срам, русский писатель прячется от французских полицейских! И зачем Вам нужно было самому снимать Эйфелеву башню, ведь сколько угодно есть ее снимков». А одна старушка даже написала (она читала это своим внукам): «Спросите вашу маму, не стыдно ли было себя так держать». Чего ему «спрашивать маму», когда ему самому 48 лет!

* Это Николай Иванович Мотовилов, сын Ивана Егоровича Мотовилова.

** Почему-то «бывший милиционер» [Василий], а ныне экспедитор на каком-то киевском заводе, который не один месяц прожил в квартире Некрасовых, не указан на пафосном сайте «Памяти Виктора Некрасова» (www.nekrassov-viktor.com/Default.aspx) хотя бы как его знакомый (?!). Попал «под селекцию» Виктора Кондырева и Александра Немца?

*** Анна = Johanna – помета И.Р. Классона на полях письма.

<...> Если у Вас есть воспоминания Винтера о [П.Э.] Класоне, то, пожалуйста, пришлите. А «делового дневника» Класона мне не надо: все равно ничего не пойму. Да, [про] историю (ссору) с сыром напишите.* О второй сестре Класона [(Элле)] я не знала или не помнила. А Яснопольский мне сказал, что она еще жива и живет в Москве.** Яснопольскому было тогда свыше 80 лет. Видите, какие в нашем возрасте путаницы происходят.

Вы знаете, что Яснопольский тоже сидел в тюрьме за подписание Выборгского воззвания?***

Из письма Корнея Ивановича Чуковского 1932 г.

(в ответ на переданные ему мои воспоминания о Брюсове)

Многоуважаемая С.Н. Вчера я получил Вашу рукопись и прочел ее с жадностью. Написана она увлекательно. В первой части отлично изображена атмосфера, которой жили и дышали символисты. Кроме того, в ней даны ценные факты, относящиеся к биографии Брюсова. Образ Павловской и рельефный и он очень важен для истории той эпохи, потому что это образ центральный, характеризующий так сказать подоплеку всех тогдашних стихов и картин.

Вторая часть воспоминаний, помимо всего остального, хороша тем, что благодаря ей можно будет напечатать вашу рукопись в новом современном журнале. Я готов служить Вам в этом отношении. Могу отдать в «Звезду» или «Новый Мир».

Это мне Чуковский писал в 1932 году. Ни в одном из журналов не удалось рукопись устроить. Тогда Чуковский отдал ее Бонч-Бруевичу, и тот обещал поместить ее в сборник «Звенья». Это было в 1932 году, т.е. 26 лет назад! А затем ежегодно Бонч писал, что она пойдет во 2-м, 3-м, 4-м и т.д. томе «Звеньев». В 1937 году наконец она была окончательно принята. Я получила за нее аванс через 7 лет (400 р.), это было очень удачно, так как мы тогда очень нуждались. Ну а дальше? Бонч писал, что рукопись была набрана, но для войны понадобился металл [(свинец на пули)], и набор был разобран.

* «История с сыром» случилась в каком-то швейцарском кафе с Иоганной Кристиани и ее братом Робертом (см. ниже).

** Скорее всего, академик Л.Н. Яснопольский говорил о дочери Эллы Эдуардовны – Валерии Петровне Александровой, которая действительно переехала в Москву к брату, будущему академику Анатолию Петровичу Александрову.

*** Яснопольский Леонид Николаевич (1873-1957), депутат I Государственной Думы от Полтавской губернии. Учился в Киевской гимназии. В 1891 г. поступил на юридический факультет Киевского университета. Перевелся в Петербургский университет и окончил его в 1895 г. Оставлен при университете по кафедре политической экономии и статистики. В 1900 и 1901 году сдал магистерский экзамен. Осенью 1902 г. приват-доцент Киевского, а с февраля 1903 г. – Харьковского университета, в котором преподавал статистику до февраля 1904 г. За лекцию, осуждающую политику русского правительства на Дальнем Востоке, был удален из Харьковского университета. Депутат I Государственной Думы от Полтавской губернии. По своим взглядам примыкал к кадетской партии. Подписал «Выборгское воззвание» 10 июля 1906 года в Выборге и осужден по ст.129, ч.1, п.п.51 и 3 Уголовного Уложения. Экономист, академик АН УССР. Своим указом от 8 июля 1906 г. Николай II распустил Государственную думу первого созыва с кадетским большинством, тогда кадетские депутаты уехали в Выборг и выпустили 10 июля воззвание к гражданам России с призывом отказаться от уплаты налогов и службы в армии, подписавшие были преданы суду, 167 подсудимых – приговорены к 3-месячному заключению и лишены избирательных прав. – Из Интернета

В 1956 году я переслала мои воспоминания Пастернаку, чтоб он помог мне рукопись устроить. Он ответил очень скоро и мило. Правда, писал, что его рекомендация является скорее отрицательной, чем положительной, и переслал рукопись в «Литературное наследство». Вот отзыв Пастернака 30-IX-1956. *«Я прочел Ваши воспоминания. Мне они очень понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему так и надо писать»*. Я очень горда отзывом Пастернака. Мне он очень нравится, как человек, но стихов его я не понимаю и рассказы мне мало интересны. Последнего его романа [(«Доктор Живаго»)] я не читала.

А вот еще отзыв Макашина из «Литературного наследства»: *«Мы с интересом ознакомились с Вашим мемуарным очерком. Он хорошо написан. Вам удалось воссоздать ярко образы самого Брюсова и Павловской и также дать эскизную, но живую зарисовку своеобразнейшего Вл. Ив. Танеева»*.

<...> Сегодня заходила Зина. Удивляется, как Вы хорошо помните, что было в вашем детстве. Вчера вечером Вика так и не прилетел, а приехал сегодня утром поездом. Да, я хотела Вам сказать: Ваши письма я показываю Зине, так что не пишите ничего, что ее может обидеть, хотя бы о всех их приживалах. Затем я Ваши письма пересылаю Маше, тети Анютиной дочери. Она живет в Тамбове и очень одиноко. Сын ее военный на Дальнем Востоке, а дочка только что окончила музучилище и уехала в соседний город, где преподает музыку в музшколе.

От Лены [Игнатович] получила 2 письма. Очевидно, она хотела бы, чтоб я ей послала денег. Все жалуется, что денег нет. Они с сыном оба больны, спят на полу, одеться не во что и т.д. Жалко ее, но я написала, что никаких денег ей не пошлю.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 27 сентября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> На днях Вика послал свои бумаги: рекомендацию из Союза писателей, справку о здоровье, чтоб ехать в Китай. Не так-то это просто. Он передал в Италию свои рисунки, и его «Первое знакомство» будет издано по-итальянски. Жду с большим интересом Ваших отзывов о Викиных книгах.

Люблю письма читателей. Прочтя «В родном городе», одна читательница, ученица 10-го класса Вике писала: *«Воображаю, как на Вас набросятся наши критики. Но Вы не бойтесь, мы, ваши настоящие читатели, Вас защитим»*. Настоящие читатели, очевидно, десятиклассники! А про «Окопы» мне в киосках сказали, что их больше всего покупают мальчики 12-14 лет.

28-IX-59 (продолжение). Мое письмо Вам еще не было закрыто, когда я сегодня получила Ваш пакет с письмом и статьей Винтера. Сiju и читаю о [Р.Э.] Классоне Винтера*.

<...> Я люблю нашу Европу и XIX век. Лена [Игнатович] так и писала Вике: «Тетя Зина и тетя Соня – люди XIX века и ничего не понимают [в нашей действительности]». А далее советовала Вике поместить меня в сумасшедший дом. Но и Европа для меня закрыта теперь, и в Крым даже не могу теперь поехать.

* Академик А.В. Винтер. Выдающийся инженер-новатор в области энергетики Р.Э. Классон. Доклад на заседании Отделения технических наук АН СССР, Комиссии по истории техники ОН АН СССР и других организаций от 21 февраля 1951 г., посвященном 25-летию со дня смерти Р.Э. Классона. // Известия АН СССР, Отделение технических наук. №9, 1951

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 сентября 1959 г.

Милая Вера.

<...> Только я обрадовалась Ване Класону (как корреспонденту), как он смолк. Он, конечно, гораздо менее интересен, чем Викин переводчик [[Страда](#)], но все-таки наш родственник, сын тети Сони.

<...> На Вику вот уже больше полугода нападают все, кто только может и его бывшие приятели, за его критическую статью о фильме Довженко [[«Поэма о море»](#)]. Фильм этот получил Ленинскую премию, ну, и каждый «разумный человек» понимает, что тут надо его восхвалять. Правда, Вика написал свою статью еще до Ленинской премии, но тут, после получения, нужно было, очевидно, взять свою статью обратно.^{**}

А Вика всегда прет на рожон. Он написал когда-то статью об одной художественной выставке и раскритиковал картину, получившую тогда Сталинскую премию, где изображен был спереди сам Сталин и за ним все его соратники. И вот Вика был возмущен: ни одна газета не соглашалась это место его статьи напечатать. Статью-то готовы были печатать, но пропуская это место (так и напечатали [[с пропуском](#)]).

Любопытно, в этой же статье Вика похвалил какую-то скульптуру Коненкова. Это, конечно, самый талантливый у нас скульптор. Ему восемьдесят с чем-то лет, учитель Гомочки. <...> Но, когда появилась Викина статья, Коненков только что вернулся из Америки, где провел, кажется, двадцать лет. Ну, и люди были настороже: как к нему надо относиться? И вот Всеволод Иванов <...> написал негодующую статью и там писал, что «русский писатель Некрасов хвалит формалистическую работу Коненкова». Ну, а теперь все Коненкова уже восхваляют, а тогда это был своего рода донос.*

Я видела этот фильм Довженко «Поэма о море». Плохо составлен. Масса несвязных кусочков, как это в фильме бывает [[\(при небрежном монтаже\)](#)], и ничего разобрать нельзя: кто – кто и почему? И составлял [[\(монтировал\)](#)] его вовсе не Довженко, он умер, а его жена. Хорошие там виды Украины и очень удачные красоты, но никакой «романтики» и «пафоса» я не вижу. Так, сами себя восхваляют, как у нас теперь это принято. «Героики» я там никакой не вижу, но по Кочетову оказалось, что критика Вики на этот фильм – «атака на все лучшее, достигнутое нашей литературой на ее пути служения народу» Вот те на!

<...> Что у Зины – не знаю, все – скрывается. Очевидно, «битва титанов» идет. Зина все жалуется на Ганю, ну, это один титан, а о приживалке ни слова. Бывший милиционер у них уже не живет. Очевидно, «титан-приживалка» победила. А он мне рассказывал, что Вика хотел бы избавиться от приживалки [[Нины Аль](#)] и будто бы говорил при нем: «Все уже для нее сделали, и у родителей комната в Ленинграде есть. Когда же она от нас, наконец, уедет?»

* Как уже упоминалось, это «Слова «великие» и простые» (журнал «Искусство кино», №5, 1959), где критиковался в т.ч. фильм Александра Довженко «Поэма о море». Правда, этот фильм был выпущен его супругой – Юлией Солнцевой уже после смерти мужа.

^{**} Речь идет о выступлении Виктора Некрасова в газете «Труд» за 3 января 1948 г. – «Мысли о выставке» и о «контрвыступлении» Всеволода Иванова в Литературной газете за 10 января того же года – «Далекое и близкое». См. очерк «Виктор Некрасов в разных измерениях». Почему-то на пафосном сайте «Памяти Виктора Некрасова» это заметное выступление писателя не отражено в разделе «Полный перечень [??] произведений, опубликованных в СССР (1945-1974) и представленных на сайте».

Всесоюзная художественная выставка проходила в Москве в конце 1947 года.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 29 сентября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Статью Винтера прочла с удовольствием. О научной одаренности [Р.Э.] Классона судить не могу. Мне он не нравился. Я не любила социал-демократов [(теоретиков)]. Не нравилось мне и его [равнодушное] отношение к тете Соне, не нравилось, что он как-то увлекался буржуазной жизнью.

Недавно прочла в своем детском дневнике, как я пишу, что был у нас Классон на своем рысаке и уехал с мамой и рассказывал, что был на каком-то банкете (очевидно, как представитель Электрической станции?), уехал оттуда с журналистом из «Московских ведомостей», и тот совершенно пьяный ему рассказывал похабные анекдоты.

Для меня все это было противно: и банкет, и «Московские ведомости», и журналист с анекдотами. Все это я презирала. Я была романтик, любила подвиги, борьбу против существующего строя и прочее. Случилось так, что моими друзьями стали тогда социал-демократы [(революционеры)]: [Сергей Васильевич] Андропов и его друг из простых рабочих, красильщик с фабрики Морозова – Ногин. Оба были подпольщики. Это в честь Ногина Богородск переименовали в Ногинск. Это были тогда кристально чистые люди. Никакого контакта с журналистом из «Московских ведомостей» у них быть не могло.

Андропов – это друг Яснопольского. Он не рабочий, а настоящий интеллигент. Он отказался от всего своего состояния (правда, отдал его своей сестре) и жил почти как нищий. В 1901-02 годах они оба сидели в Петропавловской крепости. Коробко мне говорил: «Клянусь Вам, что к сорока годам он, Андропов, станет как все, иначе я стану на голову». Должна сказать, увы, это так и случилось. Ногин обожал тогда своего друга и просил меня назваться его, Андропова, невестой и ходить к нему на свидания. Ногин сел в крепость после Андропова.

Ногин привез тогда транспорт «Искры», «Что делать?» Ленина и другое. Этот транспорт хранился у нас. В партии, то есть в Петербургской организации тогда оказался провокатор, но благодаря тому, что корзина с литературой была у нас, транспорт не обнаружили. Вы не можете себе представить, какая храбрая и благородная была моя мама. Какое участие она принимала в людях, как ничего не боялась. Однажды мама везла мне в грязном белье анархические брошюры. На границе это обнаружили. Мама рассердилась и закричала: «Не троньте мое белье», и офицер сказал жандарму: «Оставь». У мамы был вид *grande dame*. За границей ее вечно называли баронессой, графиней. Когда мы приезжали с мамой в жандармское управление, мама садилась в передней, а жандармы почтительно снимали ее боты. Даже жандармский полковник говорил – какая мама удивительная мать, «даже в жандармское управление она ездит со своей дочерью».

Помню, меня лишили свиданий с моим «женихом». Я на свидание в тюрьму возила ему нелегальную литературу и перебрасывала (при офицере) через стол. Обычно возила «Искру». Но однажды попалась. И вот меня лишили свиданий. Я искренне негодовала, пошла к прокурору окружного суда и это, конечно, странно: мне опять дали свидание, но уже не в отдельной камере, а через решетку. Тут ничего не передашь.

Позже мне не давали свидания перед ссылкой в Сибирь. Ногину тогда дали 10 лет, а моему «жениху» – 12. Мама поехала к министру внутренних дел Дурново. Я у него раз была, он мне понравился, суровый старик. Он уговаривал маму не позволять мне выходить замуж за «преступника». Мама дала ему обещание, что я никогда за моего жениха замуж не выйду, пусть он только даст свидание. Я всегда смеюсь, что я мамино обещание Дурново выполнила.

Но у него самого, Дурново, произошла драма, его племянница стала революционеркой и даже террористкой.*

Эти люди, мои друзья, не шли ни на какие уступки. Как я ни просила в Англии пойти со мной к Кропоткину, Андропов ни за что не соглашался: Кропоткин плохо говорит о Марксе. Сам он [(Андропов)] в это время страшно нуждался, и вот его знакомые прислали ему денег, но прислали через Бернштейна, ревизиониста марксизма. Помните? Он предпочитал умереть с голода, но к Бернштейну не пошел. Года два ему пришлось работать у Черткова, это уже не из убеждений, а чтоб как-то жить. Но от платы он отказался, и Чертков, сам богач, очень хвалил за отказ от денег, а сам его очень эксплуатировал. Об этом, поездке к Черткову, у меня тоже есть воспоминания. Он, мой фиктивный жених, был великолепный музыкант, но отказался от музыки, потому что она недоступна народу. Он был блестящий математик, во всякую другую эпоху он стал бы большим ученым, но в те годы все лучшие люди шли в революцию.

И все-таки в сорок лет с ним случилось то, что предсказывал Коробко – стал как все. Когда началась война 1914 года, мы должны были ехать в Крым, а он мне говорит: «Как ты не понимаешь. Ведь скоро начнется революция. Я рвусь в Петербург драться на баррикадах». Революция началась не в 1914-м, а в 1917 году, он был в Петербурге, меня там не было, ни на каких баррикадах не дрался, а уехал в Ростов, где были белые и Краснов. А когда-то в этом Ростове он организовывал восстание, в 1905 году!

Одно время, так же как муж Вашей сестры [Валериан Иванович] Богомолов, он жил по паспорту умершего человека. Для нелегальных это было самое безопасное. Потом он стал легальным, еще до революции. Помню, как я пришла на свидание, а тут оказалась еще одна фиктивная невеста Андропова, ее прислал Яснопольский, не зная, что [арестованного в 1901 году] Андропова уже кто-то посещает. В тот же вечер к нам пришел Коробко, в какой-то странной круглой шапке. Я открыла ему и не сразу его узнала. Он расхохотался и сказал: «Я вижу, вы принимаете меня за шпика».

* По-видимому, речь идет о Елизавете Петровне Дурново-Эфрон (1854-1910), дворянке, дочери богатого отставного гвардейского ротмистра Петра Аполлоновича Дурново (1812-1887). Свела счеты с жизнью в Париже, сразу же после того как повесился младший сын, 14-летний школьник Константин. Неряшливые комментаторы записывали Е.П. Дурново-Эфрон в «племянницы» харьковского и московского губернатора Петра Павловича Дурново (1835-1918) и в «дочери» Петра Николаевича Дурново (1845-1915), начальника Департамента полиции и Министра внутренних дел. На эту недостоверную информацию и «купились» С.Н. Мотовилова.

<...> В 1904-1905 гг. входила в партию с.-р.; участвовала в организации побега из тюрем. Ее дом в Москве и дача на ст. Быково (Московско-Казанской ж.д.) служили для партийных явок, для укрывательства нелегальных, для хранения нелегальной литературы и оружия. При расколе московской организации с.-р. примкнула к «оппозиции», а после экспроприации 7 марта 1906 в общ-ве взаимного кредита стала определенной максималисткой. Работала в «крестьянской организации», где состояла членом агитационно-пропагандистского отдела, работала и в «бюро по внешним сношениям» и была избрана в Исполком московской организации. Арестована 26 июля 1906 на нелегальном собрании; при обыске на ее квартире было обнаружено много компрометирующих материалов. Через 9 месяцев заключения на основании медицинского свидетельства освобождена под большой залог, внесенный Н.А. Шаховым, и, не дожидаясь суда, через Финляндию снова уехала за границу. С осени 1908 жила в Париже, где вошла в группу максималистов. В ночь на 22 янв. 1910 повесилась в Париже после самоубийства сына. – Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927-1934. Статья «Дурново Елизавета Петровна»

«Надо заметить, что, вопреки бытующим легендам, ни московский генерал-губернатор Петр Павлович Дурново, ни министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново не являлись близкими родственниками Петра Аполлоновича, а стало быть, и его единственной дочери Елизаветы». – Лидия Анискович. Сергей Эфрон: Крылатый лев, или... Судите сами

В том же году [в 1901-м? – МК] пришли к нам Коробко и Классон и стали звать нас на Острова послушать цыган. Наши: мама, Зина и Вера поехали, но я, конечно, не поехала. Деньги в этот вечер у них швырялись без конца, и не знаю, почему-то, они давали рублевки полицейским по дороге. Нет, не мой это стиль. И Коробко, и Классон очень много зарабатывали, помню, на каком-то Харьковском заводе [(на паровозном)] Коробко получал 40 000 в год.

Мама была у тети Сони, когда Классону предложили [в начале 1900 года] службу в Баку. Мама очень любила Классона, у мамы был жизнерадостный характер, и она любила деятельных, энергичных людей. Мама с гордостью слушала этот разговор.

Классон получал тогда 4½ или 5 000 в Москве. В Баку и дело было интересное, и ему предложили сразу 18 000 в год. Сумасшедшие деньги. Ведь сенатор тогда получал всего 7 000 в год. Классон сказал тогда, что он спросит свою жену.

Тетя Соня, которая, как все Мотовиловы не придавала никакого значения деньгам, сказала, что в Баку плохой климат, будет вредно детям, пусть лучше откажется. Классон это сказал в телефон, его начали убеждать и сказали (что маму больше всего поразило): «Пусть Ваша жена скажет, и мы в любом месте России, Крыму или Финляндии, построим Вам дачу». Мама пришла домой очень гордая, как упрашивали Классона, вот, мол, он какой! Ну, а из Вашего предыдущего письма я вижу, что дачу они Вам так и не построили? Почему? Классон отказался?

Классон, как директор (или не знаю, кем он там был), получал по 2 билета во все театры Москвы (надо было смотреть, чтоб огонь не мигал, за каждое мигание станция должна была платить что-то городу). Наши у него как-то попросили эти даровые билеты на какой-то спектакль. Классон сказал, что он все эти билеты отдает своим служащим, а он достаточно зарабатывает, чтоб сам себе купить. Мне это понравилось. Не всякое начальство так делает. Конечно, если бы он был джентльменом, он бы сам купил и прислал нам билеты.

Но джентльменом он, по-моему, не был. Но было у него какое-то внутреннее благородство. Я читала в каком-то «Историческом архиве» о Шатурской станции. Там дан немного образ Классона. Мне понравились его письма Ленину, какой-то достойный тон. Очень уж у нас мало теперь человеческого достоинства.

Ну, хорошо. Кончу о Вашей тете Кристиани. Совсем она на своего брата [Роберта] не похожа. Воплощение мещанства, и ведь история с сыром тоже верх мещанства – угодить швейцарской публике и не упасть в глазах лакеев какого-то café.

Да, приблизительно тогда, когда и Соничка родилась, и у Кристиани должно было что-то родиться. Они вызвали маму в Женеву. Мама прогостила там неделю или больше. Роды были очень трудные, она обожала своего мужа, ей казалось, что она умирает, и она упрашивала маму в случае ее смерти выйти замуж за ее мужа, не интересуясь тем, нравится ли он маме или нет. Но, по-моему, она тогда ничего не родила.

Я была с мамой у Кристиани осенью 1894 года и на Пасху 1895-го. Детей тогда у них не было. (В этом же 1895 году к нам [в Лозанну] приезжал Ленин. Прислал его к нам [Р.Э.] Классон). В 1894 году т-те Кристиани пригласила нас на vendange [(сбор винограда)].

Я обрадовалась, видела (т.е. думала, что увижу) склоны гор, покрытые виноградниками, спускающиеся к голубому озеру, золотистый виноград, приятный его вкус. Увы, винограда никакого не было, а Анна Эдуардовна жила в небольшом домике возле Женевы, и рядом – небольшой сад. И вот она заставила меня, мне было 14 лет, лазить на деревья, рвать груши и яблоки. Есть она нам их не давала, а сейчас же прятала. Когда ее муж, возвращаясь из Женевы, хотел полезть сорвать яблоки, она кричала, чтоб он не смел лазить на деревья, так как он может упасть. А я?

В свободное время мы с Верой должны были чистить картошку. У нас дома были кухарки, горничные, картошку я тогда никогда не чистила. И вот Анна Эдуардовна на меня кричала, что я не так чищу, и на деревья плохо влезаю, и, наконец, обозвала меня «дурой». У нас это было не принято, ни в школе, ни у нас дома никто так не называл. Зина была тогда в Англии. Я была счастлива вернуться в Лозанну.

На Пасху [1895-го] мы с мамой поехали в Женеву, где была русская церковь, и я хотела быть к заутрене. Остановились в гостинице, а вечером зашли к Кристиани. Он уже был, кажется, назначен профессором, и она все хвасталась, как улучшаются их материальные дела. Наконец с гордостью сказала: «Поглядите, что у нас завтра к обеду». Позвала прислугу, и та принесла утку.

Ну, мама выразила полный восторг, как они хорошо стали жить. Затем они спросили, когда мы завтра уезжаем, и, узнав, что после обеда, тоскливо переглянулись и пригласили нас к обеду. Тогда Анна Эдуардовна позвала прислугу и сказала ей: «Утку завтра не жарить, а купить просто мяса». Мы с мамой вовсе не *portees sur la bouche* [(не предаемся еде, не гурманы)], и вообще утка не представляла для нас чего-то особенного. Бабушка Валерия Францевна, правда в России, присылала нам из своего имения [Солоновщину на Украине] целые ящики битой птицы, больше всего индеек. Ну а это – мелкое мещанство Вашей тети. Maupassant описывал такие французские мещанские семьи.

<...> Сколько имений продал дедушка Иван Егорович, не знаю, и даже точно не знаю, что значит – «имение». У нас не было имения, а была «земля» в Симбирской и Полтавской губерниях. О дедушке Иване Егоровиче и его женитьбе на бабушке Луизе Францевне мне рассказала *grande tante Emilie*, когда мне было 10 лет! Помню, мы сидели в Солоновщине (Полтавской губернии) у пруда. Бабушек наших мы несколько боялись, а с *tante Emilie* я подружилась. Она, как и я, любила собак.

Это все та же *grande tante Emilie* рассказала мне о том, как у нее жила тетя Соня в Харькове, и какой-то немец, фамилию забыла, был в нее влюблен.* Как проверить, что оба Феде покончили жизнь самоубийством из-за любви к тете Соне, не знаю. Можно Зину спросить. Последняя из Мотовиловых, тетя Вера, она на 4 года была старше Зины, умерла в эвакуации в Симбирске после последней войны. Это от нее я узнала, что сестры Ленина ездили на танцклассы в дом бабушки [Луизы Францевны].

* Фотография «какого-то немца», сделанная в Харькове, имеется как приложение к альбому С.И. Мотовиловой-Классон. Как приложение – потому что большого формата и в фабрично вырезанные окошечки не влезала (на обороте посвящение «Софье Ивановне Мотовиловой от преданного ей <заковыристая подпись>, 16 мая 1884 г.»):

Но вот что рассказывала мама. Как-то в Москве [P.Э.] Классон говорит тете Соне – зачем она перестала завиваться, а причесывается рядом [то есть в одном направлении, сверху вниз – МК]? А тетя Соня ему сказала, шутя конечно, что когда она [раньше] причесывалась рядом, в нее влюблялись, и даже двое покончили из-за нее самоубийством, а когда она носила завитую прическу, то ей пришлось самой делать ему предложение. Как это было, что тетя Соня сама предложила Классону жениться на ней – я не знаю. Тетя Соня была старше Классона, и он, очевидно, ее не любил, поэтому он сказал, что подумает и посоветуется с Коробко. Вы представляете себе, как после этого тетя Соня невзлюбила Коробку! Когда они были с нами в Ormonts, она все над ним издевалась и приставала к нему: почему у него рот бантиком. Меня это возмущало.

А Коробко со своей стороны рассказывал, что Классону с тетей Соней было тяжело, и он поэтому подолгу сидит на службе, ничего не делает, а стреляет в какую-то цель [типа современного дартс? – МК]. Все это было до Вашего рождения. Да, еще в тетю Соню был влюблен Борис Александрович Витмер. Знали Вы его? Когда тетя Соня вышла замуж за Классона, он с горя женился на Григорьевой. Тетя Соня называла ее «Григорыха», она была подруга Крупской. Витмер подолгу гостил у тети Лиды в Протопопове и в Бугурне.

Для меня есть две тети Сони. До замужества и после замужества. Первая – живая, веселая, энергичная, решительная. Вторая – усталая, с каким-то вытянутым, длинным лицом, вечно встревоженная и думающая только о своих детях. Но Вы подумайте, когда тетя Соня [в 1912-м] была больна, не могла Соничка или другая ее дочь поехать к ней в Берн? А ехала какая-то финка.

<...> Маню Щетковскую я знала, когда ей было лет 11-12. Она никогда не врала. Что за выдумки [у Вас] про патологическое вранье?

<...> Заходила сегодня Зина, прочтя Ваше письмо, она, как и Вы, сказала, что слышала, что дедушка продал тогда одно имение [(когда проигрался в карты)]. Что значит, имение? С усадьбой? У нас была земля, были леса. То есть, все это было у мамы. (Леса мы, то есть мама, продавали, когда нам нужны были деньги.) У Гельшерт, тети Анюты, тоже были леса и земля, но имения не было. Они, Гельшеры, были очень богаты. А мы совсем нет.

Тетя Лида и папа получили [в наследство] только по 200 десятин (тогда еще было много детей), тетя Соня и тетя Анюта – по 400, а тетя Маня и тетя Вера – по 600. Бабушка Луиза Францевна маме сказала: «Алина, ты не обижайся, что я вам ничего не оставила в завещании, ты и так умеешь устроиваться, а мои дети такие беспомощные». Они таки и были архинепрактичные. А после революции все дети тети Анюты и она сама ужасно бедствовали.

Далее Зина говорит, что влюбленные в тетю Соню кузены были не «Феди», а назывались так: Петр Федорович Пятницкий и Федор Андреевич Мотовилов. Значит, Петя и Федя. Далее Зина говорит, что так все говорили, что они покончили самоубийством из-за тети Сони (оба застрелились), но и писем о том, что из-за любви к тете Соне [они кончают самоубийством], не оставляли. Но если человек объясняется в любви, ему отказывают, и он вскоре стреляется – как это объяснить?

О Кристиани Зина говорит, что они будто бы очень нуждались во время студенчества и поочередно ходили на лекции, так как у них было одно пальто на двоих. Вы это слышали? Я не помню. Почему они так нуждались? Ведь Ваш дедушка был врач, и у них, кажется, дом был на Печерске [в Киеве]? Если [P.Э.] Классон учился в 1-й гимназии, там есть архив, и там можно узнать, сидел ли он в двух классах, как он рассказывал нам. Вашу бабушку киевскую Зина видела, она Вам расскажет, когда Вы встретитесь.

От Гомочки, по-моему, ничего не узнаете. Он своей семьей мало интересовался и, кроме того, кажется, скрывает свою родословную. <...> Гома при жене все расхваливает Вашу сестру Соню.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 10 октября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы себе представить не можете, сколько нас всю жизнь обкрадывали. Особенно после революции. В нашу [киевскую] квартиру, в 6 комнат, вселили несколько семей, а нас загнали сперва в три, а потом в две комнаты. Вселили нам людей из всяких подвалов, ночлежек.*

Идейный коммунист из нашего домоуправления (или я не помню, как это тогда называлось) сказал маме: «Вы культурная семья, и поднимите культурный уровень этих несчастных людей». Не знаю, поднимался ли их культурный уровень, но материальный постепенно поднимался: обворовывали они нас так, как могли. Привезенные из-за границы мамой часы исчезли в ванной на второй же день. Зина по своей барской привычке оставляла свои вещи в ванной. Ну а что мы могли?

Мы были бывшие помещики, «недобитая буржуазия». А если помните, Ленин бросил лозунг: «Грабь награбленное!». Не знаю, помните ли Вы те годы, 1918-19, 1920-е? Я тогда, в качестве эмиссара из Центрального комиссариата просвещения, объезжала помещичьи имения для описи их библиотек и видела это жуткое ограбление. А потом подводы, нагруженные награбленным имуществом, мчались на станцию, и тут перекупщики скупали все и везли за границу.

Мама была за границей в 1923 году, и ей рассказывали жившие там люди в ужасе – об этом ценном потоке вещей из России. «Что это, вся Россия распродается?». Вы подумайте, даже Шаляпин не мог удержаться. Он, правда, не грабил, а покупал. Целый вагон этих купленных вещей он вывез с собой за границу и еще хвастал, как выгодно, за гроши, купил какой-то ковер у Дурново и продал за сумасшедшие деньги за границей.** <...>

И вот одни из реквизировавших у нас тогда комнаты (заняли Зинин кабинет), жили у нас несколько лет, обворовывали нас вовсю, продали наконец нашу комнату, уезжают. Другая соседка бежит к Вике и говорит: «Они увозят вашу люстру!» Вика спокойно отвечает: «Ну и, слава богу, у нас будет меньше вещей». Это не толстовство, а просто барская халатность. Уехавшие от нас, муж и жена, сейчас же попали в тюрьму за воровство (не у нас, а на новой квартире). Мы-то на них никуда не жаловались. Их культурный уровень у нас не повысился, а скорее понизился.***

* Парижские «Последние новости» от 26 апреля 1921 г. в заметке «Где жить интеллигенции?» отразили сей сюжет.

Любопытный спор завязался на столбцах советских газет: некий Приградов поместил статью в «Известиях» о недопустимости переселения интеллигенции в подвалы. В ответ на эту статью Л. Сосновский пишет в «Правде»:

Рабочий класс имеет право на преимущества. Рабочие еще не выведены из подвальных помещений. Вы пишете о равенстве интеллигенции и рабочих? Превосходно! Не угодно ли интеллигенции занять во имя равенства причитающееся на ее долю количество подвалов? Почему рабочий может жить в подвалах, а интеллигент не может? Вы пишете, что от одной мысли о предстоящем переселении интеллигенция впадает в состояние, лишаящее ее возможности спокойно и плодотворно совершать свою ежедневную работу. Тов. Приградов хорошо сделает, если постарается убедить своих корреспондентов из интеллигенции, чтобы они не саботировали пролетарскую жилищную политику Совета, поняли ее и примирились с ней.

** По-видимому, речь идет об уже упоминавшемся Петре Павловиче Дурново (1835-1918), который владел родовым особняком на Английской наб. в Петербурге и коллекционировал произведения искусства.

*** В письме в Лозанну от 26-30 июля 1963 г. (см. ниже) Софья Николаевна развернет этот сюжет «во всей своей красе». Из него, кстати, становится известно, что занявшие кабинет Зинаиды Николаевны и по выезде из оногo прихватившие люстру Мотовиловых были семейной парой по фамилии Нудманы. А из повести В. Некрасова «Саперлипопет» выясняется, что это были «двое симпатичных студентов-медиков, его звали Файфель Давыдович, ее Бронислава Викторовна».

Какие полярные восприятия «человеческих проступков» возникали у племянника и тетки!!!

Да! И вот теперь вокруг моего племянника свора, если не воров, то всяких паразитов. Целые семьи живут на его счет, он зарабатывает (по-моему) сумасшедшие деньги, а у него нет ни гроша, все раздает. Я никогда не знала, что на свете столько обнаглевших паразитов. А это, кажется, называется «наши хорошие советские люди». Только и слышны со всех сторон обращения к Вике: «Дай тысячу», «Дай 3 тысячи». Дочка нашей бывшей кухарки потребовала сразу 10 тысяч. Тот же приятель моего племянника, который устраивает мне мои дела, сказал год тому назад, что у Вики нет денег, он кому-то подарил 50 000. А Вика от меня все скрывает.

11-Х-59 (продолжение). Вы мне советуете обратиться к прокурору, в суд! Да Вы что, наших прокуроров не знаете, наших судов, нашу милицию? В газетах не пишут. Но вдруг, правда лет десять тому назад, начинаются слухи: в Киеве (или на Украине?) арестовано 40 прокуроров – взяточники. Вы знаете, что наш Киев называют «Хабаровск на Днепре»?

Нас два раза основательно обкрадывали, раз на даче ночью, когда Зина и Вика спали, вынесли все из их комнаты – часы, одежду, все. Мы подали заявление в милицию. Через месяц приходит милиционер. Спрашиваю, что с нашим заявлением. Спокойно отвечает: «Пошло на погашение. Есть у нас время этим заниматься!». Потом нас обкрадывали основательно работавшие в доме маляры. И сколько мама ни ходила в милицию, никто не захотел придти, составить протокол о краже.

Это было до войны, а уже после войны обокрали мою знакомую. Она энергичнее нас и все бегала в милицию. И однажды, когда говорила там с каким-то начальником, пришла его жена в ее шубе. Ну, все это мелочи. Из-за своих мелочей никогда особенно не хлопотала, но с самого начала советской власти я не саботировала, как наша интеллигенция, а сразу пошла работать в Совет рабочих депутатов. И вот с самого начала я стала бороться против мошенничества, вредительства. У меня было то, что теперь называют – «связи». Те хорошо знали нескольких из старых большевиков. И я верила тогда, что теперь должна быть правда.

Надежда Константиновна хорошо относилась ко мне. И вот со всех сторон лезло жуткое мошенничество, вредительство. Могла ли я что-нибудь сделать? Ничего.

[П.Э.] Классон рассказывал [моей] маме, как его удивило, что Ленин не знает многого, что происходило тогда в стране. Крупская была слишком мягка, бороться против зла она не могла. Нет, ничего мне не удалось ни спасти, ни вскрыть. Моральное удовлетворение у меня иногда было. Лет через пять после моей борьбы банду взяточников арестовали. [Но] я-то тут была ни при чем.

В 1931 году я работала в Геолкоме. Там шло жуткое вредительство. Я сказала об этом на чистке. Ну, меня, конечно, выкинули по 1-й категории. Это было не важно, меня скоро восстановили. Это была банда самых настоящих мошенников, но эти жулики, вори-рецидивисты выкинули из учреждения 10 ценных геологов, 5 научных работников!

И сколько я ни билась, чтоб спасти их – ничего не добилась. Писали Крупской, в «Правду», пыталась говорить со старым большевиком Шлихтером. Только с ним заговорила, он пришел в бешенство. Яснопольский, давший мне письмо к Шлихтеру (тот его не взял), мне, смеясь, сказал: «Ничего не добьетесь, разве только какой-нибудь мошенник примет Вашу сторону». Но никакой мошенник не принял моей стороны. Мне сказали: «Ваша геологическая карьера кончена. У директора Геологического комитета большая протекция: Берия». Ну, что же, глава НКВД или как это тогда называлось? Вас не изумляет, что, кажется кроме Дзержинского, все главы НКВД были вредители!..

Простите, что написала такое длинное письмо. Одиночество. Я же вам уже писала, когда Красин был в ссылке, он писал бесконечные письма [П.Э.] Классону, ну а когда он был полпредом в Лондоне, очевидно длинных писем уже не писал.

<...> Вы не написали, понравилась ли Вам Викина [повесть] «В родном городе». Вы ведь знаете, у нас ее не переиздают, так что эта книга мне важнее других. Вы не находите, что сцена, где выступает декан института, великолепно написана? Так, на самом деле, люди говорят у нас. У Вики выкинули в редакции (это Зина мне говорила) 7 [печатных] листов (каждый лист – 16 [машинописных] стр., люди обычно это не понимают). А материально: за каждый лист Вика получает 4 000 руб. Вот уже выкинуто 28 000 руб.

Профессор у Вики в первоначальной редакции, конечно, был снят. К нему пришли студенты, а он уже не узнаваем, разбитый старик. Да! Это ужасно было, когда все оставшиеся в оккупации оказывались людьми 2-го сорта. Негр своего рода.

Я как-то была на суде одного Викиного товарища, и каждого свидетеля спрашивали: «Где вы были во время войны?». Значит, так велено было спрашивать. Ежели был в оккупации, значит, верить нельзя? Для нас это понятно, то что было, и Вика затронул тут важный социальный вопрос. Но почему эта книга имеет такой успех за границей, особенно в Италии, не понимаю!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 октября 1959 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Жду от Вас отзывов о посланных Вам книгах и моих воспоминаниях. Не прислать ли Вам сочиненное нами в 1896 году стихотворение, будто бы от лица Павловской [(влюбленной в В.Я. Брюсова)]. Называется «Чудному Классону».

С Зиной у меня «разрыв отношений». Это бывает часто. Стоит мне сказать: «Надо бы подумать, как послать Вере денег», как она приходит в бешенство, кричит: «Начинается...». Судорожно хватает свои вещи, неодетая вылетает в коридор, с грохотом швыряя мою дверь. Все соседи уже знают, у меня с сестрой разрыв отношений. Дней через 5 она появляется comme si de rien n'était [(как ни в чем не бывало)].

На этот раз в воскресенье у меня была в гостях Зина, жаловалась: как это ужасно, у их домработницы Гани уже несколько дней гостит ее племянник – колхозник-комбайнер, он привозит сюда сало, свинину для продажи. Ну а у них живет (уже с января!) бывший милиционер, теперь он экспедитор на каком-то заводе, получает руб. [около] тысячи. Зачем он должен у них жить? Зина говорила, что нужно им давать раскладушки, тюфяки, подушки и т.д. Один спит с Ганей в кухне, а другой – в коридоре. Я естественно сказала: отчего вы не можете милиционеру сказать, чтоб он уезжал, ведь Лену [Игнатович] вы всякий раз выгоняете в день ее приезда?

Ну, тут началось такое волнение. Зина выскочила как ужаленная и со всей своей одеждой в руках вылетела от меня. Почему она в таких случаях не может у меня в комнате одеться – не знаю. Неизвестно почему[, но] Вика распорядился, чтоб Лену на порог их дома не пускать. Я это ей писала. После этого она 4 раза к ним приезжала. Переночует, они дадут ей денег на обратную дорогу и отправляют ее на вокзал.

Последний раз у нее был отпуск, она взяла ребенка и решила, очевидно, поехать отдыхать к «богатой тетке». Зина ее встретила хорошо, стала целовать ее сына. Но [тут] вышел Вика, увел Зину, [затем] вернулся, дал Лене 500 р. и сказал, чтоб сейчас же ехала обратно, а если вечером нет поезда, пусть переночует в комнате матери и ребенка. И это в доме, где годами живет всякий сброд!

Я думала, что на этот раз разрыв отношений у меня с Зиной на всю жизнь, но это длилось 10 дней. А что я такого сказала? Зина появилась у меня, принесла письмо от Ульянова, я ей показала ваше письмо, она сказала: «Почему такое короткое?»

<...> У Мотовиловых было 2 типа [людей]: одни страшно экспансивные (тетя Лида, Надя Пятницкая, Надя Гельшерт). Другие – страшно скрытные (Зина, Вика, дядя Саша).

Читали ли Вы заметку Вики в «Литературной газете» о Бабьем Яре? Среди Киевского еврейства она произвела страшную сенсацию. Кстати у Вики все его друзья евреи. Зина говорит, что Вика боится, что редактору «Литературной газеты» Смирнову будут неприятности, что он эту заметку поместил*.

* В. Некрасов. Почему это не сделано? // Литературная газета, 10 октября 1959 г.:

<...> Я стою над Бабьим Яром и невольно думаю о других местах, где так же, как здесь, от руки фашистов безвинно погибли люди. Лидице, Орадур-сюр-Глан, Освенцим, Майданек, Дахау, Саксенхаузен, Равенсбрюк, Бухенвальд... Я был в прошлом году в Бухенвальде. На высокой горе, над долиной, где уютно расположился Веймар, стоит памятник. Гранитные пилоны с названиями стран, сыны которых замучены были в этом лагере, над пилонами – башня. И непрерывно на этой башне бьет колокол, чтоб люди никогда не забывали о том, что здесь произошло... Недавно проводился международный конкурс на проект памятника в Освенциме. Полностью восстановлена Лидице, сровненная с землей гитлеровцами. У нас в Советском Союзе воздвигнут памятник в Луганске, в противотанковом рву, где были расстреляны сотни невинных людей, есть памятник жертвам фашизма в Кисловодске...

И стоя над пустынным, залитым водой Бабьим Яром, я вспомнил, что и здесь предполагалось воздвигнуть памятник. Был даже проект этого памятника работы известного архитектора А.В. Власова – строгий, простой, в виде призмы. Над эскизами росписи, посвященной трагедии Бабьего Яра, работал художник В. Овчинников. Где сейчас эти проекты? Почему о них забыли? Сейчас в архитектурном управлении города Киева мне сообщили, что Бабий Яр предполагается «залить» (вот откуда вода!), иными словами, засыпать, сровнять, а на его месте сделать сад, соорудить стадион... Возможно ли это? Кому это могло прийти в голову – засыпать овраг глубиной в 30 метров и на месте величайшей трагедии резвиться и играть в футбол? Нет, этого допустить нельзя!

22 декабря того же года Литературная газета опубликует отклик «Это необходимо сделать» депутата Шевченковского райсовета В. Ярхунова и других киевлян. И авторы отклика, соглашаясь с В. Некрасовым о необходимости установки памятника, в то же время настаивали на «корректировке схемы мемориала»:

<...> Именно в этом пафос статьи В. Некрасова, опубликованной в «Литературной газете» 10 октября 1959 г. под рубрикой «Писатель предлагает». Естественно, что это выступление, касающееся трагически известного Бабьего Яра, привлекло особое внимание киевлян. В. Некрасов предлагает на месте расстрела установить памятник. Мы так же считаем, что это необходимо сделать в ближайшее время. Но, как нам представляется, предложение В. Некрасова требует некоторых коррективов.

У Бабьего Яра создается новый жилой район Киева, там строятся современные многоэтажные жилые массивы со всеми удобствами. Скоро этот отдаленный район будет связан троллейбусом с центром города. Территория Бабьего Яра будет благоустроена, здесь предполагено разбить парк и в парке установить памятник жертвам фашизма. Надо ли сохранять овраг как он есть? Мы, авторы этого письма, все – участники Отечественной войны, жители Шевченковского района, пришли к твердому убеждению: нет, не надо. Ведь в той же Лидице не стали сохранять пепелище и место расстрела такими, как они были после изгнания фашистов, а разбили здесь розарий. Думаем, что и в данном случае в Бабьем Яру надо создать парк с памятником в центре.

И городские власти прислушаются к «районной общественности» и вскоре станут «замывать овраг» для создания парка. Действительно, чего же зря пропадать такому ценному для городской застройки месту?! При этом в 1961 г. случится жуткая катастрофа, с человеческими жертвами (см. ниже).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6-10 декабря 1959 г.

Милая Вера.

<...> Я сейчас прочла с большим интересом Соловьева – «Воспоминания дипломата» (там и о Китае [есть]).* Дам Зине и затем пошлю тебе. Зина и Вика обычно не хотят читать книг, которые я им даю. Зина с негодованием говорит: «Есть время Вике это читать!» А что он делает?

А Зина умудряется, когда ей дашь книгу из библиотеки, ее потерять. Так было с Пастернаком, с Андреем Белым. Потом они находятся, но всякий раз Зина злится на меня, кричит, чтоб больше книг из библиотеки не давала ей.

Ну, а Вика, конечно, ни Пастернака, ни Белого не читал. Да что о них говорить, он наших классиков даже не знает. Подписаться на Щедрина он не захотел. Сказал: «Мы с тобой, мама, его читать не будем». У нас была до пожара [в 1943 году] такая чудесная библиотека, книги нашего прадеда Флориани – Voltaire, Rousseau, Гельвеций и пр. Папины книги (наши критики, художественная литература), масса книг [мужа Зины Платона] Некрасова, все больше немецкие по социологии, мои книги по искусству, но тоже больше на иностранных языках. У нас стояло три полных шкафа чудесных книг.

Вика к ним не подходил, у него был свой шкафчик, там стоял его Жюль Верн (из «Библиотеки Огонька») и выходил тогда журнал «30 дней».** Ну, я к его шкафчику, конечно, не подходила. Он себя (так же как и ты) держал особняком от нас.

Вообще, наши писатели (за исключением, может быть, литературоведов) ужасно необразованны. И иностранных языков почти никто не знает, а ведь прежде наши ученые блистали своим знанием языков.

* Речь идет о книге Юрия Яковлевича Соловьева (1871-1934), он служил дипломатом и при царе, и немного – при большевиках (dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html). 21 октября 1922 г. берлинский «Руль» сообщал:

Судьба «сменовеховского» дипломата

Как у нас уже сообщалось, бывший советник Российского посольства в Мадриде Ю. Соловьев, «сменивший вехи» и сделавшийся сотрудником [берлинской газеты] «Накануне», получил назначение на пост советника большевистского посольства в Пекине, т.е. состоять при Иоффе. Несколько времени тому назад Соловьев выехал в Москву, чтобы оттуда направиться на Дальний Восток. В Берлине теперь получены частные сообщения о том, что дальше Москвы Соловьеву проехать не удалось. Он был арестован ГПУ и посажен в че-ка. Дальнейшая судьба пока неизвестна.

В послесловии Ю. Соловьев упоминает о 10 годах пребывания в Москве (1922-32), значит, чекисты после определенной проверки выпустили дипломата живым, но он так и застрял в Первопрестольной! С.Н. Мотовилова всей этой подоплеки знать не могла. А воспоминания о Китае относятся к 1895-98 годам.

Из Интернета, кроме того, становится известно о Ю. Соловьеве:

В августе 1922 приехал в Москву. На протяжении последующих пяти лет он занимал ответственные должности в центральном аппарате НКВД, а в 1927 перешел на работу в исполком союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

** Ежемесячник «30 дней» с первого же выпуска (1925) подхватил традиции дореволюционного «Аргуса». Сходство простиралось даже на формат и характер верстки, что, впрочем, неудивительно, поскольку одним из создателей «30 дней» являлся бывший редактор «Аргуса» В.А. Регинин. Регинин и другой основатель журнала – В.И. Нарбут (создавший, кстати, само издательство «Земля и Фабрика», где журнал выходил) привлекли к сотрудничеству ведущих писателей, художников, фотографов, быстро сделавших «30 дней» весьма популярными. Просуществовали «30 дней» до 1941 г., растеряв, правда, с годами свою былую привлекательность. – Из Интернета

Я была (во время французской выставки 1900 г.) на конгрессе по социологии, и как хорошо по-французски говорили все наши русские социологи: Максим Ковалевский, [Яков] Новиков и другие! А Люжон изумлялся Левинсону-Лессингу и его знанию стольких языков.* Я знала тогда для чтения научной литературы четыре языка, а Лессинг настаивал, чтоб я учила шведский! А что, Ульянов понимает по-шведски? Это я не в упрек, а просто спрашиваю.

Воспоминания Соловьева охватывают 1893-1922 годы, т.е. как раз нашу с тобой эпоху. Я понятия не имела о быте дипломатов. Знала, что Тютчев был дипломатом в Турине (плохим), ну и Стендаль был консулом. Но о всех этих церемониях – понятия не имела. Не знала также, что за границей было покушение на Милюкова и был убит Набоков[-отец].

Ты не помнишь, когда мы ехали за границу [(в 1891-м из Симбирска)], мы ехали по Волге на маленьком пароходе с каким-то начальством общества «Кавказ и Меркурий»? Стояла жара, двенадцать пароходов стояло на мели, а мы проскользнули мимо их всех. Пассажиров было очень мало на нашем пароходе, но среди них находился Набоков[-отец], совсем еще молодой.

<...> Сейчас я читаю Милюкова «Очерки истории русской культуры», не все тома у меня [есть]. Но меня так заинтересовало то, что он пишет о нашей кустарной промышленности, что я взяла читать «Развитие капитализма в России» Ленина. Я раньше не читала. Картина нашей истории по Милюкову ужасна. Дворянство безнадежно разорилось, купечества почти не было; несмотря на протекционизм со стороны Правительства, крестьянство все более и более нищало, а правительство было (и это во все эпохи нашей истории!) совершенно беспомощное, даже налогов своих собрать не могло! Жуть. Я патриотка и не люблю читать такое. И хоть книга [дипломата] Соловьева интересна, но он тоже хулит все прошлое и, по-моему, он германofil.

<...> Зина что-то эти дни не приходит. А я не решаюсь им звонить. Как-то Зина была больна, я звонила ежедневно, чтоб узнать о ее температуре и здоровье. Отвечала обычно Ганя, но как-то я нарвалась на Вику. Он сказал: «Не звони нам. Если мама захочет, она сама позвонит». Как она сможет подойти к телефону, когда она лежит в постели, а телефон у них в передней?!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16-25 декабря 1959 г.

Милая Вера.

<...> Я понимаю, что я очень смешна, пишу тебе такие длинные письма после того, как ты писала, чтоб я вообще тебе не писала, что Зина и Вика сами пишут тебе, а что рассказы о моих знакомых тебе, естественно, не интересны. Еще ты мне писала, что тебе трудно читать мои письма, настолько они запутаны. Ну, что же поделать.

Во-первых, я графоманка (по-моему, графоманами называются люди, вещи которых не печатают, а иначе это – писатели), во-вторых, когда мне не исполнилось еще семидесяти девяти лет, у меня не было острого склероза. [Покойная подруга] Лина мне как-то сказала в Лозанне: «Ты, как старый пастор, на каждое слово tu as une histoire á raconter [(ты можешь поведать историю)]».

* Профессор Лозаннского университета Морис Люжон (1870-1953) создал теорию тектонического строения Альп и Татр, с 1906 г. более сорока лет заведовал кафедрой геологии, однако иногда был неводержан на язык со студентами, в частности с Софьей Мотовиловой, учившейся в 1906 г. в Лозаннском университете (см. ниже).

Франц Юльевич (Федор Юрьевич) Левинсон-Лессинг (1861-1939), русский и советский ученый-петрограф, в 1883 г. окончил С.-Петербургский университет и с тех пор преподавал в различных учебных заведениях Северной Пальмиры (с отвлечением в 1892-1902 гг. на Дерптский университет), в т.ч. и Софье Мотовиловой в 1914 г., на метеорологических курсах.

<...> С [Ольгой] Форш я служила одно время. Начальством у нас был Мстиславский (одну книгу его я тебе послала).^{*} У него имелось одно достоинство, он понимал, что не надо дать погибнуть старой интеллигенции, и когда работал, собирал ее вокруг себя в Киеве. Это были двадцатые годы, голод, тиф.

Сперва я с ним работала в [украинском] Наркомпросе, он заведовал библиотечным отделом. А когда он перешел на железную дорогу в Доркпрофсоюз, он прислал одного юношу пригласить меня работать с ним. Тогда можно было совмещать несколько служб. У меня их было сперва три, а потом даже четыре. Я уходила из дома с утра и возвращалась около двенадцати ночи. В Доркпрофсоже нам выдавали хорошие пайки, я получала ежемесячно 4½ пуда черной муки^{**} (как это все чуждо и непонятно тебе!). Это было богатство тогда, но мама не знала, что с ней делать, и ее валили в наш гардероб (помнишь Ноев ковчег?), где она пропадала. Только потом мама сообразила, что ее можно давать выпекать за припек, и все наши радовались, что у нас не пайковый, а вкусный хлеб. Я черного хлеба [все же] не люблю.

Несмотря на мою загруженность работой я честно отбывала следуемые мне часы в Доркпрофсоже. А вот Форш числилась чем-то по детским садам, но я ее никогда не видала. Она была приятельницей Мстиславского и жила у него. Он как-то умудрился за всю Советскую власть жить в особняках, это, когда у нас реквизируют комнаты! Затем, переехав в Москву, он выстроил себе дом в четыре этажа, для себя и семьи. У него было шесть человек детей и жена, похожая на кенгуру. В Москве я как-то заходила к нему.

Может, Ульянов знает его? Мстиславский служил библиотекарем в Военной Академии [в Петрограде]. И все время первой мировой войны – военным корреспондентом в газете «День». Это он о себе пишет в книге, которую я послала тебе – «человек с рыжей бородой». Он левый эсер, талантливый, интересный человек, но совсем не мой стиль, очень легкомысленный, не выношу я этих бывших гвардейских офицеров. Он нравился дамам, три Натальи Александровны сразу были влюблены в него. Одна из них жила у нас.

<...> И вот в эти [1920-е] годы к нам в отдел поступил молодой коммунист, он решительно вычеркнул Форш из ведомости на оплату служащих, ведь она никогда у нас не бывала. Тут-то я ее и увидела. Прибежала взлохмаченная старушонка [лет под пятьдесят] и подняла негодующий крик. Чем это кончилось – не знаю. У нас все негодовали на этого секретаря: «Невежда, дурак, что он не понимает, что это нам честь, что у нас служит Форш. Он не знает, кто такая Форш!» Но я была, конечно, на стороне секретаря. Тут я сцепилась с Форшихой из-за Натальи Александровны.

^{*} Сергей Дмитриевич Мстиславский (настоящая фамилия Масловский; клички: Бахарь, Белозерский, Бирюк, Северный, С. Дмитриев, С. М., С. Д., С. М-ский, Сергей, (1876-1943) – русский революционер, советский писатель. <...> С 1904 – в партии эсеров. В 1905 – председатель Боевого рабочего союза, член ЦК Всероссийского офицерского союза после реорганизации Военного союза, участвовал в подготовке вооруженного восстания в Петербурге и Кронштадте. Находился в заключении в Петропавловской крепости 1910-1911. В Февральскую революцию – в штабе восстания; как комиссар Петроградского Совета был командирован для ареста Николая II и его семьи. <...> При расколе партии эсеров вошел в ЦК левых эсеров. <...> После убийства Мирбаха вышел из партии левых эсеров и вошел в ЦК украинских боротьбистов. С 1921 – беспартийный. Занимался литературным творчеством. Входил в группировку «Скифы». Один из создателей и с 1930 г. член редакции журнала «ЛОКАФ» (с 1933 г. – журнал «Знамя»). С 1931 г. – редактор издательства «Федерация». В 1938 г. был назначен официальным биографом В.М. Молотова. Руководил семинаром Литературного института. Умер в эвакуации в 1943 году. – Из Интернета

Сочинения: Крыша мира, 1925, 3-е изд. – 1930; На крови, 1928; Союз тяжелой кавалерии, 1929; Без себя, 1930; Партионцы, 1933; Грач, птица весенняя (книга об Н.Э. Баумане), 1937; Накануне. 1917 год, 1940.

Что касается 4-этажного дома в Москве, то он был все же 2-этажным, комнат на десять (progulkipomoskve.ru/publ/doma/gagarinskij_pereulok_8a_dom_pisatelja_mstislavskogo/39-1-0-1564).

^{**} По-видимому, это ржаная, темная мука (а не белая, пшеничная).

Во время Деникинцев, когда Мстиславскому надо было скрываться, Наталья Александровна делала все для его семьи и его самого, он был с ней хорош. Она продавала свои вещи и отдавала [деньги] его семье, а когда пришли большевики, он не хотел ее больше знать. У нас в те годы, двадцатые, было запрещено ходить по улицам после десяти часов вечера. И вот Мстиславский как-то выгнал Наталью Александровну на улицу ночью. Ее, конечно, сразу арестовали. На вопрос, где живет, она упорно отвечала – «нигде», боясь нас подвести. Просидела, кажется, две недели в тюрьме.

Ну, а вернувшись, опять стала жить у нас. Она в это время служила. И вот из-за этой Натальи Александровны я и сцепилась с Форшихой. У самой Форш было много мужей или возлюбленных (не знаю, как это называется). Один из них был философ Шестов. <...> Ну, так вот эта Форшиха напала на Наталью Александровну, говорила, что у нее нет «женской стыдливости», что она навязывается Мстиславскому! А у нее самой была «женская стыдливость»?

<...> Ну, вот еще une histoire á raconter [(одну историю поведать)]. В 1948-м году Вика послала в Германию на три месяца. Это был момент его славы. Его «Окопы Сталинграда» (первая книга!) были встречены, как говорит моя соседка, «фанфарами». Дали ему уйму денег (чуть ли не 10 000 золотом), командировка на три месяца. Ехал он как корреспондент от «Литературной Газеты», ему обещали ничего в его корреспонденциях не изменять. И вот появляется его корреспонденция в «Литературной Газете». Читаю и диву даюсь, сплошной штамп, тут и «американские лакеи» и все что полагается. Приходят ко мне Викины друзья и изумляются: «Что там с Викой случилось? Он писать разучился?»

А оказалось вот что, он рассказывал Зине, когда приехал. Получает он в Берлине «Литературную Газету», читает свою статью, все перевернуто. Из ста сорока строчек сорок его, а остальное редакция от себя написала. Вика заявил, что больше ни странички не даст и готов все деньги вернуть. И, кажется, действительно с 1948-го по 1959-й его статей в «Литературной Газете» не было. **

Ну, а теперь уже несколько раз редакция там менялась. Да, я возможно тебе это уже писала? Вика тогда был молодой писатель, но такое же проделывали и с Сергеевым-Ценским. Он мне сам рассказывал. Его повесть в двадцать печатных листов сократили до пяти. Заглавие изменили. Что за нахальство? Так же извратили статью академика Яснопольского. Должна же быть какая-то защита авторских прав!

* Ольга Дмитриевна Форш (1873-1961) – это известная советская писательница, еще в 1895-м вышедшая замуж за офицера-сапера Б.Э. Форша. А Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман, 1866-1938) – русский философ-экзистенциалист, в 1920-м он покинул Россию вместе с семьей (на Анне Елеазаровне Березовской женился еще в 1896 г. в Риме). Из воспоминаний А. Штейнберга «Друзья моих ранних лет», гл. IX «Лев Шестов»: *До того, как я покинул Россию в конце 1922-го года, я подружился не только с Ивановым-Разумником, натолкнувшим меня когда-то на Шестова, но и с Ольгой Дмитриевной Форш, принадлежавшей в ранней своей молодости к киевскому студенческому кружку, в котором встречались Шестов с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым и даже с А.В. Луначарским. <...> Иное дело родная сестра [Фаня Исааковна]; иное дело Ольга Форш, которая, чувствуя тягу к кому-либо в особенности, не задумывалась признаться вслух в своей «братской любви». Шестова Ольга Форш когда-то, как-то по-своему очень любила. И его неприятие на скошенных полях разочарования, естественно, торчит острым укором: сколько было раньше теплоты и восторженного признания, столько градусов жгучего колючего мороза осталось после разочарования в отвергнутом идеале.*

О.Д. Форш оказалась в Киеве в мае 1919 г. по командировке отдела реформ школы Наркомпроса, для работы в русской секции Всеукраиниздата.

** Это статья: В Берлине // «Литературная газета», 7 августа 1948 г. (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-V%20Berline.aspx) Однако следующая публикация В.П. Некрасова в этой же газете появилась уже в 1950-м: В Сталинграде // «Литературная газета», 10 августа 1950 г. (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-V%20Stalingrade.aspx) И следующая – еще через два года: В Сталинграде // «Литературная газета», 21 июня 1952 г. (www.nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Cherez%2010%20let.aspx)

2 августа 1947 г. В СЕКРЕТАРИАТ ССП СССР

В начале этого года издательством "Советский писатель" была выпущена моя книга "В окопах Сталинграда". Редактировал ее тов. Смирнов. В декабре прошлого года мною была прочитана и одобрена верстка книги, после чего я уехал в Киев. Теперь книга вышла в свет. К своему величайшему удивлению, прочитав ее сейчас, я увидел, что в ней произведены без моего ведома и разрешения изменения, которые самым грубым образом искажают содержание книги.

Я не говорю уже о большом количестве корректорских ~~опе-~~ чаток и редакторских небрежностей (стр. 75, 90, 122, 153, 167, 180, 194, 211, 214, 219 и т.д.).

Конечно, очень обидно, что они есть. Но в конце концов они говорят только о неряшливости редакторской и корректорской работы. И по поводу них я не обращался бы в секретариат ССП.

Возмущает же меня другое.

Есть в повести некто Георгий Акимович — инженер-электрик Тракторного завода. Это честный, добросовестный, энергичный и смелый человек. Но, к сожалению, слишком остро и односторонне воспринимающий наши неудачи на фронтах. Он, как всякий советский человек, хочет нашей победы и делает все, от него зависящее, чтобы она пришла. Но в душе своей не верит в нее. Он загибает мощь и внешнюю организованность немецкой армии. Такие люди были, и о них-то я и говорил, выводил Георгий Акимовича.

Он говорит (стр. 81):

"Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют. Но шансов у нас все-таки мало. Нас сможет спасти только чудо. Иначе нас задавят. Задавят организованностью и танками".

И вот эта-то фраза в издательстве юного-то (юного, я, к сожалению, не знаю), испугала. Ее решили изменить. И как изменить!

В тексте издания "Советский писатель" мы видим:

"Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют... Мы все таки победим..."

Что это значит? Последняя фраза Георгия Акимовича совершенно не вытекает из всего сказанного им раньше.

Именно, отталкиваясь от этой мысли Георгия Акимовича о "чуде", герой повести Керженцев вспоминает, как он видел как-то ночью шедших на передовую бойцов — спокойных, уверенных, тихо поющих песню на привале.

"... в песне той в тех простых словах о земле, жирной, как масло, о хлебах, с головой закрывавших тебя, было что-то... я даже не знаю, как это назвать. Толстой называл это скрытой теплотой патриотизма. Возможно, это самое правильное определение. Возможно, это и есть то чудо, которого так ждет Георгий Акимович, чудо, более сильное, чем немецкая организованность и танки с черными крестами".

В тексте "Советского писателя" (стр. 82) эта последняя фраза звучит так:

"А у советского народа есть то, что сильнее немецкой организованности и танков с черными крестами".

Что — "то"? Ничего не понятно. Что-то, по видимому, противопоставляемое этой скрытой теплоте патриотизма. Но что? Чепуха какая-то.

Но самое нелепое и возмутительное в этом самовольном конструировании текстом это то, что отдельные фразы переделывались без всякой связи с последующим развитием повести. На странице 83 Георгий Акимович, прощаясь с Керженцевым, говорит:

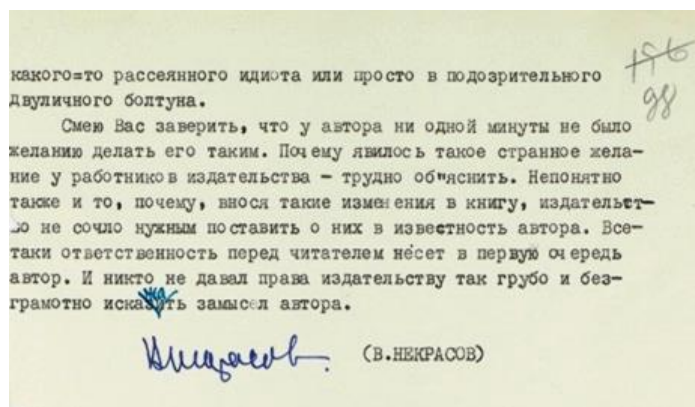
"Надеюсь, все, что я пытался вам доказать, никогда не сбудется".

Но ведь он двумя страницами раньше говорил: "Мы все таки победим".

Как это понимать?

По милости издательства Георгий Акимович превратился в

Машинописное письмо Виктора Некрасова в секретариат Союза писателей о недопустимых вмешательствах редактора «В окопах Сталинграда» в авторский текст романа. 2 августа 1947. 3 с. 23,5 x 17 см.

*Машинописное письмо Виктора Некрасова в секретариат Союза писателей
о недопустимых вмешательствах редактора «В окопах Сталинграда»
в авторский текст романа. 2 августа 1947. 3 с. 23,5 x 17 см.
(www.vnikitskom.ru/antique/auction/84/37182/)*

<...> Хочу еще une histoire á raconter рассказать про Вика. После выхода в 1946 году «Окопов» в Москве было назначено обсуждение их в Союзе Писателей. Вика должен выехать. Они поехали с Зиной на вокзал, но когда приехали туда, оказалось, Вика забыл билет дома. Взял такси, мчался вовсю. Но когда с билетом вернулся на вокзал, поезд уже ушел! Он был доволен остаться дома. Ему [после] прислали стенографический отчет.

Против Вики выступила писательница Караваева. Она говорила, что у него в его книге не чувствуется восторга нашей победы в Сталинграде [(совсем нет энтузиазма)]. В день этой победы она была в театре, жила она в эвакуации в Куйбышеве (Самаре). Когда в антракте узнали о победе, восторг был такой, что незнакомые люди обнимались, целовались. И ей очень хорошо ответил [бывший] граф Игнатьев: «Вы-то были в театре, в партере, а они – в окопах [(где радость иначе выражается)]»*. Письмо этого Игнатьева стало первым поздравлением Вике, после выхода его книги. И подписался Игнатьев – «Киевский кадет». Ну, а другие писатели поздравили тогда, когда Вика получил лауреата. Характерно! Вика почему-то [когда был в Москве] не захотел Зину познакомить с Игнатьевым. Теперь он уже умер**.

* Сей сюжет будет повторен в письме В.Н. Ульяновой от 17-19 января 1965 г. (см. ниже).

** Анна Александровна Караваева (1893-1979). В романе «Лесозавод» (1928) отразила тему трудового энтузиазма на стройках социализма. Роман трилогия «Родина» (1943-1950; Сталинская премия, 1951) о Великой Отечественной войне. Повести.

Алексей Алексеевич Игнатьев (1877-1954), после учебы в киевском Владимирском кадетском корпусе и Пажеском Его Величества корпусе, начал военную службу в Кавалергардском Ее Величества полку, участвовал на различных штабных должностях в русско-японской войне, был военным агентом в Париже. В 1925 г. передал советскому правительству принадлежавшие царской России 225 млн франков (примерно 70 млн «золотых рублей»). Работал уже в советском торгпредстве в Париже, вернувшись на Родину успел послужить в Советской армии. Опубликовал воспоминания «Пятьдесят лет в строю». В эссе «Маленькие портреты. Игнатьев» В.П. Некрасов цитировал письмо в свой адрес, его концовка была такой: «Люблю, как и Вы, родной Киев. Привет ему от старого киевского кадета».

Затем я думаю послать тебе «Звезду», там недурные рассказы, и №12 «Нового Мира». Не знаю, удастся ли его достать. Я думала, что Вика пошлет тебе, но Зина говорит, что он пошлет только оттиск своих «воспоминаний» [(«Три встречи»)]. По-моему, зря он это написал. Разочарует очень многих своих писателей. Наши читатели, малограмотные особенно, любят читать «как было». Ну, а окажется, что никакого Валеги в Сталинграде не было и все о нем выдуманно! И вообще зря, по-моему, разбирать самому свой метод творчества. По-моему, это «ячество», как у нас называют.*

Сегодня у меня была Зина в благодушном настроении, а то она вечно злится, обижается, уходит, швыряя дверь и пр. О многом уже нельзя с ней говорить. Я, кажется, тебе писала. Я ей как-то сообщаю: «Лена (тети Анютина внучка, шахтерка) прислала мне свою рукопись». Зина бешено: «Чтоб она шла к чортовой матери». Ну, разве у нас было в семье такое выражение? И ведь она мне прислала, а не ей.

Но сегодня Зина пришла благодушно настроенная. Принесла мне для развлечения десять писем, полученных ею и Викой, три из них – из Италии. <...> Некоторые очень забавны. Вот, например, какой-то редактор (!) газеты «По Ленинскому пути» прислал негодующее письмо (не ему, а в редакцию), упрекая Вику ...в религиозности! Что он постоянно использует слова «бог» и «чорт».

Делать этому редактору, очевидно, нечего, и он просмотрел Викину книгу с начала до конца и выписал, сколько раз на каждой странице и кто говорит, упоминает слова «бог» или «чорт», например: «Слава богу», «бог его знает» или «чорт побери», «пошел к чорту» и т.д. Вот уж «чорт побери» я никак бы к религии не относил. Просто locution [(выражение, оборот речи)]. Больше, конечно, хвалебных писем, но один читатель возмущенно писал (тоже не Вике, а в редакцию): он может доказать, что Вика на войне никогда не был! А Вика воевал три года и два раза был ранен! Этот читатель – «следователь». По-моему, ему надо службу переменить. Что он может «расследовать»?

<...> Иногда выхожу с Зиной, она как-то меньше скользит и ведет меня, как я маму последние годы водила. Только с мамой я ходила гулять, а со мной Зине приходится ходить по магазинам, у нас невероятная «покупательная способность», у населения, или мало магазинов. Всюду очереди, и Зина без конца должна стоять, пока я покупаю или сдаю книги в библиотеку. Мне это страшно неприятно, кого-то заставлять ждать и от кого-то зависеть. Нда, старость – не радость.

Завтра [(24 декабря)] у Вас сочельник. Помнишь как [в Лозанне] на Maupas в 1894-м году, когда Зина находилась в Англии, у нас была елка. Она стояла против камина в нашей гостиной. Очень уютная гостиная была на Maupas, Мама где-то задержалась, а к нам на елку пришел М-р Вроуе, и ты его занимала, как настоящая хозяйка. Тебе было, верно, девять лет? Не помнишь?

Я сегодня весь день писала Ване Классону, получила от него длинное письмо. <...> Ваня Классон спрашивает о Кристиани и их детях. Нельзя узнать? Может, Ульянов узнает?

<...> Вика получил письмо из Англии от издателя [с просьбой] на разрешение издать в английском переводе его «Окопы». Ну, конечно, обещает гонорар. Но Вика не имеет права ничего у нас получить. Я все думаю, как бы устроить, чтоб ты или Люба [Пятницкая в Париже] могли получить, а то деньги пропадут.

* В биографическом очерке «Некрасов в разных измерениях» еще раз затрагивается «метод творчества» Виктора Платоновича на примере заметок «Три встречи» (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Tri%20vstrechi.aspx), где была выстроена цепочка: реальный герой Михаил Волегов – книжный связной Валега – экранный персонаж в исполнении Юрия Соловьева. Рекомендуются также прочитать рассказ «Валега» (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Valega.aspx).

<...> [У меня в шкафах перед двумя рядами книг стоят, в том числе,] одна из открыток [с репродукцией картины Джованни] Сегантини (другие спрятаны) и два красивых кварца, один ты прислала с мамой, кажется в 1928-м году, а другой я сама купила на Кавказе за 15 коп., когда шли по Военно-Грузинской дороге. Тогда ко мне привязался чей-то мопс, и мы шли с ним вдвоем. Классическая картинка: старая дева со своим мопсом. Какой-то купчик с Волги предложил нам сесть в его коляску, и мы поехали вместе: я, купчик и мопс. Это было в 1910-м или 1911-м?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 3 января 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Из всех поздравлений [с Новым годом] меня больше всего порадовала открытка от Лены [Игнатович], что она купила калоши и валенки своему сыну, но почему-то она в больнице. Не знаю – опять аборт? Вы не можете себе представить, сколько и мы и все наши знакомые возились с Леной (и делали для нее), а она затвердила одно: ей никогда не хотели добра, все ей хотели зла. Она жила что-то около года у нашей знакомой в Львове, добрейшей старухи, которая о ней всячески заботилась [у Неонилы Кравченко-Максименко?]. Это сама Лена мне рассказывала. Но она эту старуху довела до того, что та хотела бросить свою службу в Львове и куда-нибудь уехать, чтоб избавиться от Лены. Кстати, Лена сама из Львова уехала.

Маша, тети Анютина дочка, сама приглашала Лену в Тамбов. Все время, месяца 2-3, когда Лена жила у них (а у них была большая нужда), Зина на Лену присылала деньги. Но они были счастливы, когда от Лены избавились. И Маша теперь о ней слышать не может и все боится, как бы Лена к ней не приехала [опять]. Ну и я тоже боюсь, хоть она ко мне никогда не заходила, когда бывала в Киеве. Даже когда мы вместе с Зиной жили. Пересылаю Вам ее письмо Зине, может Вы чем-нибудь поможете.

<...> Верить Лене ни в чем нельзя. Пишет, что лежит в больнице, и купила валенки сыну. У нас из больницы больных не выпускают. Мне так обидно, я знаю многих богатых людей, которым денег девать некуда, а тут человек непрерывно «умирает с голода»!

Вика десятки тысяч раздает направо и налево, а ей [(Лене Игнатович)] посылать не хочет. За 2 года после написания «Окопов» Вика получил 680 000 и все их раздал своим паразитам, людям, особенно не нуждающимся. Ну а с тех пор миллионы получил, но все раздал разным пьяницам и бездельникам. А Лене – не хочет!

Читали ли Вы в газете, что Гомочка Мотовилов получил 2-ю премию за проект памятника Льву Толстому. 1-й премии никто не получил, так что делать его будет он. Если будете у него (Вы ведь хотели к нему пойти), передайте ему, что я очень горда, что он прославляет наше мотовиловское имя. Но я все же жалею (этого ему не передавайте), что памятник Льву Толстому делает он, а не Коненков. Правда, Коненков стар, но все-таки это лучший у нас скульптор. Как хорош его Горький! Коненков – учитель Гомочки.*

* В 1962 г. пройдет выставка проектов памятника Льву Толстому, как этап конкурса 1959 г.:

Воеводская И. В 1959 г. был объявлен всесоюзный конкурс проектов памятника Льву Толстому... – «Художник», 1962, №4 (в конце журнала на обл.). См. также: В Москве открыта выставка проектов памятника Л.Н. Толстому. – «Литература и жизнь», 1962, 2 марта; Конкурс на памятник Л.Н. Толстому. – «Правда», 1962, 1 марта; Крупнов А. Памятник Льву Толстому. – «Труд», 1962, 27 февр.; Черников Н. Памятник Л.Н. Толстому в Москве... – «Неделя», 1962, 3 марта.

Но Г.И. Мотовилов по каким-то причинам не смог реализовать свой проект...

Вы спрашиваете, знаю ли я, что памятник Пушкину перенесли? Ну, конечно, знаю по газетам и потому, что Зина каждый год бывает в Москве. В 1950 году, когда я проездом в Симбирск (Ульяновск) была в Москве, памятник Пушкина был еще на своем месте. У нас есть знакомая, которая живет на этом бульваре (бывшая бонна Зининых детей), и окна ее квартиры выходили как раз на памятник Пушкину.

Были ли Вы у Александровых, у вашей «бывшей кузины» [Валерии]? Познакомились ли с ее братом академиком? Тот ли это, которого я имею в виду? Какое у Вас от него впечатление? Была ли у Вас Ваша сестра Катя? Что, Вы с ней были в ссоре, что она у Вас не бывала?

<...> Сегодня ко мне зашла Зина. Вике надоело ждать, когда его пошлют в Китай, и они решили с Зиной опять на зиму ехать в Малеевку. Может быть, Вы зайдете к Зине. Они останавливаются обыкновенно у своих знакомых Лунгиных (я их не знаю). Лунгин Семен Львович, Москва, Г-29, Кутузовский пр., 1, кв. 8. У них телефон, № его я не знаю, но Вы же можете узнать в телефонной книге или в справочной. Это Зина не хотела звонить моим знакомым, например Ногиной, потому что не знает ее № [телефона]! Бывший адрес Лунгина был Большой Новинский пер., 3, кв. 68. Но он живет все в той же квартире, только улицу и №№ переименовали. Он бывший режиссер, теперь драматург, а жена его [Лилианна Зиновьевна] переводчица.

<...> Зине 80 лет и она глуха, мы все в этом возрасте глухи. [Р.Э.] Классон ведь тоже был глух, те последние годы? В Москве Вика Зину никуда не отпускает одну, но может быть Вы могли бы к ней зайти? У них еще нет путевок в дом отдыха, но они надеются их получить во 2-й половине января. <...> Сколько раз я ее просила найти «классонят», т.е. детей тети Сони. Ни за что не хотела: «Что, я приду и скажу: «Я ваша родственница»? Жена Гомочки Зине писала, что пришла к ним Лена и начала что-то «лепетать» про «тетю Соню» и «тетю Зину». Гомочка увидел, что это какая-то его родственница, «седьмая вода на киселе», и пригласил ее к себе жить. А на самом деле Лена пришла от Кати Классон, а Гомочка был влюблен в Вашу сестру Соню и, что трогательно, не забыл ее до 60-ти с чем-то лет! Лена писала, что он все восхищался ею в присутствии своей жены. Потому и пригласил к себе. Инициативу, чтоб видеть Зину, проявите Вы, а то она теперь безынициативна.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 6 января 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Бабушки-то мои ездили всегда в своих [конных] колясках.

<...> Очень бы мне хотелось, чтоб Вы повидались с Зиной [в Москве]. Вика чуть ли не полгода ждал, когда его пошлют в Китай, очень хотел туда поехать, ему сам ВОКС [(Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей)] предложил.

Лет шесть тому назад он должен был ехать в Китай. Симонов вернулся из Китая, привез Вике его «Окопы» на китайском языке. Вика хлопотал, чтобы ехать туда, но будто бы его не пустили, потому что его родственники за границей. Теперь как будто мы больше говорим о контактах с заграницей, и, наконец, в Китае – это же наша «идеология». Ну, одним словом, он решил опять, как два прошлых года, ехать на зиму в Малеевку. Там уже Тендряков его ждет, он и те две зимы был с ним.

<...> Об Артюсах и Кристиани я спрашивала. Но мой зять [Ульянов], очевидно, не имеет времени этим заняться. Моя сестра (у нее был перелом ноги) вот уже второй год не хочет выходить, не хочет никого видеть, никому не пишет, не хочет ничего делать, лежит и читает книги. Моему зятю 79 лет, как мне, он пенсионер, был профессором, но ведь у них предельный возраст, кажется, 60 лет.

Дошел до 60-ти лет, уступай дорогу молодым. Обычно за границей к этому времени профессор обеспечен (да и обычно в эти годы у него уже есть состояние: или сам из богатой семьи или женился на богатой). Ну, а у моего зятя ничего нет. Все эти годы он что-то зарабатывал, кроме их жизни, посылал в Россию матери своей [Анастасии Петровне в Нижнем Новгороде], братьям и нам. То есть это называлось «маме», ну а шло, конечно, на всех и, главным образом, на Вику и Зину.

До 28-ми лет Вика ничего не зарабатывал. Я, кажется, Вам это писала уже. Мама его обожала и негодуяще говорила мне: «Что ты от Вики хочешь? Твой отец никогда не зарабатывал, твой дед не зарабатывал, отчего же Вике зарабатывать?». Ну и писала моему зятю Ульянову: «Пришлите то-то и то-то». А он работал как вол. Ну а теперь, когда мой зять нуждается, и Вика швыряется десятками тысяч, говорит, что от нас ничего нельзя за границу посылать! Ни посылок, ни денег.

Вера (моя сестра) лежит больная, а ее муж – большой ученый должен бросать свою научную работу и быть домохозяйкой, сиделкой, ну и так как пенсии на жизнь не хватает, брать экспертизы по строительству туннеля (из Франции в Италию [через Альпы]). И иногда это бывает зимой, когда бывают <нрзб. – по-видимому, поездки, командировки>. А больную Веру оставляет одну, в пустой квартире! Пригласить прислугу – нет средств! Это мое самое больное место теперь.

Из разных изданий за границей Вике пишут, что пришлют гонорар, а он будто бы не имеет права никаких денег из-за границы получать! И все они пропадают зря. Когда он был в Италии, ему заплатили, правда, только одно издательство. Там он имеет право получать. Ну, возьми и перешли эти деньги Вере. Нет, купил там всякого барахла, бесчисленное количество вязаных кофт, туфлей, шарфов, беретов и раздал своим здешним (в Москве и Киеве) паразитам. И Зина еще при мне знакомым рассказывала: «Вика очень был рад, что только одно издательство заплатило, а то бы он не знал, куда девать деньги». Это у него всегда забота: не знает, куда девать деньги, и спешит их раздать. Не близким, которые нуждаются, а так, черт знает кому.

Вика – коммунист, ну что не может он переговорить с кем-то из вышестоящих, не может ли он свои, ну хотя бы заграничные, деньги передавать Вере? Тестю его 75 лет, живет он в Швейцарии с 1892 года [(с отлучками в Россию до 1918-го)]. Ну и это только нам – СССР честь, что у нас денег теперь много, а у них мало. Я говорила с его товарищем. Тот охает: «Ах, Софья Николаевна, погубите Вику, погубите!». А с ним говорить нельзя. Зашел на днях (принести мне белье), только и спросила его одно слово, помчался по коридору, я за ним, но «Гарун бежал быстрее лани», догнать его не могла! Так же мой отец спасался от своих теток – tante Emilie и tante Xaverine!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 января 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

В Швейцарию мы приехали осенью 1891 года. Этот год мы жили в пансионе. Летом 1892 года к нам приехали тетя Соня, [П.Э.] Классон, а затем Коробко. И мы сняли квартиру, где Соничка и родилась. Но еще раньше Классон прислал к нам своего приятеля, тоже тогда марксиста, Водена. Знали вы его? Видите, это был человек очень образованный, из совсем другого мира, чем тот, который мы знали в Симбирске. Он потом занимался с нами как учитель. Он даже пишет об этом – уроках у нас – в своих воспоминаниях о своем знакомстве с Энгельсом.* Затем тоже Классон прислал к нам невесту [Л.Б.] Красина [Л.В. Миловидову-Кудрявскую-Окс]. Она тогда очень нуждалась, и приехала за границу в пиджаке своего жениха. Оказывается, этот Воден был тогда в нее влюблен.

* Алексей Михайлович Воден. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма, III, 1927.

А в 1923 году, когда мама была за границей, говорили, что она [(невеста Л.Б. Красина)] была одна из наиболее элегантных дам в нашем полпредстве [в Париже]. Водена я видела в 1931 году [в Москве]. Он даже возил меня за город познакомить меня с его женой. Он очень хорошо был знаком с Лениным, Плехановым, Засулич. Я уговаривала его писать воспоминания. Он ведь их всех очень близко знал. Если знаете что-нибудь о нем, напишите мне.

Итак, в Лозанну мы приехали осенью 1891 года. Мне было 10 лет, а уехали мы оттуда в 1895 году. В этом году умерла бабушка Луиза Францевна. В Симбирск мы не возвращались. Кстати в 1895 г. к нам приезжал Ленин, тоже присланный [Р.Э.] Классоном. После Швейцарии мы жили в Москве, а тетя Соня и Классон сперва жили в Петербурге на Охте, а потом тоже переехали в Москву [(с перерывом на проживание в Баку в 1900-06 гг.)]. Пока мы устраивались в Москве, моя сестра, Вера, жила у тети Соны.

Ваша сестра Катя очевидно похожа на тетю Маню и тетю Веру, никакой шуточки они не понимали и вечно были надутые. Зина и Надя Пятницкие их называли «дутые бусы». Пришлите мне стихотворение, которое вы послали Кате, и объясните, чего это касается. Когда мне было 5 лет, я попросила моего отца написать мне стихи.

Он написал:

*Вот шестое февраля
Соня, милая моя
С днем рожденья поздравляя
Быть веселенькой желаю
Что писать еще, не знаю
И стихи свои кончаю.*

И вот последние пять лет Зина ежегодно в этот день присылает мне поздравительное стихотворение, которое всегда начинается: Вот шестое февраля, Соня, милая моя... Трогательно? 80-летняя старуха пишет стихи 79-летней!

Вы мне писали, что я «здравомыслящий человек». Да, бог с Вами! Разве у нас в семье Ивана Егоровича и Луизы Францевны, были «здравомыслящие» люди? Нет, конечно. Были талантливые, интересные люди, очень гордые, но здравомыслящих не было.

Вы знаете, как бабушка Луиза Францевна неизвестно для чего продала родовое имение [Русскую] Цыльну, где прошло детство ее детей, где был чудесный дом, сад, река, и неизвестно для чего стала строиться в [Мокрой] Бугурне*.

* В начале XX века эту деревню, как и другую – Сухую Бугурну, а также давшую им имя речку стали именовать через «о» – Богурна. См., напр., «Селения Симбирского уезда», Симбирск, 1904. Село [Русская] Цыльна (Рождественское тож) находилось в 55 верстах от Симбирска (Село Мокрая Бугурна – в 47 верстах).

Что касается продажи имения в Русской Цыльне «какому-то Мотовилову», то это утверждение С.Н. Мотовиловой косвенно подтверждается документами, приводимыми, например, в книге П. Мартынова. «Селения Симбирского уезда», 1903 г.:

После специального межевания, проведенного в 1858 г., помещиком «родового имения Мотовиловых» примерно с 1760-х годов в Русской Цыльне оставался в т.ч. и корнет Иван Егорович Мотовилов, со 185 душами крестьян, усадьбой и 1668 десятинами земли. По итогам освобождения крестьян в 1863 г. им было отмежевано от помещика И.Е. Мотовилова, на 170 душ, 682 десятины. Однако в 1903-м среди собственников потомков этого помещика уже не значилось, выходит, за это время чуть менее 1 тыс. десятин растворилось в воздухе? Скорее всего, именно они и были проданы «по-тихому» Луизой Францевной. Возможно, что «каким-то Мотовиловым», купившим имение с землями в Русской Цыльне, был Николай Александрович, «Серафимов служка». Хотя в 1889 г. его вдова Елена Ивановна подарила оставшиеся после освобождения крестьян земли своему зятю. В общем, запутанная история...

Ну а помещиком в Мокрой Бугурне Иван Егорович стал в 1851 г. (получив 2511 десятин и 206 душ крестьян мужеского пола), после продажи своего имения соседям-помещикам Мотовиловым по Русской Цыльне и специального межевания, бригадиром Николаем Алексеевичем Дурасовым. И с подачи Луизы Францевны стал возводить «новое родовое имение», в виде флигеля и большого дома?

Из благоустроенной усадьбы переехали на голое место и ютились все в одной избе! Я это помню. Потом из четырех изб построили флигель, а большой дом все строился и строился, и никогда не был достроен. Мы обедали во флигеле, а в доме стены были из бревен с паклей между ними, а громоздкая мебель в гостиной была обита материей для матрацев: желтые и красные полосы! Керосина бабушка Луиза Францевна не признавала, до 1895 года [(года ее смерти)] все комнаты освещались свечами, и это в громадных комнатах дома!

Из-за продажи Цыльны папа поссорился с бабушкой. Он хотел ее купить, продал свой хутор, чтоб достать денег, а бабушка потихоньку от него Цыльну продала какому-то Мотовилкову. Зачем?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16-20 января 1960 г.

Милая Вера.

<...> Я тебя поблагодарила в том письме [(от 10 января)] за присланную книгу. Я ее еще не читала, надо спешно окончить книги, которые мне дают на два-три дня. Вика мне оставил свой абонемент из библиотеки [Академии наук УССР]. Дело в том, что эта библиотека выдает книги на дом только академикам, профессорам, докторам и лауреатам (даже отнюдь не все), ну, я и пользуюсь Викиным абонементом шестой год.

<...> Я тебе писала, как мне интересны письма Викиных читателей. Зина обещала мне принести одно письмо ему (дочери моей умершей знакомой), и вдруг оказывается, Вика уничтожает свои письма! Глупость-то какая! Ведь письма читателей страшно интересны.

<...> В этом году выйдет одна или даже две биографии [Р.Э.] Классона, но его сын от них ничего доброго не ждет. Кстати, прислать их тебе? Я хотела послать тебе речь Винтера о Классоне на каком-то заседании, но Зина говорит, что тебе Классон совсем не интересен, и взяла ее себе.

<...> Зина и Вика восемнадцатого [января] едут в Малеевку. Пошлю это письмо после их отъезда. <...> Вчера, [18 января], Зина и Вика уехали в Москву. Я все время агонизировала: будет ли ко мне ходить Ганя. Каждый раз спрашивала Зину, и ответ все тот же: «Я с ней говорить не могу, Вика с ней поговорит».

<...> [19 января] пришла Ганя, <...> как всегда жалуется на Зину, как ее «унижают»: в этот раз ей сказали, чтоб она без них готовила не только на милиционера, а и на приживалку [Нину Аль]. Ей за это будут платить сверх ее жалования в 200 руб. еще 200 руб. заготовление одного обеда! На самом-то деле, когда Зина уезжает, Ганя заранее покупает всяких продуктов, а на данные ей на еду деньги покупает себе разную одежду и т.п.

Сперва приживалка ей предложила 150 руб. Ганя страшно негодовала, как ее «обдуряют» и «хотят использовать»! Она заявила, что меньше чем за 200 руб. она на нее готовить не будет, ведь надо же ходить все покупать. Я Гане заметила: «Собственно говоря, Вы могли и 1 000 руб. спросить, деньги-то Викины и Зинины. Приживалке наплевать, сколько давать». Ну, и нахалка эта приживалка. Ей тридцать с чем-то лет, т.е. под сорок. Что, она не может пойти в столовую или сама приготовить себе? Эта свора всяких приживалов, паразитов вокруг них меня просто возмущает.

Теперь еще Вика хлопочет, чтобы приехала его приятельница, которую немцы увезли с собой. Они ведь всех выгоняли. Пятнадцать лет от нее не было никаких известий. Оказалось, из Германии она проехала в Италию, а оттуда – в Австралию. Живет там с сыном. Сын – от какого-то бросившего ее актера.

Она вместе с Викой была во Владивостоке в 1937-м году. Вика там ее, сына и няньку содержал на свой счет, так как она «мало зарабатывала».*

Таких паразитов и паразиток у него уйма. Расскажу кому-нибудь, как он деньги раздает, а его приятель слушает, мне сочувствует и сейчас же мчится к Вике и просит 3-4 тысячи, а то и 10 000! Я не понимаю, почему у Зины и Вики нет моральной брезгливости ко всем этим людям!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 января 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Благодарю Вас за сообщение о Лене [Игнатович]. Она ничего мне не ответила, на мое последнее письмо, и я думала, что может быть ее сосед или ее пьяный начальник по службе ее уже убили, и мы, пожалуй, об этом никогда не узнаем. Никаких дел с заочным образованием в Москве у нее, по-моему, нет. Экзамены сдавать она ездит в какой-то город возле Кимовска.

* Речь идет о Нанине Праховой, см. путевые заметки В.П. Некрасова «Из дальних странствий возвратясь» (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Iz%20dal'nix%20starnstviy%20vozvratias'.aspx):

Киев. Довоенный Киев... Никаких еще в нем двух миллионов, как сейчас, и никаких высотных зданий, и памятников Ленину (сейчас их аж два на одном Крещатике), и этот самый Крещатик ничего еще не знал об ожидающем его пожаре, и было на нем только четыре новых здания – Дом трестов, почтамт, Еврейский (!) театр и универмаг, а остальное все старое, низкорослое, но такое привычное.

И жили в нем мальчики и девочки, весьма интеллигентные и целеустремленные. И ходили они по вечерам в театральную студию при Театре русской драмы. Если вам случалось проходить после семи вечера по Пушкинской улице, вы могли увидеть их на ступеньках актерского подъезда. Весело болтая, покуривали они, в своих бородах и костюмах из «Пугачевщины» и в пестрых камзолах «Благочестивой Марты». Обнаружили б вы тогда среди них и меня с Наниной Праховой. И происходило все это в незабываемые тридцатые годы нынешнего столетия.

<...> Иван Платонович Чужой был нашим учителем. Любимым. Боготворимым. Мы по уши влюблены были в него, такого красивого, умного, тонкого, в прошлом артиста Художественного театра, ушедшего оттуда по болезни – на сцене, чуть ли не на спектакле (дублировал Качалова в Бароне), началось кровохарканье, с трудом откачали... Все, что он ни говорил, было прекрасно, все, чему учил, еще прекраснее. <...> В свободные вечера собирались у Нанины Праховой. С Иван Платоновичем во главе. Чай с вареньем, пироги, какие-то шарады, которые исполнялись на полном серьезе, чтоб понравиться Иван Платоновичу. А со стен глядели на нас полотна Врубеля, Нестерова, Васнецова, Коровина – все они были друзьями дома, а дом был художнический – и отец, и мать, и дед – знаменитый Адриан Прахов, которому всем обязан киевский Владимирский собор.

<...> Тем же летом, уже окончив студию, мы гастролировали с театром в Днепропетровске и Запорожье. <...> Было мне тогда уже не двадцать, а двадцать шесть лет. Прошло еще два года. Меня и Нанину занесло во Владивосток. Что-то изображал там на сцене театра Тихоокеанского флота, не помню уже что, но кроме того, вместе с краснофлотцем Александровым мастерил макет для бальзаковской «Мачехи». Потом для «Доходного места» Островского. Декорации, костюмы, реквизит. Все зависело от меня, театрального художника, как именовался я на программке сразу же за худ. руководителем и режиссером-постановщиком. Было интересно, увлекательно, тешило самолюбие. А по вечерам, после спектакля, в крохотной моей каморке, сидя друг у друга на коленях, весело выпивали с ребятами – все они, молодые актеры, проходили военную службу в нашем театре.

В Испании все еще шла война. Мы переживали неудачи республиканцев, иной раз позволяли себе выпить за их успехи по глотку Бог его знает как оказавшегося на владивостокских прилавках ихнего же испанского шампанского. Но, ей-Богу, выпив за их здоровье, говорили, перебивая друг друга, о вещах, куда более близких и жгучих. А в нескольких километрах от моей каморки, на Второй речке, куда часто ездили мы с выездными спектаклями, умирал Осип Мандельштам. Кто знал об этом? А большинство, и я в том числе, просто никогда и не слышали о существовании такого поэта.

<...> С тех пор прошло сорок лет... После Владивостока наши пути с Наниной разошлись. Один сезон проработал я в Вятке (тогдашнем Кирове), другой в Ростове-на-Дону, оттуда и пошел на фронт. Нанина ж с родителями пережила оккупацию в Киеве. Потом оказалась в Германии. Освободили американцы. Долго слонялась по различным лагерям «ди-пи», с малышом Никиткой на руках. В конце концов осела в Австралии. Там и живет, в окружении детей и внуков. И не жалеет. <...>

Боюсь, что, узнав из моего письма о поездке Зины и Вики в Малеевку, она бросила службу и приехала в Москву караулить их появление, чтоб получить от них какую-нибудь большую сумму денег. Ну и, в ожидании этих денег, спокойно живет в гостинице. Обычно, бывая в Москве, она заходит в Союз писателей и узнает, в Москве ли Вика. И конечно сообщает, что она его «сестра». Ведь [академик] Винтер, узнав, что она родственница [Р.Э.] Классона, дал ей 300 руб.?

Я с нетерпением жду Вашего письма, видели ли Вы Зину и Вику? Какое Ваше впечатление? Я Зине дала два конверта Ваших писем с адресом Вашим и телефоном и просила ее Вас повидать. Она молчала. Она ведь ничего ответить не может, целиком зависит от своего сына. Не выношу такой подчиненности, Ну, а у Вики, как у Вашей сестры Кати, полная атрофия родственных интересов.

Я невольно вспомнила, как в [19]30-ть каком-то году, во время 17-го съезда партии*, я приехала хлопотать о 44-х работниках [киевской] библиотеки Академии наук, неправильно снятых с работы [во время «чистки»], как «враги народа». Звоню Крупской, которой раньше написала. Она назначает мне час, когда мы встретимся в Наркомпросе. Во время 17-го съезда Крупская на службу не ездила, приезжала для меня.

А кто-то в комнате, где я жила, говорит: «Это она обещает, а не приедет». Тогда я говорю ей [по телефону]: «Надежда Константиновна, вы, наверное, приедете? **». А она как-то уж очень печально говорит: «Наверно я ничего сказать не могу, я человек казенный». Но она приехала на свидание еще раньше меня, так что ее секретарша (отвратительная) набросилась на меня, что Надежда Константиновна меня ждет.

Но я ничего не добилась, двое из этих снятых покончили самоубийством, часть умерла. Развалена была работа, раз сняты лучшие работники. Потом оказалось, что те люди, которые их снимали, были вредители. Они все были арестованы и сосланы, а тех, которые были ими сняты, все-таки всех не восстановили, а тем, кого восстановили, даже не дали об этом знать! По радио кричали, что они «враги народа», а о восстановлении их по радио ничего не сказали. Ужасно у нас было много вредительства. И почему об этом писать нельзя?

<...> Вы пишете, что я «велела» Вам написать Ваше впечатление о Викиных книгах и моих мемуарах. О Вике Вы написали и то, что понравилось Вам в его «Первом знакомстве», и о двух его повестях, [где] не понравились Вам окончания, советуете переделать, ну, а о моих воспоминаниях – ни слова.*** И почему рукописи, которые можно прочесть обе в два часа, а то и меньше, Вы держали с сентября по конец декабря? В чем тут дело? Так было скучно, что Вы 4 месяца не могли их прочесть?

В 1931 году мои воспоминания о Брюсове по моей просьбе Вика отвез Чуковскому. Чуковский сейчас же дал свой очень хороший отзыв. Писал – «читал с жадностью», и Пастернак сразу ответил и тоже очень мило. А что Вам не понравилось, почему так трудно их прочесть? Года два тому назад я дала мои воспоминания о Брюсове прочесть одной старушке. Она отдала и брезгливо сказала: «Противно было читать». Я удивилась: «Почему противно?» – «Да, все они к нему пристают, лезут, и еще этот фонарик». Я говорю: «Кто же «они» – мы?» – «Ну да, все там».**** Авторы бывают обидчивы, и я конечно обиделась. Но ведь Чуковский больше этой старухи понимает?

* Состоялся в 1934 г.

** В смысле – наверняка!

*** Мы так никогда и не узнаем, как И.Р. Классон посоветовал переделать окончания повестей «В окопах Сталинграда» и «В родном городе», т.к. после смерти С.Н. Мотовиловой ее племянник выбросил все «малоценные письма» ее корреспондентов на помойку. Или письма И.Р. Классона отправлялись в Тамбов?

**** Речь идет о сцене, когда три девушки, получив в 1896 г. письмо от В.Я. Брюсова, уединяются в розовой комнате (прогнав при этом младшую сестру Софьи Николаевны – Веру), чтобы насладиться его ответом. См. Приложение «Литературные труды С.Н. Мотовиловой».

Да, кроме этих воспоминаний есть у меня еще, Вам я послала те, где говорилось о нашей семье, о тете Соне, Классоне. <...> Ну, как Вам нравится биография Роберта Эдуардовича? Не гонитесь за точностью. Важно, чтобы правильно [был] дан образ, человека независимого, энергичного, правдивого. А если будут неточности в каких-нибудь датах – это не так важно.

<...> Что у Вас за странное выражение, что тетя Соня в 1896 году приезжала в Симбирск. Это Вы все были проездом в Симбирске в 1900 году. Ну а раньше вся семья бабушки Луизы Францевны собиралась на лето в [Мокрую] Бугурну. После смерти моего отца, который поссорился с бабушкой, и мы тоже каждое лето туда ездили, а иногда ездили к бабушке Валерии Францевне в Малороссию, как тогда называлась Украина.

В Бугурне собирались кроме дедушек и бабушек все их дети. Тут жила мама с нами тремя, тетя Анюта, тетя Соня, тетя Лида с четырьмя детьми, дядя Саша, дядя Паша, тетя Маня и тетя Вера с их гувернанткой-француженкой, наши бонны (в одну из них был слегка влюблен дядя Саша) и подолгу гостил Борис Александрович Витмер, сосед по имению тети Лиды, студент-естественник. Он тоже был слегка влюблен в тетю Соню, хотя был моложе ее, но она, по-моему, относилась к нему насмешливо, иронически.

Когда тетя Соня вышла замуж за [Р.Э.] Классона, «Борька», как мы его называли, женился на Григорьевой (тетя Соня ее называла «Григориха»). Это была подруга Крупской. Я только теперь об этом подумала. Тетя Соня ко всем относилась насмешливо, иронически, даже к маме [Алине Антоновне] – своему ближайшему другу, ко всем, кроме Классона. О Б.А. Витмере Крупская вспоминает в своих воспоминаниях.*

И в 1895 году, и в 1896-м, и 97-м, и 98-м тетя Соня летом жила в Бугурне. В 1898 году меня уже там не было, и тогда туда приезжали Классон и Коробко. Одно лето, кажется, на месяц, тетя Соня с тетей Маней, Верой, своей подругой Ивановой ездили гостить к Лесгафту, а затем вернулись в Бугурну.

* Из статьи Н.К. Крупской «Об антирелигиозном воспитании в школе» (1928 г.):

Дарвин был в большом почете у наших учеников [воскресно-вечерней школы для взрослых рабочих за Невской заставой в Питере], в особенности после того, как у нас преподавал «жизнь человеческого тела» Борис Александрович Витмер (сейчас он работает в Госплане), блестящий естествовед; он умел в такой понятной форме излагать основы биологии, происхождение человека, что глубоко взволновал всю школу. Только и разговоров стало среди учеников, что о биологии. На учительниц посыпались десятки вопросов, на которые они не умели часто ответить, и они отсылали учеников к Борису Александровичу. Сидит ученик в группе малограмотных и вдруг кладет перо и восклицает: «Подумайте только, я состою из клеточек!» Б.А. Витмера не утвердили в качестве преподавателя, как человека неблагонадежного, и ему пришлось прекратить чтение лекций.

Из статьи Н.К. Крупской «Поднять на должную высоту преподавание биологии (1937 г.):

Естествознание принадлежит к той области наук, где наглядность, показ особенно убеждают. Поставленное как следует преподавание естествознания является могучим орудием антирелигиозной пропаганды. Мне пришлось убедиться в этом на опыте. В 90-е гг. я занималась в вечерне-воскресных школах Петербурга и увидела, каким могучим средством убеждения является показ. <...> Читать лекции по биологии в воскресной школе мы пригласили Бориса Александровича Витмера. Ему удалось прочесть всего лишь несколько лекций, так как преподавать в воскресных школах царское правительство ему запрещало. Но и эти несколько лекций взбудоражили всех учеников. Б.А. Витмер замечательно доходчиво ознакомил рабочих с учением Дарвина, подорвал веру в бога.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 29 января-1 февраля 1960 г.

Милая Вера.

<...> Беда в том, что я все еще не выхожу и завишу от массы всяких людей, и все они ужасно спешат. А мне даже докторша сказала: спешить – противопоказано, мне нельзя мыть полы, надо ничего не делать из того, что мне трудно и не спешить. Зина особенно возмущается, почему мне докторша говорит – не мыть полы: «Что ты, уборщица?» Но у нас теперь действительно (как в Америке) совсем нет прислуги, и все мои соседки-интеллигентки и сами стирают, и сами полы моют, и готовят.

Это только Зинина приживалка в свои тридцать с чем-то лет ничего делать не может. Когда Зина с Викой уезжают, Ганя из принципа не метет в комнатах, «чтоб не унижаться» перед приживалкой. Та тоже не метет, это ниже ее достоинства. Перед Зининым приездом приглашается уборщица, которая все приводит в порядок.

Когда Вика дома, он сам и метет, и пыль вытирает, и все убирает. Когда они делали ремонт, нельзя было найти человека, чтоб вымыть после ремонта полы. Ганя не может наклоняться, а тут еще к ней приехала ее сестра-колхозница. Ну, и что делать? Вика велел им сесть на стулья и не двигаться, а сам стал мыть все полы. Бабы эти сидят и глядят как [лауреат Сталинской премии] Вика вокруг ползает. Забавно?

В 1947 году Гани у нас еще не было. Надо было перед весной делать уборку, а тут Вика получил лауреата, был сразу «встречен фанфарами», как говорит моя соседка, стали являться к нему интервьюеры, фотографы. И вот приходит не то фотограф, не то корреспондент и застаёт Вику в таком положении: Вика стоит на табурете на столовом столе, полуголый, в пестрых защитных солдатских штанах и обметает потолок. Я была тогда на службе.

Когда ему пришло извещение, что он выбран возглавлять русскую секцию в Союзе Писателей Украины, мы ему об этом крикнули на чердак. Он там тряпками забивал потолок, с которого вечно текло в комнату. Ну, он недоволен поморщился, не любит всяких возглавлений и президиумов.

При немцах бомба [советская? – МК] попала в соседний дом и многое в нашем доме повредила. У нас вылетело окно тогда, все это полетело в комнату. Пришлось окно вместо стекла забить бинтом, и еще много лет после мы жили с этим отчасти забитым бинтом окном. И у каждого стекольщика на улице я спрашивала, сколько стоит фрамуга (стекло для верха [окна]). Стоила она 150-200 руб., и несколько лет подряд мы не могли ее вставить. Ведь после войны много было разбитых окон.

Ты никогда не переживала этой острой нужды, которую переживали мы. Эти хождения по толкучке, «вшивому рынку», с продажей своих вещей, часами стояния в ломбарде в очередях. А мы с мамой все это без конца проделывали. Да, много мы пережили тяжелого. Только последние три года я вполне спокойна. Получаю пенсию, которой мне вполне хватает на жизнь. Одежды я, правда, себе не покупаю. Зина свою старую мне отдает, беда, что ее обувь мне мала. Но я всю зиму дома хожу в теплых туфлях, а на улице – в валенках, а летом – в башмаках на резине, ношу по десять лет.

За время Советской власти – сорок два года у меня только три раза были башмаки на кожаной подошве. Первый раз я продала свой самовар в Москве, в 29-м году, и на эти деньги купила себе поношенные туфли на кожаной подошве. Второй раз: мама, когда она была за границей, М-те Фридрих подарила ей рыжие ботинки, которые выкинула ее пансионерка-англичанка. Очень хорошие были ботинки, можно было ходить в них без калош. Я их носила семь лет. А в третий раз мне дал талон на туфли один жулик, который работал у нас в геолкоме.

Это не я его называю жуликом, а он, взаправду, оказался вором-рецидивистом. И я даже была на его суде. Его присудили к восьми годам, и он негодуя кричал: «Почему меня судят, а не этих акул из геолкома, для которых я все это добывал?» Каким-то образом он получал в магазине талоны на всякие пальто, костюмы, обувь. Ну и все эти талоны отдавал начальству, чтоб подлизаться. Ну, я, конечно, узнав, подняла шум. Вероятно, чтоб заткнуть мне глотку (он так думал), он дал мне талон на туфли. Это было, конечно, до того, как стало известно, что он жулик. Вообще тогда, когда я работала в геолкоме в 1931 году, там творилось что-то ужасное...

<...> Я об этой чистке писала тогда в «Правду» – бесполезно. Моя знакомая и Вика ездили тогда к Крупской. Я переписывалась тогда с Чуковским, он тоже ездил к высокопоставленным лицам с моими письмами. Ничего нельзя было сделать. Меня очень скоро восстановили, а вот этого геолога, который рыбу продавал, так спасти и не смогла. Он умер. Очевидно, он когда-то (когда ему дали рыбный паек) пошел продавать ее на толкучку.

<...> Зина уехала [\[в Москву и Малеевку\]](#) уже две недели назад, и от нее было только четыре коротеньких открытки. <...> Была она у [\[Веры Ивановны\]](#) Билибиной. Старушке ведь лет восемьдесят пять, но она еще очень живая, всем интересуется и обожает Вику. В восторге от всех писаний, фильма [\[«Солдаты»\]](#) и пр. А он, свинья, не может к ней зайти посидеть, хотя бы с Зиной. Приведет Зину и уходит. Затем заходит, и теперь зашел с одной из своих приятельниц-паразиток. Других у него нет.

<...> Зина пишет, что какая-то русская врачиха М-ме Роллье [\[вдова Вашего Роллье, которая была у Веры Ивановны Билибиной в гостях\]](#), очень оживилась, когда пришел Вика. Ну, все-таки известный писатель. Моя соседка говорит, что Вика считается в Москве, в литературных кругах «лучшим прозаиком».

Дальше Зина пишет, что в феврале выйдет однотомник Викиных рассказов, а на будущий год – «собрание его сочинений». Я сперва подумала, что Зина немножко перепутала. В феврале должно выйти его «Первое знакомство», а об однотомнике я раньше ничего не слышала. Но, кажется, [\[тут\]](#) есть какая-то правда.

Ты послушай, какой грубый Вика. Он прислал письмо своему приятелю, чтоб тот позвонил их приживалке [\[в Киеве Нине Аль\]](#), чтоб она собрала все его произведения и выслала ему в Москву. Ганя говорит, что приживалка страшно обижена, что он не мог ей самой написать, ну, или позвонить по телефону, а передает через кого-то.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 12 февраля 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Мне вчера прислали напечатанную на машинке биографию моего друга и друга Яснопольского – Андропова. Один из первых большевиков. Она произвела на меня очень неприятное впечатление. Даже не знаю, как об этом писать тем, кто мне ее прислал. Напоминает она мне анкету, которую мы подаем при поступлении на службу. Надо делать вид, что все шло гладко. А люди очень сложны и отнюдь не все кричали «ура» и «слався, слався» при наступлении советской власти.

<...> Зина и Вика все еще в Малеевке, пока продлили свое пребывание там до 15 марта, возможно еще и на апрель продлят. В «Литературной газете» должна была идти какая-то статья Вики об архитектуре, но из «перестраховки» назначили заранее ее обсуждение рядом архитекторов. На обсуждении должен был быть и Вика. Ему позвонили, что заседание должно быть в пятницу, а в четверг звонят: «что же вы не приехали, заседание идет». Зина думает, что это, должно быть, сделали нарочно, а Вика думает, что это обычная небрежность.*

Викино «Первое знакомство» должно выйти в феврале с его рисунками, и в феврале же выйдет сборник его рассказов, а затем начнется печатание его сочинений. Не так-то уже их и много. И с этим печатанием может выйти то же, что и с поездкой в Китай!

От Лены [Игнатович] получили на днях письмо. На двух страницах бранит свою «тетю Лизу», сестру отца, которая ее воспитала, а на последней странице – меня. Пишет, что «хоть вы и человек интеллигентный и образованный, и ваши знакомые такие же, но все бабы одинаковы: любят сплетничать и клеветать». Дальше пишет, «что людей с большой буквы мало (к ним она относит Вашу сестру Катю), а остальные все негодяи или пустоты». Слово «пустоты», очевидно, ко мне относится. В конце письма две строчки. Сын ее болен, и она не работает. На что же она живет?

Я «служила» до 68-ми лет и ни разу не брала «отпуск без сохранения содержания». А Лена все время в таком отпуске, и очень мне ее жаль. Ведь ясно, что человек [она] ненормальный. Но, думаю, лучше мне ей не писать, раз по ее [представлению] я «сплетница, клеветница и пустота». А материально я ей помочь не могу.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22-28 февраля 1960 г.

Милая Вера.

<...> Зина пишет, что в №3 «Нового Мира» будет рассказ Тендрякова [(повесть «Тройка, семерка, туз»)], а Викин рассказ [(«Вторая ночь»)] переносят на №5, т.е. май.

Вышла, наконец, в очень сокращенном виде, Викина статья об архитектуре. По-моему, такие статьи надо помещать в специальных архитектурных журналах. Она была дана в какой-то сборник. Там продержали ее год, и она не вышла. Хотел ее Твардовский в «Новый Мир» поместить, но теперь она вышла в сокращенном виде в «Литературной Газете». Перед этим было целое собрание архитекторов, обсуждавшее эту статью. Викиных статей редакторы (кроме Твардовского) очень боятся и дают заранее на просмотр кому-то.

Ты знаешь, я в архитектуре мало смыслю. Помнишь, мы приехали в Вену. Мама все восхищалась архитектурой зданий. Мне было десять лет, а тебе – шесть. Я не понимала, что тут красивого в этих громадных зданиях из серого камня. Мне казалось, куда лучше наши маленькие деревянные дома в Симбирске, с деревянными украшениями, а некоторые раскрашены в белый или розовый цвет.

Ты не помнишь, в Вене мы ехали в конке, и мама соседа спросила, что это за прекрасное здание, а сосед ответил: «Из какой дикой страны вы приехали, что не знаете, что это наша Опера!»? А у нас как раз был presse-papier из стекла, здание этой оперы, но мама не сразу узнала.

* Статья «О прошлом, настоящем и чуть-чуть о будущем (заметки об архитектуре)» появится в «Литературке» 20 февраля 1960 г.

(nekrasov-viktor.com/Books/Nekrasov-O%20proshlom,%20nastoyashem%20i%20chut'-chut'%20o%20budushem.aspx)

А не помнишь, в какой церкви мама рассердилась на какого-то сторожа: «Verfluchter Teufel» [(«**Черт проклятый!**»)]? Мы и Ева [**Засецкая**] страшно смеялись. А помнишь, как маме в банке вместо австрийских денег дали итальянские, и их не принимали на вокзале? Тогда много было жулья в Австрии! Мама очень взволновалась, забыла немецкое слово «betrügen» [(«**обманывать**»)] и кричит им «Warum trompiert man in ihrer Kaiserlichen Bank?» [(«**Почему трубно сморкающийся человек [служит] в вашем Императорском банке?**»)]. Они покатались со смеху и дали маме билеты, а мы с Евой сидели уже в вагоне.

И вдруг наш поезд двинулся, это он маневрировал. Мама бежит, взволнованная, и видит – наш поезд уходит. А мы, такие глупые, высунулись из окна и смеемся. Не так-то легко маме было воспитать и вывести в люди трех дочерей. А мы были эгоистичны, как все дети.

Не находишь ли ты, что Любина Лена – ужасная эгоистка? Не могла она с Любой жить в Париже? Для чего-то уехала на юг. Хотела больше зарабатывать. Но и на юге ничего не получается. Чего же там жить и платить за две квартиры? Очень мне одинокую Любу жаль.

Тетя Вера обожала свою Нину, до глупости. Когда одиннадцатилетняя Нина входила (они тогда жили у нас), тетя Вера быстро подставляла ей стул, чтоб она скорее села (точно та – дряхлая старуха). Как только подавали кушание на стол (это ведь были годы голода), тетя Вера хватала блюдо и скорей накладывала Нине. Ей все казалось, что Нине мало. Нина прожила с мамой месяц на даче и за месяц прибавилась на пуд!*. А тете Вере все казалось, что мы недостаточно Нину кормили. Она заявляла: «Количественно – достаточно, но Нине надо пить сливки!» Это в годы голода, когда многим и хлеба не хватало!

И вот во время войны, когда был такой страшный голод в Ленинграде, тетя Вера с Ниной и ее сыном ([**перед этим**] Нининою мужа и его мать убили немцы, она не хотела немцам отдавать свой рояль, ну, они ее ударили по голове, и она умерла) поехали в Симбирск и поселились у Петиной жены [**Софьи**].** Петина семья очень обеспечена, у них и свой дом и свое хозяйство, и Лидин муж очень много зарабатывает. Прожили тетя Вера и Нина тут два года, а когда можно было вернуться в Ленинград, Нина с сыном получила пропуск и уехала, бросив свою мать (тетю Веру) в Симбирске. Т. Вера тут умерла одна в больнице. Правда, Нина говорит, что ей прислали один только пропуск, а в Ленинграде она хлопотала и ничего добиться не могла.

Но хуже всего, по-моему, тети Сонины дочери. Их было три, и Соничка – уже большая. Соничка жила с Классоном[**-отцом**] в Москве, а тетя Соня с другими детьми, кажется, в Финляндии. Ведь Классон сошелся, еще при жизни тети Сони, с какой-то инженершей. Когда тетя Соня заболела, ее отправили в Швейцарию, это было, по-моему, в 1912-м году, отправили ее с какой-то финкой, и ни одна из ее трех дочерей с ней не поехала!

Затем тетя Соня лежала в лечебнице в Петербурге, совсем одна, а ни одна из ее дочерей к ней не приехала! Ну, Ване-то тогда было всего тринадцать лет. И [**приемная дочь**] Дашенька тоже бросила тетю Маню. Нда! Таковы дети.

* С.Н. Мотовилова под мамой имеет в виду Алину Антоновну (по-видимому, снявшую дачу под Киевом), а тетя Вера, скорее всего, тоже жила на даче, как Нинина мама. И было это примерно в 1923 году.

** Из письма Нины Соломоновны Мотовиловой И.Р. Классону от 4 июня 1977 г.:

*Все ли браки Вы пометаете или только юридические? Если все, то можете записать моего отца – Соломон Львович Камай (1886-1910) и мужа – Николай Иванович Гоголев (1905-1941). [**Сын**] Коля родился 1 мая 1937 г., он не кандидат наук, а просто филолог-германист.*

Что касается семьи Пятницких в Симбирске, то она в тот момент состояла из вдовы Петра Николаевича Пятницкого, бывшей поповны Софьи Николаевны, их дочери Лидии и ее мужа, психиатра Александра Ивановича Скипетрова.

<...> Зинина приживалка [Нина Аль] уехала в Ленинград на три недели к своим родителям. Она как-то всегда умудряется получать туда командировки. Родителей своих она не любит. Когда они были в ссылке, она им не писала, это Зина заставила ее с ними переписываться. И Зина же вызывала сюда из Сибири ее мать, которая гостила у них. Ганя слышала по телефону, как эта особа (живущая у них) кому-то говорила, что поездка к родителям для нее – «каторга». У Зины она уже живет восьмой год! С тех пор, как обе приживалки стали платить Гане по 200 руб. каждая за то, что она им готовит, когда Зины нет дома, Ганя стала к ним благосклонно относиться.

<...> Гранин – это тоже Викин приятель. Эта его вещь «Искатели» была экранизирована, но неудачно, по-моему.* А роман неплохой. Он инженер-электрик, несколько раз в своих статьях упоминал с большим уважением [Р.Э.] Классона. Я, еще не зная, что уже два писателя готовят биографию Классона, написала Гранину, не сделает ли он ее? Он очень охотно откликнулся. Я дала ему адрес сына Классона, но из этого ничего не вышло. Он, вероятно, узнал, что двое писателей уже это делают.

Гранин подарил Вике книгу и после этого стал мне противен. Очевидно, писал [посвящение] спьяна, что-то вроде того, что он особенно любит Виду после бутылки коньяка. Я тебе посылала его книгу «После свадьбы». Ты не написала, понравилась ли она тебе.**

У Классона, оказывается, была еще одна сестра [(Элла)], замужем за каким-то Киевским судебским [(Петром Александровым)]. У них было трое детей, два сына и дочь. Один из сыновей теперь профессор в Ленинграде, а другой – академик по атомной энергии. Талантливая семья. А о детях или дочерях Христиани Ульянов ничего не узнал? Это Ваня Классон все просит.

<...> Мне показалось, что Ульянов обиделся на [мою покойную швейцарскую подругу] Лину, после того как она написала, что Вы не нуждаетесь. Обижаться не на что. Перепишу тебе, что она писала, правда, в 1954-м году. Я с ней переписывалась с 1954-го до 1956-го, до ее смерти на Пасху, 5-го апреля [(из французского текста письма Лины следовало, что пенсия профессора университета составляла 600 шв. франков в месяц плюс Н.А. Ульянов немного подрабатывал экспертизами проекта по прокладке тоннеля из Франции в Италию под Альпами)].

* «Искатели» (1956 г.) – художественный фильм по мотивам одноименного романа Даниила Гранина (соавтора сценария). Во время Великой Отечественной войны в поисках места повреждения телефонной линии погибает друг инженера Лобанова. Наступают мирные дни. Лобанов отказывается от работы в НИИ и устраивается на опытный завод, где по его мнению есть все возможности для создания прибора, определяющего на расстоянии повреждения в электрических кабелях. Молодой ученый зачисляется заведующим лабораторией и пока не предполагает, что основные силы будут направлены на борьбу с бюрократизмом и очковитательством.

** А.Е. Парнис сообщил комментатору сих писем 14 декабря 2013 г., между прочим, скандальную информацию:

«Относительно Д. Гранина. Когда я собирал воспоминания о Викторе Платоновиче, я позвонил ему и попросил написать о ВП. Он мне ответил: «Он же алкоголик, я не буду о нем писать». Этот ответ говорит сам за себя. Я видел телепередачу, в которой Д. Гранин [теперь] хвастался своей дружбой с ВП и показывал фотографию, на которой он заснят с ВП».

В общем пьянство среди сописателей процветало... Что касается упомянутого произведения Д. Гранина, то приведем краткую аннотацию на него: «Роман Д. Гранина «После свадьбы» (1958) посвящен судьбе молодого изобретателя, посланного комсомолом на работу в деревню. Здесь автор, убедительно отстаивая достоинство науки, талант ученого, сосредоточивает внимание на нравственных основаниях научного творчества, поэтизирует бескорыстные герои, одержимых поиском».

З.Н. Некрасова (из Малеевки) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 25 февраля 1960 г.
(Переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Отвечаю на этот раз письмом, хотя писать мне совсем не о чем – время проходит быстро и однообразно. По утрам жду писем, которые приходят в 12 ч, затем гуляю, отвечаю на письма или пишу, читаю газеты и журналы и рукописи (если Володя Тендряков что-то написал). После обеда опять читаю книги и журналы из библиотеки или в самой библиотеке, опять гуляю. После ужина – кино.

На днях смотрели «Жестокость» по Нилину. Не понравилось, как и сама книга.*

Тут мы остаемся до 14 марта, а в Москве [пробудем] несколько дней. Вике из «Литгазеты» заказали написать статью о памятнике в Сталинграде на Мамаевом кургане, а вот о памятнике в Киеве на Бабьем Яре – молчат. <...>

Зина

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 4 марта 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Не думайте, что Ваших просьб я не исполняю. Я уже 3 раза писала Вере, но эта просьба, конечно, относится к ее мужу, чтоб он узнал о Вашей кузине, дочери Кристиани, вышедшей за Артюса. Увы! – ответа никакого.

Я, кажется, уже Вам писала, что я 7 лет подряд просила Веру узнать адрес одной моей гимназической подруги. Живет-то она в Ленинграде, но узнать о ней я не могу: забыла фамилию ее мужа. Ну а сестра ее жила в Женеве. Через 7 лет Вера мне ответила, что узнавать ее адреса она для меня не будет, так как ее женевская сестра мной не интересуется.

Ну что же, таковы люди. Ваша сестра, Катя, не могла мне даже ответить, что получила мое письмо, 4 месяца, пока не отдала Вам. Одну мою просьбу Вы исполнили: повидали Зину. Зина пишет, что 14-го они уезжают из Малеевки, и проведут неделю в Москве. Очевидно, опять будут у Лунгиных. Они остаются, чтоб видеть какой-то фильм новый [Семена Львовича] Лунгина. Он пишет пьесы и сценарии.**

* Действие фильма «Жестокость» (1959 г.) происходит в начале 1920-х годов в глухом сибирском городишке Дудари. В его окрестностях зверствует банда Кости Воронцова, «императора вся тайги». Ликвидировать банду должен недавно созданный дударевский угрозыск, который решили укрепить юными комсомольцами. В одной из схваток с бандитами был тяжело ранен заместитель начальника угрозыска Вениамин Малышев, комсомолец Гражданской войны. Зато был схвачен подручный Воронцова Лазарь Баукин, бывший охотник и солдат. Убедившись во время допроса, что бандит не намерен помогать милиционерам, начальник угрозыска предложил по законам революционного времени расстрелять врага. Неожиданно вмешался раненый Малышев, решивший, что Баукин заблудившийся человек, которого можно перевоспитать.

В картине, как и в книге, показан спор между доверием к людям и равнодушной жестокостью. Перед зрителем разворачивается сложная драма характеров, закончившаяся самоубийством Веньки Малышева, считающего, что невозможно жить, когда существует ложь. Молодой милиционер не вынес контраста между революционной фразеологией и действиями карьеристов и демагогов. После завершения съемок фильм подвергся жесткой критике. В первую очередь недовольство вызвало самоубийство главного героя. «Наш советский герой не может так поступать!» Владимиру Скуйбину пришлось приложить немало усилий для того, чтобы отстоять идею автора повести Нилина.

В результате режиссер был вынужден пойти на уступки. Так, одним из мотивов самоубийства Малышева стал личный – в виде скомканного письма Юльки, выпадающего из ослабевших Венькиных рук. А после смерти главного героя сотрудники угрозыска отказались работать с начальником... – Википедия

** Премьера фильма «Мичман Панин» (соавтор сценария – Семен Лунгин) прошла лишь 25 мая 1960 г., а вот премьера фильма «Тучи над Борском» (тоже – Семен Лунгин) – 25 февраля того же года; значит, Некрасовы вполне могли посмотреть последний.

Так вот, если Вы увидите Зину, переговорите с ней о том, о чем вы мне уже писали, что Вика мог бы написать в свое издательство, чтоб следуемые ему деньги отправляли на адрес его тетки такой-то, там-то. Правда, это не относится к социалистическим странам, тут они печатают даром. Такой договор с этими странами. Но, насколько мне известно, его вещи печатаются во Франции (а до сих пор он оттуда ничего не получил), в Англии и в Италии, это то, что я знаю. Все издатели хотят платить, но почему-то наши писатели не имеют права получать у нас, так мне Зина говорит. Могут получить, если находятся в этой стране. Так вот, переговорите об этом с Зиной. Я с ней об этом говорить не могу, она сейчас же приходит в бешенство.

Ну, эта просьба довольно простая: переговорите с Зиной, если хотите, с Викой, если он соблаговолит с Вами разговаривать, со мной он не разговаривает.

Теперь вторая просьба. Моя сестра Вера и ее муж *naturalises suisses* [(натурализованные швейцарские граждане)]. Я говорила одному Викиному другу, что я поеду в Москву и переговорю там в швейцарском консульстве, можно ли от меня Вере переслать деньги, ну и вещи. Викин приятель говорит, что если я пойду в консульство, то буду сейчас же арестована, как выйду. По-моему, абсолютная чепуха. Вы же за границей жили, мама два раза ездила, ну, из-за визы в консульство ходила.

Ну, и ежели я буду арестована, это-де на Вике отразится. «Ах, Софья Николаевна, он такой хороший, а вы его погубите». Живу я от него отдельно, у них не бываю, он у меня не бывает, ну разве по поручению Зины что-нибудь принесет. Так я думала для опыта, хотя бы, я бы переслала Вере 3000 рублей. Перешлю Вам, а Вы отнесете, или лучше прямо в консульство? Вот не могли бы Вы пойти в швейцарское консульство и спросить: могла ли бы я пересылать через них, моей больной сестре, их гражданке, деньги?

Но тут возникает другое препятствие. Зина говорит, что я этим компрометирую моего зятя, их гражданина, что он так мало у них получает пенсии, что я хочу моей сестре посылать. Они же нам посылали до 1935 года! Итак, если Вы дадите согласие пойти переговорить в швейцарское консульство, я напишу моей сестре Вере, можно ли это сделать, не компрометирует ли это ее мужа! Когда он мне ответит, тогда только можно [будет] пойти об этом спросить в консульстве.

Я никак не могу понять, в чем тут может быть «преступление». 80-летняя старуха хочет послать своей больной сестре 75-ти лет немного денег? Беда в том, что я не могу сама двигаться, а то бы я поехала в Москву и сама выяснила вопрос этот. Ведь это же позор, что они там нуждаются, а мы ничего не делаем, чтоб им помочь.

Племянник мой опять получит уйму денег. Выходит отдельным изданием его «Первое знакомство», сборник его рассказов и собрание его сочинений. Если не сразу все получит, то уже авансы, наверное, получил. Когда они жили рядом со мной, я глядела на его сберегательную книжку, за два года он получил 680 000 и тратил ежемесячно 30 000*. То есть, вернее, раздавал всяким своим приятелям (я-то их считаю паразитами). С тех пор он получил еще массу денег: и за фильмы, и за бесконечное издание «Окопов» (за «Окопы» – 150 000). Помню, за одно издание «Окопов» (важное) он получил сразу 68 000.

Одна моя знакомая (она уже умерла) писала мне, что ей противно читать мои письма: я только и делаю, что считаю чужие деньги. Но когда мы все нуждались, у нас было все общее. И меня просто из себя выводит, что Зина и Вика ничего не хотят сделать, чтоб переслать Вере денег. Тут-то он своим «друзьям» десятки тысяч дарит, кому-то 50 000 подарил.

* Тратил ежемесячно около 3-3,5 тыс. тогдашних долларов!

Я вообще *avocat des affaires perdues* [(адвокат безнадежных дел)], это Вольтер про себя говорил. Сколько раз с всякими просьбами обращалась к Надежде Константиновне Крупской. Не для себя, конечно, а для других. Хоть она и сказала как-то, что меня «любит», но ни разу ни в чем мне не помогла, даже на письма не отвечала. Это было после смерти Ленина, и, может быть, она не могла делать, что хотела?

Кто всегда исполнял мои просьбы, это Ногин. Удивительно хороший человек был. И это благодаря ему мама поехала в [19]22 году за границу.* Один англичанин про него писал: «Он такой деловой, что нельзя поверить, что он русский». Я терпеть не могу скупости, но я не терплю и бессмысленного швыряния деньгами. Я слишком хорошо знаю, что такое нужда, чтоб ненавидеть «*le gaspillage des sociétés humaines*» [(«напрасную трату ресурсов человеческого общества»)].

<...> Сегодня переслала Зине опять письмо от Лены [Игнатович]. Пишет, что больна, страшно голодает, что всю жизнь голодала, что никто в Кимовске хуже ее не живет, одета как нищая. Жалко ее ребенка, да и ее жалко. Подумайте этот ужас: всю жизнь у кого-то что-то кланчить! И унижительно, и противно.

И все-таки есть у нее обеспеченные родственники, которые могли бы ей помочь. Тот же Мотовилов, необязательно Вика. Ведь для них 200-300 руб. в месяц гроши. Правда, жена Георгия Ивановича [Мотовилова – Мария Георгиевна] писала, что Ленино родство, это «седьмая вода на киселе». У Георгия Ивановича семья, а у Вики ведь и семьи нет, одни приживалы и паразиты, а на них ничего не жаль. Ужас. Я обижена: Вам, Зине, Маше написала, что Лена назвала меня «сплетницей, клеветницей и пустотой», и никто мне сочувствие по этому поводу не выразил?!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 16 марта 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы пишете, что отказываетесь выполнить мои оба поручения. Ну, второе, я еще понимаю – все-таки это трата времени, ходить в швейцарское консульство. Ну, а отказаться с Зиной переговорить, что можно написать в издательство, чтоб они [моей лозаннской сестре] Вере пересылали Викины гонорары, это уже совсем просто. Оно, конечно, куда спокойнее говорить: «Моя хата с краю, ничего не знаю».

Вы что боитесь, если вы с Зиной об этом заговорите, она придет в бешенство? Это она на меня приходит в бешенство, на Вас не придет. Ваш совет написать ей об этом я уже много раз исполняла. Тут она не может швырнуть моей двери и стремительно уйти.

Ну и я ей пишу всякий раз, что по-моему это позор, что они никакой попытки не делают, чтоб переслать деньги Ульяновым. Они (Ульяновы) сейчас нуждаются, а тут Зина и Вика своими деньгами швыряются направо и налево. Одному предлагают 15000, чтоб комнату купил, другому посылают 10000, чтоб он бросил службу, ему [видите ли] вредно работать. Кому-то дарят 50000. А послать Вере не могут!

Вы себе ставите в заслугу, что одно поручение Вы можете выполнить: попросить Яснопольскую дать Вам мои рукописи, бывшие у Леонида Николаевича [Яснопольского]. Да не надо мне этого! Рукописи у меня есть – дам еще раз перепечатать, и дело с концом. За перепечатывание я плачу одной знакомой 1 руб. с листа.

* Имеются документальные свидетельства (прежде всего, тогдашние письма С.Н. Мотовиловой из Киева маме в Лозанну) того, что А.А. Мотовилова ездила за границу, к родственникам в Лозанну, в 1923-м и 1928-м.

<...> Наши, то есть мама и Зина с детьми, жили в Париже в одном доме с Луначарским, а когда они уезжали из Парижа в 1915 году, их квартиру (мамину) хотел снять Троцкий. Вы их видели, Луначарского и Троцкого? Я – много раз и в разные эпохи, оба были прекрасные ораторы, но я обоих не любила. В молодости Троцкий был очень фразист, но после революции он значительно вырос и говорил очень хорошо. Я его слышала на библиотечном съезде, кажется в 1924 году, и на похоронах Ногина [[в том же году](#)]. Начались мои воспоминания!

Посылаю Вам второй листик письма Ульянова мне. Он всегда пишет на таких хороших рисунках, обычно виды Швейцарии. Зина говорит, что это цветная фотография. Видите, он старается выполнить Вашу просьбу и узнать о дочери Кристиани.

Я надеюсь, что это Вас устыдит, и Вы со своей стороны пойдете в швейцарское консульство и скажете: «Моя двоюродная сестра, 80-летняя старуха, хотела бы послать своей сестре, 75-летней старухе, *naturalisee suisse*, деньги. Можно ли это сделать через ваше консульство?». Ну, допустим, они скажут «нет, нельзя!». Что с Вами случится? По моему, ничего.

Когда я была в Лондоне в 1901 году, я решила ехать в Россию через Швецию. Я была очень экономна, не любила на себя много тратить. Пошла в шведское консульство и попросила дать мне адрес недорогих пансионов, где бы я могла остановиться. Они очень любезно дали мне два-три адреса. Я написала в Швецию, но не сразу получила ответ. Тогда я уже не пошла, а написала в шведское консульство в Лондоне. Они мне прислали довольно грубый ответ: на моем письме им должна быть виза нашего консульства – кто я. Я страшно негодовала, но вскоре получила ответ из Швеции и чудесно провела время в уютнейшем пансионе на острове Висби. Тогда там шли исторические игры в развалинах.

Ну, значит, одно дело пойти и спросить, а другое – написать. Или Вы думаете, что как только Вы выйдете из консульства, Вас арестуют, как говорил Викин товарищ? Какая чепуха!

Этот листочек из письма Ульянова верните мне (не через 4 месяца, а в следующем письме). Он спрашивает Ваш адрес. Дать ему или Вы боитесь всяких контактов с границей? Ответьте! Ульянов мне всё присылает свои геологические труды. Ну, а я в этом уже ничего не понимаю. Подарила их одному геологу, читающему по-французски. Спрашиваю его, можно ли Ульянову написать, кому я их дала? Перепугался страшно. Ни в коем случае! Больше уже ко мне не заходит. Знаете поговорку «Пуганая ворона куста боится»?

Адрес-то он Ваш, вероятно, хочет Вашей кузине [[Кристиани-Артюс](#)] передать, если ее найдет. На всякий случай даю Вам Верин адрес: Lausanne, Avenue Mon Repos, 22, Madame Oulianoff. Писать надо ей, а то она обижается, если пишут ее мужу. Но она все равно больна, не выходит, даже не пишет нам. Одно письмо от нее было в январе – и мне и Зине.

Видели ли Вы Зину? Они сегодня должны быть в Москве. От Зины у меня уже 10 дней нет писем. То ли она больна, то ли опять на меня обиделась. Да, Вы писали, что у Вики нерусское произношение. Он же говорит с отчаянно еврейским произношением. Все его друзья евреи. Один его знакомый еврей приглашает его к себе и говорит: «Пожалуйста, только не говорите с таким еврейским акцентом. Моя мать очень обидчива». Он думал, что Вика это нарочно представляет евреев. А он вообще так говорит. Забавно?

<...> Кончили ли редактирование биографии [Р.Э.] Классона? Я сейчас читаю с увлечением биографию Сеченова. Я не знала, что он тоже наш, симбирский помещик. То есть отец его был помещиком, очевидно небогатым. Филатов (глазник) тоже наш симбирский, Карамзин, Гончаров – все наши симбирские. А будущая жена Сеченова приезжала гостить в Питер со своими, кажется, соседями по имениу Мотовиловыми.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7 апреля 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Лена [Игнатович] ведь мне написала, что я «сплетница, клеветница и пустота». Я решила лучше эту переписку с ней прекратить. Вика (не знаю, уж в ответ ли на эту ее любезность) выслал ей денег, а она теперь засыпает его письмами. Она хочет отбить от одной жены ее мужа. Этот пьяный шахтер (бывший матрос) потерпел аварию, весь разбит, два раза падал с мотоцикла. Я написала ей: «Очевидно, был пьян?». Она ответила: «Да, был пьян». Беда в том, что жена этого матроса «хорошо зарабатывает», а то бы он давно уже к Лене переехал, если бы она была богаче!

Ну а пока она умирает от голода, спит на полу и просит денег. А Вика просит, чтоб он устроил на «хорошую службу» этого типа. Тогда она с ним уедет из Кимовска. Это Зина мне рассказывала, хотела принести письма. Как будет реагировать мой племянник – не знаю.

Однажды приезжала в Киев дочь нашей бывшей кухарки [и домработницы Моти]. Она [(дочь)] вышла замуж за военного. Его демобилизовали, и она приезжала в Киев, чтоб Вика его устроил. Викин товарищ находил ему места, но потом оказалось, что нужно особо выгодное место: зав. столовой. И тогда они переедут в Киев. Когда они жили у Зины, такого места в Киеве не получили, и уехали обратно во Львов, где оказалось: у них есть прекрасная квартира с роскошной мебелью и дорогой посудой, которую «опасно перевозить».

Это ведь поляков выселяли из Львова, и они бросали свои хорошо обставленные квартиры, продавая все за гроши **. Через несколько времени эта дочь нашей бывшей кухарки (жила у нас 40 лет тому назад) написала Вике. У ее мужа украли чужие облигации на 10000, и чтоб Вика сейчас же прислал деньги. Почему у офицера «чужие облигации»? А Зина мне потом сказала, что Вика ей послал-таки деньги, сколько – неизвестно!

После его статьи об архитектуре получилось [(пришло)] длинное письмо. Их домработница [Ганя] приходит ко мне и говорит: «Уже критика на статью». Какое тут! Пишет какая-то туберкулезная девица, что вместо того, чтоб писать статьи об архитектуре, он бы подумал, в каких условиях люди живут. Она сирота, долго жила в «инвалидном доме» среди «бывших помещиц» (?), ну а теперь недовольна комнатой, которую ей дали.

А то бывает и так: приходит читатель и сообщает: он идет на вечер, и чтоб ему дали Викин костюм. Это было после выхода «Окопов». Вика был в Москве. Зина подумала и отдала его новую военную форму. Читатель поворчал: «Надоело в военном ходить!», но взял и ушел. Домработнице их было жалко пояса [(офицерского добротного ремня)].

Не находите ли Вы, что это странные нравы «наших хороших советских людей»?

* О своем отце И.М. Сеченов вспоминал так: «За всю свою долголетнюю жизнь в деревне он интересовался одним только конским заводом, в поле не заглядывал, от коронной службы уклонялся, по дворянским выборам не служил и даже ни разу не съездил в Симбирск на дворянские выборы». – Люди русской науки, 1948 г.

Одна из первых в России женщин-врачей Мария Александровна Обручева-Бокова (1839-1929) стала женой Ивана Михайловича Сеченова в 1888 году.

** Большинство поляков покинуло Львов при обмене населения между Польшей и УССР в 1944-1947 гг.

Какая-то дама-критик пишет Вике, чтоб он прислал из Киева ее знакомой (в Москве, очевидно, нет) колясочку для ребенка. Но этого он, кажется, не сделал, побоялся, что подумают – это его ребенок.

Теперь он должен устраивать в инвалидный дом мать своего товарища по школе, погиб от ран после войны, а она одинока и с ней удар. Мне она говорила: «Как только Вика приедет, чтоб сейчас же приходил ко мне, мне ему надо многое сказать».

Мне казалось раньше, что наши инвалидные дома – что-то вроде душегубки. По крайней мере, все мои знакомые через месяц, а то и меньше, попав туда, умирали. Ну а теперь как будто иначе. Знаете, кто сейчас в инвалидном доме? Бывший редактор «Киевлянина», член Государственной думы Шульгин, который ездил к царю с Родзянко требовать отречения. После этой войны он вернулся в Россию, и его поместили в инвалидный дом. Несчастный старик! Надеюсь, ему дали отдельную комнату. Это Зине в прошлом году рассказал сын писателя Леонида Андреева, он жил в Малеевке с ними и вернулся из-за границы вместе с этим стариком.*

Но Зине не всегда можно верить. Вдруг она мне пишет, что вышло 2-е издание Викиного «В родном городе», а он, мол, об этом ничего не знает. Я эту «потрясающую весть» всем рассказываю, а Зинино письмо пересылаю Вере за границу. Здесь мне мало верят. Я говорю: «Да он уже 8 экземпляров получил!». А оказывается, это Зина все перепутала. Вышло просто (n+1) издание «Окопов».

Вышло еще Викино «1-е знакомство». Очень изящно изданная книга, с его рисунками и фотографиями. Он хотел, чтоб в начале были 3 французских полицейских. У него прекрасный портретик есть. У каждого свое лицо. Но, очевидно, нашли это неудобным. Первая виньетка – Эйфелева башня, а полицейских и не видно. Черненькие силуэты. Книга хорошо издана и шрифт хороший, и стоит всего 4 руб. Кроме 10 обязательных экземпляров Вика велел купить ему еще 100 штук! Зачем? Неужели у его «друзей» нет 4-х руб., чтоб купить эту книжонку!？**

* Когда в 1944 г. советские войска вступили на территорию Югославии, В.В. Шульгина арестовали и препроводили в Москву. За «враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность» был приговорен к 25 годам заключения. Срок отбывал во Владимирской тюрьме, работал над воспоминаниями. После смерти И.В. Сталина в отрезок времени широкой амнистии политзаключенных в 1956 г. был освобожден, поселился во Владимире. В.В. Шульгин снимется в разоблачительном фильме Фридриха Эрмлера «Перед судом истории» (1965 г.).

** Первое знакомство. Из зарубежных впечатлений (рис. и фото автора). М., «Советский писатель», 1960 (тираж – 30 тыс. экземпляров).

Супербложка «Первого знакомства» с акварелью автора

<...> В первых 3-х номерах «Нового мира» есть роман Давыдовой*. Очень хорош. Есть, конечно, недостатки, скомкан конец. Но уж очень хорошо изображены современные инженеры и директора заводов. Я-то их не знаю, но Вам, вероятно, приходилось встречаться с этими экземплярами? Современные коммунисты! Описание их вечеринки замечательно. Нда! Это дети бывших коммунистов, как Ленин, Красин и пр., я их видела в театре. Толстые, жирные, самодовольные! <...> О Давыдовой негодующая статья в «Комсомольской правде». Если мне что нравится, у нас непременно ругают. Не любят правдивого изображения действительности!

Как видите, мой племянник в Китай не поехал. О Китае ни слуха, ни духа. Его, Вику, зовут в Чехословакию и Италию. Но ВОКС, куда он подал заявление, молчит. Он, кажется, считает, что это по моей вине: я переписываюсь с границей. Я переписываюсь с одним его переводчиком [(Витторио Страда)], он сказал, чтоб я прекратила, а то я этого переводчика «погублю».<...>

Мужа моей сестры Веры зовут: Николай Алексеевич Ульянов. Адрес его: Швейцария Lausanne Avenue Mon Repos 22. Пишите ему сами. Мне он ни единого слова не пишет ни о моей сестре, ни об их жизни. Сообщает только, какие, посланные мною, книги они получили и, всякий раз, какая у них погода. Быть бы ему метеорологом, а не геологом. А меня гораздо больше интересует их жизнь, чем погода! Знаю из письма одного Зининого знакомого, что Ульянов должен поехать в Париж насчет печатания своей карты [(геологической карты Монблана)].

<...> Читаю каждую неделю «Крокодил». Вернее смотрю картинки и подписи под ними, но редко понимаю остроумие. Я вообще слабо понимаю юмор. Вот одна картинка мне как-то понравилась. Стоит старушка и читает объявление о предстоящей лекции по антирелигиозной пропаганде, после чего говорит: «Ну, значит, скоро Пасха. Надо будет куличи печь». Почему-то у нас антирелигиозную пропаганду всегда приурочивают к великому посту! И действие она имеет обратное тому, которое хотели.

<...> Сегодня получила письмо от моей кузины [(Маши Володиной из Тамбова)], тети Анютиной дочери. Она очень бедствовала эти годы. Муж умер десять лет тому назад, она была без службы и с двумя детьми. Потом получила службу кассира на 370 р. в месяц, а на руках маленькая дочь. Потом и 370 р. сократили, стала получать 180! Но, слава богу, все благополучно кончилось. Дочь кончила музучилище, преподает музыку. Сын в Сибири – военный.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 апреля 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вот доживешь до 80-ти лет и становишься всем скучной! На мои 8 писем в этом году моя сестра Вера ни разу не ответила! [Ее муж] Ульянов только сообщает, что все книги они получили, и какая у них погода. Это конечно страшно важно, какая в Лозанне погода.

<...> Сейчас получила хорошенькие картинки с чудесными видами Швейцарии от Ульянова. Сообщает, что получили от меня (о погоде ни слова) и что Вера собирается написать мне. И еще письмо от одной Московской скульпторши [Любови Дмитриевны Бутович?], поздравляет с Пасхой. Но до того у нас люди перепуганы, что слово «Пасха» она боится написать, а пишет: «поздравляю Вас с светлым праздником». Скульпторшей она стала из-за меня. Я ее познакомила с Гомой Мотовиловым. Он делал ее бюст. Тогда она была еще молода и хороша. Ну и после этого ей скульптура понравилась, она поступила в студию и стала скульптором...

* Наталья Давыдова. Любовь инженера Изотова // «Новый мир», 1960, №№ 1-3.

Сегодня ночью читала «Октябрь», №4 и прочла Бориса Галина – «Азарт молодости» [правильнее, «Азарт юности» – МК]. <...> Что за мерзкий тон в этой статье. К чему эти повторения «инженер Классон». Говори, Классон fout court [(короче говоря)]. <...> Он все старается провести дистанцию между «беспартийным инженером Классоном» и главой правительства Лениным. А это дурацкое сравнение, с какой-то брошюрой, где люди заставили работать 2-х буржуев на них. Точно [Р.Э.] Классон, что-то вроде буржуев, которым угрожают, что отнимут «имущество», и под этой угрозой он работает? Электрическая станция Московская, по-моему, работала все время, и это кажется единственная станция в нашей стране, не прекращавшая работу в годы революции. Ну, Вам это лучше знать.

<...> Или зачем столько раз повторять «пути их давно разошлись». Чем разошлись? Они оба были марксистами, когда познакомились. Классон даже считался лучшим марксистом в Петербурге. Он ведь хорошо знал немецкий язык и мог читать Маркса в оригинале. И тогда, когда они познакомились, Классон был инженером, а Ленин профессиональным революционером. Что же изменилось за эти годы? Оба остались тем, кем были. Разве Классон перешел в какую-нибудь партию? По-моему нет, но Вы это лучше знаете, напишите.

Да вообще кто теперь делает это деление: «беспартийные», «попутчики», и чистые коммунисты. Есть люди нужные и полезные государству, и Классон был таким. Ленин это отлично понимал, и нечего умиляться, что Ленин внимательно читал отчеты Классона. Понятно, раз дело серьезное. Отвратительный тон у статьи. Кому он боялся не угодить?

Когда Классон работал в Баку, у него служили всякие нелегальные и подозрительные люди, с точки зрения старого правительства. И я читала в Ленинских сборниках письмо Ленина в Баку Классону, о чем-то Ленин его просил [о деньгах! – МК].

Эхма, умер Кржижановский и исправить не может. Надежда Константиновна всегда повторяла: Классон был ее учителем марксизма. Но такое сказать автору статьи неудобно, и [он] пишет: «они работали в одном марксистском кружке». А отчего он не приведет отзывы о Классоне? После его смерти, Вы, конечно, читали, были отзывы о Классоне, и я помню, Крупская писала, как ценил Классона Ленин и говорил о нем: «Это настоящий человек!»...

А этот рассказ, пришел Классон и сказал своим сотрудникам «Слушайте! Товарищ Ленин вчера смотрел киноленту [о гидроторфе]...». Но я убеждена, что Классон говорил просто «Ленин» или «Владимир Ильич». В наше время он его называл «Ульянов», но «товарищ Ленин» – это какое-то подхалимство. Не мог Классон так говорить.

<...> Или вот, например: «Смелая, мужественная мысль Ленина вбирала в себя работу по Гидроторфу». «Смелая, мужественная мысль», по-моему, была не у Ленина, а у Классона, а Ленин только внимательно читал. Ну а эта фраза совсем уже замечательная. «Энергия его сердца, сердца пламенного торфиста, вдохновленного Лениным, целиком была отдана любимому детищу – Гидроторфу». Вот тебе на! Не Классон своим изобретением вдохновлял Ленина, а только благодаря вдохновлению Ленина Классон работал на Гидроторфе!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 12 июня 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вспоминаю наших с Вами grandes tantes Xaverine и Emilie. Не знала я тогда, что и я на старости лет попаду в их положение: никому не нужных бедных родственников, от которых даже мой отец прятался в переулки и парадные, чтоб их не встретить на улице. Так же и мой племянник избегает меня.

Помню, как пришла обрадованная tante Xaverine. Тетя Соня была проездом (откуда, из Баку?) в Петербурге. Это было в 1902 или 1903 году. Tante Xaverine жила на Невском, а тетя Соня остановилась в Северной гостинице, которая была против Николаевского вокзала, и тетя Соня пригласила tante Xaverine к себе. Я помню, как tante Xaverine была рада этому приглашению, все-таки какие-то связи с людьми, какие-то свои родственники. Она рассказывала нам, как прекрасно по-французски говорят тети Сонины дети. Кажется, Таня ей сказала на что-то «Ah que c'est bizarre!» [(«Ах, как это странно!»)].

Мы жили очень близко от Николаевского вокзала, но к нам тетя Соня не зашла. Мама объяснила нам свой разрыв с тетей Соней тем, что тетя Соня приревновала маму к ее швейцарской подруге [(M-Ile Broye)]. Эта связь – дружба у мамы с ее подругой сохранилась до конца жизни, и оба раза, когда мама после революции ездила в Швейцарию, мама ездила на деньги этой подруги. Но мне кажется, причина разрыва была другая.

Я пересылаю ваши письма для развлечения тете Анютиной дочери Маше. Она живет в Тамбове, ее муж умер лет 10 или больше назад, и она очень нуждалась эти годы. Ну теперь, слава богу, она уже вывела своих детей в люди и нужда прошла, а до этого я ей помогала, чем могла. И вот эта Маша писала, что тетя Анюта рассказывала, что тетя Соня ревновала [P.Э.] Классона к нашей Зине. Очевидно, это уже происходило, когда я жила в Веймаре. А теперь (на 80-м году жизни!) Зина призналась, что влюблена была в Классона. Для Вас-то, конечно, Зина только глухая старуха, а в те годы она была очаровательна. Учившиеся с ней в Лозаннском университете студенты, швейцарские, как-то преподнесли ей цветы, с запиской «A la plus charmante des étudiantes russes» [(«Самой очаровательной из русских студенток»)].

А в 1896-98 годах, когда мы жили в Москве, все, бывавшие у нас студенты, были влюблены в Зину. Одну осень мама и тетя Соня были еще в [Мокрой] Бугурне, и Классон почти каждый вечер приходил к нам, к вечернему чаю. Я объясняла это тем, что ему скучно в пустой квартире у себя дома. У нас он был скучный, и, рассказывая что-нибудь, вечно повторял: «Это было, когда вы еще пешком под стол ходили».

Мы, кажется, с Вами неправы, что так резко критикуем статью Галина. Она всем очень нравится, и Зина нашла, что она живо написана. Мне [же] не нравится подобострастный тон по отношению к Ленину. Сам Ленин такой тон не выносил, и, конечно, никогда таким тоном ни с Лениным, ни о нем Классон не говорил.

<...> Мой зять [Н.А. Ульянов] мне, как бывшему геологу, присылает свои геологические труды. А я, представьте, как тот физик-изобретатель в романе «Брат мой, враг мой» – «все забыла и ничего не понимаю»*. Первую половину этого романа я отдельной книгой послала моей сестре в Швейцарию, а затем в киоске нашла прошлогодние №№ «Иностранной литературы», где как раз продолжение этого романа, и тоже послала Вере. От Веры я получила 2 письма, всего [от Ульяновых] – 3 в этом году, а я уже послала ей 12 длинных! По-видимому, Вере лучше, после двух лет заточения ([после перелома ноги] она не хотела выходить из квартиры) она стала выходить, гулять со своим мужем. У них была сперва очень теплая весна, потом наступили холода, и в Цюрихе выпал снег. Ульянов писал мне, что садоводы испуганы. («Сад», «фрукты», «садоводы» – это у меня всегда ассоциируется с Вами.) Ну, так Ульянов писал, что сады обогреваются «сотнями и тысячами грелок». Может быть Вам это интересно, а мне гораздо было бы интереснее знать о моей сестре, чем о швейцарских садах!

* Роман «Брат мой, враг мой» американского писателя Митчелла Уилсона (1913-73) посвящен проблемам науки. Действие его происходит в середине двадцатых годов XX века. Герои книги – братья Мэллори – изобретатели, пионеры телевидения, много страниц в книге отведено подробным описаниям их работы. – Из Интернета

Кажется, воспользовавшись Вериним улучшением [здоровья], Ульянов уехал на неделю в Париж, в связи с печатанием там его геологической карты. Он раньше думал Веру на это время поместить в клинику. Они ведь там частные, и не очень большого можно за деньги помещать. Но, очевидно, их денежные дела так плохи, что вместо этого с Верой на квартире осталась их новая femme de ménage [(приходящая домработница)], будет у них ночевать.

Моя сестра пишет, что ей это очень неприятно, но она вынуждена была согласиться. Но Вы подумайте, до чего это обидно. Викины деньги в издательствах есть и в Германии, и Англии, и Франции, и Италии, и эти издатели готовы платить, а Вера и ее муж ужасно нуждаются! А ведь они все эти годы нашей нужды помогали нам, отложить он ничего не мог: помогал нам и своей матери [Анастасии Петровне в Нижнем Новгороде]. Ужасно!

Я теперь страшно боюсь, не случилось ли чего с Ульяновым. У меня уже месяц нет от него ни строчки. Ему ведь 79 лет, как мне, с ним мог быть удар, в Париже мог попасть под автомобиль. Что будет тогда с больной и совершенно одинокой нашей Верой?!

<...> Зина долго не хотела бросать работу, хоть материально была вполне обеспечена. А когда ушла на пенсию, она с грустью сказала: «У меня нет теперь сознания, что я людям полезна».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 21 июня 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сейчас получила письмо от Любы Пятницкой [из Парижа]. Она прислала для Вас 2 карточки детские: Тани и Сони, Ваших сестер. У меня такие есть, и я, кажется, Вам послала? Еще раньше, для Вас же, она прислала детскую карточку тети Сони. Она прислала 2 карточки, я думала, что они обе тети Анюты, и отослала Маше в Тамбов. На всякий случай, если Вы хотите Любу поблагодарить, даю Вам ее адрес. Madame Piatnickaya, 104 rue d'Assas, Paris (6-me – 6-й район). Но, кажется, она в июне уезжает из Парижа. Я толком не поняла, не то на юг к дочери, не то к каким-то русским эмигрантам, у которых дом в деревне, где она обычно проводит лето.

Не помню, писала ли я Вам, что очень беспокоилась о моей сестре Вере. Ульянов уезжал в Париж на неделю. Он говорил Любе, что 5 лет не мог вырваться в Париж, Вера его никуда не пускает, и это очень мешает его работе. А при материальной обеспеченности всего этого не было бы!

Зина и Вика вернулись из Ялты 17-го. Летели на Ту-104. Подумайте, всего 1 час! Но доехать от Ялты до аэродрома – 3 часа, а Ту-104 спускается в Борисполе, и оттуда до Киева еще 2 часа автобусом. На вертолет они опять не попали. Вику выписывает Чехословакия на свой счет, все расходы по его поездке ими будут оплачены, но до сих пор нет ответа из Москвы! Боюсь, что будет как с Китаем. Чего они его боятся за границу пускать? Книга о его путешествии в Италию [«Первое знакомство»] наконец вышла, в Киеве он купил 30 штук, в Москве ему покупают 100 книг! Я не понимаю, неужели его «друзья» не могут заплатить 4 руб. за книгу?

Сегодня была Зина, говорит, он надписывает книги и рассылает. Рассылает бог знает кому, санитаркам в больнице, где лечился, прислугам его друзей и т.п. Людям, которые и читать не будут, а вот его «крестная» (по-настоящему) умоляет меня, чтоб он прислал ей хоть одну свою книжку – не хочет. Странная все-таки наша мотовиловская семья.

Что Вы скажете о Лене [Игнатович]? Она прислала Зине письмо. Положение ее ужасно, она отбила своего пьяницу от его второй жены (первую он бросил и женился на лучше зарабатывающей. Типик!). Лену будто бы сняли с работы за разрушение чужой семьи. В Кимовске ей службы не найти. И кроме того у нее четвертый месяц беременности, и аборта уже делать нельзя. Явно ненормальная.

Виноват, кажется – по ее словам, во всем Вика. Не устроил ее пьяницу на какую-то службу, а вот если бы устроил, он бы в третий раз женился на Лене. Так она пишет. А может быть она все врет? Ведь я Вам, кажется, писала, как она нам прислала фальшивое письмо от «рабочкома», что она ослепла и что немедленно ей надо выслать 700 руб., а то она продала казенные вещи, и [непременно] попадет в тюрьму. Викина знакомая позвонила тогда корреспонденту Кимовской газеты: ни в какой больнице она не лежала и не думала слепнуть, а «письмо из рабочкома» писала ее подруга. Может и теперь все вранье: она и не уволена, и беременности нет?

Может быть Ваша сестра Катя (о которой Лена пишет: «человек с большой буквы») о Лене что-нибудь знает?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 июня 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Посылаю Вам наше детское творчество. Для кого мы его писали? – не знаю. Очевидно, для самих себя, ибо ни [П.Э.] Классону, ни Павловской мы это стихотворение не показали. Ваша сестра Катя, вероятно, его бы разорвала, как «технически неудачное». Нет, Вы ошибаетесь. По вечерам-то к чаю Классон приходил к нам осенью, когда еще мама и тетя Соня были в Бугурне.

Мы с Зиной в этот год поссорились с бабушкой Валерией Францевной. Гостили мы в ее имении Солоновщино [(на Украине)]. Собака Рябка родила щенят. Бабушка хотела их всех потопить. Но мы их всех вырастили и раздали крестьянам на хутор. Те даже приношения нам в благодарность принесли. И вдруг приходит бабушкин кучер и жалуется, что мы отдали какому-то мужику шестипалого щенка. Бабушка вознегодовала и потребовала, чтоб мужик сейчас же щенка ей вернул. Нравы были крепостнические. Мы с Зиной обиделись, мужику отнесли рубль, он был вполне доволен, и потребовали, чтоб нам дали лошадей, так как мы сейчас же уезжаем.

Поэтому мы и очутились в конце августа одни без мамы в Москве, ну и Классон, тоже один, приходил к нам почти каждый вечер. А Павловскую он встретил у нас весной*. Когда она в следующий раз пришла к нам, Зина ей сказала: «Какой чудный день!», а она ответила: «Какой чудный Классон!». Поэтому наше стихотворение и называется «Чудному Классону».

*Чудному Классону (от лица Павловской)
О ты, которому внимала
В разгаре споров и речей!
О ты, которого узнала
Среди постылых мне людей!
О ты, который точно маслом
По сердцу мне мазнул тогда,
Когда в унынии ужасном
Я к Мотовиловым пришла!*

* Влюбленная в поэта Евгения Ильинична Павловская служила тогда гувернанткой в семье купцов Брюсовых – у сестры Валерия, студента двадцати с чем-то лет. Умерла от чахотки в январе 1898-го.

Тут имеется какая-то хронологическая нестыковка: Классоны переехали в Москву из Петербурга в конце лета 1897 года. А Роберт Эдуардович мог видеть Павловскую не позднее весны 1897-го, когда она уехала «помирать» в Олифировку Полтавской губернии; возможно, это было в один из его наездов в Первопрестольную, без жены, Сонички и грудной Танички, родившейся в октябре 1896-го.

*Классон, Классон! внемли моления
Души измученной моей,
Дай мне послушать с увлечением
Хотя на миг твоих речей!
Ты, пред которым я сидела,
Порыв души своей тая,
Чей взор не раз привлечь хотела
Светилась в нем душа твоя.
Нас окружала пошлой прозой
Людей презренная толпа,
Мой взор сверкал немой угрозой,
Их речь была пошла, глупа.
И все они к тебе стремились,
Их привлекал твой светлый ум,
Вокруг тебя они толпились,
Как раздражал меня сей шум.
Ты понял, что одна могу я
Своим умом твой ум обнять,
И на профанов негодуя,
Весь блеск речей твоих понять.
О чудный мой Классон прекрасный
Мне светлым гением ты будь,
Подобно солнцу в день ненастный
Мой мрачный озари ты путь.*

Сочинение З. Мотовиловой, Н. Пятницкой и С. Мотовиловой.

Классон был скорее некрасив, я не знаю, чем он нравился. Классон и тетя Соня сперва жили на Охте в Питере, а потом переехали в Москву и жили в Садовниках в казенной квартире при электрической станции. Комнаты были большие, полупустые и освещенные ужасающе серым светом.

Мы жили на Кудринской-Садовой, недалеко от Кудрина [(бывш. села в центре Москвы)], против 4-й женской гимназии. Занимали флигель возле дома маминой институтской подруги [Кати Капканщиковой], она флигель нам сдала. Она вышла замуж за купца миллионера (у них было 7 миллионов). Как-то с этой дамой встретился у нас Классон. Она, обычно скучающая, очень оживилась, и Классон нашел ее более интересной и обаятельной, чем ее 17-летняя дочь, румяная и круглолицая – настоящая купчиха.*

* Н.П. Черепнин. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764-1914). В 3-х томах. Петроград, 1914-15. Из третьего тома можно узнать:

Выпуск 42 (1874 год). <...> 60. Эрн, Алина Антоновна, дочь ген.-майора Антона Эрн и Валерии Францевны, замужем за [Н.И.] Мотовиловым.

В то же время в списках выпускниц с 1869-го по 1879 г. включительно отсутствует Екатерина Апполоновна под какой-либо девичьей фамилией (в 1874 г., одновременно с Алиной Антоновной, были выпущены Екатерина Павловна Коссинская, дочь генерал-майора, и Екатерина Викторовна Пороховникова, тоже дочь генерал-майора). Возможно, что Екатерина Апполоновна не кончила полный курс, выскочив замуж за купца-миллионщика. Переехавший из Воронежа потомственный почетный гражданин Петр Карпович Капканщиков [(ок. 1848 – после 1917)] впервые упоминается во «Всея Москве-1897» как владелец собственного дома на Садовой-Кудринской. Согласно «Всея Москве-1911» кроме П.К. Капканщикова на Садовой-Кудринской в д. 12 появляется и Екатерина Аполлоновна Капканщикова. Оба персонажа представлены как потомственные почетные граждане (за какие заслуги?).

Как сообщит С.Н. Мотовилова далее, Капканщиковы при большевиках эмигрируют во Францию.

Классон у нас бывал или один или с Коробкой, когда тот приезжал из Питера, а тетя Соня у нас, по-моему, не бывала. И я, и Зина, мы этого – ее приходов не помнили. Мы ездили к ней в Садовники, там полагалось забавлять Соничку, играть с ней в куклы. Но Классона я здесь никогда не видала. Коробко говорил, что Классону была тяжела домашняя атмосфера, и что он целый день сидел на службе, даже когда там делать было нечего.

В моем старом дневнике я как-то читала: приехал Классон, оставил у нас Соничку, а маму увез на своем рысаке. Я жаловалась, что придется весь вечер играть с Соничкой и затем отвозить ее домой, а я как раз в этот вечер хотела читать о Сен Симоне.

Мы слушали тогда на курсах историю французской литературы XIX века, и очень много времени уделялось социалистам-утопистам.* О них Классон тоже много знал. Узнав как-то, что мы это проходили, он с интересом сам стал о них рассказывать. Он очень тоже тогда интересовался искусством, но я в те годы совсем его не знала, да и Зина тоже, так что разговора об этом быть не могло.

Потом-то я много путешествовала, много видела, много бывала в Италии и ее музеях, и почти каждый год останавливалась по дороге из Петербурга в Швейцарию в Мюнхене, где весной бывали выставки нового искусства. Здесь я впервые увидела Сегантини и Ходлера. Вы их знаете? Они совсем разные, но я и того, и другого очень люблю. Один итальянец, другой швейцарец**.

Сегодня, 24 июня, Зинино рождение. Ей минул 81 год. А я помню, как мы [в 1895-м] праздновали ее 16-летие в [Мокрой] Бугурне. Мы с девочками Пятницкими сделали цветные фонарики и украсили ими фасады Бугурнинского дома и флигеля. Очень было красиво, а Петя Пятницкий с поваренком сделали фейерверки и пускали их. Бугурнинская усадьба далеко отстояла от деревни, но о фейерверках крестьянам верно поваренок сказал, и крестьяне пришли смотреть. В усадьбу, конечно, не входили, а стояли далеко за двумя оградами. Но фейерверки всюду же были видны.***

Я у Зины теперь не бываю, днем она зашла ко мне, и мы занимались воспоминаниями. Помним одинаково. Однажды вечером у нас были в гостях в Москве Иван Андреевич Мотовилов и его жена Надежда Кронидовна. Вы их помните (родители Гомочки Мотовилова)? Нам она казалась старой, хоть, я думаю, ей было тогда не больше 30-ти лет, а может быть и 20 с чем-то, но у нее уже было четверо детей! Мы сидели у нас в столовой, когда пришли Классон и Коробко. И тут произошло нечто необыкновенное, Надежда Кронидовна вдруг оживилась. Она была очень хорошенькая, гладко причесанная, лицо мадонны. Это мы тут только заметили. Она начала невероятно кокетничать.

Мы вообще не видели [раньше], чтоб люди так кокетничали, это даже считалось неприлично, но она ведь была из купеческого общества. Мы сидели и глаза тарашили от изумления. Думали: «такая старая и так кривляется».

* Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой «О Михаиле Николаевиче Покровском»:

Москва. 1897 год. Я учусь в гимназии, мне 16 лет. Старо-режимная гимназия [№4] с парадными залами внизу, душными, низкими классами наверху. Там бездарные учителя, чопорные классные дамы, терроризирующий меня поп, который, говорят, отлучает от церкви, если не знаешь одного слова в молитве. Хожу туда утром, но хочу настоящих знаний и вечером хожу на коллективные курсы на Поварской. Большой дом с углубленным круглым залом – наша аудитория. Здесь шум, гам, свобода, другая атмосфера, чем в гимназии. Здесь нам говорят о Герцене и других писателях, имена которых в гимназии нельзя произносить. Я слушаю тут лекцию на историческом отделении.

** Картины швейцарца Фердинанда Ходлера (1853-1918) отличались повышенной экспрессивностью и стилизацией в духе стиля «модерн».

Итальянец Джованни Сегантини (1858-1899) считается представителем неоимпрессионизма: суровые сцены крестьянской жизни, альпийские пейзажи. – Из Интернета

*** В 1895 г. умерла Луиза Францевна, но это произошло 10 июля ст. стиля, так что 11 июня ст. стиля (в день рождения Зинаиды) траура еще не было.

Возраст между 20-30-ю годами нам казался старым. Гомочка был влюблен в Вашу сестру Соню, но мне кажется, что и Надежда Кронидовна была равнодушна к Роберту Эдуардовичу. Она дружила потом с Вашей нянькой, которая рассказывала ей все Ваши семейные дела, и будто бы нянька говорила, как было бы хорошо, если бы Классон был женат не на тете Соне, а на ней, Надежде Кронидовне. Ее дочери (Надежды, а не няньки), Маня и Надя [Лиза?], были гораздо менее красивы, чем их мать, и ужасно вульгарны. Вы их помните?

26-VI-60 (продолжение). Была только что у Зины. Она дома одна. Вика улетел сегодня утром в Москву, а оттуда в Чехословакию. Его уже долго оттуда зовут, оплачивают целиком чехословаки все расходы по его поездке, но у нас, кажется, два месяца не могли дать ответа! Ну, наконец, слава Богу, ответ пришел. Будет он там всего две недели. Он уже в Чехословакии раз был, в 45-м или 46-м году.

А в Италию, куда он мечтает еще поехать, опять посылают от нас Бажана (украинского поэта, бывшего председателя украинского Союза писателей, а Вика был тогда его заместителем). Бажан, после Викиной поездки, едет уже 4-й или 5-й раз, ну а Вику очевидно не пускают (почему?, за разговор в «Унита», который Вам понравился?)*.

Зинина приживалка [Нина Аль] уехала в туристскую поездку в Польшу. Живет припеваючи, то едет на Кавказ, то в Крым, то по Волге, без конца летает к своим родителям в Ленинград, но жить с ними не хочет. Здесь почему-то Зина ей сказала, что она может распоряжаться их деньгами как своими собственными. Почему – неизвестно. Ну и та старается присваивать себе сколько может. «Наши хорошие советские люди» (так ведь полагается у нас говорить?) находят, что она очень умна – «так хорошо устроилась!».

Их бывший милиционер [Вася] уехал в командировку, и я воспользовалась их отсутствием пойти к Зине обедать. Но для меня хождение к ним (раз, два в году) – травма. Это все, что осталось от нашего милого уютного дома! Правда на одной стене висят виды Италии от моего прадеда, на другой цветная фотография – вид Шильона, подарила тетя Соня маме в Швейцарии, и там даже ее подпись, но это почти все от нашего прадеда.

В других квартирах мы привыкли жить. Во-первых, мы никогда не жили в центре города. Тут жили практикующие врачи, адвокаты. Но мы – «порядочные люди» – les pos-sedants [(собственники)], как французы теперь пишут, жили дальше от центра. Во-вторых, у нас было всегда 5-6 комнат: гостиная, столовая, кабинет, спальни. Честь честью, как полагается.

А у них (Зины и Вики) две комнаты и, правда, очень хорошая кухня, переделанная из комнаты. Вике предлагали большую и более удобную квартиру (кажется, из-за того, что у него бывают иностранцы), но он не захотел. Будто бы потому, что тогда бы переехали к нему жить его «друзья» со своими семьями, на тех же условиях, как их приживалка. Тут, на ул. Горького, у нас то же было: его «друзья» жили у нас годами!

Теперь еще домработница у них есть, а то мне приходилось на всех готовить и бесконечно стоять в очередях по нашим карточкам. Простою час, например за Викиными папиросами, приду домой, а его «друзья» радостно набивают этими папиросами свои карманы, и приходящие, и живущие. Достоинство теперешней приживалки, что она не только никого не приглашает, но еще всех их знакомых выживает. А перед этим у них жило два молодых человека (по три года каждый), учились в техникуме, те любили своих товарищей к обеду приводить! Не нравится мне у них (Зины) все и неудобная мебель. То ли дело у нас все старинное, уютное было. Кто-то мне сказал: «Ваш дом был как антикварный музей». Люблю «бывшее».

* Подоплеку сего сюжета см. в биографическом очерке «Виктор Некрасов в разных измерениях».

<...> Ну Зинино рождение, 24-го [июня], прошло честь по чести. Было в первый день 25 человек гостей, а на следующий день еще 2 докторши. Но в прошлом году у нее было 37 человек и 25 телеграмм! Видите, я веду статистику, хотя у меня самой никого на мое рождение не бывает! Список Зининых гостей делает для меня ее домработница. Ужасно забавно, например: «Зыльки – 2», это означает архитектор Зильберман с женой. «Мышы – 2». Я долго не могла понять, что это за «мышы», оказалось писатель Клигерман[-Пархомов] с женой. Его Вика зовет – «Миша».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 10 июля 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

У меня к Вам небольшая просьба. Правда, Вы их обычно не выполняете, но на этот раз просьба незначительная – позвонить в Геологоиздат, отдел сбыта и спросить, выписали [ли] они заказанные мною книги. Я им вчера отправила письмо авиа. Ульянов в течение нескольких лет просит моего племянника выслать ему нужные ему геологические книги. Ну, а мой племянник и в ус не дуёт. У него есть приятель в Москве, геолог [Яся Свет], одно время читал лекции в Московском университете, а теперь служит в каком-то издательстве, чуть ли не [в] этом Геологоиздате – Вика отдает ему списки Ульянова, ну а тот якобы не находит нужных книг. Тоже, верно, палец о палец не ударяет.

Сейчас опять пришел список книг от Ульянова. Книги ему нужны спешно, так как в августе [пройдет] международный геологический конгресс. Ну, а Вика сейчас в Чехословакии.

[Во время поиска нужных Ульянову книг в киевских магазинах] со мной произошло то же, что с Вашим старшим сыном [(у которого на улице украли велосипед, а также часы)]. Было очень жарко, я сняла кофту [точнее пиджак или блузу – МК] от костюма и где-то ее оставила. Обошла все магазины на следующий день. Кофты нигде нет. А я ею очень дорожу. В 1928-м мама привезла ее из Лозанны: ее подруга подарила свой старый, уже перекрашенный костюм. Он пережил и все перевероты, и войну, и пожар нашего дома, только что вышел из чистки и починки, жил у меня 32 года и пропал! Во всякой другой стране стоило бы дать объявление в газету или заявить в полицию, и его бы мне принесли.

Когда я была в Англии, в Лондоне, моя подруга [Лина] потеряла в Hyde Park'e свои золотые часы. Через две недели пришел полицейский в наш пансион и без всяких объяснений (англичане ведь лаконичны) отдал ей часы. Моя сестра Зина хронически теряла в Лозанне золотые браслеты, часы и пр. И всегда ей все возвращали. А у нас? Что вы делаете, чтобы найти часы и велосипед Вашего сына?

Я думаю – подать заявление в милицию. Ее так расхваливают в нашей литературе: и Михалков, и Панова, и еще недавно в «Новом мире» было восхваление какого-то милиционера, и гуманны они, и бдительны. А я как-то стою в очереди, и мне говорят: «Вы такая старая, пойдите и попросите милиционера, чтобы Вам дали вне очереди». И прибавляют: «Среди них бывают и порядочные». Думаю, это больше соответствует действительности.

Я очень рада за Вашего старшего сына, что он получил похвальную грамоту за работу в совхозе. Похвала всегда поднимает дух. И кроме того школьные отметки отнюдь не являются оценкой знаний, а часто – лишь благорасположением начальства. У одного нашего знакомого мальчика, когда ему было 15 лет, банда мальчишек хотела отнять велосипед. Он его отстоял, но они его [так] ударили по носу, что нос провалился. Я предпочитаю пропажу велосипеда проваленному носу. Правда, этот провалившийся нос не помешал ему трижды жениться.

Надеюсь, что Вы вылечите Ваше зрение. У меня болели глаза с детства, а затем заболевали вновь, как только делался упадок питания. Ну а после революции это было не раз. Мне необходимо для глаз есть фрукты, главное яблоки, а когда я была девочкой, наши врачи и швейцарские запрещали мне есть фрукты! До чего глупо!

<...> В 1954 году (я ведь получала пенсии тогда всего 210 руб.) я старалась экономить, довела траты на еду до 160 руб. в месяц, ну и сейчас же глаза разболелись. Пришлось лечь в глазное отделение в больницу (это тогда Лена [Игнатович] писала Вике, зачем он меня взял из больницы?, надо было поместить меня в сумасшедший дом).

<...> Да, родственных чувств что-то в нашей семье нет. Ну что Соничкина дочь Наташа не могла сама поехать к своему брату и узнать, почему он не отвечает*? Вы знаете, когда пропал дядя Алеша (Вы должны это знать из моих воспоминаний), никто, ни его отец, ни мать, никто из братьев и сестер не сделал никакой попытки найти его, узнать что с ним. У [тамбовской] Маши (тети Анютиной дочери) во время войны пропали брат и сестра [Михаил и Надежда], и она тоже не сделала никакой попытки их найти.

Вика уже 13-го [июля] возвращается из Чехословакии в Москву, так что когда Вы получите это письмо, он уже будет в Москве. В Чехословакии он опять получил деньги за свои книги, вышедшие там, но я уверена, что ни [лозаннской] Вере, ни [парижской] Любе, которые нуждаются, ничего не послал, а накупил, верно, всякого барахла, как тогда в Италии, раздаст своим друзьям «приживалам».

Я Вам, кажется, писала: Зина при мне рассказывала, что Вика так доволен был, что ему заплатили в Италии только одно издательство, «а то он бы не знал, куда девать деньги». Ну а в Чехословакии его книги печатались бесконечное количество раз. Очевидно, «не знает, куда девать деньги». Он уже два раза говорил с Зиной по телефону. Зина говорит – отлично слышно.

И Вы подумайте, Ульянов нам помогал до 1935 года, и с самого начала революции! Еще перед самой войной он (Ульянов) по просьбе мамы прислал материал из Англии, будто маме на костюм. Мама не решилась написать, что это для Вики! Ему было под 30 лет, и он ничего не делал! Ведь надо же: Ульянов, большой ученый, невероятный труженик, работавший всю свою жизнь, не может [сейчас] концы с концами свести.

А на нашего Вика (по-моему, лодыря) деньги так и сыпятся, и, как говорил один его товарищ, «он не знает, как от них отмахнуться».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 июля 1960 г.

Милая Вера.

<...> Вчера у меня была Зина (неделю не заходила). Они завтра уезжают на Волгу, а оттуда – на Балтийское море под Ригу. В Москве не останутся.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9-13 сентября 1960 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня заходила Зина, но ничего мне [из газет] не принесла. Вика завтра едет в Москву, а оттуда в США. На сколько, Зина не знает или скрывает от меня. Едут с ним несколько украинских писателей, кто – мне это Зина тоже не говорит. Я ее спросила: «Сколько стоит эта поездка?» Зина бросила: «Не знаю». Этот же вопрос задала наша знакомая, и Зина сейчас же ей ответила: «Восемь тысяч». Но, вообще, Зина теперь так все путает, что ничему ей верить нельзя.

* Речь идет о жившей на Дальнем Востоке Наталье Сергеевне Тумановой, урожденной Гардениной, и москвиче Андрее Сергеевиче Гарденине. О тяжелом конфликте между сестрой и братом – см. биографический очерк ««Классонята». Родственники Гарденины».

<...> Письмо Лены [Игнатович] Зине, как всегда, ужасное. Это какая-то сплошная трагедия. По-моему, она не вполне нормальна. Ее тетка по отцу написала маме в 1941 году, что она ее более держать [у себя] не может (мать ее умерла, отец был в ссылке и пропал). Я написала тогда Мише, тети Анютиному сыну, не возьмет ли он ее к себе. Миша был тогда сельским учителем, женат, у него было свое хозяйство, огород, корова. И в деревне легче было жить тогда, чем в городе. Детей у них не было. Миша сейчас же согласился и выслал ей денег через меня на дорогу, но просил, чтоб она проехала через Киев, с ее [другими] тетками не хотел иметь ничего общего. Но тетки ее задержали, и когда она приехала, началась война. Так она застряла у нас.

Этот год немецкой оккупации был самый ужасный в нашей жизни. Вот когда я поняла (раньше об этом не думала), что такое колониализм! Всюду надписи «Nur für Deutsche» [(«Только для немцев»)]. При этом страшный голод, ни отопления, ни света, вообще ужас. Больная мама, Вика где-то на фронте, о нем ничего не знали. Письмо от тебя, где ты сообщила, что он с фронта написал тебе, к сожалению, пришло только после смерти мамы. А она бы так рада была узнать, что Вика жив.

Лена прожила у нас десять месяцев, просто с ума нас свела, но потом немцы забрали ее в Германию. Вернулась она только в 1945-м или 46-м году. За эти десять лет она переменила десятки служб, в десятках городов. Сейчас она шахтерка под Москвой [в Кимовске под Тулой]. Шахтеры у нас, вообще, хорошо зарабатывают, но она почему-то вечно голодает, погибает и пр. Теперь (в последнем письме Зине) ее преследует какой-то сумасшедший начальник, подсылает к ней по ночам убийцу, и она спит с топором под подушкой! Возможно, что все вранье, она уже не раз нам всякую чепуху писала. Однажды мы получили письмо, будто бы от ее рабочкома, «что она на производстве ослепла из-за каких-то газов». Я, было, хотела за ней ехать, привезти эту несчастную, слепую Лену.

Да, «рабочком» требовал, чтобы мы немедленно выслали 700 р. (это ее любимая цифра, всегда ей нужно 700 р., иначе она попадет в тюрьму, продала казенные вещи). Бывший у нас Петя [Пятницкий] написал негодующее письмо от нас директору ее учреждения, что, мол, за наглость, такие условия на производстве, что люди слепнут, а тут еще требуют 700 р.! Но одна Викина приятельница, работавшая в Киеве в газете, предложила письма не посылать, а она позвонит их корреспонденту там. Позвонила. Корреспондент пошел узнать, в чем там дело. Оказалось, все сплошное вранье. А Лена спокойно потом говорила: «Ах, тетя Соня, мне же хотелось купить себе хорошенькое платье».

Одно время она жила в Тамбове у Маши и тут она всех с ума свела. Они не знали, как от нее избавиться, хотя Зина высылала тогда Маше деньги на ее содержание. Тут она прожила месяц или два и опять появилась на нашем горизонте!

Но, все-таки, мне ее очень жаль. Сколько у нее было служб, столько и «мужей». От одного есть уже ребенок шести лет, а сейчас должен еще один родиться. Ужасно! Боюсь, что это, в конце концов, кончится трагически.

Зина и Вика раздают деньги направо и налево. Ваньке [Фищенко] своему Вика сразу 10 000 послал, когда тот завербовался куда-то. Потом устроил его в техникум. Приезжает Лена к Зине года два назад. Вика ее сейчас же выгоняет: «Иди, спи на вокзале и уезжай обратно». Дает денег. А она с больным ребенком, приехала в отпуск к Зине отдохнуть! Через два дня приезжает Ванькин брат, туберкулезный. Деревенский парень, ходил долго на костылях (был свищ). Правда, он не такой пьяница и хулиган, как сам Ванька. И, пожалуйста, живет у Зиной и Вики сколько угодно! Ванькина жена и мать этой жены (деревенские бабы), все у них останавливаются, а Лену Вика велел на порог их дома не пускать.

Зато его паразиты и паразитки разъезжают по всем курортам СССР, а теперь уже на его деньги и за границу ездят! И все – обеспеченные люди, прекрасно зарабатывающие сами. Их приживалка [Нина Аль] – «старший научный работник», зарабатывает больше 1 000 в месяц, но живет почему-то на их счет. Недавно поехала в туристскую поездку в Польшу, ну, а ее приятельница уже едет в Париж, источник денег – тот же, по-моему.

Недавно мне Зина вдруг с важностью говорит: «У Доры Владимировны (их второй приживалки) денег сколько угодно». Я отвечаю: «Тем позорнее, что она живет на ваш счет». Как-то, давно, когда еще были выигрыши (я следила за Зиниными), я ей говорю: «Зина ты выиграла. Может быть, пошлешь что-нибудь Лене?» Зина в ответ: «Даю кому хочу, сколько хочу и когда хочу». Я констатирую: «Ты любишь давать богатым». – «Да, я люблю давать богатым». Я встала и ушла.

У нас есть еще категория лиц привилегированных. Недавно об этом была прекрасная статья Патона-сына. Это, конечно, очень хорошо, что у нас придают столько значения науке. Одно время «научными работниками» люди делались так, по желанию начальства. Теперь иначе: должен сдать [кандидатский] экзамен и написать диссертацию. После этого защита диссертации, и «научный работник» начинает получать 2 000 р. в месяц, хотя бы он уже ни одной работы не писал! Иногда остается на той же работе, где раньше получал 900 р., а теперь защитил диссертацию и 2 000 пожизненно.

Даже такая загадка есть: «Он сидит, она стоит, они идут». Означает: научный работник сидит, работа стоит, а деньги идут. Патон этим законом возмущается, что это за пожизненная рента, и часто, утверждает он, диссертацию принимают из уважения к руководителю, а не к диссертанту. Кроме того, диссертации часто пишутся [другими людьми] на заказ [(за деньги)].

<...> Сейчас [(10 сентября)] звонила Зине. Она говорит, что Вика в Америку не едет. Америка отказалась их принять!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 21 сентября 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Ваше письмо и открытку из больницы получила. Странная у Вас глазная больница, где Вам позволяли и читать, и писать? Когда я была в глазном отделении нашей киевской больницы, нам никому ни читать, ни писать не позволяли. Вы спрашиваете в одном из Ваших писем, почему у меня сделался кератит. Я же Вам писала, что у меня на почве упадка питания возник конъюнктивит, который перешел в кератит. Что это такое: и то, и другое – я не знаю.

<...> На мое предыдущее письмо Вы мне ответили через 40 дней.*

<...> На мою просьбу позвонить в Геологоиздат, отдел сбыта, по-моему, Вы могли тогда же прислать открытку, что вы этого не сделали, не помню по какой причине. Но это не имеет никакого значения, Геологоиздат сейчас же выслал мне одну книгу и адрес Академкниги, куда я сейчас же заказала остальные по списку Ульянова. Все эти книги ему уже отослали, хотя часть опоздала к съезду.

Международный съезд геологов прошел в Копенгагене. Народу наехала тьма. От СССР в списке было 79 геологов, но потом еще приехали. Это очень хорошо, что мы так много своих посылаем на международный конгресс. Ульянов делал три доклада. По-видимому, ценные, на Международный съезд не все же принимаются. Бедный Ульянов, большой ученый, 80 лет – ему эта поездка обошлась очень дорого, он-то ездил на свой счет. Были там интересные экскурсии, но участия в них он принять не мог – дорого.

* Летом 1960-го И.Р. Класон с сыновьями строил погреб под «летним домиком» в Алабушеве.

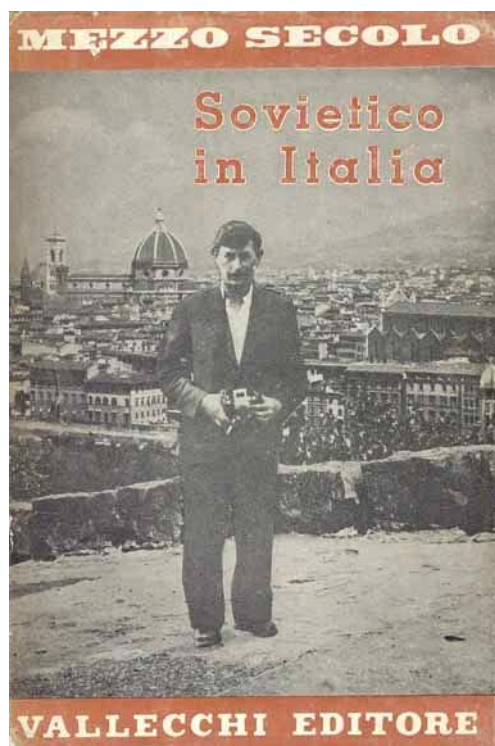
Вы понимаете, как я киплю негодованием на моего племянника, который не хочет им помочь, а швыряется своими деньгами направо и налево! Кому-то 50 000 [руб.] подарил, на счет его живут десятки всяких бездельников. Сейчас сюда приехал его итальянский издатель. Казалось, что могло быть проще сказать ему, чтоб следуемые ему деньги пересылались Вере [в Лозанну]. И чтоб сказал это другим издателям.

Викина книга «В родном городе» вышла в Италии в двух издательствах сразу и моментально же распродалась. Когда Вика был в Италии, одно издательство ему заплатило [(Фельтринелли)], а у другого были плохи дела, и оно ничего не заплатило. Зина при мне это так рассказывала нашим знакомым: «Вика был так рад, что только одно издательство заплатило, а то он не знал бы, куда – девать деньги». Ну так этот не заплативший издатель был теперь в Киеве. На поездку в СССР очевидно у него денег хватает.

Сейчас в Италии вышло Викино «Первое знакомство», но без его картинок, рисунков и фотографий. Называется это «Sovietico in Italia». Зина принесла мне эту книгу, чтоб я для нее перевела предисловие. Я итальянский знаю плохо, перевод идет слабо, кроме того, я сейчас больна lumbago (радикулитом). Первый раз в жизни, на 80-м году [(все-таки болею, а не перевожу)]! Ужасная гадость. <...> Как бы Вы перевели «Sovietico in Italia»? Я перевела – «Советский человек в Италии».*

В Вашей открытке Вы пишете о Войнич. Она со своим мужем, поляком, была у нас в Лозанне, обедала, в 1895 году. Хорошо говорила по-русски, бедно была одета и больше похожа была на русскую курсистку, чем на англичанку. Знаете, в том же 1895 г. у нас был и Ленин. Недавно в какой-то газете я читала, что кресло, на котором сидел Ленин в гостях у кого-то, передано в какой-то музей. Ну так у меня до сих пор сохранилась бархатная скатерть, лежавшая на столе нашей гостиной, когда у нас был Ленин. Сейчас она покрывает подушку на кресле, на котором я сижу, провалившемся.

* Суперобложка книги «Советский человек в Италии», серия «Середина столетия», издательство «Vallecchi Editore», 1960

В те годы в Лозанне, к нам часто приходили какие-то русские просить денег. Узнают на почте адреса русских, ну и ходят по их домам. Когда пришел Ленин, горничная не пустила его, а сказала маме: «Madame, il y a un individu qui vous demande» [(«Мадам, вас спрашивает какой-то тип»)].

Мама вышла к нему, он сказал, что прислан [Р.Э.] Классоном. Они с мамой прошли в гостиную. И тут Ленин удивил маму своей невоспитанностью. Вместо того чтобы вести любезный, остроумный разговор, как Плеханов, Ленин бросился к журналам.

Мама очень любила приезды Плеханова, он был очень воспитан, остроумен, а у мамы бывал, чтоб мама передала в [марксистский] кружок Классона то-то и то-то.

Ну а Ленин увидел на столе у нас несколько №№ французского социалистического журнала и начал их рассматривать и читать, никакого внимания на маму. Из конспирации он назвался Петровым, ну а в дальнейшем разговоре совсем не конспиративно сказал, что он из одного города с нами. Мама начала догадываться: какой это Петров? Мама считала, что всех в Симбирске знает, говорила: «Какой же это Петров? Сын прокурора или еще булочник был Петров?» А Ленин все отвечал: «Этого Петрова вы не знаете».

Мама пригласила его ужинать, тут я его видела впервые. Впечатления он на меня не произвел. Был скорее молчалив. Потом я часто слышала его выступления в Женеве. Ораторским искусством он, по-моему, не отличался. Потом пришел Классон и спросил: «Был у Вас Ульянов?» Мама говорит: «Был Петров». А Классон: «Это он же»...*

26-IX-60 (продолжение). Вы не читали воспоминаний Лепешинского**? Он тоже говорит, что у них, большевиков, хорошего оратора тогда не было. Значит, Ленина таким не считает. Но затем приехал Луначарский, и у них, большевиков в Женеве, появился прекрасный оратор. <...> После революции я видела Ленина только один раз в Народном комиссариате просвещения. Он заехал за Надеждой Константиновной. Произвел на меня впечатление человека невероятно нервного, это было незадолго до покушения на него эс-эрки Каплан, в 1918 году.

В 1919 г. я жила уже в Киеве и собиралась ехать на съезд в Москву, где выступал Ленин. Вещи мои были уложены, командировка в руках, и ехать я должна была с высокопоставленными лицами. Прихожу домой и застаю маму в отчаянии: к нам пришли 6 красноармейцев и потребовали, чтоб все жители нашего дома убирались вон, оставив все свои вещи. Они забирают дом. Куда же нам было всем деться? Я вынуждена была остаться в Киеве, отказалась от командировки и не слышала выступление Ленина. И, оказалось, зря. Дом наш действительно был населен буржуями, главное – евреями, людьми очень сообразительными. Они устроили этим красноармейцам шикарный ужин с шампанским и уговорили этих красноармейцев оставить наш дом, а идти выселять другие дома.

Это мне рассказывал Заславский. Он жил недалеко от нас. Он работал тогда со мной в Библиотечном отделе Коллегии пропаганды и просвещения при губисполкоме. Но через месяц был арестован, кажется как бывший бундовец. Но вскоре был выпущен.*** Это был самый культурный и приятный из моих сослуживцев. Я и теперь с интересом читаю его фельетоны в «Правде», но можно же было так низко пасть и написать такой подлый фельетон, когда Пастернак [в 1958 году] получил Нобелевскую премию!

* Вообще-то В.И. Ульянов-Ленин прибегал к псевдониму «Петров» («Petroff») несколько позже – с сентября 1900-го по октябрь 1901 года. А в 1895-м он применял псевдонимы «Ильин» и «К. Тулин».

** Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1869-1944), член РСДРП с 1898 г., с 1900 г. агент «Искры». Автор воспоминаний «На повороте» (последнее изд. – М., 1955).

*** Давид Иосифович Заславский (1880-1965) до октябрьского переворота 1917-го и сразу после него (например, в газете «Власть народа») «клеветал на большевиков». Его арестовали, но выпустили по ходатайству С.Н. Мотовиловой перед председателем Всеукраинского ЦИК В.П. Затонским.

Вы, надеюсь, знаете, что Пастернак умер в апреле этого года? У меня недавно был знакомый, живущий в Москве, который этого не знал!

<...> Ежегодно я мечтаю, чтоб день моих именин скорее прошел. Но один раз я была обрадована поздравлением. Я послала Пастернаку мою рукопись о Брюсове (которая у Вас была). Хотела, чтоб он мне ее устроил, чтоб напечатали. Он мне прислал очень милое письмо.

Я когда-то работала с ним в Библиотечном отделе в Москве. Но меня он, конечно, забыл, ведь это было в 1918 году, он-то был уже знаменитым писателем. И вот он написал мне: «Я не знаю вашего имени. Вы написали – С.Н. Я предполагаю – София Николаевна, и в таком случае поздравляю Вас с именинами». Забавно? Про мою рукопись написал: «Я считаю, что так и надо писать». Я очень горда. Ведь это отзыв первого поэта в мире, получившего Нобелевскую премию*.

<...> Знаете ли Вы что-нибудь о Лене Игнатович? Зина говорила, что, приехав в Киев, нашла тут 5 или 6 ее писем. Просит денег, без службы, должна родить.

Я просила письма Лены мне принести (Зина обещала), но мой племянник уже окончательно засекретился: не позволяет показывать мне письма его читателей (страшно мне интересные), не дает писем одного его итальянского переводчика [(Витторио Страда)], с которым я сама переписывалась два года. Вика, объявил, что я не должна этому переводчику писать, а то я его – переводчика погублю! Не дает мне письма Ульянова, а я ему свои [(от Ульянова)] показываю.

Вика должен ехать в Америку, все бумаги уже сданы в ВОКС. Это от меня тоже тщательно скрывалось, почему – неизвестно. Просто психопат какой-то! Очевидно, не желает никакого контакта между их домом и мной. Что не мешает ему давать мне для перевода итальянские статьи о нем. Видите, в Италии уже есть отзывы о его книге, а у нас ни слова! Читатели и писатели пишут ему лично, а написать в журнал почему-то боятся. Вы не находите, что это нахальство со стороны итальянцев изменить Викино заглавие и назвать «Sovietico in Italia». Они считают, что интересно не то, что он пишет о них, а то, как он реагирует, но ведь выходит, что это он сам [того не желая] в центр внимания ставит себя!**

1-X-60 (продолжение). <...> Помню, когда я осталась работать с большевиками в [московском] Совете рабочих депутатов, мне говорили, что «ни один порядочный человек мне руки подаст». А потом все эти «порядочные люди» тоже стали с ними работать.

<...> Я Вам писала, что в июне Вика провел две недели в Чехословакии. А вчера я узнала, что Вика едет в Америку как турист, и вся поездка стоит 8 000 [рублей]! А одна моя знакомая уже второй год едет во Францию: Париж, Ривьера и что-то около семи городов – стоит всего 3 500 рублей.

* Награжденного, но не получившего – Пастернак под давлением советских властей вынужден был от Нобелевской премии отказаться!

** Вообще в Италии достаточно критически отнеслись к «Первому знакомству». Доброжелательно, дружелюбно, но критически. Вышла книга там под названием «Sovietico in Italia» («Советский человек в Италии»), что конечно, недостаточно точно передает интонацию русского названия. Прессу имела она немалую — около пятидесяти статей. Основной их тон был таков: «Все очень интересно, и написано легко, и многое точно подмечено, но хотелось бы расширить и разнообразить круг проблем».

Хотелось бы! Ох, как хотелось бы. И хочется. Ведь Италия — страна очень активной, бурной политической жизни. Страна контрастов и противоречий — страна высокой культуры и большого еще процента неграмотных, страна сильнейшей в буржуазном мире компартии и крохотного, но могущественного Ватикана, страна забастовок и американских ракетных баз, страна «Сладкой жизни» и «Рокко и его братьев». — В. Некрасов. «По обе стороны океана»

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 13 октября 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Ну, мои именины [30 сентября, по нов. стилю?], слава богу, прошли. Гостей было очень мало. Угощения от Зины, вместе с Зиной, принес Вика, донес до двери моей комнаты и ко мне не зашел. Что он имеет против меня, не знаю. Видеть меня не может. <...> Когда еще мама была жива, но ей уже было 82 года, Вика уехал почему-то на Дальний Восток.

От знакомых мы узнали, что встретили его – он жалуется: у него слишком много денег, он не знает, куда их девать! Казалось бы просто: прислать бабушке и матери? Нет, он стал содержать во Владивостоке одну знакомую актрису [(Нанину Прахову)], с ребенком от какого-то актера, который ее бросил, и с нянькой для ребенка.* На Новый год он прислал 82-летней бабушке и 57-летней матери дорогое испанское шампанское, по дороге оно разбилось, может быть, от холода лопнуло, получили мы одни осколки бутылки. Все находили: «Ах, как мило, ах, как очаровательно!». Глупее, по-моему, нельзя! Мама ему тогда пишет: «Ты лучше купи нам простынь». Это было в 1937 году [все же Алине Антоновне в этом году исполнилось 80 лет – МК], у нас в Киеве за мануфактурой стояли бесконечные очереди. Вика, обожаемый внук, пишет своей любимой бабушке: «Простынь я купить не могу, для этого надо встать в 10 часов утра!». Как будто бабушка не вставала для него во все часы утра! Простыни, однако, он поручил кому-то купить и прислал.

Очень тяжела у нас была жизнь в эти советские годы. Помню тоже: Вика маленький сидит в столовой в меховой детской шубе перед коптилкой и говорит: «Ты знаешь, я читаю рассказ о собаке, и эта собака в таком [же] положении как мы». – «В каком же положении?» – «Ей нечего есть». Сколько лет мы просидели с этими коптилками, в неотопливаемых комнатах, и когда я [сейчас] вижу, как они (Зина и Вика) швыряются деньгами направо и налево, содержат десятки всяких паразитов, мне просто противно! Ну что хотите, это refrain всех моих писем и разговоров. Зина жаловалась недавно, что у Вики вычли 32000 [руб.] за бездетность. До какого возраста вычитают у мужчин? У женщин до 45 лет, а Вике в июне уже минет 50. Сколько же он теперь, больше полмиллиона, получил? Ведь [налог на] бездетность всего 6%.

* Здесь мы не можем не сослаться на статью Любови Хазан в украинском таблоиде «Бульвар Гордона», где намекается на то, что сын Нанины Праховой Никита – от Виктора Некрасова, и приводится сие фото (bulvar.com.ua/gazeta/archive/s128/_u-znamenitogo-kievskogo-pisatelja-viktora-nekrasova-ofitsialno-schitavshegosja-bezdetnym-byl%C2%A0syn-v%C2%A0avstralii-o%C2%A0chem%C2%A0nekrasov-progovorilsja-v%C2%A0besede-s%C2%A0prijeteljami.html):

Нанина Прахова, Виктор Некрасов, режиссер Александров и актер Лакшин,
Театр Тихоокеанского флота, Владивосток, 1938 год

Вы не написали мне, понравились ли Вам отрывки из Викиной новой повести, бывшей в «Литературной газете»*. Напишите! Теперь мне уже не показывают писем от его читателей, а мне эти письма страшно были бы интересны. Это же без цензуры, без редакторского вмешательства.

А видели ли Вы Викину книгу «Первое знакомство» с его рисунками. Книжка стоит всего 4 рубля. Вероятно, в библиотеке ее можно достать. В предисловии итальянском про нее сказано «это живая, острая и веселая книга».

<...> Напишите, когда день Вашего рождения. У меня в записной книжечке записаны и дни рождения моих знакомых, и я регулярно открытками всех поздравляю, буду и Вас поздравлять. Моего дня рождения никто, кроме Зины, не знает. Последние годы она поздравляет меня стихотворением, обычно на актуальные темы. День моего рождения – 6-го/19-го февраля. Принимаю поздравления предпочтительно в стихах. Думаю, что больше одного дня рождения у меня уже не будет. В 1961 году, 19 февраля, мне минет 80 лет!

Извините, если в каждом письме повторяю одно и то же. Старческий склероз. Я ведь не помню, что раньше писала. Вера моложе меня на 4 года, но и она пишет мне в каждом письме одно и то же. Не любит Швейцарию, любила Петербург и т.д.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21-28 октября 1960 г.

Милая Вера.

<...> Вчера [(24 октября)] были Зинины именины. [После того, как я встретила Зину на улице,] Приходим к ним. Я стою в передней. Выходит Вика, со мной, конечно, не здороваются. Одет он всегда чорт знает как, какая-то клетчатая ковбойка, одна половина [полы] внутри штанов, а другая болтается наружу. Вика тычет Зине на часы: «Мы ждали тебя полчаса и, наконец, сели обедать». Подумаешь, какая беда, если он и их приживалки на полчаса позже пообедают! Пришлось несколько минут посидеть в их передней, пока Зина не нашла письмо Ульянова [ей]. Я вернулась домой. <...> Зинины гости сидели у них [на именинах] до пяти часов утра! Не все, конечно, Маня Липская ушла как обычно раньше. Было их всего двадцать восемь человек, так Зина записала. Но Зина же все путает.

<...> Сейчас у меня новый корреспондент (надолго ли?) – Чуковский. Прочтя его воспоминания о Короленко в «Октябре», я решила послать ему свои воспоминания о Короленко, Толстом и т.п. Он мне сразу же ответил. Я с ним переписывалась в 1931-м году. Оказывается, он все мои письма сохранил и вновь все перечел, получив мое письмо теперь. Пишет, что рад, что наше знакомство через столько лет (через три десятка) возобновляется, и что он может опять переписываться со мной.

* «Литературная газета», 1 октября 1960 г.:

В новой повести Виктора Некрасова рассказывается о наших современниках. Духовный облик советского человека, его нравственный кодекс, труд и поиски художника – вот основные темы произведения. Сегодня мы публикуем первую главу «Кира Георгиевна» из новой повести В. Некрасова.

В публикацию «Литературки» вошли 3 современные главы повести «Кира Георгиевна».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 3 ноября 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> 24 октября были Зинины именины (по старому стилю это 11 октября). Вика за несколько дней перед этим приехал из Москвы. Он ведь все собирался в Америку, США, ну вот их позвали, прочли нравоучения, как там себя держать. Ехать надо из Москвы, он взял билет в Москву, и вдруг сказали, что поездка откладывается. Он решил, что все равно поедет в Москву, где там был и что делал – не знаю. Его одноклассник должен скоро выйти. Деньги за него он уже получил. Прислали сейчас листки для корректуры. Спрашиваю Зину, будут ли в нем обе повести, она не знает. Но, увы, по-видимому, одни рассказы.*

Зинины именины сошли благополучно, гостей было всего 28 человек. Во-первых, отпали Зинины бывшие сослуживцы из поликлиники, во-вторых, Вика часть Зининых старых знакомых своей нелюбезностью отвадил. На следующий день к Зине обычно еще приходят ее бывшие пожилые знакомые. На этот раз их было четверо, два профессора с женами, подходящие друг к другу.

<...> Ну а как Вам понравилось «Открытое письмо Рыльского Паустовскому» в «Литературной газете»? Я возмущена. В прошлом году Рыльский так же обрушился на Вику из-за Викиной справедливой критики на фильм Довженко. Ну, он авторитет, задает тон, а за ним и мелкие собачки начали на Вику лаять. Чем плохо: кого-нибудь обругаешь, и деньги за это получишь. Рыльский вообще талантлив (как он прекрасно перевел «Конька Горбунка» на украинский!) и вообще добродушный человек. Ему будто бы в ЦК [КПСС Украины] сказали: зачем он столько дает рекомендаций [для вступления в партию] малознакомым людям. И он будто ответил: «Я сын либерального помещика и переделать себя не могу». А теперь говорят, ему, верно, велели писать это открытое письмо Паустовскому. Кто велел? Нелепое письмо!**

<...> Да, у меня «событие», доставившее мне колоссальное удовольствие. Я прочла в «Октябре» №9 воспоминания Чуковского о Короленко и там же о Ценском, и мне захотелось послать ему мои воспоминания (Вы их читали). В 1931 году Вика отвез мои воспоминания о Брюсове (Вы их тоже читали). Чуковский прислал мне тогда изумительно хвалебный отзыв и пытался их где-нибудь поместить. У нас завязалась переписка, длившаяся три года. Затем я встретила его на 1-м съезде писателей [в 1934-м] и так его извела просьбами о получении билета, что мы раззнакомились.

* В 1961 г. в Воениздате выйдет одноклассник «Вася Конаков», состоявший из военных рассказов и также эссе «Посвящается Хемингуэю»; в 1962-м – «Избранные произведения» в Гослитиздате, куда кроме военных рассказов вошли повести «В окопах Сталинграда», «В родном городе» и «Первое знакомство».

** Сие письмо было опубликовано 29 октября 1960 г., ответ К.Г. Паустовского – 3 ноября.

Сегодня утром спать было невозможно. А Вы всему виной: открытое письмо Паустовскому произвело такое впечатление на москвичей, что градом сыпались звонки, и различные абоненты вступали со мной в беседы по поводу Вашего письма. Я не слышал ни одного возражения по существу, все признавали правдивость и справедливость Вашего выступления. Только закоренелые поклонники Паустовского и абсолютные филантропы сетовали, что, пожалуй, не стоило трогать его, потому что он старый и больной. Ввиду того, что я тоже старый и больной, могу иметь свое суждение об этом и нахожу Ваше письмо нужным и своевременным. Еще в Переделкине мы с Асмусом возмущались, что он назвал [историка] проф. Гилярова «горячим поклонником немецкой идеалистической философии», тогда как Алексей Никитич ненавидел немецкий идеализм и был истинным платоником. Надо добавить, что К.Г., не задумываясь, утверждает, что Луначарский писал под псевдонимом Ното Novus, тогда как известно, что так подписывался [публицист и мемуарист] А. Кугель. К тому же в понравившейся Вам повести [(опубликованной в 1939 г. Паустовским)] о Шевченко много путаницы и даже провокатор Петров, выдавший кирилло-мефодиевцев, упорно именуется Поповым, что бросает тень на почтенного [литературоведа] Павла Николаевича [Попова]. – Из письма Александра Иосифовича Дейча (Москва) М.Ф. Рыльскому (Киев) от 29 октября 1960 г.

Мой билет был у Федина, и Федин мне все его не давал. Кончилось тем, что ко мне у входа на съезд подошел весь в белом чекист и сказал: «Гражданка, я Вас наблюдаю 3 дня. Если вы сейчас же не уйдете, попадете туда, куда Вы не хотите попасть». Нда. Так охраняли наш съезд. Я написала записку Федину – «Если вы сейчас не вынесете мне мой билет, меня арестуют». Он вылетел как угорелый (тогда это еще был молодой блондин) и дал мне входной билет. А до этого Ценский меня зайцем провел!

На этот раз Чуковский ответил очень любезно (рад де со мной вновь переписываться), и в день получения моего письма. Вновь присланных рукописей он еще не прочел, но перечел мои воспоминания о Брюсове и все мои письма 30 лет тому назад. Видите, сохранил! Опять очень хвалит воспоминания и о Брюсове, и о Черткове. Он знал и того, и другого, говорит, что я их изобразила очень похоже. Он пишет: «Колоритные воспоминания и при том изумительно правдивые».

Ну, я архипольщена. Жду с нетерпением его второго письма. Если похвалит мои воспоминания о Плеханове (довольно дурацкие), pošлю их Вам, только надо дать перепечатать. Там кое-что о [\[П.Э.\]](#) Классоне.

<...> Итак, мой племянник полетит в Америку или уже там. Он вчера говорил с Зиной по телефону (опять он в Москве), что сегодня они должны вылететь из Москвы. Это мне сказала домработница. <...> В Америке, как писателя, его никто не знает.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 октября-4 ноября 1960 г.

Милая Вера.

<...> Вика сегодня [\[\(31 октября\)\]](#) вечером уехал в Москву, откуда будет лететь, как турист, в США. Там он пробудет две недели. Отсюда с ним едут только трое украинских писателей. Дело в том, что сейчас будет Украинская декада в Москве. Туда едут и все писатели и наши театры и всякая крупная самодеятельность. Уехать Вика должен из Москвы. Они летят, кажется, это Зина сказала, но она может все перепутать, всего пять часов до Америки. С ним в Москву едет Зинина вторая приживалка [\[\(Дора Владимировна?\)\]](#), но я боюсь, что едет только за зимней шубой, а когда Вика вернется, он опять ее привезет сюда. Не люблю я этих липучих особ.

<...> Ужасно все Мотовиловы непрактичны. А вот Ваня Классон, по-моему, несколько напоминает свою тетку Кристиани. Помнишь, как мы с мамой ездили к ним на vendange [\[\(сбор винограда\)\]](#), и она заставляла меня лазить на [\[фруктовые\]](#) деревья, чтоб ее муж не упал. Потом обругала меня «дурой», я, кажется, плохо чистила картошку?

<...> Позвонила [\[\(4 ноября\)\]](#) Зине, что слышно о Вике? Их самолет уже приземлился в США. Летели они через Брюссель. На обратном пути проведут два дня в Брюсселе, очевидно, шестнадцатого и семнадцатого, а восемнадцатого он уедет уже в Москву. Вызывает туда Зину, так что Зина поедет в Москву его встречать к восемнадцатому ноября.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 ноября 1960 г.

Милая Вера.

Пишу тебе из потребности человеческого общения. Как странно, что у тебя этой потребности нет. Сегодня – седьмое ноября. Это сорок третья годовщина с октябрьской революции. Ты помнишь количество праздников, которые были прежде? Рождество, Пасха, масленая [\[неделя\]](#), какие-то двенадцатые, еще какие-то мелкие и еще масса царских дней! Ну, а теперь у нас только два [\[великих\]](#) праздника в году, по два дня каждый: седьмого ноября и первого мая. Да еще, кажется, новый год и день [\[сталинской\]](#) конституции. В праздники я всегда сижу одна и особенно чувствую свое одиночество. В праздники ведь люди общаются, сходятся вместе.

<...> Я всю ночь не спала (тоже какая-то старческая ненормальность). Писала Чуковскому. Он очень трогателен, ведь ему, как мне, восемьдесят лет, пытается пристроить в какой-нибудь журнал мои рукописи. Но это, конечно, бесполезно. Спрашивает, чтоб я скорее ответила, согласна ли я дать в сборник «Памяти Короленко» мои воспоминания. Но это, конечно, бесполезно. Ведь я там описываю не столько Короленко, а больше пишу о Кириллове, убившем Филонова после Сорочинской трагедии. Но Кириллов был эсер, ну, а теперь об эсерах надо говорить, что они кулаки, пьяницы, бандиты. Кроме того, он еще и сын попа – совсем уже табу и т.д. Затем надо еще сделать вид, что письмо Короленко к этому террористическому акту никакого отношения не имеет. На суде Кириллов, желая выгородить Короленко, сказал, что он даже письма его не читал! Ну, пусть с моими «мемуарами» Чуковский делает, что хочет.

Должны были быть напечатаны в «Литературном Наследии» мои воспоминания о Черткове и о моей встрече с Толстым. Но толстовцы, Гусев и Гольденвейзер, возмутились, как я изображаю Черткова, обратились в какие-то высшие инстанции, и, будто бы, печатание моих воспоминаний запретили.

А Чуковский пишет, что он знал Черткова и у него такое же впечатление от него, как у меня. Ну, покуда у меня какой-то контакт с миром – кто-то читает мои рукописи. Чуковский пишет, что прочел все мои рукописи: «Все талантливы, все интересны». Ну, я очень горда, все-таки Чуковский – настоящий писатель.

А ты не помнишь, как я пришла довольная, что [осенью 1897 года] встретила Толстого на улице и говорила с ним? У нас была тетя Маня, мама это ей рассказывает, а тетя Маня ей в ответ: «У нас тоже есть сумасшедшенькая на курсах, все ходит к знаменитостям». Этого ты уже, наверное, не помнишь, была маленькая. Когда мне было восемь лет, а Наде [Пятницкой] – десять, мы обе были влюблены в Борьку Витмера. К Наде он был благосклонен, а меня дразнил. Сам-то он был слегка влюблен в тетю Соню. Но они с дядей Пашей все время проводили с нами, детьми (играли в крокет).

Помню, вечер, до ужина. Ужин в Богурне бывал ведь в девять часов, а после него мы все шли спать. Сидим мы все на лестнице на балкон к избе. Изба стояла не в «господском» дворе, а недалеко от «застольной», где ели «люди». Дядя Паша, Борька, дети Пятницкие и мы с Зиной. Тебя не помню. Зина и Надя просят Борьку, чтоб он прислал им свои карточки. Он отвечает: «Наде и Зине я пришлю, а Соне не пришлю». Дурак тоже – ему двадцать один год, а мне восемь! Ну, такого оскорбления я, конечно, терпеть не могла. Бросаюсь на балкон, в комнатах полумрак. Встречает меня тетя Маня (ей было лет семнадцать) и грубо спрашивает: «Чего ты, Соня, реवेशь?» А я среди рыданий отвечаю: «Я не знаю, что мне делать от любви к Борьке!» У тети Мани брезгливая гримаса: «Какая пошлость!»

Я долгие годы не могла понять, причем тут «пошлость». Ну, а потом поняла. В 1923 году тетя Вера, жившая у нас в Киеве, вспоминала, как они в Петербурге катались на коньках с Борисом Александровичем [Витмером], и тетя Маня была влюблена в Борьку. Ну, конечно, им было обидно, что Борис Александрович на них [в Бугурне] никакого внимания не обращал, а все время играл в крокет или гулял с нами, детьми.

А ты помнишь, как нас подло обманула Люба Пятницкая? Она была маленькая, и Борька ее всегда подкидывал над своей головой. Мы просили ее взять с его головы (Бориса Александровича) волосы нам на память. В один прекрасный день она дала нам какие-то выющиеся волосы, я сейчас же их вложила в медальон. Он висел у меня на шее рядом с крестом, и в нем были фотографии мамы и папы, туда же я вложила и Борькины волосы. Надя тоже носила их в чем-то на шее. И вдруг через несколько дней Люба нам со смехом говорит, что это вовсе не Борькины волосы, а она просто отрезала клочок шерсти у собаки Шмарганки.

Господь-то и наказал Любу за это издевательство над нами: у нее в жизни были три несчастные любви. Ну, а для меня моя любовь к Борьке в восемь лет подействовала очень хорошо, как прививка: больше никого, никогда я уже не любила.

<...> Зина принесла письмо Веры Ивановны Билибиной. Я уже тебе писала, что Вера Ивановна и Ульянов, по-моему, самые культурные Викины читатели. Она пишет, что перечла Викино «Первое знакомство» и «доминирующее впечатление – грация!» А в итальянском переводе в предисловии пишут: «книга живая, острая и веселая».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 14 декабря 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> А на Зину я злюсь, что она была 2 недели в Москве и не могла даже Вам позвонить. Но я вообще избегаю с ней всяких разговоров, потому что это связано с криками, ссорами и [другими] неприятностями. А теперь у нее еще новое: когда я ей звоню, не дослушав, что я ей говорю, она вешает трубку! Останавливались они у Лунгиных, как всегда, но у тех прибавление семейства, и они боялись, очевидно, кого-либо [еще] приглашать к себе. Да это вышло и лучше, так Вы все равно это время были заняты своей работой, но по телефону-то могли с Зиной поговорить! Ездил она в Москву встречать Вику, он ездил, как турист, на 2 недели в Америку, т.е. в США. Ехало их 25 человек смешанной публики. Где они были – не знаю. Что они там видели – не знаю. Кроме того, что он там был у одной нашей знакомой, ее увезли немцы после войны. Одно из несчастных перемещенных лиц. Живет в Нью-Йорке, прекрасная у нее квартира, зарабатывает 900 долларов в месяц, на наши деньги это 9 000. Но теперь Зина от Вики непременно хочет, чтоб она вернулась. Муж ее (бывший на войне) уже женился, новая жена его к старой ревнует, у них уже взрослая дочь. Сын ее тоже женат, ему уже 32 года, и у него ребенок. Очевидно, сын хочет, чтоб она приехала сюда, обслуживать его. Ведь матери теперь почти все превратились в домработниц, прачек при своих детях.*

Перед этим Зина очень настаивала, чтоб один сын наших знакомых, который отлично живет в Чехословакии, получает там пенсию, переехал жить в Киев. Он и так прожил тут больше полугода у своей тети. Ей 86 лет, она сдает угол в своей комнате, живет консерваторией, у нее уроки музыки, приходит много учеников, кроме этого у нее 5 кошек, и все это в одной комнате, и тут еще обслуживай себя, 5 кошек и племянника! Зина негодовала: «Ты подумай! Маня [Липская?] его все время гонит в Чехословакию!». Тогда Зина предложила ему жить у них! У них 2 комнаты (одна проходная), 2 приживалки, бывший милиционер [Вася], правда, уже не спит, но приходит 3 раза в день завтракать, обедать и ужинать, и спит иногда днем на кухне!

* В Нью-Йорке я встретился с женщиной, с которой когда-то был знаком. Последний раз мы виделись за несколько лет до войны, в 1938 или 1939 году. Во время войны вместе с десятилетним сыном она пережила оккупацию. Муж был на фронте. Отступая, немцы угоняли местное население. Ее с сыном тоже загнали в эшелон. Где-то их разбомбили. Потеряли друг друга. Сын сложными путями пробрался домой. Мать исчезла. И вот мы встретились с ней в Нью-Йорке. Оба не очень помолодели за эти годы и все же узнали друг друга. Мы сидели в Централ-парке. Она рассказывала о своих мытарствах. Почему она не вернулась домой? На этот вопрос всегда трудно ответить. Побоялась. Тогда, после войны, столько всякого говорили. Освободили ее американцы, вот и попала в Америку. О близких ничего не знала. Писала. Никто не ответил. Вероятно, уже другой адрес. Она работает. Неплохо зарабатывает. И друзья здесь есть. Но она хочет домой. У нее там сын, внучка. Может, она им будет не в тягость. Будет нянчить внучку. Я был у нее дома. На стенке фотография сына – совсем еще мальчик, а сейчас уже тридцать лет, – виды Киева, Владимирская горка, Днепр, все это вырезано из американских украинских журналов. Угостила меня борщом, настоящим украинским борщом. Мы прощались в небольшом кафе в центре Нью-Йорка. – По обе стороны океана

Почему-то администраторы сайта «Памяти Виктора Некрасова» не потрудились идентифицировать сию эмигрантку из Киева (?!). Как и киевского педагога Марию Липскую, знакомую З.Н. Некрасовой (?!).

Но к счастью этот «тип» уехал. Это сын известного адвоката Григоровича-Барского, помните, он защищал Бейлиса во время этого знаменитого процесса? * Ну, а это его младший сын, отличный музыкант, но в Чехословакии был танцором в балете, а теперь стал стар. Викины товарищи говорили, что найдут ему в Киеве сколько угодно работы в кружках самодеятельности. Но, слава богу, он уехал, и после отъезда ни слова не написал ни своей тетке, ни Зине, которая так о нем хлопотала.

Еще у них есть знакомая [Нанина Прахова], тоже вывезенная немцами, живет в Австралии, и тоже они ее уговаривают вернуться к нам. А теперь у Зины новое волнение: вдова писателя Бунина! Их какая-то знакомая была в туристической поездке в Париж, заходила к этой вдове. У нас ведь, Вы знаете, теперь Бунин *bien vu* [(на хорошем счету)]. Он будто бы перед войной просил Алексея Толстого переговорить со Сталиным, чтоб ему (Бунину) вернуться к нам. Нда. Я его не люблю. Талантлив, но сух.

Вы знаете, что он когда-то получил Нобелевскую премию, ну и обеспечил бы свою жену. Нет, он всю премию раздал бедным эмигрантам. Надо, по-моему, думать раньше все-таки о своих близких, а потом уже раздавать деньги направо и налево.

Получает она [(Вера Николаевна Бунина)] теперь 1 000 франков пенсии, а за квартиру (очень хорошую) платит 700 франков! По-моему, брось свою квартиру и переезжай в комнату или пансион.

<...> Вика засекречен от меня. Да, он получил орден: Знак почета. ** По-моему это наглость, гораздо менее талантливые писатели получили и орден Ленина, и Красного трудового знамени, а он и Первомайский, оба лауреаты [Сталинской премии], получили «Знак почета»! Зина наивно говорит: «За что же он получил? Ведь он же на декаде не был?». Точно ордена получают не за продукцию последних 10-ти лет, а за выступление на декаде! Еще есть такой прекрасный дирижер, наш киевский, Рахлин, его уже забрала у нас Москва – тоже Знак почета! И Первомайский, и Рахлин евреи, а в Союзе украинских писателей и Вику считают евреем! Отвратителен этот антисемитизм у нас.

<...> Относительно Яснопольской. Вы знаете, что она замужем за сыном [Сергеем академика] Леонида Николаевича 2-й генерации. *** Сперва Яснопольский жил у Коробки и был женат на сестре Коробки [Екатерине Петровне]. От нее у него трое детей.

Старший сын, Сережа, одно время увлекался православной церковью и даже помогал при службе одному популярному священнику Жураковскому. За что был сослан на [Беломорско-Балтийский] канал! Как Яснопольский его вызволил оттуда, не знаю. Я его видела, когда он был аспирантом, очень красив и немного похож на Коробку. Сейчас он профессор математики в одном из московских институтов. ****

* Менахема Бейлиса защищал в 1913 г., в т.ч., киевский адвокат Дмитрий Николаевич Григорович-Барский, с 1922-го – в эмиграции. Его сын Дмитрий был балетмейстером Театра оперы и балета в Праге.

** Был награжден 24 ноября 1960 года

*** На самом деле, [Татьяна Леонидовна] Яснопольская – «единокровная сестра» Сергея Яснопольского, из «второй генерации» (см. ниже).

**** Жураковский Анатолий Евгеньевич (1897-1937) – священник Русской православной церкви. Создал в Киеве православную общину, участники которой занимались благотворительностью, распространяли православную литературу, собирали материалы о преследовании верующих. В 1923 г. был выслан в Краснококшайск, где был арестован и провел 3 месяца в тюрьме. В 1924-м вернулся в Киев, в 1930-м был вновь арестован, этапирован в Москву и в 1931 г. был приговорен к расстрелу с заменой приговора на 10 лет лишения свободы. Отбывал срок в Свирских лагерях, на Соловках и Беломорско-Балтийском канале. В 1937-м был арестован, когда находился на трудовом поселении в Медвежьегорском районе Карелии, приговорен «тройкой» НКВД КАССР к расстрелу. 3 декабря был расстрелян на станции Медвежья гора (Сандармох).

Все трое детей первой генерации очень красивы, одна замужем за каким-то очень известным академиком физики, у другой первый муж погиб на Кавказе, и уже пятидесяти лет от роду она вновь вышла замуж за человека моложе себя. Это мне рассказывала сестра ее бывшего мужа. Ну а 2-ю генерацию, от второй жены, я уже совсем не знаю. Тут еще были ее дети, от первого мужа, и затем третьи от него самого. Одним словом: мои, твои и наши.*

<...> Что же Вы мне не написали дня Вашего рождения, чтоб я могла Вас поздравить? Надеюсь, что и Вы мне пришлете поздравление ко дню моего 80-летия – 19 февраля. А сейчас сяду писать поздравительное письмо Маше (тети Анютиной дочери). 20 декабря ей минет 63 года. Слава богу, ее дети уже устроены, ее сын демобилизовался и живет под Москвой, а то был на Дальнем Востоке.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13-16 декабря 1960 г.

Милая Вера.

Это уже тридцать третье письмо тебе в этом году! А от тебя за весь год было три! Будем надеяться, что на будущий год раскачаешься и будешь чаще мне писать.

<...> Эти дни Зина наслаждалась. В субботу гуляла со своей старой приживалкой [Дорой Владимировной], и затем они катались взад и вперед в метро. Вот уж не понимаю этого удовольствия! Шестьдесят лет тому назад, когда я жила в Лондоне, там уже было метро. Называлось *under ground*, а в просторечии «Two penny tube» [(«двухпенсовая труба»)]. Ты, верно, пользовалась им, когда жила у Гефтер в Лондоне? Для такого большого города как Лондон этот способ сообщения, конечно, необходим, но, по-моему, самый неприятный.

Окончание примечания

Яснопольский Сергей Леонидович (1904–1983). Родился в Киеве, где окончил Университет. Математик, преподаватель. Окончил у о. Анатолия Жураковского. С 1928 г. жил в Ленинграде, был прихожанином собора Воскресения Христова (Спаса-на-Крови). В 1931-м был арестован по делу «антисоветского монархического центра Истинно-православная церковь», приговорен к 3 годам лагерей, отбывал срок в Соловецком лагере и на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1942 г. [(в 1944-м?)] смог поселиться в Москве на квартире проф. А.Ф. Лосева (по протекции отца – академика АН УССР Л.Н. Яснопольского), вместе с женой Валентиной Николаевной Ждан (1904-1998) были знакомы еще по молодежной общине о. Анатолия Жураковского, через какое-то время стал заведовать кафедрой в Институте стали и сплавов.

Из обвинительного заключения по следственному делу №2200 «О контрреволюционной монархической церковной организации «Истинно-православных» (Церковно-административный центр)» (Ленинград, май 1931 г.): «На основании изложенного выше материала обвиняются <...> 27. Ждан Валентина Николаевна, 28. Яснопольский Сергей Леонидович в том, что состояли членами к.-р. монархической церковной организации «Истинных» и, будучи непосредственно связанными как с политическим, так и церковно-административным центрами, занимались вербовкой реакционного духовенства и погромно-черносотенного монархического элемента, вовлекая их в члены названной организации. <...> Под видом защиты истинного православия и прикрываясь внешней приверженностью к Соввласти, вели монархическую агитацию, преимущественно среди неустойчивой интеллигенции, предсказывая неминуемую гибель Советского строя». – легко находится в Интернете

* Замужем за академиком физики Вадимом Евгеньевичем Лашкаревым (1903-1974) была Наталья Леонидовна, из «первой генерации».

На Кавказе погиб Николай Букреев, первый муж Анны Леонидовны (из «первой генерации»).

Итак, у академика Л.Н. Яснопольского от первого брака (с Екатериной Петровной Коробко) появилось трое детей: Анна, Сергей и Наталья. От второго брака (с Анной Митрофановной Пиневиц) было так же трое детей: Татьяна, Николай и Вера.

А у нас с этим метро почему-то ужасно носятся. Разукрашивают его мраморными статуями. Несколько станций метро в Москве оформил Гомочка Мотовилов. Ну, к чему? Т.е. он-то хорошо заработал, но к чему все эти украшения, когда самого необходимого у нас часто нет? Вот у нас в доме уже второй год вода приходит только ночью. И с двух ночи и до шести утра я все хожу смотреть, пришла ли вода. После шести, набрав воды или не набрав, засыпаю.

В воскресенье Зина опять наслаждалась. Гуляла по паркам и «каталась в метро» со своей первой приживалкой (ей уже сорок лет). Зина их обеих обожает, и, очевидно, они ей нужны, а то бы с кем ей было ходить гулять, в кино, концерты. Я спрашиваю: «А где же Вика был?» – «Не знаю!» Он так засекречен от меня, что про него ни слова мне не говорится. Спрашиваю: «Выходит его одноклассник?» – «Не знаю». По-моему, не только от меня Вика все скрывает, но и Зине тоже много не говорит.

<...> Объясню тебе, для чего я «возобновила» мое знакомство с восьмидесятилетним Алексеевым [(живущим в Москве)]*. Меня страшно мучит, что мы не можем тебе послать денег. Все эти дурацкие правила, что высылать деньги из одной страны в другую нельзя, что даже туристам дают очень ограниченные суммы и т.п., я знаю. Но должен же быть какой-то выход из этого положения? Одно время выезд за границу был, кажется, запрещен, но мама побывала у тебя и в 1923 году, и в 1928-м году. Бывают исключения из правил.

Ну вот, по поводу этого я и написала Алексееву. Видишь, я верю только старым большевикам, а он большевик с 1903 года, 2-го съезда партии. Хорошо был знаком с Лениным, работал в Лондоне с Крупской, вообще порядочный и, хотя Сергей Васильевич [Андропов] и [прежний лозаннский знакомый, живший потом в Москве, Алексей Михайлович] Воден передавали мне (зачем?) его нелестные отзывы обо мне, я все-таки написала ему.

Но, увы, он ответил все то же, что я знаю и без него. Что денег, де, ни в коем случае пересылать нельзя, что у нас нет конвенции насчет оплаты переводов [литературных произведений], и мы не платим, и нам имеют право не платить, и поэтому, как предлагал Ваня Классон, написать в издательство, где выходят Викины переводы, чтоб посылали деньги тебе, Вика не имеет никакого права. Нда! Точно я и без него все это не знаю! Мне ведь надо какое-то не официальное, а человеческое решение. Вы нам помогали все годы нашей нужды, а мы ничего сделать не можем, когда ты больна!

<...> Вчера [(15 декабря)] получила длинное письмо от Вани Классона. Не писал так долго, так как у него была срочная работа по реферированию одной книги, т.е. аннотация к ней и рефераты отдельных статей. Он пенсионер как и Ульянов, но пенсия выдается на одного человека, а у него жена и двое детей, двенадцати и шестнадцати лет, приходится подрабатывать.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 декабря 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Вы мне любезно предложили перепечатать в двух экземплярах мои воспоминания коротенькие, всего 12 стр. Так я решила, может быть заодно, Вы еще перепечатаете мне мои воспоминания о Танееве и Покровском, всего 30 стр.? Ведь мои воспоминания о Плеханове могли быть в 30 страниц?

Ваше письмо я, как всегда, как письма Любы Пятницкой, дочери тети Веры, жены Петра Пятницкого, отправила Маше (тети Анютиной дочери) в Тамбов.

* Речь здесь и ниже идет о Николае Александровиче Алексееве, 1873 г. рожд., члене РСДРП еще с 1897 г.

<...> Меня, было, совсем окрылили письма Чуковского. Писал, что рад возобновить со мной переписку. О моих воспоминаниях о Черткове [он] писал: «Это дьявольски хорошо! Так богато красками, мыслями, характерными чертами эпохи, так умно и талантливо». Это он мне [написал] 18-X, а последнее его письмо я получила 6-XI – «Прочитал все Ваши рукописи, все талантливы и интересны. Особенно хороши они будут в книге, так как все они перекликаются между собой и дополняют друг друга». Рассказывает дальше, где он был и куда пытался поместить мои рукописи. Но из этого ничего не вышло. Но это очень любезно, ведь все-таки он 80-летний старик, как и я. Или он, кажется, на год моложе.*

Послала ему письмо, написала – пусть он делает с моими рукописями, что хочет. Хотя мало вероятий, что мои воспоминания о Короленко поместят. И вдруг Чуковский смолк. Сперва я думала, что [он] занят украинской декадой, потом была какая-то сессия детской литературы (видели его портрет в «Литературной газете»?). Но уже прошло полтора месяца, а от него ни слова!

Читали ли Вы протестующую статью его сына Николая по поводу экранизации его фильма Венгеровым? Это тот тип, который не только был постановщиком Викиного фильма «В родном городе», но и его «соавтор».** Значит, получил и как соавтор, и как постановщик. Вика отказался ставить фильм весь переделанный, но предоставил это Венгерову. Тот нуждался, мол, в деньгах. Вместо 2-й части Викиной повести написал [в сценарии] какую-то чепуху, отсебятину. Даже за границей его теперь не показывают. После этого Николай Чуковский дает этому же Венгерову ставить свое «Балтийское небо». Ну и вот результат! Он хоть протестует, а Вика молчал.

<...> Благодарю за фотографии, лица Ваших мальчиков [Андрюши и Миши] вышли слишком темными, а Сониная дочь [Наташа] и внучка [Лёка] вышли хорошо. На Мотовиловых они не похожи, а на М-те Кристиани, пожалуй, да. Но Вы же знаете, я ее очень не люблю.

Я Вам рассказывала, как она нас угощала уткой? Мы приехали с мамой в Женеву, на Пасху и хотели пойти к заутрене. Это было в 1895 году. Зашли к Кристиани. Она стала с гордостью рассказывать, как хороши их материальные дела, и то-то у них есть, и то-то они купили, и вот на завтра у них будет утка. Позвали кухарку и показали нам утку. Мама из любезности выражала им полное сочувствие. Узнав, что мы остаемся на следующий день в Женеве, они переглянулись, слегка опечалились и пригласили нас к обеду. Тут же она позвала прислугу, велела ей купить мяса. «А утка, – сказала, – будет в другой раз». Но я Вам, кажется, уже об этом писала? А он [(проф. Кристиани)] был тих и молчалив.

Вы были у старшего сына Яснопольских [Сергея]. Я помню, когда он родился в 1904 году, помню, как [до этого] Леонид Николаевич ехал на извозчике со своей женой, тогда беременной. Мы ехали с мамой в противоположную сторону по Невскому, и Л.Н. повернулся к нам и кричал, чтоб мы непременно приходили к ним в гости. Я удивилась его необычайной любезности ко мне.

О его существовании я узнала так. Один мой знакомый социал-демократ, впоследствии большевик сидел в Петропавловской крепости. Ногин посоветовал мне назваться его невестой и получить свидание с ним. Это Андропов, который так часто фигурирует в моих воспоминаниях. Я была близка с ним с 1900 до 1914 года.*** Он был в меня влюблен, а я его считала хорошим, делала для него все, что могла, но его ни капельки не любила. Это был, как я потом узнала, друг Л.Н. Яснопольского по университету, и очевидно в честь его Сергеем назван его старший сын.

* К.И. Чуковский (Николай Васильевич Корнейчуков) родился в 1882-м, а С.Н. Мотовилова – в 1881 году.

** «В родном городе» – это литературная основа, а сам фильм вышел под названием «Город зажигает огни».

*** Раньше в понятие «была близка» вкладывали отнюдь не сексуальный смысл!

Когда я пришла в первый раз на свидание с Андроповым в жандармском [отделении] (туда привозили его на допросы из Петропавловской крепости и давали мне свидание), Андропова в первый раз жандармский офицер спросил, что его хочет видеть его невеста, как ее фамилия? Он сказал, что не знает, но просит ему подсказать первую букву. Когда ему сказали «М», он так просиял, что уже сомнений не было. Когда я вошла, и он, и жандарм хохотали: «Фиктивная невеста». И вот однажды я ждала свидания, офицер обходил всех, и одна девушка сказала, что она невеста Андропова и хотела бы иметь с ним свидание. Ей сказали, что невеста уже ходит. Я подошла к ней и узнала, что с Андроповым они не знакомы, но ее прислал Яснопольский, который боялся, что никто не посещает его друга в крепости.

В тот же вечер к нам пришел Коробко. На нем была какая-то странная круглая шапка, и мы с мамой его не узнали. Он хохотал и уверял, что мы ужасно его испугались, так как приняли его за шпиона. Тут я впервые узнала, кто Яснопольский. Он был кадет, [а] Андропов – большевик.

Когда Сергей Васильевич заходил к Яснопольскому (до революции), и у того были гости кадеты, Леонид Николаевич говорил: «это большевик, но симпатичный». Последнее время его сын Сергей не жил с отцом, а жил отдельно. Мне Л.Н. как-то незадолго до смерти сказал, что из всех своих детей он больше всех уважает Сергея. Это он, Сергей, увлекался Журавовским и был сослан на [Беломорско-Балтийский] канал. Когда [Р.Э.] Классон принял его за Л.Н.? Он был выше ростом, очень красив и скорее похож на Коробку.

Я сейчас агонизирую: надо пойти купить что-то моему котенку. Мясо исчезло, молоко исчезло, масла нет, всюду огромные очереди.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 28 декабря 1960 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> По поводу моих рукописей. Одна писательница мне рассказывала, что Вересаев говорил: теперь писатели пишут в 2 этапа. Один этап для напечатания теперь, а другой для будущего. Мои все относятся ко второму этапу. Рукописи Вересаева передали в Литературный музей. Когда они [(мои рукописи)] будут напечатаны, меня уже не будет на свете, а вы, может быть, еще прочтете. Вы читали Вересаева «В тупике» и «Сестры»? Теперь их не переиздают и даже в библиотеке не выдают. Если где достанете, прочтите.*

В 1923 году еще мало выходило книг, я приехала с дачи, купила себе «В тупике» Вересаева и была так потрясена, так моя «мнema», как это называет Рубакин**, была близка вересаевской, что я прямо задыхалась от восторга. У меня был шестинедельный отпуск по болезни глаза, это было очень удачно. Мама гостила это лето у Веры в Швейцарии, и я могла жить с Викой на даче. Но когда я прочла «В тупике», произошло чудо. Мой глаз совершенно выздоровел за два дня. Это показывает, как моральное состояние влияет на здоровье. Я жалею, что не рассказала это Вересаеву, когда видела его в последний раз.

* Роман «В тупике» (о гражданской войне в Крыму) был напечатан в 1923 г., роман «Сестры» (с существенной цензурной правкой) – в 1933-м, переиздан лишь в 1990-м.

На сайте «Памяти Виктора Некрасова» можно прочесть неопубликованные вещи С.Н. Мотовиловой (www.nekrassov-viktor.com/Motovilova-Sofia.aspx):

«Предсмертное письмо»; повесть «Тина»; а также искореженное «Новым миром» «Минувшее».

Исходник «Минувшего», не подвергшийся цензуре, см. (www.famhist.ru/famhist/klason/snm-proza.pdf).

** Рубакин Николай Александрович (1862-1946), русский книговед, библиограф и писатель, с 1907 г. жил в Швейцарии, с 1930 г. получал пенсию от правительства СССР, в 1948-м был перезахоронен в Москве. Софья Николаевна стала переписываться с ним с мая 1922 года (см. Приложение «Литературные труды С.Н. Мотовиловой»).

Кстати, мне кажется, что Вересаев прочел мой (конечно, весьма не полноценный) рассказ, был в ЛИТО. Его герой «В тупике» называется Леонид, как и мой, и еще приведены две фамилии из моего рассказа.*

Вы знаете, что Гончаров ненавидел Тургенева? Он читал свой рассказ ему, то есть отрывок из еще не оконченного «Обрыва», и тогда у Гончарова героиня называлась Лиза. После этого вышло «Дворянское гнездо» Тургенева. Гончаров обвинил Тургенева в плагиате. Был третейский суд, но Тургенева оправдали. Я очень люблю Тургенева, а мой племянник не может его читать. Он знает из него лишь то, что проходили в школе. Как-то, уже после войны, он взял у меня книгу Тургенева. Я обрадовалась: «наконец-то!». Через полчаса заглядываю в его комнату. Мирно спит, а книга Тургенева валяется рядом.

Салтыкова, кроме «Братьев Головлевых»**, он [(племянник)] вообще ничего не читал, и даже в библиотеку себе ничего не купил, сказал «Мы же с тобой, мама, читать его не будем!». Не думайте, что он составляет исключение, точно так же не образованы почти все наши теперешние писатели. Иностранной литературы он совсем не знает, об истории, по-моему, понятия не имеет. Она ведь у нас была упразднена, когда он учился.

Ну, видите, я опять съехала на мою излюбленную тему, мою «зияющую рану», на моего племянника. На днях они с Зиной были в гостях у замминистра иностранных дел [Украинской ССР? – МК]. Он вернулся из Парижа, а Вика вернулся из США, делились впечатлениями. Министр показывал привезенные им вещи. Вы не находите, que se serait le moment [(что это был бы момент)] спросить его, как бы можно было бы пересылать Вере деньги? Но, по-моему, они просто этого не хотят.

Точно так же не хотят помогать несчастной Лене [Игнатович]. А ведь сколько людей живет на их счет! Ради бога, напишите мне, что вы знаете о Лене? Зина сказала: «Ах, я забыла принести тебе Ленино письмо. Она в больнице». Что, родит? Пишет, чтоб Зина не присылала ей денег, а послала в Тамбов «тете Маше», которой она отдаст своего ребенка. Которого? Зина вчера была у меня, письмо [опять] забыла принести и брезгливо говорит: «Могу тебе целых два принести». Никакого сочувствия к бедной Лене.

А бедная Машенька будет в ужасе. Она вспомнить не может тех двух месяцев, которые Лена прожила у них. Службы она не искала, ничего не делала, а лежала и читала, и ругала, какое у них все невкусное. Мы [с Зиной] все время посылали на Лену деньги и уже после ее отъезда послали еще 500 руб. Но где гарантия, что Зина будет и сейчас посылать? Тогда ведь я за этим следила [когда Софья Николаевна и Зинаида Николаевна жили вместе – МК]. Ваши письма я пересылала только Маше [Володиной] в Тамбов. С родственниками Пети Пятницкого я не переписываюсь, а письма Зине его жены посылаю Любе в Париж.

<...> О моих других рукописях, «Чертков» и прочих. Ведь мы с Вами, помните, условились, что Вы мне их достанете у сына Яснопольского, который жил со своим отцом. Возможно, что они уже их выкинули, а если не выкинули, пусть отдадут Вам, а Вы верните мне. Видите, я послала Яснопольскому, думала – прочтет и вернет, как я Вам книги посылала. Ну, а он не вернул <...>.

* Скорее всего, С.Н. Мотовилова имеет в виду «Издательство литературного отдела Наркомпроса» (руководитель П.И. Лебедев-Полянский), в литературно-художественную комиссию которого входил и Вересаев. В конце 1919 г. ЛИТО был упразднен в связи с организацией при Наркомпросе Госиздата РСФСР. Но сохранились ли в полном объеме архивы этого самого ЛИТО, неизвестно. Вроде бы имеется в ГАРФе фонд Р395. Еще представлен Литературный отдел Минпроса РСФСР, 1917-1923 г., по следующей ссылке (opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=5&node=671&cf=1129147&co=909211&fond=119&opis=1434).

** Ошибка старческой памяти Софьи Николаевны: М.Е. Салтыков-Щедрин написал «Господ Головлевых», а Ф.М. Достоевский – «Братьев Карамазовых».

Хочу с Вами поделиться тем, что меня очень поразило. Зина принесла мне путеводитель по Вашингтону. Изящные цветные картинки или фотографии. Город очевидно красивый, здания, как я люблю, одно- и двухэтажные. И вдруг я вижу картину Рафаэля. Где я ее видела, не помню, но очевидно в Европе. Я ведь дальше не ездила. Читаю подпись, и оказывается: это один из шедевров, которые американцы купили у нас в Эрмитаже! Они купили двадцать одну из лучших картин! Вы поняли этот ужас?

Вероятно, это было в начале революции. Правительству понадобилась валюта, и вот, продали двадцать одну из лучших картин! Когда мама была за границей в 1923 году, все там были в ужасе. Россия распродается...*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 4 января 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сейчас получила Ваше письмо и очень ему обрадовалась, как радуюсь всем получаемым мною письмам. Это же мое главное развлечение и почти единственное общение с миром живых людей. Хоть и живу в квартире, где раньше было 23 жителя (трое уже получили квартиры) и теперь осталось только 18. Я готовлю у себя на плитке и стараюсь из комнаты не выходить, за водой (вода приходит только ночью и утром) хожу в 2 часа ночи, когда никого нет.

<...> В этот месяц [(декабрь 1960-го)] Зина была в Киеве, была у меня 15 раз (заходит ко мне минут на 20, а то и меньше).

<...> Мясо у нас исчезло [в государственных магазинах, на колхозных рынках было, но дороже – МК], молоко и масло тоже. Всюду очереди. Я же стоять не могу. Знаете, а [академик Л.Н.] Яснопольский на 7 лет был старше меня, а отлично мог стоять, даже не прислоняясь. Очень, очень хороший был человек Яснопольский: добрый, отзывчивый! Меня он не любил, прежде и я его тоже. Я любила героев, а он был кадет.

Когда к нему заходил (до 1914 г.) мой друг Андропов, он представлял его своим кадетам так: «Это большевик, но симпатичный». А мне он передавал привет так: «Передайте С.Н. привет постольку, поскольку она поедет к Сергею Васильевичу [Андропову] в ссылку». С.В. был тогда сослан, уже не в Сибирь и не на 30 лет, как в 1904 г., а всего на два года в Усть-Сысольск.** Я два года летом ездила к нему туда.

Мне так «не повезло». В те же годы в Сольвычегодске жил в ссылке Сталин. Сольвычегодск это, по-моему, предыдущая остановка парохода перед Усть-Сысольским. Большевиков было очень мало, и, живи я в одном городе, была бы хорошо знакома со Сталиным. Также мне «не повезло» и с Лениным. Он приехал в Лондон на год позже меня. Я провела в Лондоне год: 1900 – 1901 (уехала летом), а Ленин приехал туда осенью 1901-го. А то бы тоже хорошо была знакома с ним.

* Сия вакханалия большевиков по распродаже художественных шедевров началась все же несколько позже – в 1929 г., см. например, «Картины, проданные Эрмитажем в тридцатых годах»

(retro-piter.livejournal.com/161526.html).

Хотя и в 1920-х много чего было реквизировано и распродано за границу, см. например, «Как СССР продавал картины и иконы на Запад» (www.online812.ru/2011/11/01/013/).

** В 1930-м Усть-Сысольск был переименован в Сыктывкар («город на Сыsole» – на языке коми). С.В. Андропов отбывал ссылку в этом городе в 1909-10 годах.

Вы не правы, когда считаете, что я не могу писать [свои воспоминания]: не зная, было ли это письмо Ленина к Ногину напечатано. Существуют редакторы, текстологи и прочие, которые должны это установить и сделать внизу текста примечание.*

А мое дело писать, что я помню. Мне кажется, что самое главное в воспоминаниях, чтобы они были достоверны. Поэтому мне особенно ценно, что Чуковский мне написал, что знал Брюсова в период его работы в Наркомпросе, тогда он назывался Центральным комиссариат просвещения, и я изобразила Брюсова очень похоже. То же он пишет про Черткова, которого хорошо знал.

<...> В 1931 году в Геолкоме, где я служила, была чистка. Там шло жуткое вредительство. Я как честная советская гражданка выступила и задала директору (будто бы бывшему большевику) несколько вопросов. Комиссия по чистке состояла из взяточников и мерзавцев. В результате выкинули по разным категориям 10 геологов, 5 научных работников и меня, библиографа. По первой категории только двух: меня и другого [сотрудника] – геолога. Ему ставилось в вину, что он где-то, когда-то продавал рыбу. Очевидно, получил паек и пошел на базар ее продать. Сколько я таких тюлек и селедок продавала! И заметьте, [вычищенные] по первой категории не имели права работать ни в одном советском учреждении! От потери моей работы никто кроме меня особенно бы не пострадал, но ведь выкинули настоящих, ценных геологов (одного за то, что у него был когда-то дом, что он не скрывал), а геологи нам, стране [всегда] нужны.

* Какая разница в отношении к людям между Лениным и Плехановым! Я нашла в этом году (1956-м) у себя письмо Ленина к Ногину. Писал он его после выхода первых номеров «Искры» – в 1901 году. Пишет Ленин из Мюнхена в Лондон к Ногину, тогда 23-летнему революционеру, еще малообразованному рабочему с фабрики Морозова, и пишет совершенно как равный равному. Внимательно относится к его отзывам о первых номерах «Искры» и, что меня особенно тронуло, спрашивает его, какую английскую газету Ногин посоветует ему выписывать. Он выписывал «Justice», но она его не удовлетворяла. – С.Н. Мотовилова. О Плеханове (ф. 786 отдела рукописей РГБ; ф. 264 РГАСПИ)

Письмо В.И. Ульянова-Ленина В.П. Ногину (обнаруженное у себя С.Н. Мотовиловой); впервые было напечатано в 1958 г. в журнале «Вопросы истории КПСС», №3:

5/II. 01.

Спасибо за письмо и за подробный разбор «Искры». Обстоятельные и мотивированные отзывы с указанием (неизбежных в таком трудном деле) промахов встречаешь так редко, что вдвое ценишь их, и Ваше внимание к «Искре» подкрепляет мою надежду, что мы будем вместе работать для нее.

Вполне согласен, что внутреннее обозрение скудно. Во втором номере оно богаче, но все же таки скудно: это один из самых трудных отделов, и его только постепенно можно будет наладить удовлетворительно.

О корреспонденциях Ваш отзыв, по-моему, не совсем верен. Совпадение с №10 «Рабочей Мысли», кстати: я не видал его – пришлите, пожалуйста!! меня не пугает.

Оно доказывает, что у нас тоже есть связи с СПБ. Союзом, а это очень хорошо.

<...> Ваше указание на некоторую неоконченность статьи о Зубатове, пожалуй, справедливо.

О 75-летию декабристов – действительно пробел.

Если хотите, могу достать Вам болгарский паспорт. Напишите, нужен ли, и если да – приметы.

С перевозкой у нас дела улучшились, и, может быть, обойдется и без помощи новых лиц.

«Рабочую Мысль», пожалуйста, присылайте, а также и «Былое» и другие лондонские издания. Попросил бы также каталог изданий «Fabian Society» и других социалистических фирм. Какую бы английскую газету Вы посоветовали? Не пришлете ли пары номеров для образца? Я выписывал было «Justice», да остался недоволен.

4-х экземпляров «Искры» сейчас нет. Вскоре будут. Зачем, кстати, Вам? Не забудьте, что распространять за границей никак нельзя. Экземпляр посланный – только для Вас и Вашего друга [С.В. Андропова? – МК], вообще же это пока должен быть строгий секрет.

Жму крепко руку. Петров <...>

Я начала воевать: писала Крупской, писала в «Правду», обращалась в какую-то контрольную комиссию. Мои статьи [(то есть письма)] в «Правду» послала Чуковскому. Он бросился куда только мог, между прочим [и] к Каменеву, который был тогда еще у власти. Но ведь сам Каменев был вредитель и [он] удовлетворенно сказал, что знает факты и похуже. Пальцем никто не шевельнул, чтоб выяснить, что это было.

Членам комиссии (председателем был мальчишка, звали его Свистунов, и ходил он в красной майке, так и сидел во время чистки) после чистки наше учреждение в благодарность за хорошую работу преподнесло по хорошему костюму и по путевке на курорт. Я с негодованием говорила, что это взятка. А мне отвечали: «Ну как Вы можете так сочинять! Никакой тут взятки нет, это просто благодарность».

Затем выяснилось, что один из активных обвинителей в чистке, присланный обкомом комсомола для руководства комсомольцами, – вор-рецидивист. Его судили. Я была безработной, ходила на суд. Прокурор был подкуплен («благодарность» получил потом). У Геолкома были лучшие адвокаты, про взятки они говорили: «у вас были с ним коммерческие отношения?». Этого жулика приговорили к восьми с чем-то годам. Крал он много, но почти все отдавал начальству. Узнав о приговоре, он закричал: «Почему я приговорен, а эти жулики из Геолкома, для которых я столько сделал, лишь свидетели?».

Я ему бедному очень сочувствовала. Но не прошло и двух месяцев, как я этого [вора-рецидивиста] Духоненко встретила на улице Киева. – «Как, – говорю я, – ведь вы же были приговорены к восьми годам». – «Да, но я был ударником в тюрьме, и меня выпустили». – «Где же вы служите?». – «В Торгсине». То есть там, где лучше всего можно было воровать, обвешивать в золоте и т.п.* Вы скажете, что у нас гуманный суд? Для воров – очень. И вот как-то, просматривая свой дневник, читаю, что моя борьба против директора Геолкома бесполезна, у него большая протекция – сам Берия [Глеб Бокий, был расстрелян в 1937-м за «предательство и к/р деятельность»! – МК]! C'est tout dit [(Этим все сказано)]. Ну, как нам с Вами известно, «сам Берия» оказался вредителем и был расстрелян.

Но вот я расскажу факт, о котором я читала в Humanite. Вы его, может быть, не знаете. Один изобретательный французский жулик знал о ненависти газеты «Фигаро» к нашему СССР. Он пришел к редактору и сообщил, что Берии удалось бежать, и он находится в Италии. Он [(жулик)] его там разыщет и возьмет у него интервью. Редактор «Фигаро» окрылился. Понимаете, какая сенсация: интервью с самим Берией, что он только не наговорит о нашей стране!

Редактор «Фигаро» на деньги не скупился, но, очевидно не доверяя чужому человеку, дал ему в спутники одного или двух корреспондентов. Сколько они ездили, не помню, чуть ли не год, приятно проводили время в лучших отелях на разных курортах. Берию не нашли. Во что эта авантюра обошлась «Фигаро» – не знаю. «Фигаро» дорого платит, думаю, что у него талантливые корреспонденты. Интересно было бы, если бы они описали эту поездку и их времяпрепровождение. За одно заглавие «В поисках Берии» западный читатель очень бы ухватился.

* Торгсин (всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) был вначале небольшой конторой Наркомторга, которая продавала антиквариат, продовольствие и дефицитный ширпотреб интуристам. <...> Ситуация изменилась осенью 1931 года – правительство открыло советским гражданам двери Торгсина. <...> Помимо розничной торговли Торгсин занимался посылочными операциями. <...> Родственники или друзья за границей выбирали один из вариантов стандартной посылки Торгсина, переводили валюту в его адрес, и в течение 48 часов после получения перевода Торгсин должен был отправить посылку по указанному адресу. Советские граждане могли и сами выбрать продукты и получить их по почте после того, как в адрес Торгсина был сделан валютный перевод. Можно было получить продукты и из-за границы от иностранной фирмы – Торгсин продавал фирмам лицензии, дающие право отправлять посылки в СССР.

<...> В конце этой чистки [в Геолкоме] я пришла в гостиницу к Яснопольскому, просила его дать письмо к Шлихтеру, чтоб он меня выслушал. «Письмо я Вам дам, – сказал Леонид Николаевич (и он и Шлихтер были наши украинские академики), – но заранее скажу: он ничего не сделает. Вот если бы какой-нибудь мерзавец был на Вашей стороне, Вы бы чего-нибудь добились». Но я все еще верила в «бывших большевиков».*

В зале [Украинской] академии я подошла к Шлихтеру, вокруг была публика. Я подошла и сказала: «Вам, как старому большевику...». Дальше я ничего сказать не могла. Он затопал ногами, закричал, со всех концов сбежалась публика, на некотором расстоянии, из уважения к Шлихтеру, окружила нас кольцом.

Я тщетно протягивала Шлихтеру письмо и говорила: «Вот Вам письмо от Яснопольского». – «Неправда, Леонид Николаевич здесь, он не мог Вам дать письма». Яснопольский очевидно приехал раньше меня. Мой подзащитный – геолог (продавший рыбу и выкинутый за это по первой категории) с перепугу со второго этажа сбежал вниз в вестибюль. Чуть разрыв сердца с ним не сделался. Потом он умер. Ему первую категорию сняли, дали вторую, потом сняли вторую, дали третью. Но он так изнервничался, восстанавливаясь, что умер вскоре.

Мне сперва написали такое в трудовой книжке: «Мотовилова говорит, что коммунисты учиться не могут» (?!). Потом меня восстановили, но написали выговор за то, что я не учила выдвиженцев, но никто же мне не предлагал их учить!

<...> В ответ на Ваше предыдущее письмо, что Толстой «суетился», это не я говорю, а привожу слова [Владимира Ивановича] Танеева.**

* Шлихтер, Александр Григорьевич (1868-1940) – старый большевик (партклички: «Апрелев», «Евгениев», «Никодим», «Ананьин», «Нестеров»). <...> В Октябрьские дни он комиссар продовольствия г. Москвы и член Военно-революционного к-та. После Октября Шлихтер назначается наркомпродом. В 1918 он чрезвычайный комиссар продовольствия в Вятке, Сибири и др. местах; в 1919 – наркомпрод Украины. В 1920 он избран председ. Тамбовского губисполкома. С 1921 Ш. на дипломатической работе: в 1922-23 полпред и торгпред СССР в Австрии, в 1923-27 уполномоченный и член коллегии НКВД на Украине. Наряду с этим Шлихтер в 1924-26 ректор Ком. ун-та им. Артема в Харькове. В 1927-29 наркомзем УССР. В 1928 избран действительным членом и вице-президент Всеукраинской академии наук. С 1930 директор ин-та марксизма-ленинизма (УИМЛ) в Харькове, после реорганизации его – президент Всеукраинской ассоциации научно-исследовательских марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН). С 1923 Ш. – член ЦК КП(б)У, а с 1925 кандидат в Политбюро ЦК КП(б)У. Член ВЦИК ряда созывов и ЦИК СССР со времени образования Союза, а также член ВУЦИК и его президиума. – Большая биографическая энциклопедия, 2009

** Терпеть не мог Танеев и Льва Толстого. Я спрашивала:

– Почему же, если вы так не любите Толстого, он помещен на вашем плакате среди величайших писателей мира?

У него висел в столовой большого дома плакат с наклеенными на него портретами разных писателей. Кто там был изображен – Данте, Шекспир, что ли – не помню. Последним был Толстой, а затем – череп, что означало, что литература умерла.

Танеев отвечал:

– Он написал одну хорошую повесть «Детство», все остальное никуда не годится. Уже «Отрочество» совсем плохо.

Говорил, что «Войну и мир» и «Анну Каренину» он прочесть не смог. Я спросила, был ли он знаком с Толстым.

– Нет, не был и не хотел с ним быть знаком.

Видел он его только раз. Поехали они с Лебедевым (известным физиком) в Сандуновские бани. Видит он, как какой-то старичок, «дряньненький такой», бегают, суется и старается привлечь к себе всеобщее внимание.

Танеев спросил презрительно:

– Кто это?

А ему ответили:

– Да ведь это же Лев Николаевич Толстой!

Больше он его никогда не видел.

Ведь это его же подпись привожу под портретом Брюсова – «наглый идиот». Скажете, и этого приводить нельзя? Слушайте, я человек культурный и мне совершенно все равно, латинским или готическим шрифтом писать. Я сама писала и тем, и другим. Я ведь два года жила в Германии.

<...> На второй день [нового года] получила длинную телеграмму от моего самого любимого корреспондента, [бывшего] Викиного итальянского переводчика [Витторио Страда]. Но рассердилась на его телеграмму в 30 слов. Не мог написать письма. Не выношу телеграмм. Мы переписывались с ним года два по моей инициативе. Пересылали друг другу книги, я ему – русские, он мне – итальянские и французские. Я никак не думала, что среди итальянцев есть такие интеллигентные, знающие, культурные люди. Он обожал Россию, Достоевского, Пастернака, ну и Вику немного. Письма его были очаровательны. Я думала, что эта переписка продлится до конца моей жизни.

Увы, он, Страда, приехал в Россию на фестиваль, влюбился в какую-то сибирячку (теперь она [Клара Янович] в Италии, а он в Москве). Затем прожил в Москве три года, на сибирячке своей женился, живет уже четвертый год, а мне больше не писал.

Это понятно, я ему больше была не нужна, он был в гуще русской жизни, имел книг сколько угодно, зачем я ему. Вика тоже был против моей переписки с ним. Вика сказал: «Не пиши Страде, а то ты его погубишь. Говорю тебе: доведешь до тюрьмы».

<...> Кстати, Вы хотите только прочесть и посмотреть Викину книгу об Италии (там его рисунки)? Я могу ее Вам прислать, но с тем, чтоб Вы ее мне вернули и держали не больше месяца. У нас летом их можно было сколько угодно купить, даже в киосках. У меня все Викины книги в двух экземплярах, один для себя, другой для одолжения знакомым для чтения.

<...> Зина и Вика встречали Новый год у Викиного товарища-архитектора [Зильбермана] в его однокомнатной квартире (какой ужас эти однокомнатные квартиры, напоминают мне каретник). Всего было человек двадцать, и как всегда кроме Зины, Вики и еще одного товарища (у которого жена еврейка) – все евреи. А их домработница встречала Новый год у них с их милиционером [Васей] и его друзьями. Викины знакомые евреи их милиционера не выносят. Евреи не любят русское простонародье.

5-I-61 (продолжение). <...> Все, что я знаю о семье Мотовиловых, я Вам, конечно, напишу. Пока посылаю список детей бабушки Луизы Францевны. У нее их было 15, но часть умерла в детстве. Список я составляла с Зиной, ну и ссорились, конечно. Зина говорит, что надо считать только тех из умерших, которые были крещены, но раз они умерли в детстве, зачем же их считать, как будто не было?

1) Володя, 2) Петя, 3) Коля, 4) Лида (эти четверо назывались «4 братца»), 5) Леля, 6) Соня, 7) Саша, [76] Аня, 8) Алеша, 9) Паша, 10) Маня, 11) Вера. После тети Веры, одновременно с Зиной родился у бабушки Миша, и [он] вскоре умер. Зина говорит: «Он был крещен, его надо считать!». Чепуха. <...>

Со стороны бабушки я родословную знаю только от прадедушки Флориани (тоже был дворянин, итальянец, учился в Германии, у меня есть его диплом*), а со стороны Мотовиловых можно было бы дальше найти. В библиотеках есть справочный отдел. Узнайте там, в каком издании словаря Брокгауза и Ефрона (их не так много было) есть заметка (статья) о Георгии Мотовилове, который был сенатором и деятелем Судебной реформы [18]60-х годов. Его портрет висел в зале Судебной палаты в Петербурге. Это с ним был знаком [В.И.] Танеев, и о нем есть воспоминания Кони.

* Как мы уже уточняли, Франц Флориани в 1825 г. окончил медицинский факультет Виленского университета.

Он почему-то был беден, учился на счет дедушки Ивана Егоровича, и, не будучи богатым помещиком, вынужден был служить, потому и выдвинулся. Сын его [Николай] был в мое время прокурором Сената.* Мы с ним были [не]знакомы. Сейчас же после [словарной] статьи о Г. Мотовилове идет родословная Мотовиловых <...>.

Вы знаете, что все Мотовиловы, дети Ивана Егоровича, были люди передовые, плевали на свое дворянство 6-й книги (это высшая [степень], Пятницкие уже к 4-й относятся). Но, кажется, Александр Андреевич, брат Ивана Андреевича, врача, отца Гомы [(скульптора Георгия Ивановича)], был монархист, и интересовался своей родословной. Он был членом 3-й и 4-й Государственной думы и чуть ли не лидером монархической фракции (или как они там назывались?). Кажется, лидером был одно время Поливанов, тоже наш симбирский дворянин.** Ну, так вот, прочтя эту родословную, он, Александр Андреевич, возгордился и, как говорят, положил этот том в своей гостиной на стол.

* Когда Софье Николаевне было 12 лет, Николай Георгиевич Мотовилов еще служил в Казани:

Товарищ председателя окружного суда Н.Г. Мотовилов третьего дня выехал из Казани на пароходе общества Самолет – «Некрасове» в С.-Петербург. («Волжский вестник», 5 июля 1893 г.)

Правда, он вскоре был, по-видимому, переведен в Петербург, поскольку в «Спутнике по Казани», издания 1895 г. Н.П. Загоскина, Н.Г. Мотовилов уже не упоминался. Хотя в адресной книге «Весь Петербург-1902» он еще не упоминался (как и его жена и дочь). А в адресной книге «Весь Петроград-1915» он уже не упоминался, зато были обозначены его жена Елизавета Оскаровна (как вдова действительного статского советника) и дочь Мария Николаевна.

На ресурсе «Некрополь Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры» есть раздел «Мотовилов Николай Георгиевич» (www.lavraspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/4612/catid/3) с фотографией надгробного камня, на котором можно прочесть годы его жизни – 1857-1911. На этом же камне есть еще надпись: «Мотовилова Ниночка ск. 1931». Но потом, как мы увидим ниже, в переписке с С.Н. Мотовиловой возникнет ленинградская Нина Николаевна Мотовилова, которая утверждала, что она дочь Н.Г. Мотовилова (согласно семейной «Родословной на ватмане» родилась в 1897 г., умерла в 1990-м). В общем, эта оборвавшаяся ветвь Мотовиловых требует дополнительных архивных розысков.

** Александр Андреевич Мотовилов (1850-1920) действительно избирался от Симбирской губ. в III и IV Государственную думу, одно время занимал пост товарища председателя фракции националистов и умеренно-правых. Был женат на итальянке Ангелине Петровне Паста (см. ниже)

По-видимому, далее речь идет о Владимире Николаевиче Поливанове (1848-1915):

Потомственный дворянин, крупный землевладелец Симбирской и Казанской губ., владелец двух винокуренных, лесопильного и черепичного заводов. В 1870 г. окончил юр. факультет Казанского ун-та, в 1871 г. был определен на службу в канцелярию Комитета Министров и состоял директором Санкт-Петербургского тюремного комитета. Вскоре оставил госуд. службу и посвятил себя земскому делу. С 1875 г. неоднократно утверждался почетным мировым судьей по Карсунскому и Симбирскому уездам. С 1877 г. почетный попечитель симбирской гимназии. С 1898 г. до конца жизни был симбирским губ. предводителем дворянства. В 1906 г. был избран членом Гос. Совета от земства. Был членом-корреспондентом французского и бельгийского обществ археологии, почетным членом Императорского археологического института и др. ученых обществ, автор нескольких трудов по археологии. Инициатор создания и первый председатель Симбирской губ. ученой архивной комиссии с музеем и историческим архивом. Член комитета Карамзинской обществ. библиотеки с 1898 г., председатель комитета в 1903-1915 гг. Создатель первого в губернии частного музея в своем имени Акшут Симбирской губ., владелец уникальной художественной коллекции и библиотеки (ок. 5 тыс. томов).

Василий Витальевич Шульгин (1878-1976) в III и IV Государственной думе был одним из лидеров той же фракции, что и А.А. Мотовилов (см. ниже).

Вы не помните Ивана Андреевича? Какой-то насупленный был и мрачный, а Александр Андреевич – веселый, разговорчивый, был женат на итальянке. Когда они приезжали к нам из своего имения (кажется, Скорлятка оно называлось^{*}), он с женой пел у нас дуэты. В Симбирске среди дворянства его, очевидно, не любили и называли «маркиз Доврись-донельзя». Вот Шульгин, верно, его хорошо знал, в одной же партии они были и оба в Думе.

Эту заметку в энциклопедии я читала 35 лет тому назад – в случайной копии, когда работала в библиотеке Академии наук <...>. В каком-то веке, не помню, пришли из Германии (?) два брата Ивана (?). Один назывался Иван Калита, и [он] был родоначальником рода Романовых, другой – Иван Кобыла – родоначальник рода Мотовиловых.^{**}

<...> Один мой знакомый вечно дразнил меня: «Вы, с Вашим кобыльим происхождением». Это, конечно, при советской власти. А сам он свое происхождение скрывал (а я его тогда не знала), хотя оно у него было совсем царским. Екатерина Великая среди своих любовников имела графа Безбородко. Его сын (окончивший философский факультет – редкость для графа) сошелся с простой украинской крестьянкой. А его сына от этой бабы поместили учиться в семинарию, и он стал родоначальником целой плеяды профессоров.

^{*} Сельцо (селение, в котором есть часовня или господская усадьба) Скорлятка находилось при р. Гуца, на коммерческом тракте из уездного г. Карсун в уездный г. Сызрань, в 104 верстах от уездного г. Сенгилей, а последний, в свою очередь, на правом берегу Волги, при речках Тушенка и Сенгилейка, в 65 верстах от Симбирска. В то же время поскольку Карсун располагался в 96 верстах на юго-запад-запад от Симбирска, а деревня Скорлятка находилась на тракте из Карсуна в Сызрань, протянувшегося на юго-юго-восток, то она могла быть расположена не далее чем в 110-120 верстах от Симбирска (если ехать в Карсун, а затем из него в губернский город).

^{**} Как излагал известный историк Н.М. Карамзин, великий князь Владимирский Иван Данилович, по прозвищу Калита (конец XIII – начало XIV века), был сыном Московского князя Даниила Александровича и внуком великого князя Владимирского Александра Ярославовича, по прозвищу Невский. И все они вели род от варяга-русича Рюрика (Рёрика), который по просьбе славян принял власть над ними вместе со своими братьями Синеусом и Трувором в 862 году. Правление Рюриковичей закончилось со смертью в 1598-м бездетного Федора Ивановича, сына Ивана Грозного.

Династия же Романовых вела свое начало от царствования Михаила Федоровича (с 1613 г.), дальнего родственника (точнее, свойственника) Рюриковичей: он был сыном Федора Никитича Романова, племянника первой жены Ивана Грозного – Анастасии Романовой (дочери Романа Захарьевича Захарьина-Юрьева). По утверждению Н.М. Карамзина, их «неизвестные предки приехали из Пруссии». В то же время Большая энциклопедия под ред. С.Н. Южакова (1904 г.) давала такие сведения по родоначальникам царского рода (дальними родственниками которого были и Мотовиловы):

Род бояр Романовых ведется с XIII века от литовского выходца Дивиновича (Дивоновича), по преданию, потомка прусско-литовских туземных князей. Дивинович принял на Руси христианство под именем Ивана и поступил на службу к московскому князю. Сын же его, Андрей Иванович, по прозвищу Кобыла, служил Ивану Калите и его сыну Симеону Гордому и в летописи упоминается как боярин (под 1347 г.) <...>.

А Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1897 г.) приводил, уже по Мотовиловым, следующую статью:

Дворянский род, происходящий, по сказаниям древних родословцев, от Федора Ивановича Шевляги, родного брата Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника царствующего рода Романовых, Шереметевых и других. Один из сыновей Федора Шевляги, Тимофей Мотовило, был родоначальником Мотовиловых и Грабежевых. Никита Мотовилов был дьяком (1566). В XVII в. многие Мотовиловы были стольниками и стряпчими. Род Мотовиловых разделился на две ветви, внесенные в VI и II части родословных книг Ярославской, Саратовской и Симбирской губерний.

И мой знакомый этот был тоже профессором. Я не называю Вам его фамилии, так как они, по-видимому, это скрывают, а последнее поколение их, может быть, этого не знает.*

Я сегодня намекнула Зине, не даст ли она мне еще одну книгу Вики об Италии [(«Первое знакомство»)]. Он купил себе 150 книг и раздает самым не нужным людям. Зина говорит: «У нас их нет, и купить их нигде нельзя». Они теперь так жадны на книги.

Из машинописного письма И.Р. Классона С.Н. Мотовиловой, 6 января 1961 г.

Многоуважаемая Софья Николаевна.

<...> Уж лучше бы Вы и не писали мне, что Виктор Платонович читал не всего Тургенева и почти не читал Щедрина! Неужели он не понимает, что у нас еще есть не только «родимые пятна капитализма», но и масса иногда помпадурства, просто самодурства, стойко живут идеи «Господ-ташкентцев», например, о том, что когда человека назначают на какую-нибудь должность, то на него снисходит благодать, и он все может (прикажут – акушером буду!)?

Конечно, большую часть сочинений Щедрина читать трудно, и я тоже их не читал, но мой отец в свое время позаботился о том, чтобы я прочел: Историю одного города, Господ-ташкентцев, Господ Головлевых, Помпадуров и помпадурш и др. Мой младший сын сам с интересом читал некоторые сказки Щедрина, а это ведь не детские сказки!

Десять лет тому назад в то отделение Гидроэнергопроекта [(ОАТН)], где я работал главным инженером, был назначен директором настоящий помпадур и пьяница, который два года терроризировал сотрудников, старался выжить меня (но я проявил страшное упорство), и, в конце концов, после разных эксцессов по пьянке, ставших известными, он был «переведен на другую работу»! Позже я узнал, что он и к нам был переведен, т.к. стал неудобен на прежней службе в министерстве.

* Из письма Софьи Николаевны сестре Вере в Лозанну в июле 1931-го: «Профессор Безбородко, это один из наших лучших петрографов, тоже что-то такое прошамкал против меня, чтоб подлизаться к директору [Украинского Геолого-Разведочного Управления Мельникову]. Но не рад, верно, был, так я на него обрушилась».

В письме И.Р. Классону С.Н. Мотовилова повторяет миф о «фаворитизме» графа Александра Андреевича Безбородко (1747-1799). На самом деле Екатерина II ценила его не за «мужские достоинства», а за умение быстро и красиво составлять государственные бумаги, поэтому он был при ней бессменным статс-секретарем, периодически оттесняемым от общения с императрицей очередным ее фаворитом (любовником). От связи А.А. Безбородко и актрисы, балетной танцовщицы Ольги Дмитриевны Каратыгиной родилась дочь Наталия Александровна Верецкая (1790-1826), которая вышла замуж за полковника Я.И. Савельева. Основным наследником графа А.А. Безбородко был его младший брат Илья Андреевич (1756-1815). Поскольку единственный его сын умер прежде отца, титул графа Безбородко по Высочайшему повелению был передан сыну его дочери Любви Ильиничны, Александру Григорьевичу Кушелеву (1800-1855), который получил степень доктора этико-политических наук в Московском университете.

Из Википедии:

Безбородько (Безбородко) Николай Иванович (1883-1942) – советский украинский геолог, минералог, петрограф, доктор наук (1935), профессор. В конце 1920-х годов – профессор Киевского университета. Во вновь образованном Институте геологии АН УССР возглавил отдел минералогии и петрографии. Работал также в Украинском Геологическом управлении (начальник партии, консультант). 14 сентября 1938 г. арестован по обвинению в национализме, во вредительской деятельности по сокрытию месторождений полезных ископаемых и их запасов. Дознание проводилось с применением пыток. 9 марта 1939 г. военным трибуналом Киевского округа осужден на 12 лет ИТЛ. Отбывал наказание, умер 7 мая 1942 в Онегалаге НКВД. Реабилитирован 21 сентября 1957 г. До репрессии проживал в Киеве с женой и дочерью. Преподавал на украинском языке. Генеалогическое древо тянется от славноизвестного древнего украинского рода Безбородко (по женской линии).

У В.П. есть слабая сатирическая тенденция, совершенно необходимая нашим писателям, но она тушится страшной осторожностью. Конечно, сказывается и незнакомство с Щедриным и вообще с большой литературой. Не понимаю, как он, как Вы пишете, не может читать те сочинения классиков, которые он не проходил в школе!.. Отвращение или равнодушие к Тургеневу, пожалуй, еще хуже, чем незнание Щедрина. Это уже не недостаток эрудиции, а недостаток умственного и нравственного развития и отсутствие вкуса, что неизлечимо.

Вспомнил, что отец посоветовал мне прочесть «Записки доктора Крупова» Герцена, кажется, я Вам уже писал об этом. Несколько лет назад я обнаружил, что из моих сослуживцев (люди с высшим техническим, а часть даже с историко-литературным образованием) никто не читал «Крупова»! Про товарища отца – Ленера, австрийца, прожившего в России, причем только в Баку, лишь несколько лет, и помнившего Щедрина – «реформа кончал, помпадур сажал» – я Вам, помнится, уже писал.

В 1920-х годах в Берлине у него было собрание сочинений Щедрина. Очевидно, влияние писателей-демократов в царской России еще в начале XX века было очень сильно. А теперь, наоборот, очень эффективен метод закармливания всех хоть сколько-нибудь талантливых писателей, сценаристов и т.д. В этих условиях В.П. еще молодец, что сохранил здоровый вкус в архитектуре!

Я еще раз очень прошу составить вчерне (первую редакцию) родословную Мотовиловых, хотя бы семьи Ивана Егоровича.

Я веду очень уединенную жизнь: жена сама ни с кем почти не встречается, не хочет, чтобы я кого-нибудь звал к себе, даже попрекает меня, что я хожу на выставки (а я считаю, что это как раз моя заслуга, что я в последнее время, начиная с октября, был на нескольких выставках, я Вам писал). Недавно я с сыновьями (жена не пошла, хотя я взял билет и для нее, правда, не предупредив) смотрел английский фильм «Банковый билет в миллион фунтов» по Марку Твену. Так она меня до сих пор попрекает этим! Правда, я ко всем этим утрировкам давно привык, не «переживаю» их, но все же это мешает.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 10 января 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Выйти мне сегодня пришлось из-за котенка. На второй день старого русского рождества пошли с Зиной на базар, чтоб ему курицу или мясо купить. Вошли в Крытый рынок. Ни души, хоть шаром покати. Прошли все мясные ряды – ни души. Пошли в куриные – пустота! Подумайте, прошло сорок три года со времени революции, столько всякой антирелигиозной пропаганды было, столько всяких ужасов было совершено, и со священниками и их семьями, детьми, а наши колхозники твердо держатся за свои религиозные праздники и хоть бы что! Я много раз слышала, что со старого сочельника и до крещения на базаре ничего не бывает, а тут своими глазами убедилась.

<...> Скажите Вашим знакомым дамам, что в Америке, США теперь мода [на] седые волосы, и даже молодые их подкрашивают. Вика видел там одну нашу знакомую: немцы угнали, когда уходили [из Киева]. Они же силком увозили, даже старух. Мы чудом уцелели. Она там хорошо устроилась, работает в кабинете красоты. У нее хорошая квартира, и она получает 9 000 долларов, по-моему, это в год. А по-Вашему? Зина же все путает и уверяет, что это в месяц. Зина и Вика уговаривают ее приехать сюда. У нее тут взрослый сын и внук. По-моему здесь она превратится в кухарку, няньку, прачку – обычное занятие матерей и старых теток.

Машу Володину зовут Мария Михайловна. Так и можете мне о ней писать. Лена к ней приехала с ребенком, кажется, хотела ей его оставить. Но Маша и слышать об этом не захотела, и 30-го отправила их обоих в Кимовск. Мальчик, говорит, несносный, так дубасил по роялю (а он старый), что кусок дерева отскочил. В феврале Лена должна родить второго ребенка. Ленин мальчик, когда Маша говорила ему, чтоб он не играл на рояле, отвечал ей: «Бабка – жабуля [жадюля?]». Лена Зине жаловалась, что Маша не позволяет ее сыну на рояле играть, и что ее кошка на него шипит.

<...> Недавно Зина одной моей знакомой сказала, что они скоро отсюда уедут, так как от гостей и постоянных звонков по телефону Вика не может писать. Куда они собираются – не знаю. Все ведь от меня засекречено. Проще всего ему было бы поехать в Ирпень, час езды от Киева. Там ему дают отдельную комнату. Но, конечно, общество писателей в Ялте и Малеевке, под Москвой, интереснее, чем здесь на Ирпене в доме творчества.

Вам можно писать о Вике? Это мой любимый *sujet de conversation* [(сюжет для разговора)]. Мне говорят мои знакомые старухи: «Это Ваш племянник, вам интересно, а нам не интересно». А Вам можно о нем писать? Поймите, что теперь писатель не может писать как хочет, а должен писать так, чтоб напечатали. Вот расскажу Вам, а может я Вам уже рассказывала, ничего – прочтете еще раз. В 1947 году Вика получил лауреата [Сталинской премии] (вторую степень, на первую не хватило одного голоса). Твардовский тоже должен был получить лауреата и поэтому не пошел на голосование. Неловко было, чтоб при нем они голосовали, и его голос для Вики пропал. Так что из-за Твардовского Вика получил на 50 000 р. меньше (первая – 100 000 руб., вторая – 50 000 руб.).

Со всех издательств, журналов посыпались просьбы – писать для них, печатать его «Окопы» и пр. Его послали в Германию, дали уйму денег, чуть ли не 10 000 валютой. По какой-то дикой глупости он снимал себе не номер, а целые апартаменты в гостинице.

Послан он был как корреспондент «Литературной газеты». Зина была в Крыму с его друзьями, я в Киеве – одна. Приходит «Литературная газета». Читаю – бог знает что! Все трафареты [использованы]: и «американские лакеи» и все, что полагается*.

Приходят ко мне Викины товарищи и говорят: «Что с Викой случилось? Он там разучился писать?». А случилось вот что. Из 180-ти строк, написанных в «Литературной газете», 80 были его, а 100 кто-то сам сочинил! Когда Вика уезжал [в Германию], ему сказали: «Вы будете своим собственным цензором».

Заметьте: Вика, коммунист, лауреат, только что вернулся с войны [(где и вступил в партию)], и с ним не постеснялись. Прочтя эту «свою» статью, Вика пришел в ярость. Протелеграфировал им, что сейчас же готов вернуть все деньги, вернуться из командировки, но больше им ни строчки не даст. Вместо трех месяцев (ему тогда дана была такая командировка) был всего 6 недель. Когда он вернулся, ему сказали: «Это вышло недоразумение».

Такое же «недоразумение» было и с Леонидом Николаевичем [Яснопольским]. Его попросили дать статью. Всю переделали и заставили подписаться. Он говорит: «Пусть тот, кто ее писал, подпишется первым, а я уж буду соавтором». Ему отвечают: «Нельзя, Вы же академик, Ваша подпись должна быть первой». Если такое себе позволяют с лауреатами, академиками, что же о простой статье говорить!

Я однажды дала даром статью в журнал бывших [полит]каторжан. Знакомый был редактор и [поэтому] упросил [меня]. И всюду, где я писала «Октябрьская революция», он поставил «Великая Социалистическая Октябрьская революция». Это же не мой стиль!

* Как уже отмечалось, это статья: В Берлине // «Литературная газета», 7 августа 1948 г. Однако следующая публикация В.П. Некрасова в этой газете была уже в 1950-м: В Сталинграде // «Литературная газета», 10 августа 1950 г. И следующая – через два года: В Сталинграде // «Литературная газета», 21 июня 1952 г.

<...> Я пользуюсь Викиным абонементом в библиотеке бывшей Академии наук Украины. Благодаря мне в эту библиотеку поступили десятки тысяч книг. Было такое, какая-то воинская часть заняла одно из помещений библиотеки Академии наук. Это было в [19]20-х годах. Ничего добиться не могла. Я тогда кроме Наркомобраза работала в нескольких военных организациях, читала лекции военным, помогала в организации их библиотеки. Одним словом, я переговорила с кем следует, и воинская часть сейчас же освободила помещение и даже извинилась.

Это было в 1920-е годы. Академия наук прислала мне благодарность, которой я очень гордилась, но она сгорела тогда же, как и отзыв обо мне Надежды Константиновны. А вот теперь я не имею права пользоваться абонементом этой библиотеки и целиком завишу от моего племянника. Абонементом могут пользоваться академики, доктора наук, лауреаты! Вика отдает свой абонемент мне.

<...> Сегодня зашла Зина, принесла Ленино письмо, уже из Кимовска. Пишет, что очень [хорошо] отдохнула у Маши (а Маша за это время похудела!), а ребенку так понравилось в Тамбове, особенно – дочка Маши Эллочка, «которая подарила ему игрушки». Уезжая, он сказал: «Здесь хорошо. Мы еще приедем». Нужно было бы этого ребенка устроить в какой-нибудь интернат, а то он вырастет хулиганом.

Из машинописного письма И.Р. Классона С.Н. Мотовиловой, 24 января 1961 г.
Многоуважаемая Софья Николаевна.

Посылаю Вам копии статей «Мотовилы» и «Мотовилов Георгий Николаевич» в энциклопедии Брокгауза и Ефрона за 1897 год (!!!). Нашел ее в Государственной публичной научно-технической библиотеке, ныне Новосибирского отделения АН СССР, но по-прежнему помещающейся пока на площади Ногина (б. Варварские ворота) в Москве*.

По-видимому, для нее строят здание в Новосибирске, а пока она едва помещается на своей прежней производственной площади на первом этаже и в подвале «Делового двора». Хозяин у нее меняется не первый раз: она принадлежала ВСНХ, а потом в процессе «зуда разукрупнения» переходила в Наркомтяжпром, Наркомтоп, Наркомнефть, затем целых несколько лет принадлежала Министерству высшего образования!

Итак, наиболее далекий предок – известный наш предок Иван [Дивинovich], отец Федора Ивановича Шевляги [и Андрея Ивановича Кобылы]! Сейчас прочел в своей энциклопедии «Просвещения [под ред. Южакова, 1904 г.], в 16-м томе («Пуль по Саль»[, то есть в статье «Романовы»]), что отцом Кобылы был литовский выходец Иван Дивинovich, по преданию, потомок прусско-литовских туземных (фи донк! [fi donc – тьфу, стало быть]) князей. В XIII веке Дивинovich принял на Руси христианство и поступил на службу к московскому князю.

Вы спрашивали меня, кажется в предпоследнем Вашем письме, интересна ли мне тема «Вика»? Пользуюсь этим Вашим вопросом и позволяю себе сказать Вам, что интересна: я очень высоко ценю его рисунки в «Первом знакомстве», многие места в этой книге, его выступление по архитектуре и др.

Тему о Лене Игнатович я совершенно не ценю! Все Ваши экскурсии мемуарного характера (кроме чистки в Геологическом комитете – эту тему, мне кажется, Вы уже исчерпали) мне очень интересны!!! То, что Вы пишете о родных в настоящем времени, меня тоже очень интересует.

* Теперь опять площадь Варварских ворот, а ГПНТБ с 1970-х годов располагается на Кузнецком мосту, тоже в тесноте. – Приписка И.Р. Классона

На днях послал Вам открытку, м.б. недостаточно разборчивую! Я писал, что Вы пропустили в родословной среди детей Ивана Егоровича тетю Анюту. Еще просил написать, о ком Вы знаете, годы рождения и смерти, то же и о самих дедушке и бабушке, за кого вышли все тети, что делали их мужья, что делали все дяди. Я особенно мало знаю о старших.

В последние дни у меня все больше работы, в том числе от Яснопольской. Сейчас мне предстоит, по-видимому, редактировать биографию Роберта Эдуардовича. На днях это должно решиться. Сегодня попробую узнать у Татьяны Леонидовны Яснопольской, нашла ли она Ваши мемуары.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 28 января 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сейчас получила Ваше письмо с выпиской из Энциклопедического словаря 1897 года. По годам это подходит, но где же тут «Иван Калита, родоначальник рода Романовых? Где Иван Кобыла?». Романовых, как Вы знаете, очень много и не дворянских родов. К нам, еще при жизни мамы, однажды позвонил какой-то типичный еврей. И спросил: «Кто тут Мотовиловы?». Мама отвечает: «Это я». А он утверждает: «Я тоже Мотовилов». Мама с изумлением говорит: «Этого быть не может!». А он показывает свой паспорт. Когда-то на даче аптекарь-еврей спросил меня: «Почему у вас такая еврейская фамилия?» (!) Евреи часто получали фамилии по месту жительства, а тут недалеко от Киева есть станция Мотовиловка.

<...> А теперь сосредоточьте Ваше внимание на биографии [Р.Э.] Классона. Во-первых, постарайтесь изменить, если надо, тот подлый тон, который Галин приписывает Роберту Эдуардовичу.* Не мог он говорить «Ильич» или «товарищ Ленин». Он мог называть или «Ульянов», как он называл его в 1895 году [в Лозанне], или просто «Ленин» или «Владимир Ильич». Прочтите письма или докладные записки Классона Ленину. Вполне достойный независимый тон. Затем, если Каменецкий этим не интересовался, поинтересуйтесь учением Классона в Киевской гимназии.** Ведь имеется архив этой гимназии, там есть все данные.

<...> Относительно Классона, и я и Зина отлично помним: он рассказывал, что 2 раза оставался в [одном и] том же классе. Один раз увлекся игрой в мяч [(жонглированием мячами)], а другой раз влюбился. Так как он кончил очень рано, чуть ли не в 18 лет, то, возможно, это просто были передержки? По архиву это легко узнать. По-Вашему это не имеет значения? По-моему, очень большое. <...> Мама никогда не интересовалась нашими отметками, это у нее самой в дипломе круглое 12. Ну и золотая медаль была, которую мама продала в первый же год революции.

<...> Я вообще не понимаю, как у нас столько достижений, когда было столько вредительства? Ведь главы НКВД почти все вредители: Ягода, Ежов, Берия, ...других я забыла. Когда я работала в библиотеке Академии наук Украины, выбирали новых академиков, и наш отдел делал выставку их трудов. Были, конечно, люди достойные, например Патон, у него имелось много трудов, но были такие, у которых не оказалось ни одного научного труда, ни одной статьи! Предполагалось, очевидно, что когда они станут академиками, на них сойдет «благодать», и они сразу станут учеными!

* Как мы уже отмечали, Борис Галин написал в духе «советского реализма» хвалебную, в отношении В.И. Ульянова-Ленина, книгу очерков «Строитель нового мира», включая и очерк «Азарт юности» о Р.Э. Классоне.

** М.О. Каменецкий умер в декабре 1960 г., сдав рукопись книги об Р.Э. Классоне в издательство; И.Р. Классон, став редактором, ее коренным образом переработал и дополнил.

Академик Крылов, математик (а не наш симбирский кораблестроитель), настоящий ученый, рассказывал мне, что Иван Павлов, физиолог, говорил: «Это не Академия наук, а Академия общественных заслуг». Что очевидно, ведь «благодать» сошла на них. Ведь у нас столько научных достижений. Возобновили Вы Ваше знакомство с Вашим кузеном Александровым? Меня просто интересует этот мир ученых. Что он из себя теперь представляет? В этот мир была пущена свежая мужицкая кровь и как-то его обновила. У нас нет ни князей, ни графов, ни придворных, самое высшее у нас – академики. Очень красиво: наука выше всего.

29-I-61 (продолжение). Получила сегодня Вашу открытку. Я Вам советую, заведите картотеку на всю семью Мотовиловых. Легче будет разобраться. Я была в Лейпциге в 1900 году и затем в 1911-м. Меня вызвали в полицейское управление и показали мне мою карточку в картотеке, просили проверить, все ли верно. А я как-то прочла в одной статье Ленина: он писал, что хотел бы, чтоб в наших советских учреждениях был такой же порядок, как немецком полицейском управлении.

<...> Из 15-ти детей бабушки Луизы Францевны мы с Зиной лично знали 10. Дядю Володю мы никогда не видели, он сошел с ума, женился на крестьянке и жил на своем хуторе. Дядя Петя учился в гимназии вместе с папой [Николаем Ивановичем], был очень с ним дружен. Но умер в молодости. Женат не был. Дядя Володя легально женат не был, его дети, значит, носят фамилию его жены, какую – не знаю. Их было четверо: Володя, Андрюша, Маша, Саша (две девицы). Я видела только Андрюшу и Володю.

Мы знали: 1) Папу [(Николая Ивановича)], 2) тетю Лиду, 3) тетю Лелю, 4) тетю Соню, 5) [дядю] Сашу, 6) тетю Анюту, 7) Алешу, 8) Пашу, 9) Маню, 10) Веру <...>.

Т. Леля не была замужем и рано умерла, д. Саша не был женат и умер в сумасшедшем доме. Тетя Анюта вышла замуж за Гельшерта. Он служил в суде, а отец его был председателем Петербургского окружного суда, и живых детей у них было четверо (были ли еще умершие – не знаю). Назывались дети: Миша, Маша, Надя, Лена. Миша и Надя пропали во время войны (детей у них не было). Маша вышла замуж за Володина. Она напишет, сколько у нее было детей. Теперь – двое: сын Женя живет под Москвой и Стеллочка работает преподавателем в Рассказово, недалеко от Тамбова.

Младшая дочь тети Анюты – Лена вышла замуж за Игнатовича. Умерла очень молодой, когда [ее дочери] Лене, как вы знаете, еще не было и двух лет. Отец ее Игнатович был сослан, ну и пропал. Когда, я не знаю. Это может сказать Маша. Думаю, в 1937 году, тогда многих ссылали. Лена их единственная дочь. А тетя Лида вышла замуж за Пятницкого, богатого помещика (имение Протопопова), но они умудрились разориться через 10 лет, не выезжая из своего имения! Детей было четверо: Надя, Люба, Вера, Петя. Дядя Алеша пропал без вести. Дядя Паша застрелился молодым, кажется, в 1892 году, женат не был.

Тетя Маня замуж не выходила, воспитывала крестьянскую девочку Дашеньку [Скворцову]. Умерла уже после революции, до 1923 года.

Тетя Вера сошлась с каким-то евреем.* Пожениться они не могли. Он вскоре умер. У нее от него дочка Нина. При царской власти она не могла называться Мотовиловой, так как была незаконной, а при советской власти она стала Мотовиловой. Она тоже с кем-то сошлась, и у нее сын Коля Мотовилов.** Они живут в Ленинграде. Муж Нины нелегальный, кажется, был сослан, затем убит немцами. И она, и сын – оба преподаватели средней школы. Она – русской литературы, а он – немецкого языка. В университете он учился лучше всех <...>. Тетя Вера умерла в эвакуации в Ульяновске в конце войны, кажется в 1945 году.

* С Соломоном Львовичем Камаем (1886-1910), моложе ее на одиннадцать лет, в 1910-м или 1911-м родилась Нина.

** С Николаем Ивановичем Гоголевым (1905-1941), сын Николай родился в 1937 г.

<...> Я Вам писала, что у Вики есть итальянский переводчик, чудесный юноша, коммунист, влюбленный в Россию. Он блестяще окончил Миланский университет, филологический факультет, и приехал к нам в Москву и поступил в аспирантуру у нас. Я Вам писала. Вика мне сказал, чтоб я ему, переводчику, не писала, а то я его погублю, до тюрьмы доведу (?). Ну я ему три года не писала, но наконец мне захотелось знать, какую диссертацию он пишет. Он ответил. Его диссертация была «Советское литературоведение 20-х и 30-х годов». Но до защиты ее его не допустили (!), сказали, что там ревизионизм!

Он уезжает в Италию, как я понимаю, без звания «кандидат наук». По-Вашему, не безобразие? Ведь какой-то наш профессор руководил его работой? Что он не мог ему объяснить, что у нас можно писать, а чего нельзя? Вероятно, он уже уехал в Италию, будет работать в издательстве, а преподавать в университете не сможет. Он говорит: так лучше, а то он слишком книжный человек.

1-II-61 (продолжение). <...> Знаете, очень любопытны письма Андропова мне. Характерны для той эпохи. Мы часто смеемся над современными писателями, что их влюбленные [[герои](#)] разговаривают о всяких производственных вопросах, о выполнении плана и проч. Но и тут ведь забавно – Андропов сразу влюбился в меня, а о чем он пишет? – о концентрации капитала и т.п. Когда я читаю современные романы, например Ремарка, мне просто противно: вечные выпивки, хождения по ресторанам, мужчины покупают своим дамам нарядные платья. Противно читать. Когда я познакомилась с Андроповым у Черткова [[под Лондоном](#)], он приходил ко мне по вечерам, читал мне Эрфуртскую программу, Историю французской коммуны, Чернышевского, а я что-нибудь шила.

В прошлом году Алексеев (тоже тогдашний эмигрант, социал-демократ) писал мне, как они старались обратить меня в свою веру. Решили начать с Лассалья, и выписали его из Германии для меня. Первые №№ «Искры» (которые почему-то Ленин не велел никому показывать) показаны были сейчас же мне. Мне уже было 19 лет [[значит, это все происходило в 1900 г. – МК](#)], когда я впервые услышала от Алексеева слово «империализм», и не поняла, а теперь его знает каждый школьник.

<...> Федя Мотовилов был влюблен в тетю Соню, сделал ей предложение (это было на даче у нас в Ишеевке). Тетя Соня ему отказала. Ну, а дальше Вы знаете: он покончил самоубийством. Этот Федя Мотовилов – родной дядя Г.И. Мотовилова. И вот племянник его влюбился в дочку тети Сони [[– Соничку](#)]. Помните в семье Форсайтов [[по писателю](#)] Голсуорси сын Сомса влюбляется в дочь его бывшей жены от другого мужа. Вам нравится этот роман – Форсайты? Вика его возил с собой 7 лет подряд во все дома отдыха и все прочесть не мог! Было скучно [[ему читать](#)]. Потом где-то под Киевом, где остался совсем один, прочел до конца. И, кажется, в Италии говорил, что это его любимый роман!

<...> Вы просили меня переписать диплом прадедушки Флориани. Хотела бы Вас отблагодарить за Ваши хлопоты о моих рукописях, но этого сделать не могу. Это громадный сверток на пергаменте, написан по-латыни, а я ведь латыни не знаю.

[Из черновика письма И.Р. Классона С.Н. Мотовиловой, 30 января 1961 г.](#)

Сегодня получил у Татьяны Леонидовны Яснопольской Ваши воспоминания о Черткове и письма Андропова. Так как она на днях, когда говорила мне о том, что нашла [[Ваши](#)] воспоминания, назвала их – «О Черткове», «О Ногине» и «письма Андропова», то я сейчас же ей еще раз позвонил и переспросил о воспоминаниях «О Ногине», но это оказалось недоразумение: она имела в виду часть писем Андропова. <...> Кстати выяснил, что Татьяна Леонидовна единокровная сестра Сергея Леонидовича, она очень на него похожа. Из этого я делаю вывод, что он все-таки больше похож на отца, чем на мать или Якова Петровича Коробко! Это и подтверждается его рассказом, что Роберт Эдуардович принял его за его отца [[\(Леонида Николаевича\)](#)], странным образом помолодевшего.

Когда я читал в Ваших письмах, что перед Новым годом и на Рождество в Киеве исчезло из продажи масло, мясо и пр., я думал, что это «временные затруднения». Только после речи Хрущева на пленуме я убедился, что с этими вещами на Украине дело очень серьезно!*

* Н.С. Хрущев выступил на пленуме ЦК КПСС, который проходил 10-16 января 1961 г., под самый занавес. Правда, участникам пленума были розданы его записка и тезисы по поводу состояния сельского хозяйства. Итак, первый секретарь в своем, практически заключительном докладе, как и все выступавшие до него, напустил столько партийно-пропагандистского фарисейства, сколько было необходимо для того, чтобы замазать «отдельные недостатки» (типа, пропажи в Киеве продуктов питания). Но тут надо заглянуть назад.

6 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», которое запрещало увеличивать размер приусадебного участка колхозников за счет общественных земель и даже рекомендовало сокращать его. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников, «с учетом местных условий». 27 августа 1956 г. постановлением СМ СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах. (Из Интернета)

Итак, из фарисейского выступления Н.С. Хрущева:

Мы обсуждаем задачи развития сельского хозяйства [СССР] и критикуем недостатки совсем в иных условиях, чем на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года. В это время мы имели дело с серьезным отставанием всех отраслей сельского хозяйства. <...> Теперь совсем иная обстановка. Мы ведем критику наших недостатков в условиях бурного роста социалистической экономики, больших успехов во всех отраслях народного хозяйства. Сельское хозяйство страны также имеет крупные успехи, но надо признать, что оно развивается еще не такими высокими темпами, как промышленность, не поспевает за быстрым ростом нашей индустрии и ростом спроса населения, идет как бы не в ногу. К тому же следует отметить, что первые два года семилетки [(1959-65)] были неблагоприятными для сельского хозяйства, т.к. сложились довольно трудные климатические условия.

Далее в докладе приводились конкретные цифры увеличения производства продуктов питания в 1960-м по сравнению с 1953 годом (например, зерна с 5,0 до 8,1 млрд. пуд., мяса с 5,8 до 8,7 млн т, молока с 36,5 до 61,5 млн т, масла с 497 до 848 тыс. т, сахара с 3,4 до 6,4 млн т, закупок овощей с 2,5 до 5,1 млн т) и роста денежных доходов населения за последние 5 лет из-за прироста зарплат, снижения налогов, отмены госзаймов и увеличения пенсий (на 16,2 млрд. руб. в новых деньгах в расчете на год). При этом население за те же 5 лет выросло на 18 млн. человек (из которых лишь 1 млн. составлял прирост на селе). И делался вывод:

А если выросли доходы, население стало больше покупать мяса, молока, масла и других продуктов.

В общем, после ликвидации сталинского ГУЛАГа население неожиданно стало усиленно размножаться и трескаться в два горла!

От Украины доклад сделал первый секретарь ЦК КПУ Н.В. Подгорный, приведем лишь «из недостатков»:

В связи с запоздалой в прошлом году весной и с затянувшейся поэтому зимовкой во многих колхозах и совхозах осталось крайне ограниченное количество кормов, а в результате гибели озимых скот оказался без зеленой подкормки. Известно, что в минувшем году погодные условия на Украине были очень сложными и трудными. В результате сильных морозов погибла значительная часть озимых культур, в основном пшеницы, а также многолетних трав. В последующем из-за сильной весенней засухи и прошедших в ряде районов черных бурь погибла также часть посевов яровых культур, пересеивать их пришлось по нескольку раз. <...> Вместо того чтобы организовать собственное воспроизводство и выращивание нетелей для пополнения стада коров, некоторые колхозы и совхозы, особенно Киевской, Ровенской и ряда других областей, ориентировались главным образом на покупку коров у колхозников.

<...> Мы сознаем, что неудачи прошлого года нельзя отнести только за счет объективных причин — неблагоприятных погодных условий. Дело заключается прежде всего в серьезных недостатках в руководстве сельским хозяйством, которые допускают многие партийные и советские органы республики. Главный недостаток заключается в том, что на Украине не была организована должным образом борьба за высокую урожайность зерновых культур и в первую очередь кукурузы.

В общем, партийные фарисеи убеждали народ, что после усиления партийного и советского руководства проверенными и образованными кадрами и распространения «царицы полей» кукурузы прилавки начнут ломиться от изобилия как в фильме «Кубанские казаки»!

Как у Вас теперь? Я мог бы послать Вам посылку. Вспомнил: в 1930 г. за 1-2 месяца до моего отъезда из Берлина в Москву я посылал Соне в Москву посылки с мукой, лавочник в Берлине удивлялся, «мы, мол, привыкли считать Россию житницей Европы».*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 3 февраля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вообще я не люблю получать посылок. Когда мама [в начале 1920-х] получала из-за границы посылки Ара и затем Торгсин, я ничего из этих продуктов не ела.* Как-то мне моя подруга прислала в начале революции из Англии посылку с описью всех вещей. Все было перевернуто, и большая часть выкрадена. Из четырех банок варенья дошла одна, шоколад совсем не дошел. Вещевыми посылками там ведали наши эмигранты. Они были жулики и обменивали [(точнее, подменивали)] вещи.

* К каким же «чудесным результатам» привели распахка целины, массовые посадки кукурузы «квадратно-гнездовым способом» (сию технологию Н.С. Хрущев привез из США), «усиление партийного и советского руководства» сельским хозяйством? Из воспоминаний «...Да не судимы будете» Петра Ефимовича Шелеста, заменившего в 1963-м Н.В. Подгорного на посту первого секретаря ЦК КПУ:

8 августа [1963 года] из Москвы мне позвонил Подгорный и по поручению Хрущева передал, что Украина должна сдать не менее 750 млн. пудов хлеба. В стране очень тяжелое положение с хлебом, из Казахстана ожидали получить 960 млн. пудов, а получим не более 200-250. Сибирь и Алтайский край должны были дать 250 млн. пудов, а дадут 10-15 млн. Подгорный продолжал: «На закупку хлеба за границей не пойдем. Надо максимально провести экономию хлеба, сократить ассортимент выпечки хлебобулочных изделий, в том числе и белого хлеба. При выпечке хлеба подмешивать картофель, отруби, кукурузу, увеличить влажность хлеба, добавить соли при выпечке хлеба. Возможно, ввести карточки на хлеб». Да, положение складывается тяжелое. Но почему не пойти на закупку хлеба – этот вопрос для меня оставался неясным. Говорить, что это «престижный» вопрос, – просто глупость. Внутриполитическое положение в собственной стране важнее престижа. Имею опасение, что кто-то на этих трудностях желает «подыграть». Закупаем же мы сейчас по 25-38 млн. тонн [зерна] – где же в данном случае наш «престиж»?

<...> Сентябрь. В Киеве распространились панические вести вокруг вопросов с затруднениями с хлебом, в особенности с белым. Пошли усиленные слухи, что на хлеб будут введены карточки, на крупу, сахар, мыло, соль сильно урежут фонды. Провел совещание с горожанами, дал задание Асистову (Горторг) и Аркадьеву (зам. предгорсовета) выступить по радио и телевидению с разъяснением. Это должно несколько успокоить население Киева. Дал указание усилить через партийные организации разъяснительную работу. Положение складывается очень сложное.

В городе судостроителей Николаеве получились большие перебои со снабжением хлебом. Торгующие и фондирующие органы снизили фонд муки Николаеву на 800 тонн за счет «перерасхода» в августе. Дневной расход хлеба по городу составляет 150 тонн, выделяют 102 тонны. В городе назревает сложная обстановка, много недовольства. Из Николаевского порта идет отгрузка муки на Кубу, портовые грузчики отказались производить погрузку. На погрузку брошены воинские подразделения. Чтобы избежать открытых выступлений и просто забастовок или еще худших «явлений», я на свой страх и риск дал указание Сахновскому, министру торговли [УССР], и Бутенко, заместителю предсовмина [УССР], увеличить фонды на хлеб для Николаева.

По данным United States Department of Agriculture, импорт зерна на конец 1963 г. составил 10,2 млн. т, экспорт (в т.ч. на ту же Кубу) – 5,0 млн. тонн.

Примерно то же самое происходило и в столице (sic!), из дневника Владимира Лакшина («Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное. 1953-1964. М., 1991):

17.X.1963. В Москве – паника у булочных. Исчез белый хлеб, нет манки, вермишели. Очереди, народ злится, и никто не стесняется говорить, что думает [о «Софье Власьевне»].

* Явление «Торгсин» было объяснено выше, а Ара, или American Relief Administration (ARA) – это Американская администрация помощи. Аналогичный институт помощи голодающим в СССР существовал и в Европе, обозначался по имени его руководителя – Фритьофа Нансена.

Вера закажет, например, дорогое пальто в Лувре, все опишет, а приходит чорт знает что.* Подкладка из Лувра с надписью на подкладке совсем другого фасончика, какой-то дрянной верх! А один раз нам совсем другую посылку прислали, мама ездила ее менять в Москву (железнодорожные билеты у нас были даровые, и я и Зина служили на ж.д.).

<...> Знаете, я все сердилась когда-то, что Крупская мне не отвечает. А оказывается, она получала до 400 писем в день. Тут и прочесть их не успеешь. У меня остался всего 1 экз. моих воспоминаний о Крупской. Переписать что ли от руки и тогда послать Вам.

8-II-61 (продолжение). <...> Недавно у нас обнаружили знакомые, вывезенные немцами. Они ведь всех гнали из Киева. Одна знакомая – в Австралии, другая – в Нью-Йорке. И вот Зина мне показала письмо сына этой знакомой из Австралии. Он пишет своему двоюродному брату в Киев: «Так приятно, что и у меня есть близкие». Очевидно, один с матерью [и отчимом] чувствовал себя очень одиноким [в Австралии].

Я сделала попытку послать что-то Вере. Не знаю, выйдет ли что из этой попытки или мне вернут деньги. А пока мечтаю, что они дойдут до Ульянова. Он на несколько дней в Париже, по поводу печатания его [геологической] карты.

Пишет мне (и зачем только он мне это пишет?!), что дал деньги Любе [Пятницкой], а прошлым летом по просьбе Веры – Лене (Лена – Любина дочь). Дал деньги ей, чтоб ей купить нужный материал для их фотографии. Ее муж – фотограф. Ну и нахалка эта Лена! Обращаться к 80-летнему старику, у которого больная жена, и который сам едва-едва сводит концы с концами, который у себя дома и за прислугу, и за все! А тут еще его научные труды и, для заработка, экспертизы и консультация строящегося туннеля под Мон Бланом.

А самой этой Лене (Любиной дочери) только 50 лет, а мужу ее [(немцу Bister'y)] и того меньше. Он, по-моему, какой-то паразит. Люба трогательно пишет, что для Лены он и муж и ребенок. Так беспомощен, что она должна все для него делать! Он немец, но почему-то живет во Франции. Ведь есть две Германии, поезжай в ту или в другую. Мать его живет в ГДР. Нет, торчит почему-то на юге Франции и ничего не зарабатывает!

Знаете, Люба [Пятницкая] имела трех мужей. Все – мерзавцы. Первый забрал все ее состояние, 10000 руб. царских. Сказал, что на эти деньги устроит какой-то гараж, и Любе будет высылать по 100 руб. в месяц. Деньги забрал и исчез.

Дальше Люба сошлась с талантливым молодым скульптором. Он и поныне жив. Недавно праздновали его 70-летие. Восхваляли в газетах. Одно время [он] был директором музея (бывш. Морозова). В молодости ему покровительствовали разные меценаты. Он даже жил у них. К Любе он приезжал, когда меценаты его прогоняли. Это от него у Любы дочь Лена. Они вернулись в Россию все трое после революции в 1917 году. Ну и вскоре разошлись. За всю свою жизнь он на свою дочь Лену ни гроша не дал.

Одно время Люба жила у своей сестры Нади Пятницкой в Сибири. Она мечтала уехать из России, и тут к ней посватался венгерец, бывший после войны у нас в плену. Он выдавал себя за коммуниста. Очевидно, знал, что у Любы есть «связи», и она поможет ему уехать в Венгрию. Так и вышло. Сперва, было, объявилась еще одна жена. Был суд. Луначарский дал письмо судье (?!). Потом Луначарский же помог им уехать в Венгрию. Люба прислала нам открытку из Риги и подписалась фамилией мужа – «Пап». Но когда они приехали в Венгрию, оказалось, что он вовсе не коммунист, а богатый фабрикант, и там [оставалась] его семья – жена и взрослые дочери.

Люба осталась одна с маленькой Леной, в чужой стране, языка она не знала. Но тут-таки устроились. Люба давала уроки языков, а Лена училась в немецкой школе. Получила хорошее образование, знает пять языков, музыку, окончила архитектурный факультет.

* «Лувр» – это большой промтоварный магазин в Париже, а не музей в данном случае.

А бедная Люба, переехав в Париж, не смогла найти [приличную] работу (иностранцам не давали) и все время работала как кухарка и уборщица. И теперь подрабатывает этим же.

10-II-61 (продолжение). <...> Чтоб Вас удовлетворить, посылаю Вам [письмо М.М. Володиной, где перечислены] все 15 детей бабушки Луизы Францевны – Машин список. Наша Зина уверяет, что никакой «Зинаиды» не было, и что дядя Володя был первый, но я смутно помню, что какой-то был еще ребенок раньше. Важно, чтоб Вы были довольны: все 15 перечислены. Но расположила их Машенька не по порядку. У меня правильный порядок соблюден.

Насчет возраста бабушки Луизы Францевны – по-моему, Машенька ошибается. Замуж бабушка Луиза Францевна вышла не в 18, а в 16 лет, а умерла она в 1895 году в начале лета [(10 июля)]. Мы приехали тогда из Швейцарии в Бугурну и были на панихиде по бабушке, а панихида бывает на 40-й день после смерти. Панихида была на кладбище в Бугурне, никто кроме тети Веры по бабушке траура не носил, а у нее, помню, длинный креп спускался со шляпы. <...> И я, и Зина помним, что умерла бабушка всего 56-ти лет [на самом деле, 63 лет – МК], хоть она нам казалась ужасно старой.

Когда надо было получить наследство, tante Xaverine, тетя Вера и тетя Маня почему-то решили, что оно должно достаться им, но не нашли бабушкиной метрики. Тогда мама дала метрику своей матери [Валерии Францевны], но с условием, чтоб все было отдано Пятницким, так как они были самые бедные. Дядя Володя, тетя Лида и Папа [(Николай Иванович)] получили только по 200 десятин (тогда еще много было детей). Бабушка завещала т. Анюте и т. Соне по 400 десятин, а т. Вере и тете Мане по 600, а маме сказала: «Алина, ты не обижайся, что я ничего не оставила твоим детям, ты практичная и умеешь устраиваться, а они беспомощные».

После смерти дяди Володи все его состояние должно было достаться нам (его брату [Николаю]), так как его брак был нелегальный. Но мама сейчас же начала хлопотать через нотариуса, мы дали дарственную, и все перешло к его детям. Вы себе представить не можете, какой хороший, интересный, благородный человек была моя мама! Она была очень близка с тетей Соней, ну а потом они поссорились. Мама подружилась с одной швейцарской докторшей [(M-elle Broye)], и эта дружба длилась до самой смерти. Тетя Соня ревновала маму, и они разошлись. Как же я могла к Вам придти, ведь наши семьи были в ссоре?! И, кроме того, Вы же знаете, я не люблю богатых родственников, и [Р.Э.] Классона я тоже не любила. А тетя Соня у нас в семье была высшим авторитетом, она считалась самой умной и образованной. Это по совету тети Сони мама поехала с нами за границу. По-моему, кроме ревности тети Сони к M-elle Broye, была еще причина расхождения. Вы стали очень богаты (ведь Классон получал в Баку 18000 [руб.] в год!), и разность состояния как-то невольно влияет на взаимоотношения.

У нашей Зины стал теперь совсем другой тон, чем раньше. Сидит Зина у меня, разговаривает с моей гостьей, я вставляю слово, а Зина кричит: «Замолчи, ты нам мешаешь разговаривать». И это ее пренебрежение ко мне чувствуется во всем. Мой профессор геологии мне говорил: «Vous êtes une quantité négligeable» [(«Вы – ничтожно малая величина»)]. Да.

Я всегда вспоминаю, как бедная гувернантка или учительница французского языка tante Emilie приезжала к бабушке Валерии Францевне в ее имение и на все обижалась. Бабушка машинально налила себе первой тарелку супа, а tante Emilie взрывается и говорит: «C'est moi qui suis en visite, madame la generale» [(«Это я у Вас с визитом, я – главная мадам»)]. Я Вам, кажется, уже это рассказывала, но у меня ничто не «исчерпано».

Когда tante Emilie жила в Бугурне, Ваша Соничка швырнула в [бедную родственницу] tante Emilie калошей. Никогда в жизни она не посмела бы сделать это с бабушкой Луизой Францевной. Дети чувствуют отношение взрослых.

Если бабушке Луизе Францевне в 1895 году было 56 лет, то, значит, она родилась в 1839 году [на самом деле, 20 апреля нов. стиля? 1832 г.– МК]. Но я рассчитываю еще иначе. Папа был на 2 года старше мамы. Значит, он родился в 1855 году. До него у бабушки было трое детей, предположим, что они рождались ежегодно – $17 + 3 = 20$. Тогда выходит 1835 год, по Машеньке [Луиза Францевна умерла в] 60 лет. Мне кажется, что первая цифра 1839 или даже 1840 более верна.

<...> Напишите происхождение Вашей (то есть вашего отца) дачи в Выборге. Маша пишет, что т. Соня ее купила, уехав от Классона, а по-моему ее построили ему, когда он уехал в Баку, и тетя Соня сказала, что там дурной климат. А они сказали: «Построим вам дачу, где хотите».

Из письма М.М. Володиной (урожденной Гельшерт) из Тамбова С.Н. Мотовиловой (переслано И.Р. Классону), 1 февраля 1961 г.

<...> Я не слышала, чтобы тетя Соня ездила в Швейцарию. Когда она ушла от [Р.Э.] Классона с 4-мя детьми, она сперва жила в Выборге, купила там дачу [точнее, построила с нуля – МК], а умирала она в Петербурге, мама [Анна Ивановна] к ней туда ездила в какую-то клинику.

Год рождения бабушки я не знаю, когда она умерла, ей было 60 с чем-то лет. Мама говорила, что она вышла замуж 18-ти лет. Ведь она поступила гувернанткой к детям сестры Ивана Егоровича, а он в то время хотел уходить в монастырь, приехал [в Киев] проститься с сестрой Анной Егоровной, увидел там Луизу Францевну и, вместо монастыря, решил на ней жениться.

Из детей Луизы Францевны я помню 14, а один из самых старших умер совсем маленьким, кажется, его звали тоже Петр? Сыновья: 1) Владимир, 2) Петр, 3) Николай, 4) Павел, 5) Алексей, 6) Александр, 7) Михаил. Дочки: 1) Ольга, 2) Лидия, 3) София, 4) Анна, 5) Мария, 6) Вера, 7) Зинаида (умерла маленькой) [(как помнит Зинаида Николаевна – Миша, самый младший)].

<...> [Дети Михаила Дмитриевича Гельшера:]

1) [мой брат] Гельшерт Михаил Михайлович, родился 17 февраля 1897 г., ст. стиля.

2) [(я)] Гельшерт Мария Михайловна, родилась 8 декабря 1898 г., ст. стиля.

3) [моя сестра] Гельшерт Надежда Михайловна, родилась 25 июля 1900 года.

4) [моя сестра] Гельшерт Елена Михайловна, родилась 2 апреля 1903 года.

Детей у меня было четверо, живых осталось двое:

1) Володин Евгений Григорьевич, родился 17 июня 1929 г.

2) Володина Стелла Григорьевна, родилась 17 июня 1937 года.

Умерли: Владимир, родился 17 июня 1937 [близнец Стелле? – МК]; Мая, родилась 4 сентября 1930 г.

У Евгения две дочери: Ирина с 1953 г. и Елена с 1957 г.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 18 февраля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Знаете, в семье Мотовиловых было два типа [людей]. Одни очень экспансивные, а другие невероятно скрытные. К первым относились тетя Лида, ее дочь Надя, тети Анюты дочери Надя и Лена, и очевидно я.

Надя Гельшерт во время войны пропала без вести. Ей было уже 40 лет. У нее было какое-то безумное количество романов. Законно замужем она не была, но в нее буквально все влюблялись, на моих глазах. Например, какой-то тип приходил чинить радио, его спросили, долго ли он будет к ним ходить, он сказал: пока она будет у вас гостить. Мама [Алина Антоновна] уговаривала ее остаться у нас жить.

Профессор ботаники, для которого я переводила, упрасивал ее остаться у него работать, он сделает из нее научного работника. Но где бы она у нас принимала своих кавалеров? Она уехала, в одном вагоне с ней ехал один наш знакомый. Мама Надю поручила ему. Но в вагоне оказались какие-то летчики, они всю ночь кутили с Надей. Потом один из них довез ее до другого вокзала, тут ехали плотники в Казахстан, с ними тоже она веселилась всю дорогу.

Приехала в неизвестный город, никого не зная, без гроша и сейчас же познакомилась на вокзале и вышла замуж за редактора какой-то газеты. Она его презирала, ему было уже 50 лет. Он ее ко всем ревновал – чем кончилась ее жизнь – не знаю. Пропала и все.

У Вас ведь тоже Ваш брат пропал во время войны? Так и не нашелся? Его семья живет где-то на юге? Скажите, кто из Вас, Вы или Ваш брат долгое время не могли ничего есть кроме котлет? Я говорю, что это Ваш брат, а Зина говорит, что это Вы?*

Весной 1898 года, по окончании экзаменов [в 4-й женской гимназии], я уехала в Германию и вернулась в Петербург только в 1901 году, два года в Германии, год в Англии. Как же я могла Вас видеть, когда Вы родились в 1899 году? И, кроме того, мама с тетей Соней были тогда в ссоре. С [П.Э.] Классоном мама не ссорилась. В [19]20 годах тетя Соня давно уже умерла. Мама не приезжала к Классону. Она была в Москве у своей подруги [Кати] Капканщиковой, мы жили на Кудринской-Садовой во флигеле, против 4-й гимназии. Тут у нас и бывал очень часто Классон.

В 1920-м или каком-то около этого году на месте флигеля, где мы жили, стоял доходный дом, в одной из квартир которого жили Капканщиковы, а их дом и, кажется, обстановка были сданы французскому посольству. Капканщиковы потом уехали за границу. Увезли с собой много бриллиантов, а часть бриллиантов и долларов отвезли для них за границу служащие французского посольства. Не обманули. Мама [Алина Антоновна] Капканщиковых видела потом во Франции. Они хотели приехать к Вере в Лозанну, но Вера не пожелала их принять, так же как и Кристиани. Кристиани приезжали к маминной подруге-докторше [M-elle Broye], где и видели маму. Мне кажется, Вера не захотела их принять из глупой гордости, слишком просто жила.**

* Мы уже никогда не узнаем, как на этот вопрос ответил Иван Робертович. Возможно, что сия легенда зародилась из такого эпизода (приводим по воспоминаниям И.Р. Классона):

Меня первый раз, в три или четыре года, возили в [Бакинский] театр – на оперу «Снегурочка». Мама заранее рассказала содержание сказки и о том, что в ней Снегурочка растаяла, а в театре живая певица растаять не может и поэтому она опустится под сцену – провалится. Я вспоминал потом, что считал этот момент самым главным в представлении и поэтому все время ждал, когда же она провалится. Потом вспомнили, что для детей взяли бутерброды и котлеты, мне в антрактах их предлагали, но я отказывался и попросил есть лишь тогда, когда мы в фэтоне почти уже доехали до дома.

О питании маленького брата Павла И.Р. Классон вспоминал так:

Осенью 1910-го мы переехали в Гельсингфорс, а няня съездила в Москву отобрать наши вещи для отправки в Гельсингфорс. Там мы несколько дней прожили в гостинице. Павлу было шесть лет, в ресторане при гостинице ему впервые стали давать общую для всех еду. До этого его кормили только жидкими или протертыми кушаньями, т.к. иначе он давился.

** Согласно ресурсу (www.apartment.ru/Article/48781589.html) это дом №18 на Садово-Кудринской ул., построенный в 1912 г. по заказу купчихи Капканщиковой (выходит, на месте прежнего «флигеля», существенного отстоявшего от основного дома Капканщиковых №12?). В 1917-м П.К. и Е.А. Капканщиковы проживали вместе с младшим сыном Николаем в доме №12, а их старший сын Борис переехал в дом №18. В 1922 г. их уже и след простыл в Москве... Но некоторые следы обнаруживаются за рубежом.

Ну так вот, к этим Капканщиковым в Москве и приезжал Классон, и ехали они с мамой не к Верочке [Пятницкой], а он только подвез маму до Верочкиного дома. Вы были, значит, и богаты. Верочка бывала у Вас, а никто из вас у нее не бывал. И очевидно после приезда тети Сони [из Петербурга] и она перестала бывать у Классонов.*

Вам кажется очень забавным, что Соничка швыряла калошей в tante Emilie и запирала ее на балконе. Нахалка, плохо воспитанная. Сегодня отчасти мы из-за этого с Зиной поссорились. У Зины теперь невероятно брезгливое отношение ко мне. И такой апломб утверждать все шиворот навыворот. Я говорю «Соничке было 5 или 6 лет». Достойный вид: Соничке не было и 4-х лет, Таня «была еще грудная». Это было в 1898 году, сколько по-Вашему было лет Соничке? По-моему, 6, ну может быть 5, мне было 17.

<...> Дедушка Иван Егорович, когда женился, сейчас же все состояние перевел на имя жены [Луизы Францевны]. То же сделал мой отец. После его смерти никаких осложнений, опекунов быть не могло: все принадлежало маме.

Когда мама хотела послать часть денег [дочери] Вере, она написала – пусть раньше кончится [Первая мировая] война. Был низкий курс [рубля из-за огромных военных расходов]**. Ну а потом была революция, и все погибло. Жили мы с 1918 года главным образом продажей маминых вещей, и получкой денег и посылок из-за границы. Мой и Зинин заработки были ничтожны, а Вика вообще до 28 лет ничего не зарабатывал. Я, кажется, Вам писала.

Мама мне говорила: «Что ты хочешь? Твой отец никогда не зарабатывал и твой дед тоже. Зачем же Вике зарабатывать?». Но ведь отец и дед были люди состоятельные, а мы страшно нуждались. Вся тяжесть жизни падала на маму.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 28 февраля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Мой диплом об окончании физико-математического факультета Высших женских курсов [в Петербурге], который каким-то чудом сохранился у меня, послужил только раз. Все остальные бумаги сгорели – и метрика, и гимназический диплом и пр. Немцы, уходя [из Киева], сожгли дом, где мы жили. После войны были у нас все продукты по карточкам: категории А, категории Б и затем «кое-какеры» [(от «выживать кое-как»)] и «изможденцы» [(«иждивенцы»)]. Ну вот, пришлось предъявить мой диплом о высшем образовании в бухгалтерию. После чего мне выдали карточку «кое-какеров», а не «изможденцев». Получала лишних 100 гр. хлеба в день и за месяц 400 гр. масла вместо 300 гр.! Но это, конечно, чепуха, я ведь училась вовсе не из-за каких-то материальных выгод, а из желания знания, училась и в Швейцарии, и в Англии, и в Германии. Я считаю, что высшее образование все-таки что-то дает.***

Окончание примечания

Из Сборника генеалогических очерков А.В. Уборского (www.svrt.ru/lib/a-uborsky-10.pdf):

Вера Митрофановна [Грачева] – вышла замуж за Прохорова Ивана Ивановича, Надежда Митрофановна – за Капканщикова Бориса. Все мужья – представители известных купеческих фамилий. <...> Надежда Митрофановна с мужем после революции эмигрировали, их дочь – Капканщикова (Морлан) Татьяна Борисовна жила во Франции (в Париже).

А женская гимназия №4 располагалась «практически напротив» в доме №3 на Садово-Кудринской ул.

* Вера Николаевна Пятницкая лишь в 1914 г. попала во «Всю Москву»: Шереметевский пер., 2.

** После финансовой реформы Витте 1897 г. курс нового, золотого рубля к доллару составил уже 1,94 и до Первой Мировой войны он оставался неизменным. В 1916 году курс вырос до 6,7. В 1917-м – до 11.

(odollarah.ru/kursy-i-kotirovki/istoriya-izmeneniya.html)

*** В несохранившемся по известным причинам ответе И.Р. Классон вполне мог напомнить своему киевскому корреспонденту послевоенный анекдот, который он рассказывал и сыновьям:

Советские писатели делятся на литерАторов и литерБеторов: первые питаются по продовольственным карточкам литер «А», а вторые – по литер «Б».

Я думаю, что биография Классона пишется для широкой публики, и весь инцидент об их допросе в жандармском управлении и статью об этом Плехановой стоит пропустить. Ведь это ровно ничего не дает. Мало ли что люди говорят на допросах, чтобы задурить жандармов. <...> Вам удалось достать эту книгу со статьей Плехановой [(“[Наши встречи со «знатными» путешественниками»](#)”)], а я никак ее достать не могу. Читала в [19]25-м году. Называется «Сборник №3. Группа освобожденного труда»? 1925 года? Выпишу из библиотеки, но не знаю, получу ли. Ведь Плеханов меньшевик, и «Группа освобожденного труда» тоже. А у нас это уже подозрительно. Сталин называл Плеханова «старой бабой», это я сама читала.

Тот факт, что уже после посещения [П.Э.] Классоном и Коробком Плеханова в Женеве Плеханов приезжал к нам, и мама должна была наизусть запомнить его мнения о разных трудах и передать это в марксистский кружок товарищей Классона, показывает, что с Плехановым они говорили не только об их «бедственном положении». А о каких-то более серьезных теоретических вопросах, о которых вовсе не собирались информировать жандармов. И уже после посещения Плеханова Классоном Ленин делал у Классона на Охте, на блинах, устроенных из конспирации, доклад. Где его (Ленина) впервые увидела Крупская.

<...> Читаю теперь Королькова «Тайны войны». Не талантливо, но очень интересно, очевидно он прочел очень много мемуаров. Зина и Вика этого Королькова знают. Вика останавливался у него в свой первый приезд в Германию, и затем они жили с ним и его женой в одном из их домов творчества. В первой части книги 717 стр.!, а тираж ее 250000.* Викины-то книги, кроме «Окопов», выходят тиражом [\[всего\]](#) 30000!

<...> Ульянов 6 дней провел в Париже. Геологическое французское общество выбрало его своим вице-президентом. Президент – француз, а вице-президентом выбирают иностранного, наиболее известного и уважаемого геолога. На этот раз выбор пал на Ульянова. Это, конечно, большая честь, но материально это ровно ничего не дает, по-моему, titre honorifique [[почетное звание](#)]), которое вызовет только лишние расходы – поездку в Париж, чтоб присутствовать на заседании общества. Для Ульянова это, конечно, развлечение, но материально – трудно.

Я писала Вам, что послала деньги Викиному переводчику-итальянцу, который едет в Италию, чтоб он все их потратил у нас, а затем переслал их Вере из Италии, по частям, когда угодно, как ему это будет удобно. Но он, по-видимому, не хочет, пишет, что низкий курс рубля – 100 лир. Ну и пусть это будет хотя бы вдвое меньше, но другого ведь способа переслать у меня нет! С ужасом жду, что он вернет мне эти деньги обратно.

<...> Вчера у меня была моя машинистка, принесла мне ряд переписанных ею моих рукописей. Беда в том, что она вовсе не машинистка, а жена архитектора, Викиного товарища по строительному институту [[Исаака Пятигорского](#)].** В заработке, конечно, не нуждается, уверяет, из любезности, что ей так интересны мои воспоминания, что это она должна мне платить и пр. Но я, конечно, ей плачу.

* Роман-хроника «Тайны войны» (ч. I. В столицах мира, ч. II. Карельский перешеек, ч. III. Дранг нах Остен), написанная Юрием Корольковым (1906-1981) в середине пятидесятих годов на основе документов Нюрнбергского процесса, показывает широкую сеть международного заговора против Советского Союза, изобличает нацистских преступников и рассказывает о борьбе народов против фашизма. – Из Интернета

** Исаак работал в каком-то строительном тресте довольно большим начальником, а Ева считалась журналисткой и поэтому на работу никогда не ходила. Промышляла она модной в советские времена «литературной обработкой». Иногда получала задание написать книжку, что-то вроде воспоминаний, от имени так называемых знатных людей. – Виктор Кондырев. Все на свете, кроме шила и гвоздя

Мне удобно, что она все охотно для меня делает, стоит только позвонить, и приносит мне на дом, но я не люблю, когда меня благодетельствуют. Какое-то унижительное положение. Напишите мне сколько, на самом деле платят теперь за печатный лист, на чей счет бумага и т.п.?

Я Вам очень благодарна, что Вы перепечатали мне Черткова. Но напишите, сколько я Вам за это должна? Кажется, там 15 стр. Мне хочется послать Вам ряд своих рукописей, просто чтоб Вы прочли. Во-первых, письма Чуковского [19]30-х и [19]60-х годов. Он пишет очень живо, ну а я хочу похвастаться, как он меня хвалит. Вы думаете, неискренне? Из жалости? Не знаю. Бонч-Бруевич покупал и платил, значит, ценил? Для чего-то ведь покупал в Литературный музей. Теперь вот список воспоминаний, который я хочу Вам послать. Буду, конечно, Вам благодарна, если Вы их мне перепечатаете, но нельзя ли это устроить на каких-то «взаимовыгодных условиях»?

Воспоминания такие. 1) О Надежде Константиновне Крупской, 37 стр.; 2) Мое литературное творчество, 10 стр.; 3) Между Германией и Англией, 5 стр.; 4) Англия, 8 стр.; 5) Зима 1915 г. Библиотечные курсы, 12 стр. Всего 72 стр.

4-III-61 (продолжение). <...> Большая неприятность: Викин переводчик прислал мне обратно мои деньги для Веры. Я огорчена, что не могу переслать деньги Вере, и что разочаровалась в этом итальянце. Восьмого он уедет в Италию. Я Вам писала, что ему отказали в защите диссертации и даже в представлении другой! Но сейчас за него вступился [**«главный итальянский коммунист»**] Тольятти и заявил, что если Страда (так его зовут) «ревизионист», то и он, Тольятти тоже «ревизионист».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2-3 марта 1961 г.

Милая Вера.

<...> Прадед Флориани учился медицине, кажется, в Ганновере. У меня есть его диплом об окончании медицинского факультета. Диплом на пергаменте, по-латыни.* Женился он на швейцарке. Фамилии ее я не знаю. Остался вдовцом с пятью дочерьми: Эмилия, Валерия, Ксаверина, Матильда и Луиза. Матильда уехала за границу, и я о ней ничего не знаю. В Россию прадед Флориани поехал в качестве домашнего врача к какому-то богатому русскому помещику.

Зина говорит, что это был граф Броницкий, которому принадлежало великолепное имение возле Винницы.** Прадеду жилось, очевидно, хорошо. Он был очень образован, у него имелась масса книг, полные собрания сочинений Вольтера, Руссо, Гельвеция и т.п. Громадные тома, в кожаных переплетах и с чудесными гравюрами XVIII века. Ты помнишь, я их привезла из Солоновщины в Москву?

Все дочери получили очень хорошее образование по тогдашнему времени: хорошо знали музыку, французский, немецкий и польский языки, ну, и имели хорошие манеры. Все стали гувернантками. Бабушке Луизе Францевне было всего шестнадцать лет [(в 1848-м)], когда она уже служила гувернанткой у сестры дедушки Ивана Егоровича [**Анны Егоровны в Киеве**]. Я помню, что к ней относились как к наемной гувернантке и хвастались ее итальянской красотой, заставляли распускать ее густые волосы. Дедушка влюбился и женился на ней, ну и она стала русской помещицей.

* Франц Флориани в 1825 г. окончил **медицинский факультет Виленского университета**.

** *Престарелый польский магнат и военачальник граф Франц-Ксаверий Броницкий в польском мундире и с орденом Белого орла встречал хлебом-солью проезжавшего через Белую Церковь в Варшаву Александра I (уже после разгрома Наполеона и после Венского конгресса). И, расплакавшись, говорил, что умрет счастливым, потому что перед смертью снова увидел польского короля.* (Из Интернета)

Этот граф умер в 1819 г., по-видимому, Флориани и его дочери приехали в имение Броницких под Винницей где-то в начале 1840-х, с одним из его потомков.

<...> На днях получила письмо от Вани Классона в 24 страницы. Зина смеется, что у меня с ним какие-то общие гены. Автор биографии [Р.Э.] Классона, Каменецкий, умер. Гос[энерго]издат, который ее выпускает, прислал для прочтения Ване. Тот впервые прочел статью Плехановой о Классоне и Коробке. Плехановой удалось прочитать протокол жандармского допроса и Классона, и Коробки, почему они были у Плеханова. Ну, что они дураки, будут жандармам рассказывать, для чего они к Плеханову ездили и о чем с ним говорили. Ну, они валяли дурака, они много говорили о бедственном положении Плеханова и Засулич. Негодующая Плеханова назвала эту статью, кажется, «знатные иностранцы у Плеханова». Что-то в этом роде. Обвиняет Классона в трусости перед жандармами.* Ну, Ваня, конечно, всем этим очень огорчен. Проверить по протоколу этого допроса в Жандармском Управлении нельзя, он пропал. Возможно, сама же Плеханова его и уничтожила?*** Ну, я советую, конечно, не приводить ничего из статьи Плехановой в тексте самой биографии. Ведь биография пишется для широкой публики. Статью Плехановой можно указать в списке библиографии и все. Ждут тридцать пять лет после смерти Классона, а затем пишут его биографию, когда умерли все знающие его: и Ленин, и Крупская, и Кржижановский, и Красин, и Винтер! Когда же, наконец, она появится? Как можно, вообще, ссылаться на то, что люди говорят на допросах или на суде?

* В сборнике №3 группы «Освобождение труда» за 1925 г. приводились весьма субъективные воспоминания жены Г.В. Плеханова, Розы Марковны – «Наши встречи со «знатными путешественниками»»:

Господин Классон, предприимчивый, способный, пользовавшийся влиянием в радикальных кругах молодежи человек, явился в Морнэ к Плеханову и Засулич в начале мая 1892 г. Он был снабжен рекомендациями от А.Н. Потресова и П.Б. Струве. Своей внешностью и интеллигентным лицом он произвел выгодное впечатление на морнэйских изгнанников. Его свободная, слегка светская манера держать себя понравилась Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу. Всеми нами ему оказан был очень радужный прием. <...> И Классон был <...> свидетелем глубоких переживаний Веры Ивановны, Плеханова и других. Но это, очевидно, не тронуло его души. Будь это иначе, он, вернувшись на несчастную свою родину, не забыл бы того дня и, в особенности, вечера и не унизился бы до клеветы и лжи, даже перед жандармами. Излишне, полагаю, прибавлять, что Г.В. никогда не говорил с этим господином, как он не говорил ни с кем, кроме очень близких людей, – а таких у него было немного, – о своих материальных нуждах.

Подлинные протоколы допросов Р.Э. Классона, С.И. Мотовиловой-Классон, Я.П. Коробко и других см. в очерке «В Северной Пальмире и на Охте».

*** И так, речь идет о следующих публикациях:

Р.М. Плеханова. Наши встречи со «знатными путешественниками» // Сборник №3 группы «Освобождение труда», М.-Л., 1925.

Показания «знатных путешественников» (с преамбулой Л.Д., т.е. Льва Дейча) – там же.

В советское время сие издание было запрятано в спецхран, по-видимому, И.Р. Классон получил упомянутую информацию от М.О. Каменецкого, который был допущен к работе с закрытыми для широкой публики документами в ленинградском «Доме Плеханова». Что касается того, что «сама же Плеханова его и уничтожила?», то автору сих очерков удалось разыскать оный и другие протоколы допросов в ф. 102 «Материалы царского Департамента полиции» ГАРФ и ознакомиться с ними на микроплёнке! Можно лишь предположить, что при большевиках к царским (жандармским и полицейским) архивам допускались, опять-таки, лишь свои, особо доверенные «историки», но никак не «люди с улицы», как, например, И.Р. Классон.

Из письма М.О. Каменецкого И.Р. Классону от 4 декабря 1959 г.:

Воспоминания Р.М. Плехановой <...> помещены в Сборнике №3 «Группы «Освобождение труда» (Госиздат, 1925 г.). Сборники выпускались комитетом по увековечению памяти Г.В. Плеханова. Смотрел их в Доме Плеханова. Воспоминания Плехановой разыскал также в ее рукописях (к сожалению, отпечатано на машинке и без подписи), и в рукописи почти то же, что и в сборнике, кроме абзаца в начале, который не прошел, очевидно, по цензурным соображениям. Просмотрел также письма Дейча Плехановой (очень мрачные и желчные) и ее к нему. Но в них упоминаний по этому поводу не нашел. Выдержки из показаний даны без «научного аппарата»: нет ссылок на источники. Говорил с заведующей Домом – она допустила возможность полицейской фальшивки. Хорошо бы добраться до конца. Архивы Департамента полиции все сосредоточены в Москве, в Центр. Гос. Ист. Архиве (ЦГИАМ). Допрашивал полковник Шмаков.

<...> Да, тебя можно поздравить с выбором Ульянова вице-председателем французского геологического общества? Честь эта, конечно, большая, но, как я понимаю, это titre honorifique [(почетная должность)] и материально ничего не даст.

<...> Вообще, в наших воспоминаниях очень много лицемерия: например, когда была жива Андреева, нельзя было говорить, что она – жена Горького, а надо было говорить – секретарша. Неудобно, что у него две жены. А на самом деле у нас люди имеют по две, три и даже по пять жен! Викин друг [Яков Михайлович] Свет три раза был законно женат, от двух жен есть дети, а женился ли он теперь – не знаю.*

Только Вика все еще не женат.

Ульянов пишет, что ты говоришь, что т. Соня приспособила тебя быть нянькой у Сонички. Я недавно читала в своем дневнике, как мне хотелось читать о Сен-Симонизме, а приехал Классон, привез Соничку, и я должна была вечером отвезти Соничку в Садовники. Недавно Зина спорила со мной, что Соничке в 1898-м году, тогда я жила в Веймаре, а Вы – в Богурне, было только три года. Родилась она в 1892-м году и в 1898-м ей было 5½ лет. Нет, Зина спорит как иступленная, что Соничке было только три года!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7 марта 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Посылаю Вам копию с фотографии мамы, Зины, Коли в Париже в 1915 году. У нас был только один экземпляр этой фотографии. Думая сделать удовольствие Зине и Вике, попыталась дать ее им переснять. Но они отнеслись к этому совершенно равнодушно, даже не взяли. Посылаю Вам.

А Вы мне пришлите фотографию Кржижановского с Надеждой Константиновной. Его жена Зинаида Павловна работала одновременно со мной в 1918 году в Центральном комиссариате просвещения. Высокая брюнетка? Да? Это она преподнесла Надежде Константиновне коробку конфет, проиграла: она уверяла, что немцы будут в Москве в это лето, кажется в июле. Это было, когда я нахально оторвала Н.К. от обеда, чтоб она написала приглашение Хавкиной на какое-то заседание.

Я передала устно ее приглашение Хавкиной. Та обиделась. Т.е. сперва очень обрадовалась, а потом ей кто-то что-то сказал, и она заявила: «Не поеду, подумаешь, меня пальчиком поманят, а я побегу?» Я считала Хавкину единственным человеком, знающим у нас библиотечное дело. Я помчалась к Н.К., она написала приглашение. Мчусь в наш Совет рабочих депутатов, где идет какое-то совещание, передаю Хавкиной письмо Крупской. Она презрительно, не открывая его, швыряет в корзину для бумаг. Я пишу ей записку, что вот, мол, Н.К. оторвалась от обеда, пошла писать ей приглашение. Вижу: Хавкина лезет в корзину для бумаг, ковыряется, находит письмо, вытаскивает и читает.

* Из письма Софьи Николаевны в Лозанну за май 1963 года:

Это Викин друг с четырнадцатилетнего возраста. Я тебе писала, как когда они поселились в нашем доме (№24, там, где [Н.А.] Ульянов был у нас), его отец спросил дворника, кто хороший мальчик в доме, с кем бы его сын мог дружить. И дворник сейчас же указал на Вику. Помню, выхожу на звонок и [вижу,] перед нашей дверью стоит этот отец с сыном и рассказывает мне эту историю. Яська исключительно образован. <...> Работает теперь в каком-то издательстве в Москве. Он написал какие-то примечания к какой-то книге, и ему кто-то сказал, что лучше бы он из этих примечаний сделал свою научную работу (на звание кандидата наук). Я его видела последний раз, когда к нам в Киев приезжали итальянцы, кажется, в 1956 или 57-м году. Вообще, он очень мягкий и симпатичный. Его общество Вике желательно.

В Интернете можно найти информацию о геологической, научной и писательской деятельности Я.М. Света, но нет ни слова о его семье и двух или более браках. См. например, пафосный сайт «Памяти Виктора Некрасова» (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Yasia%20Svet.aspx).

На заседание она все-таки не поехала. Это был первый год советской власти, и никто не был уверен, долго ли она продержится. Мне говорили тогда, что я «продалась большевикам». Не знаю, за что я «продалась». В кооперативных организациях платили больше, чем у нас. А по карточке я, «ответственный работник Центрального Комиссариата» получала одну восьмую [фунта], т.е. 50 г хлеба.

В конце [19]30 годов Хавкина была снята с работы в б-ке [им.] Ленина, и в «Вечерней Москве» появилась возмутительная заметка. Что вот, мол, очищен состав служащих Ленинской библиотеки, выгнаны все бывшие помещики, следовали их фамилии, и среди них Хавкина! Какая же она помещица! Еврейка, правда, а муж был банкир.*

Я тогда написала длинное письмо Луначарскому, но как всегда безрезультатно. Увы, я всегда, как Вольтер, *avocat des affaires perdues* [(адвокат безнадежных дел)]. Когда я видела последний раз Крупскую, а она возглавляла тогда библиотечный отдел, она понятия не имела, что лучший у нас, наиболее знающий библиотекарь снят с работы. Удивилась. О статье в «Вечерней Москве», конечно, ничего не знала. Сказала мне: «Я поговорю с Невским». Он был тогда во главе Библиотеки им. Ленина. Попросила меня дать № тел. Хавкиной. Я с радостью схватила свою записную книжку, №№ телефонов там было много, но я забыла написать, к кому они относились. Надежда Константиновна очень смеялась надо мной.

Но вскоре после того и Невский был арестован, и сослан или расстрелян? **

<...> Я уверена, что Крупская статьи Плехановой о [П.Э.] Классоне и Коробке не читала и понятия о них не имела. Вообще она не выносила всякие склоки, и когда в ее присутствии начинали кого-нибудь осуждать, она уходила. Это ее секретарша пишет. Тут-то и нужно было особенно внимательно прислушиваться, чтоб изъять зло. Моему племяннику она сказала, что я «кипяtilка». Вокруг идет жуткая трагедия. Гибнут лучшие, культурные люди, те самые, которых как раз нужно привлекать к строительству нашей советской жизни, т.е. которые могут принести пользу, не ожидая, чтоб на них сошла благодать. Банды негодяев творят беззакония, разрушают создаваемые нами учреждения, загримировавшись под большевиков, творят самое жуткое вредительство, а когда об этом пишешь Крупской, она говорила, что я «кипяtilка».

* На ресурсе (soyuz-pisatelei.ru/forum/44-1030-1) можно узнать много чего хорошего о самоотверженной деятельности Л.Б. Хавкиной (1871-1949) на ниве библиотечного просвещения. А на ресурсе (az.lib.ru/h/hawkina_l_b/) – ознакомиться с ее трудами, в основном переводческими. Как обычно, в Интернете нет ни слова о ее семейной жизни, кроме упоминания девичьей фамилии – Гамбургер.

** Невский Владимир Иванович (наст. фамилия и имя Кривобоков Феодосий Иванович) (1876-1937), российский политический деятель, историк. В 1918-21 гг. нарком путей сообщения. С 1924-го [по 1935-й] директор Библиотеки им. В.И. Ленина. Труды по истории российского революционного движения. Репрессирован; реабилитирован посмертно. – *Энциклопедический словарь*. 2009.

В 2008 г. издана книга о В.И.Невском – (Белоусова Г.А. «В.И. Невский: государственный деятель, историк, человек». М., 2008). Многие годы его имя, как имя «врага народа» не упоминалось в печати, а его труды, в том числе по проблемам истории, были замурованы в спецхранах библиотек и не выдавались читателям. Отличался по происхождению – родился в семье богатого купца-предпринимателя. Любопытно, что он не скрывал этого, и в 1926 г. на вопрос одной из анкет о социальном положении ответил не без юмора: «Демократическое: предки крестьяне, дед и отец – буржуа».

<...> В.И. Невский был снят с должности директора библиотеки им. В.И. Ленина и арестован в 1935 г. В мае 1937 г. историк был вторично привлечен к уголовной ответственности и переведен в Москву на Лубянку, затем в Бутырскую тюрьму. 25 мая того же года его приговорили к расстрелу и на следующий день приговор был приведен в исполнение. – *В.И. Невский – безвинная жертва сталинизма*. // «Вестник архивиста», №3, 2008

В 1927 году я была в Москве, хлопотала о мамином [заграничном] паспорте, заходила к Алексееву. Со своими личными просьбами я к Крупской никогда не обращалась. Алексеева я знала по Лондону, когда он старался, как он вспоминал недавно, обратить меня в свою веру [(в марксизм)]. Давал читать Энгельса о Фейербахе, покупал для меня Лассалья и т.п. Мы много с ним бродили по Лондону, хоть я его почему-то боялась. В 1927 году он произвел на меня чудесное впечатление, как и его 12-летний сын (теперешний Герой Союза, адмирал). Алексеев поразил меня своей чуткостью, мягкостью.*

Когда мы расставались, он сказал, чтоб я писала ему, если мне что будет нужно. Я написала ему 2 негодующих письма (о чем – не помню). В 1931 году я опять была проездом в Москве. Видела [старого знакомого] Водена. Оказывается, Алексеев показывал ему мои письма и сказал, что я «истерическая старая дева». Критиковать ужасы, которые творились в конце [19]20-х годов, очевидно, могут только «истерические старые девы». Кстати он сказал мне, что Крупской не нравился тон моих писем ей.

<...> Зашла сегодня на кухню поглядеть, нет ли воды. Она у нас бывает только по ночам. Соседка по квартире, сын которой [Марк] работает на Киевской киностудии, сообщила мне, что Вика заключил договор с этой студией на 12 000 новых руб.** Я немного удивилась, за те два [сценария] («Окопы» и «В родном городе») он получил за каждый по 150 000 [старых руб.], не считая жалование в 2000, которое он в это время получал в месяц, командировочных и пр. Не находите вы, что о Викином фильме [(о его сценарии «Неизвестному солдату»)] мне естественнее было узнать от Зины, а не от соседки по квартире? Но они все старательно скрывают от меня, особенно деньги, которые Вика получает.

Однажды Зина говорит, что Викины «Окопы» опять издаются, кажется 20-е издание. Я спрашиваю: «А сколько они Вике заплатят?». Зина пренебрежительно: «Что это тебя может интересовать? Ведь это 20-е издание. Получит пустяк». Говорю: «Хорошо, узнай, какой это пустяк?». На следующий день Зина говорит: «Я же тебе говорила, что пустяк. Всего 25 000». Я получала тогда [(до деноминации)] 210 р. пенсии в месяц, и 25 000 были для меня не пустяк. Через день Зина говорит: «Я ошиблась – 25 000 был только аванс».

* Речь идет, как мы уже упоминали, о жившем в Москве Николае Александровиче Алексееве (1873-1972), члене РСДРП с 1897 г., с которым С.Н. Мотовилова познакомилась в Лондоне еще в 1900-м. Его сын – Владимир Николаевич (1912-99), Герой Советского Союза (1944), адмирал (1970), 1-ый заместитель начальника Главного штаба ВМФ.

** 1 января 1961 г. произошла 10-кратная деноминация советского рубля.

Что касается Марка, то возможно, что это Маркс Коростышевский (1924-1982), приятель Виктора Платонова.

Ивану Робертовичу Классону, к дню его 62-летия [13 марта 1961 г.]

С днем рожденья поздравляю,
Всего лучшего желаю.
Насладиться Вашим садом,
Обнести его фасадом,
Чтобы фрукты в нем родились,
Рефераты же «плодились»,
Чтобы дети, Вам на радость,
По-немецки говорили,
Чтоб за их отметки в школе
Вы совсем их не пилили,
Чтобы глаз Вам излечили
Эскулапы, а потом
Чтобы стали вполне зрячим
И всех видели «насквозь»,
И в прямом и переносном
Не решали б «на авось».
Что ж еще Вам пожелать
Погреб есть, холодильник куплен
Рифмы ради: дом облуплен
Нет, в поэты не гожусь я
Нет таланта, хоть убей
А поэтому стремлюсь я
Кончить стих сей поскорей.

Март 1961 С. Мотовилова

З.Н. Некрасова (из Киева) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 14 марта 1961 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Вот уже четыре дня, что я лежу в grippe и не выхожу <...>. Думаю, что дня через два-три встану. Скажи Гане, что еще надо будет тебе послать.

Приписка С.Н. Мотовиловой: *Посылаю тебе Зинино письмо. Зина больна уже неделю. Что с ней, я не знаю, зайти к ней не могу, так как кроме обычной приживалки и Вики у них еще [гостит] Викин «друг» Сац, присланный «Новым Миром» редактировать Викину новую вещь.* Четырнадцатого [марта] заходила ко мне Ганя, страшно бешеная, что ее прислали ко мне. Она это считает ниже своего достоинства.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16 марта 1961 г.

[Милая Вера.]

<...> Сегодня вечером я пыталась Зине и Вике позвонить, подходила семь раз к телефону, никто не отвечал! Наконец я позвонила Викиному приятелю. Он сказал, что видел сегодня Вику, что, наконец, они вызвали врача и будто бы Зина поправляется, а что Вика теперь дома не работает. Боюсь, что Зина целый день одна, приживалка [Нора Аль] на службе, Вика со своим Сацем где-то болтается. Это тот самый Сац, приезд которого к нам, в 1948-м году, я описала тебе в одном из предыдущих писем, когда Зине не оказалось места в автомобиле. Он провел тогда у нас три дня. Я его не видела девять часов, была на службе (8 час. работы, час – перерыв) и еще час ходьбы туда и обратно. Восемь часов я спала, а вечером они бывали в гостях и на концертах.

* В №6 «Нового мира» за 1961 г. выйдет повесть «Кира Георгиевна».

Прошло десять лет. Вдруг Зина меня упрекает: «Бедный Сац в тот раз из-за тебя ни минуты не мог заснуть». Когда и как я могла его беспокоить – неизвестно. Ну, и Вика тоже упрекал меня (еще на этой квартире): «Зачем ты к нам опять всунулась?»

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 марта 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы спрашиваете, почему я пишу, что не мама была у [Р.Э.] Классона, а Классон у нее. Видите, в наше время мужчины ездили к дамам, а не наоборот. Мужчины приезжали поздравлять с Новым годом [(т.е. с Рождеством)] и Пасхой, а не дамы. Мужчины помогали дамам выйти из экипажа (то, что Классон называл «позвольте вас взять под жабры»).

Ну, теперь другое [время]: я, например, готовила обед, торчала во всех очередях, чтоб продукты получить. Вика и его приятель обедают (гости у него к обеду бывали ежедневно). Поев обеда, Вика развалился на диване, его приятель в кресле, ну, а мне нужно еще посуду перемыть. В это время я роняю кошелек, вся мелочь рассыпается по комнате, ползу (я, 70-летняя старуха! [действие происходит до 1950 года, когда племянник получит отдельную квартиру – МК]) под столом, под стулья, Вика, конечно, не двигается. Ну, а его друг, более живой, еврей, тычет то в одну, то в другую сторону и говорит: «Вон там под стулом, С.Н., вон там у ножки стола». И я ползаю, и ползаю.

А вот как-то, после войны иду я через сад Шевченко, бывший Николаевский. Через лужу перекинута доска. По ту сторону доски стоит офицер [Советской армии] и говорит: «Кто из нас [первый] пройдет по доске?». Я говорю: «Конечно, я. Я стара, у меня рваные валенки, а у вас хорошие сапоги и вы молоды». Он очень ловко перепрыгнул через лужу, но верно ему кажется, что, уступив мне, он унизил свое офицерское достоинство, и он кричит мне: «Старая дура!».

В былое время вечером наши знакомые мужчины считали своим долгом провожать нас до дома. А в Лейпциге один мой знакомый всегда еще стоял и ждал, когда зажжется свет в окне в моей комнате. А вот теперь Машенька [Володина из Тамбова] мне пишет. Какой-то поклонник ее дочери засиделся вечером у них, и она, дочь, пошла провожать его на троллейбус!

Нравы переменились и у нас, и за границей. В Америке девицы ходят по улицам (видела снимок) в бюстгальтере и трусах. А какой-то наш писатель описывал, как девица со стройными ногами показывала им здание, кажется ООН, тоже в трусах.*

* «Перемену нравов» или точнее их порчу можно было наблюдать еще в конце XIX века. Если в студенческой среде отношение к дамам было в основном благожелательно-ироническим (типа, «позвольте вас взять под жабры», из лексикона Р.Э. Классона), то в мещанской и офицерской – зачастую попросту хамским. Вот несколько эпизодов из 1887 г., зафиксированных обозревателем «Нового времени» Петербуржцем 3 и 11 сентября в своих очерках «Маленькая хроника» (когда Софье было всего 6 лет):

Повреждение нравов сказывается не только в преступлениях громких, кровавых, заставляющих содрогаться и трепетать, но еще больше, может быть, в массе мелких правонарушений, называемых проступками. Убийства сравнительно редки; кражи совершаются ежедневно, лишение женщины чести бывает не часто; посягательства же на стыд женщины, на уважение, ей довлеющее – явления заурядные. Начиная с ловеласничества на улицах и кончая тонко скомбинированным соблазном, достойным легендарного Дон-Жуана, эти посягательства встречаются на каждом шагу и до такой степени вошли в нравы, что уже почти не шокируют. Легкое отношение к женщине, к ее чести, достоинству и стыду, к ее чувству – да этим, помилуйте, даже хвастаются и гордятся, не все, конечно, но многие. В камере [петербургского] мирового судьи судятся два савраса за то, что летом были пойманы и уличены в подглядываньи в женскую купальню. Разве удивительно? В Астрахани из такого подглядыванья оборотистые промышленники создали целую индустрию, просверлив в досчатой стене, отделявшей мужскую купальню от женской, сквозное отверстие и припуская к нему за двугривенный всех желающих. И это неудивительно. Некий безобразник в Ростове почти ежедневно в течение всего лета нырял из мужской в смежную с нею купальню для женщин, появляясь среди ростовских наяд в роде Нептуна из вод. Finita la comedia.

Продолжение примечания

К итогам летнего сезона. Мы в камере мирового судьи. Г-жа Пр-ова взыскивает с отставного штабс-капитана Д-лева 250 руб. убытков, понесенных вследствие отказа штабс-капитана жениться на дочери 2-жи Пр-вой. По словам истицы и вызванных ею свидетелей, госп. Д-лев в течение всего лета под разными предлогами откладывал свадьбу, в то же время пользуясь всеми правами жениха, ежедневно обедая и ужиная на счет своей будущей тещи. «Когда же однако этому будет конец?» – не выдержала раз мамаша, приперев своего будущего зятя к стенке. «Ах, если так, – воскликнул будущий зять, – никогда-с!» – «Как! После всех ужинов и обедов?!» – «Да-с, после всех ужинов и обедов!» Оскорбленная женщина подала на штабс-капитана прошение мировому судье. Но мировой судья признал ее иск не заслуживающим удовлетворения. Оскорбленной женщине остается обратиться к Обществу содействия к вступлению девушек в брак; авось оно ей поможет.

А вот про «порчу нравов» из «Маленькой хроники» Петербуржца за 9 июня 1890 г. (Софье Николаевне уже 9 лет):

С 1-го июля должно вступить в силу обязательное постановление о намордниках для собак. Иначе, как с намордником, вы больше на улицах собак не увидите. Петербургские жители, таким образом, будут ограждены от нападения собак. Не мешало бы теперь принять необходимые меры и относительно ограждения порядочных женщин от другой уличной опасности, а именно от нападений уличных безобразников и нахалов. Нам постоянно приходится получать письма с горькими жалобами на такие порядки.

Вот, например, случай, бывший на днях на конке, идущей от Невского по Садовой, и сообщенный нам очевидцем. В числе пяти или шести пассажиров, исключительно дам, находилась в вагоне очень молоденькая и хорошенькая девушка, очень мило, хотя и просто, одетая. На пути влез в этот вагон какой-то молодой человек, очень плюгавый на вид, что не мешало ему, однако, считать себя сердцеедом. Поместившись как раз напротив молодой девушки, он стал, ни с того ни с сего, к ней наклоняться и что-то такое нашептывать. Девушка вспыхнула и пересела на другое место. Нахал – за ней. Тогда она обратилась к кондуктору. Кондуктор вступился за оскорбленную, но вывести безобразника не решился. Конечно, будь в вагоне хоть один порядочный мужчина, безобразнику не прошли бы бесследно дерзости, нанесенные им беззащитной. Ведь эти саврасы, в большинстве случаев, не пристают к женщине, если ее охраняет мужчина.

Один из корреспондентов нам пишет:

“Возвращался я как-то вечером, около десяти часов, с покупками для семьи. Вдруг подбегает ко мне совершенно незнакомая мне девушка и просит охранить ее от нахала, преследующего ее разными пошлостями. Освободить и охранять от этого савраса мне конечно не пришлось, так как, видя, что девушка остановила и просит о чем-то какого-то мужчину, обладающего корпуленцией довольно внушительной, саврас счел за благо ретироваться шагов на пятнадцать.

Успокоив девушку, я спросил ее, не желает ли она, чтоб саврас был тотчас же отправлен в участок, но она этого не захотела, ибо боится всяких «историй», и только просила оградить ее от дальнейших преследований «савраса». Я так и сделал. Довел ее до ближайшей конки, посадил в нее и, убедившись, что в тронувшуюся конку нахал не влезал, пошел искать его на улице, но савраса и след, как говорится, простыл”.

<...> Факты, вроде рассказанных нашими корреспондентами, вовсе не редкость и каждому из нас прекрасно известны. Походите, погуляйте по улицам Петербурга, особенно вечером, и вы не на такие еще посмотритесь сцены и убедитесь, что принять меры к ограждению от нахалов наших матерей, жен, сестер и дочерей действительно необходимо. Но какие меры? Вот в чем вопрос. Как ни образцова во многих отношениях наша полиция, но ей одной справиться с нашими дикими нравами невозможно.

А вот примерно про то же самое в губернском городе Баку (здесь упоминаются грубые фазтонщики, собраты таковых же питерских наглых извозчиков, сюжет о которых тоже был в предыдущей публикации, но опущен нами за недостатком места) описывается в публикации газеты «Каспий» за 16 января 1891 г.:

Наши «шутники».

Вряд ли можно отыскать по лицу всей матушки Руси другой такой уголок как Баку, где бы насилия над личностью в самой грубой, дикой форме распустились бы так пышно и притом вполне безнаказанно. Ну, мыслимо ли допустить, чтобы в городе мало-мальски благоустроенном нельзя было ходить по улицам без опасения, что вот-вот из-за угла выскочит толпа милых «шалунов» и изувечит вас до смерти, так «[за] здорово живешь», из одного только молодечества и на все ваши крики и вопли о помощи не явится ни одной души? <...>

Окончание примечания

Судите сами: идет некий госп. Б-в с своей женой, вечером 14 января, по Ольгинской улице; проходит мимо кабака Элиозова; на грех выходит оттуда компания милых «шалунов» и начинает бить злополучных супругов. И если б только не заступничество проходившей публики, то неизвестно еще, чем бы кончилась эта варварская сцена, место которой скорей в какой-нибудь Ново-Зеландии, ни никак уж не в стотысячном городе, центре промышленности, с организованной полицией, словом, со всеми атрибутами, якобы, благоустроенности...

Спрашивается, где были городские, когда происходила эта гнусная, решительно ничем не вызванная расправа? Разве не на их прямой обязанности лежит предупреждать подобные инциденты? Приходится сознавать, как ни больно это, что нет... При этом нужно заметить, что случай с госп. Б-в вовсе не является каким-то единичным. Женщинам, например, решительно нет никакой возможности ходить не только по вечерам, но и днем по улицам, без того чтобы не получить от всевозможных нахалов, главным образом персов-торговцев, по своему адресу оскорбления...

О наших, можно сказать, классических фазетонщиках, получивших вполне заслуженную популярность за свои грубоности, мы и говорить не будем, так как все это известно всем и каждому. Давно уже пора положить конец всем этим безобразиям и обуздать так или иначе нахалов, положительно отравляющих и без того не особенно сладкие дни бакинского обывателя.

В октябре 1892 г. хамское поведение мужчин из самых разных слоев в Петербурге даже удостоилось отдельного приказа градоначальника В.В. фон-Валя (Софье Николаевне исполнилось уже 11 лет):

Хроника

По вечерам порядочным женщинам невозможно выходить на улицу без провожатых, не рискуя подвергнуться неприятностям со стороны разных лиц, иногда вполне прилично одетых, но вполне неприличных. С недавних пор учрежден особый надзор: полицейские агенты, одетые в штатском, следят за подобными лицами, в случае приставания их к прохожим, в особенности к женщинам, их арестовывают. Вечером и в ночь с [субботы] 3-го на [воскресенье] 4-е октября таких арестов произведено более двадцати. В числе задержанных оказался один солидный человек, лет сорока, некто Ч-в, служащий главным приказчиком в одном из магазинов Гостиного двора и управляющий домом. Ч-в приставал к дамам, одну даму [даже] повалил на тротуар и прочее. Все это проделывал Ч-в, как показывал он потом в свое оправдание, «ради шутки». <...>

В сегодняшнем приказе по полиции [(публикуется в том же номере газеты)] градоначальник генерал В.В. фон-Валь прямо подтверждает, что эти лица, встретив одиноко идущую даму, позволяют себе приставать к ней с разными оскорбительными и неприличными предложениями, нахально преследуя беззащитную женщину, несмотря на просьбы оставить ее в покое. Со стороны полиции в таких случаях не оказывается дамам никакого содействия. Стремясь к тому, чтобы положить предел этому безобразному явлению, градоначальник предлагает приставам – всем городским разяснять возможно чаще, а отправляющимся на посты в вечернее время перед выходом ежедневно внушать, что они с особенным вниманием должны следить за всем происходящим на панели улиц и немедленно прекращать всякий беспорядок и безобразия. <...>

Составленные по этим делам протоколы пристава обязываются лично доставлять госп. градоначальнику на следующее утро в 8 час. «Новое время», 7 октября 1892 г.

Однако, все эти отдельные эпизоды хамского поведения «третьего сословия», простых извозчиков и даже отдельных представителей из «интеллигентной публики» меркнут на фоне получивших массовое распространение феодальных отношений похотливых мужчин из всех сословий к женщинам более низких классов. При этом трудно найти существенную разницу между мерзким поведением «благородных дворян», которые склоняли к сожительству своих крепостных девок, и советских чиновников высокого ранга (см., например, сатирические рассказы Юрия Нагибина «Любовь вождей»). Ну а самым мерзким явлением была проституция (хоть разрешенная в царское время, хоть запрещенная в советское и нынешнее время). Наиболее фундаментальным произведением на эту тему, по-видимому, можно считать повесть Александра Куприна «Яма».

Из комментария Эммануила Ротштейна к этой повести в Собрании сочинений (ГИХЛ, 1958):

Материал для «Ямы» был собран Куприным в девяностые годы [XIX века] в Киеве, который и является местом действия повести. Когда появилась первая часть «Ямы», газета «Киевские вести» писала, что все герои произведения «являются портретами живых киевлян» (Е. Исаков, «Яма», «Киевские вести», 1909, 25 апреля). По этому поводу в газетном интервью Куприн заявил: «Я избегаю портретности, «Яма» – это и Одесса, и Петербург, и Киев» («Киевская мысль», 1909, 12 июня; «Киевские вести», 1909, 14 июня).

Все это «девственной и высокоморальной» С.Н. Мотовиловой могло и не касаться напрямую, но неужели в своем и чужом окружении она ничего подобного не замечала?!

joyreactor.cc

Девицу в ООН со стройными ногами найти в Интернете не удалось, зато имеется фото: “Стенд [советской] «Лады» в Нью-Йорке, 1973 г.”

Слышали ли Вы в Москве об ужасе, который произошел в Киеве? По радио не говорят, ко мне никто не заходит, сижу в моем одиночном заключении, а мои соседи – их 18, почему-то это скрывают от меня. Зина прислала Ганю. Ганя пришла злующая. Зина ей как-то сказала: «Теперь нет красных шапок (рассыльных), чтоб я могла к Соне послать». Разъяренная Ганя говорит: “Нашли тоже «Красную шапочку», чтобы посылать!” В ней 7 пудов, и ей и 2 шага пройти трудно. Она всегда ездит, но от меня до троллейбуса минуты три. Зина пишет: «Ганя тебе расскажет».

На окраине Киева есть Бабий Яр. Это там, где были убиты при немцах десятки тысяч евреев. Его заливали, чтоб сравнять и на этом месте устроить сад. Лопнула какая-то труба, песок поднялся. Ганя говорит: разрушено 45 домов, 1000 трупов людей, согнали туда массу военных, никого не допускают. Мой 7-летний сосед рассказал мне, что там летают вертолеты, и один за что-то зацепился, его втянуло вниз, и он погиб. Но взрослые ему запретили дальше со мной разговаривать.

Очевидно, надо хранить военную тайну?*

* Для удобного транспортного сообщения между Лукьяновкой и Курневкой, а также во избежание роста оврага, находящегося в зоне города, и получения площади полезной застройки было решено ликвидировать Бабий Яр. Этого предполагали достичь путем намыва грунта, транспортируемого сюда по трубам в виде пульпы из карьеров Петровских кирпичных заводов, где добывалась глина, используемая для изготовления кирпича. О моральном аспекте подобного решения никто не думал.

<...> Городские власти так торопились сравнять Бабий Яр с землей, что готовы были заливать пульпой действующий (!) газопровод. И фактически с 1954 г. начинается замыв верховьев Бабьего Яра. В Бабьем Яру начала скапливаться вода, с которой не в состоянии была справиться существовавшая дренажная система.

<...> Статью Крупской о поездке по Волге я читала, мне не понравилась. А ее воспоминания о Ленине стоят у меня [на полке] уже несколько лет, и все не могу кончить. Писали, что будут издавать ее сочинения в 15 томах. Думаю, они будут иметь более исторический интерес, чем практический.*

<...> Знаете, когда [Р.Э.] Классон назвал Засулич «грязной старухой», ей было всего 40 лет! По моим-то понятиям она совсем еще молодая была.

<...> Кажется, я Вам писала, что «Новый мир» прислал своего редактора [Игоря Саца], редактировать Викин новый роман. Он хорошо знает Пастернака, Зина мне пишет, что у Пастернака было несколько жен, одна – за границей и получает там все гонорары за издания там его сочинений. Значит, это можно устроить.**

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18-24 марта 1961 г.

Милая Вера.

<...> Я тебе, кажется, писала, что Ваня Классон мне написал: “Не думаете ли Вы, что тема «Чистка геолкома» (в 1931-м году) уже исчерпана?” Очевидно, я ему надоела рассказами об этой чистке, но ответила так: «Исчерпанных тем у меня быть не может. Я – жвачное животное и жую все одну и ту же жвачку».

Окончание примечания

Но несмотря на предупреждения, дополнительные меры не были приняты, и овраг продолжали замыывать. В 1958 г. Бабий Яр был замыт до отметки 153, и горсовет распоряжением от 11 декабря 1958 г. поставил задачу залить верховья Бабьего Яра до отметки 166.

Это было последнее решение горисполкома по замыву отрогов Бабьего Яра. 13 марта 1961 г. жидкая пульпа прорвала защитную дамбу и громадный поток густой грязи около 4 м стремительно понесся вниз – на Курневку. Последствия были ужасными. Как указано в правительственном сообщении, в результате катастрофы погибло 145 человек, принято в больницы 143 человека. Но А. Анисимов в книге «Киевский потоп. Курневская трагедия, 13 марта 1961 года», пишет, что «по неофициальным данным курневская трагедия унесла жизни полутора тысяч киевлян». Были разрушены жилые дома, сооружения стадиона «Спартак», трамвайное депо им. Красина.

Т. Евстафьева. Бабий Яр во второй половине XX в.

* В 1919 году Н.К. Крупская совершила большую поездку по Волге от Нижнего до Казани и до Перми по Каме на литературно-агитационном пароходе «Красная звезда», знакомилась с постановкой школьного дела и культурно-просветительной работой в татарских, чувашских и мордовских районах Поволжья и Урала.

В 1957-63 гг. вышли 11 томов ее Педагогических сочинений, в т.ч. 11-й (дополнительный): Письма. Дневник поездки на пароходе «Красная звезда» (735 стр.). Последний том в Интернете можно скачать, напр. по ссылке (publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html#011).

** Если речь идет о первой жене Б.Л. Пастернака, матери его сына Евгения, Евгении Владимировне, урожденной Лурье (1898-1965), то в 1931 г. она уехала в Германию для лечения туберкулеза, однако потом вернулась из-за границы, начало войны провела вместе с сыном в эвакуации в Ташкенте (был призван в 1942 г.) и умерла в Москве. 2-я жена и 3-я женщина поэта тоже умерли в Москве.

Возможно, «испорченный телефон» возник на следующей почве, о чем сообщает Википедия:

Б.Л. Пастернак завещал [Ольге] Ивинской часть авторских гонораров, которые он не мог получить, за заграничные издания «Доктора Живаго». Эти деньги, привозимые в СССР иностранцами, обмениваемые на рубли и передаваемые Ивинской, явились причиной повторного ареста уже через 2½ месяца после смерти Б.Л. Пастернака – 16 августа 1960 г. – по обвинению в контрабанде. В показаниях Ивинской на предварительном следствии роль автора «Доктора Живаго» в передаче рукописи за границу и получении гонораров была преуменьшена, а ее собственная роль и роль дочери – преувеличены. Ценой попытки защитить память поэта стал арест 5 сентября того же года дочери О.В. – Ирины Емельяновой. На судебном заседании 10 ноября 1960 г. Ивинская не отказывалась от показаний, данных на предварительном следствии, но виновными в контрабанде или в пособничестве контрабандистам ни она, ни Ирина Емельянова себя не признали. О.В. Ивинская была осуждена к 8 годам лишения свободы и отправлена в исправительную колонию на станции Невельская под Тайшетом. Была освобождена досрочно в октябре 1964 года.

<...> Недавно я вышла в кухню, и соседка (сын [Марк] которой служит в нашей Киевской киностудии, не знаю как это [точно] называется) сообщает мне, что Вика заключил договор с Киевской киностудией на 12 000 [новых руб.]*. Сперва меня удивила маленькая цена, ведь за фильмы он получал по 150 000, но потом я поняла, что это новые деньги. Спрашиваю, какой же сценарий Вика им дает? Она не знает, ее интересуют только деньги. Ты не находишь, что естественнее было бы узнать об этом от Зины, а не от соседки по квартире?

Ганя пришла, тоже засекреченная и бешеная как фурия. Я ее о чем ни спрошу, она ничего не знает. Спрашиваю: «Что это за сценарий Вика дает в Киевскую киностудию?» Она испуганно: «Откуда Вы это узнали?» Вчера я вечером позвонила Гане, чтобы узнать о Зинином здоровье. Сперва подошла приживалка и сказала, что Ганя подойти к телефону не может (очевидно, подавала обед), потом Ганя все-таки подошла, сказала, что температуры у Зины уже нет, она встала и ходит по квартире. Спросила, позвать ли Зину к телефону, я сказала, что не надо.

Последние разы, когда я говорила с Зиной по телефону, она двух слов не дослушает и вешает трубку. Виктора Платоновича раздражает, когда говорят по телефону! Хоть он у них в передней, а его комната через столовую. Но, правда, у него обостренный слух, а у Зины – обостренное обоняние.

<...> Я вспомнила такое. Я ведь всегда была довольно экономна. Хотелось поменьше брать денег у мамы. Вот как-то я остановилась по дороге из России в Швейцарию в Мюнхене. Я подумала: не стоит на два дня покупать путеводитель по Мюнхену, наверняка он есть у Эпштейна (мужа Лизы Гефтер). Пошла к нему. Он меня встретил очень любезно, сказал, что не помнит, куда дел путеводитель, его прислуга его поищет, а мы тем временем напьемся чая. Его прислуга нашла путеводитель, и я после чая ушла. Через два дня я ему его путеводитель, конечно, вернула. Ну, а потом София Гефтер мне рассказала, что никакого путеводителя у него не было, а когда я пришла, он сей час послал свою прислугу в магазин купить его.**

<...> Ведь ты от мамы фактически ничего [во время первой мировой войны] не получила. В 1915-м году, когда мама и Зина вернулись в Россию, мама хотела выслать тебе сколько-то тысяч [рублей], а ты написала – лучше подождать конца войны. То же написала и M-elle Broye. Ну, а в конце войны у нас уже не было никаких средств. Так мама и осталась должна M-elle Broye 20 000 [швейц.] франков. Ну, а дальше и ты, и M-elle Broye все время высылали нам и деньги, и посылки.

Но ведь это шло не на маму, а на всех нас, главное – на Вику. [Его брат] Коля ведь умер в 1920-м году [был убит красными в Миргороде в 1919-м как французский шпион, тело сбросили в реку Хорол, З.Н. Некрасова ездила на розыски тела сына, но не нашла – МК].

* Речь идет о сценарии В.П. Некрасова к документальному фильму «Неизвестному солдату» и о Киевской студии хроникально-документальных фильмов, где сценарным отделом заведовал приятель писателя Гелий Иванович Снегирев, или Гаврила:

Мы, авторы, должны были к нему прислушиваться и выполнять его указания. Звучали они приблизительно так: «Юрка с Максом топают в «Гастроном». Как минимум, два пузырька. Закусь – сами знаете. Хлеба украинского, думаю, хватит. Пиво здесь, в буфете. Сервировку беру на себя. Одна нога здесь, другая там. Выполняйте!» Через полчаса, а то и раньше, Юрка с Максом возвращались, двери сценарного отдела наглухо закрывались, из ящичков письменного стола вынимались тарелочки, вилочки и тому подобное, и собравшиеся приступали к обсуждению сценария. <...> Обсуждение сценариев (или чего-то уже другого) после окончания рабочего дня продолжалось на квартире у Гаврилы (или кого-нибудь другого) и заканчивалось далеко за полночь. – Из повести «По обе стороны Стены»

** На ресурсе (www.artz.ru/1804893476.html) можно узнать, что Елизавета Ивановна Хефтер-Эпштейн была художницей. В 1898 г. вышла замуж за мюнхенского врача и члена городского совета Мячеслава Эпштейна (брак распался в 1912-м). Софья Николаевна знала и ее сестер – Софью и Елену Хефтер (Гефтер).

Ну, а теперь, когда у Вики такая уйма денег, которые он раздает налево и направо, послать Вам нельзя. Мой сосед <...> рассказал мне, что Вика пишет сценарий для какого-то документального фильма. Как я поняла, весь материал и живые люди ему будут даны, а он по ним напишет сценарий. Для чего он это взял, не понимаю. Вероятно, какому-то из его друзей спешно понадобились деньги.

Ведь разделение труда у Вики всегда такое. Он делает работу с кем-нибудь вместе. Всю работу делает Вика, а все деньги получает тот, другой. После окончания архитектурного института Вика и Иончик [[Локштанов](#)] взяли работу у одного архитектора (у него на дому), их бывшего профессора. Вика работал, а Иончик болтал языком. Архитектор сказал, что такого лодыря как Иончик он никогда не видал. Тогда Вика предложил, чтоб Иончик совсем не приходил, а занимался в их театральной студии. Ну, а деньги? Не знаю, или они поделили их пополам или Вика все отдал Иончику.

Когда Вика отказался ставить свой второй фильм – [[по повести](#)] «В родном городе», он согласился, чтоб его ставил режиссер Венгеров. Венгерову в этот момент нужны были деньги. Фильм он исковеркал, испортил. Его даже за границей не показывают. Ну, а деньги, не знаю 40 или 50 тысяч, получил Венгеров. После этого сын Чуковского дал этому Венгерову ставить свой фильм «Балтийское небо», и тот (Венгеров) так все переделал и исковеркал, что Николай Чуковский написал в «Литературную Газету» негодующее письмо и не позволил ставить этот свой фильм.

Этот мой сосед [[Марк](#)] рассказал мне как потрясающую новость, что Вика вышел из редколлегии журнала «Советская Украина», потому что там вышла какая-то статья о кино, с которой он, Вика, не согласен. На меня эта «потрясающая» новость ни капельки не потрясла. Как член редколлегии он ничего не получал, а тратил очень много времени на чтение рукописей молодых писателей.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 23 марта 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Что у Зины – я не знаю. Грипп и какие-то осложнения с ушами. Я уже, кажется, Вам писала, что в другой раз, когда Зина была больна, я ежедневно им звонила узнать, какая у Зины температура и каково ее состояние. Обычно подходила их домработница и отвечала мне. Но как-то я нарвалась на моего племянника, и он заявил, чтоб больше я им не звонила. Если Зина захочет, она позвонит мне сама. Когда она лежит больная в спальне, а телефон у них – в передней! Но этого «паныча» раздражают телефонные звонки. А тут еще у них теперь гостит редактор, присланный из Москвы, из «Нового мира», тоже человек весьма чувствительный.

<...> У меня впечатление, что, несмотря на окружение бесчисленным количеством паразитов, Зина очень одинока. Мне даже жалко, когда она говорит: «Ты ко мне не придешь?». Могу ли я идти в дом, где Вика говорит, что из-за меня он дома жить не мог (хотя и прожил до 28-ми лет), не только он меня ненавидит, но и все его товарищи. И как-то он мне сказал: «Чего ты к нам опять всунулась?». Это счастье, что он стал лауреатом, и ему дали отдельную квартиру [[в 1950-м](#)]. Я Вам, кажется, уже писала, что ему предлагали квартиру в 4 комнаты. Неудобно, что у него такая крохотная квартира, когда у него бывают иностранцы. Но он не захотел, я думаю – единственный во всем Советском Союзе.

<...> Как всегда из трех заказанных [[в библиотеке](#)] книг дали только одну, но, к счастью, это оказался 3-й сборник группы Освобождения труда 1925 года. Статьи Плехановой я прочла, но хочу его [[сборник](#)] весь прочесть.

Но до чего глупы и бестактны ее статьи! Ведь ясно же, вовсе не как турист, «знатный иностранец» приехал [Р.Э.] Классон к Плеханову, а как человек, прекрасно знающий марксизм и все труды Плеханова. В те годы Струве и Классон считались лучшими марксистами в России. Возможно потому, что и тот, и другой хорошо знали немецкий язык и могли в оригинале знакомиться с трудами Маркса и Энгельса. Приехал, чтоб обсудить некоторые теоретические вопросы марксизма и с рекомендацией таких знатоков марксизма как Струве и Потресов.

Потресов был большим другом Ленина, они вели очень большую переписку, когда оба были в ссылке. Странно, что Плеханова не упрекнула Классона, что он не сообщил жандармам еще фамилий Струве и Потресова, уж если правду говорить, говори всю! Вообще, уж разве можно ставить в упрек, то, что человек говорит жандармам?!

Вот С.В. Андропов действительно на суде заявил, что он приехал как агент «Искры» с очень важным поручением, каким – не сказал. И хоть он все равно ничего не сделал (арестовали на границе), был приговорен к лишению всех прав и ссылке на поселение на 30 лет. <...> Вообще зачем подрезать себе крылья, когда можно обдурить жандармов, что пошел «посмотреть» на Плеханова: так, как ходят смотреть на Эйфелеву башню – диковинку. Не раз в дальнейшем Классон оказывал услуги партии во время своей службы в Баку. Эх, надо бы подобрать письма Ленина ему.

Но знаете, чем меня позабавила Плеханова. Классон, по ее мнению, понравился Плеханову и Засулич. «Своей свободной, слегка светской манерой держать себя». Такую глупость могла сказать только такая мещанственная особа как Роза Марковна [Плеханова]. Ведь ясно же – понравился он им своим глубоким пониманием вопросов марксизма, своей фантастической образованностью. Ну, еще Плехановой так сяк могла понравиться «слегка светская манера» Классона, но Засулич! Особе с юбкой, надетой задом наперед (как ее описывает Плеханова), человеку не от мира сего, и вот будто бы чем-то он ее пленил! «светской манерой держать себя»! [На самом деле] они рады были видеть человека, так хорошо знающего учение, которому они были преданы всю свою жизнь, так хорошо понимающего их.

Но самое курьезное (я ведь не знаю, какой был Классон последние годы, когда он обитал в высшем буржуазном обществе), на меня он произвел впечатление Базарова, а Базарова я терпеть не могла, и меня Классон коробил. Даже врач-акушер ему заметил, что его выражения слишком «Studentenschaft» [(«из студенческой среды»)]. Мама [Алина Антоновна], смеясь, говорила, что таким же Классон остался до старости. Видите ли, общества, в котором я жила и – Роза Марковна, были, вероятно, совершенно различны, я не знаю, из какого она сама [еврейского] местечка.*

Но очевидно было что-то в Классоне, что возбуждало в его собеседниках, часто совершенно различных, чувство бодрости, радости. Я описывала Вам, как он увлек Павловскую, и она могла только повторять «чудный Классон», как оживлялась и делалась кокетлива при нем Надежда Кронидовна Мотовилова (Гомочкина мать), как оживлялась при нем мамина институтская подруга Катя Капканщикова, жена купца-миллионера. Люди самых разных кругов, слоев общества, характеров, как-то зажигались в присутствии Классона (только не я). Для меня он был «социал-демократ», а социал-демократов я не терпела. Мой [швейцарский] друг, анархист Винч, их называл «ces socialistes autoritaires» [(«эти авторитарные социалисты»)].

* Розалия Марковна Боград-Плеханова (1856-1949) родилась в селе Добренькое Херсонского уезда в зажиточной еврейской семье (www.hrono.ru/biograf/bio_p/plehanova.php).

Но вот, как оживилась Засулич в присутствии Классона, Плеханова прекрасно описывает. Приведу Вам ее слова, Вы ведь наверно их не выписали? «Помню, как Вера Ивановна, с не перестававшей дымиться папироской, с блестящими от радости глазами, слушая его сообщения, отпускала меткие характеристики людей и положений. Она, можно сказать, искрилась. В такие моменты Вера Ивановна бывала прекрасна своими одухотворенным лицом и умными выразительными глазами» (Плеханова. Наши встречи. Сб. 3. Группа освобожденного труда, с. 300). А вот как реагировал на Классона Плеханов: «Георгий Валентинович отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе».

Ведь это же понятно: Классон был настоящим ценителем, который все поймет и оценит. Увы, при мне Плеханов ничем не блистал, только уж очень обрадовался и стал любезен, когда мы стали уходить [[после визита к нему с Зиной в 1898-м или 1899 году](#)].*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 25 марта 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> У Вики есть товарищ, тоже окончил архитектурный факультет, но стал писателем и журналистом. Одно время был редактором киевской «Литературной газеты», секретарем Союза украинских писателей – много пишет статей, выпустил несколько книг, но теперь дико пьет. Одна его приятельница объяснила мне, что пьет он потому, что нет резонанса на его книги.**

Наша критика ведь очень скупа, мало о ком пишет. Когда вышло Викино «Первое знакомство», на него посыпались письма читателей и среди них восторженные письма настоящих писателей. Но написать о нем статью они не решились.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 5 апреля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Нет, «Судак» [[\(рассказ В. Некрасова\)](#)] мне, конечно, не надо. Он у меня есть в трех экземплярах: в журнале, в брошюре [[«Судак». Серия «Рассказы советских писателей». Гослитиздат, 1960](#))] и в книге «Рассказы 1958-го года», ну и очевидно выйдет в однотомнике Викиных военных рассказов***. До сих пор Зина давала мне все Викины книги (кроме статей в газетах). Кроме того, у меня есть знакомая, работающая в книжном магазине, и если что Викино появляется, то приносит мне для покупки. Она же извещает меня о вновь выходящих книгах [[других авторов](#)], которые я посылаю Вере.

* Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой:

Когда мне было семнадцать или восемнадцать лет, мы с сестрой поехали в Женеву. Вероятно, слова Классона, что быть в Женеве и не пойти к Плеханову – все равно, что не заехать в Фернэ к Вольтеру, так врезались мне в память с детства, что я решительно заявила, что непременно пойду к Плеханову. Ни одного из его произведений я тогда еще не читала, Маркса тоже не читала, только несколько книг Энгельса, но как-то мало связывала Энгельса с Плехановым. <...>

** По-видимому, это Леонид Семенович Серпилин (1912-1973), архитектор, журналист, прозаик. Переведены на русский язык и опубликованы в издательстве «Советский писатель» повесть «Пора весенних ветров» (1962), повести «Рассвет», «Огонек на опушке», «Березовый гомон» и рассказ «Где вы? Что вы? Отзовитесь!» (1972).

*** Рассказ «Судак» был опубликован в №2 журнала «Москва» за 1958 г. Книга типа «Рассказы 1958 года» в Интернете и в РГБ не обнаруживается. Сборник военных рассказов «Вася Конаков» выйдет в 1961-м тиражом 115 тыс. экз. в Воениздате (Вася Конаков; Сенька; Рядовой Лютиков; Судак; Переправа; Посвящается Хемингуэю; Вторая ночь; Август-Фридрих-Вильгельм; Через десять лет [[В Сталинграде](#)]).

Мне интересны отзывы о моих и о Викиных писаниях. Вот отзывы Чуковского я считаю вполне удовлетворительными и о Брюсове, и о Черткове. Его отзыв о других рукописях: «все талантливо, все интересно» я считаю не вполне удовлетворительным. Это мне немного напоминает то, как Плеханов, желая отвязаться от приходивших к нему студенток и студентов, открывал маленькую дверцу во входной двери, форточку, и говорил: «Завтра, завтра революция».

Или что это: “Катя оценила «Первое знакомство»”. Ведь это же ровно ничего не говорит. Вот вчера я получила письмо от одной знакомой. Пишет, что достала повесть «Первое знакомство», взяв «Новый мир» в библиотеке: «не вставая с места, прочла его, наслаждаясь языком, простотой, образностью, тонкостью наблюдения». То же писала и другая знакомая. Начала читать и оторваться не могла, ее домработница зовет ее ужинать, а она и слышать об ужине не хочет, должна дочитать Викину книгу.

То же было и со мной. Зина и Вика были на даче, зашла к ним. Прочла Викины оттиски (видите, забыла слово, это со мной в мои 80 лет часто бывает). Ну, вырезки из журнала его вещи, которые даются автору [(гранки)]. Вышла с ними на Крещатик, села на бульваре. Вы ведь были в Киеве после войны? Видели этот бульварчик, который идет вдоль всего Крещатика? И сейчас же все прочла. Вика пишет живо и интересно. Все приходят в восторг от его хорошего русского языка, но в этом я мало понимаю.

Интересны так же и отрицательные отзывы читателей. Обычно они их шлют не Вике, а в редакцию: «Как, мол, Вы смели такое поместить!». Вот один читатель, например, очень подробно написал, но я в военных делах мало понимаю. Все, мол, у Вики «В окопах Сталинграда» неправильно, и он может отлично доказать, что Вика на войне никогда не был. И подпись: следователь такой-то. А Вика был с начала войны и до конца 1944 года. Дважды был ранен: один раз лежал в госпитале в Баку, а затем в Киевском областном госпитале. Вышел из Киевского госпиталя незадолго до конца войны. Этому читателю надо было бы посоветовать переменить профессию!

Затем пришло несколько негодующих писем, обвиняющих Вику в религиозности! Одна учительница пишет: «Тут бьешься, бьешься с антирелигиозной пропагандой, а писатель, да еще лауреат, хвалит Андреевскую церковь!». Кажется, ее Растрелли строил. Но лучше всего «критический труд» какого-то редактора газеты «По пути Ленина». Он не пожалел своего времени и выписал из «В родном городе», из всех страниц, все «религиозные выражения».

Две рубрики: одна посвящена «черту», другая – «богу». Страница такая-то, строчка такая-то: «Черт побери», говорит герой такой-то. Или (еще того лучше!) говорит сам автор! Тут все что угодно: «Пошел к черту!», «Черт его знает». Или: «Ну дай бог», «Боже мой!» и т.п. Всякий раз указана страница и кто говорит!

Да, Вы правы, я не обратила никакого внимания на оплату писателям, которую Вы предлагаете. Видите, деньги меня мало интересуют. Если я о них пишу, то потому что для меня мало интереса представляют деньги сами по себе, а мне интересна психология людей в отношении к деньгам. Как, например, может Зина мне, получавшей тогда 210 р. пенсии [до изменения масштаба цен с 1 января 1961 г. – МК], говорить о таком «пустяке», как 25 тысяч, которые должен получить Вика?

До революции никакой таксы на оплату гонорара писателям не существовало. Леониду Андрееву, тогда очень популярному, платили 1000 (бывших до 1-й войны) рублей. А Андрей Белый, тоже крупный писатель (сейчас он изучается в курсе русской литературы в Англии), получал только 75 руб. с листа. Он был не хóдок [(его произведения плохо расходились)], а для издателя важна выгода.

Теперь наши издательства о выгоде мало думают, ведь это же идет в пользу государства. Издают большими тиражами книги, которые мертвым грузом лежат на полках, а потом «списываются», и не издают ходких книг, которые, казалось бы, ими были в его дни [?]. Викины «В родном городе» и «Первое знакомство» достать нельзя, а их не переиздают. Плата за художественную литературу, насколько я знаю, 3 000 с [авторского] листа, а лауреатам – 4 000. Вика иногда норовит обжулить. Но Твардовский [в Новом мире] следит, чтоб ему платили правильно, всегда додает, если заплатили неправильно.

Вот Вам Викино отношение к деньгам. Еще до того, как у них стала жить их приживалка [Нора Аль], и Зина тогда еще работала, я позвала к себе одного Викиного приятеля, который очень много делает для Вики (ну и для меня: моя «скорая помощь») и говорю ему: «Пусть Вика положит хоть немного денег на Зинино имя». Тот говорит: «Хорошо, я скажу. Нет ничего проще, Вика свои деньги кладет не на свое имя, а на имя своих друзей. Может и на Зинаиды Николаевны имя положить».

Когда-то, приехав из Москвы, Вика сказал: «Мне друзья советуют держать мои деньги в Москве». Ну и для удобства – на их имя. На Зинино имя Вика денег положить не захотел, возможно потому, что я это сказала. Я не стала настаивать, все равно, сколько бы денег ни давать Зине теперь, она отдаст их все своей приживалке. У них ведь все «общее»! И приживалка очень следит, чтоб Зина ничего лишнего себе не покупала. Зина ходит теперь бог знает как одетая. А приживалка даже своей зарплаты домой [(к Вике с Зиной)] не приносит. И все говорят про нее: «Ах, какая умная!».

Однажды Вика остался без гроша, и все умилялись – его приятельница из Москвы, на имя которой (одной из многих) лежат его деньги, прислала ему несколько тысяч. Мне одна знакомая говорит: «Вот видите, какая хорошая?». Я спрашиваю: «Да деньги-то она прислала свои или Викины?». «Ну, конечно, Викины, откуда у нее столько денег?». Вот, героиня!

В другой раз Вика был в Крыму, а Зина в Киеве осталась без гроша. Вика написал двоим своим прекрасно зарабатывающим приятелям, каждый из которых должен ему по несколько тысяч, не могут ли они дать теперь что-нибудь Зине. Один, писатель, ничего не ответил и ничего не прислал. Другой, инженер, прислал сколько-то сот рублей и ругательное письмо Вике. Нечего, мол, было так расшвыриваться деньгами, а потом просить, чтоб отдали. Вика, разъяренный, присланные деньги сейчас же велел вернуть.

И тот и другой были Вике обязаны: одного он спас от тюрьмы, другого защитил, когда его хотели объявить «космополитом». У обоих потом все пошло гладко. Писателю Вика исправлял все его рукописи. Писал он (украинский писатель) по-русски так: «в мене у кармани». После этого он был назначен заведующим отделом прозы в русском журнале в Киеве! Теперь он от службы отказался. Достаточно зарабатывает печатанием своих произведений!

Одна моя знакомая (она уже умерла) мне писала, что ей противно читать мои письма: я все считаю «чужие деньги». Вопрос не в деньгах, а в психологии «наших хороших советских людей», которых надо восхвалять! Писать о них героические романы! Но отчего нельзя писать правду?

9-IV-61 (продолжение). <...> Видите, это у меня форменное несчастье: забываю и перевираю все имена, отчества. Я сперва думала, что это потому что я долго жила за границей, где просто говорят: monsieur и madame, но очевидно это какой-то наш семейный дефект. Гомочка Мотовилов мне говорил, что и у него тоже (о себе я ему не рассказывала). Он никому не может передавать поклоны и приветы, так как забывает имена и отчества.

Отчего Вы решили, что Гомочка [Мотовилов] неизвестный скульптор? Один из самых крупных у нас. На первой же выставке, где была выставлена наша скульптура в Париже (на выставке 1937 года), он получил золотую медаль [за «Металлурга»]. У нас его затирали. Причины две: во-первых, он не подхалим, а очень независим, а, во-вторых, одно время он давал уроки скульптуры жене Тухачевского. Это был какой-то важный военный у нас, который был арестован, расстрелян, ну и пострадали все его близкие, и родственники и знакомые.

Одна моя знакомая, ссылавшаяся за то, что был сослан ее муж, ехала в поезде, в котором везли 700 жен, сестер и прочих [родственников и знакомых «врагов народа»]. С ней ехали 2 сестры Тухачевского. А в чем они виноваты? Да и он, кажется, реабилитирован. Была выслана, например, секретарша Бухарина и долго не имела права жить в Москве. Я ее немного знаю, она жила в одной квартире с моей знакомой.

<...> Зина теперь почему-то плохо относится к Гомочке. Заявляет: «все говорят, что он плохой человек». Очевидно, это говорят Зинины знакомые евреи. Я Вам писала, что одинаково не терплю и антисемитизм, и антируссизм и всякие национальные преследования. Хоть бы негров в Америке.

Меня ужасно возмутило, что отец Розы Марковны Плехановой перестал ей давать деньги, узнав, что она вышла замуж за русского. Вся семья ее нуждалась, у них умерла одна девочка, заболел туберкулезом Плеханов, а лечить не было денег! Я даже почувствовала симпатию к Плехановой, что она все это вынесла, а ее отец, богатый херсонский купец, 23 года ее знать не хотел! Кажется, только смягчился перед революцией 1905 года.

Мое негодование на отца Плехановой было так велико, что я захотела поделиться с одной моей соседкой, страшной антируссисткой. Вообще у меня в квартире 18 жильцов (раньше было 23). Из этих 18-ти, 14 – евреев и 4 – русских. Вот эта особа (еврейка, берет у меня книги) зашла ко мне, и я, кипя негодованием, рассказываю ей про Плеханова, то есть про отца его жены. Моментально же она вскипает негодованием: не на отца жены Плеханова, а на меня.

Ничего тут дурного со стороны этого старика, отца Плехановой нет, она знает факты «куда похуже со стороны русских к евреям». (Но я-то ведь в данном случае говорила об отношении еврея к своей родной дочери.) «Ну что же Вы знаете?», – спрашиваю я. «А то, что русские называют евреев жидами».

Надо Вам сказать, что ко мне всё ходят богомольные старухи и старики, и все антисемиты! <...> Увы, разговор моих старух и стариков вечно соскальзывает на евреев и русских. И тут начинаются крики: «жиды», «жидовка»...

Сегодня пасха. После трех дней невероятной жары, было 27⁰С днем и даже 35⁰ на солнце, вдруг наступил ужасный холод. Я хотела пойти на кладбище, на мамину могилу, но надела легкое пальто и дальше почты никуда не дошла. Без меня приходила Зина (очевидно с Викой), принесла 2 кулича, творожную пасху и крашенных яиц. Старые традиции у них соблюдаются [(а Вика – член партии!)]. В прошлом году на пасху у них было много гостей, и одна гостья, смеясь, говорила: «Угощение – все русское, а гости – все евреи».

* Любопытный читатель может узнать подробности «виновности» ЧСИР-командармов, например, в произведениях Юлии Кантор: «Война и мир Михаила Тухачевского» (М., 2005); «Владимира Уборевич. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой / Сост. Ю. Кантор» (М., 2008).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13-17 апреля 1961 г.

Милая Вера.

<...> Вчера у меня была знакомая, она ко мне очень редко ходит. <...> Она верно определила меня. Что мне нужен «резонанс» на все, что я рассказываю. По-моему, каждому человеку нужен резонанс. У Вики есть один приятель, он учился с ним в архитектурном, потом стал писателем, вышло несколько его книг. А теперь он дико пьет. Одна его приятельница сказала мне, что на его книги и статьи нет никакого отклика, точно пишет в пустоту.*

<...> Мои воспоминания перепечатала жена Вани Классона, а он их проверяет. Так что теперь их, экземпляров, у меня много. По-моему, он интересуется у меня только теми воспоминаниями, где есть о [П.Э.] Классоне. От Вани Классона я получила в этом году уже 17 писем. Вот это корреспондент! Но сейчас он будет очень занят, набрал массу работы. На одну пенсию не прокормишь семью из четырех человек.

<...> Зина мне больше газет не приносит, даже «Литературную Газету», которую они теперь выкидывают. Вика решил, что ему негде хранить. А сколько мне труда стоило достать эту «Литературную газету», когда я хотела послать тебе!

<...> Пришла Зина. Она не была у меня неделю. Ни о чем, конечно, не рассказывает. Спрашиваю: «Кто у Вас был? Где Вы были?» Зина: «У нас на Пасху были все наши друзья. Все евреи, но охотно ели все наши пасхальные угощения». Потом, уже уходя, сказала, что Вика поехал сегодня [(13 апреля)] снимать свой документальный фильм [«Неизвестному солдату»] в Белую Церковь. Но эта она потому сказала, что я бы все равно узнала, так как его съемкой заведует мой сосед [Марк].

<...> Зина принесла мне Ульяновское письмо Вике, так что я знаю: [книгу] «Алмазные месторождения» Ульянов получил. Ну и, слава богу. Зина как всегда очень спешила уйти от меня. Все смотрела на часы, хоть приживалка ее на службе, а Вика в Белой Церкви. Но я ее задерживала своими рассказами.

Вика в начале мая будет праздновать 25-летие окончания их института. Они уже праздновали 10-летие, 15-летие и 20-летие. Теперь решили собраться не в частном доме, а в ресторане.

<...> Заходила сегодня [(15 апреля)] Зина, довольно благодушная. Вика сегодня улетел в Москву, его вызвал Твардовский, неизвестно зачем. Так Зина сказала. Это неудачно, так как Вика начал уже съемки своего документального фильма для Киевской студии и должен это закончить до их отъезда в Ялту. Кроме того, какая-то киностудия (я не спросила, какая) предложила Вике поставить для кино какие-то произведения Толстого. Они (кто?) все решили, что никто кроме Вики это так [профессионально?] не сделает. Но Вика боится, говорит, что он писатель, а не постановщик кино, и, кроме того, одно дело ставить свои вещи или ставить Толстого.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 20 апреля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вика сейчас в Москве, ну да его вызвал Твардовский, кажется в связи с напечатанием его новой повести в «Новом Мире».**

А Зина упала, к счастью у себя в доме, на лестнице. Ее сейчас же повезли на рентген. К счастью, не оказалось перелома, а только растяжение связок, но она не может ходить. Эти дни я по утрам ходила к ней, чтоб ее домработница могла выходить за покупками.

* Это все тот же киевский архитектор, журналист, писатель Леонид Семенович Серпилин (1912-1973).

** В №6 «Нового мира» будет опубликована повесть «Кира Георгиевна».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17-25 апреля 1961 г.

Милая Вера.

Сегодня послала тебе заказное письмо с двумя отрывками моих воспоминаний. Это письмо Чуковского прилагаю к моим воспоминаниям о Черткове, чтоб похвастаться, как он восхваляет меня. Когда человек стар и болен, может он немного похвастаться? Хотела еще похвастаться отзывом Макашина, редактора «Литературного наследства», но перевернула все свои дневники, все письма за последние годы и не нашла. Я уже тебе писала, на старости я приобрела способность все терять.

<...> Да, положительными отзывами я хочу хвастаться, а Гусев и Бонч-Бруевич прислали мне [еще до войны] крайне отрицательные отзывы. Они, мол, Черткова таким не знали. Гусев – это секретарь Толстого, ну а Бонч соединял в себе и большевика, и толстовца, ну и много довольно странного. Я тебе послала давно воспоминания Булгакова о Толстом. Это тоже секретарь Толстого, теперь он живет в Ясной Поляне, разбирается в бумагах Толстого. Он написал очень резкие воспоминания о Черткове и его роли во время ухода Толстого из Ясной Поляны в 1910 году.

Но их, так же как и мои, не позволяют печатать. Статью о Панаевой и Некрасове Чуковского, ее, Панаевой, роли в разрыве Некрасова с Герценом и его женой (Огаревой)*, тоже теперь не позволяют издавать. Ужасно пресной и подлизывающейся стала из-за этого наша литература.

Вчера [(24 апреля)] была у Зины. Ходит по комнате с двумя палками. Выглядит очень плохо, плохо слышит и плохо понимает.

Пришли Викины «Военные рассказы». Он их тебе, конечно пришлет. Но если они будут в магазине, я еще куплю и вышлю тебе. <...>

Копия письма К.И. Чуковского С.Н. Мотовиловой

(пересланная сестре в Лозанну с припиской)

18. X. 60

Глубокоуважаемая София Николаевна!

Милая, милая «С.Н. Мотовилова»!

Очень рад, что через столько лет наше знакомство возобновляется, и я опять могу вступить с Вами в переписку. Я всегда высоко ценил Ваш литературный талант. Вновь перечел Ваше прелестное письмо о чистке Института, о суде над тамошним Хлестаковым, о Вашей поездке к Танееву.

Сейчас нахожусь под сильным впечатлением о Брюсове. Очень колоритные воспоминания и притом щепетильные, правдивые. Я знал Брюсова в его «библиотечный период» – Вы замечательно рельефно показали его тогдашнюю черствость, обозленность и обостренный эгоцентризм. Я объясняю эти неприятные черты, так обнажено проявившиеся в нем, его жестокой болезнью, той же, какой был болен Глеб Успенский (а также Некрасов, Щедрин). Прекрасно описана Вами розовая комната, три московские девочки, пославшие Брюсову нравоучительное письмо, разрезанное на три части его стихотворение, весь его роман с чахоточной Павловской, чудаковатый В.И. Танеев.

* С 1856 г. лондонский эмигрант А.И. Герцен жил с бывшей гражданской женой своего друга Натальей Тучковой-Огаревой. Что касается исследований К. Чуковского по жизни и творчеству поэта Николая Некрасова, то широко известен его критический рассказ «Жена поэта», см. например (modernproblems.org.ru/memo/202.html?start=1).

Похоже, что Вам неизвестно, что в прошлом году вышла толстенная книга «В.И. Танеев. Детство, юность, мысли о будущем». Изд. Академии наук СССР. Отдельно напечатаны его воспоминания о Щедрина, и готовятся к печати воспоминания о Слепцове. Это был талантливый человек. Его «Детство, юность» чудесно написаны, но крутой самодур и деспот. Ваши страницы вполне точно дорисовывают его облик.

Других воспоминаний еще не читал. Прочту на досуге. Это же письмо пишу для того, чтобы уведомить, что воспоминания я получил. И еще Вы должны знать, что с некоторого времени издательства и журналы не вправе печатать интимные подробности из жизни знаменитых людей. Поэтому из книги о Чехове, выпущенной «Литературным наследством», исключена огромная статья о его отношениях с Ликой Мизиновой. Моя книжка о Некрасове и Авдотье Панаевой не рекомендуется для повторения и т.д., и т.д., и т.д.

Поэтому будьте готовы к тому, что хлопоты мои о напечатании Ваших записок могут, по крайней мере на первых порах, оказаться безрезультатными. Или, вернее, не увенчаться немедленным успехом.

Ваш Чуковский

У меня уже четыре правнука. А у Вас?

Написав это письмо, я не утерпел и прочитал «Черткова». Это дьявольски хорошо! Так богато красками, мыслями, характерами, чертами эпохи, так умно и талантливо. Но почему, почему, почему Вы не прислали этого шедевра 3 месяца назад? Тогда все журналы запасались материалами, а сейчас уже все книжки – ноябрьская и декабрьская переполнены Толстым до отвращения.

Остается «Литературное наследство», толстый том которого выйдет с запозданием. Этот том уже сверстан, но я одновременно с этим пишу письмо редактору тома Сергею Александровичу Макашину, и, может быть, он найдет место для этих чудесных страниц.

Черткова я запомнил точно таким, как Вы изображаете его. Он жил в Телятниках – принуждал себя к показному демократизму. Не забуду его немых горшков с недоваренной гречневой кашей без масла!

К.Ч.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 29 апреля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Хочу Вам пожаловаться. Как-то я прошу Зину, когда она была в Москве, позвонить Ногиной, получила ли та мое письмо и отчего не отвечает. Зина, приехав в Киев, объяснила: ей неприятно звонить Ногиной, она ее видела всего раз, 30 лет тому назад в Кремле, когда они с мамой шли к Луначарским, и тогда она Зине не понравилась. Возмущенная этим Зининым отказом я написала одной моей знакомой, у которой был телефон в квартире (сама я для нее сделала много одолжений). Та ответила, что звонить Ногиной она не может: неприятно, если та нелюбезно ответит.*

* Речь идет об Ольге Павловне Ногиной (1885-1977), урожденной Ермаковой – мещанке из Саратова, жене и вдове большевистского деятеля и знакомого С.Н. Мотовиловой Виктора Павловича Ногина (1878-1924), ставшей при большевиках видным врачом-педиатром, организатором здравоохранения, ученым-медиком, в 1920-е заведовала в Мосздравотделе подотделом охраны материнства и младенчества, а также была членом Моссовета. Семья Ногиных (глава семейства, мама Варвара Ивановна, жена, дети Владимир, 1912 г.р., и Ольга, 1915 г.р.) в 1920-м жила в Кремле, в Потешном дворце, кв. 14. И даже в 1927-м, уже после смерти В.П. Ногина, семья продолжала занимать квартиру в Потешном корпусе.

<...> Люба Пятницкая спрашивает, какая у Вас была специальность и какой Вы. Она Вас не видела, когда была последний раз у Классонов. Вы были больны скарлатиной, и тетя Соня где-то отдельно жила с Вами.*

Я спрашивала Любу Пятницкую, где Соничка могла запереть *grande tante Emilie*, ведь балкона в [Мокрой] Бугурне не было. Она пишет, что инцидент этот помнит, но где это было, не знает. Но что Соничка была невыносима в это лето 1898 года. Вас еще на свете не было. Очень груба с *tante Emilie*. А они – Люба с Верочкой Пятницкой учились ведь в институте и только летом приезжали в Бугурну. А тут сад был громадный, яблок много. Они готовили себе смоквы и пастилы на зиму и клали их сушить на балкон [?], а Соничка, очевидно назло им, приходила с лейкой и поливала их смоквы и пастилы. Люба пишет, теперь ей это смешно вспоминать, а тогда они на Соничку очень сердились. Вообще она важничала, в этом году должен был быть плохой урожай, и она (дочь богатого инженера) говорила: «Нам-то это все равно, придется только Вас жалеть».

<...> Писала я Вам, что Зина была 3 недели больна гриппом? После чего сильно оглохла, а теперь она опять больна: упала, к счастью у себя дома, с лестницы, и не смогла ходить.

<...> Вика был в это время в Москве. Сперва месяц у него жил здесь редактор [Игорь Сац], присланный «Новым миром». Затем его повесть читали в Москве 4 редактора, затем прочел Твардовский и вызвал Вику в Москву. Там он должен был переделывать то, что не нравилось Твардовскому. От обилия редакторов с ума можно сойти. Боюсь, что у семи нянек дитя без глаза.

Вышли, наконец, Викины военные рассказы, изд. Воениздата. Тираж 115000. Думаю, легко будет их купить и в библиотеке достать. Его «Окопы» опять выходят. Вероятно, 30-е издание! 25 мая Зина и Вика думают ехать в Ялту. Не знаю, как Зина поедет. Осталось ведь всего 3 недели [(чтобы зажили растянутые на ноге связки)].

Писала я Вам, что Вике предлагали киношники ставить «Войну и мир»? Они, мол, все решили, что никто кроме Вики так хорошо не поставит, сулили большие деньги, которые обеспечат его до конца жизни. Вика отказался. Быть режиссером, да еще в кино, да еще такой сложной вещи как «Война и мир» – дело очень ответственное и очень трудное. Сокращать, что сокращать, что оставлять? Ну и историческую эпоху надо хорошо знать.

Вика сказал, что он писатель, а не режиссер. Правильно сделал, ведь это бы отняло у него не менее года.**

* Из воспоминаний И.Р. Классона (фонд 9508 РГАЭ):

Весной 1909-го в Москве я заболел скарлатиной, и мама поселилась со мной и домработницей в двух наших комнатах на третьем этаже [дома в Садовниках]. Для общения со вторым этажом был установлен местный телефон. По указанию врача Веревкина мама каждый день доводила до кипения в пробирке пробу мочи, чтобы сразу обнаружить возможное осложнение на почки. Я болел легко, но со свойственной мне мнительностью постоянно себя ощупывал и, между прочим, обнаружил асимметрию на кости подбородка.

** Два дополнения к сюжету:

1) Как-то я в составе делегации писателей Краснодара приехал в Москву, и к нам в гостиницу приходил Сергей Бондарчук с супругой Ириной Скобцевой – он сам из Ейска и приходился родственником одному из писателей. Он нам говорил, что ездит по писателям с директором Мосфильма и уговаривает написать сценарий «Войны и мира» – американцы, говорит, уже сняли, а мы нет. И все отказываются. Я тогда еще спросил: «А вы будете снимать?» Бондарчук тогда ответил: «Нет, ну что вы, я уже «Судьбу человека» снял, да и вообще я не кинорежиссер». Дело было за рюмкой, и я ему посоветовал обратиться к Виктору Некрасову, который как раз приехал из Киева. Я-то думал, что он читал Некрасова, но, видимо, нет, потому что на следующий вечер он мне говорит: «А ведь вы меня подвели». Оказалось, что он съездил к Некрасову, и он ему сказал: «Вот для Сики (итальянский кинорежиссер и актер) я бы написал, а для вас – нет». – Из интервью с писателем Георгием Садовниковым

2) – Мне дважды в жизни предлагали миллион! – как-то рассказывал на киевской кухне Некрасов. – И оба раза в кино – за сценарии.

Первый раз, когда экранизировали «Войну и мир».

<...> Не боитесь ли Вы заморозков для Вашего сада? Радио предсказывает морозы. «Мне-то ничего, но придется вас жалеть», как говорила Ваша сестра Соня. Насчет пасхальных угощений я что-то Вас не поняла. В каждой стране есть свои традиции, свои привычки и это вносит какое-то разнообразие в жизни. При маме у нас всегда все праздники соблюдались.

Когда, кажется в 1921 году, была у Ногиных, это было перед 1 мая, они готовили к 1 мая все пасхальные угощения: и куличи, и пасху и яйца. Что ж тут плохого? Обычай. Когда в 1924 году хоронили Ногина, в момент, когда его гроб стали опускать в могилу у кремлевской стены, зазвонили московские колокола, было воскресенье [25 мая, В.П. Ногин умер от язвы желудка 23 мая – МК]. И его мать, жена простого рабочего, была этому очень рада.

А шедший рядом со мной комиссар почт и телеграфа (Подгаецкий, кажется?) раздраженно сказал: «Надо запретить это безобразие». Он был еврей.*

Через год [в 1925-м] я приехала в этот же день в Москву на [35-летний] юбилей [библиотечной деятельности] Хавкиной. Зашла к матери Ногина. Она очень звала меня на следующий день придти к ней на блины. Оказывается, через год после смерти бывают какие-то поминки с блинами. Я этих обычаев не знала. Я, конечно, не пришла, но я считаю, что это очень хорошо было со стороны ее сына [(старшего брата Виктора Павловича – Павла)], невесток, внуков – все коммунисты, придти к старухе на эти поминки.

Никто из детей Ивана Егоровича [Мотовилова] и внуков в бога не верил, но чтоб сделать ему удовольствие, мы все в большие праздники (Троица и т.п.) ездили в церковь. Ничего дурного тут не вижу. Традиции.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4-6 мая 1961 г.

Милая Вера.

<...> Я у Зины была 24 апреля, т.е. почти две недели тому назад, а двадцать шестого приехал из Москвы Вика. Я предпочитаю при нем к ним не ходить, он ведь столько раз жаловался, что из-за меня он дома жить не может, ну а все эти их приживалы тоже против меня настроены, ну и Ганя тоже.

<...> Через три недели после своего падения Зина ходит только по квартире с одной палкой.

Окончание примечания

– Разногласия возникли по поводу французов – я не хотел, чтобы их слишком уж очерняли.

Некрасова вызвали на студию, переговорили, поведали о миллионном гонораре, но сказали, что в трактовке французских персонажей с ним не согласны.

– Мы распрощались, фильм вышел благополучно без меня, и миллион мой пропал ни за чих!

Второй раз ему предложили миллион за циклопическую киноэпопею «Освобождение».

– Хорошо! – покладисто сказал В.П. – Но я напишу о войне всё, как было.

– Вы напишите не как было, а как надо! – ответили ему.

Сценарий написал Юрий Бондарев... – Виктор Кондырев. Все на свете, кроме шила и гвоздя

* С мая 1921-го по июль 1923-го наркомом почт и телеграфа РСФСР был Валериан Савельевич Довголевский, затем до 1925-го он занимал пост замнаркома почт и телеграфов СССР.

А заведующий кафедрой профессиональной гигиены Киевского медицинского института Владимир Подгаецкий вместе с «группой подельников» в 1929 г. попал под процесс контрреволюционной организации «Союз освобождения Украины» (day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/gigiena-dushi).

<...> В другой раз пропал [при пересылке в Лозанну] один номер «Нового Мира». Мне пришлось много мучиться, чтоб его достать, это Вика поручил тогда послать Рабиновичу-Волынскому (это его псевдоним). Это, кажется, теперь Викин главный приятель.^{*} Они и в прошлом году жили вместе с ним в Ялте, и в этом году собираются там вместе жить. Я его никогда не видала, но по всему что я знаю, тип омерзительный. Он, собственно говоря, художник, но писателем стал потому, что теперь это более выгодно.

В деле спасения Дрезденской галереи он, конечно, как художник играл главную роль. Он же знал все эти картины, а иногда начальство его не понимало, зачем эти картины спасать. Но теперь нужно делать вид, что это спасли наши солдаты – они так хорошо знали и Цвингер, и картины там! Всегда должен быть коллектив, а не какое-то «я».^{**}

Поставили фильм об этом спасении, ставили немцы и русские. Называется почему-то «Пять дней, пять ночей». Я не видала, а Зине не понравился.^{***}

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 25 мая 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Роберт Эдуардович, это помнит и Зина, и я, рассказывал, что во время своего учения в гимназии он 2 раза оставался в [одном] том же классе. Сперва увлекся игрой в мяч [дошел до жонглирования 5 мячами – МК], а потом, в старшем классе, в кого-то влюбился. Вы же можете легко это проверить, выписав из киевской гимназии [№1] все документы об учении Роберта Эдуардовича там. Чем больше точной документации, тем лучше биография. Ну и Вас это, может быть, несколько успокоит. Не у всех же должны быть математические способности. Не все же должны быть инженерами и техниками.

<...> Я, если когда-нибудь мы с Вами встретимся, расскажу Вам, как трагически погиб Зинин старший сын [Коля] из-за дикой скупости маминых родственников, и до революции и после революции богатых людей.

<...> Я Вам писала, что я посылаю Вере и Ульянову книги. Ничего другого послать ведь нельзя. Ульянов пишет, что Вера очень рада, с интересом читает. На днях я купила Вере несколько для меня довольно дорогих книг: «Воспоминания» Витте (30 руб.), «Буря» Эренбурга (14 руб. 65 коп.) ну и т.д. И вдруг узнаю, что можно купить оба тома воспоминаний о Шаяпине.

Вы знаете, у нас эти книги надо хватать, как только их «выбросили». Иду к Зине. Они уже себе купили. Я говорю Зине, что мне сейчас дорого заплатить за них 6 руб. (по правде, 60 руб.): «Может быть, ты купишь и пошлешь Вере?» Зина пугается: «Нет, нет. У Вики совсем нет денег, и Вере это не будет интересно».^{****}

Выхожу от Зины, встречаю Викину приятельницу и с негодованием рассказываю ей. Она говорит: «Что вы говорите чепуху: Вика пожалеет для Вас 6 руб.! Я сама с ним переговорю». Ну и затем молчание.

^{*} Леонид Наумович Рабинович (1913-1969), русский писатель, публиковался под псевдонимом Леонид Волынский. В апреле 1945 г. в чине младшего лейтенанта оказался в Дрездене. С группой из пяти солдат разыскал место захоронения картин Дрезденской галереи и организовал их эвакуацию (события описаны в автобиографической повести «Семь дней», 1958).

^{**} Подробности см. в очерке Елены Кузьменко «Сикстинская Мадонна и Рабинович»

(www.izbrannoe.com/news/lyudi/sikstinskaya-madonna-i-rabinovich/).

^{***} «Пять дней, пять ночей» – художественный цветной фильм 1960 г., совместное производство киностудий Мосфильм и ДЕФА (ГДР). О спасении воинами Советской Армии сокровищ Дрезденской картинной галереи.

^{****} Двухтомник воспоминаний о Шаяпине стоил 62 руб. старыми, или 6 руб. 20 коп. новыми деньгами. Цены на книги Витте и Эренбурга указаны, по-видимому, в старых рублях.

На днях эта приятельница зашла ко мне. Это та жена архитектора [(инженера Пятигорского)], которая перепечатывала мои «мемуары». Спрашиваю: «Что же Вика Вам сказал о Шаляпине?». – «Он начал страшно кричать на меня, чтоб я не мешалась в его дела. Если тетя Вера сама попросит (как Вера будет знать [в Швейцарии], что [в СССР] вышла эта книга?), он ей пошлет, а не желает посылать по моей указке». Он вообще против того, чтоб я посылала Вере книги.

Вам все это, конечно, очень скучно, и Вы не знаете всего, что я делала для них (Зины и Вики) эти 30 лет нужды при советской власти! У меня бывало по 2, по 3 службы зараз, а однажды целых 4, и все получаемые деньги я отдавала в общий котел. Сколько раз я рисковала быть арестованной из-за продажи пайков, торгсинных денег и прочего. А они все это забыли! Всего этого не было?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13-15 июня 1961 г.

Милая Вера.

<...> У Вики этот день [(17 июня)] – его пятидесятилетие. Старик уже! Ты как раз была в это время в Киеве, ровно пятьдесят лет тому назад, в последний раз, когда он родился.*

Напиши, когда будет день твоей золотой свадьбы? Это когда-то осенью или, вернее, в начале зимы 1911-го? Но когда точно, я не помню. Мама вернулась тогда из Швейцарии после рождественских праздников.

Пересылаю тебе Зинино письмо.** Неделю она ничего не писала, и я уже беспокоилась о ней. Но из ее письма следует, что у них все благополучно и они хотят продлить свое пребывание в Ялте [(в Доме творчества Литфонда им. Чехова)] еще на двадцать шесть дней. Вернутся тогда в Киев в середине июля.

<...> На самом деле, Зина никем из наших бывших знакомых не интересуется. Собственно говоря, это не мои, а ее прежние знакомые. О Ване Классоне Зина сказала, что он ей совсем не нужен. Когда я ей даю читать Машенькины письма [из Тамбова], она все старается в них найти какую-нибудь грамматическую или орфографическую ошибку. Но так как Машенька кончила гимназию с золотой медалью, то ошибок этих Зина не находит. Ты заметь, о своих приживалках (которых она обожает), о Викиных «друзьях», о всех их сожителях по дому отдыха ни полслова! А мне это было гораздо бы интереснее, чем эти ненужные ни мне, ни ей четырнадцать вопросов!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 июня 1961 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня получила «Новый Мир» №6. Сперва прочту сама, [потом] дам некоторым знакомым, затем вышлю тебе. Там новая повесть Вики [«Кира Георгиевна»]. Мне не понравилась.

* 17 июня 1961 г. в «Литературке» появится заметка Юрия Бондарева «Молодость чувств (к 50-летию со дня рождения писателя)». Почему-то Софья Николаевна никак ее не прокомментирует. Некрасовы перестали ей давать эту газету? Из письма в Лозанну от 13-17 апреля 1961 г.:

Зина мне больше газет не приносит, даже «Литературную Газету», которую они теперь выкидывают. Вика решил, что ему негде хранить. А сколько мне труда стоило достать эту «Литературную газету», когда я хотела послать тебе!

** В ф. 786 отдела рукописей РГБ «Зинино письмо» отсутствует (как и многие упоминаемые ниже открытки). По-видимому, они были «реквизированы до кучи», по поручению В.П. Некрасова, после смерти Ульяновых, и пересланы ему в Париж. А «остатки» – отправлены в Москву.

Прислал ли Вика тебе свои военные рассказы? Если нет, напиши, эта книга у меня уже для тебя куплена, вышлю тогда. Этот раз я хочу тебе опять переслать Зинины письма. Я ей предложила: «не пиши мне открыток и не ставь ненужных вопросов, о себе-то я все расскажу, пиши о себе!» После недельного молчания получаю наконец от Зины письмо. Увы! Опять в нем две открытки, и во второй – восемь ненужных вопросов мне! Обе открытки тебе пересылаю. Ну, что это за письмо: «На Викино пятидесятилетие было пятнадцать человек». Кто? Мне же это интересно, ведь у них же все писатели, произведения которых я читала, мне интересно, кто же у них бывает.

Прежде Ганя мне списки всех их гостей составляла, списки очень забавные («две Мыши» – писатель [Михаил] Клигерман с женой, «четыре Зильки» – архитектор Зильберман с женой и детьми, ну и т.д.). Показывали мне поздравительные телеграммы, а теперь засекретились так, что уж дальше нельзя. Прежде во время Зининых отъездов ко мне заходила Ганя, а теперь, Зина отсутствует уже второй месяц, Ганя была у меня только один раз на несколько минут! А уж рассказать о чем – упаси боже. Психоз какой-то.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 23 июня 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина и Вика в Крыму с 20 мая, пробудут там до 14 июля. Если Вас интересуют Викины писания, то в №6 «Нового мира» есть его новая повесть [«Кира Георгиевна»]. Мне не нравится.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-5 июля 1961 г.

Милая Вера.

<...> Когда мама была еще жива и так уже обожала Вику, я сказала ему: «Завтра мамино восьмидесятилетие, будь дома!» – «Хорошо». После завтрака ушел из дома, все утро бегал, искал какие-то удочки для своего приятеля, пришел, пообедал и, как только к маме стали сходить гости, ушел на весь вечер.

Это было в 1937-м году, но когда я это вспоминаю, испытываю острую боль. А то, что последние годы маминой жизни он не жил дома?! Ну, бог с ним, он все-таки дал радость и маме, и Зине. Как бы пуста была их жизнь, если бы после смерти Коли не было Вики.

<...> Зинина приживалка [Нина Аль] приехала 18 июня из командировки, Зина ей пишет каждый день и усиленно ее зовет брать путевку и сейчас же приезжать к ним. Путевка [стоит] 200 руб., но для приживалки никаких денег Зине не жалко.

Когда нужно помочь внучке тети Анюты [Лене Игнатович], несчастной шахтерке с двумя детьми, так называемой «матери-одиночке», т.е. без мужа, Зина не хочет. Ей Зина написала, что помогать ей не может, написала ей, пусть помогает ее родная тетя Маша (которая сама страшно нуждается, получает пенсию в 37 руб. в месяц!). Ну, а их (Зинины и Викины) бесчисленные паразиты ежегодно отдыхают на курортах и ни в чем себе не отказывают! Мне все говорят, что это не мое дело. Зина мне объявила: «Даю кому хочу, когда хочу и сколько хочу». Но меня это глубоко возмущает. Не люблю паразитов и нахалов.

В одном письме Вике Ульянов просил для какой-то [швейцарской] дамы, чтоб Вика прислал «Семь дней» Волынского-Рабиновича. Прислал Вика или нет? Вышлю новое издание, но только с одной цветной картинкой.

<...> Кстати, смогла ты одолеть «Бурю» Эренбурга? Я не смогла. В Викиных писаниях хоть то достоинство, что они легко читаются. Меня страшно возмущает его последний рассказ в его военных рассказах.* Он идет вразрез с нашей старой русской литературой, которая всегда сочувствовала «униженным и оскорбленным». А в данном случае униженный тут – этот несчастный король. Вика сам в Дрездене никогда не был, а пишет со слов Рабиновича, ну и, очевидно, в его освещении. Одна обожающая Вику старушка даже не верит, что это Вика написал. Написал, мол, Рабинович. Но не будет же Вика чужое подписывать? А рассказ противный. А по-твоему?

Сегодня [(5 июля)] заходила Ганя, ей, кажется, запрещают мне что-нибудь рассказывать, но она все-таки сообщила, что Вика требует, чтоб их приживалка [Нина Аль] от них уезжала к своим родителям, а Зина этого не хочет.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 19 июля 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Вчера по радио слышала, что умерла Ольга Форш, в возрасте 88 лет. <...> С Форш я работала в [19]20-х. Она жила в доме нашего [киевского] начальства Мстиславского-Масловского. Он тоже писатель, есть несколько его романов: «Грач – птица весенняя», «На крови», «На крыше мира», а другие уже забыла. В Киеве он старался всячески спасти остатки русской интеллигенции. Голод был ведь ужасный, и еще этот сыпной тиф.

Ну вот он и устроил Форш у нас на ж.д., чем-то вроде инструктора по рисованию в детсадах. На службу она не являлась, ей ведь важен был только паек и зарплата. Но вот назначили у нас секретаря-коммуниста, не из интеллигентов. При первой же зарплате он Форш вычеркнул, никогда ее на службе не видал. По-моему он был прав, а наши с негодованием кричали: «Что он не понимает, что это честь нам, что среди нас такой сотрудник, как писательница Ольга Форш!».

<...> Итак сын Кати [Классон, Валентин Парнах] разошелся со своей женой. Ужасно у нас теперь распространилось многоженство. Очень мне это теперь не нравится. Сколько разбитых семей! Сколько детей без отцов!

Когда Зина и Вика были в Крыму, к ним приезжал Викин товарищ со своей 4-й женой! Есть у нас еще один знакомый, т.е. он уже умер. Зина в Малеевке, под Москвой, познакомилась с его 5-й женой.

Вот что было недавно с сыном Маши (тети Анютиной дочери) [Евгением Володиным]. Он женился очень молодым на крестьянской девушке. Он окончил только техникум (а не институт). Это произошло от того, что он в детстве убежал из дома и не окончил средней школы. Уже после женитьбы он был забран на военную службу. Вместо того, чтоб сразу пойти в военное училище, он 2 года был солдатом, затем поступил в военное училище, еще 3 года там пробыл, затем служил во Владивостоке и еще где-то в Сибири, кажется, преподавал в каком-то военном училище. Жена и дети с ним. Материальные условия были хорошие, но он все время мечтал демобилизоваться.

Наконец, его демобилизовали, они с женой приехали к ее родителям. Родители ее – простые крестьяне Тамбовской области уехали на строительство под Москву. Живут они в городе Жуковский, который электричкой соединен с Москвой. Тут он поступил на какой-то завод, кажется механиком, они получили хорошую квартиру. Ее родители дали им мебель и посуду, часть они из Сибири привезли, одним словом хорошо устроились. Мы все радовались, что так благополучно прошло. После демобилизации не так ведь легко устроиться.

* Это, скорее всего, «Август-Фридрих-Вильгельм».

Тут cercle vicieux [(порочный круг)]: чтоб получить службу, надо быть прописанным, а если нет службы, не пропишут. Вы, верно, это не помните, а было так: чтоб служить, надо было быть членом профсоюза, а в члены профсоюза принимались только служащие. Меня это не коснулось, я ведь служила при советской власти с 1918 года, когда попала в профсоюз, не помню.

Итак, вернусь к моему племяннику, Жене. Только мы все порадовались, что у него все так благополучно устроилось, как получаю письмо от Маши: Женя исчез! Был очень мрачен последнее время, и вдруг исчез, оставив ее [(жену)] с 2 детьми и 3-м – которым она беременна, и записку, чтоб она его не искала. К счастью теперь есть военкомат, и нельзя уехать, не снявшись с учета. Там узнали, что он уехал в Барнаул.

Матери своей он написал, что не может переносить своей тещи, которая мешает в их семейные дела и не может жить с ней в одном городе. Усиленно звал жену с детьми к себе в Сибирь, писал: и службу, и квартиру легко получить. Но, узнав его адрес, жена послала ему фальшивую телеграмму, что опасно больна их старшая дочь, и он прилетел сейчас же домой. Вы не хотите с ним познакомиться? Ему 32 года. Мне кажется, что ему тоскливо в очень уж не культурном вокруг обществе.

По Вашим письмам это, по-моему, дети Вашей сестры Сони куда-то убегали из дома? Ну а у Лены [Игнатович] совсем уже характер nomade [(кочевника, бродяги)]. Недавно от нее было письмо Зине и Вике. У Зины она просит денег, а Вику очень любезно приглашает приехать к ним в Кимовск и писать повесть о шахтерах. Несчастливая, с двумя детьми, оба больные, не одетые. Совершенно не понимаю, почему Зина и Вика не хотят ей помогать, когда помогают стольким богатым людям.

Я, кажется, Вам уже писала, что один Викин приятель мне сказал, что Вика свои деньги кладет не на свое имя, а на имя «своих друзей». Кому-то он подарил 50000 бывших [руб.]. Своему другу пьянице Ваньке [Фищенко], когда тот наконец захотел работать и завербовался куда-то, он сразу же выслал 10000. Этот Ванька потом жил у него 3 года, окончил в Киеве геологический техникум, и так как геологов у нас мало, то работает как геолог. Продолжает пьянствовать. Сколько вообще денег Вика на него ухлопал, кроме этих 10000, о которых Ванька с гордостью рассказывал.

Вика и Зина вернулись в Киев 14 июля. Пробыли в Ялте от 20 мая до 14 июля. Зина осталась очень довольна. Много гуляли, купались. Приехала, вернее, прилетела черная, как негр, и похудевшая.

У Вики есть приглашение из Италии, он должен там ставить какой-то фильм с каким-то итальянским режиссером. Об этом уже сообщалось в газете «Советская культура». Но... ВОКС молчит. Вику постоянно зовут на разные собрания, заседания обществ, членом которых он состоит, в Европу. Приходится отказываться, выдумывая причины, нельзя же сказать, что его не пускают!*

* Лишь в 1965 г. появится фильм «38 минут в Италии», смонтированный на ЦСДФ в Москве. Автор сценария и диктор за кадром – Виктор Некрасов. Режиссер и оператор – Илья Гутман, значит, его выпустили за границу, в отличие от Некрасова (www.net-film.ru/film-6182)

Из «В высшей степени странной истории с P.S.» Виктора Некрасова:

В конце марта или начале апреля 1965 года мы с режиссером Центральной студии документальных фильмов Ильей Гутманом монтировали картину, вышедшую впоследствии на экраны под названием «38 минут в Италии». Материал картины в основном отснят был Гутманом в Италии, и мы, добавив кое-что из итальянской хроники, пытались слепить все в единое целое. Работа была нелегкая, во всяком случае для меня, человека неопытного, но самый процесс ее доставлял мне неизъяснимое удовольствие. В течение двух или трех недель я ежедневно по несколько часов вновь общался с Италией, а это не так уж неприятно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28-31 июля 1961 г.

Милая Вера.

<...> Посылка тебе журналов и книг мне обходится приблизительно в 5 руб. в месяц. Но не думай, что это бывшие 5 руб. Теперешний рубль наш значительно дешевле прежнего, дореволюционного рубля. Вот, например, сахарный песок прежде стоил 25 коп. килограмм, теперь – 82 коп. Масло, самое дорогое, в Петербурге стоило 60 коп. килограмм, а теперь 2 руб. 80 коп., ну и т.д.

<...> Кроме того, и ты и Ульянов отлично знаете, что в течение всех лет нашей нужды Вы нам помогали. Ты, конечно, присылала деньги маме, но мама ведь все отдавала своей семье. И, вообще, ты знаешь, что как только у Зины появились дети, они занимали самое главное место в семье – для них все [отдавали]. Мама [Алина Антоновна] иногда мне говорила: «Ты и Вера не обидитесь, если я часть своих денег оставлю Коле и Вике?» Бедная мама! Оставлять ей [уже] ничего не пришлось.

Ты, конечно, понимаешь, что мне очень обидно, что теперь ничего тебе переслать нельзя. Тем более что у Вики такая уйма денег, и он раздает их направо и налево десятками тысяч. Займет какой-нибудь «друг» у него денег, а затем пишет против [него] ругательную статью. Ульянов пишет: «Статья о Вике в «Советской Украине» очень трогательна». Почему? Какая? Серпилина или [закройщицы Индопошва в киевском Пассаже Галины] Зинченко? И та и другая ведь относятся к Вике! Я считаю статью Серпилина хорошей, хорошо написанной.*

Но ты не можешь себе представить, сколько всяких гадостей, прямо-таки доносов он на Вику писал! У него есть роман в двух частях, по-украински, где он изображает Вику как «отрицательного типа». Он соединил Вику и еще одного его приятеля [(Серезу Доманского)], убитого на войне, и изобразил одним лицом, названным Незлобиным.**

Свою анти-Викину деятельность он начал еще в Вузе. Во время одного собрания Вика (месяца за два до экзаменов) выступил с очень резкой критикой всей постановки дела в их Институте и всей профессуры. Профессура молчала сперва (это было в 1936 году), считая, что это может быть «здоровая критика», но потом кто-то из высших сфер напал на Вику (этот кто-то потом оказался вредителем). Все студенчество Вике горячо аплодировало. И вдруг в их Институтской газете появляется мерзкая статья против Вики, Иончика [Локштанова], всего их направления.

Я помню только последнюю фразу: «Все студенчество осуждает выступление Некрасова». Подпись – «С.». Вика, мнение которого Серпилин всегда разделял, негодуя спрашивает его: «Ты читал эту мерзкую статью? Давай, напишем ответ». Серпилин соглашается. А потом приходит к Иончику «девочка» (как теперь говорят) из их общежития и сообщает: «Да это же сам Серпилин [и] написал!» Он пришел в общежитие и заявил: «Я сейчас так разнесу Вичокчу».

* Все-таки реплика закройщицы Галины Зинченко «По мотивам повести [«В родном городе»]...», как мы уже отмечали, была опубликована двумя годами ранее, в №1 «Нового мира» за 1959 г.

А в №6 журнала «Советская Украина» за 1961 г. вышла критическая статья Л. Серпилина «Сердечный и мужественный талант. К 50-летию В. Некрасова».

** Предлагаем уже профессиональному биографу В.П. Некрасова установить достоверность выведения последнего (вместе с его довоенным приятелем Сергеем Доманским) как «отрицательного типа» Незлобина. Весьма вероятно, что Незлобин выведен в романе «Зодчие» («Будівничі»), опубликованном на украинском в двух книгах, 1955-57 и отсутствующем в РГБ. На это указывала и С.Н. Мотовилова – «роман в двух частях, по-украински».

В ноябре 2015-го сотрудница киевского музея М.А. Булгакова – Татьяна Абрамовна Рогозовская по просьбе автора этих очерков достала в библиотеке дилогию «Зодчие» и обнаружила там искомого Юрия Незлобина.

Это было только начало, а дальше он всячески против Вики писал. В своем романе в двух томах он бог знает как изображает Вику (никто ведь не знает что это Вика). Отчасти это понятно: Вика был очень талантлив как архитектор, уже на втором курсе он получил премию на конкурсе за проект какого-то киоска (я помню, Вика был на практике, мы сидели без денег, и вдруг получаем эту денежную премию – конечно, обрадовались), а Серпилин бездарен. Они оба держали экзамен в театральную Студию. Вику приняли, Серпилина – нет.

Наконец, он был страшно влюблен в одну девушку [\[\(Женю Гридневу\)\]](#), она фигурирует во всех его романах (похожа на себя). Но она вышла замуж за одного Викиного друга [\[\(Серезу Доманского\)\]](#), который был убит на войне. А после его смерти она, по-моему, полюбила Вику. Причины для ненависти было достаточно. Сам-то Серпилин два раза был женат. И самым подлым образом расходился с женами, когда политическая ситуация становилась неблагоприятной для них.

Он занимал довольно ответственные службы, был секретарем Украинского Союза писателей, был редактором «Литературной (Газеты) Украины», еще какого-то журнала [\[членом редколлегии журнала «Советская Украина», после 1963 г. переименованного в «Радугу» – МК\]](#). Теперь дико пьянствует. Мне даже жалок, приходит к Гане, когда она одна и просит ее пустить его у них выпасться – ему стыдно в таком виде придти домой и показаться своим детям. Но Ганя его не пускает.

Та девушка, в которую он был влюблен, сказала как-то, что он пьет оттого, что его творчество не вызывает никакой реакции [\[у критики\]](#). Он написал уже несколько романов, много статей – ну, а критика молчит!*

<...> А сейчас читаю отрывки из воспоминаний Лопухина. Это бывший директор департамента полиции. <...> Я видела этого Лопухина, когда лишена была свиданий в [\[1903-м в Петропавловской\]](#) крепости с Сергеем Васильевичем [\[Андроповым\]](#). Была у него на приеме, прождала с двенадцати до шести вечера. Всех принимали раньше меня, все были важные лица. Наконец, мы остались в приемной вдвоем, я и Тарле.

Тогда Тарле был приват-доцентом [\[Петербургского университета\]](#). Он подошел ко мне и очень негодовал, что его и меня заставляют так долго ждать, либеральничал. Наконец секретарь позвал: «Приват-доцент Тарле!» Боже, что стало с ним! Он весь изогнулся, такого унижительного подобострастия я никогда не видала! Почет и уважение к директору департамента полиции! Он мне стал мерзок. И после революции он очень подло держал себя, трус был. А пишет он хорошо. Ты когда-то любила Наполеона. Хочешь, я пришлю его книгу о Наполеоне?

Лопухин мне тогда тоже не понравился. Развалился в кресле, закурил папиросу (я нашла это нахальством), а он считал, очевидно, что так надо держать себя с курсисткой. Выслушав меня, он заявил: «Ну, этого старика мы к рукам приберем!». Он имел в виду коменданта крепости [\[А.В. Эллиса\]](#). Никого он к рукам не прибрал, а его прибрали.

А вот Дурново, которого так ругает Витте [\[в своих воспоминаниях\]](#), мне тогда понравился. Ну, буду читать Лопухина, я ему больше верю чем Витте.

* Все-таки критика не совсем молчала: Гоффеншефер В., Историческая правдивость и правда искусства, «Дружба народов», 1956, № 7; Полетика Ю., Судьбы и характеры, «Советская Украина», 1958, кн. 2; Савчук А., Золотая осень, там же, 1960, № 11; Логвиненко М., Леонід Серпілін. До 50-річчя з дня народження, «Дніпро», 1962, № 4.

<...> В воскресенье [30 июля] я подумала: «Хоть бы письмо было от Вани Классона для моего развлечения». И, действительно, пришло от него письмо. Для меня он «молодой», ему только шестьдесят два года, по возрасту мог бы быть моим сыном. Этого же возраста и Машенька [Володина из Тамбова], а у нее уже внуки. Все Ванино письмо – описание его сада, сколько будет яблок, сколько было земляники, ну и т.п. Что-то они строят. Лепят (как украинскую хату [из глины]) сарай. Его жена ведь украинская крестьянка. Жалобы на старшего сына, который не выдержал переэкзаменовки по геометрии. В умственном отношении он, сам Ваня, конечно, гораздо ниже и т. Сони и [Р.Э.] Классона.

Я послала ему обе книги, которые ты мне присылала: *Le lion* и *Les féeries dans l'île*.^{*} Обе ему понравились, но читал он их по полгода и даже больше каждую. Потом вернул мне. А его сестре Кате *Les féeries dans l'île*, не понравились. Она, как т. Маня и т. Вера, по-моему, не понимает шуток, юмора, какая-то скучная и надутая. Зина всегда вспоминает, что они с Надей [Пятницкой] называли т. Маню и т. Веру «дутыми бусами».

<...> Вчера, [30 июля] позвонила Ганя, сообщила, что они с Зиной «удвох», т.е. Вика куда-то уехал, и чтоб я пришла к ним обедать. Я, конечно, отказалась. Ходить к Зине – это для меня травма. Сказала, чтоб вечером (Зина должна была быть в гостях недалеко от меня) она зашла ко мне. Зина зашла. Принесла мне, кажется, четыре письма, отзывы о Викиной новой повести.

Почему-то Вика запретил давать мне письма его читателей. Раньше мне Зина их приносила на несколько дней, я их читала, делала выписки, я их «прорабатывала» (как я говорю). А тут Зина велит: «Читай при мне, и я их унесу». Пришлось читать галопом. Самое хвалебное письмо – опять Серпилина, но это ничего не значит. Когда выходили «Окопы», он обещал: «Как только выйдет твоя книга, я напишу о ней статью». Статьи его не появилось, но в газете [«Литературная Украина»], редактором которой был Серпилин, появилась самая мерзкая статья об «Окопах». Сразу, мол, видно, что герой повести из буржуазной семьи, ну и всякие [другие] гадости. Ведь все буржуазное надо осуждать. И кошку звали каким-то именем, хотя в пролетарском доме кошек называть не полагается, ну и тому подобное.^{**}

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 1 августа 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вчера жара была страшная, у Зины на балконе – 45⁰. Вдруг звонит Ганя. Приглашает меня придти к ним обедать. «Она и удвох». Что означает, что Вика куда-то уехал, и я могу придти, не побеспокоив их «паныча» (пишу по-русски, а не по-украински). На Украине ведь «панычом» называли неженатого барина, хотя бы ему было, как Вике, 50 лет.

Я, откровенно говоря, не люблю ходить к богатым родственникам «в качестве бедной родственницы». Я сказала, что не приду, а пусть Зина зайдет, когда будет вечером в гостях недалеко от меня. Хотела ей показать Ваше письмо. Как-то, когда они только что переехали на свою квартиру, я к ним долго не заходила, наконец позвонили, что Зина больна. Я пошла попозже, чтоб не видеть их приживалов. Их было тогда два – Ванька [Фищенко] и Женька [Сац]. Вика обоих устроил в техникум и «вывел в люди».

^{*} «Лев» и «Мир чудесного на острове». Похоже, Джеральд Даррел – «Рассказы о животных» (но почему-то на французском).

^{**} Все-таки 16 июля 1947 г. в «Известиях» появилась статья Л. Серпилина «Современная тема в украинской литературе» (о повести в «Окопах Сталинграда»).

На самом деле, вместо «кошки с каким-то именем» был «старый кот Фракас с обожженными усами».

Это хоть разумно, жили они у него эти 3 года учения, ели, пили, пьянствовали, одевались в Викину одежду. Прихожу я («бедная родственница»). Они, приживалы, опоздали к обеду, сидят втроем – жрут. В тарелки навалено всегда с верхом. Зинина домработница [Ганя] любезно мне говорит: не хочу ли я тарелку вчерашнего супа. Я сказала, что не хочу, но характерно, мне предлагают «тарелку вчерашнего супа», а приживальщики жрут сегодняшний обед!

Жаль, что Вы не можете приехать, погостить у Зины и полюбоваться на «Вишневый сад» в советское время! Есть, конечно, различие. Разозлившаяся их домработница кричит Зине: «А ну идите!» или: «Кто тут хозяйка?!». Мне объяснили, что в деревне хозяйкой называется та, кто готовит. Живет она у них уже 13 лет, но мы знали ее тетку [Мотю], которая летом жила с мамой на даче. Мы ведь служили. Та была прислугой всю жизнь, а Зинина «Анна Ивановна» или «Ганя», как мы ее называем, приехала в город только в 30-м году. Очень толковая и честная женщина. Лучше бы осталась в деревне, стояла бы теперь во главе какого-нибудь колхоза. Сейчас ей 61 год, весит она 90 кг. Нагнаться не может.

Для уборки квартиры приглашается уборщица. Но найти их [(прислугу)] очень трудно. Хоть и платят им «на всем готовом» 50 р. в день [скорее, в месяц – МК].

У Зины был ремонт, надо вымыть полы. Что делать? К Гане приехала в гости сестра-колхозница. Тогда Вика (тогда заместитель председателя Союза советских писателей Украины, лауреат Сталинской премии и пр.) предлагает этим бабам сесть на стулья и не шевелиться. Берет тряпку и моет полы сам. Ползает у их ног. Делает он это очень хорошо. У нас полы не мылись прежде – паркет, но Вика их отлично натирал. Ни я, ни Зина не умели стирать, а Вика умеет, приехав с фронта (нужда у нас была большая). Вика себе стирал и брал выстирать несколько штук Зинино белье! В Америке, кажется, китайцы-мужчины белье стирают? Когда Вика получил Сталинскую премию, стали к нам приходиться фотографы, корреспонденты газет. Приходит, кажется, фотограф и застаёт Вику: стоит на столе, на ногах защитные военные штаны, с зелеными и бурными разводами, сам – полуголый, обметает потолок. Как видите, в «Вишневом саду» есть некоторые перемены. Но психология та же.

Вечером вчера пришла ко мне Зина. Очевидно воспользовавшись Викиным отсутствием, принесла мне письма Викиных читателей о новой повести. Он теперь почему-то не позволяет больше их показывать мне. Зина велела их прочитать в ее присутствии и сейчас же отдать ей. Принесла всего 3-4 письма, хвалебные. Я люблю письма «прорабатывать», перечитывать несколько раз, делать выписки, а тут – на, читай галопом. Мне интересно было письмо из Чехословакии, какого-то старого русского писателя. Писал когда-то в «Заветах». Помните, такой журнал был? Или Вы были тогда молоды и не знали наших журналов?*

<...> Сейчас читаю «Странички из воспоминаний» Лопухина, бывшего директора департамента полиции. <...> Я у него один раз была в департаменте полиции, когда меня лишили свиданий в [Петропавловской] крепости с моим фиктивным женихом.**

* «Заветы» – русский ежемесячный литературно-политический журнал эсеровского толка. Выходил в апреле 1912-го – августе 1914 г. В сентябре 1914-го закрыт постановлением Петроградской судебной палаты.

** Александр Андреевич Лопухин занимал пост директора Департамента полиции в 1902-05 годах. В Интернете можно найти «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте)». М.-Пг., 1923.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 14 августа 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я получила от Лены [Игнатович] письмо, довольно-таки бестолковое. Переслала его Маше [Володиной в Тамбов], показала Зине, Вике она показать его не захотела. Вы же знаете, Зина отказывается Лене помогать (очевидно, ее приживалки ей насоветовали) и посоветовала ей обратиться к Маше (тети Анютиной дочери), которая сама крайне нуждается. Ее зарплата – 37 руб. в месяц, ну и 15 руб. пенсии. Она служит кассиром, и у нее постоянно не хватает денег – приходится докладывать свои. Но она все-таки посылает Лене посылки, иногда – деньги. Послала сандалии ее сыну, так как Лена писала, что он босый. Мне Лену и ее детей очень жалко. Что она не вполне нормальная, это же ясно, и жалко ее детей.

<...> Но я не хочу больше иметь дело с Леной! Хватит этих двадцати лет! Она ведь приехала к нам перед войной в 1941-м. Те 10 месяцев, которые она у нас провела, были сплошным ужасом. Она говорит, что ненавидит всех Мотовиловых, что я «сплетница, клеветница и пустота».

А вот Ваша сестра Катерина Робертовна – «человек с большой буквы». А ее сын [Шура Парнах] так умен, что она таких умных людей никогда не видела. Ну так передайте это мое письмо Вашей сестре Кате. Она сейчас перешла на пенсию, времени у нее стало больше, не могла бы она этой несчастной Лене как-то помочь? Хоть не деньгами, но как-то устроить ее сына [семи лет – в интернат? – МК]. И может быть ее, Кати, «умный сын» даст ей насчет Лены какой-нибудь умный совет.

Нина Мотовилова, тети Верина дочь, как-то писала Зине, что сын ее вырос (ему 24 года), и ей уже не о ком заботиться. Я сейчас же послала ей Ленино письмо и просила, не примет ли она какое-нибудь участие в Лене. Она категорически отказалась. А между тем в 1924 году [в 1923-м] (у нас это были голодные годы, и жилось очень тяжело) тетя Вера написала маме, что они с Ниной в Крыму умирают с голода. Мама сейчас же ей выслала денег, посылку с одеждой и пригласила их приехать к нам. Вещи они, кажется, сразу же продали.

<...> Я сейчас же отвезла их на дачу к маме, и за месяц Нина прибавила на пуд. После голодания человек быстро толстеет. Мы делали для них все что могли, отдали им наши вещи. И затем мама написала [Р.Э.] Классону, что т. Вера с дочкой живет у нас, прокормить мы их можем, но на одежду их у нас не хватает. И Ваша сестра, Таня, сейчас же выслала т. Вере посылку с очень хорошими вещами: платьями, башмаками и т.д.

Прожила т. Вера с Ниной у нас полгода, и так же как Лена возненавидела нас и больше всех меня, хотя я ей устроила на ж.д. очень хорошую службу и отдавала все свои вещи для переделки Нине. Но тетя Вера обижалась, что Нине не покупают новое и (в годы голода!) что у Нины плохое питание. Она должна «пить сливки». Уехали они от нас через полгода, и как-то все-таки тетя Вера вывела Нину в люди. Та окончила вуз, преподает литературу в школе в Ленинграде. Во время войны они жили у Пятницких в Симбирске. Ну, те-то вполне обеспечены. Муж Лиды (Петинной дочери) очень много зарабатывает, у них свой дом, сад и пр.

Ведь помогают люди как-то свои родным? Даже Гома Мотовилов довольно долго держал Лену у себя, давал ей деньги и пр. Ну, она их потом всех разругала. Отчего бы Вашей сестре не поехать поглядеть, как живет Лена? Зине она пишет, что у нее нет даже кровати, спит на полу. В своем письме Лена, конечно, немного врет, я и не думала ее «отругать». Я написала ей, что у нас, конечно, тяжелая психическая наследственность. И со стороны Мотовиловых и со стороны Гельшера Михаила Дмитриевича (у него была ненормальная сестра, тетя Соня ее называла «Анютка»), ну и как Машенька пишет, и со стороны ее отца, Игнатовича, т.е. главное – ее теток.

Одна из них будто бы донесла на ее отца, и он был арестован. Затем она хотела непременно донести на Мишу Гельшера, и он просил его адреса ей не давать, ну а другая ее тетка будто бы ненормальна потому, что ее обезьяна укусила в голову в детстве (?!). Кажется, обе умерли.

<...> Зина и Вика в Киеве. Приглашение Вике из Италии есть, но ВОКС молчит.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 29 августа 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Сейчас была Зина, она сегодня вечером едет экспрессом в Москву. Останавливается у Лунгиных. Вы, вероятно, их адрес и № телефона знаете. Адрес у меня кажется записан. Вика уже живет там 2 недели. Зина сперва мне сказала, что он поехал туда, так как ему написали, что его одноклассник не выйдет в этом году, так как нет бумаги. Но Зина теперь все путает. Речь шла не об однокласснике, а об отдельной книге для его последней повести «Кира Георгиевна». Зина получила из Италии 2 экземпляра этой «Кире Георгиевны», переведенной на итальянский язык. У нас эта повесть была напечатана в №6 «Нового мира», а в Италии она уже вышла отдельным изданием. Зайду сегодня к Зине, погляжу. Зина говорит – на прекрасной бумаге. Вика в Италии ужасно любят, они опять вызывают его к себе, но ВОКС молчит. Нелепо.

Да, адрес Лунгиных у меня кажется есть, ну а № телефона найдете. Это в том случае, если Вы захотите увидеть Зину. Лунгин Семен **Яковлевич**, Москва, Г-29, Кутузовский пр., 1, кв. 18. И еще другой адрес, хоть живет он все там же: Лунгин Семен Львович (?!), Большой Новинский пер., 3, кв. 68. Кажется, Кутузовский пр. – последнее название. А как его зовут «**Яковлевич**» или «Львович» – не знаю.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20-23 сентября 1961 г.

Милая Вера.

<...> Садиться и пить чай без Зины [**на моих приемных днях по субботам**] гости не хотят. Лучшее доказательство того, что они приходят не ко мне, а к Зине. И, очевидно, Зина права, когда кричит мне: «Замолчи! Ты нам мешаешь разговаривать!».

Зина и Вика приехали из Москвы тринадцатого [**сентября**], поездом. Ты знаешь, меня из себя выводит их бессмысленное швыряние денег. Они, например, подписаны на десятки журналов и газет, не только русскоязычных, но и на языках, которые они не понимают?! Купили телевизор в Москве, надеюсь, не испорченный, у кого-нибудь из знакомых «друзей», которому нужны были деньги и он хотел продать свою старую рухлядь, как это было с Зиниными часами. В багаж телевизор не берут, но он отлично умещался под сидение. Но им сказали, что они должны взять на него билет и отдельное место, как для пассажира в поезде-экспрессе! Из Москвы с ними ехал их «бывший милиционер» [**Вася**], очевидно, как сопровождающий телевизор? В метро они его везти не могли, а взяли для него такси с вокзала. Конечно, это не мое дело, и я Зине ни звука не говорю, а то тут бы такие обида и крик были!

Приехали они тринадцатого, Зина уже утром [**следующего дня**] зашла ко мне, но была у меня не больше двух минут. Сейчас же обиделась на мой первый вопрос и мгновенно же ушла. После этого пять дней не появлялась.

<...> Зина все хуже и хуже слышит, все забывает и путает: и новое и даже старое. Ты помнишь французскую выставку в Москве, когда мы ехали в Швейцарию в 1890-м году? Зина теперь видела в Москве французскую выставку. Или ты тогда была маленькой и тебя на выставку не брали? Тогда в Москве мы впервые увидели автомобили, но они больше походили на коляски и назывались «колясками без лошадей». На этой выставке, тогда, в Москве, я видела массу жемчуга, и белого и серого и почти черного. Не помнишь?

<...> Зине первая часть [(двухтомника Королькова – «Тайны войны»)] очень не понравилась. Но это, кажется, потому что Вика с этим Корольковым поссорился, когда был в Германии, и они вместе путешествовали.

<...> Вчера [(22 сентября)] я зашла к Зине, чтоб заплатить Гане за сосуд для молока, который Ганя мне купила. У них к обеду были Ванька [Фищенко], который продолжает жить у них, бывший милиционер [Вася] и еще один Викин приятель с фронта. Вики не было, он заканчивает свой документальный фильм [«Неизвестному солдату»] для Киевской киностудии, который почему-то Зина и Ганя так тщательно скрывали!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 1 октября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Когда-то, когда я знала Сергеева-Ценского, он мне казался глубоким стариком, а ему еще не было 50-ти лет. Ну, а теперь нашему Вике уже 50 лет! Зина и Вика приехали в Киев 13 сентября, а на днях Вика едет опять в Москву. В Италию его не пустили. Почему? [Поэт Алексей] Сурков поехал туда с Викиным знакомым переводчиком [Георгием Брейтбурдом]. Зина и Вика считают, что Вика не пустили из-за того, что у нас там [(за границей)] родственники. <...> Во время революции я мало читала, все время уходило на заработок, у меня ведь бывало не меньше 2-3-х служб зараз, вечно стояла на толкучке, пытаюсь продать наши вещи, вечно стояла в ломбарде, чтобы заложить вещи! А стояние за пайками! Одно время хлеб приходилось получать по карточкам в трех булочных: для Зины, Вики и меня. Вика пошевелиться не хотел, чтоб что-нибудь получить. Лежит на диване, читает какой-то роман и достойно говорит: «Прошу при мне о пайках не разговаривать!». А ведь надо было скомбинировать, что взять, что продать из пайков. Поэтому я только теперь прочла Лейпцигский процесс Димитрова. В полном восторге. Что за достойный тон.*

* Г. Димитров «Лейпцигский процесс»:

Документы сборника показывают борьбу Г. Димитрова против фашизма во время подготовки и проведения процесса о поджоге рейхстага в Лейпциге в 1933 г. <...>

Поджог рейхстага в Берлине 27 февраля 1933 г. – весьма темная история. В ходе судебного процесса в Лейпциге были оправданы 3 болгарских коммуниста во главе с Георгием Димитровым (а что они делали в Берлине-Мюнхене?). Последний персонаж еще в 1920-х накопил огромный опыт террористической деятельности:

Положение в Болгарии (От соб. корр., Лондон, 27.9)

Times сообщает из Софии: Болгарское правительство [Цанкова] получило сведения о том, что сегодня коммунисты предполагали устроить восстание в Софии. Оно немедленно приняло ряд предосторожностей. В течение прошлой ночи было арестовано 100 членов компартии. Корреспондент добавляет, что участники многочисленных восстаний в провинции, происшедших в последние дни, были вооружены русскими ружьями.

«Руль» (Берлин), 28 сентября 1923 г.

Воззвание болгарского правительства (София, 28.9)

По сообщению БТА, правительство обратилось к болгарскому народу с воззванием, в котором оно излагает мотивы, побудившие коммунистических лидеров поднять легковое население на восстание. Воззвание констатирует полное крушение всего плана коммунистов и заявляет, что население было подбито на восстание агитаторами, нанятыми из-за границы. Вследствие этого многие семейства потеряли своих членов, бесцельно пролилась драгоценная болгарская кровь. Когда прежнее болгарское правительство злоупотребляло властью, коммунисты молчали. При нынешнем правительстве вся страна почувствовала облегчение. Это вызвало ярость коммунистов, т.к. их надежда на расстройство страны исчезла. Усилия правительства обеспечить развитие страны и поддержать благосостояние народа дали коммунистам повод к демагогической агитации. <...>

«Руль» (Берлин), 30 сентября 1923 г.

Болгарские коммунисты в Югославии (От соб. корр., Белград, 1.10)

Два дня тому назад [(28.09)] вожди коммунистического движения в Болгарии Григорий Димитров и Василий Коларов бежали в Сербию. <...> Оба коммуниста заявляют, что задуманный ими переворот удался бы, если бы их не выдали их же сторонники. <...>

«Руль» (Берлин), 3 октября 1923 г.

Мы ведь отвыкли от достойного тона. Все подхалимы. Вот такой же достойный тон был у [Р.Э.] Классона. А [Борис] Галин черт знает, как его слова передает. Вы сумеете в его [(Р.Э. Классона)] биографии показать его независимость и достоинство?

<...> Вчера Зина мне подарила Эренбурга «Люди, годы, жизнь», ч. I. Я все это читала в «Новом мире», но с удовольствием перечту. Пишет он сумбурно и тяжело, заметьте насколько труднее его читать, чем Вику. Вика – ширпотреб.

Я как-то спросила в киоске, кто больше всего покупает его «Окопы»: говорят – мальчишки 13-14-ти лет. Но и многим старикам они нравятся. Один мальчик 13-ти лет (сын чинильщика моих [электрических] плиток) с восторгом прочел Викины военные рассказы и говорит отцу: «Папа, доставай всегда такие книги».

<...> Эренбург все-таки имеет мужество говорить о многом, о чем другие молчат, и насколько у него больше культуры, [чем у] всех наших писателей: и Вики конечно, и Шолохова особенно. Зина и Вика были на даче у Эренбурга где-то под Москвой, называется это место «Новый Иерусалим», около Малаховки.

Сегодня получила от Веры книгу и, наконец, письмо от Ульянова. А то я очень волновалась, от Ульянова месяц не было писем. Книги мне присылают довольно оригинальные. То о каком-то банкире XIV века, то «Les marechal de Munichet le Russie XVIII» [(«Мюнхенские кузнецы в России XVIII века»)], а теперь биографию семьи Ротшильдов!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 октября 1961 г.

Милая Вера.

<...> Ну, мои именины [30 сентября] благополучно прошли. Думаю, что это уже последние мои именины, ведь мне уже в феврале минет восемьдесят один год. Не вечно же жить. <...> Сейчас была Зина. Они сегодня с Ганей и их старой приживалкой [Дорой Владимировной] ездили смотреть Викин документальный фильм [«Неизвестному солдату»], который они почему-то так от меня скрывали. Оказывается, это касается опять бывшей войны, Бабьего Яра и прочего. Зина говорит, впечатление очень тяжелое. Ну, там, конечно, были все Викины «друзья».

<...> По-моему, Вика просто какой-то психопат. У меня был знакомый (его брат очень хороший человек, выдающийся почвовед), [который] почему-то не выносил всю свою, очень дружную и очень хорошо к нему относящуюся, семью. <...> Этот человек был со странностями, но он страдал эпилепсией, а Вика-то ведь не эпилептик, и совсем не понятна его ненависть ко мне. К счастью, он о своей ненависти ко мне сказал, когда ему уже было двадцать восемь лет, а раньше я о ней даже и не подозревала.

Мне казалось, что у нас дружная семья. Меня тоже очень удивило, когда ты написала, что ты не любила свою семью – «ta famille proche» [(«твоя близкая родня»)], как ты писала – ни маму, ни Зину, ни меня, а любила своих теток. Каких? Уж не Александру ли Яковлевну Эрн? Вот уж дрянь была! Из-за нее погиб Коля [Некрасов]. Ну, а тетя Вера и тетя Маня тоже были какие-то надутые, недоброжелательные к нам. Тетя Вера жила у нас в 1923-м году, это был ужас! Но они с Ниной скоро уехали, жили у нас полгода.

Зина говорила, что они получили еще книги по-итальянски Викиной «Киры Георгиевны». Вышли вторым изданием (т.е. в другом издательстве). В тот раз, когда Вика был в Италии, один из издателей ему заплатил – Фельтринелли, а другой [(Эйнауди)] ни гроша не дал, у него будто тогда были плохи дела. Конвенции ведь о переводе у нас нет.

Зина при мне об этом знакомым рассказывала так: «Только один издатель заплатил Вике. Вика этому был очень рад, а то бы он не знал, куда девать деньги». Столько нуждающихся людей на свете, а он не знает, «куда девать деньги»! Ведь мог дать тебе, Любе [Пятницкой], когда был в Париже.

<...> Зина говорит, что Вика в воскресенье [8 октября] со своим фильмом едет в Москву, будто бы на три дня, в чем я сомневаюсь. Обычно он едет на несколько дней и остается на месяц и больше. Если ему не удастся поехать в Италию, то он хочет поехать во Владивосток, где он был в 1938-м году. Это, кажется, «Новый Мир» дает ему командировку. <...> Ах, да у Зины была открытка от Любы [Пятницкой]. У нее случился удар, отнялись обе ноги. Она телеграфировала Лене, та приехала в Париж. Люба лежала три недели в больнице, затем Лена увезла ее с собой, кажется в Juan les Pins.* Но ты, верно, это уже знаешь.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 8 октября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Благодарю за фотографию Крупской и Кржижановских. Крупская похожа, но у меня есть ее фотография на нашем библиотечном съезде. По-моему, она там лучше.**

<...> Вчера Зина со своей старой приживалкой [Дорой Владимировной], домработницей и Викой ездили смотреть его документальный фильм, который они от меня так старательно скрывали. Почему? Зина говорила: «Никакого он фильма в Киеве не делает», а их домработница с испугом спросила: «Откуда Вы это узнали?».

А узнала я, так как мой сосед служит как раз в киностудии, где этот фильм ставился. Что-то такое опять о войне, Бабьем яре и прочее.*** Зина говорит: производит очень тяжелое впечатление. Я вообще не люблю кино, особенно серый [экран]. В цветном иногда бывают красивые виды. Завтра Вика едет в Москву, везет фильм. Там должны что-то санкционировать. Пробудет, говорит, 3 дня, но я этому мало верю. Он все еще, по-видимому, надеется, что его отправят в Италию.

Знаете (я еще ведь читаю Жореса «История французской революции»), в права человека было внесено «право свободного передвижения». Ну, тогда была «буржуазная революция», а у нас это право человека: свобода передвижения – теперь очевидно отменено. Если [Р.Э.] Классону так легко удавалось, как Вы пишете, ездить за границу, то это исключительно потому, что у него были большие связи, и, кажется, это было еще во времена Ленина? Стоило Классону к Ленину обратиться, и тот бы для него, конечно, все сделал. Да и Кржижановский, и Красин, и многие другие могли ему помочь.

Но Вы не можете себе представить, что представлял собой Иноотдел в Киеве. Это было такое глумление, такая наглость, что трудно сказать. Одна родственница, приезжавшая из Америки к нашей соседке по дому, всякий раз рыдала, приходя из Иноотдела, столько там глумились. Сказала, что никогда больше в СССР не приедет. Если маме удалось 2 раза побывать в Швейцарии, то оба раза по протекции.

* Жуан ле Пэн расположен во Французской Ривьере, в 7 км от Канн.

** В Интернете есть приличное «фото на троих», но оно обсажено многочисленными метками «Sputnik», поэтому даем «3х4»:

*** Это, как мы уже неоднократно поясняли, документальный фильм «Неизвестному солдату».

Другого же исхода не было? Один раз это было письмо от Ногина, другой раз письмо от Луначарского. Луначарский приехал в Киев, со своей женой-актрисой [(Натальей Александровной Розенель, урожд. Сац)], я бегала по всем театрам и всюду брала билеты на спектакли, где она выступала, чтоб мама могла с Луначарским встретиться. Видите ли, письма ему его секретарь очевидно не передавал. Я хотела видеть Луначарского в 1926 году, когда страшно нуждался Сергеев-Ценский (доил коров и продавал молоко, чтоб как-то существовать). Секретарь меня к Луначарскому (он остановился в гостинице) не пустил. Сказал, что письмо передаст, но ответа я не получила. Правда, в тот же год стали печатать произведения Сергеева-Ценского в «Новом мире», но, оказывается, о Сергееве-Ценском в тот же год хлопотал Горький.

Мама ездила в Швейцарию в 1923-м и 1928-м. Поручительство в Лозанне за нее вносила ее приятельница, швейцарка [M-lle Broye], т.е. не вносила, но гарантией были ее деньги в банке. А [Р.Э.] Классон маме рассказывал, что за него поручались какие-то немецкие банки [(в качестве гарантии его возврата из-за границы)]. Ведь мы были тогда с Германией, кажется, в хороших отношениях? Это когда Вы там учились.

<...> Вчера я была у Зины, воспользовалась отсутствием Вики и обеих приживалок. Одна, старая [(Дора Владимировна)], уехала с Викой в Москву, другая [(Нора Аль)] в командировке, на днях приезжает (Увы!). Зина их обеих обожает. Зина получила открытку от Любы Пятницкой. У нее (Любы) был удар, отнялись обе ноги, она телеграфировала дочери. Люба живет в Париже, а Лена, ее дочь, с мужем в Juan les Pins, где когда-то высадили Наполеон.* Люба лежала в больнице, в Париже, 3 недели, а сейчас дочь взяла ее к себе. В нашем возрасте лучше умирать.

Сейчас я написала письмо Нине Мотовиловой в 18 стр.! Я ей (так же как и Вам) переслала Ленино письмо (Игнатович), я его показывала Зине, но Зине не захотела его показать Вике. Нина прислала для Лены (у нее не было ее адреса) 10 руб. У меня тоже не было Лениного нового адреса, за ним я и ходила к Зине. Завтра эти деньги ей отправлю. Подумайте, она служит уборщицей. Что она получает – руб. 30, и на это ей надо жить с двумя детьми! Ужасно.

Ваш племянник [Шура Парнах], Катин сын, развелся со своей женой? Развод ведь, кажется, стоит 200 р.?^{**}

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 15 октября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина все жаловалась, что о Викиной «Кире Георгиевне» не было рецензий. Оказывается, рецензия была в №9 «Октября». Мне интересно, рецензия отрицательная. Бегу в библиотеку – № взят, обхожу киоски – всюду уже №9 «Октября» распродан.^{***}

Приходит Зина. Оказывается, у них этот № давно есть, Зина рецензию читала, но мне – ни слова. Я спрашиваю: «Отчего же ты мне ее не дала?». – «Я забыла». И тут же поясняет: «У меня это старческий инстинкт самосохранения. Я забываю все неприятности». Прошу принести мне этот журнал: «Не знаю, где он. Вероятно, Вика отдал кому-нибудь из своих друзей!». Журнал у нее [наверняка] лежит, а мне приходится его разыскивать!

* Официальные источники все же говорят о высадке Наполеона, после бегства с о. Эльба, в Антибах, под теми же Каннами.

** В Интернете удалось найти более поздний документ:

При вынесении решения о расторжении брака суд определяет сумму, подлежащую уплате за выдачу свидетельства о расторжении брака одним или обоими супругами, в размере от 100 до 200 рублей. Если суд признает необходимым взыскать государственную пошлину с обоих супругов, то он определяет сумму, подлежащую уплате каждым из них. – статья 37 Кодекса о браке и семье РСФСР, принятого в 1969 г.

*** Речь идет о рецензии (критике на В. Некрасова): Жак Л. «Попрыгуньи», их враги и друзья (см. ниже).

Да, не пишите Вы мне «М-те Маша». Я же Ваши письма ей пересылаю, и, по-моему, на это «М-те» она обижается. Ее зовут Мария Михайловна Володина. Ее отца (и дедушку Лены [Игнатович]) звали: Михаил Дмитриевич Гельшерт. Это муж тети Анюты.

Вчера был с Зиной такой курьезный случай. Мы с ней условились, правда, по телефону, пойти на выставку художника Коровина. Я больше его знаю по воспоминаниям о Шаляпине, это был его друг. Осмотрев выставку, я вернулась домой. Приходит Зина[, и я спрашиваю]: «Ты была на выставке Коровина?». – «Была». – «Ты там все этажи видела, она в 3-х этажах?». Зина удивленно говорит: «Да там всего один этаж». Я говорю: «Иллюстрации рисунков костюмов к «Сказке «Золотой петушок», «Царь Салтан» видела?» – «Видела!» – «Ты не ошибись, там рядом с Коровиным комната, посвященная Врубелю». Зина говорит: «Я эту комнату отлично знаю».

И что же оказывается? Ни на какой выставке Коровина Зина не была, а была на выставке карикатуриста Козюренко (на другой улице!). Принесла даже каталоги этой выставки, один мне подарила. Причем она все время злилась на меня, что я неправильно произношу «Коровин». Кричала: «Да ведь это происходит от слова «корова»».

Сказала, что сегодня пойдет со своей Ниной [Аль]. Это молодая приживалка, а со старой – Вика улетел в Москву. Вероятно, обратно привезет, хоть у нее там есть комната.

Вы не правы. То, что я рассказываю о Зине и Вике, абсолютно не характерно для «быта и окружения» современного советского писателя. Современные писатели жадны, скупы, отвратительны, важничают. У Зины это реминисценция бывшего барского быта в советском строе. Помните, Панаев привез Белинского в имение своей матери. Но оказалось, что комната, которую он хотел дать Белинскому, была занята главной приживалкой. А мать декабриста Анненкова была окружена сворой приживалок. В конце [концов] она разорилась. Нет, у Зины и Вики это «Вишневый сад» Чехова в советском быте.

Когда стало известно, что безногим после войны не хватает колясок, Вика предложил, чтоб все советские писатели пожертвовали деньги на эти коляски. Из всех писателей Украины внесли по 3,5 тысячи [тогдашних рублей] Вика и Гончар, то есть стоимость коляски каждый, еще кто-то внес половину стоимости. Безногие смеялись. Союз писателей смог купить [(точнее, собрать денег на)] 2,5 коляски!

Вика со своей приятельницей пришли к Корнейчуку. Их встретила его жена, Ванда Василевская, и озабоченно сказала: «Если насчет каких-нибудь денег, то говорите только со мной». Говорят, Корнейчук дико скуп, ну и Ванда Василевская, говорят, тоже скупа. Узнав в чем дело, Корнейчук разумно предложил, чтоб лучше писатели обратились к правительству – скорее сделать коляски для безногих. Я с ним согласна. Государство должно оказывать помощь, а не частные благотворители.

<...> Когда-нибудь расскажу Вам о нравах наших академиков. Все это «наши хорошие советские люди».

Вика все еще в Москве, оказывается еще неизвестно, пойдет ли его фильм. Заходила сегодня Зина, Викин фильм принят. Надеюсь, что он приедет к Зининым именинам 24 октября.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 23 октября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Когда у меня был «Новый мир» с повестью «В родном городе», я давала его читать 17-ти моим знакомым. Чем больше книгу читают – тем лучше.

Я прочла критику в «Октябре» №9 какого-то Жака. Называется она «Попрыгунья». Он рассматривает рассказ Казакевича [«При свете дня»] в «Новом мире» №7 и Викину «Киру [Георгиевну]». Казакевича хвалит, а Виду осуждает.

Я не люблю Казакевича. Помните его рассказ «Двое в поле» или что-то в этом роде [(«Двое в степи»)]^{*}: один другого ведет на расстрел? Не вижу в этом героизма, это – ужас.

<...> Газеты приносит мне Зина. Они получают десятки, десятки газет! И русские, и украинские, и чешские, и немецкие, и польские, покупают [французскую] Humanite. Зачем такое количество газет, когда они [по] полгода не бывают в Киеве, и не знают ни польского, ни немецкого, ни чешского[, а французский давно забыли]? Но у Вики есть «друзья», которые знают языки, а тратить деньги на выпуск всяких газет не хотят, ну и они читают эти газеты. Вот, например, (это уже из далекого прошлого) Вика снял в Москве комнату у родственников своего «друга», платил за комнату 500 руб. в месяц, жил в ней кажется 1-2 месяца, а платил за нее целый год. В этой комнате был рояль, а друг – музыкант, и тогда пианино у него (друга) еще не было.

В семье Мотовиловых все обожали дедушку Ивана Егоровича. Он был очень мягок и мил. У него был конный завод, он очень любил лошадей, но и любил ими меняться, отдавая лучшие лошади за гораздо худшие и зная это. Когда у Вики была коллекция марок, его друзья приходили, рассматривали ее и с его согласия забирали себе лучшие.

Бабушка Луиза Францевна была очень честолюбива. Жила у нас в Симбирске помещица Березина? (забыла ее фамилию).^{**} Потом ее сын [(Леонид Березников)] был городским головой в Симбирске, и в это время весь город находился в прекрасном состоянии. Это с ним тетя Соня ездила на какой-то вечер. И вот бабушка и эта помещица начали дарить друг другу подарки, каждая старалась подарить лучший.

Я как-то сказала Викиному другу (без кавычек): «Пусть он положит хоть немного денег на Зинино имя. Ведь кроме пенсии около 700 руб. в месяц [это дореформенные деньги – до 1 января 1961 г. – МК] у нее ничего нет». Его друг ответил: «Конечно, нет ничего проще. Ведь Вика и так свои деньги кладет не на свое имя, а на имя своих друзей». Но положить деньги на Зинино имя Вика отказался. Хороши? Теперь это, конечно, не имеет никакого значения. Зина ведь скоро умрет, ей уже 82 года, а если бы у нее были свои деньги, она бы все равно их отдала своей приживалке.

Сегодня утром Вика должен был прилететь из Москвы. Завтра Зинины именины. Как это сложно и трудно бывало маме в голодные годы! Плита у нас испортилась, дров не было, и вот мама поехала на дачу к нашим знакомым, набрала хвороста в лесу и там испекла пирожки. Мы пошли маму встречать на вокзал, тогда только теплушки [ездили], и мы волновались: удастся ли маме вместе с пирогами сесть. Но маме помог знакомый обер-кондуктор. Через 2 недели этот обер-кондуктор умер от сыпного тифа. Тогда у нас на Украине сыпной тиф свирепствовал. Много мы тяжелого пережили.

А Зина ни в какие домашние дела не вмешивается. Что у нее Ганя-домработница делает, понятия не имеет. Только жалуется, что Ганя каждый день требует то 20, то 25 руб. Я уже Вам, кажется, писала, что на Зинины именины у них бывает до 50 гостей. Думаю, завтра будет меньше. Ганя для меня обычно составляет список: кто был.

Что у Вас за вульгарное выражение – «харчи»? В наше время «харчи» были для «людей», для «застой» и для «господ» так не говорили. А Машенька [Володина из Тамбова] пишет «пара часов». Почему пара? Или про свою дочь, что она «кушает».

В одном из номеров «Нового мира», пятом кажется, интересная статья Чуковского о языке.^{***}

^{*} Жак Л. «Попрыгуньи», их враги и друзья // «Октябрь», 1961, №9.

^{**} В более раннем письме Софья Николаевна еще помнила фамилию помещицы: Березникова.

^{***} Корней Чуковский. О соразмерности и сообразности (Главы из будущей книги) // «Новый мир», 1961, №5.

Сын его Николай был в Париже на выставке, его за границу посылают, а Вику – нет. В его романе, Н. Чуковского, «Балтийское небо» все положительные типы. Значит, угодил. А по-моему – подлиза. И старик тоже подлизывается. В своей статье о языке он возмущается такими грубыми словами как «жид».

А когда я его видела в 1934 году [на Съезде писателей], он сам все время коробил меня, повторяя «жид», «жид», и явно завидовал «жиду», как он говорил, Маршаку. Меня главное возмущало, что говоря это мне, он считал очевидно, что и я считаю такие слова нормальными! А он тогда был очень оппозиционно настроен, говорил: «Что это за съезд писателей, где нет ни Ахматовой, ни Мандельштама». Мандельштам тогда был в ссылке.

Кстати, Вас не удивила фраза Хрущева, что у нас в СССР любой гражданин может поехать куда угодно, когда угодно? Меня – очень. Я люблю Хрущева. Может быть, он не знает, что у нас на самом деле делается?

[Р.Э.] Классон видел Ленина в начале 20-х годов и говорил маме, как мало знает Ленин о том, что происходит в стране. Не может этого быть и с Хрущевым? Ведь в 1923-м и в 1928-м у нас в Иноотделе явно сидели вредители, да еще, говорят, взяточники.

В «Nuova Generazione» (итальянском журнале «Новое поколение») печатали в этом году Викуны «Окопы». Это комсомольский журнал вроде [нашей] «Молодой гвардии». В Италии Вику ценят особенно коммунисты, а печатают и в коммунистическом издательстве, и в буржуазном.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14-27 октября 1961 г.

Милая Вера.

<...> Вчера мы условились с Зиной пойти на выставку Коровина (друга Шаляпина). Ты помнишь, очень забавно рассказывает там [(в воспоминаниях)] Теляковский, директор императорских театров, как Коровин и Шаляпин ссорились из-за каких-то денег? Ведь Шаляпин был и скуп и жаден. Характер у него отвратительный.*

Ты читала негодующее письмо Горького ему? В первые годы революции, когда всем есть было нечего и все продавали всё за гроши, Шаляпин как настоящий спекулянт накупил себе всего, и, когда уезжал за границу, ему дали два вагона для вывоза его вещей! Он продавал их за границей по невероятным ценам, какие-то ковры Дурново. Хвастал этим, а потом писал, что советское правительство его ограбило! И еще два дома ему оставили в собственность: в одном жила его первая жена – итальянка, а другой был «доходным». Замечательно! Ты помнишь это негодующее письмо Горького ему? Это в первом томе [2-томника «Федор Иванович Шаляпин»].**

* Воспоминания Владимира Аркадьевича Теляковского (1860-1924), бывш. директора Императорских театров, можно прочитать по ссылке (belousenko.com/books/telyakovsky/telyakovsky_memuary.htm)

** Из 2-томника «Федор Иванович Шаляпин» (М., «Искусство», 1957-58):

Второй раз пишу тебе, Федор Иванович; предыдущее письмо ты, должно быть, не получил, – только этим я могу объяснить твое молчание. Писал я тебе о нелепости и постыдности твоего иска к Советской власти, а она, – что бы ни говорили негодяи, – власть наиболее разумных рабочих и крестьян, которые энергично и успешно ведут всю массу рабочих к строительству нового государства.

Я совершенно уверен, что дрянное это дело ты не сам выдумал, а тебе внушили его окружающие тебя паразиты, и всё это они затеяли для того, чтоб окончательно закрыть пред тобою двери на родину. Ты хорошо знаешь, что я всегда пытался оградить тебя, артиста и человека, от попыток различных жуликов скомпрометировать тебя так или иначе; это было не только в случае с писательницей Нагродской, которую я выгнал из твоего дома на Пермской. Поверь, что и теперь мною руководит только одно это желание: не позорь себя, Федор! Не знаю, на чем твой адвокат построил иск, но – позволь напомнить тебе, что к твоим «Запискам» [(«Страницам из моей жизни»)] я тоже имею некоторое отношение: возникли они по моей инициативе, я уговорил тебя [в 1916-м] диктовать час в день стенографистке Евдокии Петровне [Сильверсан], диктовал ты всего десять часов, не более, стенограмма обработана и редактирована мною, рукопись написана моей рукой <...>.

Коровина я знала больше по воспоминаниям о Шаляпине, а картин его не помнила. Эта выставка – по поводу его столетия со дня рождения. Мне очень трудно теперь бывать на картинных выставках. Стоять ведь я не могу, а залы пустые, сесть некуда. Идешь мимо, видишь мельком. Кроме того, ужасное освещение, и дневное и электрическое. И особенно трудно видеть те картины, которые под стеклом, в них свет отражается. Очень хороши два портрета Шаляпина, портрет Тенишевой, некоторые виды [(пейзажи)]. А костюмы и декорации к разным операм мне совсем не понравились. К «Золотому петушку», к «Царю Салтану» – слишком вычурно. У Пушкина ведь все просто.

Мы условились с Зиной встретиться на выставке Коровина, но я ее там не нашла. Когда я вернулась, она зашла ко мне. Она все злилась на меня, что я плохо произношу «Коровин», все меня поправляла. Она видела [якобы] то же, что и я: и декорации, и костюмы. Портретов Шаляпина она не заметила. Я спрашиваю: «Да ты во всех трех этажах была?» Зина: «Да там же один этаж». Непонятно. И что же оказалось? Я-то была на выставке Коровина, а Зина – в другом музее, на другой улице, на выставке карикатуриста Козюренко! Ходила по его выставке и считала, что она смотрит картины Коровина! До чего люди с годами бестолковы делаются!

Зина все мне жаловалась, что нет рецензий на Викину «Киру Георгиевну». И одна знакомая мне говорит, что была рецензия отрицательная, не то в «Октябре», не то в «Звезде».

Окончание примечания

Все это я напоминаю тебе для того, чтоб сказать: «Записки» твои на три четверти – мой труд. Если тебе внушили, что ты имеешь юридическое право считать их своей собственностью, – морального права твоего так постыдно распоряжаться этой «собственностью» я за тобой не признаю. По праву старой дружбы я советую тебе: не позорь себя! Этот твой иск ложится на память о тебе грязным пятном. Поверь, что не только одни русские беспощадно осудят тебя за твою жадность к деньгам. Много вреда принесла твоему таланту эта страсть накапливать деньги, последний ее взрыв – самый постыдный для тебя. Не позволяй негодяям играть с тобой, как пешкой. Такой великий, прекрасный артист и так позорно ведешь себя! (Из Сорренто, 9 августа 1930 г.)

В июне 1930 г. адвокат Ф.И. Шаляпина Д. Печорин предъявил в суде Парижа иск к Советскому правительству, обвиняя совучреждения в самовольном печатании и продаже «мемуаров» первого, в незаконном ввозе книги во Францию и продаже ее в Париже. Материальные и моральные убытки Ф.И. Шаляпина по этому иску исчислялись в 2 млн. франков. Между прочим, еще 14 ноября 1904 г. А.М. Горький писал из Петербурга Е.П. Пешковой: «...Здесь Шаляпин. Поет. Ему рукоплещут, он толстеет и много говорит о деньгах – признак дрянной». Второе «негодующее» письмо:

В книге Вашей «Душа и маска» Вы пишете: «У меня отняли все, что отнять можно было и чего так или иначе нельзя было припрятать. Отняли дом, вклады в банк, автомобиль».

Это – ложь. Вы знаете, что обстоятельства Вашего отъезда подробно известны мне. Вы не можете отрицать, что Вам были выданы все Ваши драгоценности из сейфа, я это знаю только потому, что Вы сами сказали мне об этом, растроганно благодаря Советскую власть. Вы никогда раньше не утверждали, что «отняли вклады в банк», а говорили только, что конфисковано 140 тысяч в Ялте, – в то время эти деньги стоили, вероятно, не более 1400 р. Бездоходный дом Ваш в Москве не был национализирован, жена Ваша Иола Игнатьевна до сего дня живет в нем. Не национализирован и доходный дом в Ленинграде, Вашу в нем квартиру охраняет Исай Дворищев. Вам даны были два вагона для вывоза Ваших вещей из Москвы в Ленинград и за границу. Среди ценностей, вывезенных Вами, были гобелены, купленные у Дурново за 100 тысяч, Вы хвастались, что Вам дадут за них 2 миллиона франков. Зачем же вы лжете, утверждая: «я выехал из России нищим». Разве я не знаю, сколько драгоценностей скупали Вы за дешевые деньги. Мне кажется, что лжете Вы не по своей вине, а по дряблости Вашей натуры и потому, что жуликам, которые окружают Вас, полезно, чтоб Вы лгали и всячески компрометировали себя. Это они, пользуясь Вашей жадностью к деньгам, Вашей малограмотностью и глубоким социальным невежеством, понуждают Вас бесстыдно лгать. Зачем это нужно им? Они – Ваши паразиты, вошь, которая питается Вашей кровью. <...> Эх, Шаляпин, скверно Вы кончили.

(Из Сорренто, 17 января 1933 г.)

<...> У Зины этот журнал [[«Октябрь» №9](#)] есть, и она и все их «друзья» рецензию читали, но от меня почему-то скрыли. Зина заявляет (но это конечно вранье): «Я забыла. Я стараюсь забывать все, что мне неприятно». Я прошу ее принести этот номер мне, но она говорит, что журнал, верно, у Викиных «друзей». Нда.

<...> «Октябрь» с рецензией на «Киру Георгиевну» Зина принесла, но я тебе этого номера не посылаю. Во-первых, не нашла в книжных киосках, во-вторых, статья очень краткая и только конец ее посвящен Вике, а начало – повести Казакевича [[«При свете дня»](#)] в №7 «Нового Мира». Казакевича рецензент очень хвалит, а Вику осуждает. Это у нас какой-то острый психоз. Нужно изображать только «положительные типы».

Это отсутствие отрицательных типов (которых у нас в жизни гораздо больше, чем положительных) в нашей литературе – очень обедняет ее. Так же как и отсутствие элементов трагического и смешного, поэтому наша литература так ужасно пресна.

Вчера (двадцатого) зашла Зина и принесла мне письмо [[ей](#)] от Ульянова. Тон этого письма невероятно раздраженный. Я спрашиваю Зину: «Ты заметила, что в письмах тебе и заметках мне о получении Верой моих бандеролей [[с книгами](#)] у Ульянова всегда раздраженный тон?» – «Ну, конечно, заметила», – говорит Зина смеясь и читает несколько фраз из его письма. Никто Ульянову никаких «упреков» не делает, мы отлично понимаем, что положение его при твоей болезни и Вашей одинокости в Лозанне очень тяжелое. И я постоянно мучаюсь, что мы ничем не можем помочь Вам.

<...> Пошлю это письмо после Зининых именин 24 октября. Надеюсь, что к этому времени Вика приедет из Москвы. <...> Ну, его новый документальный фильм принят, и, кажется, 23-го он вернется в Киев. У меня сегодня мой jour fixe [[\(приемный день\)](#)] – суббота. Зина сказала, что придти не может, так как идет на какой-то балет на льду.

<...> 23-го приехал Вика, а 24-го были Зинины именины. Обычно она ко мне приходит на следующий день, приносит угощения, рассказывает, кто был, а иногда забавный список составляет Ганя. Но на этот раз Зина долго не приходила. Дело в том, что гости шли три дня подряд и не только вечером, но еще и весь день. Некоторые приходили не одни, а еще приводили своих знакомых, совершенно не знакомых Зине. По-моему, нахальство.

Чтоб облегчить Зине рассказ о том, кто у них был, я составила предварительный список всех, кто у них обычно бывает, так сказать, «план». И уже по нему спрашиваю: «Такие-то были?» Зина приходит в непонятное бешенство, кричит, что на [[мои](#)] вопросы она отвечать не может, она когда-нибудь вспомнит и все запишет. Сказала только, что у них было шикарно (?!), а гостей, кажется, пятьдесят за два дня. Ганя пригласила ей помогать лифтершу, перемывать посуду и прочее. Как я поняла, из наших старых знакомых почти никого не было. Были, главное, Викины друзья, не то шесть, не то восемь «Киношников».

С фильмом его опять какая-то задержка. Москва утвердила, а в Киеве кто-то не разрешает его ставить. Это Зина мне сказала, но ей особенно верить нельзя.

Когда Вика был в Москве, Зина подарила мне одно из итальянских изданий «Киры Георгиевны». Я была уверена, что как только Вика вернется, он потребует его себе обратно. «Кира» в Италии вышла в двух издательствах: буржуазном и коммунистическом. Ну, конечно, Вика сейчас же потребовал свою книгу обратно. Отдала. У меня была из буржуазного издательства. Зина обещает, что принесет мне другую, издательства Эйнауди*.

* К крупнейшим универсальным относятся 20 издательств, находящихся под контролем монополистического капитала, в их числе: «Мондадори» (Mondadori), «Риццولي» (Rizzoli), «Фаббри» (Fabbri) и др. Существуют универсальные издательства либерального направления – «Латерца» (Laterza), «Сансони» (Sansoni) и др. Компартия Италии имеет издательство «Эдитори риунити» (Editori Riuniti). К другим прогрессивным издательствам относятся «Эйнауди» (Einaudi), «УТЭТ» (UTET) [[и издательство левого толка Giangiacomo Feltrinelli \(Джанджакомо Фельтринелли\)](#)]. – Из Интернета

Там работает Викин бывший переводчик и мой бывший корреспондент [Витторио Страда].*

<...> Письма меня очень развлекают, а Ваня Классон меня даже трогает. Возвращает листик моего письма, он в нем двух слов не разобрал. Как будто так важны какие-то два слова! – мое мнение о сыне Ирэн в «Саге о Форсайтах». Пишет о всех своих будничных делах. Вдруг внеочередное письмо от него: достал доски для расширения своей веранды [в «летнем домике» в Алабушеве]. Спешит сообщить мне о своей радости.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 1 ноября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зинины именины прошли хорошо. Зина говорит, прошли «шикарно». Гостей было 40 с чем-то человек. наших старых знакомых довольно мало, а все – Викины. 6 киношников с женами. Какова была национальность 6-ти киношников и их жен – не знаю. Причислила их к русским. Тогда выходит, что было всего 23 еврея, а остальные – русские. Что-то невероятное для Вики. Обычно бывают все евреи и только один-два русских, но непременно с женами-еврейками. Вика когда-то уехал в Москву и там в 1947 году устроил банкет по поводу своего лауреатства. Все это были новые знакомые. Было всего человек 20, из них только двое русских, а это ведь не Киев, а Москва!

Итак, Вика написал какой-то документальный фильм [имеется в виду сценарий фильма «Неизвестному солдату» – МК] о взятии Киева немцами, пожар Крещатика, Бабий Яр и пр. Съемки все были сделаны самими немцами! В Киеве фильм утвердили. Вика поехал (как Зина говорила, на 3 дня) в Москву, там пробыл 2 недели, надо было еще на русский перевести текст. Наконец в Москве утвердили, вернулся в Киев, а здесь кто-то передумал, и фильм не пропускают. Передаю со слов Зины, за точность не ручаюсь.

Очень хочется мне рассказать Вам историю про одного нашего академика. Итальянцы пригласили Вику, с ним должны были ехать несколько человек, среди них министр Кафтанов.** Я его не терплю. Сейчас же после войны он писал, что на Украине плохо поставлено преподавание в вузах, потому что много профессоров, оставшихся в оккупации. Кто же виноват, что отступали наши войска, и мы очутились в оккупации? Ведь одно время оставшиеся в оккупации считались чуть не «врагами народа»! Одна наша знакомая врач-еврейка все мечтала, когда же нас всех [(оставшихся в оккупации)] выселят на Курильские острова. Об этом шла речь. Ну, слава богу, нас не выселили.

Италия тогда в 1957 г. не пожелала принять Кафтанова. Никаких, де, не желает официальных лиц. Один за другим отпадали все предполагаемые Викины спутники. Мы (СССР) предложили ректора Ленинградского университета Петровского. Италия ответила: ректор это тоже официальное лицо. Кончилось тем, что полетели втроем: Вика, его переводчик и академик-биолог. Академик летел читать лекции, он уже часто бывал в Италии, не знаю, по-итальянски или по-французски он читал.***

* Все же Витторио Страда сначала только сотрудничал с издательством Джулио Эйнаути и лишь в 1964-м, после поездки с ним в СССР для встречи-интервью с Хрущевым, по приглашению Джулио Эйнаути переехал в Турин, чтобы служить у него консультантом по русской литературе.

** Сергей Васильевич Кафтанов (1910-1978), министр высшего образования СССР (1946-1951), далее председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР и зам министра культуры.

*** Скорее всего, это академик Александр Иванович Опарин (1894-1980), один из организаторов и директор (с 1946 г.) Института биохимии растений АН СССР, который в 1957-м был «командирован в Италию во главе делегации ВОКСа с целью установления культурных и научных контактов». Ездил в Австрию и Италию с «научными целями» еще в 1924-м.

Вы, конечно, знаете, что у нас полное равенство? Ну, а по-моему, у нас «всяк сверчок знай свой шесток». Едут вокруг Европы, например, туристы (об этом писал Паустовский): одним полагается ехать в 1-м классе, другим – во 2-м, остальным – в третьем. Пассажиры 1-го класса надуты и важны. Так вот, когда они, Вика и остальные двое, полетели, «на харчи», как Вы говорите, полагалось так: академику – 10 единиц, Вике – 6 и переводчику – 3 [по-видимому, речь шла о командировочных – МК]. Остановились в Риме в одной гостинице. Вика все время разъезжал или был приглашен на счет «рау он» [(«все оплачено»)] и прочее, и переводчик с ним, в гостинице не ел. Ну а что делал академик – не знаю. Вероятно, закупал наряды для жены. Там ведь лучше и дешевле чем у нас. Вика-то, конечно, со своим переводчиком были на равных правах.

Когда Вика уезжал из Рима, в гостинице подали ему счет (перед этим академик поехал читать свои лекции). На Викин счет, оказалось, академик завтракал, обедал и ужинал ежедневно! А «10 единиц» и «на харчи», очевидно, клал себе в карман?

Вика, конечно, все оплатил за него, но когда он это рассказал Твардовскому, тот посоветовал Вике послать этому академику открытку: «вы, по-видимому, забыли оплатить ваш счет в гостинице, не беспокойтесь, я все заплатил». Вика, конечно, такой открытки не послал. Переводчик как-то встретил этого академика в Москве и соврал: «Неудобно, знаете, это деньги ВОКС». Академик сказал: «Я сейчас же пойду и заплачу». Ему-то в Риме нужна была валюта свыше его 10 единиц «на харчи».

Тот же академик (видите, я забыла его фамилию, это может быть к лучшему) покупал в Москве у очень нуждающегося художника его картины. Вы же знаете, художники не имеют права продавать свои картины или, кажется, – только в музеи? Торговался академик отчаянно, сторговался за 1500 р. (старых). Картину сразу взял, дал 1000 р., а про 500 р. сказал – пришлет потом. Прошло много времени, наконец, художник ему звонит. Тот отвечает, ему де сказали, что картина больше 1000 не стоит, и, кроме того, художник ведь знал, что он не имеет права ее продавать.

Вот они наши хорошие советские люди! Рассказываю со слов Зины. Но это было 4 года тому назад, когда Зина еще не все путала. Кстати, сегодня Зина зашла ко мне, побывав на выставке Левитана. Завтра там выходной. Пойду послезавтра. Очень люблю Левитана. Из русских люблю особенно Серова, Нестерова, Левитана. Нестеров великолепен и в своих портретах, и в чудесных видах. Из заграничных очень люблю Hodler'a и Сегантини. Обычно весной я ехала из России в Швейцарию, и как раз тогда бывала выставка картин в Мюнхене. Вы видели этих художников?

Вика, приехав из Москвы, отобрал у меня подаренное мне Зиной издание «Киры Георгиевны» на итальянском (буржуазное издание), но Зина мне дала то же издание, коммунистическое, Эйнаути.

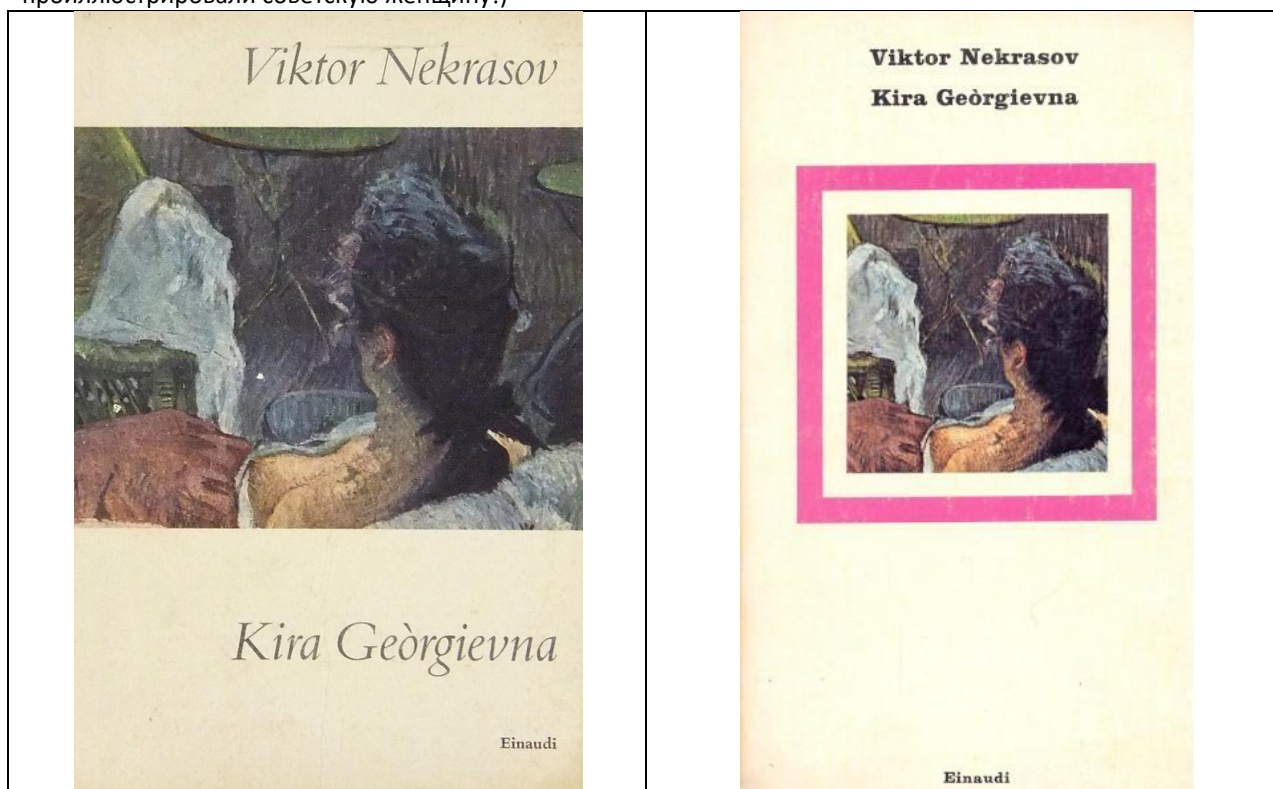
На обложке [книги «Кира Георгиевна»] женщина с открытой грудью, репродукция картины Henri de Toulouse-Lautrec. Знаете ли вы этого художника? У Зины есть о нем очень интересная книга. По-французски.*

<...> Викиной пьесы Твардовский не захотел поместить. Сказал: «Довольно у нас [в «Новом мире»] писали об архитекторах». А пьеса была на актуальную тему. Тогда люди, вернувшиеся с войны, начали себе строить дачи на казенный счет. Сказали Вике, чтоб к директору Малого театра Вика и не совался: того как раз за это судили!**

Почему можно было Гоголю писать «Ревизора», «Мертвые души»? А у нас одни только «хорошие советские люди, выполняющие план!». Положительный герой и Гоголю не удался. Отчего же теперь все требуют «положительных героев»?

<...> Тетя Анюта рассказывала своим детям: «У Алины 2 дочери (а Вера?). Зина очень приятная, а Соня очень неприятная». Чем я не приятна? Еще Зина и Вера теперь страшно обидчивы.

* Анри Тулуз-Лотрек (1864-1901) – французский график и живописец, его объектами для позирования были в основном танцовщицы варьете и проститутки. Оказывается, книга «Кира Георгиевна» вышла дважды в издательстве «Эйнауди» в 1961-м (www.abebooks.co.uk/book-search/title/kira-georgievna/author/viktor-nekrasov/)!!! А на обложке был изображен фрагмент «Отдыхающей модели», 1889 г. (и так итальянцы проиллюстрировали советскую женщину!)

** Отвергнутая А.Т. Твардовским пьеса – это «Опасный путь» («Испытание»). Из письма С.Н. Мотовиловой в Лозанну от 4-5 января 1964 г.:

Заходил Александр Ефимович [Парнис]. <...> Принес мне Вишневского. <...> Я никогда не читала Вишневского, его двух писем Вике в 1947-м, и это первый раз, как я читаю критику на Викину пьесу, очень положительную (критику, а не пьесу). <...> Викина пьеса шла в театре им. Станиславского [в 1949-м], но так изуродованная, что он решил никогда больше пьес не писать, а это досадно. Он как бывший актер отлично знает, и кроме того у него дар говорить от каждого [действующего] лица его особым языком. Это умение редко у кого бывает. Тогда Твардовский отказался напечатать его пьесу (говорю с Зининых слов, тогда она еще все помнила). Твардовский сказал: «Уж и так слишком много писали об архитекторах». Но это же были не только архитекторы, а коммунисты, вернувшиеся с фронта.

Зина оставила мне 2 письма ей – от Лены [Игнатович] и от Любы Пятницкой. Я Вам, кажется, писала, что у Любы был удар, она 5 недель лежала в госпитале, где было очень хорошо, кормили великолепно. Ее дочь Лена все это время жила в Париже, а теперь Люба с ней живет в Juan les Pins на Средиземном море, где еще жара.

Ленин муж (немец из ГДР) опять безработный. Все трое они живут на заработки Лены, которая должна готовить, стирать и зарабатывать на всех троих. Рисует миниатюры и продает в магазины. Ее отец ведь талантливый скульптор [Осколков], одно время заведовал музеями Морозова у нас. Его очень восхваляли в день его 70-летия в «Советской культуре». Я тогда послала Любе газеты о нем. В Париже он жил или на счет своих меценатов или на Любин счет!*

* Нечаянная «наводка» С.Н. Мотовиловой на источник публикации – «Советская культура» сподвигнула комментатора ее писем опять прокатиться в Химки (где располагается отдел газет РГБ) и заказать подшивку сей скучной газеты за 1957-58 годы. И его усилия наконец-то были вознаграждены сторицей! В номере «Совкультуры» за 7 сентября 1957 г. была помещена заметка «Редкое мастерство», в ней как раз и рассказывалось о нашем «мистере Х» (естественно, с его слов), который уже давно не «талантливый скульптор», а лишь «барельефщик», то есть ваятель барельефов для мемориальных досок партийных и государственных совчиновников.

Итак, 9 юношей были осуждены в Екатеринбурге, выездной сессией Казанской судебной палаты, «за участие в революции 1905 г.». Из них самого юного, 18-летнего Анатолия Осколкова – приговорили к пожизненной ссылке (?) в северные районы Тобольской губернии. После нескольких недель пребывания в ссылке он сбежал, в конце лета 1907 г. [нелегально] эмигрировал во Францию, сменил фамилию Осколкова на Маграчева, а имя Анатолия – на Сергея. «У меня с детства было влечение к геологии, – сообщил он корреспондентам «Совкультуры». – Очень любил я и рисование, лепку. Нужно было выбирать что-нибудь одно. И я поступил на естественное отделение Парижского университета. Денег, которые присылали родные, не хватало [здесь Осколков-Маграчев умалчивает о том, что ему, по большому счету, уже надо было содержать жену Любовь Николаевну Пятницкую и дочь Лену, родившуюся в 1910-м, а не играть роль «бедного студента» – МК]. Приходилось подрабатывать небольшими акварельными рисунками. Парижане, надо сказать, покупали их довольно охотно».

В апреле 1910 г. Сергей Захарович Осколков-Маграчев, через связи с художницей Марией Сергеевной Боткиной и далее с гражданской женой М. Горького Марией Федоровной Андреевой, оказался на Капри, у известного писателя [этот сюжет у С.Н. Мотовиловой выглядел гораздо ярче (в письме И.Р. Классону от 31 мая 1962 г.): Люба была дико влюблена в своего второго мужа Осколкова, и все ждала от него писем. Он не писал. Он был талантливый скульптор на самом деле, вечно жил у каких-то меценатов, а когда у них жить было нельзя – жил у Любы. Беременная Люба поехала на Капри, где он [тогда] жил. Он делал вид, что ее не знает. Одним словом: пролез к «сливкам [общества]», а тут появляется какая-то несчастная, бедная женщина, беременная от него! Здесь, на Капри, он вошел в милость к М. Андреевой, тогда жене Горького. Это ему было очень полезно впоследствии, он был директором музея [кустарных изделий Сергея Тимофеевича] Морозова, в почете у большевиков. <...> Они вернулись в Россию все трое после революции в 1917 году. Ну и вскоре разошлись. За всю свою жизнь он на свою дочь Лену ни гроша не дал. – МК].

Алексей Максимович сказал Анатолию-Сергею, после некоторого знакомства: «И чего вы колобродите? Оставьте камни в покое. Мой совет вам – целиком посвятить себя искусству». В 1912 г. С.З. Осколков-Маграчев участвовал в парижской выставке международного «Союза независимых» художников (с картинами и этюдами). Дальше в биографии «талантливого скульптора» зияет значительная лакуна, в которой пропали в том числе сюжеты с одалживанием 5000 царских руб. (весьма значительная для того времени сумма!) у матери его ребенка Л.Н. Пятницкой и побегом от нее, возвращение в Советскую Россию, якобы работа в музее кустарных изделий С.Т. Морозова (?). В итоге он переквалифицировался на ваяние барельефов на мемориальных досках (размещались на домах, где ранее жили видные партийные и государственные совчиновники), стал членом Союза советских художников с момента его основания. В 1957 г. С.З. Маграчеву исполнилось 70 лет, но он был полон «творческих замыслов» (насчет мемориальных досок)...

Письмо от Лены [Игнатович] Зине ужасно. Она больна, дети больны. В интернат ее сына не берут, берут только здоровых, а он мочится ночью и глухой. Дочку в ясли не берут. Пишет: «Ведь сколько может человеческий организм вынести такую жизнь: голод, голод и голод всю жизнь!» (Для чего же тогда она завела детей?) Вся беда в том по ее [мнению], что у нее нет диплома. Пишет: «Сейчас и старики учатся. Диплом сейчас – это продовольственный аттестат». Можно легко работать и получать прилично» (?!). Просит Вику написать их директору, кажется, дать ей место инженера. Ей «все говорят, что не обязательно [иметь] диплом, обязателен – блат». Это она пишет коммунисту. Только компрометирует его такими рассуждениями. Сумасшедшая.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 4 ноября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Сегодня город разукрашен украинскими рисунками, флагами. Через 3 дня праздник. Я была уверена, что перед праздником продукты в магазинах «выкинут», нет, говорят – «выбросят». Заходила в 3 магазина – нигде нет масла, в одном мне предложили шоколадное. Но я на масле только готовлю, сама его никогда не ем, всю жизнь. Делать было нечего: купила маргарина.

Я покупала его в последний раз в 1899 году. Это когда я жила в Лейпциге и сама себе готовила на спиртовке. Однажды ко мне зашла, жившая же в Лейпциге, студентка [университета] Балабанова. Она ужаснулась, что я готовлю на маргарине. Говорила, что это вредно. Она была социал-демократкой. Ей было 23 года [21 год?]. Казалась мне ужасно старой. Потом я видела ее в 1919 году [в Киеве], она выступала на митинге для немецких солдат [военнопленных?]. Сперва выступала Коллонтай, прекрасно говорила по-немецки. Потом – моя знакомая Балабанова. Она была хорошо знакома с Муссолини. Ведь Муссолини был когда-то социалистом. Видите, у меня такая ассоциация: маргарин – Балабанова – Муссолини.*

Окончание примечания

Интернет несколько дополняет «линию жизни» С.З. Маграчева:

Уроженец Екатеринбурга. Учился на естественном факультете Парижского университета (1907–1912) и одновременно занимался скульптурой в свободных академиях Парижа, Флоренции и Рима, в мастерских О. Родена и Э.-А. Бурделя. Жил в Москве (с 1917 г.), работал в станковой, монументальной и мемориальной скульптуре, исполнял скульптурные миниатюры и медали. Автор портретов и композиций. Исполнил бюст писателя Д.А. Фурманова (гипс, ГТГ, 1927), барельефы поэта А.С. Пушкина (медальон, 1937), художника И.Е. Репина (медаль, 1944).

Член АХРР и общества «Жарцвет», участник выставок (с 1926 г.). Преподавал в МИПИДИ (1944–1952), доцент. В 1925 г. С.Г. Маграчев участвовал в конкурсе на памятник революционеру Н.Э. Бауману, в итоге был реализован проект скульптора Б.Д. Королева. В 1946 г. художник Маграчев участвовал в конкурсе наград для советских ученых, изготовил эскиз одного из вариантов ордена «Д.И. Менделеев».

Выходит у «талантливого скульптора» С.З. Осколкова-Маграчева в активе лишь один гипсовый бюст Д.А. Фурманова? Негусто...

Что касается упоминания С.Н. Мотовиловой о том, что С.З. Осколков-Маграчев одно время заведовал музеями Морозова, то в справочнике «Вся Москва-1927» значится:

«Отдел Керамики [Объединенного музея декоративного искусства] (Музей Фарфора) – зав. Мограчев Серг. Зах.»

Музей фарфора в 1920-х располагался во Введенском переулке в бывш. особняке Алексея Викуловича Морозова, коллекционировавшего до революции фарфор, гравюры и иконы. Значит, С.З. Мограчев/Маграчев заведовал коллекцией не Саввы Тимофеевича (1862-1905), а предметами искусства, принадлежавшими ранее его троюродному брату – Алексею Викуловичу (1857-1934).

* Прочитать откровенные мемуары знакомой Софьи Николаевны, социалистки Анжелики Исааковны Балабановой (1878-1965) можно по ссылке (e-libra.ru/read/327516-moya-zhizn-%E2%80%93-borba-memuari-russkoj-sotcialistki-1897%E2%80%931938.html).

Социалистка Анжелика Балабанова в молодости

<...> Знаю, что Вы очень придирчивы, если я не отвечаю на какой-нибудь из Ваших вопросов. Итак, Ваше мнение о Викиной «Кире [Георгиевне]» я читала несколько моим знакомым. Двое знакомых сказали, что вполне его, Ваше мнение, разделяют и в том, что из-за этого Вику печатают так охотно в Италии. Одна из них (старуха 86-ти лет, отнюдь не благосклонно относящаяся ко всему нашему, хоть у нее даже есть орден Ленина) сказала: «Я патриотка, и мне неприятно, что за границей скажут: вот каковы их русские женщины», Вообще всем моим знакомым Викина «Кира» не понравилась.

Зина говорит, что в Москве в Союзе писателей спорили без конца. Не хотели печатать. На стороне Вики был только Николай Чуковский. Все остальные (кто – Зина не знает) кричали: «Не видно, кому сочувствует автор». Я сделала выписку, хочу через Зину Вике передать. Это высказывание Энгельса: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства». Охотно печатают Вику в Италии потому, что он хорошо распродается. Там ведь частники, а для них это самое главное. Вы его прочли сразу, потому что Вика легко читается.

<...> Пошлю это письмо, когда получу ответ на предыдущее. Кстати, с какого времени мы с Вами стали переписываться? По-моему, с августа 1959 г. Кажется, мое первое письмо пролежало у Вашей сестры Кати 4 месяца, пока она надумала передать его Вам. Напишите! Вы ведь точны как немец.

Завтра суббота. Мой jour fixe [(фиксированный день, здесь – для приема гостей)]. Но Зина никогда не приходит. То она на балете на льду, то в кино, то просто спит. Их Ганя уехала на несколько дней в гости к племяннице. Все им заготовила и оставила в холодильнике. А милиционера [Васю] послали на картошку. Не знаю, как они там обходятся. Зина говорит, что хозяйничают «Нина» (приживалка) и Вика, а она ни во что не вмешивается.

10-XI-61 (продолжение). <...> Получила длинное письмо от Лены [Игнатович]. О первом ее письме я, кажется, Вам писала? Она просила меня передать Классонам, чтобы они присылали ей вещи их детей. Я ответила, что я уже Вас об этом просила, но Вы категорически отказались и даже осуждаете Катерину Робертовну, что она помогает ей. Это вызвало со стороны Лены приступ негодования – и на меня, и на Вас. Хотя это опять «сплетня», но настолько смешная, что хочу Вам передать. Она очень невысокого мнения о Вас, как инженере, вышли, мол, в люди только из-за отца! Как она может судить? А дальше упрекает Вас, что Вы слушаете «бабы сплетни», т.е. меня.

В той квартире, где мы жили долгую жизнь, у нас забирали комнаты, одну за другой (у нас было 6 комнат), две заняли чекисты. Что это за публика была, мы хорошо узнали. Наша столовая была проходная. Помню, мы с гостями сидели вокруг стола на Новый год, а сбоку сидел чекист и ждал своего друга, который избивал жену, запершись в своей комнате. Так вот, одна чекистка очень обижалась, что мы постоянно говорили по-французски, и жаловалась другой соседке: «И по-французски-то они говорить не умеют. Совсем не умеют произносить в нос». Во французском произношении она столько же понимала, как Лена [Игнатович] об инженерном деле. Впрочем, я кажется Вам писала, что Лена хочет стать инженером? Ей сказали, что «для этого диплома не нужно, а нужен только блат».*

Кто меня проклял теперь, так это Нина Мотовилова. Она просила не давать ее адреса Лене, а я бланк от ее почтового перевода денег послала Лене. Теперь она одолевает Нину просьбами. Ей нужны жиры, свинина, обувь и костюм для ее сына. «В Ленинграде это дешево и хорошего качества», – пишет она.

<...> Я все еще переживаю 22-й съезд.** Только теперь читаю многие речи. Я ведь жвачная и, как корова, должна пережевывать одну и ту же пищу. Вот приоткрылся кусок занавеса над «родной и любимой» и раскрывается ужас. Во главе-то [государства] стоял бандит и убийца. Не будь он высшим государственным деятелем, давно бы был посажен в тюрьму. Ужас.

Я все еще читаю Нюрнбергский процесс и в ужасе от моральной извращенности всех этих фашистов. Например: «Надо, мол, вывезти, как можно больше, продовольствия из России, тогда умрут от голода миллионы русских!» Чтoб люди мечтали о миллионах умирающих. И я это видела, когда жила в немецкой оккупации.

* Сейчас, много лет спустя, мне пришла в голову мысль: а не потому ли не трогали, что в уплотненной нашей квартире в одной из комнат всегда жили... чекисты? Сначала семья Уваровых, потом Кушников, последними, до самой войны, Сидельниковы – он сотрудник милиции. Чекисты чекистами, но мама всех их лечила – от простуды, гриппа, поносов, а бабушку, хоть из Смольного и вроде [бывшую] помещицу, не любить просто нельзя было – любили и чекисты. Другого объяснения не нахожу. Годы-то были страшноватенькие... – Виктор Некрасов. По обе стороны Стены

<...> Потом жильцами, в других уже комнатах, стали люди, которых называли чекистами. Семейство Уваровых с малышом Юрочкой, обожаемым всеми. Юрочка Сальц-Вальц, называл он себя, что означало Юрий Александрович Уваров. За ними – они куда-то уехали – муж и жена Кушниковы, наименее общительные из всех. И, наконец, Сидельниковы – он сотрудник милиции с братьями, женой и отцом. – Виктор Некрасов. Саперлипопет, или если б да кабы, да во рту росли грибы...

** Прошел в октябре 1961-го, о преступлениях сталинского режима было сказано в специальном докладе Н.С. Хрущева еще на XX съезде в феврале 1956 г., но его не опубликовали, а лишь зачитали на закрытых партийных собраниях предприятий и организаций.

16-XI-61 (продолжение). <...> У Вики жили, по 3 года каждый, сын одного его знакомого [(Игоря Александровича Саца)], в Москве не мог кончить 10 классов, и Ванька [Фищенко], с которым он воевал, прототип Чумака в его «Окопах Сталинграда». Или как они теперь должны называться. Окончили они какой-то геолого-угольный техникум, получили очень хорошие службы. Ванька все служит, занимая место инженера. На войне он достаточно был. Этот техникум избавлял от отбывания воинской повинности. А эти 3 года [службы в армии] для нескольких моих знакомых были очень мучительны.

<...> Таратута меня спрашивала подробности о том, как у нас весной 1895-го была Войнич с мужем.* А я, по ассоциации, еще рассказала о том, как у нас был Ленин тоже весной 1895 года. И вот что она пишет: «В высшей степени интересен Ваш рассказ о Вашей встрече (какая же это «встреча»!), – и далее, – Очень прошу сообщить, если помните, точно адрес дома, где Вы тогда жили в Лозанне. Нет ли у Вас фотографии этого дома?». «Дело в том, что обстоятельства этой поездки Ленина за границу в 1895-м очень мало известны. О его пребывании в Лозанне нет никаких сведений у историков. Мое сообщение о Вашем письме вызвало большой интерес у специалистов». Ну и т.д.

Я Вам, кажется, писала, нашла у себя пакет писем Ленина и Мартова Аксельроду и Ногину. О том, что я перевозила эти письма, абсолютно не помню, и теперь не вспомнила. Нашла их через год после смерти Ногина [в 1924-м], отвезла в Институт Ленина. Письма были очень интересны. Но меня изумляло, что никто не заинтересовался ими. Я потом еще и еще их находила, очевидно, были спрятаны для переправки через границу. Это письма Ногину в Англию. Я пересылала их обычно через обком. Сидит какая-то жирная свинья, берет письмо и ни слова не спрашивает. Никакого интереса. Потом этот боров оказался вредителем.

За последним письмом года три тому назад приходил какой-то молодой человек из здешнего Института истории партии. Весьма элегантен, бледно-зеленое пальто по пятки. Мне это скорее напомнило ливрейного лакея, у них были такие длинные пальто прежде. Это очевидно теперешняя «золотая молодежь» нашего времени, нечто вроде бывших правоведов. Я подумала: «что бы сказал Ленин по поводу такого большевика». Я спросила, кто он. Оказался старший научный сотрудник, изучает «Ленина в 1917 году». Мне говорят: «Как вы не понимаете, если бы это было письмо Ленина за 1917 год, это относится к его теме, это ему было бы интересно, а почто ему письмо 1900 года?» Когда начала издаваться «Искра»!

Ну а вот дом [на rue Mouzas, 55 в Лозанне], в который Ленин зашел на несколько часов, им интересен! Фетишизм какой-то. Зина говорит: «Ты не понимаешь, какой ему интерес передать письмо Ленина в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. А тут кто-нибудь получит командировку в Швейцарию изучать места, где был Ленин!». В Париж все ездят и изучают «Ленинские места».

Впрочем, один человек, Постышев, заинтересовался письмами Ленина, переданными мной в 1925 или 1926 году. Он пригласил меня придти и 2 часа сидел, ждал меня с приглашенной стенографисткой. Я же не знала, что он хороший, подумала – он мне не нужен и не пошла. Оказывается, и его убили? А мне рассказывали, что он умер в Кремлевской больнице.**

* Писательница и литературовед Евгения Александровна Таратута, родилась в 1912 г. в Париже. Окончила филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук. В 1937-54 гг., с перерывами, в лагерях и ссылке. С середины 1950-х занималась творчеством Этель Лилиан Войнич, подготовила к публикации в СССР ее собрание сочинений. Автор книг о жизни и творчестве С.М. Степняка-Кравчинского. Мемуарист – воспоминания о Корнее Чуковском, Василии Гроссмане, переводчице Норе Галь и др.

** «Жизненный путь» «верного коммуниста» Павла Петровича Постышева (1887-1939) см. напр. по ссылке (rushist.com/index.php/russia/3437-postyshev-pavel-petrovich-kratkaya-biografiya).

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 23 ноября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы же знаете, в нашей мотовиловской семье не все благополучно. Дядя Володя, дядя Алеша и дядя Саша были психически ненормальны. Дядя Паша покончил самоубийством в 20 с чем-то лет. Это ведь тоже ненормально. У тети Лели была эпилепсия, а тетя Маня и тетя Вера тоже были со странностями.

<...> Я помню, как мама поехала со мной в Казань, показать меня Бехтереву. Он спросил, в чем проявляется моя ненормальность. Мама сказала: «Она капризничает». Бехтерев сказал: «Все дети капризничают» и начал расспрашивать маму о ней самой, лекарство дал маме, а не мне. Через несколько лет мама приехала в Петербург хлопотать о моем освобождении из тюрьмы, я сидела в Литовском замке.

У мамы были расстроены нервы. Бехтерев был уже в Петербурге, стал знаменитостью, и я уговорила маму посоветоваться с ним. Сказали, что у него большой прием, и он может маму принять только после часа ночи. Мы просидели до часу ночи у знакомых, недалеко от квартиры Бехтерева, и приехали к нему. Он очень спешил. Приставил трубку к маминому корсету, раздеваться не велел, и прописал какой-то рецепт. Затем пожал маме руку, и обычно в руке же передавали деньги, не получив их, испугался, взглянул на письменный стол, куда мама деньги положила, успокоился. И это было все.*

<...> От Таратуты узнала, что в издательстве Академии наук вышли воспоминания Бонч-Бруевича о Ленине и вновь воспоминания Морозова.** Вы знаете, я их никогда не читала! А Вы? Сейчас же купила, чтоб самой прочесть и послать Вере. Ульянов, Верин муж, с Морозовым был хорошо знаком. Если не читали, непременно прочтите, Очень живо написана. Такая книга должна быть о наших социал-демократах-марксистах, о Струве, [Р.Э.] Классоне, Красине, Ленине. Но, увы, все уже умерли. Горький хотел написать биографию Красина – не успел.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21-30 ноября 1961 г.

Милая Вера.

<...> Вчера Зина зашла на десять минут и принесла [моему] котенку какие-то объедки, нарочно свесила, ровно 100 граммов. Их же у Зины пять душ: Зина, Вика, Ганя, приживалка и бывший милиционер [Вася]. Кроме того, Ганя говорит, что к обеду у них ежемесячно бывает от шестидесяти до восьмидесяти человек гостей [(суммарно)], ежедневно едят мясо, рыбу, птицу. Могут же у них быть остатки на одного котенка. Приживалка [Нина Аль] не любит животных, и у них кошек нет.

<...> Да, Зина сказала, что они с 15-го января поедут в Малеевку, дом отдыха под Москвой.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 ноября 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Ну что за чепуха! Почему бы я писала, что у меня «анархический характер». Это мой приятель [Андропов] (друг Яснопольского и мой фиктивный жених, все время его сидения в тюрьме и ссылке) говорил, что у меня «алармистский» характер. По-русски есть слово «анархический», а не «анархистский». Что это Вы уже русский язык забываете? Это Люба Пятницкая (но она уже около 30 лет живет в Париже) говорила: «прогрессиистское» направление, мы же говорили: «прогрессивное». Если помните, была еврейская социал-демократическая партия «бундовцы», а Зина говорит: «Нет, бундисты».

* Бехтерев Владимир Михайлович (1857-1927), российский невролог, психиатр и психолог.

** Николай Александрович Морозов (1854-1946), член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли», участник покушения на Александра II, написал воспоминания «Повести моей жизни».

5-XII-61 (продолжение). <...> Зина зашла сегодня на несколько минут. Принесла итальянский журнал *Realta Sovietica* ([«[Советская действительность](#)»], типа нашего «Огонька») и просила перевести статью «Новый роман Некрасова и итальянская критика». Мне это очень интересно. Статья небольшая, приводится мнение трех буржуазных критиков. Но, увы, я не все поняла. Авось, добьюсь, перечитывая. Какой-то критик говорит, что Вика не политический писатель, а интеллигентный. <...> В январе Зина и Вика собираются опять поехать в Малеевку. Если Вика не поедет в Сибирь, куда он хочет ехать с Лунгиным.

Статьи [[Бориса](#)] Галина в «Литературной газете» не читала.* Это тот, который писал о [[Р.Э.](#)] Класоне? Терпеть не могу его за мерзкий тон, который он вкладывает в уста Класона. Нет, к сожалению, ничего, кроме того, что я уже Вам рассказывала, больше о Р.Э. сказать Вам не могу. Вот и Таратута все просит еще что-нибудь вспомнить о Войнич. Ну что я могу вспомнить о ней? Видела ее один раз в 1895 году, когда мне было 14 лет. Знаменитостью она тогда не была. А Класона видела в последний раз зимой 1898 года. Все, что знала о нем, Вам написала.

6-XII-61 (продолжение). <...> Сегодня весь день страдала над итальянским переводом. Язык знаю плохо. Вы любите переводы? Я терпеть их не могу! А делать их пришлось очень много: и письменно, и á livre ouvert [(«[без подготовки, на ходу](#)»)] всяким научным работникам из всех областей знания и со всех языков. Ну что же, нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет! Ведь после того, как я вынуждена была из-за спазма сосудов бросить работу, мне приходилось жить несколько лет на пенсию в 210 руб. [[до деноминации 1961 г. – МК](#)], ну и этого мне не хватало.

А вещи наши все сгорели. Немцы, уходя, сожгли наш дом, т.е. дом, где мы жили 28 лет! Продавать было нечего. Какие-то бабушкины кружева и страусовы перья [[уже давно](#)] продала. Теперь, слава богу, пенсию увеличили, и я могу не только жить, но даже Вере книги посылать, в этом году это вышло на 70 руб. новыми деньгами.

Да, Вы меня очень насмешили. Отчего-то Вы приняли близко к сердцу снимок дома, куда один раз Ленин заходил. Да ведь таких домов вероятно много тысяч [[в Европе](#)]. Еще предлагаете написать Ульянову, чтоб он его снял! Что я, сумасшедшая, беспокоить профессора, большого ученого, которому каждая минута дорога, ходить снимать какой-то дом в противоположном конце города? И откуда Вы взяли такую нелепость, что из этого дома Вера вышла замуж? На ул. Маурас мы жили неполных 3 года, до 1895-го, и когда уехали оттуда, Вере было 10 лет. Что же она в 10 лет замуж вышла?

* Мы уже никогда не узнаем, на какую публикацию Б.А. Галина Иван Робертович обратил внимание Софьи Николаевны. Сей журналист, верноподданно облизывавший «Софью Власьевну» и В.И. Ульянова-Ленина, постоянно печатался в газетах и журналах, в частности, 7 ноября 1961 г. (в годовщину Октябрьского переворота) в «Литературке» вышла его заметка «Один день чародейки – истории» (о книге «День Мира», изд. «Известия», М., 1961), а 30 ноября того же года – «Тысячи счастливых шагов» (о встречах автора с чехословацким писателем Сватоплуком Туреком). До конца 1961 г. он еще дважды выступит в «Литературке»: 12 декабря – «Все очень просто» (впечатления о пребывании в Чехословакии и посещении квартиры Юлиуса Фучика), 30 декабря – «Наступающее будущее» (о книге «Герои наших дней»).

А в 1949 г. он был ответственным редактором альманаха «Год XXXII» (имеется в виду соответствующая годовщина Октябрьского переворота в 1917-м), в связи с чем вступил в верноподданную переписку с секретарем И.В. Джугашвили-Сталина – А.Н. Поскребышевым, по поводу публикации в этом альманахе сценария Бориса Горбатова «Битва за уголь» и статьи А. Самойлова (настоящая фамилия – Магид) «Их направлял Сталин» (о развитии советской авиапромышленности). В частности, Б.А. Галин писал: «Эти материалы направлялись нами в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), откуда последовали указания внести ряд исправлений и направить сценарий [[Б. Горбатова](#)] и статью [[А. Самойлова](#)] непосредственно Вам. Все исправления сделаны».

Вообще до революции мы были перелетными птицами, больше трех лет ни в одной квартире, ни в одном пансионе не жили. Один год у меня было 3 весны: сперва в Италии, затем в Швейцарии и, наконец, в Финляндии, где я собирала массу ландышей. Ну, а революция нас прикрепила к нашим комнатам, как улиток к их раковинам. В той квартире, которую немцы сожгли, мама и Зина жили 28 лет, а в той комнате, где я теперь живу, я уже живу с 1943 года, когда из той квартиры нас выгнали немцы. Они хотели взорвать весь центр Киева, а перед этим грабили.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 декабря 1961 г.

Милая Вера. <...> Вчера Зина принесла мне итальянский журнал *Realta Sovietica* и просила перевести статью Цветеремиль «Новый роман Некрасова и итальянская критика». Мне это очень интересно, но все-таки немного трудно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15-17 декабря 1961 г.

Милая Вера. Вот уже и 1961 год кончается, а, по-моему, за весь этот год я получила от тебя только одно письмо летом, а я пишу тебе уже 35-е!*

<...> Да, так о теме «Вика», хоть она тобой и *prohibée* [(запрещена)]. В понедельник [11 декабря] он показывал свой новый фильм в союзе писателей Украины, и затем было обсуждение его. Называется, кажется, «Неизвестному солдату». Часть снимков в Киеве сделана самими немцами. Любопытно: делают гадости и тут же их снимают!

Вика все мечтал поехать в Италию, но из этого, очевидно, ничего не вышло. «Новый Мир» (по-моему, уже второй год) предлагает Вике поехать в Сибирь, за их счет (так Зина говорит), и дать им очерки. Но Вика почему-то не хочет. Собрался, было, ехать туда со своим приятелем [Семеном Львовичем] Лунгиным. Но тот от поездки отказался.

Зина вчера [(14 декабря)] сообщила: «Вика получил деньги за фильм и поехал в Москву». Перед этим ему звонил Паустовский, он спрашивал: «Когда Вика будет в Москве?» Паустовский хотел бы с ним познакомиться. На другой день Паустовский опять звонил, но Ганя сказала, что Вика уже в Москве.

<...> Вчера [(16 декабря)] Зина, как всегда, зашла на несколько минут. Вечером она идет на празднование двадцатипятилетия после Викиного окончания Строительного Института. Они всем курсом собираются раз в пять лет. Предыдущее, двадцатилетие, праздновали у Зины и засиделись до пяти часов утра. Я ее спрашиваю: «В качестве кого ты туда идешь?» – «В качестве заместительницы Вики». Оригинально, Зине ведь восемьдесят два года, и она страшно глуха.

На этот раз это было в квартире другого архитектора, к счастью, недалеко от Зины. Людей было мало, и [бывших] студентов, и профессоров, и Зина вернулась домой около часа ночи. Пришла [сегодня 17 декабря] ко мне поздно, когда уже выйти [погулять вместе] было нельзя, но, слава богу, в благодушном настроении.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 19 декабря 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> С этим №5 «Нового мира» была летом у меня ужасная возня. Мне его не принесли, я несколько раз ходила на почту, несколько раз в Союзпечать, изучала наши безобразные советские учреждения. Вспоминала, что Ленин писал когда-то, что хотел бы, чтоб в наших учреждениях был такой же порядок, как немецком полицейском управлении. Порядок там был действительно замечательный. Я жила в Лейпциге (училась в университете) в 1899-1900 году.

* Муж В.Н. Ульяновой Николай Алексеевич, как мы уже видели, лишь периодически присылал «записки-уведомления» с перечислением пришедших в Лозанну из Киева журналов и книг.

Приехала туда, кажется, через 11 лет. Меня вызывали зачем-то в полицейское управление, вытащили ящик с моей карточкой, [где] был подробно указан мой бывший адрес, возраст, откуда я приехала и т.д.

Увы, у нас еще далеко до этого. Мне пришлось купить в киоске этот №5 «Нового мира» и отослать Вере, так как мой экземпляр, очевидно, они по ошибке отнесли, вероятно, в какую-то библиотеку, а потом принесли мне. Послать за границу журнал с каким-то штампом я, конечно, не могла.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 25 декабря 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Да, Вы меня когда-то спрашивали, долго ли я сидела в Литовском замке. Нет, не долго. Приехала мама из Киева, и меня сейчас же освободили.**

Шпионаж у нас был в царское время очень хорошо организован, дело в том, что довольно большой процент революционеров были провокаторы. Это обнаружилось после революции. Азеф был раскрыт еще раньше. Я, кроме хождения в тюрьму и ношения туда «Искры», которую я передавала на свиданиях Андропову, кроме хранения транспорта нелегальной литературы, привезенной Ногиным в 1901 году, – отношения к революционной деятельности не имела. Ну и шпионы это отлично знали.

* Повесть «Кира Георгиевна», как мы уже видели, была напечатана в №6 «Нового мира», а в №5 даже трудно отметить что либо стоящее, разве – Ю. Корольков. В Германии через десять лет; да – Корней Чуковский. О соразмерности и сообразности (главы из будущей книги); да еще – обозрение книги Е. Таратуты «Этель Лилиан Войнич. Судьба писателя и судьба книги».

** 28 марта 1896 г. «Петербургский листок» отвел целую полосу подборке материалов «Среди заключенных» за авторством «Б.», материал «Литовский замок» начинался так:

Посредине Офицерской улицы, на углу набережной Крюкова канала, находится невысокое мрачное здание; огромные казарменные окна вдоль набережной канала снабжены массивною решеткой, затянутой частою проволоочною сеткою. По временам в этих окнах показываются бледные фигуры в серых халатах.

– Тут помещаются важные преступники, – заметил сопровождавший меня в моем странствии по замку помощник начальника тюрьмы. Вы тут найдете самые различные виды преступлений; главный контингент составляют воры-рецидивисты. Многие из них судились по десяти раз и даже более. Некоторые уже два раза отбывали в Литовском замке свое наказание и прибыли теперь на более длительный срок. Кроме воров-рецидивистов тут видное место занимают судившиеся за мошенничество, за подлоги, за злостное банкротство. Есть тут и двоеженцы и немало молодых солдат, судившихся за разные, не особенно значительные преступления по службе.

– И эти все лица, вероятно, классифицируются по роду преступления?

– К сожалению, нет. Все эти преступники помещаются в общих спальнях и работают сообща в мастерских <...>.

Софья Николаевна в пересказе своего сюжета весьма скупа на подробности. Ведь было бы весьма интересно знать, с какими преступницами она «недолго посидела». Кроме того, непонятно, почему она оказалась в Литовском замке, а не, например, в Доме предварительного заключения, как та же Н.К. Крупская (хотя это были разные времена: начало 1900-х и середина 1890-х). Но подобные «непонятки» требуют отдельного расследования.

Известен эксцесс, когда около 200 женщин и 200 мужчин оказалось в Литовском замке. Это произошло после разгона многотысячной демонстрации у Казанского собора 4 марта ст. ст. 1901 г. Тогда около 1 тысячи «политических» освободили через 10 дней по распоряжению напуганного правительства, без всякого ходатайства родителей. Но Софья Мотовилова в это время была в Лондоне, откуда приехала на пароходе через Швецию в Петербург лишь летом этого же года.

Социал-демократкой я никогда не была и всегда не любила социал-демократов. И [Р.Э.] Классон мне тоже поэтому не нравился. Я считала себя анархисткой. Но это ведь была не партия, а индивидуальные теоретические взгляды. Помню, как каждое 1 мая маленькая группа рабочих проходила по нашей улице Mauras [в Лозанне]. Впереди шел Мг. Фуле, толстый как боров. Это были лозаннские социал-демократы, человек 20-30, шли за город [на маевку], а потом в пивную. Мне они были неприятны.

После революции, я работала тогда в губернском земстве, мы выжидали, когда большевики «наше земство захватят». Никто ничего не делал, наше начальство, социал-революционер, все больше разговаривал о себе, как он устает, приходилось дежурить в парадных по ночам. Я со злобой слушала его. Начальство может о себе рассказывать, а мы, подчиненные, должны почтительно слушать и сочувствовать. Меня это бездействие злило.

Я пошла к Ногину на службу и спросила (он был тогда комиссаром труда): «Скоро ли Вы нас захватите? Надоело ничего не делать, сидеть и ждать, когда придут большевики и захватят нас». Он сказал: «Это не по моей части. Пойду, спрошу Мещерякова». Пришел и сказал: «Нет, сейчас мы земство взять не можем. Подождите немного». Но и при большевиках лучше не стало. Из всего состава отдела внешкольного образования при большевиках осталась я одна, и служила канцеляристой.

Хавкина мне говорила: «Что вы делаете, что делаете?! Я сейчас же вас устрою в кооперацию. Ведь ни один порядочный человек вам руки не подаст, что вы работаете с большевиками». Нда. Прошло два месяца. Большевики упрочились. Я пришла приглашать ту же Хавкину консультантом по библиотечному делу в Московский совет рабочих депутатов. Оплата была хорошая, и она сейчас же стала работать там со мной.

Но потом меня стала усиленно звать Надежда Константиновна [Крупская] перейти в Комиссариат народного просвещения. Я долго отказывалась. Наконец подала заявление в библиотечный отдел. Я считала, что надо идти с открытым забралом. Мне это кажется детски наивным теперь. К своему прошению я приложила свои статьи о библиотечном деле и написала: «Я не большевичка, никогда ею не была и никогда не буду». Девушка, заведомо тогда, испуганно отдала мне заявление мое и сказала, что мест у них нет.

<...> Хочу один случай вспомнить. Это было в моих воспоминаниях о Брюсове, но Чуковский посоветовал мне это место выкинуть. Брюсов, как только стал возглавлять библиотечный отдел государственных библиотек, вывесил всюду объявления, что все места заняты и мест больше нет, ну а сам приглашал всех своих знакомых поэтов и поэтесс, ничего не смыслящих в библиотечном деле.*

Сию я как-то в отделе одна, приходит девушка, хочет к нам поступить. Я говорю: «Но вы же видели надпись. Все места заняты, мест больше нет». Она говорит: «Но у меня письмо от Троцкого». Я удивилась. Какое это имеет значение, раз все службы заняты. Она ушла. Приходит Брюсов. Спрашивает: «Приходил ли кто-нибудь?». Говорю: «Приходила девушка насчет службы. Я ей сказала, что мест нет». – «Хорошо сделали». Я говорю: «У нее было письмо от Троцкого». Боже, что с Брюсовым случилось, как он негодовал на меня! Троцкий был тогда у власти. Чуковский посоветовал это [место] выкинуть, когда я писала [свои воспоминания].

* Согласно протоколу заседания коллегии Наркомпроса от 5 июля 1918 г. В.Я. Брюсов был приглашен заведовать Московским отделением библиотечного отдела сего наркомата, т.е. быть в непосредственном подчинении у Н.К. Крупской.

А если бы вы видели, какую безумную овацию ему, Троцкому, устроили, когда он выступал на библиотечном съезде [в июле 1924 г.]! Вся зала встала, кроме меня. Решила, если меня спросят, почему я не встаю, я бы ответила: «А почему не вставали, когда пришла Крупская?». Такая же овация была, когда он уходил. Ну, а говорил он очень хорошо, и на похоронах Ногина его, Троцкого, речь была самая лучшая. Это нашла и я, и мать Ногина. А Ногина я как-то спросила: «Что вы думаете о Троцком?». Он усмехнулся и сказал: «Человек любит красивую фразу».

Сталина на похоронах Ногина не было. Я как-то читала какой-то съезд, и один Ногин возражал Сталину. Все говорили, что Ногин умер своевременно [(в 1924 г. *)]. Я уже не помню точно, но это у него был Шахтинский процесс [(в 1928 г.)], после его смерти. Один из этих инженеров, старик, говорил, что за изумительный человек был Ногин, и прибавил: «Если бы Ногин был жив, я бы никогда не стал вредителем». Вообще процесс был мертвый. Ведь они вредили не идейно, а ради денег, которые им платили иностранцы.

Я тоже была удивлена, что Рамзин был помилован. Но, говорят, он сделал какое-то замечательное изобретение [котел Рамзина – МК]. [Известный математик] Лавуазье был убит во время французской революции.

<...> Тронуло меня и Ваше желание помочь Ульянову. Да, он пенсионер и больше уже не читает лекции (у них *limite d'age* – ограничение по возрасту), но он продолжает свою научную работу, делает какие-то опыты в лаборатории, издает в Париже какой-то лист [геологической] карты MonBlap, уже несколько листов вышло. Кроме того, он состоит консультантом в каком-то обществе французо-итальянском по проведению туннелей под MonBlap. И еще он полезен, знает, где какие породы залегают, и ему же интересны внутренние разрезы гор, куда они еще не облицованы [при прокладке туннелей]. Я считаю, что если бы Вика захотел, он отлично мог бы устроить эту пересылку денег Ульянову, т.е. нашей Вере. А у меня ведь своих денег нет. Деньги Викины.

У меня как-то не было денег, и я сказала Зине: «Пошли эти 2 тома Шаляпина Вере. Это стоит 6 руб., а я еще не получила пенсии». – «Нет, нет, – говорит Зина, – у Вики денег нет, и Вере это неинтересно будет» (?!). Я рассказала это одной знакомой [(Еве Пятигорской)]. – «Какая чепуха, – говорит она, – Вика пожалеет Вам 6 руб.?!». Я посоветовала ей поговорить с ним. Он, оказывается, обозлился и сказал: «Не так уж много нам Ульянов и помогал».

Книгу мне задержала в магазине моя знакомая (а у нас ведь, если «выбросили», надо сразу хватать), и я Вере послала, когда получила пенсию. Но Вы подумайте только: до 28-ми лет Вика ничего не зарабатывал, окончил Строительный институт, 6 лет стипендии не получал, окончил драмстудию, учился там 4 года и ничего не делал, а жил на деньги мамы, Зины, мои! Мама продавала свои вещи на толкучке, получала посылки из-за границы, вечно мы стояли в ломбардах – что-нибудь закладывали. Мама работала вовсю по хозяйству, у меня бывало по 2, по 3 службы (тогда это было можно), давала уроки, делала переводы, а он ничего не делал.

Сидел, развалившись в кресле, и говорил: «Бабушка, напиши за границу, чтоб мне выслали материи на костюм». Я ему сказала: «Такое стыдно даже за границу писать, окончил 2 учебных заведения и не может себе костюм купить!». – «Ах, да, неудобно». И мама пишет Вере, чтобы ей, маме (!), та прислала отрез на костюм. А бедная мама, уж бог знает, как одетая ходила. Поедет за границу. Вера ее оденет с ног до головы, а мама приедет в Киев и сейчас же все продает: надо семью кормить. Ульянов тогда материал на костюм для мамы (!) заказал в Англии, это было перед войной – дорого стоило.

* В 1918-21 гг. В.П. Ногин занимал должность замнаркома труда, а затем – управляющего Текстильтрестом.

Что касается Л.К. Рамзина (см. ниже), то он проходил по другому делу и позже – Промпартии в 1930-м.

Вернувшись в Киев, раненый Вика с войны сперва был в госпитале, потом получал пенсию 500 руб. Ничего не делал, ни одного пайка не хотел сам получать, все я как сумасшедшая бегала – получала пайки в 3-4 магазинах за троих! Я же стряпала и на них, и на всех его «друзей», живших у нас, а он повторял: «Мне службу получить, раз плюнуть, но я не хочу».

Писал по ночам свою повесть о войне, и на один керосин для его лампы тратил 400 руб. Вы поймите: из 500 руб. пенсии 400 на керосин! Все теперь смеются: «Помните, когда Вы ужасались – 400 руб. на керосин (при 500 руб. пенсии!), а ведь он за эту повесть сотни тысяч получил!». О том, как его повесть была принята к напечатанию, я Вам как-нибудь расскажу, это дико и неправдоподобно. Напиши, читатель сказал бы: «Можно такую чепуху писать?!». Но в жизни бывает странно...

Получила сегодня поздравления за 5 дней до Нового года <...> и от одного моего знакомого из Москвы, «чистого коммуниста», как я говорю, т.е. такого, который уже в партии большевиков с 1903 г., со II съезда. Ему уже 88 лет! Это я ему писала о том, как бы Вере деньги переслать, а он вместо того, чтоб мне помочь, прислал мне: «конечно, у нас правила существуют», как будто я и без него этого не знала!

Читая о XXII съезде, я все думала, бедный Алексеев, как он, вероятно, болезненно переживает все, что у нас в партии было! Столько людей погибло из-за какого-то садиста, бандита [Сталина], стоявшего во главе партии!

Теперь Алексеев видит, что я была права, когда писала ему о засоренности партии. Это я так думала. А он никакого стыда не чувствует. Ведь он же должен был тогда протестовать, погибнуть, но бороться против зла! Пишет мне: «Смотрите не назад, а вперед, сколько бы ни осталось жить. Настоящее лучше прошлого, а будущее оставит позади настоящее». Это любимая фраза коммунистов: «Мы смотрим не назад, а вперед». А опыт-то прежних лет должен быть учтен? И где гарантия, что «будет хорошо (очевидно после моей смерти)?». Может быть, упадет шальная бомба и разрушит полмира?

Зина мне как-то сказала: «У меня это старческая самозащита. Я забываю все плохое». Сегодня заходила Зина. Вика приезжает завтра.

27-XII-61 (продолжение). <...> Но мне все-таки любопытно [по поводу неполученного И.Р. Классоном толстого в 20 стр. письма С.Н.Мотовиловой – МК]: чья это перлюстрация – наша или каких-нибудь вредителей? Думаю, что могло показаться подозрительным в том письме? Рассказала я там один анекдот про Сталина. Я думала про Сталина уже можно теперь писать, а кто его знает?

Возможно, что Ганя дала опустить письмо их «бывшему милиционеру» [Bace], который у них и завтракает, и обедает, и многие Викины товарищи считают, что он сексот, приставленный к Вике, чтоб доносить. Как-то перед 1 мая он просит Зину, чтоб она дала ему адреса всех Викиных друзей, он хочет поздравить с праздником.

<...> Итак, Вы, как и мой итальянский критик, считаете, что Викину «Киру [Георгиевну]» надо читать 2 раза? Одна знакомая (86-ти лет) прочла ее 3 раза подряд, не поняла. Он этой вещью всех удивил, и все говорят: «Я бы хотел знать, для чего он это писал?». Наконец одна дама решила: «Это он отомстил своей любовнице». Но это чепуха. Люди эти: скульпторша, сосланный муж, новый муж действительно существуют. Они познакомились с Викой в одном из домов творчества.* Но, по-моему, Ульянов прав. Это не роман, а конспект романа.

* Режиссер фильма «Многоotchие» Андрей Эшпай утверждал, что прототипом героини повести и фильма была «девушка, которую Некрасов знал еще по Киеву, она была скульптором, лепила Ленина и пионеров».

<...> В биографии Надежды Константиновны подробно изложено, как она занималась сперва в кружке Коробки, потом у [П.Э.] Классона. Это, по-моему, биография ее секретарши. В Ленинской библиотеке, конечно, найдете. Описание самой Крупской, о ее первой встрече с Лениным, где он читал свой доклад, подробности описаны в ее 1-м издании воспоминаний. Рассказывается, как у тети Сони на Охте были блины, и Крупская с Коробкой сидела в соседней комнате, и как Коробко реагировал на доклад Ленина. Во 2-м издании все это уже выкинуто.* <...> Возьмите письмо Ленина Крупской, которое называется: «Как чуть не погасла «Искра». Интересный по искренности человеческий документ.

<...> До чего все-таки у нас ужасная бумага. На чешской пишется лучше. Вы знаете, это подлые США закупили у Финляндии всю бумагу, не потому что она им нужна, а чтобы нам напакостить. Что за подлые люди! Викина «Кира» печататься не будет – нет бумаги. И его одноклассник, который должны были напечатать, кажется, 3-4 года тому назад, тоже не может печататься – нет бумаги.** А вот, если Вас интересует его фильм «Неизвестному солдату», спешите посмотреть. Мой сосед (любитель читать чужие журналы) служит в этой киностудии и говорит, что этот их кинофильм мы продали за границу, и что это плохо и для них, Киевской студии, и для Вики. Почему, я не вполне понимаю. Знаете, чего я боюсь? Они ведь могут все переделать, а Вика должен будет отвечать?

<...> Викина «Кира Георгиевна» вышла в Италии еще во втором издательстве, а у нас?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 декабря 1961 г.

Милая Вера.

<...> Это мое большое развлечение, моя переписка с Ваней Классоном. За этот месяц он прислал мне пять писем. Рассказывает о своих делах, жене, детях. Страшно волновался, что его [старший] сын, уже в последнем, десятом классе получил четыре двойки. Подумаешь, какая беда!

[П.Э.] Классон в двух классах по два года сидел, и Морозов тоже в своих воспоминаниях пишет, что на второй год остался в пятом классе, а, кажется, оба достаточно одаренные были.*** Ну, все-таки, Ваня своего сына взял из общеобразовательной школы и устроил в какое-то техническое училище, где из него через десять месяцев должен выйти электромонтер.

<...> У нас [раньше] был котик, мы его называли в честь Луначарского – Анатолием, звали Толькой. Мы его с Зиной часто купали в ванной, еще в той квартире, потом заворачивали в мохнатое полотенце и клали на радиатор. Ну, и у него, по-моему, испортилась шерстка. Родился Толька в 1923 году, когда мама у тебя гостила.

Его мама, черная кошка, вырастила своих троих котят у нас на даче, потом принесла каждому поочередно по мышонку и ...ушла. Толька был очень миролюбив, у нас в двадцатых годах водились крысы. Приходит как-то Вика на кухню и видит: крыса пьет молоко из Толькиного блюдечка, Толька стоит рядом и глядит на нее. Вика побежал за фотоаппаратом, но крыса уже ушла. Одна знакомая [уже не Наталья Александровна, бывш. любовница Масловского-Мстиславского, а библиотечная знакомая Фридиева с мужем Баликой?], жившая у нас тогда, говорила: «Это не кот, а теленок какой-то». Жил он у нас пять лет и, как все почти наши кошки, упал с пятого этажа и разбился.

* Это, скорее всего, книга секретаря Н.К. Крупской, см., например: Дридзо В.С. Надежда Константиновна Крупская. Госполитиздат, 1958.

** Все-таки в 1962-м «Кира Георгиевна» выйдет в «Советском писателе», тиражом 30 тыс. экземпляров.

*** Речь, по-видимому, идет о революционере-народнике Николае Александровиче Морозове (1854-1946), который даже не смог закончить 2-ю московскую гимназию, поскольку, по собственным воспоминаниям, учился плохо. Написал объемистые мемуары «Повести моей жизни».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классон, 31 декабря 1961 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вспоминаю стихотворение Добролюбова: «Не пойдет наш поезд, как идет немецкий. Часика четыре подождет особу важную в сем мире».* На станции Сенча [под Полтавой] возле имений моей бабушки [Валерии Францевны] поезд должен был стоять 2 минуты. А тут как назло, мы уезжали, макурт [экипаж, повозка? – МК] не заложен. Со всеми нашим багажом послали на станцию бабушкиного управляющего, велели сказать, что мы скоро приедем, чтоб он поезд задержал. Наконец мы едем 7 верст до станции. На станции, видим, поезд уже ждет. Навстречу нам мчится верховой: «Скорей сюда! Все пассажиры волнуются, что случилось». Наша четверка (на Полтавщине ездили четвериком, а не тройкой) летит вовсю. Ну, сели в поезд, все сошло честь честью. Это было в царское время. <...> В царское время бабушка в благодарность за задержку поезда копну сена послала начальнику станции.

<...> В 5 часов пришел Вика с новогодними угощениями. Принес курицу (это я для кота заказала, а он не ест), пирожки, торт. Но у меня осталось почему-то отвратительное впечатление от его прихода. Точно я, бедная родственница, лебезила перед знатным родственником. Я его давно уже не видала. Лицо все в каких-то продольных морщинах, испитое. Он как-то встретился в ресторане в Москве с Гомочкой Мотовиловым. Тот его не узнал, потом воскликнул: «Ах, вы были такой юный». Теперь Вике 50 лет, а тогда, когда он останавливался в студии Гомочки, [ему было] 19-20. Приходя ко мне, он мечтает только поскорее уйти. Спросишь его о чем, а он мчится в коридор. Невольно думаю: «Гарун бежал быстрее лани». Нда!

Мама рассказывала, что (так же как Вика теперь от меня) папа не знал, как спастись от tante Emilie и tante Xaverine, увидит их на улице и скорее прятался – или в подъезд или сворачивал в переулок. Ну что случится, если он 2 минуты дольше задержится у меня? И вот я, жалкая одинокая старуха, начинаю с ним говорить: «Погляди, какой хороший мой котенок. Только немного толст, как купчик». «Да, есть что-то кустодиевское». Вот те на! Картины Кустодиева по-моему с яркими красками, а котенок мой белый и черный.

Спросила: правда ли продан его фильм за границу. Ничего подобного. Это перепутал мой сосед. Он, фильм, только пойдет в какую-то экспортную комиссию. Ну а я уже Вам похвастала.

Сказала ему, чтоб давал мне читать письма его читателей. «Моих личных писем я давать не могу». Письма читателей – не личные письма. Он даже писем Ульянова мне не дает. Даже почему-то я стала ниже, а он выше, и приходится глядеть снизу вверх. И тон у него снисходительный – тьфу!

* Стихотворение «В прусском вагоне» было опубликовано в 1860 г.:

<...> Не пойдет наш поезд, / Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов / С силой молодецкой;
То обвалит насыпь, / То мосток продавит,
То на встречный поезд / Ухарски направит.
То пойдет потише, / Опоздает вволю,
За мятелью станет / Сутки трои в поле.
А иной раз просто / Часика четыре
Подождет особу / Сильную в сем мире. <...>

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 2 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Письмо от Лены [Игнатович] ужасно. Все трое они спят на полу – нет кровати. В квартире у нее дикий холод, из всех щелей дует. Дочка ее больна воспалением легких, сын болен от постоянного голодания. Ее все преследуют, принимая за еврейку. Вдруг пишет Зине, что решила крестить свою дочь – за приезд попа надо 15 руб., за угощение кумовьям 30 руб., а если еще кого пригласить, то и все 40 рублей. Умирает с голода, у сына нет штанов, у дочери воспаление легких и вот ей надо вышвырнуть 55 руб. псу под хвост, на крестины! Очень ее жалко, но она ведь просто ненормальная.

Пришла сегодня Зина. Сказала, что скользко, и мы не выходили. Принесла письмо от Лены. Еще более ужасающее, чем мне. Зина говорит: «Вика, как только приехал, послал Лене денег к празднику». Хорошо – к празднику за 2 дня до Нового года! Спрашиваю: «Сколько же он ей послал?» Зина: «Почем я знаю, мне это совсем не интересно». А мне это очень интересно, я думала, как только получу пенсию, надо будет Лене послать, я ведь знаю, что значит нужда.

Когда было укрупнение учреждений [при Хрущеве? – МК], у Маши Володиной их училище сейчас же укрупнили, а ее перевели на полставки. Раньше она получала 360 руб. [до денежной реформы 1961 г. – МК], а тут 180, да девочки стипендия 130! Живи на это! Зина, которая в деньгах не понимает, говорила: «Что ж такого? Ведь она не целый день работает». Но ведь жить-то нужно на эти деньги целый месяц.

Я тогда сделала так: продала Вике две свои картины Бурлюка, и эти деньги высылала Маше вплоть до окончания учения ее дочери.* Помогала ей постоянно посылками. Как что Зина мне подарит из одежды, шлю Маше. Но Маша ведь разумный человек, дочь ее кончила музучилище, теперь преподает в музшколе и очень хорошо зарабатывает. Слава богу, выкарабкались люди как-то из ужасающей нужды.

Но если я могла посылать 200 [старых] руб. ежемесячно, что же Вика, который направо и налево десятки тысяч раздает своим бесчисленным паразитам, не мог бы Лене [Игнатович] регулярно высылать? Ведь его-то друзья то и дело катаются по курортам, летают взад и вперед на его деньги. Совсем обнаглели!

<...> Посылаю Вам письмо Ульянова, чтоб Вы видели, как он занят с Верой. Мне и Зине он пишет всегда в поезде, чтоб не терять времени даром. Обидно: человеку 80 с лишним лет, хотелось бы отдаться своей научной работе, а надо возиться с больной Верой. Она уже больше года не выходит из дома, он брал билеты на русский балет, но она так и не вышла. Это какой-то уже старческий склероз.

<...> Зинина Ганя отказалась печь пироги – нет муки (это для меня). 1 мая тоже не было муки (а раньше было сколько угодно) и 7 ноября тоже не было муки. Зина потребовала, пусть ее спекулянтки по любой цене принесут муку. Тогда Ганя заявила: дело не в муке, а в том, что ей 62 года, и она не может утомляться. Вопрос решили так: спекулянтка и муку принесла, и пироги испекла. Мы с Зиной нашли их отвратительными.

* На сайте памяти Виктора Некрасова можно разглядеть картины Д. Бурлюка – «Колея в поле» и «Пейзаж» (nekrassov-viktor.com/Motovilova-Sofia.aspx). Правда, здесь их судьба обозначена несколько иначе: «Из коллекции Софьи Мотовиловой. После ее смерти картины хранились у Виктора Некрасова». Из более поздних писем С.Н. Мотовиловой можно узнать, что 2 картины она продала племяннику за 5 тыс. «старых руб.», но у Софьи Николаевны оставалась еще третья картина Д. Бурлюка!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 8 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вхожу сейчас в кухню, говорю: «Здравствуйте». Молчание. Обращаюсь к одной из соседок, она занимает комнату, бывшую Зинину, и там телефон: «Можно от вас позвонить?» Молчание. Что-то спрашиваю как-то одну 16-летнюю девочку. Она молчит. Говорю ей: «Отчего вы мне ничего не отвечаете, когда я вас спрашиваю?». Она говорит: «А это значит ноль внимания, фунт презрения». Что не мешает ей приходить делать со мной свои школьные немецкие переводы. Ну, вот доживи до 80 лет!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 10 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> До последнего года (18 лет, что я тут живу) к нам ходила молочница и приносила молоко на дом. Но им запретили носить по домам молоко и велели продать коров. В царское время мне всегда приносили молоко на дом, разъезжали фургоны из молочных магазинов.

<...> Я подумала. Может быть, Вы захотите повидать Зину. Их путевка в Малеевку 18 января, а едут они отсюда не то 13-го, не то 14-го. Остановятся, как всегда, у Лунгиных. Адрес их, по-моему, Лунгин Семен Львович, Кутузовский проспект, 1, кв.8, а № тел. я не знаю, но ведь это же можно в справочном узнать. Зина, конечно, своим временем располагать не будет.

Я, помните, писала, когда я позвонила Надежде Константиновне в 1933 г., и она назначила мне час, когда приедет, чтобы повидать меня в Наркомпросе. Хозяин комнаты, где я остановилась, тогда сказал: «Увидите, она не придет». И я спросила: «Надежда Константиновна, вы наверное будете?». Она как-то печально ответила: «Наверное, я ничего сказать не могу, я человек крепостной, нет – казенный». Ну и Зина тоже не совсем от себя зависит.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 14 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Знаете, когда началась революция, приходит крестьянка к помещице и говорит: «Отдайте мне Вашего ребенка. Очень хорош. Жалко его, когда мы Вас переводить будем». Ну, вот так же переводили евреев при Гитлере.

<...> Я очень люблю получать письма от Маши [Володиной из Тамбова], они знакомят меня с нашей действительностью, такой, как она есть, а не такой, как ее изображают в наших романах и повестях. По окончании музучилища Эллочку хотели послать в село за 300 с чем-то руб. в месяц [до денежной реформы 1961 г. – МК], организовать там культработу. Для чего же, спрашивается, она училась 4 года, проходила гармонию музыки и проч., а о культработе и понятия не имеет? У нас всюду открывают музшколы, преподаватели музыки в них ужасно нужны.

В это время она находит работу в музшколе в Рассказове, небольшом городишке возле Тамбова. И ей там рады, и ей хорошо. Но у нас ведь нельзя поступать, куда хочешь, а надо ехать туда, куда пошлют [по распределению]. Маша пишет тогда письмо Хрущеву, присылают в Тамбов обследовательницу. Директор Рассказовской школы настаивает, чтоб Эллочку оставили в его школе, говорит: если надо, он может на ней фиктивно жениться. Ее оставили и так. Директор уделяет ей много внимания и приглашает ее к себе (живет в школе). На столе стоит закуска, водка, и он, переходя на ты, командует: «Элка, пей водку!». Она говорит, что водки не пьет. – «Я твой директор, и ты должна меня слушаться». Кое-как она от него отвязалась.

Он, конечно, коммунист и дикий пьяница. Надо правду сказать, в том же году его сняли с директорства школой, но преподавателем музыки он там остался. Сошелся с какой-то бабой. Его заставили на ней жениться. Это у них постоянно практикуется. В результате трагический брак, жену и ребенка он избивал, не давал им денег. Я, наконец, написала Маше, выкинули ли его из партии? Ну, слава богу, выкинули. 3 года еще держали, терпели все его безобразия, но, наконец, выкинули.

<...> У меня довольно много французских и итальянских книг, это все мне присылал Викин переводчик [Витторио Страда]. Я ужасно радовалась этой переписке. Чудесный юноша. Исключительно образованный, морально чистый, иногда наивный. Я надеялась, что эта переписка продлится до моей смерти, как переписка FrI. Meysenburg с юным Ромэн Ролланом. Вы читали воспоминания FrI. Meysenburg? У меня есть ее переписка с Ольгой Герцен. Это Вера мне прислала. FrI. Meysenburg была знакома с массой интересных людей, знала немецких и итальянских революционеров, долго жила у Герцена, в качестве домоправительницы и воспитательницы его детей. Была хорошо знакома с Вагнером, Ницше, с Ромэн Ролланом, их соединяла музыка, он ей играл в Италии.

Вера захотела прислать мне ее мемуары (которые, кстати сказать, я давно уже читала в русском переводе). Наша перлюстрация Вере книгу вернула. Заглавие было «Memoiren einer Idealisten» [(«Мемуары одной идеалистки»)]. Очевидно, слово «идеалистка» нашей перлюстрации показалось подозрительным.*

Еще Вика выписал тогда для своего друга книги Сартра. Ульянов выслал, все вернули. Это его, Сартра, недавно хотели убить французские ультра.** А Вы и [Р.Э.] Классон хотите, чтоб в перлюстрации были люди, способные делать электротехнический перевод! Наивно. У нас редактор «Иностранной литературы» [А.Б. Чаковский] не знает ни одного языка и сообщает в «Литературной газете», что Эйфелева башня была построена в 1900 году! И, кажется, в его же журнале какая-то статья начинается проклятиями Мопассана Эйфелевой башне, он бежит из Парижа, чтоб не видеть этого бессмысленного здания [скорее, сооружения – МК]. А Мопассан умер в 1893 году.***

* Мальвида-Амалия фон Мейзенбург (1816-1903) переводилась на русский, например:

Мальвида фон Мейзенбург – Ромэн Роллан о Французской революции и о Робеспьере. Из переписки;

Мейзенбург М.-А. фон. Воспоминания идеалистки. Пер. с нем. Н.А. Макшеевой. М.-Л., 1933;

Мейзенбург Мальвида. Воспоминания идеалистки / Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956.

** (Sartre) Жан Поль (1905-1980) – фр. философ, писатель, литературный критик, политический публицист.

*** На самом деле Эйфелева башня была сооружена к открытию Всемирной выставки в Париже в 1889 г.

Из путевого очерка Ги де Мопассана (1850-1893) «Усталость», в котором он признается в том, что, прежде чем сбежать, все же посетил Всемирную выставку):

Я покинул Париж и даже Францию, потому что Эйфелева башня мне надоела. Она не только видна отовсюду, но вообще попадаетея вам на каждом шагу: она сделана из всех возможных материалов и преследует вас из всех витрин, как неотвязчивый, мучительный кошмар.

Впрочем, не только она внушила мне непреодолимое желание пожить некоторое время в одиночестве, но и все то, что делалось вокруг нее, внутри нее, на ней и рядом с ней. И как в самом деле смеют газеты говорить о новой архитектуре по поводу этого металлического остова!

<...> Но я спрашиваю себя: что будут думать о нашем поколении, если только в ближайшее время какое-нибудь восстание не смахнет эту высокую, тощую пирамиду железных лестниц, этот гигантский уродливый скелет, основание которого как будто предназначено для мощного циклопического памятника и вместо этого завершается убогим недоноском – тощим и нелепым профилем фабричной трубы? <...> Впрочем, что мне за дело до Эйфелевой башни? Она была, по сакраментальному выражению, лишь маяком международной ярмарки, воспоминание о которой будет преследовать меня, как кошмар, как воплощение того отвратительного зрелища, каким представляется человеку брезгливому веселящаяся толпа.

<...> Я почувствовал, что мне было бы приятно снова увидеть Флоренцию, и отправился в путешествие.

Писатель Корольков пишет в своей книге «Так было...», что Люцерн итальянский город. Что он, толстовский рассказ «Люцерн» не читал? Там ведь ясно сказано, что это город в Швейцарии.*

Однажды Маша прислала мне замечательное письмо. Мне ужасно хотелось послать в «Крокодил», но я поняла, что если такое письмо будет помещено, то Машеньку [[скорее, ее дочь Эллочку – МК](#)] сейчас же уволят. В Тамбове имеется отдел культуры (какая там культура, Вы понимаете!). Из отдела культуры пришла служащая навести порядки в их музучилище. Она нашла, что у них неправильно распределены часы. У одних преподавателей много, у других мало. Число часов [[занятий на каждого преподавателя](#)], по ее, должно быть более или менее одинаково. Я уже не помню всего, но курьезов была масса. Для чего отдельный преподаватель гармонии музыки? Пусть преподаватель баяна преподает и то, и другое. Для чего преподаватель истории, пусть историю преподает одновременно с немецким.

Когда-то в [[19](#)]20-х годах я читала на курсах технику библиотечного дела. Директор у нас был мальчишка (бывший наш заведующий называл его «Ваш сморкач»). Это был недурной паренек. Заведовать библиотечным отделом его, вероятно, поставили для смеха. Он был крайне необразован, но очень решителен. Например, решил уничтожить все стационарные библиотеки, чтоб были склады и передвижки. Я придерживалась иного мнения. Он поставил вопрос так: «Кто за мое мнение, а кто за контрреволюционное мнение Софии Николаевны?» Все были за него. Боялись быть «контрреволюционерами».

И вот взбрендило ему в голову, чтоб, не сказав заранее никому, я устроила на курсах экзамены, не в конце, а так среди занятий, и всех проэкзаменовала сама, по всем предметам. Я старалась объяснить, что могу экзаменовать только по своему предмету, а по другим у нас [[есть](#)] лучше специалисты. Тогда интеллигенция гналась за любым заработком [[\(чтобы не умереть с голоду\)](#)], и преподавали у нас университетские профессора. Я, конечно, ему не уступила, а подала заявление, что ухожу, мне надоело слушать его крики об «интеллигентской сволоте», «интеллигентской сволочи», я сама интеллигентка.

Потом он занимался чисткой нашей библиотеки на железной дороге, где я работала. Их было 3 юнца: он от политпросвета, еще мальчишка из Ч.К. и мальчишка – заведующий нашей библиотекой. Всем троим не было [[суммарно и](#)] 60-ти лет. Боже, что это было. Книги с полок летели вниз, образуя кучи. «Отчего Вы бросаете книгу?», – спрашиваю я. – «Я ее не читал». А много он книг читал? Из кучи выброшенных книг я вытащила книгу Ленина «Развитие капитализма в России». – «Отчего Вы эту книгу выбрасываете?». – «Нечего нам читать о капитализме». – «Да ведь это же книга Ленина!». Подозрительный взгляд. В первом издании написано ведь Ильин. Объясняю, что это псевдоним. Где-то они справились, книгу вернули. Ну а потом этот юнец начал учиться, окончил медицинский факультет и уже в своей анкете писал, что он «интеллигент». Вообще, тяга к знаниям у нас действительно громадная.

Маша мне прислала письмо, длинное письмо с описанием Эллочкиного путешествия в Москву. Ее брат, сын Маши, работает на военном заводе, и живут они в Жуковском под Москвой. Жена его тоже поступила на этот завод. Материально они живут хорошо: и квартира, и мебель, и все есть. Но морально Женя (Машин сын) не выносит свою тещу. Я, кажется, летом Вам писала: вдруг Женя исчез, оставив записку жене – «не ищи меня». Они сейчас же пошли в военкомат и узнали, что он уехал в Сибирь. Там он уже устроился на службу, очень звал жену к себе.

* Книга Юрия Королькова «Так было...» («Советский писатель», М., 1961) является продолжением романа-хроники «Тайны войны» и повествует о дальнейших событиях во время второй мировой войны.

Но та послала ему фальшивую телеграмму, что заболела их дочка. Он сейчас же прилетел домой. Служба у него такая теперь, что он по 2 месяца бывает в командировках. Теща живет отдельно от них, но мечтает получить общую квартиру.

А где теперь внук [Максим] Вашей сестры Катерины Робертовны? У другой бабушки или с ней живет? Не знаю, чего она обиделась на слово «гибрид». Мы все гибриды. Дедушка Иван Егорович русский, бабушка Луиза Францевна [наполовину] итальянка. Классон [наполовину] немец. [Тетя] Соня – русско-итальянский гибрид. Что тут плохого?

<...> Вчера получила письмо из музея Л.Н. Толстого. Пишут, что мои воспоминания о Толстом и Черткове должны были быть напечатаны в толстовском томе «Литературного наследства». Но «несмотря на наши настроения, этот материал не был опубликован и сейчас находится в музее. Музей просит оставить этот материал у них». Очень любезно? Но, увы, это относится не ко мне. Это напечатанный бланк, и очевидно [он] отправляется всем, чей материал не вошел в том «Литературного наследства». Ну, я послала им бланк, который должен был быть заполнен. Чем им плохо? Получат много дарового материала, потом их редактора займутся обработкой этого материала, получают за это много денег. Правда на бланке есть рубрика «получено отдельно». Но очевидно это к нам, приславшим материал, который не был принят, не относится.

Против моих воспоминаний о Черткове [панее] восстал Гольденвейзер. Благодаря своим связям он добился, чтоб мои воспоминания о Черткове не печатали, ну а затем умер. Умер бы раньше, и все было бы хорошо. Ну, бог с ним.

<...> Стук в дверь. Открываю, соседка мне передает письмо из Италии, новогоднее поздравление. Это мой любимец [Vittorio] Strada прислал поздравление с дедом Морозом «Par avion». Сколько, Вы думаете, оно шло? Послано 20 декабря, пришло 11 января [и лишь 14-го было доставлено, проходило перлюстрацию? – МК]. Двадцать один день. Обычно письма идут 10 дней, но «авиа» – двадцать, а то и больше.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 19 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Благодарю за Ваше желание прислать мне [биографию] Бальзака Цвейга. Охотно принимаю как подарок к 19 февраля. Да ведь это буржуазная биография Цвейга, а не наша. А то ведь у нас ретрограда и монархиста Бальзака изображают чуть ли не революционером. Так пишется история. Его похвалил Маркс, ну, значит, все у него прекрасно.

<...> Когда-то Лена [Игнатович] прислала Вике ужасно подлизульное письмо, которое я читала, оно действительно могло его расстроить. Но до Вики оно так и не дошло. Приживалка [Нина Аль] его уничтожила. Ганя говорит, что она теперь вскрывает все Зинины и Викины письма. Часть откидывает и говорит: «Этого можно им не пересылать». Ганя злится и говорит: «Ведь В.П. Ваше письмо не вскрывает и не читает?». Та – ноль внимания.

Вторая приживалка, старуха [Дора Владимировна], очень бы хотела занять место первой. Ей около 70-ти лет. Она говорит: «Гораздо было бы лучше. Никто бы не думал, что я Викина жена». Этого, конечно, подумать было невозможно. Ну, так она говорит, что у Зины в квартире идет борьба двух титанов. Мне это определение очень нравится.

Живет эта, первая, особа [Нина Аль] у Зины с 1952 года, приехала жалкая, вещи в узелке. Зина ей сказала, что все их принадлежит и ей. И вот она постепенно стала разворачиваться. Через 2 года у нее уже было 15 пар дорогой обуви, и даже балетки по 500 руб. Но и это ей было обидно, у Зины было 30 пар! Ганя с негодованием наблюдала этот период разворачивания. Острым взглядом они следят друг за другом.

Та говорит Гане: «Вы шпион в доме. Вы настоящий Шерлок Холмс». Чтоб пресечь чары этой особы над Зиной, Ганя выколола ей глаза на всех ее фотографиях. Но это не помогло.

Мне очень жалко Ганю. Она ведь им нужна, полезна, в порядке содержит весь дом, а та нахалка им совсем не нужна. Старается отвадить всех Зининых знакомых. Как-то наши старые знакомые встречают ее на улице, спрашивают, приехала ли Зина из Москвы. Она говорит: «Нет, еще не приехала, но скоро должна приехать».

Они приходят ко мне и застают у меня Зину. Почти никто из Зининых старых знакомых у Зины теперь не бывает. Спит она, приживалка, в столовой, проходной комнате, ну и не любит, когда у них бывают гости. «Опять припрутся все!», – ворчит она. После обсуждения Викиного фильма им пришлось всем идти к Викиному товарищу, чтоб не тревожить эту особу. Ганя говорит, что Вика не знает, как от нее избавиться, а Зина души в ней не чаёт... Понимаете ли, любопытный симбиоз старого барства и советского строя.

Ганя попыталась сперва жаловаться Вике. Вика сказал: «Не смейте капать на Нину». По моему у них действительно какой-то классовый подход. Почему Ганя не должна слышать их разговоров, это называется «подслушивает». Домработница – такой же человек, как и все. Но у Зины ведь исключительно еврейское общество, и они очень надменны с русским простонародием. А приживалка, по-видимому, еврейка. Вика говорит Зине, что слова «простонародие» больше нет.

<...> Когда Вика приехал из Германии, он привез уймищу подарков, ему наказали, и по-идиотски их все раздал. Какому-то денщику дал ковер, чемодан и много другого. Я говорю: «На что денщику ковер?». Зина говорит: «Продаст». Массу музыкальных инструментов [подарил] своим «главпаразитам», как я их называю. Какую-то замечательную статую дал их домработнице. «Зачем домработнице статуя?», – удивляюсь я. – «Она очень любит статуи». Одну из скатертей отдал [Семену Львовичу] Лунгину. Тот сделал разумно. Сейчас же пошел в комиссионный магазин и продал. Получил 1000 р. И на Викином месте я бы все сдала в комиссионный магазин, а полученные деньги отдала бы нуждающимся, как Лена.

<...> Вику не сразу приняли в вуз. Сын интеллигента, а интеллигентов тогда не принимали. Ну, я Вам как-нибудь это подробно расскажу. А Вы, со своей стороны, расскажете, как Вы и Ваш брат должны были поступить [в вуз], и Вас не приняли. Я эту историю знаю только со слов [Р.Э.] Классона в маминой передаче. Хочу [только] уточнить роль Крупской во всей этой истории.* Вика по окончании железнодорожно-строительной школы пошел подавать заявление в архитектурный вуз. Сказали: «Детей интеллигентов в архитектурный не принимают. Подавайте в художественный».

Бедный мальчик растерялся, всю жизнь он привык делать то, что ему говорила бабушка. Он звонит в наш дом, чтоб бабушка подошла к телефону. Вы не находите, что это трогательно? Студент спрашивает бабушку, куда ему поступить? Мама послала меня. Я сказала: «Подавай». Он подал. Пришлось пригласить художника его учить живописи. Он выдержал лучше всех, многим решил задачу, и его не приняли: сын интеллигента.

Мы (именно мы все) его устроили техником на Вокзалстрой. Он был влюблен в этот Вокзалстрой. Я еще посоветовала поступить на вечерние французские курсы. Ну и тут он, конечно, был один из лучших. Его преподаватель называл «Le jeune homme du Вокзалстрой» [(«молодой человек с Вокзалстроя»)].

* Сюжет с запретом «Софьей Власьевной» выезда И.Р. Классону в 1921-м на учебу в Берлин и разрешением в 1922-м см. в концовке очерка «Под большевиками». Следом, в 1925-м, уехал в Германию, сначала стажироваться в качестве практиканта на заводах фирмы Сименс-Шуккерт, а затем учиться в вузе, и его брат Павел. Н.К. Крупская «во всей этой истории» выступала лишь как «жена Ленина», например, опубликовала статью «О классовом приеме в ВУЗы» («Правда», 15 августа 1923 г.)

У них был консультант американец, и с ним Вика говорил по-английски. Правда, однажды спросил: «Where is your woman?» [(«Где ваша женщина?»)]. Забыл, что по-английски жена – «wife». По-французски ведь и то и другое [понятие] – «femme».

В конце месяца, получив свою зарплату, он, считая ее, очевидно, своим личным заработком, положил в свой письменный стол и стал ждать воскресенья, взять на кино. Но когда в воскресенье он открыл свой ящик, там уже не было ни копейки. Маме понадобились деньги на хозяйство, и мама все забрала. В следующую получку он сделал так, как делали все мы, все деньги сдал маме на руки. До конца жизни мама была у нас полной хозяйкой в доме.

<...> Вы не читали сказки Андерсена [«Снежная королева»]? Был хороший мальчик, любил свою бабушку и всех вокруг. Но злая фея бросила ему в глаз кусок разбитого зеркала, и все, что он любил, ему стало казаться плохим. Я не читала. Мне эту сказку рассказывали. Но эта трагическая сказка повторялась с обоими Зиниными сыновьями. Что это были за чудесные, яркие, одаренные дети, свои дети. Особенно старшего Зининого сына я любила. Это был удивительно яркий, одаренный мальчик, но очень трудный. Но вот в какой-то момент в глаз попал осколок зеркала злой феи, и все пропало.

Ужасно трагична жизнь. А надо скалить зубы и восхвалять действительность. Это мне писал Чуковский, это писал старый большевик Алексеев.

20-I-62 (продолжение). Сегодня заходила Ганя. Принесла мне газет, муки, мяса и молока коту. Что-то она часто приходит. Может быть, Зина ей отдельно платит за каждый выход ко мне? Как-то было так: Зина и Вика были в Крыму, а я в санатории под Киевом. Зина предложила, что Ганя уберет мою комнату. Я ей плачу 25 руб., а она с достоинством говорит: «Можете не платить. Зинаида Николаевна за уборку Вашей комнаты заплатила уже 50 руб.». Я сказала, что меня это не касается – я плачу 25.

22-I-62 (продолжение). <...> Я Вам не рассказывала, как у Вики появились поклонницы за границей? Одна из них из Америки прислала ему в подарок куртку. Он был в Крыму, и Гане пришлось заплатить пошлину в 30 с чем-то руб. А недавно он получил от другой поклонницы тоже куртку, ею самой вязанную. Это скульпторша, русская, живет в Швейцарии, опять пошлина 20 с чем-то руб. Ну, у него денег сколько угодно, ему на пошлины наплевать, но если все его поклонницы активизируются, и все будут присылать подарки! До чего глупо дарить не нуждающимся людям! Помните [многочисленные] подарки Сталину? Он даже не ходил их смотреть. А сколько нуждающихся. Вот Лена пишет, что ее сын глохнет от хронического голодания, а ей неохотно помогают.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18-20 января 1962 г.

Милая Вера.

<...> Ты еще разбираешься в наших родственниках? Зина – плохо. Помнишь, Зина и Надя [Пятницкая] встретили какую-то старуху. Она взглянула на них и спросила: «А которая же из них Луиза?» Т.е. спутала их с бабушкой Луизой Францевной. Нам это казалось верхом комизма. А теперь Зина так же путает детей [И.Р.] Классона и детей Тани Классон!

<...> Даю комментарий к Зининой открытке [мне из Москвы]. Соколов-Микитов – это теперь Викин большой приятель, бывший матрос. <...> Сейчас он уже стар. Зина и Вика, кажется в позапрошлом году, ездили к нему гостить на Волгу. Там тогда жил и Федин. Федин, конечно, один из наиболее культурных у нас писателей. Из всех его книг я наиболее люблю воспоминания о Горьком.

<...> Это Федин достал мне билет на первый съезд писателей в 1934-м году. Большинство писателей тогда были злыми, скучными: Вересаев, Ценский, Чуковский. Я тогда их много перевидала, так как не сразу получила билет от Федина. Вересаев, Ценский зло говорили: «Это не наш съезд». Ну, а Федин, он, кажется, входил в правление съезда или что-то такое, был молод, весел, молодой блондин. Таким я его помню, когда он выбежал на площадь, чтоб передать мне билет. А Зина говорит, что он теперь дряхлый старик.

Во всяком случае, я считаю его общество для Вики желательным. Я говорю так о Вике, точно ему пять лет, а не пятьдесят. Но, скажи, разве это не ужасно, что Вика не знает ни одного иностранного языка?! В детстве его учили и французскому, и немецкому, и английскому. Времени у него сколько угодно, способности к языкам блестящие, неужели он не мог выучить хоть один из них за эти двадцать лет, прошедшие с окончания войны? С кем поведешься, от того наберешься.

<...> Получила сегодня [(20 января)] письмо от Вани Классона. Я очень люблю его письма. Он не только мне рассказывает о себе, своей жизни, книгах, которые читает, но и реагирует на мои письма. А это главное – чувствовать, что ты для кого-то не мебель, а живое существо.

<...> С 18-го они [(Зина и Вика)] уже должны быть в Малеевке.

З.Н. Некрасова (из Малеевки) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 24 января 1962 г.
(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Наконец получила вчера твое письмо. Я совсем забыла, что для Гани нет хуже обиды, как пожелать ей отдохнуть, когда мы уедем! Она, оказывается, и на этот раз приняла за обиду мое пожелание хорошо отдохнуть в наше отсутствие. Тем более что на Нину [Аль] она не готовит, а [экс-милиционера] Васю, наверно, будет продолжать кормить и обедом и ужином (а м.б. и его жену) которая должна приехать к получению им комнаты (семейной) в новом доме. А если родится ребенок, то дадут и квартиру!

У нас погода так изменилась: потеплело, снега мало, сугробы совсем просели, и яркое солнце так греет, что я должна совсем раскрывать шубу – сегодня -1⁰! А вообще ниже -8⁰ еще не было. Но солнце ярко светит, и Вика, когда ходит на лыжах, то в кепке, а не в шапке и даже без перчаток. Пока у него нет спутников, т.к. Лунгины не приехали и вряд ли в этом году приедут <...>.

В феврале сюда приедет и Раиса Исаевна [(Линцер, жена Игоря Александровича Саца)], которая пока работает в Голицине, доканчивает свои переводы с испанского, чтобы быть свободной в Малеевке и гулять. Как я писала, здесь и приехавший с нами И.С. Соколов-Микитов, который тоже что-то пишет. Леня Рабинович (Волынский) ездил в Ленинград и смотрел там в Эрмитаже и других картинных галереях картины разных художников и тут [(в Малеевке)] пишет о них всех – очень интересно судя по тому, что он уже написал и дал нам с Викой прочесть. Ждем продолжения! * <...>

Зина

* Книга Леонида Волынского «Лицо времени» рассказывает о замечательных русских художниках Крамском, Перове, Саврасове, Репине, Сурикове, Ярошенко, Поленове, Левитане, Серове, об истории создания картин. Читатель узнает о знаменитом «бунте четырнадцати» в Петербургской Академии художеств, о «коммуне Крамского», о возникновении Товарищества передвижных выставок, об истории создания многих картин — обо всем том, что составило одну из самых славных страниц русской живописи.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 25 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Не находите ли, что у нас слишком много «руководящих лиц». Прочтите в конце журналов редакторские коллегии. Дюжина лиц. Зина говорила мне, что Викину «Киру [Георгиевну]» читали 6 редакторов. Ну а если он редактор, должен же он как-то проявить свою редакторскую деятельность? Прежде в редакциях были 2-3 человека: Некрасов, Панаев, Чернышевский, Добролюбов, и функции у них были разные. А теперь? 6 редакторов читают одну повесть. Двоих, кажется, в Киев присылали.

У нас ведь теперь всякие Литературные институты и «факультеты», из них выходит 2-3 талантливых писателя, а остальных надо куда-то девать. Идут в редакторы. Не подумайте, что это относится к Вам; редактирование [книги М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон»] родственником, человеком, близко знавшим того, о ком пишут, это другое дело.

А наши несчастные учителя жутко перегружены, вижу по [ленинградской] Нине Мотовиловой. Она изнемогает, кроме прямой учебы столько всяких «мероприятий», вечеров и прочее, надо [их все] устраивать, и еще отвечать за то, что какие-то девчонки из ее класса проехали на трамвае не заплатив, зайцами! Ну причем тут она? Теперь у нее болят глаза, и ее сын, у которого 2 службы и выходные дни не совпадают, еще по ночам поправляет ей тетради. У Маши Володиной Элочки по 10-11 уроков в день – с ума сойти можно!

30-I-62 (продолжение). <...> Боюсь, что Зина в Малеевке немного скучает, у Вики тоже не с кем бегать на лыжах. Обычно он ходил на лыжах с Тендряковым, а в этом году Тендрякова нет. К Вике должна приехать одна из его приятельниц. Боюсь, что Зине будет еще хуже. Вика будет с этой приятельницей [общаться], а Зина останется [днем] одна. Ганя говорит, что Зина с этой особой даже не разговаривает.

<...> Сейчас набросилась на воспоминания Розенель о Луначарском. Он, так же как и я, любил читать в библиотеке. Дама, которая должна приехать к Вике в Малеевку, это жена брата этой Розенель. Вы поняли? Вторая жена Луначарского, Розенель по первому мужу, была актрисой (говорят бездарной), но красавицей.*

Вика еще ее видел, когда она такой была. Ну а несколько лет тому назад идет он со своими приятелями, и навстречу им идет какая-то накрашенная, странно одетая дама. Вика восклицает: «Поглядите, что за урод!», а его приятель [Игорь Сац] тут же останавливается и целуется с ней, это его сестра!

* Наталья Александровна Розенель, урожд. Сац (1900-1962) – советская актриса. Играла в московском Малом театре и снималась в немом кино. Первым мужем Н.А. Сац-Розенель был Лев Розенель (погиб в гражданскую войну), вторым – нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский. Издала книгу «Память сердца. Воспоминания». Ее брат (см. выше и ниже) – Игорь Александрович Сац (1903-80), критик, литературовед, литературный секретарь А.В. Луначарского, а также муж Раисы Исаевны Линцер («Сацхи»).

К сожалению, воспоминания Н.А. Сац-Розенель-Луначарской, несмотря на многообещающий заголовок, представляют из себя лишь чуть беллетризованные отчеты о ее встречах с известными людьми: «Луначарский-читатель», «Л. и Маяковский», «Л. и Брюсов», «Л. и Южин», «Л. и Брехт», «Л. и Моисси [(немецкий и австрийский актер)]», «Остужев», «Марджанов», «Андреева», «Архипов», «Борисов». Даже в главе «Великий немой» она, упоминая о родственниках, не называет их имен:

В мои очень ранние, еще дошкольные годы мать как-то сказала, что возьмет нас [с братом] с собой в синематограф (тогда так называли кино).

В Интернете можно найти более занимательную информацию о «второй жене Луначарского» и о нем самом (www.s-info.ru/read/excurs/2348/).

Она уже вышла замуж за другого, после смерти Луначарского, но сохранила фамилию Луначарская, очевидно как более выгодную. Как-то приезжала ее дочь [от первого брака, Ирина] в Киев. Позвонила Вике, чтоб поставить к Вике свой автомобиль. Очевидно, думала, что у него свой гараж. Ганя рассказывает: «Дочка Луначарского». Я говорю: «Да у него же никогда дочери не было, а был сын. Погиб на войне». Викин друг Тотошка [(Анатолий)], талантливый юноша, по-моему.

<...> Иду спать, уже 4 часа ночи! В Бугурне были тушканчики. Их откопали собаки. Они жили в отдельной комнате большого дома, спали весь день, а ночью просыпались и прыгали. Ну, у меня и моего кота образ жизни тушканчиков.

<...> Имейте в виду, что Ваши письма я пересылаю Маше [в Тамбов], и поэтому ничего, что бы ее могло обидеть, не пишите. Я также пересылаю Зинины письма Вере, чтоб ее развлечь, и, кроме того, эти письма, говорящие о том, как прекрасно жить в Союзе советов, самый подходящий материал для посылки за границу.

Одно письмо я могу Вере послать, в другом все хорошо, и вдруг фраза: «Я все забываю, как наша Вера». Ну, это была бы дикая обида. Я как-то Вере написала, оплакивая все сгоревшие вещи у нас после ухода немцев, что последняя обивка (красивый желтый шелк, стиль модерн) не подходила к бабушкиному гарнитуру гостиной мебели, кажется стиль Людовика XV. Приходит Ульянов домой, Вера рыдает: Ульянов шлет Зине негодующее письмо, что я нарочно стараюсь сказать Вере что-то обидное, обивку выбирала она. С моими сестрами очень трудно, как бы их не обидеть.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 31 января 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Мне все говорят: «Не пишите Лене [Игнатович], она может надеть Вам массу неприятностей». Уехав от Георгия Ивановича Мотовилова и жены, которые ей давали и вещи, и деньги, и держали ее у себя, она швырнула дверь и написала Георгию Ивановичу на службу [в секцию скульпторов или в Московское высшее художественно-промышленное училище? – МК] ругательное письмо. Ей хотелось перессорить всех людей. О Мотовиловых она говорит, что она их всех ненавидит. Это она мне писала.

А мужу Маши [Володиной] она рассказывала, как она нас обманывала, обдуряла, а мы ей верили; что она нас всех ненавидит, еще нам отомстит. Вот буквально, что я ей написала, когда она просила меня сказать Вам, чтоб Вы прислали ей старые вещи Ваших сыновей. Что я уже Вас об этом просила, но Вы отказались и «даже осуждаете Катю, которая дает ей деньги». Ну, слово «осуждаете» она передала [как] «ругаете».

А не находите Вы тоже нелепым, что совершенно мало знакомый Машин муж тоже сплетничает и передает, что говорит о них Лена Зине. Дело в том, что Лена приехала в Тамбов, это было давно, по приглашению Маши. Машин муж был слепой, последние годы преподавал грамоту в музыкальной школе, нет – училище. Маша очевидно думала, что Лена сможет ему читать вслух, а он будет ей преподавать те предметы, которые ей нужны, у нее тогда еще не было аттестата десятилетки. Приехав туда, Лена пришла в ужас от их невероятной нужды, написала нам, что нужда такая, что ей неудобно у них жить.

У нас с Зиной тогда еще было все «общее», как теперь у Зины с приживалкой [Ниной Аль]. Только я, конечно, не тратила на себя столько, сколько приживалка на себя, и все полочки отдавала в общий котел. Мы стали посылать Маше на ее имя деньги на содержание Лены. Оказалось потом, никакой службы Лена в Тамбове не нашла, ничего не делала, ни разу ни одной строчки не прочла слепому Машиному мужу, а лежала весь день на кровати. Читала и писала дневники. В дневнике она описывала, как она выйдет замуж за генерала, у нее будет свой автомобиль.

Перед Володиными она невероятно хвасталась, рассказывала, как, получив от нас много вещей и деньги на полет во Львов, где у нее было будто бы назначено свидание с каким-то кавалером, она сейчас же все продала и покупала себе персики по 50 руб. [до деноминации 1961 г. – МК] кило и ела их.

Машенькиной девочке, Эллочке, она говорила: «Что ты из себя представляешь? Дочь простого рабочего, а мой отец был дворянин». Это, кажется, больше всего удивило Машиного мужа, он писал: «Какой же он, Игнатович, [настоящий] дворянин [– он всего лишь] колокольный». И я узнала, что лиц духовного звания называют «колокольными дворянами». Эти странные разговоры происходили при советской власти, после войны.

Письмо Зине он, Машин муж, прислал, чтоб поблагодарить за последние 500 руб., присланные для Лены. Но они их получили уже после ее отъезда, и мы написали, чтоб они оставили их себе. А деньги, присылаемые раньше для Лены, они не тратили, а все откладывали, надеясь, что Лена захочет от них уехать, и тогда сразу же будут деньги ей на дорогу. Ну, конечно, опять из Тамбова Лена обрушилась на нас. Вот с этого-то момента я познакомилась с Машей. Муж ее умер в том же году. У меня осталось просто неприятное воспоминание, что Зина (письмо было адресовано ей, а не мне) не ответила Машиному мужу. Вероятно, Вы это поймете: простой рабочий, слепой, очень бедный, пишет благодарственное письмо своей «богатой» родственнице, а она ему не отвечает.

<...> Однажды Зина пришла и сказала: «Вика просит тебе передать, чтоб ты не вздумала публиковать письма Чуковского». Но кто же публикует письма живых людей?

Видите, у меня есть одна неприятная черта – бестактность. Вы правы, я не должна была Вам писать о невысоком мнении Лены о Вас, как инженере. Но ведь это же верх комизма, ну что она может в этом понимать, столько же, сколько наша [довоенная] соседка о нашем французском языке.

В [19]20-х годах у нас открывали Институт внешних сношений, принимали людей, хорошо знающих языки. Мой ученик по библиотечным курсам стал уговаривать меня поступить туда. Очень хороший был парень, простой рабочий, но еще при царской власти его посылали в Америку. Я пошла и сдала экзамены по всем трем языкам. Хуже всего по французскому, который я лучше всего знаю. Но за меня вступился Мг. Картье, он меня хорошо знал, целые часы сидел у меня в библиотеке, ухаживал за одной из моих библиотечек.

Когда Зинин старший сын Коля узнал [в 1919-м] о моем намерении поступить в этот институт, он воскликнул: «Ну куда же Соня годится для внешних сношений, разве только для разрыва сношений». Я не поступила. Меня в том же году выбрали заведовать библиотечными курсами объединенных кооперативов. Тогда еще понимали, что для этого нужно знание библиотечного дела. Я была очень горда. У меня тогда было сразу 4 службы. Уходила [из дома] рано утром, а приходила около 12 ночи. Надо было зарабатывать.

Лена писала мне как-то, что она ценит во мне, что я не «мстительна». В доме, где мы жили [до войны] 28 лет, жильцы говорили, что мы «овцы», мы такие «овцы».

<...> Но я уже писала Вам: Георгий Иванович Мотовилов, один из крупнейших наших скульпторов, долго не мог получить Сталинскую премию, потому что давал уроки скульптуры жене Тухачевского. Мог он предвидеть, что кто-то сделает на Тухачевского донос, и Тухачевского убьют? И вообще, какое это отношение имеет к качеству его скульптур?!

1 февраля 1962 (продолжение). <...> Посылая Вам книжку с Викиными рассказами, я хотела, было, высказать мое крайне отрицательное мнение о последнем рассказе. ** Но из-за этого я уже поссорилась с одним моим знакомым и воздержалась [от оценки]! Но и Вы восприняли этот его рассказ так же, как и я. Одна знакомая старуха (86 лет) упорно не хочет верить, что это Вика написал (она его очень любит): «Не мог он такого написать, и стиль даже не его. Написал его друг – Рабинович».

Я говорю: «Он написал это со слов Рабиновича, Вика же никогда в Дрездене не был, а был там Рабинович, спасал Дрезденскую галерею». Он художник, но теперь художники и многие другие сделали писателями – это выгоднее. Старуха эта говорит: «Это Виктор Платонович из доброты подписал его вещь, чтоб его приняли в журнал» (наш, киевский). Там – правда – не хотели принимать вещей Рабиновича из-за того, что он еврей. До чего мне мерзок этот антисемитизм или антируссизм, которым я окружена! <...> Старуха эта, обожающая Вику, говорит, про этот рассказ: «Ведь смыть этого нельзя, пятно на всю жизнь». Когда он вышел, Зина пришла и сказала: «Ты, надеюсь, не послала Вере?». – «Нет, конечно». Ну а он его еще помещает в свои военные рассказы! Видите, этот мерзкий рассказ идет вразрез со всем духом нашей русской литературы, наша литература была всегда гуманна. Т. Манн говорил – «святая литература».

Никто не позволял себе смеяться над униженными и оскорбленными, а униженный тут – это несчастный старик. И вообще все пошлость, вся история про этот магазин. Конечно, всего этого не было, но так воспринял это этот мерзкий Рабинович. Он с Викой в Малеевке. Я хотела о нем Вам написать (я его конкретно только раз видела мельком, как-то зашла к Зине, когда их не было, и какой-то тип рылся в Викиных книгах и нахально ухмылялся на меня, говорят, это был он). Так это все он Вике рассказал, а что у Вики своей головы нет? И не стыдно ему?

* По-видимому, здесь имеется в виду не одна из официальных жен М.Н. Тухачевского: первая – Мария Владимировна Игнатьева, свела счеты с жизнью в 1920-м (не вынесла многочисленных измен мужа?), вторая (с 1921 г.) – Нина Евгеньевна Гриневиц, первым браком была за политкомиссаром 4-й стрелковой дивизии Л.Н. Аронштамом, но в 1923-м Михаил Николаевич ее соблазнил и затем зарегистрировал брак с ней; а жена бывшего друга, комиссара Балтфлота Николая Николаевича Кузьмина – Юлия Ивановна (1903-1987), с которой первый стал жить «гражданским браком», не разведясь с Н.Е. Гриневиц-Аронштам. Ю.И. Кузьмина много лет отсидела в лагерях как «враг народа», правда это случилось уже после расстрела М.Н. Тухачевского в 1937-м как «немецкого шпиона», а ее дочь Светлана родилась (то ли от первого мужа, то ли от второго) в 1926-м. Значит, Г.И. Мотовилов мог давать уроки лепки Ю.И. Кузьминой в промежутке между 1925-м и 1937 годами.

** Речь идет о рассказе «Август-Фридрих-Вильгельм», опубликованном в 1958-м в журнале «Советская Украина», а затем вошедшем в сборник рассказов «Вася Конаков» (Воениздат, 1961 г., 115 тыс. экз.): Вася Конаков; Сенька; Рядовой Лютиков; Судак; Переправа; Посвящается Хемингуэю; Вторая ночь; Август-Фридрих-Вильгельм; Через десять лет.

Л.Н. Рабинович-Волынский был другом В.П. Некрасова: *“Я отмечал его [(9 мая 1945 г.)] в Киеве демобилизованным офицером, инвалидом 2-й группы, а мой друг Леля Рабинович, он же Леонид Волынский, автор книг «Семь дней», «Сквозь ночь», «Лицо времени», «Дом на солнцепеке», отмечал в только что освобожденном Дрездене. <...> Леля, выпив свою норму, пошел поклониться руинам Дрезденской галереи – до войны он был художником, и судьба бесценных сокровищ «Цвингера» была ему безразлична”. – Из очерка Виктора Некрасова «День победы – 1984»*

Но Вы же знаете, Вика говорит теперь с таким отчаянно еврейским акцентом, что одни его принимают за еврея, а некоторые думают, что это он нарочно евреев изображает. Один еврей-переводчик ведет Вику к себе в гости и говорит ему: «Пожалуйста, не говорите в присутствии моей мамы с таким ужасно еврейским акцентом, она очень обидчива». Кстати почти всем евреям этот рассказ о саксонском короле особенно нравится.

А [еще один военный] рассказ «Вторая ночь» очень хорош, на него была очень резкая критика в газете «Литература и жизнь» [Дмитриев И. Ради чего это написано. «Литература и жизнь». 1960, 5 июня?]. И у меня есть статья о нем очень хорошая. Какой-то служащей из Инпошива [не киевской Галины Зинченко? – МК].

<...> Кстати [Р.Э.] Классон очень интересовался искусством и очень за ним следил.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 февраля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Получила письмо от Зины. Думаю, тебе будет интересно. Вкладываю в это письмо два Зининых – от 24-го I и 1-го II. Как видишь, они решили остаться там еще на две недели.

К ним приезжает Викина симпатия (глубоко мне отвратительная) Сациха и, кажется, с сыном. Единственное достоинство сына (это брат Женьки, который у них жил три года) – он хороший музыкант, уже на четвертом курсе консерватории, и по вечерам им играет.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 6 февраля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина и Вика продлили свое пребывание в Малеевке на две недели до 25-го. Не знаю, разрешил ли им это директор их дома отдыха, это новый и какой-то самодур. Не позволил, например, принимать гостей. Вика уже с ним сцепился, кого-то защищая.

<...> Вы прочтите в конце 3-го издания Ленина несколько писем его к Классону, по-моему, они так подобраны, что будто бы именно хотят изобразить недоброжелательное, ироническое отношение Ленина к Роберту Эдуардовичу как к «беспартийному специалисту». Как изображает его Ваш [Борис] Галин. Еще есть (очевидно, в первых 4-х сборниках Ленина), по-моему, подлое письмо Радченко, которого я не знаю, их, кажется, было 3?, где он пишет Владимиру Ильичу, чтоб тот не доверял Классону.

В биографию, конечно, это вводить не надо, но может быть Вам будет интересно выяснить, откуда такой подлый донос? Вы там увидите, в каком году это было, и, может быть, поймете, в чем там дело.*

* Самое «подлое письмо» И.И. Радченко В.И. Ульянову-Ленину опубликовано не было, ни в «Ленинских сборниках», ни в воспоминаниях первого об «отеческой заботе» последнего по развитию гидроторфа. Зато нашелся его весьма ветхий черновик от 7 июня 1921 г. в фонде Радченко (ф. 9455 РГАЭ):

<...> Глубоко тронут Вашим письмом и в то же время опечален. Я «придираюсь!» «Закон этот Главлит обязан проводить не за страх, а за совесть». Неужели я подал повод думать, что мы проводим его иначе. Да мы с этими господами, возглавляемыми Кирпичниковым, ухаживали и против своей совести, и в прямой ущерб непосредственным интересам Республики, ради ее грядущих интересов.

Правда, я стал настороже после возвращения Классона из-за границы, когда этот поэт-инженер с упоением рассказывал, что за границей уже гидроторф пущен в ход Ульманом (бывш. Директор Электрического об-ва 86 года в Петрограде, бежавший из России вкупе с другими белогвардейскими акулами грюндерства). Я вспомнил как осенью в прошлом году в заседании с т. Ломовым Классон добивался разрешения ему продать свое изобретение за границей. Даже Ломову показалось это циничным, и мы торговались с ними, что Республика покупает у них за 100 тысяч золотом, тогда как они просили 200 тысяч за изобретение, сделанное, выверенное на советской спине и на советские денежки. Сто тысяч тогда не прошло, и вот за границей уже Об-во. <...>

Все перипетии вокруг развития добычи торфа гидравлическим способом при «Софье Власьевне» см. в очерке «Гидроторф – дело «государственной важности?»».

<...> Ганя — это Анна Ивановна, Зинина домработница, 1900 года рождения, очень толковая женщина, одна из двух «титанов» в Зининой квартире.

<...> Зина мне прислала негодующее письмо о морали этого милиционера [(Васи, который раньше у них жил)], он уже женился во второй раз. Забавнее всего, что они окружены бесчисленными приживалами и паразитами, на которых идут десятки и десятки тысяч. Викины друзья женятся по 2, 3, 4 раза. На разводы (2 000 [старых] руб. это было тогда, когда я с ними жила) деньги берутся у Вики, на это Зина не негодует, но ее возмущает, что бывший милиционер приходит к ним завтракать и обедать! Очевидно «господам» все можно, а Ганиным знакомым нельзя? Это Вика [когда-то] пригласил его жить у них. Письмо Зины я послала Маше [Володиной в Тамбов]. Зине я ответила, не могла все-таки не реагировать на этот отзыв о милиционере. Боюсь, будет с ней «разрыв отношений». Того же я боюсь с моей другой сестрой, Верой: я осмелилась не согласиться с ее ретроспективной симпатией к одной нашей прислуге, служившей у нас в Петербурге в 1901-1902 году, т.е. 60 лет тому назад. Особа эта была пьяницей, развратной бабой и воровкой. Как видите, только для «разрыва сношений» я гожусь, и главное из-за чего разрыв сношений? С Зиной из-за бывшего милиционера, с Верой из-за бывшей у нас в 1901-02 году кухарки Ксюты!

Тетя Маня и тетя Вера были страшно дружны с детства, но у них был потом «разрыв сношений» на всю жизнь. Тетя Маня послала тете Вере свою бонну, т.е. бонну своей воспитанницы, крестьянской девочки Дашеньки. Тетя Вера родила тогда Нину и задержала бонну несколько дольше, чем они условились. Ну и разрыв отношений на всю жизнь, и обе были страшно одиноки.

<...> Сегодня заходила Ганя, Зинина домработница, 62-х лет, живет у Зины с 1948 года. Но мы ее давно знаем, так как много лет подряд у нас работала ее тетка [Мотя]. Так как летом мы не могли ездить с мамой на все лето на дачу, то она [(Мотя)] все лето проводила с мамой на даче, а мы ездили только по воскресеньям. Так что эта Анна Ивановна (буду ее так называть, чтоб Вы не путали ее с мужчиной) у нас свой человек.

Кажется, у Вас на таком же положении была Ваша нянька? Надежда Кронидовна Мотовилова рассказывала, что когда эта Ваша нянька умерла, то [Р.Э.] Классон шел за ее гробом до самой могилы. Было такое? Но на самом деле она, Ваша нянька, была ужасной сплетницей, о разрыве с тетей Соней, о новой возлюбленной [(Евгении Николаевне)], все это мы знали через няньку и Надежду Кронидовну. Верочка Пятницкая все от нас скрывала.

Вообще я нахожу, что мы три [сестры] и три Пятницкие были лучше, чем дети тети Анюты и дети тети Сони (не обижайтесь за Ваших сестер). Недавно Зина получила письмо от Любы [Пятницкой]. Она еще не оправилась от удара, живет у своей дочери в Juan les Pins. Но ей там очень не нравится, и она скучает о Париже и своих парижских знакомых. Люба на полгода моложе меня, мне минет 81 в феврале, а ей — в сентябре.

Ну, теперь вернемся к [Р.Э.] Классону и Крупской. Мама видела Классона после революции только один раз, но в каком это году было, не помню. Во всяком случае, после смерти Ленина. Вы и Ваш брат должны были поступить в вуз, и Вас и Вашего брата не приняли. Ваш брат даже одно время был шофером? Не приняли Вас, потому что вы были дети интеллигента.

Та же история была с Викой и многими его друзьями. Много из-за этого было драм.

[Р.Э.] Классон написал об этом, т.е. о Вас, Крупской. Надежда Константиновна была очень возмущена и написала статью в «Правду». Что у нас, мол, те же нравы как в царской России, где были особые привилегированные заведения (как пажеский корпус, лицей и пр.), куда принимали только детей из определенных семей, ну и теперь у нас то же самое.

Статья эта вызвала восторг за границей. Ее всюду перепечатали и писали, что вот, мол, до чего у них дошло, сама Крупская возмущается. После этого вышел приказ (очевидно от Сталина?), чтоб статьи Крупской проходили какую-то цензуру, как статьи простых смертных. Но, к счастью, у Классона был в Германии какой-то патент на какое-то изобретение и благодаря этому он смог обоим своим сыновей послать за границу. Ну, напишите, что тут правильно, а что неправильно.*

<...> Одна старуха, например, рассказывала мне, как у нас [в Лозанне] был Ленин. Пришел в первый раз в дом и сказал: «Дайте мне бифштекс и побольше». Вы представляете себе как это на Ленина похоже? Она же мне рассказывает самые невероятные истории про Вику.

10-II-62 (продолжение). <...> Вика получает письма из Австралии на тончайшей бумаге. Посылаю Вам Зинино письмо. Как видите, они продлили свое пребывание в Малеевке сперва до 25-го [февраля], затем до 1 марта. Очевидно из-за Сацихи (ей 56 лет), которая отложила свой приезд на 10 дней. Неизвестно, может быть она будет еще и еще его откладывать, и Вика тоже. Сациха – это жена [Игоря] Саца, брата второй жены Луначарского (той самой, чьи воспоминания о Луначарском помещены в №1 «Нового мира»**). По первому мужу ее фамилия Розенель.

<...> С Луначарскими Зина и мама жили 2 года в одном доме в Париже. Каждое утро Луначарский в качестве няньки гулял с тремя детьми: Тотошей, Викторией и мальчиком Кристи. Его отец, Кристи, был [(заведовал)] одно время Главнаукой в РСФСР. Если увидите Зину, она охотно о Луначарском Вам расскажет. Два лета они вместе жили на даче, сперва во Франции, потом в Швейцарии.

<...> Вам не нравится мой язык, да и мне Ваш не очень нравится. Что за мужицкие выражения «сноха», «харчи» и пр. или вульгарнейшее выражение «обже» – бабенка. «Обже» я даже не поняла, французское objet – предмет. Что у Роберта Эдуардовича были до конца жизни выражения слишком «Studentenhaft» [(«студенческие»)] : «как ему сказал доктор-какушер» – это уже я Вам писала.

З.Н. Некрасова (из Малеевки) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 10 февраля 1962 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

<...> Сюда приехал Марлен [Хуциев], как я уже тебе писала, ходит с Викторией тоже на лыжах до обеда, а после обеда все работают, а я опять гуляю!

<...> Сегодня совсем чудесно! Поэтому я сегодня гуляла дольше обыкновенного, с 1 ч до 3-х дня, а Вика и Рабинович с Марленом вернулись, тоже опоздали к обеду – заехали так далеко на лыжах! Время так бежит, что я ничего не успеваю: читаю все газеты, случайные книги в библиотеке, после обеда опять гуляю, с каждым днем все больше и дольше, а вечером – кино.

Сегодня ставится [фильм?] «Мадемуазель Нитуш», которую я видела в детстве в Симбирске, под названием «Лиса Патрикеевна», помнишь? Не помню, писала ли я, что Вика привез сюда свой фильм, привезенный из Киева, даже с украинскими надписями. А в Москве он еще не идет, т.к. еще не перевели его на русский.

<...> Прилагаю заранее свое поздравление к 6/19 февраля!

Зина

* Сей сюжет мы уже комментировали ранее. Единственно, что можно добавить: Иван и Павел Классоны до смерти своего отца в 1926-м могли учиться в Германии, по-видимому, за счет некоторых сумм, полученных последним от использования его «со товарищами» патентов по гидроторфу за рубежом. А затем им от МОГЭСа (Мосэнерго) была назначена стипендия в 200 инвалютных руб./мес. каждому.

** Н. Луначарская-Розенель. Луначарский-читатель. «Новый мир», №1, 1962

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 февраля 1962 г.

Милая Вера.

<...> По-моему, Зина fait bonne mine à mauvais jeu [(делает хорошую мину при плохой игре)]. Не так уж ей в Малеевке хорошо. Вику она не видит. Утром он катается на лыжах (говорит – «бегают»), после обеда пишет, а вечером они смотрят кино. Знакомых-то у нее там нет, и гуляет-то она, по-видимому, одна. Это я всю жизнь и одна гуляла, и одна путешествовала, но это не Зинин стиль.

<...> Милая Вера, сейчас получила письмо от Вани Классон. Ты знаешь, он просто мое утешение, пишет мне длинное письмо, делится своей работой над биографией [П.Э.] Классона, своими впечатлениями от той или иной статьи. Советуется о том, что включить в биографию. Реагирует на всякие мелочи, которые я ему рассказываю. Вот, например, такая мелочь: открываю его письмо и высыпаются три марки. Зачем мне три новых марки? Ну, а в письме приписка: «Посылаю три разных марки, которые наклеите на Ваше письмо или бандероль Вере Николаевне». Мелочь, но в ней чувствуется какое-то внимание, деликатность.

<...> Вика мне когда-то сказал, когда ему уже было тридцать восемь лет: «Не только я тебя ненавижу, но и все мои товарищи. Они спрашивают: «Скажи, когда твоей тетки не бывает дома?»». Приятно мне было жить в этой атмосфере ненависти? Это счастье, что нам удалось разъехаться (это у нас не так просто, как у Вас). Но, к счастью, сегодня в это время пришло письмо Вани Классона в 14 страниц. И в начале: «Это еще не поздравление». Он знает, что я не люблю получать поздравление «заранее», а мое рождение – завтра. Ты знаешь, ни у тети Сони, ни у [П.Э.] Классона особенной чуткости не было.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 февраля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Особенно трогает меня племянница жены С.В. Андропова, бывшего друга Яснопольского и моего фиктивного жениха в течение 15 лет!

Он умер уже 6 лет тому назад, и вот племянница его жены с тех пор ежегодно поздравляет меня, на все советские праздники и в день моего рождения. Советские праздники еще можно запомнить, но день рождения, человека которого никогда не видал, о котором ничего не знаешь, легко забыть. Ее тетка, талантливая пианистка, поэтесса и проч. умерла еще до войны и всю жизнь безумно ревновала Андропова ко мне, то есть к его прошлому. Это он мне и писал, и говорил. И вот в угоду ей, а может быть от очень большого старческого склероза, он все забыл обо мне.

Еще его родная племянница может помнить все, что я для него делала (и в тюрьмы ходила, и в ссылку 2 года подряд ездила, и уговорила оставить революцию, начать научно работать.). Уехала с ним в Гейдельберг, он страшно интересовался физикой, из него мог выйти крупный научный работник, но как только я уехала из Гейдельберга, он бросил все и вернулся в Россию. Тогда он говорил, что без меня он жить не может. Для меня это было ужасно, ведь я его не любила, а из жалости вечно возилась с ним.

Скажите (хоть это не деликатный вопрос), у Вас была первая жена, Вы разошлись. Жива ли она? Вы тоже забыли все, что у Вас было с ней?

<...> А вот С.В. [Андропов], когда я приехала в Женеву (мне надо было доставить туда какого-то мальчишку) и в тот же день уехала из Женевы к Зине в Лозанну, С.В. как безумный пошел за моим поездом. Шел всю ночь, 60 километров. И утром у Зины, когда я вышла в столовую, с изумлением увидела его. И пароходы, и поезда ходят сколько угодно между Женевой и Лозанной. Глупее, как всю ночь идти по дороге, трудно что-либо себе представить.

И вот, когда я увидела его в 1950 году в Москве после 50-ти лет нашего знакомства и 35-ти лет «раззнакомства», он ничего этого не помнил. Не помнил, что я больше месяца жила с ним в Гейдельберге, говорил: он жил там один. Люди [\[каждый\]](#) по-своему создают легенду своей прошлой жизни. Помнят то, что им приятно, и стараются забыть то, что неприятно. Мне кажется, что Сергею Васильевичу казалось, что это из-за меня погибла его научная карьера. Он как-то мне написал, лет через 20 после нашего разрыва, что его любовь ко мне была величайшим несчастьем его жизни. Чего же ради я все для него делала, считая, что он мой Ritter Toggenburg. Вы помните это стихотворение Шиллера [\[\(балладу «Рыцарь Тоггенбург»\)\]](#)? Я его очень люблю. Вообще, я Шиллера гораздо больше люблю, чем Гете. Гете мне чужд.

Если Вы думаете писать свои воспоминания (Вы написали, что расскажете о Вашей няньке), то принимайтесь, как только кончите биографию [\[Р.Э.\]](#) Классона. Воспоминания надо писать лет в 50, когда свежа еще память. Вы уже опоздали.

<...> Вы спросили меня, есть ли у меня самопишущее перо? <...> Я плохо вижу, плохо слышу, когда падает что – не замечаю, куда упало, не вижу. И вот началось бесплодное искание моих пропавших перьев! Все из-за Вас! Мне это напомнило моего дядю, Машиного брата [\[\(Михаила Михайловича Гельшерта\)\]](#). Это был богатый полтавский помещик, и вот однажды он не нашел в буфете бывшего там лимона. Он стал искать и вероятно часа 3 его искал, а лимоны стоили тогда 5 коп., и их было сколько угодно. Казалось бы, он мог более производительнее потратить 3 часа!

В воскресенье ко мне пришли Викин товарищ с женой [\[\(Исаак и Ева Пятигорские\)\]](#) и застали меня на полу среди хлама. Ищу самопишущее лучшее перо! Я не люблю, когда ко мне приходят Викины товарищи. Когда Вике уже было 38 лет, значит, это было в 1949 году, он мне сказал, что не только он меня ненавидит, а и все его товарищи спрашивают его: «Скажи, когда твоей тетки не бывает дома?», чтоб меня не видеть.

[\[Но\]](#) этот товарищ мне делает много одолжений. Принес настольные часы, которые давал починить. Принес квитанцию от посылки Вере [\[Ульяновой\]](#) бандероли. Обещал достать мне на дом XX сборник Ленина.

<...> Пишу Вере, «это мелочь, но деликатность». И тем более это удивительно, что «ни тетя Соня, ни Классон особой чуткостью не отличались». Да, это я писала в воскресенье, а в понедельник, день моего рождения, в 6 часов вечера, только мы сели с моей единственной гостьей старухой 82-х лет, пить чай, мне принесли Вашу бандероль с Цвейгом [\[\(его биографией\)\]](#) и письмо от Маши Володиной. С интересом раскрываю книгу, чтоб прочесть Ваше посвящение, и читаю «сумасшедшей Мотовиловой». Впечатление такое, точно мне в лицо плюнули. Я просто поражена.

Вот тебе «чуткость и деликатность!». Вы можете это думать, говорить за глаза, но сказать это, да еще в день рождения 81-летней старухе!?

<...> Даже Лена Игнатович на такое не способна! Она за глаза, правда, Вике советует поместить меня в сумасшедший дом. Но в глаза мне уверяет, что никогда такого не писала, а это Викины друзья подделали ее почерк и написали ему. Ну что же, бывает.

<...> У меня была соседка, рассматривая мои альбомы, она говорила: «В молодости вы были красивой, а теперь настоящая обезьяна». Я находила, что она могла это думать про себя, а не говорить мне в лицо.

<...> О письме [к] Крупской [от] Ленина “Как чуть не погасла «Искра»”. Я его читала в 1926-м году, [оно] должно быть и в Ленинском сборнике. И именно как бесконечно длинное и такое искреннее письмо [к] Крупской оно мне понравилось.*

<...> Ленин очень высоко ставил Плеханова и его роль в ознакомлении русской публики с марксизмом. Энгельс писал, кажется, самому Плеханову, что только он, Плеханов и Мерики** вполне понимают Маркса. А я же Вам уже писала: ни Плеханова, ни Михайловского*** я читать не могла. Лет четырнадцати я прочла Михайловского «Что такое прогресс». Поняла весьма мало и очень удивилась, когда, увидав эту книгу у меня, Классон заговорил о ней с большим интересом, и, по-видимому, все [в ней] понял. Какое у меня может быть мнение о Плеханове? Какой на нем был жилет, и как он держал себя, ну и больше ничего. Я ведь уважала Плеханова с чужих слов, того же Сергея Васильевича [Андропова], который его очень высоко ставил, и очень удивилась, когда прочла у Сталина, что он называл Плеханова «старой бабой» (?!).

Викин итальянский переводчик, мой бывший корреспондент [Витторио Страда], прислал мне одну очень интересную философскую книгу на немецком (не для меня). Я просматривала ее, и меня удивила приведенная там фраза Ленина, что 1-й том «Капитала» может понять только тот, кто прочел «Логику» Гегеля. Как Вы думаете, многие из наших руководящих коммунистов ее прочли [(как и 1-й том «Капитала»)]?

<...> В своих воспоминаниях, очень мрачных о его пребывании в училище правоведения, Танеев пишет, как все-таки было приятно быть в кругу товарищей. Стасов тоже с удовольствием вспоминает свое пребывание в училище правоведения.

Мама тоже любила со своими подругами вспоминать свое пребывание в Смольном. Мама провела там 6 лет, и моя бабушка Валерия Францевна за все 6 лет ни разу не брала маму на каникулы домой. А мама была ее единственная дочь! Для мамы дом этот был ее институт. В старших классах с мамой училась тетя Лида. Как странно, Мотовиловы-женщины – тетя Лида, тетя Соня, тетя Анюта бывают очень выдающимися, яркими до замужества, а после замужества превращаются в каких-то самок, для которых существует только семья, только дети.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 февраля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Реагирует пока что [на мои письма] один Ваня Классон. Но, главное, требует, чтоб я отвечала на все, что он пишет, читала статьи в журналах и газетах, которые ему интересны. Предпоследнее его письмо было в 14 стр., а мое ему вчера написала в 18!

* Поскольку С.Н. Мотовилова и И.Р. Классон уже второй раз обращаются к сему сюжету, вынуждены дать по нему краткое пояснение. Материал “Как чуть не погасла «Искра»” был написан в 1900 г., впервые опубликован в Ленинском сборнике I, в 1924-м. В «Датах жизни и деятельности Ленина» сей материал обозначен не как «письмо к Крупской»: 20 августа (2 сентября нов. ст.) 1900 г. и позднее. Ленин пишет статью «Как чуть не потухла [? – МК] «Искра»?», в которой излагает все обстоятельства переговоров с группой «Освобождение труда» об издании «Искры» и «Зари».

А письмо к Крупской было написано не ранее 24 августа 1900 г., послано из Швейцарии в Уфу и касалось отнюдь не чуть не погасшей «Искры»: “Ну, порасскажу теперь о делах в заграничном «Союзе русских социал-демократов», порасскажу на основании фактов и рассказов другой стороны...”. Опубликовано в том же Ленинском сборнике I (1924 г.).

** Эдуард Мерики (1804-75), немецкий писатель-романтик.

*** Николай Константинович Михайловский (1842-1904), русский социолог, публицист, литературный критик, народник.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 февраля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Написала длинное письмо Зине, но боюсь – не дойдет, так как 1 марта они уже уезжают из Малеевки. Очень бы хотелось, чтоб Вы повидались с Зиной, но боюсь, что это не выйдет. Хотелось бы, чтоб она мне рассказала о Вас, Ваших детях и жене. Какие Вы все!

Но Зина не умеет рассказывать, вот Анна Ивановна (Ганя), ее домработница, очень наблюдательна, умеет и заметить особые черты и даже представить [персону]. Причем она, старуха, весит 90 килограммов, а отлично представляет худущую, туберкулезную старуху [Дору Владимировну], которую я называю приживалка №2. Вероятно, они ее опять из Москвы привезут.

Третьего дня получила письмо от Ульянова, как всегда бессодержательное. Сообщает, какие книги они получили, предлагает прислать такую[-то] книгу.

<...> Кстати, Вы находите Викины писания – социалистическим реализмом? У меня была знакомая старушка (уже умерла), она знала, что соцреализм надо хвалить и говорила: «Мне потому нравятся Викины писания, что это соцреализм». А, по-моему, это чистая романтика. Что-то не встречала я таких героически трогательных молодых людей, как он описывает в своих военных рассказах. Чистая фантазия. Я же его «друзей» знаю. Я бы хотела знать, читали ли Ваши сыновья Викины военные рассказы. Один 13-летний мальчик прочел и сказал отцу: «Папа, бери для меня всегда такие книги». И когда я в киоске спросила, кто больше покупает «Окопы Сталинграда», мне сказали: «Мальчики 13-14 лет».

<...> Один итальянский писатель, Levi, так определяет наш соцреализм: «Их замерзший, выкристаллизовавшийся соцреализм». Зина пишет, что читала в рукописи воспоминания Лидии Чуковской. Описание первых лет революции со всей нуждой и ужасами, которые тогда были. Зина думает, что их не напечатают.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 25 февраля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Когда я работала в Совете крестьянских и рабочих депутатов, а Крупская усиленно звала меня перейти в Центральный Комиссариат просвещения, а я колебалась, мой сотрудник по отделу (племянник Хавкиной) мне сказал: «Вы не обижайтесь, Софья Николаевна, но когда человек теряет сознание своей выгоды, это называется: идиотизм. Не обижайтесь: это научный термин».

И еще один случай меня поразил. После ряда всяких трагических переживаний, увольнения 42-х человек из библиотеки, часть которых была прекрасными работниками, я считаю, что это было сознательное вредительство, так как на место их поставили ничего не понимающую сволочь, часть которой была потом арестована, часть просто проворовалась. Это было, кажется, в 1933-м. Я ездила тогда в Москву, хлопотать об уволенных, и говорила с Крупской. Большого ужаса, чем тогдашнее бюро жалоб в Москве (а возглавляла его Мария Ильинична [Ульянова]), я не видала.

* После падения «Софьи Власьевны» вышла серия мемуаров Л.К. Чуковской: Из дневника. Воспоминания (Иосиф Бродский, Фрида Вигдорова, Тамара Габбе, Борис Пастернак, Константин Симонов, Александр Солженицын, Марина Цветаева); Записки об Анне Ахматовой; Памяти детства. Мой отец – Корней Чуковский. Книга «В лаборатории редактора» была опубликована в начале 1960-х (имела немалый резонанс в литературных кругах, подверглась широкому обсуждению, а затем была изъята из обращения, так как само имя Чуковской долгое время находилось под запретом). К упомянутой теме больше подходит автобиографическая повесть «Прочерк» (события повести разворачиваются в 1920-1930-е годы: студенческие годы Чуковской, ее арест и ссылка в Саратов, работа в маршаковской редакции ленинградского «Детиздата»... Многие страницы касаются личных обстоятельств. Второй муж Чуковской – астрофизик М.П. Бронштейн был арестован в 1937 г. и расстрелян в феврале 1938-го).

Кстати, года три тому назад я узнала, что лица, о которых я хлопотала, были восстановлены тогда же, но им об этом не сообщили. А когда они были [ранее] сняты, по радио кричали, что они «враги народа». В утешение мне говорили, что директором библиотеки Академии наук назначают очень хорошего коммуниста [В.М. Иванушкина].*

Ну я, как современные писатели, ищущие «положительного героя», воспряла духом: «Слава богу, наконец, я увижу настоящего, чистого коммуниста. Вот такого, каким был, например, Ногин». Но Ногин умер в 1924 году, а с 1918 года до 1933-го я видела только одного настоящего коммуниста. Банда негодяев, взяточников, воров (я пыталась их выявить – но бесполезно) выкинула его из партии, под предлогом, что он недостаточно «связан с массами». «Массы» – это очевидно они, банда жуликов. Он был интеллигентом и не стал бороться. Вскоре умер. Это был друг Зининого мужа – [Платона] Некрасова [– инженер Тургенев]. Ну, одним словом, с 1918 года до 1933-го это был [в Киеве] единственный чистый большевик, которого я знала.

А тут появился, как будто, новый. Я сейчас же бросилась к нему, чтоб восстановить всех лучших, уволенных. <...> Он, очевидно, понял, что я его переоцениваю, и холодно сказал: «Вы знаете, что я чекист? Я заведовал Ч.К.». Нет, я этого не знала, я сразу опешила, тогда [дурная] слава была о «чрезвычайке». Жена Ногина говорила, что хотела бы меня познакомить с Дзержинским, и прибавила: «Он настоящий джентльмен». Подумаешь, джентльмены мне нужны!

Я сказала моему новому «положительному герою»: «Нет, я не знала, что Вы заведовали Ч.К. Большевики, которых я знала, были нелегальными, я их знала до революции». Ведь до революции большевиков было очень мало, [но] после революции в их ряды хлынули все, кто попало. Это описывает Панферов (бывший редактор «Октября»). Вы читали его воспоминания, как он раздавал партбилеты?*

Я делала в те годы, все что могла, чтоб как можно больше брошенных книг поступало в эту, самую крупную (на Украине) библиотеку. У меня даже была благодарность от Академии наук за то, что я добилась, чтоб какую-то воинскую часть, занявшую часть помещений дома, убрали. Я работала тогда в нескольких военных организациях, они тогда тратили много денег на культработу в войсках. Стоило сказать кому-то из высокопоставленных, и воинская часть ушла из занятого помещения, и даже пришли извиниться перед Академией наук. Это было, кажется, в 1919 или 20-м году.

И вдруг, в 30-х годах я узнаю, что книги, которые, находятся в «камерах», так назывались склады, где лежали книги, взятые в квартирах бежавшей буржуазии, продают букинистам. Очень много книг было иностранных, значит сотрудники, разбиравшие их, и особа, возглавлявшая этот разбор, были «бывшие люди», другие же не знали иностранных языков. Во главе стояла бывшая институтка, жена расстрелянного офицера и мать двух белых офицеров, тоже убитых. У нас были общие знакомые, я знала, что она воровка. И вдруг узнаю, что она громадными партиями продает книги букинистам. Не знаю, что бы Вы сделали, узнав, что расхищается общественное имущество?

* «Очень хороший коммунист», назначенный в сентябре 1933 г. директором Всенародной библиотеки Украины Василь Иванушкин в 1937-м тоже окажется «врагом народа» и будет расстрелян. Об этом можно узнать из статьи Татьяны Опришко, написанной, правда, на украинском, но включающей документы на русском (ssu.kmu.gov.ua/sbu/doccatalog/document?id=42782). Правда, в этой статье приводятся лишь те факты, которые легли в основу обвинительного заключения (поджог 25 ноября 1935 г. газетного отдела, чтобы уничтожить газеты 1917 г. для сокрытия упоминаний о деятельности украинских националистов), о массовом воровстве ценных книг при попустительстве В.М. Иванушкина (см. ниже) в ней не упоминается.

** По-видимому, речь идет об автобиографической повести «Ближнее прошлое» (1956). Уже после смерти Федора Ивановича вышел сборник «Федор Панферов. Воспоминания друзей».

<...> Но я пошла к директору библиотеки (уже много отрицательного я знала о нем). Но, придя к нему, я сказала, что я все-таки не думаю, чтоб он спокойно мог отнестись к тому, что расхищается та библиотека, во главе которой он стоит. Я рассказала, что слышала. Он спокойно ответил: «Я это знаю. Такая-то, — он назвал ее, — снята с этого места и переведена на другую работу». Я спросила: «На какую работу?». Оказалось, она выдавала книги на дом. Книги выдавались тогда только «академикам», сотрудникам Академии наук, ну и библиотеки, конечно.

Я с ужасом сказала: «Но сколько же книг она может накрасть!». Директор библиотеки спокойно ответил: «Ну, много ли книг она может вынести под мышкой». Я конечно книги брать перестала (хотя имела на это право), боясь иметь контакт с ней.

Но моя знакомая, работавшая там, была уволена как «враг народа». Ее попросили написать статью в стенгазету. Она написала критическую статью на новых сотрудников. Статью не поместили, а библиотекаршу эту сейчас же выкинули из профсоюза и уволили из библиотеки. Она сейчас же сдала все свои [взятые] из библиотеки книги. Но когда ей нужно было принести расписку, что за ней ничего не числится, эта особа, бывшая институтка, воровка, записки ей не дала, а заставила ее заплатить за все сданные ей книги в пятикратном размере.

Но это уже была мелочь. А дальше началась травля. Моя знакомая, уволенная, прекрасный работник, знала хорошо языки, и ее всюду охотно брали на службу, но из библиотеки Академии наук поступали доносы, что она «враг народа», и перепуганное начальство ее увольняло. Это был морально чистый, прекрасный человек, глубоко убежденный, что при советской власти должно быть все хорошо и можно всегда добиться правды. После войны она осталась без комнаты. Ее дом, т.е., где она жила, сгорел, так же как и наш. Мы уговаривали ее взять свободную комнату возле нас. Но она никогда о себе не думала, она охраняла комнату своих знакомых, бывших в эвакуации, там был рояль, много их вещей. Комнату им она сохранила, но, когда они приехали, самой ей негде было жить.

После войны Наркомпрос направил ее во Львов, в университетскую библиотеку. Она умерла несколько лет тому назад.* Это к ней я направила Лену, когда она поехала во Львов. Лена говорила, что у нее там знакомые «девочки», она только остановится у нашей знакомой, но прожила у нее больше года, и все время эксплуатировала ее. Та спросила: «Когда же ты пойдешь к своим девочкам?» Лена спокойно отвечала: «А на что мне эти сморчки!». Она не только жила у этой знакомой, но еще требовала у нее отдать свои платья, пальто. Когда та отказалась ей отдать, Лена сказала: «Вот вся интеллигенция такая — куска хлеба она не пожалеет, а тряпку ни за что не отдаст». Вы не интересуетесь Леной? Но согласитесь, что это вполне современный тип.

Итак, revenons a nos moutons [(вернемся к предмету нашего разговора)]. Честный советский работник был объявлен «врагом народа», а бывшая институтка процветала в библиотеке, она только переменила фамилию. Вдруг появился приказ по библиотеке: «такую-то (ее бывшая фамилия) считать такой-то (новая фамилия)».

Директор — мой «положительный герой», был с ней в большой дружбе, и она всем с гордостью рассказывала, что все лето провела на даче «у директора» [после чего родилась Зоря Васильевна Иванушкина? — МК]. Не знаю, жива ли она. Она рассказывала одной моей знакомой, что мой «положительный герой» говорил про меня, что я сумасшедшая (как Вы [мне написали]). Он был сослан [расстрелян 13 июля в Киеве!] в 1937 году, и в этот год была сослана почти вся та банда, которая в 1933 году выгнала 42-х служащих.

* Если это Неонила Кравченко-Максименко, у которой отец был пономарь, то она вроде бы умерла во Львове в 1995 г., т.е. в весьма солидном возрасте (www.wikitree.com/wiki/Kravchenko-11).

Что же Вы думаете, все те, которых теперь восстановили, были безупречны? Но в чем же во всем этом мое «сумасшествие» и «идиотизм». Да, часть моих сотрудников по Совету рабочих и крестьянских депутатов сделала блестящие карьеры. Кто стал зам наркома, кто полпредом, кто потом посланником и министром. Ну, я-то, конечно, карьеры не сделала. А были они все мерзавцы.

28-II-62 (продолжение). <...> Объясните мне, почему с самого начала советской власти какая-то лихорадка с приступами треплет нашу торговлю?^{*} Казалось бы, у нас-то должно быть лучше организовано, чем при частной торговле? Там де хаос, а у нас все централизованно и планоно [[продается](#)]. Почему-то надо знать, когда что «выбросят»? Но есть всегда люди, которые знают это заранее. Они и их знакомые становятся в первые места очереди. Когда я служила, это были жены и родственники коммунистов!

<...> Электрическая станция в Москве в наше время, 1896-97 годы, ежедневно получала по 2 билета во все театры. И вот мы как-то попросили [[П.Э.](#)] Классона дать нам 2 билета на какой-то спектакль, на который трудно было их достать. Классон ответил, что никогда этих билетов не берет, предоставляя их служащим, которые получают жалованье меньше его.

2 марта 1962 (продолжение). <...> Теперь все засекретились, одни скрывают прошлое, другие – настоящее, третьи свое искреннее отношение к тому или иному явлению, вслух говоря то, что полагается говорить.

<...> Я последние дни все думаю о тете Соне и [[П.Э.](#)] Классоне. В связи с чем, Вам в другой раз напишу. Вы заметили, что, вспоминая участников кружка, которым руководил Классон, о тете Соне Крупская и не вспомнила. Тетя Соня попала в число «других», бывших в этом кружке! Такая яркая, такая интересная, умная тетя Соня.

Витмер был в тетю Соню влюблен. Женился на «Григорьихе», как ее называла тетя Соня, par depot [[от досады](#)]. Витмер был 2-й сорт, Классон – 1-й.

Но вообще Вы не находите, что немцы до революции внесли много культуры в нашу страну? Мать Ленина была тоже немка. У немцев больше организованности, настойчивости. Гончаров был прав, противопоставив Обломову немца [[Штольца](#)].

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 5 марта 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Знаете, я все это время вспоминаю тетю Соню и [[П.Э.](#)] Классона. Я думаю, была ли счастлива тетя Соня, если бы вышла замуж за Федю Мотовилова (брата Ивана Андреевича)? Он тетю Соню безумно любил, был вообще очень мягкий, и прихожу к выводу – «да, была бы». Вы ведь знаете, что тетя Соня была старше Классона. Она сама ему сделала предложение, и он сказал, что раньше, чем даст ответ, посоветуется с Коробкой. После этого тетя Соня Коробку терпеть не могла, вечно над ним издевалась, и совсем зря. А я с Коробкой была дружна, и меня возмущали тети Сонины насмешки. Например, над тем, что у него «рот сложен бантиком».

Коробко, со своей стороны, рассказывал, что Классону в присутствии тети Сони [[было](#)] настолько тяжело, что он избегает бывать дома, а сидит по службе, где делать нечего, и стреляет в какую-то цель.^{**} Заметьте, это было, когда у них было только двое детей – Соничка и Таня.

^{*} С.Н. Мотовилова просила И.Р. Классона купить ей в Москве термос вместо разбитого, но оказалось, что соседка ей уже купила, а ленинградские знакомые приживалки Нины Аль тоже просили домработницу Ганю купить им, уже в Киеве, термос!

^{**} По-видимому, в конце XIX века существовала игра наподобие современного дартса.

Вашу няньку (которую Вы так уважаете) вот за что я не люблю. Подлизываясь, очевидно, к Надежде Кронидовне, она ей говорила: «Вот было б хорошо, если бы Роберт Эдуардович был женат не на тете Соне, а на Надежде Кронидовне!». * Ну, разве можно тетю Соню сравнить с этой малокультурной мещанкой?! Конечно, по психологии Надежда Кронидовна была близка к Вашей няньке.

Вся семья Ивана Андреевича [Мотовилова] была ужасно мещанственна. О Георгии Ивановиче ничего сказать не могу, он молчал. Зато брат его [Андрей Иванович], очень красивый, говорил, говорил, говорил без конца, и все ходил и ловил мух, даже когда их не было. Но кто был безнадежно мещанствен и вульгарен – это обе дочери: Маня и Надя. Причем (Вы это знаете?) Маня была невестой, они жили в их имении. В это время заболел Иван Андреевич. Маня поехала в Москву, и в это время Надя [Лиза?] отбила ее жениха и вышла за него замуж. У Мани после революции был какой-то не муж, а так, какой-то возлюбленный. Ее брат сочинял про него песенки и распевал их, помню только припев: «Комбат, комбат, комбат!». По-моему, он вовсе не был бывший полковник, а чисто советский военный.

Семья Александра Андреевича [Мотовилова] была еще хуже, невероятно вульгарна. Они приезжали к нам с родителями из Скорлятки, их имения в Симбирске. Однажды заразили нас, детей, всех коклюшем. Сперва приехали к бабушке, Луизе Францевне, та, узнав, что у них был коклюш, скорее прислугу послала к нам, чтоб сказала, что у них коклюш, и мы сказали, что нас нет дома. Но горничная заговорила на кухне, тем временем они все к нам приехали, и мы все переболели коклюшем.

Одну из них я встретила после революции с ее мужем Николаем Александровичем Мотовиловым (у Надежды Кронидовны). Он говорил, что он «старший в роду», написал мне всю родословную (увы, она сгорела), а жена его, какая-то крашенная и вульгарная, в детстве была лет на 5 старше меня, а после революции стала на 5 лет моложе.

У этого [Николая Александровича] Мотовилова был свой конный завод. После революции он, как и многие другие богатые помещики, работал на государственном конном заводе (не знаю, как это называется [может быть, на племенном заводе? – МК]). И с юмором рассказывал, как какой-то малограмотный комиссар выходил и кричал: «Ну, мои конюхи, идите сюда!». И все эти бывшие богатые помещики почтительно мчались к нему!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 9 марта 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы не представляете себе, как нападают на Вику украинские писатели, что он плохо одет, ходит без галстука и т.д. Делают замечания. Мещанство. Кто бы посмел из старых писателей сделать замечание Горькому, что он ходил в простой косоворотке? Когда в честь его устроили в Петербурге обед в каком-то ресторане, Горького пришлось вести через черный ход, в таком виде в ресторан войти [через парадный вход было] нельзя. Но посмел бы кто-нибудь сделать Горькому замечание. Думаю, он послал бы его к черту.

<...> Сейчас узнала от соседки, что Вика едет в Италию. Зина ничего не пишет. Очевидно, это надо от меня скрывать, а то я буду настаивать, чтоб он повидал Ульянова – Ульянов ему написал, что если Вика куда-нибудь поедет в Европу, чтоб Вика ему написал: он сейчас же выедет (вылетит), чтоб встретиться с Викой в любой стране. Когда Вика ездил в США, он два дня провел в Бельгии, но конечно Ульянову не дал знать. Он, видите ли, ненавидит своих родственников, даже тех, которых никогда не видел!

* Может быть, все вранье!? – приписка И.Р. Классона

От этой же соседки я узнала, когда ставился его фильм в Киеве, и на какую сумму заключил договор с Киевской студией! Зина уверяла меня, что все это вранье, никакого договора он не заключал и никакого фильма не ставил! К чему все это вранье? Боится, что я его сглажу?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11 марта 1962 г.

Милая Вера.

<...> Я не выношу, когда со мной говорят наглым тоном. А со мной всегда так [знакомые] говорят. А я считаю, что мне восемьдесят один год, и со мной должны быть вежливы. Ну, стали бы мы кричать в молодости на людей старше нас? Никогда!

Правда, когда мы жили в Москве, мама слышит, как Надя [Пятницкая] говорит с Зиной: «Что ты споришь с тетей Алиной? Она же старая и многого не понимает». А «старой» маме было тогда тридцать с чем-то лет! Неуважение к старухам у нас ужасное, но Люба [Пятницкая] писала, что и во Франции теперь то же самое.

<...> Знаешь, а Вика уже сегодня в Италии. <...> Оказывается, [по данным моего киношного соседа,] Вика говорил по телефону из Москвы с каким-то киношником, чтоб он зашел к Гане и она дала ему все его вещи, нужные для Италии (черного костюма он, конечно, не взял, опять не сможет попасть в театр и ни на один званый обед! Для чего же было тогда этот костюм заказывать?). Ганя, конечно [(когда я ее раньше расспрашивала)], делала вид, что она ничего не знает, и только сегодня, когда Вика уже улетел, пришла ко мне рассказать [об этом].

Едет их двенадцать человек на двенадцать дней. Авось Зина что-нибудь запомнит, а то она все ужасно путает. Когда ты получишь это письмо, Вика уже вернется в Москву. Зина, будто бы, приедет в Киев на несколько дней, очевидно, хочет видеть свою приживалку, а затем опять поедет в Москву Вика встречать. Он же должен вернуться 23-го марта и опять, вероятно, застрянет в Москве. Да, я писала тебе: часть едет как делегаты, часть как туристы. Вика – делегат. Какие переводчики с ними едут, не знаю.

Но как тебе нравится абсолютно смолкнувшая Зина? Причина их скрывания всего от меня для меня совершенно не понятна. Когда Вика вернулся с фронта, они два года от меня скрывали, что Вика – коммунист. Почему? Случайно узнала об этом. Когда они переезжали на новую квартиру в 1950-м году, я спросила Зину: «Когда же вы переезжаете?» Зина [невежливо] ответила: «Ты же услышишь, когда будут выносить мебель».

За несколько дней до этого Вика вытащил все Зинины вещи из нашей спальни, заставил дверь из их комнаты ко мне двумя шкафами с двух сторон, чтоб я через них не проходила, и сделал это все, не предупредив ни Зину, ни меня! А ведь я прожила с ними с 1918-го до 1950 года, самые тяжелые годы в нашей жизни, тогда была им нужна, а теперь не стала [нужна]. Излила тебе душу.

З.Н. Некрасова (из Москвы) – С.Н. Мотовиловой, 11 марта 1962 г.

(переслано И.Р. Класону в Москву)

Милая Соня! Итак, Вика сейчас улетел в Италию, о чем он хлопотал здесь все время (хотя уже давно был готов, и его должны были послать даром). Он и еще 9 писателей поехали на свой счет. Но он этого добивался все время, что мы здесь. Решилось только вчера: им выписали паспорта и обменяли деньги на итальянские. Сегодня рано утром приехала Нора (вторая жена Тендрякова) и повезла нас на своей машине на аэродром. Погода стоит чудесная, и они летят прямо в Рим с остановкой на 2 ч в Париже. Многих из его спутников я знаю: например, Гранина, Антонова, а с другими познакомилась уже на аэродроме. Руководит их группой – Андроников. Пробудут в путешествии всего 10 дней.

А я вернусь в Киев и поеду его встречать опять в Москву, чтобы услышать его первые рассказы об Италии и вернуться в Киев вместе с ним.*

<...> Вчера был Ваня Классон вечером, и мы условились, что когда я приеду в Москву вторично, то поеду к нему и мы съездим на дачу. Я его сразу не узнала, так как было темно, и я стояла у телефона. Он посидел с час, отказался от обеда. Мы решили, что план моего возвращения в Москву [включает и то, что] я к ним поеду на весь день в Алабушево.

Приписка С.Н. Мотовиловой, 14-III-62. Зина уже 2 часа, как приехала в Киев, но мне не звонит. Получила сейчас ее письмо. Пересылаю Вам. Обычно Зина приедет и через 2-3 часа звонит: «Я только что приехала, возьму ванну и сейчас приду к тебе». Я обычно знаю, что «сейчас» бывает через 4-5 часов и выхожу по своим делам.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 13 марта 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Видели ли Зину? Она мне долго не писала, очевидно, от меня надо было скрывать, что Вика летит в Италию. Анна Ивановна тоже все скрывала, до того дня, когда он, наконец, полетел. Случайно я узнала от соседки. По-моему, Вика – психопат. Ему кажется, что я злая фея. И, если узнаю что о нем, могу ему повредить. В воскресенье [11 марта], наконец (он вылетел 11-го утром), пришла Ганя и рассказала, что знает. Но это не согласуется с тем, что Зина пишет.

По-Ганиному, в Италию поехали Твардовский, Паустовский, наш киевский поэт Бажан. Возглавляет группу Ваш любимец Ираклий Андроников. Довольно странно, Андроников, кажется, не коммунист, что же он возглавляет группу, где такие коммунисты, как Бажан, Твардовский и т.п.? Часть едет как делегаты, а часть как простые туристы.

По-Ганиному, Вика едет как делегат, а Зина пишет, что Твардовский и еще какие-то писатели уехали как делегаты и с ними Викин приятель, Жоринька [Брейтбурд], как переводчик, а Вика, несмотря на приглашение из Италии, едет как простой турист на свой счет с группой в 20 человек. Пожалуй, это лучше, ему не придется отвечать на задаваемые ему вопросы, как в прошлый раз: например, что он думает о раскулачивании. Если что узнаете из газет или от Зины, напишите мне. Я просила соседа-киношника узнать, кто поехал, на какой съезд и зачем. Но он, очевидно, боится испортить отношения с моим засекреченным племянником. Он уже раз говорил: «Вы не говорите, что узнали от меня».

<...> Сейчас получила открытку от Зины, от 10-го (а вчера была от 12-го). Пишет, что Вика все еще не вылетел. «Самолет с делегацией давно в Италии. Вика же едет с другими писателями, как турист – на свой счет, их никак не могут отправить. С ним едут Казакевич, Гранин и другие». В той же открытке Зина пишет: «от Вани Классона ничего не было в ответ на мою открытку, очевидно затерялась». Наверное, она сама перепутала Ваш адрес. Не проще ли было поговорить по телефону?

В тот момент, как я писала, прибегает соседка: «Скорее, скорее, идите, нужно два лица». Ведет в свою комнату: стоят трое штатских. Я говорю: «Это что, выборы?». – «Да нет, что Вы боитесь?» – «Я не понимаю, в чем дело?» – «Бабушка, вы писать умеете?» Соседка говорит: «Может подписаться по-французски, по-итальянски, по-немецки, по-английски. Это приятельница Ленина».

* Сюжет со «второй женой Норой» требует дополнительного исследования. Официально В.Ф. Тендряков был женат на Наталье Григорьевне Асмоловой (1933 г.р.), в этом браке родилась дочь Мария.

Что касается «члена делегации Антонова», то речь идет о Сергее Петровиче Антонове (1915-1995). Писатель, по преимуществу «деревенщик», автор рассказов и повестей «Поддубенские частушки» (1950), «Дело было в Пенькове» (1956), «Разорванный рубль» (1966), «От первого лица. Рассказы о писателях, книгах и словах» (1973), «Васька» (1987), «Овраги» (1988). Лауреат Государственной премии СССР (1951).

Далее еще следует перечень каких-то высокопоставленных лиц, тоже моих приятелей. Я говорю: «Я ничего не понимаю. Вы кто?». – «Мы из милиции, поймали паренька (а у нас в доме таких нет) с ворованными вещами, нужны понятые» Я сказала: «Возьмите кого-нибудь помоложе и толковее чем я» и ушла. Что за чепуха! Очевидно, я выдаю себя за «приятельницу Ленина»! Можно ли такой вздор говорить!

Сейчас звонила Ганя, что Зина приезжает завтра утром.

Получила Ваше письмо от 10-III. Сперва, когда пришла почта, мне отдали только Зинино письмо и «Огонек», а через час или полтора принесли Ваше. Внутриквартирная перлюстрация продолжается. Зина приехала в Москву 2 марта. Могла бы сразу Вам позвонить. Что за чепуха, не помнит № телефона, будто нельзя позвонить в справочную, и сразу же № телефона дают. Но, видите ли, надо было очень тщательно скрывать от меня, что Вика хлопочет об Италии, а Вы могли узнать и написать мне.

Ганя все время врала, что она ничего не знает. Хотя к ней приходил по Зининому поручению киношник, взял все Викины вещи, нужные для Италии, и отвез Вике. Только когда Вика уже улетел, я больше сглазить не могла, она пришла и сказала то, что знает. Вика ей запретил что бы то ни было о нем рассказывать мне. Очевидно, Зина так боялась, что Вы о нем или его поездке что-нибудь спросите, а потом мне передадите, что старалась Вас заговорить рассказами о Надиных мужьях [[Надежды Пятницкой – МК](#)], своих переломах и т.п.

Так же как Зина глуха моя сестра Вера. И они обе ничего не хотели делать и лечить своей глухоты. О Вериной глухоте ни Вера, ни Ульянов нам не писали. Мы узнали от Любы Пятницкой, моей известной подруги, и от доктора, с которым Зина переписывается. Моя подруга писала, что разговора с Верой быть не может, надо сидеть и слушать ее монолог. А [[швейцарский](#)] д-р Тилло (его отец – социал-демократ, инженер, был приятелем [[Р.Э.](#)] Классона*) говорит, что Вера может рассказывать только допотопные вещи, которые теперь никому не интересны.

14-III-62 (продолжение). <...> Я всегда хранила все письма. У меня был громадный архив. Бонч-Бруевич много раз упрашивал меня передать его в Литературный музей целиком. Он хорошо знал и Ногина, и Андропова, и понимал значение их писем. Но мне же неудобно было передавать при жизни Андропова. Ну и все сгорело [[при отступлении немцев из Киева](#)].

Вика тогда еще не был писателем, но Вы подумайте, какой бы это был ценный материал для его будущей биографии! Если он сейчас уже есть в энциклопедии, то, конечно, и биография его будет. А у меня были все мамины письма за всю жизнь, а мама изумительно хорошо писала письма. Ну, все сгорело!

Я раза 3-4 писала Маше [[Володиной в Тамбов](#)], пересылать ли ей Ваши письма. И она всякий раз пишет, чтоб я пересылала. Она, как все мы, Мотовиловы, очень одинока. Сын живет под Москвой и редко ей пишет. Дочка, преподавательница музыки, живет в небольшом городке Рассказово. Ее послали туда после окончания музучилища.

Город этот в 60 км от Тамбова, сообщение – автомобилем. Она приезжает к своей матери каждую субботу. В этих глухих городишках преподаватели музыки ужасно нужны. Она преподает в музшколе, прекрасно зарабатывает, но, правда, у нее бывает по 10-11 часов уроков в день. Но еще у нее там масса предложений в кружках самодеятельности, руководить хором. Оплачивается, по-моему, неплохо, раз в неделю – 45 р. в месяц.

* «Приятельство» Р.Э. Классона и социал-демократа и железнодорожника (см. Примечания к т. 55 ППС Ленина) А.Э. Тилло требует дополнительного изучения. Они могли, например, познакомиться в «марксистском салоне», возникшем в Петербурге в 1890-е. См. монографию Владлена Логинова «Владимир Ленин. Выбор пути: Биография». Сайт Geni указывает на то, что Альберт Эдуардович Тилло родился в Петербурге в 1858 г. и был соответственно старше Роберта Эдуардовича на 10 лет.

<...> Сын Маши [Женя] работает на [подмосковном] авиазаводе и хочет заочно учиться в каком-то авиавузе. Вы же знаете, там можно учиться сколько угодно лет. Одна моя знакомая училась 10 лет. На сессию экзаменов по службе освобождают. Ну а Машенька очень против, это, мол, слишком утомительно и вредно для здоровья. Вообще, как это странно, и мы, и Пятницкие окончили вузы, а тети Сонины и тети Анютины дочери дальше гимназии не пошли. Или я ошибаюсь насчет Ваших сестер?

<...> Я уже, кажется, Вам писала, что Зина говорит, что у нас с Вами общие гены. Хотя генов, говорят, теперь нет? Ваше письмо мне доставило колоссальное удовольствие. Оказывается, Вы, как и я, любите Шиллера и маркиза Поэ.^{*} Как только я выучила немного [немецкий язык], купила себе в Веймаре полное собрание сочинений Шиллера. Но и оно, конечно, сгорело, как все книги нашего с Вами прадеда Флориани. Voltaire, Rousseau, Helvétius с массой чудесных гравюр. При немецкой оккупации я продавала гравюры из коллекции Зининого старшего сына, немцы охотно покупали. Мы голодали, но ни одной гравюры из этих книг прадеда Флориани я не вырвала. Все берегли, все для Вики, а ему так на все это было наплевать. Ваш [знакомый писатель Борис] Галин, очевидно, не только Шиллера не читал, но и Герцена. Ведь Герцен [в «Былом и думах» и других вещах] так часто поминает маркиза Поэ <...>. Музыку Бородина люблю. Прочтите, очень хорошо описана в серии «Жизнь замечательных людей» биография Бородина.

19-III-62 (продолжение). <...> Хочу Вам рассказать о моих снах и снах вообще. Во время гражданской войны сын моей знакомой был в деникинских войсках, ей приснился сон, что он ее зовет. Потом оказалось, что как раз в эту ночь он был ранен. У него потом отрезали ногу. В ночь смерти Ленина (газет я тогда не читала) я видела сон: Крупскую в трауре. Свой сон я рассказала за утренним чаем своим. Я была тогда безработной, получала пособие 4р. 50 коп. и давала уроки по 20 коп. за час. С утра ушла на уроки, видела только детей, и о смерти Ленина мне никто не говорил. Только вечером, когда вернулась домой, узнала о смерти Ленина. Но почему именно в эту ночь я видела Крупскую в трауре? Думаю, что она его никогда не носила.

Вот мой сегодняшний сон. Видела я его под утро. Будто бы мы с [домработницей Некрасовых] Анной Ивановной сидим у меня. День, я в своем кресле у стола, она напротив, между печкой и шкафом. Обычно моя дверь изнутри закрыта на крючок. Вдруг дверь раскрывается и входит какая-то особа. И я, и Анна Ивановна восклицаем: «Как! Разве дверь была открыта?!». Особа идет ко мне. Когда я выхожу на воздух, у меня туман перед зрячим глазом. И только через час пребывания на воздухе туман рассеивается. И тут я [тоже] плохо вижу, не вижу лица этой особы, и вся она какая-то расплывчатая. Я спрашиваю ее: «Вы кто?». И она отвечает: «Смерть».

Ну, при моей болтливости я поделилась своим сном с соседкой, старухой 82-х лет, неграмотной. Она, конечно, верит в предсказания снов. Анна Ивановна – тоже. Старуха эта рассказывала мне, какой сон видела ее сестра перед смертью. Осведомилась, когда я видела сон. Если среди ночи, то не скоро исполнится, а если под утро – то скоро. Вы не удивляйтесь моей любви рассказывать сны. Этим занимались в бывших помещичьих усадьбах. Впечатлений ведь мало в деревне, вот за утренним чаем рассказывают свои сны. Я это знаю из биографии Державина и о Киреевских. Их мать рассказывала свои сны. Я братьев Киреевских люблю. Чистые люди и нежные сыновья. Жаль, что так мало у нас теперь пишут о славянофилах.^{**}

^{*} Речь идет о драме Фридриха Шиллера «Дон Карлос», одним из действующих которой лиц является благородный по духу маркиз ди Поэ.

^{**} Иван Васильевич Киреевский (1806-56), российский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. Петр Васильевич (1808-56), его брат, российский фольклорист, археограф, публицист.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 15 марта 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вчера зашла Зина. Занесла газету «Правда» за 12-е. Там небольшая заметка, что 12-го во Флоренции открывается всемирный конгресс писателей. «В нем участвует советская делегация: Бажан, Твардовский, Сурков, В. Панова, В. Некрасов, Э. Казакевич и Г. Чухрай». Чухрай это не писатель, а от кино. А от нас была послана делегация только кончая Пановой. Остальные же писатели летели, как туристы, и Вика с трудом добился, чтоб поехать туристом. Ехал он с 10-ю другими писателями. Зина говорит, что списки мне принесет. Но очевидно, как только они приехали, в делегаты взяли из группы туристов Вику и Казакевича, нда, и больше никого. Ну, что это было, как это было, узнаем потом. Ведь интересно участвовать во всемирном конгрессе писателей!

<...> Вчера было свинство. Вошла Зина и с ней какая-то молодая особа. Я думаю, это Зина кого-то из знакомых взяла, чтоб себя проводить. Особа говорит мне: «Вы меня не узнаете?». Говорю: «Нет». – «Да вспомните!» – «Нет, я вас не знаю». – «Я же вам выписываю деньги. Я из собеса». Я говорю: «Но я там никогда не бываю, и вас не видела». Но тут я обрадовалась, наконец, узнаю: «Скажите, ведь мы, библиотекари, должны получить прибавку?». – «Я как раз за этим к вам и пришла. Все уже давно получают». – «Чего же вы мне не выписываете?» – «Я пришла проверить Ваши документы, покажите пенсионную книжку».

Я решаю, что это какая-то взяточница из собеса (там их много, как-то и бухгалтер, и секретарь в моем собесе были сосланы, один на 20 лет, другой на 25 лет. Причем богатые люди, у одного даже дом был в Киеве). Очевидно, хочет от меня взятки, и тогда пойдет все гладко. Посмотрела пенсионную книжку, паспорт, трудовую книжку и говорит: «Должен быть еще один документ, который вам дали со службы». Я ее спрашиваю: «А какой будет прибавка?». – «Вы сколько получаете?» – «46 руб.» – «Ну, будете получать 70 руб.»

Я окрыляюсь, хватит и на кота, и на все [другие] траты. Она говорит: «Но я не умею печатать на машинке, мне надо будет платить». Я еще больше окрыляюсь: значит, намек. Я же никогда взятки не давала. Обрадованно говорю: «Вам нужны деньги? Сколько вам надо?». Вытаскиваю конверт со своими деньгами. Она говорит: «10 руб.». Я даю 10 руб., провожаю ее до двери. Она говорит, чтоб я поискала бумажку, и она зайдет в субботу.

Возвращаюсь к Зине, и тут я только соображаю. Может быть, это просто мошенница, а не взяточница из собеса! Говорю Зине: «Чего ты ко мне воровку привела». Оказывается, она предлагала Зине поднести сумку. У Зины чудесная кожаная сумка из Флоренции. Вот таких историй у мамы бывало ужасно много, а у меня впервые.

<...> Откуда эта особа ко мне пришла? Я думаю, не переодетые ли в штатское милиционеры ее прислали? Увидели, что я такая бестолковая, старуха.

Одних моих знакомых обокрали (это было после войны), эта знакомая пришла в милицию, а к милиционеру приходит его жена в ее, знакомой, краденой шубе! <...> Ну, конечно, в субботу моя мошенница не пришла. Оказалась – не взяточница.*

<...> Жду урну [(избирательную, для неходячих стариков и старух)]. Ночью читала книгу о [художнике] Нестерове. Люблю его краски, тихую природу и все его живые портреты, особенно после революции. Он удачно выбирал, кого рисовать: Павлов, хирург Юдин, скульптор Мухина, старик Чертков.

* В письме к сестре В.Н. Ульяновой от 27 мая 1964 г. С.Н. Мотовилова сообщала: «Думала починить золотой мост [для зубов]. А потом ко мне пришла с Зиной воровка. Я думала, это Зинина знакомая, впустила ее, а она у меня забрала все деньги и мой золотой мост. Я не помню, писала тебе об этом? Это было года два тому назад».

<...> Получила 2 письма сразу сегодня от Ульянова. Присылает мне опять свою новую статью [\[\(из научного журнала на французском языке\)\]](#). Это позор, что я ни одной его статьи прочесть не могу, и так это неделикатно. Присылает опять репродукции Hodler'a. Один из моих любимых художников. Когда Вы жили в Германии, Вы его не видели? Он швейцарец, но я видела его картины в Мюнхене.

<...> А когда Вы пришлете мне фото письма Ленина о [\[Р.Э.\] Класоне](#)? Мне очень интересно. Что это? Ответ на донос Радченко? Читали [\[ли\]](#) Вы письмо Ленина Класону в 3-м издании его (Ленина) сочинений? Он там шутливо приводит слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях», а это не пояснено, и выходит грубо. Помните, это Николай II сказал тверским земцам? В отношении кого Класон думал быть маркизом Позой? <...> Спасибо за описание, где учились и служили Ваши сестры. Почему мне казалось, что они без высшего образования? Или уже это Сонины [\[\(Софьи Робертовны\)\]](#) дети без него?*

<...> Вы были в Абрамцеве? Это имение Аксакова, а потом жил там Мамонтов. В 1950-м мы с Зиной поехали туда. Входим в дом Аксакова (о Мамонтове тогда не говорилось – декадент), и во всю стену громадный портрет Сталина! Причем тут Сталин в доме Аксакова?

[З.Н. Некрасова \(из Москвы\) – С.Н. Мотовиловой, 16 марта 1962 г.](#)

[Милая Соня! Только что получила от Вики открытку из Парижа, где они остановились для пересадки на другой самолет. Завтра, верно, получу уже из Италии.](#)

[С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 23 марта 1962 г.](#)

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Отчего Вы так уперлись и не хотите пойти к Вашей кузине [\[Валерии Петровне\]](#) Александровой? Не желаете идти к «знатным» родственникам? Но сейчас Вам имеет смысл пойти: биография [\[Р.Э.\] Класона](#)?

Может быть, она сможет сообщить Вам что-нибудь, чего Вы не знаете о Роберте Эдуардовиче? Ведь она жила со своей бабушкой [\[Анной Карловной\]](#). Наконец, можете раньше позвонить ей по телефону и узнать, когда ей удобен Ваш приход.

Леонид Николаевич Яснопольский мне говорил, что хорошо был знаком с сестрой Роберта Эдуардовича [\[Эллой Эдуардовной Александровой\]](#), что она и вся ее семья очень симпатичная. А мы о ней совсем не знали. Уговариваю Вас как маленького ребенка, а Вы (согласно Вашему выражению) «кочевряжитесь».

То же и с Гомой Мотовиловым. Сейчас в Москве [\[проходит\]](#) выставка проектов памятников Льву Толстому, всего 70 проектов. Не знаю, может быть, она уже закрылась. Вероятно, там есть и проект Гомочки. Спросите его по телефону, и если есть, зайдите на выставку. Гомочка очень охотно показывает, или показывал, свои произведения.

Как-то я видела у него всадника. Лошадь – верх изящества, а на ней сидит наш грубый красноармеец. Я сказала про это несоответствие, как-то потом зашла: он переделал. Только, упаси боже, ему этого не расскажите.

Я как-то ему нашла очень хорошую модель – грузинку. Он делал ее бюст. Но бюст вышел неудачный. Когда у нее работали полотеры, они сказали ей: «Тот, кто делал Ваш бюст, не любил Вас». Но она, модель, так заинтересовалась скульптурой, что сделалась скульптором, средним. Как-то сделала бюст Орджоникидзе, потом ей заказали бюст Чубаря. Он вышел очень удачно. Но когда она пришла получать за него деньги, ей сказали: «Вот Вам молоток, разбейте его».

* Ответы на все вопросы Софьи Николаевны см. в биографических очерках (www.famhist.ru/famhist/klason/00351978.htm).

Чубарь оказался вредителем. Она не захотела его разбивать, и [заказчики] разбили его сами. За работу по бюсту (всего 3000) ей не захотели платить. Но она, дама довольно настойчивая, обратилась к жене Орджоникидзе, а та добилась, чтоб ей заплатили. Зина ей посоветовала: «Не делайте теперешних вождей, делайте бывших писателей». Ее бюст Белинского у нас в музее. Но тогда она говорит: «Теперь я ничего не боюсь, я делаю бюст Николая Ивановича (Ежова)». Но к счастью она не успела его кончить, [нарком внутренних дел СССР] Ежов ведь тогда оказался вредителем. Помните «ежовщину»?*

<...> Ко мне приходит иногда Зинин бывший знакомый старик 84-х лет. Уезжая в Москву, Зина любезно говорит [ему]: «Будете в Москве, заезжайте к нам в Малеевку. Мы там обычно проводим зиму». В Москве он, конечно, не будет (получает такую же пенсию, как я), не проще ли его пригласить в Киев? Но тут она боится своей приживалки [Нины Аль], та прогнала почти всех Зининых старых знакомых. У них бывают только новые и исключительно евреи. Зина прислала открытку с милиционером [Басей], что получила открытку из Парижа от Вики.

Спасибо за сообщение о том, что передавали речь Бажана. Кажется хороший поэт, культурный человек, но, по-моему, подлиза. А что говорили о Твардовском и Вике? Он-таки делегат (зря только деньги платил как турист).

<...> Я страдаю, кроме немножко трески для кота, ничего нет, а треску он не очень любит. Это соседка ему покупает. У нас что-то вроде кризиса с мясом.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 27 марта 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Очень благодарна за Ваше желание прислать первые главы биографии Роберта Эдуардовича. Но раньше хочу Вам высказать свое мнение, чтоб Вы поняли, что это не после чтения ее, а так сказать а priori. Я считаю, что как можно больше надо включать в текст и как можно меньше – в примечания, и возможно только сухой материал или ссылки – откуда взято. Во-первых, наши читатели малокультурные, примечаний не читают. А для более культурных это очень тяжело, ежеминутно переворачивать страницы и искать № приложения. Мне, например, это трудно.

На всякий случай прочту несколько замечаний за раз (не зная, к чему они относятся), а затем читаю текст, и опять должна вернуться к тем же примечаниям. Кроме того, высказывания Крупской всем интересны и они просто и хорошо написаны. Они должны быть в тексте, и приведены не после смерти Р.Э., а там, где пишется о его учении в Технологическом институте. Это дает его образ студента той эпохи, очень серьезного и хорошего.

Вы хотите сделать ссылку на издание 1925 года**. Ну, кто же разбирается у нас, когда вышло издание?! Надо привести в тексте описание «блинов» на Охте и первое знакомство Крупской с Лениным. Там, где описывается служба Р.Э. на Охте. О ней есть у Винтера. Ну, вот это мои мнения, до того как я прочту первые главы биографии. Вы все-таки найдите и прочтите: был какой-то юбилей Гидроторфа, и я читала о нем в «Историческом архиве». Есть такой журнал? Там, по-моему, хорошо дан внешний облик Роберта Эдуардовича и приведены его письма Ленину. Мне нравится их достойный независимый тон.

* Влас Яковлевич Чубарь, политический и государственный деятель, нарком финансов СССР в 1937-38 гг., расстрелян в 1939 г. Что касается «скульпторши-грузинки», то это, по-видимому, Любовь Дмитриевна, родившаяся в 1909 г., вышедшая замуж за инженера В.М. Бутовича (см. ниже письмо С.Н. Мотовиловой сестре Вере в Лозанну от 15-16 ноября 1962 г.) и сменившая свою грузинскую фамилию. Она действительно в 1948 г. вылепила гипсовый бюст В.Г. Белинского, который установлен в доме-музее последнего в Пензенской области. В 1953 г. участвовала в Выставке произведений московских скульпторов.

** Н.К. Крупская. Воспоминания. М., 1925.

Надеюсь, вы теперь поверили мне, что [Р.Э.] Классон оставался из-за игры в мяч в каком-то классе (а в старшем классе из-за влюбленности, в биографии этого нет). Если я Вам писала, то это отнюдь не для биографии Р.Э., а чтоб Вы не отравляли жизни Вашему старшему сыну. Неужели так важно учение в средней школе?

Вы предлагаете дать мой адрес дочери Коробки? Упаси боже, не надо! В [19]20-х годах я служила в библиотеке рядом с домом, где жила вся семья Яснопольских. Завша моей библиотеки была дружна со всей семьей, и как говорил мне теперь Яснопольский, главным образом с ним самим. Он очень упрашивал меня теперь пойти к этой старухе [Леонид Николаевич умер в 1957 г. – МК]. Она очень хотела меня видеть. Но я категорически отказалась. Я ведь понимаю, что для многих я представляю интерес только как тетка лауреата, известного писателя.

Я не любила Яснопольского раньше, и он меня. Он очень любил Сергея Васильевича [Андропова], но никогда к нему не заходил, ведь тот был нелегальный, ну а Яснопольский кадет, тогда приват-доцент. Я уже Вам писала, что представляя Сергея Васильевича своим кадетам, Леонид Николаевич говорил: «Это большевик, но симпатичный». Бывать у меня он стал в свои приезды в Киев после смерти Сергея Васильевича. Первый раз он пришел, не застал меня и ждал у соседей.

Вы понимаете, какое это было событие для соседей, ко мне пришел академик! Ему оказали почет и уважение, и жена украинского поэта, моего соседа тогда, была очень хорошенькая и очевидно нравилась Леониду Николаевичу. Он после меня всегда к ним заходил. Он декларировал ей какие-то свои стихи, рассказывал ей о своей жизни, о том, как хорошо жил со своей 2-й женой!

Моя дружба с Коробкой? Он принимал участие в моих делах. Мне было 13 лет. Дарил мне вещи (чернильницу-мопса), показывал портнихе, как нужно переделать платье, чтоб я не казалась такой худой, проверял мою задачу. Я решила ее совершенно верно, но это была частная, подлая гимназия [№4 в Москве], все получили 4 и 5, а я – 2. Коробко как раз был у нас, когда происходила у меня эта драма. В те годы Классон и Коробко, приезжая из Петербурга, останавливались у нас. Заказывая диван, мама сказала: «Сделайте его длиннее, у нас часто ночуют мужчины». Мама [потом] находила, что эта фраза была неудобна, а я никак не могла понять, что тут плохого.

Это Коробко повел нас впервые в Третьяковскую галерею. Я была очень нервна, и Иоанн Грозный Репина, убивающий своего сына, произвел на меня ужасающее впечатление. В этом моя «дружба» с Коробкой и заключалась. Еще он спорил со мной, что *grammaire* [(грамматика)] говорить нельзя, надо говорить *grammatique*.

Он учился [в Петербурге] французскому у Лидии Михайловны [Щетковской], тети Сони подружки. Выдержал экзамен, пришел довольный. Она [Алина Антоновна?] спрашивает: «Что у вас спросили?». – «Le future du verbe aller» ([«спряжение глагола *aller* в будущем времени»]). – «И вы сказали?» – «J'ai allerat, tu alleras, il allera...».

Обычно за своих друзей экзамены по языкам сдавал Роберт Эдуардович и даже, когда уже кончил [институт], надевал куртку технолога и ходил сдавать за друзей. Это не для биографии, а для Вас. Мы жили потом в Петербурге одновременно с Коробкой 2 года, и он у нас почти не бывал. [Когда] первый раз пришел, и я и мама его не узнали. Он расхохотался и говорит: «Вы, кажется, приняли меня за шпиона?». Это я Вам уже писала.

Я ходила к Андропову в качестве невесты. И вдруг явилась другая невеста. Эту девушку прислал Яснопольский, он не знал, что фиктивная невеста уже есть. В тот же день Коробко пришел к нам выяснить этот вопрос. Потом он с Классоном как-то уговорил маму, Зину и Веру поехать на рысаках на Острова к цыганам. Я, конечно, не поехала, не мой стиль. Удивляли они маму бессмысленным швырянием денег, для чего-то городовым давали рублевки. Нет, не надо мне этой Коробочки [(дочери Коробко – Натальи Яковлевны)].

Леонид Николаевич говорил, что она работает, кажется, в Белой Церкви, а не в Киеве. Л.Н. был в старости очень мил и прост, но мне говорили, что его дети ужасно надменны, а зять – академик-физик [(Вадим Евгеньевич Лашкарев)], вообще неприятен. Я, конечно, использовала Л.Н. для протекции моим знакомым. Двум он дал свои рекомендации,годились они или нет – не знаю, но оба работают в киевской Академии наук. Я как-то спросила: «А к Вашему зятю, за рекомендацией, обратиться нельзя?». Он страшно испугался: «Нет, нет. Он совсем не такой, как я».

30-III-62 (продолжение). <...> Представьте себе: с самого своего приезда 14 марта Зина у меня так и не была, и мне не звонит. А если я с ней говорю по телефону, не дав мне и двух слов сказать, вешает трубку. Представьте себе, 27 марта Зина была на кладбище, как раз в день [19-й] годовщины маминой смерти, как раз когда я так хотела там быть. Зина была на похоронах инженера Константинова, ее сверстника 82-х лет. Может быть, Вы его знали? Одно время он работал на Днепрострое, потом в Перми.

Зина говорит, в Москве строил Крымский мост.* Хорошо знал Винтера. И вот, будучи в двух шагах от маминой могилы, Зина на нее не зашла! Ганя говорит – «было грязно».

* Константинов Борис Петрович [(1880-1962)]. Известный советский инженер-мостостроитель, ученый. Жил в доме №7 на ул. Борисоглебская (ныне ул. Музейная). Закончил Владимирскую мужскую гимназию. Одним из первых вступил во Владимире в комсомол [в 40 лет? – МК]. Потом был на комсомольской работе в Москве и в Туркестане. Закончил Коммунистический университет трудящихся Востока, Институт инженеров транспорта. Вел большую работу по проектированию и строительству мостов через Волгу, Ахтубу, Днепр. Автор проекта и строитель Крымского моста в Москве. – С сайта «Владимир виртуальный»

Я родилась 21 марта 1946 года в Москве на Загородном шоссе. Мой отец – Рябухо Александр Мефодьевич – инженер-мостостроитель, моя мать – Рябухо Людмила Николаевна (в девичестве Володзько) – домохозяйка. Улица Загородное шоссе – это окраина Москвы. <...> Мы живем в двухэтажном оштукатуренном с засыпными стенами деревянном доме с печным отоплением. У нас единственных во всей округе отдельная трехкомнатная квартира на втором этаже, в которой мы живем вчетвером: мои родители, старшая сестра Элеонора и я. Наши дома построены для строителей Крымского моста, а так как мой отец был руководителем группы проектирования, то после пуска моста в 1937 году он получил отдельную квартиру.

<...> Константинов – эта фамилия нередко звучала в нашем доме. Мама произносила ее, когда упрекала отца за то, что приходится жить в квартире без горячей воды, с печным отоплением. «Константиновы уже давно живут на улице Горького. Почему ты не можешь добиться получения новой квартиры?» – недовольно ворчала мама. И это притом, что вокруг люди жили в ужасной тесноте, нередко по две, а то и три семьи в одной комнате, разделенной занавесками на какое-то подобие изолированного пространства, а у нас отдельная трехкомнатная квартира на четверых. Правда отцу эта квартира была дана, как временное жилье, и было обещано, позднее предоставить более благоустроенную квартиру.

Все эти разговоры выводили отца из равновесия. Как человек самолюбивый, он возможно считал, что заслуживал большего, но разговоры на эту тему пресекал резко. Отец был порядочным, честным человеком и говорил маме, что у него язык не повернется просить себе новую квартиру, когда его подчиненные живут в коммуналках и подвалах.

Известный мостостроитель, ученый, Борис Петрович Константинов вместе с архитектором А.В. Власовым были авторами проекта Крымского моста. Мой отец был одним из трех руководителей групп проектирования. И вот мы с папой [в 1951 году] едем в гости к Константиновым. Меня папа взял с собой, потому что в семье Константиновых есть дети моего возраста. Я впервые на улице Горького. Высокие каменные дома, витрины магазинов, ну словом, другой мир. Меня потрясает озорная четырехкомнатная квартира с высокими потолками, с большой просторной прихожей. Я до сих пор помню тот детский восторг от игры в прятки. Как здорово было бегать по квартире, прятаться в комнатах, подсобных помещениях. Новый, незнакомый, интересный мир для пятилетнего ребенка.

Вдруг папа мне говорит, что пора домой. И вот тут я показала, как девочке с Загородного шоссе понравилось быть в гостях. Я кричала, что я никуда не поеду, что я останусь у них жить. Помню, как меня держали хозяева, когда папа пытался надеть на меня валенки. Я царапалась, кусалась, сбрасывала валенки. Не помню момента ухода из гостей... – Из воспоминаний О.А. Ляминой, урожд. Рябухо

Да, а Вика, любимый мамин сын, никогда на ней не бывает! Зина одной знакомой говорит, что Вика был на кладбище. Та спрашивает: «На каком?». И Зина достойно говорит: «Ведь Вика бывает только на еврейском кладбище».

<...> Зина прислала с Анной Ивановной несколько итальянских журналов, вероятно, ей нужно что-то перевести. О съезде писателей я ничего не нашла, но есть описание встречи Италия-СССР (итальянских и советских писателей, вернувшихся со съезда во Флоренции). По Вашему [\[мнению\]](#), он был европейский, а не международный? Встреча была в Риме, зал был набит народом. Многие не могли войти. Из итальянских писателей были Леви, Моравиа, Piovine Pasolini, а русские, вернувшиеся со съезда: Сурков, Твардовский, Бажан, Шкловский, Панова, Вознесенский и известный по кино Чухрай.

То, что я поняла, меня возмутило. Все недостатки нашей литературы валили на «сталинизм» и «культ личности». Да ведь Сталин давно уже умер, и что?, наша литература стала более правдивой, вскрывающей наши раны, трагедии нашей жизни?

Даже роман Эренбурга [\[«Люди, годы, жизнь»\]](#) не печатается, даже «Хулио Хуренито» не переиздается, не переиздается Викина «В родном городе», Вересаевские «Сестры» и «В тупике». Сталин в этом виноват?

31-го марта (продолжение). Знаете, у старух вообще потребность жаловаться. Зина говорила, что все ее больные старухи всегда ей жаловались на своих близких. Ну и я Вам жалуюсь на Зину. Приехала она 14-го. Зашла на несколько минут, привела с собой воровку. В этот день она очень спешила, как объяснила Ганя, это был день рождения их приживалки [\[Нины Аль\]](#). Затем она была больна – не приходила. Затем она была в концертах, затем у нее были похороны. Вчера послала ей открытку, чтоб напомнить, что сегодня день рождения нашей знакомой старухи, минет 83 года, не зайдет ли она ко мне или пройдет так же рядом со мной.

Звонит телефон у соседей сейчас. Анна Ивановна говорит, что Зина хочет со мной поговорить: «Я сегодня к тебе не приду, я иду на свадьбу. Я к тебе приду в понедельник». Спрашиваю: «Вика приехал?». «Конечно, приехал». – «Когда?» – «Вчера». Вешает трубку. Все.

Ну вот, пожаловалась Вам, стало несколько легче. С Зининого приезда прошло 18 дней, ей все некогда зайти: гости, концерты, похороны, свадьбы. Вика кому-то жаловался: «Это так ужасно. Маме приходится постоянно ходить к Соне». А ведь сколько было общих переживаний в прошлом!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 апреля 1962 г.

Милая Вера.

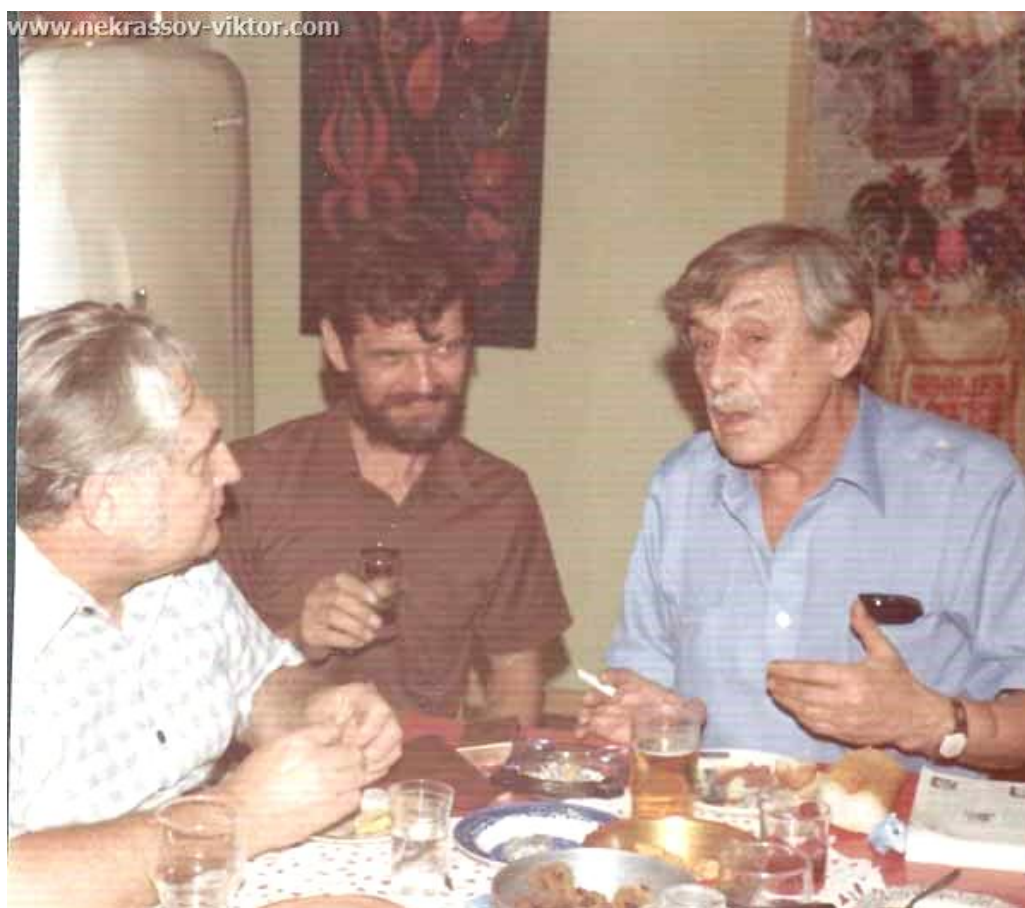
Сейчас ко мне зашла Зина с Викой. Он приехал из Италии 24-го в Москву. Ехали они назад не через Париж, а через Прагу. Ну, а затем он еще шесть дней просидел в Москве (зная, что Зина его ждет и [\[она\]](#) больна). Зина ко мне зашла на несколько минут 14-го и вот сегодня, 1 апреля. Ей со мной скучно. <...> Вика жаловался своей знакомой: «Это так ужасно, маме приходится постоянно к Соне ходить». Почему это так ужасно?

<...> Вика сейчас же ушел, был минуты две, не больше. О его поездке в Италию я так ничего и не узнала. Он же со мной не разговаривает, а Зина теперь все путает и ничего не понимает. С 14-го марта по 1 апреля она у меня ни разу не была.

Вика только сказал, что все семнадцать русских писателей принимали участие в съезде во Флоренции. Посланы были семеро – Сурков, Бажан, Твардовский, Вознесенский, Панова, Шкловский и киношник Чухрай. Это я знаю из итальянской газеты, а Вика и еще девять писателей ехали как туристы, на свой счет. Но они все участвовали в съезде. По-видимому, съезд был не международный, как я тебе писала, а только всеевропейский.

Но Зина ничего не знает и все путает. Я, например, ей говорила, хорошо бы, чтоб Вика послал своей приятельнице Праховой [[книгу про](#)] Нестерова. Она, Нанина Прахова, живет теперь в Австралии. Нестеров несколько раз вспоминает Праховых и тетю Лелю [[Елену Адриановну](#)], в которую был влюблен, и про дом Праховых пишет, что это был его университет. Нанину Прахову немцы выгнали из Киева, они тогда всех выгоняли, и она попала в число тех несчастных перемещенных лиц, которые наполнили все страны света. В Австралии она служит уборщицей в каком-то учреждении, как Ваша *femme de ménage* [(приходящая прислуга)]. У нас она была актрисой, ну, а в Австралии она может играть только в тех пьесах, где есть роль иностранки (плохо говорит по-английски). Ее тетка там умерла [[Е.А. Прахова умерла в Киеве в 1948 г. – МК](#)], она сама могла бы вернуться к нам. Вся ее семья еще в Киеве, и, как Зина говорит, наше посольство дает деньги на возвращение всем перемещенным лицам.

Но ее сын [[Никита](#)], которому свыше двадцати пяти лет, привык к Австралии и возвращаться в СССР не хочет. Зря, конечно. Здесь своим хорошим знанием английского языка он бы отлично зарабатывал, а там ничего не кончил, нигде не служит и занимается какими-то случайными заработками.* И вдруг Зина объявляет: «При немцах Нанина здесь не была». Как же бы она тогда попала в Австралию? Я отвечаю: «Зина, да ведь она была на маминых похоронах». – «Нет, это, верно, была ее сестра». Которой я никогда не видала. До такой степени Зина все путает, что это прямо страшно. И теперь от нее ничего узнать нельзя, она может рассказать все наоборот.

В 1981 г. Виктор Некрасов встретится со своим 44-летним сыном Никитой, (слева – его отчим Алексеев)

* Ресурс «Чайка» в открытую объявил, что Никита Алексеев (фамилия отчима) – сын Виктора Некрасова (www.chayka.org/node/7283)!!! Да и по возрасту – свыше 25 лет в 1962 г. – подходит; родился во Владивостоке в 1937 году? Вот только Интернет почему-то не приводит отчество Никиты (?)

<...> Сын Нины Мотовиловой [Николай в Ленинграде ранее] окончил лучше всех университет (т.е. свой факультет). Думали, перейдет в аспирантуру, а он работает в магазине иностранных книг и преподаёт немецкий в школе. Тоже, по-моему, скучно. Нина [Соломоновна] была больна. Она все жалуется, что Зина не отвечает на ее письма и говорит, что это, верно, Зинина приживалка от Зины их прячет. Почему?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 2 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вчера, 1-го апреля, зашли, наконец, Зина с Викой. Я как раз собиралась идти на почту отправить Вере том [с жизнеописанием художника] Нестерова. Это немного сложно. Книга весит больше 2-х килограммов, а бандероль за границу не должна превышать 2 килограмма. Книгу надо завернуть, вот я и обрадовалась Викиному приходу, заставила его поклясться, что он книгу pošлет сам, никому не поручит, квитанцию мне принесет, и фальшивой квитанции, как это сделала [как-то] их приживалка [Нина Аль], приносить не будет. Он, как всегда, был у меня 2 минуты. Он ведь всегда спешит поскорее от меня избавиться. Единственное, что он сказал о конференции – общеевропейской, а не всемирной, как я Вам писала, что все 17 русских писателей участвовали в ней: и делегация из 7-ми человек (их я всех поименно знаю), и 10 туристов, ехавших с ними. Кто были эти 10, я так и не знаю. Зина никого и ничего не помнит и говорит (раньше обещала принести мне список): «Тебе ведь это не к спеху».

Что Вика не сделал ни малейшей попытки повидать Ульянова, как тот просил, это для меня ясно, иначе бы Зина мне сказала. Вероятно и о том, чтоб его деньги из издательства пересылали Вере, тоже ничего не сказал. Но в этом я еще не вполне уверена. У Вики был такой веселый, довольный вид, что я думаю, может ли быть такой вид у человека с дурной совестью? Ведь ему же должно быть стыдно передо мной, что он этого не сделал – [не выполнил] распоряжения о передаче Вере его денег. То есть, это – по-моему.

Возможно, что веселый и довольный вид был, [потому что] он чувствовал себя «героем», что зашел ко мне, а перед этим был с Зиной у моей знакомой старухи и поздравил ее с днем рождения (83 года).

<...> Зина говорит, что он [(Вика)] ей привез из Италии какой-то аппарат от глухоты. Но я уже не знаю, что хуже – Зинина ли глухота или что она совсем теряет память. Да, я послала Зине через Анну Ивановну выступление Крупской о [Р.Э.] Классоне [на вечере памяти в 1926 году]. Зина удивлена ее тоном «снизу вверх», как ученица об учителе. Но ведь это так и было. Классон для Крупской был учителем марксизма, и она относилась к нему с уважением и к его знаниям [тоже]. По-моему, это естественно, и это все-таки замечательно, что она сохранила свою обычную простоту до конца жизни. Ничем не изменилась, хоть и стала «first lady» [(«первой леди»)], как англичане называют жену премьер-министра. А ведь жены видных коммунистов ужасно важничали. Когда я узнала, что общество старых большевиков закрылось, я даже была рада. Слишком уж они там заважничали. Знаете, эти толстые дамы напоминали мне экономок в богатых домах. Экономки ведь больше важничают, чем сами барыни.

4-IV-62 (продолжение). <...> Ко мне пришла благодушно настроенная Зина, что бывает довольно редко. Принесла, наконец, список писателей, бывших на Флорентийской конференции. Думаю, и Вам интересно. Делегаты: Твардовский, Сурков, Бажан, Панова, Чухрай (режиссер), Хикмет [(турецкий писатель, с 1951 г. жил в СССР)]. Туристы: Казакевич, Гранин, Шкловский, Андроников [(Андроникашвили)], Вознесенский, Винокуров, Томашевский, Некрасов, Антонов, Огородников. Как видите, Хикмет попал в русские писатели. Я его люблю. Прочтите непременно его пьесу «А был ли Иван Иванович?». Должна была идти в Театре сатиры, но сняли.

Кроме того, Зина принесла мне квитанцию от 2 апреля. Вика, как обещал, 2-го отправил Нестерова Вере. Так и отправил. Ну, слава богу, буду спокойна, когда через 20 дней придет извещение от Ульянова, что Вера книгу получила. Никаких разговоров о весе даже не было, это надо мной, жалкой старушонкой, они издеваются, а когда приходит мужчина, да еще прилично одетый, эти почтовые служащие тише воды, ниже травы.

Утром получила письмо от Любы Пятницкой. Ее положение ужасно. Живет она сейчас у своей дочери Лены на берегу Средиземного моря, недалеко от Ниццы в Juan les Pins (где высадился Наполеон, когда бежал с Эльбы). Материальное положение ее зятя (мужа Лены) очень плохое. У бедной Любы даже нет денег на марки, она вкладывает оба письма – мне и Зине в один конверт, чтоб сэкономить на марках. Она просит ей об этом не писать, чтоб не огорчать ее дочь. Мечтает вернуться в Париж, где у нее все еще есть квартира, в Париже [она числится] все еще за ней. В Париже она может лечиться даром, у них же вообще нет дарового лечения, а для бедных есть «livret de malade d'économiquement faible» [(«удостоверение низкооплачиваемого больного»)], а этот livret годится только для Парижа. Ужасная старость.

Вечером получила письмо от Ульянова. Это просто крик отчаяния от того, что у них ужасно растет дороговизна! Вы понимаете это мое бессилие им помочь? А Вика мог бы договориться с издательствами, чтоб его деньги выплачивались Вере. Одна из жен Пастернака получает за все его заграничные издания, живет за границей.* У Вики вышли, наконец, его «Окопы» в Англии. Вику почему-то вызвал Союз писателей в Москву. Он уехал вчера. Добра от этого не жду.

Это Зинина Анна Ивановна очень сердито относится к двум учреждениям: Союзу писателей и военкомату. Как оттуда звонят по телефону, она отвечает злым голосом: «Нема його!». Приживалка их [Нина Аль] улетела к своим родителям в Ленинград на несколько дней. Она часто туда летает.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 апреля 1962 г.

Милая Вера. <...> Вика вчера уехал опять в Москву, его вызвал Союз писателей. Зачем? Они все от меня скрывают. А приживалка улетела к своим родителям в Ленинград на несколько дней.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11 апреля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня первый раз [после зимы и «скользоты»] была в библиотеке. Заметь, это лучшая, самая крупная библиотека на Украине. Раньше она называлась Академической, а теперь – публичной. Книги на дом дают только академикам, докторам наук, лауреатам.

* Слухи эти возникли, по-видимому, как мы уже упоминали, по следующим обстоятельствам (из Википедии):

Б.Л. Пастернак завещал [своей 3-й женщине Ольге] Ивинской часть авторских гонораров, которые он не мог получить, за заграничные издания «Доктора Живаго». Эти деньги, привозимые в СССР иностранцами, обмениваемые на рубли и передаваемые Ивинской, явились причиной повторного ареста уже через 2½ месяца после смерти Б.Л. Пастернака – 16 августа 1960 г. – по обвинению в контрабанде. В показаниях Ивинской на предварительном следствии роль автора «Доктора Живаго» в передаче рукописи за границу и получении гонораров была преуменьшена, а ее собственная роль и роль дочери – преувеличены. Ценой попытки защитить память поэта стал арест 5 сентября того же года дочери О.В. – Ирины Емельяновой. На судебном заседании 10 ноября 1960 г. Ивинская не отказывалась от показаний, данных на предварительном следствии, но виновными в контрабанде или в пособничестве контрабандистам ни она, ни Ирина Емельянова себя не признали. О.В. Ивинская была осуждена к 8 годам лишения свободы и отправлена в исправительную колонию на станции Невельская под Тайшетом. Была освобождена досрочно в октябре 1964 года.

Как искорежены были при «Софье Власьевне» нормальные денежные отношения между людьми!!!

Я могу ею пользоваться только потому, что Вика отдает мне свой абонемент. Но и тут большую часть книг получить нельзя. Художественные книги (по искусству) вообще на дом не выдаются. <...> О [третьей книге, «выброшенной» в продажу в июне 1961-го,] Бруштейн же сказали, что книга не выдается, «она свернута».* Что это значит? Оказывается, у них очень мало места, некуда ставить книги. Ну, возьми и спрячь тогда ненужные, мало берущиеся книги. Нет, они «свертывают» новые книги, издания 1961-го и 62-го года! Видела такое?

Я когда-то сама в этой библиотеке служила, это было больше тридцати лет тому назад, но безобразий и тогда было без конца. Например, мы получили приказ «отсеивать читателя». Т.е. давать краткие, неудовлетворительные справки, чтоб он больше не обращался. Первых читателей мы «отсеяли» очень удачно: один из них оказался журналистом и написал длинную статью по поводу библиотеки, ну, тут такая каша тогда заварилась!

<...> Зину вижу редко. Вика 24-го марта прилетел из Италии в Москву, пробыл там шесть дней, вернулся 30-го в Киев, а 3-го его вызвал в Москву Союз писателей делать доклад, как я поняла, о Флорентийской конференции, хоть он вовсе не был делегатом, а ехал как турист, на свой счет. Узнать что-нибудь об этом съезде и Вике ничего нельзя.

Зина все забывает и все путает. Скажешь ей: «Ганя мне сообщила...», Зина начинает кричать: «Ганя ничего не знает, откуда она может знать!» Скажешь Гане: «Зинаида Николаевна мне сообщила...», Ганя злится: «Чему вы верите? Ведь Зинаида Николаевна все путает». К сожалению, это правда.

Ганя в бешеном настроении, вероятно, потому, что ни из Москвы, ни из Италии Вика ей не привез подарка. Ты знаешь, в тот раз он ей привез жемчуг. И она страшно негодовала: жемчуг оказался не настоящий, а поддельный! Зина входит в кухню, а Ганя кухонным ножом жемчуг скоблит. Зина ей объясняла, что если бы он был настоящий, он бы стоил такие деньги, что только королева могла его носить. У Зининой [Нины Аль] приживалки умер отец. Она, кажется, еще в Ленинграде. Зине будет очень скучно, если она (приживалка) уедет к своей матери.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 12 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы что-то не пишете ничего про письмо Ленина о [П.Э.] Классоне? Я просмотрела все Ваши письма за февраль, но, увы, не нашла Вашего указания, в каком оно № «Сборника Ленина». Не знаю, то ли очень рассеяна, то ли у меня какой-то дефект. Закрыв книгу, я часто с трудом нахожу страницу, на которой остановилась. Сергей Васильевич Андропов всегда смеялся надо мной, говорил, что я как рабочий, который непременно должен заложить закладкой место, где он читал, иначе не найдет.

<...> Теперь читаю 1-й том [воспоминаний] Веры Фигнер. Вы когда-то читали, но все-таки перечтите ее описание Лесгафта. Лесгафт очень любил тетю Соню и пригласил ее приехать погостить к нему летом. Тетя Соня тоже очень увлекалась Лесгафтом, сняла корсет и очень негодовала, что Зина его носит. Летом тетя Соня поехала, кажется, на месяц в имение к Лесгафту. Но, с моей теперешней точки зрения, поступила бесцеремонно – поехала к нему не одна (приглашали ее одну), а взяла с собой тетю Веру и тетю Маню (ужасных скучнячек) и свою очень безличную подругу [Марию] Иванову.

Лесгафт, сам яркий, терпеть не мог безличных людей, Иванову возненавидел и называл ее «бледноноской».

* Речь идет о 3-й книге писательницы Александры Яковлевны Бруштейн (1884-1968) из трилогии: «Дорога уходит в даль...» (1956 г.), «В рассветный час» (1958 г.), «Весна» (1961 г.)

Она [(Мария Иванова)] потом вышла замуж за художника Дончева, кажется моложе ее. В Париже этот художник [в начале 1910-х] водил Зину и маму в студию художника Ривера, о котором пишет Эренбург.* Эренбурга Зина в Париже тоже видела.

Один Викин товарищ рассказал мне, что Вика в Риме был у Леви (писатель и художник), видел его картины, которые тот должен привезти в СССР и сделать из них выставку. В своей книге о поездке в СССР Леви очень хорошо описал Вику, Зину и даже Ганю (Анну Ивановну). К сожалению, по-итальянски Вы не читаете, а то бы я Вам прислала эту книгу «на прочет». Не только ради описания Вики и Зины, но вообще его воспоминания о его поездке к нам. Он видел Третьяковскую галерею и нашел ее отвратительной.**

<...> Благодарю за перепечатку о [Р.Э.] Класоне. Страшно возмущена. Мерзавец Радченко! Ну и что же Ленин думает, что Классон жулик? Изобретателем торфа оказывается какой-то Кирпичников? Кто это? Напишите. К двум знающим людям нужно поставить в виде охраны от «злыдней» двух ничего не понимающих болванов?! Страшно возмущена.***

* Дончев Владимир (1876-1941), художник. Учился в Петербургской Академии художеств, в мастерской И. Димитриева-Кавказского одновременно с Л. Арионеску-Баллиер и А. Баллиер (1904-1906). Будучи помещиком и агрономом, оставил должность в сенате Санкт-Петербурга, предпочтя занятия живописью. После окончания учебы отправляется в Париж, где подружится с мексиканцем Диего Риверой (1908). В Кишиневе с 1916-го года. В 1920-е годы путешествует и живет в Испании (Толедо). В Интернете нет ни слова о личной жизни В. Дончева и о его жене Марии Ивановой.

** Леви (Levi) Карло (род. в 1902 г.), итальянский писатель, живописец, общественный деятель. Получил медицинское образование. В 1935 был сослан за антифашистскую деятельность. Участник Движения Сопротивления. В книге Л. «Христос остановился в Эболи» (1945, русский перевод 1955) рассказывается о тяжелой жизни крестьянства при фашизме. Книга очерков «Слова-камни» (1955, русский перевод 1957) раскрывает поворот в сознании сицилийских бедняков, поднимающихся на борьбу за свои права.

Книга «У будущего – древняя добрая душа» (1956, [на русский не переведена]) – дневник поездки писателя в «страну будущего» – СССР. В книге очерков «Весь мед уже кончился» (1964, русский перевод 1966) Л. показывает сдвиги в народной жизни Сардинии в послевоенные годы. Как живописец Л. сложился в 20-е гг. под воздействием фовизма и экспрессионизма. В 30-е гг. примкнул к прогрессивному художественному движению, направленному против официального искусства.

В 50-е гг. стал видным представителем социально-реалистического направления. Создал обобщающие образы крестьян Лукании («Дети колдуны», 1936; «Трое крестьян», 1955) и картины на темы героической крестьянской борьбы («Оплакивание Рокко Скотелларо», 1954). Л. – активный деятель прогрессивного общественного движения в современной Италии. В 1963 избран в сенат, как независимый, по спискам Итальянской компартии. – БСЭ, 1969-78

*** По-видимому, речь идет о следующем письме В.И. Ульянова-Ленина (в ответ на «самую подлую» записку И.И. Радченко) от 7 июня 1921 г., которое было опубликовано в Ленинском сборнике, т. XX, 1932 г.:

Дорогой Иван Иванович! Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди – даже может быть, частью враги советской власти – использовали свое изобретение в целях наживы. Очень верю Вам, что таков Кирпичников. Конечно, и Классон не сторонник наш. Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаваться ему. Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажать, цапнуть, – но двинуть и для нас дело, имеющее исключительную важность для РСФСР.

Давайте, будем детальнее обдумывать задания этим людям. Может быть такой план:

1) Кирпичникову разрешить поездку под условием выполнения точно определенных заданий; составить список их;

2) послать с ним надежных политически 2-3 людей (рабочего, инженера своего и т.п.), как «комиссаров» своего рода. Дать им точную инструкцию.

Утвердим и 1) и 2) по соглашению с Кржижановским.

3) У нас, в России, создать особый центр, заказать лучшие машины Гидроторфа, поставить с этими особыми машинами этот особый центр, т.е. особое предприятие, и ему поручить по-своему двигать это дело вперед. Найдете людей для этого?

4) Дать от Гидроторфа премии (в 10-30 тысяч рублей золотом) в Канаде и Германии за лучшие образцы машин для Гидроторфа и т.д.

Ваш Ленин

13-IV-62 (продолжение). <...> 1-ю главу биографии Классона прочла. <...> Нет, Галин пишет лучше, хотя и привирает, рассказывает то, чего не было (воскресник, на котором будто бы присутствовал Классон, хотя, как Вы писали, Классон был тогда за границей). И вообще рисует Классона не таким, каким он был, а каким-то трогательным поклонником Ленина. А Классон протестовал и негодовал на бюрократизм, царивший тогда в наших учреждениях. Что это за Гидроторф, и почему во главе его стоял Радченко [[последний стоял во главе Главторфа и входил в Правление Гидроторфа – МК](#)]? Какое он имел отношение к Гидроторфу? Но это уже относится к письмам Ленина, а не к 1-й главе.

Первая глава написана скучно. Это какая-то несколько распространенная советская анкета. А советские анкеты ужасно скучны. Пусть все факты точны и верны, но скучно. Нет образа молодого Классона, среди всяких других событий, рассказ, как он переводил с греческого языка, показался бы забавным, но здесь не уместен. Что он был в детстве каким-то мошенником? Ведь наши-то «советские люди» чисты и правдивы, упаси боже кого-нибудь обмануть. Неудачна и справка, что мать им [[еженедельно](#)] платила за разговоры на иностранных языках 20 коп. Что они могли учиться только за плату? Эти мелочи не оживляют, а портят образ Классона.

И вообще, Каменецкий писатель или только инженер? Рассказ Крупской прост, но его-то Вы упили в приложение. Я понимаю Ваше нежелание приводить что-то из статьи Плехановой, но она прекрасно описала, как от приезда Классона оживились и Плеханов, и Вера Засулич, образно у нее это показано.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 15 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> В субботу Зина не пришла, были именины одной нашей знакомой старухи (87-ми лет), мы еще ее знаем с Симбирска. Помню, как праздновали ее 16-летие. Это был первый бал, о котором я узнала, т.е. я видела только приготовления, но на балу я не была, мне ведь было тогда всего 10 лет!

<...> Кочетов (знаете такого писателя?) опять где-то выступал против Вики, но, сколько я ни прошу Зину мне принести эту газету, бесполезно: забывает или Вика не дает ей.

К сожалению, я не удержалась и сказала ей мое мнение и о Вашей первой главе, и о высказывании Ленина. Она вполне разделяет мою точку зрения, что это какая-то советская анкета, довольно сухая. Тем более мне было приятно узнать, что какой-то профессор дал хорошую рецензию на эту биографию, [[написанную](#)] Каменецким. Видите, мы с Зиной подходим к биографии с точки зрения широкого читателя. Так сказать «ширпотреб», ну а ученые люди подходят, очевидно, с иной точки зрения. Если для нас, которые знали [[Р.Э.](#)] Классона, это интересно, то не знаю, насколько это будет интересно для среднего читателя.

<...> Вам, может быть, эти книги [[трилогия Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...», «В рассветный час», «Весна»](#)] не очень бы понравились, у Вас ведь некоторый уклон к антисемитизму. У [[Р.Э.](#)] Классона [[он](#)] тоже был. Летом мы к обеду брали покупное мороженое, и Классон с удовольствием его ел и говорил: «это из молока, в котором жиденка купали». Почему-то предполагали, что евреи своих детей купают в молоке.

<...> Я думаю о том, почему Вас не сразу пустили учиться в Германию? Сын Луначарского Тотошка был женат 3 раза. Его первая жена была американка. Она, кажется, упала с лошади и уехала лечиться в Америку. Он хотел поехать к ней, но его так и не пустили, сказали, что «достаточно у нас детей и родственников наших наркомов, которые не хотят вернуться к нам, и остались за границей».

Сын Коллонтай. Семья Красина, полпреда в Англии. Это правда? Жена Красина (урожденная Миловидова, мы ее знали в Лозанне) так и не вернулась в СССР?

А кто был Старков? Кто Кирпичников? Это на самом деле были вредители или зря оклеветаны? Вы не думаете, что Радченко и Кржижановский могли завидовать Классону? Как инженер он был лучше их, и более знаток как марксист? Видите, я, может быть, ошибаюсь. Но и Радченко, и Кржижановский, став коммунистами, стали выше Классона.

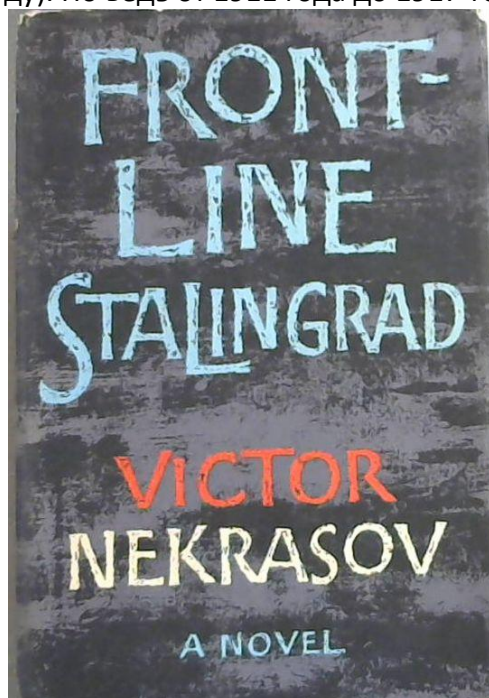
Много вреда принесло стране это недоверие к русской интеллигенции, которая сразу же пошла работать с большевиками. Ежели ты «член партии», значит, тебе доверять можно, а не «член», значит подозрителен.

Ведь как раз наоборот. Если человек хочет вредить, он постарается влезть в партию, так как тут вредить лучше. И в первые годы революции партия разбухла за счет лиц, ничего в марксизме не понимающих! Ну, «благодать» сразу же сходила на них.

<...> Зина получила письмо от Лены [Игнатович]. Она со своим сыном едет к Зине в Киев. Подумайте: 3 раза ее Вика выгонял. Сказал, чтоб на порог их квартиры ее не пускали! Дальше передней ее в последний раз не пустил, вынес ей деньги (500 руб. тогда) и сказал ей, чтоб шла с ребенком ночевать на вокзале в комнату матери и ребенка и ехала обратно. И она опять едет к ним! Ну и самолюбие!

Зина забыла мне принести письмо. Я ей [(Лене Игнатович)] как-то сказала: «Ведь эти же поездки, бессмысленная трата денег!». А она спокойно отвечает: «Ведь если бы я не приехала, все равно бы он мне денег не дал». Ненормальная она. Зина рассказала, о чем она написала. Едет хлопотать о своем отце! Я не понимаю. Что, он жив? Жуткая история. Я боюсь, что вместо комнаты матери и ребенка на вокзале она может придти ко мне. Машеньку [в Тамбове] она с ума свела, неделю жила у нее со своим ребенком. Ребенок никого не слушался, все время дубасил по их роялю и даже обломал его. А Лене говорил: «Я тебе в морду дам». Это своей матери! Дикий хулиган. Ну и денег у меня нет, чтоб кроме себя и кота кого-то еще содержать. Я прямо в ужасе. Да минует меня чаша сия!

<...> Я Вам писала, что в Лондоне вышли по-английски Викины «Окопы»? Ну, так я выучила новое слово. Знаете, как по-английски называется суперобложка? Jacket. Так на этой jacket написана такая чепуха. Что Вика родился в Париже в 1911 году (а он родился в Киеве) и что в возрасте 4-х лет вернулся в Россию после революции (а мама и Зина с детьми вернулись в 1915 году). Но ведь от 1911 года до 1917-го шесть лет.

First Edition, Harvill Press, London, 1962

19-IV-62 (продолжение). <...> Я считаю, [что] отрывки из Охтинской главы лучше, чем 1-я глава, но, конечно, Вы неправы. Интересно было бы в ней привести и знакомство Крупской с Лениным у Классона на блинах, и ее воспоминания после его смерти. Надо бы тоже привести, как это видимо делал и Каменецкий, описание Плехановой, как оживились Плеханов и Засулич от приезда Классона, она хорошо это сумела передать.

По-моему, очень многое в главе из Баку надо сократить. О борьбе разных народностей выкинуть совсем, это ведь к Классону лично не относится, а Вы с ума сошли писать о том, как духовенство внесло успокоение в разгоревшиеся страсти! Ведь помните: «религия – одиозна», и о ней, конечно, ничего писать нельзя, да и не надо.

Вы себе представить не можете, сколько негодующих писем получил Вика за то, что он хвалил Андреевскую церковь (кажется, архитектура Растрелли). Какая-то учительница пишет: «Как я должна вести антирелигиозную пропаганду, когда русский писатель хвалит церковь?». Передаю своими словами. А лучше всего сделал редактор газеты, кажется «По пути Ленина». Он тоже обвиняет Вику «в религиозности». Времени у него, очевидно, было много, он сел и страницу за страницей выписывал, сколько раз герой или автор от себя говорит слово «бог» и сколько раз слово «черт». Ну «бог» еще так сая, а и черт связан тоже с религией. «Дай бог», «Упаси боже», «Черт поberi!», «Пошел к черту» – это все религия!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Не могу Вам сказать, как я Вам благодарна, что Вы нашли и прислали мне статью Крупской, которую я мечтала найти все эти годы, с тех пор как [Р.Э.] Классон маме рассказал о ней. С тех пор мечтала ее прочесть.* Я люблю Крупскую. Но я конечно во многом с ней не согласна. По-моему, должны быть равны все граждане одной страны.

Я ненавижу колониализм, ненавижу, ибо два года жила под немецкой оккупацией, и всюду были надписи «nur für Deutsche» [(«только для немцев»)]. Постоянное сознание, что ты человек 2-го сорта. Люди 1-го сорта имели право на электрическое освещение, отопление и прочее, а мы, люди 2-го сорта, всего этого были лишены.

В 1918 году я работала в Московском земстве, я рвалась как можно больше работать, помочь деревне, а люди у нас бездельничали и повторяли: «Все равно большевики нас заберут». Это мне до такой степени надоело, что я пошла к Ногину и говорю: «Скоро ли Вы нас заберете?». Он пошел узнавать у Мещерякова, это было по его части. Мещеряков сказал: «Нет, мы еще не можем взять земство».**

Но, наконец, наступил день. К нам прислали курьершу сказать, чтоб мы немедленно шли в главное здание земства. «Большевики нас забирают». Пришли все служащие, многие годы работавшие тут. И вышел какой-то блондинистый мальчишка-латыш, и как барин на своих служащих начал на нас угрожающе кричать: «До сих пор вы работали на буржуазию, а теперь будете так же работать на нас!». Россия, наш народ – моя это страна или этого наглого мальчишки?! Я задышалась от бешенства. Большая часть земских служащих тогда ушла, в нашем отделе из инструкторов осталась я одна. Пришли новые люди. Это были морально низкие люди, тоже бездельники, все заседавшие и получавшие деньги за ничегонеделание, наглые карьеристы, вышедшие потом в наркомы, посланники и т.п. Кому и чему они служили? Своему карману и больше ничему.

* Как мы уже упоминали, это статья «О классовом приеме в ВУЗы». «Правда», 15 августа 1923 г.

** Николай Леонидович Мещеряков (1865-1942), народоволец, большевик-ленинец. После февральской революции 1917 г. был избран членом Московского губкома РСДРП(б) и председателем губернского совета рабочих депутатов, затем находился на государственных должностях в Москве, в частности в 1920-е возглавлял Госиздат.

В этой ее статье Надежда Константиновна пишет: «Надо держаться в этом отношении образа действия либеральной буржуазии, у нее учиться: нельзя нервничать по поводу каждого попавшего в вуз сына [буржуазного] инженера». «И тогда что за беда, если в вуз будет попадать известный % интеллигенции». Только какой-то небольшой %?

Ну, слава богу, этот классовый подход мы уже пережили. Но и теперь ведь люди не очень-то равны. Боже мой, сколько перемучились многие Викины товарищи, чтоб поступить в вуз!

Один, талантливый юноша всю страну исколесил, до Сибири включительно. Всюду выдерживал экзамены, но отец – интеллигент. Одно время он (юноша 18-ти лет, а не отец) был директором фабрики цветных металлов. Делал доклады в нашей Академии наук, а в вуз его не принимали. Наконец ему повезло. Его отец, адвокат, переехал в Казахстан. Он (сын) стал тогда «нацменьшинством» [(на которых в вузах выделялись квоты)], и его приняли в Московский университет, но не на тот факультет, на который он хотел. Хотел быть историком, а пришлось стать геологом [значит, квота для нацменьшинств здесь была больше, или конкурс существенно ниже – МК]. Одно время он даже лекции в Московском университете читал, теперь работает в каком-то издательстве, а мог выйти из него большой ученый, если бы была возможность работать по призванию.*

Сколько человеческих жизней искалечили!

Посылаю Вам вырезку из «Правды». Так сказать в объяснение того, что это взяточница ко мне приходила. Жулики и мошенники, вовсе не одиночки, как изображают Ильф и Петров, эти люди в наших учреждениях. Их всегда очень много, и они тесно между собой связаны. Это (в вырезке из газеты) один только мелкий случай, но ведь это как паутина заволакивает всю страну – вузы и поступление в них продажны. В Строительном институте [в Киеве] повесили студенты такое объявление «Больше заявлений о поступлении не подавать: все места проданы». Шутка? К сожалению, кажется, близкая к истине.

У Зины недавно была Лена [Игнатович] с сыном. Мальчик какой-то неуравновешенный. Напоминает рассказ Паустовского о Бабеле. Помните? Приехала к нему теща с ребенком? Глава, кажется, называется “«Тот» мальчик”.**

* Речь здесь идет, скорее всего, о Ясе (Якове) Свете, которому Виктор Некрасов посвятил одноименный очерк. О нем написала комплиментарный очерк и С. Федорова – «Ученый-романтик» (librolife.ru/g2630403).

** К. Паустовский. Повесть о жизни. Глава “«Мопассанов я вам гарантирую»”:

<...> В [киевском] доме Гронфайна Бабель познакомился с дочерью Гронфайна, гимназисткой последнего класса Женей, и вскоре началась их взаимная любовь. О женитьбе не могло быть и речи. Бабель, студент, голодранец, сын среднего одесского купца, явно не годился в мужья богатой наследнице Гронфайна. При первом же упоминании о замужестве Жени старик Гронфайн расстегнул скюртук, засунул руки за вырезы жилета и, покачиваясь на каблуках, испустил пренебрежительный и всем понятный звук: «П-с-с-с-!» Он даже не дал себе труда выразить свое презрение словами: слишком много чести для этого невзрачного студента! Влюбленным оставался только один выход – бежать в Одессу.

Так они и сделали. А дальше все разыгралось по ветхозаветному шаблону: старик Гронфайн проклял весь род Бабеля до десятого колена и лишил дочь наследства. Случилось, как в знаменитых стихах Саши Черного «Любовь – не картошка». Там при одинаковых обстоятельствах папаша Фарфурник с досады раскокал семейный сервиз, рыдающая мадам Фарфурник исморкала десятый платок, а студент-соблазнитель был изгнан из дома и витиевато назван «провокатором невиннейшей девушки, чистой, как мак».

Но время шло. Свершилась революция. Большевики отобрали у Гронфайна завод. Старый промышленник дошел до того, что позволял себе выходить на улицу небритым и без воротничка, с одной только золотой запонкой на рубаше.

Но вот однажды до дома Гронфайна дошел ошеломляющий слух, что «этот мальчишка» Бабель стал большим писателем, что его высоко ценит (и дружит с ним) сам Максим Горький – «Вы только подумайте, сам Максим Горький!», – что Бабель получает большие гонорары и что все, кто читал его сочинения, почтительно произносят: «Большой талант!» А иные добавляют, что завидуют Женечке, которая сделала такую хорошую партию.

А Лена на редкость спокойная, уравновешенная и очень миловидная для своих 35-ти лет. Они приехали из Лубен, куда, Лена говорит, ее вызвали в связи с посмертной реабилитацией ее отца. Спокойствие и уравновешенность Лены меня поразили. Боюсь, что у нее опять новый роман. Вика и Анна Ивановна ее встретили благосклонно. Хотя бы Вика стал ей помогать, как помогает десяткам и десяткам куда более обеспеченных семей. И на курорты дает и на все что угодно.

<...> Лена говорила, что внук Вашей сестры Катерины Робертовны теперь у нее живет?

[Художник Давид] Бурлюк <...> [(в журнале «Color and Rhyme», №40, 1959 год, «Two months in our native country»)] очень интересно описывает Переделкино, где живут наши писатели.*

Окончание примечания

Очевидно, старики просчитались и настало время мириться. Как ни страдала их гордость, они первые протянули Бабелю, выражаясь фигурально, руки примирения. Это обстоятельство выразилось в том, что в один прекрасный день у нас на 9-й станции неожиданно появилась приехавшая для примирения из Киева преувеличенно любезная теща Бабеля – старуха Гронфайн.

Она была, должно быть, не очень уверена в успехе своей щекотливой задачи и потому захватила с собой из Киева для разрядки внука – восьмилетнего мальчика Люсю. Лучше было этого не делать.

В семье Бабеля тещу встретили приветливо. Но, конечно, в глубине души у Бабеля осталась неприязнь к ней и к заносчивому старику Гронфайну. А теща, пытаясь загладить прошлую вину, даже заискивала перед Бабелем и на каждом шагу старалась подчеркнуть свое родственное расположение.

* Из статьи Евгения Деменюка «По одесским следам Бурлюков» (ART Ukraine, 20 декабря 2012 г.):

В коллекции Е.М. Голубовского есть открытка, отправленная 1 декабря 1955 года Давидом Бурлюком одесситу Семёну Кирсанову, проживавшему тогда по адресу: Москва, Лаврушинский переулок, дом 17/19, кв. 22. Бурлюк пишет: «Дорогой друг. <...> Мы хотим май, июнь, июль прожить и пописать (реальный стиль, «лубок») на нашей родине. Я могу иметь на двоих в СССР – 10 дол. в день – что у нас здесь достаточно, но как быть с этими долларами в СССР? Дорогие: Кирсанов, Шкловский, Асеев – думайте! Love – David Marussya Burluk».

Эта открытка во многом является знаковой. Давид Давидович много лет хотел попасть на Родину и рассчитывал на взаимность – заслуг хватало. И среди этих заслуг – не только «открытие» Маяковского как поэта. За много лет жизни в Америке Бурлюк ни разу не высказался негативно о советской власти. Скажу больше – именно в США он написал и издал поэмы «Десятый октябрь» с портретом Ленина в виде иллюстрации и «Максим Горький». Благодаря Бурлюку в нью-йоркской газете «Русский голос» печатались Илья Эренбург и Луначарский, Бонч-Бруевич и тот же Горький. Вообще Бурлюк регулярно писал на страницах «Русского голоса» о Советском Союзе – печатал отчеты о достижениях в области промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства; писал о спасении челюскинцев, открытии Днепрогэса, перелёте через океан советских летчиков и о многих других событиях, происходящих в СССР.

Но «советские» не торопились ни с визой, ни с приглашением – всё-таки эмигрант, два брата служили в царской армии, живёт в стране загнивающего капитализма... Но Бурлюк не оставлял попыток – и они в конце концов увенчались успехом. Лиля Брик, Василий Катанян и Семён Кирсанов добились таки приглашения в СССР для Давида и Маруси.

29 марта 1956 года они отплыли из Нью-Йорка в Норвегию на океанском лайнере «Ставангер Фиорд». 10 апреля в 10 часов утра – Бурлюки были в Осло, – им позвонили из «Американ Экспресс» и соединили с Семёном Кирсановым. Он сказал им, что семью Бурлюков официально принимает Союз писателей. А в 5 вечера того же дня в гостиничный номер принесли радиogramму, подписанную Лилей Брик. Лиля Юрьевна так же писала о том, что они наконец получили возможность посетить страну своих предков и друзей.

Из Осло Бурлюки отправились в Стокгольм, где в советском консульстве им выдали визу на въезд в СССР и разрешение находиться там 60 дней. Через Турку Давид и Маруся добрались в Хельсинки, где сели в поезд до Москвы. Давид Бурлюк писал в своём дневнике: «Мы смогли осилить стоимость только “плацкарта”, но, войдя в вагон, мы узнали, что проводник уже получил специальное указание поместить нас в первый класс. Доллар в России обесценен. Обменный курс очень невыгоден. Требуется 60-100 долларов в день на скромное проживание.

На такие расходы мы не рассчитывали, и если бы не приглашение быть почетными гостями Союза писателей России, взявшими все расходы по нашему пребыванию на себя, мы бы не потянули эту поездку». 28 апреля на Ленинградском вокзале их встречали Лиля Брик, Василий Катанян, Семён Кирсанов, Николай Асеев и другие. Все они являлись членами специально созданной комиссии Союза писателей по приему Бурлюков в России.

Простые смертные не имеют права иметь и дачу, и квартиру в городе, а писатели – сколько угодно. Особенно Бурлюка поражает, что у всех автомобили, у некоторых по два автомобиля и, главное, с шоферами. В Америке ведь сами автомобилями управляют.

<...> Кстати он пишет, что Чуковский очень богат. Много издается его детских книг, что у него прекрасная дача с какой-то башней, хозяйство ведет его невестка. И живут все эти писатели как бывшие помещики. У Чуковского самовар, и на Пасху были все пасхальные угощения. А помните его, Чуковского, письма мне: вечные жалобы на страшную нужду. Это было в [19]30 годах.*

Окончание примечания

Теперь в течение 60 дней Бурлюки могли не думать о расходах – помните 10 долларов в день? Всё было для них организовано и оплачено. Бурлюков поселили в гостинице «Москва» в номере «люкс».

<...> Московская программа была очень насыщенной. Бурлюки встречались с Робертом Фальком и Сергеем Коненковым, Мартиросом Сарьяном и Ильёй Эренбургом, Корнеем Чуковским и Николаем Асеевым, но чаще всего с Василием Катаняном, Лилей Брик и Семёном Кирсановым. Интервью и заметки о них вышли в «Правде», «Огоньке» и других центральных изданиях. Это было прорывом после десятилетий молчания. <...> 14 мая по программе Союза писателей Давид и Маруся на двухмоторном самолете вылетели в Крым. В полдень они приземлились в Харькове, родном городе Бурлюка, откуда добрались до Симферополя.

В поездке их сопровождала секретарь Надежда Ивановна Нечаева, которая хорошо владела английским и французским языками. Конечно же, она была приставлена к Бурлюкам компетентными органами. В 40-м номере журнала «Color & Rhyme» (1959 г.) Бурлюк писал: «Теперь через 55 лет вместе с моей дорогой Марусей я возвратился сюда как завоеватель жизни, почетный гость, расходы по путешествию которого все оплачены, чтобы осваивать красоты моего любимого Крыма. Я прибыл сюда со своим “секретарем”, проживаю первым классом, со всем воображаемым комфортом».

В Крыму Давид Давидович, как обычно, много работал, много путешествовал и много общался. Помимо многочисленных рисунков, он написал около двадцати больших полотен. Они с Марусей побывали в бывшем имении Константина Коровина в Гурзуфе, ставшем Домом творчества художников; в доме Максимилиана Волошина, ставшем Домом творчества писателей. <...>

* Приведем подходящие выдержки из статьи – David and Marussia Burliuk. Two Months in Our Native Country. May and June 1956. // Color and Rhyme, №40, Summer 1959:

May 3. <...> Dinner with the poet Semion Isakovich Kirsanow.

<...> He has his apartment across the street from the Tretyakov Gallery and we went to visit him [(at Lavrushensky per., 17)].

<...> The Kirsanow have two cars, a chauffeur and a woman cook. The Soviet government takes care of its artists with education and training, and of its writers and representatives of the other fields of arts, in the same way the capitalists countries take care of their statesmen and military personnel.

<...> May 5. Lila (Lilly) Jourieva Brick and Vassily Abharovich Katanian took us in their car to the village of Peredelkino. <...> Vsevolod Ivanov and his neighbor, Korney Iv. Chuckovsky, lived like former Russian landowners surrounded by their grown children. We were treated to traditional Russian meals and Holy Bread. <...> We spent all evening in the Chuckovsky house. We had tea there with the traditional Russian samovar. We also had the pleasure to meet there the writer Constantin Alex. Fedin (Moscow Lavrushensky per. 17 apt 38) who told us that in his Moscow house he has two Burliuk landscapes.

<...> In February, 1956, Chuckovsky reached his 76th year. His wife had died: “I buried her there in the corner of my garden”, Korney Ivanovich told us when we arrived at his big wooden house with its tower and verandas in his old, but roomy Rolls Royce. We entered a large room with glass doors overlooking an early springtime garden with its above-mentioned “corner”. It was an elegies for the pensive evening. <...> The Chuckovskys have two servants, two cars and a chauffeur. One of their daughters-in-law keeps house for a successful critic who makes good money from his popular books for children. Like every known writer, he also has an apartment in Moscow.

Chuckovsky has a sense of humor and reflects the quiet wisdom gained during his numerous, successful years. In 1913 in Leningrad, near the cradle of futurism in Russia (Burliuk, Mayakovsky, Kamiensky, Chlebnikov), he delivered a lecture, “Art of the Future Day”, in which he occupied a very cautious position. He pessimistically coined the phrase, “Naked man on the naked earth[“], – and we shall see what happened!

For many years he was close to I.E. Repin (R.R. Station Kuokkala, Finland), the great Russian academic realist painter, but he could never write a book about Repin, that outstanding representative of the Russian progressive class of the 19th century. He always preferred to maintain a neutral “sarcastic” position.

Бонч[[-Бруевич](#)] мне писал, что во главе издательства «Academia» стоял тогда вредитель, который на суде сказал, что ему поручено было сделать так, чтоб все видели, что большевики даже [[книги](#)] издавать не могут.*

<...> Вика прислал с Зиной, чтоб я ему перевела статьи о Хэмингуэе его брата с французского. Почему не дал Зине?

28-IV-62 (продолжение). <...> Мои письма Вам это мое отдохновение. Все остальное мне трудно. Вот сейчас надо для Вики перевести отрывки из журнала, черт его знает, как он называется – Paris Match (кажется), «Hemingwai c’est mon frere» [[\(«Хэмингуэй – мой брат»\)](#)].**

Я просто неспособна делать обязательной работы. Я всю жизнь ненавидела готовить уроки, в разгар экзаменов вдруг начинала с увлечением читать «[\[Евгения\]](#) Онегина», забыв все на свете и предстоящий экзамен. В Лозанне у меня была учительница, которую я обожала, боготворила, и которая мне действительно много дала для моего культурного развития. И все-таки выучить для нее урок я не могла и всякий раз мечтала: может быть, она заболеет и не придет. Но она приходила, и когда оказывалось, что я ровно ничего не знаю, смущенно смеялась. А дала она мне больше всех на свете.

Правда, после ее уроков я держала экзамен в 4-ую [[московскую женскую](#)] гимназию. Блестяще сдала французский язык. Мне попало единственное место из грамматики, которое я знала – «l’accord du participe passe» [[\(«согласование причастий в прошедшем времени»\)](#)]. Француз был поражен моим знанием и пожелал мне так же блестяще выдержать все остальные экзамены.

Следующий экзамен был у Фортунатова (потом я слушала его лекции на коллективных курсах, очень серьезный историк). Он спросил у меня про войну Алой и Белой роз. Я не сказала ни слова (ну что же – так же как Лев Толстой на экзамене истории в Казанском университете). Знаю – мои дамы перед экзаменом умоляли профессора, ни в коем случае ему не ставить двойки или единицы. Он поставил «ноль».

Далее я сделала диктант, полный ошибок. На этом кончилось. Меня не приняли. Тогда мама поняла, чтоб выдержать экзамен, к нему надо подготовиться. Начальница [[частной женской](#)] гимназии Перепелкиной прислала свою protégée, 18-летнюю графиню Ребиндер. Она была немножко глупа, но очень требовательна. Занималась еще с нашей Верой, Вера так ее боялась, что лезла под стол в столовой перед уроком и не хотела выходить. Но мы обе выдержали.

[Окончание примечания](#)

Korney Ivanovich is a “crahobor”. In his library he collected numerous books, although all those he had collected up to 1918, representing 30 days of his life, were destroyed in 1923 by “prowlers”. The Finnish government didn’t bother to protect the property of Russians who abandoned it in 1917 when they left for Russia, when Finland became “independent” from Russia.

Chuckovsky showed us his noted “Journal” of those years, “Chuckokkala”, in which we saw some of Mayakovsky’s drawings and one by Burliuk (1915) among the works of Repin.

Стоит здесь отметить, что давний знакомец Бурлюка «Гуга Попов» никак не засветился ни на одном мероприятии или встрече во время визита четы Бурлюков в Москву!

* С 1932-го по 1934 год издательство «Academia» возглавлял Лев Борисович Розенфельд-Каменев. В декабре 1934-го Каменев был арестован по делу мифического «Московского центра» и приговорен к 5 годам тюрьмы, на следующий год Каменеву дали еще 10 лет по делу «Кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля». В 1936-м на процессе «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» Каменев признался в терроризме, вредительстве, шпионаже и прочем и был расстрелян. Все родственники Каменева были репрессированы. Реабилитирован в 1988 году. – Из Интернета

** Как известно, В.П. Некрасов, как и многие советские интеллигенты, увлекался этим американским писателем.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 29 апреля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Недавно я слышала по радио как девушка, которая ехала на целину, говорила: «Счастье – это сознание, что делаешь нужную и полезную работу для других людей». Когда Зина в 78 лет бросила свою службу, перешла на пенсию, она с грустью сказала: «У меня нет теперь сознания, что я полезна людям». Меня это очень тронуло.

Последние годы я уже не видела пользы от моей работы, это угнетало. И я рада была, когда перешла на пенсию, стала читать, думать для себя, не бежать каждое утро снимать бляху в 9 часов [на проходной], читать сколько угодно книги. Но я всю свою жизнь старалась помочь кому-нибудь, быть для кого-то полезной.

Мой профессор геологии, человек очень наблюдательный, говорил мне: «Vous êtes une soeur de charité» [(«Вы – сестра милосердия»)]. Он смеялся, советовал мне стать салютисткой, поскольку их шляпа мне бы очень пошла.*

<...> 15 лет я делала все, что могла, для С.В. Андропова, ведь я его не любила. И он все забыл. Не было этой моей жертвы 15 лет подряд!

Я работала в Москве, у меня была интересная работа, ко мне хорошо относилась Крупская. Но когда я [в 1918-м] приехала в Киев и когда с приходом большевиков я увидела беспомощность мамы и Зины, то всю себя отдала заботе о семье.

Тридцать лет работала как вол, выполняла самые неприятные, тяжелые работы, после трех служб бежала на толкучку продавать наши вещи. Сколько раз я рисковала быть арестованной за так называемую «спекуляцию», продавала пайки, водку и прочее. После маминей смерти превратилась в какую-то крепостную их кухарку.

И Зина, и Вика не замечали этого. В 1947 году, когда они были уже очень богаты, я сказала, что перестану готовить им. Надо было слышать негодующий крик Вики: «Мама, слышишь, сюрпризик к Новому году! Соня не хочет больше готовить!». Вы думаете, они замечали, что я тридцать лет делала все для них? Нет. Вика мне сказал: «С тех пор, как я помню себя, я всегда тебя ненавижу».

Через десять лет он повторил: «Не только я ненавижу тебя, но и все мои товарищи». Вся эта сволочь, которая у нас жила, для которой я должна была стоять в очередях, готовить, мыть посуду и прочее. Одним словом, не перечить всем моим «благодетелям».

* По-видимому, это профессор Лозаннского университета Морис Люжон, у которого в 1906 г. училась Софья Николаевна, но так и не закончила курс геологии. Из письма в Лозанну от 8-12 декабря 1962 г. (см. ниже):

Я наглости не люблю. Стоило когда-то нахально спорить со мной Люжону, несмотря на мой интерес к нему и к предстоящей интересной геологической экскурсии, конца семестра, я сейчас же уехала, бросив и мое учение у него и всякие отношения с ним. Он осмелился мне сказать: «Mademoiselle, vous dérailles» [«Мадемуазель, вы сорвались с катушек (досл., сошли с рельс)»]. Я ему ответила: «C'est vous qui dérailles, Lugeon» и уехала домой.

О «салютистах»:

Долго Вильям Бус действовал без определенного плана; но когда он увидел, что число его приверженцев увеличивается с каждым днем, он задумал дать этому зарождающемуся обществу известные формы, рекомендовать известные, выработанные его практикой приемы пропаганды, поддерживать среди обращенных преданность делу, соревнование в усердии и некоторого рода дисциплину. Сами приверженцы Б. (так называемые «салютисты» или «сальвационисты») считают начало своей организации с 1865 года, когда они оказались достаточно многочисленными, чтобы образовать во всех кварталах Лондона группы под названием сначала «East London Christian Revival Society», затем «East London Christian Mission». Название это они опять переменили в 1870 г. на более простое, но более широкое по значению «Christian Mission», и с тех пор, благодаря непрерывной пропаганде, возникает целый ряд отделений или «станций» этой миссии в различных пунктах Англии. С 1878 г. общество стало, наконец, называться: «Salvation Army» [«Армия Спасения»] и получило почти военную организацию, которая существует и поныне. – Из Интернета

Я посоветовала маме, когда умирала с голода в Крыму тетя Вера, вызвать ее к нам. Мы послали ей вещи, деньги, она приехала в голодный 1923 год. Я нашла ей службу, очень хорошую в Белой Церкви, к жене Радченко, они предложили ей поселиться у них.* Вера предпочла оставить [дочь] Нину у нас и приезжать [по выходным]. Прожила она у нас полгода и все ненавидела нас, особенно меня.

Мама тогда написала Р.Э., что кормить мы тетю Веру и Нину можем, но одеть – нет, и тогда Ваша сестра Таня прислала ей великолепную посылку. Видите, Р.Э. сейчас же откликнулся. Но Ваши сестры были маленького роста, и вещи их не приходились на т. Веру и Нину. Мама предложила купить [эти вещи] для Зины, конечно за цену дороже, чем кто-либо дал.

Тетя Вера отказалась, пошла на базар, толкучку и продала за гроши. Пришла и злобно сказала: «Продала гораздо дешевле, чем вы давали, но бедной женщине» (т.е. спекулянтке). Одно платье, присланное Таней, тетя Вера сдала в комиссионный магазин за 100000 и только через 2 месяца, когда оно не продалось, она согласилась продать маме за те же 100000! И это, живя у нас с дочерью на всем готовом. Мы таскали плахи дров в квартиру (сараев не было, центральное отопление не работало), мама их укладывала. Тетя Вера лежала на диване в столовой и говорила: «Ну и сердца у вас [выносливые], я бы не могла».

Однажды мама и я стояли долго в очереди за мукой, главным образом для тети Веры и Нины. Мы почти хлеба не ели. Мама сказала: «Пойди, попроси тетю Веру на несколько минут заменить меня, я пойду – обогреюсь». Я помню, тетя Вера отказалась, у нее – [де] плохая обувь.

А Лена [Игнатович] жила у нас в самые ужасные годы голода и немецкой оккупации, обманывала нас, обжуливала и на нас же кричала: “Паразиты, гады, заразы, «жрэтэ»”, если мы начинали обедать до ее прихода. А затем она всем рассказывала, что мы ее эксплуатировали! Она ненавидела всех Мотовиловых. Вы скажете, что это является подтверждением того, что говорил [Р.Э.] Классон о помощи другим людям [и их ответной «благодарности»].

<...> Как Вы используете эти письма Классона? Разве в биографии приводятся письма Ленина? И вообще, останавливаться ли на этой детали. Ведь надо заранее знать, что все что говорил и делал Ленин, было прекрасно, ошибаться он не мог, даже если слушал какие-то секретные подлые доносы. В чем там было дело? Я ведь не помню. От этой статьи [точнее, воспоминаний Крупской на вечере памяти Р.Э. Классона в 1926-м – МК] в памяти остались описание внешнего облика Классона, и очень достойный тон его писем.

Как часто много значит случайность. Когда-нибудь я Вам расскажу, как это случилось, что были напечатаны Викины «Окопы». Ведь первую вещь труднее всего поместить. Но тут был такой ряд таких нелепых случайностей, что напиши это автор в повести, всякий бы сказал: «Можно же писать такую чепуху».

Опять, вместо того, чтоб делать Вике перевод статьи брата Хемингуэя, писала Вам. Письма Вам это мое отдохновение, а перевод Хемингуэя утомляет.**

* Сей сюжет требует дополнительного исследования. Жена уже крупного большевистского начальника Ивана Ивановича Радченко – Алиса Ивановна вряд ли могла в 1923-м служить в Белой Церкви. Скорее всего, это жена покойного Степана Ивановича Радченко – Любовь Николаевна (с дочками Евгенией и Людмилой, а также от второго брака – Натальей), которая в 1918-м отошла от политической деятельности и служила статистиком (на Юго-Западной ж.д.).

** По-видимому, в одном из французских журналов (см. ниже) публиковались отрывки из книги Лестера Хемингуэя «Мой брат Эрнест Хемингуэй», вышедшей в 1961 году.

30-IV-62 (продолжение). Сегодня, встав, хотела уничтожить это письмо. Ну, причем тут воспоминания о тете Вере? А потом подумала, что письма можно вообще не читать, и Вы уже и так называете меня «сумасшедшей Мотовиловой». И наконец тетя Вера – такая же и моя тяжесть, как и Ваша. Кончу о ней.

Когда они в [19]23 году приехали к нам, мы сейчас же отвезли их к маме на дачу. Они были истощены голодом, а тогда люди скоро поправляются [[при полноценном питании](#)]. За один месяц Нина прибавила на пуд. Тетя Вера вскоре приехала в город, мы считали, что ей надо поскорее достать себе службу. Все нормальные люди так бы считали, но она, кажется, обижалась. Сперва Зина ей нашла временную службу, потом я – на железной дороге. Тетя Вера не получила медицинского образования, кончила Рождественские курсы и была фельдшерницей. Многие фельдшерицы зарабатывали тогда больше врачей.

Зимой 1924-го Нина заболела коклюшем. Зина говорила, что она не должна ходить в школу, чтоб не заражать других детей. Тетя Вера, сама фельдшерица, говорит: «Я знаю мою девочку. У нее не может быть коклюша».

Воскресенье. Я убираю кухню. Тетя Вера с Ниной, обнявшись, возлежат на диване в столовой и очевидно, чтоб уязвить меня, тетя Вера говорит Нине: «Бедная, бедная моя девочка! У тебя от плохого питания развивается туберкулез». Я не выдержала, вылетела в столовую: «Но какое же у Нины плохое питание?» Кроме всей нашей еды и она, и Вика ежедневно ходили в столовые Ара, где им давали какао, белую булку и т.п.* Нинина столовая была в двух шагах от нас, а Викина чуть ли не в противоположном конце города. Но Вика был тогда очаровательным, беззаботным, послушным ребенком. Мне и в голову не могло придти, что он меня «ненавидит». Думала, у нас самые лучшие отношения. И вот я как-то встретила его, когда он бежал в свою столовую, весело что-то напевая.

Тетя Вера достойно ответила мне: «Количественно питание достаточное, но Нина должна каждый день пить сливки». Вы поймите: голод, сыпной тиф, хлеба людям не хватает (нам-то хватало, я получала ежемесячно, кроме наших пайков, 3,5 пуда [[ржаной муки](#)], 0,5 пуда давали рабочему за приход на работу). Когда-то после Зина видела тетю Веру в Ленинграде, и та Зине сказала, что она отлично знала, что у Нины коклюш, но Нине хотелось ходить в школу.

Я не знаю, почему тетя Соня так заботливо и нежно относилась к тете Мане и тете Вере. Они учились в Смольном институте. Но однажды на уроке истории тетя Вера вместо «драгонады» сказала «драгунады». Учитель засмеялся и сказал: «Это вы верно о драгунах думаете».** Тетя Вера была дико обидчива, она не перенесла этого оскорбления. Тетя Соня сейчас же взяла их из института и отдала в частную гимназию [[Стоюниной](#)], и они обе жили у тети Сони. Я Вам, кажется, уже рассказывала, как тетя Соня на Охте была больна, лежала в больнице, а на хозяйстве ее заменяла тетя Маня. Неизвестно почему, но тетя Маня спрятала все серебро, а когда к Классону приходили гости, подавала им деревянные ложки, и Р.Э. это было очень неприятно.***

* ARA – American Relief Administration создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в 1-й мировой войне, в 1921 г. в связи с голодом в Поволжье деятельность ARA была разрешена и в РСФСР. Как сообщал киевский корр. «Русспресс» в номере берлинского «Руля» от 19 июля 1922 г., с первых чисел июня американцы открыли в Киеве ряд детских столовых.

** Драгонады – особый вид преследования, которым в царствование Людовика XIV с 1681 г. подвергались протестанты (гугеноты) во Франции со стороны драгун, размещенных в их домах и причинявших хозяевам всяческие притеснения, так что Вера Ивановна не очень ошиблась – на французском dragon это и есть драгун.

*** Чета Классонов приехала из-за границы в 1893 г. и прожила на Охте до лета 1897-го. Выходит, Марии Ивановне в это время было 19-23 года. Вера Ивановна была на год младше Марии Ивановны.

1 мая 1962 (продолжение). <...> Я все-таки ровно ничего не понимаю. Кто был Кирпичников? Кто Морозов? Почему Кржижановский и Радченко были против Гидроторфа? Что они, саботировали его из зависти? Что писал Радченко в своем секретном письме Ленину о Классоне? Было ли это письмо опубликовано? Вы не можете мне это объяснить, как малоразумному существу. В фотокопии письма [Ленина] меня поразила фраза что-то вроде «пускай себе хапают». Что же он думал, что Классон нечестен? Коробко про Классона говорил, что если ему дать миллионы, он ни копейки не возьмет себе. А ведь в царское время столько было жуликов среди инженеров, ну и судя по запискам Витте – и среди министров.

Выпишу, пожалуй, из библиотеки «Исторический архив» №1 за 1956 г. [(где было опубликовано постановление СНК от 30 октября 1921 г. по Гидроторфу)] Может быть что пойму.

<...> Сегодня заходила Зина с одной московской знакомой. Она пенсионерка и так же как Вы подрабатывает рефератами. Вчера, в первый день Пасхи у Зины было 30 человек гостей, почти все евреи.

2-V-62 (продолжение). <...> В 1918 году я была рада нашей революции, свержению царизма, наконец, возможности творить, сделать весь народ грамотным и пр. и пр. В Киеве была «гетмановщина», в России – «Совдепия». Камишевский [Калишевский? – МК] (бюро [Киевского] университета) мне, шутя, говорил: «При большевиках вы всё расцветаете». Одним словом, я была охвачена восторженным творчеством: правда должна установиться, правда в нашей стране. Вернуться в Москву [из Киева] я уже не могла – у нас начали катастрофически сменяться правительства.

Наконец пришли большевики. Я сейчас же принялась за организацию всех библиотекарей, чтоб никто не саботировал и все шли работать к большевикам. Была тогда в Киеве Книжная палата, учреждение чисто украинское. Как только пришли большевики, Книжная палата поместила объявление, чтоб все, у кого есть частные библиотеки, пришли их зарегистрировать. Это было очень разумное постановление. Чтоб их не расхитили.

Я пошла сейчас [же] регистрировать нашу библиотеку. Тут были и книги прадеда Флориани XVIII века, и деда шведа Эрна, и библиотека моего отца, и очень редкие книги Зининого мужа [Платона] Некрасова, книги по социологии, масса нелегальных книг, Зинины медицинские книги, мои геологические и т.д. и т.д. (и все сгорело! [при отступлении немцев из Киева в 1943 году]).

Встретил меня в Книжной палате Александр Грушевский, брат известного историка Михаила Грушевского, тоже профессор.**

* Инженер В.Д. Кирпичников являлся заместителем Р.Э. Классона по Гидроторфу, М.В. Морозов, член РСДРП с 1901 года – заместителем И.И. Радченко по Главторфу, Цуторфу и т.п. совучреждениям (см. очерк «Гидроторф – дело «государственной важности»?").

** Михаил Сергеевич Грушевский (1866-1934), украинский историк, в 1917-18 гг. председатель Центральной рады, с 1919 г. эмигрант, сменовеховец, в 1924 г. вернулся в Киев, с 1929 г. академик АН СССР.

12 августа 2007 г. исполняется 130 лет со дня рождения Александра Грушевского, украинского общественного деятеля. Он известен в основном благодаря старшему брату Михаилу. Вслед за братом Александр Сергеевич закончил Киевский университет, включился в украинское движение, пытался заниматься историей. Как ученый он ничем не выделялся. Научную карьеру делал, опять же, благодаря покровительству брата, но даже этого покровительства ему не хватило, чтобы стать академиком. В ученых кругах Александра Сергеевича насмешливо называли – Грушевский-нуль (подписывая свои работы он ставил после фамилии украинский инициал, букву «О» – Олександр), оценивая таким образом его «вклад» в науку. В 1933 г., когда переехавший в Москву старший брат утратил влияние в Украине, Александра Грушевского уволили из Академии наук. В 1938 г. его арестовали как участника «националистической террористической организации». Правда, приговор вынесли по тем временам очень мягкий – высылка в Казахстан. Там Грушевский-младший работал счетоводом. Там и умер в 1943 году. – Из Интернета

Зарегистрировав нашу библиотеку, я сочла [своим] долгом поделиться всем тем, что мы делали по библиотечному делу в Москве, о декрете об охране библиотек и т.д. Он слушал с интересом, и, приходя домой, я говорила: «Как приятно все-таки иметь дело с интеллигентным человеком!».

Ну а потом, у нас жила служащая Книжной палаты и рассказывала, всякий раз после моего прихода приходил к ним разъяренный А. Грушевский и говорил: «Опять приходила эта большевическая ведьма!». Зина это время называет: «Это когда ты была большевической ведьмой». Это был высший расцвет моей деятельности.

<...> Вы пишете, что в 1913 году письма лучше доходили. Но вы сравните количество писем, которое было тогда, и сколько пишут теперь. Кошмарно много пишут. Одно радио сколько получает! Ведь теперь все население грамотное, а тогда... Еще в 1924 году на съезде библиотекарей Троцкий говорил, что грамотна только одна пятая нашего населения. А теперь – все. Одного этого достаточно, чтоб радоваться нашей революции.

6-V-62 (продолжение). <...> Мне рассказывали, что у Вас в Москве в Политехническом [музее] было выступление Эренбурга, и что молодежь его горячо благодарила, что он раскрыл для нее писателей, о которых она понятия не имела, и требовала (молодежь), чтоб их издали опять.*

Вы знаете, что долгое время в библиотеках запрещено было выдавать журналы и газеты, начиная со второй половины 1917 года и до конца [войны? – МК], то есть за 30 лет! Теперь, говорят, уже выдают.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 мая 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня мы были с Зиной на кладбище. Это воскресение, народу на кладбище была уйма. Во вторник, как раз в день маминого рождения, – «проводы». Ты, верно, не знаешь что это такое. Это раз в году, после Пасхи духовенство приходит на кладбище, служит панихиды или как это называется, не знаю. Т.е. каждый [желающий] приглашает священников на свою могилу, а после этого все садятся возле могилы, едят пасхальные угощения, пьют вино.

У нас была очень религиозная домработница Мотя. Это Ганина тетка, которая последние годы по летам жила с мамой на даче. Мы ведь работали. Очень хорошая женщина, мама ее очень любила, но со всякими предрассудками. И вот после «проводов» я всегда на нашей могиле находила скорлупу от крашенных яиц. Меня это злило, но, очевидно, полагалось на проводах бросать на могилы скорлупу. Задолго до «проводов» все приводят в порядок свои могилы. «Проводы» будут во вторник [8 мая], в день маминого рождения. Не знаю, пойду ли.

Сегодня толпа на кладбище была ужасная: воскресный день, весна. И вдруг разразилась сумасшедшая гроза, да еще с градом в горошину. Потом, ведь наш Киев гористый, потекли безумные потоки, а я и так едва хожу, вечно прошу кого-то свести меня с тротуара. Хожу теперь с маминой палкой. Это оказалось мне удобнее. И с Зиной вечные споры и крики, ей приходят совершенно нелепые идеи в голову. Непременно идти через могилы, где вокруг глина, а не обычной асфальтированной дорогой, как обычно. Ну, как всегда, мы с ней, конечно потерялись.

* В воспоминаниях директора Центрального лектория Всесоюзного общества «Знание» Вилена Егорова рассказывается о выступлениях в Политехническом музее многих известных поэтов и писателей, в т.ч. и Ильи Эренбурга в январе 1962 г. (1001.ru/books/item/20/475).

А в статье Ольги Герасимовой «Переменчивая «оттепель» продолжается. К истории несбывшейся политизации советского студенчества» – о тогдашних настроениях молодежи (geftr.ru/archive/16708).

Могила в полном порядке, по бокам ландыши и папоротник, на могиле анютины глазки и маргаритки. Ограду она [(женщина, ухаживающая за могилой)] покрасила в серебряный цвет. Так выкрашены все ограды вокруг. Зина недовольна, девятнадцать лет как мама умерла, и Зина все мечтает о краске цвета «слоновой кости». Но обошлось все хорошо. С Зиной встретились, песчаная почва поглотила всю воду от потоков, и к пяти часам мы были уже дома.

Зина и Вика 12 мая едут в Ялту, т.е., конечно, летят. Я на них зла. Я ведь всегда посылаю тебе новые повести Вики. В журнале №5 «Смены» был новый рассказ Вики. Могли они, покупая себе, купить и для меня, т.е. для посылки тебе? А я ищу во всех киосках – нигде уже нет. Сейчас написала Ване Классону, может быть, он в Москве найдет, тогда пусть пошлет тебе.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 8 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Перевод для Вики о Хемингуэе мне абсолютно не интересен. Две тетрадки ему сдала и написала Зине отчаянное письмо, что я человек больной и «обязательных» работ делать не могу. Мне даже врачи сказали, чтоб я делала только то, что мне приятно, и никогда не принуждала себя.

Дня через два пришла Зина и сказала, что перевод этот Вике вовсе не нужен, он дал мне его [(оригинал)], чтоб сделать мне удовольствие, думал, что мне это интересно. Хемингуэя терпеть не могу, а брат, который о нем пишет, просто глуп. Спрашивается, для чего мне переводить с французского? Сегодня все-таки буду переводить, но, думаю, до их отъезда не кончу. Они улетают 12 [мая] в Ялту.

12-V-62 (продолжение). <...> Зина и Вика должны были сегодня в 7 утра лететь в Ялту на Ту-104. Зина говорит, что полет не зависит от погоды, так самолет летит очень высоко и от Киева до Крыма всего 1 час, ну, а там, в Симферополе, нужно брать или такси, или вертолет до Ялты. Думаю, что они сейчас уже любят морем, цветущими миндальными деревьями. Перед отъездом прошу Зину: «Дай твой адрес».

В прошлом году было так: Зина дала неправильный адрес – «дом [отдыха] им. Горького». Письма за 2 недели мои не дошли. Зина писала, что так как на доме написано изречение Горького: «Человек – это звучит гордо», то она и думала, что это им. Горького, а оказалось – «Чехова». Теперь она садится и начинает писать: «Малеевка». – «Да вы же едете в Ялту». – «Ах, да». Пишет: «Ялта, дом ССП им. Горького». Напоминаю ей прошлый сезон – ничего не помнит. Ну, говорю, подожду, когда ты оттуда пришлешь адрес.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 мая 1962 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика улетели в Ялту [(в Дом творчества ССП им. Чехова)] 12-го, в тот же день от них была телеграмма: «Долетели хорошо». Это я прошу в тот же день присылать мне телеграмму, что доехали. Так мне спокойнее.

* Военный рассказ «Чао, Джульянчик!».

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 15 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Из того, что я прочла в этой биографии [(М.О. Каменецкого)] о деятельности [Р.Э.] Классона в Баку, а затем по строительству этой станции [«Электропередача»] возле Богородска, он мне рисуется не только знающим инженером, но и прекрасным организатором, строителем, человеком, устремленным к пользе дела и понимающим, что работа может хорошо быть поставлена, если в хороших условиях работает и служащий. Причем он не боялся брать на работу людей порой малоподготовленных, не гонялся за дипломами, и умел сделать из них настоящих, хороших работников. Ведь это он вывел в люди Ивана Ивановича Радченко, какого-то бывшего бухгалтера, который потом стал его начальством!

У Классона была одна цель: дело и польза его, к этой цели приспособлялось все остальное. Как-то Вы писали, что из бывших у него практикантов один Винтер оказался выдающимся (а он ведь был взят просто как исключенный из Киевского политехникума студент), а ведь и Кирпичников был тоже у Классона практикантом, а ведь он был и хороший инженер, и талантливый человек, написавший лучшие статьи.

Какое отношение имел Кирпичников к процессу Промпартии? Мне казалось, что это процесс был в текстильной промышленности у Ногина, но после его смерти? Ногин умер весной 1924 года. Разве процесс Промпартии был в 1930 году, а не раньше?*

Для меня этот процесс оставил противное впечатление. Тут не было идейного вредительства, а просто желание получить побольше денег [? – МК]. Обычное взяточничество у наших русских инженеров во времена царизма. Я запомнила речь одного из инженеров, старика, который сказал, что если бы был жив Ногин, он никогда бы не стал вредителем [(инженер-старик!)]. То, что [Р.Э.] Классон называл «толстокожестью» Кирпичникова, не была ли его склонность к взяточничеству? Видите, я все стараюсь понять тон записки Ленина, которая так меня возмутила.

<...> Когда мама видела [Р.Э.] Классона и рассказывала ему, что она ездила в Швейцарию в 1923 г., и поручительство за нее дала ее подруга швейцарка, Классон сказал, что и он был в те годы в Швейцарии, и что за него поручились все швейцарские банки. Я никак понять не могла, какое отношение имеют [друг к другу] швейцарские банки и Классон. Вот, что меня пугает. Так ли поймет читатель, ту громадную пользу, которую приносил стране Классон.

* Данный процесс проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., на скамье подсудимых, в отличие от Шахтинского дела, должна была оказаться вся промышленность страны, все ее отрасли и плановые органы, хотя обвиняемых было только 8 человек, из них трое – из текстильной промышленности, как важнейшей оборонной отрасли. Из свидетелей было представлено 7 человек, таких же «вредителей», тоже арестованных. Главный обвинитель Крыленко готовил процесс два года. Во время подготовки процесса желательная «главная фигура» – горный инженер, товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве Петр Акимович Пальчинский, несмотря на жестокие пытки, не подписал ни одного обвинения, хотя и умер в тюрьме ОГПУ.

Аналогично поступили Н.К. фон Мекк и А.Ф. Величко, тоже погибли в застенках ОГПУ. Умер под пытками и Хренников. Посмертно Пальчинского и Хренникова объявили руководителями Промпартии. Лишь летом 1930 кто-то нашел: надо арестовать директора теплотехнического института Рамзина. В итоге была объявлена смертная казнь главным обвиняемым, но следом заменена 10 годами заключения. «И поехал Рамзин устраивать теплотехническую шарашку» – А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

По процессу Промпартии был выпущен стенографический отчет (издательство «Советское законодательство», М., 1931), в котором упоминался и Виктор Дмитриевич Кирпичников. Он якобы стоял во главе «вредительских ячеек» по торфяной промышленности и по МОГЭС.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Майский № «Нового мира» в Киеве еще не получен, даже подписчиками, я была сегодня у Зины. Сперва не застала Анны Ивановны, потом она пришла. Ключ от моей квартиры открывает и мою, и Зинину парадную дверь.

Застала там две бумаги, извещение из московского магазина Союза писателей, что 50 экземпляров книги «Избранные страницы», заказанные Викой в Москве, они перевели на Киев. Сигнальный № Вика уже получил, но мне Зина ничего не сказала и не показывала его. Не знаю, есть ли там «В родном городе», его ведь издали только один раз. В библиотеке его не выдают.*

Затем пришла ему бумага из Международного банка, что Вике переведено столько-то фунтов стерлингов. У меня нет «Известий». Там на последней странице бывает таблица: стоимость разных валют на наш рубль. Вырежьте и пришлите мне. Или напишите, если знаете, чему равняется фунт на наши теперешние деньги. В царское время он равнялся 10 руб., а шиллингов в фунте 20 (в гинее был 21).

У нас, как только выходит в продажу книга, автор получает сразу все деньги. А за границей иначе. Это я знаю из переписки Горького, кажется, с Ценским. Там издатель (или владелец магазина) платит автору только за проданные экземпляры.

Смысл бумаги Международного банка я не вполне поняла. Они присылают какую-то новую форму, которую надо заполнить, и тогда (так я это поняла) с разрешения Министерства финансов можно получить в иностранной валюте.

Ну, Вы скажете: не проще ли было Вике, когда он был в Италии, [\[распорядиться\]](#), чтоб следуемые ему деньги высылали Вере? Но тут начинается вой его друзей: «Ах, вы не понимаете ситуации! Вы Викочку погубите». Или: «Что вы не понимаете, что к нему уж не так хорошо относятся, ждут только момента, чтоб у него голову сорвать». – «Один неверный шаг...» И так далее. Об его «друзьях» я слышать не могу. Однажды, приехав из Москвы, он сказал: «Мои друзья советуют мне держать мои деньги не в Киеве, а в Москве». И для удобства – на их (друзей) имя.

Лет одиннадцать тому назад я позвала немосковского его друга, который вообще-то охраняет Викины интересы, и сказала ему: не может ли Вика хоть какую-нибудь сумму из своих денег положить на Зинино имя.

* Избранные произведения. Повести, рассказы, путевые заметки. М., Гослитиздат, 1962 (687 стр., 50 тыс. экз., содержание: В окопах Сталинграда; В родном городе; Сенька; Рядовой Лютиков; Август-Фридрих-Вильгельм; Вася Конаков; Судак; Первое знакомство).

А то бывает такое – Вика забудет продлить доверенность, и Зина остается без гроша. Однажды было так. Вика уехал. Зина – без копейки. Вика пишет двум своим прекрасно зарабатывающим киевским друзьям, которые ему должны несколько тысяч каждый, чтоб они принесли Зине немного денег. Одного он спас от тюрьмы, поправил его произведения и дал ему несколько тысяч. Другого спас от того, что ему хотели «пришить» космополитизм, и тоже дал несколько тысяч. Один ничего не ответил, и денег так никогда и не вернул. Другой прислал ругательное письмо: нечего, мол, было так швыряться деньгами, когда их было так много, и прислал, кажется, 100 руб. Деньги эти Вика ему вернул (почему?, неизвестно), и они поссорились. Вообще Вике никто никогда не отдает. Зине тоже.

Ну вот, тогда, то есть 11 лет тому назад, Викин (настоящий) друг [[Исаак Пятигорский? – МК](#)] говорит: «Конечно, он может положить на имя Зины несколько тысяч. Ведь он и свои все деньги кладет не на свое имя, а на имена своих друзей». Это было до того, как у них стала жить приживалка [[Нина Аль](#)]. Теперь бы я об этом не говорила, потому что Зина сейчас же все свои деньги отдала бы ей. Лет через пять после этого я спросила Викиного друга, положил ли Вика что-нибудь на Зинино имя. «Нет, у него не было денег».

А жена этого друга [[Ева Пятигорская? – МК](#)] мне сказала, что Вика получает в среднем тысяч 17 в месяц [[это было до денежной реформы 1961 г., то есть в год написания письма отмеченную сумму уже надо было оценивать в 1 700 руб. – МК](#)]. Есть у него московские друзья, которых я называю «главпаразитами». И вот эта же дама, жена Викиного друга, мне говорит: «Вот вы к такой-то главпаразитихе плохо относитесь. А она недавно, узнав, что у Вики нет денег, прислала ему несколько тысяч». – «Своих денег?», – удивляюсь я. – «Ну откуда же у нее будет столько денег! Викиных, конечно, но она могла же не прислать». Я знаю, что Вам это неинтересно. Но поймите, это наш современный быт, это наши «хорошие, советские люди»!

Одному Викиному «другу» нужны деньги, чтобы купить квартиру родителям жены. Вика делает его своим «соавтором», он калечит Викин «В родном городе», делает идиотский фильм, ничего не имеющий общего с Викиной повестью, даже за границу его посылать нельзя, и получает 50 000 соавторских*.

* Речь идет о режиссере фильма «Город зажигает огни» В. Венгерове.

Писатель Виктор Некрасов и режиссер Владимир Венгеров

Другому Вика за так дал 50 000. Но 6 руб. на покупку Вере книги дать не мог! Сказал: «Не так уж много Ульянов нам помогал!». Мне все это противно, и я с негодованием рассказываю это кому-нибудь из Викиных знакомых. Человек меня слушает, негодует и затем сейчас же мчится к Вике: «Дай мне денег» – 3 тысячи, 5 тысяч. Последняя особа, которой я с негодованием рассказывала об этом, сразу потребовала 10 000. Не знаю, дал ли он ей. А иногда мой слушатель молчит. Оказывается: сам уже давно у Вики взял несколько тысяч. Ну, разве это не противно?

Зато Зина как-то негодуяще говорит: «Опять Машенька [из Тамбова] просит 200 руб. (старых денег)! На этот раз я ей не пошлю». Я хотела послать сама, но у меня было всего 100 руб. Я все-таки убедила Зину послать. Взяла у нее деньги и послала сама от ее имени. Это было, когда Маша получала 180 руб. в месяц, а ее дочь – 130 руб. (старыми деньгами)! Можно на это жить? Зина говорила: «Но ведь за 180 руб. она работает полдня?». Но жить-то надо целые сутки.

Я тогда продала Вике 2 картины Бурлюка и до окончания учения Машиной дочери высылала ей ежемесячно 200 руб. (старых денег). Это не «благодетельство», как Вы пишете. Я это слово употребила шутя, очевидно забыв поставить кавычки. Это – разумная помощь. Надо помочь человеку выбраться из тяжелого положения. И нам ведь помогали наши швейцарские друзья [и родственники]. Мама два раза ездила за границу на счет своей швейцарской подруги [M-elle Broye]. Та же сама хотела маму видеть.

17-V-62 (продолжение). <...> Стол у меня один: и для писания, и для еды, и для ее приготовления. А какое бесчисленное количество мебели у нас сгорело [при отступлении немцев]! В старой квартире у меня в комнате было 5 столов! Один ломберный я перетащила сюда. Но Вика, [якобы] не в состоянии купить Зине письменного стола, пришел ко мне в мое отсутствие с каким-то из своих приживалов (не предупредив меня), вышвырнул все вещи из ящиков на мой единственный стол и ломберный стол унес. Не нахальство? <...> Хоть бы при мне пришел!

Сейчас получила от Зины открытку, они гуляют [по Ялте], ежедневно смотрят кино, и им очень обрадовались кошки и собаки Ялтинского дома [отдыха]. Одна собака всегда смотрит кино. Очевидно, ей больше нравятся Викины фильмы. Думают продлить свое пребывание в Ялте на 2 недели.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 мая 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вчера была у Зины в квартире и из лежавших на столе открыток узнала, что уже вышел, наконец, Викин одностомник. Он добивался этого семь лет! Оказывается, сигнальный экземпляр они получили перед отъездом, но Зина не только не показала его мне, но ни слова не сказала. Мне кажется, это гораздо интереснее, чем то, что собаки и кошки их хорошо встретили в Ялте и что какая-то собака смотрит кино! Я уже помирилась с моей знакомой, которая работает в книжном магазине, и заказала ей два экземпляра Викиного одностомника для тебя и для себя.*

Он, Вика, заказал в Москве для своих Московских знакомых 50 экземпляров. Его московские знакомые берут эти книги сколько хотят и раздают кому хотят. Но Московский магазин пишет, что перевел все 50 экземпляров Вике на Киев. Из этой-то открытки я и узнала, что, наконец, его одностомник вышел. Еще было там извещение Международного Банка, что ему переведены такие-то деньги из Англии, очевидно, за его книжку. Какая это досада, что к нам можно переводить деньги сколько угодно, а от нас переводить нельзя!

* С.Н. Мотовилова ранее сцепилась с этой продавщицей лет пятидесяти, когда та пришла к ней в гости и стала спорить про крепость/слабость советского рубля по отношению к доллару и другим валютам. С.Н. Мотовилова тогда рассорилась с ней из-за ее наглого тона, с которым она спорила.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 22 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Благодарю Вас за советы о витаминах. Мне и до революции врачи говорили: побольше есть яблок. А какой там витамин – не знаю. Яблочный вопрос у меня разрешен. Сама я купила полкило яблок, так мало – денег не хватило. Знакомая из книжного магазина купила мне кило, и Ганя взяла для меня два с половиной кило. До новых яблок или ягод как-нибудь доживу.

Оказывается, свой сигнальный экземпляр однотомника Вика оставил здесь. Просила Ганю его принести на показ. Я надеюсь, что там не будет этого мерзкого рассказа о Саксонском короле [«Август-Фридрих-Вильгельм»], который и мне, и Вам так не понравился. Зина пишет, что Вика поедет в Артек, где ставится его новый фильм. Очевидно, опять есть соавтор!

Заходила Ганя. Принесла мне Викин однотомник. Этот мерзкий рассказ, конечно, есть. Вас, может быть, не очень это интересует, но меня интересует, а посему рассказываю. В книге 686 стр. Оранжевый переплет, мне не нравится. Тираж 50 000. Оглавление такое: повести – «В окопах Сталинграда», «В родном городе», рассказы – «Сенька», «Рядовой Лютиков», «Август-Фридрих-Вильгельм», «Вася Конаков», «Судак», путевые заметки – «Первое знакомство». Стоит книга 1 руб. 24 коп. Ганя не захотела взять книгу обратно. Все равно, говорит, они приедут через полтора месяца, и тогда и другие книги придут.

23-V-62 (продолжение). <...> Одна из моих знакомых докторш когда-то была хорошо знакома с детьми Яснопольского. Говорила, что жена Сергея долго не соглашалась выйти за него замуж. Почему? Он был и хороший, и в молодости так красив.

Теперь моя знакомая встречается с «Наташей Коробочкой», как она ее называет. Этой дочери [Якова Петровича] Коробки уже свыше 55-ти лет. Она, правда, как говорил мне Леонид Николаевич, жила в Белой Церкви, а теперь переехала в Киев, со своей приятельницей. Мать ее в начале революции уехала за границу, звала туда свою дочь, но та не соглашалась, не хотела бросать Россию.

У меня впечатление (ни на чем не основанное), что у Яснопольских она была вроде Золушки. Почему – не знаю. У этой знакомой то же [впечатление], и она меня все спрашивала, почему [Р.Э.] Классон не взял ее к себе. Мне кажется, естественным было жить у своей родной тетки [Екатерины Петровны Коробко], первой жены Леонида Николаевича. Какая-то ее подруга [в 1930-е] была сослана, и как только ее (подругу) перевели из тюрьмы [(лагеря?)] на поселение, дочь Коробки уехала к ней.

Что Вы слышали о жене Коробки? Я слышала, что она была не из нашего, интеллигентного круга. Страшная транжирка, Коробко совсем не был скуп, зарабатывал сумасшедшие деньги. Когда Классон получал 18 000 руб. в год [до революции], Коробко в Харькове – 40 000 руб. Но этой даме не хватало, и она закладывала все из вещей. Помню такое, приходит Коробко домой, исчез рояль – она его заложила. Мне казалось очень сложно [это сделать], кто его отвозил в ломбард? Что она, с Коробкой разошлась? За границей ей, очевидно, жилось неплохо, раз она дочь вызывала? Нет, дочь Коробки, конечно, не мой стиль.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Прочла Викин очерк.* Вы правы. Хорошо, живо написан. Я так и думала, что Соколов-Микитов – пьяница. Вика на войне научился пьянствовать.

Когда они жили возле Соколова-Микитова, я думала (когда Зина писала, что Вика ходит к нему «работать»), что Вика ходит туда пьянствовать. Ну, так и было. Когда-нибудь расскажу Вам, как Вика праздновал свое лауреатство в Киеве. Велел, чтоб меня дома не было. Зина из любезности ушла со мной в театр. Очень уж любопытно, как наши «хорошие советские интеллигенты» держат себя в гостях. Но это в другой раз.

Нашли, что у Вики «слишком много пьянок» в «Окопах Сталинграда». Кто-то сказал: «Как раз наоборот, пьянок на фронте было больше, он преуменьшил». Ну, редактор (не знаю какого издания) сел с Викой за стол и говорит: «Давайте выкидывать пьянки». Потом подумал, подошел к буфету, вынул бутылку водки, и они начали работать – «выкидывать пьянки».

Вы считаете, Паустовский талантливее Вики? Не нахожу. Вика [действительно] талантлив. Его люди мне чужды, всё milieu [(среда, окружение)] противно, но пишет он хорошо. Вы поглядите, как легко его читать. Его «Первое знакомство» на редкость удачная, живо написанная вещь. Я села на лавочке на Крещатике и прочла не замечая [времени, на одном дыхании? – МК].

То же самое писала одна очень интеллигентная старуха, она очень разбирается в литературе. Села читать, писала она [мне], и оторваться не могла, ее домработница зовет ее ужинать. Она с ней всегда очень любезна, а тут раздражается и говорит: «Да погодите, не мешайте!». Прочтя всю книгу, она думала, какое впечатление общее, и решила – грациозно.

Вика получил тогда массу восторженных писем от многих писателей, от Гранина, Кассиля и т.п. Но ни один не решился напечатать рецензию. Вика – табу. Лучше о нем не говорить. Когда на него нападают в Союзе писателей (на Украине в Союзе его ненавидят), его друзья быстро выходят из зала.

На днях пришли из Москвы 50 экз. его однотомника. Еще 50 экз. придет для него же в Киев [напрямую из издательства]. Чтоб выкупить эти [первые] 50 экз., надо было 60 руб. Их не было. Ни один из его друзей не мог их дать на несколько дней! Приживалка [Нора Аль] (она уже прописалась у них навсегда, раньше Вика разрешал прописываться только временно) телеграфировала Вике. Он выслал по телеграфу 65 руб. Ни один из Викиных друзей не мог ей помочь их получить.

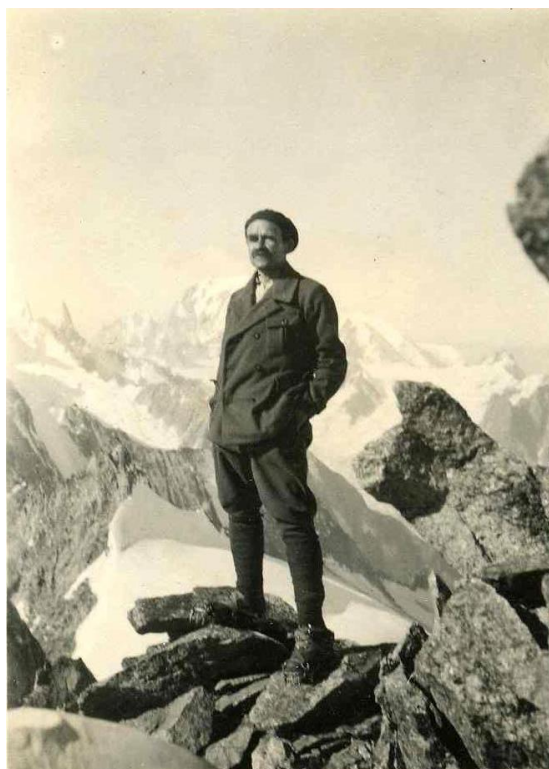
Она поехала одна на такси, перетащила все пачки и привезла домой. У них лифт. Я не выходила и просила Ганю послать Вере два «Огонька» и один экз. Викиного однотомника. Приживалка не позволила взять и одной книги из 50 экз., привезенных ею. Это, мол, Викины книги, и он сам будет распоряжаться ими как хочет. А раздает он так: ближним людям, которые его просят, отказывает. Его крестная мать, наша бывшая бонна – Коли и его, просит его дать ей хоть одну свою книгу с надписью, конечно. Отказывает, зато какому-нибудь шоферу, которого видел два раза, – дает, медсестре, которая за ним когда-то в больнице ухаживала, – дает.

* Виктор Некрасов. Неюбилейное признание (к 70-летию И.С. Соколова-Микитова). // «Новый мир», №5, 1962 (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Neybileynoe%20priznanie.aspx).

Перевод на итальянский «Киры Георгиевны», буржуазного издательства, Зина подарила мне. У них было два экземпляра. Вика встречает в первый раз какого-то итальянца, дарит ему (он же может в Италии купить) свой экземпляр и требует, чтоб я вернула мой ему! Зина вообще подарит мне что-нибудь, а потом требует обратно! Итальянская «Кира Георгиевна» у меня [теперь] только коммунистического издания, а буржуазное пришлось отдать. Приходит Ганя, возвращает мне письмо, которое она должна была послать Вере, и говорит, что она не решилась послать книгу.

Вика ей [раньше] говорил: «Вы должны слушать меня, а не Соню. Вы у меня служите». Затем говорил, что если она осмелится что-нибудь про него рассказать мне, то «вот дверь, и пусть сейчас же убирается»! Ну и дурак! Отчего нужно все от меня скрывать? Психоз какой-то. Пришлось послать Вере мой сигнальный экземпляр. Ведь ему же, Вике, должно быть интересно, чтоб его книга поскорее попала за границу. А я получу здесь, когда она будет продаваться в Киеве.

<...> Ульянов прислал мне снимок туннеля через Мон Блан. Он там консультант, приезжает изредка, а «молодые геологи, 50-60-ти лет» (это он пишет) все время живут там.

Николай Алексеевич Ульянов в Альпах

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 31 мая 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Летом 1912 г. Люба Пятницкая жила у мамы с маленькой Леночкой на даче в Хатках. И волновалась из-за неполучения писем от своего второго мужа Осколкова. Хатки – это хутор недалеко от Сорочинцев. Там построил себе дачу Короленко, и туда съезжались «сливки русской интеллигенции». Кстати, важничали страшно, как теперь жены или дети коммунистов. О важничании наших высокопоставленных очень хорошо написал Ваш любимец Паустовский (я читала по-итальянски). Я возмущена, что ему не дали ордена Ленина. Очевидно, это из-за его выступления о «высокопоставленных».*

Были тогда в Хатках (1911-12 гг.) Милюков, он и вся семья, какой-то адвокат Новиков, у него была очень глупая жена-врач, и очень нахальная девчонка Нина. Ее переписка с Короленко напечатана в однотомнике Короленко. Был Мякотин с сестрой. Вся семья Беренштам, либеральных адвокатов, защищавших политических преступников. Кистяковские – проф. Богдан Александрович с женой (приятельницей Крупской).

* Найти про важничество «наших высокопоставленных» в итальянском СМИ полувековой давности весьма сложно. Зато имеется краткая запись, ходившая в Самиздате, выступления К.Г. Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым» (22 октября 1956 г.) в ЦДЛ:

Товарищи! Для меня Дудинцев – явление весьма значительное, крупное. Роман Дудинцева – это первое сражение с Дроздовыми [(Дроздов – один из героев романа, директор комбината, противостоящий главному герою – изобретателю Лопаткину)], на которых наша литература должна накинуться, пока они не будут уничтожены в нашей стране. <...> Дроздовых тысячи и сейчас. Я хочу сказать об этом. <...> Совесть писателя должна быть в полной мере совестью народа. Дудинцев вызвал огромную тревогу, которая существует в каждом из нас. Тревогу за моральный облик человека, за его чистоту, за нашу культуру. Книга Дудинцева – это беспощадная правда, которая единственно нужна народу на его трудном пути к новому общественному строю. Книга Дудинцева – это очень серьезное предупреждение: Дроздовы не уменьшились, они существуют.

Сравнительно недавно мне довелось быть среди Дроздовых довольно длительное время и очень много с ними встречаться. Это было на теплоходе «Победа». Половина пассажиров – интеллигенция, художники, рабочие, актеры. Это один слой, который занимал 2-й и 3-й классы. Каюты «люкс» и 1-й класс занимал другой слой – заместители министров, крупные хозяйственники и прочие номенклатурные работники. С ними у нас ничего общего не было и не могло быть, потому что по мнению 2-го и 3-го классов Дроздовы, занимавшие половину теплохода, были не только невыносимы своей спесью, своим абсолютным равнодушием, даже своей враждебностью ко всему, очевидно, кроме своего положения и собственного чванства.

<...> Я говорю о тревоге, которая пронизывает каждого из нас, которая пронизывает Дудинцева. Где корни этой тревоги? Почему так встревожен Дудинцев, безусловно человек большого мужества, большой совести? Дело в том, что в нашей стране безнаказанно существует, даже, в некоторой степени, процветает новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашей страной, ни с социализмом. Эти циники и мракобесы, не боясь и не стесняясь никого, на той же «Победе» вели совершенно погромные антисемитские речи. Таких Дроздовых тысячи, и не надо закрывать глаза. Но важнейшая заслуга Дудинцева, который ударил по самому главному, в том, что он пишет о самом страшном явлении в нашем обществе. И на это ни в коем случае нельзя закрывать глаза, если мы не хотим, чтобы Дроздовы затопили всю нашу страну. Откуда это взялось? Откуда эти разговоры о низкопоклонстве? Откуда эти рвачи и предатели, считающие себя вправе говорить от имени народа, который они в сущности презирают и ненавидят, но продолжают говорить от его имени. Они не знают мнения народа, но они – любой из Дроздовых – могут совершенно свободно выйти на трибуну и сказать, что и как думает народ. Вы извините, что я говорю слишком резко, но я считаю, что тут не может быть никаких полунамеков, потому что это слишком грустно и слишком опасно.

Был Богомолец (родившийся в тюрьме), бывший президент нашей Академии. Присяжники – бывшие народовольцы.*

Ну, одним словом, «сливки всей нашей интеллигенции». Да, забыла сказать. Помощником присяжного поверенного Новикова был Александр Керенский. Дочь Новикова, Нина 5-ти лет, его очень третировала. Говорила: «Скажу Сашке, он для меня сделает!». Вы знаете, что Керенский – наш, симбирский? Сын директора гимназии. Его отец был очень дружен с отцом Ленина, который [– отец] был тогда директором народных училищ. Я знала, что бывали инспектора народных училищ, а что были «директора», не знала.

* Павел Николаевич Милюков (1859-1943), историк, публицист, теоретик и лидер партии конституционных демократов (кадетов), после 1917 г. в эмиграции; первая жена – Анна Сергеевна, урожд. Смирнова, дочь ректора Московской духовной академии (1861-1935); дети – Николай, Сергей и Наталья. Вячеслав Николаевич Новиков (?-1966), присяжный поверенный, с 1920 г. в эмиграции. Венедикт Александрович Мякотин (1867-1937), историк и литератор, сотрудник журнала «Русское богатство» (издатель и редактор В.Г. Короленко), с 1906 г. один из лидеров Партии народных социалистов, в 1922 г. был выслан из Советской России. Из семьи Беренштамов наиболее известен Владимир Вильямович (1878-1931), адвокат и публицист, защищал эсера-террориста Ивана Каляева после убийства последним великого князя Сергея Александровича. Александр Александрович Богомолец (1881-1946), президент АН УССР с 1930 по 1946 гг. Присяжники Иван Николаевич и Вера Николаевна (в девичестве и до крещения в православные – Дорфман Софья Львовна) в 1883-м привлекались к дознанию по делу о социалистической пропаганде среди рабочих железнодорожных мастерских в Полтаве, в 1884-м обвенчались в Киевской тюрьме. – Из Интернета

Из воспоминаний Владимира Вильямовича Беренштама:

<...> Это было в 1902-м году, – странно подумать, двадцать лет назад... Я жил тогда недалеко от деревни Хаток, в Виноградовом лесу, один в хате на берегу Псла. Ко мне на несколько дней приехали из Полтавы – Владимир Галактионович с женой Евдокией Семеновной и дочерьми-девочками. Мы ловили неводом рыбу (причем В.Г. проявил необыкновенное умение, ловкость и быстроту), много ходили, любовались видами. Я свел Короленок к моему отцу [Вильяму Людвиговичу] и к Ивану Николаевичу Присяжнику – старому народовольцу, жившим в 2-3-х верстах. Помню, тогда о Псле В.Г. говорил, что по красоте горизонта и видов эта река уступает только сибирской Лене...

И я начал убеждать В.Г. купить на опушке «Винограда», вернее за ним, но тут же – на горе, готовую усадьбу с садом и неглубоким на высокой горе колодезем. В.Л. усадьба понравилась (мы постоянно ходили мимо нее [на Псёл]), но он отказывался купить, говоря: «Я враг недвижимого имущества». – В.Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922

В итоге В.Г. Короленко все-таки купил усадьбу с подгнившей хаткой у Максима Касьяненко, обосновывая сей поступок так: «Здесь интересные люди!».

<...> После того, как В.Г. начал ездить в Хатки и о них, как о дачном месте, сообщалось в газетах, в Хатках появились «дачники», нанимающие крестьянские избы. Ради них крестьяне начали делать при хатах веранды-балконы и даже деревянные полы... <...> В Хатки В.Г. обычно приезжал летом, не только для отдыха, но и писать на лоне природы. На небольшом участке реки в общей сложности в ½ десятины В.Г. и Евдокия Семеновна создали на горе, близ берега Псла, очень красивую усадьбу с домом, вернее домиком и хатой. Своего берега у Короленок не было, и они ходили вниз купаться на мой, как и вообще все желающие. Домик построили из великолепных сосновых брусьев, привезенных из Полтавы. – Там же

О «съездах сливок русской интеллигенции» в 1911-12 годах В.В. Беренштам не упоминает, по-видимому, из-за следующих обстоятельств: «Помню, В.Г. возился в 1902-1903 годах с моим маленьким, ныне покойным, сыном Котей. Потом я жил в Швейцарии, в Лозанне. <...>»

Этой дружбой отца Керенского и отца Ленина и объясняется отчасти великолепный диплом Ленина. Ведь только что был повешен его брат [Александр], надо было, чтоб диплом был так безупречен, чтоб Ленина приняли в университет.*

Одно время [летом 1881 года?] мы жили на даче в Вырыпаевке.** Через луг против нас располагалась дача Керенских. Керенский был моего возраста, и от них к нам приходили, и мама [Алина Антоновна] к ним ходила смотреть, как он ползает, и как я. Видите, какая честь? Но знакома я с ним никогда не была, слушала его выступления еще до революции.

«Сливки» же русской интеллигенции [летом 1912 года] умильно важничали по отношению к нам. Я жила там [(в Хатках)], еще, когда мамы там не было, у сестры С.В. Андропова. Он был там единственный, тогда нелегальный, большевик. Раз была с ним у Короленко, раз – у Кистяковских. Тогда я сцепилась с Александром Богомазом из-за «Вех»***. Вы знаете этот сборник? Читали его, и что Ленин про него писал? Андропов был страшно смущен моей резкостью. Ни малейшего желания видеть «сливки» у меня не было. Мама приехала тогда из-за границы, и мы с Андроповым переехали к ней, в дом в Сорочинцах ее брата [Николая Антоновича]. «Сливок» тут не было.

Мама, Зина с детьми жили потом в Хатках уже без меня. Ну и гостила у них Люба [Пятницкая] с Леночкой. Потом они вместе с мамой уехали за границу. Люба была дико влюблена в своего второго мужа Осколкова, и все ждала от него писем. Он не писал. Он был талантливый скульптор, на самом деле, вечно жил у каких-то меценатов, а когда у них жить было нельзя – жил у Любы. Беременная Люба поехала на Капри, где он [тогда] жил. Он делал вид, что ее не знает. Одним словом: пролез к «сливкам», а тут появляется какая-то несчастная, бедная женщина, беременная от него!

* Ленин – гимназист

В №2 «Пролетарской Революции» [(Москва)] приведены любопытные выдержки из официального «Дела канцелярии директора Симбирской гимназии о допущении к экзамену зрелости учеников VIII класса Симбирской гимназии и посторонних лиц – начатое 18.2.1887», в том числе и Владимира Ульянова.

Перед нами – исправнейший гимназист, радующий сердце педагога толстовско-деляновской закалки. Выпускные отметки Ульянова Владимира – круглые пятерки, за исключением логики, по которой выставлено 4. На экзаменах В. Ульянов получил пятерки по всем предметам и – «удостоен аттестата зрелости и награды золотой медалью».

В «Деле» имеется и общая характеристика В. Ульянова, принадлежащая перу А.Ф. Керенского – Ф.М. Керенского, бывшего в эти годы директором Симбирской гимназии [и его классным наставником]. «Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, – пишет этот педагог по адресу будущего потрясателя всех основ, – Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 г., после смерти отца – одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и к характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, которые были красой школ, и вообще нелюдимости. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в [Казанском] университете». <...>

«Руль» (Берлин), 8 января 1922 г.

** Скорее всего, это село Вырыпаевка в Симбирском уезде, которое находилось в 8 верстах от Симбирска. Были еще два села Вырыпаевка в отдаленном Карсунском уезде Симбирской губернии.

*** А.А. Богомолец здесь «трансформировался» в «Богомаза». «Вехи» – сборник статей русских философов начала XX века о русской интеллигенции и ее роли в истории России. Издан в марте 1909 г. в Москве. Получив широкий общественный резонанс, к апрелю 1910 г. выдержал четыре переиздания общим тиражом 16 000 экземпляров.

Здесь, на Капри, он вошел в милость к М. Андреевой, тогда жене Горького. Это ему было очень полезно впоследствии, он был директором музея [[кустарных изделий Сергея Тимофеевича](#)] Морозова, в почете у большевиков. Года три назад праздновали его 70-летие. Я послала Любе [[в Париж](#)] статью [[\(напечатанную по этому поводу\)](#)].*

В 1912 году Люба гостила у мамы в Хатках, ссорилась с Зиной, рвала и метала, что нет писем из Франции от Осколкова, проклинала Хатки и почту. А между тем доставка писем в Сорочинец была очень хорошо организована. Это же деталь тогдашнего быта и [<нрзб.>](#) Короленко. Впервые попав в Сорочинцах на почту, я была изумлена необычайной любезностью начальника почты и всего персонала. А вот чем это объяснялось. Короленко, человек абсолютно честный, морально чистый, однако понимал существующие тогда порядки. Ему, редактору тогда [[журнала](#)] «Русского богатства», очень важно было получать своевременно все письма. И вот ежегодно он давал какую-то сумму начальнику Сорочинской почты от всех дачников Хатков. Кто сколько должен заплатить, распределял сам Короленко, в зависимости от того, кто сколько получал писем. Больше всех платил он сам. Это было разумно, вполне справедливо, но ... взятка все-таки есть взятка.

Из дачников, живших тогда в Хатках, не важничали только двое – сам Короленко и его жена. Я, кажется, ее видела всего два раза. Ее сестра была яркой террористкой при царской власти. При советской власти ей хотели дать пенсию, она отказалась.**

<...> Викин бывший переводчик Страда, когда я упрекала, что он дружит с Евтушенко, сказал: «Я вовсе с ним не дружу, он хвастунишка». Ну и, по-моему, подлиза. А по-Вашему? Зина нашла его [[стихотворные](#)] фельетоны остроумными.*** Я как раз с гордостью говорю, что, подавая заявление в Наркомпрос в 1918 году, я написала: «Я не большевичка, никогда ею не была и никогда не буду». Ничего дурного тут не вижу. А Евтушенко всячески оправдывает свою жену. Она, мол, такого не говорила. Она только сказала, что она не коммунистка. Ну, а если бы сказала: «и никогда ею не буду», что тут такого?

* Идентификация такого персонажа как «скульптор Осколков» (1887-89 года рождения) потребовала, как мы видели, трудоемких поисков (лишь в публикации «Советской культуры» за 1957 г. была раскрыта «тайна превращения» Осколкова в Маграчева, см. выше). Как зафиксировал И.Р. Классон в своих черновых записях: «Когда Любовь Николаевна получила от Марии Ивановны Мотовиловой 5 000 руб. и дала их в 1913-м Осколкову, он сбежал, но как узнала [[ее сестра](#)] Вера Николаевна, он потом работал в Москве в Музее изобразительных искусств под другой фамилией, короткое время давал Вере Николаевне небольшие деньги для Любви Николаевны». (ф. 9508 РГАЭ)

С другой стороны, «талантливый скульптор» не сподобился сделать бюст «великого пролетарского писателя» на Капри (1906-1913), хотя, например, в письме А.М. Пешкова-Горького к К.П. Пятницкому (январь 1908 г.) содержится такое упоминание: «лепят меня сразу двое – [[неизвестный](#)] немец и итальянец [[Итало Кампаньоли](#)]», и в результате Осколков-Маграчев «не попал в скульптурную историю»!

** Речь идет о Евдокии Семеновне Короленко (1855-1940) и ее сестре Прасковье Семеновне Волошенко (1852-1935), урожденных Ивановских. П.С. Волошенко судилась в 1883 г. по «процессу 17-ти народовольцев». Была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В 1903 г. бежала из ссылки, прибыв в Петербург, присоединилась к боевой организации социалистов-революционеров. Участвовала в подготовке убийства Плеве. После 1905-го отошла от активной террористической деятельности, жила в семье В.Г. Короленко. После 1917 г. участвовала в работе Общества политкаторжан, автор мемуаров: В боевой организации. Воспоминания. М., 1928 и других.

*** <...> Сейчас, в 1987 году, я выписал это стихотворение [[\(посвященное Бэлле Ахмадулиной\)](#)] из солидного тома, из первого тома собрания сочинений Андрея Вознесенского. Лауреат, делегат, депутат, Андрей Вознесенский сочиняет теперь стихи для газеты «Правда» о трезвости (поэт не рекомендует заниматься любовью в состоянии алкогольного опьянения). Его нынешние творения неотличимы от версификаций Евгения Евтушенко, который уже многие годы промышляет рифмованными фельетонами. Правда, в последнее время Евтушенко все больше нажимает на нерифмованную журналистику, убеждая граждан – вслед за товарищем Горбачевым, – что в СССР произошла революция. Сверх Горбачева, от себя, Евтушенко добавляет еще, что он как раз и был одним из тех, кто эту самую революцию подготовил. – Михаил Лемхин. «...Всегда пребуду только тем, что есть...»

Я Вам рассказывала, как меня гнали из нашего [украинского] Наркомпроса? Ни к Затонскому*, ни к его заместителю допустить не хотели и кричали: «Вам не место в советском учреждении». Я сказала: «Однако Надежда Константиновна Крупская меня лично пригласила работать в Наркомпросе». – «Ха, хи-хи! Вы ее только на портрете и видели!». Кричали, что сейчас позовут швейцара и выгонят меня. Вот и борись за правду! Вика тогда сказал: «Естественно, они считают, что если бы ты хорошо знала Крупскую, ты бы была хорошо одета, с роскошным портфелем, набитым бумагами, и говорила властным тоном». Ну, это было давно, он еще был юн.

<...> Мне понравилась статья Крупской об издании Жуковского («Новый мир», №5). Но согласитесь, все-таки странная идея была из классиков, в начале революции, издать именно Жуковского! Надежда Константиновна была типичная интеллигентка XIX века, да и Ленин тоже.** Это и Горький говорил.

* Владимир Петрович Затонский с 1927 г. был наркомом просвещения УССР.

** А как же людоедское высказывание «интеллигента» В.И. Ульянова-Ленина в советское время о том, что интеллигенция – это не мозг нации, а г...но, и интеллигентов надо расстреливать – вместе с дворянами, белогвардейцами и священниками?

«Статья Н.К. Крупской об издании Жуковского» – по-видимому, имела в виду публикация: К. Демин. Об одной литературной полемике и забытой статье Н.К. Крупской. // «Новый мир», №5 1962. Здесь С.Н. Мотовилова, к сожалению, забыла о грандиозной идеологической чистке библиотек, устроенной с подачи «интеллигентки» Н.К. Крупской в 1920-е годы (но вспоминала об этом периодически в других письмах):

<...> Раскроем изданную в 1924 г. «Инструкцию по пересмотру книжного состава библиотек», подписанную Крупской как председателем Политпросвета — Главного политико-просветительного (!) комитета РСФСР при Наркомате просвещения. Инструкция адресована всем подразделениям этого наркомата, всем органам народного образования и политпросвета в стране. <...> «Инструкции» 1924 г. предшествовали по крайней мере два аналогичных документа, подписанных супругой главы государства: одна была выпущена в конце 1920-го, вторая – весной 1923 года. Эти инструкции поражают масштабностью задуманной «чистки».

Что же подлежало изъятию? Многотомный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского». <...> Запрещались исторические романы Всеволода Соловьева (брата известного философа), сочинения таких русских писателей, как Н.С. Лесков и А.А. Бестужев (Марлинский). Изымались «Басни» И.А. Крылова, многие из которых, как известно, повторяли вековые темы мировой басенной литературы, в частности мотивы Жана де Лафонтена. Под запретом оказались труды Льва Толстого религиозно-этического содержания; разумеется, роман Ф.М. Достоевского «Бесы». От отечественного читателя отрезались пути к трудам замечательного русского педагога К.Д. Ушинского (ведь сама Надежда Константиновна взялась за создание «педагогике пролетариата»).

Вредными были сочтены и произведения тех, кто недавно был близок социал-демократам—большевикам: юриста А.Ф. Кони, марксистов Карла Каутского и Г.В. Плеханова. Под секирой супруги вождя пали философские труды выдающихся русских мыслителей – Владимира Соловьева и Николая Лосского (к тому времени уже высланного из страны). Не пожалела Надежда Константиновна и зарубежных философов – Рене Декарта, Спенсера, Шопенгауэра, Джемса. М. Горький, осуждая в письме к Ходасевичу деяния Н.К. Крупской, дополняет этот набор именами Платона, Канта, Тэна, Рескина, Ницше... Из зарубежных художественных творений не достойным покоем на библиотечных полках признаны сочинения Метерлинка, роман Вальтера Скотта «Шотландский стрелок» и т.д.

<...> В «Инструкции» весьма неопределенно указывается, какого рода книги подлежат изъятию. По отделу философии, психологии и этики – это книги, «защищающие ментализм, оккультизм, спиритизм, теософию»; в отделе религии должна быть оставлена только антирелигиозная и противощерковная литература; исключение допускается лишь для «основных книг вероучения – Евангелия, Библии, Корана...». Чрезвычайно примечателен пункт, касающийся отдела «общественных знаний», — из него должны быть изъятые: «Устаревшая агитационная и справочная литература советских органов (1918, 1919, 1920 гг.) по тем вопросам, которые в данное время иначе разрешаются Советской властью (земельный вопрос, налоговая система, вопрос о свободной торговле, продовольственной политике и пр.)». А что же списки книг – жертв библиотечной чистки? Они были приведены в трех приложениях к инструкции, причем предполагалось, что списки эти носят примерный характер.

<...> Я обычно покупаю два №№ [«Нового мира»], где есть что-нибудь Викино. Один № посылаю Вере, а один оставляю себе и даю на прочет. Я, кажется, писала Вам, что Ганя принесла мне сигнальный № Викиных «Избранных сочинений».

<...> Ганя в отчаянии, что приживалка [Нина Аль] прописалась навсегда. Боится, что она еще на их площадь пригласит свою мать. У матери хорошая комната в Ленинграде, но она записана на имя отца. И вообще: удобнее жить в чужом доме на всем готовом и брать сколько угодно денег, так как они «общие». Здесь она как старший научный работник получает 115 руб., ну и может их откладывать, а не тратить, раз у Зины все в ее распоряжении.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 июня 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вчера получила тридцать второе письмо в этом году от Вани Классона. Он заканчивает биографию Роберта Эдуардовича, и ему уже опять прислали перевод с английского по его специальности – электричеству. Оба его сына с женой живут в их «садику». Я тебе писала, что возле городов дали желающим какие-то маленькие участки земли, чтоб они разводили фруктовые сады, но ...не позволили строить [капитальных] домов. Нельзя же всем-то жить без дома? И все, конечно, построили небольшие какие-то домики. Ну и все страшно возятся со своими «садиками». Тут и ягоды, и фрукты, и овощи. Вчера меня угощали соседи клубникой из их сада.

<...> Пока Зина и Вика думают прожить в Ялте до начала июля, а может еще продлить. <...> Зинина приживалка уехала на две недели в командировку. Ганя этому очень рада, так как у нее теперь живет их экс-милиционер [Вася], а то Ганя боялась по ночам грабителей. Теперь ее [хоть] кто-то охраняет.

Окончание примечания

<...> Обратимся к спискам «вредных» книг. Списки эти охватывали: беллетристику — «лубочные» книжки, в том числе издания Сытина, выпуски «бульварных романов» («Авантюрист Казанова», «Нат Пинкертон», «Пещера Лехтвейса»), «уголовные романы» (в том числе сочинения Габорио), а также поименный (56 фамилий) список авторов, в числе которых Арк. Аверченко, Б. Алмазов, кн. Бебутова (с пометкой: «все [сочинения]»), А. Вербицкая, Б. Маркевич, («все»), Всеволод Соловьев («все»). В этой тематике, среди этих авторов нет, конечно, «классиков», по крайней мере по стандартам того времени. Удар наносился по развлекательной литературе: ничто не должно отвлекать «рабочих и крестьян» от классовой борьбы. Особое внимание уделялось изъятию литературы «вредной» для детей. Список «книг, подлежащих изъятию из детских библиотек», включал сказки, повести и рассказы, журналы для детей. В нем было 20 названий сказок и шесть названий журналов («В школе и дома», «Галчонок», «Доброе утро»). Народная мудрость и проповедь добра были чужды, как видно, составителям этих списков. <...> – Бирюков Б.В. «Цель вполне практическая. Только и всего». Репрессированная книга: истоки явления

В апреле 1924 г. в «Правде» появилось письмо Н.К. Крупской с протестом против слишком широкого толкования понятия «контрреволюционная и антихудожественная литература» (речь идет как раз об «Инструкции о пересмотре книжного состава библиотек к изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы», М., 1923). Вот как на это язвительно откликнулся берлинский «Руль» 15.4.1924:

<...> В другом номере той же газеты [«Правды»] вдова самого Ленина резко протестует против неслыханного мракобесия Главполитпросвета, который, как известно, издал «циркуляр об изъятии из библиотек ненужных и вредных книг». На основании этого идиотского циркуляра были изъятые «Платон, Кант, Мах, Лев Толстой, Кропоткин и т.д.». Крупская протестует, однако, не против самого мракобесия, напоминающего жесточайшие времена средневековья. Нет, напротив, она напоминает, что «мною был подписан циркуляр об изъятии книг». Беда только в том, что исполнители слишком широко размахнулись. И, по мнению Крупской, Канта можно было пощадить, потому что «массовик читать Канта не станет ... а проповедь Л. Толстого не страшна ... Не страшны и анархические тенденции Кропоткина». Этот протест мракобесия [Крупской], пожалуй, еще знаменательнее, чем проявление такового.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 11 июня 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я как-то Зину попросила позвонить [в [Москве](#)] Ногиной, которая мне не ответила на письмо. Зина сказала: она ей звонить не может, у Лунгиных нет телефонной книги. Когда Зина вернулась в Киев, я говорю: «Ты же могла спросить ее телефон в справочном». Живет она в доме правительства [на [ул. Серафимовича? – МК](#)], не так уж трудно найти. Зина объяснила: она видела Ногину в 1927 году, встретила ее в Кремле, когда шли с мамой к Луначарскому, и она Зине не понравилась! С 27-го то года сколько лет прошло! И ведь по телефону, она ее не увидит. Нда.

Не реагируйте так на все отзывы о биографии Роберта Эдуардовича. Сдавайте ее поскорее. Один так думает, другой иначе. Я нахожу, что ссылки на приложения утомительны, другие может быть иначе думают.

<...> Вика получал 4 000 руб. старых денег за [авторский] лист. А иногда 4 000 за один подвал! Как-то Твардовский был болен. Вике [в «[Новом мире](#)»] заплатили 3 000 за лист. Как только Твардовский выздоровел, он возмутился, и Вике доплатили. В наших издательствах ужасное жулье.

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 15 июня 1962 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну).

Милая Соня!

<...> Вика, когда ходит в Ялту ежедневно за газетами и журналами, «наскоро» купается на городском пляже. Вчера он в Ялте встретил Пинчика (брата Иончика [Локштанова]), который военный инженер. <...> О Иончике говорит, что он ушел из театра, <...> выступает [теперь] где-то в другом месте.

<...> Пробудем здесь до 3 июля, как я уже тебе писала, и вылетим в 4 утра, так что в Киеве, верно, будем как всегда часов в 5-6 вечера. Пришлем Гане телеграмму о времени приезда. <...> Купаться на Золотой пляж мы не ездим, т.к. вода холодная – +10⁰, на пляже сильный ветер и совсем не хочется так «загорать». А Вика купается в Ялте, остальное время пишет.

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 июня 1962 г.

Милая Вера.

<...> Посылаю тебе одно из последних писем Зины. В письме от 16-го я послала тебе три или четыре открытки от Зины с видами Крыма. Зина и Вика должны вернуться 3 июля. А Вику Союз Писателей куда-то посылает.

На днях получила письмо от Любочки – мне и Зине в одном конверте. Она еще у [дочери] Лены. Они переехали из Juan les Pins в Antibes. Бедная Люба пишет, что получает пенсию только раз в три месяца. Мы получаем ежемесячно. Сейчас она получила пенсию и смогла написать мне и Зине, а то нет денег на марки. О Лене и своем зяте ничего не пишет и, кажется, рвется вернуться в Париж. Станный у нее зять [-немец], почему он не едет в одну из Германий? Его родители живут в ГДР. Может быть, он там смог лучше зарабатывать.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 20 июня 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я считаю необходимым было бы включить в текст [книги М.О. Каменецкого] высказывания Крупской после смерти [Р.Э.] Классона и в то место, где говорится о его учении в Петербурге. Это сразу ставит его как настоящего марксиста, а вовсе не как буржуазного специалиста.

Ваши консультанты – сами буржуазные ученые и этого не понимают или не хотят понять. Но это, по-моему, очень хорошо, что кафедра истории техники хочет дать отзыв (надеюсь, положительный) об этой книге.

21-VI-62 (продолжение). <...> Мне очень понравилось замечание [Р.Э.] Классона, что в Большом театре поют Нежданова, Собинов, а в промышленности (ну, по-моему, и в других областях) поют капельдинеры. Очевидно, на них снисходит «благодать».*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 27 июня 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> 3 июля должны вернуться в Киев Зина и Вика, а далее Вика едет в какую-то командировку, не то в Эривань [(Ереван)], не то в Сибирь.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 29 июня 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> От Веры за весь год ни одного письма! А от Зины ни строчки с 23-го.

Звоню как-то Гане. Она сообщает, что получила приказ «от своего хозяина» ехать в отпуск. Перед этим она мне говорила, что боится за квартиру и цветы, которые надо поливать, и ни за что не уедет до Викиного приезда. Но для нее он царь и бог. Зину за хозяйку она не считает. Еще в этой квартире она кричала на Зину: «Кто тут хозяйка?».

Мне сказали, что у крестьян хозяйкой считается та, кто готовит. Меня Ганя тоже презирает. Как-то еще здесь слышу телефонный разговор: кто-то спрашивает о моем здоровье. Она говорит: «Оно и больнэ и не больнэ». «Оно» или «Воно» о человеке – это знак презрения по-украински. Значит, остается в квартире у них одна приживалка. Боюсь, что все их цветы погибнут, а их очень много – и на балконах, и в комнатах.

От Гани знаю, что Вика и Зина продлили свое пребывание в Ялте на 2 недели. Вика там пишет, кажется, о своей поездке в Италию для «Нового мира». Первую часть уже прислал сюда, ее перепечатывает его знакомая [Ева Пятигорская? – МК]. Завтра придет Ганя проститься, уезжает в деревню к своей сестре.

* Такое представление, что чиновник центрального правления, особенно если он политически правоверен, может все что угодно и во всем компетентен, отнюдь не является особенностью переживаемого момента. И раньше в России этот взгляд был очень распространен, чиновник всегда считался компетентным, независимо от своей подготовки и своих знаний.

Тот же взгляд господствовал и в городских самоуправлениях. Раз человек избран, например, членом Управы, считалось, что на него нисходит «благодать», и он все знает и все может делать. Недаром в последней Московской [городской] Управе инженер Малинин заведывал медицинской частью, а доктор Дувакин заведывал технической частью.

Единственная область, в которой теперь, как и раньше, компетентность людей, профессионально знакомых с делом, продолжает признаваться – это область искусства. В театрах по-прежнему поют Шаляпин и Нежданова. (А в промышленности часто бывает пение капельдинеров – приводилось в одном из черновых вариантов записки.)

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 июня 1962 г.

Милая Вера.

Сейчас получила письмо от Зины и от Ульянова. От Зины, как всегда, только открытка и в ней больше вопросов [(чем описания их отдыха и знакомых)]. Они еще продлили свой срок пребывания в Ялте до 15-го июля. Вика, кажется, пишет о своей поездке в Италию для «Нового Мира», но Зина говорит, что он еще не кончил и хочет закончить это в Крыму, где ему меньше мешают гости и телефонные звонки.

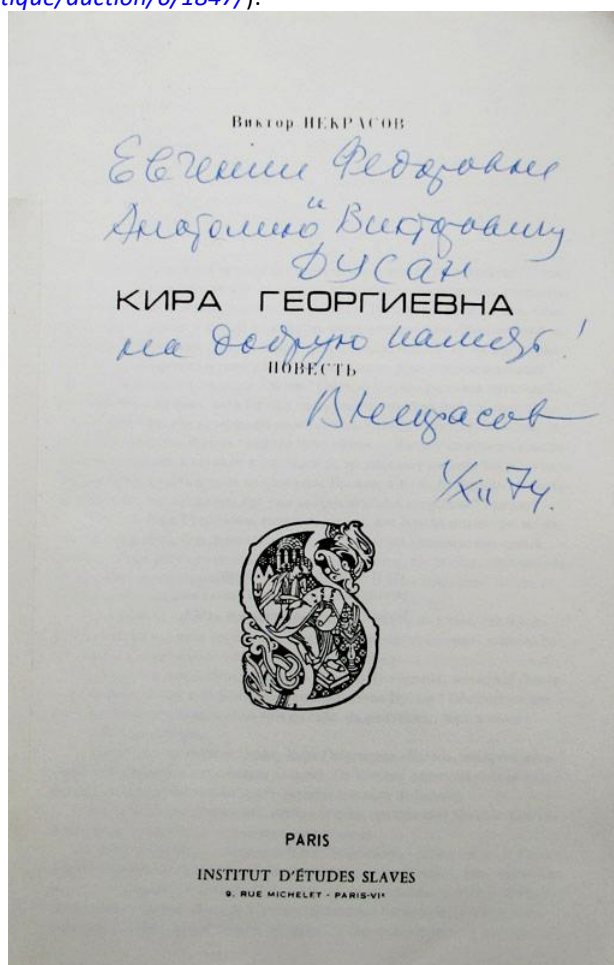
Гане Вика написал, чтоб она ехала отдыхать. Она все жалуется, что переутомляется от работы. Мне Ганя говорила, что ни в коем случае без Вики не уедет, боится оставить квартиру и боится, что пропадут цветы. У них очень много цветов – и на балконах, и в комнате, и их нужно ежедневно поливать.

И вдруг Ганя мне говорит по телефону, что едет в деревню к своей сестре Рилине, так как получила «приказ» от своего «хозяина» сейчас же ехать отдыхать. Она ведь Вику обожает, для нее он и царь, и бог.

В квартире у них остается одна их приживалка [Нина Аль]. Живет она у них уже десять лет, но Вика почему-то не хотел ее прописывать на постоянно. Надеялся, что она уедет к своей матери в Ленинград. Но в их отсутствие она-таки прописалась на постоянно, что очень волнует Ганю.

<...> Во Франции вышла книга переводов наших стихов и рассказов, и там [есть] рассказы и Вики. Если эта книга недорого стоит, может быть, Ульянов пришлет мне?*

* Найти в Интернете книгу с такой «смутной наводкой» весьма затруднительно. Зато на сайте «В Никитском. Дом антикварной книги» удалось найти следующий «раритет», изданный в Париже в том же году (www.vnikitskom.ru/antique/auction/6/1847/):

Титульный лист парижской «Кире Георгиевны»

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 2 июля 1962 г.
(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

<...> В воскресенье [30 июня], обыкновенно, наш шофер «выходной», и Вика думал использовать его, чтобы съездить, в виде развлечения в Коктебель, куда ведет красивая дорога и где у нас есть и знакомые. Но директор [дома творчества] сказал, что машина занята: оказалось, что сюда направили из Литфонда француженку, которая отвозила сына 12 лет в Артек. И директор предложил нам тоже поехать и посмотреть Артек. <...> И мы, конечно, с удовольствием туда поехали.

<...> Как я уже писала, мы в Киев вылетим 12 июля, как только Вика кончит свое «писание», что обыкновенно он делает с полседьмого-семи утра на моем балконе, где рано утром еще нет солнца, и после обеда, с трех часов, когда солнце уже ушло. А по вечерам смотрим кино у себя в «доме» или идем в Ялту, что тоже очень приятная прогулка.

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 июля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Я лежала в глазной больнице в 1954 году. У нас ведь нет отдельных комнат, а кладут в общие палаты. Нас лежало десять в общей палате. <...> Очень хорошо, что у нас бесплатное лечение в СССР, но ухаживающий персонал страшно нахален. У меня, например, случился там спазм мозговых сосудов, тогда я не могу двинуться, должна лежать. И даже, когда начинается мозговая рвота, не могу головы поднять. Пришла нам капать капли сестра, девчонка лет восемнадцати и кричит, чтоб я сейчас же вставала. Сама стоит в двух шагах от меня и не может подойти и капнуть мне в глаза!

Разъяренная девчонка побежала жаловаться докторше. Прибежала негодующая докторша, но, конечно, поняла в чем дело и велела ей капать мне, когда я лежу. Я не знаю почему, но со мной все грубы. Кажется, потому, что я произвожу впечатление бедной и одинокой. Как видишь, в социалистическом государстве это имеет такое же значение, как в буржуазном. Когда мне надо было выходить из больницы, и Вика в автомобиле приехал за мной, вся эта дрянь залебезила: «Сыночек приехал, сыночек приехал!» Очевидно, чтоб на чай получить.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7 июля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вера лежит в клинике глазной. Она стала плохо видеть, и ее повезли туда делать операцию, на катаракту.

<...> Сейчас у меня была та дама, которая прислала ко мне «мальчика» [(Александра Ефимовича Парниса)]. Я спросила, почему он в 24 года, когда должен был бы кончать вуз, только едет поступать [в [московский киноинститут](#)].

Оказывается, он учился в Политехническом институте, и его выкинули со второго или третьего курса за «любовь к абстрактной живописи». Какое это отношение имеет к его учению? Выкинули их несколько человек, но остальные покаяться и их опять приняли, а он не захотел. За это я его уважаю. Во времена Викиного учения одного его друга хотели выкинуть из вуза за то, что он сказал, что архитектор больше понимает в архитектуре, чем простой рабочий. Не помню, как это уладилось.

<...> Получила сегодня целых два письма от Ульянова. Верина операция прошла удачно. Ульянов проводит ночи в Веринной палате, не спуская с нее глаз [(чтобы та не сорвала случайно повязку)].

Обидно, что как раз в это время происходил съезд какого-то Международного союза геодезии и геофизики, членом которого он состоит. Председателем этого союза является какой-то московский профессор Белоусов, который приглашал Ульянова прочесть ряд лекций в Москве.* Ульянову, конечно, очень бы хотелось побывать у нас, т.е. в СССР, но из-за Веры он никуда поехать не может. Оказывается, еще два месяца ей надо, чтобы глаз привыкал к свету!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8 июля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Зина почему-то переслала только мое письмо [(в Тамбов, от Любы Пятницкой, которое я послала Зине в Ялту)] и ни слова не приписала Машеньке [Володиной] (тети Анютиной дочери). Зина Машеньку никогда не видела, но почему-то злобно к ней относится, вероятно, под влиянием своей приживалки. Приживалка [Нина Аль] уже отвадила от Зины всех ее старых знакомых.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 11 июля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Получила вчера Ваше письмо от 7 июля. Очень интересно было прочесть о вашей поездке в Электрогорск. Рада, что Вы переменяли несколько впечатлений. Я вообще люблю путешествовать. Ведь я бывала в Швейцарии, Италии, Франции, Германии, Швеции, Австрии, Англии. В Италии была несколько раз. В Швейцарии мы долго жили. И я люблю видеть места, где я когда-то жила. Проезжая через Лейпциг, я зашла в квартиру, где жила в 1899 году. Как раз хозяйка переезжала, но я зашла в «свою» комнату. И в Веймаре я заехала к своим старым хозяевам.

<...> Кажется в 1928 году по дороге из Лозанны мама заехала к моей старой приятельнице в Веймаре. Она мне написала тогда, я жаловалась на уплотнение квартир. Она написала, что меня вполне понимает. Ее тоже заставили уплотниться. Она жила одна со своей компаньонкой и прислужой в доме в два этажа. Дом ей подарил один из их пансионеров – англичанин. Ее заставили уплотниться и сдать второй этаж!

В 1950 году мы были с Зиной в Симбирске. Нам очень повезло. Мы застали еще 3 квартиры, где мы жили, мы осмотрели их, снаружи, конечно. В одной квартире нам сказали, что тут живет старожилка, наших лет, может, мы зайдем к ней и вспомним прошлое. Мы зашли. Нас встретила не она, а ее младшая сестра.

Я сказала: «Мы Мотовиловы, вы верно кого-нибудь из них знаете?». Она сердито переспросила: «Помещики?». Да, говорю. Лицо ее сделалось бешеным, и она ответила зло: «Я никогда ничего общего не имела с помещиками». Тут уже вышла старшая сестра, но мы объяснили наш приход и поспешили ретироваться.

Пятницкие сказали, что мы неправильно начали. Старушка эта является симбирским экспонатом. Ее привозят на все Ленинские торжества, и она чего-то рассказывает. Так надо было начать с того, что мы знакомы с Лениным, и он был у нас.

* Белоусов, Владимир Владимирович (род. 1907) – геолог, тектонист и историк науки, чл.-корр. АН СССР (1953), доктор геолого-минералогических наук (1938), профессор, зав. кафедрой общей геологии Московского геологоразведочного института (1943-49), зав. лабораторией геотектоники и тектонофизики геологического факультета МГУ (1953), зав. отделом геодинамики, планетарной и морской геофизики Института физики Земли АН СССР (1943); президент Международного геодезического и геофизического союза (1960-63, вице-президент с 1957 г.) <...>. – Из Интернета

Цел был и дом, где жили бабушка и дедушка Луиза Францевна и Иван Егорович. Дедушка часто приходил к нам, а с бабушкой Луизой Францевной отношения были прерваны. Узнав, что бабушка Луиза Францевна хочет продать их родовое имение Цыльну, папа решил его купить. Продал свой хутор, чтоб собрать деньги, а бабушка, не сказав ему ни слова, потихоньку продала свое имение, какому-то другому Мотовилкову. Папа никогда ее, свою мать, больше не видал. Мы ездили в Бугурну без папы. Дом в Симбирске был не бабушкин, а просто она его снимала. И это в этом доме, когда были девочками Маня и Вера, устраивались танцклассы, на которые приезжали сестры Ленина.

Сегодня получила открытку от Зины. Они будут в Киеве 13-го, т.е. послезавтра.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 июля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Скажи Ульянову, что все его письма я показываю Зине и даю показать Вике. Пусть он мне об этом не напоминает. А Зина мне его писем не приносит: то ли потому, что Вика ей не позволяет, то ли потому, что она все забывает и путает. Может говорить, что уже больше полугода не было от Ульянова писем, а потом вдруг вспомнит: «Ах да, две недели тому назад мы от него письмо получили». – «Так что же ты не принесла?» Тут уж начинается с ее стороны бешенство. Спорить с ней нельзя, какую бы чепуху она ни говорила.

В один прекрасный день она выдумала, что у нас больше нет почтовых ящиков на улицах. В другой раз стала уверять меня, что Викина приятельница [Нанина] Прахова в Киеве при немцах не жила. Каким же образом она тогда попала [вместе с ребенком] в Австралию? Попала она туда как «перемещенное лицо», немцы, уходя, вывезли с собой массу русских, и они [по окончании войны] попали в самые разные страны. И, главное, мы с этой Наниной Праховой во время немецкой оккупации постоянно виделись, и она была на маминых похоронах. Зина все это забыла и говорит: «Нет, это ее сестра была (которую я никогда не видела!)».

Зина постоянно теряется, садится не в тот троллейбус, попадает не на ту улицу. Это называется «потерять способность к ориентации».

<...> Зина и Вика прилетели из Ялты 13-го, кажется, около трех часов дня. Я думала, что Зина зайдет ко мне 14-го, но она пришла 13-го в десять часов вечера, легко одетая, в балетках. Начался дождь и сумасшедшая гроза. Вика сейчас же позвонил, чтоб Зина ждала его. Через десять минут (больше десяти минут Зина у меня ведь вытерпеть не может) она стала одеваться, взяла мои башмаки, начала их набивать бумагой – она одна пойдет. «Да ведь Вика же сейчас придет», – говорю ей. Нет, она бежит к соседям звонить ему, что одна идет. Он опять говорит, чтоб она его ждала, он за ней едет.

Тут Зина глядит на свои часы и начинает уверять меня, что теперь не половина одиннадцатого, а только семь часов! На столе [у меня] стоят большие часы, настольные, показывают около одиннадцати. – «Нет, – говорит она, – сейчас только семь часов!» Без четверти одиннадцать появляется Вика, с ее башмаками, плащом, зонтиком и начинает одевать Зину, как нянька маленького ребенка, и говорить с ней успокоительным тоном.

Это ему все-таки надо в заслугу поставить, что он так возится с ней и берет ее во все свои дома отдыха. Купаются они вместе, он ее вводит в море. Ну, в свои командировки он уже, конечно, Зину брать не может.

<...> Сегодня я звоню Зине, и Ганя говорит, что Зина больна, в понедельник [16 июля] у нее была температура, а Вика не уехал в Москву, «так как возится со своими итальянцами». Вероятно, это итальянцы, бывшие в Москве на конгрессе мира и теперь [оказавшиеся] проездом в Киеве.

Знаю, что среди них есть [Карло] Леви. У тебя есть его книжка [на итальянском], где он описывает свое пребывание у Вики, не помню – в 1955-м или 1956 году.*

<...> Зине привезли из Италии какой-то маленький аппарат от глухоты. Он вкладывается в ухо, и его совсем не видно. Зина уверяет, что отлично все слышит, но я что-то не заметила. У Зины был раньше наш, русский, с какой-то коробочкой, но она его никогда не носила, не умела приладить. Как-то надела во время какого-то концерта, а он (аппарат) поднял дикий шум. Зина подарила его мне, надо будет понять его инструкцию. Правый глаз у меня не видит и правое ухо плохо слышит.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 16 июля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я имела дело с Литературным музеем во времена Бонча, т.е. когда Бонч-Бруевич был его директором. Я видела его мошенничество. Достоинство его было [в том], что он ценил сохранение старых бумаг, сколько у меня он их перебрал даром! Раз десять он писал мне и упрашивал продать письмо Короленко. Мы очень нуждались, письмо-то у меня было одно. За переписку [поэта Андрея] Белого с матерью он заплатил [кому-то] 40000 руб., а с письмом Короленко приставал ко мне без конца и предлагал целых 30 руб. [(довоенных)]. Мама говорила: «Ему так хочется получить это письмо. Не будь, Соня, копеечницей. Подари ему это письмо!».

<...> Зина и Вика вернулись из Ялты 13-го. Зина черна, не совсем как негр, но коричнево-черная как индийцы. Вика, кажется, сегодня улетел в Москву. Узнать о нем что-нибудь от Зины совсем невозможно, она все путает. То она говорила, что Вика летит, чтоб увидеть какого-то итальянца, а вчера оказалось, что это вовсе не итальянец, а поляк-киношник. Надолго ли он едет в Москву – не знаю. Потом, это Зина говорит, он должен поехать в Эривань (не выношу это слово [Ереван] без мягкого знака)** , потом во Владивосток, а на всю осень они думают поехать в Прибалтику. Но это все может двадцать раз измениться.

13-го Зина пришла ко мне в 10 час. вечера. Начался ливень и гроза. Вика сейчас же позвонил, чтоб Зина ждала его, не выходила, он за ней идет. Через 10 минут Зина решила, что все равно пойдет сама. Пришла в балетках, начала мои башмаки набивать бумагой (у меня ноги больше ее ног). Побежала звонить, что идет одна (?!). Вика опять велел его ждать.

Зина стала уверять меня (пол-одиннадцатого вечера), что всего 7 часов. Ей говоришь, что она пришла в 10 часов, сейчас совсем темно, часы на столе показывают около 11-ти, нет, сердится, кричит, что 7 часов! Такая путаница и у нее, и у меня бывает. Наконец явился Вика, я на него не смотрела. Он меня возмущает своим отношением к Ульянову. Он держал себя с Зиной как нянька с маленьким ребенком. Принес ее башмаки, плащ, зонтик, одевает ее, ее вещи распахал по своим карманам.

Это Лена [Игнатович] (она таки наблюдательна) мне писала, что Вика держит себя с Зиной как с маленькой дочкой. Разговаривает успокоительным тоном. Все-таки это надо ему поставить в заслугу.

17-VII-62 (продолжение). <...> Звонила сегодня Гане, узнать, придет ли ко мне сегодня Зина, и уехал ли Вика в Москву. Сказала, что Зина больна, у нее температура, а Вика никуда не уехал, так как «возится с итальянцами». Очевидно, итальянцы с конгресса приехали в Киев.

* Летом 1962 г. по инициативе СССР в Москве проходил Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Что касается Карло Леви, то он был ранее в СССР в 1955 г, а в 1956 г. издал книгу очерков «У будущего – древняя душа» («Il futuro ha un cuore antico»).

** Название столицы Армении до 1936 г.

18-VII-62 (приписка). Сейчас заходила Зина и принесла два письма от Ульянова. Верина операция сошла хорошо. Зина уже здорова. Вика завтра летит в Москву.

20-VII-62 (продолжение). <...> Вика, наконец, вчера уехал в Москву. Сперва хотел полететь, взял билет на Ту-104, но когда приехал на аэродром, оказалось, что Москва «не принимает» самолеты Ту-104 (говорят, по случаю приезда каких-то иностранцев). Он вернулся, взял билет в скором поезде. От Киева до Москвы всего одна ночь.

<...> Скажите, фамилия Вашей сестры Катерины Робертовны – Парнах? Или, вернее, это фамилия ее мужа? Мой «юный друг» говорит, что был известный поэт Валентин Парнах, он выпустил 3 книги стихов и затем исчез.*

Одна из его книг издана в Париже с иллюстрациями Гончаровой и другого художника [(Ларионова)]. Книги его стихов очень редки, всего три книги есть в Ленинской библиотеке, а у нас в Киеве – нет. Имеет ли это какое-нибудь отношение к мужу Вашей сестры? Пикассо рисовал портрет поэта Валентина Парнаха. Кажется, еще остались [живы] сестры мужа Катерины Робертовны. Так нет ли у них книг этого поэта, и дали бы они мне их «на прочет»? Я бы очень скоро вернула.

* «Мой юный друг» – это, скорее всего, недавно появившийся у С.Н. Мотовиловой 24-летний Александр Ефимович Парнис. Из его интервью на радио «Свобода» в 2008-м:

Некрасов – довольно яркая фигура с фантастической биографией человека, который был лауреатом Сталинской премии и неожиданно стал диссидентом. Все, кто его близко знал, понимал, что он был диссидентом, и его, фактически, после письма Брежневу выслали за границу. Но я могу сказать, я его близко знал многие годы, но дружил я все-таки не с ним. Я числился его секретарем. Какое-то время, когда я учился заочно, у нас нужно было где-то работать. И я с ним договорился, и он меня принял своим секретарем. Но, конечно, никакой секретарской работы фактически там не было. Он сам почти ничего не зарабатывал и даже не мог платить те жалкие деньги, которые должен был по идее мне платить.

Но я очень близко дружил с его теткой. Замечательный человек, литератор С.Н. Мотовилова, она когда-то, в молодости, делала попытки писать прозу, у нее не получилось, но именно благодаря тому, что в семье был человек, пытавшийся стать профессиональным литератором, я думаю, что она в определенной мере повлияла на Виктора Платоновича, и он стал литератором, отчасти благодаря ей. Она писала прозу, была знакома и переписывалась с очень многими людьми. В это же время С.Н. была очень преклонного возраста, и я ей всячески помогал в ее литературных изысканиях и работах. Она пыталась, например, напечатать свою переписку с Брюсовым [(точнее, воспоминания)], она была знакома с Пастернаком, с Чуковским. С Чуковским ее переписка была более 30-ти лет.

Я всегда интересовался эпохой начала века, на этом, видимо, держались дружеские отношения. Я в свое время даже занимался французским языком, и она, как много лет прожившая за границей и блестяще знавшая французский язык, давала мне какие-то уроки. Она называла меня «сумасшедший мальчишка». Некрасов ежедневно бывал у нее дома, он провожал маму, старшую ее сестру к ней, а сам уходил на целый день по своим делам. Так что с Некрасовым мы общались ежедневно, поскольку я ежедневно бывал у С.Н., и только потом я решился оформиться секретарем.

Что касается «исчезнувшего поэта» В.Я. Парнаха, то его прах был захоронен в 1951 г. в колумбарии Новодевичьего кладбища (секция №100), там же, в 1968 г. – прах его сестры Елизаветы Яковлевны Тарховской, была еще одна сестра – Софья Яковлевна, крестившаяся в православие под фамилией Парнок (русская поэтесса «Сафо»). О В.Я. Парнахе имеются такие сведения в Интернете: Валентин Яковлевич Парнах (1891-1951), поэт, журналист, танцор, балетмейстер. Перед началом Первой мировой войны, напечатав в Петербурге несколько стихотворений, уехал в Палестину, затем перебрался в Париж и стал студентом Сорбонны. Выходят сборники стихов, отразившие его увлечение футуризмом и сюрреализмом: «Самум» (1919), «Набережная» (1919, на французском языке), «Словодвиг. Слово-динамо» (1920, на русском и французском языках) с иллюстрациями Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, а для книги «Карабкается акробат» (1922) портрет В.Я. Парнаха рисует Пабло Пикассо.

Из электронной переписки автора биографических очерков с А.В. Парнахом:

В 2012 году в России вышла замечательная книга «Три книги», в которой Вадим Перельмутер (поэт, который теперь живет в Германии) собрал стихи В. Парнаха с иллюстрациями Н. Гончаровой к каждому стихотворению, и его автобиографическую повесть «Пансион Мобер». Теперь в России издано все, что отец написал на русском языке, и даже очень хороший перевод, сделанный в России с французского его «Истории танца».

Пабло Пикассо. Портрет В. Парнаха, 1921

Приходила ко мне вчера Зина, страшно раздраженная. У нее теперь какое-то недоброжелательное отношение ко всему моему. А о таких уже опасных вопросах как Вера, Ульянов, Викины фильмы и говорить нельзя. Завтра иду к ней (Зине), хочу взять ванну у них. У нас в квартире есть ванна, но я газом не пользуюсь, и боюсь всякого контакта с соседями.

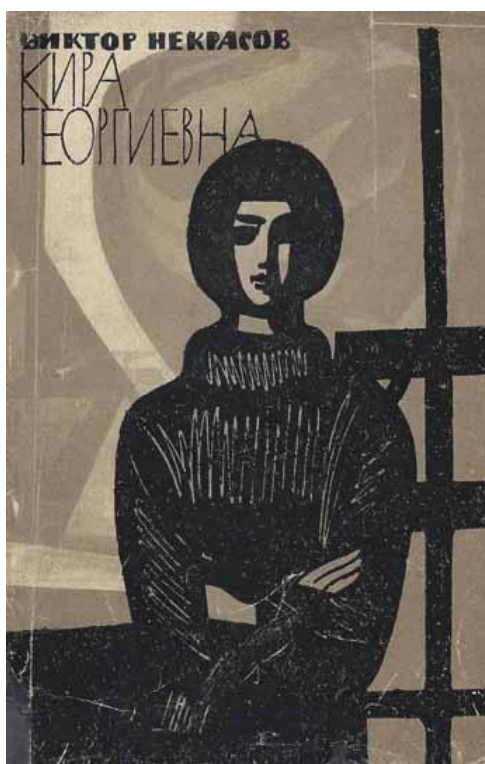
<...> Пришла Зина и стала уговаривать меня пойти на кладбище. Я рано встала, <...> хотела [опять] лечь спать. Но потом вышла с Зиной. Когда я выхожу с Зиной, у нас обычно начинаются споры и ссоры, и возвращаемся каждая отдельно. То Зина хочет идти не по той улице, где я [обычно] иду, или не по той стороне. На этот раз она надела свой аппарат, чтоб лучше слышать, и стала уверять, что он так усиливает звуки, что она не может идти по этой улице – слишком шумно. Я говорю: «Иди, куда хочешь, а я иду обычным путем». Зина исчезла. Несчастье в том, что она «потеряла способность ориентироваться», это бывает у стариков. Недалеко от кладбища надо пройти под железнодорожным мостом. По нему мчатся со страшным грохотом поезда. Подхожу к мосту и слышу Зинины отчаянные крики: «Соня! Соня! Соня!». Гляжу назад – Зины нет. Вперед – Зины нет. Как будто бы крики идут с железнодорожного полотна. Решила: или это мне показалось, или, может быть, с Зиной что-нибудь случилось, и мне это передается... Пошла я дальше. Дошла за 1 час 10 мин, до нашей могилы – [за] полтора часа. Там тень, отдохнула в тени, вдруг появляется Зина. Она ушла на другую улицу, шум был еще больше, и она сняла свой аппарат. С этой улицы прохода на кладбище не было. Кто-то предложил ей перейти через железнодорожное полотно. Кто-то ей помог туда влезть, а сойти она уже не могла. Самое страшное: она плохо слышит, и на нее мог наехать поезд... Зина говорит: «Я увидела тебя и спустилась». Я уже полчаса была на кладбище, а Зины не было! Благополучно вернулись домой. Т.е. Зина меня довела до дома, а как дальше было у нее – не знаю. Могла опять сесть не в тот троллейбус. Это с ней часто бывает, а потом Вика бежит и ее разыскивает.

Наша Вера все осуждает моих двух подруг в Лозанне, что они на старости лет будто бы «любили бывать с молодыми людьми». Правда, «молодому человеку», в дружбе с которым Вера упрекает мою [покойную] швейцарскую подругу, – профессору, свыше 60 лет, а ей, Лине, было свыше 70-ти...

<...> Велела своему «молодому человеку» [(А.Е. Парнису)] выписать в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона нашу родословную. Помните, мы с Вами спорили? Я говорила, что Мотовиловы произошли от какого-то Кобылы, а Романовы – от Кошки. <...> Статьи, которые он выписал, подтверждают Ваше мнение: «Родоначальник Мотовиловых Ф.И. Шевляга – родной брат А.И. Кобылы, родоначальника царственного дома Романовых». Это Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XX, 1897 г.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 июля 1962 г. Милая Вера.

<...> Вчера я повела его [(А.Е. Парниса)] к Зине поглядеть Викины книги (без меня он стесняется идти). Я сама их не смотрела, но увидела, что у Вики прибавилось очень много переводных его произведений на разных языках и, главное, «Киры Георгиевны», которая у нас еще не вышла отдельным изданием.

*Обложка издания «Советского писателя»,
которое все-таки выйдет в 1962 г.*

Мой «мальчик» [(которого ко мне прислала моя знакомая Зинаида Константиновна*)] сказал, что она должна выйти в 4-м квартале, т.е. после октября. Я увидела, что у них (Зины) стоят дубликаты некоторых книг, польских и немецких, взяла себе.

* А.Е. Парнис сообщил в январе 2014-го комментатору сих писем:

Зинаида Константиновна Пискорская – дочь художника-авангардиста К. Пискорского, моя хорошая знакомая, вдова известного киевского книжника и «цензора» в Киевкниготорге Михаила Семеновича Эттингера. Она была переводчицей с немецкого и работала редактором в журнале, выходившем в Институте ботаники АН СССР. У нее было нечто вроде салона, и я часто бывал у нее. Умерла несколько лет назад. Она мне сказала, что у Софьи Николаевны были 2-3 картины Д. Бурлюка. Я и пришел от нее к С.Н., чтобы посмотреть эти работы. С этого началась моя дружба с С.Н. Об этом знакомстве я написал в очерке о С.Н.: «Вы – чудо доброты» в «In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина». СПб.-Париж, 2000.

На польском [издании] странная обложка: лицо женщины, покрытое разбитым стеклом. Мне одна знакомая объяснила, что это означает разбитую жизнь Киры. А немецкая [книга] издана, оказывается, в Штутгарте. Мне пришлось смотреть в [географический] атлас, чтоб выяснить – в ГДР или ФРГ этот город. Они ведь в ФРГ считают, что ГДР – это будто бы их часть: «Восточная Германия».

<...> Ты знаешь, я Викины «Окопы» послала давно [своей швейцарской, покойной уже, подруге] Лине на немецком языке. Лина [в ответ] написала: «Книга о войне, в которой не чувствуется вражды к врагу». Мы, конечно, с этой точки зрения к книге не подходили.

<...> Вика все еще в Москве, по-моему, устраивает дела какого-то своего protégés киношника [Марлена Хуциева? – МК].

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 28 июля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Я как-то читала в учебнике психиатрии о том, что такое «старческое слабоумие». Там были самые дурацкие признаки. Потребность лежать. По-моему, у молодых советских людей ее сколько угодно. Вика со своей приживалкой [Ниной Аль] вечно возлежат на диванах, войдешь к соседям среди бела дня – молодой человек 18-20-ти лет лежит на диване. Что, он сидеть не может?..*

<...> У нас последние дни до 4-х – 5-ти часов [дня] не бывает электричества.

Я уже в 3 ч дня ходила обедать к Зине. Вика ведь все еще в Москве, устраивает дела какого-то своего protégé-киношника. Будто бы Чухрай обещал ему, что устроит этому киношнику квартиру. Сейчас была премьера нового фильма по сценарию этого типа. Имела громадный успех, и, главное, у министерши культуры. Думаю, что это поможет квартирному вопросу. Имя этого киношника Марлен [Хуциев] (что означает Маркс-Ленин). Вы любите такие имена? Я не выношу.**

<...> [Побывав у Зины,] я заметила, что у Вики появилось много новых переводов его произведений на разные языки, и особенно «Киры Георгиевны». Два лишних экземпляра я взяла себе – на польском и немецком. На польском на обложке изображено лицо женщины, а сверху как бы разбитое стекло. Одна знакомая объяснила мне, что это символически изображает разбитую жизнь Киры. А насчет немецкого мне особенно было интересно узнать, что книга издана не в ГДР, в ФРГ – в Дармштадте. На суперобложке приводится содержание романа и затем несколько строк о Вике.

* Похоже, Софья Николаевна не была в курсе того, что Р.Э. Классон при удобном случае «принимал горизонтальное положение» и быстро засыпал, например в купе поезда.

** Картина «Застава Ильича» подвергнется разному на самом высоком уровне – 8 марта 1963 года Н. С. Хрущев, выступая перед творческой интеллигенцией, обрушился на «Заставу...» с резкими нападками. Особый гнев Первого секретаря вызвала финальная сцена, где [главный герой] Сергей разговаривает с погибшим на войне, привидевшимся ему отцом. На мучающий юношу вопрос: «как жить?», чтобы не превратиться в безликую «человеко-единицу», отец не дает ответа, говоря, что 23-летний сын старше его на два года и должен сам решать. Хрущеву почудился тут пугавший партийное руководство «конфликт поколений»; картину вернули на доработку, потребовали исправлений и переделок. Она вышла на экраны лишь в 1965 году, после отстранения Хрущева, в искаленном виде и под новым названием: «Мне двадцать лет». В новой версии отец произносил прочувствованную речь, требуя, чтобы сын всегда держал совесть в чистоте. Странно преобразилась и одна из ключевых сцен, в которой Сергей вместе со своей девушкой слушал поэтов, выступавших на популярных тогда вечерах в Политехническом музее. Стихи звучат и в переделанной картине, кадры же с поэтами нещадно вырезаны – получалось, что вид поэтов более крамолен, чем их слова. Фильм, даже будучи переработан, удостоился высокой чести – получил специальную премию жюри на Венецианском фестивале. В годы перестройки ему вернули первоначальный вид; в Доме кинематографистов состоялась его подлинная премьера. – Из Интернета

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 30 июля 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина была у меня вчера вечером. Погода была хорошая, и она весь день гуляла в киевских садах со своей приживалкой [Ниной Аль], ко мне пришла часов около 8-ми. Мы условились, что я сегодня к ней зайду, и пойдем на главный почтамт и пошлем Вере поздравительную телеграмму – завтра день ее рождения, 77 лет. Но Зина ведь все забывает, ровно в 3 часа, когда я должна была придти, она ушла к какому-то своему знакомому!

Я боялась, что Зина может вместо Лозанны телеграмму послать куда-нибудь в Австрию или в Америку. Помните, и Вам она написала какой-то нелепый адрес, не то улицу забыла, не то № дома.

Как-то она послала телеграмму нашей знакомой, жившей в доме ветеранов революции. Старухе минуло 90 лет. Почтовая служащая говорит: «Вы не написали фамилии». Зина отвечает, ничего не понимая: «Ее и не надо». Телеграмма дошла: дом ветеранов революции, юбилей Ковальской. Все это там знали. Но она была возмущена, как небрежно пишут на телеграфе: забыли поставить фамилию! А забыла – Зина.*

От Гани узнала, что на днях к ним приезжает гостить мать приживалки [Нины Аль]. Боюсь, что «гостить» она будет всю жизнь, дочь ее живет у Зины уже 10 лет! Ганя, Викин друг и экс-милиционер [Вася] говорят мне, что Вика не знает, как от этой особы отвязаться. А тут еще и мать приезжает! Она однажды уже приезжала. Приехала из Сибири (на Зинин счет, конечно). Ганя и она непрерывно разговаривали, желая все выведать друг у друга. Ни Зина, ни я, ни Ганя ничего о Викиных денежных делах не знали, а она, живя в Сибири, знала, когда, за что и сколько Вика должен получить денег!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 июля 1962 г.

Милая Вера.

<...> Прочла письмо Зине Нины Мотовиловой [из Ленинграда]. Пишет, что Викину книгу «Окопы Сталинграда» выкидывают из библиотеки. Очевидно, слово «Сталинград» считается [уже] неприемлемым, город ведь называется Волгоградом теперь, это бывший Царицын.

Ганя сообщила мне под большим секретом, так как это от меня тщательно скрывается, что к ним на днях должна приехать «в гости» мать приживалки. Боюсь, что эти «в гости» продлятся до конца ее жизни. Ведь и ее дочь приехала к ним всего на несколько недель в 1952 году, пока ее подруга устроится в Ленинграде, и живет у них уже десять лет. Сейчас прописалась «на постоянно», а до сих пор Вика не хотел ее прописывать, прописывал временно. Мои соседи упорно мне говорят, что у Вики уже есть квартира в Москве. Может быть, он хочет туда переехать? От меня ведь все скрывается. Ну, поживем – увидим.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 4 августа 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вика, очевидно, вернулся из Москвы, ибо вчера, как говорят, по радио передавали, что был показ его фильма. Что от меня почему-то всегда тщательно скрывается. Почему? Еще на днях Зина уверяла меня, что никакого фильма он не делал. Хоть из Крыма писала, что он ездил в Артек ставить свой фильм!

* Речь идет, похоже, о революционерке-народнице Елизавете Николаевне Ковальской (родившейся от 1849-го до 1852-го от помещика Солнцева и крепостной крестьянки – умерла в 1943-м). По ее собственным словам, в 1923-м она переехала в Москву, в дом ветеранов революции имени Ильича. Но, выходит, уже в 1939-41-м З.Н. Некрасова «кое-что не понимала»?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7 августа 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> В каком-то французском журнале было приведено интервью с Эренбургом. На вопрос, кого он считает лучшим из молодых писателей в СССР, Эренбург назвал Юрия Казакова и Вику. Юрий Казаков действительно молодой [(в 1962 г. ему исполнилось 35 лет)], но Вике уже 51 год, уже 50-летие отпраздновал, а для Эренбурга он все еще «молодой».

8-VIII-62 (продолжение). <...> Спасибо за сообщение про статью о Вике в «Литературке» от 2 августа. Но вот Нина Мотовилова пишет, что была какая-то статья писателя Германа (есть такой) в «Литературке» – очень хвалебная о Вике. Вы не заметили? В том же письме Зине Нина (тети Верина дочь) пишет, что ей подарили Викины «Окопы» со штампом библиотеки. Она сказала, что книг с библиотечным штампом иметь не хочет. Но ей объяснили, что Викины «Окопы» выкидывают из библиотек. Когда я работала, был такой приказ, выкидываемые книги завбиблиотеки должен тут же рвать. Ну, эту книгу как-то спасли.

Глупость-то какая! «Окопов» было около 30 изданий, некоторые – с громадными тиражами (у Воениздата). Но если взять средний тираж в 30000, то это значит надо выкинуть 900000 книг, в которых нет ничего плохого, очевидно Сталинград в заглавии не нравится. Вот он «le Gaspillage des Societes humaines» [(«напрасная трата ресурсов человеческого общества»)]. До чего глупо! Когда Вика работал в газете «[Радянське] Мистецтво» [(«Советское Искусство»)], в одном единственном месте наборщик ошибся и вместо «Сталин» набрал «Стлин». Уничтожили все №№ газеты и перепечатали все вновь. Вот уж именно «gaspillage».

* Это не «статья о В. Некрасове», а обзор Юрия Суровцева «Зоркость гуманизма (Заметки критика)», где есть и несколько абзацев о «Кире Георгиевне»:

<...> Трудно согласиться с отлучением от норм нашего гуманизма и повести В. Некрасова «Кира Георгиевна». Последовательно критикуется эта повесть в журнале «Октябрь», начиная с прошлогодней статьи Л. Жак “«Попрыгуньи», их враги и друзья” и кончая (кончая ли?) июньским «Клубом» журнала. Автора повести упрекают в некритическом отношении к Кире Георгиевне, в том, что он «открыл ... лазейку для примиренческого отношения к ней!

Мне в повести В. Некрасова нравится тоже далеко не все. <...> Но образ самой Киры, точное и полное исследование того, кем она могла стать и кем стала, исследование ее беды и вины мне кажутся удачей писателя. Ясно ощутима и заслуживает поддержки главная мысль повести, а она, на мой взгляд, такова: жить бездумно и безответственно, существовать «вне» идей и противоречий общественной мысли – значит, духовно обесплодить себя, иссушить свой талант и другим людям приносить только несчастья. В. Некрасов не просто констатирует тот факт, что известные и так глубоко и резко осужденные партией события периода культа личности сломали жизнь многим людям, но и психологически убедительно показывает (на суженном «участке» личной судьбы Киры), что духовно сломались прежде всего те, кто не воспитал в себе привычки и потребности думать о жизни. Повесть В. Некрасова осуждает отсутствие в человеческой душе идейного стержня. <...>

Что касается хвалебной статьи в «ЛГ» Юрия Германа о В. Некрасове, то просмотр номеров газеты со 2 января по 30 августа не позволил найти ее. За это время писатель пару раз опубликовался в «Литературке», например, солидной статьей в № от 23 августа 1962 г. – «Полководец и рядовой» (о книге, написанной М.Г. Спасокукоцкой о жизни и деятельности русского академика Сергея Ивановича Спасокукоцкого).

Зато в № «ЛГ» от 9 июня удалось обнаружить статью Юрия Барабаша “О «личном вкусе» и объективности”, где сей критик разбирает статью другого критика – Б. Костелянца «Духовный облик героя (Из опыта послевоенной литературы)», который в т.ч. сравнивает «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и «Знаменосцев» О. Гончара.

12-VIII-62 (продолжение). <...> Зашел как-то Александр Ефимович [Парнис], мой «контакт с миром». Говорит, что все эти дни в Киеве показывали Викин документальный фильм. Называется, кажется, «Сын солдата», и этот фильм является продолжением его другого документального фильма – «Неизвестному солдату». Что в каком-то журнале была очень хвалебная статья о Вике и о моем соседе киношнике, но ему не удалось его для меня купить, журнал раскуплен.*

Принес мне вырезку из «Известий», чтоб переслать Ульянову, где говорится о туннеле под Мон Бланом между Францией и Италией, где Ульянов назван главным геологом-консультантом.**

Естественно я спрашиваю Зину, где шел Викин фильм, и что это за статья. Зина приходит в бешенство, кричит, что никакого фильма нет, и что о статье она не знает. Так же тщательно они скрывали от меня его фильм «Неизвестному солдату». О нем я узнала от соседей, они смотрели в Союзе писателей. Зина кричала, что все это враки, а Ганя испуганно спрашивала: «Кто вам сказал?». Я никак не могу понять причину этого скрывания.

Ну а вот еще: Машенька [из Тамбова] прислала мне письмо ей от Лены [Игнатович]. Лена просит Машу купить ей какие-то чулки за 5 руб. Вика обещал ей купить и не купил, а от этих чулок «зависит жизнь ее дочери» (!). Как я поняла, чулки надо дать как взятку какой-то докторше. У Лениной дочери понос, и ее нужно куда-то принять. Дала Зине это письмо и говорю: «Покажи Вике». Об обещании купить Лене чулки я уже слышала от Гани. Сегодня Зина возвращает это письмо. На вопрос, показывала ли Вике, отвечает: «Не показывала и не покажу». – Почему? – «Это письмо не Вике, и он не захочет читать!»

Видели такую важность? Не может прочесть письмо в 3 стр., которое я передаю! Я положила его в конверт и послала его по почте [Вике]! Мы вышли с Зиной на кладбище, и я опустила в ящик.

* По-видимому, это журнал «Искусство кино», №6 за 1962 г., где была помещена заметка Григория Бакланова «Гневная память (о кинофильме «Неизвестному солдату» по сценарию В. Некрасова)». Режиссером этого фильма был Рафаил Нахманович.

«Советская культура» 4 августа напечатала заметки киевского журналиста Вадима Соколова «Чтобы люди смотрели», в т.ч. о фильме «Неизвестному солдату»:

Через 15 лет после окончания войны матери героя вручают орден ее погибшего сына – сколько раз уже был запечатлен кинохроникой этот торжественный акт. Но вот писатель Виктор Некрасов, режиссер Р. Нахманович, оператор Н. Степаненко заставляют нас еще раз посмотреть и осмыслить происходящее: торжественный строй пионеров подтянутый офицер в парадном мундире. Приветствия, речи, сверканье оркестра – и она, до времени состарившаяся и согнувшаяся, не замечаящая ни этого торжества, ни громких – но справедливо громких! – слов в ее честь, потому что никто и ничто не вернет ей Андрюшку. <...>

Автор сих биографических очерков попытался в Интернете «по диагонали» посмотреть «Неизвестного солдата» и с удивлением обнаружил, что эта сцена отсутствует в фильме, а вместо нее снято камеральное вручение награды и портрета Ивана Зинченко безутешной матери (т.е. хотя и с торжественным строем пионеров, но без сверкающего духовыми инструментами оркестра!). Возможно, потому, что попал на восстановленную версию фильма, с комментариями сына режиссера, в этой версии долго висел титр: «Фильм, который так не любила советская власть» (ru.espreso.tv/video/47624).

Примерно такой же вариант висит и на сайте «Памяти Виктора Некрасова»

(nekrassov-viktor.com/Video/Cinema.aspx).

** Просмотр «Известий» с 1 января по 30 августа 1962 г. позволил обнаружить лишь заметку А. Ардатовской «Встреча в толще Монблана» в № «Известий» от 9 августа. Однако в ней вообще нет упоминания об Н. Ульянове, а говорится о том, что через несколько дней произойдет «сбойка» шедших навстречу друг другу итальянских и французских проходчиков тоннеля, и через 1,5 года по новой автостраде под Альпами пройдут машины.

<...> Были с Зиной на кладбище. Дошли вместе, на железнодорожное полотно она не влезала. Я ей говорю: “ты знаешь, я купила «Октябрь» №8, там печатается роман Гранина [«Иду на грозу»]. Я прочту и дам тебе”. Обиженный вид: «Надо будет спросить у кого-нибудь из наших друзей». – «Да зачем же спрашивать? Я же прочту и тебе дам». – «Ну, как-нибудь мы достанем». Совершенно непонятно: Вика не позволяет у меня брать книги? Викин очерк о его поездке в Италию должен быть напечатан в «Новом мире» в октябре.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 24 августа 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> И у меня в молодости было желание быть самостоятельной. В 17 лет я уехала одна в Германию, и почти все время жила одна. В Германии, в Англии, а потом в Петербурге. Мои жили за границей, а я одна – в Петербурге, одна – в Самаре, одна – в Москве. Но я знала, что моя семья обеспечена, у мамы кроме меня еще 2 дочери.

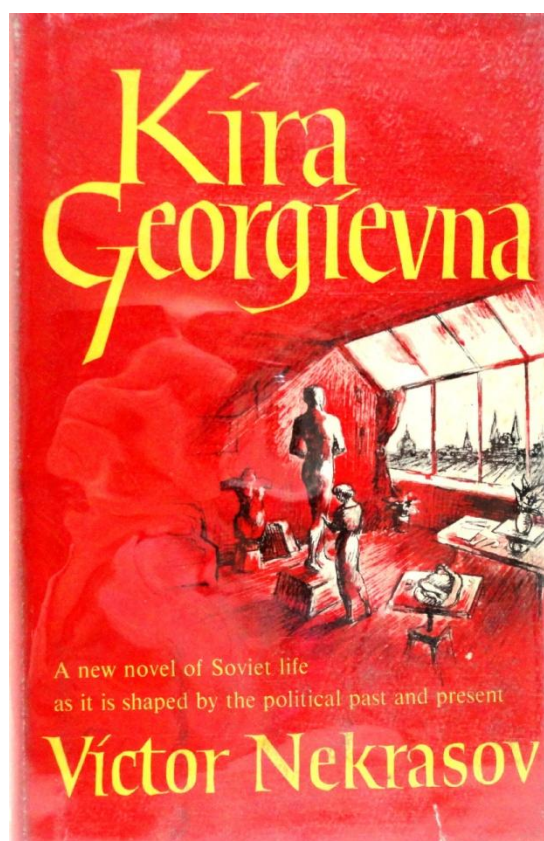
<...> Сегодня заходила Зина. У них вчера были две немки-журналистки. Они уже второй раз приезжают в СССР! Одна из них живет в США, а другая – в ГДР. Обе говорят по-русски. Устроили их где-то за городом. Они просидели у Вики с Зиной до часа ночи. Найти такси было невозможно, но как-то Вика посадил их на последний троллейбус. Сам не поехал их провожать, обратно ведь троллейбуса не было. Они выразили желание познакомиться с ним, и он провозился с ними весь день, показывая им Киев.

По-моему, это преклонение перед иностранщиной. Когда приходят к Зине гости, которые хотели бы с ним поговорить, он поворачивается спиной и уходит в другую комнату или совсем из дома.

Его «Кира [Георгиевна]» вышла отдельным изданием в США, он получил оттуда письмо, не знаю – от переводчика или от рецензента. Ему прислали вырезку из американской газеты (какой – не заметила). Он дал ее перевести моему соседу-переводчику. Я зашла сегодня к Зине, отнесла грязное белье Гане и взяла чистое. Стирает она великолепно. Вики не было дома, и Зина дала мне прочесть эту рецензию. Очень интересно. Они удивляются, что еще не переведены у них «Окопы Сталинграда». Очевидно, не знают, что они уже переведены в Англии.

<...> Один раз Твардовский был уже снят [(с должности главного редактора «Нового мира» в 1954-м)] и заменен Симоновым. Но и Симонов неплохой человек. Как он хорошо отнесся к Викиным «Окопам Сталинграда» [(в 1946-м, будучи членом редколлегии «Знамени»)]. Сам привез ему в Киев первый экземпляр, разыскал его в редакции газеты, где Вика работал. Ведь Вика был никто, начинающий писатель, а Симонов – один из первых. И он сказал тогда (не Вике, а другим), что Вика решился написать то, что он, Симонов, тогда не решался писать. Когда [из «Нового мира»] ушел Твардовский, и его заменил Симонов, последний вызвал Вику к себе на дачу в Крым, чтоб отредактировать с ним «В родном городе».

Во время этой истории с космополитизмом (не пострадал тогда [В.Я.] Парнах?), не помню, в 1948-м или 1949 году, это было тогда, когда ряд лиц, главное евреи, были объявлены космополитами, был снят один работник, которого Симонов пригласил работать из Киева в Москву. Положение его было ужасно: его выгнали из казенной квартиры, работы – никакой, жить негде, а у него были, кажется, целых две семьи (от первой и второй жен). Все журналы, давшие ему авансы, потребовали их обратно, так как его вещи больше не печатали.

Published by Pantheon Books, New York, 1962

Он с семьей (одной из двух) поселился где-то на даче, и тут петух клюнул его младшего сына. Вика послал ему сколько-то тысяч, 3-4. Но это же пустяк, а надо было как-то жить.

Он выжил, теперь процветает, пишет какой-то фильм [(сценарий)], получает за него сумасшедшие деньги. Кстати сказать, омерзительный тип. Но, оказывается, все эти годы его безработицы Симонов ему давал 5 000 ежемесячно. 5 000 для Симонова – это ничто, но он же рисковал, если бы узнали, что он помогает космополиту. Про Симонова тот скромно молчал, а про Вика – объявил в Союзе писателей. Думаю, чтоб сделать Вике неприятность, ибо наши украинские антисемиты подняли вой, что Вика помогает космополитам.*

Я (как Симонов) два года, пока Маша получала [в Тамбове] 180 р. за полставки, высылала ей по 200 [старых] руб. ежемесячно. Для этого продала 2 картины Бурлюка Вике. Я очень этим горда. Ее дочь получала, кажется, 100 с чем-то руб. стипендии, кончила музыкальное училище и теперь прекрасно зарабатывает. Музыканты всюду нужны.

* Из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в Лозанну от 15 марта 1963 г. станет понятно, кто этот «омерзительный тип»: *Так было с Борщаговским, не угодил. Его выгнали из его казенной квартиры, потребовали обратно все авансы, пришлось уехать со всей семьей жить на даче (снимали комнату). Но он как-то выжил. Сейчас же написал ультра-патриотический роман (его, кажется, обвиняли в недостаточном патриотизме). Ну, а прожил он все это время, пока его не реабилитировали, благодаря одному безумно зарабатывающему писателю [(Константину Симонову)]. Он ему все время давал 5 000 в месяц. Очень благородно. Но ведь помогать тому, кто в немилости, тоже нельзя. Да, таковы нравы.*

«Ультра-патриотический роман» А.М. Борщаговского – это «Русский флаг» (1953), повествующий о героической обороне Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французской эскадры в 1854 г. В 1949-м Александр Михайлович, который в 1946 г. переехал из Киева в Москву и стал заведовать литчастью Центрального театра Красной армии, а также по приглашению Константина Симонова вошел в редколлегию «Нового мира» (или наоборот – стал членом редколлегии и заодно зав литчастью?), был уволен с работы и исключен из ВКП(б) за участие в «антипатриотической группе театральных критиков» (!!!).

Отчего Вы не хотите, чтоб я посылала Маше [в Тамбов] Ваши письма? Я ее спрашивала об этом несколько раз, она всегда пишет – «присылайте». Она живет очень одиноко, как все мы Мотовиловы. Письма для нее, как и для меня, развлечение. А пересылать их мне стоит 2 или 4 коп.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 30 августа 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Сижу и жду телеграмму от Зины, что она благополучно доехала до Москвы, но она, вероятно, уже забыла, что обещала мне ее прислать. <...> Ну, слава богу, телеграмма пришла.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 1 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Зина теперь так все путает, что ничего понять нельзя. То она говорила, что Вика едет в Эривань, его туда командируют. А затем едет на Дальний Восток. А сегодня она рассказывала нашим знакомым, что Вика спешит кончить свой очерк об Италии. И как только получит деньги, они «сейчас же едут в Малеевку». Что Вика давно уже кончил свой очерк, и его теперь перепечатывает машинистка, это она мне написала [раньше]. Но Зина злится и говорит, что все это неправда!

Пока у них гостит Ванька [Фищенко], пьяница, малокультурный человек, послуживший Вике прототипом Чумака – разведчика в «Окопах Сталинграда». Омерзительный тип, окончил только геологический техникум, но работает все время как инженер-геолог. У нас верно мало геологов. Очевидно, с Викторией теперь пьянствуют.

А на днях приезжает Викина, как я называю – «главпаразитка», Сациха. То есть у нее какая-то другая фамилия, но она гражданская жена Саца (брата жены Луначарского). С этой отвратительной семьей Вику познакомил Твардовский. Тоже пьяница, как и Сац и эта дама. Она уже старуха, что-то ей под шестьдесят. Ганя говорит, что если бы она, Сациха, не была замужем за Сацем, Вика бы на ней женился. По наружности она похожа на крысу или на щуку, хищница.*

<...> Сегодня Зина сказала, что Вика получил письмо от [писателя Леонида] Леонова, что он едет через Киев, и хотел бы видеть Вику. Я Леонова как писателя терпеть не могу – громоздок, но ведь он считается одним из лучших у нас писателей. Леонов едет тем же поездом как и Викина старая крыса. Так что Вика идет их встречать одновременно.

Недавно у меня были мои знакомые докторши. Они были у той знакомой, у которой живет дочь Коробки. Коробкину дочь долго не хотели прописывать в Киеве (у нас в Киеве, так же как у Вас в Москве, приезжих не прописывают: и для жителей Киева не хватает жилплощади). Но ее прописали на площади какого-то академика. Возможно мужа дочери Леонида Николаевича [Яснопольского]?

К «Коробочке», как ее называет моя знакомая, как раз пришли Сергей Яснопольский и его жена, которых Вы знаете. Моя знакомая не видала их 30 лет, ну и конечно поражена. Я спрашиваю, такой ли он красивый как был в 1926 году, когда я его видела. Говорят, теперь глубокий старик, совсем седой и еще в этот день он был болен. Приехали они в Киев из Москвы на собственном автомобиле. 30 лет тому назад его жена была очень хорошенькой девушкой, а теперь она не то потрепанная, не то подкрашенная (может быть, я плохо поняла). Но Вы же ее знаете.

* Раиса Исаевна Линцер (1905 г.р., т.е. старше В.П. Некрасова на шесть лет) переводила с французского и испанского зарубежные художественные произведения.

Этот старший сын Леонида Николаевича родился в 1902 году. Они жили тогда у Коробки. Значит, он ровесник Зинину старшему сыну [Коле]*.

Я сейчас увлеклась чтением книги воспоминаний Короленко [«История моего современника»]. Какой изумительно хороший был этот человек! Когда ему дали академический паек, он отказался. А я вспоминаю, как в 1926 году Сергеев-Ценский все негодовал: другие писатели получают академический паек, а ему не дали. В 1927-м году дали, и в 1930-х Чуковский мне писал, что Ценский жил как помещик благодаря всяким льготам для писателей.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 3 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Помню такое: после войны [1941-45 годов], когда у всех была такая страшная нужда (по утрам вместо кофе и чая мы ели борщ), придешь в семью наших знакомых и спросишь «Вы уже пообедали?», то ответ обычно был такой «Нет, у нас сегодня обед выходной». Отец и мать, оба работали, двое детей, а «обед выходной». И вот детям в младших классах школы задали сочинение: «Как жили бедные люди в царское время». Откуда дети это могут знать? Когда я сказала: «Лучше бы задали вам, как бедные люди живут теперь», мальчик, в доме которого часто бывал выходной обед, спокойно сказал: «Да это и так все знают».

А у девочки (ее бабушка, пенсионерка тогда, работала раньше врачом-гинекологом, которая, чтоб подработать, шила, т.е. чинила, хирургической иглой какие-то мешки) я прочла ее сочинение. Какая-то у нее бедная женщина (это в царское время!) получила за месяц жалованье и смогла на него купить только одну французскую булку! Булки тогда стоили 3-5 коп., что же, она за месяц получила 3-5 коп.?^{**}

* «Ровесник Николаю Некрасову», который «ни за что» погиб в гражданскую войну? На самом деле Сергей Леонидович Яснопольский родился в 1904-м, а не в 1902 году, как раньше указывала сама Софья Николаевна.

^{**} Здесь мы не можем, потратив не один год на перелистывание в Интернете эмигрантских газет, не привести некоторые цифры о заработках рабочих до революции и после оной:

Заработная плата

В своем докладе на последнем конгрессе Коминтерна в Москве Ленин указал, что главной причиной перехода к Нэпу послужил «самый большой внутренний политический кризис Советской России», который «обнаружил не только недовольство значительной части крестьян, но и рабочих».

Что же сделал для уничтожения этого недовольства Нэп, и насколько улучшилось положение рабочих? Ответ на этот вопрос, ясный и определенный, дают труды комиссии СТО по подготовке материалов к X съезду Советов, подводящие итоги [работы] промышленности в условиях Нэпа за 1921-1922 г.

Средний месячный заработок фабрично-заводского рабочего (причем в заработок входит денежная плата и то, что рабочий получал натурой) в 1913 г. составлял 22 руб., в 1918 г. – 8,99, в 1919 г. – 7,2, в 1921 г. – 6,95 и за I полугодие 1922 г. – 8,22 руб., или 34,7% по отношению к довоенной норме заработка.

И, следовательно, зарплата рабочего не дает ему даже минимального прожиточного минимума. А программой-максимум «рабочей власти» является установление зарплаты по довоенной, «эксплуататорской» норме. Но и эта, казалось бы, скромная программа дать рабочему реальную зарплату, которая не заставляла бы его прибегать к побочным доходам, к «самоснабжению», не может быть осуществлена. <...>

«Руль» (Берлин), 9 января 1923 г.

То есть рабочий мог купить на свой месячный заработок в 1913 г. как минимум 440 французских булок! Предположим, что «бедная женщина» зарабатывала в том же 1913 г. вдвое меньше рабочего, но и тогда она могла купить как минимум 220 французских булок!!

Вот как «Софья Власьевна» запудрила мозги населению, прежде всего школьникам!!!

Окончание примечания

Положение рабочих в советской России

<...> Основным признаком благосостояния рабочих является сопоставление получаемой ими зарплаты со стоимостью продуктов и предметов первой необходимости. В 4-м выпуске «Экономического Обозрения» (ежемесячного журнала Совета труда и обороны) за 1923 г. приведены характерные данные о среднем заработке русских рабочих в 1913 г. и в 1922 г. Наглядно данные эти представляются в следующем виде <приводится диаграмма, из которой следует: в 1913 г. сей заработок составил 22 руб. золотом, в декабре 1922 г. – 10 руб. 69 коп.>. Посмотрим теперь, во что обходился рабочему до войны и в 1922 г. набор необходимейших продуктов питания (паек в 3 600 [кило]калорий. При самых максимальных ценах такой паек в довоенное время стоил 5 руб. 30 коп. в месяц. <...> В декабре 1922 г. <...> паек стоил 12 руб. 7 коп. золотом. <...> Таким образом, в 1913 г. русский рабочий, зарабатывая в среднем 22 руб. в месяц, мог приобрести на эти деньги 4 пайка. В конце 1922 г. его заработка (10 руб. 69 коп. золотом) не хватало даже на один паек! <...>

«Дни» (Берлин), 23 мая 1923 г.

Семья киевских Мотовиловых-Некрасовых конечно же испытала «реальный социализм» на собственных желудках. Вот пара выдержек из писем Софьи Николаевны московскому «старому большевику» и «барину» В.Д. Бонч-Бруевичу (ф. 369 отдела рукописей РГБ):

13 марта 1932 г. <...> Сама очень страдаю от бедности государства, которое за шестичасовой труд платит мне (по расценке Торгсина, т.е. государства) 2 [валютных] рубля в месяц. Я уж не говорю о своих знаниях, если бы у меня их и совсем не было, то все же на 2 рубля в месяц прожить никому нельзя.

Вы пишете, что «охотно верите» и знаете, что кругом голод. Вы это очень отвлеченно знаете, Владимир Дмитриевич. И невольно вспоминаешь пословицу: «Сытый голодного не разумеет». Тут в Киеве как-то был Анатолий Васильевич Луначарский, давно уже. Была тогда безработица в Киеве среди работников просвещения, и он говорил на митинге: «Ну что же, части придется уехать, части – переменить работу, а в общем утрамбуется». Вот это «утрамбуется» у меня на всю жизнь осталось в памяти. Ведь это живые люди трамбуются, и сколько нужно барства, чтоб такую фразу сказать!

Я вовсе не считаю, что люди – скот, который можно перегонять по воле предпринимателя (пусть государственных учреждений) куда угодно. Я не знаю, откуда Вы взяли, что я нахожу, что вот интеллигентов нельзя, а рабочих можно пересылать. Меня страшно возмутили эти Ваши слова. Я-то уж, конечно, не делаю различия между крестьянами, рабочими, служащими. Все – люди, все должны жить свободной, радостной жизнью. Я Вам писала о тяжелом положении интеллигенции, оно ужасно, я не писала ни о крестьянах, ни о рабочих, так как знаю о их положении [лишь] с чужих слов.

Вот приходила одна молоденькая докторша и рассказывала мне, как она обследовала какую-то фабрику. Там живут работницы в общежитии, общежитие не отапливается, спят они не раздеваясь, и она застала их за варкой похлебки из кожуры картофеля. Это все их питание на пятнадцатый год революции!

У нас в Киеве фунт кукурузного хлеба (ржаного нет), а кукурузный делается из сердцевин [початка] кукурузы, стоит 4-5 рублей, и покупают его крестьяне, а рабочие получают 1 фунт [в день], но с фунта сыт не будешь. Ну, скажите, может ли молодой человек, растущий еще организм, быть с этого сыт?!

20 сентября 1932 г. <...> А теперь вопрос к Вам не как к редактору «Звеньев», а как к старому большевику, человеку, близкому к власти, и если Вам не трудно, ответьте мне на него. Каким образом, по Вашему, могут существовать материально советские служащие и как Вы, старые большевики, это себе представляете? Возьму, к примеру, себя. Я имею оконченное высшее образование, знаю четыре иностранных языка (кроме русского и украинского), работаю ежедневно шесть-восемь часов и получаю – 90 р. Из них более 10 р. я плачу за индустриализацию и [членские взносы в профессиональный] союз, рублей 20 уходит на квартиру и отопление, остается 60 р. И это при условии, что пуд картошки 25 р., бутылка керосина – 2 р., фунт сахара 7 р. Но этого мало: в течение полутора месяцев мне не платят жалования – в банке нет денег. Моя сестра врач, она получает несколько больше меня, но ей не платят жалования уже два месяца, а на ее иждивении сын [(Виктор)] и мать [(Алина Антоновна)] семидесяти пяти лет. Ее сын учится в Вузе, но так как он сын врача [(Зинаиды Николаевны)], то стипендии не получает.

<...> Я посчитала (по расценке Торгсина, т.е. правительственной), чему равняется заработок нашей семьи. Четыре работоспособных и работающих человека (ибо моя мать работает, во всяком случае, больше, чем прежняя прислуга, стоит в очередях, готовит, стирает, шьет, сын моей сестры подрабатывает, берет [заказы на] чертежи и рисует). И вот все мы вместе зарабатываем в месяц 7-8 долларов! <...>

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-11 сентября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вчера была у Зины. Из их гостей уехал только Яська Свет, а Ванька [Фищенко] и Сациха все еще гостят у них. Для Сацихи Вика снял номер в гостинице. Так что она к ним приходит только обедать и ужинать.

Я пошла вчера к Зине, отнести мое грязное белье Гане и взять у нее чистое. Стирает она великолепно, я всякий раз радуюсь, когда приношу домой это белоснежное белье. А то до Ганиного приезда в 1948-м году мы с бельем страшно мучились. Ни я ведь, ни Зина стирать не умели. Вика сам стирал себе белье, а иногда великодушно брал Зинины две-три штуки, чтоб ей выстирать. А белье от прачки приносили в таком ужасном виде, что я в отчаянии была.

<...> Кроме белья я хотела еще посмотреть Викину «Киру», вышедшую в США. Зина говорит, что она не помнит, есть ли она у них. У них есть пять изданий «Кир», вышедших за границей. Оказалось, две – в Италии (одна из них у тебя есть), одна в ФРГ, одна в Польше и, наконец, последняя в США. Очевидно, все эти книги Вика уже раздал своим «друзьям».

Мне интересно, что пишут там о Вике на суперобложке. Я просила Зину дать мне не книгу, а только обложку, чтоб себе списать. Зина уперлась, не хотела мне давать: «Твой котенок может обкакать». Но мой котенок ничего не «обкакивает». И, главное, у меня уже четыре месяца лежит их французский журнал. Это Вика просил перевести ему статью о Хемингуэе. Перевод очень легкий, но стоит мне поработать над ним два-три часа, у меня делается сжатие головных сосудов, головокружение и рвота. Осталось всего работы часа на четыре, но я не могу закончить. Почему этот журнал мой котенок не «обкакает», а суперобложку – «обкакает»?

Наконец, Вика разрешил мне обложку дать. Мне интересно, что они пишут о Вике:

“The frankness of Victor Nekrasov’s novels and articles have brought him a particular prominence within the Soviet Union, where he had been hailed as an «honest writer». A brained architect he lives today in Moscow and has travelled widely in France, Italy and the United States” [(“Искренность романов и рассказов Виктора Некрасова принесла ему особое выдающееся положение в СССР, где он был провозглашен «правдивым писателем». Мыслящий архитектор, он сейчас живет в Москве и много путешествует во Франции, Италии и США”)]. Насчет Moscow и «widely» не совсем верно. В Париже он был, кажется, два дня, а в США – две недели. Не очень-то много путешествовал.

<...> Вчера [10 сентября] у меня была Зина. Мы с ней ходили на кладбище. Зина сказала, что Вика получил приглашение из Франции приехать туда. Спрашиваю: «Когда же вы получили это приглашение?» – «Несколько недель тому назад». – «Отчего ты мне не сказала?» – «Забыла». Но это она врет. Очевидно, Вика велел от меня скрывать. Почему они все от меня скрывают – совсем понять не могу.

<...> Мне кажется, что этот полоумный Вика считает, что я могу «сглазить». Иначе непонятно, для чего все нужно от меня скрывать? Спрашиваю: «Что же Вика, едет в Эривань?» – «Не знаю». – «А на Дальний Восток?» – “Не знаю. Он же спешит закончить свой очерк для «Нового Мира»”.

Чепуха, конечно. Разгуливает по Киеву со своими гостями. Впрочем, Ванька [Фищенко] уехал, [Яков] Свет – тоже. Осталась одна Сациха. Я думаю, что Вика уедет с ней в Москву. О том, что он едет во Францию, я вероятно узнаю, когда уже он будет там или уже вернется. Его рассказы были переведены на французский и его – «В родном городе». Очевидно, они теперь хотят с ним познакомиться.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 10 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вы еще мне не ответили, ну а мне надо кому-то жаловаться. Я жалуюсь Машеньке [Володиной в Тамбове], но она очевидно из боязни поссориться с Зиной, никогда на мои жалобы не реагирует. А мне нужен «резонанс». Имейте в виду, я Ваших писем Зине больше не показываю. Меня злило, что она все путала и не так понимала. И что я ей буду показывать? Они же от меня все скрывают.

Говорить мне с Зиной очень трудно: о Вере и Ульянове нельзя – она приходит в бешенство, о Лене [Игнатович] говорить нельзя. Спросить ее, прочла ли она книгу, которую я ей дала месяца два тому назад, нельзя – приходит в дикое бешенство: «Я ее тебе сейчас же отдам!». За два месяца, что она ее читает, Зина понимает все наоборот. Я говорю: «Я не знала, что Троцкий имел на Западе такое громадное значение, после того как уехал от нас». Зина говорит: «Ведь он же сидел в концентрационном лагере». Где? Когда?

Сегодня Зина приходит и рассказывает: «Вика получил приглашение приехать во Францию». Меня же это конечно очень интересует. Спрашиваю – от кого? – «От какого-то общества». – «Но какого же?» Не знает. – «Когда же он получил это приглашение?» – «Несколько недель тому назад». – «Отчего же ты мне не сказала?» – «Забыла». Ну конечно врет. Вероятно, боялась, что я скажу: «Вот он сможет повидаться тогда с Ульяновым». Мне очень Ульянова жалко. Недавно он с каким-то бельгийским геологом ездил на 3 дня в горы. Ему пришлось пригласить двух женщин, чтоб оставались с Верой – одна днем, а другая ночью. И писал Зине, что это стоило ему очень дорого. Ему Вика ничем помочь не желает, а тут он прямо-таки облеплен всякими паразитами.

Обычная приживалка [Нина Аль], обычный экс-милиционер [Вася], а тут приезжал Ванька [Фищенко], прототип Чумака – пьяницы-разведчика. У Ваньки два раза в году отпуск. Затем приезжала его главпаразитка Сациха и его приятель [Яков Свет]. Для нее он снимает всегда номер в гостинице, и это правильно, куда же ее поместить? – у них всего две комнаты. В одной очевидно спит Зина с приживалкой, в другой Вика с Ванькой и приятелем. Когда эта особа приезжала к ним летом, то приживалка спала на балконе, ну а теперь холодно. Зина все повторяет, что Вика страшно занят – пишет свой очерк для «Нового мира». А где же он занят? Таскается с Ванькой по ресторанам, и с этой мерзкой крысой [тоже].

Стиль у меня вроде Лениного [грубо разоблачительный? – МК]. Ее писем они мне больше не показывают. На днях я зашла к Зине отдать белье Гане, и, о ужас! Вика был дома (не знаю, как он перенес мой визит). У Зиной была гостья, но Зина ее почему-то бросила и бегала за мной. Я в ванную – она в ванную, я в кухню – она в кухню.

Я захотела поглядеть Викину «Киру», изданную в США. Зина долго говорила, что она не знает, есть ли у них такая, но, наконец, очевидно получила разрешение мне ее показать. Мне интересно всегда то, что они пишут на суперобложке.

Я прошу Зину: «Дай мне на дом одну суперобложку». – «Нет, ты испачкаешь, твой котенок может обкакать». Почему обложку он «обкакает», а журнал со статьей о Хэмингуэе лежит у меня уже четыре месяца, котенок на нем спит, и ничего ему [(журналу)] не делается? Но опять получила, очевидно, разрешение эту «jacket» мне дать. Любопытно ведь, что они пишут о нас.

Любопытна фраза: «That it was recently published in the Soviet Union itself is even more remarkable, for it fills a pages which the Russian government had insisted on keeping blank» [(«Эта повесть будучи давно опубликованной в СССР даже еще более примечательна, так как наполнена эпизодами, которые советские власти теперь не разрешают публиковать»)]. Но тут они ошибаются, у нас уже можно осуждать все то, что было в сталинское время.

Какой-то бывший американский корреспондент в Москве пишет о Викиной «Кире»: «The most damning attack on the Stalin era ever printed inside the Soviet Union» [(«Наиболее убийственная атака на сталинскую эру, когда-либо напечатанная в СССР»)]. <...> Мне эта «Кира» кажется довольно поверхностной, искомканной историей, а за границей это событие – Вика восхваляют: «Nekrasov is the one of Russian most popular and respected authors» [(«Некрасов – один из самых популярных и уважаемых русских писателей»)].

Что будто бы его называют у нас «an honest writer» [(«самый правдивый писатель»)]. Я, по правде сказать, этого не слышала. Да еще пишут, что он живет теперь в Москве «and has travelled widely in France, Italy and the United States» [(«и много путешествовал по Франции, Италии и США»)]. Вот так «widely»! два дня, кажется, был в Париже, раз был три недели и через два года двенадцать дней в Италии. Еще, как турист, две недели в США!

Вот Полевой, Софронов, Тихонов и даже Гранин действительно ездят «widely», а Вика: 2 раза его не пустили в Китай, и несколько раз приходилось отказываться, когда его приглашали на разные съезды. Мне говорят, что это из-за того, что к Вике плохо относится наш Союз украинских писателей. Очевидно, они дают ему [плохую] характеристику [для выезда за границу]. Это приглашение из Франции валялось в московском ВОКСе два месяца, прежде чем его переслали Вике. Ну и несколько недель оно у них валяется. А французы верно думают: «До чего он невежлив, даже не отвечает!».

11-IX-62 (продолжение). <...> Жуткое отношение у нас к старикам. Ведь Лена [Игнатович] советовала Вике поместить меня в сумасшедший дом. Мне это особенно странно. Машина мать [(Анна Ивановна Мотовилова)] жила одна в доме чуть ли не в 10 комнат, ездила всегда в фаэтоне, запряженном четвериком. Бабушка Луиза Францевна тоже была полной хозяйкой и барышней у себя в доме.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 12 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> [К И.Р. Классону обратилась с письмом некая Кравченко по поводу выступления Н.К. Крупской на вечере памяти Р.Э. Классона в 1926-м.] Я [была] знакома с другой Кравченко, ее зовут Неонила Васильевна. Она работала со мной в [киевской] библиотеке Академии наук. Очень талантливый был человек, окончила библиотечную аспирантуру, написала интересную статью о псевдонимах, которую очень хвалили (за границей, в библиотечном мире).*

Но ее столько преследовали, что сейчас [же] она сошла с ума. Сперва ее выкинули из библиотеки за то, что ее отец был пономарь, псаломщик. Правда, он умер, когда ей было всего восемь месяцев, влиять на нее [уже] не мог, и вообще это даже не церковное звание. Еще приписали, что она «шкурница». Она спросила председателя комиссии [по чистке], почему она «шкурница». Он спокойно ответил: «Это мы по ошибке написали, можно вычеркнуть». Сам он был мерзавец из мерзавцев, в 1937-м его сослали. Я спросила, за что его сослали. Мне сказали – за моральное разложение.

* В статье «Псевдоним» Литературной энциклопедии (М., 1929-39) упоминается – в библиографическом перечне следующая публикация: Кравченко-Максименко Н., *Аноніми та псевдоніми в загальній і в українській бібліографії*, «Укр. бібліографія», вып. I. Методологічний збірник, Київ, 1928.

Н. Кравченко, бывшая замужем за Эдуардом Максименко, умерла во Львове в ≈1995 г. – в 95 лет!

По поводу выкинутых тогда людей я ездила к Крупской. Ведь это [была] крупнейшая библиотека на Украине, а выкинули тогда 42-х служащих. Ведь это явное вредительство. Моя Кравченко, однако, не потеряла тогда энергию, поступила вновь в университет, перед этим она окончила историко-филологический факультет, на этот раз поступила на биологический. Окончила, опять была оставлена в аспирантуре, окончила аспирантуру, написала диссертацию, но до защиты диссертации ее не допустили.

В чем тут было дело, понять трудно. Она начала преподавать в каком-то вузе. Ее сняли опять: отец – пономарь и всякая [другая] чепуха. Кончилось тем, что она сошла с ума, а несколько человек из уволенных покончили с собой.

Повезло только одному из уволенных. Он был когда-то чем-то в Киевской духовной академии. Вдруг ему предложили стать не то архиереем, не то митрополитом! А ему даже не во что было одеться. Он был сперва кажется архиереем (я в духовных чинах мало понимаю) во Львове, затем стал митрополитом, кажется не только русским, но всей православной церкви, и его перевели отчего-то в Варшаву (?).

<...> Как библиотекарь он был скорее никудышный, любил, чтоб книги ровно стояли. Во время его безработицы я иногда [случайно] встречалась с ним. Мы стояли на углу какой-нибудь улицы и ругали наши порядки. Однажды он проявил мужество, когда еще служил [в библиотеке]. Был в ревизионной комиссии месткома и обнаружил, что самая главная коммунистка, она же глава месткома, отравлявшая всем жизнь, уперла какую-то большую сумму! Директор тогдашний спокойно сказал: «неосмотрительно заняла деньги». А вот на днях мне рассказали, что сейчас эта особа опять снята с работы за участие в какой-то уже совсем мошеннической истории в месткоме библиотеки, где она служила. А из-за этой дряни чуть не погибла одна моя хорошая знакомая.

14-IX-62 (продолжение). <...> Бурлюк умер в мае этого года в США*. В апреле ему минуло 80 лет. <...> Это его 2 картины я продала Вике, чтоб получить деньги и помочь Машеньке [Володиной]. Ее тогда перевели на полставки, 180 руб. старыми деньгами, а пенсии (150 руб. старыми) она еще не получала. Зина тогда говорила: «Что ж такого? Ведь она работает по полдня». А жить то надо было целый день! Нда!

Сейчас ее дочь работает преподавательницей музыки в музшколе, не в Тамбове, а в небольшом городишке в 60 км. Очень хорошо зарабатывает. Преподаватели музыки всюду нужны.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 17 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Позвонила Гане, чтоб они дали мне на несколько дней одну из своих стоячих ламп [(торшеров)], пока я не куплю или не починю [свою]. И вот у меня появился мой высокопоставленный племянник. Вошел молча, ни с кем не поздоровался, в глубочайшем молчании стал раскладывать принесенные вещи – белье, книгу, рыбу котенку, лампу. У меня сидели двое знакомых – «мой мальчик» [А.Е. Парнис] и старик 86-ти лет. Такие же знакомые Вики, как и мои.

Все почему-то встали, молчат. Вика безмолвно раскладывает принесенное. Глубочайшее молчание. Я, смеясь, говорю, чтоб разрядить атмосферу: «Это называется: тихий ангел пролетел или дурак родился». Никто не реагирует. Старик подходит к Вике и начинает любезно разговаривать. Вика же отлично знает, что «мальчик» мечтает с ним лучше познакомиться, но делает вид, что «мальчика» нет – так, воздух. В чем дело, не понимаю. Ужасно неприятно на старости зависеть от всех людей.

* Один из основателей русского футуризма Давид Давидович Бурлюк (1882-1967) с 1920 г. жил в эмиграции. Здесь С.Н. Мотовилова получила ошибочную информацию о его смерти.

Зина обещала зайти ко мне и пойти к старику. Но уже 3-й час, а Зины нет, бедный старик все ждет. Вчера Вика соблаговолил мне ответить. Во Францию его приглашает Общество французских писателей.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 19 сентября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня заходила Зина. Вчера они были на просмотре Викиного фильма – того, который они от меня тщательно скрывали, а сегодня Вика едет в Москву, везет свой очерк в «Новый Мир», а выйдет ли что-нибудь с его поездкой во Францию – неизвестно. От меня, верно, будут скрывать до его возвращения. Он зашел с Зиной ко мне (занес белье) и на мой вопрос, кто его во Францию приглашает, ответил: «Союз французских писателей».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 сентября 1962 г.

Милая Вера.

<...> В воскресенье зашла к Зине, в одиннадцатом часу, И Ганя и Зина спали. Куда бы я ни пришла, я всегда чувствую себя как *un chien dans un jeu de quilles* [(как собака при игре в кегли)]. Зина даже напугалась: «Чего ты пришла? Я сейчас иду в кино». Для Зины кино – это самое важное. Но потом оказалось, что она ошиблась, в кино она шла на следующий день. Я осталась пить кофе, Вика ведь в Москве, а приживалка [Нина Аль] уехала во Львов, в командировку на шесть недель. Но знаешь, это у них что-то ужасное. Пока мы пили кофе, ежеминутно звонил телефон, по крайней мере раз семь. Им надо бы держать мальчика у телефона, а то шестидесятидвухлетняя Ганя (весит девяносто кило) ежеминутно должна к телефону подходить. Мы с Зиной его не слышали.

Действительно, у нас нужны для писателей «дома творчества», где бы они спокойно могли работать. Сегодня Зина сообщила, что Вика едет в Париж 10 октября. Но перед этим он вернется в Киев и возьмет Зину с собой в Москву, где Зина будет его ждать до его возвращения. Но это еще не окончательно. Жаль, что он не сможет заехать к тебе в Лозанну. Зина мне дала и обложку и книгу «Киры Георгиевны», вышедшей в США. Оказывается, она была раньше напечатана в каком-то американском журнале, так что это как бы второе издание. Вику все еще называют «молодым писателем», а ему уже пятьдесят один год.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я по поводу своей старческой болтливости всегда вспоминаю рассказ одной моей знакомой. Звали ее Попова. В Лозанне она работала со мной по зоологии. Потом переехала в Париж, где окончила медицинский факультет. В первые годы революции она умерла от сыпного тифа в Москве (в 1918-м). Я ее видела последний раз в Москве в 1918 году. Она пришла сказать мне, что арестованы дочери Герье, за интерес к теософии. Я бросилась к Ногину. Их выпустили через 2 или 3 дня.*

Ну, так эта Попова была родом из Тюмени. Был там какой-то молодой врач. Она спрашивает его: «Каждому человеку свойственны какие-нибудь болезни. Скажите, какая болезнь мне свойственна?». Любезный врач отвечает: «Словесный понос». Она негодуяше говорит: «Как можно так отвечать молодой барышне». А врач говорит: «Какая вы барышня! Просто тюменская кувалда».

* Владимир Иванович Герье (1837-1919), российский историк, организатор и руководитель Высших женских курсов в Москве (1872-1905).

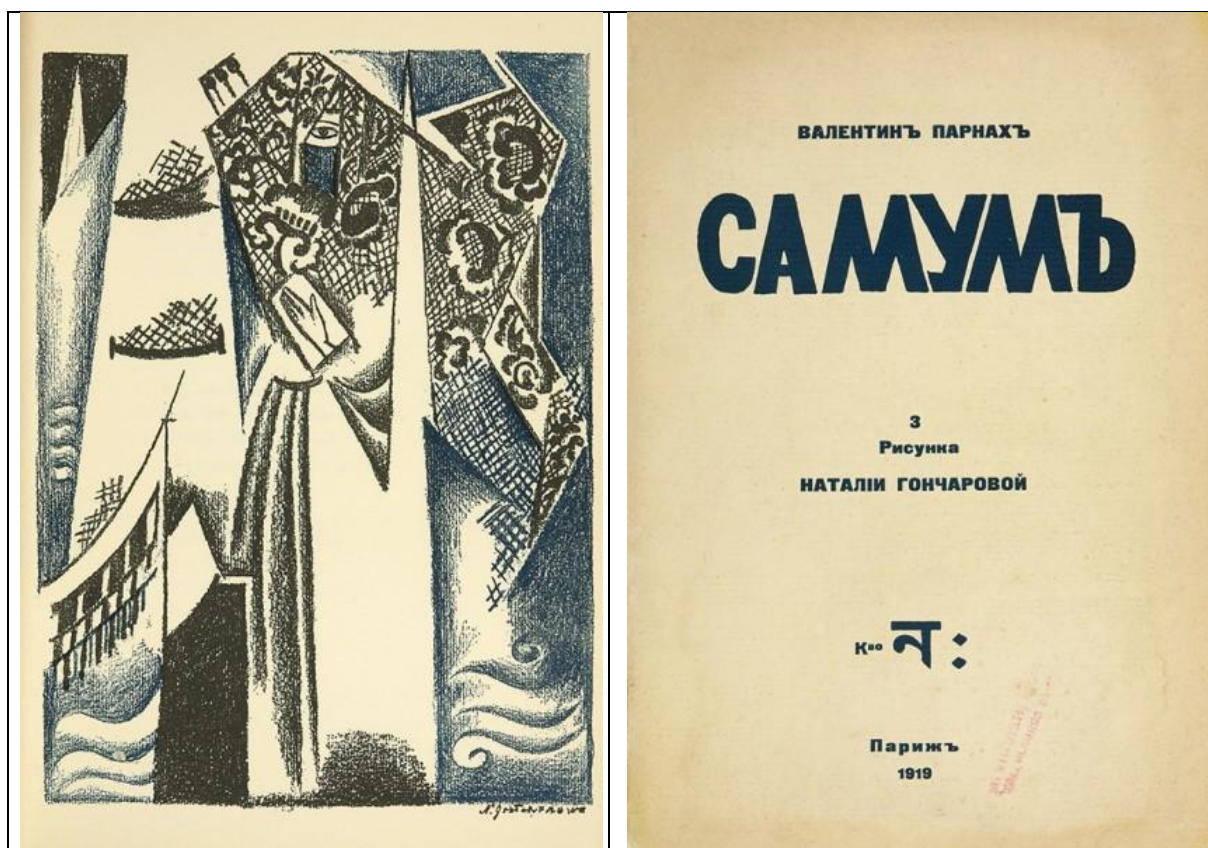
Теософия – мистическое учение, претендующее на раскрытие божественных тайн.

<...> Заходила Зина. Вика третьего дня уехал в Москву. Она с ним ежедневно говорит по телефону. Как будто бы его поездка во Францию налаживается. Приглашают французские писатели его всего на 10 дней. Так Зина говорит, а ей верить можно только относительно. Сегодня уехала в командировку (на полтора месяца) ее приживалка [Нина Аль].

Зина одна, я хотела пойти к ней пообедать, но сижу и жду «мальчика» [А.Е. Парниса]. Он вчера отнес починить мои лампы.

<...> Выздоровела ли Ваша сестра, Катерина Робертовна? Я сейчас читаю очень интересную книгу поэта Лифшица. Никогда о его существовании не знала. Ужасно интересно он описывает первые годы футуризма, кубизма и проч. Ведь Катерина Робертовна тоже была кубисткой, как Вы писали? Когда она вышла замуж за своего Парнаха, до или после смерти Роберта Эдуардовича? Нравился Вам этот Парнах?

«Мой мальчик» все мечтает раздобыть его книгу с иллюстрациями Гончаровой и Ларионова. Говорят, что эти два художника и поныне здравствуют где-то во Франции и считаются очень известными художниками.

Валентин Парнах. Самум. 3 рисунка Н. Гончаровой. Париж, 1919.

(Аукционный дом Литфонд, www.litfund.ru/auction/9/244/)

2 литографии к «Словодвигу» и «Мотдинамо» В. Парнаха см.

(www.bibliore.com/fp/cat-vent_tajan15-05-2013/HTML/files/assets/basic-html/page85.html)

В книге [Лифшица] много иллюстраций Пикассо, Бурлюка и проч.* Я их вчера показывала Зине. Она любезно все просмотрела, а потом сказала: «Ты знаешь, когда я просмотрю несколько этих картин, мне делается скучно». Ну и ушла. <...> Оказывается, Бурлюк вовсе не умер, а прислал в Киевский музей русской живописи репродукции (цветные фотографии) своих картин, изданных к его юбилею, который очевидно праздновали в США.

25-IX-62 (продолжение). <...> Сейчас мне соседка, вдова писателя и мать переводчика, на кухне рассказала, что вдвое снизили оплату писателям: платить будут независимо от тиража и ничего (?) – за переиздания. Для Вики-то это колоссальный убыток. Он при мне, живя еще здесь, за какое-то, 5-е или 6-е, издание «Окопов» получил 65000 [старыми деньгами]! А теперь ничего не будет получать! Не пострадаете ли Вы с Вашими переводами и сын Катерины Робертовны?

Она, соседка, говорит, что ее сын получал 1000 за [авторский] лист перевода, а теперь будет – 500!, т.е. 100 и 50 р. новыми деньгами.

26-IX-62 (продолжение). <...> Вчера заходила Зина, говорит, что Вика едет в Париж 10 октября. Перед этим он вернется в Киев, и Зина поедет с ним и будет жить в Москве до его возвращения. Увы! О том, чтоб он увидел там Ульянова, как тот просил, кажется, нет и речи. Я молчу. Из-за всего ведь с Зиной выходят истории. Надеюсь, Вам удастся повидаться с Зиной, когда Вика будет во Франции. Или Вы очень заняты?

Жена Пети Пятницкого пишет [из Ульяновска], что долго не писала Зине. У них в саду был огромный урожай яблок, и это отнимало все ее время (?).

<...> Принесли мне №9 «Нового мира». <...> Прочла дурацкий рассказ Вики.** До чего глупо! Видите, он теперь уже стал так знаменит, что даже дурацкий его рассказ в 3 стр. печатает наш лучший журнал, ибо «Новый мир» все-таки лучший. Но до чего глупо. На кой черт ребенку игрушка, которой самому сделать нельзя, играть в которую нельзя, и которая как икона должна стоять в углу комнаты! А заденешь ее, получаешь подзатыльники. Хвала американскому производству?

Зина великодушно подарила мне «Kira Georgievna», вышедшую в США. Но это ничего не значит, через некоторое время она придет и скажет: «Отдай мне, Вика хочет кому-то подарить». У меня было 2 [итальянских] издания «Киры», и буржуазное, и коммунистическое. А теперь ни одного: Вика встретил в первый раз какого-то итальянца и ему подарил. Как будто тот в Италии не мог купить? А у меня отняли.

Вы совершенно правы, то что написано на обложке – это реклама. Преувеличенная, но не глупая. Жалкие какие-то все герои у Вики. Когда перевели в США стихи Симонова, то на книге был аншлаг: «Это та книга, про которую Сталин сказал: «Надо было напечатать только два экземпляра – для него и для нее»»***

* Речь идет о поэте-футуристе Бенедикте Лившице, в 1933 г. он выпустил книгу воспоминаний «Полутораглазый стрелец», которая отсутствует в РГБ, так же как и издание 1960-х. В издании 1989 г. есть иллюстрации не только Д. Бурлюка, но и Н. Гончаровой, М. Ларионова, Н. Кульбина, В. Татлина, М. Добужинского, П. Филонова, К. Малевича и других художников, но нет рисунков П. Пикассо. По-видимому, это был портрет какого-либо футуриста.

Живописец примитивного направления, художник театра Наталья Сергеевна Гончарова (1881-1962) и живописец в духе импрессионизма, фовизма и лучизма Михаил Федорович Ларионов (1881-1964) с 1915 г. жили в Париже «одной семьей», оформив свои отношения в мэрии лишь «на закате жизни».

** ««Санта-Мария», или Почему я возненавидел игру в мяч». Речь идет о переживаниях вокруг сборной модели корабля, которую В.П. Некрасов привез в подарок сыну С.Л. Лунгина.

В №№ 8 и 9 «Нового мира» был напечатан также роман польского писателя Тадеуша Бреза «Лабиринт» (см. ниже). Рассказывая историю хождения своего героя по мукам католического ведомства, Бреза дает яркую картину жизни Ватикана.

*** Для автора и для любимой жены Константина Симонова, актрисы Валентины Серовой.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2-4 октября 1962 г.

Милая Вера. Ну, слава богу, мои именины [30 сентября] прошли довольно благополучно. Зина принесла жертву и просидела у меня день, целых шесть часов – с двух до восьми. Вечером она ждала Рабиновича[-Волынского], который вернулся из Москвы, куда ездил вместе с Викой, а Вика все еще торчит в Москве. Во Францию он едет не то 10-го, не то 12 октября. Зина одна.

Сегодня утром Ганя позвонила, не хочу ли я пойти в кино (где идет Викин фильм) рядом с ними. Я сказала, что напьюсь кофе и зайду к ним. Мы думали, что этот Викин фильм идет весь день, а оказалось, что он идет только в 10 утра и в 3 после обеда, и на второй сеанс опоздали на несколько минут. Ничего, пойдем завтра.

<...> Смогла ли ты одолеть с польского перевод «Лабиринта»? Дико растянуто. Есть там [(в №9 «Нового мира»)] и Викин очерк (или как это теперь называется?) [«Санта-Мария»...], всего три страницы. Но до чего глупо! Хотелось бы знать и твое мнение. По-моему, абсолютный идиотизм и к чему это все? Привез мальчику игрушку из США, не дал ему даже к ней прикоснуться, а два пятидесятилетних старика пришли в азарт и сами стали ее клеить. Затем поставили (кажется) на шкаф – и любуйся на нее как на икону. Ну, зачем ребенку такая игрушка? Он стал [в комнате] играть в мяч, уронил и сломал ее. А разгневанный Вика надавал чужим детям в чужом доме подзатыльников!

Ну, что тут интересного? Я этого Зине, конечно, не говорю. Мне интересно, как ты найдешь? Я из этого делаю вывод, что Викины карты высоко стоят, если в лучшем нашем журнале (ибо «Новый Мир» – все-таки наш лучший журнал) печатается такая чепуха.

<...> Ульянов спрашивает меня, почему Зина и Вика не хотят приехать в Швейцарию. Пусть он их об этом спросит [сам]. Я все письма Ульянова им показываю, а они мне его письма не показывают. Зина заявляет: «Я имею право не показывать тебе моих писем».

<...> Значит, говорить [о фильме] нельзя. О тебе и Ульянове тоже ничего, а то сейчас же начинаются споры, происходит разрыв сношений (на пять дней)! О приживалке [Нине Аль] говорить нельзя. Зина заявляет: «Что бы ты ни говорила, я своего мнения не изменю». И я и Зина очень разговорчивы, но когда мы в доме, мы молчим. О тете Анютиной внучке говорить нельзя, о Ване Классоне Зина спокойно заявляет: «Он мне не нужен» и даже не хочет его видеть, когда бывает в Москве.

<...> Была сегодня [(4 октября)] с Зиной в кино. Ровно ничего не поняла. Я ведь терпеть не могу кино, да еще серое, да еще что-то о войне. Вика все еще не приехал из Москвы. Едет он во Францию только 15-го и не один, а с какими-то другими писателями. Кажется, должен ехать Паустовский. Но и в тот раз, когда Вика отправлялся в Италию, говорили, что едет Паустовский [(но не поехал)].

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 29 сентября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я прожила свою жизнь, никогда своих именин не праздную. Зинины именины всегда праздновались у нас торжественно, и бывало не менее двадцати гостей. Мама пекла и жарила, и помню один год, когда у нас развалилась печка, и не было дров. Мы меняли тогда наш хлеб на дрова.

Мама поехала на дачу к знакомым печь пироги. Мы были обе «железнодорожницы», имели «провозные» [документы], и билет ничего не стоил. Беда была в том, что ходили только теплушки, в них было очень трудно влезть. Кроме того, так как мы были «новые железнодороджницы советской формации», [старые] железнодороджники (своего рода каста) нас в свою теплушку не пускали. Но тут повезло. Обер-кондуктор был знаком с нашей знакомой (владелицей дачи) и посадил маму с пирогами в теплушку.

Через 2 недели он умер от сыпного тифа. Вместо дров мама собрала хворост в лесу и на нем [\[в печи\]](#) пекла пироги. Мы ее благополучно встретили.*

Зато два других раза (мама ездила туда белье стирать) маму при выходе на киевском вокзале обворовали. Первый раз (носильщиков тогда не было) мама дала свои вещи «вридло». Что означало «временно исполняющий дела лошади». Увы! Наложив весь мамин багаж на тачку, «вридло» стремительно помчался и исчез за какой-то колючей проволокой. Исчезло 12 простынь, мой перешитый костюм и пр., и пр.

Горе было большое. Нужда. Но мамина энергия не убывала, она опять взяла белье, 8 простынь, и поехала на дачу стирать. Условились, что мы встретим маму у поезда, и она без нас не выйдет. Но мама со своей укладкой вышла на площадку вагона. Приличная дама в бархатной шубке предложила маме помочь, и в то время, как мы с Зиной мчались к мамину вагону, дама с маминой укладкой исчезла.

А что за ужас были тогда беспризорные! Зина, которая никогда ничего не покупала и не носила [\[покупки\]](#), удивлялась, что нас с мамой обкрадывают. И вот как-то после своих именин она понесла угощение одной больной старухе. Не отошла она далеко от дома, как видит – ее пакет летит в воздух, и беспризорные тут же его подхватывают и едят на ее глазах. Да, все это мы пережили.

И главное – бедная мама на старости лет. Ведь в 1917 году маме было уже 60 лет. Вы, верно, плохо помните тетю Соню? ** А я счастлива, что мама дожила до 86-ти лет, была с ней, хотя последние 4 года она болела. А ее обожаемый внук, когда мама заболела, не мог эти 4 года ([\[1937-41\]](#)) прожить с ней. Я думала, он сейчас же вернется [\[со своих актерских гастролей\]](#).

<...> Когда я жила с Зиной, то в день моих именин уходила в библиотеку и сидела там до 11 часов вечера, чтоб избежать гостей. Еще в той квартире (20 лет тому назад) ко мне приходили иногда гости.

<...> Теперь же приходят иногда гости, чтоб видеть Зину. А Зина приходит не всегда. Я накрываю стол скатертью (обычно ем на клеенке), покупаю полкило сухарей и все. Жду Зину с Ганей и угощениями. Гости чай пить не хотят, ждут Зину, говорят, чтоб я шла и звонила ей, скоро ли придет. Наконец появляется Зина с Ганей и угощениями. Тут начинается такая суматоха, точно все гости ловят курицу. Зина кричит, что чай не так заварен, что пирог положен не туда, куда следует. Я уже не знаю, où donner de la tête [\[\(куда деваться\)\]](#).

* По-видимому, сии поездки бывш. «благородной дамы» происходили точно не в 1921 г., когда советские власти объявили о «свободе торговли» и киевские поезда буквально облепляли мешочники. Берлинский «Руль» 2.6.1921 г. перепечатал такую публикацию из «Известий»:

По рельсам движется какая-то серая гусеница – это поезд, весь точно обваленный в серой массе мешочников. Из-под них не видно ни вагонов, ни паровоза, ни крыш, ни ступенек, ни просветов между вагонами. Люди буквально облепляют отходящие из Киева поезда. На паровозе, на вагонах, под вагонами, на платформах, перевозящих дрова, на цистернах, повсюду, где только можно, люди цепляются за каждый крючок, каждый гвоздик, каждую выемку. Занявшие места на буферах выглядят счастливыми, комфортабельно устроившимися на все путешествие.

Отход каждого поезда сопровождается воплями, стонами, плачем, стрельбой и всякого рода несчастными случаями. Вот поезд отходит. Не успевшие сесть или снятые с поезда мешочники, опрокидывая все на своем пути, атакуют поезд. Посадочный отряд бежит за поездом, одних стаскивает, с других срывает шапки и т.д. Во время суматохи один потерял вещи, у другого поезд увез грудного младенца, а третий попал под поезд.

Один из результатов такого положения: носильщики брали по 50-75 тыс. [\[\(300-500 романовских рублей, ходивших в Киеве наравне с советскими дензнаками\)\]](#) за «гарантированную» посадку в поезда. Другой результат: в Киевских ж.-д. мастерских было изготовлено около 300 гробов для задавленных поездами мешочников.

** С.И. Мотовилова-Классон умерла в психиатрической больнице (Петербург), когда нынешнему адресату С.Н. Мотовиловой, сыну Ивану было 13 лет.

<...> Обыкновенно облегченно вздыхаю на следующий день. Да еще 2 электрических чайника медленно нагреваются. Гости, проголодавшиеся в ожидании Зины, злятся и кричат, чтоб я шла на кухню и ставила чайник на газ. Я объясняю, что на кухню не хожу и газом не пользуюсь. Поднимается крик, что [\[электрические\]](#) чайники испортились, долго не нагреваются. Кстати, одно время Зина каждые мои именины дарила мне чайники. Это было всеобщее веселье: «Опять чайник?!». А в день моего семидесятилетия она подарила мне седьмой чайник. Теперь у меня осталось только 4 – 2 простых и 2 электрических.

30-IX-62 (продолжение). Ну, слава богу: именины прошли. В виде поздравлений получила 3 открытки и Ваше письмо. Гостей было 9, трое из них не ели, не пили и скоро ушли. Первой пришла Зина, около двух часов, и просидела у меня, кажется, до восьми. Геройский поступок – целых 6 часов у меня!

[1-X-62 (продолжение)]. Сегодня утром мне позвонила Ганя, что в кино рядом с ними идет Викин фильм «Сын солдата»: не хочу ли я пойти посмотреть. Я напилась кофе и пошла к ним. Мы с Зиной думали, что он идет весь день (коротенький ведь), но оказалось, что он идет только в 10 часов утра и в 3, ну а мы, Зина, Ганя и я, опоздали к трем часам. Ну, ничего, пойду к ним завтра.

Посылаю Вам письмо Ульянова.

<...> Письмо Ульянова я понесла показать Зине, оказывается – я-то им показываю все Ульяновские письма, а они мне его писем не показывают. А он уже давно приглашает их приехать в Лозанну месяца на 3. Он, мол, и внесет за них caution [\[\(залог\)\]](#), и они будут у них жить на его средства. Откуда же он эти деньги возьмет, когда не имеет средств пригласить одну прислугу? Очевидно, рассчитывает, что Вика их ему отдаст?

Зина сказала, что она вовсе не обязана показывать мне письма, которые получает, что Ульянов их давно приглашает, что он будет тогда с Викой ходить в горы, а Зина – ухаживать за Верой. Чудак! Зина никогда ничего для себя сделать не может, всю жизнь ее обслуживала мама, а после ее смерти – я. Детей ее обслуживали или бонны, или мама. Коля всегда в маминной комнате спал, будил ее в 6 утра. Маленького Вика мама за границу везла, я [\[однажды\]](#) встретила ее в Берлине. Зина и теперь ничего себе купить не может, покупают Ганя и приживалка.

В годы нашей бедности я как угорелая бегала за всеми тремя пайками, одно время они были в трех магазинах в разных районах Киева. Я как-то заболела, и за 5 дней, что я была больна, Зина и Вика ни разу ни взяли [\[по пайку\]](#) хлеба. А ведь тогда он был очень важен, можно было его и продавать [\[на толкучке, если не попадешься милиции – МК\]](#).

Ганя говорит, что по возвращении из отпуска она теперь обязательно что-нибудь покупает себе из еды, так как когда раньше возвращалась без этого, у них дома – все как шаром покати. Ни в холодильнике, ни в шкафах абсолютно ничего!

Зина с негодованием говорит о приглашении Ульянова: «Очень мне интересно сидеть при Вере!». Зина показала мне письмо Вике от итальянца [\[Витторио Страда\]](#), с которым я когда-то переписывалась <...>. Сообщает, что в Италии они Вика «не забывают», вышло новое издание «В родном городе». Очевидно в их коммунистическом издательстве, где Вике ни гроша не платят!

5-X-62 (продолжение). <...> Третьего дня были с Зиной и Ганей в кино, рядом с ними. Смотрели Викин фильм «Сын солдата». Я ровно ничего не поняла

<...>. Сперва [на экране появилась] какая-то труба, а может быть не труба, а дуло пулемета [может быть, пушки? – МК]? Что такое пулемет, я тоже не знаю. Потом какая-то женщина сидит и шьет, не поднимая головы, шьет и шьет. Ее показывали раз пять, и все то же самое. Потом – корабль с матросами. Потом отдельно показывали их морды, толстые-претолстые. Что это означало? Фильм серый, ненавижу серые фильмы!* Диктор что-то завывает патетическое, вроде ритмической прозы.

Я просила Ганю [после сеанса] объяснить, что показывали. Но и она не смогла: «война и война». Как ни ужасен фильм сына Чуковского – Николая «Балтийское небо», но этот еще ужаснее. Никакого ведь действия [не происходит].

<...> А что Вы скажете о трех стр. Вики в №9 «Нового мира»? Мы читали с двумя знакомыми, и они нашли, как и я, что это сплошной идиотизм. А мой «мальчик» уверяет, что и фильм, и рассказ или очерк ему нравятся, а сам смеется: неизвестно – иронизирует или правду говорит. <...> Вика все еще в Москве. В Париж он едет не один, а с какими-то писателями. Какими? Зина не знает. Будто бы едет Паустовский, хоть раньше говорили, что он очень болен. Поживем – увидим.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 6 октября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович. <...> Благодарю за сведения о [Валентине Яковлевиче] Парнахе, но я не поняла: они с Вашей сестрой разошлись? Вы пишете: «она в нем разочаровалась». Но жили-то они вместе? Внук [Максим] Катерины Робертовны с ней живет?

<...> Вы как-то мне писали, что Вика Любе Пятницкой чем-то обязан? Он ей абсолютно ничем не обязан, да и ему было всего 4 года, когда они уехали из Франции. Люба с Леной (своей дочерью) несколько раз гостили летом у мамы. Я тогда дома не жила. В Хатках Люба была всем недовольна, так как ее второй муж, скульптор Осколков, ей не писал. И она рвала и метала. Со всеми ссорилась. Люба с двухлетней Леной (и обезьянкой-игрушкой) уехала обратно. Мама – в Швейцарию, а Люба – в Париж.

Мама везла полторагодовалого Вику. Я выехала встретить маму в Берлине. Ну и (согласно Вашему правилу [за хорошие дела получать от «хороших людей» упреки]) Люба была недовольна проведенным летом, и хоть ее двухлетняя дочь ничего не понимала, мать в нашем присутствии демонстративно говорила Леночке: «Ну, наконец-то мы с тобой скоро будем у себя!».

Другим летом она жила с мамой и Зиной на берегу моря во Франции. Это перед войной [1914-18 годов]. Там была вся русская школа, где учился Зинин старший сын Коля, и много других русских. Был там и Луначарский с женой и сыном [Тотошей] Викиного возраста. Люба и тут была очень недовольна. Но их общая фотокарточка – Тотоши Луначарского, Вики и Лены и дочери консьержки послужила ей потом, когда она хотела пройти в Кремль к Луначарским, хлопотать о своем третьем муже – венгерце. Луначарский сделал все [возможное] для ее мужа, и они благополучно уехали в Венгрию.^{**}

Но тут (это я уже Вам писала) муж оказался вовсе не коммунистом [(как он себя называл в советской России)], а богатым буржуем. Бросил Любу и вернулся к своей богатой семье.

* То есть черно-белый. Черно-белый фильм «Сын солдата» можно увидеть по ссылке (nekrassov-viktor.com/Video/Cinema.aspx). Но сцен, описанных С.Н. Мотовиловой, в нем вроде бы нет (?).

** По-видимому, А.В. Луначарский поручился перед ВЧК за венгра Папу и Любовь Пятницкую, что они не будут за границей «клеветать на соввласть».

Бобос [*Кристи*, 1910 г.р.], Вика Некрасов [1911 г.р.], Лена Пятницкая (???)*,
Тотоша Луначарский [1911 г.р.], Париж, 1914 г. (с сайта «Памяти Виктора Некрасова»)

<...> У тети Лиды было четверо детей: три дочки и один сын Петя.** Кажется, в 1904-м или 1905 году Петя стал эсером. Он женился на какой-то поповне, некрасивой и страшно ревливой. У них была одна дочка Лида. Она и ныне жива. Была необычайно красива, высокая стройная блондинка с темными глазами. В 1905 году Петя с женой [*Софьей*] уехали в Париж, в эмиграцию. Он окончил там сельскохозяйственный институт, стал агрономом. Они вернулись в Симбирск в 1917 г. Петя работал как агроном, а у жены его был свой дом, наследство от отца. В каком году Петя умер – я уже не помню.

Его дочь Лида училась тоже в сельскохозяйственном институте, кажется, в Саратове. После смерти Пети они, кажется, нуждались. Лида во время войны [1941-45 годов] зарабатывала игрой на рояле в кино.

* Скорее всего, это – дочка консьержки, Nevretie, как указывала в своем письме за февраль 1963-го З.Н. Некрасова, да и С.Н. Мотовилова только что упомянула о групповом снимке и дочери консьержки. Действительно, Лена Пятницкая родилась в 1910-м и должна быть хотя бы на полголовы выше Вики!!!

То есть, должен быть другой снимок, с позирующей Леной Пятницкой (вместо Бобоса?, поскольку она была как минимум на полголовы выше Вики)! Который и послужил «пропуском в Кремль».

** Это Лидия Ивановна Пятницкая, урожденная Мотовилова.

Затем в нее [(в Лидию Петровну)] влюбился один врач (тоже духовного звания, как и ее мать). Он готовился к профессуре.* Она поставила ему условием, чтоб он бросил Москву, научную карьеру и жил с ней и ее матерью в Симбирске. Он врач-психиатр, почему-то очень много зарабатывал. Они выменяли материнский дом на большой с садом, приплатив конечно. И Петина жена, и Лида великолепные хозяйки, практичны сверх меры. В Симбирске, вероятно, было много разорившихся дворян.

Они, Петина дочь с мужем, накопили много старинной мебели и вещей и т.п. Дом, кажется, в 5 комнат, но когда мы с Зиной гостили у них в 1950 г., то спали на веранде, а целый день все проводили на кухне. Лида, при всей ее красоте, никогда из Симбирска не выезжает: возится с курами, свиньями, коровами. Говорила, что боится уехать: у ее матери высокое давление, и она боится оставить ее одну. Мы гостили у них дней пять в 1950 году. Тогда их дочери [Римме] было 4 года. Ну а теперь она уже кончила школу. К сожалению, она не так красива как ее мать. Летом она (Петина внучка) ездит с отцом на курорт, а Лида (дочь Пети) сидит в Ульяновске со свиньями и курами. У них возле дома имеется сад, где в этом году был большой урожай яблок.

<...> Я поняла, Вы, вероятно, спутали Петю Пятницкого, тети Лидино сына, с Петей Пятницким, братом тети Лидино мужа, который [(брат)] был влюблен в тетю Соню и, когда она ему отказала, покончил с собой? ** Но это два разных поколения.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7-10 октября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Мне очень симпатичен шведский народ – прямой, честный. <...> Я была около месяца в Швеции. Меня удивила их честность. Я списалась с одной дамой, что приеду к ней в пансион на острове Готланд. Там тогда в развалинах старых церквей шли исторические игры (спектакли). Мы уговорились письменно насчет цены. Я была очень довольна [(прожив в пансионе)], но она не захотела столько взять, уверяя, что не смогла мне дать того комфорта, который обещала. Спорить было бесполезно.

* С сайта Воскресенского некрополя Симбирска-Ульяновска (воскресенский-некрополь.рф/reestr-izvestnyh-zahoronenij/57--1905-1927-4-):

Скипетров Александр Иванович (23 февраля 1905 г., Вязники, Владимирской губ. – 4 апреля 1972 г., Ульяновск) – врач-психиатр, главный психиатр Ульяновской области в 1945-72 гг. Из семьи служащих. До революции отец вел торговлю с братьями, мать, по семейным преданиям, дочь генерала итальянского происхождения. После 1917 г. проживали в Москве.

А.И. Скипетров учился в 1923-28 гг. на медицинском факультете Нижегородского ун-та. Начал учиться без экзаменов (на них опоздал), увидев в вывешенных списках фамилию однофамильца. В 1928-30 гг. служил в РККА врачом в Москве, имел воинское звание военврача запаса 2-го ранга. Окончил ординатуру при психиатрической клинике 2-го Московского медицинского института, работал в Московской психоневрологической клинике им. Соловьева. Во 2-й пол. 1930-х гг. планировалось назначить его врачом в какое-то посольство. Но А.И. Скипетров в 1937 г. женился на Лидии Петровне Пятницкой и поехал в Ульяновск на родину супруги. Позже говорил, что если бы тогда попал в посольство, то его «уже бы не было в живых». Однако провинциальный Ульяновск не очень любил, мечтал вернуться в Москву. В 1937-41 гг. – психиатр 1-й поликлиники, консультант в госпитале и психоневрологической больнице им. Н.М. Карамзина. В тяжелый военный период с июня 1941 по июнь 1943 гг. возглавлял больницу сначала как зам главврача, потом – главный врач. В 1943-45 гг. начальник черепно-мозгового отделения эвакогоспиталя № 1847.

** Муж Лидии Ивановны Мотовиловой – Николай Федорович Пятницкий; его брат, безнадежно влюбившийся в Софью Ивановну Мотовилову, – Петр Федорович Пятницкий. Петр Николаевич – соответственно сын Л.И. и Н.Ф. Пятницких.

<...> Шведы до такой степени честны, что жульницей оказалась я. Я говорила там по-английски и по-немецки, но два раза не смогла объясниться и проехала даром. Один раз в поезде, другой – на пароходе. Билеты у меня не спрашивали ни при входе, ни во время езды. А приехала я поздно, носильщик схватил вещи и помчался. Останавливалась я обычно не в гостиницах, а в частных домах. Я всегда была экономна. Ведь наши с Вами предки – шведы. Я даже думала, нет ли у нас наследства в Швеции, для Веры и Ульяновых. Но некому об этом было хлопотать. А дед мой был из старинного шведского рода*. Вера давно просила, чтоб ей прислали мамин герб. Мама просила его перерисовать Вику, но он не захотел. Для чужих, конечно, сделал бы. Мама послала бывший у нее рисунок Вере, но он не дошел. Кому нужен был чей-то чужой герб?

<...> Я с Вами согласна: Викин микрорассказ написан неплохо, «бойко», как Вы пишете. Но – содержание? Реклама американских игрушек?

<...> Зина была у меня вчера, во вторник [9 октября], была несколько минут. Так что я ни о чем не успела ее спросить или [сама] рассказать. Вика еще не приехал [из Москвы], его отъезд [в Париж] откладывается до 20-го. Единственное, что Зина знает – с ним едет Паустовский с женой. Сколько я ни спрашиваю Зину, кто еще с ними едет, она говорит, что не знает, так как это ее совсем не интересует. Вчера Зина думала, что Вика приедет сегодня утром. Но я сегодня позвонила Гане, чтоб она прислала с Зиной мои полотенца, и спросила, приехал ли Вика. Оказалось, не приехал.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 18 октября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я вполне понимаю Вашу тревогу за [подхватившую дифтерит] Катерину Робертовну, но Вы сами видите, что она под серьезным наблюдением врачей и, что меня особенно удивило, московская больница благоустроена. Отдельная комната, тут же ванна! Когда я три недели лечилась в глазной больнице [в Киеве], нас было 10 человек в одной комнате. К счастью, это случилось летом, и я все время проводила в большом саду. Но когда я попросила взять ванну, мне сказали: она завалена грязным бельем.

Вообще о больничных нравах и советских врачах я бы могла много рассказать. Когда мама болела, ей было уже свыше 80-ти лет. Но маме хотелось, чтоб ее лечили. Я как-то вызвала из поликлиники невропатолога. А то мы [раньше] приглашали профессора, но его надо было привозить в такси. А такси делало какие-то «развороты» и стоило больше гонорара профессора. Тогда мы платили ему 50 руб. за визит. Мама спросила врача-невропатолога [из поликлиники]: «Поправится ли моя нога, смогу ли я хорошо ходить?». Врачиха злобно сказала: «Всякому овощу свое время» и ушла. Профессор был вежливее. А знакомая врачиха сказала мне: «Если бы вы ей платили 50 руб., и она была бы вежлива». Да! Ну, я думаю, мы с Вами до коммунизма не доживем.

Чем кончилась история с дифтеритными палочками у сына Катерины Робертовны [Шуры Парнаха]? Ведь он носитель заразы, имеет ли он право ходить на службу? А если не будет ходить, ведь ему не станут платить? Сложная история.**

* Антон Николаевич фон Эрн (Anton Wilhelm von Örn, 1797 – 1861), из дворян Лифляндской губернии.

** В 1962 г. сестра И.Р. Классона Екатерина Робертовна подхватила «детскую болезнь» – дифтерит:

Кате в шестьдесят один год не повезло с участковым терапевтом, которого вызвали на другой день после заболевания, не совсем похожего на ангину, и он не заподозрил и не распознал дифтерит (что наверняка сделал бы хороший детский врач). И только дня через три ее сын Шура повел мать в платную поликлинику на улице Кирова, где сразу предположили дифтерит <...>. Катя, к сожалению, не выполнила предписание врача платной поликлиники – пройти амбулаторный курс инъекций витамина В₁, чтобы предупредить возможные дифтерийные осложнения. Например, такое тяжелое осложнение как паралич глотательного центра. Что и случилось, лишь тогда ее поместили в соответствующую больницу, а районная поликлиника получила выговор.

Зина и Вика еще не уехали [в Москву]. <...> Позвонила им узнать, придет ли Зина <...>. Сперва подошел к телефону Вика (Ганя была на базаре, единственный толковый у них человек), позвал Зину. Зина сказала, что придет поздно, и мгновенно повесила трубку.

Я начала вновь звонить и объяснила Вике, что мне нужно. <...> Спрашиваю Зину: «Когда вы едете в Москву?» – «Ничего не знаю, когда отправится «Америка»». – «Какая Америка?» – «Ну, каравелла». – «То есть как, – говорю я, – они едут в Париж пароходом, а не летят?» – «Что ты меня путаешь? Когда поедет французская делегация». – «Какая делегация? Вика едет с какой-то французской делегацией?» – «Ах, ты меня совсем запутала». А ведь Вика не соглашается со мной разговаривать. Ну вот, узнай у них что-нибудь толком!*

<...> Вчера получила письмо на очень хорошенькой картинке [(открытке)] от Ульянова. Извещает, что Вера мне написала, и он мне пошлет [ее письмо], как только она перечтет его. Сегодня письмо пришло <...>. Но оно беспорядочно написано. Вера, конечно, больна. Повторяет одно и то же ежегодно.

<...> Утром пришло письмо от Чуковского. Он молодец, совершенно нормален, а ему 80 лет. Пишет, что не ответил сразу, так как был в санатории, где его «простудили и привели в негодность. Авось выживу, но едва ли». В конце письма такая фраза: «Слыхали: я был в Англии и получил там степень доктора литературы и пурпурную мантию». Ну, я, конечно, это слышала и очень рада за него. Никто в жизни не сделал мне столько удовольствия, как Чуковский и Кускова.** Назвали меня «талантливой». Чуковский спрашивает, почему не печатают моих воспоминаний?

<...> В Киеве есть человек, который пишет биографию Чуковского и переписывается с ним. Вот эпизод, который очень забавен. В тот трагический день, когда Пастернак получил Нобелевскую премию, был день именин его [второй] жены.*** <...> Ни Пастернак, ни Чуковский о Нобелевской премии ничего не знали. Чуковский зашел поздравить жену Пастернака с именинами. А иностранные корреспонденты – уже знали и нагрянули поздравить Пастернака. Застали одного поздравляющего Чуковского, тут же его сняли. И он появился в иностранных журналах и газетах с надписью: «Единственный из русских писателей, поздравивший Пастернака». Будто бы куда-то Чуковского вызывали, и он должен был давать объяснения.

* По-видимому, в разговоре двух пожилых и полуглухих сестер шла речь о реактивном самолете Caravelle, который начал летать между Парижем и Москвой в апреле 1960 года. Возможно, что одна из «Каравелл» носила название «Америка».

** Екатерина Дмитриевна Кускова (1869-1958), русский публицист, идеолог «экономизма», автор «Кредо». Деятель «Союза освобождения». После Октябрьского переворота работала в Помголе, была связана, по версии Советского энциклопедического словаря, с контрреволюционным подпольем и потому арестована. В 1922 г. выслана за границу.

В 1917 г. С.Н. Мотовилова послала статью в газету «Власть народа» рукопись:

Отправилась опять в редакцию. Секретарь <...> просит подождать. Меня непременно хочет видеть... Он назвал имя и отчество. Я спросила: «Кто это?» – «Кускова». О Кусковой я не раз слышала от [С.В.] Андропова. Он, конечно, не разделял ее взгляды, но находил, что она очень умна, гораздо умнее [своего мужа] Прокоповича, и что у нее «мужской ум». Со стороны мужчин это всегда похвала. Мне очень жаль, что мои дневники того времени погибли. Там, вероятно, дословно [была] записана моя беседа с Кусковой. Теперь только помню, что она несколько раз повторила, что вытаскала мою рукопись из корзины для бумаг, что у меня, несомненно, литературный талант. Повторяла еще: «Пишите! Пишите!» Даже сравнила мою манеру писать с Глебом Успенским. Я подумала: это слегка преувеличено. Это был счастливейший день в моей памяти. Казалось: наконец-то открывается для меня литературное поприще! (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

*** Точнее, Нобелевский комитет присудил премию Б.Л. Пастернаку, но он под давлением «Софьи Власьевны» вскоре был вынужден отказаться от нее.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 октября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Не поздравите ли Зину с днем ее именин? 24-Х в среду, а по старому стилю – 11-Х. На следующий день они будут считать бывших [на именинах] гостей и полученные телеграммы. И это станет признаком Викиного состояния писательского авторитета. Это, по-моему, а Зина этого не понимает.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 28 октября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сейчас получила Ваше письмо. Лечебница, где лежит Катерина Робертовна, по-моему, исключительно хорошая. И они должны ее вылечить. Я вспоминаю, как художник Нестеров был огорчен смертью своей сестры и писал: «Теперь некому уже сказать – «а помнишь?...». И у Вас, из Ваших близких, Вы могли бы это сказать только Катерине Робертовне.

Спасибо за объяснение «Каравеллы». Очевидно в том, что Зина мне тогда говорила, был какой-то смысл, который я не поняла. Очевидно, на этом самолете Вика собирается лететь в Париж?

Недавно в News за 1956 год с интересом прочла о Плеханове. Это было столетие со дня его рождения. Статья очень толково и хорошо написана. Я удивлялась: кто так хорошо пишет? Оказалось, Заславский. Я, кажется, Вам рассказывала, как я с ним работала в 1919 году, как я хлопотала о нем, когда он был арестован, у Затонского.* Через два дня Заславский уже был выпущен. О работе с ним у меня сохранилось самое хорошее впечатление. Но его статья о Кусковой «Кура, которая хочет быть петухом» и его позорное выступление против Пастернака [[«Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» \(1958 г.\)](#)] сделали его для меня отвратительным.**

<...> Заходила Зина. Читала она Ваше письмо. Судя по тому, что она рассказывает о своих именинах, я решила, что Викины карты невысоко стоят [(то есть, котируются)]. Гости было меньше обыкновенного и низшего качества. Разные старые бывшие дамы и Викины ближайшие друзья по Строительному институту. Список гостей она мне не принесла, обычно Ганя его делает. Один из «высокопоставленных» поздравил по телефону, и то Зину не вызвал, а через Ганю. Из Москвы тоже поздравляли по телефону, что это – style nouveau [(новый стиль)]? По-моему, это невежливо. Хозяйка занята с пришедшими гостями, а тут иди к телефону! <...> Зина принесла мне сегодня торт и всяких пирожков, очень не вкусных. Зина уверяет, что это из-за муки, которая с кукурузой. Вообще Зина – «антикукурузница». Жалобы на плохой хлеб и на давку в троллейбусе и духоту там – это обычные темы из ее репертуара.

<...> Шульгин, в [[своих воспоминаниях](#)] «1920-й год» пишет, что большевики почему-то считают, что люди умственного труда должны заниматься физическим, а люди физического труда – умственным.***

* Владимир Петрович Затонский, 1888-1938, в 1918-м председатель ВУЦИК, с 1925-го секретарь ЦК, с 1927-го председатель ЦКК КП(б)У и нарком РКИ, нарком просвещения УССР.

** К сожалению, комментатору сего Приложения пока не удалось отыскать упомянутую статью Д. Заславского «против Е. Кусковой», по которой неизвестно ничего – ни даты публикации (в сентябре 1921 г., когда большевики разогнали Помгол?), ни конкретного СМИ (в киевском «Коммунисте»?). Зато в Интернете имеется эта довольно мерзкая публикация Д. Заславского «против Пастернака» (vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST5.HTM), она была опубликована в «Правде» 26 октября 1958 г. Другие материалы «вокруг Пастернака» см. на том же ресурсе (vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST0.HTM).

*** Василий Витальевич Шульгин (1878-1976), монархист, один из лидеров правого крыла 2-4-й Государственной думы, белоэмигрант по версии Советского энциклопедического словаря.

Помню, когда я работала в библиотеке Академии наук, одного старика, научного работника, послали «на бураки», и он там умер, а его научный труд остался не дописанным. Я тоже раз поехала «на бураки» около Киева. Но оказалась такой никчемной, что на следующее утро меня отправили домой. Зина кричала: «Какое право они имели тебя отослать, раз ты хотела работать!». Я это Вам уже писала: мне было тогда 50 лет, теперь – 82!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 3 ноября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сегодня получила письмо от Маши [из Тамбова] и от Нины Мотовиловой (тети Веринной дочери) Последнее меня очень порадовало. Ее сын поступил в аспирантуру. Он окончил в Ленинграде факультет немецкого языка. Учился лучше всех, все время получал повышенную стипендию. По окончании [института] должен был идти в аспирантуру. Но тут вышел закон, что в аспирантуру можно поступать [только] через 2 года. По-моему, с его окончания прошло уже 3 года.

<...> Зина и Вика сегодня выехали в Москву. Когда Вика едет во Францию – не знаю. Зина говорила, что какая-то переводчица уговаривала его до Франции поехать опять в ГДР, где он уже был 2 или 3 раза. <...> Постарайтесь повидать Зину, она ведь долго, верно, будет жить в Москве. Может быть, соберетесь как-нибудь зайти с ней к Гомочке Мотовилу? Может быть, он Вам покажет свои скульптуры?

У Зины событие. Вика давно уже хлопотал, чтоб особа, которая живет у них, переехала к своей матери в Ленинград [(Нина Аль)]. Наконец ей нашли там хорошую службу – в Эрмитаже, заведовать каким-то отделом, как раз по ее специальности. А какая у нее специальность – не знаю. Работала она в Академии архитектуры каким-то научным сотрудником. А сейчас – в каком-то другом учреждении. <...> Вместо двух недель она прожила у Зины 10 лет. <...> Уже 3 ноября, а у меня еще нет №10 «Нового мира», и в киоске его нет. А Вика уже получил свой авторский экземпляр, но я его еще не видела.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 11 ноября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Ульянов получил воспоминания Сытина от какого-то своего знакомого из Парижа. ** Люба Пятницкая писала, что наших, советских книг в Париже сколько угодно. И так как они очень дешевы (в сравнении с французскими), русские, которые еще остались в Париже, их охотно раскупают. Но русских в Париже осталось очень мало, зато русское кладбище [в Сен-Женевьев-де-Буа?] уже заполнено, и их хоронят на других.

Как нашли Катерину Робертовну? Что за ужасная болезнь! Это не только паралич неба, но и захватывает все тело, даже руки?

<...> Вчера звонила Гане, узнать что у них. Думала, что она в хорошем настроении: их Нина [Аль] (приживалка) завтра, 12-го навсегда уезжает от них. А Ганя ее 10 лет ненавидела, даже на ее фотографиях выкалывала глаза, чтоб обезвредить ее чары на Зину. Но, увы, Ганя пришла злущая.

<...> Когда закончите биографию Роберта Эдуардовича, прочтите непременно Лепешинского «На повороте». *** Очень интересно и Вам должно быть. Он рассказывает о Кржижановском, Старкове, Ив. Ив. Радченко (о людях, которых Вы знали).

* Здесь какая-то «непонятка» по поводу авторского экземпляра: в №10 «Нового мира» не было публикации В.П. Некрасова, путевые очерки «По обе стороны океана» появятся лишь в №11-12.

** Иван Дмитриевич Сытин (1851-1934), русский издатель-просветитель.

*** Пателеймон Николаевич Лепешинский (1868-1944), деятель российского революционного движения, член РСДРП с 1898 г., агент «Искры» с 1900 г., с 1927 г. директор Исторического музея, Музея революции.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Посылаю тебе две Зининых открытки. Ну, слава богу, теперь я знаю, почему Вика едет в ГДР. Но почему это нужно было до последнего момента от меня скрывать? В первой открытке: «Вика уехал с делегацией». С какой делегацией? Во второй открытке это объясняется. У Вики вышло два документальных фильма – «Неизвестному солдату» и «Сын солдата». Зина пишет, что Вика повез «Неизвестного солдата», а вчера утром забежал мой «мальчик» [А.Е. Парнис] сообщить мне, что в газете прочел: Вика уехал в ГДР и повез фильм «Сын солдата». Я спрашиваю: «Может быть, оба повез?» Он отвечает: нет, там нужно показать только один.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 13 ноября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Как здоровье Катерины Робертовны? А как ее сын [Шура Парнах] справляется со своим сыном [Максимом] в одиночестве?

<...> Маша [Володина из Тамбова] переслала письмо Лены [Игнатович]. Сплошь ругательства. Переслала и письмо ее тетки, про которую лет 10 тому назад Лена сказала Маше и мне с Зиной, что она умерла. Ну, а в этом году она воскресла.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Их приживалка [Нина Аль] окончательно уехала от них [в Ленинград] 12-го ноября – десять лет у них прожила. Другой [приживал] – экс-милиционер [Вася], приходивший к ним и завтракать и обедать, больше не приходит. Он должен жениться в третий раз, и на этот раз – на особе, имеющей комнату в Киеве. Он с этой третьей женой заходил к Гане. Так что Зинин «Вишневый сад в советское время», как я это называла, ликвидирован.

З.Н. Некрасова (из Москвы) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 12 ноября 1962 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну).

Милая Соня!

<...> Днем я ходила с Раисой Исаевной и Мариной в Русский Музей* (б. Румянцевский), в котором кроме основных было еще несколько картин, присланных из Эрмитажа, и я с удовольствием осмотрела и все остальные. <...> С Рабиновичами я была в Манеже, тоже на выставке очень интересной – картины, портреты и скульптуры.

А вчера были у З. Д-ны Духаниной <...>. Мы с Лилей [Лунгиной] ушли, <...> к Лунгиным вечером как раз должна была прийти Викина переводчица, которая должна будет его вызвать (из Восточной Германии, т.к. до конца кинофестиваля еще далеко). Поездка во Францию назначена, наконец, на 15 ноября, кажется [на 25-е!]. Так как он вернется на днях – его документы у нее уже все готовы.

Вечером сегодня я «принимала гостей», далее – приходили Ася и Муся, с которыми мы познакомились в Тбилиси и вместе ездили по Военно-Грузинской дороге и на озеро Рица.

Сегодня из Италии вернулся Жоринька [Брейтбурд] и привез мне новый набор ушных батареек (!). Так что я теперь богата и весь вечер принимала гостей с батареей в ухе. Я останусь в Москве до Викиного возвращения из Франции, после чего мы вернемся домой.

* Переправлено – с «Музей изящных искусств».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15-16 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас мне звонил один Викин приятель. Получил письмо от Вики из ГДР. Я уже забыла, какого числа там начался фестиваль. Оказывается, этот Викин друг заходил ко мне, но я была в поликлинике.

<...> Я не знаю, жива ли Похлебина. Она мне уже больше года ничего не пишет, это моя бывшая сослуживица, и затем она несколько раз на даче бывала с нами. В последний раз – в Крыму, на той же даче, где и мы. Она окончила институт, хорошо знает французский и немецкий, одно время она занималась французским с Викой, когда Вика уже его забыл. До семи лет Вика французский хорошо знал. И это виноваты домашние, что не продолжали с ним говорить по-французски. Когда я пробовала с Викой говорить по-французски, мама раздражалась: «Laissez se baragouin» [(«Прекратите этот ломаный разговор»)].

Помню, как-то Похлебина оставляет Вике французский учебник и просит, чтоб он с ним бережно обращался, когда будет по нему учиться. А Вика отвечает: «Не беспокойтесь. Без Вас я его никогда не трогаю». В первые годы революции было запрещено задавать уроки на дом. Их все-таки давали, но запрещали записывать. Сколько всяких нелепостей за эти годы пережила наша школа!

<...> Значит, я в последнем тебе письме послала две Зининых открытки, где она пишет, что Вика 20-го должен вернуться из ГДР, а 25-го едет во Францию.

<...> Вика брал уроки английского у [Марии Викторовны] Лучицкой, жены известного историка [Ивана Васильевича Лучицкого] и матери и бабушки двух известных геологов. Вика отлично у нее научился, они читали уже Уайльда, но она была старенькой и часто Вика не узнавала, принимала за своего внука.*

* У профессора всеобщей истории Киевского университета Ивана Васильевича Лучицкого (1845-1918) и переводчицы Марии Викторовны Лучицкой (урожд. Требинской, 1852-1924) родился сын Владимир (1877-1949), который стал известным геологом и петрографом; у него в свою очередь родился сын Игорь (1912-1983), который пошел по стопам отца и даже стал членом-корреспондентом АН СССР.

Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой (ф. 786 отдела рукописей РГБ):

Лучицкие до революции жили богато, у них было свое имение, свои дома. После революции положение их стало катастрофическим. Вдова Лучицкого, глубокая старуха, давала уроки по иностранным языкам за 20 коп. в час. Знала она больше десяти языков и была одной из лучших наших переводчиц. Дочь ее [Ольга] работала библиотекарем: полдня в одной библиотеке, полдня – в другой. У нее было двое детей [(Лев и Вера)]. Надо было их как-то «выводить в люди». Жили они все (все у них было отнято) в одной комнате, а рядом сосед играл на какой-то трубе или тромбоне. Однажды человека этого положили в больницу, и они радовались, что неделю или две их не будет оглушать эта музыка. Несколько раз в связи с тяжелыми, постигавшими их несчастьями они писали [профессорам-историкам] Карееву и Тарле. Кареев им всегда отвечал и старался им помочь, а Тарле ни разу не ответил. По-моему, это достаточно характеризует человека.

Из публикации Елены Новиковой «Утерянный мир» в газете «Зеркало недели» (Киев), 5 августа 2005 г.

(как мы видим, имеются разночтения в том, кто учил Виктора иностранным языкам, вне школы и института):

Дети и потомки Лучицких унаследовали семейные традиции, склонность к научным занятиям и образованию, стали достойными представителями украинской и российской интеллигенции и переживали вместе с народом и лучшие времена, и периоды лихолетья.

Старший сын Владимир стал видным ученым-геологом, преподавал в вузах Москвы и Киева. Николай, как и брат, закончил также университет св. Владимира, стал юристом, как вспоминала сестра [Ольга], «следователем по особо важным делам». Дочь Ольга закончила Высшие женские курсы. Николай и Ольга хорошо знали иностранные языки и даже иногда помогали матери в переводах. У Ольги Ивановны впоследствии брал уроки французского будущий писатель Виктор Некрасов. Ольга вышла замуж за адвоката, литератора, участника русско-японской войны, кадета, общественного деятеля Леонтия Чолганского, предком которого считался осевший в Украине наполеоновский врач (де ля Флиз), составивший знаменитые этнографические альбомы.

<...> Наконец, получила первое письмо от Зины [из Москвы]. <...> У Зины никогда толком ничего понять нельзя. В [ее] открытке, которую я послала тебе третьего дня, она пишет, что 20-го кончается кинофестиваль в Лейпциге, а 25-го Вика едет во Францию. А в этом письме сообщает, что во Францию он едет 15 ноября, а с кинофестиваля его вызовут.

Пишу [тебе] комментарии к Зинину письму.

1) Раиса Исаевна, это жена Игоря Александровича Саца. Сам он – брат последней жены Луначарского (Розенель по мужу, она недавно умерла) и был секретарем у Луначарского.* Критик, образованный, теперь это у нас называется «эрудированный». Одно время (в 1956 г.) заведовал отделом критики в «Новом Мире», но Твардовского (тогда [главного] редактора «Нового Мира») сняли, а на его место поставили Симонова. Познакомился с ним Вика через Твардовского. (Мое мнение о мадаме и всей этой банде ты, очевидно, знаешь из других моих писем.) Сац – пьяница, и у них в доме идет (т.е. шла) такая пьянка, что старший сын Женька (очень красивый) не мог учиться. Вика его взял к себе, он прожил у Зины и Вики три года. Потом женился и внезапно умер, остались его жена и дочь. Младший сын «Сашуня» – талантливый музыкант, кончает консерваторию, женат тоже на консерваторке.

2) З[инаида] Д[митриевна] Духанина – старая докторша, научный работник, Зинина большая приятельница. Очень культурная, раньше чем кончить медицинский [институт] она кончила филологическое отделение Бестужевских курсов. Ее дочь Наташа, доктор медицинских наук, одного возраста с Викой, она уже бабушка и в этом году вышла [второй раз] замуж. Беда в том, что у нее ответственная работа в Москве, а он [(ее муж)] профессор живет в Харькове.

3) Лиля – это жена Лунгина, где Зина живет [в Москве], переводчица.

4) Что это за Ася и Муся? – я не знаю.

Окончание примечания

Первая мировая война, Февральская революция, октябрьские события 1917 года сотрясали устои государства. Наступили смутные времена. Умер Иван Васильевич в 1918 году [в своей усадьбе] на хуторе Каврай. В прессе отмечали, что «обстоятельства смерти не известны». Ольга Ивановна писала, что уже в советские времена Владимир Иванович ездил в те края в геологическую экспедицию, но в Каврае не нашел ни могилы отца, ни их дома. Остался лишь роскошный, взлелеянный Иваном Васильевичем сад... Правнучка рассказывала, что в свое время Мария Викторовна распорядилась выстроить на Аскольдовой могиле в Киеве родовой склеп, и именно там захоронили профессора. В эти времена Владимир Иванович продолжал работать. Николай Иванович не принял советской власти, и то ли умер в тюрьме от туберкулеза, то ли был расстрелян в подвалах бывшего Института благородных девиц в Киеве. Его жена бедствовала, и внучку Елену Мария Викторовна взяла к себе. Как во все времена оплотом семьи была Мария Викторовна. С ней жила дочь Ольга с тремя детьми и няня детей и внуков Лучицких. Хотя Ольга еще в 1915 г. разошлась с мужем, но, поскольку он был репрессирован советской властью, ее и детей постигла участь семьи врага народа. Родным изредка помогал Владимир, живший в то время в Москве. Ольга работала в библиотеке ВУАН и основанной ею библиотеке Рентгенологического института. Сын Лев носил ей скудный обед на работу. Мария Викторовна, больная, с опухшими ногами, давала уроки французского языка...

<...> Ольга Ивановна в 30-е годы была приглашена на работу в Москву – организовать библиотеку в новом Институте кожевенной промышленности. Ее сын Лев стал инженером, дочь Вера – переводчицей, она принимала участие в работе советской делегации на Нюрнбергском процессе. Старшая Нина умерла в детстве. <...> Один сын Владимира Ивановича Лучицкого погиб на войне, другой по наветам (из-за происхождения и «чуждого» места рождения – Варшава) был репрессирован.

Благодаря блестящим способностям, Игорь Владимирович все же трудился в Сибирском отделении АН СССР и наконец был переведен в Москву. Член-корреспондент АН СССР И.В. Лучицкий стал основателем отечественной палеовулканологии.

* А.В. Луначарский, как мы уже упоминали, вторым браком женился на Наталье Александровне Розенель, урожденной Сац. У нее было два брата: композитор Илья Сац (но он умер еще в 1912-м) и Игорь Сац, ставший литературным секретарем наркома просвещения, а впоследствии «личным» редактором по «Новому миру» и другом Виктора Некрасова (так он обозначен последним в повести «Саперлипопет»).

5) «Жоринька» сейчас итальянский переводчик [и сексот Георгий Брейтбурд], о нем пишет Леви в своей книге о поездке в СССР.

6) Александра Яковлевна [Анатомова] и Софья Борисовна – бывшие Колины бонны. Ты их, верно, видела в Киеве? Одна вышла замуж за архитектора, но он уже умер, другая замужем за полковником! После войны он занимал какой-то важный пост в Берлине.

7) Любочка Бутович – скульпторша. Скульптором она стала после знакомства с Гомой Мотовиловым. Ее муж работал в Текстильтресте, был сослан [в лагерь], теперь вернулся. Живут в Москве.*

8) Зелинские – это мамыны и Зинины Парижские знакомые, жили с ними на берегу моря во Франции. Потом один или два года жили у нас в Киеве. Одна – врач. Сейчас обе – пенсионерки.

Ну, Олю и Гугу Поповых ты знаешь.

З.Н. Некрасова (из Москвы) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 19 ноября 1962 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

<...> От Вики вчера получила второе письмо, шедшее семь дней из Берлина! Вернется он не то 20 ноября, не то 22-го и должен поехать во Францию, которая уже протестовала за задержку их отъезда туда, «угрожая» даже, что если поездка не состоится, то и из Франции не пустят ни одного человека к нам. Но сколько времени они во Франции пробудут, еще не известно!

<...> Вчера я была с Раисой Исаевной на выставке Нестерова – это было в Третьяковке <...>.

<...> Я написала о своем приезде всем знакомым по очереди. Также – и Ване Классону, от которого так и не было ни звонка, ни письма. М.б., он не получил – я могла написать неточный адрес, который записан у меня в записной книжке: Москва, Измайловский проезд, 2а, кв. 58. А по телефону 2-5-06 (и 0-2) никто не ответил.**

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 ноября 1962 г.

Милая Вера. Сейчас получила Зинино письмо, прочла и пересылаю тебе.

Вчера по радио передавали о результатах кинофестиваля в ГДР, на котором был Вика. Представлено было 95 фильмов. Первую премию получил Кубинский фильм, кажется, вторую – советский Толкачева, фильм которого «Детство Ивана» получил медаль на фестивале в Венеции. Ну, и затем было сказано, что фильм «Сын солдата» получил еще что-то, я плохо расслышала.

* О скульпторше Бутович, ставшей таковой благодаря знакомству с Г.И. Мотовиловым, в Интернете весьма скудная информация: звали Любовью Дмитриевной, родилась в 1909-м. О ее муже-инженере, работавшем до ареста в Текстильторге, тоже весьма мало информации: возможно, это он, вернувшись из лагерей, издал следующую книгу: Французско-русский текстильный словарь (составители Василий Михайлович Бутович и Александр Евсеевич Лурье. М., Физматгиз, 1962). Согласно «Списку жертв политического террора в СССР» (понятно, что В.М. Бутович не «проживал в Коми», а уже «сидел в лагерях» – с 1937-го?): *Бутович Василий Михайлович. Родился в 1895 г., г. Киев; русский; заключенный Ухтижемлага НКВД. Проживал: Коми Респ. Арестован 23 декабря 1941 г. Приговорен: судебная коллегия Верховного суда Коми АССР 20 апреля 1942 г., обв. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: к высшей мере наказания. Определением Верховного Суда РСФСР от 26.05.1942 г. высшая мера заменена на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Источник: Книга памяти Республики Коми*

** Адрес вполне верен. А номер телефона Классонов в Измайлове был тогда шестизначным: Е5-06-02 или, что то же самое, 65-06-02.

<...> Спросила соседа-киношника, он слышал по радио, что «Сын солдата» получил «приз» за «сценарий» (Викин). Я в этом очень мало понимаю, что значит «премия», что – «приз». Это тот фильм, который я видела с Зиной и который показался мне ужасным во всех отношениях. Ганя говорит, что это потому, что я ничего не понимаю в военных делах. Возможно, что и так. Ганя объясняет, что женщина, которая, по-моему, шила и шила без конца, не шила, а наматывала что-то на пушки. Разве на пушки что-нибудь наматывают? Знаю, что мне было очень скучно, а в конце[[, после](#)] сорока минут [[показа,](#)] я чуть не заснула.

Недавно Ганя сообщила: звонил кто-то из Лондона (издатель Викиной книги?) Она спрашивает меня: «Лондон, это в Америке?» <...> Сегодня Ганя пришла [[ко мне](#)] в бешеном настроении, кричала как сумасшедшая. Она очень боится, что Зина привезет из Москвы их вторую приживалку [[Дору Владимировну](#)], старуху семидесяти лет, туберкулезную, кислую, капризную и дикую попрошайку. Оказывается, она уже Вике надоела, но она требует, чтоб Зина ее взяла к себе жить.

Придя в раж Ганя начала рассказывать, как эта старуха пристаёт к Вике: чтоб он купил ей приемник. Покупает. Затем ей нужен «проигрователь»: «Ты же [[первой приживалке](#)] Нине [[Аль](#)] купил». Дарит ей «проигрыватель». Едет Вика за границу, должен ей привезти вязаную кофту и башмаки. Башмаки оказываются не впору: иностранные размеры [[обуви](#)] другие чем у нас. Она негодует: Вика должен был знать, какая у нее нога. О том, что Вика ей покупал какую-то лестницу, я уже слышала, и что какие-то их знакомые [[Лунгины? – МК](#)] в Москве ежедневно носили ей обед.

И вдруг Ганя вспомнила: все это ей было запрещено мне рассказывать. И тут уж началось бешенство на меня: я передам Зине, я ей, Гане, врежу [[\(с ударением на последнем слове\)](#)], из-за меня портятся ее отношения с Зиной и т.п. Пришлось ей сказать: «Вы лучше, Ганя, уходите».

<...> Никому не желаю доживать до восьмидесяти лет и быть беспомощной. Вот я никого не могу нанять вымыть окно и убрать мою комнату. Ганя хотела одну девушку привести. Но та сказала, что убирать чужие квартиры стыдно. Она поливает улицы. Имеет общежитие и получает 60 р. в месяц. У Гани она убирала впервые, та ее кормила и платила ей 3 р. 50 в день. Я думаю о бедной Любе, которая в Париже была уборщицей, мыла лестницы, и это после окончания института и парижского университета! Ну, Люба на чужбине, а эта двадцатидвухлетняя девка у себя на родине.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22-23 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Зина [[недавно](#)] объявила, чтоб никакие мои знакомые моих книг к ним не приносили. Очевидно, [[это](#)] какой-то Викин психоз. У холостяков бывают всякие фанаберии.

Если тебе это интересно, я могу подробно рассказать тебе про [[нашего кузена](#)] Сережу Эрна. Он был дико скуп. Денег у него была уйма, он их держал в разных городах и разных кассах. Он занимался частной практикой, был блестящим глазным врачом. К нему не только из Полтавской губернии, а со всех сторон съезжались крестьяне. Когда частную практику запретили, он служил в нескольких службах. Был санитарным врачом, и еще и еще чем-то. Когда началась [[в Миргороде](#)] на него травля, Зина советовала ему переехать в Киев. Он ей ответил: «Тебе хорошо переезжать, ты мало получаешь, а я много». А уже сотни и сотни тысяч лежали у него в разных сберкассах!

Травили же его из-за того, что у него в кабинете висела икона. Он объяснял, что эту икону получил дядя Коля [(его отец)] от евреев, когда ему, в бытность его земским начальником, удалось спасти какой-то уезд от погрома. Сереже из профсоюза говорили: «Вы будете членом профсоюза, если выкинете икону». Он хорошо знал законы и отвечал, что согласно такому-то параграфу конституции у нас свобода вероисповедания, а ему угрожали: «Или конституция или профсоюз (?!)» Ты помнишь, он в детстве увлекался церковной службой: вечно накидывал какую-то шаль и служил у себя в саду?

Теперь же, т.е. до 1937 года, он ходил и слушал церковную службу, сидя на паперти, в церкви было душно. И это ему поставили в вину. В 1937 году он был арестован и затем пропал без вести. А ведь очень полезный был член общества и прекрасный врач, да еще жил в провинции, где хороших врачей не так много. Его товарищ по естественному факультету, геолог-петрограф Безбородько говорил мне, что такого одаренного человека, как Сережа он не знает, и что он был бы выдающимся в любой области знания. Ведь Сережа окончил сперва естественный факультет, а затем медицинский.

Но скуп он был невероятно. Как-то приехал в Киев, остановился в гостинице, но, не зная, есть ли у нас в Киеве белый хлеб, привез с собой массу сдобных булок. Но белый хлеб у нас оказался. Сережа поехал из Киева на Днепрострой и попросил маму, нельзя ли у нас оставить его булки (несколько килограммов) на хранение.

Мама положила их в стеклянный шкаф [(сервант)], где стояло серебро и чайная посуда. Когда открывали шкаф, знакомые говорили: «О да, сколько у Вас булок!» Вероятно, не верили, что они у нас на хранении. Через десять дней Сережа вернулся с Днепростроя и забрал все свои булки с собой.

Когда он останавливался не в гостинице, а у нас, то чтоб не угощать нас своими деликатесами, ходил их есть, запершись в ванной. Однажды он выиграл по облигации 20 р. Облигация была процентная, ему следовало [еще] 20 коп. процентов. Ему их не додали. Он стал их требовать, все ему хохотали в лицо. Он стал подавать жалобы во все инстанции и дошел до прокурора. Не знаю, получил ли он эти 20 коп. Явный психопат.

Ну, а Вика наоборот: дико расточителен, все свои деньги раздает. Когда он получал облигации, мне приходилось за ними ходить, ему было лень их получать. Когда они по этим облигациям выигрывали, они не шли за выигрышем: «Не стоит!» Я тогда забрала к себе все их облигации, получала их выигрыши и клала в сберкассу на Зинино имя. Я думаю, сам Вика не знает, сколько всяких его «друзей» и их семей живет на его счет. Но когда я, через его приятеля, предложила положить хоть немного денег на Зинино имя, он отказался. Да это было бы ни к чему: Зина бы сейчас же их отдала своей приживалке [Нине Аль]. Она Зине врала, что ее здесь задерживали по службе. Рады были от нее избавиться.

<...> Сейчас [(23 ноября)] заходила жена одного Викиного приятеля. Она сегодня разговаривала с Викой по телефону. Говорит, что он был и в ГДР, и в ФРГ. Что будто бы он получил на кинофестивале первую премию и что в понедельник или вторник (26-го или 27-го) он едет (летит, наверное) во Францию на целый месяц. Жаль, что он не может к тебе залететь. Но ведь во всех этих поездках какой-то твердый маршрут, от которого нельзя уклоняться.

<...> У Вики очень много его друзей погибло в эту войну. Ненавижу все войны.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 ноября 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

Сейчас получила Ваше письмо, но оно имеет № не 47, а № 56 (это уже после того, как пришли два №№ 53). Нет, что-то у Вас нет немецкой аккуратности. Очевидно, итальянская кровь подпортила. А вот Ульянов не ошибается, хотя совсем русский человек.

<...> Обратила внимание в «Литературной газете» на статью «Хапуги» о симферопольском жилотделе. Увы, я убеждена – это не только в Симферополе, но и всюду у нас такие же воры и взяточники. С одной службы снимут, но сейчас же переведут на другую, столь же ответственную. Нельзя, мол, порочить партию. <...> По радио все прекрасно, сейчас передают – всюду «чистота и порядок», «наши хорошие советские люди», герои, рассказ о нескольких героических поступках. Упреки писателям, что они недостаточно освещают «нашего хорошего советского человека».

<...> При чтении Humanite в ужас прихожу от всех их убийств и преступлений, но ведь то же, очевидно, творится и у нас. Мне в этом отношении очень интересны письма Маши [Володиной из Тамбова]. Она постоянно рассказывает о всяких убийствах и ужасах, которые творятся у них – ну, все-таки кусочек живой жизни. А тут как-то знакомая зашла и рассказала, что происходит в нашей поликлинике – кошмар. Все начальство – жены высокопоставленных [коммунистов]. Кажется, говорят, что «рыба протухает с головы»?

Были ли у Зины, видели ли «великого человека», как иронически «мой мальчик» [(А.Е. Парнис)] называет Вику? Удостоил ли он Вас своим разговором или глядел на Вас как будто Вы не человек, а воздух?

Вы знаете, есть такой рассказ Мопассана. Какой-то человек, по-видимому, парижанин, сошел с ума. Очевидно, у него началась мания величия. Придя с прогулки домой, он рассказал, что все монархи Европы ему кланялись. Когда кому-нибудь везло, мы дома говорили «уже tous les monarques de l'Europe l'ontalue». Кажется, в этой стадии сейчас Вика.*

* Утверждение о начавшейся мании величия у племянника Вики оставим на совести тетки, здесь весьма оригинально сравнение с героем рассказа Ги де Мопассана.

К сожалению, автор комментариев к сему Приложению не смог найти в произведениях французского писателя сюжета с героем, которому «кланялись все монархи Европы». Несмотря на то, что перелистал не только далеко не полное 7-томное собрание сочинений, вышедшее в 1977 г. в Библиотеке «Огонька» (оранжевый переплет), но и некоторые дореволюционные издания (отдельные тома).

Близким к отмеченному сюжету (хотя и зеркальным) является следующий, описанный в «Воскресных прогулках парижского буржуа»:

<...> Всякий раз, когда представлялся тому случай, он [(чиновник министерства 52-летний месье Патиссо)] останавливался на улице при проезде императора ради чести снять перед ним шляпу; возвращался всегда гордый тем, что приветствовал главу государства.

Неизменно созерцая императора, он, в конце концов, последовал примеру многих: стал подражать ему в стрижке бороды, в причёске, в покрое сюртука, в походке и жестах. Как много в стране людей кажущихся живыми портретами своего государя! Быть может, он и напоминал смутно Наполеона III, но волосы у него были черные: он их выкрасил. Тогда сходство получилось полное: когда он встречал на улице другого господина, так же подражавшего внешности императора, он завидовал ему и глядел на него с презрением. Эта потребность подражания вскоре превратилась у него в манию, и, услышав однажды, как привратник Тюильри подражал голосу императора, он, в свою очередь, стал стремиться к его интонациям – размеренному кадансу [(гармоническому завершению фразы)].

Возможно, что С.Н. Мотовилова в данном случае спутала Мопассана с каким-нибудь другим французским писателем, которых она читалась в юности – Густавом Флобером, Полем Бурже, Эмилем Золя, Виктором Гюго, Стендалем, Анатолем Франсом и т.п.

Вчера заходила ко мне приятельница Вики и рассказала, что он говорил с ней по телефону, что он был и в ГДР, и в ФРГ, и из 105 фильмов (по радио говорили – 95, Зина писала – 85) он получил первую премию. За фильм «Сын солдата». Убийственный фильм, в котором я ничего не поняла, чуть не заснула в конце сорока минут. Соседи говорят, что я не понимаю «современное [кино]».

<...> В «Советской культуре» за 20 ноября есть статья Славина «Голуби Лейпцигского фестиваля». Про Викин сценарий написано: “Приз за лучшую идею фильма присужден советской картине «Сын солдата»”. Видите, идея-то Вики и была, может быть, блестящей, но осуществление ее оказалось далеко не блестящее. Это мое мнение.

Затем Вика едет во Францию на целый месяц, с кем?, когда? Ничего не знаю. Кажется, 26-го или 27-го. Какие еще лавры он пожнет в Париже – не знаю. Знакомые видели по телевизору, как Вика этот приз получал. Ганя очень огорчена, что не видела. Скоро Ганя будет давать «интервью по телефону во все страны света». С ней кто-то все разговаривает из Лондона. «Лондон это в Америке?», – спрашивает она. Я говорю: «Нет, в Англии».

Но со вторника по субботу она уже про это забыла и опять говорит, что опять с ней разговаривали из Америки, то есть из Лондона. Разговаривает с ней переводчик, кто-то ему говорит, а он переводит с сильным еврейским акцентом. Тип этот едет в Москву для переговоров с Викой, но Вика же будет во Франции. Забавно?

Когда-то (в 1948 г.) Вика прислал мне телеграмму из ГДР. Я прихожу со службы, читаю ее и говорю: «Надо будет ответить». А Ганя отвечает – не надо. Она уже ответила по телефону, передала телеграмму на почтамт и подписалась – «Соня». Все хорошо дошло, только стиль телеграммы был не совсем мой.

З.Н. Некрасова (из Москвы) – С.Н. Мотовиловой (в Киев), 23 ноября 1962 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Отчего ты так редко пишешь?

<...> Я уже писала, что Вика вчера приехал из Лейпцига, где он был на кинофестивале. Перед отъездом [из ГДР] они еще посетили Веймар и Дрезден, который был разрушен дотла американцами. Сегодня он пошел улаживаться насчет отъезда из Франции, куда они должны выехать через три дня – паспорт уже у него на руках.

Сегодня я написала еще раз Ване Классону, т.к. на мое первое письмо он не ответил, хоть я и дала ему номер нашего телефона.

<...> Вечером мы с Викторией пойдем к Сацам, которых он еще не видел. Свою будущую переводчицу, которая приезжала к нам в Киев, он еще не видел после возвращения, но успел уже заполнить все требуемые анкеты.

<...> Я уже писала тебе, что Вика получил уже свою первую книгу «Кира Георгиевна», которая стоит ...15 коп.! Изображена [женщина на обложке] в виде какой-то не то монахини, не то средневековой старой маркизы. Наверное, ты дома ее сможешь купить в книжном магазине, что и Вика попытается сделать в Москве, если ее уже выпустили в продажу. Издано всего 30.000.000 (!) экземпляров. Очевидно, это должно изображать «rocket-book» [(«карманное издание»)], как в Англии (или в Америке) для чтения в дороге.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вчера вечером получила №11 «Нового Мира». <...> В этом же номере[[, кроме повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича»,](#)] и Викино описание его поездки в Италию^{*}. Я читаю этот номер и в хвост и в гриву, чтоб выслать его тебе завтра.

Да, Зина пишет, что Викина «Кира» вышла тиражом в 30 миллионов. По-моему, явная чепуха. Вероятно, всего 30 000. Это у нас почти наименьший тираж для русских художественных произведений.^{**}

Его «В родном городе» вышло тиражом в 30 000. Его однотомник – [[тиражом](#)] 50 000, правда, его [[военные](#)] рассказы вышли тиражом в 115 000, но они (по крайней мере, у нас в Киеве) долго не раскупались. Моя знакомая, которая работает в книжном магазине, утверждает, что читатели не любят рассказы, а любят романы.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 ноября 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вчера получила письмо от Ульянова. Поблагодари его, пожалуйста, за присылку фотографии с дома Маурас, 55 [[в Лозанне](#)], где мы жили с 1892-го по 1895-й год.

<...> К сожалению, когда ты получишь это письмо, Вика уже будет возвращаться из Франции в Москву, и я не буду знать, повидался ли с ним Ульянов. Ведь тебе, вероятно, интересно впечатление Ульянова от твоего племянника? Жаль, что ты сама с ним встретиться не можешь.^{***}

Я боюсь, что Зина немного в тягость тем людям, у которых она живет [[в Москве](#)]. У нас ведь нет больше прислуг и приходится самим и покупать и готовить. У них, правда, есть [[приходящая](#)] женщина, но она только нянька и желает иметь дело только с детьми. Значит, и ее надо обслуживать!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 декабря 1962 г.

Милая Вера.

<...> Ганя ходит ко мне раз в пять дней. Приносит мясо и молоко кошкам. Очень счастлива, что одна в квартире, без приживалок. А Зина пишет, что Ганя, верно, скучает, что одна, «даже без Нины и Доры». А Ганя больше всего боится, чтоб Зина эту Дору [[Владимировну](#)], препротивную старуху, не привезла и надеется, что Зина и Вика там, в Москве подольше останутся. Я думаю, так и будет. Приехав из Франции, Вика, вероятно, еще несколько дней проведет в Москве, а то и на новый год они там останутся. Понравились ли тебе Викины воспоминания в №11 «Нового Мира»? Мне – нет. Ужасно, по-моему: поверхностно, легкомысленно и невероятное «ячество», как у нас говорят.

^{*} В ноябрьском и декабрьском номерах «Нового мира» публиковались путевые заметки Некрасова «По обе стороны океана» (Италия, 1962 и США, 1960).

^{**} Кира Георгиевна. М., «Советский писатель», 1962 (30 тыс. экземпляров).

^{***} В очерке «Месяц во Франции» В.П. Некрасов сообщил о своей встрече с Н.А. Ульяновым:

Узнав, что я в Париже, дядя позвонил из Лозанны ко мне в гостиницу, и мы условились, что я встречу его на следующий день на Лионском вокзале. <...> Потом мы сидели с ним в некоем датском ресторане на авеню де л'Опера и пили с ним датскую водку из бутылки, замороженной в глыбу льда. <...> Так мы сидели и разговаривали о разных разностях. Он рассказывал о своей жене, моей тетке, ей недавно сделали глазную операцию; о Лозанне, в которой прожил почти всю свою жизнь, – она очень изменилась за последние годы; о новом туннеле под Монбланом – дядя крупный специалист в этом деле; о том, что из-за массы дел почти нет времени ходить по горам, а он это очень любит.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 5 декабря 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Оказывается, Вы тоже были в Стокгольме? Правда, красивый город? Я ехала из Англии в Петербург через Швецию. Некоторое время прожила на острове Готланд, там в развалинах старинных церквей давали тогда спектакли из истории, исторические игры.

Удалось ли Вам купить №11 «Нового мира»? <...> У Вики будет несколько экземпляров, там его описание поездки в Италию. <...> Ко мне заходил Викин товарищ [Исаак Пятигорский], который уехал в Москву в воскресенье и остановится тоже у Лунгиных. Вика ему сказал, что купил себе три экземпляра этого №11 «Нового мира». Если нигде не достанете, может быть, Зина Вам даст? Мне очень интересно Ваше мнение и об этой повести [(«По обе стороны океана»)], которую так разрекламировали и по радио, и во всех газетах, и в журналах.

<...> Ганя говорит, что к ней прибегают со всех квартир и просят дать прочесть этот №, все ведь знают, что она одна. Но она прячет под подушку и говорит, что дала мне. Зина пишет, что «бедная Ганя одна, верно, скучает». Даже Нины [Аль] и Доры [Владимировны] (их приживалок) нет с ней. А Ганя, наоборот, счастлива, что полная хозяйка всей квартиры, к ней приезжают из деревни ее родственники, гостят по несколько дней. И она мечтает, чтоб Зина с Викой подольше остались в Москве.

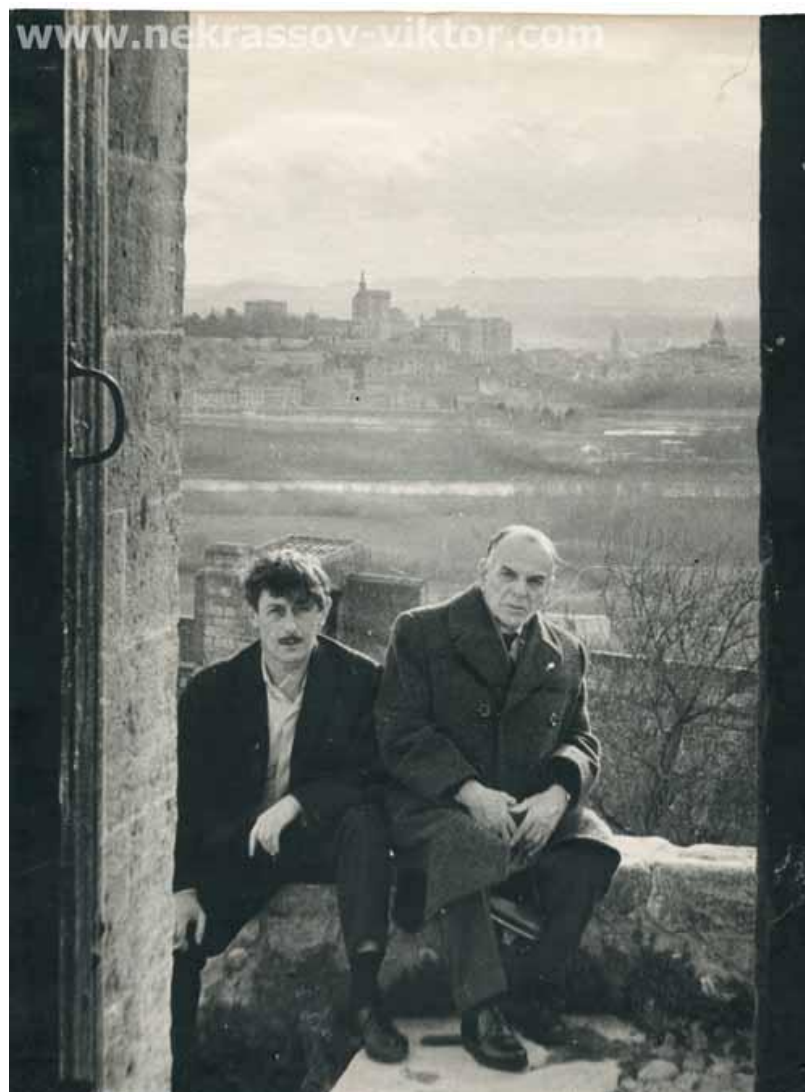
С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 11 декабря 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Я передала моему «мальчику» [(А.Е. Парнису)], что по поводу «великого человека» Вы вспомнили Бориса [Друбецкого] из «Войны и мира», и как он так называл Наполеона при Тильзитской встрече государей. <...> Почтище нашего Вики, который Тургенева только-то немного знает, что в школе задавали читать. Зато они оба негодуют, что у нас не переводят Кафку!

<...> Вчера «мальчик» принес мне Lettres fransaises с интервью Вики и Паустовского в Париже. Оба интервью неудачны, по-моему, а портреты Вики ужасны. Сидит в какой-то распашонке, и выражение лица – какая-то усмешка, и манера сидеть – поднять плечи с головой внутрь, и жест – чисто еврейские. Недаром все украинские писатели уверяют, что Вика еврей. «Мальчишка» мой говорит: «Вы не находите, что Виктор Платонович тут похож на Пастернака?».

Ничуть не нахожу. Я ведь с Пастернаком работала в 1918 году, и что мне в нем особенно нравилось, это его воспитанность. Люблю воспитанных людей, хоть сама этим не отличаюсь. Брат моей подруги-еврейки говорил: «Мадам [Алина Антоновна] Мотовилова такая фajn, а дочери у нее мужички».

В. Некрасов и К. Паустовский во Франции, 1962 г.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-12 декабря 1962 г.

Милая Вера.

<...> Недавно пришли мои знакомые, верующие старушки и сообщили: “Нам сказали, что «Ваш Некрасов» занимается уже антирелигиозной пропагандой!” Я тоже нашла совершенно бессмысленным, для чего он привел рассказ, к Италии совершенно не относящийся, кажется о Троице-Сергиевой Лавре? Ну, к чему? Наше несчастное духовенство перенесло столько жутких, несправедливых гонений, к чему о них говорить. Что это характерно – лежачего не бьют, но для нашей эпохи? (?)^{*}.

Одна моя знакомая мне сказала: «Мотовиловы всегда говорят à bâtons rompus [(«[урывками, с пятого на десятое](#)»)]». Думаю, что в отношении меня это более чем верно. Но и эти Викины воспоминания (по-моему, значительно хуже «Первого знакомства») слишком уж написаны à bâtons rompus.

^{*} Между прочим – это уже попутно – в один из тех осенних дней[[когда работник бензоколонки Данило Кремаски из итальянского Карки проводил в Москве,](#)] поехали мы с Данило, [[его другом, студентом МГУ](#)] Корrado [[Саки](#)] и еще одним моим приятелем в Загорск, в Троице-Сергиеву Лавру.

<...> И вот оказалось, что я с моим приятелем куда более были потрясены всем увиденным, чем наши друзья-итальянцы. Очевидно, они уже привыкли у себя на родине ко всякого рода религиозным изуверствам и радениям и их ничем не удивишь. Мы же с приятелем просто не верили своим глазам. <...> – «По обе стороны океана»

<...> Я наглости не люблю. Стоило когда-то [(в Лозанне, в 1904-1905 годах)] нахально спорить со мной Люжону, несмотря на мой интерес к нему и к предстоящей интересной геологической экскурсии, конца семестра, я сейчас же уехала, бросив и мое учение у него, и всякие отношения с ним. Он осмелился мне сказать: «Mademoiselle, vous déraïlles» [«Мадемуазель, вы сорвались с катушек (досл., сошли с рельс)»]. Я ему ответила: «C'est vous qui déraïlles, Lugeon» и уехала домой [(в Россию)].

<...> Я бы охотно переслала тебе мою последнюю картину Бурлюка. Две его картины я продала Вике за 5 000 бывших денег. Тысячу отдала Зине долга, а из 4 000 посылала бедной Маше [Володиной в Тамбов] ежемесячно, которая тогда страшно нуждалась. <...> Я высылала ей ежемесячно по 200 руб., ну, и дочь ее благополучно кончила свое музучилище, преподает теперь музыку и очень хорошо зарабатывает. Вот это я считаю разумной помощью, а не швыряние тысячами, как это делают Зина и Вика на всяких паразитов. С тех пор, как девочка стала сама зарабатывать, я, конечно, не посылаю им ничего. А Зина почему-то невзлюбила всех наших родственников и особенно Машу. Принося мне свои старые вещи, говорила: «Я нарочно приношу тебе все рваное, чтоб ты не могла Машеньке послать». Но я, конечно, все лучшее – шелковые блузки, платья отсылала Маше. На что они мне в мои восемьдесят два года?

Картины Бурлюка при немцах продать было нельзя, они мне сказали, что у них, как и у нас в СССР, футуризм не признается, и прибавили: «А вот в Швейцарии вы бы получили за них большие деньги».

<...> Я уже хотела совсем ликвидировать моего «мальчишку» [(А.Е. Парниса)], но вчера он пришел и принес мне купленный для себя номер Lettres françaises №955 за 7-13 декабря. Ну я, конечно, размякла. Там интервью Паустовского и Вики (по-моему, оба глупые) и статья Эльзы Триоле о повести Солженицына [«Один день Ивана Денисовича»], и там же ее перевод поэмы Вознесенского.

<...> [12 декабря] пришли Ганя и Викин приятель Исачок [Пятигорский]. Он вчера приехал из Москвы. Говорил с Викой по телефону (с Парижем). Зина ведь плохо слышит. Срок Викиного пребывания в Париже продлен до 19-го, а во Франции до 29-го, так что, очевидно, они будут встречать Новый Год в Москве. И от прихода Исачка, и от прихода Гани у меня осталось неприятное впечатление.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 14 декабря 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Вика останется в Париже до 29-XII, и Зина все это время будет жить у Лунгиных [в Москве], и после его приезда они еще останутся до начала января. Там будут и Новый год встречать.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 декабря 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня получила письмо от Вани Классона (шестидесятое в этом году). Он был, наконец, у Зины [(т.е. встретился с ней на квартире Лунгиных)]. Занимались они, главным образом, семейными воспоминаниями: когда умерли их дедушка Иван Егорович и бабушка Луиза Францевна. Ваня, оказывается, не знал, что мама [Алина Антоновна] была племянницей Луизы Францевны и вышла замуж за своего кузена [Николая Ивановича].

Ваня пишет: «Виктор Платонович уже виделся [\[в Париже\]](#) с мужем Веры Николаевны. Это, вероятно, Вам доставит удовольствие». Но Зина мне об этом ничего не писала. Мне бы очень хотелось знать, какое впечатление произвел Вика на Ульянова и Ульянов – на Вику? Но, увы, этого я никогда не узнаю, так как ни тот, ни другой со мной не разговаривают. Вика говорил, что он меня «ненавидит», а про Ульянова ты писала Зине: «Он Соню не любит». По правде сказать, и то и другое мне не вполне понятно. От Зины тоже ничего узнать нельзя: она все путает и все от меня скрывает.

Ульянов [\[впервые\]](#) видел Вику, когда ему было четыре года, и теперь, когда ему уже пятьдесят один с половиной! В молодости и детстве Вика был очень красив, ну, а теперь у него какое-то «испитое» лицо. Я никогда не понимала слово «испитое», а теперь поняла. Вика после войны стал много пить. Я-то его, правда, никогда пьяным не видала, но мне рассказывали, что когда он был в Берлине в первый раз (в 1947 году), он дико пьянствовал. Это тогда, когда он снимал в гостинице номер с анфиладой комнат. Для чего?

<...> Викино изображение в *Lettres françaises* [\[\(от 7-13 декабря №955\)\]](#) ужасно. Ну, а вот в итальянском журнале *Realta sovietica* №109 April 1962 он очень хорош. Ты его портрет так и не видела? Может быть, тебе это не очень интересно, но ведь с тех пор как появились Зинины дети, они стали центром всей жизни нашей семьи. Мне одна знакомая говорила: «У вас нет никакой личной жизни. На первом месте у вас только семья». Так оно и было.

Ну, а теперь у меня уже совсем никакой личной жизни нет, естественно, что весь мой интерес сосредоточился на Зине и Вике. Ведь, так сказать, три десятка лет подряд я их обслуживала: и на базарах вечно стояла, продавая вещи, и в ломбарде часами я и мама стояли, и бывало у меня по две, по три, а [\[один\]](#) раз даже четыре службы зараз. Не для себя же мне надо было так много зарабатывать? У меня-то потребности очень маленькие.

Ты вообще не знаешь, что такое нужда и как трудно с ней бороться. И Зина тоже не знает: она приходила домой со службы на все готовое. Для ее детей все делала мама. И все-таки Колю не удалось уберечь. В двадцатых годах был дикий голод, мы кое-как переносили, а Коле было восемнадцать лет [\[\(в 1919 году\)\]](#), и ему это было труднее. Мама [\[Алина Антоновна\]](#) решила тогда отвезти Колю в Миргород и поместить в санаторий. Так и сделали. Из санатория мы получили от Коли довольное письмо: им давали мясные котлеты, а мы-то уже больше года ели только пшено и пшено. Суп из пшена и кашу из пшена. Когда Коля вышел из санатория, эти мерзавцы Эрны не пустили его к себе и денег не дали, а проезд в Киев был тогда закрыт.

Какие все-таки мерзавцы эти богачи, бывшие помещики! Ну, Коля и погиб. А он, по моему и в живописи, и во всем [\[остальном\]](#) (как актер, например) был куда талантливее Вики. Ну, Вика, слава богу, вырос, вышел в люди, стал как будто бы известным во всем мире писателем (я этого не понимаю). Мой сосед считает: «У нас он неизвестный, а за границей известный». Недавно передавали по какому-то французскому радио Викино выступление в Париже на русском языке. У меня приемника [\[с коротковолновым диапазоном\]](#) нет.

Но я хочу вернуться к Эрнам. Ульянов написал, будто бы тебе интересно, что я писала о Сереже. Однажды ты мне написала, что ни маму, ни Зину, ни меня не любила, а любила «своих теток». Каких теток? Зина считает, очевидно, Александру Яковлевну [\[Янкевич-Эрн\]](#). Но это же дрянь была сверхъестественная. [\[Мамина подруга\]](#) Ева Засецкая говорила: «Elle est terre à terre» [\[\(«Она отличается заурядностью»\)\]](#). У Александры Яковлевны был брат, богатый Полтавский помещик, тоже негодяй. Когда этот брат, Янкевич, в своем автомобиле (тогда это была редкость) приезжал к ним, они просто распластывались перед ним: тут было и шампанское, и самое лучшее угощение.

Александровна Яковлевна фон Эрн (из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)

Николай Антонович фон Эрн (из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)

Произошла революция. Он [(Янкевич)] умер, не знаю, до или после революции, осталась его жена и дочь без всяких средств. Живут в одном городе с Эрнами [(в Миргороде)]. Мама как-то гостила у Эрнов. Сидят, пьют чай, на столе стоит всякое угощение, а Александра Яковлевна все посматривает в окно. Вдруг видит, идет вдова ее брата Янкевич. Скорей-скорей все прятать, чтоб ее не угощать. Затем ей дают чай с черным хлебом и любезно предлагают шелуху от семечек, чтоб топить ее печку (дров у нее нет), так называемую буржуйку.

Еще до революции приехали Эрны в Киев. Остановились в гостинице. Дядя Коля с гордостью сказал маме, как хорошо идут их хозяйственные дела. Вот они привезли, [накопленные] за один год, 10 000 р. положить в банк. В это время мама получает телеграмму, что я арестована в Петербурге. Дядя Коля сочувствует: «Бедная Алина, у тебя даже не у кого взять денег в долг (у мамы как раз не было денег), вот была бы ты в Лозанне, заняла бы у M-elle Броуе». Ну, мама заложила что-то в банке и сейчас же приехала в Петербург. До чего мне противны все эти жадные богачи!

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 18 декабря 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Прочла вложенную в письмо записку о состоянии здоровья Катерины Робертовны. Я очень рада, что она поправляется. О том, что у нее вынули трубку, Вы уже писали, но тогда Вы писали, что парез [(паралич)] перешел на руки. Так руки-то поправились?

Я в медицине ничего не понимаю, а Зина вовсе не туберкулезник, как Вы думаете. Она долго работала как хирург у одного из лучших хирургов мира [месье] Roux в Лозанне. Работала у Мечникова в Париже. В то время врачи не были узкими специалистами, как теперь. Вернувшись в [дореволюционный] Киев, она стала гинекологом, а во время войны 1914 г. – хирургом. И во времена советской власти несколько раз меняла специальность, ездила «переквалифицироваться» на какие-то курсы в Ленинград. Туберкулез – это была уже ее последняя специальность.*

* Из письма Алины Антоновны в Лозанну, ноябрь 1931 года (ф. 786 Отдела рукописей РГБ):

Было объявлено, что Зина должна немедленно выехать, потому что лекции начинаются 25-го. Но при этом не платили жалования, не только вперед, но и за месяц назад не было уплачено. <...> На наше счастье, нельзя было достать плацкарты к назначенному дню, приходилось откладывать выезд до получения плацкарты, тем более что прямые поезда на Ленинград ходят только через три дня.

Что это было за сумасшедшее время, и сказать не могу, тем более что большинство хлопот падало на меня, т.к. они-то большинство дня проводят на службе. А у Зины к тому же и палец сломанный мешал ей что-либо делать. Наконец, все что можно было сделано, а многое и не доделано, командировочные получены, и выезжать надо было в семь часов утра.

<...> Остановились у Евы [(Евгении Дмитриевны Засецкой, подруги по Смольному институту благородных девиц)]. Но, когда они пришли на курсы, им объявили, что могут ехать обратно, т.к. они опоздали и им нет места ни в общежитии, ни на курсах. Тут началась беготня и хлопоты о том, что опоздали-то они не по своей вине, а потому что им денег не выдавали. На курс их приняли, но мест в общежитии так и не дали.

И, вместо того чтобы приступить к лекциям, им пришлось высунув язык бегать по всему городу в поисках комнаты, т.к. у Евочки оставаться дольше было невыносимо. Комната – небольшая, сырая, тесная и вонючая, т.к. эти две старухи [(Евгения и Надежда Засецкие)] не могут справиться. <...> Наконец, все-таки нашли комнату у одной Зининой знакомой, которая ни за что не хочет брать с них денег, но это обязывает их приносить что-нибудь к вечернему чаю на всю компанию, что выходит очень накладно. Они все-таки не теряют надежды получить какое-нибудь место в общежитии, т.к. Киевская железная дорога уплатила уже и за общежитие, и за курсы.

Спасибо, что сообщили, что Вика видел Ульянова. Для меня – главное, уговорились ли они, как Вика ему материально может помочь? «Мальчик» [(А.Е. Парнис)] принес мне Humanite, где описывалось как Паустовский, Некрасов и Вознесенский раздавали в Париже автографы. <...> Автографы свои [раньше] в Италии Вика бесконечно давал, и почему-то они там просили его расписаться на их коммунистических билетах!

<...> Я Вам, кажется, писала, Ульянов пишет, что Вера все время плачет, тоскует от своего полного одиночества и все вспоминает «по несколько раз в день» как ей было хорошо в Веймаре. Ей было тогда 16 лет, а теперь – 78! Ульянов пишет: «На каком базаре я мог бы купить для нее двоих-троих друзей».

Я все эти годы до революции жила отдельно от своей семьи. Уехала из дома, когда мне было 17 лет. С Зиной и Некрасовым вместе я жила только одну зиму в Лозанне в 1904-1905 году. Курсы наши были закрыты [(Бестужевские в Петербурге, из-за «студенческих историй»)], и я училась в Лозаннском университете. Коле было тогда 3 года, а Вики вообще не было.

О рождении Вики (я, конечно, знала, что Зина должна родить) я узнала из письма Коли. Ему уже было 8 лет. Он писал: «Ты знаешь, нам принесли сегодня детскую колясочку, у мамы (нет, он ее называл Зиной) должен родиться ребенок, он уже шевелится у нее в животе». Это было в 1911 году, я училась тогда в Лейпциге.

<...> В украинском Союзе писателей все убеждены, что Вика – еврей и скрывает это! Друзья-то у него все евреи, акцент – еврейский. Вот, что мне рассказала соседка по квартире: в один «высокопоставленный» дом (по-теперешнему, очевидно еврейский) были приглашены украинские писатели.

Их спросили: «Почему вы все так ненавидите Некрасова?». Они сказали: «Вы же понимаете, мы не антисемиты (на самом деле, они все дикие антисемиты), но нам противно, что Некрасов – еврей и скрывает это».*

Моя соседка спросила меня: «В какой церкви Зина венчалась?». Я смогла ее удовлетворить: в Женеве, в русской церкви.

<...> Мы много раз ездили в Швейцарию. Я туда ездила чуть ли не каждый год, когда мама с Зиной жили там, а я училась на Бестужевских курсах [в Петербурге]. Первый раз мы поехали туда, по совету тети Сони, в 1891 году. Выехали осенью. Ехали впятером: мама, Зина, я, Вера и мамина институтская подруга Ева Засецкая. Они учились в Смольном [институте благородных девиц], там же вместе с ними училась и тетя Лида. Вернулись мы из Швейцарии только через 4 года, в 1895 году.

<...> Бабушка Луиза Францевна умерла в 1895 году. Мы были на ее панихиде, на ее могиле возле Бугурнинской церкви. Кажется, эта панихида была на 40-й день после смерти. Помню, все были без траура. Только тетя Вера – в трауре (в шляпе с крепом).

* Антисемитизм... Утверждаю и настаиваю, что самая страшная форма его у нас, в Союзе. Это вершина, недостижимая вершина лицемерия. У Гитлера еврей – гад, его надо уничтожить, и его уничтожали. У нас еврей – брат, спросите Чаковского, Вергелиса, Драгунского, Быстрицкую, – но и здесь тебе делать нечего, иди, и сына своего, как бы он там хорошо ни считал, не приводи на экзамен, все равно завалим. Пусть на скрипке учится, к Ойстраху его, или шахматам обучай! <...> Под нынешним мещанством, лавочниками, я подразумеваю партийный аппарат. Там над «абрамчиками» не подсмеиваются [как в народе], там их ненавидят, они – зло, они – основа всех бед. – Виктор Некрасов. «Взгляд и нечто»

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 декабря 1962 г.

Милая Вера.

Пересылаю тебе Зинину открытку [из [Москвы](#)]. Я не знаю, почему она не хочет знать наших старых знакомых. Александру Яковлевну [[Анатомову](#)] ты знаешь. Это Колина бывшая бонна, она и Коля были крестными Вики. Ты была на его крестинах в 1911 году в Киеве? Я была тогда в Лейпциге. Особенной симпатии я к [[бонне](#)] Александре Яковлевне не чувствовала, но, все-таки, это наша старая знакомая, знала маму, наш бывший образ жизни на Владимирской, 4. Теперь она очень горда, что «крестная» такого известного писателя как Вика.

Когда еще они жили со мной, она гостила у нас целый месяц в этой квартире. Спали они в одной комнате: Александра Яковлевна, Вика и его приятель Саша Хорьков (очень милый, хороший), актер областного Московского театра. * Он уже погиб, попал под поезд. Кажется, плохо видел, а, может быть, это было самоубийство? Да, я ошиблась, в это время у нас уже была Ганя, так что они спали вчетвером в одной комнате, как в поезде. Александра Яковлевна все отправляла посылки с яблоками и фруктами в Москву, а Саша забивал ее посылки и относил на почту. Я тогда была целый день на службе, еще частные уроки у меня были. Мало бывала дома.

А в другой раз этот Саша приехал к нам, когда Вика был в Крыму, а я в доме отдыха под Киевом. Саша сейчас же взял на себя все заботы о Зине, брал все пайки, надевал фартук и шел готовить на кухню как повар. Как-то он уезжал от нас, пошел на аэродром, а самолет почему-то не полетел. Он вернулся к нам, сейчас же побежал за хлебом по карточкам, которые без него никто не взял, а вечером мариновал помидоры нам на зиму. Очень забавно было. Точно хозяйка вернулась в свой дом. Ну, а после этого почему-то Вика Александру Яковлевну невзлюбил. Она как-то приехала в Киев, остановилась у одной своей [[бывшей](#)] воспитанницы и позвонила Зине. У Зины был грипп. Вика ей ответил, что Зина больна и чтоб Александра Яковлевна не приходила (но она все-таки пришла). Вероятно, так ответил, потому что у него жили в это время две его знакомые дамы из Москвы (одна – третья жена [[Яси](#)] Света, теперь у него четвертая!).

Вика очень странный, то он дружит, дружит, целыми днями у кого-нибудь пропадает, а потом как ножом обрежет: знать не хочет и годами не заходит. ** По-моему, и у тебя тоже это так. То дружишь, дружишь, а потом знать не хочешь!

* К сожалению, в объемистой «Театральной энциклопедии» (в 4,5 тыс. стр.) места для Александра Хорькова не нашлось!..

** Вика всегда удивлял Говорова полной свободой своего поведения. Казалось, в характере Вики вообще отсутствует понятие «должен», которое давило на Говорова и определяло его поступки. Вика делал то, что хотел (и писал много, легко, не мучаясь), встречался с теми, с кем хотел встречаться (для него не существовало обязательности: мол, иначе люди обидятся. Обидятся – черт с ними!). Весь ритуал ответных визитов, ответных звонков, необходимых присутствий Вика откровенно презирал. И ему не только прощали то, что никогда бы не простили другим, его все, за исключением активных подонков с большим самолюбием, любили. Видимо, люди чувствовали, что в тот момент, когда Вика с ними, это не вежливость, не отбывание номера, нет, они ему действительно интересны (Анатолий Гладилин. «Меня убил скотина Пелл». Андрей Говоров – alter ego А. Гладилина).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 декабря 1962 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня сочельник у Вас. У нас теперь Рождество не празднуют, а елки делают на новый год. В сочельник по старому стилю у нас, когда мама была жива, готовилось все, что на Украине полагается: пеклись пирожки, варилась какая-то рыба, делали кутью, политую медом, варился узвар, и Вика сидя на полу растирал в макотре маковое молоко для поливания коржей.* По-моему, праздники вносят какое-то разнообразие и радость в жизнь.

<...> Последние годы мы всегда оставались с мамой одни под Новый Год. Зина и Вика уходили куда-то в гости. Маме было грустно, мама любила жизнь. Сколько энергии, уюта было у мамы! Когда она приезжала домой, так радостно становилось.

А у Зины идеальный порядок, чистота, но невероятно безжизненно и мертво. И, вообще, обстановка такая, точно это квартира меблированная. Снята на время. Папин портрет висит где-то в углу, над комодом у входа в столовую. Комод с бельем и Зиниными вещами, по-моему, должен стоять в спальне, там где ее кровать, а он в столовой у входа. Портретов близких очень мало – Вики, Коли, а остальные все чужие. Мне даже противно видеть Зину [на фото] рядом с Ванькой [Фищенко], каким-то полубандитом. Я как-то Гане говорю, что одна моя знакомая утверждала: от Ваньки всегда разит водкой. А Ганя отвечает (она Ваньку очень любит, он ей полы натирал, выносил мусор): «Это у него натура такая, он и не пьет, а водкой воняет».

А у меня тоже портреты. Над этажеркой у окна дедушка Иван Егорович среди Пятницких, тети Веры, Мани, Александры Ивановны [Яковлевны?] Анатомовой (помнишь, у нас жила, [бонна Коли]) и Марии Яковлевны [Ивановны?], нашей бонны. На книжном шкафу (он невысокий) группа Сергея Васильевича [Андропова], Виктора Павловича [Ногина] и других в ссылке в Ачинске. В шкафу спереди выставлены три Зининых портрета; мама, ты и Ульянов, кажется, в 1923 году; затем еще ты и Ульянов у Вас на балконе; ты с дочкой Paul Thillot и мамина фотография, ты у окна. У входа наш групповой портрет в Лейпциге: я, Гефтер [(все три сестры)], Яффе, Некрасов. Над кроватью два портрета мамы. Простить себе не могу, что мы не заказали себе мамин портрет, когда художник у нас писал Ковальскую.** Да, еще у меня портрет [покойной швейцарской подруги] Лины висит. Куда денут все мои альбомы, когда я умру?! Выкинут?

* Узвар – прохладительный напиток из сухих фруктов и ягод, иногда с добавлением меда. Название происходит от слова заваривать, т.к. фрукты только доводят до кипения. Узвар можно не варить, а настаивать. Растертые маковые зерна применяли в качестве добавки, улучшающей вкус выпечки. Для растирки мака использовали большой широкий горшок, называемый на Украине «макитра» или «макотра».

– Из Интернета

** Речь идет о народоволке Елизавете Николаевне Ковальской (1851-1943).

С кислым видом выполнял я в юные годы бабушкино поручение посетить в Москве ее подругу Елизавету Николаевну. Господи, тратить еще на каких-то старушек драгоценное московское время. А старушка эта была старой революционеркой, Е.Н. Ковальской, народоволкой, политкаторжанкой, хорошо знала Веру Засулич. Бог ты мой, сколько интересного она могла бы мне рассказать, прояви я хоть малейшее любопытство. А я думал только о том, как бы повежливее отказаться от второй чашки чая. – Виктор Некрасов. По обе стороны Стены

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 декабря 1962 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Моя соседка говорит, что это Георгий Иванович Мотовилов выбран или назначен (?) академиком. Очевидно, академиком архитектуры? Его ведь это время (т.е. при Сталине) затирали. Он давал когда-то уроки скульптуры жене Тухачевского. Страшная вина! И первого лауреата [(лауреата Сталинской премии I степени)] получил не сам, а вместе со своими учениками [коллегами? – МК].*

<...> Викин товарищ сказал, что №12 «Нового мира» выйдет нескоро, потому что пришлось изъять какую-то повесть Каверина. Я что-то плохо понимаю. У нас есть цензура? Какая – предварительная? Редакторы (а имя им легион), которые все изменяют и часть [оригинального текста] уничтожают – это еще до цензуры? **

* Почему-то в большинстве источников информации указывается на то, что Г.И. Мотовилов получил Сталинскую премию 1-й степени за 1950 г. (?). А на самом деле, за 1949 г., но произошло это в марте 1950 г. Вот как это присуждение цитируется в книге Владимира Свинына «Сталинские премии: две стороны одной медали»:

В Совете Министров Союза ССР: «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год»

Совет Министров Союза ССР постановил присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1949 года в области:

<...> И. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

<...> 2. ТОМСКОМУ Николаю Васильевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР; БАБУРИНУ Михаилу Федоровичу, БОНДАРЕНКО Павлу Ивановичу, КЕРБЕЛЮ Льву Ефимовичу, МОТОВИЛОВУ Георгию Ивановичу, ФАЙДЫШУ Андрею Петровичу, ЦИГАЛЮ Владимиру Ефимовичу, ШВАРЦУ Дмитрию Петровичу – за скульптурные барельефы «В.И. Ленин и И.В. Сталин – основатели и руководители Советского государства», а также за памятник генералу Апанасенко в г. Белгороде, и скульптурный портрет С.М. Кирова работы Н.В. ТОМСКОГО, скульптурные работы в интерьерах станции метрополитена «Калужская» [(теперь «Октябрьская-кольцевая»)] Г.И. МОТОВИЛОВА и скульптурную фигуру «Ленин-гимназист» работы В.Е. ЦИГАЛЯ. <...>

«Правда», 08.03.1950

** Вениамин Каверин в 1962 г. дважды публиковался в «Новом мире»: в №2 вышла его повесть «Семь пар нечистых», в №10 – повесть «Косой дождь». В №10 за 1964 г. он опубликует очерк «Юрий Тынянов (к 70-летию со дня рождения)». После «разгрома» Н.С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. экспозиции абстракционистов на выставке в Манеже, В.А. Каверин «отметился» тем, что поставил свою подпись под коллективным письмом «известных деятелей официальной советской культуры» в защиту первых. Из №12 «Нового мира» были изъятые его воспоминания о Михаиле Зощенко. Из книги Владимира Лакшина ««Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953-1964)». М., 1991 (сей сюжет затянется надолго):

22.X.1962. 20 октября Твардовского принял Хрущев. <...> Пожаловался Твардовский и на задержку в цензуре статьи Каверина о Зощенко. Сказал, что, на его взгляд, постановления ЦК о литературе 1946 г. отменены жизнью, устарели безнадежно, их никто уже не решается цитировать. Но корабль литературы все еще цепляется килем за эти подводные камни.

Здесь имелось в виду прежде всего постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград»:

“ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно. <...> Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко <...>. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. <...> Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой <...>. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусстве для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе. <...>”.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27 декабря 1962 г.

Милая Вера.

<...> Вкладываю тебе Зинино письмо, которое получила сегодня. Вика должен прилететь [из Франции] завтра и, как видишь, они еще не решили, где они будут встречать Новый год. Разумнее, конечно, было бы в Москве. У Вики же там, вероятно, масса всяких дел, если и приедет сюда, то всего на несколько дней. Но его обожаемый Рабинович [(Волинский)] хочет в Киеве праздновать свое пятидесятилетие. И (о, дружба это же) Зина и Вика из-за этого приедут в Киев, а потом опять в Москву?

<...> Имей в виду, в этом, 1962-м году я послала тебе 58 писем, а от тебя получила одно. Теперь уже у тебя один глаз [после удаления катаракты] хорошо видит, [имеешь] две пары очков, можешь писать. У меня ведь зрение последний раз (а это было лет восемь-девять тому назад) – только одна четвертая нормального. А теперь, верно, и того хуже.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 января 1963 г.

Милая Вера. <...> Ганя довольна: получила письмо от Вики из Авиньона. Это, кстати, первое письмо, которое она получила из-за границы. А вчера Вика с ней говорил по телефону из Москвы, а затем – Зина. <...> Вика сказал Гане, что они приедут в Киев 5-го, но я думаю, что они там задержатся.

Окончание примечания

Виктор Астафьев, тогдашний член редколлегии журнала «Наш современник», – по поводу уродования цензурой в 1976 г. повествования в рассказах «Царь-рыба», февраль 1993 г.:

Когда-то цензура, вежливо именуемая «Комитетом по охране государственных прав» и изымавшая из текста все подозрительное, вплоть до народных частушек и цитат из самого! Ленина, читала одобренные журналами и издательствами рукописи. И вот вынесено было решение: не рукописи читать, а сверстанные журналы и книги. Мы-то, помню, обрадовались, как дети, – теперь уж дело пойдет скорее да и к печатному тексту придирааться меньше будут, ведь редакция и главный редактор тоже цензор, да еще какой! Были такие главные, что целой бригаде цензоров очки вставят и по бдительности его переплюнут. Все это хитромудрое начинание больно ударило и по без того уже битым и замороженным авторам и издателям.

<...> Оставался один-единственный шанс – брать главному редактору портфель под мышку и идти на поклон в идеологический отдел Цэка, упрашивать крупного, всегда важными делами занятого наставителя советской морали, чтоб он убедился, что ничего особенного в повести нет, а если и углядит грозное и зоркое око партийного сиятельства какую-либо крамолу, редакция и автор готовы еще поработать над усовершенствованием текста.

Нелепость на нелепость, глупость на глупость насаивались – человек, работающий в том самом аппарате, который и насаждал цензуру везде и всюду, от низу до верху, должен был читать произведение, похеренное его же опорной силой, и уламывать ее, чтоб она не держала, подписала б в печать и без того опоздавший журнал. Но чиновник никогда просто так не отпустит главного редактора, он для начала хрястнет верстку на стол и, вытаращив глаза, гаркнет: «Вы что мне тут подсунули?! Вы зачем поставлены в журнал? Вам что, работать надоело?!?»

Главный, чаще всего понарошке, испугается, даже потом покроется, покаянно голову склонит, но потом, когда эта грозная сила поостынет, начнет подъезжать, просить милости объяснить, чем вызван гнев его сиятельства. «А вот чем, вот чем!» – красным карандашом тычет в и без того уж разноцветно изрисованную, замочаленную верстку руководящее светило. А главный бит-перебит, вроде бы робко вслух зачитывает красным-то карандашом помеченное и тоже гневно, нервно и решительно роняет: «Проглядели! Снимем! Ну, я им!..» – а дальше уж легче дело пойдет, дальше уж начальник, устало во всем соглашаясь, махнет рукой: «Иди! И попробуй еще раз...»

Все! Дальнейшая тяжесть обрушивается на автора, из редакции ему кричат: «Горим из-за тебя! Прогрессивка накрылась! А у нас, между прочим, как и у тебя, семья, дети и тоже, между прочим, жрать хотят...»

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3-5 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня получила две открытки от Зины, в одной она жалуется на Ваню Классона, что когда она звонит ему, кто-то у них сейчас же вешает трубку. А в другой пишет, что они приедут после того, как посмотрят новый фильм [Семена Львовича] Лунгина (у которого они сейчас гостят). Ну, а когда это будет – неизвестно.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7-11 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Получила сейчас [(11 января)] ответ от Вани Классона – через три дня. Не так уж плохо. Послано вечером 8-го, ответ получила утром 11-го. Он говорил с Лунгиным, у которого Зина и Вика живут, и тот сказал, что Зине лучше, что у нее [теперь] мокрый плеврит. Что это значит, я ведь не понимаю?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Но, все-таки, нельзя ли немного подробнее писать о себе, о Вашей жизни? Ведь рассказывает же Ваня Классон о своей жизни, ссорах с женой, о своих сыновьях. Сейчас у них, кажется, маленькая семейная драма.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13-15 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Посылаю тебе Зинину открытку. Восемь дней от нее не было ни строчки, и она пишет: «Ты замечаешь, что я тебе пишу чуть ли не каждый день?» (?!). О том что была больна – ни слова. О том, как они встречали новый год, кого они видели, где бывают – ни слова. Зато мне сообщает то, что я без нее знаю о Гане! Узнала, во всяком случае, что они думают приехать 18-го-20-го [января], а с 1-го февраля будут жить уже в Малеевке.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22-26 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Я дала Гане послать тебе бандероль с тремя «Огоньками» и вложила туда номер «Известий» с «репликой» (?) на Викины воспоминания о поездке в США.**

* Возможно, это был фильм «Без страха и упрека» (сценарий Семена Лунгина и Ильи Нусинова), официальная премьера которого прошла 26 апреля 1963 г.

** «Реплика» – это мерзкий анонимный фельетон (как потом выяснится, его написал Мэлор Стурра) – «Турист с тросточкой», «Известия», 19 января 1963 г.:

В 11-м и 12-м номерах «Нового мира» за 1962 год напечатаны очерки Виктора Некрасова «По обе стороны океана» – об Италии и США. Автор сам признается, что он «слишком мало видел», что в Соединенных Штатах он «не сдружился, не сблизился ни с одним американцем» и поэтому вынужден был кое-что в своих очерках даже «придумывать», например встречу с воображаемым рядовым американцем Патриком Стэнли. «Мало видел», «не сблизился» и все же решился писать очерки...

Правда, В. Некрасов оговаривается, что он «по мере возможности» стремился «избегать обобщений», что главное для него – «разобраться... в тех мыслях и ассоциациях», которые вызваны короткой поездкой. Но как раз эти мысли и ассоциации оказались крайне поверхностными и глубоко неправильными. Они не могут не вызвать протеста. И вот почему.

Отказавшись, на словах, следовать совету одного журналиста о том, чтобы при описании контрастов Америки придерживаться пропорции «фифти-фифти – пятьдесят на пятьдесят», В. Некрасов в действительности стал на эту позицию. И не только в рассказе о черно-белых сторонах американского образа жизни – это было бы еще полбеды. Вся беда в том, что В. Некрасов следует «фифти-фифти» в вещах куда более серьезных – при сопоставлении «двух миров», двух идеологий.

12-й номер «Нового Мира» [(со второй частью путевых очерков «По обе стороны океана» – «В Америке».)] я уже получила и Зинин номер тоже – у Гани взяла, но тебе еще не послала: читают мои соседи и знакомые. Так что критику на Викины воспоминания ты прочтешь раньше, чем Викин рассказ.

Не думай, что эта критика (по-моему, дурацкая) не имеет значения. Ведь наши газеты и журналы – все правительственные, заметка не подписана, и мне объясняют, что это от редакции. Т.е. официальная. А главный редактор «Известий» [Алексей Иванович Аджубей –] зять Хрущева.

Совсем непонятно, чем Вика «оскорбил святыя чувства советского человека»? Это, конечно, очень важно: он написал, что есть в Нью-Йорке магазины в двадцать этажей, а они всего только в шестнадцать! Я этого даже и не заметила. Ганя говорит, что по поводу этой «реплики» у них непрерывно звонит телефон. Звонят и знакомые, и незнакомые – читатели. Наивно негодуют, советуют не обращать внимания на эту «реплику», а писать так, как Вика пишет.

Как только был напечатан в журнале Викин «В родном городе» (кажется в 57-м году), посыпались письма от читателей. Какая-то девочка, ученица десятого класса писала: «Воображаю, как вас будет ругать критика, но мы, ваши настоящие читатели, вас защитим». Очень мило и наивно. Как только тогда появилась первая критическая статья на «В родном городе», пришел к Гане дворник: «Ну, что же вы будете теперь делать? Его же печатать не будут, на что вы будете жить?»

Окончание примечания

Собственно говоря, что такое «фифти-фифти»? Если перевести это выражение с языка эзоповского на общепонятный, то мы получим девиз, провозглашающий и утверждающий мирное сосуществование в области идеологии. «Фифти-фифти» – весьма опасная штука. Следуя ей вольно или невольно, можно ставить знак равенства между битвой на Волге и американской свиной тушенкой, между схемами Корбюзье и силуэтами городов коммунистического завтра. Нет, мы не можем согласиться с этим!

Дело не в том, что В. Некрасов в своем стремительном туристском кроссе допустил фактические искажения. Нет, например, в Нью-Йорке двадцатипятиэтажных магазинов (самый высокий – одиннадцатипятиэтажный), не одиннадцать телевизионных каналов работает, а шесть. Неверно, что в музее Гуггенхайма собрано «все самое интересное, что было на Западе с конца XIX века». Не случайно гид Тадеуш Осипович не рекомендовал идти в этот музей – не хотел компрометировать Америку. Сами американцы смеются над мазней, выставленной в залах этого музея. Недаром «Нью-Йорк джорнэл Америкэн» опубликовала статью о музее под характерным заголовком «Искусство или чудовищность», явно склоняясь к последнему определению.

В. Некрасову понравились небоскребы на Золотом Берегу в Чикаго. Можно дать справку; один квадратный фут в этих зданиях стоит что-то около 20 тысяч долларов. Естественно, что квартирная плата в этом районе по карману только миллионерам. Поэтому противопоставлять их архитектуру московским Черемушкам по меньшей мере нелепо.

И уже совершенно непонятно, как умудрился советский писатель не увидеть разительных социальных контрастов и классовых противоречий американской жизни, военного психоза, разжигаемого империалистическими кругами. Вот уж, действительно, приехал турист с тросточкой.

Такому туристу, будь он сверхфеноменально наблюдателен, трудно глубоко разобраться в жизни чужой страны. Как правило, «фасадное» знакомство не может дать четкого представления о жизни народа, особенно когда речь идет о таком большом народе, как американский. Тем не менее В. Некрасов не просто делится впечатлениями, а все время пытается обобщать и по ходу порочит многое из того, что является святым для каждого советского человека. Мы уже не говорим о бестактном, оскорбительном отношении автора к своим товарищам по туристской поездке.

Повторяем, дело не в фактических ошибках, а в тех легкомысленных и неверных обобщениях и параллелях, которые ведут к буржуазному объективизму, к бездумному описательству, искажающему действительность.

«Известия», 19 января 1963 г.

Как видишь, дворники у нас читают «Литературную газету». Мы тогда посмеялись над ним, но он оказался умнее нас. Викины «Окопы» печатались три десятка раз, т.е. столько было изданий (ибо получили Сталинскую премию – правительственная санкция), а «В родном городе» – всего один раз и тираж всего 30 000. Это у нас считается «маленький».

Сейчас [(22 января)] звонила Гане, с ней говорил Викин товарищ, который вчера по телефону беседовал с Викой. Они отложили свою поездку в Малеевку до 10-го февраля. Ну, слава богу, могут спокойно сидеть в Москве и успеют приехать в Киев.

<...> Да, хочу еще внести поправки в Викины «мемуары»: [директор Нью-Йоркской публичной библиотеки] Lydenberg был у нас не в 1922 году, как пишет Вика, а в 1923 году (когда мама ездила к тебе в Лозанну). Прислала мне его [Любовь] Хавкина, и никакого отношения к библиотеке Украинской Академии Наук [это] не имело. В библиотеку Академии Наук я поступила только в 1925 году.

Гостиницы, конечно, у нас в Киеве были, и номер для него бы нашелся. Но когда я его встретила на вокзале и спросила, где он хочет остановиться – в гостинице или у нас, он ответил, что ему интереснее остановиться в частном доме. Потом он писал мне, что всюду о нас рассказывал, и его лучшие воспоминания – это мама. Очень жаль, что его письма сгорели, как и весь мой архив.*

Письма Рубакина можно было бы теперь напечатать. Это Хрущев своим хорошим отзывом поставил Рубакина на [почетное] место. А сколько на него нападали! Теперь и библиотека и прах Рубакина перевезены в Россию.**

<...> Ведь Вика ни одной своей книги мне не показывает и не дает. Его «Кира [Георгиевна]» вышла три месяца тому назад, стоит 15 коп., но почему-то до Киева не дошла. <...> Обычно я все Викины книги покупаю сама. Он получил свой однотомник, 100 экземпляров для раздачи «друзьям».

<...> Третьего дня Ганя мне сказала по телефону, что Зина и Вика должны были приехать в субботу [26 января], в 10 утра. Очевидно, приехали, иначе Ганя пришла бы ко мне. Ты думаешь, Зина мне позвонила? Нет, конечно, а сейчас уже 3 часа. Ну, когда я начинаю мои жалобы на Зину и Вику – этому нет конца.

* С живой Америкой я впервые познакомился в не очень легком и сытом 1923 году в своем родном Киеве. Было мне тогда двенадцать лет, и бегал я босиком (деревяшки и обувь на веревочной подошве были недостижимой роскошью) в пятую группу 43-й трудовой школы. <...> И вот в один прекрасный день в Киев приехал и остановился у нас (гостиниц в городе не было, а тетя моя работала тогда в библиотеке Академии наук) ни больше ни меньше как директор Нью-Йоркской публичной библиотеки мистер Гарри Миллер Лайденберг – немолодой сухощавый господин, носивший через плечо на ремешке портативную пишущую машинку, на которой ежедневно отстукивал длиннющие письма домой.

В конце каждой строчки звонил звоночек, и я первое время поминутно бегал открывать дверь. Когда он приехал, ему сделали ванну. Это было отнюдь не просто: дров не было, и вода тоже не всегда бывала. Мы все очень гордились этой так хорошо организованной ванной, повесили чистое полотенце, а гость наш через три минуты оттуда вышел, даже не окунувшись и не прикоснувшись к полотенцу. Все были огорчены. После обеда он предложил помочь помыть посуду – дома, мол, он всегда это делает, – но в этом ему было отказано. Когда он уехал, на его подушке обнаружили приколотый английской булавкой то ли доллар, то ли червонец – не помню уже что. Все немного обиделись и в то же время были тронуты.

Вот все, что я помню о Гарри Миллере Лайденберге, директоре одной из самых больших в мире библиотек, первом американце, с которым я познакомился. (Вскоре после того, как эти очерки были опубликованы в журнале, я получил письмо из Америки. Написано оно было сыном Лайденберга Джоном. Отец его умер, но письма, выстуканные в нашей квартире, сохранились. Джон прислал мне фотокопии. Читать их очень интересно, но об этом как-нибудь в другой раз.). – Виктор Некрасов. По обе стороны океана (путевые заметки приводятся по книжному тексту, а не по первой публикации в «Новом мире»)

** Из речи Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС (21 июня 1963 г.):

В юности я много читал книг Рубакина. И сейчас у меня в памяти его повесть «Книгоноша»... Неплохо писал Рубакин!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27-29 января 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ведь Зина была у меня вчера [26 января] всего двадцать минут и читала письма Ульянова и Любы [Пятницкой]. Сегодня у них, вероятно, полон дом народа. Ведь их не было в Киеве три месяца, а тут еще эта «реплика» в «Известиях», которая всех волнует. До чего глупо! Как только они приехали, Ганя сообщила, что непрерывно звонил телефон. Говорили негодующие читатели. Зина говорила, что «негодующие письма» Вика получил только от двух писателей. От кого, она не помнит. Или это нужно скрывать от меня? По-моему, должен ответить Твардовский, ведь в его же журнале это было напечатано.

<...> Ваня Классон просит ему прислать [швейцарский журнал «Le Style»], сам поглядит и даст своей сестре Кате. Она ведь художница и одно время была кубисткой. Последнее время она работала по прикладному искусству, теперь пенсионерка.

<...> Зина больна. Сперва у нее был насморк, а сегодня уже температура. У Зины *idée fixe*, что она никогда не болеет. А болеет она постоянно: и в доме у себя, и в домах творчества. То у нее грипп, то что-то с желудком, то что-то с ногами. Стоит ей съесть крошку говяжьего жира, и она уже заболевает. В их домах творчества, как я понимаю, она почти ничего не ест и приезжает оттуда сильно похудевшая. Из упрямства заказать себе диетическую пищу не хочет.

Вообще, они с Викой врачей почему-то избегают. Когда у Зины была сломана рука, они с Викторией так «удачно» накладывали гипс, что кисть руки срослась совсем криво. В нашем, конечно, возрасте это не так уж и важно. Но вот, например, Зина не хочет пользоваться русским аппаратом для слуха. Я знаю двух дам, которые отлично с нашим аппаратом слышат, совсем как не глухие. Доктора предложили ей его устроить. Нет, уперлась, ей нужен, непременно, итальянский. Был у нее [такой], но она его потеряла в Москве. Вообще, Зина все теряет, ключи, муфты, кофты.

Ганя говорит, что народа ведь обычно у них нет. В воскресенье [27 января] были только самые близкие друзья – Викины Киевские друзья-писатели. Их у него трое, все едут уже с 1-го в Малеевку. Зина мне пишет, что их путевку отложили на 20-е [февраля] <...>, а Ганя говорит, что Зина путает, и они едут в Малеевку уже к 10-му [февраля]. Адрес ты их знаешь? Московская область, Рузский район, Дом творчества им. Серафимовича.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3-4 февраля 1963 г.

Милая Вера.

<...> С 24-го января я не видела ни одной газеты, никто ко мне не заходил, и я получила всего одно письмо от Маши [Володиной из Тамбова], а мой главный корреспондент Ваня Классон почему-то смолк, хотя перед этим я получила от него в январе восемь писем. Но сегодня, слава богу, и от него пришло письмо, как всегда длинное, в двадцать страниц. Все больше о биографии [Р.Э.] Классона.

Кстати, если это тебе интересно, я могу прислать биографию Красина, это после Коробки был лучший друг Классона, очень интересный, одаренный человек.

Ульянов пишет, что у тети Сони, по-твоему, было только две дочери. Да, когда мы с тетей Соней разошлись, у нее было только две дочери – Соня и Таня, ну, а всего-то у них было пятеро детей – три дочери и два сына. У нас имелась фотография, где они сняты все пятеро в ряд, но сгорела. Мама [Алина Антоновна] говорила мне, что тетя Соня приревновала ее к M-elle Broye, и от этого они разошлись. Но, по-видимому, дело было не в этом.

От Маши Володиной я знаю (а она – от тети Анюты), что тетя Соня страшно ревновала [Р.Э.] Классона к Зине. Я тогда уже жила летом в Веймаре и не знала, что там у Вас в [Мокрой] Богурне происходило. Оказывается, [уже женатому] Классону очень нравилась Зина, и она сама созналась теперь, что была тогда в него влюблена. Как только он начинал играть в крикет, тетя Соня отзывала его и заставляла сидеть с ней и Соничкой. Ты помнишь, Зина ведь тогда была молода и очаровательна, и все наши «мальчики» были в нее влюблены<...>?

Один год, когда ты с мамой и тетей Соней жили еще в [Мокрой] Богурне, Классон к нам [в Москве] приходил ежедневно к вечернему чаю, я думала: «Скучает без семьи». Ну, очевидно, и его привлекала Зина. Ты не помнишь, как Лозаннские студенты преподнесли Зине цветы с запиской «A la plus charmante des étudiantes russes» [(«Самой очаровательной из русских студенток»)]. Это мама мне рассказывала.

Тетя Соня умерла в 1912 году, одна в Петербурге, в психиатрической лечебнице, а перед этим, тоже одна, лечилась в Швейцарии. Ее дети и Классон были к ней очень бессердечны. Даже очень деликатная Верочка Пятницкая прислала очень резкое письмо Классону и Соничке, что они недостаточно чутки к тете Соне. Это мне Иван Робертович уже теперь рассказал. Когда тетя Соня с Классоном окончательно разъехались, я точно не помню. Соничка была уже взрослая и осталась с Классоном в Москве, а тетя Соня с остальными детьми уехала в Финляндию, где у нее была своя дача.

В детстве Соничка была некрасивой, а потом – очень хорошенькой. В нее был влюблен Гомочка Мотовилов и, что трогательно, до сих пор не может ее забыть, а он уже старик. Все три дочери окончили высшие учебные заведения, Соничка была юристом, но я что-то путаюсь в разных наших Советских учреждениях, где она служила. Она два раза была замужем, оба раза – за ответственными коммунистами. Один ее муж, Богомолов кажется, был Торгпредом в Швеции, но тут уже я начинаю путаться. Второй муж был неприятный, и после Сониной смерти дети ушли от него.*

* Вот так создаются семейные мифы! Из воспоминаний И.Р. Классона (ф. 9508 РГАЭ):

Осень 1907-го мама с Соней провели в Санкт-Блазиене (Шварцвальд, Германия). Мама лечилась [от головных болей], а дочь взяла для компании и чтобы она побывала за границей. Соне потом пришлось с трудом догонять пропущенное учение в гимназии.

Предварительно Софья Ивановна разошлась с Робертом Эдуардовичем в 1903-м, когда узнала о его бакинских изменах. И тогда вся семья, без оставшегося в Баку неверного мужа, снимала квартиры в Москве, поскольку не могла жить в служебной квартире в Садовниках. А летом Софья Ивановна снимала дачу в Карлсбаде под Ригой или же в финских Териоках-Келомяках. В 1906-м Р.Э. Классон, приехав в Москву, клятвенно пообещал, что «больше не будет», поэтому семья воссоединилась в служебной квартире в Садовниках. А летом – отдыхала в финской Ловизе или же в Меррекуле под Нарвой. В 1908-м Софья Ивановна при консультации мужа купила участок под Выборгом (в Лиханьеми), для постройки собственной дачи. В том же году Р.Э. Классон нарушил свое «клятвенное обещание», сойдясь с Евгенией Николаевной Виноградовой-Сомчевской. И гордая Софья Ивановна окончательно ушла от мужа, вместе с детьми. Они жили в Лиханьеми, Гельсингфорсе, Выборге, на даче под Выборгом, а Софья Ивановна все чаще уезжала за границу на лечение от головных болей (фигурально выражаясь, «от разбитого сердца»). Через какое-то время повзрослевшая Соничка перебралась в Москву (к отцу?), но в 1911-м Софья Ивановна попросила ее приехать в Выборг, чтобы руководить хозяйством и младшими братьями и сестрами, а самой опять уехать за границу на лечение.

Из воспоминаний И.Р. Классона (ф. 9508 РГАЭ):

Между тем здоровье мамы ухудшалось, и тогда в конце зимы 1911/12 г. было решено – я думаю, Соней с отцом – попросить [давнюю знакомую по Выборгу,] фру Хенриксон съездить в Берн и привезти маму в Петербург в частную лечебницу. Соня ее там [потом] навещала, приезжая из Выборга.

Так что «недостаточную чуткость» стоит отнести исключительно к Р.Э. Классону...

Торгпредом в Швеции служил С.Ф. Гарденин, второй муж Сонички, а после ее смерти (от родильной горячки при рождении третьего ребенка) старшая дочь Наталья, уже после войны из-за тяжелого конфликта с отцом, завербовалась на Дальний Восток, а младшую дочь Софью выслали на 101-й километр от Москвы «за тунеядство», Андрей же остался с отцом (см. очерк «Классонята. Родственники Гарденины»).

«Разлучница» Евгения Николаевна Виноградова-Сомчевская

Кем была Таничка и ее муж – не помню. Знаю, что она очень нуждалась, когда жила в эвакуации во время войны, у нее было два сына. Вернувшись из эвакуации, она умерла. Один ее сын был хороший, другой плохой, дегенеративный. После ее смерти плохой убил хорошего, был приговорен к десяти годам. Сейчас он уже вышел [\[из мест заключения\]](#).

Третья дочь, Катя, которая и теперь еще жива, была художницей, она училась одновременно и в университете, и в Художественном Институте. Потом университет бросила и [\[целиком\]](#) отдалась одной живописи. Она вышла замуж очень поздно, в тридцать три года, за переводчика, еврея [\[Валентина\]](#) Парнаха. Он уже умер. Им почему-то ужасно интересуется «мальчишка» [\[Александр Ефимович\]](#), который ко мне ходит.

Мечтал бы получить (т.е. купить) какую-то книгу его стихов, изданную в Париже с иллюстрациями Ларионова и Гончаровой (но ни у Кати, ни у сестер этого Парнаха ее нет).^{*} Будто бы этот Парнах был очень выдающийся человек (перевел «Le Feu» Барбюса^{**}). Это мой «мальчик» считает. А Ване Классону он не нравился, и его сын (Катин сын) тоже очень не нравится. Он тоже, как и его отец, переводчик и по окончании Вуза был послан на год на Цейлон. Мне казалось, что это карьера, но как будто из этого ничего не вышло.

^{*} Валентин Яковлевич Парнах (1891–1951), поэт, журналист, танцор, балетмейстер. Перед началом Первой мировой войны, напечатав в Петербурге несколько стихотворений, уехал в Палестину, затем переехал в Париж и стал студентом Сорбонны. Выходят сборники стихов, отразившие его увлечение футуризмом и сюрреализмом: «Самум» (1919), «Набережная» (1919, на французском языке), «Словодвиг. Слово-динамо» (1920, на русском и французском языках) с иллюстрациями Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, а для книги «Карабкается акробат» (1922) портрет В.Я. Парнаха рисует Пабло Пикассо.

^{**} Анри Барбюс в 1916 г. написал антивоенный роман «Огонь» («Le Feu»).

«Катин сын» Александр Парнах в молодости

Последний сын тети Сони, по-моему, его звали Павел, пропал без вести во время войны. Его семья живет где-то на юге. Он так же, как и Ваня Классон, учился в Германии. В этих пяти детях тети Сони я еще как-то разбираюсь. Ну, а со следующим поколением я уже путаюсь. Один сын Сонички работает в Москве, другая дочь – во Владивостоке.

Ваня Классон женат во второй раз. Сперва был женат на какой-то служащей в Торгпредстве в Берлине, как будто, интеллигентной. Вся ее семья была музыкальна и его любовью к музыке заразила. И он старается развить во мне музыкальные способности, увы, немного поздно, в восемьдесят лет.

Почему он с ней разошелся, я ведь спросить не могу, его жена и его дети читают мои письма, раскрывают сразу, чтоб поглядеть, нет ли там иностранных марок.* Эта жена (теперешняя), по-видимому, была машинисткой, там где он служил. Украинская крестьянка. Ты знаешь, у нас бесклассовое общество. Как будто бы очень хорошо, но, по-моему, браки из разных классов бывают часто очень несчастны. Другие привычки, другие понятия.

* У И.Р. Классона и М.И. Лисовской так и не появилось детей, несмотря на длительную совместную жизнь в Берлине и Москве. Поэтому Иван Робертович в последнем письме жене написал вместо «целую» – «жму руку» и развелся с ней.

Письма С.Н. Мотовиловой вряд ли привлекали домашних И.Р. Классона (неразборчивый старческий почерк, расплывающиеся чернила на плохой бумаге, не говоря уже о моральном аспекте – «читать чужие письма нехорошо»), а вот конверты, которые были переклеены из швейцарских, с таковыми же марками – таки да!

Первая жена И.Р. Классона – «очень музыкальная» Мария Ивановна Лисовская

Вторая жена И.Р. Классона – «украинская крестьянка» Анна Гавриловна Позигун

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7-9 февраля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Завтра [(8 февраля)] Зина и Вика летят в Москву. У Зины ужасный мокрый кашель. Это и есть, очевидно, тот мокрый плеврит, о котором писал Ваня Классон и который от нее почему-то скрывают. Она уверяет, что было слишком душно в купе вагона, и [поэтому] она простудилась. Поэтому теперь они летят. По-моему, двадцать раз можно простудиться, пока доедешь до аэродрома. Одним словом, за две недели, что Зина была в Киеве, она заходила ко мне два раза: в первый день приезда на двадцать минут и за день до отъезда на сорок минут. Итого за две недели – один час!

<...> Ганя больна, и я не знаю, отправила ли она тебе №12 «Нового Мира». У меня есть только [почтовая] квитанция от 24-го, очевидно, это три «Огонька» и мерзкая статья о Вике в «Известиях». Я не понимаю, как сметь такое писать! Сколько он сражался, под Сталинградом, два раза был ранен, а эти мерзавцы пишут, что для него, что Сталинградская битва, что американская тушенка. Где они-то, это пишущие, сами были? Кто это написал? – неизвестно. Я предполагаю, что Грибачев.*

<...> Милая Вера. Сегодня [(9 февраля)] у меня счастливый день. Получила длинное письмо от Вани Классона. Это единственный человек, который на все мое реагирует и рассказывает о своем. Я даже хотела первый листок этого письма тебе послать, но я все его посылаю Маше, тети Анютиной дочери. Они – сверстники и когда-то даже переписывались. Машенька родилась в декабре 1900 г., а он – в марте 1899-го. Обоим по шестьдесят три года теперь.

Ваня мне пишет про старшего сына, которому минуло девятнадцать лет, о его учении. О перестановке мебели в их квартире, очевидно, потому, что сыновья в одной комнате «грызлись», как он пишет. И вот младшего сына, его любимца, перевели в его комнату.

Ваня рекомендует мне массу книг о [Л.Б.] Красине. Он страшно горд своей сестрой Соней. Когда они жили в Выборге, и Соничке было, как его [старшему] сыну теперь, девятнадцать лет, она была так апломбиста, что Роберт Эдуардович говорил: «У Сони больше апломба, чем у моего коллеги, Петербургского директора Ульмана». Когда Соня в 1920 г. перешла из ВСНХ в Наркомвнешторг, то она сказала Красину: «Вам может меня рекомендовать такой-то (деятель ВСНХ)». А он ответил: «Это не нужно, я знаю породу».

Действительно, в Соне наиболее резко из всех нас, Geschwister'ов [(братьев и сестер)], сочетались способности и матери и отца. В частности Соня работала «быстро и хорошо». А я ее не любила. И тетя Соня и [Р.Э.] Классон были выдающимися людьми, но «апломба» у них никогда не было.

З.Н. Некрасова (из Малеевки) – в Лозанну [февраль 1963 г.]

Милые Вера и Николай Алексеевич!

Я Вам пишу, пишу, а ответ что-то долго заставляет себя ждать!

Правда, мы уже третий день как в Малеевке, куда приехали вместе с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым, нашим большим другом, у которого мы когда-то жили на берегу Волги, где у него есть домик среди леса и лугов на самом берегу Волги и машина, которой он сам управляет. Так что мы и купались там и гуляли и на лодке ездили! А воздух там совсем особый – «волжский»! Я, кажется, вам посылала когда-то его книжку воспоминаний, охватывающую очень «древние» времена.

Кроме того здесь же [в Малеевке] отдыхают наши киевские приятели – Клигерманы, т.ч. мы даже занимаем в столовой отдельный столик. Вы знаете, что мы сюда приезжаем каждую зиму. Так тут замечательно: и природа – поля и леса, где мы гуляем утром, днем и вечером, а Вика по утрам работает, а после обеда ходит на лыжах (чего я решила не делать, чтобы не сломать себе чего-нибудь на старости лет). А он научился лыжам только несколько лет тому назад и теперь очень хорошо и скоро ходит.**

* Николай Матвеевич Грибачев (1910-1992), русский советский писатель, литературный и государственный функционер, одна из основных фигур официальной советской литературы в послевоенный период. Его поэмы из колхозной жизни – типичный пример осуждавшейся во времена оттепели «лакировки действительности». В своих более поздних «художественных» произведениях Грибачев продолжал в декламационной манере иллюстрировать новые и новые партийные установки.

** Письмо не датировано, но все же можно предположить, что это 2 письма за февраль 1963-го – Виктор Платонович то ходит на лыжах, то уже не ходит, повтор про Клигерманов и так далее (см. ниже).

У нас тут уже много знакомых среди отдыхающих, которые, как и мы, ежегодно сюда приезжают. Вике предстоит здесь еще и хорошенько поработать, чтобы успеть описать свою поездку во Францию, описание которой выйдет, верно, в «Новом Мире» в ближайших номерах (в третьем или четвертом), как я предполагаю*.

<...> Сейчас пойду гулять, т.к. погода идеальная: $t - 20^0$, на небе ни облачка, снег хрустит под ногами, в валенках тепло и не скользко! Жаль, что Вика не захватил с собой фотоаппарат. Но он не хочет здесь ничем отвлекаться от работы и только писать, т.к. в этом году мы, верно, пробудем здесь только один срок, т.к. приехали поздно и для лыж будет уже тоже поздно – плохой снег. А на лыжах он не катается.

Сейчас подожду «почты» и, получив письма, пойду гулять с Викой и нашей приятельницей Сац, которая тут отдыхает – она переводчица с испанского, португальского и французского языков, а муж ее был в молодости секретарем Луначарского, который был женат на его сестре – Розенель. Ее воспоминания в «Новом Мире, кажется, вы, верно, читали!**

Тут же отдыхают с нами еще и наши Киевские знакомые – Клигерманы, муж и жена. Он по профессии инженер, но тоже стал писателем [Пархомовым] (как и Рабинович[-Волынский] – наш друг, книги которого Вика вам посылал, но который по профессии инженер-строитель). Ну, кончаю! Надеюсь, что и Вера как-нибудь соберется мне написать.

Целую вас обоих и очень хотела бы видеть.

З. Некрасова

З.Н. Некрасова (из Малеевки) – С.Н. Мотовиловой (в Киев) [начало февраля 1963 г.]
(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Вот шестое февраля
Соня, милая моя!
С днем рождения поздравляю,
Всего лучшего желаю!
В этот день пойдешь гулять!
– Ночью будешь лучше спать.
А затем прими гостей,
Не забудь их посчитать.
А потом отчет мне дать:
Сколько было их всего –
Не забудь ни одного!
Их ведь с каждым годом меньше:
Кто болеет, кто забыл!
А вообще-то: кто же был?
Ну, Красовский, явно, не был,
Если болен он теперь.

* З.Н. Некрасова «предполагала», а партийное руководство «располагало»: после появления в «Известиях» 19 января редакционной статьи «Турист с тросточкой» 8 марта Н.С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства обрушился на путевые очерки В.П. Некрасова «По обе стороны океана» за «совершенно неприемлемый для нашего искусства принцип». 21 июня на пленуме ЦК КПСС он снова вернулся к этим очеркам, заявив, что чем раньше партия освободится от таких людей, как В.П. Некрасов, тем лучше. Лишь после того, как самого Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. освободили от должности первого секретаря ЦК КПСС и отправили на пенсию, «Новый мир» смог опубликовать очерк «Месяц во Франции» (№4, 1965).

** Н. Луначарская-Розенель. Луначарский-читатель. «Новый мир», №1, 1962.

*** Речь идет о старом стиле, по новому стилю – девятнадцатое февраля.

А Красильникова Нина
Тоже, верно, не пришла,
Так как из-за аэроплана
Даже в двери не прошла!
Ну, а прочие-другие
Тебя все-таки навестили?
Ели, пили и хвалили
Все что Ганя напекла?
В этот раз всего лишь «срок»
Мы в Малеевке пробудем.
Тем не менее, пребывание
Как всегда пойдет нам «впрок»!
Вика же, кроме всего,
О Париже и о Франции
Должен все же написать!
Чтобы в «Новый Мир», конечно,
Неприменно же «попасть».
А пока на лыжах ходит,
Чтоб набрать ума и сил,
Да и вспомнить по порядку,
Кто в Париже с ними был.
Я ж обязанностей этих,
Очевидно, не имею!
Потому пишу, гуляю,
Развлекаюсь, как умею.
Утром солнце только всходит,
Я спешу скорее встать,
И умывшись и одевшись,
Только к завтраку попасть!
А затем на ярком солнце
Хорошенько погулять!
Или, письма получив,
Сесть сейчас же за ответы,
Никого не «обделив»!
Почитать потом газеты.
Вновь прогулка подоспела!
Чтоб «в обед» не опоздать
И в столовую явиться
Мне в шестнадцать сорок пять.*
Отдохнув после обеда,
Мы опять уже «спешим»
Кто – куда, а я гуляю
С четырех и до шести.
Вика ж бодро став на лыжи,
Собирается итти.

* По-видимому, здесь должно стоять начало обеда – «двенадцать сорок пять» или же «тринадцать сорок пять».

Так и мчится время быстро:
Не успеешь почитать,
Как «летишь» опять на ужин,
Чтоб ничего не пропускать.
Так и «крутимся» мы вечно,
Вечером – кино, конечно,
И про белого бычка
Сказка снова начата.
Вот и все наши занятия
Здесь исчерпаны сполна.
А пока желаю счастья,
За здоровье пью до дна!

З. Некрасова

P.S. Напиши, кто был у тебя в гостях, а кто поздравил письмом.

[Милая Соня.] Сегодня утром отослала тебе свою поздравительную «Оду», а сейчас пишу опять! Дело в том, что у Вики сейчас «Бобос» Кристи, который на днях звонил ему и предложил поставить какой-то новый фильм или что-то в этом роде. Он даже приехал со своей режиссершей. Он по-прежнему красив, только его «буйная шевелюра» немного поредела. Он привез с собой показать такую же (как у нас) карточку, где они (Вика, Тото, Бобос и дочка консьержки, Nevretie)* сняты в парке Montsouris. Интересно, получится ли что-нибудь из этих переговоров!? Боюсь, что нет!

Я только что вернулась с дневной прогулки по моему любимому лесу, засыпанному снегом, но расчищенному и даже с посыпанными песком дорожками. <...> Я опять вношу свое предложение: не купить ли тебе здесь валенки? Тоже не надо будет на них калош, а просто ходить в них не скользя. Вика вчера уже стал на лыжи и долго гулял «в одиночестве», как он больше любит, а Р.И. ** еще не достала башмаков. На днях она едет в Москву на какое-то Сашино «выступление» ***, а затем ей директор [дома творчества] продлил срок пребывания, предоставив «даже двойной» номер, куда Вика сейчас и пошел для переговоров с Бобосом! Не знаю, согласится ли он на предложение Бобоса или нет, но мне кажется, что это было бы ему интересно.

* Имевший в Париже детскую кличку «Бобос» в советское время стал известным кинодокументалистом Леонидом Михайловичем Кристи (1910-1984), а Тото (Тотошка) погиб на войне, будучи фронтовым корреспондентом Анатолием Анатольевичем Луначарским (1911-1943).

** Сацixa – Примеч. С.Н. Мотовиловой для сестры Веры.

Вторая справа – «крыса или щука» Раиса Исаевна Линцер (с сайта «Памяти В. Некрасова»)

*** Ее сын – музыкант. – Примеч. С.Н. Мотовиловой для сестры Веры.

Вчера я написала Нине Мотовиловой [в Ленинград], от которой давно нет известий, правда, всегда очень лаконичных! Продолжаешь ли ты получать письма от Вани Классона? Окончил ли он, наконец, биографию «РЭК», как он называет своего собственного отца? Продолжает ли его жена держать «в страхе и повиновении», запрещая даже подписываться на «Н.М.»? Правда, он сам над этим иронизирует, т.к. ничего другого ему не остается!

<...> Кончаю, т.к. пора идти обедать. Интересно, до чего Вика договорится с Бобосом?! Кажется, он не хочет заниматься работой режиссера или как это называется. Но тогда о чем же они так долго разговаривают?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 февраля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Зина пишет, что к Вике в Малеевку приехал Бобос. Он занимает теперь какое-то важное положение в кино. Я не понимаю, что значит «важное положение в кино»? Его отец, Кристи, был другом Луначарского, одно время возглавлял Главнауку.

В газете «Правда» от 14-го была статья, посвященная Виктору Павловичу Ногину, по случаю его восьмидесятилетия. Он был на три года старше меня. Удивительно хороший человек был, морально чистый и, как писал один англичанин, «такой деловой, что нельзя поверить, что он русский». Помнишь, как мы их провожали, кажется, в 1902 году в Ачинск? Я помню, что купила два чудесных букета, хризантем и роз, и тюремный офицер мне сказал: «Вы лучше бы им привезли провизии на дорогу». Этот же офицер мне посоветовал, чтоб я начальнику тюрьмы не говорила, что ты гимназистка, а то он тебе не даст свидания.

С ними ехала какая-то ссыльная дама. Их посадили в коляску, Сергея Васильевича [Андропова] и Виктора Павловича, на заднее сидение, а даму – на переднее [(спиной к движению)]. Мы с тобой были очень шокированы. Они, очевидно, не понимали, что это невежливо [по отношению к даме].

Помнишь, ты не хотела носить калош, и как тебе ужасно было в бледно-желтых тоненьких ботиночках идти через невероятную грязь Казачьего плаца? Сергей Васильевич и Виктор Павлович, как политические, ехали в коляске, а за ними шла громадная толпа, некоторые в кандалах, уголовных преступников.

Помню, как Сергей Васильевич и Виктор Павлович как-то гостили у меня и соревновались, кто из них в большем количестве тюрем сидел. У Виктора Павловича было больше – сорок четыре. А в статье в «Правде» написано, что он сидел больше чем в пятидесяти тюрьмах. У меня-то он считал до последней ссылки. В конце этой статьи написано, что в эпоху Сталина «роль этого выдающегося революционера, как и многих других, замалчивалась». Надеюсь, что напишут его [подлинную] биографию.*

* Коммунист Ногин (Архивная справка)

Скончавшийся коммунист, Виктор Павлович Ногин, был известен среди подпольного мира не столько своими талантами, сколько бесчисленными побегами из тюрем и ссылки. В этом отношении он был и остается непревзойденным бегуном, т.к. действительно побил все политические и даже уголовные рекорды.

– Первый рысак и в своем роде «Крепыш» российского подполья!

Впервые Ногин был арестован по делу «Рабочего Знамени» и был сослан под надзор полиции в Полтавскую губ. Бежал в Англию. Вернувшись в Россию, был вторично арестован, как член организации «Искра», и выслан в Енисейскую губ. Бежал в Женеву.

Из Женевы возвратился в качестве «нелегального» и был арестован на конференции профессиональных организаций и посажен в тюрьму на 3 года с воспрещением [по отбытии наказания] жительства в Москве и Московской губ. Несмотря, однако, на запрет Ногин все-таки приехал в Москву под чужой фамилией, был арестован и сослан на 4 года на север Тобольской губ.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 22 февраля 1963 г.

(из утраченного письма)*

В 1914-1915 гг. мама [Алина Антоновна] и Зина жили в Париже.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22-23 февраля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Зинины письма я тебе почти все пересылала. Сегодня Ганя принесла открытки от Зины ей. Она как всегда пишет, что очень довольна своим пребыванием в Малеевке, что кашель у нее совсем прошел и что она гуляет по два и по три часа в день в лесу, среди сугробов. По-моему, гуляет она одна, а Викины друзья, которые были у меня 19-го, говорят, что наверное с кем-нибудь из их друзей, которые в Малеевке отдыхают. Вика по утрам пишет свои воспоминания о поездке во Францию, для «Нового Мира», а после обеда ходит на лыжах со своей Сацихой. Юная пара: ему пятьдесят два года, а ей – пятьдесят восемь. Она продлила свое пребывание в Малеевке (она ведь нигде не служит), и я боюсь, что Вика проводит все [свое] время не с Зиной, а с этой особой. На вид – крыса или щука. Это жена брата Розенель-Луначарской, книгу которой я тебе послала [(«Память сердца. Воспоминания»)].

<...> Когда мы начали переписываться с Ваней Классоном, он по моей просьбе стал разыскивать в разных изданиях Брокгауза и Ефрона то, что я [раньше] читала. <...> Нашел он несколько наших родословных, но то что я читала, так и не нашел. Все мне их выписал, но о «Кобыле» и «Кошке» что-то [ничего] нет.

Когда у меня появился «мальчик» [(А.Е. Парнис)], который целые дни проводил в библиотеке и отлично умеет рыться во всяких энциклопедиях и справочниках, я поручила ему найти эту нашу родословную. Он их выписал несколько, вот сейчас мне попался клочок бумаги с записью карандашом одной из них. Перепишу это для тебя (из словаря Брокгауза и Ефрона, т. XX, 1897 года).

«Мотовиловы – дворянский род, происходящий, по сказаниям древних родословцев, от Федора Ивановича Шевляги, родного брата Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника царствующего рода Романовых, Шереметевых и других. Один из сыновей Федора Шевляги, Тимофей Мотовило, был родоначальником Мотовиловых и Грабежевых. Никита Мотовилов был дьяком (1566). В XVII многие Мотовиловы были стольниками и стряпчими. Род Мотовиловых разделился на две ветви, внесенные в VI и II части родословных книг Ярославской, Саратовской и Симбирской губерний».

Окончание примечания

Из Тобольска бежал в Европейскую Россию, жил под фамилией Шидловского, был вновь выслан в распоряжение тобольского губернатора. Высылка состоялась весной, а осенью Ногин опять бежал в [Европейскую] Россию и организовал т.н. «семерку» (русскую коллегия ЦК [РСДРП]). Через 4 мес. он, однако, снова был арестован, уже под фамилией Атясова, и снова бежал.

Эта удивительная способность покойного Ногина вызвала изумление даже среди жандармов и снискала ему репутацию [конского скакуна] «Крепыша». Всю жизнь бежал и основал «семерку» – в этом, в сущности, и вся биография скончавшегося коммуниста.

«Руль» (Берлин), 4 июня 1924 г.

* Эти выписки сделал И.Р. Классон, а затем письма по некоей причине были утрачены. Черновая запись Ивана Робертовича:

23 декабря 1969 г. нашел конверт с письмами С.Н. с октября 1963-го по март 1965-го, снова начал смотреть [(на предмет удовлетворения запроса З.А. Лёвиной из ИМЛ насчет адреса дома Мотовиловых в Лозанне, куда на пару часов заглянул В.И. Ульянов-Ленин)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25-27 февраля 1963 г.

Милая Вера.

Получила сегодня письмо от Зины. Как видишь, она пишет, что Вика поручил Сацixe послать шапку Ульянову. Может быть, теперь это изменилось, но мне на почте [раньше] говорили, что кроме книг за границу ничего посылать нельзя. Вообще, комично посылать в Швейцарию в марте месяце зимнюю шапку. По-моему, это après dîner moutarde [(после ужина – горчица)]. И еще я боюсь, что Вам придется там платить пошлину.

Помнишь, как М-г Broye прислал маме [Алине Антоновне] чудесный sac-voilage, со всем прибором. Он теперь у меня. Маме пришлось заплатить 12 рублей пошлины, и она была в ужасе. Вообще, мама так волновалась из-за всяких мелочных трат. Помню, мама была в отчаянии, когда пришло извещение, что наша мебель из Петербурга едет в Киев неупакованной, т.е. завернутой в рогожу, а не в ящиках (как бы мебель не испортили). Убедить маму ездить во втором классе, а не в третьем было невозможно.

А как Зина и Вика швыряются деньгами, прямо ужасно! Т.е. Зина-то теперь ничем не швыряется, у нее обыкновенно и нескольких рублей с собой нет. Ганя и их бывшая приживалка [Нора Аль] сами ей все покупали, по своему вкусу, а то боялись, как бы Зина «не растренькала свои деньги». Зина в деньгах ровно ничего не понимает.

Она упорно хочет вновь выписать сюда, т.е. в Киев эту свою приживалку[, потому что по ней скучает,] вместе с ее матерью. Им тут найдут [де] квартиру. Не так это у нас просто. В Киеве никого из приезжих не прописывают.

<...> На полу сейчас нашла письмо от Ульянова и еще две марки. Это [девятилетний сосед] Дима мне подбрасывает в щель под мою дверь. Диме не везет: то ты мне присылала марки и Ваня Классон, а теперь – ни ты, ни он. Ваня Классон, по-моему, мне даже намекнул: «Мой младший сын все еще собирает марки». Я ему предложила меняться с Димой. Я ведь в марках ничего не понимаю, а у Димы несколько альбомов – по странам, по сериям. Вообще, для меня [все это] что-то сложное. А ведь они могли условиться, кому какие марки нужны. Но, вероятно, сын Классона Миша, которому шестнадцать лет, считает ниже своего достоинства меняться с мальчиком девяти лет.*

Но с Димой его коллекцией занимается его отец, человек весьма систематичный и он почему-то постоянно покупает для Димы марки. Разве коллекционеры их покупают?

<...> Ульянов утверждает, что надо писать «Бугурна», а не «Богурна». Возможно. Я поглядела, как Машенька пишет: «Бугурна».**

Вернусь к семье Классонов. Ульянов пишет, что ты утверждаешь – тетя Соня была тяжелого характера. Я бы такого не сказала. Она гостила у нас при папе в Ишеевке и затем целую зиму провела у нас в Симбирске, после папиной смерти, чтоб мама не оставалась одна. В молодости она была веселой, бодрой, остроумной. Конечно, самая выдающаяся из всех сестер Мотовиловых (семьи Ивана Егоровича), а папа – самый выдающийся из всех братьев. Я это раньше не понимала, а теперь понимаю: тетя Соня была всегда готова делать все для своих близких. Когда сошел с ума дядя Саша и убил кого-то, тетя Соня поехала распутывать всю эту историю. Когда вышла какая-то дурацкая история у тети Веры в [Смольном] институте, тетя Соня взяла оттуда и т. Маню и т. Веру, и они жили у нее в Петербурге до окончания гимназии. Когда умер папа, она бросает свое учение, своего жениха [Р.Э.] Классона и целую зиму живет в Симбирске, чтоб маме не было одиноко. Нет, она была и умная и интеллигентная и очень хороший, благородный человек. Но когда она вышла замуж за Классона, она как-то вся погасла. Они не подходили друг к другу.

* На этот момент «сыну Мише» не исполнилось еще и пятнадцати лет.

** В XIX веке названия этих деревень писались через «у»: Мокрая и Сухая Бугурна (см., например, Список населенных мест Симбирской губернии, печатано в Симбирской губернской типографии, 1884), а в начале XX – уже через «о» (см. например, П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1904).

Ты почему-то считала, что Ваня – сын от второй жены Классона. Да никаких детей у Классона от второй жены не было. Она жила отдельно. Женился он на ней лишь тогда, когда его младшему сыну (из пяти детей) было уже двадцать лет. И женился он потому, что у этой, его второй жены отняли квартиру (тогда же квартиры отнимали или людей «уплотняли»). Тетя Соня умерла в 1912 году, а женился он (т.е. записался со второй женой, и она переехала к нему) чуть ли не через десять лет [после смерти первой жены].

Я не любила Классона – не мой стиль, он мне казался каким-то [тургеневским героем] Базаровым, но несомненно он был очень выдающийся и очень благородный человек. И скольким людям он помогал: и Красину, и Кржижановскому, и Воровскому, и Винтеру, всех полулегальных (и нелегальных) к себе на службу принимал.

<...> У меня в Лозанне была чудесная комната, в семь окон. Часть выходила на озеро, а часть – на парк. <...> Мы [в 1905 году] сидели с Виктором Павловичем [в этой комнате]. Я спросила: «Что вы сделаете с царем после революции?» Виктор Павлович с удивлением посмотрел на меня: «Романовы очень богаты, у них уже наверное деньги переведены за границу. Будут жить за границей, кататься в автомобиле». Это «кататься в автомобиле» мне показалось очень забавным. Это был 1905 год (или 1904?), а в 1918-м я зашла к Виктору Павловичу. Я приходила к нему только по делу: или кто-нибудь неправильно был арестован или вообще были какие-нибудь безобразия.

Он предложил подвезти меня [на автомобиле] на службу, с нами ехал какой-то тип. Со свойственной мне бестактностью я напомнила Виктору Павловичу этот наш разговор о царе в Лозанне. Он с испугом поглядел на своего соседа. Но мы уже подъехали к моей службе...*

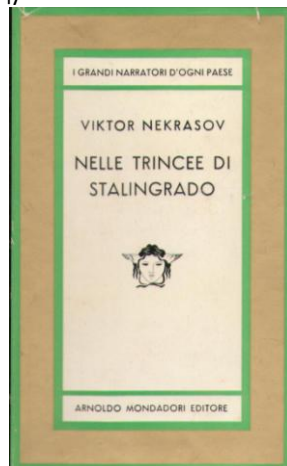
С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3 марта 1963 г.

Милая Вера.

<...> Мой «мальчик» сказал мне, что в Humanité объявление: «Печатается новый роман Виктора Некрасова». Я изумилась. Оказалось, этот «новый роман» – «Окопы Сталинграда». У нас-то он вышел в 1946 году (семнадцать лет назад!), а для них он – «новый». <...> В Италии «Окопы» тоже печатались в газете, а вышли ли отдельным изданием, не знаю.**

* Как известно, в июле 1918 г. Николая II и всю его семью большевики расстреляли и уничтожили их останки в Екатеринбурге. Поскольку С.Н. Мотовилова уволилась из Наркомпроса и уехала в Киев лишь осенью того же года, то в принципе до нее могли дойти слухи об этом злодейском преступлении, хотя «Софья Власьевна» тщательно заметала его следы (материальные и документальные). Во всяком случае, было известно, что царская семья еще с марта 1917-го находилась под арестом («каталась в автомобилях» лишь при ее перевозке из Петрограда в Тобольск и далее в Екатеринбург, причем бывшим личным авто Николая II завладел в Ленинграде местный партбосс Г.Е. Радомысльский-Зиновьев).

** В Италии «Окопы» выйдут в 1964 году:

Викин товарищ обещал переговорить с Викой, чтоб он давал мне читать письма его читателей. Зина пишет, что когда они приедут, то мне их дадут. К ним приехали в Малеевку Лунгины.

Сегодня пришло письмо от Вани Классона. Он прислал вырезку из «Известий» со статьей Андроникова. Я думала, что тебе будет интересно, посылаю тебе. Андроников – специалист по Лермонтову, часто выступает по радио. Говорит он очень хорошо, как настоящий актер, меняя голос, интонации. Ваня Классон его очень любит, а я – нет. Недостаточно глубок для Лермонтова.

А сегодня Ваня Классон со мной согласился, пишет: «Вы правы, он блестящий литературный детектив и рассказчик, но не литературовед с чувством и вкусом». Еще Ваня Классон прислал мне очень изящную открытку с картины Айвазовского и пишет: «Мне стало досадно, что Вы получаете письма на красивых картинках только от Ульянова, и посылаю Вам открытку, по-моему красивую».

Ну а дальше его письмо о том, сколько он знает языков, сколько – его сестры. Какой язык лучше знала Таня, а какой Соня и т.д. Сейчас перешлю его письмо Машеньке для развлечения.

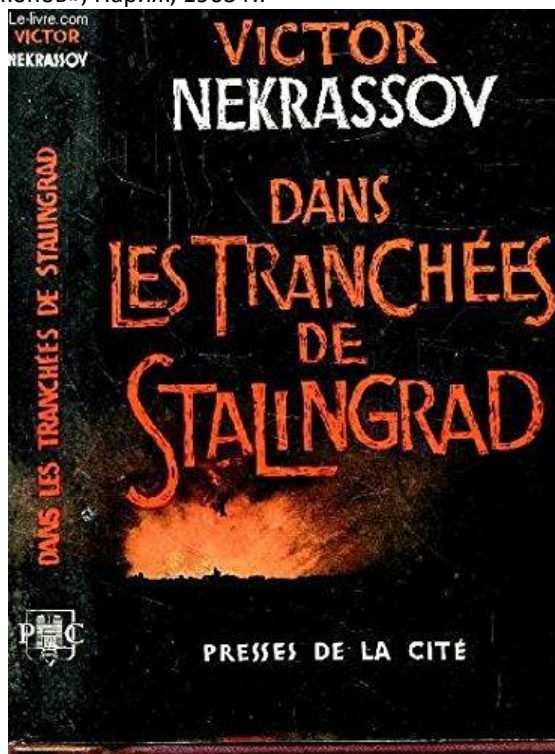
С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 марта 1963 г.

Милая Вера.

<...> Я как-то Зине говорю: «Это очень мило, что Викины друзья приходят к тебе (когда его нет) к вечернему чаю почти ежедневно». А Зина отвечает: «Но моя роль сводится к тому, что я наливаю им чай, а что они говорят, я не слышу». Ганя все время жалуется, как ей тяжело и трудно мне все приносить. Ведь Зина и Вика почти ежегодно бывают вне дома месяцев шесть, и ей же тогда делать нечего. Это же ее дело, что она принимает всяких своих гостей. Приходит она ко мне два раза в неделю.

Да, вечером явился вчера мой «мальчик» [(А.Е. Парнис)]. Принес мне Humanité от 7 февраля, где идут отрывки Викиных «Окопов Сталинграда». Оказывается, книга эта уже вышла в Париже.*

* Французское издание «Окопов», Париж, 1963 г.:

«Мальчику» двадцать четыре года, когда в 1946 году вышли Викины «Окопы», ему было всего семь лет. Он только что научился читать, и Викины «Окопы» были одной из первых книг, которые он прочел.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 11 марта 1963 г.

(из утраченного письма)

Когда мама видела [П.Э.] Классона [в 1923 г.], он ей рассказывал, что видел Ленина [в 1920-м], говорил с ним и был поражен, как много Ленин не знает из того, что происходит.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 марта 1963 г.

Милая Вера.

<...> Вчера я послала тебе письмо с вложенными в него четырьмя письмами от Зины. Сегодня я отправила тебе заказную бандероль: два «Огонька» (последние), две газеты с речью [секретаря ЦК КПСС] Ильичева и [1-го секретаря ЦК КПСС] Хрущева. Последнюю прочти внимательно, я в одном месте подчеркнула, где он говорит о Вике.*

<...> По-моему, он находится в плохом окружении, и, думаю, Викиных книг вообще не читал. Я удивляюсь, что Твардовский молчит. Ведь это же в его журнале напечатан был Викин очерк [(«По обе стороны океана»)].

Узнать в чем дело я никогда не смогу. Ведь Вика и Зина все тщательно скрывают от меня. Но, во всяком случае, вопрос этот очень серьезный. За границу Вику, вероятно, больше не пустят, книги его печатать не будут. С чего он будет жить – неизвестно. У нас ведь только стоит какому-нибудь начальству плохо отозваться о каком-нибудь писателе, и другие писатели перестают ему кланяться и всячески избегают его.

<...> Сегодня получила письмо от Маши (тети Анютиной дочери) и открытку от Вани Классона. Он уже два месяца, как сдал весь свой материал для биографии [П.Э.] Классона, а издательство ему не отвечает. Выйти она должна в этом году.

Если о Вике что-нибудь пишут во Франции или Швейцарии пришлите мне (вырезки из газет). У нас есть выражение: «Откуда вы это знаете?» – «Из О.Д.Б.» А О.Д.Б. означает «одна баба сказала» [(«одна дівчина балакала»? – МК)]. Увы, это единственный источник, которым я могу пользоваться, кроме радио и газет. А их я плохо читаю.

* Из речи Н.С. Хрущева 8 марта 1963 г. на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства (опубликована в «Правде» 9 марта):

В художественном мастерстве, в ясности и четкости идейных позиций – сила художественных произведений. Но, оказывается, это не всем нравится. Иногда идейную ясность произведений литературы и искусства атакуют: под видом борьбы с риторичностью и назидательностью. В наиболее откровенной форме такие настроения проявились в заметках Некрасова «По обе стороны океана», напечатанных в журнале «Новый мир».

Оценивая еще не вышедший на экран фильм «Застава Ильича», он пишет «Я бесконечно благодарен Хуциеву и Шпаликову, что они не выволокли за сидящие усы на экран все понимающего, на все имеющего четкий, ясный ответ старого рабочего. Появись он со своими поучительными словами и картина погибла бы». (Возгласы [из зала]: «Позор!»)

И это пишет советский писатель в советском журнале! Нельзя без возмущения читать такие вещи, написанные о старом рабочем в барском, пренебрежительном тоне. Думаю, что тон подобного разговора совершенно недопустим для советского читателя. К тому же в названных мною заметках выражено отношение не только к частному случаю в искусстве, а провозглашен совершенно неприемлемый для нашего искусства принцип. И это не может не вызвать нашего самого решительного осуждения.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 марта 1963 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас получила, наконец, содержательную открытку от Зины – думаю, и тебе она будет интересна. По-видимому, Викины воспоминания об Америке уже там напечатаны, раз сын [нью-йоркского библиотекаря] Лайденберга прочел и написал ему. А в Париже наконец вышел перевод его «Окопов», через семнадцать лет после того, как они вышли у нас.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27-31 марта 1963 г.

Милая Вера.

<...> В библиотеке Академии Наук все были какие-то «щирые украинцы», все больше дочери академиков, профессоров, благовоспитанные, преданные своему делу и очень противному директору [Степану Филипповичу Постернаку], тупому, который все мечтал, чтоб все «адекватно думали», терпеть не мог меня. Из типа бывших инспекторов или директоров гимназии.

<...> Я просуществовала там пять с половиной лет, но в момент особенно «острого украинства» меня выкинули, без права работать в каком-нибудь советском учреждении, а других у нас нет. Выкидывали меня за то, что я хорошо знала украинский язык, но не хотела на нем говорить.

Милая Вера, я было опять вдарилась в воспоминания. Начала рассказывать о всей моей борьбе за эти годы советской власти, против всякого зла, вредительства и пр. Но вспомнила: тебе это будет скучно и неприятно. Ты когда-то написала Вике, что он, мол, не знает «моего темного прошлого». Что ты видишь в нем темного, я не знаю. Что я неудачница, это да! Ну что же, не всем жизнь удастся. Важно чувство собственного сознания: я всегда делала то, что считала правильным и хорошим, жалела людей.

Недаром наш Московский комиссар [Попов, из октябристов,] говорил Крупской: «Не берите ее (т.е. меня) [в машину], это Дон Кихот». Это Надежда Константиновна пригласила меня ехать с ней из Подольска в Москву. Но она его, конечно, не послушалась, хоть и жаловалась потом, что я «пилила ее всю дорогу», т.е. говорила об ужасах, которые тогда творились в деревне, в 1918-м году. Я всю жизнь старалась помочь. Один знакомый говорил мне: «Вы любите униженных и оскорбленных». Нет, я их вовсе не люблю, но я хотела бы, чтоб их не били. А другой сослуживец [(племянник Хавкиной)] говорил: «Вы не обидитесь, С.Н., но когда человек теряет сознание своей выгоды, это называется идиотизмом».

Пятнадцать лет я возилась с Сергеем Васильевичем, которого я никогда не любила, но он был одинок и вот уж абсолютно «терял сознание своей выгоды». И я была рада, что когда наконец он перестал быть нелегальным, поступил на государственную службу, и я не стала больше ему нужна, что он женился и был счастлив двадцать четыре года жизни со своей женой. Это он мне сам сказал в 1950-м году.

Когда в 1918 году я увидела, что мама и Зина плохо ориентируются при советской власти, я бросила свою службу в Москве, все свои вещи там и переехала в Киев, отдавая почти всю себя заботе о семье. Очень тяжелы ведь были эти первые годы после революции. Конечно, я не отдавала себя, как мама, всю целиком заботе о семье. Вероятно бы я дому принесла больше пользы, если бы мирно сидела на своей службе и не боролась все это время против всякого зла и безобразий. Кончалось ведь все это всегда тем, что меня отовсюду выкидывали без права работы в каком-либо советском учреждении.

Но я борюсь всегда не за себя, а за право, против вредительства. <...> Не знаю, мне мое прошлое кажется светлым и честным, почему оно тебе кажется темным, как ты написала Вике, не понимаю. Ты написала мне тогда, что я «груба, мещанственна, завистлива, зла и воображаю, что всех благодетельствую» и что, читая мои письма, ты смеешься, «mais avec mépris» [(«но с презрением»)]. Ну, что же смейся avec mépris. Казалось бы, ты моя родная сестра и лучше других знаешь меня. Для тебя я, конечно, ничего не делала, да ты и не нуждалась во мне.

Но для Зины и ее детей Коли, Вики я делала все, что могла, всю жизнь и особенно эти послереволюционные годы и эти ужасно тяжелые для меня четыре года после маминой смерти. Я отошла от Зины и Вики в 1947-м году, когда они уже были богаты и во мне не нуждались. А я же была всем у них, и кухаркой и уборщицей, да всем вообще. И ведь они были не одни, а окружены своими прихвостнями.

Одна знакомая мне говорила: «Вы жертвенная натура», а другая: «У вас нет никакой личной жизни, вы вся отдаетесь своей семье». Ты думаешь, Зина это замечала? Ни капельки. Она мне как-то сказала: «Ты хочешь всех убить, задавить, задушить».

Вот кого она очень любит и ценит, это свою приживалку [Нину Аль], которая ее обирала и ненавидела. Ты представь себе: когда Зина приходит ко мне (мы ведь обе ужасно болтливы), мы сидим и молчим. Зина знает, что мне интересно все, что ее и Вики касается, и все скрывает от меня. Вот она пишет, что Вики хотят выкинуть из союза кинематографистов, а Зинаида Константиновна [Пискорская], которая вчера провожала меня на кладбище, смеется: «Это не страшно, этого союза еще нет. Могут не принять, когда он образуются». * <...> Зина [в письмах] бодр: «Вика «бодр», вещи его и Эренбурга будут печатать. Паустовский уже напечатан в «Литературной Газете». Вики пригласили на пленум союза писателей». Одним словом: «Все прекрасно в этом мире, лучшем из миров». Вроде Панглосса из «Кандида».**

<...> Вике отдам потом [присланный Вами журнал «L' Oeil» («Око»)]. Теперь ему, вероятно, не до этого. Его ругают всюду и в хвост и в гриву. Ваня Классон писал, что по радио передавали выступление в Москве Дмитерко [на пленуме правления Союза писателей СССР, 26-28 марта?] (мерзавец отчаянный, но поэтому его все боятся, может навредить) и, как Ваня пишет, «поносил Некрасова»***.

Вчера у нас в Киеве было какое-то собрание на заводе «Арсенал». Выезжали украинские писатели, тоже «поносили Некрасова». Но я никак не могу понять, в чем его упрекают. Что он плохого сказал? Что плохого в его очерке о поездке в Италию?

<...> Ваня Классон так обрадовался, что тебе понравился отрывок Андроникова, хотел послать тебе пластинку с его рассказом. Андроников – великолепный актер и рассказчик. Но я ему ответила, что у тебя, наверное, проигрывателя нет, да он и не достал еще этой пластинки.

* Союз кинематографистов СССР, общественная организация (творческий союз), объединявшая деятелей советского кинематографа. Союз был создан в 1965 г на Учредительном съезде кинематографистов СССР (оргкомитет Союза был основан в 1957 г.).

Что касается З.К. Пискорской, то она была дочерью украинского художника Константина Пискорского (1892-1922) и в 1960-е занимала пост литредактора «Украинского ботанического журнала».

** Герой романа Вольтера «Кандид, или оптимизм», чистый и искренний юноша, воспитывается в нищем замке нищего, но тщеславного вестфальского барона вместе с его сыном и дочерью. Их домашний учитель, доктор Панглосс, доморощенный философ-метафизик, учил детей, что они живут в лучшем из миров, где все имеет причину и следствие, а события стремятся к счастливому концу.

*** Любомир Дмитриевич Дмитерко (1911-1985), украинский советский писатель. Печататься начал в 1928-м. Член КПСС с 1943 г. В годы войны работал корреспондентом фронтовой газеты. Редактор журнала «Вітчизна» [(«Отечество»), с 1962 г.]. В 1981 г. В. Некрасов в Париже потопчется на своем недруге (nekrasov-viktor.com/Books/Nekrasov-Lybomir-Dmiterko-i-8-y-s'ezd-pisateley-Ukraini.aspx).

Л. Дмитерко 2 раза попадет в обзор журнала «Посев» – в №31, 1961 и №14, 1963 (есть в Интернете).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3-5 апреля 1963 г.

Милая Вера.

Сейчас ушли от меня Зина и Вика. Говорят, [на улице] ужасно сколько. Вика привел Зину, как в тот раз. Но ведь в тот раз она ушла одна через двадцать минут. Я говорю Вике: «Скажи Зине, чтоб она одна никуда не уходила». Он ей сказал и зашел через полтора часа. Говорить с Зиной невозможно – она глуха и я глуха. Дала ей прочесть твое [из Лозанны] и Любино [из Парижа] письмо. Не знаю, как она их прочла. По-моему, она не все теперь понимает. Все знакомые и незнакомые волнуются выступлением Хрущева против Вики. А Зина говорит спокойно: «Я речь Хрущева не читала и читать не буду». Десятого мая они едут уже в Ялту. <...>

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 10 апреля 1963 г.

(из утраченного письма)

Тетя Соня ни за что не хотела венчаться, но когда она приехала во Франкфурт, ни в один пансион ее и [П.Э.] Класона принять не захотели, даже если бы их поселили в разные комнаты.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-12 апреля 1963 г.

Милая Вера.

<...> С «Огоньком» я Вам послала не «вырезки из газет», как пишет Ульянов, а две целых газеты с выступлением Ильичева и Хрущева. И то и другое выступление очень интересны. В своем выступлении Хрущев несколько раз говорит о Вике, осуждая его. Это настолько серьезно, что волнуются все Викины читатели, волнуются и у нас и за границей (и пишут ему). Я же писала тебе о телеграмме от итальянских писателей: «все эти дни непрерывно думали о тебе». <...> Меня вся эта история после этой омерзительной реплики в «Известиях» ужасно волнует. Я ведь живу так одиноко, что ничего толком не знаю. Слухов всяких много: «Вику хотят выкинуть из Украинского Союза Писателей», «Его выкидывают из Союза Кинематографистов», «Его фильм (за который он получил медаль на международном конкурсе и еще что-то) хотят уничтожить».

Потом [появляется] опровержение: «Нет, уничтожить нельзя, конкурс был международный». Но что Вика сделал и сказал [дурного], я понять не могу. Говорят, похвалил архитектуру Чикаго, а этого хвалить нельзя. Почему?

<...> Сегодня (будет продолжение завтра) в зале Верховного Совета совещание украинской интеллигенции и актива творческой интеллигенции. Съехались со всей страны писатели, архитекторы, художники, музыканты. Будет ли выступать Вика? Что он скажет?

<...> Я пошла к Зине и Вике. Застала одну Ганю. Попыталась от нее что-нибудь узнать. Она как фурия злится, кричит на меня: «Надоело мне все слушать, что Вы повторяете – «Вика да Вика», и без него достаточно людей в Союзе. Что, он один на свете?». Я поспешила уйти. Ганя злющая, презлющая, кажется, недовольна, что я к ним захожу. Она считает меня и всех моих знакомых людьми низшего сорта и сейчас же впадает в бешенство, если я к ним захожу, одна или с кем-нибудь из моих знакомых.

<...> За границей реклама, которую сделал Вике Хрущев, упомянув его в своем выступлении, хоть и отрицательно, пошла на пользу всем его издателям. Викины книги переводятся и издаются всюду. Его очерки об Америке уже вышли там, «В окопах Сталинграда» вышли во Франции, «Кира» – в <нрзб. – Лиссабоне?> (я читала рецензию [действительно, «Kira Georgievna» вышла в Лиссабоне в издательстве Arcadia, 1963]). Его военные рассказы вышли в разных странах. Дурного, конечно, в этом ничего нет. Книги все – хороши.

<...> Заходила [(9 апреля)] Зина. При глухоте нас обеих ужасно трудно с ней говорить. Вика выступал сегодня на этом съезде актива. Завтра, вероятно, будет в газетах. С ним в перерыв пришли к ним обедать два киношника и сообщили Зине, что Вика выступал и очень хорошо. Внешне он говорит неплохо, недаром же все-таки в студии учился на актера: ясно, громко. Когда он, юношей еще, показывался Станиславскому, тот нашел, что Вика лучше читает [вслух], чем играет [роль]. Это было незадолго до смерти Станиславского. Вика прочел ему свой собственный рассказ. Станиславский спросил – кто автор? Вика выдумал какую-то Латышскую фамилию, и Станиславский сказал: «Да, я этого автора знаю» (!?). Это Зина мне рассказывала, тогда еще ей можно было верить, а теперь все путает.

<...> Вика выступал 9-го, но, конечно, в газете его выступления нет. Передавали вчера выступление секретаря Украинского ЦК, где он говорил, что Вика «не признал своих ошибок». Каких? Когда Вика начал выступать (в президиуме сидело все его начальство по партии и Союзу Писателей), стали его прерывать. Вика просил этого не делать. Сказал (так мне передавали), что он коммунист, воевал в Сталинграде за правду, во всех своих книгах писал правду и дальше будет так же писать. После его выступления раздались аплодисменты, не аплодировал только президиум. Так мне передавали.

<...> К сожалению, я не могу найти те выступления Вики, ни нападок на него всех или почти всех писателей Украины. Где-то есть эти стенограммы, но как мне их получить? Сам-то Вика уже двадцать лет со мной не разговаривает. <...> Выпишу тебе в своем переводе [с украинского] то место из речи тов. Подгорного из газеты «Вечерний Киев» от 10-го апреля, которое относится к Вике.

<...> Была Зина. Ничего не слышит, ничего не понимает. По три-четыре раза рассказывает одно и то же. Дала ей журнал «Style» и каталог Skira*, [присланные Вами]. Объясняю, что Ульянов написал мне, чтоб я «Style» прочла, дала кому интересно и затем отдала навсегда Вике. Они были тогда в Малеевке.

Я, считая, что журнал был прислан мне, показала его Киевским знакомым, интересующимся искусством, послала Ване Классону, он прочел сам, дал прочесть своей сестре Кате (она художница, ее картины я видела когда-то в журнале «Печать и Революция»[«Советское искусство», «Красная Нива» за 1927 г.]). Ну, и сегодня вернул мне вместе с другими книгами, которые я ему пересылала.

<...> Отдаю Зине этот журнал и каталог. <...> Вдруг Зина вламывается в амбицию. Как я смела журнал «Style» показать Ване Классону!: «Что же это такое? Мы уже будем получать наши книги окружным путем?!» Я же считала, что это мой журнал, который я могу отдать Вике, когда хочу.

Жить и творить для народа во имя коммунизма

Речь тов. Подгорного на совещании актива интеллигенции и идеологических работников республики, 9 апреля 1963 года.

<...> Наша критика оказалась беззубой, особенно в ее отношении к серьезным ошибкам в творчестве члена союза писателей Украины В. Некрасова, особенно в его публицистических выступлениях.

Что же мы услышали сегодня от Некрасова после серьезной, совершенно справедливой критики во время встречи в Кремле, в прессе, на общественных собраниях? Сделал ли он для себя выводы из критики его идейных ошибок?

* Возможно, что здесь идет речь о некоем архитектурном каталоге, выпущенном итальянским издательством Skira.

Очевидно, участники собрания убедились, что выводов он для себя не сделал, ничему не научился и, возможно, не имел к этому никакого желания. Он считает, как все это слышали, признание своих ошибок неуважением к себе, как к писателю и коммунисту. Более чем удивительно слышать такое от человека, который считает себя коммунистом!

Далее тов. Подгорный подробно анализирует путаное выступление Некрасова, такое же беспринципное, как и его писанина последних лет.

Вы тут заявили, говорит оратор, обращаясь к В. Некрасову, что вы писали правду, настоящую правду, за которую вы воевали в окопах на Волге. Это было бы хорошо, и все мы советуем так писать.

Но пока мы видим иное. Вашу книгу «В окопах Сталинграда» буржуазные издательства не печатают*, а произведение «Кира Георгиевна» и некоторые другие ваши произведения, написанные в последние годы, как говорили тут выступающие, печатают охотно, относя их к арсеналу буржуазной пропаганды.

Естественно, возникает вопрос, за какую же правду вы стоите теперь, т. Некрасов? От вашего выступления и идей, которых вы придерживаетесь, воняет мелкобуржуазным анархизмом. А этого партия и народ терпеть не могут и не будут. Вам, тов. Некрасов, нужно серьезно об этом подумать. Удивительно, что до сих пор никто из критиков и писателей Украины не выступал с основательной и принципиальной критикой произведений В. Некрасова и его идейно неправильных взглядов. Об этом следует напомнить еще и потому: некоторые из руководителей Украинского Союза Писателей считают, что писательская общественность не несет никакой ответственности за ошибки того или иного писателя. Такое мнение мы считаем неправильным. Мы вполне разделяем мнение [рабочих] «Арсенала»: они считают Союз писателей ответственным за идейно неправильные произведения своих членов.**

* Насколько мне известно, «Окопы Сталинграда» напечатаны в Англии, Франции, Италии. – Примеч. С.Н. Мотовиловой.

** «Софья Власьева», по-видимому, дала команду СМИ широкомасштабно мочить Виктора Некрасова. Вот как это выглядело, например, в «Литературной газете» от 13 апреля:

Служить идеям коммунизма

В Киеве состоялось созванное ЦК Компартии Украины совещание актива творческой интеллигенции и идеологических работников республики. Свыше тысячи человек собралось в сессионном зале Верховного Совета УССР, чтобы продолжить начатый в Кремле большой всенародный разговор [так фальшиво обозначалось заранее подготовленное и срежиссированное сборище совписателей и партфункционеров! – МК] о литературе и искусстве, о духовном богатстве советского народа.

Совещание открыл член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины Н.В. Подгорный. С докладом «Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС, декабрьского Пленума ЦК КП Украины и задачи идеологической работы в республике» выступил секретарь ЦК КП Украины А.Д. Скаба. Затем начались прения, в которых приняли участие писатели О. Гончар, Д. Павлычко, Н. Винграновский, А. Малышко, Н. Рыбак, В. Некрасов, И. Рядченко (Одесса), Б. Котляров (Харьков), М. Бажан, В. Козаченко, композиторы К. Данькевич и Г. Майборода, художники В. Касиян и А. Пащенко, кинорежиссер Т. Левчук, народный артист УССР С. Козак, секретари промышленных обкомов партии В. Маланчук (Львов) и В. Бойченко (Киев), секретарь ЦК ЛКСМУ Ю. Ельченко, ответственный редактор газеты «Правда Украины» Н. Белогуров, искусствовед В. Кудин, забойщик шахты им. XXII съезда КПСС А. Сухопара (Луганск), учительница М. Жукова (Запорожская обл.), колхозница Л. Молдаван (Черновицкая обл.).

Серьезной критике были подвергнуты некоторые литераторы, в частности В. Некрасов, допустившие в своей работе идейные срывы. Участников совещания не удовлетворило выступление В. Некрасова, в котором проявилось непонимание ошибок, сказавшихся в его последних произведениях, неумение правильно, с марксистских позиций оценить отдельные факты, нежелание серьезно прислушаться к справедливой партийной критике. <...>

С большой речью о задачах украинской творческой интеллигенции и работников идеологического фронта обратился к участникам совещания <...> Н.В. Подгорный, призвавший украинских писателей, художников, композиторов, работников театра и кино высоко держать знамя социалистического искусства, свято выполнять долг помощников партии.

*Виктор Некрасов на трибуне в Верховной Раде УССР
на Совещании идеологических работников, 9 апреля 1963 г.:
«Я писал и буду писать правду, ту правду, которую мы защищали в окопах на Волге!»*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 апреля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Мой «мальчик» [(А.Е. Парнис)] вчера пришел за адресом Кати Классон, встретил какого-то ее бывшего поклонника (был проездом из Ялты в Киев), который думал, что она умерла, и очень обрадовался, что она жива. Поклоннику шестьдесят пять лет (учился вместе с Маяковским во ВХУТЕМАСе*), а Кате, кажется, пятьдесят шесть лет [Е.Р. Классон родилась в 1901 г. – МК]!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 апреля 1963 г.

Милая Вера.

<...> В пятницу [19 апреля], кажется, было открытое партсобрание Украинского Союза Писателей. Моя соседка, вдова писателя была на нем. Сказала, что Вика очень хорошо выступал. Что Корнейчук очень хорошо говорил о нем: «наш глубокоуважаемый Виктор Платонович Некрасов», «высокоталантливый» и т.д. Что из старых украинских писателей против Вики никто не выступал. А так, какие-то мелкие писатели нападали на него.

Что Вика говорил очень хорошо, сказал, что он понимает партийную критику, но не хулиганскую (?). Что Вике аплодировала галерка (в тот раз весь зал кроме президиума, ну, а теперь галерка). <...> Ну, я подумала, авось, эта история уже кончилась, а то Вику ежедневно вызвали в Союз писателей и «прорабатывали».

* В.В. Маяковский в 1911 г. был студентом Строгановского училища живописи, ваяния и зодчества, но ничего значительного не создал. Лишь в 1919-21 гг. в «Окнах РОСТА» рисовал плакаты со стихотворными текстами агитационного характера (за три года им было создано около 1100 «окон»). А ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) был создан в 1920 г. путем объединения первых и вторых Государственных свободных художественных мастерских (образованных ранее на основе Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества).

Но затем пришла Зина и говорила все наоборот. Что больше всех на Вику нападал Корнейчук (а в Москве – его жена Ванда Василевская), что никто не говорил за Вику. Все его «друзья-литераторы» предпочли в это время не быть в Киеве. Бажан, бывший председатель Союза писателей (Вика был тогда его заместителем), а теперь он, кажется, глава [общества дружбы] «Украина-Италия», тоже на собрании отсутствовал.

В Италии он проявляет свою дружбу с Викой, а тут – все-таки лучше [занять позицию]: «моя хата с краю, я ничего не знаю». До чего противны эти люди! Ну, это, конечно, мое мнение.

Бажана этого я никогда в жизни не видала, нет, как-то слышала его. Он, поэт, читал свои стихи. Он культурнее других, сейчас возглавляет редакцию украинской энциклопедии. Я дала переснять Викин [фото]портрет, где он снят в Италии вместе с Бажаном, но велела, конечно, чтоб был один только Вика.

<...> Вот «мальчишка» встретил какого-то художника, а оказалось, что он был когда-то влюблен в Катю Классон. «Мальчик» приходит и спрашивает [меня]: «У Вашей кухни был брат Павлик?» – «Был». Это младший тети Сони сын. Я написала об этом Ване Классону, а он ответил, что когда Катя училась в каком-то Вхутемасе [(в 1919-23 гг.)], к ней приходили ее товарищи-художники и Павлик (ее брат) возмущался: «Опять твои дегенераты пришли». Это был, очевидно, период всяких футуристов, кубистов и пр.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 апреля 1963 г.

Милая Вера.

<...> По дороге [от меня] к Зине зашли [с ней] к двум нашим старым знакомым [(одной восемьдесят восемь лет, другой – пятьдесят шесть)]. <...> «Старушки» очень обрадовались Зине, больше всего они мечтают видеть Вику. Они его, особенно восьмидесятивосьмилетняя, давно обожают, а теперь уж он такой герой, все от него в восторге. Они уверяли, что на концерте, где были Зина с Викой, вся публика в антракте показывала на Вику: «Это – Некрасов». Говорят, он – самое популярное лицо сейчас в Киеве. Но, оказывается, не только в Киеве. Тут приезжала из Новосибирска ученый-физик, все ее товарищи физики просили Вике передать, как они любят его книги, и чтоб он и дальше писал, как пишет теперь.

<...> У Зины, когда я пришла, твое письмо пропало! Потом пришел Вика и нашел. Но сперва она мне дала старое письмо – по ошибке. Все путает. Я сказала Вике, что по просьбе Ульянова отдала ему (Вике) два журнала Le Style и L'Oeil, когда они мне не стали нужны. И пусть он тебя поблагодарит (я-то уже благодарила). Но он ведь ничего не отвечает. Дала мне Зина в руки мои часы, которые они относили чинить. Те часы, которые мама мне привезла из Швейцарии в 1928-м году. Вышла от них, села на бульварчике, который теперь идет вдоль Крещатика прочесть твои письма Зине.

Но тут у меня случилось несчастье – исчезли часы, ни на руке, ни в сумке нет. <...> Сказала Вике [из телефона-автомата], чтоб искали мои часы. <...> По приходе домой часы я нашла в пакете с пирожками, которые по дороге купила! Опять начала звонить Зине, телефон не отвечает. Позвонила их друзьям. Оказалось Викины «благодарные читатели» до такой степени непрерывно звонят ему, что он распорядился, чтоб никто к телефону не подходил!*

* Перед этим З.Н. Некрасова в ответ на просьбы сестры дать почитать письма читателей заявляла: их приходит так много – до двадцати пяти в день, что лучше их «просматривать на месте».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6-7 мая 1963 г.

Милая Вера.

<...> Нравится тебе Викина «Кира [Георгиевна]», т.е. книга в целом? Мне, конечно, нет. Я вполне согласна с Ульяновым, что это не роман, а только «схема романа», и почему столько крика и шума из-за нее?! Просто понять не могу.

Из всех стран света, где она напечатана, идут хвалебные статьи, ну, а у нас ее ругают: «Таких, мол, женщин у нас нет». Чепуха какая-то. Сколько угодно гораздо худших – и у нас, и за границей. Такой, какой-то уж разврат, особенно в американских романах.

<...> Завтра восьмое, день маминого рождения. По старому [стилю] это было 25 апреля. Я еще помню, как это было при папе. Мама была в белом платье из вышивок, очень красивая, и папа подарил ей золотой браслет с жемчугом. При немцах мы вынуждены были его продать. Мы продали тогда почти все наши драгоценности, ну, а то, что не продали, сгорело, так как уходя немцы сожгли наш дом. До чего я ненавижу войну!*

* Все же на сайте «Памяти Виктора Некрасова» можно полюбоваться медальонами в виде лиры (с фотопортретами Алины Антоновны и Николая Ивановича Мотовиловых):

Карикатура на Виктора Некрасова «И нашим, и вашим»
в журнале «Перець» (Киев, 1963, №10, май)

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-14 мая 1963 г.

Милая Вера.

<...> Вика никогда не бывает на могиле бабушки, а на могиле Женьки, Сацихина сына, бывает. Тут на его счет и ограда, и памятник хороший поставлен. Тут он платит за уход, а о маминной могиле и знать ничего не хочет. Ограду мы поставили с Зиной вдвоем, она стоила тогда 2 000. Я тогда еще работала, и мы с Зиной дали по тысяче, ну, а на памятник у меня уже денег не хватало. У них денег было сколько угодно, за одно издание «Окопов» Вика получил 65 000, а их было у него до тридцати. Были, конечно, издания и дешевле.

Ну, а памятник, который я хотела заказать, Зина и Вика не хотели. Ужасно противно было этого добиваться. Приходили на могилу Викины друзья, рекомендовали не ставить. Противно, когда чужие люди в ваши интимные дела, как могила матери, вмешиваются! Бр! Я все-таки настояла, и хоть плохенький, но все-таки какой-то памятник есть и стоил он тогда всего 1 500, теперь это было бы 150 руб.!

Если бы у меня были деньги, я бы и папин памятник в Симбирске восстановила. В 1950 году, **когда мы с Зиной туда приезжали, то оказалось, что** был украден только мраморный крест, а глыба серого мрамора, на котором он стоял, еще была. Надо было только поставить ограду и крест на ней. Но у меня же не было денег. Для чужих Зина и Вика готовы все сделать, но для своих – ничего.

В прошлом году, как раз 27 марта, в день маминой смерти, Зина была на похоронах довольно малознакомого инженера Константинова. Естественно было зайти и на мамину могилу, но Зина не зашла. Зато она очень гордилась тем, что их венок Константинову был самый лучший. Для чужих – все что угодно, а для своих...

<...> Зина ничего не слышала, говорит, что ни в какую Москву Вику никто не вызывает и он не едет, а они летят 10-го в Ялту. Поживем – увидим. Или я все равно ничего знать не буду, от меня все скроют.

Маринетти под Сталинградом был взят в плен*

13-V-63

Киев, ул. Горького 38 кв. 7

Многоуважаемый Давид Давидович.

Помните, когда Вы были у нас в Крыму в 1956 году, мы обменялись с Вами несколькими письмами. Вы тогда удивились, что [итальянский футурист] Маринетти был у нас в плену. Перебираю сейчас мои старые письма 1953 года от одного юноши, которого я знала, тогда он учился в Киеве в университете на архивном факультете.** Он всё приставал ко мне, чтобы я подарила (!) мои 3 картины Бурлюка. Но и тут он опять пишет. Всё еще висят ли у меня «Бурлюки» и не хочу ли я их ему подарить? Пишет, что на основании архивных материалов он написал повесть о Маринетти, назвав ее – «Случай в Сталинграде». Была ли она напечатана или нет – не знаю.

Просит меня указать ему, где он может достать портрет Маринетти или рассказать ему, какой он на вид. Я его видела, вероятно, тогда же когда и Вы, в Петербурге в 1913 году. Письмо этого моего знакомого от 1953 года, и вот что он писал тогда.

«Филиппо Томазо Маринетти инспектировал 8-ую Итальянскую армию под Сталинградом и в ноябре 42 года попал в плен Красной армии. Есть приказ [фильд]маршала Паулюса, в котором упоминается о Маринетти. Находясь в плену, Маринетти жил во время войны на Урале, в городе Асбест. Дальнейшая судьба его неизвестна».

Я думаю, что может быть Вам будет интересно. Мне Маринетти никакого интереса не представляет, и его левизна тогда в 1913 г. показалась отвратительной. Что-то было вроде восхваления войны. Итальянцев я вообще люблю, не раз жила в Италии до 1913 г., но Маринетти мне антипатичен. Кстати этот юноша, когда был в Киеве, рассказывал мне, что у какого-то украинского писателя видел вышедший в Америке журнал, как я поняла, на русском языке, где было Ваше стихотворение по поводу победы под Сталинградом. Показать его он мне никак не мог. Может быть Вы <нрзб., не то – прислали, не то – переписали> это стихотворение?

* Письмо С.Н. Мотовиловой Д.Д. Бурлюку приводится по издававшемуся им вместе с женой Марией Никифоровной журналу «Color and Rhyme» (1964, №55).

Следом за оным было напечатано и письмо без даты, от сестры Веры Николаевны:

Лозанна, 22 Мон Репо Швейцария

Многоуважаемый Давид Давидович

Я получила посланный Вами пакет с несколькими номерами Бюллетеня из Музея, которым заведует Ваша жена, с несколькими репродукциями в красках Ваших картин и с другими публикациями по вопросам искусства. Всё очень интересно, и я благодарю Вас искренне за этот подарок. Тот номер, который Вы отметили для [Лозаннской] библиотеки, будет, при случае, туда передан. Еще раз – большое спасибо, и примите выражение моего уважения Вам и Вашей жене.

Вера Ульянова

** Старейшая кафедра архивоведения и специальных областей исторической науки более 60 лет работает на историческом факультете Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. До середины 1990-х она оставалась единственным центром подготовки специалистов архивного дела! – Из Интернета

На днях ко мне зашел Александр Ефимович Парнис (Вы его знаете) и принес мне газету, которую Вы ему прислали. Я была сильно поражена, увидев среди художников[– [учеников](#)] Бурлюка, картины которого были выставлены в этом году в каком-то Музее в Нью-Йорке (название музея забыла), фамилию <[неразборчиво – имя Лизы Эпштейн?](#)>. Я ее хорошо знала с 1896 года. Училась в гимназии с ее сестрами [[Леной и Соней Гефтер](#)], а с ней, в те же годы, встречалась на Курсах в Москве, где мы слушали лекции. И я, и моя мать бывали у нее [[позже](#)] в Мюнхене, я знала ее мужа врача [[Мячеслава Эпштейна](#)], немецкого социал-демократа, знала и сына, тогда он был еще мальчиком. К ее живописи все относились довольно скептически.

Как-то, когда Лиза Эпштейн и моя семья жили в Париже, Лиза назначила маме свидание в Лувре, где она делала копию какой-то картины. Копия была очень хороша, и мама с изумлением воскликнула: «Как вы можете по-настоящему писать!» Лиза смеется и говорит: «Могу».

В 1950 году я послала Лизе письмо на ее женевский адрес, хотела узнать адрес ее сестры [[Софии](#)], моей бывшей подруги (жены сперва поэта Яффе, а затем Соловейчика). Ответа я не получила, а из Вашей газеты узнала, что Лиза умерла в 1936 году. Не напишете ли Вы мне о ней, то, что меня особенно интересует – Ваше мнение о ее живописи?

Меня просят (для чего – я не знаю) записать всё, что я помню о Вас. Вероятно кто-то пишет Вашу биографию или что-нибудь о футуризме. Мне хотелось бы уточнить некоторые факты. Я написала Никифорову, в ответ он прислал мне Ваш журнал по-русски ко дню Вашего юбилея.* Но мне это очень мало дало. Не пришлете ли мне некоторую канву Вашей жизни? Не всё мне понятно. Как Вы уехали, кажется в 1922 году?

В автобиографии Грабаря, насколько я помню, сказано, что в США была [[в 1920-е годы](#)] какая-то наша художественная выставка, на которую поехали двадцать наших художников (среди них и Коненков), ну а вернулись обратно только двое, сам Грабарь и еще кто-то.

Я думаю, что с этой группой уехали и Вы. Но, оказывается, Вы уехали с женой и двумя сыновьями. Когда это было? Бежали от голода? Какой-то завмаг, которому я хотела дать продать Ваши картины (когда мы очень нуждались), сказал, что Вы в США прекрасно зарабатываете, там женились на какой-то миллионерше. Очевидно, это неверно? Женились Вы еще в России?

Не скажете ли Вы мне, в каком году была выставка Ваша в Самаре (где я купила Ваши картины)? Я там жила год с 1916 по 1917, когда переехала в Москву. Было ли это до или после революции 1917 года? Мне 82 года, и вспоминать всё, что было 50 лет назад, довольно трудно.

Я еще в 1956 году Вам писала, как видела поразившую меня картину на выставке в Петербурге. Это была большая картина, на ней какие-то линии (?), или ноты. Увидев ее, я воскликнула: «Как это похоже на Бурлюка!». (Очевидно, Вас раньше где-то видела, а мне казалось, что я Вас видела впервые на лекции Чуковского в 1913 г., осенью.) Подруга моя Свешникова прочла тогда в каталоге – «Автопортрет». Выставка эта была на Невском, если идти от Адмиралтейства, на правой стороне. Картина была в первой комнате. Александр Ефимович говорит, что по-видимому это было в 1907 г. на выставке «Венок» или в 1910-м – салон Издебского.

* Николай Алексеевич Никифоров был хранителем Литературного музея в Тамбове, где имелось много картин Д. Бурлюка. Что касается «журнала ко дню юбилея Д. Бурлюка», то автор сих комментариев лицезрел в РГБ другой спецвыпуск «Color and Rhyme» (№57 за 1964-65 гг.) с дарственной надписью Давида Давидовича тогдашней «Ленинке» от 20 января 1965 г. и рукописным же пояснением на обложке (где изображено «Древо рода Бурлюков»): «Опубликовано в честь 82-летия великого художника и поэта Бурлюка ([sic! – МК](#))». Значит, выходил спецвыпуск и к 80-летию «великого художника и поэта».

Вы не можете этого вспомнить? Куда делась эта картина?*

В ваших воспоминаниях о поездке в СССР [в 1956 году] рассказывается, что Вы были у Чуковского и ждали Пастернака, который не пришел [потому что недавно похоронил сына]. Мне говорили, что как будто бы, в начале футуризма, Пастернак принадлежал к враждовавшей к Вам группе. В начале 1918 г. на квартире поэта Амари состоялась встреча «отцов и детей» русского футуризма. На этой встрече присутствовали старшие символисты и представители новой поэзии. Маяковский, Пастернак, Цветаева. Вы выступали, Маяковский читал «Человека». Как эти молодые относились друг к другу? Не напишете ли об этой встрече?

Пастернака я знала по 1918 год, когда работала в Комиссариате Народного Просвещения в Москве, в отделе государственных библиотек. Заведующим нашим отделом был Брюсов, а секретарем одно время Пастернак. Я с ним мало сталкивалась, там он был тогда эмиссаром и больше разъезжал по помещичьим имениям, описывая библиотеки. А Вы хорошо его знали? Может быть расскажете Ваше впечатление о нем?

Простите такое длинное письмо. Передайте сердечный привет от меня Марии Никифоровне, которую я знаю по Вашим портретам. С. Мотовилова

Меня просят передать, что в начале мая умерла первая жена поэта [Бенедикта] Лившица – Вера Вертер, кузина Андрея Белого. Я знала других кузин Андрея Белого – Кистяковских и от них слышала об этих кузинах Жуковых. Все уже глубокие старухи.

Сейчас с большим увлечением читаю воспоминания второй жены Бальмонта. Их почему-то у нас не печатают, а мне они ужасно интересны. Наша эпоха. Читаю по машинописи. Это дала моей сестре [Зинаиде] дочь Бальмонта – Бруни по мужу.**

* Известно пять выставок «Венок» (первая – в Москве, остальные – в Петербурге). Первую выставку «Венок» («Стефанос») организовал М. Ларионов в конце декабря 1907 г. (с участием Д. Бурлюка). В другой выставке «Венок», открывшейся в конце марта 1908 г., Д. Бурлюк не участвовал. В конце апреля того же года Н. Кульбин организовал выставку «Современные течения в искусстве», где экспонировались и вещи группы «Венок» (в том числе Д. Бурлюк). В конце марта 1909 г. открылась выставка «Венок–Стефанос», устроенная Д. Бурлюком и А. Лентуловым. И, наконец, 19 марта 1910 г. состоялось открытие выставки, объединившей группы «Треугольник» и «Венок». – Н.И. Харджиев. К 100-летию со дня рождения Давида Бурлюка (ka2.ru/reply/khardzhiev.html).

Судьба большой картины «Автопортрет» (до 1910 года) в Интернете не просматривается...

** Речь идет о второй жене Константина Бальмонта – Екатерине Алексеевне Андреевой (1867-1950) и их дочери Нине (1901-89). В 1916-1920 гг. Нина Бальмонт жила в Миасском заводе, куда приехала с матерью. Е.А. Андреева решила показать дочери «дикие места» России, ее красоты, озера, горы и леса (муж К.Д. Бальмонт, еще до этого «географического расставания», в начале 1900-х завел роман с очередной красавицей – Е.К. Цветковской, которая родила ему в 1907-м очередную дочку; некоторое время «жил на две семьи»). После революции 1917 г. Нина Бальмонт жила в Миассе, в 1919 г. окончила Миасскую гимназию и в этом же году вышла замуж за художника Льва Бруни. В 1920 г. уехала с семьей и матерью в Москву, работала переводчицей в различных издательствах, родила семерых детей. Отец К.Д. Бальмонт в 1920 г. вместе с третьей женой Е.К. Цветковской окончательно эмигрировал из России (в 1906-13 годах он жил за границей лишь «временно», в 1914-м Империалистическая война застала его в Париже).

Будучи уже в солидном возрасте, Нина Бальмонт-Бруни делится с журналистом воспоминаниями об отце. «Я постоянно вспоминаю об отце, читаю его стихи, разглядываю фотографии», – говорит Нина Константиновна [в документальном фильме «Семейный альбом»]. Вспоминает она и о своем детстве, которое неразрывно было связано с отцом, детскими шалостями, стихами. А самым ярким детским впечатлением остался поход вместе с отцом в лунапарк, где был один забавный аттракцион: на прилавке стояла дешевая фаянсовая посуда, и ее разрешалось бить. Дурное настроение исчезнет, считали поэт и его дочь, ведь посуда бьётся к счастью. – Из репортажа с «Дня матери», прошедшего в Литературно-краеведческом музее К.Д. Бальмонта в Шуе 22 ноября 2013-го, где школьники просмотрели упомянутый фильм «Семейный альбом»

А что еще оставалось делать дочери, как не предаваться обрывочным детским воспоминаниям о бросившем их с матерью отце?.. Что касается «ужасно интересных воспоминаний» Е.А. Андреевой-Бальмонт, то они выйдут в 1997 г. на 600 страницах, правда, тиражом всего 5,1 тыс. экз.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 мая 1963 г.

Милая Вера.

<...> И вообще, я не люблю ретроспективной критики. Ведь критика тогда имеет смысл, когда она борется против чего-то. А вот у нас до ретроспективной критики очень падок Корнейчук. По-моему, он попросту подхалим. Когда он выступал против Вики и когда после Викиного выступления слышались аплодисменты, он сказал: «Что это вам, театр? Причем тут аплодисменты?».

А когда я была в этом зале [на каком-то писательском собрании] несколько лет назад, во времена Сталина (вниз меня не пустили, я была в валенках, пустили на хоры, а у нас очень следят за приличием), всякий раз, как произносили имя «Сталин», раздавались бурные аплодисменты, и весь зал вставал. Меня-то не было видно, но я взглянула вниз. Зина сидит в первом ряду, не двигается и не аплодирует.

Почему же тогда Корнейчук не сказал: «Это вам не театр. Причем тут аплодисменты?»? Я терпеть не могу это выражение – «культ личности». Ну, причем тут «культ личности»? Подхалимство, и больше ничего.

<...> По поводу «культа личности». В 1950 году, когда мы с Зиной были в Москве, мы поехали посмотреть имение Аксакова под Москвой. Входим в его дом, и перед нами, во всю стену – портрет Сталина. Ну, причем тут портрет Сталина?

В 1934 году я попала на первый съезд писателей. На здании бывшего Благородного собрания (теперь говорят: Колонный зал Дома Советов) висели, на красном кумаче, два плаката. Один – изречение Горького, другой – изречение Ленина. На третий день прихожу, висят уже три плаката. Посередине – изречение Сталина, по бокам – Горького и Ленина. На картинах вообще изображалось так: Ленин вопросительно смотрит на Сталина. Ну, причем тут «культ личности»? Подхалимство [это] и все!

Посередине – цитата из М. Горького:

(«Правда будущего – проста и ясна. Литератор-пролетарий должен ставить своей целью именно простоту, ясность, четкость»),

а цитата из И. Сталина – справа:

(«Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм»),

цитата же из В. Ленина действительно сбоку, слева:

(«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды»)

Когда Вика написал статью тогда [в 1940-х], о выставке, и осудил картину, где на первом плане был изображен Сталин, а за ним свита, ни один журнал не соглашался это место печатать. Статья-то вышла, но критики этой картины, с художественной точки зрения, конечно, не было.*

<...> Вопрос с «письмами читателей» Вика с Зиной решили так. Из сотен писем, которые Вика получил от читателей и писателей, [для меня] выбрали 26 самых незначительных, от совершенно неизвестных лиц <...>. Ни одного от писателей. Это они боятся, что я кому-нибудь что-нибудь скажу и кого-то скомпрометирую [выраженной в письме] симпатией к Вике, например, Солженицына. Faute de mieux [(за неимением лучшего)] я и этим письмам рада. Выпишу, что мне интересно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 мая 1963 г.

Милая Вера.

<...> Когда Зина уезжала, я написала записку для Гани, чтоб она выдавала мне все их книги и журналы, которые я захочу видеть. Зина записку подписала, Гане сказала, что я могу брать все что хочу. Ну вот, я беру «Литературную Газету» и по требованию Гани возвращаю им. Вышла в «Правде» статья Твардовского, ответ какому-то американскому журналисту. Статья препаршивая, но я хотела ее тебе послать. Купить этот номер «Правды» я сама не успела. Я говорю Гане: «Ведь они же эту статью давно прочли в Ялте». Уперлась: «Не дам». Ну и чорт с ней.

Заметь, когда у них жила приживалка [Нина Аль], она вскрывала все их письма, раздавала кому хотела их книги и журналы, пересылала им только те письма, которые хотела. И один раз была целая история: Ганя принесла мне, а я сейчас же переслала Зине, письмо [ее швейцарского коллеги] Paul Thillot.

[Затем] Зина прислала мне письмо (после доноса этой дрянью), с какой стати Ганя передала мне письмо Paul'a Thillot? А Ганя тогда (по-моему, разумно) решила, что все письма из Лозанны надо раньше мне показывать. Приживалка кричала: «Это же не от Ульяновых, а от Павлика!» Какой он ей Павлик!?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22-24 мая 1963 г.

Милая Вера.

Не понимаю, почему у тебя нет потребности с кем-то говорить, кому-то что-то рассказывать, делиться своими впечатлениями? У меня, увы, эта потребность, под старость, развита сверх всякой меры. Этот нахальный мой «мальчишка» [(А.Е. Парнис)] говорит, что он для меня – «словоотвод». Люди, которые живут живой жизнью, не понимают, что значит полное одиночество. Я уже тебе писала, что [муж Софьи Гефтер] Соловейчик тоже нахально заявлял, что я хочу дать стенографический отчет того, что было со мной. Я тебя несколько раз спрашивала, но ты (так же как Зина) никогда не отвечала на вопросы. Нравился ли тебе Соловейчик? Мне, конечно, нет. Типичный буржуа. Но влюблен он был в Софию Гефтер до безумия. Я видела его в Мюнхене, когда они еще не были женаты. Помню, как поздно вечером мы были с Гефтер на даче под Мюнхеном, я [уже] шла к себе, а он мчался к Гефтер под проливным дождем. Меня не заметил. Так я и не знаю, жива ли Гефтер, обе они – Елена и София. Из журнала, присланного Бурлюком, знаю, что Лиза Гефтер умерла в 1936 году. Мама ее очень любила. Из Гефтер она была, конечно, самая яркая.

* Как мы уже отмечали, речь идет о выступлении Виктора Некрасова в газете «Труд» за 3 января 1948 г. – «Мысли о выставке» и о «контрвыступлении» Всеволода Иванова в Литературной газете за 10 января того же года – «Далекое и близкое». См. очерк «Виктор Некрасов в разных измерениях».

А Всесоюзная художественная выставка проходила в Москве в конце 1947 года.

<...> Я тебе уже писала, что у Вики почти все его друзья – евреи, сам он говорит с ужасно еврейским акцентом. Это даже евреи замечают. Он как-то шел в гости к своему переводчику на итальянский, еврею, и тот попросил: «Моя мама очень обидчива, не говорите с таким ужасно еврейским акцентом!» Он думал, что это Вика нарочно евреев изображает, а Вика иначе говорить не умеет.

Зина и Вика в их юдофильстве прямо комичны. Зина рассказывает: «Вика был сегодня на кладбище». Знакомая спрашивает: «На каком, на Байковом?» Зина с достоинством отвечает: «Вика бывает только на еврейском кладбище». Зина, как и я, забывает все фамилии. Забыла фамилию Маршака и говорит: «Ну, ты знаешь, самый великий у нас писатель?» Я ей шутя отвечаю: «Это у вас, евреев, Маршак самый великий писатель, а не у нас, русских». На Пасху у них сидят гости, и одна из них говорит: «Ну, угощения все русские, а гости все евреи». У нас евреи совсем помешались на антисемитизме, и Зина тоже этим заразилась. Зина мне заявляет: «Твой котенок, кажется, принимает меня за еврейку. Он меня не любит, он – антисемит».

<...> Когда Вика [еще до войны] должен был ехать в Ростов-на-Дону, наша кошечка, Пумочка, упала с пятого этажа. Кажется, кто-то ее из наших соседей [по коммунальной квартире] нарочно бросил (такие звери!) Дворник ее подобрал и принес к нам и отдал в руки Вике. Это было, кажется в сентябре. Кошка, по-видимому, свое падение связала с Викой. Он, кажется, уехал в тот же день.

В апреле или мае [следующего года] Вика вернулся в Киев на три дня менять свой паспорт. Как только его увидела кошка, она перепугалась до смерти и все три дня, когда он бывал дома, пряталась под моей кроватью и не выходила [оттуда]. Перед этим ведь у нас часто бывали Викины товарищи, такие же молодые люди, как он. И никогда она никого не боялась. А как его завидит, так сейчас же прячется.

Судьба этой кошечки была трагическая, как судьба всех наших кошек. После падения у нее было что-то с одной лапкой и, Зина утверждала, с хвостиком. Была большая умница. Жила у нас во время немецкой оккупации, мы голодали, кроме пшена почти ничего не ели – пшенная каша, пшенный суп. И Пумочка ела то же, что и мы. <...> Маме мы все-таки делали к завтраку манную кашу на молоке. Готовая каша стоит уже на столе, а кто-нибудь из нас идет с мамой умываться в ванную. Пумочка сидит на мамином кресле, положив обе передние лапки на стол возле маминого прибора, и никогда к каше не прикоснется. Ждет, когда мама придет. Мама приходит завтракать и дает Пумочке, сколько она хочет. Но у нас тогда были очень мерзкие соседи (в нашей квартире). И воры, и скандалисты. Пумочка иногда ходила вдоль окон [по карнизу] и, очевидно заглядывала к соседке. И эта мерзавка нарочно положила на карниз яд. Это будто бы она травилла крыс. Точно крысы по карнизам ходят?! Пумочка попробовала и умерла.

<...> Боже мой, кто только у нас не жил! При Деникине – какая-то жена комиссара с мальчиком и еще одна еврейская дама.

<...> От Зины [пришла] открытка с изображением Ленина. Совершенно бессодержательная. Почерк неразборчивый, ничего в конце разобрать нельзя, что она пишет о дочери Бальмонта. Тебе послать не могу, раз Зина не хочет. Пошлю Ване Классону, авось разберет, что там про Бальмонта.

<...> Ваня Классон прислал мне №12 «Нового Мира» с Викиной статьей о США, вложил [в бандероль анонимную] «реплику» [из «Известий»] и высказывание Хрущева и еще одну интересную книгу. <...> Ты понимаешь, ведь теперь отдельно Викины «По обе стороны океана» печатать не будут. Говорят, в библиотеках Викиных книг больше не выдают. У Зины и Вики, конечно, были оттиски, но мне они не дали их. Если выйдет на французском или немецком, пришлите мне (если не трудно). В США, очевидно, давно уже вышла, раз сын Лайденберга прислал Вике письмо.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25-26 мая 1963 г.

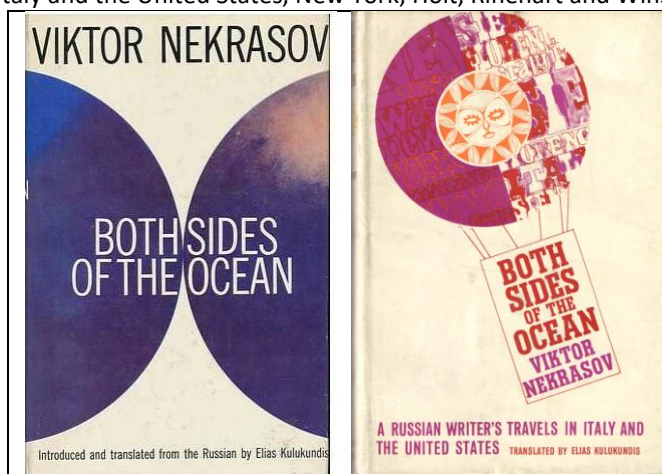
Милая Вера.

<...> Благодарю за чудесные марки. Не знаю, как разделить их между моими знакомыми. Мне сыновья Вани Классона не очень симпатичны. Я несколько раз предлагала его [младшему] сыну меняться марками с моим соседом. Получая мои марки, они хоть бы раз поблагодарили. Ваня Классон очень любит своего младшего сына и очень негодует всегда на старшего – он «инфантилен» и проч. В этом году он должен будет идти отбывать воинскую повинность. Подумай только, четыре года! Его зачислили в подводники, а моряки и подводники отбывают не три года, как другие, а целых четыре. Он в этом году кончает десятый класс в вечерней школе, а уже год как служит электротехником.

Ваня Классон ходил просить, чтоб ему дали кончить школу. Они [в военкомате] сказали, что, конечно, дадут, но это, по-моему, (сказать, что я в этом много понимала, не могу). Увидев интеллигентного отца, они стали говорить, что сыну лучше идти в военное училище. Очевидно, им нужны офицеры.

<...> Не знаю, чем это кончится у старшего сына. А младшего он хочет перевести в какую-то математическую школу, туда большой наплыв, из его класса идут четыре мальчика. Сперва будет какое-то собеседование, а потом решат, кого принять. Мне этот мальчик не очень симпатичен. К ним должен был прийти, с женой и детьми, Соничкин сын. Он у них обычно не бывает. Служит на каком-то заводе техником и только теперь кончил заочный Вуз на инженера, а ему уже тридцать восемь лет. Ну, и мальчишка, сын Ивана Робертовича, заявил, что он уйдет из дома, он не любит родственников. Потом сказал, что он не выйдет из своей комнаты. Как Вика.**

* Все же, как будто бы «По обе стороны океана» выйдут в США лишь в 1964-м (Both Sides of the Ocean; a Russian Writer's Travels in Italy and the United States, New York, Holt, Rinehart and Winston, [1964], xv, 191p.):

** После окончания 8-ми классов в 707-й средней школе «младший сын» «Вани Классона» пробовал поступить в 444-ю математическую школу, но был отсеян из-за большого конкурса. Сюжет с «угрозой ухода из дома, с нелюбовью к родственникам» связан с тогдашней жуткой застенчивостью Михаила.

Когда мы были с Зиной в Москве, в 1950-м году, одна знакомая спрашивает Вику, едет ли он в Москву, а он отвечает: «Там Соня, и я не люблю своих родственников». Москва так мала! А потом его Сациха, очевидно, его выписала, я уже тебе это, кажется, рассказывала. Приезжаем мы с Зиной [перед визитом в Симбирск? – МК], а перед вагоном стоит Вика со своей бандой. И это после того, как я сказала, что еду с Зиной в Москву при условии, что никого из Викиных друзей я не увижу!

<...> Ну, ты скажи, письма сына Лайденберга могли они мне прислать? Вика, описывая его приезд в Киев, все напутал. Был он у нас не в 1922 году, как Вика пишет, а в 1923-м, в тот год, когда мама ездила к тебе в Швейцарию.* И в библиотеке Академии Наук я вовсе тогда не служила, а поступила туда в 1925 году. Это, конечно, не имеет значения.

Прислала его[, старшего Лайденберга] ко мне, конечно, [московский библиотековед Л.Б.] Хавкина. Я встретила его на вокзале и спросила, хочет ли он остановиться в гостинице или у нас, он ответил, что ему интереснее в частном доме. Очень был деликатный, милый человек. <...> Кажется, до последней войны я переписывалась с Лайденбергом. И говорила [с ним], и писала я по-французски, я не решаюсь по-английски говорить.

<...> У моего «мальчика» [(А.Е. Парниса)] от моих воспоминаний каша в голове. Показывает на мою фотографию, где мы сняты в Лейпциге – я, Гефтер (все три сестры), Некрасов, Яффе [(преподавал нам древнееврейский язык)] и говорит, что на ней снят Гредескул! Плохо меня слушает и, вообще, у него в нескольких областях каша. Он путает Кускову и Брешковскую!

Окончание примечания

Что касается «Соничкина сына» Андрея Гарденина, то приведем отрывок из его воспоминаний, который внесет некоторую ясность (см. Приложение «Гарденины»):

Я после демобилизации в 1947-м работал токарем на автозаводе (АЗЛК, или «Москвич»), потом наладчиком, мастером. Когда работал наладчиком, поступил на заочное отделение Московского машиностроительного института, но не смог удержаться в нем: «из-за проблем с марксизмом-ленинизмом». Контрольную работу по теме «Манифест коммунистической партии» я написал. Но преподаватель поставил мне незачет. Однако я не мог понять, чего он от меня хочет – как я должен изложить этот самый манифест. Пришлось мне институт бросить: два раза не смог сдать экзамен по марксизму-ленинизму, хотя немецкий сдал на пятерку (читал и переводил на экзамене «Рейнике Фукс» Гейне – брошюру, напечатанную готическим шрифтом), математику всю сдал, начертательную геометрию – на «отлично». После этого поступил в Московский автомеханический техникум – при нашем заводе – на краткие курсы по вечерам (ведь у меня уже было среднее полное образование – 10 классов). Получил квалификацию техника по обработке металлов резанием. Тогда пошел работать уже технологом.

* Из справки «Harry Miller Lydenberg papers» (archives.nypl.org/mss/1821):

In the Fall of 1923 Lydenberg, then Chief Reference Librarian, undertook a trip to Eastern Europe and the Soviet Union in order to re-establish contacts for the acquisition of library materials that had been cut during World War I and the Russian Revolution. During the trip Lydenberg traveled to Canada; London; Paris; Brussels; Amsterdam; Berlin and Leipzig, Germany; Riga, Latvia; Moscow, Petrograd, and Kiev, Soviet Union; Lwow, Warsaw, and Krakow, Poland; Belgrade; Prague; Leipzig; Paris; London; Edinburgh; and Liverpool. While in the Soviet Union, Lydenberg was accompanied by Avrahm Yarmolinsky, Chief of the Library's Slavonic Division, and his wife.

Из «Хроники» берлинской газеты «Руль» от 16 января 1924 г.:

В Петрограде в настоящее время находится директор центрального отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки Гарри Лейденберг и директор славянского отдела той же библиотеки [Абрам] Ермолинский. <...>

То есть, Г. Лайденберг попал в Киев в начале 1924 года!

<...> Милая Вера. Получила сейчас [(26 мая)] два письма: открытку от Зины и письмо от Исаака [Пятигорского], Викиного друга (хорошего, который для Вики и Зины и, отчасти, для меня все делает). Он приехал из Ялты и пишет: «На днях зайду к Вам и сделаю доклад о Некрасовых, так как был там и видел их. В Ялте очень хорошо, а дом творчества чудесный». Прислал мне, как я его просила, ругательную статью о Вике в Киевской «Литературной Газете» некоего Тарновского. Он прожил пятьдесят лет в Америке (и сорок семь – в Нью-Йорке). Называется статья – «По обидва боки правди» («По обе стороны правды»). Газета, кажется, называется теперь «Литературной Украиной». А статья – от 14-го мая 1963 года, №39.*

<...> Пока что посылаю тебе Зинину сегодняшнюю открытку. Хорошенькие открытки, что я буду одна ими любоваться? Все-таки, тебе развлечение. Я очень рада, что в Ялту приехал Яська [Свет]. Это Викин друг с четырнадцатилетнего возраста. Я тебе писала, как когда они [до войны] поселились в нашем доме (№24, там где Ульянов был у нас), его отец спросил дворника, кто хороший мальчик в доме, с кем бы его сын мог дружить. И дворник сейчас же указал на Вику. Помню, выхожу на звонок и [вижу,] перед нашей дверью стоит этот отец с сыном и рассказывает мне эту историю.

Яська исключительно образован. Я тебе писала, как он юношей колесил по всей стране, выдерживал экзамены в Вузы и нигде его не принимали: сын интеллигента. В это время его, без высшего образования, назначили директором фабрики цветных металлов. Он приезжал к нам в Киев. Единственный «директор фабрики», которого я знала. Читал доклады в Украинской Академии Наук.

Но затем ему повезло. Его отец переехал в Казахстан, и Яську, как «нацменьшинство», приняли в Москве в Вуз. Правда, не на исторический факультет, как он хотел, а на геологический. В аспирантуру [затем] его все-таки не приняли. Но он одно время читал лекции по геологии в Московском Университете. Работает теперь в каком-то издательстве в Москве. Он написал какие-то примечания к какой-то книге, и ему кто-то сказал, что лучше бы он из этих примечаний сделал свою научную работу (на звание кандидата наук).

Я его видела последний раз, когда к нам в Киев приезжали итальянцы, кажется, в 1956 или 57-м году. Вообще, он очень мягкий и симпатичный. Его общество Вике желательно. Я, кажется, о нем тебе уже раз двадцать писала? Я ведь все забываю.

Иногда я тоже спрашиваю у Вани Классона, и он деликатно отвечает: «Да, Вы писали, но теперь гораздо интереснее».

* По-видимому, речь идет о следующем «правоверном коммунисте» (несмотря на его полувековую эмиграцию): *Тарновский Николай Николаевич, поэт. Родился 1 января 1895 г. в селе Коцюбинцы, ныне Тернопольской области. В 15 лет отправился в Америку в поисках заработка; работал на заводах и фабриках. Писать начал в 1914 г. В 1919-1958 гг. член Компартии США. Принимал участие в работе прогрессивной украинской прессы. Первый сборник стихов «Патриоты» (1918) – памфлет против украинских националистов.*

Затем появляются сборники стихов, разоблачающие лицемерие буржуазной демократии, посвященные тяжелой жизни трудящихся в США, в частности украинской трудовой эмиграции, – «Дорогой жизни» (1921), «В коридорах вечности» (1926), «Поэма про Гарри Симса» (1932) и др. Н.Н. Тарновский подвергался преследованиям, тюремному заключению. Вернулся в 1959 г. на родину. Издал стихотворный роман «Эмигранты» (1958) и несколько сборников стихов. Жил в Киеве. Скончался 19 июня 1984 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы Народов, а также медалями. – Некрополи Киева (kiev-necropol.narod.ru)

Кстати, на сайте «Некрополи Киева», в разделе «Байково кладбище» размещена вышеприведенная биография Н.Н. Тарновского, а какого-либо упоминания о могилах А.А. и С.Н. Мотовиловых и З.Н. Некрасовой – нет (кроме того, Н.Н. Тарновский попал в Большую советскую энциклопедию, а В.П. Некрасов – нет)! Мое недоуменное письмо автору сайта Игорю Сердюкову от 11.10.2015 осталось без ответа!! Вот так у нас создается не только фальшивая политическая история, но даже и бытовая...

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2 июня 1963 г.

Милая Вера. Вчера получила твое письмо. Ну вот, слава богу, что ты начала мне писать. Ты находишь, что жизнь у тебя так однообразна, что писать не о чем. А ты пиши о прошлом, как я тебе пишу. Ведь я же фактически с тобой не жила уже лет шестьдесят и ничего о тебе не знаю. Когда ты вышла замуж, мне казалось, что ты с Ульяновым совсем друг к другу не подходите.

Ну, а вышло иначе. Вот уже пятьдесят два года, как Вы женаты, и ты по-прежнему любишь его. Ты так и не написала мне, когда была Ваша золотая свадьба. Знаю, что [вы поженились] осенью или в начале зимы 1911 года, в тот год, когда Вика родился, но числа не знаю и поздравить тебя с золотой свадьбой не могла.

Вот ты пишешь, что ты познакомилась с Ульяновым у [швейцарского коллеги Зины –] Тилло. А ты расскажи, как это было, какое он впечатление произвел на тебя в первый раз, когда ты его встретила. Где Вы встречались потом? Знаю только, что Гоффенберг, который бывал у тебя тогда, очень волновался, что Ульянов на тебе женится. Не любила я этого Гоффенберга. Когда он приходил к нам, я не выходила в столовую, где все пили чай, а сидела в нашей спальне с мамой, а если ты помнишь, другого выхода из нашей спальни не было, и я сидела как взаперти, покуда Гоффенберги (он всегда приходил с женой) не откланивались.*

Хорошая у нас была там квартира (на Владимирской ул., 4), три окна столовой выходили на Десятинную церковь, а сзади – Днепр. И интересно было смотреть на Пасху, как обходили вокруг церкви и святтили куличи и пасхи. В самом начале революции Десятинную церковь зачем-то снесли. Зачем-то снесли и Храм Христа спасителя, золотой купол которого виднелся издали, когда подъезжали к Москве.

Но особенно обидно, что снесли чудесный храм Витберга в Вятке!** Вика, по крайней мере, когда жил там, говорил, что его не видел.

* А.А. Мотовилова употребляла сию фамилию с одним «ф». Из письма дочери Вере в Лозанну от 10-15 сентября 1929 г.: Если [наш общий знакомый] Гоффенберг еще не скоро поедет [из Швейцарии в СССР], то очень попрошу тебя в будущей посылке выслать пару шерстяных чулок спортивных для Вики, с моточком подходящей шерсти для чинки. Прошлогодние уже совсем износились.

А вот «любовный сюжет» с участием Гоффенберга, из дореволюционных воспоминаний киевлянина (эмигрировавшего в 1943-м в Германию-Канаду-США) Анатолия Петровича Беклемишева (см. «Потонувшую Атлантиду» на famhist.ru): [Русская помещица] Надежда Александровна [Мирасхеджи] поехала однажды в Швейцарию. Там она встретила с молодым русским хирургом, проходившим специальную практику под руководством широко известного тогда швейцарского хирурга Ру [Roux].

У Надежды Александровны начался роман с доктором Гоффенбергом. Роман продолжался и в Киеве. Муж Надежды Александровны просил [жену уманского железнодорожного служащего, акушерку] Марию Георгиевну [(услугами которой пользовалась в Умани Надежда Александровна)] повлиять на жену. С другой стороны доктор Гоффенберг обращался к ней, чтобы она помогла ему встретиться с Надеждой Александровной. В конце концов, Надежда Александровна бросила мужа и троих детей и ушла к Гоффенбергу. У Гоффенберга была жена, которая сошла с ума. Так возникла [в Киеве] новая семья.

** Александр (Карл) Лаврентьевич Витберг (1787–1855), русский архитектор и художник, один из основоположников романтизма в русском зодчестве; прославился своим грандиозным, но не реализованным проектом храма-памятника на Воробьевых горах в Москве. По происхождению швед, Витберг в 1802–1809 гг. учился живописи в петербургской Академии художеств у Г.И. Угрюмова, архитектуру изучал самостоятельно. После победы своего проекта на Воробьевых горах вскоре вступил в конфликт с властями и был несправедливо обвинен в финансовых злоупотреблениях, отстранен от руководства постройкой, осужден с конфискацией имущества и сослан в 1835 г. в Вятку (храм же Христа Спасителя позже возвели в ином месте и по иному проекту – К.А. Тона). В Вятке ему удалось приступить к возведению Александро-Невского собора (1839–1864, достроен И.Т. Соловкиным; разрушен в 1930-е); для последнего, по принципу романтической разностильности, был избран стиль готики.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 июня 1963 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня заходила к Гане. Ремонт у них уже окончен. Все уже вычищено и вымыто. Полы еще не натерты. Застала у них жену Викиного друга [Исаака Пятигорского] Еву. Они оба всё для Зины и Вики делают. Но Зина этого даже не понимает.

<...> Зина и Вика, как важные лица, имеют право пользоваться лечебницей ЦЛК. Оттуда уже приходили и спрашивали, отчего они у них не лечатся, и Зина с торжеством говорит [мне]: «А мы их прогнали». Почему? Оттуда бы и скорую помощь прислали и все сделали[, если что случится].

<...> Ева [Пятигорская] сегодня очень горда, что так хорошо вышел ремонт. Увы, я ей не доставила удовольствия и не восхищалась. Я тебе, кажется, уже писала (все забываю), как однажды, это было лет двенадцать тому назад, когда гостиниц у нас было мало, и номера могли получить только командировочные, к Вике нагрянули вторая жена Яськи Света с двумя детьми и нянькой и с четырьмя друзьями (муж, жена, ребенок и нянька). Итого восемь человек! Очевидно, думали: у «лауреата» хорошая квартира.

Ему предлагали четырехкомнатную, но он не захотел. У него все две небольших комнаты, и одна из них проходная. Вика [тогда] не знал, что с этими восемью людьми делать. Зина была на службе. Вика звонит Еве, она предлагает: «Давай мне четырех, а еще четырех оставь у себя» Через несколько минут Ева опять звонит: «Вы там будете по две простыни для каждого выискивать. Давай мне всех восьмерых». Вика всех повел к ней.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16-19 июня 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ваня Классон (и, говорит, и Роберт Эдуардович тоже) очень любит немецкого юмориста Буша. Пошлость невероятная! Вот, например, жена ночью ушла танцевать, возвращается утром, лезет в окно, а ее муж выливает на нее [ночной] горшок с мочой. Ну, что тут может быть остроумного?*

Ване Классону и еще моим знакомым не нравится [писатель] Карваш. А мне он ужасно нравится – это социальная сатира. Боюсь, что тебе не понравится. Ты не знаешь нашей жизни, смешно, когда знаешь, что тут подразумевается.**

<...> Это очень хорошо, что больницы у нас даровые, и кормят там неплохо (даром тоже), но... Невозможно грубый персонал и, вообще, условия [плохие]. Я, например, была там в 1954 году три недели и [как-то] хотела взять ванну. Сказали: «Нельзя, ванна завалена грязным бельем». Ты, верно, читала в «Новом Мире», как Бруштейн описывает операцию (примерно как у тебя снимали катаракту) в институте Филатова. Идиллия! А если бы я свой опыт описала, очевидно, не напечатали бы.***

Ну вот, например. У меня сделалось в больнице сжатие мозговых сосудов (это в 1954-м году). Приходит сестра капать в глаза, девчонка лет восемнадцати, требует, чтоб я сейчас же встала и подошла к ней. Сама стоит в двух шагах от меня, проще подойти и капнуть мне в глаз, когда я лежу. Нет, я не «лежачая», бежит жаловаться докторше. Разъяренная докторша прибегает, но, поняв в чем дело, велит капать, пока я лежу.

* Генрих Христиан Вильгельм Буш (1832-1908) – немецкий поэт-юморист и рисовальщик. За свои популярные сатирические стихи в картинках считается одним из основоположников комиксов. Автор популярных книг для детей «Макс и Мориц» и «Плих и Плюх», известных в России по переводам соответственно Константина Лёдова и Даниила Хармса.

** Возможно, что речь идет о словацком писателе Петере Карваше (1920-1999), в русском переводе были опубликованы его пьесы «Метеор», «Люди с нашей улицы», «Пациент 113», «Патриоты города Ио» и несколько сборников юморесок. Хотя С.Н. Мотовилова соотносит вещи писателя с «нашей жизнью», однако послевоенная Чехословакия действительно стала «нашей», т.е. оказалась в т.н. «социалистическом лагере».

*** Александра Бруштейн. Простая операция. // «Новый мир», №11, 1962.

Моя знакомая, старуха восьмидесяти четырех лет [(которая упала у себя в комнате и сломала ногу)] все говорила мне: «это было давно, теперь совсем другое». Ну, на собственном опыте увидит это «другое». Ей потребовалось подставное судно, и при мне пришлось ждать минут десять, покуда «нянечка» (к ним [больные] подлизываются), соблаговолила его принести.

Когда я лежала в больнице, я даже хотела написать мои личные наблюдения в какой-нибудь медицинский журнал. Да все равно бы не напечатали. Докторша, которая делала какие-то процедуры мне, все приставала ко мне, чтоб я ей «продала» мои часы. Я ей говорю: «Да ведь часов сколько угодно у нас, во всех магазинах». Нет, она хочет швейцарские. Очевидно, хотела, чтоб я ей подарила. Как-то у меня был Зинин [надушенный] платок. Докторша стала восхищаться – какие замечательные духи! Я попросила Зину: «Принеси для нее флакончик». Зина приносит, передаю ей. Она с негодованием: «Почему так мало?»

Но когда за мной в автомобиле приехал Вика с семипудовой Ганей, у которой вид важной «матери ответственного работника», все мои «нянечки» стали страшно любезны: «Сыночек приехал, сыночек приехал». Тьфу! У нас это называется «пережитки прошлого», «веснушки буржуазного быта» или что-нибудь в этом духе. Но ведь, слава богу, сорок пять лет уже прошло с Октябрьской революции, а «пережитки прошлого» не отмирают! Или, например, врач меня [издевательски] спрашивает: «Надо убрать это ненужное украшение?» Я не понимаю: «Какое ненужное украшение?» Оказывается, он так называет мой невидящий глаз. Вызвали к маме [районного] невропатолога. Мама спрашивает, вылечится ли ее нога. И невропатолог отвечает [бесцеремонно]: «Всякому овощу свое время».

<...> Сын [ленинградской] Нины Мотовиловой три года был продавцом в книжном магазине, но затем выдержал экзамен в аспирантуру, будет ученым. На днях к моим соседям прилетала их дочь из Новосибирска на какую-то конференцию физиков в Киеве. Она только что защитила свою диссертацию на кандидата наук. Работает в Новосибирском отделении Академии Наук. Вот это мне нравится: выше ученых у нас никого нет.

<...> Милая Вера, когда будешь писать мне, пожалуйста, не пиши мне на голубой бумаге. У Вас ведь можно и белую достать. Учти, что я очень плохо вижу. У меня ведь уже девять лет тому назад была только четверть зрения. А теперь, верно, и того меньше. А голубые чернила на голубой бумаге мне трудно видеть. У меня была не катаракта, это считается у нас очень простой операцией. У меня лопнул сосуд в глазу, и это непоправимо. Я все обращалась к разным врачам.

Одна мне сказала: «Только время у врачей отнимаете». Я ей ответила: «Если бы вы слепли, тоже бы, верно, стали время у врачей отнимать». Пошла к платной, старой хорошей специалистке. Она посочувствовала: «Ничего поделать нельзя. Это явление старения. У вас лопнул сосуд в глазу, а у меня в ноге». Через несколько времени она умерла, вероятно, из-за этого лопнувшего сосуда. Теперь я боюсь показываться глазным врачам, они рекомендуют [невидящий] глаз удалить. Зачем мне эта травма, когда я, может быть, всего еще полгода проживу?

Следующее письмо я напишу тебе про Соловейчика. Это, может быть, в твоё время, он стал похож на европейца, в моё время он был достаточно невоспитан. Яффе – идейный, преданный сторонник идеи сионизма, а Соловейчик – типичный буржуа.*

* По-видимому, первый персонаж – это поэт, переводчик, редактор, сионистский деятель Лейб (Лев Борисович) Яффе (1876-1948), который с 1897-го по 1901 г. изучал философию в университетах Гейдельберга, Фрайбурга, Лейпцига. Преподавал «в порядке личной инициативы» древнееврейский язык С.Н. Мотовиловой и другим своим знакомым.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21-22 июня 1963 г.

Милая Вера. Посылаю тебе извещение о смерти Гомочки Мотовилова [(14 июня)]. Я все эти годы просила Зину повидать его, когда она бывает в Москве. Ведь в прежние годы, когда Вика ездил в Москву, а денег тогда у него не было, чтоб останавливаться в гостинице, он жил обычно, и один, и с Иончиком [Локштановым], в мастерской Гомочки. И во время первого съезда писателей я тоже жила в его комнате. Он тогда еще не был женат, а сам отдыхал в Крыму, и комната его пустовала.

Но после войны Вика и Зина не пожелали его больше знать. Одно время у него жила тети Анюты внучка [Лена Игнатович]. Тогда жена его писала очень милые письма Зине, но Зина ей, кажется, даже не ответила. Зина, под влиянием Вики, не хочет знать ни наших старых знакомых, ни родственников.

Гомочка когда-то, в молодости был влюблен в Соничку Классон. Это рассказывала мне его мать. Ты помнишь Надежду Кронидовну? А Лена, тети Анютина внучка, рассказывала, что теперь, шестидесятилетним стариком, он постоянно вспоминал Соничку и говорил, что никого лучше ее не знал. Я [еще до его смерти] очень просила Ваню Классона зайти к нему, они бы вспомнили их молодые годы.

Но тот всегда отвечал, что зайдет, когда кончит редактировать биографию [Р.Э.] Классона. Редактировал он ее два или три года, наконец отослал в Ленинград. А теперь редактирует другой, литературный редактор. Зина говорит, что Викины повести редактируют в «Новом Мире» семь редакторов! Ну и по пословице: у семи нянек дитя без глаза! В «Родном городе» [они] выкинули все окончание.

Окончание примечания

Свою «государственную деятельность» Макс Соловейчик начинал в Литве:

В декабре 1918 г. сионистская конференция, состоявшаяся в Вильне, решила послать в состав Литовского Национального Совета трех своих представителей – д-ра Выгодского, председателя Виленской еврейской общины, ставшего министром по еврейским делам, д-ра Самсона Розенбаума, занявшего пост министра по иностранным делам и д-ра Н. Рахмилевича, заместителя министра торговли и промышленности.

Когда вскоре немцы покинули Литву, а в январе 1919 г. красная армия вошла в Вильню, литовское правительство переехало в Кодую. Д-р Выгодский остался в Вильне, С. Розенбаум и Н. Рахмилевич переселились в Ковно. Министром по еврейским делам был назначен д-р Макс Соловейчик, ковенский уроженец и видный сионист. – Из Интернета

Из Еврейской электронной энциклопедии:

СОЛИЭЛИ́ (Солиэ́ли; Соловейчик) Менахем (Макс; 1883, Ковно, ныне Каунас, – 1957, Иерусалим), общественный деятель и ученый. Изучал языки и историю Востока в университетах Германии (в Тюбингене, Мюнхене и Фрайбурге). В Петербурге стал одним из основателей сионистского журнала «Еврейская жизнь» (с 1904 г.). В 1917 г. вернулся в Литву, где был избран в сейм (парламент) и стал министром по еврейским делам (1919-21). На 12-м Сионистском конгрессе был избран в правление Всемирной сионистской организации и переехал в Лондон, но ушел с поста руководителя в 1923 г. из-за разногласий с Х. Вейцманом. Поселившись в Берлине, Солиэли (вместе с И. Гринбаумом, Н. Гольдманом и другими) стал одним из лидеров фракции сионистов-радикалов. В 1923-32 гг. активно участвовал в создании энциклопедий: «Энциклопедия Иудаика» (немецкий язык) и «Энциклопедия Эшкол» (иврит). В 1933 г. Солиэли переехал в Эрец-Исраэль [(в «Землю обетованную»)] и поселился в Хайфе. В 1944-48 гг. возглавлял систему образования ишува [(всего еврейского населения)], а вскоре после возникновения Государства Израиль был назначен директором службы радиовещания «Кол-Исраэль», а затем – председателем ее общественного совета.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 июня 1963 г.

Милая Вера.

<...> В 1913 году я жила в Петербурге у Лидии Михайловны Щетковской, тети Сониной подруги. У меня была там прекрасная комната, платила я недорого, так как занималась французским с ее приемными детьми: Маней, взятой из какого-то подвала, сиротой, и незаконным сыном ее умершего брата [Владимира]. Дети торчали целый день у меня и очень близко к сердцу принимали все мои дела.

Иногда, очень редко заходила ко мне [моя знакомая Софья] Гефтер. Маня [Щетковская] и Лидия Михайловна всегда восхищались ее изяществом, хорошими манерами и элегантным видом. Маня Щетковская старалась так же элегантно закинуть мое облезлое боа [(соболий хвост, боа)], как Гефтер закидывала свое, скунсовое. Раз два за ней заходил [ее жених] Соловейчик. Прислуга принимала его за посыльного. И все удивлялись, как у такой элегантной дамы такой невоспитанный, плохо одетый муж. Горничная Наташа обычно спрашивала моих гостей: «Как прикажете доложить?»

Мои гости были невоспитанны, смеялись и шли без доклада. Но Соловейчика она так не спрашивала. Ведь это же ясно, он не был баринком. Видишь ли, я это ему не ставлю в упрек. Я очень мало придаю значения одежде, внешнему виду и пр.

Недаром я была близка с Сергеем Васильевичем [Андроповым] пятнадцать лет, который выглядел нищим.* Он сам рассказывал, что в Одессе какой-то нищий, встречая его, давал ему пятак. Это было тогда, когда он жил в углах, снимал один стул ([снимать] кровать было дорого) и всю ночь сидел на нем. Тогда же, в Одессе, увидев его на улице, какой-то генерал велел городскому арестовать Сергея Васильевича. Его арестовали, но его подложные документы оказались в порядке, и его сейчас же выпустили.

Я хочу сказать, что внешний вид меня мало волнует. Мне даже нравится, что Вика бог знает как одет. Моя соседка говорит, что если бы она не знала Вику и встретила его вечером на улице, она бы напугалась, приняв его за бандита.

Он уже долго был заместителем председателя в Союзе Украинских писателей. Зашел как-то записаться в свою библиотеку. Библиотекарша спрашивает: «Вы кто?» Он отвечает: «Заместитель председателя». Библиотекарша разозлилась: «Нечего надо мной воду варить!» Это такое дурацкое выражение, означает – издеваться. Вика, как всегда, был окружен своими приятелями. Ну, конечно, они захохотали. Послали ее в канцелярию или в отдел кадров справиться. Она пошла, вернулась смущенная. Это Зина мне рассказывала.

Та же история была у него и в библиотеке Московского Союза писателей. Ему понадобилась (конечно, кому-то из его приятелей) книга. Узнав, что он из Киева, библиотекарша не пожелала его записывать, говорит, что все киевские писатели – жулики, книг не возвращают. Наконец, сжалась: «Давайте ваш документ». И с испугом видит – «Заместитель председателя и т.д.» Чинопочитание-то у нас процветает.

Ну, как видишь, я скатилась: начала с Соловейчика, потом [вспомнила] Сергея Васильевича, а с него [перешла] на Вику. О Соловейчике я еще тебе подробно все, вплоть до их отъезда за границу, расскажу. Не помню, кто мне говорил, что Соловейчик был в Англии министром по еврейским делам. Разве есть такое министерство в Англии? Жив он или нет?

* В начале XX века это выражение – «быть близкими» еще не означало сексуальных отношений!

<...> Сейчас идет в Москве какой-то пленум, я в этом мало понимаю, газет не читаю. Вчера ко мне зашли гости – две старушки, обожающие Вику. Они в отчаянии, говорят, на Вику всё продолжают нападки, требуют, чтоб он признал свои ошибки. Какие? Что ему понравилась архитектура Чикаго?*

Недавно приехали люди из Ялты, жившие в одном доме [творчества] с Зиной и Викой. Рассказывали, что Вика окружен кучей друзей, а живший там же [писатель] Ермилов (тот, кто писал свои мерзкие статьи против Эренбурга) в стороне от всех.

<...> Специальность Ермилова – всех травить. <...> Рассказывали, что будто бы Ермилов бросил свою старую жену (как Соловейчик – свою [старую]) и жил в Ялте с какой-то миловидной, очень красивой девушкой. Девушка другим своим поклонникам сказала, что она с ним живет, пока не защитит свою диссертацию, а затем уйдет.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27 июня – 1 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> В последнее письмо тебе я вложила Зинино письмо мне и тоже толком не прочла, хотела скорее тебе отправить. Я уж больно была поражена Викиными мечтами о поездке в этом году в Чехословакию, в Италию и Англию! Кто его пустит?! Поживем – увидим.

<...> В 1911 году, как раз в год твоего замужества, София Гефтер с Соловейчиком были проездом в Киеве. София Гефтер зашла к нам и провела у нас один день. Мне кажется, вежливее было бы, если бы и Соловейчик зашел с ней, хотя бы на несколько минут. Мне кажется, мама была тогда в Швейцарии. У нас гостил тогда Сергей Васильевич. В этот год мы вернулись с ним из ссылки. Я к нему ведь ездила каждое лето в Усть-Сысольск. Мы с Зиной уговаривали Гефтер остаться у нас [погостить] подольше. Она заявила, что не может: она должна есть только белое мясо, как будто мы не могли для нее, да и для всех нас белое мясо покупать?! Кроме того, Соловейчик, кажется, должен был взять билет. Вечером я с Сергеем Васильевичем [Андроповым] пошла ее провожать на вокзал. Она вошла в вагон, а Соловейчика мы так и не видали. По-твоему, это воспитанность?

* Из речи тов. Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 21 июня 1963 г. («Литературная газета», 29.6):

<...> Константин Александрович Федин не является членом партии, но он глубоко партийный человек. А вот писатель Виктор Некрасов, которого я лично не знаю, хотя и является членом партии, утратил драгоценные качества коммуниста, чувство партийности. Однако это не должно нас удивлять. Партийность – это не врожденное качество, она воспитывается жизнью. Нестойкие люди, даже будучи членами партии, могут под воздействием враждебной идеологии утратить чувство партийности. Меня удивляет в Некрасове другое – он настолько погряз в своих идейных заблуждениях, так переродился, что не признает того, что требует партия. А что это значит? Это значит – идти вразрез с линией партии. Это уже другое дело.

Каждый коммунист имеет право высказать мнение, но когда партия принимает решение, намечает общую линию, тогда все члены партии становятся в общий ряд и начинают делать то, что выработано коллективной мыслью и волей партии. Если человек, считающий себя членом партии, занимает неправильные позиции после того, как партия высказалась и определила свое отношение к тому или иному вопросу, если он настаивает на своем, он по существу перестает быть членом партии. Партия должна освобождаться от таких людей, которые свое ошибочное личное мнение считают выше решений партии, т.е. всей великой армии единомышленников. И чем раньше партия освободится от таких людей, тем лучше, т.к. от этого она будет становиться все сплоченнее и сильнее (Продолжительные аплодисменты).

<...> Иной турист поедет в Америку, увидит там ее с одного бока, который ему усиленно показывают поставленные на то люди, и, вернувшись домой, думает, что вот, мол, она такая – эта Америка. Но это еще полбеды, если такой человек ошибется сам. Гораздо хуже, если он свои ошибочные впечатления и взгляды, навязанное ему враждебной идеологией понимание начинает всюду пропагандировать, как единственно верное понимание. Что в таком случае делать? Видимо, таких людей, поддавшихся на уловки буржуазной пропаганды, надо поправлять. И советские люди поправляют их. <...>

Затем, осенью 1913 года я случайно встретила их в Петербурге, недалеко от дома Лидии Михайловны [Щетковской], где жила. Я в этот момент потеряла свое porte-monnaie со всеми деньгами. Гефтер мне, конечно, обрадовалась, а я могла только говорить о своей потере. Она вспомнила, что осталась мне должна с 1899 года, когда ездила на мой счет в Берлин. И они мне эти деньги сейчас же отдали – через четырнадцать лет! Жили Соловейчики тогда на Крестовском острове, кажется, нарочно далеко от города, чтоб шум не беспокоил Гефтер. Жили они невероятно одиноко. <...> Я стала, было, у них бывать. Квартиру снял Соловейчик, сам все купил, устроил очень хорошо. Гефтер приехала на все готовое. Было у них четыре комнаты – две спальни, его кабинет и столовая.

Гефтер скучала. Целый день сидела одна и вязала кружева. Это ей доктор посоветовал для успокоения нервов. Потом она решила опять заняться ботаникой. Стала ходить в ботанический сад, который был недалеко от меня. Ежедневно проходила мимо моего дома и ни разу не зашла. Тогда и я перестала у них бывать.

<...> Мама [Алина Антоновна] всегда сравнивала, когда она выезжала с тетей Лидой в Симбирске – никакой разницы между ее нарядами и тети Лидиными не было, хоть все было на деньги бабушки Луизы Францевны. Вика, в противоположность [прижимистому] Соловейчику, в кино, театре, а идут они всегда компанией человек в шесть, платит за всех. Но он же сумасшедший, в обратную сторону у Сережи Эрн.

Сейчас [(1 июля)] бурно переживаю выступление Хрущева опять против Вики! Вы, верно, уже в курсе дел? Так Хрущев выступил 21 июня, а сегодня уже 1 июля. <...> Несчастье, что все от меня всё скрывают. Один сосед только дал мне эту газету, но это потому, что хотел взять у меня «Новый Мир» №5. Хорош Твардовский! Не может сказать Хрущеву, что Вика не спекулирует своим партийным билетом.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Уборщица, [которая мыла окно], как-то сломала рамку от [фото] группы [людей], снятой в Богурне. В кресле сидит дедушка Иван Егорович, по бокам – тетя Маня, тетя Вера, Надя [Пятницкая] с кошкой, Верочка [Пятницкая], Александра Ивановна [Яковлевна?] Анатомова и Мария Яковлевна [Ивановна?], наша бывшая бонна. Фотография висела над этажеркой.

<...> Была у Гани. <...> Приехал из Крыма Рабинович[-Волынский]. Вика велел [ему] осмотреть, как сделан ремонт. Не мог двух недель подождать и посмотреть сам. Рабинович – это нечто вроде Иончика. Хотела бы, чтоб Вика от него освободился.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Знаешь, есть поговорка: «Пуганая ворона куста боится». Очевидно, в период [правления] Сталина так все перепугались, что все кажется ужасно страшным. О Вике уже говорить нельзя. Заговоришь с кем-нибудь – полное молчание (испуг). То я всегда душу изливала Ване Классону, он сочувствовал, обо всем говорил, Вику обычно называл «Виктор Платонович» или «Некрасов», а теперь уже так боится обозначать [моего племянника], а пишет: «Вика, как Вы его называете».

* Мы уже цитировали доклад Н.С. Хрущева «Марксизм-ленинизм – наше знамя, наше боевое оружие», с которым он выступил 21 июня 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС (опубликован в «Правде» и «Литературке» 29.6).

З.Н. Некрасова (Ялта) – С.Н. Мотовиловой (Киев), 11 июля 1963 г.
(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Пишу уже последний раз, т.к. мы должны вылететь 15 июля, должно быть, но билетов у нас еще нет! Только что вернулись из кино, куда ходили в Ялту целой компанией из нашего дома отдыха. С удовольствием прошли пешком, как всегда, хотя луна уже на ущербе, но все-таки, под конец, освещала нам дорогу. По утрам мы ездим купаться, до обеда – вода эти дни совсем теплая, 25-27°.*

Сегодня, не успели мы вернуться, как зазвонил телефон – это звонили Лунгины, а затем [к телефону] подошел и Исачок [Пятигорский], который опять в Москве в командировке. Сказал, что у тебя все в порядке, но про кошек так ничего и не сказал! Про Ганю тоже сказал: что все благополучно. Ганя нам писала, что она болеет, но он сказал, что она [теперь] здорова. Может быть, зубы лечит? Что у тебя нового? Как кошки? Сколько новых котят родилось?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14-17 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ганя получила письмо от Вики, что они вернутся в Киев 15-го, поздно вечером.

<...> Зина и Вика прилетели в Киев из Ялты 15-го, а на следующее утро Вика вылетел в Москву, думаю, в связи с этой историей, нападками Хрущева на Вику, хоть Вика абсолютно ни в чем не виноват. Это уже не Хрущев, а другие упрекают Вику в том, что он сказал, что какой-то профессор Калифорнийского университета симпатичный, а он (профессор) написал какую-то книгу о русской литературе, которую надо осуждать.**

Ну откуда Вика может знать, что пишут профессора Калифорнийского или другого университета?! Ведь мы этих книг не получали!

* Из письма В.П. Некрасова в Лозанну от 9 июля 1963 г.:

Погода, слава богу, хорошая – солнечная, но еще не слишком жаркая. Море, правда, еще холодное – 17-18°С.

По-видимому, 25-27° – это температура воздуха.

** В 1958 г. проф. Колумбийского университета Руфус Мэтьюсон издал книгу «Положительный герой в русской литературе» (Mathewson Rufus W. The Positive Hero in Russian Literature).

Из путевых очерков В. Некрасова «По обе стороны океана»:

Когда мы уезжали из Нью-Йорка в поездку по стране, Тадеуш Осипович, наш словоохотливый гид, сказал, что, когда мы вернемся в Нью-Йорк, мне обязательно надо будет встретиться со студентами русского отделения Колумбийского университета, которые, мол, об этом очень просили. Я, конечно, тут же согласился: что может быть интереснее? По возвращении в Нью-Йорк – на второй, кажется, день – мы всей группой пошли в университет. Тадеуш Осипович опять предупредил меня, чтоб я не забыл о студентах, которые ждут встречи. Хорошо. Пришли. Приняли нас очень мило в каком-то небольшом зале для торжеств. Сказаны были необходимые слова приветствий, потом мы разбились на маленькие группы, и физики пошли к физикам, историки к историкам, а я отправился на поиски тех самых студентов, о встрече с которыми давно мечтал. Сопровождал меня в этих поисках профессор Мэтьюсон, преподаватель русской советской литературы. Немолодой уже, приветливый господин, превосходно говоривший по-русски, автор книги о положительном герое в советской литературе. Книги этой я не читал – думаю, если бы прочел, у меня нашлось бы о чем поспорить с ее автором, – но объективности ради должен сказать, что по отношению ко мне профессор был очень предупредителен.

А вот Исая Берлин эту книгу прочел (см. русский перевод – История свободы. Россия. М. 2001):

И в наши времена его [(В.Г. Белинского)] иногда обвиняют в том, что он создал занудную утилитарную или дидактическую критику (или, по крайней мере, подготовил почву для нее), вменяют ему в вину грубые и жестокие нападки на теорию и практику «чистого искусства», на которые не скупился его эпигоны и принявшие у них эстафету госинспекторы современной нам советской литературы. Такого мнения придерживается, в сущности, и современный американский исследователь, написавший самую вдумчивую и оригинальную, по моему мнению, работу о Белинском, Руфус Мэтьюсон, чья книга «Положительный герой в русской литературе» показалась мне, хотя я не согласен с ее идеями, настоящим шедевром исследовательской проницательности.

<...> Оказывается, Вика все это от Зины скрыл. Я начинаю ей рассказывать, она удивляется: «Где ты это читала?» – «В газете». – «Да, в какой газете?» – «Ведь об этом же было во всех газетах!» Понятия не имеет! <...> Мне это скрывание отвратительно, но Вика и в молодости так же все от близких скрывал. Ведь кому это интереснее и важнее всего, как не родной матери? Мне соседи говорят, что Зине восемьдесят четыре года и лучше ей ничего не рассказывать, чтоб ее не волновать.

Несколько лет назад этот негодяй Дмитерко, какой-то галицийский украинец (когда-нибудь выяснится, что это за тип) начал травить Вику за рассказ «Рядовой Лютиков». Сперва рассказ был помещен в «Красной Звезде» [(29 июня 1947 г.)], кажется, так эта газета называется.

Потом редактор Украинского русско[язычно]го журнала стал настаивать, чтоб Викин рассказ поместить в украинский журнал. Вика был против. Тот все же поместил. И тут началась Викина травля. Рассказ, мол, «ущербный». Никто из Союза писателей рассказа не читал, но все так боятся этого негодяя Дмитерко, что все ему поддакивали. * <...> Я еще тогда жила с Зиной и Викой [(до 1950 года)]. И вот слышу, Вика подходит к телефону и просит поочередно всех наших знакомых, чтоб никто ничего Зине про эту его травлю не говорил, затем велит соединить себя с Москвой и вот всю эту историю подробно рассказывает Сацам! Им-то на это более или менее наплевать, им от него нужны деньги и всякая протекция.

<...> Зина опять выписала к себе свою вторую приживалку [(Дору Владимировну)]. Туберкулезную старуху, нахалку ужасную, ей лет семьдесят. Когда мы не были богаты, она с нами мало зналась, но как только Вика разбогател, она очутилась тут, по полгода живет у Зины. Вечно у Вики что-нибудь выклянчивает, то ей нужен проигрыватель, то чтоб купил ей приемник, то ей нужна какая-то [переносная] лестница, то требует, чтоб Вика ей привез из-за границы башмаки, вязаную кофту и т.д. Прямо нахалка. Ганя ее не выносит: то нужно ванну готовить, то компресс класть, то специальное кушание для нее готовить.

У нее своя комната в Москве, но она забила себе в голову, что ей лучше жить у Зины и Вики. Одно время в Москве Вика распорядился, чтоб недалеко живущие от нее его знакомые [Лунгины?] ей ежедневно носили обед! На Викин счет, конечно. Но и [московским] знакомым это надоело. И вот вчера одна из знакомых, у которых мы с Зиной были, спрашивает ее: «Зачем вы ее выписываете? На нее даже противно смотреть, такая она больная, недовольная? И, главное, она может заразить Вику своим туберкулезом». Вдруг Зина приходит в бешенство, вскакивает и кричит: «Это вы говорите потому, что вы антисемиты!» и сейчас же уходит. Я же тебе уже писала, что у Зины это психоз.

* Как мы уже упоминали, «негодяй», но «идеологически правильный» Л.Д. Дмитерко в 1962 г. станет редактором журнала «Вітчизна» (Киев), однако вскоре оскандалится. Из воспоминаний Леонида Ивановича Плюща «На карнавале истории»:

В разгар борьбы с сионизмом (67-68 годы) [украинский поэт Микола] Бажан опять проштрафился. Он опубликовал в журнале «Вітчизна» поэму «Дебора» – о гражданской войне. Все было «правильно», по-партийному, кроме того, что положительной героиней поэмы оказалась ... еврейка Дебора. В час пик борьбы за интернационализм Бажан опять утратил свою бдительность. В своих заблуждениях он пошел еще дальше – выдвинул кандидатуру еврейского писателя Финкельштейна (и еще какого-то расово не чистого) в Секретариат союза писателей Украины. Редактор журнала «Вітчизна» Дмитерко получил выговор, а Бажана усовещали. На сей раз он не разоблачился перед партией.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20-22 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Я решила перевести для Зины письма Лайденберга-сына. Я уже тебе писала: Лайденберг-отец, директор [центрального отдела] Нью-Йоркской библиотеки, тогда самой большой в мире, приехал к нам в СССР. Сперва Хавкина вызвала меня в Москву, чтоб послушать его и заведующего Русским отделом там [Абрама Ермолинского] рассказы о библиотеках США. Очевидно, он приехал тогда закупать у нас книги.*

Затем Хавкина Лайденберга одного прислала ко мне, он хотел ехать во Львов через Киев. Я предложила в Киеве устроить его выступление, как в Москве, рассказать о их библиотеках. Но наши идиоты (библиотекари) сказали, что об американских библиотеках нам слушать нечего: у нас все гораздо лучше. Видишь, это происходило в 1924-м году [по-видимому, в начале года – МК], когда у нас таки был довольно большой хаос.

Я встречала Лайденберга на вокзале. Он вышел из вагона с малюсеньким чемоданом, пишущей машинкой через плечо и фотоаппаратом через другое. Все! Страшно негодовал, что на ночь ему не дали ни подушки, ни постельного белья. Ехал он ведь не спальным [вагоном]. <...> Я спросила его [по-французски], где ему приятнее остановиться – в гостинице или у нас? Он ответил, что ему интереснее остановиться в частной семье.

У нас тогда из шести наших комнат оставалось еще четыре: гостиная, где спала мама, столовая, моя и Зины с Викой. Мама перешла спать ко мне, а Лайденберга мы поместили в гостиную. Ты у нас не была, а Ульянов, верно, помнит, у нас была очень хорошая квартира до революции.

Войдя в комнату, Лайденберг даже воскликнул: «Oh!». Перед этим он останавливался [в Москве] у Хавкиной, у которой тогда было две маленьких комнатухи (потом ее переселили и дали ей две большие комнаты). Хаос был тогда такой, что хотя и я и Зина служили железнодорожницами, но выяснить, когда идет поезд во Львов, не было [никакой] возможности! Тогда я пошла с ним в Иноотдел. Тут тоже был курьез. Мы встретили какого-то растерянного американца. У него украли все его вещи и все его бумаги. Такое время уж у нас было. Тут мы решили особенно охранять нашего гостя.

Здесь, в Иноотделе, мы встретили человека, который (сам ехал во Львов) нам все очень толково объяснил. Лайденберг облегченно вздохнул: «Это первый толковый русский, которого я вижу». Я скромно промолчала: это был не русский, а латыш!

Рассказывая о пребывании в Москве, Лайденберг сообщил, что они были у Луначарского и спросили его, почему у нас преследуют религию, и Луначарский сделался «very nervous». Ну, я и решила показать Лайденбергу наши Киевские религиозные достопримечательности, которых сама раньше никогда не видела. Нам дали по свече каждому, и мы пошли в какие-то подземелья, пещеры [(в Киево-Печерской Лавре)], где вдоль стен все были мощи, и к ним надо было прикладываться (я и Лайденберг, конечно, не прикладывались).

* Из «Хроники» берлинской газеты «Руль» от 16 января 1924 г.:

В Петрограде в настоящее время находится директор центрального отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки Гарри Лейденберг и директор славянского отдела той же библиотеки Ермолинский. Ими сделан ряд закупок для пополнения славянского отдела. В настоящее время ими ведутся переговоры с академией наук и книжным фондом о приобретении у них книг. Кроме того, ими возбуждено ходатайство о разрешении покупки дубликатов книг Публичной библиотеки.

Маршрут Г. Лайденберга (конец 1923-24 гг.) пролегал: Канада, Лондон, Париж, Брюссель, Амстердам, Берлин, Лейпциг, Рига, Москва, Петроград, Киев, Львов, Варшава, Краков, Белград, Прага, Лейпциг, Париж, Лондон, Эдинбург, Ливерпуль.

Когда закончился обход, Лайденберг с негодованием бросил свою свечу: «Почему большевики этого не запретят?». Я надеялась взять эти свечи, они у нас тогда были редкостью (но не решилась при нем), мы же обычно сидели при коптилках (бутылочка с керосином, в нее опускалась трубочка с тряпочкой). Но Лайденберг негодуя бросил свою свечу, и мне пришлось свою [\[тоже\]](#) оставить.

Кстати, расскажу довольно забавный эпизод с Викой. Вике, вероятно, было лет шесть.* Мы смотрели спектакль в оперном театре – «Недоросля». Я взяла Вику (он в первый раз попал в театр) в ложу. Занавес поднялся – на столе горела свеча. Вика заволновался и начал мне шептать: «Скажи им, чтоб они потушили свечу – и так все видно». Он ведь знал, что мама ([\[Алина Антоновна\]](#)) не позволяла дома надолго зажигать свечку – драгоценность!

Вообще, мы приучали Вику к экономии. Ему уже было семнадцать лет, он очень увлекался театром. Был в Москве, зашел к Луначарскому. Тот очень мило относился к Вике и стал его уговаривать остаться на один день и пойти в ложу Луначарского на юбилейный спектакль, кажется, театра Вахтангова.

Каждый бы соблазнился этим, но Вика отказался. Билет у него в Ленинград был, конечно, даровой, но он взял плацкарту в 50 коп. до Ленинграда и боялся, что 50 коп. пропадут. Тогда Луначарский дал ему записку во все театры Ленинграда, чтоб ему давали даром по два билета, куда он захочет. Очень мило, но такую записку он бы дал и после спектакля у Вахтангова?

Я считала Вику тогда очень разумным, трудно было поверить, что он будет так швыряться деньгами. Десятки тысяч раздаривает. И Зина такая же. Сейчас у нее украли часы в Ялте. Но поехала туда с тремя ручными часами. Одни (лучшие) украли, осталось двое часов! Но самое нелепое произошло, когда ее посылали в Одессу. Ехала она проверять их соцсоревнование, дорога оплачена, спала в каком-то подвале с кем-то вместе. Ей все говорили: «Не берите ничего ценного, там много воров».

Нет, у Зины ничего не украли. Она даже купила себе пару хороших перчаток в 500 руб., но через два дня одну из них потеряла. Я ее спрашиваю: «Сколько ты с собой взяла?» – «Десять тысяч». Это – старых денег, когда я получала 150 руб. пенсии и рублей 600 зарплаты, а сама Зина – немного больше тысячи. Едет на два-три дня и берет 10 000!

Дальше, [\[в Киеве\]](#) она поставила саквояж в шкаф и забыла о нем думать. После этого произошла девальвация, первая. Ну, тут мы, конечно, много потеряли на Викиных деньгах, а Зина только через много лет открыла свой саквояж и нашла 9 500 [\[руб.\]](#), которые уже превратились в ненужные бумажки. Нам, конечно, не привыкать стать. Сперва, после революции пропало все наше имущество, потом пропали все керенки, потом – какие-то думские, потом – деникинские. Но все это, так сказать, не по нашей вине, а тут Зина просто-напросто забывает о «каких-то» 10 000!

Кончу о Лайденберге. Взяли ему билет [\[до Львова\]](#), поезд отходил в 2 часа ночи. Лайденберг велел заказать себе носильщика и чтоб мы не шли его провожать. Но мы, конечно, решили, что одного его не отпустим. За нами зашел один наш знакомый профессор, друг нашего дома, в меховой шапке, все мы – в валенках, а у Лайденберга – одно легкое пальто, и он все уверял, что в Нью-Йорке температура такая же как в Киеве. В час ночи пришел заказанный носильщик. Носильщик, конечно, заказал извозчика. Но Лайденберг решил идти пешком. Мне было жаль едущего с нами рядом извозчика. Подходим к вокзалу – пожар, горит Почта, на которой мы [\[раньше\]](#) отослали заказным письмо его жене. Я смеюсь: «Видите, в дыму летит ваше письмо».

* Этот эпизод мог происходить не ранее осени 1918 г., когда С.Н. Мотовилова переехала из Москвы в Киев, и Вике было уже семь лет.

На вокзале пришлось ждать, поезд опаздывал. Мы стоим вокруг Лайденберга, охраняя его [пишущую] машинку, фотоаппарат и чемодан: я, Зина, наш знакомый и носильщик. Поезд опаздывал на пять или шесть часов. Зина и наш знакомый должны были уже идти на службу. Остались я и носильщик. Наконец, поезд пришел, и Лайденберг очень обрадовался, в одном купе с ним ехал тот латыш, с которым мы встретились в Иноотделе. Тот, «единственный толковый русский», как он его определил. Когда Лайденберг со мной прощался, у него были слезы в глазах. Я ему как-то сказала: «Когда у нас что-нибудь удастся, on fait le signe de la croix. Vous pour ès faire le signe de la croix, quand vous passé nobre frontière» [(«...то осеняют себя крестным знамением. Вы, чтобы перекреститься, хотя бы пересеки́те нашу границу»)]. И вот он прислал мне открытку, на ней рисунок: украинская хатка и рядом крест! Мы очень смеялись, я послала открытку Хавкиной.

Потом я переписывалась с ним несколько лет. Он – по-английски, я – по-французски. Оказывается, его сын сохранил письма отца из Киева, сделал с них снимки и пришлет Вике. Он пишет: «Вашей маме это будет интереснее, там много о ней, а не о мальчике в доме». Но это вовсе не о Зине, а о маме [Алине Антоновне] Лайденберг писал.

Он же написал мне, что мама ему больше всего понравилась и он много о ней рассказывал в Америке. Не нравится мама не могла. Сын Лайденберга, по-моему, гораздо глупее и некультурнее своего отца. Вообще, американцы, по-моему, очень наивны и примитивны. Насколько культурнее их итальянцы!*

<...> Вика с Зиной говорит по телефону [из Москвы] два раза в день. Он сообщил, что они с Твардовским просматривают его рукопись о его последней поездке во Францию. То есть Твардовский [якобы] сам его рукопись редактирует. Тут не разберешь, что правда, а что ложь, когда все мне врут. И это называется деликатностью: оберегают мой покой.

<...> Получила от Бурлюка бандероль – 22 репродукции его картин. Несколько из них (открыток) pošлю тебе. Зина говорит, что Вика едет не то в Красноярск, не то в Сталинград. В Киев скоро не вернется. В чем дело, не знаю.

Бандероль от Бурлюка была выслана 4 июня, а получила я ее 22 июля. Шла, значит, месяц и шестнадцать дней! Письма от него нет, а я задала ему ряд вопросов.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24-25 июля 1963 г.

Милая Вера. <...>

Зина сперва говорила, что Вика все время занят своей рукописью о поездке во Францию – редактирует сам Твардовский. Потом сказала, что Вика целые дни проводит на кинофестивале. Это очень удачно, что он попал в Москву как раз во время кинофестиваля. Первую медаль получил итальянский фильм.**

А теперь Зина говорит, что Вика отдыхает на даче у Тендрякова. С моей точки зрения, это самое лучшее Викино знакомство. Он действительно талантлив. Его вещи были уже переведены в Англии, когда о переводах Викиных книг не было и речи. Ярок, своеобразен, я бы сказала – недостаточно культурен, просто крестьянин, сын деревенского прокурора. <...> Кроме того, он на десять лет моложе Вики.

* Примечание В. Некрасова в «Обеих сторонах океана»: «Вскоре после того, как эти очерки были опубликованы в журнале, я получил письмо из Америки. Написано оно было сыном Лайденберга Джоном. Отец его умер, но письма, выстуканные в нашей квартире, сохранились. Джон прислал мне фотокопии. Читать их очень интересно, но об этом как-нибудь в другой раз».

** Третий Московский международный кинофестиваль открылся 7 июля 1963 г., большой приз получил фильм «Восемь с половиной» итальянского режиссера Федерико Феллини.

<...> С Зиной мы опять поссорились. Я рассказала ей, что мне говорила о их бывшей приживалке [Нине Аль] одна знакомая. То есть то, что все говорят: эта особа выдавала себя за Викину жену. Зина приходит в бешенство, кричит: «Никогда Нина этого не говорила!» Хотя даже Вика читал и смеялся, [когда] вернулась ее открытка, где она писала, что вышла замуж за Вику. Зина кричит: «Всё врут, врут!» и в ярости сейчас же убежала.

<...> Посылаю тебе три открытки из присланных Бурлюком. Особенных уродов не посылаю. Пошлю на показ Ване Классону, а он показывает сестре Кате (она художница), ну, а потом возвращает мне.

С.Н. Мотовилова (проживавшая по адресу: Киев, ул. Горького, 38, кв. 7) – почтовое отделение Киева №5, 26 июля 1963 г. (переслано в Лозанну)

Мне были отправлены моей сестрой из г. Лозанны (Швейцария) 2 заказных бандероли: одна 16 апреля, а другая 17 мая. Прошу, чтоб эти бандероли или были вручены мне или отправлены моей сестре обратно. Не дошедшие ко мне бандероли обычно к ней возвращались.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26-30 июля 1963 г.

Милая Вера.

<...> Книга Вересаева «В тупике» вышла в 1923 году, сорок лет прошло, а ее теперь в библиотеках не выдают и не печатают в сочинениях Вересаева. Кажется, мы должны бы гордиться, что мы все это пережили, преодолели, жизнь наладили. Нет, нужно делать идиотский вид, что у нас с самого начала все было хорошо. В 1923 году мама была летом у тебя, а у меня очень серьезно болел глаз, на почве упадка питания. Мне дали (тогда это можно было) шестинедельное освобождение от работы. Я жила с Викой в Ворзеле, кажется, на два дня Зина приехала меня заменить, а я поехала в Киев. Купила только что вышедший Вересаевский [роман] «В тупике», и настолько это отвечало моей «мнеме», как говорил Рубакин, чтение этой книги было такой радостью для меня, что больной глаз вылечился!

Мне очень жаль, что я это не рассказала самому Вересаеву. Я его видела во время первого съезда писателей в 1934 году, но в эту минуту я волновалась, никак не могла встретиться с Фединым, у которого был билет для меня, пропустила речь Горького. Вересаев говорил: «Это не наш съезд». Это же говорил и Ценский. А надо делать вид, как будто началась революция, тогда все с восторгом ее приняли! Евтушенко обвиняют, что он сказал: «Революция – это трагедия». Конечно, и война, и революция – это Трагедии. Французская революция 18-го века была ужасной трагедией.

<...> Я уже три года знаю, что библиотекари получили прибавку к пенсии в 40%. И все не могла пойти в отдел Социального Обеспечения, выяснить это, наконец, пошла. Спрашиваю: «Была прибавка на пенсию библиотекаря года три тому назад?» – «Была». – «Почему я ее не получаю?» Инспекторша сходила за моим делом и отвечает: «Вы получаете не трудовую пенсию, а по старости». Я ей говорю: «Я же работала с 1916-го года по 1950-й, тридцать четыре года. Какая же не трудовая, и трудовая книжка у меня есть и в профсоюз я ежемесячно платила (последнее время – по 8 руб. каждый месяц)?» А инспекторша: «Э, да когда это было! Вы и так слишком много получаете».

Мне советуют пойти в юридическую консультацию. Но я с отвращением вспоминаю все разы, когда я там была. Толку никакого, только деньги зря платишь.*

Приведу тебе два случая. Вселили к нам в 1920-х годах в квартиру из подвала семью бедных евреев. Довольно идейный большевик из домоуправления, вселяя их, сказал: «Вы люди культурные, можете много им дать». Все годы, которые они жили у нас, была сплошная мука. Крали все что могли, столовая у нас была проходная, и все исчезало со стола. Масленка с маслом исчезла, они заявили: «Это ворона унесла». Представляешь, ворона несет в клюве фарфоровую масленку?! Бублики исчезали со стола: «Это крыса унесла». Когда мама вернулась от тебя из-за границы, она привезла мне и Зине часы. Мои еще целы, а Зина свои оставила в ванной, и они мгновенно исчезли. И вот однажды они объявили, что имеют право сидеть на наших балконах: один был в гостиной, другой в столовой. За площадь балконов мы не платили, значит, балконы – для всех.

Я пошла в юридическую консультацию, заплатила не то 3, не то 5 руб., прождала часа полтора, наконец, юрист меня принял. Выслушал меня и спросил: «Ваша фамилия?» – «Мотовиловы». – «А их?» – «Нудманы». – «Ну, так красным по белому написано, что они могут пользоваться вашими балконами». Это были двадцатые годы!**

В другой раз опять забирали у нас комнату, это было уже в тридцатые годы. Я опять пошла к юристу. Народу много, ждала часа два. Заплатила, что следовало. Вхожу. Юрист злобно глядит на меня и спрашивает: «Вы что, домовладелица?». Вид у меня что ли такой – домовладелицы?! Объясняю, что я пришла по поручению моей сестры-врача, ей необходима отдельная комната, а ее забирают.

Юрист отвечает: «Не только у врачей, а у И.Т.Р. (что означало «инженерно-технические работники», тогда начиналась индустриализация) комнаты забирают, а И.Т.Р. должны работать головой». Я обозлилась: «А врачи, по-вашему, работают ногами?» и ушла. Я опять вдарилась в воспоминания.

<...> Да, хочу про одну забавную Викину черточку рассказать. Нудманы эти продали более богатой особе нашу комнату. Уезжают и увозят часть наших вещей. Соседка идет к Вике: «Виктор Платонович, Нудманы увозят Вашу люстру». А Вика отвечает: «Ну, слава богу, у нас будет меньше вещей». Теперь он может быть доволен: все наше сгорело [[во время войны](#)]. А у них квартира неприятная. Чисто, порядок, но никакого уюта. Точно меблированные комнаты.

* Из постановления Совмина СССР № 1397 «О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства» от 17 декабря 1959 г.:

<...> 2. Пенсии за выслугу лет учителям, врачам и другим работникам просвещения и здравоохранения назначать в размере 40% ставки заработной платы или оклада.

3. Максимальный размер пенсий за выслугу лет установить 1200 рублей в месяц, минимальный размер пенсии для неработающих пенсионеров – 300 рублей в месяц.

<...> 6. Установить, что лица, имеющие право на пенсию за выслугу лет согласно настоящему постановлению, могут обращаться за назначением пенсии в любое время после возникновения права на пенсию, без ограничения каким-либо сроком и независимо от места последней работы.

При выходе на пенсию в 1950-м С.Н. Мотовилова стала получать ежемесячно 210 старых руб., затем размер пенсии был увеличен до 46 новых рублей. Инженер И.Р. Классон после выхода на пенсию в 1959-м стал получать 1200 старых руб., а с 1961-го – 120 новых рублей (т.е. максимальный размер «простой пенсии», выше были только «персональные»).

** В.П. Некрасов в повести «Саперлипопет, или если б да кабы, да во рту росли грибы...» тоже упоминал одну еврейскую семью, которая жила у них в 1920-х, еще до чекистов и сотрудника милиции, но как будто это были совсем другие люди (до чего же полярно воспринимали жизнь престарелая тетка и племянник-подросток!):

Не очень помню, но жили сначала у нас немец, потом француз, когда же оккупантов изгнали, появились в нашем доме [[в бывшем маминном кабинете](#)] <...> двое симпатичных студентов-медиков, его звали Файвель Давыдович, ее Бронислава Викторовна.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3 августа 1963 г.

Милая Вера.

<...> Одна знакомая мне сказала: «Вы все, Мотовиловы, говорите à bâtons rompus» [(«[урывками, через пятое на десятое](#)»)]. Мне кажется, что это правильно. Эта манера à bâtons rompus есть и в Викиных очерках.

Нет, за Вику я [[здесь](#)] не зацеплюсь, а кончу про Любу [[Пятницкую](#)]. Три мужа, мерзавца, и из них два – жулики! Ибо [[первый муж](#)] Цветаев забрал у нее все ее состояние – 10 000 [[царских рублей](#)], и она осталась без средств. Нужда на всю жизнь. Осколков [([второй муж, переименовавший фамилию на Маграчев](#))] жуликом, правда, не был, но дал ей дочь, которой никогда ничем не помогал!

Третий муж, венгерец [[Пан](#)], это уже был совсем мерзавец. Прикинулся коммунистом, очень любящим Любу, ухаживал за ней во время ее тифа, оказался двоеженцем, пришлось у нас судиться. К счастью, Любу в этом случае поддержал Луначарский. Хороший он, все-таки, был человек. Но, по-моему, какой-то легкомысленный. Любиного мужа, венгра-коммуниста избавили по суду от его другой жены, дали ему возможность вернуться в Венгрию. Мы получили тогда такую радостную открытку от Любы из Риги, подписанной его фамилией. Ну, а когда они приехали в Венгрию, Любин муж оказался вовсе не коммунистом, а богатым буржуем, его ждала его жена с взрослыми детьми! Надо же это [[было Любе](#)] пережить! А затем всю жизнь нужда, нужда без конца. Не знаю, искупается ли это счастьем иметь своего ребенка?

<...> Вчера ко мне зашла Зина. <...> Вчера Зина была в благодушном настроении. Ну вот, например, я ее спрашиваю: «Видел ли Вика Эренбурга?» – «Нет, не видел». Идем к ним. Читаю Викину открытку у них. Вика пишет: «Сижу и жду машину, которую Эренбург должен прислать за мной».

Эренбург живет не в Москве, а на какой-то даче в месте, которое называется Новым Иерусалимом. Зина в прошлом году ездила к нему с Викой. Далее Зина рассказала, что Вика уже не едет во Владивосток, а они решили ехать вместе с Тендряковым на «машине» и [[Семеном](#)] Лунгиным. Куда? В Сибирь? Я не поняла. Лунгин практичен, Тендряков порядочный человек.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8 августа 1963 г.

Милая Вера.

<...> Третьего дня в Киев прилетел Вика. По-видимому, его вызвал Райком. Ты, конечно, не понимаешь, что это за учреждение, да и я довольно мало. Ведь Хрущев говорил, что Вику надо как можно скорее выкинуть из партии. Не понимаю, чего же они тянут? По-моему, всякими допросами [[в Райкоме](#)] могут человека до смерти довести.*

Ведь ясно, как божий день, что ничего вредного, ничего «оскорбляющего чье-то святое чувство» Вика не говорил. Что таких морально чистых людей у них в партии не так уж много. Следовало бы таким членом партии гордиться: и талантливый писатель, и безупречно честный, морально чистый человек.

Я думаю, что в Москве это все уже уладилось. Какое тут! Достаточно позорная была наша история с Пастернаком. Но он-то был ведь не коммунистом, явно ко многому у нас отрицательно относившийся и печатавший свой роман за границей, когда он еще не был напечатан у нас (что у нас запрещается). Но ведь Вика-то никаких своих вещей за границей не печатал [([до первой публикации на родине](#))]. И вообще, пылает самым настоящим патриотизмом, особенно когда попадает за границу. Это естественно. Чего к нему привязались?

* Хронологию отношений В. Некрасова с «Софьей Власьевной», в т.ч. с Райкомом и КГБ, см. в очерке Любови Хазан (nekrassov-viktor.com/Papers/Xazan-S-shulerami-za-odnim-stolom.aspx).

<...> Не поклонница я Викиного таланта, но на безрыбьи и рак рыба. Все-таки это один из наиболее талантливых у нас писателей. Молодежь у нас ужасно его любит. Я всегда вспоминаю, как девочка, школьница десятого класса ему писала: «Воображаю, как критика обрушится на Вас, но мы, Ваши настоящие читатели, Вас защитим». Очевидно, «настоящие читатели» это школьники старших классов.

<...> Сегодня зашла Зина. Была у меня минут десять-пятнадцать. <...> Спрашиваю, уехал ли Вика. – «Да нет, он завтра [9 августа] должен идти в райком. Был в нем в понедельник [5 августа]». – «Да ведь ты же говорила, он каждый день туда ходит, как на службу?». Оказывается, он уходит на весь день к своему приятелю и пишет там свой очерк о Франции, уходит из дома, чтоб никого не видеть.

Спрашиваю: “Разве его очерк будет печататься в «Новом Мире»?”. – «Он уже печатается, он уже получает эти маленькие книги, которые писатели получают перед тем, как выйдет журнал». – «Какие маленькие книги? Корректуры?» – «Да нет, не корректуры, а эти маленькие книги, которые они раньше получают!» Что она имеет в виду – не знаю. Оттиски? [(Гранки!)]

<...> Говорю: «Я тебе хотела показать стихотворение про Ермилова».* – «Покажешь в другой раз», – отвечает Зина и уходит. Софья Гефтер мне когда-то сказала, что она никогда с Зиной не говорит обо мне, потому что не выносит Зинин тон обо мне. Вероятно, и с тобой она из-за этого обо мне не говорила. Я не знаю, почему всегда все люди со мной нахальны? Что-то во мне есть, что вызывает этот пренебрежительно нахальный тон. Ганю спрашивают по телефону о моем здоровье. Она отвечает: «Воно и больне и не больне». У украинцев это уже верх презрения: средний род о ком-то.

З.Н. Некрасова – Ульяновым, 12 августа 1963 г.

Дорогие Вера и Николай Алексеевич.

У нас сейчас сидят швейцарец Bernard Henry из Лозанны и его переводчик и беседуют с Викой, т.к. я уже переговорила с ними обо всем. И он хочет еще и с Викторией поговорить и, увы, должен прибегнуть к помощи переводчика, т.к. Вика «не очень-то» понимает по-французски. Он – экономист, путешествует по СССР и по дороге, будучи в Киеве, зашел и к нам. Рассказывал и о Павле Тилло, которого хорошо знает.

Нам с Викторией очень захотелось побывать в Швейцарии, и мы, если удастся, купим туристскую путевку и поедem вас навестить. Но это, пожалуй, будет уже в будущем году, хотя конечно хотелось бы и в этом году, как раз к осени, которая, по-моему, самое лучшее время года в Швейцарии! Ну, посмотрим!

Как ты себя чувствуешь, Вера? Достали ли слуховой аппарат? Мне как раз сегодня привезла из Москвы знакомая, которая получила его вчера – привез знакомый, который купил его в Италии и передал через нее нам.

У нас все еще стоит чудесная осень, и мы с нашей гостьей сегодня много гуляли по окрестностям Киева <...>. <...> А прийдя домой, почти сразу же встретили «гостей»! Почему Н.А. с ним знаком, если он экономист? Или все профессора знакомы и со студентами? Таким образом, можно будет переслать Н.А. меховую шапку, которая, правда, в Москве. Но он, Bernard Henry, ведь будет возвращаться через Москву, и ему там передадут шапку. Она как раз находится в Москве у нашей знакомой, которая сейчас у нас и на днях вернется в Москву. Кончаю. Крепко целую.

P.S. Как раз я только что узнала, что это не профессор, а студент, еще даже не кончивший учения! А вид у него гораздо старше [студенческого].

* О писателе Ермилове, «травившем Эренбурга» (www.rulit.me/books/ob-ile-erenburge-knigi-lyudi-strany-izbrannye-stati-i-publikacii-read-361761-162.html) и «бросившем старую жену из-за какой-то миловидной девушки», в Интернете имеется весьма скупая биография (красносельский-район-москвы.рф/wiki/e/264/).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 августа 1963 г.

Милая Вера. <...> Вчера вечером зашла Зина. У них два дня жила редакторша из «Нового Мира» – очевидно, Викин очерк о Франции будет напечатан.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой [без даты, третья декада августа 1963 г.]

Милая Вера. <...> Была вчера у Зины. Вика, конечно, ко мне не вышел, а поскорее закрыл свою дверь, чтоб меня не видеть.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 августа 1963 г.

Милая Вера.

<...> Вероятно, и эту вырезку [(из французской газеты «Monde» с изложением выступления Эренбурга)] Зина потеряет. Она с раздражением говорит, что «из-за меня (?)» Вика потерял несколько часов, искал вырезки из «Monde» [с выдержками] из книги d'Astier, ну и, конечно, не нашел.* Прочсть первые два письма сына Лайденберга я теперь тоже не могу. Он их или выкинул или куда-то засунул. Зато Зина мне принесла для перевода письма самого Лайденберга из Киева, когда он провел четыре дня у нас в 1923-1924 году. Его сын снял их. Мне было очень интересно. Описывает нашу семью, наших знакомых, наши хождения по инстанциям, собор, нашу Лавру, пещеры, свой отъезд.

Он рассказывал нам в 1923 году [в 1924-м], что был у Луначарского и спросил его, почему у нас преследуют религию, а Луначарский сделался «very nervous». Но после того, как мы с Лайденбергом прошли все «ближние пещеры», осмотрели все мощи, раздраженный Лайденберг швырнул свою свечку и с негодованием спросил: «Почему Ваше правительство позволяет это?» Он же протестант.

Я сказала Зине, что переведу для них только те места, которые относятся к нашей семье, нашим знакомым, а переводить описание [Владимирского] Собора, Лавры, библиотек не буду. Пишет он все очень точно: что я, «Miss Motovilov» получаю только 29 руб., а моя «замужняя сестра» (так он Зину называет) 40 руб. Переводит это на доллары. Мы это, конечно, уже давно забыли. Но, правда, смешно: Зина ведь английский знала гораздо лучше меня. И видит она лучше меня, а фотографии-то [писем] довольно бледные. Но Зина теперь очень плохо понимает.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3-5 сентября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Довольна ли той новой женщиной, которую Вы нашли и которая будет оставаться с тобой, когда Ульянов будет в горах? Неужели в восемьдесят два года Ульянов не может себе найти какого-нибудь другого заработка как хождение по горам? Предоставил бы это молодым, а на себя взял более спокойную службу, в лаборатории за микроскопом?

<...> Вика и Зина все еще в Киеве. <...> Зина эти три дня бывала у меня ежедневно, но приходила [всего] на несколько минут. К Вике все приезжают какие-то дамы из Москвы, то редакторша «Нового Мира» [Ася Берзер] у них живет, то переводчица, ездившая с Викой в Италию и во Францию. Самое забавное, она итальянского не знает, а ехала с ними скорее как классная дама, следить за их поведением.

* Эммануэль Астьер, д'Астьер де ла Вижери (d'Astier de la Vigerie, 1900-1969), французский политический деятель, журналист. В 1930-е стал переходить на левые позиции. В 1956-м после ввода советских войск в Венгрию порвал с коммунистами. Наиболее известны его мемуары «Боги и люди (1943-1944)».

Что касается письма И. Эренбурга во французскую газету «Monde», то Интернет упорно дает ссылку на 1957 г., см. например (www.litmir.me/br/?b=202954):

L'Antisémitisme en URSS du temps de Staline // Le Monde. 1957. 22 августа. Ответ И. Эренбурга в: Le Monde. 1957. 26 сентября; см. также: И. Эренбург — главному редактору газеты «Монд» Бёв-Мери. 13 сентября 1957 г. // Письма. Т. 2. С. 438-439.

С ними тогда ездил Томашевский, сын умершего академика. Сын преподавал (а теперь – не знаю) в Ленинградском университете итальянский язык, на что же им была переводчица, не знающая языка?*

<...> Вчера я и Зина были на похоронах у моей ближайшей соседки. <...> Я живу в [доме] №38 по ул. Горького, а она – в №39. Значит, близко. Она знала всех нас: меня, Зину, Вику, всех наших знакомых, было с кем поговорить обо всем. Ее племянник, [когда] здесь жила Зина, бывал у нас каждый вечер, а его жену и всю их семью мы уже знали с 1915 года. Я у них давала уроки французского языка, а Зина их лечила.

<...> Я на кладбище не пошла. Вики, конечно, не было [на похоронах]. Он никого из Зининых старых знакомых не желает знать. На маминой могиле никогда не бывает. А в 1915 году (они приехали тогда из Парижа, он чудесно говорил по-французски), я его брала с собой на уроки. Ходил он тогда в черкесском темно-красном костюме и папахе. Чудесный мальчик был, так хорошо играл с моей [трехлетней] «ученицей», [уроки-то я давала собственно не ей, а ее сестре восьми лет]. Ее нянька называла Вику «коньком».

А когда я через два года [все-таки через три, в 1918-м – МК] приехала к ним из Самары и Москвы, Вика уже разучился говорить по-французски, а моей «ученице» и ему взяли француженку, и она отлично разговаривала. Обидно, что так Вика забыл все три языка.

Зина сердится, что я недостаточно скоро перевожу письма старика Лайденберга. Но что поделаешь, когда я почти каждый день больна. Едва двигаюсь, держась за мебель. И, вообще, куда спешить? Ведь это письма его жене от 1923[-24]-го года, т.е. сорок лет тому назад! А утомляться я очень боюсь.

<...> Мой «мальчишка» [(А.Е. Парнис)] приехал из Крыма. Был у Волошиной, вдовы Волошина-писателя. <...> Эта усадьба Волошина в Коктебеле превращена в дом творчества для писателей, а вдова его продолжает там жить. <...> К Вике и Зине эта старуха относилась очень хорошо и предоставляла им пользоваться библиотекой своего мужа, где много французских книг.

Моего «мальчика» зовут Александром Ефимовичем, я буду теперь писать не «мой мальчик», а «Ал. Еф.», я и Зине уже так пишу. Зина сердится и не понимает, про кого я пишу. Увидав – «Ал. Еф.», думает что это какой-то старик. У них ведь все на «ты» и называются – Ванька, Яська, Зилька, Мишка, Нинка и т.д.

Когда к ним пришел [писатель] Тендряков, Зина с изумлением слышит, что Ева [Пятигорская] с ним говорит на «ты». Зина спрашивает: «Вы разве с ним раньше были знакомы?». – «Нет, – говорит Ева, – но я со всеми мужчинами на ты». А она ведь не молода, ей лет пятьдесят с чем-то! Не люблю я весь этот современный жанр.

<...> Заходила сегодня Зина. К ним уже приехала старуха-попрошайка [Дора Владимировна], которая хотела бы жить вместо их «Нины», жившей у них десять лет! Она сказала мне: «Гораздо лучше, чтобы я жила, чем Нина. Никто бы не подумал, что я Викина жена». Ей лет семьдесят, а вид у нее ужасный от туберкулеза. Зина о ее приезде от меня скрывала, я узнала это случайно.

* Скорее всего, речь идет о следующих персонажах (хотя отец не имел филологического диплома, глубиной и обстоятельностью исследований он превосходил многих «официальных, советских академиков»):

Томашевский Борис Викторович (1890-1957) – литературовед, комментатор произведений Пушкина. В 1912 г. окончил Льежский университет (институт Монтефиоре) с дипломом инженера-электрика, получил ученую степень доктора филологических наук в 1941 г. по совокупности опубликованных работ (*honoris causa*?). Профессор Ленинградского университета (с 1942).

Томашевский Николай Борисович (1924-1993) – его сын, литературовед и переводчик (с романских языков, в основном с итальянского). В 1950 г. окончил филологический факультет ЛГУ, с 1953 г. преподавал в Литературном институте им. М. Горького, в 1963-70 гг. читал курсы русской литературы в Римском университете и Восточном институте в Неаполе.

А на днях к ним должна приехать эта, жившая у них, Нина [Аль]. Но ведь она служит в Эрмитаже в Ленинграде, так что я думаю, она приезжает только в отпуск. Мне говорили, что уже вышел №8 «Нового Мира» с Викиным очерком о Франции. Надеюсь, получу. Ты же понимаешь, Вика теперь благодаря Хрущеву так знаменит, что на этот номер все накинута.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 сентября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ваня Классон что-то выбывает из моих корреспондентов, надоело [переписываться], очевидно.

<...> Мой девяностолетний корреспондент Алексеев, сперва ответил несколько уклончиво, избегая фамилий, а на второе мое письмо прислал грубейший ответ в несколько строк. Для меня Сергей Васильевич [Андропов], Виктор Павлович [Ногин], Алексеев – это люди, ставшие большевиками уже со второго съезда партии, казались исключительно чистыми, настоящими людьми.

В 1927 году, когда я хлопотала о мамином паспорте для поездки к тебе, я зашла в Москве к нему. И он мне тогда ужасно понравился, больше чем в Лондоне – мягкий, деликатный, и очень милые у него были отношения с сыном, мальчишкой Викиного возраста. Рекомендацию маме дал тогда Соловьев, который был зам Семашко, наркома медицины.** Этот Семашко был учителем в Колиной русской школе, в Париже. Опять начинаю dévider [(разматывать)] клубок моих воспоминаний.

<...> Вчера мне стало ужасно жалко Зину. Она зашла ко мне, стала звать меня к ним. К ним приехала какая-то знакомая, Вика ушел с ней гулять. Я просила Зину принести мне №12 «Нового Мира» за 1962-й год. Зина, конечно, забыла. Обед у них в шесть, а не было и четырех, значит, я не рисковала своим приходом потревожить «паныча» Вику.

<...> Вика пользуется колоссальной популярностью. В Киеве прошел слух, что Вику ссылают (думаю, ни на чем не основанный), все волнуются и говорят – «как Пушкина». И тут [(в книжном магазине, куда мы пришли с Зиной)], конечно, сразу спросили – «в Киеве ли Виктор Платонович?».

Я тебе писала, что к Зине опять приехали их приживалки. Зина их обожает и [поэтому их приезду] обрадовалась. Но потом Зина сообщила, что [туберкулезная] старуха переехала к другим своим знакомым из-за Гани. Ганя [якобы] сказала, что она старая, не может ее обслуживать, стирать на нее и т.д. и отказалась взять привезенный ей подарок. Зина говорит: «Вика отвез ее к Шорам»***. А вчера я зашла к Гане [уже без Зины]. Оказалось, дело было [совсем] не так. Вика объявил, что если она (старуха [Дора Владимировна]) будет у них жить, он сейчас же уезжает и два-три дня, которые она у них провела, не ночевал дома! Я возмущена. Имеет же Зина право иметь своих знакомых! А ведь какой хороший был Вика маленьким.

* Очерк «Месяц во Франции» выйдет только в №4 «Нового мира» за 1965 г.

** Зиновий Петрович Соловьев был земляком Мотовиловых по Симбирску. Но тут важно другое: ранее Софья Николаевна упоминала о «рекомендательных письмах» В.П. Ногина и А.В. Луначарского, чтобы мама Алина Антоновна могла в 1923-м и 1928 годах попасть за границу. Возможно, что в 1927-м поездка последней по каким-то причинам сорвалась.

*** Знакомые В.П. Некрасова – Шоры требуют дополнительного исследования. Был, например, известный математик Наум Зуселевич Шор, родившийся в 1937-м в Киеве, чьи родители могли быть знакомы с Некрасовыми. В 1963-м Н.З. Шор женился на своей знакомой Елене. На сайте «Памяти Виктора Некрасова» Шоры почему-то не значатся в списке знакомых писателя.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 8 сентября 1963 г.*

8-IX-63

Получила Вашу открытку. Поздравляю с выходом биографии Классона. Хотела Вам послать телеграмму, но вспомнила, что Вы их не любите. Ну, слава богу, кончилось! Вы узнали, что значит быть литератором или редактором. Нов. Мир №8 сейчас получила. СМ

* На лицевой стороне – фото Coteau de Lavaux (склона швейцарского региона Лаво). Выходит, С.Н. Мотовилова использовала открытку, презентованную ей лозанскими родственниками?

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 12 сентября 1963 г.

(из утраченного письма)

Для меня эти трое жившие в Лондоне эмигранты в 1900 г. – Ногин, Андропов, Алексеев – своего рода «святые», большевики 1-го призыва. Тогда только стала выходить «Искра». Ленин просил почему-то первые номера ее никому не показывать.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 сентября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Вообще в этой квартире я живу двадцать лет, и у меня ни разу ничего не крали. А в той квартире почти все наши соседи были сплошь воры. Бедная мама в ужасных условиях жила. Из шести комнат нашей квартиры нам оставили [в итоге] только две, а остальные реквизировали под всяких жуликов, мерзавцев и воров. Да все это в нашей литературе не отразилось. Этого [якобы] не было. Люба [Пятницкая], прочтя Викин «В родном городе», писала: «Какие у вас добрые люди, и какие хорошие отношения между ними». Нда. В литературе, а не в жизни. Ты читала статью Коненкова в «Огоньке», где его внучка или правнучка жалуется, как плохо в детсаде, а он ей приводит какие-то стихи о детском саде, и девочка отвечает: «Это же стихи, а не на самом деле!»?

<...> Вчера зашла Зина и принесла мне для перевода итальянский журнал со статьей Страды о Вике.

<...> Статья его о Вике в журнале Rinascita [(«Возрождение»)] от 24 августа 1963 года, называется L'URSS, l'America e l'Italia nelle pagine di Nekrassov и под ней надпись “От «Окопов Сталинграда» до «По обе стороны океана»”. У нас эту газету [(журнал)] можно купить. Я не сообразила поручить Ал. Еф-чу [Парнису] купить ее для меня.*

Вика уже ее прочел со своим переводчиком, есть у него такой «Жоринька» [Брейтбурд]. Мы его знали еще тогда, когда ему было три года. Жили с его семьей рядом на даче. Ну, а Зина просит меня ее перевести для нее.

<...> Мне очень жаль Зину, у нее полное одиночество. Хоть и она и Ганя уверяют, что Вика сидит весь день дома и пишет, но когда бы я ни зашла к ним, Вики дома нет. Зина одна. Кажется, он бывает по вечерам, когда к нему приходят приятели. Но Зина как-то мне сказала: «Моя роль сводится к тому, что я разливаю чай, а о чем они говорят, я не слышу». Очень часто они ходят в кино, ведут с собой своих приятелей. Зина утверждает, что тут она все слышит, но ничего не понимает. Вика объясняет ей потом, что она видела.

И Зина и Ганя обе вечно мне жалуются друг на друга. Зина [жалуется], что Ганя не покупает им достаточно арбузов и фруктов. Откровенно говоря, я считаю, что Зина, да и Вика могли сами фрукты себе покупать. Ведь они же оба ничего не делают, разве так трудно, идя домой, по дороге купить себе на базаре, на улице или в магазине фруктов?!

У нас в этом году колоссальный урожай и яблок и груш и винограда. А Ганя говорит, что для Вики и Зины она бы охотно покупала, но они сами этих фруктов не едят, а поедают все их гости, а она «не верблюд, чтоб такие тяжести на себе таскать».

* Из повести В. Некрасова «Взгляд и нечто»:

Как ни странно, но к благополучному исходу всего [моего персонального] дела (замена исключения строгим выговором) имел отношение Пальмиро Тольятти. Мой друг, итальянский коммунист, критик Витторио Страда написал в общем-то хвалебную статью о моих очерках «По обе стороны океана», тех самых, на которые обрушился Хрущев. Дал ее в теоретический журнал итальянской компартии «Ринашита». Там испугались, но случилось так, что Страда встретился, ни больше ни меньше как на пляже, с Тольятти, и тот дал распоряжение журналу печатать. Статью эту мне перевели, я ее отдал Перминовой, моему партийному следователю, и та потом мне призналась, что статья возымела свое действие.

Я это знаю, когда я их обслуживала [[сразу после войны](#)], тогда ведь еще были пайки, стояла в очередях. Простоишь два часа в очереди за Викиными папиросами, принесешь домой, а его друзья сейчас же их хватают и набивают ими свои карманы.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 20 сентября 1963 г.

(из утраченного письма)

Как точен [[Н.А.](#)] Ульянов, никогда не ошибается, ставит всегда правильный № [[письма в переписке](#)], хоть ему на 20 лет больше Вас, и Вы могли бы быть его сыном.

<...> Когда-то Вика всюду для меня ходил. Был [[в Москве](#)] у Чуковского и несколько раз у Андропова, у Хавкиной, 2 раза – у Крупской.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 сентября – 1 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Когда будешь читать [[присланную мною биографию](#)] Дюма, увидишь, у него такая же безалаберность в денежном отношении [[как у Вики](#)]. Только Дюма любил роскошь, имел бесчисленное количество любовниц и массу долгов.* У Вики-то, конечно, никакой роскоши нет, любовниц тоже нет и долгов до сих пор не было, но [[есть](#)] какая-то беззаботность, расшвыривание своих денег, содержание всяких бездельников...

<...> Заходил сейчас Викин приятель, сообщил что приехал с дачи в [[<нрзб.>](#)] Вика и что эта дама [[\(Нина Аль\)](#)] не остается, а 10 октября от них уезжает. Ну, и слава богу!

Ну, слава богу, мои именины прошли. <...> В 2 часа [[дня 30 сентября](#)] пришла Зина с угощениями – пирожными, сладкими пирогами, куриными котлетами. Ты подумай, до чего нелеп Вика. Он провожает Зину до двери моей квартиры, быстро спускается вниз, а Зина стоит, ждет, когда он спустится и только тогда мне звонит и, сгибаясь от тяжести [[угощений](#)], идет по коридору ко мне. Не проще ли было бы все внести в мою комнату? Но он не может меня видеть. Психоз, по-моему. Мама говорила, что папа так же не выносил [[бедных родственников](#)] grande tante Emilie и Xavérine. Как только их видел на улице, прятался в парадное или переулок.

* Речь идет о произведении Андре Моруа «Три Дюма», где повествуется о трех поколениях знаменитой фамилии: генерале Дюма (урожд. Тома-Александре Дави де ля Пайетри), его сыне – писателе Александре Дюма-отце и его внуке – писателе Александре Дюма-сыне.

«Безалаберность в денежном отношении» относится, скорее всего, к Александру Дюма-отцу:

После избрания Гюго [[в академики](#)] Дюма воззвал к своему старому другу Нодье, который сам уже давно был членом Академии: «Как вы думаете, есть ли у меня сейчас какие-нибудь шансы пройти в Академию? Гюго уже прошел, а ведь почти все его друзья являются и моими друзьями... Если вам кажется, что ситуация благоприятная, поднимитесь на академическую трибуну и от моего имени расскажите вашим distinguished собратям, как велико мое желание занять место среди них... Одним словом, скажите им все хорошее, что вы обо мне думаете, и даже то, чего вы не думаете...» Однако Дюма никогда не удалось проникнуть в эту дверь. Так же как и Бальзаку. Но Бальзак умер молодым. Дюма же, хоть и дожил до шестидесяти восьми лет, так и не добился избрания.

<...> На самом деле академиков испугал отнюдь не огромный литературный багаж Дюма. Ведь избрали же они Гюго, который тоже был очень плодовитым автором. Они просто боялись скандалов, а Дюма, этот типичный представитель богемы, мог, конечно, попасть в любую переделку. Двое незаконнорожденных детей, строптивые любовницы, огромные долги... Если он и зарабатывал большие деньги, то тратил еще больше...

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2-3 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Я Зине дала прочесть письма Нины Мотовиловой [из Ленинграда] и Классона [из Москвы]. Его сын должен отбывать воинскую повинность как матрос. Пять лет! Прямо таки ужасно. Неизвестно, будет ли он в морской школе или просто матросом. Ив. Роб. пишет, что, по-видимому, он будет в Киеве. Естественным было бы, чтоб он ходил в отпуск [(в увольнение)] к Зине.

<...> Как-то, когда сын Машеньки [Володиной из Тамбова] был в лагерях под Киевом, а Зина и Вика отдыхали в Прибалтике, приехал Машенькин сын с товарищем. Ганя, зная, что это наш родственник, гостеприимно их приняла. На следующий день привела их ко мне, а эта дрянь приживалка [(Нина Аль)] сейчас же написала Зине, что Ганя без нее принимает «каких-то красноармейцев». Приезжает Зина и заявляет мне: «Ты не находишь, что это со стороны Жени (Машенькиного сына) нахальство, переночевать у нас, да еще с товарищем?!» Отвечаю: «Нет, не нахожу. Его дядя Миша тоже, как солдат, с товарищем приезжал к нам при маме, и мы все были им очень рады». Зина с радостью вспоминает: «Ах да, и Вика с ним так веселился, они все ходили за водой». Это было в двадцатых годах.

Заметь, у них постоянно останавливается пьяница Ванька [Фищенко], его жена, мать жены, туберкулезный брат, всякие едва знакомые люди, но если одну ночь переночует племянник, это уже нахальство! А экс-милиционер [Вася] годами у них жил. Кажется, должен жениться на четвертой жене! Я дала Зине прочесть письмо Ив. Роб., она, по-видимому, ничего не поняла и ничего не сказала. Я все-таки написала Ив. Роб-чу, что если его жена захочет видеть своего сына, пусть остановится у меня. А у меня (говорят) вонь, грязь в комнате, по ночам я читаю, мешаю спать. Но Зина ее, конечно, не пригласит.

<...> Присланная тобой вырезка мне была очень интересна. Я нахожу, что Ваш «Monde» антисемитичен и недостаточно демократичен. <...> По-моему, все люди равны, какую бы службу они ни занимали и какой бы расы они ни были. А еврейский народ – это народ-страдалец. Подумать только, что он вынес в эту войну от Гитлера! Бессмыслица – убивать стариков и детей. Вообще, ненавижу антисемитизм. Я, конечно, знаю, что у них (евреев) страшный антирусизм. Преследования вызывают чрезмерно повышенное национальное чувство. Считают себя высшей расой. <...> Дам Зине прочесть эту вырезку. Боюсь, потеряет. А хотела бы еще послать Ване Классону. Ведь [покойный] муж его сестры Кати [(Валентин Парнах)] – еврей.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10-12 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Помню, как Мария Вильямовна Беренштам-Кистяковская любезна была со мной, когда я должна была ей устроить командировку через Наркомпрос в Хатки. Кажется, тогда без командировки нельзя было ездить. Я устроила, конечно. И помню, как она меня пренебрежительно встретила при Деникинцах. Приехал тогда в Киев [ее муж] Богдан Александрович, и они блаженствовали, у них было все, а мы дико нуждались. Зинин больной подарил ей кусок свинины. Свинина для нас была роскошью. Надо было ее продать и купить картошки (чтоб еды хватило подольше).

* Le Monde («Мир») – французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов.

Для любознательного читателя, не знающего французского, имеет смысл полистать подшивку советского еженедельника «За рубежом» за 1963 год, возможно, перепечатавшего сию статью. Это СМИ было, по-видимому, так же антисемитично как и Le Monde. Например, «За рубежом» в №50 за 1974 г. перевел на русский и напечатал статью из «Вашингтон пост» «Всемогущие три процента» (о засилье сионистской верхушки в политической жизни США, хотя евреи составляли тогда лишь 3% населения страны).

Я пошла к Кистяковским. Мария Вильямовна даже не попросила меня зайти в комнату, я стояла в передней, они все сидели за чаепитием, и она разговаривала со мной через всю комнату не вставая. Нет, им свинина была не нужна, она посоветовала мне пойти к старухе Кистяковской.* У нее в гостях был ее сын Владимир [(старший брат Богдана Александровича)], академик, мировой ученый физик. Старуха (дико скупая) заплатила мне абсолютно рваными деньгами. Я же не смела ей ничего сказать, но Владимир Александрович смутился и сейчас же разменял мне их на не рваные [ассигнации].

Жаловался, как он «пострадал» от революции: у него украли калоши! А новых нельзя было купить. Комично? Получал большое жалование как академик, государство [при большевиках? – МК] подарило ему великолепную дачу в 500 000 [руб.], а он вспоминает пропавшие калоши!**

При Деникинцах были ужасные еврейские погромы. Всю ночь стояли крики, били окна. Ужас! Старуха Кистяковская вспоминала [об этом] достойно: «Ничего особенного не было. Зашли ко мне, были очень вежливы». Она ведь не еврейка.***

* Как мы уже упоминали, это Александра Ивановна, урожденная Михель.

** Из статьи «Академик В.А. Кистяковский»

(file:///C:/Users/user/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/N.2.219.2015_26.PDF):

Летом 1918 г. В.А. Кистяковский выехал [из Москвы] в Киев, где жили его мать и другие родственники. После образования в конце 1918 г. Академии наук на Украине ученый был избран в январе 1919 г. ее действительным членом. В связи с ухудшением состояния здоровья и другими обстоятельствами в ноябре 1919 г. В.А. Кистяковский переехал на Северный Кавказ.

Сюжет с дачей, подаренной В.А. Кистяковскому государством, относится, скорее всего, к послевоенному времени. 14 октября 1945 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О строительстве дач для действительных членов Академии наук СССР»:

«Построить за счет государства для действительных членов АН СССР до 15 июня 1946 г. 150 индивидуальных дач в дачных местностях под Москвой и Ленинградом, в том числе 125 дач под Москвой и 25 дач под Ленинградом. Передать указанные дачи, по окончании строительства их, безвозмездно в личную собственность академикам. Отвести под строительство дач и передать в бессрочное и бесплатное пользование индивидуальные земельные участки размером от 0,5 до 1 га в зависимости от условий местности. Строительство дач, а также строительство вспомогательных построек и работы по устройству водоснабжения, канализации, электроосвещения и благоустройству дачных участков возложить на Главвоенпромстрой при Совнаркоме СССР. Наркомвнешторгу закупить и передать в IV квартале 1945 г. Главвоенпромстрою для строительства дач 150 финских стандартных домов».

И в пос. Мозжинка под Звенигородом академики, в т.ч. и В.А. Кистяковский, получили роскошные по тем временам дачи (du-moz.ru/index.php/istoriya/istoriya-poselka).

*** С евреями деникинцы были «совсем невежливы», из пристрастных воспоминаний Николая Полетики (lib.ru/MEMUARY/POLETIKA/wospominaiya.txt):

Погром начался с разгрома еврейских магазинов на Крещатике, с грабежа и избиения евреев на базарах и в еврейских кварталах. Но к вечеру 5 октября [1919 г.] военный характер погрома определился окончательно. Это было систематическое, планомерное и жестокое ограбление и избиение еврейского населения. Его совершали солдаты под руководством офицеров. Киев был разделен на районы, кварталы, улицы. Каждый вечер в определенные районы и улицы отправлялись грузовые машины под командой офицеров – на каждом грузовике 20-30 вооруженных солдат и офицеров. Иные из них были в темных (синих) очках, у других головы были закутаны в башлыки, в руках винтовки, револьверы, шомпола, у намеченных в списке домов люди слезали с грузовика и звонили, а затем стучали в забитые ворота. Не дождавшись ответа, налетчики разбивали деревянные щиты на воротах и вваливались во двор. Обыски начинали с нижних этажей. Здесь разбивали прикладами входные двери квартир, грабили, разбивали мебель, насиловали женщин, избивали и убивали евреев. Многих уводили с собой, и они почти никогда не возвращались. Грабили все: сначала требовали деньги, затем часы, кольца и прочие драгоценности, затем меха, пальто, костюмы и обувь (мужские и женские), белье. Снимали башмачки и рубашечки даже с маленьких детей.

А через год пришли большевики. Правительства еще не было, появились всякие бандиты и грабители. Несколько человек заняли квартиру старухи Кистяковской и начали ее грабить. Во-первых, поели все ее варенье, затем забрали все ее дрова и продали на базаре. Вместо правительства была какая-то тройка, в нее входил и [мой знакомый] Мстиславский. Я работала с ним на двух службах. Я пошла к нему, чтоб выгнать этих бандитов от Кистяковской. Говорю с негодованием: «Какое они имеют право?!» А Мстиславский отвечает: «О каком праве можно теперь говорить, ведь теперь революция!» Но, все-таки, бандитов выгнали.

Старуха Кистяковская, вероятно, от всех волнений умерла. Мама с другими [родственниками и знакомыми покойной] шла за гробом на кладбище. Гроб везли на телеге, ехали медленно, перед ними ехали телеги, нагруженные замерзшими трупами. Это был, кажется, ужасный двадцатый год. Голод в Поволжье, массы голодных ринулись на Украину, а тут свирепствовал голодный (сыпной) тиф. Люди умирали как мухи.

Потом мама как-то пригласила Марию Вильямовну с [сыновьями] Мишей и Сашей на все лето на дачу к нашим знакомым. Дача тогда пустовала, жили и мы и Мария Вильямовна даром. Правда, Мария Вильямовна торжественно подарила хозяйке дачи четверть фунта (100 граммов) чая! За все лето! Мама переехала первая, с Викой и вымыла полы во всех комнатах, и в их – тоже. Меня это возмущало.

Окончание примечания

Так шествие грабителей поднималось с нижних этажей на верхние. У дверей русских квартир, требуя открыть двери, предупреждали: «Господа, мы не бандиты, мы русские офицеры, откройте, пожалуйста». Если в русских квартирах находили спрятанных евреев, били и грабили и русских и евреев. При этом налетчики проявляли изысканную вежливость, просили извинить за беспокойство. В некоторых квартирах визитеры переговаривались друг с другом по-французски, с прекрасным произношением. Очевидно, работали «господа гвардия» и «господа кавалерия». В домах – звон разбитых стекол, крики и стоны. Никакой защиты от грабителей и насильников не было. Стоявшие на страже у дверей квартиры участники налета, грозя оружием, отгоняли прибегавших на крики соседей и прохожих: «Чего лезешь! Здесь с жидами расправляются!».

К огромному дому Гинзбурга на Институтской ул. подъехал целый отряд с десятком повозок и со списком жильцов-евреев. Где-то в военном штабе был составлен список богатых евреев, которых хотели обвинить в «коммунизме» и заставить платить выкуп. Грабители требовали 5 000-10 000 рублей «царскими», золотые часы, портсигары, драгоценности, но не брезгали одеялами, пальто, обувью и т.д. Единственным средством защиты был крик. Огромный дом в 5-6 этажей истерически громко кричал и выл. За ним начинали кричать и выть соседние дома. Выли и кричали целые улицы, кварталы. Этот крик домов и улиц над огромным городом был ужасен. По ночному, спящему городу носился многоголосый вопль ужаса и страха, вопль множества людей, увидевших перед собой облик смерти. Это был вопль и стон. Он покрывал все – отдельные голоса не были слышны.

Крик целого дома, от первого до верхнего этажа, пронзительный крик ужаса и отчаяния, крик страха и беспомощности был настолько страшен, что во многих домах он заставил погромщиков отступить. Они бежали, отказавшись от погрома. А крик разрастался все больше и больше, захватывая все новые улицы и кварталы. С Липок он спустился на Институтскую и Николаевскую улицы, оттуда на Крещатик, Бессарабку и Васильковскую. Кричали Фундуклеевская, Подол, улицы Еврейского базара – словом, весь огромный город. Этот жалобный, не прекращающийся вопль сотен и тысяч женских и детских голосов то взмывал над городом, то превращался в стон, раздирая душу. Не вопль о помощи, не крик протеста, а точно отходная молитва по самим себе, панихида по уходящим в небытие. Самым жутким и страшным было то, что крик несся из мертвых, т.е. темных и, казалось, безлюдных домов, из мертвых и пустых квартир: в окнах кричащих домов и кварталов не было ни одного огня!

Крик постепенно превратился в глухой стон и, наконец, стих. Утром мы узнали, что старушка-француженка, когда-то бывшая гувернанткой самого В.В. Шульгина, чуть не умерла ночью от ужаса.

Все же еврейские погромы командованием ВСЮР не поощрялись

([ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BC_\(1919\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BC_(1919)))).

<...> Знаешь, почему я все это вспомнила. Сейчас была передача по радио по поводу столетия [\[со дня рождения\]](#) геолога Обручева. И я вспомнила, что первая посылка Ара, которую мы получили, была из Америки от Обручева (что это был за Обручев?), какого-то Ульяновского знакомого. А вторая посылка была индивидуальной – мне от Гефтер, но большую часть ее раскрали. Шоколад поломали и т.д.

<...> На днях получила длинное письмо от Бурлюка. Он, между прочим, подробно рассказывает, как уехал из России в 1922 году через Японию в Америку и довольно много о Гуге Попове. Бедный Гуга, знал бы он это! Он ведь чего-то боится, меня особенно. Я же тебе писала, что из боязни он даже письма мне не подписал [\[своим именем\]](#), а написал: «Подпись-86». Т.е. вместо фамилии – свой возраст. Бурлюк пишет, что знал Гугу, когда тому был сорок один год, в 1918 году, но он казался молодым и был «красивой наружности».* Ты и Ульянов не забыли еще русского языка, а он (Бурлюк), по-моему, забыл. «Оботвечает» мое письмо.

Да, он пишет, чтоб я дала адреса своих близких и знакомых, которые хотели бы получать его издания. <...> Пишет: «Мы никогда никому наших изданий не продаем – шлем, подарком, бесплатно». Я дала ему твой адрес и просила послать тебе тот номер, где он описывает свою поездку в СССР ([\[журнал «Color and Rhyme», №40, 1959 год, «Two months in our native country»\]](#)). Если прийдет, напиши мне, понравилось ли тебе. А про его репродукции картин ты мне так и не написала, как их нашла?

<...> В то воскресенье [\[6 октября?\]](#) Зина была у меня меньше пяти минут, и мы сейчас же поссорились. Я спросила, принесла ли она вырезку из Monde о возможном будущем президенте США. Она глядит на меня удивленно: «Какую вырезку?». Она уже все забыла. Мне противно к ним заходить. Все мне врут, и кто врет – не разберешь. Ганя говорит, что Зины дома нет, Вика говорит, что Зина уже дома. Причем Ганя это говорит, чтоб я скорей ушла, а Вика, встретив меня на улице, чтоб я успокоилась насчет Зины и шла домой. Но ведь это противно, когда Вам все врут.

Как только я сказала Зине, что мне не хочется к ним заходить из-за этого вранья, она пришла в бешенство и как маленький пятилетний ребенок начала от злости топтать ногами. До пятницы [\[11 октября\]](#) она больше не появлялась, вчера нагнала меня на улице, когда я шла платить за квартиру. Сперва было все честь честью. Вырезку из Monde она уже нашла, но забыла дома. И там же забыла письмо от Ульянова.

<...> Вчера с Зиной мы опять поссорились. Когда у меня был Исаак [\[Пятигорский\]](#), Викин друг, он сказал, что 10-го эта их приживалка от них уедет. А вчера уже 11-е, и она и не думает уезжать.

Я спрашиваю [\[Зину\]](#): «Ей ее служба в Эрмитаже, в Ленинграде нравится?» – «Очень нравится!» – «Почему же она туда не едет?» – «Тут ей выгоднее». – «А Вика был доволен, когда она приехала?» – «Очень доволен!» – «Да, что он ее любит?» – «Очень любит!» Кому тут верить: Исааку и Гане, которые говорят, что Вика не знает, как от нее избавиться, или Зине? Тут Зина на меня обозлилась и побежала на троллейбус, а я пошла на почту послать тебе «Города и годы» Федина. Я их читала давно, и мне было скучно.

* Персона зашифровавшегося Гуги (Егора? Георгия?) Попова (1877 г.р.), вроде бы мужа писательницы и литературоведа Ольги Ивановны Поповой (1888-1973) требует дополнительного трудоемкого исследования.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 18 октября 1963 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> Нет, я с ней [(со Стасовой)] не знакома. Ведь Сергей Васильевич [Андропов] бывал со мной, когда не участвовал в партийной работе, и кроме того я никогда не мешалась в партийные дела и ничего о них не знала. Даже когда у нас хранился транспорт Ногина (там были «Искра», «Заря», «Что делать» Ленина и почему-то какая-то записка Витте). Перевезла его к нам не я, а мама. Как-то Ногин был очень грустен. Я спросила, почему? Он сказал, что очень боится за транспорт, не доверяет тому месту, где он стоит. Я сказала: «Перевезите его к нам». А Виктор Павлович, всегда крайне деликатный, ответил: «Это не Ваша квартира, а вашей мамы». Я сейчас же позвала маму. Они как-то договорились, и через несколько дней мама приехала откуда-то на извозчике с небольшой корзиной.

Швейцар почтительно внес ее по покрытой ковровой дорожкой лестнице, как это принято было в Петербурге, в приличных домах. У мамы был такой вид *grande dame*, что ее-то уж ни в чем не могли заподозрить. Это мама, очевидно, перевезла через границу все письма Ленина, Мартова и пр. Ногину. Я их все отдала в Институт Ленина.

<...> Институт Ленина ничего мне не ответил – на все, что я написала о Ногине, копии его писем из Лахтинской тюрьмы [под Петербургом], очень интересное письмо о нем Андропова. Оригиналы-то его писем у меня сгорели.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17-21 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ты часто жалуешься на Швейцарию. Но <...> у швейцарцев все-таки есть какие-то моральные устои. А вот когда я (помнишь?) потеряла [в Киеве] свою любимую кофту, то пошла за ней в бюро потерянных вещей. Все хохотали надо мной как над юродивой. Ну, кто же, найдя хорошую кофту, вернет ее? Я, в поучение директору этого бюро потерянных вещей, рассказала, как [наша швейцарская знакомая] Лина потеряла в [лондонском] Hyde Park'e свои золотые часы, и через две или три недели английский полицейский принес ей их на дом. Этот заведующий мне сказал: «До этого мы еще не дожили?» Но ведь то, о чем я рассказывала, произошло шестьдесят лет тому назад! Нда.

Ты знаешь, Вику упрекают, как он мог разговаривать в Париже с французскими полицейскими (т.е. пишут об этом). Они его спросили, он им отвечал. Везти подарки королеве английской – это можно, принимать Аденауэра, возить его в оперу – это можно, а разговаривать с какими-то полицейскими – это позор, очевидно, «оскорбляет священные чувства советских людей». Сколько хамства и подхалимства во всех этих подлых людях, вылезших со своими обвинениями! Вику обвиняют, да еще в серьезном журнале, что он нашел симпатичным какого-то профессора, кажется Колумбийского университета, а Вика, мол, должен был знать, что его надо бранить.* У нас так и делают: сегодня хвалят, а завтра ругают – как начальство прикажет.

<...> Ты знаешь, книгу, которую я бы очень хотела иметь, это воспоминания Кусковой. Вышли в Америке. Я просила Вику (через Зину) мне привезти. Зина возмутилась: «Что ты, что ты, Вика же будет иметь [командировочных] всего 3 доллара в день! Ему самому не хватит». Это на всем готовом. Ну, Вика приехал, привез массу вещей, книг своим приятелям, шубу себе и т.д. и т.п. А одну книгу не мог мне купить? [Высланную из СССР Екатерину] Кускову теперь принято у нас всем ругать. Я, правда, никогда ничего ее не читала, даже ее знаменитое «Credo». Не такая уж это не стоящая вещь была, если Ленин в Сибири собрал 17 социал-демократов, чтоб обсуждать это «Credo».

* Как мы уже поясняли, В. Некрасов в путевых очерках «По обе стороны океана» упомянул о встрече с «симпатичным профессором Колумбийского университета (Нью-Йорк) Мэтьюсоном».

Я спросила как-то Ногина, что он думает о Кусковой. Он сказал: «Сволочь». Другая моя знакомая тоже спросила одну знакомую коммунистку, что она думает о Кусковой и та тоже ответила: «Сволочь». Заславский написал о ней когда-то подлый фельетон «Кура, которая хочет быть петухом».*

А Луначарский называл ее: «Старушка, божий одуванчик». До чего глупо! Я спросила Зину, почему он сам не «старичок, божий одуванчик»? Зина ответила: «Потому что он нарком». И Паустовский, работавший у Кусковой в газете, тоже постарался ее как-то лягнуть. Противно! Я не люблю Паустовского. Обыватель. И если кто у него плох, непременно окажется – или кадет или эсер или меньшевик.**

* Воспоминания Е.Д. Кусковой-Прокопович «Давно минувшее» печатались в эмигрантском русскоязычном журнале «Новое время» (Нью-Йорк) с 1955-го по 1958 годы. В.П. Некрасов побывал в США с турпоездкой в ноябре 1960 года. Эмигрантскую литературу вполне могли изъять на границе...

Проживая за границей, Кускова и Прокопович познакомились с новейшими ревизионистскими течениями в европейской социал-демократии. Особенность этих течений, восходящих к Э. Бернштейну, состояла в том, что они делали упор на экономической борьбе рабочего класса в ущерб политической. Вернувшись в Россию, Кускова и Прокопович стали пропагандировать новое понимание социал-демократии, что привело их в столкновение с русскими марксистами.

В 1899 году Кускова написала документ, содержащий краткое изложение ее ревизионистских воззрений. Документ, не предназначавшийся для печати, получил известность в марксистских кружках под названием «Кредо» (лат. «Credo»). Название было присвоено ему без ведома автора. В документе Кускова утверждала, что борьба социал-демократов за создание пролетарской партии и захват политической власти не имеет в условиях России никаких перспектив. Поэтому задача русских социал-демократов должна состоять не в том, чтобы захватывать власть, а в том, чтобы участвовать в экономической борьбе рабочих с капиталистами и помогать другим оппозиционным силам в борьбе за политические свободы. Подобного рода воззрения получили название «экономизма».

Кусковское «Кредо» вызвало резкую реакцию со стороны ортодоксальных марксистов. По инициативе А.И. Ульяновой-Елизаровой «Кредо» было отправлено в Минусинскую ссылку, где отбывал наказание ее брат В.И. Ульянов-Ленин. Ознакомившись с документом, Ленин усмотрел в нем смертельную опасность для русской социал-демократии и немедленно взялся писать его опровержение. Написанная Лениным статья была озаглавлена «Протест российских социал-демократов». Под ней были собраны подписи ссыльных марксистов Минусинского и Туруханского края; в таком виде она была отправлена за границу и опубликована в марксистской печати. В статье Ленин утверждал, что идеи, изложенные в «Кредо», грозят «сращиванием русской социал-демократии с намеченного уже ею пути – образования самостоятельной политической рабочей партии». «Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти», – утверждал Ленин. <...>

Из Википедии

** Еще в сентябре [1917 года], когда я вернулся из Копани, я поступил репортером в газету «Власть народа». Это была одна из газет с короткой жизнью. Таких газет народилось тогда довольно много. Потом их быстро прикрыли. Газету издавала партия народных социалистов, так называемых «энесов». Даже некоторые сотрудники газеты плохо представляли себе расплывчатую программу этой партии. Мы знали только, что во главе газеты стояли подчеркнуто интеллигентные люди, полные либеральных порывов, свершить которые им не дано. Руководила газетой властная и красивая пожилая «энеска» Екатерина Кускова. Она говорила низким цыганским голосом. На нас, репортеров, она смотрела свысока и неодобрительно, особенно после того, как на дверях ее кабинета появилась надпись химическим карандашом: Ку-ку, ку-ку, кукушечка, / Напрасно не кукуй! / Мадам Кускова, душечка, / О прошлом не тоскуй. – К. Паустовский. Книга жизни

<...> Помнишь, как Пешкова зашла к нам, на Place du Tunnel [в Лозанне]? Ее прислал Меклер*, чтоб Зина повела ее ко врачу. Я же не знала, кто она. Знай мы, что она жена Горького, мы бы ее встретили, конечно, с распростертыми объятиями. Я ее видела потом на квартире у Горького в Москве. Т.е., вернее, квартира была ее, и Горький жил у нее. Я рассказала ей, как нелюбезно ее приняла, и она ответила, что никому не говорила, что она жена Горького. И все ее так же нелюбезно встречали, как я, особенно она запомнила [эсера Егора] Лазарева, который был с ней очень груб. Мне она понравилась, простая.

Андрееву я не видела, но мне она не нравится. А тебе, по этой книге и книге жены Луначарского? ** Это, кажется, благодаря протекции Андреевой Любин муж Осколков[-Маграчев] был одно время директором Морозовского музея. А у Зины в Лозанне было две функции: водить русских к врачам и поправлять французский язык в их безграмотных диссертациях. Затем, они забирали Зинин скелет (для учения) и не возвращали. И бедная мама должна была идти за ним и идти со скелетом через весь город! Ты не любишь время Place du Tunnel? А мама эти годы очень любила. Мама, как Зина и Вика, любила людей. Любила жизнь на Place du Tunnel и затем два года в Париже. Тоже много народа было вокруг.

Зина ко мне вчера зашла в благодушном настроении. Редакторша из «Нового Мира» [Ася Берзер] уже уехала обратно в Москву. Зина взяла у меня письма [нью-йоркского библиотекаря] Лайденберга. Я перевела им уже две тетрадки, но они нашли, что я слишком долго перевожу, и Вика решил дать какой-то платной переводчице. Я боюсь, что она хуже меня переведет, переврет кое-что. И зачем это им так спешно нужно? Сорок лет не читали, а теперь надо спешно прочесть?

<...> О Зине и Вике ничего не знаю. Они ведь все скрывают от меня. Зина приходит раздраженная и сейчас же уходит. Я просила ее зайти ко мне вечером в субботу. Конечно, не зашла. Сперва у них обедала Дора Владимировна (старуха), а потом вместо того, чтоб придти ко мне, как я просила, Зина и Вика ушли в кино. Кино, концерт (в которых она ничего не слышит) для Зины самое главное. Сегодня на несколько минут зашел ко мне Исаак [Пятигорский]. Взял итальянский журнал со статьей Страды о Вике, я ее так и не перевела. Она будто бы нужна Вике. Говорит, что ее переведут, и он (Исаак) перевод принесет мне. Не верю. Исаак всегда все врет для успокоения.

24-го Зинины именины. К сожалению, никого из моих знакомых там не будет, чтоб мне рассказать, как это было. Обе Зинины дамы[-приживалки] отбыли, одна в Москву, другая в Ленинград, не дождавшись даже Зининых именин.

* Сей персонаж появляется первый и последний раз в письмах С.Н. Мотовиловой. Возможно речь идет о филологе-«классике» Зигфриде Меклере (1852-1912, Вена), о котором тоже почти ничего неизвестно, кроме его «известных трудов».

** По-видимому, речь идет о вышедшей в 1963-м книге «Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой». А в уже упоминавшейся книге Н. Луначарской-Розенель «Память сердца» (1962 г.) есть глава «Андреева».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23-26 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Напиши, как понравилась тебе книга Гроссмана о Достоевском* и книга об Андреевой? В каких ролях ты ее видела – в «Мещанах» и «На дне»? Помнишь это, когда Художественный театр приезжал в Петербург? Я простояла, помню, целую ночь за билетами, и мне не хватило. А так как я всю жизнь была плаксой, я разревелась. Какой-то студент, набравший сумасшедшее количество билетов (мошенничество процветало и тогда), сжалился надо мной и дал мне один билет за партером. Мама отнеслась [к этому] спокойно: «Не волнуйся, мы обе пройдем». Мы ходили [на спектакли] вдвоем, мама давала капельдинеру рубль, и он, ни слова ни говоря, приносил маме стул [и ставил его] рядом со мной. Так мы ходили весь абонемент.**

<...> Сегодня была Зина. Как это ни странно, но мы не поссорились. Завтра ее именины. Интересно, кто у нее будет теперь, когда Вика «в опале», как пишет Иван Робертович, мой единственный не адресат, а корреспондент. Но он, кажется, тоже немного побаивается со мной переписываться. Про письмо Бурлюка написал, что оно ему не интересно.

<...> Я же тебе писала, как Вика в день маминого восьмидесятилетия ушел из дома. Знакомые рассказывали, что на Зинины именины Вика всех [гостей] игнорирует, кроме своих друзей. Сидит обыкновенно с ними за отдельным столом и Зининых знакомых игнорирует. <...> Страшно Вика не воспитан. А теперь уже старик, в пятьдесят два года. Ну, холостяки бывают брюзгами.

Еще раз пожалуюсь на Ал. Ефим-ча (он еще не холостяк, ему [всего] двадцать пять лет). Пришел ко мне в мой jour fixe. Моя знакомая рассказывает мне очень интересные вещи о Вике. Ведь от меня все скрывают. Ал. Еф., пользуясь моей глухотой, тихо к ней обращается: «Не рассказывайте ей». Вероятно, поэтому в этот день пришел, чтоб помешать ей рассказывать [о Вике]. Ну, вскоре ушел.

Меня это очень возмутило: не только все скрывает сам от меня, но еще другим мешает мне говорить! Я всем на него жалуюсь. И знаешь, что мне отвечают? – «Ах, какой милый мальчик, он боится Вас волновать. Ну, какой он хороший». Одна Зина поняла меня: «Ты знаешь, у евреев считается, что нужно все скрывать от стариков, чтоб их не беспокоить. Это у них называется «забота о человеке»." Хороша забота о человеке, когда это меня в бешенство приводит.

<...> Я все мечтала, что зайдет Ал. Еф. [чтобы отнести нашей общей знакомой Зинаиде Константиновне Пискорской на именины купленную мною коробку конфет], а он на меня, очевидно, обиделся и уже двенадцать дней ко мне не заходил. Смешной, как маленький ребенок – ходит надутый. Помнишь, M-elle Hans Jacob говорила, про нашу горничную Jeanne на Маурас: «Она дует»?

<...> Хотела приписать тебе, как сойдут Зинины именины. Два дня от нее не было ни слуху, ни духу. Обычно она на второй день приходила ко мне, рассказывала, кто был, а тут – ничего. Наконец сегодня [26 октября], это уже третий день, пришла Зина. Ее провожал, как всегда Вика, нес угощение мне. Затем Зина ждет, когда он сойдет вниз, и тогда только мне звонит. Принесла мне шоколадный торт, коробку конфет и их домашнее угощение – сладкие и соленые пирожки. Говорит, что народу было как никогда много. Сколько? Они еще не считали.

* Это книга литературоведа Леонида Петровича Гроссмана (1888-1965) «Достоевский», вышедшая в серии «ЖЗЛ». Л.П. Гроссман еще в 1920-х начал серьезно изучать творчество Ф.М. Достоевского и даже встречался с А.Г. Достоевской (весной 1917 г. в Сестрорецке).

** Премьера пьесы А.М. Пешкова-Горького «Мещане» состоялась в Петербурге 26.3.1902 г.

Обычно Ганя присылает мне список: «Мыши – 2» (это означает, писатель [Михаил] Клигерман[-Пархомов] с женой), «Зыльки – 4» (это означает, Викин товарищ по Строительному институту, архитектор [Зильберман], с женой, дочерью и сыном), ну и т.д. Я прошу, чтоб Ганя дала мне список. Но, кажется, и гости теперь должны быть от меня засекречены! Зина говорит: «Ганя многих не знает, она не может дать списка». А Зина-то все ведь путает.

<...> Маня Липская <...> пришла днем и просидела до двух ночи, когда остальные гости ушли в четыре часа ночи! Как всегда, было два стола, за одним – Зинины гости, за другим – Викины. По-видимому, Викин стол перепился. Какой-то писатель (Зина фамилии не знает) приревновал свою жену к Викиному другу-архитектору. Но Вика сейчас же увел его в другую комнату спать (?!). Викин Рабинович[-Волынский] обычно не пьет, но тут спьяна обиделся на Вику. Но все было хорошо. На следующий день [после именин 24 октября] у Зины вечером были старые знакомые, два профессора, один с дочерью, а других не помню. Вики, конечно, дома не было. Но, как говорит Зина, его «вызвал» Стейнбек. Это известный американский писатель, оригинальный, своеобразный.

<...> Вечером сегодня ко мне зашел «мальчишка» [Александр Ефимович]. Оказывается, Стейнбек вовсе не вызывал Вику к себе, а выступал в Союзе писателей. Ему шестьдесят один год (возраст нашего Коли). <...> «Мальчишка» <...> [лишь] сказал: «Стейнбек очень любит Вашего племянника», но оказалось, ничего [из] его [произведений] не читал, кроме отрывков в газетах. Вика ему дал какие-то свои книги, а тот Вике дал трубку (?). К нему приставлены два начинающих переводчика. Вика их обоих пригласил к себе. Сидели у него всю ночь. Зачем их двое?

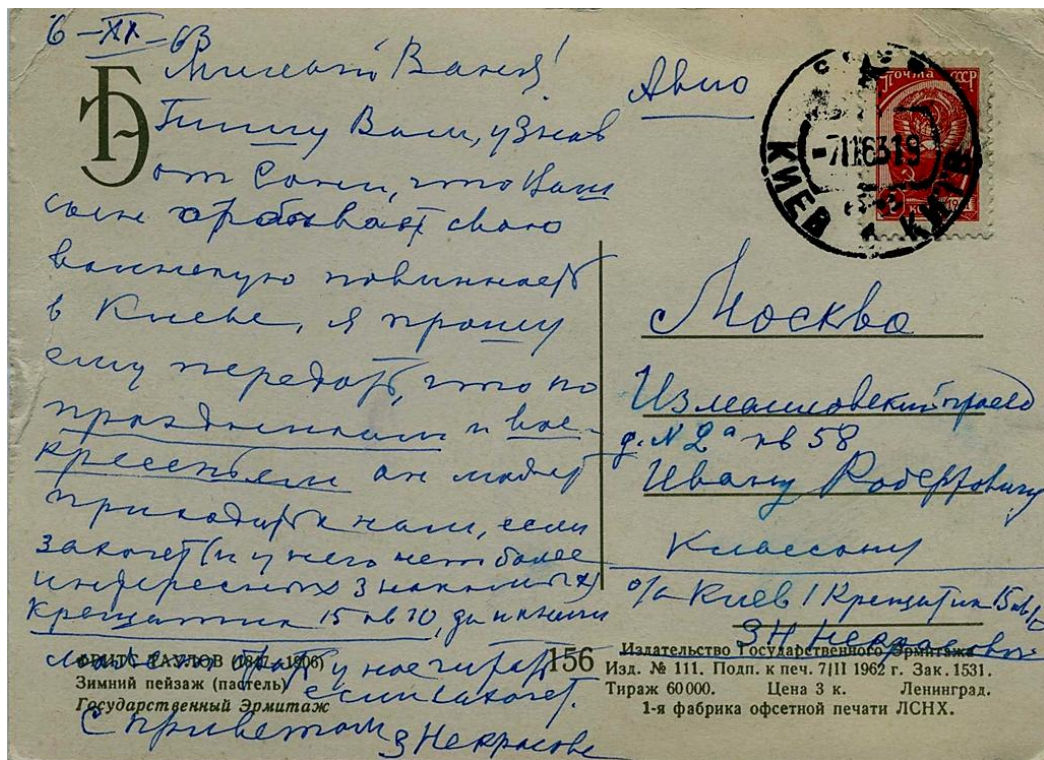
С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27 октября 1963 г.

Милая Вера.

<...> «Мальчишка» [Александр Ефимович] мне часто напоминает Зининого Колю. Колю как-то в Хатках укусила оса. У него под глазом сделалась опухоль, как яйцо. Он бежал домой, по дороге забегал ко всем знакомым дачникам, показать свой укус. А помнишь, как он влез на фонтан и стал изображать «la petit bossu» [(«маленький горбун»)], потом упал в воду фонтана и говорил, что он «крокодил и плавает в водах Нила»? Не помнишь? Это он шел из школы, ему было, кажется пять лет. Какой-то русский мальчик вытащил его из фонтана и привел его к Вам домой.

<...> Хочу еще вспомнить о Коле. Это уже было в Киеве. Приходит мама за ним в школу, а учительница маме говорит: «Ваш внук так интересно рассказывал о своем путешествии в Египет со своим отцом. О пирамидах, крокодилах и т.п.». Мама отвечает, что это все он выдумал, никогда он с отцом там не был, но учительница маме не поверила, решила, очевидно, что мама почему-то скрывает его поездку в Египет.

А еще раз в школе, уже в приготовительном классе гимназии у них была анкета (на тему, кажется, борьбы с алкоголизмом), пьют ли дома вино. Ты же знаешь, что мы никогда никакого вина дома (в России) не пили. Но Коля решил не ударить лицом в грязь и сказал: «Да, каждый день шампанское и спортсвейн!». В одной школе, где был Коля (школа «Матерей»), эта нахалка-учительница уговаривала Зину, чтоб она не водила Колю в «шансонетки». Он там никогда, конечно, не был, да и никто из нас!

З.Н. Некрасова (Киев) – И.Р. Классону (Москва), 6 ноября 1963 г.

(на лицевой стороне открытки изображена картина Фритса Таулова «Зимний пейзаж»)

Милый Ваня! Пишу Вам, узнав от [своей сестры] Сони, что Ваш сын отбывает свою воинскую повинность в Киеве. Я прошу ему передать, что по праздникам и воскресеньям он может приходить к нам, если захочет (и у него нет более интересных знакомых): Крещатик, 15, кв. 10. Да и книги может брать у нас читать, если захочет.

С приветом

З. Некрасова

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 6 ноября 1963 г.

(из утраченного письма)

Жили мы тогда в Москве с 1895 по 1898 годы.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6-9 ноября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Зина как-то смешно считает, что всё – ее. Помню, в 1928-м году мама привезла мне от Софии Гефтер простыни, а от [моей швейцарской подруги] Лины – костюм и черную шелковую блузку. Зина как-то открывает мой ящик и негодуяше говорит: «Как? Блузка, которую я не видала?!» Сейчас же ее забирает, и блузка делается не моей, а ее. Мне это, конечно, совершенно все равно, абсолютно наплевать, что носить, и всегда так было. Ведь ты не получила ни одной маминой вещи. Зина почему-то считала, что все мамины вещи – ее.

Когда я передавала Зине присланный [мне] тобой журнал по искусству, который я сперва послала Ване Классону, а он показывал своей сестре-художнице и затем вернул мне, Зина вознегодовала: «Что же это такое! Наши журналы будут идти к нам кружным путем?» Я воспользовалась тем, что встретила Вику, и сказала, что от тебя получу опять журнал, но сперва его посмотрят мои знакомые, а потом я отдам ему. И Вика миролюбиво согласился: «Пусть идут кружным путем». Вика сейчас же ушел со своей знакомой дамой, очень симпатичной.

*Лилиана Лунгина, Виктор Некрасов, Анна Берзер
(на балконе квартиры первой). Москва, 1971*

<...> Сегодня я звоню Зине. <...> Оказывается, Ганя больна, а Вика ушел куда-то с этой приезжей дамой из Москвы [(Анной Самойловной Берзер)]. Она остановилась в гостинице и скоро уезжает. Своими приходами ко мне доставила мне громадное удовольствие. С большим интересом слушала все, что я ей рассказывала.

<...> Сегодня исполняется ровно двадцать лет, как немцы во время войны ушли из Киева. Мы так радовались их уходу, но они зажгли массу домов, на углу Горького и Саксаганского. Свалили всякую мебель, облили какой-то жидкостью, керосином или бензином – не знаю, и угловой дом запылал. Перейти Саксаганскую было невозможно, по ней шли немецкие войска, по правде сказать, в полном порядке. Довольно любопытная картина была: эти идущие серые солдаты на фоне пылающего пожара. Мы с Зиной решили, что ветер дует в другом направлении, и наш дом не загорится, и преспокойно легли спать в уверенности, что на следующее утро мы уже вернемся в нашу старую квартиру. В 6 часов утра я побежала к нашему дому. Он уже горел и из обоих окон моей комнаты вырывались языки пламени. Да, ужасно [было] лишиться всего, всей нашей библиотеки, всех наших вещей. Я ненавижу войну и терпеть не могу рассказов о ней.

<...> Я ведь давно не видела Вики. Вид у него ужасный: худой, лицо в каких-то морщинах – не поперечных, а продольных, и какой-то измученно жуткий вид. Я все-таки никак понять не могу, что было преступного в его очерке об Америке? Я писала об этом Алексею.

<...> Мне же интересно было его мнение, настоящего большевика, коммуниста с 1903 года об этом «поношении» (когда кого-нибудь бранят), как писал Ваня Классон, Вики. Как видишь, воды в рот набрал, молчит [о несправедливости «поношения»]. Девяносто лет, чего же ему бояться?

Сейчас заходил ко мне Исаак [Пятигорский]. Я, кажется, тебе писала, что ввиду того, что мы с Викой говорим на разных языках, он служит у нас переводчиком. Очевидно, ему было очень трудно уломать Вику зайти в мою комнату. Ну, и он горд, что этого добился. Я ему передала все мои поручения Вике. Я уже Исааку много раз говорила, как бы так устроить, чтоб можно было переслать тебе деньги. Он утверждает, что это совершенно невозможно. Будто бы наши деньги за границей не меняют. Вообще, я в этих делах финансовых ничего не понимаю. Спрашивала его, есть ли у Вики деньги. Отвечает, что он получил аванс от киностудии и от журнала и покуда деньги есть. Но верить ему абсолютно нельзя. Это же бром.

<...> Сейчас позвонила эта дама [(приезжая из Москвы А.С. Берзер)], что ко мне не зайдет. Она все время ходит с Викторией и Зиной к своим и их знакомым. Для Зины это развлечение. <...> По-моему эта дама, как и все прочие Викины знакомые дамы, «претендует на престол», как я это называю. Вике уже пятьдесят два года, должен же он когда-нибудь жениться? Правда, наш дедушка женился уже в шестьдесят два года, но все-таки имел еще двоих детей.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 14 ноября 1963 г.

(из утраченного письма)

Было время, когда тетя Соня была самым близким человеком нашей семьи. Помню ее у нас в Ишеевке, когда в нее был влюблен Федя Мотовилов. Потом она провела у нас целую зиму после папиной смерти. Это был героический подвиг. Бросила курсы, на которых училась, бросила [Р.Э.] Классона, которого тогда любила, и всю зиму прожила у нас.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 ноября 1963 г.

Милая Вера. <...> Кончилось это [(рассылка Александром Ефимовичем моих мемуаров по редакциям)] тем, что я заключила договор с издательством «Известий» [на печатание в «Новом мире»]. Исаак [Пятигорский] посоветовал мне послать все мои мемуары. Я это сделала. Решила: «Наплевать, пусть делают, что хотят – любой форшмак, любую крошку». Я же знаю, сколько страдал и мучился Ваня Классон из-за биографии [Р.Э.] Классона, которую редактировал. <...> Ну, чтоб не трепать свои нервы, не знаю, доживу ли я до выхода своих мемуаров, решила ни во что не мешаться. Так и сказала: «Считайте, что я умерла». Даже корректуру просматривать отказалась. Будь что будет. Три (!) редактора уже прочли, одобрили, но ведь есть еще цензура.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23-24 ноября 1963 г.

Милая Вера. <...> Я уже писала тебе, что в начале этого месяца, когда у меня сидела [московская дама] Анна Самойловна**, мой «высокопоставленный» племянник соблаговолил войти в мою комнату.

<...> Наша более культурная молодежь обожает Вику. Ну, и Ал. Еф. тоже. Я ему даю всякие клочки Викиных рукописей, он их бережет как реликвии. Он знаком был с Викторией до меня, но не решался к нему пойти. Хотел, чтоб я взяла у Вики какую-то книгу Цветаевой, и он [следом] прочтет ее у меня. Зина тогда сказала, пусть придет к ним. Вика его встретил голый (в трусах, конечно). <...> У Вас тоже так ходят? Не выношу! Книгу Цветаевой Вика ему дал, но сказал: «Что, ты не мог сам ко мне придти? Через тетю мою ко мне пришел? Что, у тебя с моей теткой роман?» Правда, «милая шуточка» над восьмидесятилетней старухой?

* Если это Антон Вильгельм фон Эрн, то он женился на Валерии Флориани в 1856-м, т.е. в 59 лет.

** Анна Самойловна Берзер (Ася Берзер) (1917-1994), литературный критик и редактор «Нового мира».

<...> Итак, о Софии Гефтер. По дороге из Швейцарии мама, чтоб доставить мне удовольствие, заехала [в 1928 году] в Веймар к FrI. Else, тогда та еще была жива. Я тебе послала открытку, где FrI. Else писала, как ее удивила мама в свой семьдесят один год, такая бодрая, живая, так всем интересующаяся. Из Веймара мама поехала в Берлин, остановилась у наших знакомых. София Гефтер жила тогда, кажется, во Франкфурте на Майне и сейчас же поехала в Берлин, чтоб повидать маму. Мама столько [нам] рассказывала, как она об этом говорила одной немке и та восхитилась: «Очень большая должна быть у Вас дружба, если она едет так издалека повидать Вас». Мама, очевидно, останавливалась в Берлине, и София Гефтер видела маму не между двумя поездками, как пишет [мне] Ульянов, а день или два.

Мама останавливалась в Берлине и видела Франкфуртов, наших знакомых по [киевской] улице Горького, тогда она называлась Кузнечной. Они прислали маме потом письмо и очень восхищались мамой. Писали ей: «На вид Вам не семьдесят лет, а не больше шестидесяти, а по характеру, по вашему интересу ко всему – не больше тридцати». Да, мама была удивительная. Анна Самойловна мне сказала, что из моих воспоминаний ей особенно симпатична мама (хоть о маме там очень мало).

На днях Зина сказала, что мне пришлют корректуру. Я ответила, что ни во что вмешиваться не буду. Пусть считают, что я уже умерла. Но она мне правильно сказала: «Вы ее не читайте, но Вам приятно будет, что уже есть корректура». Вообще, эта Анна Самойловна произвела на меня хорошее впечатление, лучше всех Викиных дам. Ну, правда, те часы, которые она провела у меня, ей были оплачены редакцией. Мне это было приятно, нельзя же у занятых людей зря время отнимать.

<...> Сегодня [(24 ноября)] получила корректуру своей рукописи. Хотя я говорила, что ее читать не буду, чтоб не трепать свои нервы, но, конечно, не удержалась и прочла. Боже, что это за ужас! У меня были отдельные очерки, почему их нельзя было отдельно и напечатать (один за другим)? Нет, все соединили, перепутали время, лиц. Обезвредили так, что стало тускло-тускло. Сплошная окрошка. Впечатление для меня такое: набор рассыпали, а собрать не сумели. Получилось нечто «разбитое вдребезги». И это еще до цензуры! Нда! Видишь ли, я ведь «начинающий писатель» в восемьдесят три года. К счастью, не все выбрали. Отдельные отрывки, не вошедшие в эту окрошку, можно будет отдельно поместить. Я решила не огорчаться. Выскажи твое мнение, когда прочтешь.

Днем пришла Зина, принесла мне аванс 430 руб. 30 коп. Для меня это очень много, ведь я получаю пенсии 46 руб. в месяц. Это почти за десять месяцев сразу. Я, правда, Зине уже должна была 340 руб. Хотела ей отдать – она отказалась. Затем пришел Исаак [Пятигорский], он вечером должен был вместо меня говорить с редакцией. Я ведь и плохо слышу, и плохо понимаю, и телефона у меня нет. Поправили самые главные абсурды. Отдала ему Зинины 340 руб. моего долга.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28-29 ноября 1963 г.

Милая Вера.

<...> Что касается корректуры, про которую я сказала, что читать ее не буду, пусть делают, что хотят и считают, что я уже умерла, но, конечно, не выдержала и прочла – пришла в ужас! У меня были отдельные очерки, с началом, серединой, концом. Были о них хорошие отзывы от Чуковского, Бонч-Бруевича и даже Пастернака. Я очень этим гордилась. И что же сделали? По-моему, их все перемешали, свалили в одну кучу, пропустили через мясорубку, и получилась какая-то окрошка, не разберешь где что! Но я обещала, что вмешиваться не буду и молчу. Обезвредили сверх всякой меры. Например, про [Дмитрия] Кириллова, убийцу Филонова после Сорочинской трагедии не написали, что он сын священника, бывший еврей, эсер.* Так обезвредили, что сделали все ужасающе тусклым.

<...> Сегодня первый холодный день, вытаскивала свои зимние вещи. У меня три шубы, две пары валенок, пять пар перчаток, шесть зимних шапок и т.д. Все – Зинины вещи. Помнишь, у Поповых [Оли и Гуги?] была прислуга, которая говорила: «Я вашими отапочками возвышаюсь»? Ну, и я Зиниными отапочками возвышаюсь.

<...> Слава богу, Викино дело [в ноябре] кончилось. Зина говорит (но ей очень-то верить нельзя), что Вика получил выговор за нежелание раскаться. Думаю, что это сформулировано как-то иначе, но навряд ли они мне это покажут. Я не понимаю, ну в чем он должен каяться?

А уже сколько текстов его якобы покаяний циркулировало! Кто их писал – неизвестно. Вероятно, Зина с Викой куда-нибудь уедут. Ему трудно работать дома, слишком много людей хотят его видеть. На днях Нина (тети Верина дочка) запросила меня [из Ленинграда], в каком журнале было [покаянное] письмо Вики к читателям? Я дала эту открытку Зине и просила узнать у Вики. Зина открытку отдала, но ответа мне не принесла. Тогда я уже задала вопрос в письменной форме: «Где было напечатано письмо Вики к своим читателям?» И Вика ответил: «Нигде и никогда». Для чего пускают все эти сплетни?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3 декабря 1963 г.

Милая Вера.

<...> Вика пошел сегодня брать путевки в Ялту. Значит, они скоро уедут. Сובлаговолит ли Ганя тогда ходить ко мне? А у нас уже зима, выпал снег. Ужасно ото всех зависеть!

* Подробности Сорочинской трагедии и убийства старшего советника правления Полтавской губ. Филонова см. по ссылке (socialist-revolutionist.ru/component/content/article/82-public/2599-trutovskij-ve-broshyura-sorochinskaya-tragediya).

Однако нигде – ни в печатных СМИ, ни в Интернете не появилось подробностей о семье убийцы Филонова Дмитрие Кириллове. Они так и остались в воспоминаниях С.Н. Мотовиловой (ф. 786 ОР РГБ):

Мы никогда ни о чем не спрашивали наших [лозаннских] гостей, ни имени, ни происхождения, советские анкеты были в нашем доме не в моде, но тут я не вытерпела и резко заметила:

– Как же ваш отец может быть священником, когда, ясно, вы – еврей?

– Да, вы правы. Мой отец был евреем и мать тоже, но они крестились по убеждению, и мы, сыновья, все учились в Полтавской семинарии.

Факт этот всех нас заинтересовал, и мы стали расспрашивать. Отец нашего гостя [Лев Кириллов], человек широко образованный, юрист по образованию, прекрасно зарабатывавший, как помощник присяжного поверенного, вдруг перешел в православие, порвав со своим народом, со всеми близкими, бросил выгодный заработок и стал бедным провинциальным священником.

Согласно «Адрес-календарю и справочной книжке Полтавской губ. на 1901 год» священник о. Лев Кириллов служил в это время в Исправительном арестантском отделении Полтавы

(file:///C:/Users/user/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/1901_AKSK_Poltavsk_gub.pdf).

З.Н. Некрасова – Ульяновым, 7 декабря 1963 г.

Дорогие Вера и Николай Алексеевич.

Заранее поздравляю Вас с Праздниками и желаю всего хорошего, так как 22 декабря нас в Киеве не будет – поедem в этом году в Ялту, где мы бываем обыкновенно летом, а теперь достали туда путевки зимой! Купаться, верно, все же будет нельзя, но, может быть, гулять будем много. Может быть, Вике и на лыжах удастся походить! Целую.

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8 декабря 1963 г.

Милая Вера.

<...> По-моему, я, кажется, пять раз тебе писала нашу родословную со стороны Флориани (а Ульянов писал, что Вы не получили). Вы, вероятно, читали и забывали. Зина, например, читает у меня письмо сына Ив. Роб. Классона, который сейчас в Киеве в морском училище. Но первое время их одних выходить не пускают. На следующий день Зина приходит и спрашивает: «Что ты ему пишешь? Он же давным-давно уехал из Киева. Мне это Ваня Классон писал».

<...> Вероятно, я очень бестолково пишу, если Вы все путаете. И Исаак [Пятигорский], и Волынский – Викины друзья, но общего у них очень мало. Исаак очень хороший, верный Викин друг, все для него делает, он архитектор. То есть не сам проектирует, а работает в каком-то учреждении. Учился вместе с Викой в Строительном Институте. А с Волынским (Рабиновичем) Вика познакомился, кажется, после войны. Он учился в Художественном Институте, оформителем театральных представлений. Но сейчас, кажется, самое выгодное – быть писателем. Он стал писателем, брат его тоже писатель и жена брата тоже писательница.*

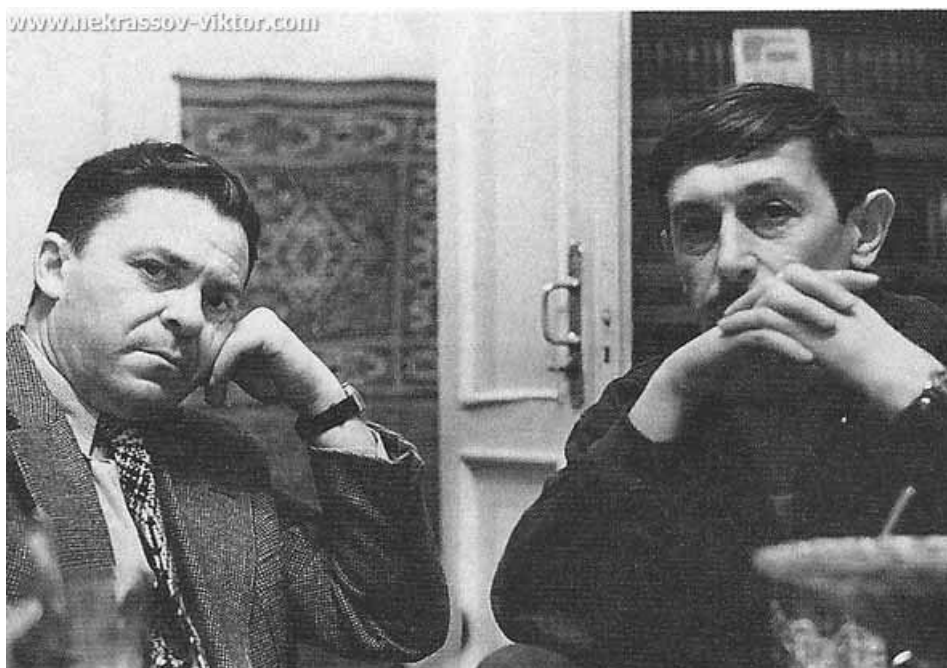
Он, по-моему, фальшивый друг [Вики]. У меня к этому есть доказательства, но приводить их неудобно. Он все-таки лучше Викиного Иончика [Локштанова], тот уж совсем паразитировал на Вике. Вика делал его проект, а тот лежал дома и бездельничал. За сделанный Викой проект получил пятерку, и его выставляли на выставке. Потом они, по окончании института, работали у одного архитектора. Тот утверждал, что такого лодыря и бездельника как Иончик он никогда не видал. Тогда Вика предложил, чтоб Иончик ходил в их [театральную] студию, а Вика будет работать за двоих, ну, а Иончик будет получать деньги.

Когда Вика одно время жил в Вятке, один его товарищ говорил: «Единственное достоинство Вятки в том, что там нет Иончика!» Ну, он процветает теперь [в Москве] на театральном поприще, режиссер.

* Сам Рабинович-Волынский – Леонид Наумович (1913-1969), уже неоднократно упоминался.

Его брат – это Исаак Наумович Рабинович-Крамов (1917-1979), литературовед и писатель. Учился в ИФЛИ, окончил филологический ф-т МГУ (1948). Начал печататься в 1948-м.

Жена брата – Елена Моисеевна Каган-Ржевская (1919-2017). На фронт попала под Ржевом (отсюда и псевдоним) военным переводчиком в штаб 30-й армии. Училась в ИФЛИ, в 1948 г. окончила Литературный институт им. Горького. Печаталась с 1950 года. В первом браке была замужем за поэтом Павлом Коганом, погибшем на фронте в 1942-м.

Леонид Волинский и Виктор Некрасов, Москва, 1960-е

Волинский не паразит, конечно, сам работает. Я посылала тебе его книгу с очень красивыми иллюстрациями о Дрезденской галерее. Книга для детского чтения, но очень интересная.* Дрезденскую галерею спас, конечно, этот Волинский. Я считаю, это громадная заслуга перед человечеством. Понятно, он как художник знал все про галерею, но у нас же нужно все врать. Оказалось, что ее спасли «наши солдаты». Ну откуда же простые парни могли все знать о Дрезденской галерее?! Выискивать это?

Когда возник вопрос, как доставить в Москву Мадонну Рафаэля, не опасно ли аэропланом (была еще война), какой-то генерал удивился: «Я летаю – не боюсь. А тут картину какую-то отправить – боюсь!» Генерал ничего не понимал, а где уж солдаты?!

Но вообще я Рабиновича[-[Волинского](#)] терпеть не могу. Видела его раз мельком. Какой-то тип в их [[Зины и Вики](#)] коридоре ухмыльнулся, когда я прошла. Это он зажулил один раз номер «Нового Мира», когда Вика дал ему послать мою бандероль тебе. Страшно самовлюблен, считает себя невероятно образованным (но когда у Вики бывает [Игорь](#) Сац, действительно образованный человек, Рабинович вынужден уступать свое место [[«невероятно образованного»](#)]). Как большинство евреев – ужасный националист. Это еще простительно.

И вдруг его постигло несчастье: его [[и жены Раисы Григорьевны](#)] единственная дочь (правда, говорят, очень талантливая) вышла замуж за русского [[за белоруса](#)]! О, горе. Да еще – за сына колхозника! Но тоже талантливого работника. Он его и теперь ненавидит.**

* Это уже упоминавшаяся книга Леонида Волинского «Семь дней», вышедшая в издательстве «Детская литература» в 1958 году.

** Единственная «талантливая дочь» Л.Н. Рабиновича-Волинского в Интернете не просматривается. Зато «Всемирная паутина» полна упоминаниями о его «талантливой внучке» – родившейся в 1958 г. Елене Александровне Костюкович, которая ведет свою биографию исключительно от деда (пропуская родителей)! Значит, сына колхозника звали Александром Костюковичем. Кстати, как указывает ст. научн. сотрудник Музея М. Булгакова в Киеве Т.А. Рогозовская, в последнем романе Е.А. Костюкович «Цвингер» (2013 г.) под уже покойным персонажем «Владимир Николаевич Плетнёв (дядя Лёдик)» выведен В.П. Некрасов. Однако при знакомстве с текстом «Цвингера» оказалось, что «Плетнёв», эмигрировав из Киева в Париж, погиб от удара током, расковыривая стереосистему, – как Александр Галич! В общем, «дядя Лёдик», это некий сборный типаж, в который автору Е.А. Костюкович было удобно вложить типические черты «советского интеллигента – оппозиционера власти».

Ну, а у Исаака [Пятигорского], хоть он и менее культурен – учился в хедере [(религиозной еврейской школе)], первая жена была русской.

<...> Благодарю за вырезку о Енисее из Tribune.* Я, правда, в этом мало понимаю, но пошлю ее Ив. Роб-чу Классону. Ведь он инженер-электрик. Он два месяца работал опять на своей прежней службе. У нас такое правило, что пенсионеры могут получать полностью свою пенсию и работать сверх этого два месяца в году.

А ему приходится подрабатывать, ведь ему уже шестьдесят четыре года, а сыновья у него – пятнадцати и девятнадцати лет. Он постоянно мне жалуется на своего старшего сына: и учился, мол, плохо, и не соображает, а вторым сыном, наоборот, очень горд. А мне этот старший мальчик заочно нравится (он очень доволен своей морской службой). По-моему, и отец и мать придираются к нему.

Ты помнишь, его [(Вани Классона)] тетушка Кристиани придиралась ко мне. Обругала меня «дурой», я, кажется, не так картошку чистила. Откуда мне было знать, как картошку чистить? Заставляла меня лазить на деревья и рвать фрукты, потому что боялась, что ее муж может упасть! Не помнишь? К тебе она благоволила. С Роб. Эд. Классоном она поссорилась на много лет: он в гостинице заказал сыр на закуску, а в Швейцарии, мол, нужно сыр заказывать после обеда.

<...> Теперь новый корреспондент у меня – Андрюша Классон. Он очень доволен своей службой, какая она у него – не знаю. И специальность, говорит, хорошая, а какая специальность – не знаю. Но очень приятно, когда человеку все приятно. Им позволили принимать посетителей (по воскресеньям), но я [зимой] не выхожу, и особенного удовольствия, думаю, у него бы не было увидеть старую, беззубую, глухую и полуслепую восьмидесяти трехлетнюю тетку!**

Окончание примечания

Сия информация оставалась верна до декабря 2015 г., пока в Интернете не был вывешен сайт «Леонид Волинский» (zwinger.it/). И в нем наконец-то появилась единственная «талантливая дочь» Вера. Но далее опять-таки сохраняется «фигура умолчания»: от кого Вера Леонидовна родила дочь Елену? Неизвестно! Зато потом появляются муж Веры Леонидовны (второй?) – Роман Новосельский и их сын Леонид!!

* По-видимому, в заметке из французской газеты La Tribune шла речь о Красноярской гидроэлектростанции на Енисее, строить которую начали в 1955-м, а первый агрегат запустят в 1967 году

** «Реферат» А.И. Классона о службе на Северном флоте (ф. 9508 РГАЭ):

Я начал службу в Военно-морском флоте в сентябре 1963 г. Призвали на Северный флот. Но, пробыв неделю в Северодвинске (база и завод Северного флота), я прошел некоторые проверки на пригодность службе в слуховом отношении (радисты, радиометристы, радиомастера и со знанием английского языка дословно). По одной из этих специальностей я прошел тестирование и через несколько дней оказался в Киеве. Там я проучился до июля 1964 г. Получил удостоверение специалиста и отбыл обратно на Северный флот.

В Киеве мне понравилось [во время организованных увольнений]. Немного городская обстановка, походы по улицам, на футбольные матчи. Культпоходы на театральные представления. Также я посещал в [индивидуальных] увольнениях своих полудельных родственников. Вот, например, был я у Виктора Некрасова – автора книги «В окопах Сталинграда» и у его матери Зинаиды Николаевны. Также один раз зашел в гости к ее сестре Софье Николаевне. Конечно, мне было [всего] 20 лет. А моим собеседникам – лет на 30-40 больше. Но что-то общее в разговорах и собеседованиях находили. Времени [в увольнениях] было мало. Давали увольнительные на несколько часов, поэтому много [с родственниками] не наговоришься. У Виктора Некрасова меня заинтересовали зарубежные журналы. Что-то я пробовал (уже на службе на Севере) переводить со словарем из английских рекламных-бытовых текстов.

Ближе к лету [1964 г.] приезжал в Киев повидаться со мной отец. Часть наша находилась на острове на Днепре. На катере отца переправили, мы встретились, но общались всего часа 2-3, и он попрощался и отбыл в город (на Крещатик, к Виктору Некрасову). Там он пробыл около двух дней. Меня не отпустили, т.к. в это время были выпускные экзамены. Дней через 7-10 нас распределили по флотам. Откуда я прибыл (с Северного флота), туда и отправили (в г. Полярный). Это недалеко от Мурманска, километров 50-70, в Кольском заливе.

<...> Редакторы [[«Нового мира»](#)] такую кашу сделали, не только из того, что я писала, но даже письмо [[умиравшей от несчастной любви к Брюсову и туберкулеза](#)] Павловской маме [[Алине Антоновне](#)] умудрились «поправить»! Выйдет, верно, это в феврале. В №11 «Нового Мира» должен быть Викин рассказ.*

<...> Сперва зашла Зина. Затем моя машинистка (старая знакомая) принесла мне статью [[Витторио](#)] Страды про Вику, но [[чужой](#)] перевод до того бессмыслен и ужасен, что она ничего не поняла. <...> За Зиной зашел Вика, действительно приличный, но в бешеном настроении. Старый, некрасивый. Двадцать первого они летят в Ялту, в Дом творчества писателей [[имени Чехова](#)]. Очевидно, ремонт там кончен.

[З.Н. Некрасова – В.Н. Ульяновой, 14 декабря 1963 г.](#)

Милая Вера!

Итак, мы с Викой едем в Ялту! Летим 22 декабря и надеемся на хорошую погоду. Пробудем там месяц или два, но боюсь, что купаться не удастся – будет недостаточно жарко. А Вике там будет хорошо писать, да и гулять можно много в окрестностях. Вот на лыжах вряд ли ему удастся походить, как в Малеевке. Ну, а библиотека в Ялте тоже хорошая. Крепко целую.

Зина

[З.Н. Некрасова – Н.А. Ульянову, 14 декабря 1963 г.](#)

Дорогой Николай Алексеевич!

Что у Вас нового? Вика кончает свою «Францию», которая выйдет в «Н.М.» в ноябрьском номере (сильно запоздавшем), а Сонины воспоминания – в двенадцатом.** В Ялте мы пробудем месяца два. [Или] три, если погода будет хорошей. <...> Будьте оба здоровы. В этом году и в будущем, который мы встретим уже в Ялте.

Зина

[С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18-19 декабря 1963 г.](#)

Милая Вера.

<...> Квартиры у нас такие тесные, что негде держать книги. Я тебе, кажется, посылала очень забавный фельетон [[словацкого писателя](#)] Карваша о том, как некуда девать книги. У Вики все книги [[располагаются](#)] в коридоре на открытых полках, любой вошедший может любую книгу взять [[и зажулить](#)]. Ужасно нелепо. До революции книги в передней я видела только у [[лидера кадетов](#)] Милюкова. Мне предложили на Бестужевских курсах урок [[французского](#)] с его сыном [[Сергеем](#)]. Он потом погиб, во время войны в 1914 году [[в 1915-м – в 20 лет](#)].

Окончание примечания

И прослужил я [[на Северном флоте](#)] с июля 1964 г. по октябрь 1967 г. Был в Бискайском заливе (Атлантика), на Северном полюсе. Нес радиометрическую службу и на надводных плавсредствах (типа среднего рыболовного траулера) и на подводных атомных лодках. Так пролетело 4 года службы в Военно-морском флоте. Начал курсантом учебного отряда (школы), а закончил старшим инструктором в мичманском штате.

В разговоре с братом Михаилом Андрей Иванович добавлял, что когда он пришел к Некрасовым, то Виктор Платонович был поддавшим, называл его «товарищ краснофлотец» и предлагал выпить (от чего брат отказался – мог замести патруль). Наверное, писатель сильно переживал из-за своего «персонального дела», возникшего после наезда партийных начальников, включая Хрущева и Подгорного.

* Это рассказ «Новичок» (из блокнота), а также очерки «Из блокнота». А «Воспоминания» Софьи Николаевны выйдут в декабрьском номере «Нового мира», правда, сильно запоздавшем подписчикам.

** Тут З.Н. Некрасова, по-видимому, никак не может перестроиться: после уничтожающей критики Н.С. Хрущева «Франция» не могла быть опубликована в №11 «Нового мира», и ее, похоже, заменили, как уже упоминала С.Н. Мотовилова, на рассказ «Новичок» (из блокнота).

М-ме Милюкова мне очень понравилась, но я им почему-то не подошла. Все стены передней были уставлены полками с книгами, а рядом была дверь открыта в обширную гостиную, где не замечалось ни одной книги. До чего нелепо!

Мама тебе, верно, рассказывала, что у нас после революции подолгу жила Оля Присецкая, по мужу Милюкова. Очень милая. Ее старшая дочь была в Париже у дедушки и бабушки [Милюковых], но тут она стала проявлять комсомольские взгляды, что было очень неудобно. Не знаю, вернулась ли она в Россию.

<...> Оля [Присецкая-Милюкова] очень любила нашего Вику и [как-то] сказала[, когда я была у нее в Москве], что она хотела бы, чтоб ее [младшая] дочь вышла замуж за Вика. Вике было тогда двадцать лет, а девочке – пятнадцать. Та надулась: «Я вовсе не хочу выходить замуж за старика!» Не знаю, что с ними всеми случилось.*

* С сайта «Заклейменные властью» (pkk.memo.ru/):

МИЛЮКОВА (урожд. Присецкая) Ольга Ивановна, родилась в 1885 в Иркутске (отец Присецкий Иван Николаевич; мать Присецкая Вера Николаевна). Вышла замуж за Николая Милюкова, в семье родилось две дочери. В 1917 – разошлась с мужем. Проживала в Сорочинцах Миргородского уезда, с 1920 – в Миргороде, давала уроки музыки и пения, затем была на иждивении братьев. В мае 1924 ее знакомая вывезла в Прагу старшую дочь, Викторину Николаевну Милюкову. В 1926[-1927] просила разрешения на выезд за границу с дочерью Ириной Николаевной Милюковой для соединения со старшей дочерью. <...>

В О<бщест>во Помощи политическим заключенным

М.Л. Винаверу

От Ольги Ивановны Присецкой, по мужу Милюковой

Заявление

Безвыходное положение заставляет меня обратиться к Вам. Если возможно, помогите мне. В апреле месяце 1926 года я обратилась в лубянский Окрисполком [(в Полтавской губ.)] с ходатайством, разрешить мне выехать с маленькой дочерью в Чехию. Тянулось это дело 9 месяцев и только в половине декабря 1926 г<ода> в выдаче паспорта мне отказали без объяснения причин. Я имею основание думать, что главной причиной явилось то, что я когда-то была замужем за сыном П.Н. Милюкова. С мужем своим я давно разошлась, у него есть другая семья. Все дело только в том, что мы наш развод в свое время не оформили, раньше формальная сторона меня мало интересовала и я не думала, что это когда-нибудь понадобится. Сейчас обстоятельства так сложились, что мне остается только добиваться поездки в Прагу, и невозможность получить паспорт приводит меня в отчаяние. Три года назад из Миргорода, где я живу, уехала к себе на родину в Чехию моя близкая приятельница, учительница немецкого языка. С ней я отпустила свою старшую дочь, которую нужно было начинать учить, а я не только не могла этого делать, но мне даже трудно было содержать двоих детей. Сейчас мое материальное положение не улучшилось и возвратиться к себе девочку из-за границы я не решаюсь, а жить все время в разлуке слишком невыносимо. Заграничная приятельница зовет меня к себе в Прагу, обещает помочь и быть может найти заработок.

Мне представляется это единственным выходом, и неужели же то, что я когда-то была женой сына П.Н. Милюкова, это должно на всю жизнь связать меня с политическими воззрениями родных моего бывшего мужа? Когда в Лубнах забирали у меня справки, то главное внимание обратили на родных со стороны моего бывшего мужа и почему-то отказались отметить, что отец мой Иван Николаевич Присецкий состоял в близких отношениях с лицами, осужденными в июле 1879 года в Киеве, и считали руководителем железнодорожного кружка. Будучи сослан административным порядком в Восточную Сибирь, он оставался там пять лет. Последующие годы своей жизни он оказывал всяческую материальную помощь и содействие революционным партиям народнического направления.

Так, в 1880-1881 году он внес революционерам крупную значительную сумму денег на нужды революционной агитации. Мои тетки Софья Богомолец и Мария Присецкая были сосланы в Сибирь по приговору Киевского военно-окружного суда. Софья Богомолец умерла в Сибири на Каре в тюрьме. Быть может, установление факта происхождения моего из этой революционной семьи может несколько ослабить то значение, какое стараются придать моему замужеству.

Отказаться же мне от поездки за границу, это для меня равносильно тому, чтобы окончательно разбить свою личную жизнь, т<ак> к<ак> придется отказаться от мысли соединить при себе обеих моих девочек.

С уважением О.И. Присецкая

15/IV 1927 г<ода>

Сюжет «со сватовством к Вике» происходил в 1931 г., значит, Ирина Милюкова родилась в 1916-м. И, выходит, они с мамой так и застряли в Советской России. Разыскание информации о дальнейшей судьбе О.И. Присецкой-Милюковой и ее дочерей требует трудоемких исследований.

<...> А 400 руб. аванса [(за рукопись о Брюсове, отосланную Бонч-Бруевичу в 1931 году)] как раз получились [через семь лет], когда мама и Зина были в Симбирске и им не на что было выехать. Свои деньги они отдали Вике в Москве, где перед этим его друг Иончик [Локштанов] забрал у него все деньги.

<...> Извини, если я тебе все это уже писала. Я ведь не помню. У Зины тоже очень маленький репертуар и она все повторяет одно и то же. Я сказала Вике, что Ульянов мне написал, что я напрасно «отшила» Ал. Еф-ча. Вика удивляется: «Откуда у него такое советское выражение – отшить?». Разве это советское выражение?

<...> В то время как Ал. Еф. читал мне вслух письмо Ульянова (не было света), пришли Зина и Вика. Вика был благодушно настроен (?!), чудо какое-то. С «мальчиком» поговорил и сказал, что придет за Зиной через полтора часа. А Зина же у меня сидеть не может! Форточка открыта, первую раму открыли, а то она задыхается. Через полтора часа Вика позвонил, что придет еще через полчаса. Зина начала скорее одеваться, чтоб ждать его на улице! Они завтра [(20 декабря)] в 10.40 утра едут поездом в Ялту.

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой, 21 декабря 1963 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

Мы только что приехали в Ялту, как раз в тот день, когда предыдущая «партия» уезжает, а новая приедет завтра. На основании этого комнаты, которые мы всегда занимаем, будут свободны завтра, и мы их [опять] займем.

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 декабря 1963 г.

Милая Вера.

<...> Ты знаешь, у нас все стадное. Например, всем [образованным людям] полагается восхищаться Хемингуэем. Вика его обожает, Александр Ефимович – тоже. Я переводила для Вики воспоминания брата Хемингуэя из какого-то французского журнала. Мне было противно. Сплошные пьянки, ах, как замечательно, целый квартал в городе чем-то напоил! Тут же брат высчитывает, во сколько это обошлось исходя из такой-то цены бутылки коньяка.

<...> Зина [с Викой] уехала утром двадцатого. Обычно они по приезде мне присылают телеграмму, но в этот раз не прислали. Исаак [Пятигорский] все еще (говорят) в Москве. Он мне нужен как консультант и homme d'affaires [(здесь – поверенный в личных делах)].

Ты не помнишь как Соничка Бродке приехала в Киев продавать свой дом. [Племянник] Коля, который привык, что все [взрослые] люди имеют какую-то специальность: Зина – врач, я – геолог и т.д., спрашивает ее, кто она. А она – никто, говорит, что приехала дом продавать. Коля подумал и сформулировал: «Значит, Вы – une femme d'affaires [(деловая женщина)]?»

<...> Соничка Бродке еще раз приезжала к маме, когда мы уже жили на Кузнечной, 24. Мама с детьми была на даче, а Зина тогда (это было во время войны) работала в военном госпитале, там и жила. А Соничка Бродке жила у нас в квартире. Она немножко сошла с ума. Ей казалось, что все в нее влюблены. Зина ей рассказала про одного французского офицера, который был ранен, лежал у нее в госпитале в Париже. Соничка Бродке сейчас же сочинила, что это ее возлюбленный, и рассказывала об этом очень сложные истории. Потом она уверяла, что ее возлюбленным был Александр Андреевич Мотовилов.

*Андрей Классон в «парадной матросской форме»,
Киев, ноябрь 1963 г.*

<...> Вчера получила письмо от Андрюши Классона (внука тети Сони). Прислал свою фотографию в парадной матросской форме. Он, по-моему, красив, тип [лица] – не русский, а скорее итальянский. Но [имеет] какой-то печальный вид. Он в семье считался неудачником, плохо учился. А [его младший] брат хорошо учится и все соображает (им Ваня гордится). По-моему, плохо, когда одного хвалят в семье, а другого бранят.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24-25 декабря 1963 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня вечером принесли открытку от Зины. <...> Зина послала ее 21-го, а пришла она авиа 24-го вечером. Я тебе буду посылать все Зинины письма. Я очень рада, что там Алигер, она поэтесса, лауреатка, одна из жен Фадеева.

<...> Точных сведений у меня никогда нет. Зина ведь все путает, Вику я вообще не вижу, а противный Ал. Еф. [Парнис] тоже все от меня скрывает. Оказывается, когда Вику выкидывали из партии (его уже восстановили), все его друзья голосовали за его выкидачку, а потом извинялись. Мы, мол, иначе не могли. Ну и люди! А Вика будет с ними и дальше дружить и их благодетельствовать.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-2 января 1964 г.

Милая Вера.

<...> На каком языке прислал тебе свои журналы Бурлюк, русском или английском? Он очень добродушен, но невероятно хвастлив. Когда я покупала у него в Самаре в 1917 году картину (тогда он был беден и очень заинтересован, чтоб я еще купила), это просто были виды. В каталоге [(который он ранее прислал мне)] была дикая самореклама. Он меня спросил: «Вы, верно, нашли, что я Хлестаков?» Я ответила: «Да, я нашла!» Когда он был у нас в СССР, то сообщил мне, что написал 15 000 картин. А теперь пишет, что уже 17 000.

Самым обильным художником был Айвазовский, он за всю жизнь написал 2 000. <...> Про себя Бурлюк пишет мне: «Я пел – баритон». Он может, когда хочет, писать прекрасные реалистические картины.

<...> Вчера, первого января после двенадцати часов ([наступления] Нового Года) и до двух я подводила итоги. За 1963 год было у меня посещений гостей – 401. Из них Зина – 90 раз и Александр Ефимович [Парнис] – 135!*. Ты понимаешь, какое в моем одиночестве для меня развлечение. Писем в среднем я получала в месяц 25, а посылала 24.

Я-то пишу длинные письма, а Зина присылает все больше открытки. Спасибо за вырезки. Послала их Зине и велела переслать Классону.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4-5 января 1964 г.

Милая Вера.

Заходил Александр Ефимович [Парнис], принес мне массу интересных книг. Он же может все что угодно найти. Принес мне Вишневского. У Вики эта книга, конечно, есть. Но я никогда не читала Вишневского, его двух писем Вике в 1947-м, и это первый раз, как я читаю критику на Викину пьесу, очень положительную (критику, а не пьесу).**

* В начале 60-х годов в Киеве автор этих строк был хорошо знаком с Мотовиловой и часто навещал ее в маленькой комнате в «вороньей слободке» — коммунальной квартире № 7 дома № 38 по ул. Горького (бывшая Кузнечная). — Александр Парнис. О государственной службе поэта и романе «Доктор Живаго» (Неизвестные письма Б. Пастернака к С. Мотовиловой) / «Зеркало недели» (Киев), 4 февраля 2000 г.

** Одно из писем Виктор Некрасов цитирует в эссе «Вишневский» (из серии «Маленькие портреты»): 10 июня 1947 года. Привет, товарищ Некрасов!

Пьесу Вашу [«Испытание»] прочел. По сути это литературный, первый вариант. Пьеса самобытная, талантливая, «ключевая», психологического плана... Диалог развивается свободно, естественно. Люди живые... Жаль, что мальчишка увядает где-то около середины пьесы, а он мог бы прекрасно нести тему молодости, **упорства!** Развейте, **обязательнейше!** «Единство времени, места, действия» — дано смело, своеобразно. Пьеса не похожа на большинство сегодняшних пьес. Есть настоящие раздумья, боль, сочувствие настоящим людям, подлинная актуальность. (Да, **мировой** спор идет между коллективистами и индивидуалистами, волками...) И есть философские «срывы» (как были в первом варианте «Сталинграда», помните?).

У нас нет «окопного братства», **особой военной «дружбы»**, корпорации с **особым** духом, правилами и пр. У нас нет землячеств, культа окопных страданий, жертв и т.п. И не опирайтесь на это! У нас ясные коммунистические идеалы, провозглашенные впервые век назад, а для России, для народа выработанные партией Ленина. Военная тема у нас понимается как часть единого народного дела... Ваши герои подчеркивают **окопность**, а нужно подчеркнуть суть **мирового** дела советского народа, его миссию... Раздвиньте **философские, политические** рамки, — во всяком случае, у героя Вашего, Ладыженского. Это должен быть **зрелый** коммунист... Часто текст засорен грубостями, штампованным жаргоном. Уберите это... Пишите **чисто** во всех смыслах... У вас семья дана чистая, благородная, рядовая и вместе с тем советская, выдающаяся, творческая. Милые люди, сотворившие победу... Придумывайте сокращения... (Тут Вам поможет опытный режиссер. С кем работаете? Я предлагал Вам уже дать пьесу Таирову.) Пьеса настоящих чувств, настроений... Есть очень тонкие нюансы. За бытом — чувствуется бытие, жизнь... Борису и его окружению вы отвели места **больше, чем надо**. На сцене — по её законам — получится некоторая схватка двух равновеликих лагерей, типов. В советской же жизни диктуют, творят, создают Ладыженские... (и, конечно, народ, простой, но в пьесе он не затронут). Вы сами придете к нужным ужатыям... Думаю, что вокруг Ладыженского должно быть больше людей. Это естественно: он тянет к себе, и, кроме того, у него общественные функции. Он защищает, пишет, выручает, отстаивает...

Пьесу я включаю в план «Знамени». Хотелось бы поговорить о пьесе лично... Узнать театральные отзывы, мнения и т.д. Будьте в выборе театра органически точны. Жму руку Вс. Вишневский

Вишневский, кажется, был [главным] редактором «Знамени», где печатался Викин «Сталинград». Викина пьеса [(«Испытание, переименованное в «Опасный путь»)] шла в театре им. Станиславского [в 1949-м], но так изуродованная, что он решил никогда больше пьес не писать, а это досадно. Он как бывший актер отлично знает, и кроме того у него дар говорить от каждого [действующего] лица его особенным языком. Это умение редко у кого бывает. Тогда Твардовский отказался напечатать его пьесу (говорю с Зининых слов, тогда она еще все помнила). Твардовский сказал: «Уж и так слишком много писали об архитекторах». Но это же были не только архитекторы, а коммунисты, вернувшиеся с фронта.

<...> Сейчас нашла в ручке своей двери шесть поздравительных писем и открыток. Зинину открытку тебе пересылаю. Опять о погоде! Но чрезвычайно интересное сообщение для Александра Ефимовича: [Виктор] Шкловский приезжает к ним в Ялту. Александр Ефимович его обожает, боготворит.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6-9 января 1964 г.

Милая Вера.

Сегодня только 6 января, сочельник старого рождества. Ну, у русских и украинцев [готовится] всякая кутья и прочее. Но у нас в квартире кроме меня русских нет, все евреи. Это ведь квартал, который и до революции был населен евреями. Там, где ты бывала у нас в Киеве на Владимирской, 4, где родился Вика, рядом с Десятинной церковью, которую после революции зачем-то снесли, при царской власти евреям жить было нельзя. Когда у Коли была бонна Софья Борисовна, мама должна была обращаться к губернатору, чтоб она могла у нас жить.

<...> Посылаю тебе три вырезки. Это все мне Ваня Классон присылает. Я ему очень благодарна, я сама ведь газет не читаю. По поводу вырезки о [писательнице] Караваевой. Я вообще ее не люблю, мне кажется, что она подлиза. Я вероятно тебе уже писала – ничего, еще раз прочтешь. Когда появился Викин «Сталинград» (так ведь это называлось, когда вышло в «Знамени»), устроили обсуждение в Союзе писателей и вызвали Вику в Москву. Зина поехала провожать Вику, и вдруг, за несколько минут до отхода поезда, Вика обнаружил, что забыл билет дома. Он взял такси, мчался вовсю, но опоздал.

Подъехал к вокзалу, когда поезд уходил. Он был очень рад. Он никого из писателей еще не знал, и слушать, как тебя обсуждают, невыносимо. Я не видала протокола этого собрания, но, кажется, все находили, что недостаточно торжественно. Караваева сказала, что она жила в эвакуации в Куйбышеве (Самаре), сидела [в тот день] в партере. Когда в антракте узнали о нашей победе в Сталинграде, такой был восторг, что незнакомые люди обнимались, а у Вики этого восторга [в повести] не видно. Граф Игнатьев возразил: «Вы были в партере театра, а они – в окопах». Мне это [возражение] очень нравится. Игнатьев первым поздравил Вику с выходом его «Сталинграда» и подписался: «Киевский кадет».*

* К сожалению, в Интернете протокола соответствующего заседания совписателей не обнаруживается. Наиболее близко сию тему отобразил Лазарь Лазарев в «Записках пожилого человека»:

Я разыскал протокол этого заседания президиума правления ССП, на котором обсуждался только что опубликованный в «Знамени» некрасовский «Сталинград». Вещь эта обратила на себя внимание, имела большой успех у читателей – чтобы нейтрализовать ее сомнительное идейное воздействие на читателей, решено было «выработать правильную оценку» ее, которой бы придерживались газеты и журналы. Этим и занялся президиум (правда, справедливости ради, должен сказать, что в большинстве осуждающих речей слышалось уважение и к фронтовой биографии Некрасова, и к его таланту; тогда же он был принят в Союз писателей, кажется, даже без заявления и рекомендаций, как вспоминал потом Некрасов, «заочно»).

З.Н. Некрасовой (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой, 9 января 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

Что у тебя нового и хорошего в Новом 64-м году? У нас яркое солнце, синее небо, и мы с Асей [Берзер] гуляем еще с утра, затем выходим с Викой до обеда, а после обеда гуляем до ужина, а Вика работает. Вечером смотрим кино или опять гуляем по Ялте, по ярко освещенной набережной. Должно быть, мы «продлимся» и на февраль. Кто у тебя бывает?

Зина

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 13 января 1964 г.

(из утраченного письма)

Когда будете у Зины, увидите у нее цветную фотографию Шильонского замка, которую тетя Соня подарила маме в 1892 г., когда тетя Соня, [П.Э.] Классон и Коробко жили у нас на Maupas.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11-15 января 1964 г.

Милая Вера.

<...> От Зины уже неделю ни слуха, ни духа. Даже к Новому Году она мне не написала. От тебя была открытка, а от Зины – ничего. Вчера [(10 января)] заходили Исааки*, принесли мне открытку от Зины. Она пишет, что они очень приятно встретили Новый Год. Все жители их дома творчества, а писателей там сейчас всего восемнадцать [человек], встречали Новый Год в столовой, а Зина и Вика – в своей комнате вчетвером. Их, двое, редакторша «Нового Мира» и какая-то переводчица из Москвы.

Очевидно, эти восемнадцать писателей Вике не особенно симпатичны. Но кто они? Хоть бы Зина мне это написала, чем сообщать о погоде и красотах Крыма. Исаак обещал (но верить ему нельзя, это – успокоительный бром), что скоро поедет в Крым в командировку и все для меня узнает: и кто эти восемнадцать писателей, и почему Вика встречал Новый Год отдельно.

Ты знаешь, Ева [Пятигорская] героиня, но страшная командирша. Очевидно, решила взять меня под свою полную опеку. Когда мы выходили с ней [гулять несмотря на скользоту], я купила себе полкило кофе. Она начала кричать, что я ничего не понимаю, что мне это хватит на пять лет (!), что я не должна так много пить кофе.

Когда она ушла, я вместо того, чтоб заниматься чем-нибудь полезным – штопкой чулок, заплатами на простыни, чтением, начала высчитывать, сколько я употребляю кофе за год. Я ведь все свои расходы записываю (Зина говорит, что я хочу представить полный отчет Господу Богу, сколько я на что тратила). Вышло, что я в среднем потребляю 400 гр. кофе в месяц. Спросила Ганю, сколько у них выходит? Оказывается 1 200 гр., т.е. в три раза больше чем на меня. Их же двое (Ганя кофе не пьет) и еще кто-нибудь бывает.

Окончание примечания

Вот что, судя по протоколу, говорил Фадеев: "Автор не может, естественно, удовлетворить тем требованиям, которые предъявляют к нему читатели романа «Сталинграда»... Автор хочет показать моральную стойкость обыкновенного простого советского человека в Отечественной войне и причины этой стойкости. Но зрение этого автора, выражение этой мысли очень ограниченное, потому что он смотрит глазами довольно узкой части интеллигенции, получившей эстетское воспитание". В этом же духе выступали и другие руководители Союза писателей: Сурков, Горбатов.

* Имеются в виду муж и жена Пятигорские, Исаак и Ева.

Ева говорит: все равно я слишком много трачу на кофе, ей кажется это предметом роскоши! Мне интересно, а сколько у Вас выходит на кофе в месяц? Или Ульянов этого не знает? Далее Ева заявила, что у меня слишком много яблок! А они мне нужны и для глаз, и для желудка. Мне яблоки приносят мои знакомые. Не могу же я, когда мне принесли два кило, сказать, что мне «слишком много», чтоб уносили обратно? Ничего, Ева нашла выход: распорядилась, чтоб Ганя больше мне яблок не приносила!

<...> Да, я подписала какую-то доверенность на получение моих денег в Москве. Исаак говорит, что пересылка дорого стоит, а он поедет и привезет. Ну, теперь подумай, не нужно ли тебе каких-нибудь книг, может быть старых авторов? Или Ульянову нужны какие-нибудь книги по геологии? Или, может быть, выписать ему какие-нибудь геологические журналы? Покуда у меня есть Александр Ефимович [Парнис], я же могу все это сделать, pošлю его.

<...> Милая Вера, наконец [(15 января)] получила открытку от Зины. Я их тебе все пересылаю. Ты можешь убедиться, что во всех одно и то же: погода, море, кино – и это все! Я бы, чем писать каждый раз, заказала бы штамп и ставила на каждой открытке [оттиск – «погода, море, кино»]. А я ей послала [в Ялту] уже семь длинных писем! Но я даже не знаю, доходят ли они до ее сознания. Когда она приезжает, она мне их почему-то приносит и абсолютно ничего не помнит из того, что я писала ей.

<...> Нина Мотовилова [из Ленинграда] (тети Верина дочь) поздравила меня, что я из «графоманки» стала «писательницей».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 19 января 1964 г.

Милая Вера.

<...> А тут еще вышел №12 «Нового Мира». Я теперь от соседей не звоню, и у меня телефона нет. С соседями отношения плохие. И вдруг начали им звонить всякие мои знакомые, поздравляя меня с выходом моих воспоминаний! Я глуха, ничего не слышу, в чужой комнате мешаю [соседям]. Говорю в телефон: не звоните, пишите мне открытки. Наконец, пришел по подписке и мой журнал. А мои авторские [до сих пор] не пришли.

<...> Мои воспоминания меня злят. Почти все имена пропущены. О том, что Ногин и С.В. [Андропов] увлекались тогда статьями Мартова, выкинуто: Мартов – меньшевик. О том, что Лазарев прислал нам [в Лозанну] Кириллова, убийцу Филонова, имя Лазарева пропущено – эсер. Что у Танеева висел портрет Брюсова с надписью «наглый идиот», выкинуто – Брюсов теперь в чести. Я все-таки тебе пришлю ряд моих воспоминаний, которые они не поместили или исковеркали.

<...> Я все интересовалась [у Исаака Пятигорского], вызовут ли мои воспоминания «резонанс». Пока получила два письма из Москвы и три телефонных звонка из Киева. Но это все знакомые, а мне интересно, будут ли писать чужие читатели в «Новый Мир», как пишут по поводу Викиных вещей.

<...> Как видишь, Зина пишет, что они думают февраль пробыть в Ялте, а в мае уехать в Латвию. А март-апрель, вероятно, Вика будет в Москве? Будут же печатать его воспоминания о поездке во Францию.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 января 1964 г.

(из утраченного письма)

При публикации «Минувшего» в «Новом мире» были пропущены имена директора Симбирской гимназии Керенского, Феликса Волховского, [директора народных училищ Ильи] Ульянова, [профессора] Гредескула, Володи Рудиковского, тогда 16-летнего мальчика, большевика с 1905 г. <...> Из письма Андропова выкинуто, как по дороге в ссылку Ногин рассказывал Громану об условиях жизни рабочих.*

<...> Весь конец о Кириллове я взяла из статьи Плюскина, поставила все в кавычки, была сноска на Плюскина, это уничтожено.** Очень много выкинуто о Ногине, как он ехал со мной из Финляндии, обмотав вокруг ног экземпляры «Искры», как мы приехали прямо в театр Комиссаржевской, как была при открытии 2-й Государственной Думы [20 февраля 1907 года], как держал себя Ногин и удивил меня своим отношением к Алексинскому, тогда депутату от большевиков.***

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 января 1964 г.

Милая Вера.

<...> Ну, ко мне уже стали приходить отзывы моих «благодарных читателей». Покуда только от знакомых. Милый Исаак, зная, что я люблю «резонанс», прислал по почте свою рецензию и кажется старается мобилизовать всех своих знакомых, чтоб мне писали свои отзывы. Надеюсь, что и ты и Ульянов напишете.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 января 1964 г.

Милая Вера.

Ты знаешь, мой «мальчишка» [Александр Ефимович] совершенно сумасшедший. Примчался сейчас как ураган. Спешно прочел два письма моих читателей. Он считает, что это относится и к нему, так как это ведь из-за него мои воспоминания опубликованы в «Новом Мире». Я, смеясь, ему говорю: «Вашу находку каменного века хвалят».

<...> Видишь, какая у меня сегодня хорошая бумага. Это Катя Классон почему-то прислала. Я эту Катю не люблю. Никогда не видала, но она мне представляется чем-то вроде тети Мани и тети Веры. Вечно надутые. Когда мама рассказала тете Мане, что я видела Толстого, она кисло заметила: «У нас тоже есть на курсах такая блаженная, вечно ходит к знаменитостям!»

Я вчера получила два письма, очень расхваливающие мои воспоминания. [Одно] – от племянницы жены Сергея Васильевича [Андропова]. <...> Я кажется тебе писала о всех отрицательных отзывах о моих мемуарах. Спрашиваю соседку: «Понравилось ли Вам?», а она отвечает: «Как сказать, перечень фактов». Другая соседка, вдова писателя, поэта, говорит: «С познавательной точки зрения это интересно, хорошо, что напечатали. Но разве это можно сравнить с настоящими писателями?!» Чтоб позлить ее, я говорю: «А в редакции [меня] расценили как самого лучшего писателя».

* По-видимому, это член РСДРП с 1898 г. Владимир Густавович Громан (1874-1940). После II съезда партии остался на платформе меньшевиков; в 1905 г. – автор программы РСДРП по аграрному вопросу; в 1922 г. вышел из РСДРП. В 1930-м арестован по делу о «Союзном бюро ЦК РСДРП(м)». Умер в Суздальском исправительно-трудовом лагере.

** Х. Плюскин. Эпилог Сорочинской трагедии. Журнал «Жизнь», 1922 г., №2.

*** Если машинописные оригиналы предыдущих фрагментов воспоминаний С.Н. Мотовиловой находятся в ф. 786 отдела рукописей РГБ или же в ф. 264 РГАСПИ, то оригинала фрагмента «Старые друзья» (который в основном и был посвящен В.П. Ногину) в отмеченных фондах не имеется, зато он хранится в РГАЛИ, поступив в оный из Литературного музея. В последнем оригинале и стоит поискать все отмеченные Софьей Николаевной интересные места относительно В.П. Ногины, которые из осторожности выкинул «Новый мир» «при редактировании» (лично А.С. Берзер?).

Это мне Александр Ефимович сказал, я [сама] в этом мало понимаю. Ей это кажется настолько неправдоподобным, что она иронически спрашивает: «По 3 тысячи за [авторский] лист?» (это старыми деньгами). Я отвечаю: «По 300 рублей теперь (новыми деньгами)».

А вот приведу, что мне пишет один Викин товарищ, настоящий литератор:

Прочел Ваше «Минувшее» в «Новом Мире» и до сих пор нахожусь под сильнейшим впечатлением прочитанного. Давно я не читал с таким интересом и волнением. <...> Во всяком случае, Ваши воспоминания – это самое интересное из всего, что мне удалось прочесть в наших журналах за весь 1963 год.

<...> И, конечно, это не просто воспоминания. Это художественное произведение, к тому же написанное с завидным литературным мастерством. Просто удивляешься, как Вы, пользуясь казалось бы самыми простыми средствами, создаете у читателя именно то настроение, какое хотите создать. А эта поразительная точность портретов, очень лаконичных, графически четких.

Ну и т.д. Я горда!

Ты знаешь, все-таки это смешно, что впервые печатают старушку восьмидесяти трех лет. А у бедного [Адриана] Прахова, тоже старика, его книга вышла, когда он уже умер. Книга о художниках, расписывавших [Владимирский] Собор, Врубеле и других. И ее не переиздают, а купить уж давно нельзя. Тебе я послала.

<...> Прислали извещение, надо получать на почте. Прежде все Викины деньги мы получали на дом. А их же было сумасшедшее количество. Тридцать изданий одних «Окопов Сталинграда». Вика был в Москве, за него получали я и Зина. Обычно я, я чаще бывала дома – 20-25 тысяч [старыми деньгами]. Не помню, сразу ли на дом принесли 65 000 из Воениздата! А тут из-за 778 руб. пришлось идти на почту.

Пришли Ева и Исаак вдвоем. Им очень трудно подниматься ко мне на четвертый этаж. Итак, ведут меня под руки с двух сторон как архиерея прежде, а я с испугу только бормочу: «Господи, помилуй! Господи, помилуй» – со страха, что упаду.

Мама [Алина Антоновна] тебе рассказывала, как в Париже ее через улицу переводил французский полицейский, а мама все повторяла: «Ah, Mon Dieu, ah, Mon Dieu» [(«Ах, Боже мой!, ах, Боже мой!»)]. Полицейский ей говорит: «Madame, le bon Dieu n'y a rien à faire à la circulation» [(«Мадам, благой Бог не вмешивается в ходьбу [людей]»)]. Мне это очень нравится. <...> Ну, дошли мы до почты – денег нет. Чего же они мне извещение прислали? Исаак ведь человек занятой, у Евы тоже дел немало. Мне-то ничего, я прогулялась по свежему воздуху. Сказали, чтоб деньги были на следующий день.

<...> На следующий день гололедица еще хуже, но Исаак сообразил, взял такси! Закрытые, влезать трудно, надо наклоняться. То ли дело наши бывшие извозчики санки. Как бы я чудесно в них прокатилась. Деньги нужно было вручить мне в руки. Я взяла, а пересчитывал, конечно, Исаак. Ну, доставил он меня домой. На лестницу я уже сама поднялась, он стоял внизу, покуда я не поднимусь.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 января 1964 г.

Милая Вера.

Сегодня утром получила твою поздравительную телеграмму [(в связи с выходом «Минувшего» в «Новом мире»)]. Очень тронута, благодарю.

<...> От Нины [Мотовиловой из Ленинграда] вчера получила поздравительное письмо. Она еще не читала, а ее сын видел у знакомых, и она спешит поздравить. Ваня Классон написал, что он рад был увидеть в печати имя своей матери. Роберта Эдуардовича много раз поминали, а тетю Соню только раз в биографии [(написанной М.О. Каменецким)], когда он женился. Жду от Вас отзывов, еще раз спасибо за телеграмму.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2 февраля 1964 г.

Милая Вера.

Еще раз благодарю за твое поздравление телеграммой. Можно было ведь и открыткой поздравить.

Милый Исаак [Пятигорский] сейчас же прислал свой отзыв и, по-моему, мобилизовал всех Викиных друзей, чтоб и они свои отзывы мне писали. Ну, и посыпались любезные отклики от всех Викиных приятелей. Затем начали уже поступать отклики от чужих читателей. И почему-то вдруг прекратились. Что-то странное с моими письмами делается, приносят мне иногда в 11 часов вечера. Никакой почты уже нет.

Вообще отвратительная вещь – коммунальные квартиры. Вот сегодня зашла за водой на кухню, а там ругаются две соседки. Обе стирают. Ведь обе служат и стирать могут только в воскресенье. Чего они не поделили – не знаю. Я ведь глуха, ничего не слышу.

Порадовалась, что я готовлю у себя в комнате, хоть из шести [электрических] плиток горит только одна. Но если бы мне пришлось готовить на кухне, меня бы давно уже на свете не было. Все-таки как-то двадцать лет на этой квартире прожила.

Казалось бы, надо бы радоваться. Отовсюду пишут, что мое «Минувшее» все хвалят. Будто бы Лунгины звонили Исааку, что вся интеллигентная Москва об этом только и говорит. Я уже получила поздравления от двух лауреатов: один Сталинской премии (конечно, Государственной), другой лауреат Ленинской премии. Может быть, если бы был жив лауреат Нобелевской премии [Пастернак], и он бы меня поздравил.

Когда я послала ему своего Брюсова, чтоб он его пристроил, он написал мне, что ему «понравилась моя воспоминания своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать». Ну, я была, конечно, очень польщена. Пастернак послал моего Брюсова в «Литературное Наследство». Но я очень рада, что его там не напечатали. Это журнал для специалистов, а «Новый Мир» – для всех, тираж его 113 000. Правда, Ваня Классон писал, что тираж «Москвы» [больше] – 160 000.

Лауреат Государственной премии это Вика, а Ленинской (он ее получил только в восемьдесят лет) – Чуковский. Приведу кое-какие отрывки из его письма. Он всегда пишет в несколько шуточном тоне. Старик, ему восемьдесят два года, на год моложе меня. Мне он как-то писал: «Что Вы вечно Вашим возрастом хвастаетесь, я же не хвастаюсь». Есть чем хвастаться! Он был недавно сильно болен, но вот отрывки из его забавно веселого письма:

“Дорогая однолетка Софья Николаевна.

Здоровья! В Москве только и разговоров, что о Вашем «Минувшем». (Вспоминает, что уже с давнего времени сам-то он знает мои рукописи. Он ведь старался устроить Брюсова еще в 1931 году)”

И дальше пишет: “Но в печати, да еще в какой! В «Новом Мире», это зазвучало по-новому, молодо и свежо. Я очень обрадовался этим талантливым очеркам и спешу поздравить Вас с их напечатанием.

Ваш К. Чуковский

25 янв. 1964. Жаль что не напечатали о Сергееве-Ценском. Картинная фигура!”

О Сергееве-Ценском сам почему-то не пишет, хоть у него-то сохранились все письма Ценского, и вообще он его гораздо лучше знает, чем я. Прочла ли ты когда-нибудь Ценского «Севастопольскую страду»? Чуковский ее почему-то называет «Севастопольской эстрадой». Я не могла, мне было скучно.*

* Из дневника К.И. Чуковского, запись от 25 декабря 1958 года:

Умер Ценский [3 декабря]. «Я знал его, мы странствовали с ним». Его сочинения для меня делятся на 4 разряда.

1-й, ранние – наивно, провинциально декадентские. Настоящий матерый декадент (напр., Брюсов) только морщился от его вульгарных загогулин.

<...> Я уже тебе хвасталась, что получила письмо из Усть-Сысольска с просьбой прислать статью о жизни ссыльных, когда я там была. Но, оказывается, Усть-Сысольск уже называется Сыктывкаром. С ума сойти, произнести это слово! К сожалению, все письма Сергея Васильевича [Андропова] и мои дневники того времени сгорели!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4-9 февраля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Письма от читателей продолжают приходить, больше – от знакомых и родственников. Мой главный друг, Ваня Классон собирает для меня даже устные отзывы о моих мемуарах. Вот отзывы подруг [его сестры] Кати:

1. «Очень интересны мне более старые воспоминания».
2. «Воспоминания производят впечатление, что автор не умен».
3. «Автор воспоминаний умный человек».

Забавно? Хвалебный отзыв от Нины Мотовиловой [из Ленинграда]. Пишет, что сын ее даст отдельный отзыв. Отклики молодежи мне особенно интересны. Но в общем я страшно болезненно всю эту историю переживаю. Для чего мне было печататься на старости лет? Кому от этого польза? Даже деньги я тебе переслать не могу, а на что они мне?!

Я сама сказала: «Делайте с моей рукописью что хотите, я вмешиваться не буду». Но когда вижу, как они переделали, становится тошно. Я, например, никогда не говорю – Отечественная война, а говорю – война при Гитлере. Не говорю – Владимир Ильич, а говорю – или Ленин или Ульянов. Получается не мое лицо. Вот мы идем с Крупской, и она мне говорит: «Хотя вы против совдепов, я вас очень люблю». Это приводится как ее отношение ко мне, которая «против совдепов». Слова «совдепы» я не знала и не поняла, хоть сама работала в Совете Рабочих Депутатов. Далее: “Она сказала: «Я Вас тоже очень люблю»”. Что же это? Хвастаюсь, что Н.К. мне сказала, что она меня очень любит?

Ну, или вот еще пример. У нас в Комиссариате народного просвещения должно было быть собрание по поводу организации издательства литературы для народа, как прежде говорили, для масс, как говорили одно время, а как теперь говорят – я уж не знаю. Я ходила по поручению Н.К., по крайней мере, к десяти работникам книжного и библиотечного дела приглашать их на это заседание.

Но ведь интеллигенция тогда саботировала. Пришел один Владиславлев. Мы стали все-таки совещаться. Н.К. сразу сказала: «Во главе этого издательства будет, конечно, Рубакин, как только он приедет сюда». В том, что он приедет, она не сомневалась.

Стали еще обдумывать, кого бы привлечь. Н.К. говорит – Н.А. Ульянова. Я с изумлением реагирую: «Да ведь он же эсер?» – «Ну, так что?», – возмущенно говорит Н.К. Владиславлев и сейчас же начинает расхваливать Ульянова: он с ним работал, это ценный работник и проч. Очевидно, я секретарствовала. В конце перечитываю запись.

Окончание примечания

2-й разряд. Символически воспринятое изображение реального мира: «Медвежонок», «Движения», «Печаль полей», «Лесная топь» – отличные вещи, с одной единственной темой: все гибнет, рушится, тает, умирает. Движения рано или поздно превратятся в застылость.

3-й разряд. Ужасно пошлые, фатоватые, невежественные историко-литературные повести: «Гоголь уходит в ночь», о Лермонтове, о Пушкине. Читая эту скудоумную пошлятину, я так возмущился, что прекратил переписку с С.Н.

4-й разряд. «Севастопольская страда» (или как в публике говорят: «Эстрада») и прочие претенциозные, но пустопорожние вещи, недостойные его дарования.

Выходит, что он был талантлив лет восемь за всю свою полувековую литературную работу. Но самовлюблен был ужасно. Весь его разговор сводился к «я... я... я...» Замечательное меднолобое самообожание! А в юности мы были друзьями. <...>

Н.К. смущенно просит: «Нет, Ульянова вычеркните, он – того». Возмущенный Владиславлев говорит: «Если так, то и я тоже того» и долго негодует.

<...> Получила сегодня письмо от редакторши «Нового Мира». Пишет, что издательство «Знание» выпускает книгу воспоминаний о Крупской и хочет включить туда и мои воспоминания. Ну, конечно, в обработке этой Анны Самойловны [Берзер], т.е. не так, как я написала, а как это напечатано в «Новом Море». Еще один журнал просит меня дать ему статью. Вика поздравляет меня с моим «блестящим дебютом». Не думаешь ли ты, если бы у Вики было бы хоть 10% интереса [«мальчика»] Александра Ефимовича ко мне, «дебют» бы мой мог бы быть несколько раньше моих восьмидесяти лет?

<...> Письма моих читателей все продолжают приходить, с хвалебными отзывами. Но, увы, [пишут] все мои или Зинины или Викины знакомые, а мне бы хотелось [получить] отзывы от чужих, незнакомых людей.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Класону, 13 февраля 1964 г.

(из утраченного письма)

<...> увидав, что письмо от Короленко, тетя Соня подумала, что это ей [(а на самом деле, ее племяннице Соне Мотовиловой)]. Она была с Короленко знакома. Познакомились на пароходе между Симбирском и Нижним и очень много говорили. До замужества тетя Соня и тетя Лида были очень яркими, своеобразными женщинами. Что с ними произошло после замужества, не понимаю. Вдруг сразу поблекли и превратились в обычных наседок, думающих только о своих детях.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 февраля 1964 г.

Милая Вера.

Посылаю тебе Зинино письмо и открытки, присланные мне Зиной. Надеюсь, она этих открыток тебе не присылала?

В воскресенье [16 февраля] у меня был Исаак [Пятигорский], вернувшийся из Крыма. Ну, как всегда про них мало рассказывал. Говорит, что там сейчас, в Доме творчества ССП, нет ни одного писателя. Там часто бывает разная публика: академики, ученые и иногда даже балерины.

Вика кончил свои очерки о Франции, сейчас их редактируют в «Новом Море». А Вика, так говорит Исаак, много читает. Ему это очень нужно, он очень, по-моему, необразован. <...> Говорят, образован очень [Игорь] Сац, брат второй жены Луначарского и его секретарь. Он старался повлиять на Вику, указывал на книги, которые Вика должен прочесть, но, кажется, бесполезно. Сам Сац – критик, но убийственно скучно пишет. Сациха, его жена, поехала в Крым к Вике. Я ее терпеть не могу, хоть видела мельком.

<...> Сациха, по-моему, ежегодно «отдыхает» вместе с Викой, где бы он ни был. Это ее старший сын жил у Зины и Вики три года. Перед этим там, в Ялте были две Викины приятельницы: Марина (я, кажется, о ней тебе уже писала?) и Елистратова. Последняя – доктор каких-то наук, кажется, литературовед, автор разных книг об английской литературе.*

* Речь идет об Анне Аркадьевне Елистратовой (1910-1974), докторе филологических наук.

Ранее З.Н. Некрасова в письме сестре Софье упоминала, в связи с походом в Музей им. Пушкина, некую московскую Марину: <...> Днем я ходила с Раисой Исаевной [Линцер] и Мариной в Русский Музей (б. Румянцевский), в котором кроме основных было еще несколько картин, присланных из Эрмитажа, и я с удовольствием осмотрела и все остальные.

Сайт «Памяти Виктора Некрасова» позиционирует «московскую Марину» так:

Черневич Мириам (Марина) Наумовна – литературный критик, переводчик, историк французской литературы. Добрая знакомая Виктора Некрасова.

<...> Обе эти Викины приятельницы «почтили» меня своими письмами по поводу моего «Минувшего». Я не сразу поняла, что это Викина Марина, думаю: вот какая замечательная читательница, пишет, что ни с каким писателем никогда не переписывалась, а вот – пишет мне.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 21 февраля 1964 г.

(из утраченного письма)

Не послать ли Вам мой очерк «Мое творчество», там подробно описан день моего рождения, когда мне было 5 лет. Редактор «Нового мира» Ася Берзер его не напечатала. Думаю потому, что в этом очерке упоминается Кускова (жена Прокоповича).

З.Н. Некрасова (из Ялты) – С.Н. Мотовиловой, 22 февраля 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Что же ты мне не пишешь, как прошел твой день рождения? Кто был у тебя в гостях? Ганя уж могла напечь и наварить всяких угощений? Были ли Исачки? А твой мальчик? С нами живет Р.И. Сац[-Линцер], которая приехала на десять дней, т.к. [ее сын] Саша вызван из Уфы – должен дать концерт в своей филармонии. А третьего дня приехал Семен Лунгин, возвращаясь из какой-то командировки. Пробыл два дня и уехал в Москву.

Погода эти дни стоит туманная, и мы никуда не ездим, а только выходим в Ялту погулять.

Что тебе пишет Ваня Классон? Заходит ли его сын Саша?*

А твой Ал. Еф. перестал бывать у тебя или только «дразнит»? Когда ему удастся поступить в университет или в другое высшее учебное заведение? Что пишут Ульянов и Вера? Вика ему (Ульянову) послал выписку из <нрзб.> о том, что нашли возможность учить детей во сне <...>. Мы в Ялте пробудем, верно, до конца февраля или до начала марта и вернемся в Киев.

Зина

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 24 февраля 1964 г.

(из утраченного письма)

Некая Нина Николаевна Мотовилова [из Ленинграда] прислала мне письмо в «Новый мир» <...>. Ее дед Георгий Николаевич Мотовилов – деятель судебной реформы в царствование Александра II <нрзб.>, отец ([Николай Георгиевич] умер в 1911 г.) был прокурором Сената. Я послала ей длинное письмо, интересно, что это за особа, сколько ей лет.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 февраля 1964 г.

Милая Вера. Пересылаю тебе три Зинины открытки: [с изображениями] Чехова, Пушкина и Лермонтова. Зина и Вика все еще в Ялте. Когда вернутся – не знаю. <...> Сегодня воскресенье [оно было 23.2!], заходил Исаак [Пятигорский], просил для одного украинского журналиста портрет [Р.Э.] Классона. Он написал о нем статью и хочет, чтоб был его портрет. Я большую часть его портретов и статей о нем отдала Зине. После восьмидесяти лет Зина вдруг призналась, что была в молодости влюблена в [уже женатого] Классона. Я понятия об этом не имела. А, оказывается, это Маша [Володина] (тети Анютина дочь) мне писала, что тетя Соня ревновала Классона к Зине. Но это было, когда я уже жила в Веймаре. Дала фотографии Классона, где он снят с тетей Соней и Соничкой у них на коленях.

* Все-таки склероз у З.Н. Некрасовой неуклонно прогрессировал: у И.Р. Классона старший сын – Андрюша, который какое-то время учился в Киеве в «матросской школе».

У меня нашлась еще одна родственница [(Нина Николаевна Мотовилова в Ленинграде)]. Мне переслали ее письмо из «Нового Мира». Это по линии Георгия Николаевича Мотовилова, деятеля судебной реформы времен Александра II, с которым Танеев был знаком. Кто она, что из себя представляет, понятия не имею.

Когда [в 1906 году моя знакомая по Бестужевским курсам] Свешникова сидела в тюрьме, я пришла с ее матерью хлопотать, чтоб до суда ее выпустили на поруки. Прокурор меня спросил: «Прокурор Сената [Николай Георгиевич] Мотовилов – Ваш отец?». Я с достоинством ответила: «Нет, мой дядя». О том же, что его никогда не видела и вообще имею о нем слабое понятие, я скромно умолчала. Свешникову выпустили сейчас же на поруки. Ну, так это его [(Н.Г. Мотовилова)] дочь. Сам он умер в 1911 году*.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 февраля 1964 г.

Милая Вера.

Посылаю тебе еще две Зининых открытки. Вчера у меня были одновременно Ганя, Исаак и Александр Ефимович [Парнис].

<...> Бурлюк [прислал открытку, в которой] пишет, что из Флориды они уже возвращаются в их усадьбу под Нью-Йорком. Что все книги Александра Ефимовича получил и его письмо «без подписи». Поздравляет меня с «литературным успехом, его отзыв – самый лучший из всех мною полученных, а их много. Пишет: «Вы прекрасно пишете, и каждая строчка заслуживает любви и уважения. Ваш душевно Давид Бурлюк». Я польщена, хоть и знаю, что он вообще любит все преувеличивать. Но вообще Бурлюк – добродушный тип.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 марта 1964 г.

Милая Вера.

Посылаю тебе три Зининых открытки. Ганя по телефону мне сказала, что получила открытку от Вики, что они взяли еще продление на один срок и приедут, кажется 10-го марта. А ведь апрель – лучший месяц в Крыму. Все цветет.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5-6 марта 1964 г.

Милая Вера.

<...> Вчера [4 марта] поздно вечером зашла ко мне Ева [Пятигорская]. Исаак уехал в Москву, дней на десять. Странно, что он мне об этом ничего не сказал. Ева говорит, что думает, что они вернутся позже. Редакторша «Нового Мира» поехала опять к ним, чтоб редактировать. Зина пишет – Викины рассказы, а Ева говорит, что Зина путает. Никаких рассказов нет, а [готовится к печати] все тот же очерк о Викиной поездке во Францию. Ну, одним словом, будем это читать в «Новом Мире», в ближайших номерах.

«Мальчишка» мой [Александр Ефимович] совсем обнаглел, видя, что я без него обойтись не могу. Ганя – тоже, по той же причине.

* В библиотеках есть справочный отдел. Узнайте там, в каком издании словаря Брокгауза и Ефрона (их не так много было) есть заметка (статья) о Георгии Мотовилове, который был сенатором и деятелем Судебной реформы [18]60-х годов. Его портрет висел в зале Судебной палаты в Петербурге. Это с ним был знаком Танеев, и о нем есть воспоминания Кони. Он почему-то был беден, учился на счет дедушки Ивана Егоровича, и, не будучи богатым помещиком, вынужден был служить, потому и выдвинулся. Сын его [Николай] был в мое время прокурором Сената. Мы с ним были [не]знакомы. – Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Класону от 4-5 января 1961 г.

Кроме того, требует дополнительного исследования персонаж «Нина Николаевна Мотовилова» из 1964 года. На листах родословной, вычерченной Натальей Парнах на ватмане, указывается – Нина Николаевна Мотовилова (1897-1990), канд. химич. наук. Была замужем за Болеславом Николаевичем Дмоховским (1892-1942[умер в блокадном Ленинграде?]). В этом браке родились дети Елена и Николай.

Со мной и Зиной она бывает невероятно груба. Еще в этой квартире она Зине кричала: «Кто тут хозяйка?!» Мне объяснили, что в деревне считают хозяйкой ту женщину, которая готовит. Ну, а готовит-то Ганя. Я уже тебе писала, кажется, что предыдущий раз я ее прошу принести мне масла. Она заявляет, что больше ко мне приходить не будет: «Пусть Виктор Платонович все приносит». Но Вика не приехал, и Ева ее опять ко мне прислала. Она кричит: «Достаточно я обслуживала Дору Владимировну». Та лежит [на диване], а Ганя должна ей все подавать. – «Теперь, – кричит Ганя, – я буду лежать, и пусть мне подадут!» По-моему, это история из сказки Пушкина о бабе с разбитым корытом и золотой рыбкой.

Но Ева правильно говорит: приходится все терпеть, ведь заменить Ганю нечем, и она же у Зины живет с 1948 года. Толкова, аккуратна и честна. А то на кого бы они свою квартиру оставляли? Мне Ганя, конечно, удобнее всех, знает все что мне надо [из продуктов], может все достать. Но из-за больной печени, что ли, она злющая как чорт. Такой же злющий Александр Ефимович. Правда, Гане шестьдесят четыре года, а ему в апреле минет двадцать шесть!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9-11 марта 1964 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас [(9 марта)], в 8 часов вечера пришла Ева сказать, что Зина и Вика приезжают завтра. <...> Зина приехала сегодня [(10 марта)] в 12 час дня и позвонила мне только в половину девятого вечера. Сказала, что завтра придет. Разговора никакого быть не могло. У меня ведь нет своего телефона.

<...> Александр Ефимович сообщил, что Твардовский в Киеве (Вика сказал, что Твардовский должен был приехать в Киев, но [пока] не приезжал). Очевидно, Вика вместе с ним пьянствует, ну, и с другими писателями. Вероятно, он приехал по поводу празднования 150-летия [со дня рождения] Шевченки.

<...> Ну, итак Зина пришла сегодня [(11 марта)] с Викой. Мой высокопоставленный племянник соблаговолил войти ко мне в комнату. Принес выстиранное Ганей белье, присланную ею провизию, вероятно с полпуда было всего. Соблаговолил даже принести мне очень интересное для меня письмо одной их знакомой скульпторши [Бутович?], хорошо знавшей Георгия Ивановича Мотовилова. Она о нем очень высокого мнения, не только как о скульпторе, но и о человеке.

<...> Затем Вика даже сообщил мне, что у меня есть враг (я думаю, не один, а много), академик Гудзий.* Он негодует на то, как я изобразила Черткова. Так же негодовал Бонч-Бруевич, Гольденвейзер и всякие Толстовцы. До сих пор я получала только хвалебные отзывы. Бедная Зина просидела у меня два часа с лишним. Форточка была открыта. Затем за ней пришел Вика. Дала ему [журнал] l'Oeil [«Око»] (наверное забудет тебя поблагодарить). Дала опустить письмо сыну Классона. Его морское училище очень недалеко от них. Пусть ходит в отпуск к ним, у них бывает много народа, [есть] много интересных книг, могут угостить обедом. А что ему, двадцатилетнему юноше, делать у восьмидесятилетней старухи в душной, вонючей комнате?

<...> Ты знаешь, Вика [раньше] был таким хорошим, тихим, скромным мальчиком, а ты бы послушала, каким покровительственно-снисходительным тоном он теперь разговаривает со мной! Ну, что же, стал всемирной известностью. Но от этого он не поумнел, не стал более образованным. Конечно, его друзья – Исаак, Ева [Пятигорские] и другие считают его «верхом образованности», но это потому, что сами мало знают. Я, откровенно говоря, считаю себя и умнее и образованнее <...> Вики. Вика талантлив и как художник и как писатель, но это не дает ему права таким тоном разговаривать с людьми.

* Гудзий Николай Каллиникович (1887-1965), советский литературовед, академик АН УССР (1945).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 марта 1964 г.

Милая Вера.

<...> Вкладываю тебе открытки Зины. Уже после ее приезда получила от нее 3 открытки [из Ялты]. Когда Вика был у меня, он сказал: «Завтра ты еще 2 открытки от мамы получишь».

<...> Продолжаю получать письма от моих «благодарных читателей». Очевидно, из-за того, что воспоминания напечатаны в «Новом Мире», они стали красивее. Когда я покупала картины у Бурлюка, он мне посоветовал: «Когда Вы их вставите в бронзовые рамы, они будут красивее». Это было в [19]17 году. Вставить их в бронзовые рамы не пришлось. Но, очевидно, «Новый Мир» – это тоже «бронзовая рама, [все печатаемое] в нем делается красивее».

<...> Люба [Пятницкая из Франции] пишет, что в один присест прочла мои воспоминания. Но все мои родственники сообщают, что про дедушку [Ивана Егоровича Мотовилова] слышали, но только не так, как я рассказываю. За точность [своих воспоминаний] я не ручаюсь. Мне это рассказывала grande tante Emilie в Солоновщине [под Полтавой], когда мне было десять лет – в тот год, когда мы впервые ехали за границу. Мы сидели с ней на берегу пруда, и она мне рассказывала.

<...> Сегодня была Зина, привел Вика и [потом] зашел за ней. Зина говорит, что приехали киношники из Ленинграда, уговаривают Вика писать какой-то фильм [(сценарий для него)].

Его первый фильм «Окопы Сталинграда», который почему-то Жуков велел назвать «Солдатами» (идиотское название), ставила как раз Ленинградская студия, и он был хорошо поставлен. Что за сценарий Вика должен писать – не знаю. Они ведь все скрывают. Вообще все эти засекреченные люди мне просто тошны.

Дала читать Зине Любино письмо, письмо Ульянова и два письма Нины Николаевны Мотовиловой, вновь найденной родственницы. Но Зина как-то плохо все понимает. Да, еще дала письмо одного читателя. Письма читателей меня очень развлекают. Всех писем я получила: в январе – 72, в феврале – 68, в марте (до 13-го) – 37.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16-17 марта 1964 г.

Милая Вера.

<...> Уж очень меня «порадовал» Вика. Мне очень хотелось, чтоб ты и Ульянов прочли одну повесть польскую, называется – «Пассажирка». Там ставится довольно серьезный вопрос об ответственности всех немцев в том, что творили фашисты и эсэсовцы во время войны. Я эту вещь прочла в «Иностранной Литературе».*

* Повесть польской писательницы Зофьи Посмыш «Пассажирка» была опубликована в №8 журнала «Иностранная литература» за 1963 г.

<...> «Пассажирка» – первая повесть Зофьи Посмыш. В этой повести все правда, все пережитое, потому что ее автор написала о том, что испытала она сама, восемнадцатилетняя польская девушка, в Освенциме с 1942 по 1945 год, как заключенная. После войны она училась, закончила университет, потом работала в прессбюро Общества польско-советской дружбы, в еженедельнике «Дружба», а с 1951 года – редактором литературного отдела Польского радио.

<...> В письме к переводчикам Зофья Посмыш рассказывает, что толкнуло ее на создание повести «Пассажирка». Ее поразил крикливый, резкий голос женщины, туристки из Германии, который она услышала в Париже. Этот голос напомнил ей одну из надзирательниц Освенцима. И тогда Зофья Посмыш спросила себя: как бы она поступила, если бы в дни мира встретила эту надзирательницу?

В повести «Пассажирка» Марта отвечает на этот вопрос. Ее безграничное презрение к Лизе сильнее открытого изобличения. После встречи со своей жертвой удел бывшей надзирательницы лагеря смерти – страх, который будет преследовать ее всю жизнь. <...> – ЛЕВ НИКУЛИН

Они, т.е. Зина, помешались на хранении всех книг. Держать книги и старые журналы им негде, завертывают их и кладут в кладовку или на верхнюю полку, так что ими пользоваться нельзя! Ведь книга имеет смысл только тогда, когда ее читают.

Я сказала Вике, не может ли он этот номер «Иностранной Литературы» достать где-нибудь, и я [тогда] пошлю тебе. Ну, обычный, иронически-презрительный ответ: «Да эта же книга переведена на все языки! Какой смысл посылать отсюда?» Как будто ты, не выходя из дома, или Ульянов, занятый геологией, знаете, какие интересные книги вышли. Ну, я велела Александру Ефимовичу ее достать.

Но, вот сегодня Вика завез Зину ко мне, а сам ушел читать у какого-то писателя свой очерк о Франции. Бедная Зина должна сидеть у меня два часа или больше. На улице скользота. <...> Наконец Вика заехал за Зиной на такси, веселый. Сказал, что внучка Танеева обвиняет меня в клевете на ее деда! Чем она обижена, я не знаю.*

Но я тебе пошлю моего Танеева без урезов [«Нового Мира»]: и о «комиссаре просвещения», который унес плащ юноши, моего помощника, и о том как Танеев рассказывал, как единственный раз видел [раздетого] Толстого в бане.

Ты знаешь, я совсем этого не знала, что в [18]60-х годах на «Войну и Мир» страшно нападали, рисовали карикатуры, печатали их в «Свистке». Помнишь, такой юмористический журнал был, где Добролюбов писал? Это я все прочла у Шкловского [в присланной тобой книге «Zoo»].**

<...> Вика [сегодня 16 марта] пришел с каким-то приятелем, симпатичным. Но сперва я сказала Вике: «Принеси мне письма [из почтового ящика]». Его приятель помчался вниз (с четвертого этажа), принес и письма, и «Огонек». Затем я попросила их выкинуть мой сор. Опять он побегал вниз и выкинул сор. Это же не сор, а одни бумаги. Но чем меня Вика обрадовал: он уже нашел эту повесть «Пассажирка», которую я хотела тебе послать, и завтра сам вышлет тебе.

Получила письмо от Страды. <...> Страда обожает Вику. Я тебе посылала его (Страды) статью о нем (т.е. о Вике). Теперь он присылает коротенькое письмо. Прочел мои мемуары, думает отдельные места из них перевести в итальянском журнале. Ему больше всего понравился отрывок о Танееве и Крупской.

<...> Сегодня [(16 марта)] получила длинное письмо от Вани Классона. Описывает последние годы тети Сониной жизни. Ужасная трагедия: как, узнав о возлюбленной [Р.Э.] Классона, тетя Соня решила сейчас же уехать из дома [из Баку или же из Москвы? – МК]. Вот и у [Софии] Гефтер, когда ты у нее жила, была тоже трагедия. После двадцати лет совместной жизни Соловейчик ее бросил. Правда, она его меньше любила, чем тетя Соня Классона.

* Из диссертации к.и.н. Павла Морозова «Владимир Иванович Танеев: жизнь и деятельность»:

В 1867 г. произошло знаменательное событие в жизни В.И. Танеева – он женился на дочери шотландского инженера (Арчибальда Макнэб Скотта), приехавшего в Россию строить Николаевскую железную дорогу. После переезда из Шотландии девушка получила имя Елена Сергеевна. Всего у Танеева было пятеро детей (Владимир, Александр[а], Сергей, Елена и Павел). Он пережил смерть троих из них.

Его сын Павел (1878-1961) служил в советское время профессором в Главторфе и охаивал «лебединую песню» Р.Э. Классона (см. очерк «Гидроторф – дело «государственной важности»?»). У него родилась дочь Елена («обиженная внучка?»), про которую известно лишь то, что она умерла в 1991-м.

** «Zoo [(Зверинец)], или Письма не о любви».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25-26 марта 1964 г.

Милая Вера.

Сейчас получила письмо от Ульянова. Шло двенадцать дней. В нем две вырезки от 12 марта из Gazette de Lausanne и от 10 марта из Monde. Так как я живу в полном одиночестве, вне мира, то скажу откровенно: во второй вырезке совершенно не поняла восклицание Ульянова: «Вот где собака зарыта!». Вообще, я не знаю, что значит «le char français» [(«**французский танк**»)]. Ладно, обе вырезки передам Вике, он, очевидно, поймет ce qu'il en est [(**о чем там речь**)].

Относительно «антисемитизма» тоже сказать не могу. Ко мне приходят знакомые – и евреи, и русские. Евреи все говорят, что у нас ужасающий антисемитизм, что евреев будто бы в Вузы не принимают. А русские, мои знакомые говорят: как раз наоборот, у нас ужасное еврейское засилье. Ты ведь знаешь, что у евреев очень обострено национальное чувство. Вероятно, благодаря этому их народ смог сохраниться, так обособленно, в течение многих веков, рассеянный по свету. По-моему, они считают себя высшей расой. Народ действительно очень талантливый.

У Зины и Вики их юдофильское отношение доходит до смешного. Почти все их знакомые – евреи. Вика говорит с отчаянно еврейским акцентом. Даже его приятель-переводчик, еврей, думая, что это Вика изображает евреев, просит не говорить с таким еврейским акцентом, а то его мать очень обидчива [(**подумает, что он передразнивает их**)]. А Вика говорит, как слышит вокруг. Но у Зины это юдофильство прямо комично. Сидим мы у знакомых, и одна из них говорит Зине: «Как Вы можете держать у себя эту туберкулезную старуху Дору Владимировну (их вторую приживалку), ведь она может заразить Виктора Платоновича?!» Зина вскакивает как ужаленная и кричит: «Это вы говорите так, потому что вы антисемитка!» и сейчас же убегает от них. Обе эти старухи (у которых мы были) очень любят и Зину, и Вику, но уже – «разрыв отношений». Зина к ним больше не ходит, а они – к ней.

Забавнее всего, когда у меня была черненькая кошка, Зина говорила, что она антисемитка. Принимает ее, Зину, за еврейку (?) и поэтому плохо к ней относится. Для меня одинаково отвратителен и антисемитизм и антирусизм. И, вообще, воображение, что есть какие-то высшие и низшие расы. Так же как чванство «белой кости» по отношению к «черной». Мы-то ведь абсолютные космополиты. Прадед [**Флориани**] итальянец, обе бабушки [**полу**]итальянки, мамин отец [**Антон фон Эрн**] швед и, как мне одна немка сказала, «Und dadurch sind Sie Russin geworden» [(«**И из-за этого вы стали русскими**»)].

<...> Вчера [(**25 марта**)] три часа беседовала с сотрудницей Исторического музея. Не знаю, сама ли эта особа предложила или соседка ей сказала, что она обратится тогда к Вике. Я согласилась. Пускай себе отдувается. Он же привык разговаривать с интервьюерами, и у них в доме порядок.

<...> Во вчерашнем письме Ульянов сообщает о смерти Ереминой. <...> Я получила в начале января письмо от некоей Амалии Исаевны Эттингер, председательницы Бюро бывших женских курсов. Просила дать сведения обо мне, зарегистрироваться у них. Они издадут сборник, включающий библиографию деятельности курсов, [**биографии**] профессоров и слушательниц с 1878-го по 1919 год. Издан будет в 1964 году.

Я ей [(А.И. Эттингер)] послала длинное письмо, переименовала всех курсисток, которых помню. Ну и, конечно, Еремину. Она была послана на счет общества Бестужевских Курсов, пробыла год в Лозанне и вернулась с дипломом доктора геологии. Тогда ведь женщин-докторов геологии было мало. Правда, Sarrasin, Женевский профессор палеонтологии, [в 1913 году] мне рассказывал, что ее докторскую работу написал сам Люжон.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 апреля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Сколько времени Вика возился с сестрой Саца [с матерью? – МК], умирающей восьмидесятилетней старухой. Убирал ее комнату, мирил ее с соседями, покупал у нее, чтоб этим ей помочь, ненужные себе вещи, наконец совсем уже стал в ужас приходить, когда соседи стали его чуть ли не ежедневно вызывать. Старуха благополучно умерла, наконец.**

Но тут появилась новая старуха (обе, конечно, еврейки), мать Викиного товарища, погибшего от ран после войны. Остался сын этого товарища, по матери он считался русским. Когда ему нужно было поступать в университет (это у нас не так просто), его родные начали настаивать, чтоб Вика оказал протекцию у кого-нибудь в университете. Вика ответил, что кроме одного профессора, с которым в университете мало считаются, он там никого не знает. Мальчика не приняли. Дедушка его так будто бы этим огорчился, что у него сделался в третий раз удар. Ну, и вот старуха возненавидела Вику: «Из-за Вики погиб мой муж, из-за Вики не принят внук». У самой у нее тоже сделался удар.

Она решила переехать в инвалидный дом. Вика должен был, по ее [мнению], об этом хлопотать. Вика сейчас же дал ей 1 000 р. на сиделку. Но сиделку они не пригласили, деньги взяла ее невестка. Мне было очень жаль эту старуху, я к ней ежедневно ходила.

<...> Старуху эту отвезли в инвалидный дом, очень хороший дом за городом, с большим садом. Кормят их очень хорошо, так она говорила. Я к ней ездила, хоть езда трамваем туда [занимала] больше часа. Но тут начала ее преследовать мысль об антисемитизме. Всюду были антисемиты, и она переводилась из одной палаты в другую. Наконец ее поместили в маленькую комнату, двух евреек вместе, они тоже вечно ссорились. Зимой я к ней ездить не могла, и она умерла, не прожив там и года.

<...> В это воскресенье [(29 марта)] я была на кладбище на маминной могиле.

<...> Вчера [(31 марта)] у меня был Исаак [Пятигорский]. Я сказала Вике, чтоб он мне прислал его. Дело в том, что я уже не могу следить за маминной могилой, ни цветов покупать, ни сажать их, ни следить за женщиной, которая должна их поливать. Мы платили за уход за могилой и 100 руб. в мес. и 40 и 20 – и все одно! Цветы крадут, деревья обламывают и срубают, мраморный крест несколько раз ломали, но мы его кое-как склеили. И главное, видя, что мы с Зиной беспомощные старухи, эта женщина с нами совсем не считается.

* Елизавета Владимировна Еремина (1879-1964) в начале 1900-х училась на Высших женских курсах вместе с С.Н. Мотовиловой, а в 1904-м уже преподавала геологию на оных. В 1912 г. Е.В. Еремина получила степень доктора наук в Университете Лозанны за работу по геологии предгорий Швейцарских Альп, которая вошла в монографическое исследование, опубликованное в соавторстве с М. Люжоном. После 1917 г. эмигрировала, работала в Париже. Другие подробности см. по ссылке (scirus.benran.ru/higeo/view-record.php?tbl=person&id=585). Правда, здесь умолчано о том, что докторскую работу за нее написал М. Люжон.

** Почему-то в Интернете упоминается только отец Александр Миронович Сац, а о матери Игоря Саца – ни слова?! Так, брат последнего Илья (1875-1912) родился в местечке Чернобыль, в еврейской семье, у первой безымянной жены А.М. Саца. Ну а сам Игорь родился в 1903-м, у второй безымянной жены А.М. Саца, там же? Одна сестра И.А. Саца Наталья родилась в 1900-м, а другая, Татьяна – в 1906-м.

Вот я и решила попросить Еву следить за маминной могилой, как она уже несколько лет следит за могилой Женьки Сац (на Викин счет, конечно). За мамину-то могилу, конечно, я буду платить. Мы обычно с Зиной платили пополам.

Исаак сказал, что Ева будет всем распоряжаться и следить за женщиной, которая убирает. Исаак рассказал мне всю историю про этого мерзавца Кичко, вырезку о котором Вы прислали. Я просила Вику рассказать мне, в чем там дело, но он слишком важное лицо, чтоб терять время на разговоры со мной!*

Впрочем, он соблаговолил принести мне все отзывы о нем во французских журналах и газетах. Мне очень интересно. Я, кажется, тебе уже писала? Ничего теперь не помню. Отзывы все хвалебные, мне особенно понравился отзыв о Вике в *Revue des Deux Mondes*.**

<...> Почтальонша мне принесла в комнату три письма. Ну, и это же сверхъестественное событие – письмо от тебя! Второе в этом году. Я вчера Зине говорила, что послала тебе 25 писем, а от тебя получила всего одно, да и то на карточке. Ведь одно время ты писала длинные письма! Я вообще твои письма люблю, в них есть содержание, и некоторые вещи ты образно описываешь. Но Зинины письма обычно только о погоде. Ну, ты же их знаешь, я же их все тебе посылала, все больше открытки и все о погоде. Вот и вчера с ней идем [по улице]. Мне хочется знать о них, их жизни, а она все говорит: «Еще почки на деревьях не раскрылись»?!

Я очень обрадовалась, что ты с интересом прочла мои воспоминания. Мне все пишут, что прочли их сразу, не отрываясь, а старушки перечитывают несколько раз.

Кроме твоего письма было письмо от Маши [Володиной] (тети Анютиной дочери), возвращает письма Вани Классона, которые я ей пересылаю. Я очень волнуюсь, что от Вани Классона две недели нет писем. Не понимаю, что с ним случилось. Просила Зину ему позвонить. Думаю, придется об этом попросить Исаака [Пятигорского]. Мой высокопоставленный племянник не соблаговолит этого сделать.

А третье письмо из Киевского архива, [сотрудница его] пишет, ей особенно интересна была та часть моих воспоминаний, где говорится о Ногине и Андропове. Так как знала она их до сих пор только по официальным документам Жандармского управления и тому подобному. Она пишет: «Вы оживили этих людей для меня». Просит ко мне зайти.

* В 1963 г. в Киеве, в издательстве Украинской АН, была опубликована книга Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас». Иудаизм в ней объявлялся духовной основой сионизма, а сионизм политической реализацией иудаизма. Иудаизм, в интерпретации Кичко, проповедует не смирение, как другие религии, а превосходство евреев над всеми народами. Он поощряет захватывать их имущество, эксплуатировать их, поработать, а для этого «проникать» в их общественные и государственные структуры и всеми правдами и неправдами захватывать руководящее положение, что и осуществляют сионисты. <...> Понятно, что книга не могла появиться самостийно, без одобрения в верхах. <...> Посыпались запросы из-за границы, причем не только из «буржуазных» кругов, которые советские власти привыкли игнорировать, но и от коммунистов. Остро критическая статья появилась в парижской «Юманите», а в журнале «Франс новелл» было опубликовано резкое письмо генерального секретаря компартии Мориса Тореза. Аналогичной была реакция итальянских, британских и других коммунистов. Москва сочла за лучшее отмежеваться от книги Кичко, признав ее неудачной. – Семен Резник. Вместе или врозь? Судьба евреев в России (Заметки на полях диалоги Солженицына [«Двести лет вместе»]).

** «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров», или «Обозрение Старого и Нового света») – французский журнал либерального направления, основан в 1831 г.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4-6 апреля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика считают, что я какая-то их вещь, которой они могут распоряжаться, как хотят. И мои вещи – это тоже их вещи. <...> Когда немцы нас выгнали из нашего дома №24, я сама перетащила сюда мамин ночной столик и ломберный столик, который, может быть помнишь, стоял между окнами в Солоновщине в зале там, где был наш рояль?

Когда Зина и Вика переезжали на новую квартиру в Пассаж, они от меня почему-то старательно скрывали это. Я спросила: «Когда вы переезжаете?» Зина [невежливо] ответила: «Да ты же услышишь, когда мы будем выносить нашу мебель». Это после того как я тридцать лет жила с ними и все делала для них!

Денег у них тогда было сколько угодно. Вика купил себе всю мебель по своему вкусу, вкус у него[, правда,] не особенный, некоторые вещи прямо-таки ужасны. Купил и для столовой и для себя, но купить Зине кровать и письменный стол [себе] он не захотел. Зина спит на раскидачке, а вместо письменного стола с каким-то из своих приживалов, в мое отсутствие, привез мой ломберный стол, вещи из ящиков все выкинул. Ключ от моей комнаты у него был. Прихожу я со службы (это было в 1950-м году, я еще служила) и вижу этот разгром! <...> Пускай себе, у них будет этот ломберный стол. Но разве это не нахальство, в мое отсутствие, не сказав мне ни слова, приходить и забирать мои вещи?

Но самое ужасное было, когда в 1954-м году у меня заболел глаз, и я чуть не ослепла. Пришлось скорее везти меня в больницу. И вот Зина и Вика, не сказав мне ни слова, не спросив моего согласия, решили в моей комнате устроить ремонт. Все знакомые восхищаются: «Ах, какие добрые! Какие хорошие! Устраивают ремонт на свой счет». Вика сам все переносит, устраивает. А я понятия об этом не имею. Через две недели глаз вылечили. Требуют, чтоб я выходила из больницы. Ведь больница у нас не гостиница, не частная лечебница, где можно платить и лежать сколько угодно. Больницы у нас даровые, и их не хватает.

Требуют, чтоб я выходила, а Вика, оказывается, ходит к начальству и требует, чтоб меня держали в больнице, пока кончится ремонт в моей комнате! Ну и нахальство. Я решила, все равно уйду и пережду у кого-нибудь из знакомых. Одна старуха (она уже умерла в прошлом году) позволила мне несколько дней пережить у нее. Но тут опять препятствие. Зина, не сказав мне, забрала из больницы всю мою одежду. Она, по ее [мнению], слишком ободранная и ее компрометирует. А мне не в чем выйти.

Ты знаешь, [какое] это ужасное состояние, когда чувствуешь, что ты уже не человек, а какая-то вещь, которой все распоряжаются! Ну, одним словом, какую-то одежду мне привезла Ганя, приехала на такси с Викой. И весь этот подлый нахальный больничный персонал, увидев прилично одетого Вику, такси и Ганю, весящую 90 kg и тоже аккуратно одетую, передо мной залебезил: «Сыночек приехал, сыночек приехал!». Четыре дня я не могла вернуться к себе, стесняя старуху своим присутствием (у нее комната была всего в 8 [кв.] метров).

<...> Пришла открытка от Вани Классона и, наконец, книга с биографией [Р.Э.] Классона. Умер он в 1926 году и только через тридцать восемь лет выходит его биография, когда его ближайшие друзья и соратники умерли, а многие могли бы о нем рассказать.* Портрет его абсолютно на него не похож. В строительстве всяких электростанций ты как и я ничего не поймешь, но это можно пропустить, а интересно, по-моему, приложение: речь Крупской после смерти Классона, его переписка с Лениным и его статьи.

* Справедливости ради стоит отметить, что автор биографии М.О. Каменецкий обращался к личности Р.Э. Классона и раньше, выпустив в 1951 г. книгу «Первые русские электростанции, а еще в 1936-м – очерк «Инженер Классон».

Мне нравится его замечание, что для инженера важно его знание дела, а не партийность. Многие из людей, которые работали в Баку у него (и Красин, и Кржижановский, и Радченко, и Аллилуев – отец жены Сталина), и много других – были нелегальными и полулегальными. Красин-то был сам очень талантливый инженер, ну а другие, всякая малознающая мелкота, как партийцы, стали во главе всяких высших над Классоном учреждений и начали вмешиваться в его дела, ничего не понимая и тормозя его работу.

Мне, например, нравится, когда он просит послать для закупок [оборудования] за границей одного знающего инженера, а не комиссию [из чиновников] всяких высших учреждений. Ужасная волокита у нас всюду, а Классон был деловой человек. Я заказала эту книгу для тебя моей знакомой.

<...> Несколько часов на днях у меня сидел один писатель, который пишет обо мне. По письмам он был очень симпатичен, а в действительности оказался совсем не таким.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9-10 апреля 1964 г.

Милая Вера.

<...> По словам Зины, Вика завтра едет в Москву к Твардовскому, обсудить его очерк о Франции.

<...> А я была очень взволнована первым отрицательным отзывом на мое «Минувшее». До сих пор были больше все восторженные, но все больше от стариков и старух. Старухи все по два раза читают. Вчера одна старуха, семидесяти лет, была у меня. Принесла мне свой отзыв. Говорит, одним недовольна, хочется еще и еще читать, «слишком мало». А это отзыв от шахтера тридцати трех лет, литовца. До 1947 года он жил в Литве, был моряком. Хорошо знал буржуазные государства, но теперь, живя у нас, видит, что нигде нет «зеленого рая». Он уже два года выписывает «Новый Мир» и недоволен Эренбургом, Паустовским и мной (замечательная триада!). Что, мол, все вспоминать старое или время «культа личности», надо писать о современном.

Он хочет знать, почему [в магазинах] мало продуктов, почему недовольно население. Пишет забавно: «Несолидно вы себя, С.Н., держите, не к лицу это Вам». Но в общем критика не на меня, а на журнал. Да и вообще я не очень-то с шахтерами могу разговаривать.

Я решила, раз Вика увидит Твардовского, пусть и передаст это письмо и пусть Твардовский ответит. Ведь и Эренбург, и Паустовский, и я – «не партийные», как говорят теперь. О недовольстве населения я не знаю, нигде не бываю, никого не вижу, слушаю [проводное] радио – а тут все хорошо.*

Мы пошли с Зиной к Еве [Пятигорской]. Я просила Еву перепечатать мне это письмо, а оригинал отдать Вике, чтоб он поехал и отдал Твардовскому. Ведь Твардовский член партии, в ЦК. Он же и редактор журнала, который два года не удовлетворяет этого шахтера. Ева охотно взялась перепечатать, но стала говорить, что лучше Твардовскому не давать, а я должна сама ответить. Ну что я могу ответить? Почему у нас мало продуктов? Как лучше устроить колхозы, чтоб они были рентабельными и т.п.?! Я в этом ровно ничего не смыслю, а по существу, я согласна с этим шахтером. Надо писать о недостатках настоящего, но кто это напечатает?

<...> Зина сказала, что [улетевший 10 апреля] Вика останется в Москве неделю. Он, кажется, собирается поехать с кем-то на Камчатку, если его пошлет «Новый Мир». По-моему, когда Зина уже такая старая, лучше бы ему так далеко не уезжать. Зина говорит: «Я умирать не собираюсь». Но без своих приживалок она совсем одинокая.

* Типа, «хлебобобы Кубани собрали небывалый урожай зерна, а металлурги Магнитки поставили рекорд по скорости выплавки стали».

З.Н. Некрасова – В.Н. Ульяновой, 13 апреля 1964 г.

Милая Вера!

Пишу тебе, хоть не очень надеюсь на скорый ответ! Вика еще в Москве, где консультирует с редакторами «Н.М.» свои последние произведения, написанные в Ялте этой зимой. На днях вернется в Киев. Я сегодня с ним говорила по телефону, и он сказал, что вернется дня через три-четыре, когда все его дела придут к концу.

Один его товарищ приглашает его на Камчатку в мае, может быть, он и поедет, если его командироват журнал «Новый Мир». А у вас, верно, весна во всей красе. Целую тебя.

Зина

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 16 апреля 1964 г.

(из утраченного письма)

Я знала, что дедушка на свой счет воспитывал Георгия Николаевича [Мотовилова], по <нрзб.> платил в правоведение, но не знала, что он [(Иван Егорович)] отказался от своей доли наследства от матери [Прасковыи Федосеевны] в пользу брата Николая.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 19 апреля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Да, получила ли ты биографию [Р.Э.] Классона? Иван Робертович прислал мне и Зине дополнения к ней, которые не захотели печатать, он их напечатал на машинке, на какой-то коричневой бумаге. Я, конечно, ничего прочесть не могла. Зина сказала, что прочтет, но, конечно, не смогла прочесть, и он просил, чтоб я ему вернула, а он пришлет на белой. Это большое счастье для меня – переписка с Иваном Робертовичем, он подробно пишет о себе, детях, сестре, присылает мне вырезки из газет, реагирует на все мое. А тебе и Зине пишешь как в пространство, не знаешь, прочли ли Вы, как отнеслись.

<...> Напишу тебе о Зине. Она все забывает, все путает. Вот когда я была у нее, дала мне вырезку из журнала «Знамя». Я давным-давно ее читала и Зине давала читать, но она же ничего не помнит. И на меня обиделась, что я этой вырезке не обрадовалась. Посылаю ее тебе. Как видишь, опять чепуха, будто бы я «долгие годы работала с Надеждой Константиновной».

Я вообще, кажется, всего четыре месяца работала в Центральном Комиссариате Просвещения, как он тогда назывался, а размещался он тогда в бывшем лицее Каткова*. Когда-то Надежда Константиновна дала Вике записку обо мне (она сгорела), где, по-моему, гораздо точнее определяла мою работу. Она писала, что в начале революции Мотовилова помогала наладить библиотечную работу. Это совершенно точно. Ведь это благодаря моим настояниям вышел первый декрет об охране библиотек. Кто его писал, правда, я не знаю. Опять я в старину уклонилась... **

<...> Да, эту идиотскую книгу «Иудаизм без прикрас» [киевского антисемита Трофима Кичко], относительно которой была такая шумиха у вас, я могу тебе или Ульянову прислать. Написано по-украински, скучища ужасная. Кажется, ее у нас запретили. Так что неизвестно, дойдет ли она. Конечно, это позор, что наша Академия Украины выпускает такие книги. Мне ее подарили, стоит 24 коп.

* При въезде на Крымский мост бросается в глаза стоящее по левую сторону от Садового кольца внушительное здание в стиле модерн. Сейчас там находится Дипломатическая академия МИД РФ, раньше размещался МГИМО, еще раньше – Институт красной профессуры. Но мало кто знает, что до 1917 г. в этом здании тоже находилось учебное заведение – Императорский лицей памяти Цесаревича Николая Александровича, более известный как Катковский лицей. – Из Интернета

** Декрет Совнаркома за подписями Вл. Ульянова (Ленина) и Вл. Бонч-Бруевича «Об охране библиотек и книгохранилищ» от 17 июля 1918 г. (www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1917/?id=653).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 апреля 1964 г.

Милая Вера. <...> Поздравь меня, у меня наконец была идеальная уборка комнаты. Наконец на моем горизонте появилась наша бывшая молочница. Она [раньше] носила нам молоко и убирала комнаты. Потом молоко запретили продавать частникам: его [мол,] можно покупать в государственных магазинах. Пришлось им всех коров продать. Ну, конечно, за молоком в магазинах очереди.

Меня, правда, ввиду моей старости, слепоты и глухоты пускают вне очереди. Зина негодует, что я нахалка и иду вне очереди. Хорошо ей говорить, сама она никогда ничего не покупала. Ни при маме, ни при мне, ни при Гане. Видит у меня как-то пакет кускового сахара. Смеется: «Что это у тебя?» – «Сахар. Что тебя удивляет? Всегда ведь таким продается». Зина говорит: «Нет, я привыкла его видеть в натуральном виде». Натуральный вид сахара, это по ее [мнению] в сахарнице на столе.

<...> Сегодня она зашла ко мне с Исааком [Пятигорским]. Он только что приехал из Москвы, где был в командировке. Говорит, что Вике все время пришлось переделывать свой очерк о поездке во Францию. Пойдет в шестом номере «Нового Мира».

<...> Исаак сказал, что Вика все-таки собирается на Камчатку. «Новый Мир» достал командировку, и он поедет всего на месяц. Ну, на месяц, это еще так сак. Он хочет, чтоб этот месяц Зина провела в Москве. Потому что в Киеве Зине скучно, а в Москве у Зины больше знакомых. Но в Москве Зину вообще на улицу никогда одну не выпускают, а здесь ведь она вечно теряется [(из-за утраты способности ориентироваться)].

<...> Вчера решила, пойду отнесу [грязное] белье Гане и напьюсь у Зины кофе. Пришла к Зине довольно рано, Ганя уже куда-то ушла, а Зина уже позавтракала. Зина предложила разогреть мне кофе, но ...оказалось, что Зина не знает, где у них зажигается газ! Когда мама была больна, я старалась маму не оставлять одну. Но когда приходили в гости старушки, я оставляла их с мамой и шла за покупками. Оставила их как-то вдвоем, оставила [электрическую] плитку и весь готовый обед [на ней] и ушла. Где-то задержалась, [пришла, а] они сидят голодные: не знают, как плитку зажечь. Мама говорила: «Очень просто, зажгите спичку и поднесите к плитке». Старушка зажигает спичку, подносит к электрической плитке – результата никакого! Вот она, старость!

<...> Починил мне Исаак две мои [перегоревшие] плитки. Но он их чинит вроде меня. Сперва горит честь честью, а потом почему-то тухнет все мое электричество. Приходится волочить плетеное кресло в переднюю, вставать на него и всовывать пробку обратно. Тогда электричество опять загорается.

А тут еще надо получить апрельский паек. Я уже раз ходила с «мальчишкой» [Александром Ефимовичем]. В других домах дают в домоуправлении, а нам надо идти в какой-то двор, спускаться в какой-то подвал без перил и там получать паек. Ты думаешь, много? Полкило вермишели и полкило какой-то крупы! Почему нельзя более удобные [пункты] устроить для получения пайка старым больным пенсионерам?! Как «мальчишка» ни отвертывался, навязала ему мой паек, чтоб взял для меня.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой

(без даты, на открытке штемпель – 28 апреля 1964 г.)

Милая Вера.

<...> А получила ли ты биографию Классона? Приложения прочти, статьи Классона. Благодарю за марки. Половину послала младшему сыну Классона [Мише], а половину отдала соседу, очень хорошему мальчику, ему девять лет, но он единственный воспитанный человек в нашей квартире.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6-7 мая 1964 г.

Милая Вера.

<...> Как тебе понравилась биография Классона? Непременно напиши свое мнение и мнение Ульянова. Ваня Классон очень дорожит знанием мнения читателей. Он очень недоволен, что много сократили. Прислал мне и Зине свои дополнения. Сперва на желтой бумаге, даже коричневой скорее. И я, и Зина ничего не смогли прочесть. Велел вернуть и прислал на белой. Очень моим и Зининым мнением дорожит. Чудак!

И я, и Зина немного выжили из ума, выражаясь мягко. Ну что мы ему можем сказать? Зина, например, письма читает так. Или начинает с конца страницы или с середины. Ей говоришь: «Да, ты читай с начала, иначе не поймешь». Сердится: «А я хочу так читать». Ну и, конечно, ничего не понимает, все путает.

Вика приехал 1-го [мая] поездом. Зина с Исааком [Пятигорским] ходили его встречать. В этот день через Крещатик пройти было нельзя, шла демонстрация. Пришлось идти круговым путем. Исаак все-таки трогателен, пришел за Зиной в 6 час утра.

Ко мне Вика Зину привел только 3-го [как раз на Пасху], принесли два кулича, творожную пасху, крашеные яйца. Я сейчас же попросила Вика починить мою [откидную] раму (а то не за что было зацепить крючок), повесить мне штору (это не так-то просто) и починить плитку. Согласился, не скажу, чтоб очень любезно. Все это было слишком сложно для моего [26-летнего] «тимуровца».

Еще они зашли ко мне 5-го. Раму [Вика] починил, принес мне белье от Гани. Починка рамы [фрамуги?] заключалась в том, что он прибил гвоздь, за который зацепил крючок. И она уже не рискует болтаться и оторваться, как это уже раз было – я не заметила, валялась долго во дворе [пока соседи не сообщили]. Штору и плитку взял домой чинить. Все-таки проявляет некоторую доблесть.

<...> Вика кажется уже 20 мая едет в Москву, а оттуда будто бы командирован на Камчатку, а Зина в это время будет жить в Москве.

Вчера получила открытку от Любы [Пятницкой из Франции]. Благодарит за биографию Классона.

<...> Ева [Пятигорская] стала мне объяснять, что я никогда ни в чем не должна возражать Зине, какую бы чепуху Зина ни говорила. Упаси боже говорить Зине, что она что-нибудь забыла. Что Зина приходит от меня и вся трясется от волнения*.

По-моему, и Исаак, и Ева не только хотели бы изолировать Вика и Зину от всех их прежних знакомых, но и от меня, и от тебя. Еву страшно волнует, что я переписываюсь с тобой, посылаю тебе книги [и журналы]. Вечно повторяет: «Зачем посылать «Огонек», они могут там купить» и т.д.

Исаак как-то охал, ахал, что я своей перепиской погублю «Викочку, а он такой хороший!». Страшно опасны мои письма тебе о том, например, как [мой знакомый] Яффе заважничал в Лейпциге в 1899 году! Я заплатила ей за перепечатывание рукописей. Она не хотела раньше брать денег, и я стала давать другой машинистке. Но Ева тут перепугалась, ей кажутся, очевидно, и мои рукописи страшно опасными, так что лучше она сама их перепечатает.

<...> Только ушел «мальчик» [Александр Ефимович], явился Вика, мой высокопоставленный племянник, прославленный на весь мир, вешать штору. Почему-то это оказалось делом очень сложным. Прежде ставили табурет на стол, кто-нибудь – или уборщица или соседка влезала на табурет и вешала карниз на два крючка. Ну а сегодня это было очень сложно.

* В свою очередь, после некоторых визитов З.Н. Некрасовой ее сестра вынуждена была отлеживаться полдня или день из-за спазма сосудов головного мозга и тошноты.

Ну бог с ним. Штора повешена. Высокопоставленное лицо соблаговолило со мной говорить. Ну не говорить, а иногда отвечать на мои вопросы. Но тут я решила использовать его на мои лампы. Что-то со шнуром, и лампы не горят. Я предложила, я зайду и возьму одну лампу у них, пока эту исправит. Нет, не хочет. Очевидно, у них кто-то гостит, кого я не должна видеть. В 9 часов [вечера] принес мне лампу.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11-14 мая 1964 г.

Милая Вера.

<...> Мне кажется, что Ваши журналисты и писатели пишут лучше наших, у них у каждого какая-то своя точка зрения, а у нас – жвачка и трафарет. Прямо ужасно. Попробуй написать что-то свое, редакция сейчас же обкорнает, обезличит, обкатает все углы.

Вспоминаю такое. Вероятно в [19]48 году я, как верная гражданка моей страны, принесла в [киевский] музей Ленина мои, ну, конечно, очень незначительные, так как я ее мало знала, воспоминания о Крупской. Я считаю, что всякий человек, хотя бы и мало, но встречавшийся с такими важными для истории людьми, должен рассказать то небольшое, что о них знает.

Долгое время [постовой] милиционер, который тогда в музее Ленина (как теперь, я не знаю) находился в самом здании музея, не хотел пропустить меня к директору. Спорили, спорили. Наконец я заявила: «Я должна передать ему рукопись». Милиционер в ответ: «Так бы сразу и сказали, что вы курьерша. Проходите».

Прошла. Зам директора, молодой парень хмуро и подозрительно глядел на меня. Начал читать, тут же присутствовала особа, которая очевидно водит экскурсии. Я начала рассказывать, и она очень радовалась: «Комната такая-то, [стенд] номер такой-то». Или: «Да, да – в комнате такой-то, около окна». Вся жизнь Ленина и Крупской была занумерована и распределена по комнатам музея. Уходя, я спросила зам директора: «Что вы сделаете с моей рукописью?» – «Если она объективно написана, оставим, а если субъективно – уничтожим». Я, с изумлением: «Но воспоминания всегда же субъективны!» Он нахмурился: «Это у вас идеалистический уклон».

Очевидно у нас такая боязнь «субъективного», что остается только «объективный трафарет» У меня был директор библиотеки [Степан Филиппович Постернак], он мечтал: «Как было бы хорошо, если бы все адекватно думали».

Я получаю сейчас много писем из разных учреждений, просят рукописи, статьи, фотографии. Вот любезное письмо из рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки АН УССР. Сообщают, что такие-то мои рукописи имеются у них под такими-то номерами, что они выдаются всякому, желающему их прочесть, что сейчас ими пользуется такой-то (мой «мальчишка» [Александр Ефимович]). Письмо полно всякой ненужной лести. Например: «Ведь вы занимаете видное место в ряду тех, кто стоял у начал рождения нашей советской культуры». Просят дать на хранение мой архив, рассыпаются в любезностях. Противно! И это пишет библиотека, из-за которой я достаточно на своем веку перестрадала.

Всем этим многочисленным корреспондентам показалось, что я имею какое-то отношение к власти, вот и любезничают. Никакого отношения к власти имущим я не имею, и кажется не было учреждения, из которого бы меня не выкидывали. В 1918 году мне повезло, Надежда Константиновна [Крупская] пригласила меня перейти из Совета Рабочих и Крестьянских депутатов в Центральный Комиссариат просвещения.

А там, где я работала, меня уже хотели выкинуть и даже объявили мне, что хотят судиться со мной третейским судом. С моей точки зрения, это была банда негодяев и карьеристов. Они влезали к нам, когда мы были еще [Московским] земством, влезли после прихода Советской Власти. Им важна была их карьера, их материальное положение. Но они не были уверены, какая власть утвердится, и боялись как-нибудь компрометировать себя.

Это были самые мерзкие саботажники, которых я могла себе представить, влезали в учреждения, получали большие деньги, кричали: «Пролетариат! Пролетариат!» и сами ничего не делали! Одного из этих мерзавцев [(М.А. Эртеля)] я спросила: “Что вы кричите все время – «пролетариат, пролетариат!», а сами ничего не делаете для пролетариата?” Он, будучи главным подлизой перед нашими двумя комиссарами, хитро улыбнулся: “Мы будем кричать «пролетариат, пролетариат» и ничего не делать, а большевики тем временем уйдут”.*

<...> Когда моя знакомая служила в книжном магазине, где продавали всякие книги, я всегда знала, что могу достать для тебя любую книгу. А сейчас, увы, ее магазин превратили в специальный – только книги по строительству. Ну для чего только эти специальные магазины?! Я хотела для тебя купить Шкловского, Толстого и для себя – второй том воспоминаний Эренбурга [«Люди, годы, жизнь»]. «Мальчишка» прозевал, когда продавали для всех. Прибегает утром (я обычно не позволяю приходить до часа дня, я еще сплю, одеваюсь, пью кофе). Тут прилетел. Оказывается, [эти] книги есть только для писателей, для них – отдельная комната.

Писателем же у нас считается не тот, кто пишет и печатается, а только тот, кто член союза! Так как Пастернака исключили из членов союза, то он уже не писатель! В святая святых – комнату для писателей, оказывается, «мальчишку» не пускают, обе продавщицы его ненавидят. Но он мне сразу же сказал, чтоб я пошла с ним. Бросила кофе и говорю ему: «Мне вредно спешить, мне врачи это сказали». Какое тут! В два часа [обеденный] перерыв в магазине, мы спешим. «Мальчишка» всовывает меня в троллейбус, [затем] вытаскивает, переводит [через дорогу] между автомобилями, подходим к магазину. Вдруг он заявляет: «Я с Вами не войду. Меня туда не пускают». Я обозлилась: “Да вы что, с ума сошли?! Я же без Вас не могу! Все перепутываю, вместо «Шкловский» скажу «Шолохов»”.

Он вошел, стоит у двери, а я говорю: «Мне нужен Шкловский и Эренбург. Я тетка Виктора Некрасова. Если хотите, можете ему позвонить». Ты бы видела, какой мне был почет! Все писатели, а это у них что-то вроде клуба, сидят, разговаривают между собой. «Мальчишка» мой стоит у двери, со всеми раскланивается, я вижу, глаза у него сияют смехом и лукавством. Дала ему денег, побежал платить. Мне уже любезно вложили книги в сумку. Спросили, не будет ли мне тяжело нести?

<...> Ты знаешь, когда я была на первом съезде писателей в 1934 году, внутри здания устроили три заграждения. Всяк сверчок знай свой шесток. Одни писатели имели право пройти в президиум. Другие – только в первый круг и т.д. Мой билет находился у Федина, он был в составе президиума и так затуркался, что забыл отдать мне билет. Пройти я никак не могла. Один раз мне дали билет в Обществе старых большевиков, на одно заседание. В другой раз меня зайцем провел Сергеев-Ценский. Это устроила его жена. Сперва они прошли вдвоем. Потом он вышел, будто бы купить папиросы, и дал мне билет жены. Я прошла первое заграждение, жена [Сергеева-Ценского] стояла у раздевальни. Покуда я раздевалась, она прошла наверх. Ценский опять спустился, дал мне ее билет – я прошла второе заграждение.

* Михаил Александрович Эртель (1882 – ум. в начале 1920-х гг.), историк, теософ и антропософ. Входил в теософское о-во, а потом в группы по изучению трудов Рудольфа Штейнера. Посещал многие лекции Р. Штейнера. Накануне революции впал в помешательство.

Но в зал-то все равно по одному билету не пройдешь. Она пошла на риск. Обняла меня и весело говорит «заградителю», милиционеру, чекисту (не знаю): «У нее билет наверху, но я хочу, чтоб она была с нами!» Он любезно улыбнулся, билета у меня не спросил, и мы прошли в зал. Она сердито мне говорит: «В антракте не выходите, а то ведь обратно не попадете».

<...> [На другой день] я стояла в толпе у входа, среди молодежи, как и я жаждущей попасть на съезд. Посылала со всеми писателями записки Федину, чтоб он вынес мне билет. Он [все] не выходил. Ко мне подходит один из нижних «заградителей» (кто, не знаю – милиционер, чекист?) и говорит: «Гражданка, я вас наблюдаю несколько дней. Если вы сейчас же не уйдете, вы попадете туда, куда вы попасть не хотите!» Вот тебе на! Пишу [очередную] записку Федину: «Если вы сейчас же не вынесете мне билет, меня арестуют». Он вылетел с билетом, тогда еще молодой, веселый блондин, таким он мне на всю жизнь и запомнился. А Зина теперь говорит: «Он уже дряхлый старик».

Эту историю, как меня чуть не арестовали, я рассказала одной коммунистке. Она сказала: «Видите, как у нас хорошо оберегают наших писателей!» От кого и от чего их оберегать? В Париже в 1900 году я была на социалистическом съезде, и просидела почти весь съезд социологов. Никаких заграждений не было. Чуковский мне рассказывал тогда же в 1934 году, что Зощенко хотел к кому-то пройти в президиум, и его не пустили! Всяк сверчок знай свой шесток! Нда!

Сегодня [(13 мая)] была еще у меня эмоция. Заперла на замок комнату, а ключи забыла внутри. Сорвать замок не могу. Пошла к Зине. К счастью, Сацихи у них не было. Вика уехал на аэродром встречать приехавших к нему парижских знакомых: две француженки и французский переводчик. Зина в ванной, я торчу у них в квартире. Поговорила с [приехавшими] французами. Сациха с Евой ушли на кладбище. Исаак по телефону не отвечает. [Но тут] Вика сообразил. Позвонил своему [знакомому] Пархому (юбилей которого он недавно справлял) и просил его сейчас же на такси заехать за мною и со мною поехать ко мне в квартиру и открыть мне дверь. Что тот и сделал. Я его, этого Мышу (это Ганя пишет всегда, кто был у Зины [на именинах], – «2 Мыши, он и жена») вижу впервые.* Угостить завтраком французов Вика не смог, Зина была в ванной. Но они должны были приехать на обед, а в 4 часа летят дальше. Нелепо: в Киеве всего пять часов [пробыть]! Мне нравится спокойствие и достоинство, с которым Вика держится. Одет чорт знает как. И все-таки знаменитость!

<...> Пришла Зина [(14 мая)]. <...> Зина говорит, что обед у них сошел хорошо. Курица оказалась слишком мала, и Ганя сделала котлеты. Обед был честь честью. Вика разговаривал со всеми на невероятном французском языке. Это [так] Зина говорит. Переводчик предупредил, что он должен быть с ними только в пределах Киева.

Так что в Борисполь на аэродром отвез их один Вика, а вечером они еще были на выступлении каких-то французов. У них оказалось случайно пять билетов на французов, на три они пошли сами (с Сацихой), а два дали «Мышам», т.е. тому Пархому (может быть, я перевираю его псевдоним) и его жене.

<...> А ты помнишь, как мама волновалась, когда бывали гости? Какое это было огорчение, когда был приглашен Сахаров [сибирский сосед?] (мама мечтала выдать за него тетю Анюту), а пирог к супу оказался недопеченным?

* Михаил Клигерман печатался под псевдонимом Пархомов.

Мама ездила на твою свадьбу [в 1911 году]. Весь наш штат без мамы обнаглел и распустился. А штат был: кухарка, горничная, бонна, домашняя портниха. У нас гостил Сергей Васильевич [Андропов]. Бонна уходила по своим делам, а мы с С.В. должны были катать коляску с Викой. Портниха напевала какие-то шансонетные песенки, горничная бегала из кухни к ней, приносила ей какие-то записочки. Ты же была в той квартире на Владимирской, 4? Там, где Вика родился? Прихожу как-то на кухню. На столе полный прибор: скатерть, тарелки, сидит и ест какой-то студент. Спрашиваю потом [кухарку]: «Паша, что это за студент?» (при тебе Паша была?). Нагло отвечает: «Он приходил узнать, на сале или на масле мы готовим».

Наконец приехала мама, привезла из Швейцарии массу подарков. Зине – стеклянный прибор для письменного стола, он и теперь еще сохранился. Немка-бонна до [приезда] мамы уже ушла. Мама спрашивает меня: «Что у вас было к обеду на новый год?» Я отвечаю: «Был гусь, но что-то ужасно маленький». И мама в слезы: «В кои-то веки у нас Сергей Васильевич гостил! Не могли Вы его даже хорошо угостить». Мама ведь С.В. очень любила, а после революции он ни разу маму не вспомнил! Ужасно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 мая 1964 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня улетел в Москву Вика. Собирается в командировку на Камчатку от «Нового Мира». Вика хотел, чтоб Зина этот месяц провела в Москве, там у нее больше знакомых. Но Зина не захотела быть в тягость кому-то, решила остаться в Киеве.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27 мая 1964 г.

Милая Вера.

<...> Недавно получила письмо от Любы Пятницкой. Ее зять целый месяц провел у своей матери, по-моему, в ГДР. Когда Люба писала, и он и [дочь] Лена были в Париже, а Люба собиралась поехать в Loiret, где она живет летом на какой-то ферме, где она себя чувствует гораздо лучше, чем на юге Франции или в Париже. Там больше простора и это напоминает ей Россию.

Когда Вика был проездом в Париже (не в 1963 году)*, он видел Любу и рассказывал [потом] Зине, что она выглядит гораздо моложе меня и Зины. У меня, правда, такой вид, что меня постоянно спрашивают на улице, сколько мне лет. И огорчаются, думали, что больше ста. Тогда, когда Вика видел Любу, у нее еще не случилось удара. А Лена с мужем пришли к нему в гостиницу очень поздно, когда он уже спал. Лена ему очень понравилась, он нашел ее очень хорошенькой, сказал, что она хорошо говорит по-русски, но с французским акцентом.

И что же Люба теперь мне пишет? Я ей писала, что Вика мало интересуется своими родственниками. Я, например, не могла добиться, чтоб они хоть позвонили Гомочке Мотовилу, когда он был [еще] жив, а он, говорят, был очень интересным человеком и прекрасным скульптором. Зина тоже ни разу не была у Ивана Робертовича Классона и особенного интереса к нему не проявляла.

Ну, а об этом я уже тебе писала. Когда мы с Зиной в 1950-м ехали в Москву, одна наша знакомая встретила Вику и спросила, едет ли он в Москву. Он ей ответил: он сейчас якобы в Москву [ехать] не может, потому что там я (очевидно Москва такой маленький городишко, что там непременно встретишься), а он своих родственников терпеть не может.

* В апреле 1957 г., когда В.П. Некрасов летел в Италию, он сутки провел в Париже.

Ну, и Люба пишет, что будто бы когда Лена пришла к нему в номер в Париже, Вика не захотел ей руки подать. Ну и чепуха! Она, наоборот, ему очень понравилась [(по словам Зины)]. И вообще у нас ни к кому злобы нет.*

<...> Вика уже два или три дня на Камчатке. Прислал Зине оттуда телеграмму, а сегодня пришла открытка, по-моему, из Иркутска. Очевидно, [была] остановка на полпути.

<...> Ах да, я очень прошу Ульянова высказать его мнение о биографии [Р.Э.] Классона. Иван Робертович у tient [(придает большое значение)]. Пишет, что нашел фотографию «Анны Карловны». Зина спрашивает: «Кто эта Анна Карловна?» Я отвечаю: «Очевидно, мать Классона». Зина утверждает, что ее иначе звали. Я написала Ивану Робертовичу, а он обижен: «На первой же странице моей биографии Классона и на одиннадцатой странице книги сказано, что мать Классона звали Анной Карловной».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 мая 1964 г.

Милая Вера.

<...> Я ужасно боялась [после недавнего пожара в библиотеке АН], не сгорели ли старопечатные книги[, попавшие в нее еще до войны из Духовной Академии], ведь они незаменимы. Но оказалось, они уцелели, были в шкафах.** Ведь во время немецкой оккупации немцы ее еще раз разграбили. Они сожгли, уходя, всю Библиотеку Университета, всю бывшую публичную Библиотеку.

Да, культурные немцы! Шеф библиотеки Академии Наук уехал в Германию и, вернувшись, топором начал рубить белые с золотом шкафы какого-то польского короля, которые стояли в отделе старопечатных книг. Идиотство!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 июня 1964 г.

Милая Вера.

<...> Иван Робертович очень у tient [(придает большое значение)]. Хоть он только редактор, но страшно много значения придает этой книге. Купил уже больше 50 экземпляров и разослал разным лицам. Прислал мне заказ, чтоб я еще купила в Киеве. Мы с Зиной зашли в пять магазинов, последний – технической книги. Книги Электроиздата всюду есть, но этой книги нигде нет.***

К счастью, оказалось еще несколько экземпляров в магазине, где работает моя знакомая. Но сейчас у них «переучет». Это «переучет» бывает два раза в году! В бывшее-то время ничего подобного не помню. Магазин Вольфа на Невском всегда был открыт!

И.Р. Классон – З.Н. Некрасовой и С.Н. Мотовиловой, 10 июня 1964 г.

(2-й экземпляр машинописи)

Дорогие Зинаида Николаевна и Софья Николаевна, я очень благодарен Зинаиде Николаевне за повторное и настойчивое приглашение в Киев с любезным предоставлением крова, а Софье Николаевне за напоминания, чтобы я обязательно последовал этому приглашению.

Но не могу, не знаю, будут ли у Андрюши «увольнения» в июне, не знаю точно, до каких пор он будет в Киеве. А, главное, нет времени и денег, причем денег не в прямом смысле – в кармане, а в смысле возможности включить расходы на поездку, так сказать, в план и смету (хотя бы мысленную!).

* Явный сарказм С.Н. Мотовиловой по отношению к племяннику!

** Все же при пожаре 24 мая 1964 г. сгорело большинство книг на украинском языке (argumentua.com/stati/kak-sozhgli-istoriyu-ukrainy).

*** Небольшая неточность – Госэнергоиздат, позже был переименован в «Энергию».

Все дело в том, что ленинградское издательство, как я уже писал С.Н., самым наглым и откровенным образом меня обсчитало за мою долю работы в книге Каменецкого «РЭК» – обсчитало больше чем наполовину. Собираюсь завтра снова советоваться со знакомым юристом, какой путь жалобы избрать. Молча дарить им эти деньги (около 200 руб.) совершенно не намерен. Эта ленинградская сволочь воспользовалась тем, что московский директор (ленинградское отделение ему подчинено) ушел на пенсию в апреле, вскоре после того как сказал мне, что он дал в Ленинград указание, чтобы мне ответили и заплатили. А они из хитрости вообще ни разу на мои требования заплатить, как следовало, не ответили и не написали. Итак, я тем или иным образом буду жаловаться, а потом ждать, м.б. жаловаться в другие инстанции или в суд и т.д., а тем временем усердно трудиться над рефератами и т.п., чтобы укрепить свой бюджет.

Кроме того, Андрюшу надо было бы мне повидать и сделать ему внушение, чтобы он не пил совсем, учитывая большую опасность питья в его условиях и при его крайне слабом характере. Но все это внушение именно при этом его характере и сохранении его теперешнего окружения и, очевидно, почти полном отсутствии в [матросской] школе дисциплины – совершенно бесполезно!

Я решил действовать проще, написал ему популярное ругательное письмо и отказался выполнить его просьбу о досрочной присылке денег. Ведь он все равно большую часть их пропьет, раз их школу или часть так распустили и таково настроение его окружения. Может быть, совсем не посылать ему денег будет более полезно, чем уговаривать письменно, ехать его повидать и т.д. Если бы это не было в самом конце его пребывания в школе, я бы пожаловался на разложение самому начальнику школы.

Ну, довольно на эту противную (поскольку я бессилен, даже если бы и поехал в Киев и повидал бы Андрея, не имеющего «царя в голове») тему. Не помню, насколько толково я написал уже С.Н. о юбилее на электростанции имени Р.Э. Классона.

Очень малоинтересно было торжественное юбилейное заседание, за немногими исключениями – отдельные места в выступлениях трех профессоров, которые все в [19]10-х или [19]20-х годах работали на «Электропередаче», один из них (племянник Зинаиды Павловны Кржижановской-Невзоровой Голубцов) даже член-корр. АН СССР.

Совсем скучно оказалось на банкете, который был со строгим местничеством и продолжался с 10 час. до 2-х (я ушел в 12-м часу, т.к. не пил, из-за хрипоты и опасения, что она все-таки связана с какой-то простудой). Интересен был концерт между торжественным заседанием и банкетом. А вот на другой день я провел время интересно. Был в двух школах на встрече-беседе, кончившейся чаем, тоже с местничеством, хотя и за маленькими столиками. Например, я сидел с учительницей, директором школы и директором станции [Н.И. Устиным] (он шеф школы, с ним я сидел и на банкете накануне и знал, что он ничего интересного не скажет).

(концовка утрачена?)

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 июня 1964 г.

Милая Вера.

<...> Вчера получила открытку от Зины. Что-то скоро она пришла. Зина вылетела из Киева 18-го в пять часов дня, а в Москве была уже через час! Вот это да. <...> Одновременно с Зининой получила открытку от Вани Классона. Он уже говорил с Зиной по телефону и сообщил [мне], что Вика должен прилететь [в Москву] 22-го, т.е. сегодня. А 24-го день Зининого рождения, ей минет восемьдесят пять лет.

<...> Ваня Классон просил Зину прислать или привезти ему фотографию, где мы все сняты у водопада в Ormonts dessus.* Мама, мы трое, тетя Соня, Классон и Коробко.

17-го (в день Викиного рождения, ему уже минуло пятьдесят три года) я была у Зины. И с удивлением увидела, что обе фотографии у водопада лежат на ее письменном столе. Значит, она помнила, что надо их отвезти Ване. Две – потому что кроме фотографии, где мы все сидим внизу, есть другая, где я и Коробко залезли наверх, на скалы, и Коробко так далеко залез, что мама надписала: «Где тут Коробко?».**

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 июля 1964 г.

Милая Вера.

<...> На днях заходил Исаак [Пятигорский]. Сообщил, что Зинино восьмипятидесятилетие сошло [24 июня в Москве] очень хорошо. Было двадцать восемь человек гостей. Вика привез из Камчатки какую-то громадную рыбу. «Пировали», как Зина пишет [Исааку], до рассвета. Думаю, что они вернутся в Киев дня через четыре. Свинья такой Вика, не мог по приезде [в Москву] Гане позвонить. Ведь всем своим материальным благополучием в Киеве они обязаны Гане. Характер у нее, правда, жуткий, но среди всех этих хищников и негодяев, которыми они [в большинстве своем] окружены, Ганя все-таки верный, преданный им человек.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 3-4 июля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня в 6 часов должны приехать Зина и Вика, т.е. прилететь, конечно. <...> Вчера [(3 июля)] вечером прилетели Зина и Вика и [сегодня] около двух часов были у меня. Показала им твое письмо. Они тоже восхищались твоим ровным и четким почерком, хорошенькими открытками и тем как ты хорошо пишешь.

* Ormonts-Dessus – Ормон-Дессю, или Верхний Ормон, живописная долина в Швейцарских Альпах на высоте свыше 1 000 метров. Все же здесь развит горнолыжный курорт. А водопады, где могли сняться «Русские в Швейцарии» в 1892 г., находятся, по-видимому, ниже.

** Но потом в письме указывается, что З.Н. Некрасова эти два фото куда-то засунула и поэтому отвезти в Москву И.Р. Классону так и не смогла.

<...> Вчера вечером была знакомая докторша, дала что-то для принятия внутрь как болеутоляющее [[от жутких болей в ноге, после падения 22 июня? – МК](#)]. Только сегодня, через двадцать четыре часа Вика принес мне это лекарство.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 июля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Зина была сегодня и говорит, что Вика пошел за билетами, чтоб лететь в какую-то Палангу. Где-то в Прибалтике [[в Литве](#)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-10 июля 1964 г.

Милая Вера.

<...> 4-го Вика соблаговолил зайти на несколько минут в мою комнату с Зиной. Вероятно, Исаак ему сказал, что у меня есть интересные письма Чуковского о нем, Вике. Собой-то он интересуется! А тут прошел слух, что Вика собирается на целый год уехать на Камчатку. Я была в ужасе: «А как же Зина?» Оказалось, вранье, это он соблаговолил ответить. Но ведь маме было уже восемьдесят два года, когда он уехал во Владивосток. Я думала, узнает о маминой болезни, сейчас же вернется. Какое тут! Следующий год жил в Вятке, а еще через год – в Ростове-на-Дону, ну а потом началась война. И мама последние четыре года почти не видела своего любимого внука. До чего дети – эгоисты!

<...> Вика[, [говорят,](#)] все со своими киношниками. Привез ведь всякие фильмы с Камчатки. Поставит какой-то фильм с каким-то своим киношником. Но я вообще Вику не видела с 4-го. <...> Зина ведь все путает. Сказала, что они едут 16-го, Вика пошел брать билеты. К счастью, потом пришла Ева и сказала, что они летят в Палангу 12-го.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 июля 1964 г.

Милая Вера. Сейчас получила письмо Ульянова после его операции. Но пусть бы он берегся, не так ведь просто в этом возрасте операцию пережить и быть под каким-то хлороформом! Пусть в горы хоть временно не ходит? Приехала ли к Вам Люба [[Пятницкая из Парижа](#)]? Она писала, что Вы приглашали ее к себе.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17-18 июля 1964 г.

Милая Вера. <...> Зина иногда ошибается и говорит, что ей шестьдесят четыре года вместо восьмидесяти четырех. Теперь ей уже восемьдесят пять. Посылаю тебе первую Зинину открытку из Паланги. Вот Зинин адрес: Литовская ССР, г. Паланга, Санатория Жуведра [[\(«Palangos Zuvedra»\)](#)], Зине. Выехали они 12-го в 6 часов.

Перед этим в субботу [[11 июля](#)] приехал в Киев на три дня Ваня Классон. Заказал себе номер в гостинице, но теперь же масса туристов, все занято, должен был остановиться у Зины. Его сын служит или учится на морской службе, писать ему нужно каким-то шифром или номерами. Из училища его сейчас не выпускают, у них экзамен, и он на Зинино имя прислал отцу письмо, как к нему пройти. А Зина, конечно, письмо потеряла и даже забыла, что его получила! Помнила Ганя, что письмо пришло три дня тому назад.

Ване Классону пришлось пойти в какую-то комендатуру, чтоб узнать как пройти к своему сыну! В субботу Зина привела его ко мне. Ты же знаешь, я его ведь никогда не видала. Помнила его детские портреты.

*Все же у И.Р. Классона была «итальянская внешность»
(хотя итальянцы и евреи близки по типу)*

И вот мое впечатление – Зина входит с каким-то старым, жалким евреем маленького роста и спрашивает: «Ты узнаешь?» Мало ли у нас знакомых евреев было! И оказалось, это Ваня Классон! Я [недипломатично] говорю: «До чего у Вас еврейский тип!» Ни на тетю Соню, ни на [П.Э.] Классона совсем не похож, ни на дядю Пашу, ни на Кристиани. Это мое впечатление. А Еве [Пятигорской] и той даме, которая у меня [шефствует], очень понравился.

<...> Помнишь, я приехала к Вам в пансион из Веймара на Рождество? Вы жили где-то недалеко от Mont Beven (как это вместе пишется?). Там хозяева были: отец, мать и хорошенькая дочь. Я гостила у Вас две недели, спала у Вас, а мама ходила ночевать к M-elle Broye. Кормили там довольно плохо, и Вы решили переехать в пансион Clément. Тогда эта хозяйка подала на маму в суд. Обвиняла она маму в том, что к маме приезжала «грязная дочь», и она оставляла ее ночевать, а сама ходила ночевать к M-elle Broye.

Решили на суд повлиять, и M-r Broye дал записку судье в пользу мамы. По-моему, это не совсем правильно – давить на суд. Эта дама жаловалась, что мамина «грязная дочь» испортила ее ковер (я ела семечки, но я же их на ковер не бросала!). Судья спросил: «А сколько лет Вашему ковра?» И та с достоинством отвечала: «Тридцать пять!». Она очевидно считала, что ковры, как вино, чем старше тем лучше. Требовала, чтоб мама уплатила стоимость ковра. Но судья решил в мамину пользу. Не помнишь этой истории? Я ее знаю только по рассказам, я ведь [после Рождества опять] уехала в Веймар. Я люблю вспоминать старое.

[Ваня] Классон был у меня три раза. В первый его визит мы рассматривали два альбома, я подарила ему два портрета тети Сони (один, где она девочкой и из-под платья видны панталоны, как тогда носили) и один портрет дедушки. Он считает, что он похож на дедушку Ивана Егоровича. А Ева нашла, что Ваня Классон похож на меня, и вообще эти дамы нашли, что он «интересный мужчина». Этого выражения я совсем не понимаю.

По приезде в Палангу Зина прислала телеграмму Гане, которую Классон принес мне, а написала Зина только 16-го, через четыре дня после приезда. Классон починил у меня дверь и две плитки. Интересно, продлится ли наша переписка после личного знакомства?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 июля 1964 г.

Милая Вера.

<...> Ты знаешь, я ведь всегда была независимой. Мама никогда ни в чем не стесняла нас, мы делали что хотели. Помнишь, как мама [из Лозанны] уехала с Зиной в Англию, а нас оставила на Maupas с M-elle Bovarot? Ужасно эта M-elle Bovarot угнетала меня. Почтенная седая дама, готовила на кухне в перчатках. Прислуги у нас тогда почему-то не было. Она заставляла меня целый день после школы сидеть за рукоделием и вышивать какие-то пыльные тряпочки. Зачем пыльные тряпочки должны быть вышиты? Она требовала, чтоб в субботу я не ходила в школу, а ходила с ней на базар покупать продукты, чтоб я научилась хозяйничать.

З.Н. Некрасова (из Паланги) – С.Н. Мотовиловой, 1 августа 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня!

Пишу из Паланги, верно, уже последний раз, т.к. мы выедем в Москву 8 августа, проведя сутки в Вильнюсе, а в Москве пробудем, верно, тоже дней десять. Тут погода хорошая, но сильный ветер, и мы не купаемся, а гуляем.

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2 августа 1964 г.

Милая Вера.

Пересылаю тебе Зинино письмо, оно от 26-го, а сегодня 2 августа, видишь, шло восемь дней, как из-за границы. Вчера у меня были Исаак [Пятигорский] и Ганя. Принесла белье. Она, как всегда, перед Зининым приездом пригласила уборщицу, какую-то дворничиху, чтобы убрать Зинину квартиру, думала, что они приедут 8-го в Киев. Но редакторша из «Нового Мира» говорила по телефону Исааку, что Вика уже взял билеты в Москву, и вероятно (это я так думаю) устроятся там или на даче или в доме творчества.

Третьего дня, в 9 часов вечера вдруг у меня звонок. Я, ковыляя, едва добралась до выходной двери. Думала, это моя знакомая пришла, вынести мое [мусорное] ведро. Нет, какой-то молодой человек. На вопрос, кто он и к кому, отвечает: «Коля». Никаких Коля я не знаю. Оказался – сын [ленинградской] Нины Мотовиловой. Он был лет десять тому назад в Киеве, останавливались они [с мамой] у Зины. Я удивилась, что он так поздно ко мне пришел. Он приехал сюда уже 27-го с туристской экскурсией, остановился где-то далеко, на турбазе. Они тут должны были пробыть до 8-го. Но он в страшном волнении, ни одного письма от своей матери за пять дней не получил. Они с Ниной живут душа в душу, боятся расставаться. Я объясняю ему, что это задержка на почте. Но он уже послал телеграмму и если не получит телеграфный ответ, решил бросить свою экскурсию и ехать обратно в Ленинград. Он не знает, «жива ли его мама». Нина вполне здорова и ей всего пятьдесят три года. Но мне нравится такая сыновья любовь.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 августа 1964 г.

Милая Вера.

<...> Утром Исаак сказал, что Зина и Вика проведут несколько дней в Вильне. Теперь это называется – Вильнюс. Вика там подружился с [каким-то писателем](#). Во время холодов в эти дни этот писатель посылал им свой теплый свитер для Вики и какую-то кофту для Зины. Вот [[Н.А.](#)] Ульянов возмущается, что Александр Ефимович скрывает свою фамилию. Ну не естественным было бы сказать мне, кто этот писатель? Нет, от меня это скрывается.*

З.Н. Некрасова (из Паланги) – С.Н. Мотовиловой, 7 августа 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Завтра мы уже выезжаем из Паланги в Вильнюс, где только хотим осмотреть город, а затем поедem в Москву, где пробудем несколько дней, чтобы Вика мог сдать в редакцию «Н.М.» то, что он написал тут о Камчатке.

Зина

З.Н. Некрасова (из Паланги) – С.Н. Мотовиловой, 8 августа 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну).

Милая Соня! Вот и кончается наше пребывание в Паланге! Мы выедем отсюда 7 августа (?) и поедem еще на несколько дней в Вильну, чтоб ее осмотреть хорошо, а оттуда направимся уже в Москву, где и пробудем еще некоторое время – Вика сдаст в «Новый Мир» (а может быть и не успеет) свою Камчатку, а тогда уже вернемся в Киев, повидав всех наших знакомых в Москве, в том числе и Ваню Классона.

Он мне сюда писал, что видел Андриюшу в Киеве еще два раза и благодарит меня за то, что я настояла на его (Вани) приезде в Киев, т.к. вскоре моряков отправят куда-то далеко.

<...> Перед [окончательным] отъездом [из Прибалтики] мы поедem еще в Ригу, может быть, дня на два, чтобы все «использовать». А тогда уж поедem в Москву, тем более что Лунгины сами еще не вернулись в Москву.

Зина

З.Н. Некрасова (из Вильнюса) – С.Н. Мотовиловой, 15 [11-го!] августа 1964 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! <...> Мы все еще застряли в Литве – гуляем, смотрим музеи, сегодня смотрели здание старого разрушенного (и [затем] восстановленного) замка со старинными картинами и фресками. <...> Что пишет Ваня Классон? Куда поехали они все теперь? Что пишет тебе Нина [Соломоновна] Мотовилова? Все-таки и не ответила на письмо, которое я ей написала из Паланги! А тебе она пишет?

Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 12 августа 1964 г.

Милая Вера. Хочу уже отправить тебе Зинины открытки. Слава богу, у них все хорошо. Тьфу, чтоб не сглазить! Они решили провести несколько дней в Вильне. Затем поедут в Ригу, ну да, как говорит Ганя. Вику давно уже зовут его друзья, ну а затем, кажется, в Москву, где Вика должен сдать свой очерк о Камчатке.

* Персонафикация сего сюжета требует отдельного исследования. В качестве «какого-то писателя в Паланге-Вильнюсе» мог быть, например, Константин Воробьев, который тоже воевал, недолго – под Москвой, потому что попал в плен, бежал из концлагеря в Литве, организовал партизанскую группу. Демобилизовался в 1947-м и осел в Вильнюсе, умер в 1975 г. К сожалению, на пафосном сайте «Памяти Виктора Некрасова» очень слабо представлена «Хроника жизни», в которой вообще не отражен 1964 г. (?)

<...> Вика писал Исааку, что они из Паланги ездили в Ковно. Встали, кажется, в 6 часов, несколько часов туда [провели] в автобусе, там все осматривали, [а потом опять] несколько часов в автобусе. Все ужасно устали, кроме Зины. Но зато, ты видишь, вместо [датировки] 11-го она на открытке пишет – 15-го, а я ее открытку получила 12-го!

Александр Ефимович [Парнис] все еще в Москве. Звонит по вечерам Ване Классону и разговаривает с ним по телефону по часу! А у Вани Классона ведь в 10 часов (22 часа, как он пишет) тушится электричество [домашними]. Но его семья сейчас на даче, и Ваня Классон пишет, что слава богу: никто не может хронометрировать его разговоры по телефону. Ужасная у него жена (эта – вторая), украинская крестьянка, с психологией как у [домработницы] Гани. Нет, Ганя, кажется, культурнее.

Александр Ефимович, по-моему, Ване понравился (по телефону). Сперва он мне написал: «Не ссорьтесь с ним». Я, ссорюсь?! Он [ведь] злючка. Во втором письме Классон мне пишет: «По-моему он к Вам искренне хорошо относится (у меня очень мало таких друзей, которые действительно хорошо относились)». Ну я конечно очень польщена. Я ведь не знаю, почему ко мне все плохо и злобно относятся?!

Самый забавный случай (я тебе уже двадцать раз, верно, писала) [произошел, когда] я приехала из «Совдепии», как тогда [Россия] называлась, в «Гетмановщину». [Далее коротко описывается сюжет, который уже приводился в письме И.Р. Классону от 2 мая 1962 г.: «Наконец пришли большевики. <...> Зина это время называет: «Это когда ты была большевической ведьмой». Это был высший расцвет моей деятельности”].

<...> Пришел Исаак [Пятигорский], сказал, что Зина и Вика в Ригу не едут, а должны приехать 20-го в Киев.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 августа 1964 г.

Милая Вера. <...> Зина сказала, что она сегодня, 17-го летит в Москву. Я еще удивилась, как же так, когда к ним приехали гости. Сегодня Зина пришла с Викой. Ты не можешь себе представить, до чего мне противно бывает всегда после Викиного прихода! В меньшей степени бывает противно после прихода Исаака и Евы [Пятигорских]. Чувствуешь, что я им в тягость, чувствуешь, что они все от меня скрывают. Ну, например этот неожиданный для меня Зинин приезд.

Но после Викиных приходов особенно бывает омерзительно. Полное отсутствие всякого интереса ко всему моему. Ни к книгам, которые я получила, ни к тому, что я рассказываю. Стоит и ждет, когда Зина наконец от меня уйдет. Я ему показываю открытки от Бурлюка, письмо от него, которое все было интересно – не читает. Письмо [Н.А.] Ульянова, только что полученное, прочел, ни звука не сказал, а вырезку бросил и сказал: «Об этом я могу и в наших газетах читать». О себе, конечно, ни звука, засекречен.

Спросила, будет ли что-нибудь его в седьмом номере «Нового Мира», сказал, что нет, не будет!! А будут ли его вообще печатать, я ведь не знаю. Ужасно противно, не знаешь как отплеваться. Невольно думаешь: «Чего лезешь к человеку, который тебя знать не хочет», ну а я лезу.

<...> Вы уже истратили [на нас] деньги, но ты же сама понимаешь, что мы тебе бесконечно много должны. А как теперь хоть что-нибудь вернуть? Не говоря уже о том всем, что Вы присылали нам после революции: и деньги, и АРА, и Торгсин, все что ты заказывала маме, когда она гостила у тебя. Но вообще, ты же от мамы ничего не получила, а мы же все время жили на мамин счет.

И я, и Зина зарабатывали мало (не по своей вине), жили на продажу маминых вещей и ее получки из-за границы. Вика стал зарабатывать очень поздно. Он даже стипендии не хотел брать, все на мамин счет, но ведь еще и свой заработок раздавал всяким «друзьям», а la Иончик. Ну ясно: мы тебе очень много должны, чего же Ульянов разговаривает о каких-то копейках, которых стоят, покуда, его три геологические книги!

<...> Оказывается Александр Ефимович [Парнис] видел в Москве те журналы Бурлюка, которые не дошли ко мне. И там Бурлюк приводит мое письмо. Ужасно бестактно. Ведь мы же не имеем права печатать что-либо за границей. Уже раз так было. Я написала письмо Рубакину, это было в двадцатых годах. У нас был голод, сыпной тиф, и я ему написала о нуждах наших библиотекарей. У Рубакина тогда училась одна американка, муж которой заведовал у нас Ара.

Не прошло и двух недель, как наша библиотека стала получать по шесть АРавских посылок ежемесячно, а письмо мое (правда без моей подписи) поместили в одном из библиотечных журналов США. Хавкина спросила одну нашу библиотекаршу: «Кто от Вас (в Киеве) это написал?» И та ответила: «Ну, конечно Мотовилова». Но тогда можно было за границей собирать на «помгол», и Горький собирал, и многие другие. Так началось мое знакомство с Рубакиным. Мы несколько лет с ним переписывались. Я хлопотала в Гос. Издате, чтоб ему заплатили за вышедшие у нас его книги.

<...> Я так благодарна Хрущеву, что он оценил Рубакина (и как полезны были его популярные книги), а ведь сколько у нас было на него нападок. Мои статьи за Рубакина не хотели печатать. О том, что я писала о нем, я конечно забыла, а Александр Ефимович [Парнис] раскопал мои статьи в отделе рукописей Библиотеки [Ленина].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20-22 августа 1964 г.

Милая Вера.

<...> Придя ко мне, Александр Ефимович сообщил, что Вика уехал в Москву. Заметь, сообщения об Вике я получаю всегда от чужих людей. Зина уже два дня у меня не была. Да и все равно она ничего не знает. Александр Ефимович вздумал начать хлопотать (Шкловский предложил), чтоб отдельной книгой вышли мои воспоминания. Зачем?

У нас столько ценных, нужных книг не выходит. Брюсова не печатают, Бальмонта, даже избранные произведения, не печатают. Викины вещи выходят всегда маленьким тиражом, их достать нельзя. А мои воспоминания вышли в «Новом Мире», тираж которого в этом году был 113 000. Для них [(читателей)], по-моему, вполне хватит. Ну он злится, что я не соглашаюсь.

Я достаточно перестрадала из-за этих, которые были напечатаны. Ну, например, будто бы я пишу: «Я надсмехаюсь». Или что за чепуха: «Бестужевские курсы в Москве»? Или эти все уничтоженные имена: «Лазарев» – это я пишу, а в «Н.М.» – «один наш знакомый». Подумаешь! Страшно опасное лицо Лазарев. Имя Волховского (Феликс) даже пропущено.

<...> Получила сегодня письмо Ивана Робертовича. Он говорил по телефону с Зав. Отделом рукописного отдела Ленинской библиотеки. Я предложила им отдать письмо Веры Фигнер, т.е. продать. Заведует теперь там сын академика Шлихтера*. Он предложил купить у меня весь мой архив. Киевский архив просил, чтоб я ему даром все подарила. Пусть дадут какой угодно грош, но где-то сохранятся мои бумаги – в таком виде, как я их писала. Ведь это просто мусор, который засоряет мою комнату.

* Это Борис Александрович Шлихтер (1904-1973), сын академика АН Украины Александра Григорьевича Шлихтера, последний в 1931 г. топал ногами и кричал в Киеве на С.Н. Мотовилкову, когда она хлопотала о восстановлении «вычищенных» из Геологического комитета сотрудников (см. выше).

Ведь мои мемуары в «Новом мире» были напечатаны главным образом на основании того, что сохранились в Литературном Архиве [теперь РГАЛИ – МК], куда они были переданы Бончем из его Литературного Музея.

Написала сейчас Исааку [Пятигорскому], чтоб проконсультироваться с ним, как быть. У них (в Ленинской библиотеке) есть вероятно моя переписка с Рубакиным, Хавкиной, Бончем. Все-таки это все характеризует нашу эпоху без прикрас. <...> Мне кажется, в частных письмах больше правды, чем в документах. Нужно и то, и то.

<...> Сейчас [(22 августа)] у меня был интересный визит. Преподавательница Колумбийского университета [на факультете?] русской литературы. Прекрасно говорит по-русски. Зашла Зина. Она Зине сказала, что они изучают там творчество Вики, его замечательный язык. Она приехала в СССР, в три города – Москву, Ленинград, Киев.*

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 27 августа 1964 г.

(из утраченного письма)

Наши с Вами предки не привыкли, чтобы с ними были нахальны и грубы. Когда дядя Саша сошел с ума, у него уже не было сдерживающих центров: он убил человека, который ему грубо ответил. Кстати, всю эту историю <...> (мы прочли тогда в газете, мы читали тогда у тети Лиды в Протопопове) взяла на себя тетя Соня.**

Она была самая энергичная в семье и всегда на себя брала все семейные истории. Она взяла из [Смольного] института Маню и Веру [после истории с «драконадами»], перевела их в гимназию Стоюниной, кажется. <...> Я только теперь понимаю, какая удивительная отзывчивость была у тети Сони. Она ведь бросила тогда свои курсы и [Р.Э.] Классона, которого уже любила, и целую зиму провела у нас в Симбирске, чтобы маме после смерти папы не было так одиноко.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-2 сентября 1964 г.

Милая Вера.

<...> В субботу пришла Зина. Мы с ней не поссорились, это редкое явление. А то приходила Ева [Пятигорская] и поучала меня, чтоб я Зине никогда ни в чем не возражала, а то это Зину волнует. Но я не выношу, когда Зина входя ко мне начинает распоряжаться, переставлять мои вещи, класть принесенное не туда куда надо. Впускать общеквартирную кошку. Старая кошка, очень умна, толкова. Но она перебила у меня уже несколько термосов, почти все блюдечки.

<...> Заходила Зина. У них только что был Саша Кистяковский. Рассказывал, как к нему приезжал [брат] Горя со своим переводчиком. Но от Зины ведь толком ничего не узнаешь. Она все путает. <...> Горе шестьдесят четыре года, от нас он уехал в 1920 году, его силком увезли Деникинцы. Они увезли все старшие классы гимназии. Года четыре он учился в Германии, его встречал там Ваня Классон.***

* В письме Софьи Николаевны за 1 мая 1965 г. сия «таинственная незнакомка» будет идентифицирована как Галина Дмитриевна Кулаева, переводчица, профессор, эмигрировавшая из СССР (см. ниже). А в еще более позднем письме – как преподаватель какого-то колледжа в Лос-Анджелесе, а не университета в Нью-Йорке!

** Жуткие подробности того, как А.И. Мотовилов «убил человека, который ему грубо ответил» (в 1890-м, в Батуме) см. в очерке «Мотовиловы – от Тимофея Мотовила». В то же время в Тифлисе обнаружилась и С.И. Мотовилова, будущая Классон, «взявшая на себя всю эту историю», т.е. хлопотавшая об освобождении своего младшего брата Александра Ивановича от уголовного наказания и о помещении его в частную психиатрическую клинику в Петербурге.

*** Как мы уже поясняли, Георгий (Джордж) Богданович Кистяковский (1900-1982) – это американский доктор физики и химии, один из руководителей Манхэттенского (атомного) проекта, советник Эйзенхауэра по науке; а Александр Богданович Кистяковский (1904-1983) был видным украинским биологом.

Вчера вечером [(31 августа)] пришел Исаак с Викой. Принесли мне два Зининых стула. Я их терпеть не могу, неудобные. Но Зина правильно говорит, ведь на них буду сидеть не я, а мои гости. Из моих 1210 руб., которые я от «Нового Мира» получила, у меня осталось только 90 руб. Хранились у Исаака, в кассу-то я ходить не могу. А теперь надо положить их в сбер. кассу, так как Ленинская библиотека за мои рукописи деньги может перевести только в кассу.

Хотела тебе еще про Горю рассказать. Уходя от меня, Вика соблаговолил рассказать про Горю: «У нас был Саша. Ты же любишь цифры». Да, говорю я, я люблю цифры. – «Горя получает ежемесячно жалования 23 000 долларов. Но это не главный его доход. А главный, большой доход от реклам различных химических фирм. Кажется, он должен давать им одобрение. Горе у нас в СССР очень понравилось, и он решил приехать на будущий год». Но ты верно знаешь, что все Кистяковские дико скупы.

<...> Вчера [(1 сентября)] я в первый раз за семьдесят два дня вышла на улицу. Так рада была подышать свежим воздухом. Вышли мы вчетвером: я, Зина, [моя новая «тимуровка»] Вера Всеволодовна и мой «мальчик» [Александр Ефимович]. <...> Надо было открыть мне счет в сберкассе и главное написать, что я завещаю после моей смерти мои деньги в кассе Зине. Пока что завещала ей 25 руб.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7-8 сентября 1964 г.

Милая Вера. Вчера получила письмо от Ульянова. Радуюсь, что ты стала гулять и что Вы ходите вдоль набережной Ouchy. Мы часто там гуляли, когда жили у Brîod на Route d'Ouchy. А помнишь, как Вы с Леной Готской пошли гулять с [«бабушкой русской революции»] Брешко-Брешковской и всё рассказывали, как хороша эта набережная. А она на Вас напала, какое вам дело до Лозаннской набережной, когда надо в России готовить революцию. Не помнишь? А вот теперь Ульянов так же, как Вы тогда с Леной, описывает красоты le quai d'Ouchy. Но революция уже совершилась.

У нас дивная погода, уже осенняя. Виноград на балконе напротив меня стал уже темно-красным, мне ужасно хотелось бы гулять, а гулять не с кем. Зина предлагает, но она сама какая-то мягкая и хрупкая, как бабочка, и сама постоянно падает, я ей не доверяю.

Хотела бы я, чтоб гулять меня водил Александр Ефимович [Парнис]. Он лучше всех меня водит, но неудобно его об этом просить, а он эгоист. Моя соседка говорит, что он, наверное, единственный молодой человек в Союзе, который решается под ручку со мной идти по Крещатику. Такой у меня [дряхлый] вид. Но я ж не на Крещатик хочу идти гулять, а где-нибудь около дома.

<...> Вчера [(7 сентября)] было воскресенье. В субботу – мой jour fixe. Около восьми пришла Зина со своей гостьей [Галиной Викторовой], которую я называю «претендентка на престол». Ей не успели еще сказать, что от меня надо все скрывать, касающееся Вики, и я кое-что от нее о нем узнала.

<...> Денег у них нет, потому что все свои деньги (а они были сумасшедшие) Вика пораздавал своим приятелям. Ну а его же ведь уже больше года не печатают, ни новые его произведения, ни старые. Его «Франция», какие-то рассказы – в редакции «Нового Мира», а там кажется все редакторы разъехались на летний отпуск. Он будто бы сидит и пишет «Камчатку», и чтоб писать, ездит куда-то на дачу, потому что ему дома мешают. Но боюсь, что «на даче» он проводит время, как у Соколова-Микитова [(т.е. пьянствует)]. Может, помнишь его воспоминания об этом писателе-матросе?*

* Как мы уже поясняли, это следующая публикация:

Виктор Некрасов. Неюбилейное признание (к 70-летию И.С. Соколова-Микитова). // «Новый мир», №5, 1962.

Зина сидела у меня, читала письмо [Вани] Классона (по поводу моих рукописей), по моему ничего не понимая. Вздохнула: «А Ульянов нам больше не пишет». Я в ответ: «Да Ульянов же писал, что он пишет нам всем троим вместе. И я тебе все его письма показываю и в Ялту и Палангу пересылала». Зина говорит: «Вспомнила тоже Палангу! Когда это было, мы уже целый месяц после этого жили в Каунасе!» Ее гостя («претендентка на престол») возражает: «Зинаида Николаевна, да в Каунасе Вы жили всего пять дней». – «Нет, мы жили там месяц». Спорить с Зиной нельзя, она сейчас же сердится.

Сейчас рукописный отдел Ленинской библиотеки предлагает мне продать им весь мой архив. Я очень этим заинтересована, не деньгами, денег будет грош, но чтоб где-то были мои рукописи, так – как я их писала, а не так – как их переделали в редакции [«Нового Мира»].

Вересаев говорил (не мне, а одной знакомой писательнице, она могла и соврать), что русские писатели пишут теперь в два этажа: один для напечатания теперь, а другой для будущего. Ну, а я хочу послать в один этаж – для будущего. Ленинский архив (рукописный отдел), по-моему, самый для меня подходящий: там и архив Хавкиной, и Рубакина, и Бонч-Бруевича, у которого было много моих писем, если они их не повыкидывали.*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16 сентября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Только что была Зина. Я [уже] беспокоюсь, дошла ли она домой. Принесла мне винограда. Я знаю, что у них нет денег, а она все приносит мне дорогие конфеты, фрукты, торты. Ну что поделаешь? Буквально «Вишневый сад». Ездят в гости на всякие именины, везут дорогие подарки. Принимают у себя гостей, кто-то с Камчатки к ним приезжал. Ну, значит, водка, угощения.

Исаак мне говорил, что скоро должен выйти сборник Викиных рассказов, но это же капля в море.** Он столько получил раньше денег, что мог бы на них несколько жизней прожить, но он раздавал своим друзьям. Почему-то клал не на свое, а на их имя. Ну а теперь, уже полтора года ничего не печатается (ни старого, ни нового), и он без копейки.

<...> Стиль [биографии В.П. Ногина, написанной В. Архангельским и изданной тиражом 105 000 экземпляров,] по-моему пошловатый.*** Не выношу этой «беллетризации», как это называется, т.е. вранья. Галин (есть такой писатель) писал о [Р.Э.] Классоне. Как у него устроили на какой-то электропередаче воскресник [на подмосковной станции «Электропередача» – МК], все работали в воскресенье, и как пришел [Р.Э.] Классон и удивился, увидев свою дочь Катю всю вымазанную.

Воскресник правда когда-то был, но Классон был тогда за границей и видеть этого никак не мог. Все – вранье из головы. А говорил [Р.Э.] Классон о Ленине (по Галину) таким уж противным подбострастным тоном, которым никогда Классон говорить не мог.

* Письма Софьи Николаевны сохранились в ОР РГБ: в архиве Л.Б. Хавкиной (ф. 321), архиве Н.А. Рубакина (ф. 358), архиве В.Д. Бонч-Бруевича (ф. 369)

** В 1965 г. выйдут два сборника рассказов:

Вася Конаков. Київ, «Дніпро» (тир. 30 тыс. экз.; содерж.: Вася Конаков; Сенька; Рядовой Лютиков; Новичок; Судак; Переправа; Посвящается Хемингуэю; Вторая ночь; Август-Фридрих-Вильгельм; Через пятьдесят лет и др.).

Вторая ночь. М. «Сов. Россия» (тир. 50 тыс. экз.; содерж.: Вторая ночь; Новичок; Чао, Джульянчик!; «Санта-Мария», или почему я возненавидел игру в мяч; «Землянка»).

*** Владимир Архангельский. Ногин. «Молодая гвардия», серия «ЖЗЛ», 1964. Однотипное издание появится зачем-то и в 1966 году.

<...> Через день после того, как мой «тимуровец» [Александр Ефимович] мне купил биографию Ногина, эту же книгу прислал из Москвы Ваня Классон. Очень он трогателен, даже всюду заложил закладки, где говорится обо мне. <...> Так что Ваня Классон – мой лучший друг и поверенный во всех моих делах! Я ему пишу так же часто и так же подробно, как и тебе. Но он на все реагирует. Сам он страшно занят, пишет переводы, рефераты, работает у себя на даче, они всё там строили. Его старший сын отбывает теперь воинскую повинность как матрос, ушел в какое-то дальнее плавание. Другой кончает школу.

<...> Бедный Классон ложится в больницу на операцию, такую же, как была у Ульянова недавно. Говорит, пролежит в больнице недели три. Он так близко к сердцу принимал передачу моих рукописей в рукописный отдел Библиотеки Ленина. Я им все свои рукописи и машинописи отправила уже 2-го сентября. Сегодня уже 16-е: ни звука в ответ! Это у нас явление обычное.

<...> Желаю тебе побольше гулять. Зинина гостя [Галина Викторовна] все худеет по-моему. Зина ее загоняет, они целый день гуляют по Киевским паркам, осенью там очень красиво. Обещала и меня водить гулять. Чем сидеть у меня в комнате, почему не пройтись по улице? Покуда эти дамы претендуют на престол, они со мной очень любезны: и цветы, и торт мне приносят. Но когда надежда потеряна, знать меня больше не хотят.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 сентября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Знаешь, Сашенька Березникова служила после революции где-то, очевидно в гостинице, горничной. Когда я в 1916 году была в Симбирске, Леня Березников был тогда городским головой. Симбирск процветал. Утопал в зелени, среди маленьких деревянных домов появились новые, двухэтажные в стиле Модерн. Порядок в городе был полный. Я остановилась тогда в какой-то гостинице, никого из знакомых не видела. Зашла на кладбище, папина могила была в полном порядке.

А когда мы приехали туда в 1950-м году, это был сплошной ужас. На большинстве улиц никаких тротуаров, никакой зелени. Вылезли мы с Зиной с парохода со своими вещами. Ни извозчиков, ни трамвая – ничего! Наконец подвернулся какой-то босяк. Взял наши вещи, сказал, что хорошо знает, куда нам надо. Про себя сказал, что он «псих». Ведь муж Лиды, дочери Пети [Пятницкого] врач-психиатр [Скипетров], и все эти «психи» у него лечатся. Это вовсе не психи, а просто пьяницы, но у нас их от пьянства лечат, лечение ведь у нас даровое. Ну так с этим психом-больным мы поперли прямо от пристани по жуткой горе, где даже дороги нет.*

* Дождь и снег, идущие подряд в течение последних дней, сделали симбирскую грязь совершенно непролазной. Особенно непролазную грязь представляет из себя спуск к волжским пристаням. Масса народу ежедневно поднимается на Симбирскую гору, вышиною около 70-ти сажень, и при этом вязнет в липкой и скользкой глине. Нет никакой возможности спуститься вниз или подняться в гору в галошах. Удивительно то, что наша городская дума, затратив такие большие деньги «на украшения» города, например на украшение «Венца» [(парк в центре Симбирска, откуда открываются живописные виды на Волгу)], до сих пор не может выстроить ни одной лестницы в гору для пешеходов. Между тем, следовало бы их устроить не одну, а по крайней мере две или три, и они ни одной минуты не были бы свободны – такая масса народу двигается вверх и вниз по горе; особенно это заметно бывает в базарный день, когда в Симбирск приезжают заволжские обыватели. Слух о постройке подъемной машины и конки так и канул в Лету. Вообще насчет «украшений» мы большие охотники, а до обывательских сапог нам нет никакого дела. (Из заметки в «Волжском вестнике» от 10 октября 1890 г.)

За полвека тяга начальства к «украшениям» и пренебрежение к нуждам горожан почти не изменились: в Ульяновске большевистские власти уничтожили храмы и взгромодили на их месте «мемориальный комплекс Ленина», а дорогу от пристани так и не проложили!

Жарища стояла убийственная. На полдороге нас встретила жена Пети с внучкой. Их дом стоит как раз на верху горы над пристанью. В невероятно запущенном состоянии был тогда Симбирск. Папиной могилы мы долго найти не могли. Белый мраморный крест и ограда, конечно, украдены. Но из-под травы я нашла серую мраморную скалу, на которой крест стоял. Если бы это от меня зависело, я бы восстановила, конечно, папину могилу. Но денег у меня не было. На поездку в Симбирск я тратила последнюю тысячу руб., которые скопила за последние три года.

С 1947 года, когда Зина и Вика стали богаты, я от них отделилась. И пока работала, смогла все-таки отложить 1 000 руб. на поездку в Симбирск. А того, чтобы Вика заплатил за памятник на маминной могиле [[на Байковом кладбище](#)], я с трудом добилась. Даже противно вспоминать, как это было. На ограду, а она стоила 2 000 тогда, мы с Зиной дали свои деньги, ну а на памятник у меня уже не хватало. Вика, видишь ли, не интересуется своими родственниками. А как мама его любила! Больше всех на свете.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23-25 сентября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Когда они [[в феврале](#)] приехали из Крыма, мы встретили на улице одну их знакомую [[Веру Петровну](#)], актрису, с которой Вика играл когда-то вместе и которая мечтает, чтоб Вика женился на ее дочери, ровно вдвое моложе его! * Особа эта живет почти рядом со мной, но у меня не бывает. Она ведь знает, что у Вики я не в фаворе и общение со мной для Вики противопоказано.

<...> Их гостья [[Галина Викторовна](#)] у них осталась еще на шесть дней. Я очень довольна. Правда, ей уже сказали, что от меня надо все скрывать. Ну кой-чего я от нее все-таки добиваюсь. Кроме того, она передает Зине то, что я говорю. Меня Зина или не слышит или не понимает. А ее понимает.

<...> В то время как я писала тебе, пришла Зина с Галиной Викторовной и принесла наконец письмо Ульянова от 11-9. Напрасно Ульянов думает, что все было бы хорошо, если бы Зина жила в Лозанне. Зина же совсем невменяема. Если она в Киеве путается и не находит дороги домой, то что же это было бы в Лозанне! По хозяйству она ведь ничего делать не может. Всю жизнь все делала мама, а после маминной смерти – я, теперь Ганя. Она даже не умеет зайти в магазин и что-нибудь купить.

<...> Зина принесла мне открытку от Нины [[Соломоновны](#)] Мотовиловой. Ее сын аспирант, будущий ученый. У них была одна крохотная комната, слава богу, им дали вторую. Нужно же ему где-то заниматься, он все вечера проводит в библиотеке им. Салтыкова. Ну Нина на радостях всем своим знакомым сообщила, что у них [[теперь](#)] две комнаты. А ее сын, Коля, держит вторую свою комнату в секрете. Вероятно боится, что будет слишком много гостей бывать, не сможет работать.

<...> Да, Галина Викторовна мне рассказывала, что Викины «По обе стороны океана» вышли во Франции, на французском языке [[\(Victor Nekrasoff. Sur les deux côtés de l'océan. Paris, 1964\)](#)]. Вике, вероятно, пришлет «Международная книга», кажется пять экземпляров она ему присылает. Не знаю, соблаговолит ли дать мне. <...> Заходила [[25 сентября](#)] Зина одна. Сказала, что их гостья, Галина Викторовна, поехала с Викой провожать их Литовских знакомых, которые гостили у них эти дни, но не ночевали. Вика их устроил. Я спрашиваю: «В гостинице?» – «Да нет, не в гостинице, а в отеле». Какая разница между гостиницей и отелем? Я не понимаю. Провожать они поехали на аэродром.

* В «Театральной энциклопедии» (объемом в 4,5 тыс. стр.!) можно найти только одну [Веру Петровну](#) – Марецкую, которая играла не на Украине, а в Москве.

На пафосном сайте «Памяти Виктора Некрасова» (круг друзей и знакомых) киевлянка-актриса «Вера Петровна», которая когда-то играла вместе с Виктором Платоновичем, почему-то отсутствует (?!).

<...> Нина Николаевна Мотовилова (вновь найденная мною родственница, дочь бывшего прокурора Сената Николая и внука Георгия Мотовилова, деятеля судебной реформы при Александре II) прислала мне открытку из Крыма. Зина приятно улыбается [[и путается](#)]: «Ах да, скорлятинские». А Скорлятка – это бывшее имение Александра Андреевича [[Мотовилова](#)]. Александр Андреевич был монархистом, членом третьей и четвертой Государственных Дум, а Николай Мотовилов, по-видимому, был либералом и не хотел даже с Александром Андреевичем быть знакомым. Ты верно их уже не помнишь, ты же была тогда еще маленькая, когда Александр Андреевич приезжал к нам в Симбирск [[из своего имени](#)]. Его жена [[Ангелина Паста](#)] была итальянкой. Обычно он пел, Зина говорит, что она аккомпанировала.

Но по-моему у нас не было ни рояля, ни пианино на Лисиной [[улице](#)]. Ах нет, уже на квартире Юрбарских был рояль или пианино, и бабушка Валерия Францевна давала Зине уроки музыки. Почему-то этот урок начинался около 10 часов вечера. Ева [[Присецкая](#)] давала нам уроки. До чего я ненавидела эти уроки. Целый час нужно было сидеть и играть одним пальцем, затем двумя. Надо было развить руку, у меня это развило ненависть к музыке на всю жизнь. Свой радио я открываю только, когда бывает передача из Москвы, а музыки никогда не слушаю. Самых лучших музыкантов не слушаю.

Иван Робертович Классон все настаивает, чтоб я купила себе [[радио](#)]приемник. Он свой приемник даже на дачу к себе перевозит. Я всем рассказываю, что Иван Робертович сейчас в больнице, ему делают операцию. А оказалось, он девять дней провел на даче на свежем воздухе. Проводил какую-то трубу через бетон в свой погреб, чтоб там была вентиляция.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 7 октября 1964 г. (из утраченного письма)

И Коробко, и [[П.Э.](#)] Классон, бывая тогда в Москве, останавливались всегда у нас и приносили нам прекрасные шоколадные конфеты.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 12 октября 1964 г.

Милая Вера. <...> Теперь в Киеве живет единственная дочь Коробки [[Наташа](#)], ей уже шестьдесят с лишним лет, она пенсионерка. Зина сердится на меня, спорит и кричит: «Это не дочь, а внучка!» Ее с Зиной познакомили. Откуда бы внучка взялась, когда его дочь никогда замужем не была?! Зина теперь обидчива и раздражительна.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 октября 1964 г.

Милая Вера. <...> Вчера утром ко мне зашли Вика, Зина и редакторша «Нового Мира», приехавшая к ним. Она ничего мне не рассказала, когда что-нибудь Викино будет у них напечатано. Вика привел ее, чтоб я показала ей письма Чуковского, который его, Вику страшно восхваляет. По-моему Вика только интересуется самим собой! Она прочла письма Чуковского, и они сейчас же ушли. Вика хотел подкинуть [[мне](#)] Зину, но это не удалось, Зина ушла вместе с ними.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15-16 октября 1964 г.

Милая Вера. <...> Я уже тебе писала, приехал к Вике Тендряков (ты его как-то не оценила, очень талантливый писатель).

<...> Милая Вера. Сейчас [[\(16 октября\)](#)] зашла Зина, принесла газеты о том, что Хрущев перешел на пенсию. Я очень его любила: и все его выступления, и его находчивость – вплоть до истории с Викой. Вообще я сочувствую всей нашей политике, помощи колониальным странам. Помню, как я была горда, когда мы защитили [[Суэцкий](#)] канал. Хрущев заявил: «Кто его строил? Арабы. Он им и принадлежит».

О Брежневке понятия не имею. Вообще-то ведь в политике ничего не смыслю, никого не вижу, кто бы мне что объяснил. Кому эта уступка: Западу или Китаю? Не пойму.

<...> Я работала в одном мерзком учреждении. Т.е. ко мне-то там был почет, оттуда я ушла на пенсию. Много там было подхалимства и безобразий, никто ничего не делал, а готовили из чистого золота подарок Сталину. Ганя говорила (шофер, служивший там, был ее мужем), что когда приехал Хрущев, он все безобразия выявил и всех разогнал. По-моему, он очень хорошо относился к научным работникам, умел ценить их знания, всегда старался помочь. Мне и моим старушкам-пенсионеркам он был симпатичен. То, о чем он говорил, было всегда понятно и на русском языке. Сталин ведь до конца не мог избавиться от своего грузинского акцента.

<...> Они по-видимому на днях едут в Москву. 24-го Зинины именины.

З.Н. Некрасова – В.Н. и Н.А. Ульяновым, 17 октября 1964 г.

Милые Вера и Николай Алексеевич! Что-то давно от вас нет писем нам, и я «пробавляюсь» тем, что вы пишете Соне! Вскоре мы опять уедем ненадолго в Москву, где Вика должен сдать в редакцию «Нового Мира» свою «Камчатку». Когда это будет напечатано – не знаю!

К праздникам октябрьским мы ненадолго съездим в Москву и, должно быть, там и отпразднуем и мои именины. Соня до сих пор не выходит гулять со мной (боясь упасть опять), а я вовсе не падаю, т.к. пока нет снега.

Целую, Зина

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 октября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика уехали в Москву, вчера в 9 часов вечера пришла от Зины телеграмма: «Приехали благополучно Некрасова».

<...> Жду, когда пришлют деньги за мои рукописи, переданные в Ленинскую библиотеку. Александр Ефимович [Парнис] их послал 3 сентября, а сегодня уже 23 октября, а все еще не было комиссии по их оценке. Ну что же, Бонч-Бруевич мне заплатил за Брюсова аванс через семь лет. Я, конечно, [очередные] семь лет не доживу. Вчера докторша сказала, что у меня очень большое сердце. По-моему она не права: я с легкостью поднимаюсь на [свой] четвертый этаж.

А Ева, Исаак [Пятигорские] и многие другие значительно моложе меня жалуются, что им трудно подниматься [ко мне]. <...> Прошло уже четыре месяца после моего падения, а я все еще едва-едва хожу по комнате, и выносить ведро мне ужасно трудно.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 27 октября 1964 г.

Милая Вера. Пересылаю тебе Зинину открытку.

<...> Зина с Викой в Москве. Когда приедут, неизвестно. Вчера ко мне приходила Ганя, рассказывала, как прошли у нее Зинины именины [(24 октября)]. Своим теперешним друзьям они сообщили, что уезжают в Москву, а нашим старым знакомым не сообщили. Первым пришел старичок-профессор из Викиного института, который очень любит Вику и радуется, что, будто бы, теперь наконец начнут печатать его произведения. Затем пришла девяностолетняя Маня Липская со своей племянницей <...>. Они посидели, ждали, когда придут их внуки.

<...> Ну было еще пять-шесть старушек. Одна очень возмущалась, что Вика не предупредил об их отъезде, а Ганя ответила, что если бы перед каждым своим отъездом Вика предупреждал всех знакомых старушек, то ему бы не осталось времени для работы.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 29 октября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Пожалуй, перешлю [ваше] письмо Зине, хоть потеряет наверное. Она живет [вместе с Викой] у Лунгиных.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-2 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> [Моя «тимуровка»] Вера Всеволодовна, вероятно, волнуется, что я уже два месяца ей ничего не плачу. Но она же знает, что я ей заплачу, как только получу плату за свои рукописи, посланные в Ленинскую библиотеку. Послала их 2 сентября, прошло уже два месяца. Сперва [заведующий отделом рукописей] Шлихтер, с которым ведется это дело, заболел, потом был в отпуску и опять заболел! Это мне писал Иван Робертович Классон, который говорил с библиотекой по телефону.

<...> Зашел еще вчера Исаак [Пятигорский]. Он приехал из Москвы. Говорит, что Зина и Вика там останутся вероятно еще на две недели. Что Вика уже получил 60% за книгу своих рассказов, должна [скоро] выйти, так что деньги у них есть. Что Зине там гораздо лучше чем в Киеве, там по крайней мере никто ее не раздражает. Очевидно, имеет в виду меня. Ева ведь приходила говорить, чтоб я никогда Зине ни в чем не возражала.

Ну понятно, в чужом доме (в Москве) Зина не может устраивать таких криков, что у Гани в кухне что-то пригорело. Зина обижена, что я не послала ей телеграммы к дню ее именин. Как я могу ее послать? 23 октября докторша (знакомая) выписала мне рецепт на камфару.

<...> Знакомой этой [(пришла ко мне на субботний jour fixe)], так же как Зине нельзя возражать. Из-за чего только мы с ней не ссорились. Из-за дочери Исаака, которой ни я, ни она никогда не видели. Ее не приняли в Строительный Институт, будто бы потому что в ее заявлении было написано «Дом Ученых» с большой буквы, как и надо писать. Сказали, что она «безграмотна», и не приняли ее бумаг для поступления!

Вика ходил объясняться с директором. Тот уперся: «Я не знаю, как надо писать. Но раз мне говорят, что она неграмотна, я принять не могу». Все это вранье, не приняли ее потому, что она дочь еврея (мать, первая жена Исаака – русская). Просто отвратителен этот антисемитизм у нас. Ну как бы Ленин на это посмотрел? История с дочкой Исаака была лет семь тому назад, она уже поступила в другой Вуз, благополучно его окончила и готовится к аспирантуре.

<...> Но ты же помнишь, как мы с тобой подрались в Вене из-за того, кто будет держать палец на шишечке на окне. Я много раз бывала в Вене, но запомнила только наш первый приезд, когда мне было десять лет, а тебе – шесть. И кофе в бокалах с взбитыми сливками, и чудесные Земельхен [(Бретхен, или Земельхен – хрустящая белая булочка)], и то, как мама в костеле рассердилась на какого-то сторожа и обругала его Verfluchter Teufel [(«Черт проклятый!»)]. И то, как мы ехали в конке, мама восхищалась архитектурой Вены, а мне казались гораздо красивее наши Симбирские маленькие домики, розовые белые, голубые с деревянными украшениями.* Проезжая мимо какого-то красивого здания, мама спросила соседа: «Что это за здание?», а он ответил: «Из какой дикой страны Вы приехали, что не знаете – это наша опера». А у нас было presse-papier стеклянное, как раз со зданием этой оперы.

* С.Н. Мотовилова забыла понятие «резные наличники»?

Потом маме разменяли деньги в банке, но видя, что мама не разбирается в них, дали ей итальянские деньги вместо австрийских. Мы уже сидели в вагоне третьего класса с Евой [Засецкой]. Ее [итальянских] денег не хотят брать. Мама рассердилась и кричит: «Warum trompiert man in ihrer Kaiserlichen Bank?» [(«Почему трубно сморкающийся человек [служит] в вашем Императорском банке?»)]. При слове «trompiert» [Алина Антоновна забыла немецкое «betrügen» («обманывать») – МК] кассир покотился со смеху и дал маме билеты. И вот помню, взволнованная мама бежит, а наш поезд начал маневрировать. Мама испугалась, взволновалась, а мы как дуры глядим из окна и хохочем.

А потом, самое сильное впечатление у меня: тирольские горы. Грандиозны они, а я ведь тогда гор никогда еще не видала. Затем Лозанна, бледно-голубое озеро, hotel Belle vue. Я ведь несколько раз еще проезжала через Вену, останавливалась там, осматривала многое и ничего не помню. Детские впечатления самые яркие.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> У меня лежат на столе три Зининых открытки. Хочу их тебе послать и не могу, нет конверта. Ты прислала два маленьких конверта, они может быть очень изящны, но мне такие не нужны. Мне нужны такие, как присылает свои письма Ульянов, с голубой подкладкой. Я их переворачиваю и здесь посылаю.

Вообще я все конверты переворачиваю и у нас посылаю. Ну а за границу так нельзя. Так переворачивала конверты Верочка Пятницкая, и, оказывается, в Китае так делают из экономии. Мне нужны, для посылки тебе, эти белые с голубой подкладкой, чистые и небольшие коричневые, так чтобы можно было вчетверо сложить напечатанную рукопись, как я тебе присылала. Не знаю, почему у нас так трудно достать большой конверт.

Ты не знаешь, как разозлил меня Ульянов. Он думал, что Вика платит за присылаемые мною тебе книги и журналы! Надо же! И он, и Зина и их друзья ужасно против того, что я посылаю тебе книги и с тобой переписываюсь. Зина мне двадцать раз повторяла: «Какой смысл посылать Вере книги. Они ей вовсе не интересны. Она их, конечно, не читает». Я всякий раз ей показываю, что ты пишешь: они тебе интересны.

<...> О Вике и говорить нечего. Он пальцем не пошевелит для меня. Вот когда-то [было]. Он едет в Америку. Я прошу Зину, пусть Вика мне купит там одну, вышедшую там, книгу.* Зина пугается: «Что ты! Что ты! У него у самого там совсем денег не будет, им выдадут всего по 3 доллара в день [командировочных] (на все готовом – для мелких трат)». Но Вика встретил там одну нашу знакомую (перемещенное лицо), ведь немцы гнали всех нас из Киева (мы случайно уцелели). Она дала ему денег для передачи сыну, и он себе и своим приятелям накупил всякого: и дорогие [книжные] издания, и шубу, а мне, конечно, [требуемую] книгу не купил. Захожу к ним. – «Погляди, – говорит Зина, – все, что Вика из Америки привез. Это интересно». Я, конечно, ничего смотреть не захотела.

А вот другой случай, тоже довольно любопытный. Я еще не получила тогда, в тот месяц, своей пенсии, я была, как всегда в конце месяца, без гроша. А тут появилось (у нас называется, в магазине «выбросили») два тома [воспоминаний] о Шаляпине. Я захотела сейчас же купить для тебя, а денег нет. Спрашиваю Зину: «Может быть, Вы пошлете Вере?». – «С какой стати, Вере это совсем не интересно». Я в ответ: «Вера бывала постоянно в Мариинском театре. Вероятно, слышала не раз Шаляпина», – я так думала. Нет, Зина отказалась.

* Как мы уже упоминали, Софья Николаевна просила племянника, когда он в ноябре 1960 г. был в турпоездке по США, привезти воспоминания Е.Д. Кусковой-Прокопович «Давно минувшее».

Я иду кипящая негодованием и встречаю Еву [Пятигорскую], она ведь там у них всем распоряжается, и рассказываю ей. Она возмущается: «Какая чепуха! Вика Вам 6 руб. что ли пожалел?! Я с ним поговорю». Вика Еве заявил: «Я охотно пошлю тете Вере, если она у меня попросит, но с какой стати я буду посылать ей ненужные книги». Книгу эту моя знакомая из магазина отложила для меня. Спрашивается, как ты можешь знать, когда у нас «выбросят» интересную книгу?! Кстати, скажи, но искренне, была ли тебе интересна эта книга о Шаляпине?

<...> Вообще все восхищаются, какой добрый, хороший Вика. В деньгах ведь он ровно ничего не смыслит, и Зина тоже. Когда Ганя подала Зине счет с базара, поступив к нам [прислугой], Зина заявила: «Это Соня любит копейки считать, а мне это совершенно все равно». Когда Вике подавали счет, он не глядя его рвал и швырял в корзину для бумаг. – «Ах какой милый, какой хороший!».

Исаак [Пятигорский] мне сказал: «Вика кладет свои деньги не в свою кассу, а на имя своих друзей». Ну что же, теперь ни гроша. Два года ведь его не печатали. Один его товарищ все его поучал: «Не швыряйте так деньгами». Сам скромно взял только 4 000 [старыми рублями], это очень скромно. Вика и десятками тысяч швырялся. Кому-то 50 000 дал!

Как-то у нас был ремонт. Приходилось ходить в соседнюю кухню за водой. У них испорчен был кран. Надо было тряпкой подвязывать. Я позвонила Исааку, чтоб он сейчас же прислал слесаря с новым краном. Я заплатила слесарю за кран и работу. Как-то в этом году встречаю соседку из той квартиры на базаре. Рассыпается в любезностях насчет Вики: «Ах, он такой хороший! Помните, как он нам кран в кухне поставил?» Я возражать не стала (а Вики и в Киеве [тогда] не было).

<...> Теперь Ева (Вика называет ее диспетчером) науськивает Вика на Ганю: «Ганя слишком много тратит». Это, конечно, так. Она тоже очень любит дарить и благотворительствовать, у нее свои клиенты. Вика стал проверять счета и нашел такой лишний расход. Зачем Ганя, когда ездит ко мне, ставит в счет ему 8 коп. за троллейбус?! Я ей много раз, когда оставались [после покупок для меня] мелкие деньги, предлагала: «Оставьте на троллейбус». – «Я не нищая, чтоб 4 коп. получать».

Нас с Зиной очень насмешил Ваня Классон, он таки [пошел] в свою Женевскую тетку – скуповат. Я его запрашиваю, отчего он не был у Зины [(когда они с Викой останавливались в Москве у Лунгиных)]. Он отвечает: «Не было лишних денег на проезд». Я удивляюсь: «Да ведь проезд стоит 4 коп.» Отвечает: «Я езжу на метро, и это [обходится] в 5 коп.!»

Вроде Сережи Эрн. Ему, Сереже, [еще до революции? – МК] по выигрышным облигациям не доплатили проценты – 20 коп. Он вероятно массу денег потратил (время ведь деньги), чтоб ему вернули 20 коп. В сколько инстанций писал, прокурору жалобу подавал. Все знали, что он очень богат, и хохотали, так и не вернули ему 20 коп.! Погиб он [при большевиках] где-то в ссылке и погибло все его богатство.

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 3 ноября 1964 г.

(из утраченного письма)

Я вспомнила, как в 10 лет разорилась тетя Лида. У ее мужа было прекрасное имение, у тети Лиды 200 десятин – они жили, не выезжая из своего имения, и разорились! Когда они оба умерли, пришлось платить их долги. Не могла [ли] бабушка Луиза Францевна покрыть эти долги сама в счет будущего наследства Пятницких? Ведь нам, т.е. папе, Пятницким, дяде Володе дали по 200 десятин – тогда еще, когда они были очень дешевы, а тете Мане и тете Вере бабушка оставила по 600 десятин, когда они были [уже] дороги, а и без того богатым, тете Анюте и тете Соне – по 400, вдобавок к двумстам.

Маме бабушка сказала: «Извини, что ничего твоим детям не оставляю, но ты умеешь устраиваться, а они такие беспомощные». Тетя Анюта и тетя Соня беспомощными вовсе не были.

У всех Мотовиловых был какой-то пиетет к дедушке Ивану Егоровичу <...>. Как только он женился, то все свое имущество перевел на имя бабушки [Луизы Францевны].

<...> Очерк «Мое творчество» нигде в архиве не имеется, и рукопись его была послана в Ленинскую библиотеку. Один экземпляр повести «Тина» есть у Вики, второй – у Вас, а 3-й все еще путешествует у львовских библиотекарей.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Вчерашний день прошел благополучно. Была только одна знакомая, которая теперь печатает мои рукописи. Наша старая знакомая, вернее, мать старой знакомой. Она четыре месяца гостила в Москве и Ленинграде, и знаешь как мир мал? Гостила она в Ленинграде у профессора [Бориса Петровича] Александрова, сына сестры Классона [Эллы Эдуардовны]. Мы даже раньше не знали, что у него еще кроме М-те Кристиани сестра есть. У этой сестры было трое детей. Один сын живет в Ленинграде – профессор, а другой – со своей семьей и незамужней сестрой [Валерией], академик [Анатолий Петрович Александров]. Живет в Москве. Они – Киевские и большие друзья [Л.Н.] Яснопольского.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 12-14 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Пересылаю тебе две Зинины открытки. Когда они вернутся, неизвестно. Сегодня уже 14-е, значит, они там уже двадцать четыре дня. Зина пишет, что Вика будет делать какой-то фильм. Обычно Вика пишет только сценарий. Ну я кино мало понимаю. Лишь бы Вика деньги какие-нибудь за это получил!

Вчера было письмо от Вани Классона. Он наконец зашел к Зине, просидел у нее больше часа. Вику, пишет, видел мельком, и Вика сказал ему, что насчет печатания Викиных вещей ничего еще неизвестно. Их вот уже два года и не печатают – новые, и не перепечатывают – старые. Вика сказал Классону, что через четыре дня они будут в Киеве. Но сказал он это 9-го, а прошло уже пять дней.

<...> Получила сегодня вечером письмо от Маши [Володиной из Тамбова]. Она пишет, что тетя Маня умерла [до 1923 года в Курске] от операции.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 ноября 1964 г.

Милая Вера. <...> Вчера я ужасно устала. В 11 часов утра явилась тети Анютина внучка [(Лена Игнатович)] с сыном десяти лет. Я их не узнала, хоть видела года три тому назад. Но я плохо вижу и людей плохо узнаю. Она просидела у меня в комнате с 11 утра до половины десятого вечера. Приходила Ганя, я думала, она ее от меня уведет. Какое тут! Ганя ее не выносит. Это про нее Вика заявил, чтоб ее на порог его квартиры не пускали. Она была в Киеве проездом. Гостила в Лубнах и ехала к себе домой.

В Лубнах она ездила к старой тетке [(сестре ее отца)], та ее вызвала через милицию. Будто бы не знает ее адреса, а она ее единственная родственница, которая может ей помочь. Лена шахтерка. Сейчас она впрочем работает в лаборатории определения проб. Ужасно я от нее устала. А [10-летний] мальчик [Игорь] ее мне понравился – веселый, забавный. Года три тому назад он был очень беспокойный, неуравновешенный. А теперь спокойный. Очевидно, любит свою мать.

<...> А Ленина тетка, вызывавшая ее, раздумала к ней ехать! Тетку эту в детстве обезьяна в голову укусила, и она немного ненормальная.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 ноября 1964 г.

Милая Вера.

Только что у меня был Александр Ефимович [Парнис], я дала послать пять или шесть писем и одно из них тебе с вложенными туда Зиниными открытками и вырезкой из «Литературной Газеты», где пишется, что по случаю двадцатилетия окончившейся в 1945 году войны будет издана целая серия книг о войне. Выбраны лучшие – всего двенадцать. Среди них и Викина «В окопах Сталинграда».*

<...> Я себя очень плохо чувствую. Обе ноги опухли, едва хожу. Читать могу очень мало. А вот писать письма – сколько угодно. Из комнаты не выхожу, чтоб не встречаться с соседями. Живу здесь двадцать первый год, не знаю, почему они вдруг на меня выверились. Теперь забрали себе все ключи от почтового ящика и говорят, что не будут мне больше писем приносить. А я ведь из комнаты не выхожу. Доживешь до такой беспомощности!

<...> Посылаю тебе сегодняшние Зинины открытки. Очевидно, она приезжает завтра утром. Сейчас у меня был Александр Ефимович с [своей] «девочкой». Отослал тебе биографию Ногина, мое письмо тебе и купил, я поручила, номер [9] «Знамени», там есть [статья Михайловой] об Ульянове. Это Викина Галина Викторовна мне сообщила, что есть об Ульянове.

<...> Судя по Зининым открыткам, они приедут завтра утром.

<...> А бедная Галина Викторовна заболела белокровием, лежит в больнице. Но все-таки мне сообщила, что есть что-то об Ульянове.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Вика не был у меня и пяти минут, привез на такси Зину и Ганю и сейчас же ушел с каким-то киношником, который совсем мне не понравился. Увы, ничего из Викиных писаний пока не печатается. Работает над каким-то фильмом.

<...> Велела Александру Ефимовичу выслать тебе завтра и «Новый Мир» №10, и «Знамя» №9. Молодец Галина Викторовна, что мне на этот номер указала. По-моему, выходит, что в буржуазной Швейцарии есть только два праведника: Paul Thillo и профессор Лозаннского университета Николай Алексеевич Ульянов. Ульянов, который так следит за советской литературой, «как будто бы он вчера побывал на каком-нибудь итоговом заседании в Союзе писателей». Вот это да!**

<...> Из Лининых писем я знаю, что многое в Швейцарии изменилось [с тех пор, когда мы оттуда с мамой уехали]. Много больше стало богатых людей. Мы их совсем не знали,

* Все-таки до гнева главного госпартначальника, обрушившегося на В.П. Некрасова, «Окопы» последний раз вышли в 1958-м – в Гослитиздате, а после снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964-го – лишь в 1968 г., да и то «в принудительном ассортименте» (вместе с «Последними залпами» Ю. Бондарева, как приложение к журналу «Дружба народов»), хотя и приличным тиражом в 100 тыс. экземпляров.

** Лозанна – обитель королей, изгнанных народами Европы и Азии, и русских белогвардейцев. Но в Лозанне живут врач Павел Альбертович Тилло, деятельный член Общества советско-швейцарской дружбы, и профессор геологии Лозаннского университета Николай Алексеевич Ульянов, знающий текущую советскую литературу так, как если бы он вчера побывал на каком-нибудь итоговом заседании года в Союзе писателей. Он следит за толстыми журналами Москвы, влюбился в [Юрия] Казакова, [Георгия] Владимова и Георгия Семенова, почитает оригинальный талант Вознесенского.

Михайлова Л. Разная Швейцария // «Знамя», №9, 1964

Политкорректный автор «Знамени» умолчал (или не знал?) о том, что Н.А. Ульянов в 1918 г. участвовал в московском левоэсеровском мятеже!

когда жили в Швейцарии. Я знала только одну богатую швейцарку, в Англии. Она случайно попала в наш пансион Miss Vann. Все дома [в Лондоне тогда были] одинаковые. Вылезла не там где надо из кэба и так прельстилась [моей швейцарской подругой] Линой, что осталась жить у нас, в бедном пансионе, без ковров, с скудной едой. Называли ее – «Мэдам». Это была шелковая фабрикантка из Цюриха. Нижний этаж ее дома в Цюрихе был занят одной прислугой. Там был зал с роялем, где прислуга молилась по утрам.

Одевалась она как M-lle Broye, очень скромно, в черные суконные платья, обо всем знала точно. Религия требует, чтоб богатый человек отдавал одну десятую своего дохода на благотворительные дела: «ni plus ni moins» [(«не более и не менее»)]. Мы ездили с ней на прогулки за город. Вижу, она входит в вагон первого класса. Я хохочу: «Да вы же в первый класс входите!» А она никогда в жизни иначе как в первом классе не ездила. Мы ее с Линой демократизировали. Но когда я Лине об этом писала теперь [понятно, что до ее смерти – МК], она ее уже забыла.

Зина просидела у меня около двух часов, больше ей и мне трудно. <...> Я ей дала письма Любы [Пятницкой из Франции], Нины Мотовиловой [из Ленинграда], Классона [из Москвы]. Наверное потеряет.

Да вот еще тебе о тете Мане. Это из письма Машеньки [Володиной из Тамбова]: «Тетя Маня жила последние годы в Курске, там и умерла под ножом хирурга [в 1922-м], ей вырезали кисту. [Приемная дочь] Даша стала коммунисткой. Тетя Маня обижалась на нее, что она уделяла ей мало внимания».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 ноября 1964 г.

Милая Вера.

<...> Я уже много раз тебе писала: я считаю, что я, Зина, Вика – мы тебе все должны, так как ты ничего ведь от мамы не получила, ни ее [ценных] вещей, ни ее денег. Мама говорила, что, как только вернулась в 1915 году в Россию, она хотела выслать тебе часть твоего наследства, а M-lle Broye – ма<мины ценные бумаги? – пропуск в письме из-за перехода на следующую стр.>, но будто бы ты и M-lle Broye тогда отказались, сказав, что [сейчас] низкий курс рубля [к швейцарскому франку] и лучше подождать конца войны. Ну, а в конце войны у нас вообще не было ни копейки! А уже после этого и ты и M-lle Broye посылали маме и посылки и деньги. И это уже был заработок Ульянова, который он отдавал на нас.

<...> Вика в сороковых годах получил сумасшедшие деньги, был тогда в почете и, по моему, мог всегда устроить, чтоб пересылать тебе. За одно издание «Окопов» он получил 65 000! А их вышло три десятка изданий. Но ты же знаешь, ни Зина, ни Вика в деньгах ровно ничего не понимают. Помню, в те же годы мы были у одной Викиной знакомой. Она восхищалась, какой хороший Вика: «Говорят, он на свой счет содержит семь семей своих друзей».

<...> Ты знаешь, и другие Мотовиловы насчет денег бестолковы. Дедушка Иван Егорович, как женился, все свое состояние перевел на имя бабушки, папа [Николай Иванович] тоже все свое состояние перевел на мамино имя. Все принадлежало маме [Алине Антоновне]. Оставлять было почти нечего, но раньше мама спрашивала: «Вы с Верой не обидитесь, если я Зининым детям отдельно оставлю?» Но вот меня бабушка Луиза Францевна возмущает. Сперва было много детей, и она дала папе, дяде Володе, тете Лиде по 200 десятин [земли].

Ну а [завещала] после смерти [все оставшееся] богатым: тете Соне и тете Анюте еще по 400 десятин (сверх 200), а тете Мане и т. Вере – по 600. Перед мамой она все-таки

извинилась: «Ты извини, что я твоим детям ничего не оставила, но ты же умеешь устраиваться, а они (Маня и Вера) такие беспомощные». А о Пятницких, которые были самые бедные, она даже и не вспомнила!

<...> На книги, журналы тебе я трачу теперь 4 руб. в месяц. Это же гроши. Ведь это же не дореволюционные деньги, а теперешние. Прежде сахар-песок стоил 10 коп. фунт (кило – 25 коп.), а теперь 78 – в три раза дороже. Яйца (цены старые беру Петербургские, в Киеве было дешевле) теперь стоят 1 руб. 50 коп. десяток, а раньше в это время в Петербурге стоили 20 коп. Масло самое дорогое в Петербурге стоило кило 60 коп., а теперь паршивое масло – 3 руб. 50 коп. Ты же понимаешь, что 4 руб. – это пустяк.

Я в этом году получила за «Минувшее» 1 210 [руб.] Первоначально, по договору было 1 800, но они очень сократили и многое выкинули. Значит, 1210 плюс пенсия 552 [за год], выходит 1 760, могу я на тебя 50 руб. потратить? Для меня посылка тебе книг [и журналов] – это связь с миром и тобою, и мне кажется, что я тебе чем-то полезна. Пусть кажется.

Помнишь, когда мы жили в Петербурге, а Сергей Васильевич [Андропов] сидел в [Петропавловской] крепости, я все время покупала ему иностранные книги у Вольфа. Там они стоили дешевле, чем за границей. Вольф считал 35 коп. за франк. И ты знаешь, когда я видела Сергея Васильевича в 1950 году, он мне сказал, что я ровно [ничего] ему не посылала, а все ему покупал смотритель крепости Веревкин [(из разорившихся симбирских дворян)]! Дорогие заграничные книги!! Еще он уверял меня, что я никогда с ним в Гейдельберге не жила, а у меня сохранился Гейдельбергский дневник и такие подробные записи всех наших ссор с ним. Я ведь старалась уговорить его научно работать. Он так увлекался тогда новой физикой. Удивительно, как в старости люди все забывают и путают. Я люблю это выражение Метерлинка: «Прошлого нет, прошлое творится». В разные моменты жизни вспоминаешь прошлое по-разному.

Третьего дня Вика был злющий и неприятный. А вчера уже веселый. В субботу вечером [(28 ноября)] приехали Ева и Исаак [Пятигорские] из Крыма и одновременно с ними из Крыма же – Викин спутник по Камчатке, и Вика ему, кажется, рад. У него всегда должен быть какой-то «друг», то Иончик, то Ванька, то Яська. Он будет у Вики жить. Исаак говорит – недолго.*

<...> До чего нелепо: Викин перевод «По обе стороны океана» напечатан был и в Англии и США. Все рецензии о нем Вика имеет, а саму книгу до сих пор «Международная книга» ему еще не прислала. Ну и неразбериха.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 декабря 1964 г.

Милая Вера. Благодарю тебя за красивый календарь, который ты мне прислала. Я очень обрадовалась ему, значит ты на меня не сердишься. Хотя я вообще не знаю, за что на меня можно сердиться. Тактичностью я, конечно, никогда не отличалась и никогда заранее не соображаю, какое следствие может вызвать мой тот или иной поступок.

В [19]20-х годах у нас возник в Киеве Институт внешних сношений. Мой ученик по библиотечным курсам посоветовал мне с моим знанием [французского] языка поступить

* В путевых очерках «За двенадцать тысяч километров. Из камчатских записей» В. Некрасов упоминает «закадычного спутника»:

Моему другу, разъездному корреспонденту «по рыбе» Роману Райгородецкому — мы с ним еще по Киеву были знакомы,— сразу же дали двухнедельную командировку. Лучшего гйда и спутника трудно было найти: парень он энергичный, Камчатку знает и любит, везде полно друзей.

Писатель и журналист Роман Исаакович Райгородецкий был старшим братом «более основательного» киевского друга В. Некрасова Марка Райгородецкого и вроде бы разъездным корреспондентом журнала «Юность», через какое-то время оседет на Камчатке, а затем уедет на ПМЖ в США. Из заметки «Актриса Виктория Островская: биография, личная жизнь» (fb.ru/article/348525/aktrisa-viktoriya-ostrovskaya-biografiya-lichnaya-jizn) можно вытащить некоторые детали его перемещений по Союзу и их хронологию.

туда, пошла туда держать экзамен. Коля тогда говорит маме: «Бабушка, Соня хочет поступить в Институт Внешних Сношений. Ну, куда ж она там ходит? Только для разрыва сношений!» Так у нас и пошло с тех пор считаться, что я хожу только для разрыва сношений.*

Утром я сегодня ужасно себя плохо чувствовала. Опухоль моих ног оказалась вовсе не подагрой, как мне две хирургички говорили, а слабой деятельностью сердца. Это ужасно, когда начинаешь задыхаться, сердце плохо работает.

<...> Ужасно все-таки быть больной и от кого-то зависеть. Только Исаак [Пятигорский] ушел, как я вспомнила, что у меня перегорела лампа. Сейчас пишу тебе лежа в постели, горит только верхняя лампа. Все это мелочи, когда сама можешь двигаться, а так ужасно. Вика пошел на угол, были [в продаже] только стосвечовые лампы. Вика ввертел ее вверх, а мне ввертел в постельную старую, и та опять перегорела.

<...> Да, Вика сказал, что в Италии вышли наконец отдельной книжкой его «Окопы Сталинграда». Они печатались там только в журнале. <...> Мне кажется, что Викины дела налаживаются [(после отставки Хрущева)].

Мои соседи стали вежливее, хоть и №11 «Нового Мира» вероятно тоже пропадет [у них]. Там конец [воспоминаний] Сартра, а это такая буча.** Мне он противен, и его отношение к бабушке и вообще. Оказывается, и Вика разделяет мое мнение. Он с ним лично знаком.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 12-14 декабря 1964 г.

Милая Вера.

<...> Когда Lydenberg, директор Нью-Йоркской библиотеки останавливался у нас, он, кажется после первого чая или обеда, предложил маме помочь ей мыть посуду: «Дома я всегда это делаю». Никак не могу перевести письма Lydenberg'a, плохие [фото]снимки, а я плохо вижу. Начала мне переводить «девочка» Александра Ефимовича [Парниса], она хорошо знает английский и хуже французский. Но, увы, «девочка» уехала в Москву[, где уже поступила в аспирантуру].

<...> Когда Вике и Лене [(дочке Любы Пятницкой)] было по три года, они жили на берегу моря во Франции. Вика был плаксом, а Лена – гораздо умнее его и вечно его дразнила, отнимала его игрушки. Он бросался их отнимать и бил ее. Потом Лена сообразила: зачем она будет беспокоить себя? Она ничего не брала у него, а только говорила: «Я у тебя взяла твоего медвежонка». И хоть она вовсе ничего не брала, он все-таки бросался и бил ее. Люба обижалась.

<...> Я тебе писала, что Викины «Окопы Сталинграда» вышли отдельной книгой в Италии? А его «По обе стороны Океана» в переводе на немецкий? За границей Вика расхваливают всю. Что главное для США? Деньги! И они пишут полно чепухи. Что Вика самый любимый писатель у нас и что ему платят самую «высшую плату». У нас же не частники, есть общая такса. Для лауреатов – высшая. Но для всех лауреатов, а вовсе не для [одного] Вики. А его все-таки [у нас] ничего не печатают! Он ставит какой-то фильм о Камчатке, но он пойдет не раньше чем через три месяца. Это мне его товарищ сказал, который ездил с ним в Камчатку [Роман Райгородский?].

<...> Был Вика вместе с Зиной [(12 декабря)]. Зину только одно трогает, чтоб у меня было прибрано. У нее какой-то психоз, ей вечно жарко. Был Вика, ужасно мне

* Все-таки племянник Коля погиб в Миргороде в 1919 или 1920-м, когда там зверствовала большевистская ЧК. Значит, сей институт уже функционировал ранее этого трагического случая. И, действительно, в Интернете имеется указание: был открыт в 1920-м.

** Жан-Поль Сартр. Автобиографическая повесть «Слова». // «Новый мир», №10-11, 1964.

неприятный. Пришло письмо, что сборник, где должен быть мой рассказ о Брюсове, выйдет только в 1967 году, т.е. через три года. Я уже жить не буду тогда. Показываю ему. Он не читая швыряет его Зине и иронически говорит: «Читай, страшно важный документ».

<...> Докторшу спрашиваю: «Покуда не получу новое лекарство, пить старое?» – «Да он вам его сегодня же принесет». Докторша ушла, я спрашиваю Вику: «Ты сегодня принесешь?» – «Да нет, когда же сегодня». Ко всем нашим старым знакомым как-то мерзко относится, зато с распахнутой душой ко всем своим новым. А что это за люди! Его спутник по Камчатке только сегодня от них уехал.

<...> А вот о Вике. Одна моя знакомая докторша очень хотела показать меня хорошему врачу. Она нашла очень хорошую врачиху, консультанта в нескольких поликлиниках, не то пятидесяти семи, не то шестидесяти лет. И говорит, чтоб Вика привез ее ко мне. Вероятно, Вика думает, что мне уже «умирать пора», и вместо знающей пожилой консультантки привозит мне какую-то обыкновенную врачиху из поликлиники. Мне ни слова не говорит, что это другая. Ей-то, верно, сказал, чтоб и она мне [об этом] не говорила.

Сегодня [(14 декабря)] уверяет, что «они очень похожи: и рост такой же и возраст». Одной сорок два года, а другой пятьдесят семь! Это наплевательское отношение меня ужасно злит.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 декабря 1964 г.

Милая Вера.

<...> Мое обострение болезни Зина обозначила мужицким выражением – водянка. Так в детстве у нас называли. Сперва начинают пухнуть ноги, и в них образуется вода, потом это идет в живот, и когда это доходит до линии возле сердца, человек умирает. Так я про это знала в Симбирске, когда мне было восемь лет. Дальше этого мои медицинские познания не пошли.

Неизвестно, почему Исаак и Ева [Пятигорские] отказались для меня что-то делать. Поручили Вике привести хорошего врача-консультанта, мои докторши все Вике, как будто, объяснили. Но он или спутал или подумал: «Стоит для старухи кого-то выбирать, ей и так пора умирать» и привел просто нашу участковую врачиху. Я и без него могла ее вызвать. Но при этом Вика мне ничего не сказал. Я удивилась, на вид она совсем не такая, как мне ту консультантку описали. Она тоже не говорит, что она не та, которая должна была прийти! А Вика уверяет, что «они совсем одинаковые». Одной шестьдесят с чем-то лет, а другой – сорок два! Все разное.

Я-то особенно за «хорошим врачом», как мне упорно писал Ваня Классон, не гналась. Если пишу тебе об этом, то чтобы охарактеризовать отношение Вики, кстати, типичное для нашей эпохи. Ты одна из первых заметила маме, что старухи у нас жалкие. Люба [Пятницкая] писала, что во Франции то же самое, со старухами не считаются. У нас их выселяют в кухни, спят на полу, стараются упихать их в инвалидный дом. Привезут старуху, бросят у инвалидного дома и уедут. Когда в 1954 году я три недели провела в глазной больнице из-за болезни глаза, тети Анютиной внучка ([Лена Игнатович,] которая недавно приезжала ко мне) писала Вике: «Отчего вы не перевели тетю Соню в сумасшедший дом?» Теперь она мне хотела бы подкинуть двоих своих детей [(10-летнего Игоря и 3-летнюю Олю)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25-27 декабря 1964 г.

Милая Вера.

<...> Знаешь, Зина рассказывала, что когда они жили в Париже, а Коля учился в русской школе, его там все называли «мальчик наоборот». Вот и Александр Ефимович [Парнис] «мальчик наоборот». Жаждет быть знакомым с Викой, но к нему не ходит, а продолжает ходить ко мне, хоть я и говорю, что для Вики это противопоказано.

Вика через два-три дня привозит ко мне в такси Зину. Сам он никогда не поднимается, приходит одна Зина, а он едет дальше. Ставит какой-то фильм. Какой? Что? Это от меня тщательно скрывается.

<...> Ты же пойми, я нахожусь в таком же положении, как ты. Сажу дома, никого не вижу, ничего не знаю. У тебя есть хоть Ульянов, которого ты можешь о чем-то попросить, а у меня? Вика груб и ужасен. Зина, так же как и я, ничего не понимает и забывает все. Мне нужно было принести один перепечатанный листок. <...> Около двух месяцев это длится. У меня они были перепечатаны в трех местах. Эти листки в двух шагах и не могут до меня доехать. В одно место нельзя послать моего «мальчика», его там видеть не хотят. В другое место он не хочет идти, ненавидит мою знакомую. В третье место Зина хотела пойти, но Вика пришел в бешенство.

А какой хороший ребенок был. А теперь он мне чем-то дядю Сашу напоминает, перед тем как дядя Саша сошел с ума. Ты его не помнишь? Они жили во флигеле, в большой комнате рядом с гостиной. Мне было восемь лет, когда я зашла к ним. Дядя Саша заявил: «Соня, уходи!» Я в ответ: «Я не к тебе, а к дяде Паше» и принимаю независимый вид. Он как закричит: «Пошла вон!» Я скорее смылась. Потом он переехал в избу. Помнишь, в Богурне «изба» около «застольной» была? Там дядя Саша жил один, ни с кем не разговаривал. Зина помнит, как еще когда он жил во флигеле, дядя Саша подрался с дядей Пашей. Я этого не помню.*

Наружностью Вика больше напоминает дядю Колю [Эрна]. Но у дяди Коли тоже ведь были приступы бешенства. Вчера Зина, забывшая мой листок дома, говорит: «Вика зайдет за мной, и мы сейчас же занесем от знакомых в двух шагах от тебя этот листок». Вика в такое бешенство пришел. Он этих знакомых почему-то не любит. Начал кричать, что он сам завтра все мне принесет. Я знала, конечно, что этого никогда не будет.

Утром явилась Ева [Пятигорская], она всегда все точно исполняет. Ева сообщила, что Вика ждет звонка из кино[студии], чтоб окончательно сдать фильм и не смог ко мне прийти.

<...> Вика на войне чем-то командовал и, по-моему, там и распустился. Все мои знакомые мужчины были кроткие: Яффе, Виктор Павлович [Ногин], [Платон] Некрасов, Сергей Васильевич [Андропов]. Очень кроткий дедушка Иван Егорович, папа, Иван Робертович Классон, а самодуров я не выношу. Как-то приходим с Зиной к ее обеду, Вика нас встречает с часами в руках: Зина посмела опоздать на свой собственный обед на десять минут! От Евы узнала (он ведь не считает нужным мне что-нибудь сообщать), что 10 января они уже едут в Латвию, Дубулты, на всю зиму. Путевки у них уже взяты. Ну там, по крайней мере, он не покомандует. Ева говорит (но ей тоже верить нельзя), что Рабинович[-Волынский] с ними не едет.

<...> Пришла открытка [к Новому году] от Андрюши Классона, внука тети Сони.

<...> Пришли [(27 декабря)] Зина с Викой и Исааком [Пятигорским]. Они пришли чинить мои плитки, но нашли, что они хорошо работают, две выкинули, а остальные оставили.

* 8 лет Софье Николаевне было в 1889 г., т.е. еще за год до поездки Александра Ивановича Мотовилова, по поручению своей старшей сестры Софьи Ивановны, в Батум, где он «убьет человека за грубое слово», будет там жестоко избит сбежавшей толпой, после чего заболеет манией преследования и будет помещен в психиатрическую больницу доктора Фрея в Петербурге.

Я вновь взяла перечитывать письмо №40 Ульянова. Я уже писала тебе, что Вика обычно получает все свои книги, выходящие за границей, через «Международную книгу», присылают книг пять, а то и больше. Кроме того, ему присылают его друзья, их достаточно и в Италии и во Франции. Так что беспокоиться о нем Ульянову нечего.

«По обе стороны океана» вышли и в Англии и в Америке в мае. Переводчик какой-то грек [(Elias Kulukundis)], был у Вики [в Киеве], очень ему понравился. Вика принес мне все отзывы из Америки. Но, по-моему, посланы они были не ему, а в «Новый Мир». Все же книги к Вике не пришли. Его знакомым [в Италии и Франции] книги вернулись обратно, а «Международная книга» Вике ничего не прислала. Почему? Отзывы мне трудно читать. Я ведь плохо вижу, и понять – слабо [? – МК]. По-моему, здесь только американские, а не английские отзывы. [(Далее приводится название американской книжки «По обе стороны океана», вышедшей в Нью-Йорке – «Both Sides of the Ocean»)].

За это время мне Зина прислала еще две книги. Впервые вышедшие в Италии «Окопы Сталинграда» [(приводится название: *Nelle trincee di Stalingrado*, издательство *Arnoldo Mondadori*, октябрь 1964 г.)] и немецкое издание «По обе стороны океана» [(*Auf beiden Seiten des Ozeans. Reisenotizen*, Штутгарт, 1964)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 декабря 1964 г.

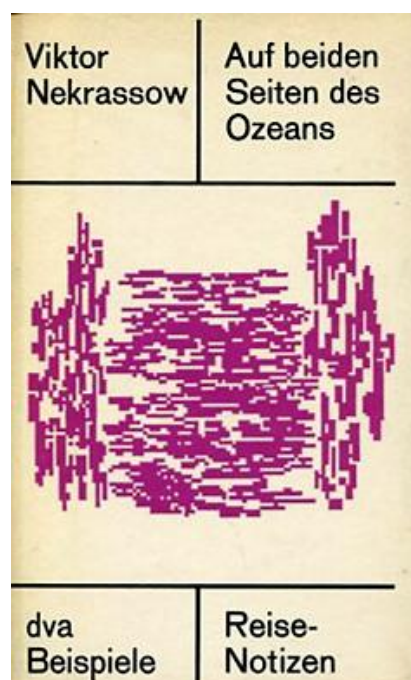
Милая Вера. Канун Нового года, 1965-го. Надеюсь, что Вы его приятнее проведете, чем прошлый новый год. Тогда ты заболела, а бедный Ульянов не знал où donner de la tête [(что делать)]: вызвать к тебе врача или сиделку, а Павел Тилло не мог к Вам подняться!

У нас это было куда проще. Стоило только позвонить в скорую помощь, и сейчас бы она приехала с врачом и с сиделкой и с лекарствами. Сколько раз ее вызывали для меня на службу, меня сносили на носилках и вносили в мой четвертый этаж, медицинская помощь должна быть общей и бесплатной для всего населения. [Покойная подруга] Лина со мной в этом не соглашалась.

<...> И все-таки это благодаря «мальчику» [Александру Ефимовичу] были напечатаны мои воспоминания в «Новом Мире», а это меня очень развлекло. Правда Ева [Пятигорская] уверяет, «мальчик» тут ни при чем, а это потому что в тот момент пришел кто-то в редакцию «Нового Мира» и сказал, что Шкловский хвалит очерк о Черткове, а в редакции сидел Исаак. Ну, ясно: Исаак помог, но ведь к Шкловскому-то мой очерк попал через этого «сумасшедшего мальчишку».*

Мы перед этим с ним ссорились без конца, я не хотела давать. Но для него тогда высшим судьей был Шкловский. Теперь ссоримся из-за его «Додика». [Давиду] Бурлюку восемьдесят два года, ну естественно, как я и Зина, [считаем, что] он немного выживает из ума. К этому Новому Году прислал мне три поздравления! Очевидно, забыл, сколько послал.

* Не спутала ли здесь Софья Николаевна сотрудника редакции «Нового мира» Игоря Саца с киевлянином Исааком Пятигорским?

«По обе стороны океана», Штутгарт, 1964

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 января 1965 г.

Милая Вера.

<...> Тут мои знакомые докторши начали лечить «мою водянку» [(далее повторяется описание того как Вика привел «не ту докторшу» – вместо шестидесятилетней сорокадвухлетнюю!)]. <...> Но он упорно повторяет: «Они были совсем одинаковые». Очевидно, он был пьян как стелька. Я-то его пьяным никогда не видала, Зина и Ганя это от меня скрывают. Ганя считает: «Что же это за мужчина, который не пьет». Но, увы, в таком виде его знает весь Киев. Никто не удивляется: писатель – значит, пьет. Эренбург [в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь»] так пишет: «Какой-то английский дипломат был пьян как русский писатель». Во время первого съезда писателей, как рассказывал мне Чуковский (сам он не пьет), они возвращались вечером на четвереньках.

Сейчас был Вика. Зина заболела, температура 37,7⁰С, лежит. Она, по-моему, очень часто болеет, то ангина, то желудочное. Стоит ей съесть немного говяжьего жира – заболевает! А в их-то «домах творчества» все [жарится] на чорт знает каком жиру, и она ничего есть не может. Приезжает оттуда страшно худой. Она могла бы требовать диетическое [питание], но она ни в коем случае [этого не делает]: она все может [есть]. Вика тоже находит, что Зина часто болеет, но она все говорит, что она никогда не болеет. Вика подтверждает: «Да, мама так всем говорит». И никто ей не возражает, возражать Зине – не велено. Вика принес мне три моих лекарства.

<...> Сегодня 6 января, по-старому – сочельник. Как уютно это бывало, когда была жива мама. Каким-то уютом и жизнью мама наполняла весь дом. Тут готовились все предпраздничные украинские угощения: пирожки, узвар, кутья, коржи, маковое молочко. В гостиной на ковре сидел Вика и в макотре растирал мак на маковое молочко. Вся семья была в сборе. Ну а потом Зина и Вика стали уходить в гости. Мы сидели одни с мамой. Помню, ничего у нас не было, а в серебряной сухарнице лежали черные сухари. Мама забывала и все спрашивала: «А это что?». Ей казалось, что это какое-то печенье.

Это ужасно, что последние годы маминой жизни прошли в годы немецкой оккупации. Еще счастье, что мама их прожила в нашей бывшей квартире, умерла в своей кровати. А возили мы маму по комнате в красном кресле, которое мы из Швейцарии привезли. Помнишь, стояло в углу в столовой?

Сегодня Вика и Зина должны были идти на именины Викиной приятельницы [(Жени Гридневой)]. Он знаком с ней еще с архитектурного института. Она вышла замуж за Викиного приятеля [(Серезу Доманского)], очень талантливого архитектора и Викиного большого друга. Еще в 1943 году он приезжал с фронта и затем погиб перед самым концом войны. Вика года два почти что жил у них в доме. Его считали Жениным мужем. Она его по-настоящему любила, характер у нее, правда, трудный.*

Когда Яська [Свет] жил у нас, в сороковых годах, он говорил мне: «Спасите Вику от Жени». Но он сам «спасся», влюбился в эту старую крысу Сациху. Ах, сколько интересных данных я могла бы дать Викиному будущему биографу! Идиоты те, которые этого не понимают, а я же скоро умру. А так будет всякое вранье!

Ну вот, сегодня вечером Вика с Зиной должны были идти в гости к этой Жене на именины. Женя Зину не любит, и Зина ее тоже. Я не понимаю, зачем Зина увязывается с Викой на ее именины. Женя была очень против, когда Вика пригласил к себе на время Нину [Аль] (их приживалку). Эта особа прожила у них десять лет! Выдавала себя за Викину жену! Обобрала их как могла. Как-то Женя пришла на Зинины именины и вдруг расплакалась. Ясно, ей было больно быть в Викином доме и видеть эту дрянь. А Зина говорит: «Вовсе нет[, она не плакала]». Очень [неудачно] сложилась жизнь.

У меня есть одна книга на украинском языке. Есть у Вики такой «друг» [(Серпилин)], который вечно на него пишет доносные статьи. Вика его знает с железнодорожного техникума. Дружны, дружны, а вдруг тот выпустит против Вики злобную статью. Вот и эта книга против Вики и [покойного] Жениного мужа. Он их объединил [(в своем литературном герое Незлобине)] Но ты же по-украински не читаешь.

Да, ты мне не написала, как ты нашла биографию В.П. [Ногина]? На днях мне ее вернула моя бывшая ученица французского языка. Ученицей моей она была в три года, а «учителем» ее был Вика пяти лет. Он ходил тогда со мной на все мои уроки – детские. Ходил, одетый черкесом, очень хорош был в белой папахе, красной черкеске с кинжалом.

З.Н. Некрасова – В.Н. и Н.А. Ульяновым, 8 января 1965 г.

Дорогие Вера и Николай Алексеевич! Пишу опять, перед отъездом в Дубулты (Латвия), куда мы с Викой поедem или полетим на Ту-4** или Ил-18, если погода будет летная, а в противном случае – поездом. Тогда не так долго! Я «предварительно» проделала все, что было надо в Киеве – т.е. в день просмотра Викиного фильма заболела «гриппом» и не могла пойти на его просмотр.***

* Речь, разумеется, идет об архитектурном факультете Киевского строительного института.

Трехсвятительская (ныне на этом отрезке Десятинная) улица. В самом ее начале, налево во дворе, жил Сереза Доманский. У него по вечерам мы собирались и за круглым черным столом со свечой (для таинственности) читали друг другу свои литературные опусы, которым в подметки не годились все эти печатающиеся современные авторы. Иногда, когда надоедало, занимались росписью стен и пола сюрреалистическими, или, как тогда говорили, супрематическими портретами и пейзажами. – Виктор Некрасов. Записки зеваки

** Это, конечно же, Ту-104.

*** В декабре 1964-го Софья Николаевна сообщала в Лозанну: «Он ставит какой-то фильм о Камчатке, но он пойдет [на экранах] не раньше чем через три месяца. Это мне его товарищ сказал, который ездил с ним в Камчатку». Тем не менее, в Интернете не удалось найти каких-либо следов появления этого фильма на «широком экране». Коллега В. Некрасова режиссер Рафаил Нахманович все-таки снял по сценарию первого фильм «Жил человек», о санитарке Ирине Ковальчук, спасшей более 400 раненых. Однако в Интернете опять-таки отсутствуют какие-либо подробности выхода (или невыхода) его на экран. Еще один фильм по сценарию В. Некрасова – «Киевские фрески», Р. Нахмановичу вообще не удалось снять из-за «плохого поведения» сценариста и писателя. В общем, установление деталей по просмотру (кулуарному?) фильма в январе 1965 г. требует трудоемких поисков...

Затем, через день, Вика пошел к Жене Гридневой – его старой приятельнице, а я не могла еще туда итти, чтобы не заразить их всех (особенно маленького внука Жени – Сережу, названного в честь деда – мужа Жени, Сережи Доманского – Викиного товарища еще по средней школе, где они вместе учились и который погиб на войне).

Наконец, последней неудачей был мой привычный вывих плечевого сустава, который давно уже не повторялся, и, как всегда, я начала делать какие-то движения и «стращать» саму себя, что надо будет «оперировать» плечевой сустав, чтобы все поставить на место. И после десяти минут [упражнений] каким-то образом все это кончилось – плечевой сустав снова стал работать нормально, но Вика уже ушел на студию смотреть последний раз свой фильм, перед нашим отъездом в Прибалтику. А я осталась как «дура с вымытой шеей» (выражение из «Пошехонской старины» – помнишь, когда девица в ожидании гостей терла щеки, чтобы они были румяные, но отказалась мыть шею, т.к. гости не приехали, и она осталась бы как дура с вымытой шеей).

У нас сейчас –8⁰С, выпал снег, очень скользко, и я побоялась упасть, даже идя под руку с Викой, чтобы взять такси! Но, конечно, в Дубултах, в нашем Доме отдыха, верно, поставят этот фильм, когда мы там будем жить. А на лето мы, как всегда поедem в Ялту, где отдыхаем почти ежегодно, т.к. там и природа хороша и море, куда мы ездим или на машине или паромом на пляж и до обеда там купаемся, «пляжимся» и загораем, иногда под тентом или просто на солнце под зонтом.

<...> А у вас в Лозанне есть пляж для купания в озере? При нас ведь не было еще, а мы только ездили на лодке кататься. И помню, как я учила Винча грести, который никогда не ездил на лодке и тем более не греб. А плавал только один князь Мещерский в трусах.*

<...> После смерти [нашей общей швейцарской знакомой] Лины я вообще ничего ни о ком не знаю, да и Лина последнее время писала только о [своем несостоявшемся женихе] «Monseuer le Comte» и «Monseuer le professeur».

Целую всех и желаю всего хорошего. З.Н.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 9 января 1965 г.

Милая Вера. Сегодня, 9-го Вика завез ко мне Зину на несколько минут. <...> Вика выложил все принесенные мне продукты и побежал за такси, чтоб Зину отвезти домой. Едут они только завтра днем и прямо в Дубулты. Адрес такой: Рига, Дубулты, Дом творчества писателей.

<...> Теперь я послала [в отдел рукописей библиотеки Ленина] гораздо больше материала чем тогда, [когда мне заплатил Бонч-Бруевич], думала – 800-1000 руб. получу. <...> А время шло и шло! Прошел сентябрь, октябрь, ноябрь, кончился декабрь, и наконец Рукописный отдел мне ответил – рукописей моих они брать не хотят! Просят прислать им письмо Веры Николаевны Фигнер, которое я им не посылала и посылать не хочу, мой очерк о ней и еще один мой рассказ. За все предлагают 30 руб., меньше, чем я должна [«тимуровке»] Вере Всеволодовне за один сентябрь!**

* Винч – молодой швейцарский анархист, см. воспоминания С.Н. Мотовиловой «Между Германий и Англией» в Приложении «Литературные труды». Что касается «князя Мещерского», то его идентификация требует трудоемких архивных розысков.

** Итак, Рукописный отдел Библиотеки им. Ленина не пожелал брать рукописей С.Н. Мотовиловой! Его сотрудники заинтересовало лишь какое-то письмо Веры Фигнер!! После смерти Софьи Николаевны ее племянник вывез все бумаги и другие документы, «самое ценное» отобрал для себя, а остальное выбросил на свалку (включая и письма И.Р. Классона)!!! Вот эти деятели и несут моральную ответственность за уничтоженные документы. Сохранился лишь лозаннский архив, который после смерти Н.А. Ульянова в Лозанне был разделен на 2 части и попал в Париж и в Москву. И еще в новейшее время после смерти в Москве нескольких случайных владельцев «чемодана с дневниками С.Н. Мотовиловой» (который В.П. Некрасов перед отъездом за границу притащил из Киева) оный чемодан попал наконец-то в РГАЛИ.

<...> Вообще, уборки Вика делает блестяще. Исаак [Пятигорский] мне все говорил, что вышла книга каких-то Викиных рассказов, и он уже получил за них гонорар. Оказалось, все врал, чтоб меня успокоить, что у Вики есть деньги. Галина Викторовна [(«претендентка на престол»)] мне говорила, что никакой книжки его рассказов не выходило. Сам Вика сообщил, что выйдет только один его рассказ в №1 «Нового Мира». Они его, Вику, выпускают какими-то минимальными дозами, чтоб можно было сказать, что его вещи выходят.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, [почтовый штемпель от 14 января 1965 г.]

Милая Вера.

<...> Вечером вчера пришла от Зины телеграмма, что они уже приехали и «хорошо устроились». От Евы [Пятигорской] узнала, что с ними будут жить Лунгины. Есть общество для Викиного катания на лыжах. М-те Лунгина переводчица чуть ли не со всех языков. А он сценарист.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 января 1965 г.

Милая Вера. Сегодня получила первое письмо от Зины и посылаю его тебе.

<...> Те не можешь себе представить, как ты порадовала меня, написав в своих открытках, что мои письма тебе интересны. Это же понятно: все наше прошлое, детство связано, и наконец я все-таки живу на нашей родине, и детские впечатления пожалуй самые яркие, особенно в старости. Но помнишь, когда я послала тебе два письма из Кривого Рога [(еще до войны)], ты не ответила, а написала маме: «Сонины письма не требуют ответа».

А уже после войны ты мне написала, что мои письма так бестолковы (с чем я абсолютно согласна) и что мои знакомые тебя мало интересуют, предложила даже прекратить переписку с тобой, а сноситься с Ульяновым. Не помнишь? Как видишь, я не обидчива, но теперь ведь Зина мне все повторяла, что ты моих писем не читаешь.

<...> Мы ехали от бабушки [Валерии Францевны] из Солоновщина в Сорочинцы. Ехали с Александрой Яковлевной [Эрн], и мама рассказывала ей, как мы лечились серными ваннами в Lavey des Bains. Она, меркантильно настроенная, сказала: «Вероятно это дает большой доход». Приехав в Сорочинцы, бабушкин кучер начал всем рассказывать: «Наша барыня открыла за границей торговые бани и очень разбогатела». Две старушки из-за этого поссорились. Одна говорила: «Ну, что это? Разве это дворянское дело, наживаться на торговых банях?» А другая возражала: «Наоборот, это показывает инициативу у Алины Антоновны».

Не помнишь? Одна из старушек давала уроки Сереже [Эрну], и у нее была внучка, которая с Сережей дружила. Она недавно умерла, тоже была моя корреспондентка, [нас] связывало прошлое. Ее звали Наташа. Иногда мы вспоминали, сколько комнат было в Солоновщине. По-моему, семь, а она считала все прихожие, девичьи и прочее. Какой хороший был бы дом отдыха, нет, все разрушили.

<...> Меня очень трогает Галина Викторовна, которая теперь у Зины жила. Она была моим посредником, переводчиком с Зиной, кое-что о Вике рассказывала. Это она указала мне на очерк о Швейцарии в «Знамени», получили ли Вы этот журнал? Присылает мне книги, сведения о том, где что есть интересного в журналах. Сообщила, что Зина и Вика поехали в Дубулты только на один срок, двадцать шесть дней, а затем приедут в Москву. К ним должна была приехать редакторша «Нового Мира», но у нее умерла мать. Вероятно, из-за этого они и едут в Москву?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17-19 января 1965 г.

Милая Вера. Пересылаю тебе две Зининых открытки. Как видишь, у Зины все прекрасно: солнце сияет, снег блестит, и она живет в наилучшем из миров, а дети Лунгина очаровательны. Не знаю, с каких пор Зина так полюбила детей? Ведь фактически Зининых детей воспитывала мама, затем у них всегда были няньки, бонны – вплоть до революции.

Ты не помнишь, как мама прерывала свой обед в гостинице в Ormonts (не тогда, когда мы там жили, а когда уже родился Коля) и, пользуясь тем, что во время обеда была горячая вода, шла стирать Колины пеленки? Мама отлично стирала, а мы с Зиной так никогда не научились. <...> На самом мы только застирывали белье.

А Вика великолепно стирает. Он не только свое, а и Зинино белье брал и стирал. Вообще, по части уборки комнат идеален. Я же писала тебе, как, когда никого после революции нельзя было нанять, а [после войны] у Гани гостила ее сестра из колхоза, он велел им сесть на стул, не двигаться и начал мыть всю квартиру. Пришел кто-то из его друзей, не знаю – архитектор, писатель или киношник, и он предложил тому принять участие в его деле. Вот это мне в Вике нравится. Когда он был в зените своей славы, только что получил Сталинскую премию лауреата, шли к нам отовсюду телеграммы поздравительные, являлись всякие корреспонденты, фотографы. Гани у них тогда еще не было. Является какой-то корреспондент и застаёт Вику в нашей столовой на столе, на табурете. Стоит полуголый, в штанах защитного цвета с зелеными и желтыми разводами и ...чистит потолок. Об этом, конечно, корреспондент не писал, а написал дурацкую, трафаретную статью и подписался Викиной фамилией.

Ты [возможно] не поймешь, для чего он это сделал? Во-первых, журнал [выйдет] со статьей Некрасова, лучше разойдется, а, во-вторых, Вика же откажется получать деньги за статью, которую он не писал, а тот, корреспондент, получит гонорар по лауреатской ставке. Вика, конечно, написал опровержение, но никто же его не поместил.*

<...> Как меня коробит то, что биограф Ногина пишет про меня, хоть это никакого значения не имеет, и как злит Ваню Классона сценарий Берггольц о встрече Крупской с Лениным [(на охтинской квартире Р.Э. Классона)], о раскладывании [Крупской] блинов, о том, что Классон [якобы] говорил «солидно (!)».**

* Возможно, это была публикация на украинском языке “Моя работа над повестью «В окопах Сталинграда»” в украинском же «Советском искусстве» от 18 июня 1947 г. (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Moya%20robota%20nad%20povistiu%20V%20okopax%20Staligrada.aspx).

** Речь идет о следующей публикации: Ольга Берггольц. Первороссияне (фрагменты из одноименного сценария <...>). «Литературная газета», 1964, 29 декабря. – Подчеркивания сделаны нами:

От редакции. «Первороссияне» – так называется сценарий, над которым работает Ольга Берггольц. Мы знакомим сегодня читателя с фрагментами из этого сценария, посвященного созданному питерскими рабочими на Алтае Первому Российскому обществу землеробов-коммунистов.

<...> Метет, метет вьюга. Но уже не вьюга голодного и темного Петрограда [1918 года], а веселый предвесенний снежок за Невской заставой, на Охте, в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году. Масленица. В маленькой квартирке марксиста Классона, у стола под висячей лампой, собралось несколько человек. Это сам Классон, основательный, весьма интеллигентного вида мужчина, студент-технолог в форменной тужурке и нервозный в «чеховском пенсне», все время пощипывающий растущую из-под подбородка растительность человек, с суетливыми движениями. И среди них – тоненькая, стройная, в светлой, глухой блузочке и длинной юбке, причесанная очень просто, по-русски, девушка с маленькими часиками на груди, с лицом одухотворенным, нежным, продолговатым, с большими задумчивыми глазами. Она смотрит на свои нагрудные часики и спрашивает:

– Ну, а приезжий волжанин придет?

Классон солидно ей отвечает:

– Придет, придет, он человек обязательный.

Нервозный интеллигент в пенсне, потирая руки и поеживаясь, говорит:

– А по-моему, сведения о его исключительной эрудированности преувеличены.

И главное возмутительно то, что есть же описание [встречи у] самой Крупской, о том как это было [на самом деле], есть биография Классона, его переписка с Лениным, его статьи, где она могла уловить, каким достойным языком Классон всегда говорил!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 января 1965 г.

Милая Вера. <...> В лучшем случае [соседи] мне подкидывают мои письма под дверь часов в 8 вечера. Никакой же почты тогда не бывает. Вдруг нахожу какую-то бумажку на полу. Оказывается, поздравительная телеграмма от Галины Викторовны к новому году! Кто-то [из соседей] ее забрал [из почтового ящика на первом этаже], забыл очевидно, но все-таки вернул через двадцать три дня!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 30 января 1965 г.

Милая Вера. <...> Вкладываю Зинину открытку, Исаак [Пятигорский] говорит, что в Дубултах они пробудут до 10-го февраля.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 февраля 1965 г.

Милая Вера. <...> Зина пишет, что они пробудут в Дубултах до конца февраля, а оттуда поедут в Малеевку (под Москвой), а Ева [Пятигорская] говорит, что Зина путает и что они уже после 12-го уедут в Москву.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 февраля 1965 г.

Милая Вера. <...> Уходя, Ганя сказала, что в четверг [4 февраля] к ним пришла телеграмма, что Московский Союз писателей вызывает Вику. Что это? А Зина пишет, что Вика продлил их пребывание в Дубултах до конца февраля. Мы с Ганей не знаем, поедет ли Вика один в Москву или возьмет Зину с собой. Тогда пропадет их путевка. Лишь бы хорошо эта поездка кончилась. Ведь уже два года Вику не печатают.

Окончание примечания

Классон отвечает:

– Не согласен. Он очень образованный марксист.

Студент-технолог выпаливает:

– А Глеб Кржижановский сказал мне, что он гений!

Общество негромко смеется. Наденька улыбается.

– Нет, в самом деле, – говорит она, – его тетрадка о рынках очень интересна.

Над дверью в прихожей звонит колокольчик. В дверях появляется Ленин. Его лоб уже сильно обнажен, но светлые волосы на темени и затылке вьются. Усы, борода, крупные, хорошего рисунка губы, быстрые, узкие, зоркие глаза. Вошел молодой Ленин.

Классон представляет ему общество:

– Ульянов... Ульянов... Ульянов... [– в свою очередь представляется Ленин.]

Рукопожатие с Надеждой Константиновной:

– Надежда Крупская...

– Владимир Ульянов.

...Вот общество сидит за столом. На столе – стопка блинов, тарелки. Надежда Константиновна за хозяйку. Она говорит с легкой улыбкой, обращаясь к Ленину:

– Владимир Ильич, прошу отведавать конспиративных блинчиков. Хотите?

Ленин шутливо:

– Если конспиративные, то хочу.

Крупская оживленно:

– У нас на кухне заготовлен даже конспиративный шкалик и огурец! На случай визита дворника...

Проходит еще какое-то время. Начинаются споры.

– Мне кажется, – солидно говорит Классон, – что пора уже наметить пути нашей работы, пути нашего движения. <...>

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 [14-го?] февраля 1965 г.

Милая Вера. Посылаю тебе две Зининых открытки. Вчера, 12-го [13-го!] в субботу была у меня Ганя, принесла продукты. Они приходят теперь: Ганя в субботу, а Ева во вторник. После Гани зашел Исаак. Но от него толком ничего узнать нельзя, он ведь все скрывает. Сказал, что Зина с Викой 15-го приедут в Москву, что Викины вещи начнут уже печатать.

В №1 «Нового Мира» будет Викин рассказ и там же будет Эренбург.*

<...> Тут разыгралась моя водянка. Ноги опухли, едва хожу, лицо тоже все опухло, глаза как щели и вид – старухи-пьяницы. Ничего не поделаешь, пришлось вызвать врача из поликлиники. Она предложила делать мне уколы, они скорее подействуют чем лекарства. Уже два дня делают мне уколы, впервые, на восемьдесят четвертом году жизни. Выгоняют из меня воду, всего будет десять уколов.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21-22 февраля 1965 г.

Милая Вера. Ну вот прошел день моего рождения [19 февраля нов. стиля]. Что-то не было традиционного Зининого стихотворения, ежегодно начинающегося словами: «Вот шестое февраля / Соня милая моя». А телеграмма от Зины получилась лишь на следующий день. Соседи подбросили ее под дверь. Очевидно, забыли ее послать [своевременно].

<...> От Любы Пятницкой поздравление к дню рождения получила за неделю до него. Я ее письма отсылаю всегда Маше Володиной, тети Анютиной дочери, в Тамбов. Она уже мне вернула, и я послала его теперь Зине в Москву. Вот Зинин адрес: Москва, Г-99, Кутузовский проспект, д. 1, кв. 8. Я думаю, что они там долго пробудут, ведь у Вики должны пойти его вещи, какие-то сценарии, затем какой-то рассказ его должен идти в первом номере «Нового Мира». Ева говорила, что в трех первых номерах «Нового Мира» будут мемуары Эренбурга, а в четвертом номере (который выйдет вероятно только в мае) должна выйти Викина «Франция».

<...> К дню моего рождения Иван Робертович Классон прислал мне книгу воспоминаний о Лермонтове. Я еще не кончила книгу «Грибоедов – дипломат», присланную мне писательницей Поповой, но начинаю читать и эту, интересную для меня книгу.**

<...> Вот что пишет Иван Робертович по поводу желания Ульянова, чтоб его статьи доходили до русских геологов: «Я бы посоветовал (хоть я не ручаюсь за эффективность моего совета) послать на адрес ВИНТИ, редакция реферативного журнала «Геология» – Москва, Л-219, Балтийская ул., 14 или послать Ленинской библиотеке (она ведь иностранные книги получает далеко не полно) по адресу Москва, Центр, Государственная библиотека им. Ленина».

* В №1 «Нового мира» действительно вышел рассказ «В мире таинственного» и в этом же номере началась публикация 6-й книги И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». А открывался №1 редакционной статьей А. Твардовского «По случаю юбилея».

В январе 1965 года – всего два с половиной месяца прошло после свержения Хрущёва – цензура задержала статью Твардовского «По случаю юбилея», посвящённую 40-летию «Нового мира». Дело дошло до Суслова. Серый кардинал партийного ареопага в числе других обязательных требований велел снять то место в статье, где всего-навсего говорилось, что "широтой и непринуждённостью изложения располагают к себе путевые заметки Некрасова «По обе стороны океана»". Суслов заявил Твардовскому, что критика очерков Некрасова была справедливой (вся эта история запечатлена в недавно опубликованных «Рабочих тетрадях» Твардовского). – Лазарь Лазарев. Верность правде. Творческий путь Виктора Некрасова // «Литература». №18, 2002 (lit.1september.ru/article.php?ID=200201804)

В №4 «Нового мира» выйдут путевые очерки «Месяц во Франции» (см. ниже).

** Попова О.И. Грибоедов – дипломат, М., 1964.

Ольга Ивановна Попова (1888-1973), литературовед, писатель, как специалист по зарубежным рукописям и автографам работала в отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Дело не в том, что этих книг в библиотеке может не быть. Вероятно есть, но они не обрабатываются. Нет карточки в каталоге – это я так думаю.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1-2 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> В предыдущей открытке, которую я дала опустить тебе в субботу Гане, Зина писала, что они приедут в Киев 15-го, а в этой открытке она пишет, что они выедут завтра или послезавтра в Киев. Завтра придет Ева [Пятигорская] и возможно скажет, как это на самом деле. Она мне говорила, чтоб я Зине не верила, так как Зина все путает. А я думаю, они Зине говорят, что они едут завтра, чтоб она никого не приглашала [в Москве] из их старых знакомых. Вика их всех не выносит, не знаю почему.

<...> Была Ева, сказала, что Зина и Вика хотят ехать в Ленинград!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5-7 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> Как видишь из Зининой открытки, они останутся в Москве до конца марта или начала апреля. Если им там всем и интереснее, пусть остаются.

<...> Посылаю тебе две Зинины открытки. Они едут в Ленинград, но я не знаю, куда ей писать, она адреса не дает. Ну, Викины дела по-видимому налаживаются.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8-9 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> Из Зининого письма я поняла, что Вика уже в Ленинград не хочет ехать. Это Ганя будет довольна, а то она волновалась, что они там спустят все деньги, Вика раздаст кому сколько может и приедет без гроша, а ей придется опять на всем экономить. Главное, по-моему, ему нужно поскорее отдать все, что он брал в долг.

Я как-то давно Зине говорю: «Это ужасно, что Вика столько раздает денег». А Зина в ответ: «Это лучше, чем если бы он брал». Ну, конечно лучше. Но ведь все его паразиты таковы: взял у Вики несколько сот рублей, вышел от него и уже несет ругательную статью против него. За статью получает деньги, ну, отдай Вике. Нет, и не подумает. Ужасное у него окружение.

<...> Прочла Викин рассказ [«В мире таинственного»]. Ну и чепуха. Его печатают, потому что он известный писатель. У Вики ужасное «ячество». Люди вообще любят говорить о себе, изображая себя особенно достойным, приказывающим и пр. Это я чувствую почти во всех Викиных вещах. Напиши такую чепуху как Вика обыкновенный писатель, никогда бы не поместили. Вот это деление людей на высших и низших меня возмущает.

Помню, когда в 1918-м году я работала в Московском губернском земстве, одно время в наш внешкольный отдел прислали какого-то эсера. Фамилии его я не помню, это был молодой человек. Делать он ничего не делал: «Не стоит начинать. Все равно большевики заберут земство». А мы, люди старше и опытнее его, развеса уши, стояли и слушали. Никто ничего не делал, никто в «область» не ехал, а Завотделом все нам рассказывал, как он устает, потому что по ночам надо дежурить в парадном. Тогда все парадные позапирали, а ходили со двора. Ульянов вероятно это помнит? Но ведь и все наши мужчины должны были дежурить по ночам, как и Зав, но все молчали, а Зав разглагольствовал.

Мне это так надоело, что я пошла к В.П. [Ногину] и спросила: «Скоро вы нас заберете? Мы уже ничего не делаем. Крестьяне приходят, мы им никаких указаний не даем». Ногин сказал, что это к нему не относится, но он спросит Мещерякова*.

Потом сказал, что сейчас они еще земство взять не могут. Через сколько-то времени пришел курьер из главного здания и сказал, чтоб мы шли в большой зал: «Большевики пришли нас забирать». Зал был полон. Вышел молодой блондинистый латыш и начал поистине невероятно глупую речь. Я кипела негодованием, слушая его. Кончил он так: «Вы до сих пор служили буржуазии и выполняли ее приказания, а теперь будете выполнять наши приказания». Оказалось, мы не люди, работающие для своей страны, а так – какие-то пешки, лакеи, выполняющие все приказания вот таких наглых мальчишек.

Ох, и сколько их у меня было! Одни, например, чистили нашу библиотеку, три юноши по двадцать лет каждому. Приставили лестницу, все им неудобное бросают на пол. Выкинули все «Русское богатство» Короленко и т.п. – «Почему вы это выкинули?» – «Мелкобуржуазное». Выкинули «Божий Мир» потому что «Божий», выкинули наконец Ильина «Развитие капитализма в России». – «Почему вы это выкинули?» – «Нечего о капитализме теперь читать». – «Да ведь это книга Ленина». – «Тут написано – Ильин». – «Но это же псевдоним». На следующий день вернули, вероятно спросили у кого-то.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> Теперь (по-моему) Вика в фаворе. В открытках, которые я тебе сегодня послала, Зина пишет, что они решили теперь в Ленинград не ехать, а поехать туда в Мае или Апреле, а в конце марта приедут в Киев, где Вика будет писать новый роман! Его старые вещи будут тоже печататься. Будто бы отдельной книгой выйдут его путевые очерки, кончая Францией. Но сперва поездка во Францию будет напечатана в «Новом Мире». Сейчас шел съезд писателей российских. Какой-то писатель выступил и сказал, что «Новый Мир» в этом году принял такое направление, что на следующий год он лишится большей части своих подписчиков. Твардовский ответил, что такое же направление будет и дальше, поскольку он редактор. Это мне рассказали. Сама я газет, даже «Литературки», не читаю.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 марта 1965 г.

Милая Вера. <...> Получила вчера письмо от Вани Классона, он был у Зины. Зина упала в ванной на пол, сломала ребро. Ходит, подвязанная через ребро каким-то полотенцем и с палкой по комнате. Не знаю, для чего она непременно хочет запереться в ванной?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16-19 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> Я тебе писала, что Зина упала в ванной и сломала себе, говорит, ребро. Когда у нее была сломана рука, ей неправильно наложили гипс. Так вместо того, чтоб пойти в поликлинику или вызвать хирурга, Вика и Зина решили сами поправить. Так хорошо наложили гипс, что рука срослась под углом! Я сегодня об этом говорю Еве [Пятигорской]. Ева отвечает: «В этом возрасте это не имеет значения». Как раз наоборот, в этом возрасте это имеет большое значение. Ведь сколько раз я падала, и ребра поломаны, и левую руку четыре раза ломала, и ключицу – упала с подоконника, когда мыла окно.

* Как мы уже поясняли, это Николай Леонидович Мещеряков (1865-1942), народоволец, большевик-ленинец. После февральской революции 1917 г. был избран членом Московского губкома РСДРП(б) и председателем губернского совета рабочих депутатов, затем находился на государственных должностях в Москве, в частности в 1920-е возглавлял Госиздат.

Одно время вдруг стала хромать, мне еще пятидесяти тогда не было. Зина спросила: «Что это с тобой?» Я отвечаю: «Это у меня старческая походка». Пошла к врачу, он заявляет: «Вы всегда так ходили». Дал какую-то пахучую мазь. Пошла к другому врачу. Тот спрашивает: «Вы хотите немного отдохнуть?» Я этого не хотела. Зина посоветовала: «Надо к ним не ходить, а лечь и вызывать на дом». Стал ко мне ее знакомый хирург ходить. Придет, сядет в одно из удобных бабушкиных кресел, возьмет газету со стола, почитает, отдохнет, ноги моей [даже] не смотрит и, дав освобождение, уходит.

Наконец Зина повела меня к своему железнодорожному хирургу, послали на снимок. Оказалось, у меня был сломан палец на ноге, нога и пухла. Но уже все заросло, образовалась [костная] мозоль.

Вот и у Зины какая-нибудь мозоль может образоваться или там могут остаться обломки костей. Ну, а в этот раз я упала и ничего себе не сломала, а больна уже десять месяцев, превратилась в инвалида. Едва, едва, держась за мебель, двигаюсь по комнате! В воскресенье была у меня моя знакомая докторша и велела вызвать районную. Нельзя сказать, чтоб я эту районную докторшу своими вызовами очень обременяла. За пятнадцать лет, что я живу здесь без Зины, я вызывала ее три раза. Т.е. один раз Вика привел, а два раза я [сама] вызывала. Она нашла, что уколов больше не надо, а переменила лекарство [от водянки], была минут десять и ушла. Они так заняты, обидно, действительно время терять на умирающую старуху.

<...> В 10 час вечера [(16 марта)] прибегает соседка: «Идите скорее, Виктор Платонович выступает». У всех моих соседей, кроме меня, есть телевизор, у всех есть холодильники. Вот как мы культурно живем! Я, держась за стену, едва дошла к ней. Гляжу на Вику [на экране], в телевизоре какой-то туман, ни звука не слышу и вдруг вспоминаю – у меня плитка включена, яичница жарится. Поползла к себе в комнату. Я думала, это Вика будет свой фильм показывать, оказалось, он говорил только 10 минут о войне.

Не люблю я серых [экранов] телевизоров, ушла. А сегодня пришла ко мне девочка (приходит говорить со мной по-французски), ты бы послушала, как я теперь [неразборчиво] говорю. Мама всегда сердилась, когда я разговаривала с Викторией по-французски, чтоб он не забыл. А он [уже давно] забыл.

<...> Девочка рассказывает, она вчера была на именинах у своей кузины, когда на экране появился Вика, это был всеобщий дикий восторг. Он уже года три не выступал. Ну, слава богу, позволили ему и писать и говорить. Даже, будто бы, приказ пришел в Киев – в первую очередь печатать Вику. У меня была Ева [Пятигорская], сообщила, что Виккин рассказ (2½ страницы чепухи) произвел фурор в Москве. Герои его рассказа – два стула, стоят у меня. Я их долго принимать не хотела. Ужасающе неудобные. Но Зина заявила: «Ты же будешь в кресле сидеть, а это будет для твоих гостей». Пришла [как-то] ко мне гостя девятина лет, Викина поклонница. Села на стул, и сиденье сломанное вцепилось ей в юбку, едва, едва отцепили. Не знаю, кому этот стул «мстил». Надо бы на них сделать подушечки и привязывать к ножкам, но я и своего починить не могу!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 марта 1965 г.

Милая Вера.

<...> Читаю теперь №1 «Нового Мира». Вводная статья Твардовского [«По случаю юбилея»] убийственно скучна, по-моему, за него писал Виккин друг Сац. Он, Сац, человек очень образованный, никаких глупостей, конечно, не напишет, но пишет убийственно скучно. Твардовский-то сам пишет очень хорошо.*

* 16/IV. Вика тоже находит, что статья Твардовского в №1 убийственно скучна. – Приписка на полях В.Н. Ульяновой?

<...> Исаак [Пятигорский] пришел сказать, что едет в Москву, хотел обо мне узнать, чтоб Зине передать. Говорит, что Вика уже все свои дела кончил. Все пока благополучно. В №4 «Нового Мира» выйдет его поездка во Францию. Выйдет сборник его путешествий. Выйдет сборник его рассказов. Выйдет и в Москве и на Украине. Теперь писатели-фронтовики говорят по телевизору в разных городах. Первым был выпущен Вика: «Киевский писатель-фронтвик». * Одним словом, как в рассказе Мопассана [в каком? – МК]. Пришел сумасшедший домой и заявляет, что «все монархи Европы ему кланялись». Мы всегда говорили, когда кому-нибудь везло: «Ну как, тебе все монархи Европы кланяются?» Я просила Исаака все-таки показать Зинин перелом ребра или хирургу или сделать рентгеновский снимок. Исаак ответил, что у Зины не перелом, а трещина, и она (Зина, а не трещина) уже выходит. Ну, а если я что попрошу, то Вика уж постарается сделать наоборот.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28-31 марта 1965 г.

Милая Вера. <...> Я вспоминаю, как мама во всем экономила. Мы ездили всего третьим классом. Меня и тебя укладывали спать на лавки, а мама спала на полу между нами, и мы скатывались на нее к утру. Не помнишь? А вот когда они в 1915 году приехали в Киев, я обошла весь поезд и не встретила их. Мне в голову не пришло, что они ехали в «[vagon-lit](#)» [(«спальный вагон»)]. Наконец их нашла всех уже с носильщиком на перроне. **

<...> Умер Давид Заславский. Ты помнишь, он писал в «Киевской Мысли» (кажется, так называлась эта газета) под псевдонимом *Homunculus*? Талантливый был фельетонист и культурный, бундовец [см. magazines.russ.ru/znamia/2008/5/za10.html]. Я работала с ним в Коллегии Пропаганды и Просвещения в Киеве. Такого культурного начальства у меня больше не было. Т.е. он и начальством не был, мы с ним общались на равных правах. Он говорил мне, что никогда не видел, кроме меня, человека так мало честолюбивого. Через месяц совместной работы со мной его арестовали. Я ходила тогда хлопотать к наркому Затонскому. В субботу я была у Затонского, а в понедельник Заславского выпустили. ***

* Руководство СССР начало идеологическую кампанию в связи с 20-летним юбилеем Победы.

** В письме С.Н. Мотовиловой из Киева В.П. Ногину в Серпухов зафиксирована дата приезда Некрасовых из Парижа (проездом через Швейцарию):

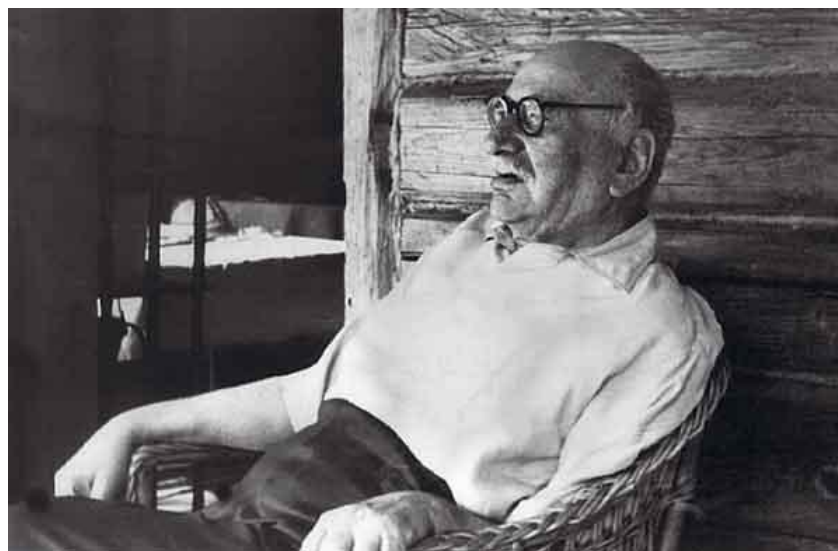
<...> Мои все приехали сюда 4-го октября, сняли квартиру и поселились [[по адресу Кузнецкая ул., 24, кв. 17](#)]. Зина все еще не устроилась с местом. Ну и жизнь все еще не входит в колею. Коля готовится в гимназию, мама возится с хозяйством, а на меня напала такая обломовщина, что ужас. Даже из дома выходить не хочется. (ноябрь 1915-го, ф. 145 РГАСПИ)

*** Софья Николаевна уже не однажды обращалась в своих воспоминаниях к сему персонажу. Поэтому стоит здесь вкратце обрисовать известного дореволюционного, а затем советского журналиста и публициста. Хотя это и давно сделано во многих публикациях в Интернете, например на ресурсе (sites.google.com/site/triumphoto/time-tracker/wikipedia/articles/triptihs/hebrean-triptih/zaslavsky).

Поэтому внесем «свои 5 рублей» (которые уже превратились в советские 5 копеек). На удаленных электронных ресурсах РГБ можно «листать» такие советские газеты как «Правда» и «Известия», а так же, уже в натуре, перелистывать «Летописи газетных статей». Но чтобы отследить все публикации Д. Заславского, на это нужно затратить не одну неделю... Так что пусть дотошный читатель не обессудит.

Итак, 26 июля 1925 г. «Правда» опубликовала покаянное письмо 45-летнего Д. Заславского в редакцию, написанное в Ленинграде 20 июня (похоже, целый месяц ушел на согласование с партийной верхушкой – печатать или не печатать?!): *“В 1917-18 г.г. я был в правой меньшевистской печати одним из наиболее голосистых противников советской власти и большевиков. Вспоминать об этом времени мне тяжело и стыдно, но вспомнить необходимо, чтобы раз навсегда с этой полосой моей жизни покончить. Став на путь борьбы, я шел все дальше и спохватился только тогда, когда увидел, что залез глубоко в болото. Это было в начале 1920 г. на Украине. Письмом в редакцию киевского «Коммуниста» я признал свои ошибки и отказался от политической деятельности. <...>”* (Это могло произойти после февраля и до сентября 1919 г. или же после июня 1920 г., см. например maxpark.com/community/14/content/3623947)

Действительно, «Н. Ленин» в 1917 г. посвятил не одну разоблачительную статью Милюковым, Данам и Заславским (см., например, на тех же электронных ресурсах РГБ газету «Рабочий» за 7 сентября 1917 г.).

Д.И. Заславский, 1960-е годы

Окончание примечания

После публикации «покаянного письма» в «Правде» «Софья Власьевна» милостиво разрешила Давиду Иосифовичу писать хвалебные репортажи о советской действительности и разоблачать «козни империалистов». Приведем лишь некоторые примеры начала его «верного прислужничества»:

- *Дело эстонских шпионов. Фабрика шпионов* / «Правда», 6.2.1926;
- *Накануне* / «Известия», 1.5.1926 (*О вождах английской рабочей партии и о самих рабочих, для которых «1 мая может стать исходным днем великой революционной борьбы»*);
- *Жажда забвения* / «Известия», 16.5.1926 (*О Болдуине и о печальном конце всеобщей забастовки английских трудящихся*);
- *Вторая германская рабочая делегация в Ленинграде. Красная присяга (Впечатления)* / «Правда», 3.8.1926;
- *«Исторические комнаты» [в Зимнем дворце-Эрмитаже]* и советская общественность (*Письмо из Ленинграда*) / «Правда», 8.10.1926;
- *В шестой раз [«Броненосец Потемкин» в Германии]* / «Известия» 14.10.1922;
- *Полонез мертвых* / «Известия», 31.10.1926 (*«Пилсудский стал в первые ряды полонеза мертвых»*);
- *«Бука» в Чехословакии* / «Известия», 30.11.1926 (*«Буржуазия на Западе давно сделала из коммунистов «буку»*);
- *Менелай из [германского социал-демократического] «Форвертса»* / «Известия» 19.12.1926;
- *Волховская гидростанция открыта. Первая* / «Правда», 21.12.1926 [*попутно Д. Заславский пнул давно национализированное Общество электрического освещения 1886 г.*].

Ну и так далее... В 1935 г. на страницах «Правды» разгорелась дискуссия между Д. Заславским и самим М. Горьким по поводу планировавшейся издательством «Академия» публикации романа Достоевского «Бесы». Сначала «без лести преданный» Давид Иосифович 20 января выступил под рубрикой «Заметки читателя» с репликой «Литературная гниль», где объявил, что этот роман стал «знаменем политической реакции». А после письма-протеста М. Горького, опубликованного 24 января, на следующий же день тиснул реплику «По поводу замечаний М. Горького»:

«Достоевского запрещают!» – взвизгивает, по словам М. Горького, белоэмигрантская печать. Как всегда врет эта печать. Ни одного слова нет в моей статье о «Бесах» о запрещении Достоевского, как и вообще никогда советская печать не писала о запрещении Достоевского. Напротив, в моей статье совершенно ясно сказано, что даже пасквильные романы Достоевского и Лескова допустимы в полных собраниях сочинений и никакой «нелегальщины» в советских условиях они не представляли и не представляют. Не о том идет речь в моей статье – запрещать ли «Бесы», а исключительно и единственно о том, надо ли отбирать из всех произведений Достоевского именно роман «Бесы» предпочтительно перед всеми его романами, надо ли усиленно рекомендовать его вниманию советского читателя, подсовывать с той явно лживой мотивировкой, какую приводит «Литературная газета» и от какой она не отказалась и до сих пор. <...>

Все же «Академия» опубликовала «Бесов» (wiki.istmat.info/миф:не_изданный_достоевский).

За все про все Д. Заславский удостоился 2 орденов Ленина и заметных некрологов в советской печати, например в «Правде» от 28.3.1965 и «Литературной газете» от 30.3.1965.

<...> Милая Вера. Получила вчера [(30 марта)] эти две открытки от Зины. Она все пишет, что они скоро будут в Киеве, а Ева [Пятигорская] утверждает: они так скоро не будут, у Вики там дела.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 апреля 1965 г.

Милая Вера.

<...> В Усть-Сысольске, когда туда выслали Сергея Васильевича [Андропова], я провела два лета [(в 1910-м и 1911 годах)]. [Его сестра] Надежда Васильевна просила меня по летам приезжать к Сергею Васильевичу. Дело в том, что когда в первый раз его выслали в Усть-Сысольск, это было осенью, на следующий день после его приезда уходил последний пароход. Он сел на него и приехал в Петербург. Он тогда был дико влюблен в меня и уверял, что он не может жить там, где меня нет. Когда я приехала в Женеву в 1903 году и оттуда сейчас же к Зине в Лозанну, С.В. всю ночь шел из Женевы в Лозанну и к утреннему кофе сидел уже в столовой, измученный этим ночным путешествием.

Я не любила его, но мне льстила его безумная любовь. Я считала его своим Ritter-ом Toggenburg.* В Петербурге каждый сыщик С.В. знал, и ему было опасно там находиться. Когда его опять арестовали и выслали в Усть-Сысольск, Надежда Васильевна просила меня по летам приезжать к нему. Это было, кажется в 1909-1911 годах. Помню, что я послала ему телеграмму о смерти Толстого в 1910-м. Ему послали туда пианино, чтоб он мог наслаждаться музыкой. По зимам он там страшно тосковал, ну а по летам я жила у него. Т.е. мы жили, конечно, отдельно, в отдельных комнатах. Но уже в Усть-Сысольске, это был десятый-одиннадцатый год нашего знакомства, я почувствовала, что его любовь ко мне идет на убыль. А между тем я ведь бросила тогда Лейпциг, где занималась, и помню как один студент (он был уже «доктор», но все еще слушал некоторые лекции) уговаривал меня принять участие в их геологической экскурсии в Гарц.** Мне казалось всегда, что ради «хорошиста» С.В., его будто бы такой бесконечной любви ко мне, я должна жертвовать собой. А он все повторял, что я «жестока».

<...> Нет ничего отвратительнее, когда человек любивший перестает любить. Ужасно противно. <...> В 1913 году С.В. держал государственный экзамен. Готовился невероятно много. И после каждого экзамена приходил ко мне, рассказывал [о нем] и говорил: «Как хорошо, что ты приехала [в Петербург], мне есть с кем поделиться». А когда я ему раньше рассказывала о своих экзаменах, он заявлял: «Как ты можешь придавать значение такой чепухе?» Я вот не понимаю – для чего врать? Я ведь никогда не скрывала от него, что не люблю его, а он все врал, что по-прежнему любит, ему «дорога каждая моя вещь».

Кончилось благополучно. Он женился (я ему давно советовала) и был счастлив. Жена была великолепной музыкантшей, училась вместе с Рахманиновым. Достаточно видеть его тогдашнюю фотографию: веселый, а не мрачный как со мной.***

* Главный герой баллады Шиллера «Рыцарь Тоггенбург».

** Горы Гарц или Харц (нем. *Harz* от средневекового немецкого *Hart* – «горный лес») – самые северные горы средней высоты в Германии и наивысшие горы Северной Германии. – Из Википедии

*** *Всю жизнь Сергей Васильевич Андропов интересовался музыкой. В 1916 г., после отбытия очередной ссылки, он стал брать уроки игры на фортепиано у пианистки и композитора, ученицы Антона Рубинштейна, Леокадии Александровны Кашперовой (1872-1940), которая позднее стала его женой. «В начале марта 1916 г., – вспоминала Леокадия Александровна, – произошла моя встреча с Андроповым. Я тогда еще не знала, что он был человеком замечательным по своим революционным заслугам. Я только сразу увидела, что это человек исключительный... При более близком знакомстве поражала его эрудиция. Все, к чему он прикасался, он усваивал до глубины; знал четыре иностранных языка, а по музыке мне пришлось удивляться широкому пониманию и его памяти». – Я.И. Иоселев. Агент ленинской «Искры». / Люди земли Донской. Ростов-на-Дону, 1983*

(hrostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st010.shtml)

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 апреля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Утром у меня был Исаак [Пятигорский], но рассказал о Зине и Вике очень мало. Думает, что они вернутся около 10-го. Но возможно, что задержатся, так как у Вики выходит несколько его изданий, и в Киеве тоже. Но там [(в Москве)] он должен что-то согласовать с каким-то новым его издателем, т.е. редактором издательства.*

<...> После Исаака пришел один Викин товарищ, писатель. Я его знала молодым, красивым юношей. Он бывал у нас еще при маме. Я его очень люблю, очень хороший. Мне, главное, трогательно его отношение к своей матери. Писателем он стал еще раньше Вики, но, конечно, Вика обогнал всех своих товарищей в своей известности, если такие его дурацкие рассказы печатаются, как в №1 «Нового Мира». Просто чепуха. Этот [Викин] товарищ принес мне два букета подснежников, сидел у меня три часа и был моим «словоотводом».**

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 16 апреля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика наконец вчера прилетели в Киев. Только что были у меня. Ты знаешь, мне гораздо удобнее, когда их нет и приносят все Ганя и Ева [Пятигорская]. Гани одной мне было бы достаточно. А то Зину ведь теперь никуда одну не пускают, приходит с ней Вика. Тон у него со мной отвратительный – презрительно-скучающе-надменный. Ничем, что ему говоришь, не интересуется. <...> Я ему дала прочесть два письма моих читателей, которые его касаются (не решила им самим ответить).

* Как мы уже упоминали, в 1965 г. выйдут два сборника рассказов Виктора Некрасова:

Вася Конаков. Київ, «Дніпро» (тир. 30 тыс. экз.; содерж.: Вася Конаков; Сенька; Рядовой Лютиков; Новичок; Судак; Переправа; Посвящается Хемингуэю; Вторая ночь; Август-Фридрих-Вильгельм; Через пятьдесят лет и др.).

Вторая ночь. М. «Сов. Россия» (тир. 50 тыс. экз.; содерж.: Вторая ночь; Новичок; Чао, Джульянчик!; «Санта-Мария», или почему я возненавидел игру в мяч; «Землянка»).

** Можно предположить, что это Николай Иванович Дубов (1910-1983):

Все четверо – Виктор Некрасов, Леонид Волынский, Николай Дубов и Михаил Пархомов – жили в Киеве. Они начали печататься почти одновременно, были почти одного возраста – сорокалетние, назывались «Киевской школой современной русской прозы». Сдружились и чаще всего собирались дома именно у Пархомова – самого молодого. Даже главной темой большинства их произведений была война. (из «Киевских ведомостей» от 22 сентября 2005 г.)

Однако Н.И. Дубов родился в Омске, хотя в 1922 г. его семья переехала на Украину. С 1930 г. работал на судоремонтном и паровозоремонтном заводах, был сотрудником заводской многотиражки и даже ее редактором (в книге «Жизнь и творчество Николая Дубова», М., 1991, есть фото, где он играет на бильярде в редакции газеты «Политотдел», Калуга, 1935 г.). С 1933 г. сменил несколько городов, пробовал себя в разных профессиях (журналист, библиотекарь, заведующий клубом и др.), некоторое время учился на историческом факультете Ленинградского университета. В годы войны по состоянию здоровья не попал на фронт, работал на оборонном заводе. С 1944 г. жил в Киеве; работал в газете «Сталинское племя» (1944-1949), журнале «Советская Украина» (1949-1950). Писателем он, правда, стал лишь в 1950-м, когда была напечатана его повесть «На краю земли» (хотя журналистом – в 1929-м), драматургом чуть раньше – ставились его пьесы «У порога» (1948) и «Наступает утро» (1950).

А мама Алина Антоновна умерла в 1943-м. Так что гостем Софьи Николаевны был кто-то другой...

Например, Семен Михайлович Журахович (1907-1997), с 1928 г. работал в газетах «Большевик Полтавщины», «Рабочий» (Полтава), «Наше слово», «Коммунист» (Харьков-Киев), первый сборник очерков «На освобожденной земле» вышел в 1940 г.

<...> Письма читателей для меня интересны. Очень они меня радуют. В старости любишь лесть и уважение. Помнишь, бабушка Валерия Францевна пошла [в Москве] к Капканщиковым, приготовила рубль, чтоб дать их лакею на чай. Помнишь их Давида? Бакенбарды, выбритый подбородок, настоящий приличный лакей. А рубашки он носил самого Капканщикова. Тот носил рубашку первый день, а второй день – носил Давид. И вот он почтительно повторял бабушке: «Ваше превосходительство. Ваше превосходительство». Бабушка (все-таки из бывших гувернанток) была польщена и вместо рубля дала ему на чай три руб.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 апреля 1965 г.

Милая Вера.

<...> В первый день прихода Вика своей важностью, брезгливо-презрительным тоном ко мне довел меня до такого состояния, что у меня сделалось что-то с сердцем и опять распухли ноги. На следующий день он не был так высокомерно нагл. И я решила его попросить послать заказной бандеролью №2 «Нового Мира» тебе.

Сама прочла только одного Эренбурга. Он спрашивает: «Зачем сейчас посылать, можно подождать». Я отвечаю: «Не рассуждай, а делай что тебе говорят». На этот раз он промолчал, а то когда он заказывал 18 ключей для всех моих соседей (это было десять лет тому назад) и я ему сказала, что надо дать раньше слесарю – сделать по замку ключи, Вика заявил: «Не вмешивайся! Я тут распоряжаюсь», ведь он для меня делал!

<...> Сегодня я как раз думала: что бы я ни давала Зине и Вике починить, ко мне не возвращается. Больше года у них [валялся] мой фонарик, несколько моих ламп и т.д. Вика находил, что чинить их не стоит, и вдруг (о чудо!) он сегодня появляется с одной из моих ламп (еще полгода [тому назад] отданной в починку) и с маленьким абажурчиком для висячей. Мой шелковый [абажур] они выкинули при уборке, он, правда, был очень грязен, сперва служил у моих соседей, потом семь лет у меня.

Но тут начинается юмористика. Пришедший [с Викой] тип начинает чинить (т.е. надевать абажур), влезает на два табурета. Лампа, только что поставленная, «перегорела»! Ставят другую, тоже «перегорела». Вика идет покупать лампы, это от меня близко. А оказывается, он поворачивал не тот выключатель. Зажигал мою лампу в коридоре, а не выключатель для комнаты. Он же у меня никогда не бывает [надолго] за двадцать лет, нет не двадцать, уехали они в 1950 году, значит за пятнадцать лет. Не знает где что. Александр Ефимович [Парнис] у меня все знает, в один момент все находит. Выяснив, что лампы не перегорели, Викин друг зачем-то меняет патрон. <...> Кончилось все благополучно, лампа висит там где надо, абажурчик затеняет ее слишком яркий свет.

А в смысле моих жалоб на Вику мне повезло. В субботу [17 апреля, на «журфиксе»] я изливала душу моей гостье, а так как Вика тоже высокомерно брезглив по отношению к ней, то она мне вполне сочувствовала. На следующий день у меня были еще две гостьи, я им изливалась, и они мне тоже очень сочувствовали. Одна даже сказала, что никогда к ним больше не пойдет, что она не какая-то «низшая раса», с которой можно так говорить.

Смотрит [Вика] на человека, как будто он не человек, а вещь. Приходит старый приятель, Вика сейчас же уходит из дома. Ева [Пятигорская] делает ему замечание: «Ведь это невежливо». Он отвечает: «А зачем он ко мне ходит. Он мне не нужен». Знаешь, немножко он похож на Андрея Болконского. И Вика и тот любили протезировать молодым людям и были надменны со всеми остальными. А как Болконский мерзко относился к своей жене! Ну, жены у Вики покуда еще нет.

<...> В молодости у Вики никаких фокусов не было, очень хороший был мальчик. Когда ему было двадцать восемь лет, он мне сказал, что всю жизнь меня ненавидел, я была совершенно поражена. Мне казалось, что у меня с ним очень хорошие отношения. Мы вместе ходили в Ялту [из «Профессорского уголка»], ездили вместе в Москву, в Ленинград, когда еще Ева [Засецкая] была жива. В тридцать восемь лет он мне сказал, что не только он, но все его друзья меня ненавидят. Уж очень хороши его друзья! Ганя говорила: «Как кто дрань, они хорошо относятся, а как хороший человек, знать не хотят».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 мая 1965 г.

Милая Вера.

<...> Зина мне говорит, что у них будет много гостей в первый день [православной] Пасхи.* Я спрашиваю: «Только евреи?». – «Евреи очень любят наши пасхальные угощения». Ева [Пятигорская] как-то заметила: «Угощение русское, а гости все евреи».

В Союзе Украинских писателей Вику и Зину все считают евреями. А так как украинцы вообще антисемиты, то терпеть не могут Вику. Из наших старых знакомых Зина почему-то выделяет Маню Липскую. На Пасху Зина пригласила ее к ним на обед. Мане в этом году минуло уже девяносто лет.

<...> Из Зининой открытки ты видишь, как Зина горда, что «Вика сам» поехал за Маней, привез ее и отвез обратно. Она близко живет от них. Что значит – сам. Зина ему сказала, он и поехал. Это была их единственная русская гостья на Пасху. Все остальные Викины друзья исключительно евреи, и кажется самый еврейский акцент у самого Вики!

<...> Да, Н.А. [Ульянов] вложил мне вырезку о телевизоре и пишет о том, что делают вещи, которые трудно починить. У нас та же история. Я купила электрический чайник, кажется в прошлом году, [за] 7 руб. Это в счет Зининого подарка мне. Чайник довольно скоро испортился. Починить его нельзя, он Ленинградский, а Ленинградских [запасных] частей для починки чайника нет в Киеве. Я отдала его Ване Класону, думая, что он сам его починит, но он не мог: в Москве тоже не было «Ленинградских» частей. Наконец какой-то его знакомый ездил в Ленинград и привез Ивану Робертовичу эти части. Ну, если ты посылаешь продавать чайники в Киев, пришли и починочные части!

Знаешь, я читаю ту книгу, которую Вы мне присылали, Вике его друзья присылали, и она все не могла дойти. Книга будто бы не доходила из-за предисловия какой-то Patricia Blake (или Black?). Она была у нас в СССР в 1962 году, вертелась в окружении Евтушенко и по-моему совсем неправильно изображает нашу литературу. Литература ведь – это общий фон, ширпотреб. Для нас по-моему характерны: Шолохов, Симонов, Корнейчук, Сафронов (редактор «Огонька»), Борис Полевой, наш Бажан, Кочетов, Грибачев, Смирнов (поэт, который писал подлые стихи против Пастернака). Их книги выходят громадными тиражами, их можно купить в любом книжном магазине, на любом лотке на улице. Их посылают бесчисленное число раз за границу.

Ну, а она собрала всяких «отверженных»: Солженицына, Казакова, Нагибина и пр. и выдает это за нашу литературу! Выходит, что у нас все в восторге от Пастернака, а у нас его совсем не знают и не понимают, да и достать трудно. Есть какая-то прослойка, но ведь это только накипь, а вовсе не основное ядро нашей литературы. Она описывает, как аудитория заставляет Евтушенко пять раз в один вечер декламировать свое стихотворение о Бабьем Яре.

* Еврейская пасха, как перед этим упоминала С.Н. Мотовилова в связи с «излияниями» по поводу «тимуровца» Александра Ефимовича, в 1965 г. отмечалась вроде бы 19 апреля (на самом деле – 17 апреля, в субботу; в понедельник 19-го она никак не могла быть, по законам Песаха!). А православная (в т.ч. у коммуниста В.П. Некрасова!!!) – 25 апреля, в воскресенье.

Ему уже это надоело, он просит что-нибудь другое, нет, непременно это. Кстати статья Вики о Бабьем Яре в «Литературной газете» была гораздо лучше, чем это стихотворение.*

<...> Из основного ядра она взяла только Кочетова. Он де «в изоляции». В какой же он «изоляции»? Был тогда редактором «Октября», на свое пятидесятилетие получил орден Ленина, а Вика на свое пятидесятилетие – ничего. Эта литература (Евтушенковская) больше нравится в Америке. Ну пусть себе нравится, но все же это не дает представления о нашей литературе! Викин рассказ о стульях им по-видимому тоже нравится. А тебе?

Бывшая у меня летом [прошлого года] американка пишет [мне] о нем: «Сейчас передо мной лежит «Новый Мир» за январь 1965 года. Рассказ Виктора Некрасова, как грустная улыбка. Он полон осязания окружающих нас вещей живого мира. Как я рада, что опять читаю этого талантливого писателя. И хоть Вы и не любите [его рассказ] «Санта Мария», я как раз чувствую в ней почти то же настроение живых вещей, как и в последнем рассказе, напечатанном в «Новом Мире». Мы называем такого типа произведения – essay».**

[Переводчик] Страда был уверен, что Вика отлично знает американскую литературу, настолько его жанр на нее похож. Но Вика ведь весьма мало читал. Среди наших полуграмотных писателей Вика кажется образованным, но на самом деле...

* Речь идет о Патриции Блэйк/Блейк (род. в 1933 г.), американской журналистке и писательнице, редакторе нескольких сборников переводов с русского. Какую «тамиздатовскую» книгу (с предисловием П. Блэйк) читала Софья Николаевна, сейчас определить трудно. Приведем более поздний сюжет на эту же тему:

Мы с Патрицией Блейк переписывались, неоднократно встречались – в 1973-м в Лондоне, а в мае 1974 г. — в Нью-Йорке. <...> Только через несколько месяцев в письме от 10 декабря [1974 г.] Блейк рассказала о конфликте с Флордом: «Я не встречаюсь и не разговариваю с ним больше десяти лет. Наши отношения испортились, когда я узнала, что Флорд инвестировал деньги в издательство «Флегон-пресс» (которое тогда начало выпускать журнал «Студент» в Лондоне) и дружит с Флегоном. Хотя Флорд порвал свои отношения с ним через несколько лет, но до этого помог Флегону организовать грубую провокацию против Андрея Вознесенского <...>».

«Провокация против Андрея Вознесенского», о которой писала Патриция Блейк, состояла в том, что Флегон, собрав в течение двух-трех лет еще не опубликованные тогда лирические стихи этого поэта, издал их в Лондоне в конце 1965 г. Небольшой (132 с.) сборник вышел под заглавием «Мой любовный дневник». Практикуемое Флегоном пиратство имело свою специфику: издатель наряду с рукописями использовал магнитофонные записи стихов в авторском исполнении. В то время в таком виде широко распространялись и песни Александра Галича, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и др.

Публичные выступления поэтов и авторов-песенников (иногда в узком кругу, но нередко и перед большой аудиторией) стали новым способом избежать цензуры. Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина выступали не только в клубах, но и на стадионах.

Весь тираж сборника стихов Вознесенского быстро раскупили. У меня его не было. Близкий друг Патриции Блейк, британский литератор и переводчик Макс Хэйуорд пытался через суд остановить публикацию, но проиграл это дело. Патриция была в дружбе и с Вознесенским, и с Окуджавой, а Хэйуорд переводил на английский некоторые их произведения. Чуть ли не каждое издание Флегона выделялось какой-нибудь вульгарной выходкой. В данном случае в рекламе о сборнике Вознесенского было объявлено: «...Книга содержит стихи, не опубликованные в СССР или подвергнутые цензурным сокращениям. Из-за иллюстраций ее не следует давать детям или рекомендовать школьным библиотекам...». Список иллюстраций и подписи к ним — безусловно, не авторские — содержали непристойности. — Жорес Медведев. Эпидемии, провокации, интервенция, эмиграция

А вот более близкий по времени сюжет:

Западная журналистка Патриция Блейк еще в 1963 году напечатала во французском журнале «Preuves» [«Доказательства»] статью о своих встречах с советскими писателями, где отмечала «нападки непримиримых на Евтушенко, который, по их мнению, сильно себя скомпрометировал своими уступками власти» (цитируется по русскому переводу: Блейк П. Встречи с советскими писателями // Наши дни. Франкфурт-на-Майне, 1964. № 33. С. 114). — Андрей Крылов. О трех «антипосвящениях» Александра Галича // «Континент», 2000, №105.

** «Американка» — это уже упоминавшаяся эмигрантка из СССР Галина Дмитриевна Кулаева, переводчица, профессор.

Ну, бог с ним. Имеет успех – все, что надо. Поклонников и поклонниц – полмира. И главное, «доходчив», как у нас говорят, «... и все понятно, и все на русском языке», как говорит про свою поэзию Твардовский. Ну и у Вики – тоже «на русском языке».

Приписка З.Н. Некрасовой Милая Вера! Мы с Викой улетаем в Ялту 10/V/65, так что адресуй свои письма уже туда. До сих пор у нас стоит холодная и дождливая погода. Так что неизвестно, как мы в Ялте (и когда) будем купаться. С нами поедут и наши знакомые – Рабиновичи. Вика сейчас выпускает еще какие-то свои произведения, написанные после поездки на Камчатку (я чуть не написала – на Кубу, куда он еще не ездил! Да кажется и не собирается, пока, ехать).

Вынужденное послесловие М.И. Классона к письму от 1 мая 1965 г.

Все же здесь необходимо, при всем уважении к мнению Софьи Николаевны о том, что Патриция Блэйк «совсем неправильно изображает нашу литературу» (за этим мнением стоят, скажем мягко, пожилые люди, пусть и довольно широкого спектра – от сталинистов до условно говоря либералов), дать весьма выборочно впечатления последней и даже некий вывод по поводу тенденций в тогдашней советской литературе и «предвзятого интереса» к скандальным литературным новинкам другой части общества: молодежи, инженеров, конструкторов, научных работников. П. Блэйк провела не один год в Москве будучи корреспондентом «Лайф Мэгэзин», что давало ей широкие возможности для встреч с поэтами и писателями и даже позволило взять интервью у Всеволода Кочетова, задав острые вопросы по поводу его романа «Секретарь обкома».

Между прочим, сама С.Н. Мотовилова (как и ее подруги-сокурсницы) будучи на полвека моложе проявляла живой интерес к выступлениям футуристов в Петербурге (1913 год – Маяковский, Давид Бурлюк, Крученых, к лекции о футуристах, с показом оных, Чуковского).

Итак, упоминавшийся выше журнал «Наши дни» (выходил во Франкфурте-на-Майне) в №33 за 1964 г. перепечатал, предварительно переведя на русский язык, статью П. Блэйк во французском журнале «Preuves» за август 1963 г.:

Встречи с советскими писателями

<...> Самые большие перемены в русской литературной среде со смерти Сталина до последней литературной «чистки» [под «водительством» Н.С. Хрущева в 1963 г.] заключаются в том, что поэты, прозаики, драматурги – как и их читатели и слушатели, понемногу все больше и больше теряли чувство страха перед собственной изоляцией, которая их так долго мучила. Эта эволюция всего за одно десятилетие кажется почти чудом, ибо усилия Сталина и «атомизация» советского общества уничтожили все возможности свободного общения между людьми.

Подозрительность, скрытность были лишь внешними симптомами зла, признаваемого до сих пор неизбежным: разрыва между человеком и его внутренней правдой. В течение 30 лет террор был таким всепроникающим и разрушительным, что только герои, безумцы или поэты вроде Пастернака могли придавать разумный или вообразимый смысл реальности человеческого существования при Сталине.

И все же настоящая литературная интеллигенция появилась в течение этих последних десяти лет. В нее входят не только молодые писатели, лишь едва отмеченные в сталинскую эпоху, но и значительно более старшие авторы, как Паустовский, перенесшие все тяготы сталинизма. Царящий среди них дух взаимного доверия, их взаимная поддержка, сознание общности дела поражают иностранцев, знакомых с жестокостью литературной среды в Нью-Йорке, Париже, Лондоне. Эти писатели отдают свое время и силы взаимной поддержке, отстаиванию произведений своих подопечных.

Они защищают друг друга от реакционной критики, хлопчут о переводе молодых талантливых писателей в столицу, где легче и благоприятнее атмосфера для развития талантов. Разговор с этими писателями ничем не напоминает натянутые уклончивости и многословия, которые когда-то были присущи советской интеллигенции. Вероятно, она снова обрела то чувство внутренней независимости, необходимое в литературе, которое исчезло в сталинские времена.

Кажется, что после тридцати лет полного литературного бесплодия Россия снова начинает давать литературные произведения, хоть и не такие совершенные, как в XIX веке, но все же многообещающие.

<...> А вот стихи таких поэтов, как Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Винокуров, рассказы и повести Казакова, Аксенова и Нагибина, пьесы Володиной и Розова нашли отклик у многих людей, открывших, наконец, что они не одиноки, что существуют другие люди, понимающие и разделяющие: их надежды, опасения и вкусы. И не только студенты: Вознесенский сказал корреспонденту «Лондон Таймс», что у него много читателей среди «технической интеллигенции». Их миллионы в России. Многие из них работают над спутниками [(из которых военных не меньше чем гражданских)] и другими чрезвычайно сложными машинами и они хотят сложной поэзии. Им не нужны политические статьи в стихах.

Сильнее всего влияют на советских читателей поэты, может быть потому, что поэзия всегда находила отклик у русских, очевидно из-за своего непосредственного характера, больше всего отвечающего их требованиям.

<...> Сто тысяч экземпляров книги Евтушенко были распроданы за 48 часов. Еще до выхода из печати последней книги Вознесенского «Треугольная груша» были уже заказаны сто тысяч экземпляров. И наряду с этим книжные магазины заполнены стихами «старой гвардии», годами пылящимися на полках. Интерес, который проявляется с некоторого времени к публичным чтениям, объясняется может быть тем, что произведения новых поэтов никогда еще не выходили достаточно большими тиражами.

Самым крупным и выдающимся собранием такого рода был вечер поэзии во Дворце спорта (в Лужниках) в ноябре 1962 г.: четырнадцать тысяч человек собралось слушать Вознесенского, Ахмадулину и Бориса Слуцкого [Евтушенко был в очередной зарубежной поездке? – МК]. Вечера поэзии стали главным развлечением интеллигенции и студенчества как в Москве, так и в провинции, куда поэты ездили на грузовиках. Даже Маяковский, всю жизнь разъезжавший по России с чтением своих стихов, никогда не был так популярен у молодежи.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 мая 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вчера зашли ко мне Зина и Вика, и с ним его приятель, с которым он ездил на Камчатку. Он значительно моложе Вики. Зина говорит, что он санитарный врач в Ялте, ну и кроме того поэт, в новом стиле, как мой [**«тимуровец»**] Александр Ефимович и его «девочка».*

* На сайте «Памяти Виктора Некрасова» упоминается как «близкий друг» Ян Карлович Вассерман, на 21 год моложе Виктора Платоновича. После окончания Киевского мединститута с 1957 г. жил и работал в Ялте врачом скорой помощи (nekrassov-viktor.com/Poetry/Vasserman.aspx). Правда, в этом разделе приводимые здесь фото в обществе Я. Вассермана неправильно датированы 1965 годом. Как мы уже видели, поездка «за двадцать тысяч километров» состоялась в мае-июне 1964-го. Ресурс (litosug.ru/content/yaltinets-yan-vasserman) утверждает, что он был «самым ярким из крымских поэтов того времени».

<...> Вчера я дала Вике свой электрический счет уплатить (это в двух шагах от меня и рядом подписка на журналы). Просила его [также] подписать меня на второе полугодие на «Огонек» и «Новый Мир» до будущего года. Он сказал, что придет через три часа, в половину второго. <...> Вика не явился, Зина заявила, что идет одна: «Я никому не подчиняюсь»...

<...> Я послала письмо Исааку [Пятигорскому], поедет ли он со мной на кладбище 9-го? Он даже не ответил. 10-го Зина и Вика уезжают, а я даже не знаю, будет ли ко мне кто ходить! <...> 1-го я дала Вике два рецепта, сегодня 5-е, он мне так лекарство и не принес.

<...> Вот я тебе пожалею на Вику, хоть я тебе это, вероятно, уже двадцать раз писала, уж очень это меня возмутило. Вместо того чтоб жить со своей больной бабушкой, он уехал актером в Ростов-на-Дону. В апреле [1941-го], кажется, надо было менять паспорта. У нас теперь так: ты должен жить в том городе, где твой паспорт прописан. Ну, основное-то место пребывания Вики Киев, и его отпустили в Киев, кажется на четыре дня. Это было в 1941-м году, перед войной. Это был последний раз, когда мама видела Вику, и он ее. Радость, счастье у мамы были громадные. Мама любила Вику больше всех. Без него маму раздражало, что у нас не висели на окнах занавески, и она все повторяла: «Приедет Вичка и повесит». Как только Вика приехал, я сказала ему об этом. Он ответил: «Хорошо, повешу».

Прошел день, таскается по городу со всеми своими приятелями. Я опять напоминаю: «Ты же обещал повесить шторы». Раздраженно: «Раз сказал, что повешу, значит, повешу». Жду еще день, у него полно его товарищей: «Воспользуйся ими и повесь шторы, они помогут». – «Нет, сейчас неудобно». Приходит день отъезда, шторы, конечно, не повешены! Я ему говорю: «Так ты и не повесил занавесей». Грубый ответ: «Проживете и без занавесей».

Да, это последний раз, когда он видел маму. Ужасно все это больно. А мама его ведь так любила и столько для него делала! На маминой могиле он никогда не бывает, т.е. иногда (раз в год) заходит, когда приезжает его Сациха, и он идет с ней на могилу ее сына. Она приезжает обычно, как будто бы, на могилу сына, а на самом деле, чтоб видеть Вику. Поклонников и поклонниц у него тьма, и не в одном только СССР. Все восхищаются его добротой – дикий эгоист [на самом деле].

Теперь еще, слава богу, к Зине хорошо относится. Возится с ней как нянька. Когда я умру, я думаю – два человека будут рады, Вика и Исаак [Пятигорский]. Не придется больше возиться со мной. Это понятно. Нельзя же на свете бесконечно заживаться и быть в тягость всем.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 мая 1965 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас я агонизирую. Повезет ли меня Исаак на кладбище в день маминого рождения? В прошлом году я шла туда [сама], очень устала. Для Зины и Вики ведь все наши семейные дела не представляют никакого интереса.

Как-то Зина в день маминой смерти была на кладбище, кого-то из ее знакомых хоронили [(инженера Константинова)], но на мамину могилу даже не зашла! Стоят у них всюду только фотографии чужих людей. У Зины правда висят мамин и папин портрет (в разных местах), но Вике гораздо важнее Сациха и ее семья, Лунгины и их семья. Не знаю, приехала ли в этом году Сациха? Они, Зина и Вика, зашли ко мне сегодня буквально на три минуты. Зина пришла, сняла пальто и прошла в WC. Вернулась оттуда, и они сейчас же ушли.

Вика сказал, что за мое электричество он заплатил и на второе полугодие на «Огонек» и «Новый Мир» записал меня, но забыл дома квитанции. Он так «страшно занят». Обслуживает вероятно своих «друзей», всякую паразитирующую на нем сволочь. Я не осмелилась спросить, будет ли кто-нибудь ходить ко мне, когда они уедут.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 8 мая 1965 г.

Милая Вера.

<...> Ну вот, я только что вернулась [[с Байкова кладбища](#)]. Заехал за мной Исаак с Зиной, и в 3 часа я была уже дома, а волновалась перед этим ужасно.

[З.Н. Некрасова – В.Н. и Н.А. Ульяновым \(22, Avenue Mon Repos, Lausanne, Suisse\), 8 мая 1965 г.](#)

Дорогие Вера и Николай Алексеевич! Итак, мы завтра едем уже в Ялту. Сегодня Вика кончит все свои дела (включая и дантиста), и послезавтра мы уже на берегу моря! А вы куда поедете? Целую.

Зина

С.Н. Мотовилова – И.Р. Классону, 20 мая 1965 г.

Многоуважаемый Иван Робертович.

<...> В письме к Вам у меня вложено письмо Поповой мне.* Я хочу, чтоб Вы его прочли. Письмо Ульянова, чтоб показать Вам, как надо реагировать на мои письма. Я имею в виду историю с Журавлевым и его плакатом [[? – МК](#)]. Нет, я все-таки перепишу эту историю, пришлете мне обратно, буду всем показывать, после Вашего отзыва, конечно.

<...> Вначале, когда я передала часть найденных у меня писем Ленина, Институт Маркса-Энгельса-Ленина прислал фотокопии писем и машинопись расшифровки каждого письма. Так и должно быть. Посылающий документ может часто указать на неправильность. Например, в письме Мартова из Полтавы он упоминал Беренштама, одного из либеральных адвокатов, защищавших политические дела у нас. Мы их хорошо знали. Одного из них Горький называл «Володькой». Мы их хорошо знали, и того и другого, по границе и по России.

А работник архива написал «Беренштейн», а [Беренштейн](#) был, как известно, ревизионистом Маркса.** Я об этом не написала, пусть в Мартовском архиве выясняют. Товстуха (тогда был зам директора, а директором Института – Каменев) сказал мне, что письма Мартова представляют для них такую же ценность, как письма самого Ленина, так как они их выменивают в заграничном архиве Мартова на письма Ленина Мартову.

Хотелось бы мне знать, кто был Товстуха и что случилось с ним?***

* Это, как мы уже поясняли, московская писательница и архивистка Ольга Ивановна Попова.

** Все-таки «ревизионистом Маркса» был [Эдуард Бернштейн](#) (Bernstein, 1850-1932).

*** Иван Павлович Товстуха (1889-1935) служил замом директора Институтом Маркса-Энгельса-Ленина начиная с 1930 г. На XVII съезде партии в 1934-м избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был членом ЦИК СССР. Умер 9 августа 1935 года в Москве, урна с его прахом была захоронена в Кремлевской стене. Из воспоминаний бывшего секретаря Сталина Бориса Бажанова, бежавшего из Советской России в 1928 г.

([lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt](#)):

Другой помощник Сталина [[\(кроме Амаяка Назаретяна\)](#)], Иван Павлович Товстуха, наоборот, до самой своей смерти (в 1935 г.) будет играть важную роль в сталинском секретариате и при Сталине. Но сейчас, на ближайшие месяцы [[\(1923 г.\)](#)], он в секретариате будет бывать мало – он выполняет особое поручение Сталина – организует «Институт Ленина». Постоянно работают в секретариате сейчас три помощника Сталина: я, Мехлис и Каннер. Когда мы определяем в наших разговорах сферы нашей работы, мы делаем это так: «Бажанов – секретарь Сталина по Политбюро; Мехлис – личный секретарь Сталина; Гриша Каннер – секретарь Сталина по темным делам; Товстуха – секретарь по полутемным».

Окончание примечания

<...> Всю вторую половину 1923 г. секретарь Сталина Товстуха выполняет очередное «полутемное» дело, порученное ему Сталиным. В борьбе за власть Сталина это дело имеет немалое значение. Ленин умирает. Борьба за наследство идет между тройкой и Троцким. <...>

<...> Прошел XIII съезд, и Товстуха энергично занимается следующим «полутемным делом». Он забирает «для изучения» все материалы съезда. Но вскоре выясняется, что его интересуют не все материалы, а некоторые. Он изучает их вместе с каким-то темным чекистом, который оказывается специалистом по графологии.

<...> Больше всего интересует Товстуху (т.е. Сталина), кто из делегатов в своих избирательных бюллетенях вычеркнул фамилию Сталина. Если б он ее только вычеркнул, его имя осталось бы покрытым анониматом. Но, вычеркнув, он должен был написать другую фамилию, и это дает данные о его почерке. Сравнивая этот почерк с почерками делегатов по их анкетам, заполненным их рукой, Товстуха и чекистский графолог устанавливают, кто голосовал против Сталина (и, следовательно, его скрытый враг), но и кто голосовал против Зиновьева, и кто против Троцкого, и кто против Бухарина. Все это для Сталина важно и будет учтено. А в особенности, кто скрытый враг Сталина.

Придет время – через десяток лет – все они получат пулю в затылок. Товстуха подготавливает сейчас списки для будущей расплаты. А товарищ Сталин никогда ничего не забывает и никогда ничего не прощает.

<...> Это – следующая «полутемная» работа Товстухи. В своем кабинете «Института Ленина» он составляет списки, длинные списки людей, которые сейчас так наивно выступают против Сталина [(например, на собраниях партактива)]. Они думают: «Сейчас мы против, завтра, может быть, будем за Сталина – в партии была, есть и будет внутренняя свобода». Они не подумают, что Сталин у власти дает им возможность подписать свой смертный приговор: через несколько лет по спискам, которые сейчас составляет Товстуха, будут расстреливать пачками, сотнями, тысячами. Велика людская наивность.

Я вчера начала опять переписывать мои записки в моем дневнике о Сергееве-Ценском. Ну а что дальше с ними делать? Ведь того, что я напишу, не напечатают, а все должно быть наоборот. Он мечтал тогда в 1926 году (голодном) уехать из России. А вот в книге о нем и его доме написано: что он никогда не хотел бросить свою родину. О первом муже его жены говорили (к нему, Ценскому, это отношения не имеет), что он ушел с «белыми». А тут ясно написано, что «белые» его «расстреляли».* Все шиворот-навыворот.

Когда я работала в Лингвистическом Институте [(в Украинском институте лингвистического просвещения)], нам велели изъять одну книгу Сталина! Он был тогда на вершине своей славы. Я спросила одного коммуниста, почему изъята эта книга. Он ответил: это написано давно, и Сталин хвалил в этой книге Троцкого. Мне показывали, как в разных изданиях изменялся текст самого Ленина (после смерти Ленина, конечно). Да, так пишется история.

* Возможно, что «книга о нем и его доме» следующая – С.Н. Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Тамбов, 1963. Или же – И.М. Шевцов. Подвиг богатыря (Тамбов, 1960) (во 2-м издании под названием «Орёл смотрит на солнце», М., 1963).

Февраль и Октябрь 1917 года застали Сергеева-Ценского в Алуште. Здесь он прожил годы гражданской войны, терпел голод и лишения. Сотрудничать в белогвардейской печати, не говоря уже о службе в белой армии, писатель категорически отказался. Не до конца разбираясь в происходящих событиях, он тем не менее не уронил чести и достоинства русского писателя-демократа. Примечателен такой факт. В 1918 году С.Н. Сергеев-Ценский и К.А. Тренев хлопотали об освобождении схваченной белогвардейской контрразведкой Лауры Багатурьянц, председателя подпольного Крымского ревкома. Отважную большевичку удалось спасти. <...> Однако в Крыму власть часто переходила из рук в руки. На долю писателя и его жены (в 1919 году Сергеев-Ценский женился на учительнице Христине Михайловне Бунинной) выпали суровые испытания. Об охранных грамотах, выданных Ценскому большевиками, сообщили белые газеты. Отношение врангелевских властей к писателю было угрожающе враждебным. Зато в приглашениях из-за рубежа недостатка не было. Но Сергей Николаевич не оказался в рядах эмигрантов.

– Я должен пережить то, что переживает мой народ, – говорил он своим близким.

Не уехал писатель за границу и в первые годы после освобождения Крыма, когда на полуостров обрушился голод. Очень мало писавший в годы гражданской войны, Сергеев-Ценский сразу же после освобождения Крыма советскими войсками вновь садится за свой рабочий стол. Уже в феврале 1921 года им написана большая повесть «Чудо», действие которой происходит в оккупированном немцами Крыму. О близких по времени событиях идет речь и в написанных им в 1921-1922 годах повестях «В грозу», «Жестокость», «Рассказ профессора», «Молочная ферма» и в пьесе «Хозяин».

<...> В основу повести «В грозу» (1922) положен факт автобиографический – смерть в 1921 году от холеры двенадцатилетней Маруси, дочери Христины Михайловны от первого брака. – В. Козлов, Ф. Путнин. Творческий путь Сергеева-Ценского (lib.ru/RUSSLIT/CENSKIJ/tvorput.txt)

Христина Михайловна с дочкой Машей приехала в Алушту весной 1919 года. Муж её, Николай Александрович Бунин, был убит махновцами, и, оставшись вдовой, нужно было воспитывать дочь. Христина Михайловна кроме высших женских курсов Герье, окончила в своё время консерваторию и была учительницей словесности и музыки в одной из харьковских гимназий. Энергичная, красивая женщина, увлекавшаяся литературой и музыкой... Она была моложе Сергея Николаевича на 14 лет. Ему нравилось в Христине Михайловне и то, как легко и уверенно чувствовала она себя в водовороте тяжёлой запутанной жизни. Её сильный характер, практичный ум, неиссякаемая энергия и трудолюбие произвели на писателя положительное впечатление. Казалось, она всё умеет делать на этой далеко не благоустроенной земле. – Хозяйка усадьбы на Орлиной горе // Алуштинский вестник. 2009, №7

(www.alushta.org/w/index.php?title=%D0%90%D0%BB%D1%83%D1%88%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA/PDF/2009-07)

Николай Александрович Бунин, хотя и ушел с белыми, возможно действительно был убит махновцами. По крайней мере, в отличие от своего более известного однофамильца и даже от Н.А. Ульянова (который осел в Лозанне), он до Парижа не добрался и потому не попал в 3-томный биографический словарь «Российское зарубежье во Франции», вышедший в конце 2010-х.

Познакомьтесь с [Ольгой Ивановной] Поповой. Она долго работала в архивах, работала и у Бонч-Бруевича в его Лит. Музее и к нему немножко слишком снисходительна. Он при своей жизни не передал в Институт Ленина ни одного Ленинского письма [ему], хоть как коммунист должен был это сделать. Это мне говорили тогда коммунисты, я же [сама] точно не знаю. Познакомьтесь с Поповой. Мне кажется, она может Вам быть очень полезной, если Вам придется обратиться к архивам из-за биографии Роб. Эд-ча [Классона]. Как видите, прихожу «девочки» Ал. Еф. [Парниса] она как будто была рада.

Теперь постараюсь ответить на Ваше письмо. О погоде? Погода у нас чудесная, но гулять не с кем. Никто не хочет. Нина (тети Верина) пишет, что у них в Ленинграде был холод, снег и начали вновь топить, прерванное в Ленинграде центральное отопление. Зина пишет, что у них в Ялте «солнце светит, но не греет, и им еще не хочется купаться». Ежедневно ходят в кино, со всей своей бандой.

Ваши кузины и кузены. У мамы было четверо детей: Зина, я, Ниночка (очаровательная девочка, умершая в три года от скарлатины), Вера. У тети Лиды было четверо детей: Надя, Люба, Вера (самая младшая, ее Вы знали, она бывала у Вас и негодовала на отношение детей к тете Соне) и четвертый – Петя. У тети Анюты было четверо детей: Миша (старший), Маша, Надя и Лена. Во время обеда Миша бегал вокруг стола и лупил всех по спинам. Мне это рассказывали, я жила тогда в Веймаре. В первых классах гимназии Миша был первым учеником, потом средним, а потом едва-едва кончил гимназию. Писал очень забавные стихи на всех семейных, особенно на Машу. [Р.Э.] Классон его устроил [работать] где-то возле Ярославля [(на разработке торфяных болот или на сооружении электростанции)]. Ему не понравилось. Никто ему не кланялся, а он привык, чтоб ему кланялись. Он ушел, шел пешком всю ночь и пришел к Мотовиловым (Гомочкиным). Мотовиловы скуповаты, а там еще хуже [оказалось], денег ему на дорогу не дали. Он пошел к Верочке Пятницкой, которая ему дала [денег] доехать до Киева, т.е. до нас. Мотовиловы его уговаривали пойти еще раз к [Р.Э.] Классону. Но он поспешно уехал.

У нас тоже денег было маловато – отдали ему, все, что были, чтоб доехать ему до Лубен. Остались без гроша. А в это время приехал [в Киев] читать лекцию Андрей Белый, последний полтинник я отдала за билет для Зины. Ей было скучно его слушать, а я так никогда и не видела Андрея Белого. В этот день, когда у нас не было ни копейки, явился милиционер. Мама провожала с нами [московскую даму Любовь Борисовну] Хавкину и потеряла перронный билет. Надо было платить рубль штрафа. Милиционер описал тогда наш самовар. А квартира у нас была тогда роскошная, масса мягкой мебели, старинных вещей. Ну а рубля не было.

Когда к нам приехал как-то Гредескул, муж моей подруги, он сказал маме: «Алина Антоновна, да вы в палаццо живете!» Перед этим он был у мамы в Париже. Они жили в очень тесной квартире под Луначарскими, жившими в такой же [тесной]. Когда они уезжали, их квартиру хотел снять Троцкий. Нда!*

* Это Николай Андреевич Гредескул (1865-1941), депутат I Государственной думы от Харьковской губернии; профессор, декан юридического факультета Харьковского университета, затем профессор Петербургского технологического института; умер в блокадном Ленинграде.

И его тогдашняя жена, подруга Софьи Николаевны по Бестужевским курсам и подпольщица, Елизавета Константиновна Свешникова (развелась с мужем в 1918-м, забрав трех дочерей с собой в Бессарабию, но в советское время две оставшиеся в живых дочери Людмила и Вера вернулись к отцу в Ленинград, в «профессорскую квартиру»).

В советское время быстро «сменил вехи»:

Зарубежные большевистские рептилии перепечатывают из «Красной Газеты» письмо к рабочим, составленное... неутомимым проф. Гредескулом. «Уже седой» он поучает рабочих:

Еще я люблю вспоминать, как привезла к маме профессора, психиатра. Он был мрачно настроен. Шофер такси содрал с меня столько же, сколько я заплатила за визит профессора. Но когда профессор (звали его Киричинский) вошел в нашу бывшую гостиную, где уже стояла мамина кровать, увидел наши акварели, старинное серебро, мебель с медальонами роз, которые не нравились Коробке (он тете Соне сказал: «Не покупайте такой мебели, как у Алины Антоновны»), он [[Коробко](#)] любил стиль moderne, тогда такой был в моде.

Так вот профессор Киричинский спросил: «Мотовиловка была ваша?» Мы с Зиной одновременно ответили: «Нет, мы симбирские». И он нами, и мы им остались довольны. Но, увы, больше его пригласить не было денег.*

А Вика зарабатывал много, живя во Владивостоке, но содержал на свой счет всякую сволочь. Нам он, правда, за год прислал тогда 6 000 руб., выходило по 500 руб. в месяц. Но сам-то ведь заработал больше 20 000!

Вы не находите, что разница в материальном положении всегда кладет какую-то грань между людьми? Я вспоминаю, как разбогатели тогда [[Р.Э.](#)] Классон и Коробко. Это все было понятно: и 35-франковый костюм, который в Лозанне покупал Классон, и примерка моего платья, когда Коробко давал указания, как лучше поправить, чтоб не казалась такой худой, ну а потом...

Да, наша дедовская мебель Коробке не нравилась, в Петербурге он у нас не бывал. Однажды приехал вместе с Классоном, предложили нам поехать к цыганам на Острова. Поехали мама, Зина и Вера. Я, конечно, не поехала – не мой стиль. У Веры осталось неприятное впечатление от цыган и поездки. Мчались на рысаках, швыряли деньги. Мороз стоял жуткий, и вот почему-то городовым, стоявшим на посту, швыряли рублевки. Буду просматривать свои дневники, выпишу Вам, все что там есть о Классоне.

Итак *repenons a nos moutons* [[вернемся к нашим баранам](#)], т.е. к Мише Гельшерту. Он два раза был женат. Со второй женой уехал куда-то вглубь России в деревню и стал сельским учителем [[в Тверской-Калининской области](#)]. Было у него хозяйство, коровы, куры – все, что надо, и все мужики ему кланялись. Мама тогда была уже больна. Он усиленно приглашал нас приехать к нему на лето. В это время стали приходить отчаянные письма от Лениной тетки. Ужасная дрянь была. По мнению Лены [[Игнатович](#)], это она донесла на ее отца. За доносы, говорят, платили по 500 руб.

Окончание примечания

Мы, кадеты, и не только кадеты, но и социалисты: эсеры (правые), с.-д. (меньшевики) – были в ужасе от этого, мы считали октябрьскую революцию безумием, почти что преступлением. Но вы были правы, товарищи, потому что безумием и преступлением была не ваша революция, а то, против чего она была направлена; тот капитализм, который вместо того, чтобы думать о благе и справедливости для человечества, думал только о своих барышах и ради них не остановился перед величайшей человеческой бойней, какая только была на земле.

«Мы – кадеты». Госп. Гредескул забывает лишь прибавить, что между его кадетством и большевизмом был еще один этап – когда он был сотрудником [[и даже редактором](#)] газеты [[«Русская Воля»](#)] бывшего министра [[внутренних дел](#)] Протопопова. Теперь, ставши большевиком, он опять ни перед чем не останавливается:

И если она [[\(революция\)](#)] устоит до конца, если она осуществит свои идеалы, то русский народ будет записан в историю как народ-освободитель, освободитель человечества от той скверны, от того извечного зла, против которого восставал еще Христос, но которое сумело сделать для себя безвредным и извратить его кроткое учение.

А если не «устоит до конца»: что тогда будет говорить проф. Гредескул?

«Руль» (Берлин), 3 июля 1921 г.

* Действительно, был в Киеве такой проф. Алексей Романович Киричинский (1889-1970), который с 1923 г. возглавлял физиотерапевтическое отделение Института психоневрологии, а также преподавал курс физиотерапии на кафедре нервных болезней Киевского института усовершенствования врачей. Пережил немецкую оккупацию Киева.

Она [(Ленина тетка)] мечтала донести и на Мишу[, но не знала его адреса]. Писала она, что Лена невозможна, скандалит, кричит: «Меня убивают» (по-украински). Мы выслали ей деньги, а я написала Мише. У них не было детей, и он охотно согласился взять Лену к себе на воспитание, но чтоб мы не давали его адреса в Лубнах – тетка Лены мечтает на него донести. Деньги он выслал, я их сейчас же отправила Лениной тетке, но она месяц или два Лену не присылала. Когда Лена приехала, начались уже каникулы, и я не знала, у себя ли в деревне Миша, написала ему. Ответа я тогда не получила. А тут разразились война 1941 года и ужасы немецкой оккупации. И на 10 месяцев Лена у нас [застряла]. Мы все худели и худели, а она развивалась – толстела и хорошела. Зина мне простить не может, что я не отослала Лену сразу к Мише. Что случилось с Мишей и [и его] Надей? Не знаю. Пропали без вести, как Ваш брат. Вы не пытались его найти?

Лена развивает сверхъестественную энергию. Написала в Ленинскую библиотеку (отдел рукописей), в Министерство [социального обеспечения] Украины (в отдел персональных пенсий). Требуется, чтоб я прислала заявление, что надо для ухода «за мной» (собственно говоря, для моего ухода за ее детьми). Чтоб ее с детьми прописали на моей площади. Я пока отмалчиваюсь. Ведь уже в 1954 году она писала Вике: «Тетя Зина и тетя Соня – люди XIX века и ничего не понимают. Отчего Вы тетю Соню, когда она была в больнице, не перевели сразу в сумасшедший дом?» Это она хотела к нему подлизаться, да.

Детей дяди Володи я не знаю. Знала только Володю и Андрюшу, которые жили у тети Лиды, она их взяла к себе на воспитание [после смерти дяди Володи].

В понедельник была у меня Ганя и дама, приславшая когда-то ко мне Ал. Еф. [(Зинаида Константиновна Пискорская)], и с тех пор – никого! Некому даже дать письма опустить, лекарство заказать. Думала, зайдет Ал. Еф., был в субботу, велел надписать адрес на книге, которую (от моего имени!) высылает моей американке (и даже не показывает мне, какая книга!). Я велела показать. Оказался – Есенин (о нем).

Ну не нахал, по-Вашему? А враль сверхъестественный. Сказал, что в понедельник зайдет за мной, пойдет погулять со мной. Сегодня кончается четверг, от него ни слуха ни духа. В Москву что ли уехал? Ганя сказала, что придет только в понедельник. Ни души! Дама-редактор, приславшая мне Ал. Еф-ча, ужасно рвалась от меня поскорее уйти. Вы думаете приятно, когда у Вас сидит человек, а сам мечтает уйти поскорее?

«Москву» №7 с рассказом Алдан-Семенова Ал. Еф. тоже мне не показал, а отослал от моего имени американке. И я с трудом ее достала. Прочтете Вы эту вещь когда-нибудь [и пришлете мне свое мнение]? Ведь недолго.*

Плетеные 4 стула вокруг стола в Зининой столовой это не старые, а новые стулья. Старые – это желтые, без сетки. Два – у меня. Рвут всем юбки и брюки.** А эти, с сеткой – очень удобные, Вьетнамские (очевидно, это почему-то нельзя было написать?). Подарил Вике их один архитектор и кажется хороший как человек. На Новый год он преподнес Зине ветку чудесной белой сирени, а Зине ведь уже 86 лет.

* Речь идет о «лагерной» повести Андрея Алдан-Семенова (1908-85) «Барельеф на скале», действительно опубликованной в №7 журнала «Москва» за 1964 год.

** Как мы уже упоминали, в №1 «Нового мира» за 1965 г. был опубликован рассказ В.П. Некрасова «В мире таинственного» о двух «зловонных стульях», от которых писатель избавился, отдав их тетке.

Из писем С.Н. Мотовиловой:

<...> У меня была Ева [Пятигорская], сообщила, что Викин рассказ (2½ страницы чепухи) произвел фурор в Москве. Герои его рассказа – два стула, стоят у меня. Я их долго принимать не хотела. Ужасающе неудобные. Но Зина заявила: «Ты же будешь в кресле сидеть, а это будет для твоих гостей».

Пришла [как-то] ко мне гостя девяност лет, Викина поклонница. Села на стул, и сиденье сломанное вцепилось ей в юбку, едва, едва отцепили. Не знаю, кому этот стул «мстил». Надо бы на них сделать подушечки и привязывать к ножкам, но я и своего починить не могу!

<...> И он, Ал. Еф., еще нахал, мне говорит: «Очень вы мне нужны. Таких как Вы у меня человек 50 есть». Я, например, хотела [писателя Алексея Михайловича] Ремизова, заграничное издание, послать Вам, перед тем как ему подарить. Какое тут! Как к нему что попало, уже обратно не получишь!

<...> Какой ужас зависеть от других. Когда мы бывали в Жандармском на свидании с Серг. Вас-чем [Андроповым], полковник Иванов говорил жандарму: «Приведите Андропова». Мама, самая чудесная у нас, страдала. Вот и меня надо «приводить» и «уводить». Мама очень любила Сер. Вас-ча, а он ни разу не вспомнил маму, после революции. Ужасно! 15 лет безумной любви ко мне как будто не было! И письма его все сгорели. А у меня в дневнике, до того как он стал легальным, о нем мало [записано] из-за боязни обысков.

<...> Если увидите [Ольгу Ивановну] Попову, спросите ее, куда бы я могла продать письма (подлинники) Бонч-Бруевича с 1932 года до его смерти. Рукописный отдел Ленин. б-ки отказался их взять. Там его архив.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 мая 1965 г.

Милая Вера.

<...> Сегодня [(23 мая)] получила письмо от [Вани] Классона. Он же все лето возится со своим садом, то ягоды, то фруктовые деревья сажает. Волнение из-за заморозков и пр. То сын утепляет дом, то строит погреб. По сравнению с широкой деятельностью его отца [Роберта Эдуардовича], малюсенькая, малюсенькая его деятельность-то теперь. Правда, он уже на пенсии, но ведь пенсия-то дается на одного человека, у него еще двое, не ставших на ноги сыновей. От первой жены детей не было.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 мая 1965 г.

Милая Вера. Представь себе, как я волновалась: от Зины неделю не было никаких вестей. Вечером пришли две открытки, которые я тебе пересылаю. Почему-то они всегда приходят попарно. Я очень рада, что с ними Яська [Свет]. Это мальчик, которого мы знаем с четырнадцати лет (теперь этому мальчику пятьдесят три года).*

Я о нем тебе писала... [(далее С.Н. Мотовилова повторяет всю историю о приезде из Москвы отца-юриста и его семьи, знакомстве Вики с Ясем Светом и попытках Яси Света поступить в вуз)]. [(Новые подробности)]: Дворник указал на Вику. Лучшего мальчика [(чем Яся)], конечно, быть не могло. Тихий, спокойный, послушный. Соседи по квартире говорили: «Что это за мальчик, которого никогда не слышно». С Яськой они подружились. Яська, правда, иногда Вике изменял и дружил с кем-нибудь другим. Такой уж у него «изменчивый» характер. Образования и знаний он был невероятных, во всех викторинах мог ответить на все вопросы.

<...> Был назначен директором фабрики (единственным, которого я знала, без высшего образования). Но он отлично справлялся с делом, несколько раз приезжал делать доклады в Академию Наук и очень забавлялся, как мало в этом понимали академики. Тут у него случилось несчастье, он купил резиновые перчатки для опытов, но это верно были медицинские, и он заразился каким-то ядом. Его надо было спасти, его начальство (очевидно, его друг) дал свою кровь. Но эти же друзья дали телеграмму его матери: «Приезжайте немедленно, ваш сын умирает». Лётных трасс тогда еще было мало, а жила она далеко, поездом ехать было больше недели. И вот с этой тревогой, что сын умрет до ее приезда, ехала она. Я ведь знаю отдельные эпизоды его жизни.

* Т.е. с 1925 года, как затем отметила С.Н. Мотовилова.

<...> В аспирантуру его не приняли. Теперь, кажется, работает в каком-то издательстве. К какой-то книге он будто бы, Зина рассказывала, написал какие-то аннотации настолько ценные, что ему кто-то сказал, что он вместо аннотаций должен был об этом написать диссертацию. Одно время он читал лекции по геологии в Московском Университете, кажется очень не долго.

<...> Мне Яська нравится. В том доме [\[\(где мы жили до войны\)\]](#) его называли мальчиком «что-то вроде сумасшедшего». Выучил самостоятельно несколько языков, в последний раз, когда я его видела, хотел учить китайский. У нас была такая богатая библиотека, а Вика ничего [\[из нее\]](#) не читал. А у Яськи ничего не было, но он прочел массу книг.

Я вообще люблю людей, которые знали маму, знали нашу, ту квартиру. Ну и, конечно, польщена. Он обычно в Киеве после войны останавливался у нас. Спал на балконе в своем меховом мешке геолога. Это было в первые годы после войны. Мне раньше всех надо было идти на службу. По утрам мы почему-то не пили чая или кофе (вернее сказать, этих продуктов не было), а ели борщ. Яська вставал раньше и для меня готовил борщ. Готовить он хорошо умел.

В прошлом году, когда Вика был, так сказать, «в опале», они с Зиной жили в Ялте. Яська захотел поехать к ним. Пришел за путевкой в их дом отдыха в Союз Писателей в Москве. Ему сказали, там мест нет. Он сказал, что хочет поехать туда потому, что там его друг. Его спросили: «Кто он?» Он назвал Вику, и путевка сейчас же нашлась. Мне об этом рассказывали, как о примере хорошего отношения в Московском Союзе к Вике, даже тогда.

<...> Ведь это Яське Вика дал свою первую вещь (тогда она называлась – «Сталинград»), чтоб тот ее поместил в Москве. Ведь оба тогда никаких знакомств и связей в литературном мире не имели. И это так неправдоподобно и оригинально вышло. Моя соседка, вдова писателя утверждала, что когда появился Викин «Сталинград», он был встречен фанфарами.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой [\[\(без даты, скорее всего, начало июня 1965 г.\)\]](#)

Милая Вера.

<...> Я не помню, писала ли я тебе о Зининой фантазии. <...> К ней зашла сестра Поповой, и они беседуют. Та рассказывает, как ее сестра жила в Бретани. Приехали туда какие-то русские. Отец с сыном сели на скалу, любуются приливом, а прилив так быстро надвигался, что затопил их обоих (погибли).

Зина ей сказала, что она отлично это знает, так как помнит, что она плыла, спасаясь от прилива, а Коля сидел на ней верхом, он все сползал, она его поднимала и плыла дальше. Возможно? Как будто бы возможно. Но ты знаешь, первый раз у океана Зина была в [Динаре](#), в 1899 или 1898 году, кажется. Замужем Зина [\[еще\]](#) не была, а Коля родился в 1902 году. В другой раз Зина жила у океана в 1914 году, в [St. Brévin](#).^{*} Коле было двенадцать лет, он был высокого роста и никак на маме сидеть верхом не мог. Фантазия.

^{*} Динар – превосходный пляжный курорт, раскинувшийся вдоль берегов пролива Ла-Манш, был хорошо известен на территории страны ещё во времена Наполеона III и пользовался огромной популярностью у любителей поваляться на пляже, пока с началом XX века не пришла эпоха Лазурного Берега, затмившего берега Атлантики романтическим образом Средиземноморья. Средняя температура воздуха в летние месяцы едва дотягивает до +20 градусов, а дожди идут гораздо чаще, нежели на Средиземноморском побережье.

Saint-Brévin-Les-Pins – крупный курорт и туристический центр на р. Луара в провинции Западная Луара, на побережье Атлантического океана, т.е. расположен южнее Динара.

<...> Сейчас пришла книга, ну №4 «Нового Мира» с Викиной Францией. Эпиграф Стендаля, очень хороший выкинут, а вместо этого какая-то, мне не понятная чепуха Гюго.* Я начала читать и мне стало ужасно скучно. А ты и Николай Алексеевич мне даже не написали, как Вам понравился Викин рассказ [«В мире таинственного»] в №1: «Моя американка в восторге» (?). А Ваня Классон пишет, что [московская] Попова «высоко оценила рассказ В.П. о его стульях и прочей мебели».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 июня 1965 г.

Милая Вера. <...>

В это письмо я вкладываю тебе открытку от Зины. Не знаю, верить ей или нет, что Вика едет в Африку. Ты знаешь, когда он ездил на Камчатку, Зина по ошибке тоже всем говорила, что он поехал на Кубу. Ну завтра, если будет Ева [Пятигорская], она объяснит.

Мирель [упоминаемая в открытке З.Н. Некрасовой?] – это дочь Мариэтты Шагинян (ну, ты ее знаешь по ее писаниям? Ее «Гидроцентральный» я не читала. Вообще современную литературу я знаю очень плохо – «современная», это для меня с 1913-го года). Очень интересные ее воспоминания о Рахманинове. Из-за критической статьи, кажется против нее, очень остроумной в «Новом Мире» был [в 1954 году] снят с редакторства Твардовский и вместо него назначен Симонов.**

* Очерк «Месяц во Франции». Был «выкинут» редакторами такой эпиграф Стендаля из «Прогулок по Риму» (1827-1829): «В моей книге, конечно, найдутся ошибки, но в ней нет намерения обмануть, польстить, очернить кого-нибудь. Я буду говорить правду. В наше время это нелегкое обязательство, даже когда говоришь о колоннах и статуях...».

А «чепуха Гюго» следующая: «У Парижа свои капризы, своя безвкусица, свои обманы зрения... И у Парижа – увы! – бывают часы, когда его клонит ко сну (порой и Гомеру случается спать). Безумие Парижа, перебродив, оказывается мудростью».

** Сам А.Т. Твардовский пытался опубликовать «Теркина на том свете». Поэма представляла собой гротескное изображение советской государственной машины. Цензура не допустила стихи к публикации, а редколлегия «Нового мира» была приглашена на Старую площадь к секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову, который назвал поэму «пасквилом на советскую действительность». Ну а снятие главреда последовало в результате появления таких статей как «Об искренности в литературе» Владимира Померанцева (1953, №12) и «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (литературные заметки)» Федора Абрамова (1954, №4). Самой скандальной стала статья Михаила Лившица «Дневник Мариэтты Шагинян» (1954, №2):

Мариэтта Шагинян принадлежит к числу известных писателей. Большой литературный опыт даёт ей право учить других искусству писать. Начинающие публицисты часто обращаются к ней с просьбой рассказать, как надо работать над очерком. «Я отвечаю своими рабочими дневниками, которые веду уже много лет» Так открывается новая книга Мариэтты Шагинян – «Дневник писателя».

<...> Несмотря на своё гуманитарное образование, Шагинян всегда стремится быть в гуще практической жизни, там, где плавают сталь, добывают газ из сланца, выводят новые породы скота. В этом отношении она действительно может служить примером для начинающих писателей.

<...> Дневник Мариэтты Шагинян показывает, каким лихорадочным темпом работает писательница. Перед глазами мелькают профессора, доярки, проблемы, открытия... Тысячи нужных людей, живых специалистов, и с каждым Мариэтта Шагинян успевает поговорить на месте действия, а если не успевает, то зовёт к себе в гостиницу. Все эти люди, занятые общественно-полезным трудом, считают нужным уделить ей частицу своего времени. Между тем коэффициент полезного действия этих бесед часто невелик. Так, например, Мариэтта Шагинян несколько лет гонялась, по её словам, за президентом Эстонской Академии наук И.Г. Эйхфельдом. Наконец, после троекратной атаки, президент пойман в гостинице «Москва». Он должен читать рукопись Мариэтты Шагинян. Среди сделанных им замечаний, которые писательница считает для себя очень важными, под номером первым значится следующее: «Молоко сдают в больших количествах колхозы, а колхозницы – только от своих индивидуальных коров». Скажите, неужели для того, чтобы получить такие сведения, нужно тревожить президента Академии наук?

Тогда должен был идти Викин «В родном городе». Симонов жил где-то в Крыму на своей даче и пригласил Вику к себе, чтоб там все с ним обсудить. Произведений Симонова я не люблю, поэзии его правда не читала, а его пьесу «Русский вопрос» с интересом два раза видела в театре. Она шла у нас будто бы в стольких театрах, что он получал за постановку 10 000 [старых руб.] ежедневно. Но человек он по-видимому неплохой, денег у него уйма, но он слава богу не скупой. Я знаю факты, которые его очень хорошо характеризуют.

Ты знаешь, по-моему наши родственники, и Гельшеры и Классон Иван, скуповаты. Помнишь, какая скупая была М-те Христиани? У Классона остановился в Москве сын Маши [Володиной из Тамбова – Женя] со своей новой женой, и вот его письмо: «Ну, слава богу, сегодня выкатился со своей М-те». Два дня у него прожил. Он очень боится своей жены. Это уже вторая. Простая украинская крестьянка. По-видимому толковая, практичная, но жадна сверх меры. Когда он купил себе номер «Нового Мира», где были мои воспоминания, она так возмутилась, что он истратил 70 коп.! Спрятала этот номер, и сыновья подсматривали, что она с ним сделает, ведь могла продать! Это же, пойми, не прежние [(дореволюционные)] 70 коп.

Я как-то ему пишу, отчего он не заходит к Зине [(гостившей в то время в Москве вместе с Викой у Лунгиных)]. Отвечает, что это далеко, а у него мало денег. Я опять удивилась: «Ведь троллейбус стоит 4 коп.!» Он отвечает, что ездит не на троллейбусе, а на метро, а это 5 коп. [стоит]. Но главное, теперь он боялся, что жена вернется с дачи и вдруг увидит, что он принимает каких-то родственников! Приезжал Женя, Машин сын, делать операцию своей второй жене, она глуховата. Жене тридцать шесть лет и ей около этого.

Окончание примечания

В этом отношении Мариэтта Шагинян не может служить примером для молодых писателей, о нет! Первое правило всякого литератора – не приниматься за дело без предварительной подготовки. А Мариэтта Шагинян приезжает в район сланцевых шахт настолько неподготовленной, что ей приходится задавать самые наивные вопросы, например: что такое лава? Только в кабинете начальника «Главсланца», после возвращения в Москву, она собирает элементарные сведения о работе врубовой машины. При таком творческом методе даже гениальному писателю было бы трудно разобраться в своих впечатлениях. И действительно, молниеносное посещение шахты Кукрусе и комбината Кохтла-Ярве описано в «Дневнике писателя» очень сбивчиво. <...> Продолжая разбор технических примеров, мы рискуем утомить читателя. Итак, оставим сланцы, тем более что никто не может требовать от Мариэтты Шагинян знания техники. При всей своей образованности она имеет право не знать, что такое компрессор. Но как она не боится писать о том, чего не знает? А если необходимость заставляет её касаться технических вопросов, то почему бы ей не прибегнуть к доступным источникам для проверки своих представлений? Повторяем еще раз – нам нечем похвастать перед Мариэттой Шагинян. Мы так же не имеем отношения к технике и судим о недостатках её рассказа только на основании доступных источников. Однако доступные источники доступны каждому, и непонятно, почему такая простая мысль не пришла в голову самой писательнице.

Мариэтта Шагинян отличается от Жюль Верна тем, что этот автор, сидя дома, в своей библиотеке, описывал многие страны и притом довольно точно, а Мариэтта Шагинян ездит, не щадя себя, но... «кто ей поверит, тот ошибётся». Сделаем оговорку – речь идет только о «Дневнике писателя». Перу Мариэтты Шагинян принадлежит много различных книг, и нам не приходит в голову оспаривать её большие заслуги перед советской литературой. Читая очерки Мариэтты Шагинян в газетах, мы не задумывались над тем, как работает автор. Очерки хороши, а до остального нам дела нет. Это сама писательница пожелала выставить напоказ тайны своей творческой лаборатории. Мало того, её «Дневник» издан в качестве практической школы мастерства. Автор отвечает на запросы молодых писателей, учит их великому искусству публицистики. <...>

<...> Я из предисловия этой Блэшки [(Патриции Блэйк/Блейк)] переписываю страницы и посылаю Ивану Робертовичу. Это, собственно говоря, единственный мой корреспондент, который реагирует на мои письма. Кроме того, он знает все три языка: французский, английский и немецкий. Последний лучше всего, он ведь окончил там свое учение в каком-то немецком университете. Да, Зина возмущается, что он пишет о своем отце – РЭК. Может, ты тоже обижаешься, что я пишу – Н.А. [(Ульянов)]?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 июня 1965 г.

Милая Вера.

<...> Да, ты не можешь написать мне твое мнение о Викиной «Франции» [(в №4 «Нового Мира»)]? И пусть Н.А. свое напишет. Ведь Вика мне своих писем не показывает. Он уже получил массу писем от читателей. Ганя ему пересылает [в Ялту]. Но от меня все это почему-то скрывается. Мне не понравилось. По-моему из всех его воспоминаний о путешествиях это самое худшее. Больше всего мне нравится его первое путешествие – «Первое знакомство», а тебе?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23-24 июня 1965 г.

Милая Вера.

<...> Помню, что послала тебе три или четыре Зининых открытки, где она писала, что они уже взяли билеты на полет в Киев и будут здесь в начале июля, а Вика затем едет в Африку, в Алжир. <...> Вчера Исаак [Пятигорский] сказал, что полет [в Африку] вероятно не состоится, так как в Алжире переворот.

<...> Витте в своих воспоминаниях [(которые я тебе послала летом или в начале осени 1961 года)] рассказывал о Меринге, мамином крестном отце. Он был дружен с маминым отцом [Антоном фон Эрн], в Киев Меринг приехал бедным, и мамин отец дал ему несколько золотых [монет], которые и послужили основанием большого богатства Меринга в дальнейшем. Мама отвезла тебе рабочую коробку [(шкатулку)], которую Меринг маме подарил. Есть ли она у тебя? Он присылал маме на всякие праздники золотые, но бабушка [Валерия Францевна] их маме не давала, а прятала в отдельную коробку. Когда папа приехал к бабушке в Солоновщино (он же был ее племянником, и мама долго у них в Симбирске жила), он хотел жениться на маме, но бабушка своего согласия не давала. Сама она, бедная гувернантка, в тридцать с чем-то лет вышла замуж за генерала, богатого помещика, считала, что мама может выйти лучше замуж. Бабушка решительно папе отказала.

После этого бабушка уехала на какую-то ярмарку, а мама и папа решили бежать. Денег у них не было ни гроша, и они забрали все золотые [монеты] Меринга и уехали в Харьков. Золотые-то ведь мамыны были. В Харькове не было согласия родителей на их венчание и кроме того, как кузен и кузина, они жениться не могли. Но какой-то папин приятель нашел загородного попа, который согласился их повенчать. Когда надо было бросить шелк перед их ногами, такового не оказалось, а один из шаферов, подвязавший щеку носовым платком из-за флюса, снял его и бросил вместо шелка. Мама была в полотняном платье защитного цвета с прошивками. Потом нам из него сделали фартуки.

Ты помнишь все это? Мы очень гордились и показывали: «Это из маминого подвенечного платья». И вообще вся эта история с бегством, без согласия бабушки, мне представлялась какой-то романтикой.

<...> Сегодня [(24 июня)] была Ева [Пятигорская] в довольно благодушном настроении. <...> Сказала, что Зина и Вика вернутся 2 июля, что Вика никогда не собирался ехать в Алжир.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 июня 1965 г.

Милая Вера.

<...> Получила сегодня открытку от Зины, но на этот раз послала ее не тебе, а Галине Викторовне [Базий]. Я, кажется, писала тебе, что ее сын [Виктор Кондырев], инженер-геолог был ранен, одним словом, наехал на него электровоз в шахте и сломал ему тазовые кости. Ужасно страшно было, не станет ли он калекой на всю жизнь. До сих пор он был в каком-то подвешенном состоянии и не мог садиться. Одно время ходил с костылями. Но вот сегодня Зина пишет, что он приехал в Ялту и уже хорошо ходит и плавает. Ну и я поспешила Зинину открытку ей переслать. Он, ее сын, там в каком-то санатории.

<...> Думала сегодня послать тебе книгу воспоминаний о Лермонтове (это мне Ваня Классон подарил [на день рождения], но посвящение мне написал на отдельном листке, а то когда-то подписал [поздравление]: «Сумасшедшей Мотовиловой» – я вырвала). Но Классон единственный реагирует на мои письма и интересуется всем моим.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 июня 1965 г.

Милая Вера

<...> Ты знаешь, это брат того негодяя Мартынова (очень хвастался тем, что убил на дуэли Лермонтова, Мартынов ведь был раньше знаком с Дантесом и знал, что ему ничего не будет за это убийство) был шулером и обыграл дедушку Ивана Егоровича!*

<...> Н.А. пишет, что ты удивляешься, почему мы [в 1901 году] приехали в Петербург. Мы же русские люди, хотели жить в России. Считали, что должны в России окончить среднее образование, что даст нам возможность затем поступить на курсы. Зина осталась за границей, она уже была замужем и кончала там медицину в университете. Ты же готовилась у Мякотиной и поступила в гимназию.**

А я через Швецию вернулась в Петербург [из Лондона], и мама без меня уже устроила меня на Бестужевских Курсах.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 15 июля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Ты знаешь, мне так стыдно вспоминать. Мы в 1931 году поехали с Викой в Москву и Ленинград. Билеты у нас были даровые, мы служили на железной дороге.

<...> Я хотела об Еве [Засецкой] написать, а съехала на маму. Бедная Ева (мы с Викой у нее остановились, денег-то у нас не было) быстренько побежала дать починить свой будильник, и я ей сказала, что у нас денег нет. А тут Вика приставал, чтоб я всюду с ним ездила [по Ленинграду и окрестностям]. Ну, а мы же Вике обычно ни в чем не отказывали.

Не надо было мне никуда ездить, а дать Еве [денег] починить будильник. Правда, мы сами были без гроша. Вика занял [до этого в Киеве] 5 руб. у товарища, и мы доехали до Москвы. Тут заняли у Надежды Никол. Слепцовой. У нее было тоже тогда плохо [с деньгами]. Их ведь всех тогда выгнали из института Маркса-Ленина, перевели на маленькую пенсию.

* В поэта стрелял Николай Мартынов (1816-1876), а его брат Михаил (1814-1860) был однокурсником М.Ю. Лермонтова по Школе юнкеров, в 1834 г. выпущен корнетом в лейб-гвардии Кирасирский полк.

** По-видимому, речь идет о сестре Венедикта Александровича Мякотина, который своей яркой политической деятельностью почти заслонил ее. В то же время о ее хлопотах перед чекистом Менжинским, пока ее брат сидел на Лубянке, упомянуто в книге Виталия Шенталинского «Донос на Сократа» (magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/11/shental.html). Отсюда и становится известно имя сестры – Варвара Александровна. Так вот кто готовил к поступлению в гимназию Веру Мотовилову! А из ресурса (minorowsky.livejournal.com/413396.html) становится известно, что Варвара Александровна упокоилась на Литераторских мостках в 1924-м, в 55 лет.

Но все-таки по сравнению с тем, как она жила в Лозанне, она в Москве устроилась хорошо, в хорошей комнате с роялем, хорошей мебелью. Играла нам с Викой Бетховена.*

* Это Н.Н. Слепцова-Винярская (1864 – позже 1931 г.). В библиотеке РГБ имеется целый ряд дореволюционных изданий под псевдонимом В. Нарская: «Голландия и голландцы», «Швейцария и швейцарцы», «Швейцарские рассказы», «Страна утреннего покоя (Корея)», «Япония и японцы». Брошюры выходили в серии «Книжка за книжкой», издававшейся Марией Николаевной Слепцовой (урожденной Лавровой, 1861-1951), бывшей замужем за Александром Александровичем Слепцовым, 1836-1906). По-видимому, г-жа Слепцова сменила фамилию из-за выхода замуж за революционного деятеля Льва-Леона Эдуардовича Винярского (1864-?), который скрывшись в 1886 г. за границу, проживал попеременно в Париже и Женеве.

Мы отметим здесь лишь исторические параллели по поводу того, почему Швейцария не участвовала в войнах с соседями и неуклонно богатели, а Россия наоборот ввязалась в две мировые и одну гражданскую войны, получила на 70 лет большевистский режим и до сих пор не может оправиться от всего этого.

Итак, в книжечке «Швейцария и швейцарцы» («Книжка за книжкой», кн. 134-ая) В. Нарская доходчиво рассказывает детям о природе этой удивительной страны, традиционных занятиях населения – земледелии, огородничестве, виноделии, рубке леса (там, где это допустимо, из-за ограничений на вырубку горных склонов), скотоводстве, охоте, ремесленничестве, борьбе с наводнениями, селевыми потоками, камнепадами и снежными лавинами. Конечно же, не была обойдена и история страны: лишь в 1815 г. на Венском конгрессе Швейцарский союз был признан отдельным независимым государством, а заодно – и его нейтралитет. В то время в состав Союза входило 19 кантонов, позже к нему присоединились еще три: Женевский, Невшатель и Валис. В 1891 г. Союз праздновал 600-летие своего существования. Население Швейцарии весьма разнородно: на немецком языке говорит 71%, на французском – 22, на итальянском – 5, на [архаическом] романшском – 2%; христиане делятся на католиков (60%), лютеран, кальвинистов и исповедующих толкование [швейцарского реформатора Ульриха] Цвингли (остальные 40%); однако все кантоны живут между собой дружно. Заканчивается книжечка тезисами (напомним, сформулированными в начале XX века), которые могут считаться идеальными для любой страны:

Привыкнув с малых лет в школе к общению с товарищами, и взрослый швейцарец не любит жить, работать в одиночку. В нем развивается дух общения; поэтому здесь легко слагаются кружки, союзы, товарищество всякого рода и для дела, и для веселия. Вообще, если в Швейцарии, как и везде, жизнь людская не протекает без забот, без тяжкого труда, все-таки нигде в Европе население не пользуется таким благосостоянием, не живет так спокойно, как в Швейцарии. Без погони за мишурным величием, без славолубивых мечтаний, в мире с соседями, без больших потрясений, неуклонно, неустанно работает она, при дружных усилиях всех граждан, на общее благо, и, шаг за шагом, благоденствие ее растет, растет с каждым годом.

Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой «Между Германией и Англией»:

На рождественские каникулы 1898 года я тоже приезжала в Лозанну и прослушала у Надежды Николаевны Слепцовой курс марксизма. Мое детское увлечение Надеждой Николаевной продолжалось.

В брошюре «Формы правления (монархия и демократическая федеративная республика)», изданной в Петрограде в 1917 г., в той же серии «Книжка за книжкой», но с рубрикой «Вопросы современности», после Февральской революции, автор, уже с оригинальным именем Н. Винярская, приводит в пример хорошо ей знакомую страну:

Восставший народ сверг ненавистное царское правительство. Но это только первый шаг к лучшему будущему. Русскому народу надо еще самому положить основание новому укладу жизни. Для этого решено созвать Учредительное собрание. На нем прежде всего придется решить вопрос: быть ли России монархией или республикой? <...> В Швейцарии, например, президент выбирается всего на один год. Точнее, каждый член Федерального Совета может на один год сделаться председателем или президентом этого Совета и считается тогда и президентом всего Швейцарского Союза. Он никаких особых полномочий не имеет и ничего от себя сделать не может. Он только является представителем Государства во время всяких церемоний, переговоров, приема послов и т.п.

<...> В Швейцарии, например, мирно уживаются три различные национальности: немцы, французы и итальянцы, составляя вместе один народ – швейцарский. Несмотря на то, что все три национальности, составляющие население Швейцарии, полноправны, единству страны можно позавидовать. За примером ходить недалеко. В начале теперешней войны немцы делали большие усилия, чтобы лестными и выгодными предложениями склонить немецкую часть Швейцарии на свою сторону. Конечно, находились отдельные люди, которые им сочувствовали, но когда дело стало грозить опасностью для Швейцарского Союза, то все швейцарцы как один человек встали на его защиту.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 июля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Зина и Вика прилетели в Киев 16-го, вчера, 17-го, Вика завел ко мне Зину и через час зашел за ней.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 июля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Они приехали из Крыма 16-го, на следующий день Вика привел ко мне Зину. Прежде он ведь совсем ко мне не входил, доносил Зине вещи до входной двери [квартиры], быстро сбежал вниз и только тогда Зина звонила. Так невыносимо ему [было] видеть меня, хотя бы две минуты! Своего рода психоз.

<...> Теперь уже Вика стал входить в мою комнату, убирает ее и затем оставляет Зину у меня на час-полтора. Я [обычно] прошу его поскорее вернуться, а то Зине уже через двадцать минут делается скучно, она хочет уйти ждать его на улице, а мне велено ее не выпускать. Она может заблудиться.

На это раз я предложила Вике, когда он заходит ко мне, сейчас же со мной и Зиной выходить гулять, на какие-нибудь полчаса, и затем уже уходить с Зиной домой или к знакомым. Он согласился. Тогда я говорю: «Ну, так идем». – «Нет, я же должен зайти к Рабиновичу». Отвратительный его друг, но отчего-то пользуется у него особенным уважением. Я согласна с Ганей, что друзья-то у них больше «дрань».

<...> Вчера Зина зашла ко мне с сыном [Виктором] одной Викиной знакомой актрисы [(Галины Викторовны Базий)]. Я кажется тебе о ней писала. Она сейчас гастролирует во Львове, играет Антигону Софокла. Утомительно это, ужасно. Осенью [прошлого года] Зина приходила ко мне с ней. На ее сына наехал в шахте электровоз (он горный инженер). Ему поломало тазовые кости. Он лежал сперва в подвешенном положении, потом ходил на костылях. Провел месяц в Крыму. Его мать хочет, чтоб он поступил в аспирантуру. Был бы потом преподавателем в Вузе и работал научно, а не в шахте.

<...> Юноша этот оказался очень милым. Надолго ли он у Зины – не знаю. Кажется, он приезжал только подать прошение в аспирантуру и готовиться к экзамену, [скоро] уедет домой.

Зина говорит, что к ним должен приехать Соколов-Микитов, матрос-писатель. Матрос – старик. Вика написал о нем статью к его семидесятилетию. Зина тогда писала, что в Малеевке Вика уходит к нему «работать». Но я сразу поняла – не работать, а пьянствовать.

Викина статья к семидесятилетию Соколова-Микитова [была напечатана] в №5 «Нового Мира» за 1962 год. А что-то его [самого] напечатано в №4 «Нового Мира» после Викиной «Франции» [? – МК].*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 июля 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вики сейчас в Киеве нет, как он [(присланный вами каталог ковров)] ему понравится, не знаю.

<...> Я один день погуляла два с половиной часа, чувствовала себя очень хорошо, даже перебрала все свои вещи. Шубы оказались в полном порядке, перебрала и переложила их, там, оказалось, лежала целая коробка нафталина. Представь себе, уже две или три зимы не выхожу, а у меня три шубы. Одна еще мамина, переделанная из той, которую мама купила себе в Петербурге на Михайловской [улице] в 1902 году.

* В 1965 г. в №1 «Нового мира» был опубликован очерк И. Соколова-Микитова «Страничка прошлого», а в №9 – «Из таймырских записей». В №4 после «Месяца во Франции» шла подборка стихов...

Потом она была переделана и отделана котиковым мехом от шубы, привезенной из Швейцарии в 1923 году (сорок два года тому назад). Это была поношенная, но хорошая котиковая шубка. Ты не помнишь, кто ее маме подарил в Лозанне [на бедность]?

Ее надо было бы сразу же починить, но денег тогда не было. Зина ее сносила до корды*, а из остатков сделали воротник и обшлага на маминой шубе, купленной в 1902 году (шестьдесят три года тому назад). Какая-то малознакомая докторша встретила меня [в ней] и [потом] рассказывала знакомой: «Встретила Мотовилову в каком-то салопе». Это еще было до войны. Теперь, когда я ее надеваю, мне на улице говорят: «Бабушка, в церкву собрались?» В этой шубе[, однако,] мне на помин души не подадут.

Другую шубу заказали для Зины из какого-то сукна, купленного в «лимитке», когда у Вики появились деньги. Шили ее в мастерской для писателей, отделали хорошим каракулем. Муфту (стоившую 2 000 [руб.]) Зина сразу же потеряла на концерте. Пойти [потом] спросить, нашлась ли она, они даже и не подумали! А подкладку подшили из Викиной шубы, вынули мех.

Одно время Вика накупил себе столько шуб, что его товарищ меня спрашивал: «Человека, который собирает марки, называют филателистом, а как называется человек, который собирает шубы? Как ваш племянник?». Шубы эти все он раздарил своим друзьям. Вообще мания покупать была ведь и у бабушки Валерии Францевны, а мания дарить – у бабушки Луизы Францевны (отчасти и у дедушки Ивана Егоровича, он менялся лошадами и давал лучших в ущерб себе!)

Третью мою шубу (Зинину, конечно) мы купили в комиссионном магазине. Зина не хотела ничего выбирать и купила первую попавшуюся в комиссионке. В обычном магазине она стоила 800 руб., ну, а тут – 2 000. Спорить с Зиной нельзя. Она мгновенно ее купила. Но Зинины знакомые нашли, что матери такого известного писателя как Вика неудобно в такой шубе ходить, и все они ходили с ней вместе, купили ей шубу в 5 000 (бывших [рублей]), и она держится до сих пор.

А восьмисотрублевую, уже всю протертую, отдали мне. Я ей подшила другую, более легкую подкладку и носила много лет, абсолютно протертую. Тут уже мне не говорили: «Бабушка, в церкву собрались?». А просто, вероятно, жалели, что я в такой рваной шубе хожу, и давали то 15, то 20 коп. «на помин души». Я говорила, что я не верующая и «на помин души» не беру. Они пугались: «Почему не верующая?». Ну как объяснить? – «Никогда в бога не веровала, а почему – не знаю». Однажды, когда я шла по улице, подошел ко мне какой-то «советский гражданин», еврей: «А шуба ведь эта была когда-то хорошей». Я в ответ: «И стоила две тысячи». Он поглядел на меня как на сумасшедшую.

<...> Мы хоронили маму во время немецкой оккупации и расположения кладбища совсем не знали. Нам понравился вид с горы, над церковью и, кроме того, у дорожки. Но у дорожки-то все прохожие всё крадут, воруют цветы, два раза сломали памятник. У ландышей мы видим только листья, а цветов – никогда. Кроме того, так как могила на горе, то очень трудно носить туда воду снизу. У нашей женщины там около двадцати могил, представляешь, сколько ведер воды надо принести, чтоб их полить?!

Прежде я и сама цветы покупала и сама воды немного приносила, но теперь я вообще и до кухни дойти не могу. Женщина говорит, что у нас цветы не растут – мало солнца. Мы сами платили, чтоб у нас сажали деревья, но их почти все повырубали. Сперва срубили наш тополь, потом вишенку, которая так хорошо цвела, осталась одна береза у самого входа, но вся изогнутая. И плати, не плати – все равно.

* Качественная меховая шуба должна быть прошита – укреплена кордой, полупрозрачным шелковым полотном от талии до плеч. Корда не только утепляет изделие из меха, но и сохраняет красивую форму меховой шубы – Из Интернета

Мы платили и 100 руб. в месяц, и [после деноминации] 40, и 20 – все равно уход был ужасный. Ну, кто у нас со старухами считается?

<...> Один раз я увидела [на кладбище] такую забавную картину. Когда я служила, был у нас старик, заведующий кабинетом марксизма. Он как «старый большевик» пользовался большим почетом. Раза два я его слушала, но это был какой-то набор слов. Но зато всякие подачки и пайки он получал великолепные. Помню, когда после войны американцы нам, т.е. всей нашей стране, присылали свои старые тряпки (по дороге их, верно раз по двадцать меняли), зав кабинетом марксизма получил [старую] шубу в 15 000. Ну, конечно, ему все очень завидовали. И вот этого «бывшего большевика» я встретила в «день проводов» [(который бывает раз в году, после Пасхи)]. Он нес сумку с провизией, водкой, все как полагается – шел на кладбище! Значит, сядут у могилы, будут есть, пить, почему-то крошить скорлупу яиц на могилу.

<...> Ждала вчера столяра и все убрала. Но он не пришел. Развалилась моя этажерка и Викин стул (о которых он писал [в «Новом Мире»]).

<...> Александр Ефимович [Парнис] мне сказал, что сейчас на Крещатике идет Викин фильм (т.е. Вика там диктором), об Италии, в новом кино. Он разумно говорил, что я ничего не услышу, а там главное – текст. Но все-таки фильм в красках, Италия. Он обещал повести меня, все сам устроит. <...> В громадном зале было занято всего каких-нибудь двадцать мест. Перед этим уже все видели в телевизоре. Но телевизор у нас без красок. А у Вас?*

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 29 июля 1965 г.

Милая Вера. Ну, уже последний раз поздравляю тебя с твоим восьмидесятилетием. Оно будет завтра, 18/30 [31-го!] июля. Подумаешь только, я еще помню, как ты родилась в комнате рядом с папиным кабинетом, туда перенесли мамину кровать. А в соседней комнате тебя и всех нас купали. Ванн ведь тогда еще не было. Да и на Маурас у нас еще не было ванной, ни в Москве в доме Капканщиковых.

Жили в Симбирске мы на Лисиной ул., против дома больницы. Называлась «Красный Крест», и вокруг был сад. Помню, как любила тебя [наша младшая сестра] Ниночка, очаровательная была девочка. У меня сохранилось ее кисейное платьице на розовой подкладке и ее куколка. Но куколка уже раздетая. Когда я заболела дифтеритом, мама и папа сняли соседний дом и перевели туда всех детей, а сами ухаживали за мной. Когда я стала выздоравливать, меня подводили к окну смотреть, как Вы гуляете. Но на [рождественскую] елку Зина и Нина пришли в наш дом. Считали, что я уже выздоровела, а Ниночка заразилась и умерла. У меня есть и ее и папин портреты в гробу. Очаровательная была девочка, но мы с Зиной важничали и не всегда ее принимали в наши «игры в себя».

* В конце марта или начале апреля 1965 года мы с режиссером Центральной студии документальных фильмов Ильей Гутманом монтировали картину, вышедшую впоследствии на экраны под названием «38 минут в Италии». Материал картины в основном отснят был Гутманом в Италии, и мы, добавив кое-что из итальянской хроники, пытались слепить все в единое целое. Работа была нелегкая, во всяком случае для меня, человека неопытного, но самый процесс ее доставлял мне неизъяснимое удовольствие. В течение двух или трех недель я ежедневно по несколько часов вновь общался с Италией, а это не так уж неприятно. – Виктор Некрасов. В высшей степени странная история

В фильме «38 минут в Италии» за кадром звучал голос Виктора Платоновича.

** В разных местах воспоминаний и писем Софья Николаевна путает болезнь, от которой умерла Ниночка – то ли от скарлатины, то ли от дифтерита, то ли от кори. К сожалению, тогда детей не прививали от этих страшных, пусть и детских, болезней...

Ты знаешь, у меня сохранилась и мамина крестильная рубашка и мамины палочки, которыми она писала. Сохранился и мамин Институтский диплом, все двенадцать овальных портретов маминых институтских подруг и учителей. А затем у меня лежит в сундуке диплом нашего прадеда Флориани. Он на пергаменте и по-латыни, это его медицинский диплом из какого-то немецкого университета. Почему он там учился, а не в Италии?*

Мы с Ваней Классоном, Машей [Володиной], тети Анютиной дочерью старались немного восстановить нашу родословную.

<...> А для Вики прошлое как бы не существует. Когда перед уходом немцы выгнали нас из того дома, и мы перебрались сюда, мне удалось спасти часть моих дневников, а переписка и весь мой архив (а там была моя переписка с С.В. [Андроповым] за пятнадцать лет) погибли. А Зина перетащила всякие детские свои сувениры. Елочные бонбоньерки, пасхальные яйца – шелковые, каменные, куклу на качелях, то что связано с ее детством. А Вика, вернувшись с фронта (ужасно он груб теперь), не сказав ни мне, ни Зине ни слова, забрал все это и часть моих вещей и все подарил какой-то своей знакомой девчонке, для которой это ровно никакого интереса не представляло, ну она все выкинула.

<...> Погода чудесная. Я умоляла, буквально умоляла Вику выйти со мной сегодня хоть на полчаса. Ни за какие [коврижки не хотел]. Врал всю [на счет своей занятости]. Внизу его ждала приехавшая из Ленинграда его приятельница ([Тамара], паразитка тоже), подруга той мерзавки [Нины Аль], которая у них жила десять лет. Всех этих его дам Вика отлично устраивает. А все эти жаждущие его на себе женить?!**

* Как мы уже неоднократно уточняли, Франц Флориани в 1825 г. окончил медицинский факультет Виленского университета.

** Из статьи Валентины Бондаровской «Божественность повседневной жизни». Виктор Некрасов: после «окопов» (Зеркало недели», Киев, 15 июня 2007 г.)

(zn.ua/CULTURE/bozhestvennost_povsednevnoy_zhizni_viktor_nekrasov_kiev_posle_okopov.html):

В детские и юношеские годы волею судьбы и обстоятельств мне посчастливилось оказаться в «орбите Некрасова» – среди тех людей, которые находились с ним рядом. Это и Тамара Голованова (она работала в редакции «Правды Украины», в Киев приехала из блокадного Ленинграда). Это и Полина Бондаровская (близкий мне человек – родная тетя, талантливая журналистка, имевшая рекомендации едва ли не самого Постышева, «старая комсомолка», как ее шуточно называл сам Некрасов).

С сайта «Памяти Виктора Некрасова:

Голованова Тамара Павловна (1919-2004) – литературовед, журналист. Друг Виктора Некрасова.

Т.П. Голованова (слева) и А.А. Аль, Киев, университетский Ботанический сад, 1951

Больше всего повезло подруге этой Тамары [– [Нине Аль](#)]. Ее никуда не принимали на службу, Вика зачем-то привез ее из Ленинграда в Киев. Первые годы она жила у Тамары, готовила, стирала на нее. Когда Тамара кончила аспирантуру, переехала в Ленинград, а вещи их еще не были перевезены, Зина написала Вике, сможет ли временно эта Нина поселиться у них? Нина пришла к ним с узелком вещей, скромная. Даже чемодана не было. А сколько увозила [[через десять лет](#)]? Зина ей сразу же сказала, что у них все общее и эта Нина может брать все что хочет – и деньги, и все. С Викиной протекцией она попала как «научный работник» в [[украинскую](#)] Академию Архитектуры. Нагла эта особа была сверх меры, выдавала себя за Викину жену. Зина ее обожала – уродина, пьяница, противная. Почему-то Вика ее держал, но не хотел ее прописывать на постоянное [[место жительства](#)]. Она прописалась сама, без его согласия, так Ганя мне говорила, и Вика будто бы предложил ей сейчас же уехать. Нашли ей великолепную службу в Эрмитаже. Там же у нее прекрасная комната, живет ее мать, правда отец умер лет пять тому назад. Но Зина по-прежнему ее обожает и хотела бы, чтоб она опять переехала сюда! Она, эта особа жалуется, что «отдала Вике всю свою юность». Приехала она к ним, когда ей было тридцать с чем-то!

<...> Я очень рада, что Н.А. [[Ульянову](#)] удалось поехать на открытие туннеля под Мон Бланом, и вполне понимаю его моральное удовлетворение тем, что были признаны его труды.*

* 16 июля 1965 года при участии президентов Франции и Италии Шарля де Голля и Джузеппе Сарагата состоялось торжественное открытие туннеля под Монбланом – высочайшей вершиной Альп (4807 м), который связал два курортных центра: Курмайор в Италии и Шамони во Франции. Туннель строился восемь лет. Его длина составила 11,6 километра, а ширина – 8,6 метра. Он расположен на высоте 1 километра 274 метров с французской стороны и 1 километра 381 метра с итальянской. Высота скалы над туннелем (из-за прохождения под пиком Aiguille du Midi высотой 3842 м) доходит до более чем двух километров.

Н.А. Ульянову на время своего отъезда пришлось, по-видимому, нанимать прислугу-сиделку для жены.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 августа 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вообще я живу, как среди сумасшедших. Все мне врут. Почему? Зина, приехав [из Ялты], рассказала мне, что они будут сейчас в Киеве, так как к ним должен приехать Соколов-Микитов. Я и тебе написала и знакомым, которые интересуются Зининым пребыванием в Киеве, рассказала, что они ждут Соколова-Микитова.

Сегодня Зина говорит: «Да как же он приехать может, он же совсем ослеп». Вика выложил сегодня продукты, сказал: «Приду через полчаса» и сейчас же исчез. Зина сказала, что он не может же со мной гулять, его ждет внизу Тамара [Голованова] с дочерью, она приехала в Киев на один день. А она уже у них, кажется, две недели, но отчего-то все это от меня скрывается.

<...> Получила открытку от Галины Викторовны [Базий] из Львова.

<...> Поедет ли Вика в Африку – неизвестно. Он зависит от Украинского Союза писателей, где его ненавидят. В тот раз, когда он хотел ехать в Южную Америку, узнав об этом, вместо него поехал Дмитренко. Может, и Гончару [Африка] понравится.

<...> Я одно письмо, кажется, перепишу и pošлю тебе, если это тебе интересно. Уж очень забавно. Кто пишет – не знаю. Александр Ефимович [Парнис] думает, что это какой-то краевед. Пишет из Миргорода. <...> И так обидно: я не решилась ему ответить. С Миргородом у нас связано столько тяжелого: убийство Коли, арест Сережи. Начнутся всякие сплетни и разговоры.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 августа 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вчера у меня были Зина и Ева [Пятигорская], и Ева сообщила, что Вика улетел в Москву – будто бы, чтобы поправить с редакцией «Нового Мира» его новую вещь.

<...> Галина Викторовна [Базий] ужасно радовалась (она гастролирует со своим театром, сейчас переезжает из Львова в какой-то другой город), что 3-го августа ей удастся провести один день с Зиной и Викой. [Однако] Вика переговорил с ней по телефону и 2-го поздно вечером улетел в Москву!

<...> Как ты нашла письмо одного моего читателя из Миргорода, который сообщал, что вся Полтавская область мне кланяется за мои воспоминания?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 августа 1965 г.

Милая Вера. Сегодня я получила [от Вас энциклопедический словарь] Larousse – благодарю, и затем письмо Н.А. [Ульянова], где он описывает, как прошел день твоего рождения. Я очень рада, что наша поздравительная телеграмма пришла вовремя. Теперь ведь не знаешь, когда что дойдет. И очень рада, что ты наконец приписала несколько строк к письму Н.А.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10 августа 1965 г.

Милая Вера. Покуда наши желания с тобой совпадают. Ты пишешь, что любишь получать мои письма, а у меня, на старости лет, сумасшедшая графомания. Это естественно при моем полном одиночестве и желании человеческого общения. Почему у тебя этой потребности нет – не понимаю. О чем мы можем с тобой говорить? О прошлом и о прочитанных книгах, Читаю я [теперь] ужасно мало, а книг у меня легион. А вчера пришла книга (Лидин В.Г. Сердца своего тень) от Галины Викторовны, Викиной знакомой актрисы.

<...> Я уже тебе писала, как во время войны Вика привел к нам какую-то девчонку-воровку. Она у нас украла массу вещей. Мы тогда с Зиной подсчитали – больше чем на 10 000. И, главное, все наши любимые вещи, все наши медальоны, бабушкой вязанное одеяло и расшитое шелком, все мамины брошки.

<...> Да, знаешь, что мне пришло в голову. Что Ксютин поклонник, занявший [в Петербурге] комнату на Ивановской как раз против моих окон, был вовсе не вор (как я думала), а сыщик. У него был свой велосипед и мальчишка, обслуживавший его. В биографии Преображенского «Ногин» (которая мне абсолютно не нравится) написано, что за нашим домом по Ивановской был установлен надзор департамента полиции.* Естественным ведь было поселить против моей комнаты сыщика. Но оригинальная идея повесить наши шторы? Помнишь, красные с разводами, которые у нас [в Симбирске] были спущены во время нашей кори? Тогда считали, что свет при кори опасен. Ты не помнишь, это было на квартире Сахарова?

Я, кажется, тебе не писала, как в 1904 году хотели устроить побег С.В. [Андропова] из Дома предварительного заключения. Ужасно глупо и неконспиративно. Я об этом вспомнила, когда мне прислали из Киевского архива бумагу – переписку Прокурора Петербургской Судебной палаты с Прокурором Одесской Судебной палаты. Т.е. о побеге они ничего не узнали, а только обнаружили, что во время свиданий я что-то передаю. Ведь С.В. был дико неконспиративен.

И вот, получив мою записку о побеге, он на следующем свидании сердился и в присутствии [жандармского] офицера кричал: «Скажи мне, кто тебе эту бумажку передал? Да ты что, трусишь?» Присутствовавший на свидании офицер насторожился. Я смеялась: «Не будем об этом говорить». С.В. сердился еще больше: «Для меня это очень важно, пойми. Не могу же я отказать, если это предлагает Ц.К.» Нда, «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

<...> Вероятно и к нашей [прислуге] Ксюте ходили шпики и платили ей [за информацию о нас и наших посетителях], почему она так и держалась за наше место. Ведь помнишь, в то лето, когда ты жила у Липских, мама и M-lle Broye – в Сорочинцах, а я давала урок у Рудановских в Курской губ., у нас на квартире на Ивановской две недели жила мать Виктора Павловича [Ногина] Варвара Ивановна, и департамент полиции, конечно, об этом знал. Она ездила к сыну на свидания в крепость.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 11-12 августа 1965 г.

Милая Вера. <...> Сегодня [(12 августа вместе с Зиной)] появился мой знатный племянник. Положил Ганину провизию и стремительно умчался, боялся, верно, что я буду опять просить его погулять со мной. Зина сказала, что его ждала «машина» ехать в кино, смотреть какие-то фильмы. Оставил Зину на час, но на самом деле гораздо больше.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 августа 1965 г.

Милая Вера.

<...> Пойми, мне скоро минет восемьдесят пять лет (думаю, что я до тех пор уже умру), и я давно уже выжила из ума. Мне уже в 1950-м году пришлось бросить работу, так как при малейшем напряжении у меня делалось сжатие мозговых сосудов и меня приходилось привозить домой или в карете скорой помощи или в автомобиле директора и вносить на носилках в четвертый этаж.

* Ошибка памяти. Это все та же биография «Ногина», написанная В.В. Архангельским и вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» (тиражом 105 000 экз.) в 1964-м и 1966 годах. С.В. Андропова арестовали в августе 1901 г. в Казани; В.П. Ногина – в Петербурге в октябре того же года, в августе 1902-го обоих отправили в ссылку в Сибирь. Не в первый и не в последний раз...

Зина, даже глухая, продолжала работать до семидесяти восьми лет. А теперь она с легкостью ходит, летает [на самолетах], а я после моего падения 22-VI-64-го года даже по комнате ходить не могу [безбоязненно]. По-разному люди стареют.

<...> Сергею Васильевичу [Андропову] было семьдесят с чем-то лет, когда я в 1950 году его видела [в Москве], но он уже все забыл. <...> Уверял меня, что я никогда не жила с ним в Гейдельберге. А я тогда надеялась заставить его научно работать (он интересовался физикой), жила с ним в Гейдельберге целый месяц. У меня сохранилась целая толстая тетрадь (дневник) с описанием всех моих ссор с ним, производит отвратительное впечатление.

Лекции тогда еще не начались, и вот мы болтались зря и переливали из пустого в порожнее. С.В. тогда уже разлюбил меня и был прямо-таки отвратителен. Были мы настоящими «дачниками», по Горькому, т.е. болтавшей и ничего не делавшей интеллигенцией. Но Вересаев прав: интеллигенция не могла тогда работать, царский строй ее «выметал». Это не мое выражение, а Вересаева. Вот и ты всю жизнь была оторвана от творческой жизни.

<...> Вика и все его друзья ругают Кочетова. Зина говорит, что она его ненавидит, он плохо говорит о Вике (?). <...> Вообще книга [Кочетова «Секретарь обкома», которую послал Вам Александр Ефимович,] невероятной толщины, могла бы быть в три-четыре раза меньше, но тогда бы он и денег меньше получил, а говорят, он очень богат. Видишь, а мне интересно было. Я же понятия не имела, как живут наши начальства, «водители». О том, что существуют какие-то секретари паркома [(парткома)], райкома и т.д., я понятия не имела до 1940 года, кажется. Там, где я работала, их не было.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24 августа 1965 г.

Милая Вера. <...> Видишь, даже у нас [(внутри страны)] я не могу ответить читателю из Миргорода, чтоб как-нибудь Вике не навредить. Начнутся сплетни, разговоры. Ну, а он ведь на виду у всех. После смерти Коли все наше внимание было сосредоточено на Вике, как бы его вырастить. <...> А вырос Вика по-моему диким эгоистом. Мне, конечно, скажут: «Какой же он эгоист, когда он раздает все свои деньги разным людям, вечно для всех (чужих) все устраивает». Да, для чужих, а родных знать не хочет.

Я не могу ему простить, что когда маме было уже свыше восьмидесяти лет, он уехал от нее на край света, во Владивосток! Когда мама заболела, я думала, что он сейчас же вернется. Какое тут! Приехал он, правда, раньше срока, но потому что там поругался, а на следующий год опять уехал от мамы в Вятку. На следующий год тоже неизвестно почему уехал в Ростов на Дону. Бедная мама, обожавшая его, тосковала. Ну, а потом война.

Он только в конце войны сообразил написать тебе, что жив. Мы же были в оккупации, и когда ты прислала письмо, что он написал тебе, мама уже умерла. Значит, последние пять лет мама жила без него. Как жаль, что мама не дожидая до его славы. У него таки действительно слава. Его обожают не только у нас, а в самых разных странах света. Одна знакомая ездила в Африку и там видела газету с громадным Викиным портретом и всей его историей с Хр[уще]вым.

<...> Погода у нас дивная, я надеялась сегодня поехать на кладбище. Вика привел Зину и сразу же исчез. Зина говорит: «Вот он придет, и мы поедем на кладбище». Ты подумай, за двадцать два года после маминой смерти он ни разу со мной и Зиной на кладбище не был! Памятник поставлен был только через двенадцать лет, я настояла. Против памятника маме была Ева [Пятигорская]. Правда, приятно вести переговоры о маминой могиле с чужими людьми? Зато когда умер сын Сацихи, то его гроб сейчас же перевезли в Киев, и ограда и памятник (все на Викины деньги) были сейчас же поставлены.

<...> Пришлось опять написать письмо Исааку [Пятигорскому], чтоб он поехал со мной на кладбище. Я один раз была в этом году на мамино рождение, 8 мая. <...> Пришел Вика, оказалось, что его приятель должен к ним придти к обеду [(и на кладбище мы с ним и Зиной, конечно, не поехали)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 августа 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вчера получила письмо от Ив. Роб. Классона. Зина ни «Классон», ни «Ив. Роб.» не понимает, надо ей говорить «Ваня Классон». Пишет между прочим, что открыли филиал – «Новый Музей Маркса и Энгельса» и там [выставлен] портрет Элизабет Флинн 1958 года (она уже умерла, возглавляла компартию США [точнее, была членом Национального комитета – МК]) «кисти Бурлюка, художника и друга Маяковского». Ив. Роб. надо мной издевается, когда пишет – «упустили добавить: и известной, маститой писательницы Мотовиловой»!

Сам он трус. Сколько ни предлагала переслать ему письма Бурлюка, репродукции его картин, репродукцию, например, электрической станции (это уже совсем по части Ив. Роб-ча), не захотел [получать их]. Ты знаешь, обычно все вырезки и часть книг, которые ты мне присылаешь, я пересылаю Ив. Роб-чу, а он их показывает своей сестре Кате Классон и возвращает мне. Она художница, была кажется кубистской.

<...> Оказывается, и прошлогоднюю мою американку Бурлюк мне прислал. Это преподавательница какого-то колледжа в Лос-Анджелесе. Читает русскую литературу там. Большая поклонница Вики.

<...> А вот ее отзыв о Вике <...>: «Прочла в №5 «Нового Мира» повесть Тендрякова [(заметь замечательная повесть, но о ней ни звука)], а в №4, конечно, В. Некрасова. Я его люблю. У него кроме таланта еще и зоркий глаз, и острый ум, и большая, знакомая мне средиземноморская культура, а что высказаться [откровенно] не может до конца, у него меньше заметно, чем у многих других, он шире, просторнее, универсальнее“.*

<...> Зато [на этой неделе, 22-28 августа] как-то явились Зина с Викой. Вика предлагает: «Идем гулять». Я хотела пойти на почту, опустить тебе «Огонек» №34. Нет, на почту он не согласен идти, переходить улицу не желает. Тут началась суматоха и крики.

Я послала Вику принести мне картошки. Нелепо же нести с другого конца города, когда у меня рядом продается. У нас еще несчастные эти [обеденные] перерывы, всюду – по-разному. Я думала, в овощном магазине, как в молочном, перерыв с двух до трех, оказалось – с трех до четырех. Вернулся ни с чем.

Тут началась дикая суматоха, мы же обе глухие. Зина не хочет, чтоб я выпускала, орет: «Вика ее выкинул». А общеквартирная кошка сидит [спокойно] под моей кроватью. Тут Зина потеряла свой веер. Веер – это тоже психоз. Ей нужно все время опаживаться [якобы из-за духоты в моей комнате]. Крик стоит сумасшедший. Вика мечется по всей комнате, веера не нашли. Вышли[, наконец, на улицу]. Идет злющий Вика, две старушонки на нем виснут с двух сторон. Я хотела Зине что-то сказать, он зло [бросил]: «Ну, если Вы будете разговаривать и останавливаться, конца не будет». Идем дальше [почти] молча. Я ставлю вопросы. Едва отвечает. Думаешь, приятно?

* Галина Дмитриевна Кулаева, переводчица, эмигрировавшая из СССР, побывала в Киеве в августе 1964 г., тогда Софья Николаевна почему-то восприняла ее как профессора Колумбийского университета (который находится в Нью-Йорке, а не в Лос-Анджелесе).

В №4 «Нового мира» за 1965 г. были опубликованы, как ранее отмечалось, путевые очерки В. Некрасова «Месяц во Франции», а в №5 – повесть В. Тендрякова «Подёнка – век короткий».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 сентября 1965 г.

Милая Вера.

<...> С.В. [Андропов] уехал из Советской России летом 1918 года в Ростов-на-Дону, где были белые. Когда я ему писала: «Ну как же Вы могли в такой [трудный для советской власти] момент уехать в Ростов-на-Дону (где был тогда [белый генерал] Краснов)», он ответил: «Меня потянуло тогда на родину».

<...> Сегодня были у меня Зина и Вика. Вика, как всегда, [заскочил] на одну минуту. А ко мне зашел недавно внук того старика, о котором я тебе несколько раз писала. Я этого внука очень люблю. Мы с Зиной его еще знали, когда ему было четыре года, тогда это был очаровательный ребенок с золотыми локонами и темными глазами – сидел и рисовал. В этом году он окончил архитектурный институт, и его направляют в Симбирск-Ульяновск*.

<...> Ну, конечно, он жаждал с Викой познакомиться. Но, как ты знаешь, все ко мне относящееся для Вики отвратительно. Вика хватается за голову: «Ни в коем случае никого не присылай, у нас столько гостей, я хочу после обеда отдыхать». – «Хорошо, – говорю я, – передам, что ты его принять не можешь». – “Не передавай этого, зачем огорчать молодого человека. И что это за слова – «принять не могу»? Я не принимаю”.

Юноше этому Вика интересен и как писатель и как архитектор. Я как-то, давно, дала его деду одну Викину книгу. Рассчитывала, что и он (внук) прочтет. Он сказал тогда: «Прочел то, что там об архитектуре, а остального не читал». – «Почему?» – «Дедушка говорит, что он (Вика) хам». Я это Вике сегодня передала. Вика ведь делает вид, что он людей не замечает. Со мной никогда ни полслова [не говорит].

Я тебе, кажется, писала, одна наша знакомая старушка очень восхищалась Викой. Она работала библиотекарей у слепых и как-то пригласила Вика рассказать что-то им (Викины вещи изданы и для слепых). Была очень довольна, потом говорила мне: «Ваш племянник – замечательный, говорил около часа и ни разу Сталина не упомянул (это было в сталинские времена)». Это было тогда редким явлением. Забавно? Как-то она пришла к Зине. Вика вышел, поздоровался, пошел в комнату и во всю глотку говорит [Зине]: «Ох уж, пришла эта нудная дама!» Это она сама мне рассказывала. Ужасно груб, не воспитан.

Вика сегодня попросил: «Не говори ему, что я сказал, чтоб он не приходил. Я тебя прошу». Я отвечаю: «Все равно скажу, так же, как я тебе сказала, что он не хотел тебя читать, потому что дедушка заявил, что он хам». Через час Вика зашел за Зиной с каким-то типом.

<...> На этот раз он самым любезным образом говорил с Игорем, пригласил их проводить, пригласил к себе. <...> Часов в восемь [вечера] Игорь зашел ко мне, очарованный Викой, сообщил, что он даже не ожидал, что ему будет так интересно.

<...> Да, вернувшись за Зиной, Вика спрашивает: «Мама тебе рассказала, что у нас вчера был швейцарец, присланный Полем Тилло, его пациент?» Какой-то вагоновожатый троллейбуса или еще чего-то.

Вика ходил с ним по Киеву, все ему показывал. Он от нашего СССР в восторге. Я спрашиваю: «У тебя была практика французского языка?» Вика отвечает: «[Употреблял] глаголы больше в неопределенном наклонении». Ну разве это не позор, что он разучился говорить по-французски? Его друзья, и Тотошка, и Бобос тоже разучились [еще до войны]. Еще до Вуза Вика ходил к Картье на французские курсы, там его называли: «Le jeune homme de Вокзалстрой».

* Разумеется, это архитектурный факультет Киевского инженерно-строительного института или же – Киевского художественного института.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 августа 1965 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас мне прислали из Усть-Сысольска выписки из архива о С.В. [Андропове]. Вот это более или менее точно. Я, например, забываю даты, а тут все ясно. Ты же знаешь, что С.В. был выслан в Усть-Сысольск в 1907 году, осенью. Шел последний пароход оттуда, он сел на него и вернулся в Питер, где его всякий сыщик знал. Он говорил тогда, что без меня жить не может.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 сентября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вчера у меня была Зина с Галиной Викторовной, моей «благодетельницей», «доброй феей». Она приехала [в Киев] на один день и уезжает лечиться, я уже не помню, какая у нее болезнь. Кажется, радикулит. Она – актриса, но ей уже сорок лет, а в одной из ролей ей приходится танцевать. Это она мне покупает все книги, которые я прошу (и не прошу), и иногда рассказывает кое-что о Зине и Вике. За это я ей особенно благодарна. У Вики выходит много книг, но ни одной он мне не дает.

Когда я выходила [на улицу], я сама покупала по два экземпляра, их мне доставала моя знакомая, работавшая в книжном магазине. Когда вышел Викин однотомник [военных рассказов], Вика купил себе 100 экземпляров для подарков. Велел оставить 50 в Москве, а 50 прислать в Киев. По ошибке все сто прислали в Киев. А перед этим ему прислали пробный экземпляр, и Ганя дала его мне. Жившая у них эта дрянь, которую я называю «приживалкой», Нина [Аль] (а Ганя ее называет «приймачкой», хоть такого слова нет, есть «приймак» – муж, живущий в доме жены, кажется) подняла скандал, как смела Ганя дать мне один экземпляр.

В другой раз было такое: Ганя пересылала все письма Зине в Москву, а письма из Швейцарии приносила мне, чтоб я их раньше прочитывала, а затем посылала Зине. Разумно, по-моему? И вдруг эта дрянь написала Зине письмо, что Ганя осмелилась отнести мне письмо «Павлика». Какой он для нее «Павлик», это же Paul Thillot! И Зина прислала мне негодующее письмо – как я смела прочесть раньше ее и ее приживалки письмо Paul Thillot.

Как-то в Зинино отсутствие сын Маши (дочери тети Анюты), учившийся в военном училище (по-старому, это юнкер), их летний лагерь стоял под Киевом, на одно воскресенье приехал к ним с товарищем. Ганя, зная, что это наш племянник, конечно, приняла его. На следующий день привела его с товарищем ко мне, приготовила у себя для них обед. Моментально летит к Зине жалоба приживалки: «Ганя в Зинино отсутствие принимает каких-то красноармейцев». Зина негодует, какое нахальство, что Женя, внук тети Анюты, переночевал у них! При маме к нам приезжали дети тети Анюты, и мы всегда их принимали. Мы же не Эрны, из-за которых погиб Коля.

<...> Нина [Аль] изображала из себя Викину жену. Когда у них были гости, то на одном конце стола ее спрашивали: «Нина, вы не едете с Виктором Платоновичем в Италию?» Она в ответ: «Я бы могла, да мне не хочется». А на другом конце стола Зина на тот же вопрос отвечает: «Как же она может ехать? Она же не Викина жена».

Вика устроил возвращение ее родителей из ссылки, комнату в Ленинграде достал. Устроил ее на работу здесь в Академии Архитектуры. Она окончила Монгольский факультет! Мало туда желающих поступить, ну ее туда и приняли. Зина усиленно звала ее родителей [(тогда ее отец еще был жив)] к себе. Ева [Пятигорская] спрашивала: «А где же Вы сами будете спать, на полу?». Зина же ничего не понимает.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 14 сентября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Как-то Зина мне рассказала, что они [с Викой] познакомились с Всеволодом Ивановым (он уже умер) и его женой. Это один из protégés Горького, я его не люблю. В первые годы революции он жил в квартире какого-то буржуя, которая уже не отапливалась, и Иванов сжигал [в печке] «Британскую Энциклопедию».* Вообще некультурный какой-то. Противен он мне и тем, что когда Коненков приехал к нам (теперь он у нас в большом почете), Вика написал статью об одной выставке и хвалил одну скульптуру Коненкова. А у нас еще очевидно не знали, как начальство прикажет – хвалить или осуждать. И Всеволод Иванов написал: «Русский писатель Некрасов хвалит формалистическую скульптуру Коненкова». Хотел подлизаться [к начальству] и сел в галошу.

У нас [в киевских квартирах] тоже был холод, но мы ни одной книги не сожгли. При немцах мы продавали отдельные гравюры, это шло ходко. Но, конечно, ни одной гравюры из сочинений Rousseau и Вольтера мы не вырезали и не продавали. Правда, они, эти книги все равно сгорели.

<...> Вчера Зина с Евой [Пятигорской] зашли ко мне. Вернее, Ева привела Зину под своим конвоем. Сегодня они все должны были лететь в Коктебель, у меня были несколько минут. Вика не заходил. О нем, конечно, ни слова. Не знаю, как ему удалось избавиться от всех своих дам, обрушившихся на него*.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 сентября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вкладываю тебе первую Зинину открытку из Коктебеля. Вчера была у меня Ганя. Ну, конечно, бесконечные жалобы на свою несчастную судьбу. Я ей предложила: «Говорите Вике, а что я могу сделать?» Она в отчаянии, что к ним опять приехала их приживалка [Нина Аль?]. Боится, что та у них останется навсегда! Это в первый раз, что Вика согласился взять ее с собой в дом творчества.

<...> Ганя говорит, что Зина в упоении – наконец, к ним приехала ее «чаечка» (от слова «чайка»). Отвратительная дрянь и паразитка, а Зина ее почему-то обожает. Ганя говорит, что эта особа теперь тиха и любезна. Старается и Гане угодить, сама перемыкает чайную посуду.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 октября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вообще, уже задолго до революции 1917 года царская власть разрушалась. Помню такое: [осенью 1914 года] я жила на Васильевском острове, а [моя знакомая] Свешникова – на Разъезжей.** Мы пошли в Александринку. Это было близко от Свешниковой, и я ночевала у нее [после] театра. Ночью у нее был обыск. Меня арестовали и повели в ближайший полицейский участок. А Свешниковой полицейские сказали: «Мы барышню тут поддержим, а вы поезжайте и уберите у нее на квартире, что там есть лишнего». По правде сказать, «лишнего»-то у меня ничего и не было. Но Свешникова увезла все письма.

* Всеволод Вячеславович Иванов (1895-1963) в 1917-21 гг. работал в Омске и жил в гостинице, в 1921 г. переехал в Петроград, где опубликовал свои первые повести «Партизаны» и «Бронепоезд 14-69».

** По-видимому, от актрисы Галины Викторовны Базий (но она была в Киеве лишь день, проездом) и от бывшей приживалки Нины Аль, жившей уже в Ленинграде, но приезжавшей погостить к Некрасовым.

*** Согласно адресно-справочной книги «Весь Петербург на 1901 г.» по адресу Разъезжая ул., 18 проживал Константин Николаевич Свешников (отец Елизаветы?). Кстати, рядом, на Разъезжей ул., 15 проживала дочь умершего в 1903-м тайного советника Михаила Фаддеевича Щетковского Лидия Михайловна, у которой С.Н. Мотовилова снимала комнату до лета 1914 г.

Часа через два приехала я с полицейскими. Они стали делать тщательный обыск. Моя хозяйка (очень глупая баба [супруга С.С. Кондурушкина?]) сообщила: «Тут какая-то приезжала и что-то забрала». Но полицейские продолжали обыск и не слушали ее.

Когда в Сибирь пришел приговор Виктору Павловичу [Ногину] и Сергею Васильевичу [Андропову], то полиция их заранее предупредила, и они сейчас же бежали в Женеву. Ну, теперь не так-то просто от нас убежишь.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7 октября 1965 г.

Милая Вера. Дала «Огонек» опустить Галине Викторовне.

<...> Сегодня заходила Галина Викторовна. Вика написал Гане, что они приезжают 11-Х, чтоб готовила обед на 4 часа. Очевидно, Исааки [Пятигорские] с ними. Бедная Галина Викторовна сломала себе ребро.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 12 октября 1965 г.

Милая Вера. Посылаю тебе две Зининых открытки, они уже сегодня прилетели в Киев. Вечером ко мне опять зашла Галина Викторовна. Мне ужасно ее жалко. Ей хотелось эти две недели отдохнуть в Крыму, пожить с Викой. Но там, в Крыму случилось что-то с водой, с пресной водой очень плохо, ее берут из каких-то цистерн.

На даче [в Алуште], где мы обыкновенно останавливались (теперь она снесена, это была дача академика Корчак-Чепуровского, как раз над домом Сергеева-Ценского) в нашу цистерну бросилидохлую кошку. Пить этой воды мы не решались, а только умывались ею. А за питьевой водой приходилось из бывшего «профессорского уголка» (который после революции называли «рабочим») спускаться вниз в Алушту. У Ценского было две цистерны, и он ни разу не предложил брать у него! Заметь, я целую зиму высылала Ценскому (тогда он очень нуждался: доил коров и продавал молоко) книги. <...> Он писал тогда о Гоголе.

Приехав в Киев, я сейчас же написала Луначарскому о нем. И Ценского стали, наконец, печатать. <...> Вике было тогда четырнадцать лет. Он нарисовал тогда ряд очень забавных карикатур на Ценского. Я их много раз всем показывала, но они потерялись. Из них остались только две. Одна, где Ценский изображен в виде *Mimosa pudica* [(«Мимоза стыдливая»)]. Ценский был тогда ужасно антисоветски настроен.

И.С. Соколов-Микитов, В. П. Некрасов, Малеевка, 1959-1960 гг.

<...> Если я напишу мои, вполне правдивые воспоминания, скажут, что я «злая клеветница». А так как все его письма у меня сгорели, где доказательство, что это было так? Он писал мне, например, что в приемной ветеринара валяются выброшенные из библиотеки «Русское Богатство» и «Русская Мысль», и прибавлял – «Символ». Я ему отвечала: «Виноват русский писатель, который там живет и видя это, ничего не делает, чтоб журналы вернулись в библиотеку». Когда я была в Алуште следующий год, какая-то дама, очевидно жена Ценского, спрашивала в библиотеке при мне, взяты ли у ветеринара эти журналы. Тогда, в те годы что-то невероятное в библиотеках делалось.

<...> Я ведь начала тебе писать, хотела рассказать, как мама с Викой остались одни в двухэтажной даче. Она называлась «Сказка». Смеялись, говорили, что все живут там без денег, как в Сказке. Вика заболел. Мама провозилась с ним весь день и вечером спустилась в Алушту за водой. Это было в 1927 году. Маме уже было семьдесят лет.

Поднимается мама в гору в темноте с водой и слышит, Вика выбежал и кричит: «Бабушка! Бабушка!» Он проснулся один на даче, и бедная мама спешит в темноте подняться по крутому подъему. Сколько мама для него делала, а он теперь, когда я больна, не может последить, чтоб была в порядке мамина могила!

Приехала Галина Викторовна [Базий]. Могла бы у них провести один день. Не мог с ней Вика посидеть? Сперва обедали, потом лег спать, потом полез в ванну. Хорош? Она сидела у меня весь вечер!

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 24-26 октября 1965 г.

Милая Вера.

Сегодня [24 октября] день Зининых именин. Хотелось бы знать, что у них там происходит? Дома ли Вика или куда-нибудь улетел? Кто у них был? Прежде Ганя давала мне список их гостей, а теперь говорит – это ей слишком трудно. Представь себе, пришлось письмо прервать, пришла Зина с Исааком. Принесли мне пироги, ватрушки и коробку конфет. Я только что получила письмо Н.А. [Ульянова] (дала читать Зине) с вырезкой о рабстве.

Затем пришел Вика. Вырезку о рабстве я уже послала Класону, но он пришлет обратно. Спрашиваю Вика: «Ты о рабстве хочешь читать?». [Бравшая ранее у меня уроки французского] Жозефина, которая тут же пришла, мне сказала, что Вика будто бы ответил: «Зачем мне о рабстве читать, я сам в нем нахожусь». Думаю, что это относилось к тому, что его заставили сидеть в Киеве, праздновать Зинины именины и продолжать приходить ко мне.

Исаак (бром) сказал, что готовят всё вместе Ева и Ганя, но все уже готово и вечером они ждут человек сорок гостей. Интересно, как там Ганя и Ева ладят? Увы, тесто сладкое. Ты знаешь, это на Украине в пироге с мясом, например, делают, сладкое тесто. Мы с Зиной это терпеть не можем, но это же угощение не для нас, а для гостей. Зинины «старушки» – Маня Липская и другие появляются еще днем, а Зина ушла [из дома ко мне]. Потом она вдруг выдумала, что пойдет сегодня к парикмахеру. Исаак ей разумно сказал, что сегодня [(24 октября)] воскресенье и там будет много народа.

<...> Вчера [25 октября] у меня были Зина и Ева. Вика, как я и думала, улетел уже в Москву. Принесли мне Ганин список гостей. Было их всего тридцать один. Часть же стариков за эти два года вымерла, часть не пришла. За Маней Липской (ей девяносто один год) специально ездил Вика в такси и привез ее с ее племянницей, дочерью Лиды Липской. Она тоже совсем старуха, седая. Они были у Зины к обеду, а перед вечером Вика их отвез домой, а большая часть сидела до 3-х часов ночи.

<...> Ты знаешь, мы с Зиной не можем разговаривать. Ни она, ни я не слышим [друг друга]. Надо, чтоб кто-то сидел между нами и более молодым и звучным голосом передавал нам, что мы говорим. Очень хороша в этом отношении Галина Викторовна. Я, кажется, тебе писала: однажды она мне прислала какую-то книгу на русском языке с надписью – «от переводчицы». Я удивилась: какая же переводчица? Книга-то ведь на русском. А потом сообразила: это она себя так называла.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 31 октября 1965 г.

Милая Вера.

<...> А ты знаешь, я уже наверно тебе писала, как поэтесса Берггольц для своего фильма описывает блины у тети Сони на Охте? Тогда, когда Крупская впервые увидела Ленина. Будто бы Крупская раскладывала блины по тарелочкам, а Классон стоял рядом и будто бы говорил: «Солидно!». Ваня и Катя Классоны написали Берггольц письмо. Во-первых, что это не стиль Классона говорить: «Солидно». Купец какой-нибудь мог тогда так говорить, и вообще это совсем иначе описывает Крупская в своих воспоминаниях. Она сидела в соседней комнате с Коробкой и т.п. Берггольц им не ответила. Не знаю, пошел ли ее фильм. Столько лжи в этих «воспоминаниях»! Ну зачем фантазировать, рассказывать то, чего не было, да и быть не могло!

Я «прорабатываю» биографию Ногина [(написанную Владимиром Архангельским)]. Ну для чего врать про меня всякую чепуху, что я спорила с В.П. о Черткове: никогда с ним не спорила. Что училась медицине (?) на курсах Герье? Да никогда медицинского факультета там не было. Ну я это, кажется, тебе все уже писала.

<...> В субботу [30 октября] были у меня Зина и Исаак [Пятигорский]. Я обоих их не слышу, такие у них глухие голоса. Я спросила, видел ли Вика Страду в Москве.

Исаак поспешил сказать, что Вика со своей редакторшей готовит свою «Камчатку» для «Н.М» №12 и не только никого не видел, но и его никто не видел. Отсюда я опять начинаю думать, может быть, он вовсе и не в Москве? Уж такая «L'ère du Sourçonès du mensonge» [(«Эра подозрений в измышлениях»)]. Mensonge – это я прибавляю. Ты же знаешь, когда Вика куда летит, от меня это тщательно скрывается и говорится мне только тогда, когда его самолет улетел. Очевидно, я злая фея и могу сглазить?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10 ноября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Вика приехал 5-го, они зашли ко мне (принесли провизию) 7-го. Были у меня минуты три. Зина взяла забытый [панье] носовой платок, Вика безмолвно положил провизию на бывшую Зинину кровать, и они вышли. С ними был Ванька [Фищенко]. Ты знаешь, это тот, которого, так сказать, Вика вывел в люди. Он, было, завербовался куда-то ехать, Вика поднял бучу. Ездил к какому-то министру [в Москву], чтоб Ваньку вернуть, там, кажется, весь Союз Писателей (в Москве) перевернул.

<...> Вика тогда сейчас же выслал 10 000 Ваньке на возвратный путь (!). Затем он жил у Вики три года, т.е. затем перешел ночевать в общежитие, а у Вики только питался. Приняли его сразу на второй курс. Он окончил геологический техникум, но место занимает, кажется, настоящего геолога, и под его началом настоящие геологи, окончившие Горный Институт. Он дикий пьяница, и отец и мать его – тоже пьяницами были. Очевидно, это наследственное.

Сегодня [(10 ноября)] Зину привел Вика, но не входил. Мы с Зиной могли кое о чем поговорить. Оказывается, этот Ванька живет у них уже две недели. Но очевидно они это скрывали от меня, так как в список бывших на Зининых именинах гостей он не попал.

Спрашиваю Зину: «И долго он у Вас будет жить?» – «Не знаю, отпуск у него два месяца». Хорошие отпуска у наших геологов? Зинины и Викины приходы мне вообще мучительны: ни малейшего желания мне рассказать, что-нибудь о себе, ни малейшего интереса ко всему моему. Одно только желание уйти от меня.

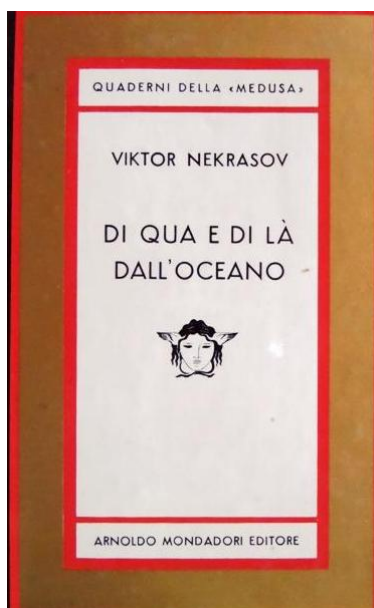
С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18 ноября 1965 г.

Милая Вера. <...> Как-то Вика оставил Зину одну [[у меня](#)]. Мы хорошо с ней повспоминали (в связи с письмом тети Анютиной внучки [[\(Лены Игнатович\)](#)]). Во время немецкой оккупации она жила у нас. Тяжелое это было время, страшное, голодное. А тут застряла у нас эта девочка. Ее мать (тети Анютина дочь, самая младшая) умерла, когда ей было два года, а отец был арестован в 1937 году. Ни за что, конечно, так многие были тогда арестованы, сейчас он реабилитирован. Жила эта внучка в Лубнах у сестер отца. Они написали нам, что не могут ее больше терпеть.

Тогда я обратилась к ее дяде Мише, чтоб он взял к себе на воспитание эту девочку. Он сейчас же согласился, выслал денег на дорогу. Но просил, чтоб она ехала через Киев. Он был учителем в деревне [[\(в Калининской области\)](#)], женат, детей у него не было, была своя корова, свой огород, хозяйство. Он даже приглашал нас приехать погостить у него летом. Но мама была уже больна.

Тетка со стороны отца задержала эту девочку в Лубнах и когда она ее к нам прислала, я не решилась ее сразу отправить к Мише, боясь, что он на [[школьные](#)] каникулы мог куда-нибудь уехать. Написала ему, а тут началась война, и она на десять месяцев застряла у нас. Потом, в 1942 году немцы забрали ее в Германию, и она прожила там до окончания войны в 1945 году. Миша и Надя – тети Анютины дети пропали без вести (Миша мог быть убит на войне). То ли бомба их убила, то ли умерли [[от голода](#)]. Надя была [[в эвакуации](#)] в Казахстане, кажется, бомбежек там не было.

<...> Пришли втроем (Зина, Вика, Исаак) в воскресенье [[14 ноября](#)]. Разделись. Вика дал мне перевод на итальянский язык его «По обе стороны океана» – «Di qua e di là dall'Oceano», очень изящно изданный. Немецкий перевод у меня уже давно есть. Вика сказал: «Я только что получил и сейчас же принес тебе». Очевидно, я должна была умилиться: «Ах, какой ты милый, хороший, что принес мне». Но я промолчала. Он эту фразу повторил еще два раза. Очевидно, посчитал, что я плохо слышу. Взял свою книгу, сел на мою кровать от меня подальше (в другом конце комнаты) и все время свою книгу рассматривал. Молчание...

Итальянское издание «По обе стороны океана»

<...> Я спрашиваю: «Ванька долго будет жить у Вас?» И Исаак, и Зина оживились: «Улетает сегодня вечером». – «Куда?» – «К сестре». Вика встал: «Ну, надо идти к Бэллочке». Это их знакомая, недавно сломала себе ногу [[в Интернете знакомая В. Некрасова Бэлла не просматривается, как и на сайте «Памяти В. Некрасова» – МК](#)].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 20 ноября 1965 г.

Милая Вера.

<...> [[Вчера](#)] Вика появился один, положил провизию и сейчас же исчез. Я не успела слова сказать. В воскресенье [[14 ноября](#)] я говорила, что у меня всю неделю не было хлеба. Думала, они принесут, а Зина поняла, чтоб больше хлеба не приносить. Все Зина понимает наоборот. Ну ничего, уладилось: убиравшая за мой счет кухню уборщица (плачу 2 р., хотя в кухне не бываю) принесла ведро воды, соседка продала полбатона своего хлеба. Сегодня без четверти два привозит Зину Вика и убегает. Зина говорит, что он поехал со своим другом-архитектором смотреть памятник на Бабьем Яре (проекты?), где были из пушек [[из винтовок](#)] расстреляны сколько-то тысяч человек немцами.*

Ужасная была история. Я не помню, писала ли тебе, что я ходила тогда каждый день к матери нашей знакомой еврейки. Немцы ведь убивали тех, кто помогал евреям. И если бы это обнаружилось, расстреляли бы всех нас: маму, Зину, тети Анютину внучку [[Лену](#)] и меня. Старуха эта была больна. Ее муж и дочь пошли на Бабий Яр. Никто же не думал, что их там расстреляют, думали – это регистрация. Дочка, наша хорошая знакомая, просила меня заходить к ее матери каждый день и приносить ей еду. Дочка хотела эвакуироваться [[из Киева на восток](#)]. А родители (долго жили в Германии) отговаривали ее: «Немцы – культурные люди, это у нас про них чепуху рассказывают». Все трое прекрасно говорили по-немецки.

Их, отца и дочь, убили в Бабьем Яре, а я все еще ходила к старухе. Она думала, что муж и дочь еще вернутся. Ее грабили – днем русские, а ночью немцы. Люди эти были очень богатые, грабить было что. Немцы были очень вежливы (она с ними свободно разговаривала по-немецки), но уносили лучшие вещи. Я ходила к ней месяц, приносила обед. Знала, что ее куда-то увезут и убьют, но что я могла сделать?

* А в доме у Некрасова был, что называется, интеллектуальный клуб. Особенно в 50-60-е годы. Вечером приходили друзья, знакомые, с которыми он учился архитектуре, писатели, те, с кем жизнь сталкивала в разные периоды жизни в Киеве, новые знакомые. Запомнились Исаак и Эва Пятигорские, Ава Милецкий, известный киевский архитектор, художники Ада Рыбачук и Володя Мельниченко, Лёля Рабинович <...>, писатель Михаил Клигерман, Евгения Львовна Утевская, замечательной духовной красоты и интеллигентности женщина, известный химик, и ее дочь – писательница Паола Утевская, Анна Эммануиловна Кобзарь и ее сын Андрей. Была и моя тетка Полина Бондаровская. И конечно, Нина Аль, которая с некоторых пор жила у Некрасовых. Иногда появлялись одна из двух таинственных красавиц – Муся Минина или Евгения Гриднева. Обе они были окружены разного рода легендами. – Из воспоминаний Валентины Бондаровской

И вот очередное указание сверху: объявить конкурс на проект памятника к 25-й годовщине трагедии. Рассмотрение проектов назначили на сентябрь 1965 г. с расчетом, чтобы в следующем году памятник был уже построен. Именно этот конкурс, про который и до сегодняшнего времени почти ничего не опубликовано, стал камнем преткновения в вопросе о Бабьем Яре. Хотя конкурс и был закрытый, свои проекты представили многие архитекторы. Некоторые выдвинули по два и даже по три проекта. Интересными, по мнению публики, были мемориалы, предложенные знаменитыми киевскими архитекторами И. Каракисом и А. Мелецким. <...> Предложенный Абой [[Авраамом](#)] Мелецким (в Бабьем Яру погибли его мать и бабушка) проект предполагал создание целого комплекса, который должен был начинаться гранитной стелой с надписью «Бабий Яр» на нескольких языках и заканчиваться подпорной стенкой по периметру оврага с семью художественно оформленными отрогами-кручами. В одном из них лежал гриф скрипки, в другом – мячик, в третьем – разбитая детская коляска и зонтик и т.д.

Пост 25. Конкурс на памятник погибшим в Бабьем Яре (baby-yar.livejournal.com/tag/%D0%90%D0%B4%D0%B0%20%D0%A0%D1%8B%D0%B1%D0%B0%D1%87%D1%83%D0%BA)

Последний раз зашла 25 октября [1941 года], ее уже увезли. Зашла в дворницкую, там лежали их тюфяки, подушки, одеяла – то, что грабщики еще не разграбили. Я ушла домой, могли ведь меня арестовать и всех моих убить.

<...> У Зины теперь мания – в письмах наших родственников искать ошибки. Маша Володина (тети Анютина дочка) кончила гимназию еще до революции и пишет абсолютно грамотно, она медалистка. Нина Мотовилова (тети Верина дочка) преподавательница русского языка в школе – тоже абсолютно грамотна. Ну, и Ваня Классон, тети Сонин сын, тоже вполне грамотен. Письма Зина читает иногда с начала, иногда с конца. Говоришь ей: «Да ты же с конца читаешь?» – «А я так хочу!».

<...> Обычно Вика оставляет Зину у меня не больше чем на час. А тут оставил ее без четверти два и приехал за ней в пять. Боже, что тут было! Через два часа она стала метаться по комнате: она не может [тут оставаться], ей у меня жарко, она сейчас же идет домой. Я убеждаю ее: «Мне велено тебя [одну] не отпускать». – «Чепуха, я иду одна». – «Вика не велел тебя отпускать». – «Я не могу, не могу, мне жарко».

<...> Раз десять надевает теплую шапку и шубу, но от них еще жарче! Бросается на кровать, точно ей дурно. <...> Наконец вталкиваю ее в комнату соседки, где холоднее и есть балкон. В этот момент приезжает за ней Вика. Входит, в испуге спрашивает: «Где мама? Я не мог раньше приехать». Снимает пальто. Зина с ужасом: «Ты куда?». Вика уже с бешенством: «В ватерклозет!». Перед отъездом пропали ее перчатки. Каждый раз у меня что-нибудь забывает! Дала ей свои, [следом] оказалось, что перчатки оставила в комнате соседки. Представь себе, меня эта вся история развлекла – все-таки какая-то жизнь.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 29 ноября 1965 г.

Милая Вера.

<...> Я видела Инессу Арманд два раза: один раз до революции, в жандармском управлении, а другой раз в Совете Рабочих Депутатов [в 1918 году]. Оба раза она мне не понравилась – слишком резка. А Н.А. [Ульянов] ведь работал тогда в городской Думе и, может быть, встречался с ней?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 2-3 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> Ты знаешь, я очень огорчена моим разрывом сношений с Иваном Робертовичем. Это [был] единственный человек, который на мои письма как-то реагировал. Ты же мне не отвечаешь, Зина – тоже. Читаете Вы их или нет – неизвестно. Я всякий раз ему писала, что у нас в семье Мотовиловых есть два типа. Одни очень скрытные: дядя Саша, наша Зина, Вика. А другие невероятно болтливые: тетя Лида, Надя Пятницкая, Надя Гельшерт (ее ты не знаешь), ну и, конечно, я. Особенно теперь [(в письмах)], при моем полном одиночестве.

Тетя Лида «любезно» называла маму [Алину Антоновну] своей «помойной ямой». Она рассказывала маме все, вплоть до того как у нее происходила ее первая брачная ночь. Весь [Смольный] институт знал перечень всей семьи Мотовиловых. Начиналось так: «Володя, Петя, Коля, Лида..., – дальше я уже не знаю, и кончалось, – Paul». Тогда еще не было Мани, Веры и последнего Миши, который был одного возраста с Зиной, но потом умер.

Надя [Пятницкая] умоляла ее [Алину Антоновну? – МК] выслушивать все ее рассказы о какой-то гимназистке ее класса, в которую она была влюблена. О нашей любви к Борьке [Витмеру] – Нади, которой было десять лет, и моей (мне было восемь лет) все знали.*

* Далее следует известная история о локонах Витмера, которые на самом деле оказались собачьими!

<...> Помнишь, Александру Яковлевну Анатомову, дочку Цильнинского дьякона, такую религиозную? Она про себя всегда говорила: «Соблюда и соблюду». Я никак не могла понять, что она «соблюдала»? А потом оказалось – «целомудрие».*

Ну и я могу сказать: «Соблюда и соблюду», попросту говоря, это означает, что я старая дева. Ты всегда называешь [мою покойную швейцарскую подругу] Лину «старой девой». Я не вижу, что тут унижительного? Одним людям удалось встретить человека, которого могли полюбить, другим не удалось. Вот и все.

<...> Ужасно это было, когда мы все жили вместе (Гани еще не было), и мне приходилось готовить на всех Викиных приживалов. Готовила на «буржуйке» (железной печурке), надо было дрова рубить, на себе их таскать, а Вика возлежал [на диване] и ничего делать не хотел. А каждый вечер у нас бывало к ужину шесть-семь человек гостей, а проживавших [у нас] его паразитов сколько!, и всех их я должна была обслуживать.

Ты же знаешь, как только у Зины появились дети, они стали главными в нашем доме. Четырехлетний Коля говорил: «Ah, toutes ces femmes dans mon maison!» [(«Ах, одни женщины в моем доме!»)]. Дом-то был его, а все мы, как я при Вике, обслуживающий персонал. Я как-то маленькому Коле сказала: «Ты эгоист». Он спросил: «Что значит, эгоист?». – «Человек, который думает только о себе и делает все для себя». – «Ну, уж я-то не эгоист. Я ничего для себя не делаю, все для меня делает бабушка и Зина».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 5 декабря 1965 г.

Милая Вера. Поздравь меня, сегодня воскресенье, день конституции. Это, включая новый год, 7 ноября, 1 мая, у нас единственные [советские] праздники. А помнишь, в Царское-то время сколько бывало праздников: и Рождество, и Пасха, и Троица, какие-то двенадцатые праздники и царские дни. Я, по правде сказать, все путала, и от одного частного урока мне отказали, так как я Казанскую божью мать приняла за двенадцатый праздник.

* «Целомудренную бонну» А.Я. Анатомову можно увидеть на фото вместе с воспитанником Колей, на сайте «Памяти Виктора Некрасова» (но она все же потом выйдет замуж).

Жили мы за границей, в церковь не ходили. В гимназии я ужасно боялась нашего попа. Говорили, что за каждую ошибку в молитве он отлучает от церкви. А я вдруг возьми да скажи: «Бог Саваох» вместо «Саваоф». Но это как-то сошло. Помнишь, как мама везла меня на экзамен по Закону божиему? По дороге мы заехали в аптеку, и мама заставила меня принять валерианку.

<...> А тут еще у меня несчастье: разрыв сношений с Классоном. Ты и Зина на мое ведь ни на что не реагируете, а Иван Робертович все-таки иногда реагировал. А тут он вдруг написал, зачем я пишу о Лене [Игнатович] (тети Анютиной внучке), которой он не выносит и все – [одно и] то же. Во-первых, вовсе не то же, а много неожиданно нового. Затем, что он не может выполнять моих поручений, это у него отнимает слишком много времени.

Я его просила купить книгу о Покровском А.А. Ну она конечно вся моментально была раскуплена, и ему пришлось ездить в какой-то отдел снабжения, чтоб ее купить. А главное (это уж я ему не пишу), автор ее, узнав, что мне она интересна, сейчас же мне ее прислал.*

Затем Классон жалуется, что я ему «слишком подробно» рассказываю о приходах ко мне моих родственников. Спрашивается: о чем я могу писать, сидя в своем полном одиночестве в мои восемьдесят пять лет? О письме племянницы [Лены Игнатович], взволновавшем меня, и о приходе ко мне Зины и Вики, которые мне прямо мучительны.

Вот я тебе сделаю выписку из книги, которая мне очень понравилась. Это, конечно милая Галина Викторовна [Базий] мне прислала.

“Человеку, – говорит Гумбольдт, – врождено стремление высказывать только что услышанное, освободить себя от волнения, произведенного на него силою, действующей на его душу, в слове передавая эту силу другим и, нередко, не заботясь о том, будет ли она воспринята разумным существом или нет. Это стремление, особенно в первобытном человеке или ребенке, может граничить с физиологической необходимостью. Как ребенку и женщине нужно бывает выплакаться, чтоб облегчить свое горе, так необходимо высказаться от полноты душевной.

*Мысль эта с давних пор уже стала достоянием народной поэзии. [В одной сербской сказке говорится, что у царя Трояна были козы уши. Стыдясь этого, он убивал всех, кто его брил. Одного мальчика-брадобрея царь помиловал под условием соблюдения тайны, но тот, мучимый невозможностью высказаться, стал чахнуть и вянуть, пока не надоумили его поверить свою тайну земле. Мальчик вышел в поле, вырыл в земле яму, засунул в нее голову и трижды сказал: «У царя Трояна козы уши». Тогда ему стало легче на сердце]”.***

* Очень интересны были для меня [в 1915 г. на Библиотечных курсах] лекции Александра Александровича Покровского. Сам он был очень симпатичный, такой типичный русский интеллигент и так предан своей работе. – Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Что касается книги о А.А. Покровском, то это, скорее всего, следующее издание известного библиотековеда Юрия Владимировича Григорьева (1899-1973):

Григорьев Ю.В. А.А. Покровский (1879-1942). М.: Книга, 1965, 144 с. (в серии «Деятели книги»).

** Мы здесь несколько подкорректировали «цитату из Гумбольдта» (в оригинале – von Humboldt W. Gesammelte Werke) и дали небольшое продолжение.

Можно подумать, что речь идет о книге: Лидин В.Г. Сердца своего тень, о которой Софья Николаевна упоминала в своем письме в Лозанну 10 августа 1965 года. Однако просмотр рассказов, помещенных в ней, позволил обнаружить лишь, что герой в «Копье стрельца» цитирует Лукреция, но все же персонажи Владимира Германовича «до Гумбольдта не доросли». Поскольку Г.В. Базий прислала С.Н. Мотовиловой не одну книгу, значит, речь здесь идет о какой-то другой.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 10 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> Итак, мой «знатный» племянник соблаговолил мне написать. Это второе его письмо мне с 1938 года, когда он уехал на Дальний Восток (маме был уже восемьдесят один год). А я ему за эти годы (сколько это, я уже не способна вычислить) написала один раз, чтоб он скорее приезжал, когда мама заболела. Это при моей-то графомании! Я бы хотела, чтоб они куда-нибудь уже уехали. Их приходы ко мне – травма. Их скрывание всего, абсолютное равнодушие ко всему моему...

<...> Ты знаешь у меня разрыв сношений с [Ваней] Классоном. У него ужасная жена, украинская баба. Скупа, по-моему, сверх меры и глупа. Когда он купил «Новый Мир» с моими воспоминаниями [(помимо подписного экземпляра)], она страшно возмутилась, как он позволил себе такую трату – 70 коп.! Журнал у него отобрала. Сыновья ходили и подглядывали, что она с ним сделает, оказалось – сама читает. Ну, кажется, потом сообразила, что мои воспоминания им только выгодны и можно затратить 70 коп. Классон мне написал тогда: «Мне было приятно, что имя моей матери (тети Сони) наконец появилось в печати». Об отце его писали много, а о тете Соне никогда.

В другой раз (я тоже тебе об этом писала) я запросила его: «Отчего Вы не заедете к Зине?» – когда она была в Москве. Он отвечает: «Нет времени и денег». Я удивилась, пишу ему: «Да ведь троллейбус стоит 4 копейки!» Он отвечает: «Я езжу на метро, а это 5 копеек!» Чтoб купить мне книгу о Покровском, ему пришлось потратить много времени, ездить в какой-то склад, очевидно, не один раз тратить по 5 коп. на метро, терять время. Деньги-то я, конечно, ему верну.

Одним словом, он написал, что больше никаких моих поручений выполнять не будет. А я его уже больше года прошу заказать в Ленинской библиотеке снимок со статьи об Н.А. [Ульянове] в «Who is who». Этих «Who is who» очень много, но Н.А. – в главном.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 17 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> У меня такие «события»: вставили мне [стекло в] окно, приходил человек из «Бюро добрых услуг» и сделал все буквально в четверть часа. А вчера моя особа [(еврейка из «Бюро добрых услуг», гулявшая со мной летом-осенью)] оттуда же привела девчонку и «вымыла» пол. Как видишь, события потрясающие. В разгар мытья пола появился Вика с Зиной. Вика в благодушном настроении, даже достал мне номер журнала «Вопросы литературы» с перепиской Вересаева и Булгакова, и вообще там много интересных статей о нем.*

Исаак [Пятигорский] в Москве. У Зины был грипп, Ева ей ставила горчичники и, очевидно, заразилась. Я уже волнуюсь, хоть это совсем не мое дело, ходит ли с ней Вика. Он проявляет признаки нормальности. Недавно с Зиной ходил в гости к одной девяностолетней старухе, которая его обожает. Сколько старух и молодежи его обожает, сказать не могу.

<...> Вчера утром пришла ко мне наша бестужевка, но она моложе меня (мой выпуск 1907 года, а ее – 1910-го). Принесла мне книгу о Бестужевских курсах, ненадолго. Ее воспоминания поместили, а мои – нет. Хотя просили меня их прислать, сейчас же после выхода «Минувшего». Но там я пишу об Armand – эсерке, а об эсерках, вероятно, писать нельзя? О конгрессе сионистов, тоже, верно, писать нельзя, и совсем ужас – о Ницше.

* Булгакова Е.С. Михаил Булгаков, В. Вересаев: Переписка по поводу пьесы «Последние дни [А.С. Пушкина]». // Вопросы литературы, 3 (1965), 151-171.

<...> Но самое возмутительное, в сборнике Бестужевских Курсов ни слова не говорится о наших бестужевках за границей, даже о таких как крупные ученые, уехавшие за границу в 1908 году, еще при царской власти.*

Сейчас читаю очень интересную книгу Курской, тоже нашей бестужевки. Очень живо написана, как раз наша эпоха, когда мы жили в Москве, и начало революции. У нее, так же как у меня, было такое радостное настроение, когда пала царская власть.**

* Речь идет о «политкорректной» книге: Сеченов И.М., Вревская И.П. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878-1918. Сб. статей. Л., Изд. Ленингр. Ун-та, 1965.

В ней, частности, имеется статья – Е.Н. Дьяконова-Савельева. Геология на высших женских (Бестужевских) курсах; внимательно прочитав которую, Софья Николаевна «ударилась в воспоминания» (см. ниже):

В 1906 г. впервые появляется геолого-минералогическое отделение. Первое время профессорско-преподавательский персонал по геологии представляли пять человек: С.Ф. Глинка, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, ассистенты Е.В. Еремина, В.Д. Шумова-Делане и лаборант университета С.М. Курбатов.

<...> При кафедре физической геологии была оставлена С.Н. Мотовилова.

<...> Летом 1907 и 1908 гг. Е.В. Еремина была командирована в Крым для изучения изверженных пород и сбора коллекций для [минералогического] кабинета. Ею же были обработаны петрографические сборы Ф.Ю. Левинсон-Лессинга в Мугуджарах и опубликована статья в «Трудах С.-Петербургского общества естествоиспытателей». Позднее Е.В. Еремина дважды была командирована курсами за границу и в 1910 г. в Лозаннском университете защитила докторскую диссертацию, за которую ей была присуждена золотая медаль Парижского университета.

<...> Кафедрой физической географии, которая стала теперь носит название физической геологии, заведовал до слияния курсов с Петроградским университетом [(в сентябре 1919 г., с 1917 г. ВЖК именовались III Петроградским университетом)] Ф.Ю. Левинсон-Лессинг; его ассистенткой все время была Е.В. Еремина, и только с 1913/14 учебного года была приглашена еще В.С. Малышева, тоже окончившая Высшие женские курсы.

Елизавета Николаевна Савельева родилась в 1889 г., закончив ВЖК, стала геологом. Что касается «эсерки Арманд», то по-видимому, это большевичка Инесса Арманд (в персоналиях «Народной воли» отсутствует, зато представлена в «Деятелях революционного движения»):

Инесса увлеклась революционной борьбой: “После короткого колебания между эсерами и эсдеками, под влиянием книги Ильина «Развитие капитализма в России» становлюсь большевичкой”. В 1904 году вступила в РСДРП. За активное участие в революции 1905-1907 годов власти отправили её в ссылку на север России в Мезень, откуда Арманд в 1908 году бежала сначала в Петербург, а затем с помощью эсеров по подложному паспорту выехала в Швейцарию, где на её руках умер от туберкулёза её второй муж Владимир. Переехала в Брюссель, где поступила в университет, за год прошла полный курс экономического факультета и была удостоена учёной степени лиценциата экономических наук. Продолжительное время на её квартире происходили собрания социалистов-революционеров, прятались оружие, боеприпасы и подрывная литература. – Из Википедии

** По-видимому, это книга Анны Сергеевны Курской (1882-1964):

Пережитое. М., «Московский рабочий», 1965. (Конец 90-х гг.-1932. Жизнь автора в Москве. Сближение с революционной молодежью. Уход из семьи. Замужество. Д.И.Курский, его адвокатская, литературно-издательская работа, революционная деятельность в Московской организации РСДРП. Мобилизация в армию, его письма с фронта. Преподавательская и общественная работа автора. Члены Московской организации РСДРП: А.С. Ведерников, В.М. Лихачев, В.А. Обух, И.И. Скворцов-Степанов.)

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 19 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> Сколько раз меня выгоняли со службы без права где бы то ни было работать, не только на Украине, но и во всем Советском Союзе. Раз это было так, я работала в библиотеке Академии Наук, страшно «щиром» украинском учреждении. Все тогда должны были говорить по-украински. Экзамен украинского языка надо было сдать. На старости лет я упорно училась украинскому языку, сдавала экзамены. Ко мне приходили учителя на дом. Экзамены я сдавала, правда, не по первой категории. Акцент-то у меня был очень хороший, все говорили, что даже не русский, а какой-то французский, и всем делалось смешно. Сперва ко мне ходили учителя украинского языка, неважно знающие его. Платила я 50 коп. в час. За Викин английский [мы тогда] платили 25 коп. прекрасной старушке. Правда, она на уроках иногда засыпала, а Вики не всегда узнавала, но произношение у Вики было прекрасное, и они уже с этой старушкой читали Оскара Уайльда.

Моего первого учителя (у меня их было очень много), весьма похожего на [нашего швейцарского знакомого из России] Водена, я спросила, хорошо ли он знает украинский язык. Он ответил: «Это не важно, лишь бы мне монету загонять». Я ему говорю: «Много Вы у меня не загоните, я плачу 50 коп. в час». Он спокойно ответил: «И это тоже денежки». На уроках он слегка спал. Это было летом, мама, Вика и Зина отдыхали в Крыму. Нужда у нас в то время была отчаянная. Я и мама вечно стояли на толкучке, продавая наши вещи, или в ломбарде закладывали их. Зина никогда ничего не закладывала, на толкучке не стояла, а имела только одну свою медицинскую работу. Ну а я брала любой заработок – лишь бы достать денег для проживания нас всех. Мне предложили еще одну работу в библиотеке в вечерние часы. Ну я, конечно, сейчас же согласилась. Первому украинскому учителю пришлось отказать.

<...> Украинский экзамен должны были держать все, даже сторож еврейского кладбища. Зина тоже должна была его сдавать. В моей «щирой» украинской библиотеке рекомендовали одного очень знающего украинца – учителя истории в прошлом. У нас же одно время история была уничтожена. Это тогда хорошо отразилось на библиотеках, многие преподаватели истории пошли работать туда. Ну а наш преподаватель украинского служил священником! Это у них что ли был протест? Многие шли в попы.

Старший сын Яснопольского, кажется, его жена, дочь, дочь Коробки и многие другие увлекались всякими церковными делами. <...> Ну и священника, вокруг которого собралась тогда эта молодежь, и всех наиболее страстных послали работать на канал. [Сын Яснопольского] Сергей был назван в честь Сергея Васильевича [Андропова]. Ведь Яснопольский ужасно любил С.В. Кажется Яснопольскому, через Крупскую, которая и с ним и с Коробкой была очень дружна, удалось выволить и сына, и его жену с канала. Он, сын, теперь старик, профессор математики.*

Ты знаешь, у Яснопольского было трое детей от первой жены, трое – от второй, а она перед этим тоже замужем была и тоже имела троих детей. Кроме того, с ними жила дочь Коробки. Деньги на ее содержание давал Р.Э. Классон. Тогда Коробко уже умер [(в Советской России от сыпного тифа)], а мать уехала за границу. Но ты представляешь себе бедного Яснопольского, ему приходилось содержать двенадцать человек.

* Мы уже приводили подробности по поводу уголовного преследования «Софьей Власьевной» увлечения молодежи, включая и Сергея Яснопольского, «церковными делами». См. выше примечание к письму С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13-16 декабря 1960 г.

Из Киева он переехал в Борисполь, там жизнь была дешевле, но хоть он и был академиком, а пришлось поселиться всем вместе: он, две жены и десять детей! Из Борисполя он стал носить продукты своим знакомым [в Киеве]. Приносил Кистяковским, мама [Алина Антоновна] тоже у него брала. Ну и своих знакомых поддерживал и сам подрабатывал [перепродажей продуктов]. Сперва ходил пешком, с рюкзаком. Потом завел лошадь, начал ездить. У нас [в то время] шла борьба со спекуляцией, всякие заградительные отряды [зверствовали], его останавливали.*

<...> Ленина [после революции] я видела только один раз, когда он [в 1918 году] заехал в наш Комиссариат за Крупской. Это было незадолго до выстрела в него Каплан. Мне он тогда показался очень нервным. Мы вышли с Крупской в переднюю, а он ждал ее. Перед этим я ведь видела его только в 1903 году, до второго съезда социал-демократической партии. Они все думали, что этот съезд объединит разные направления, а вышло наоборот. Партия раскололась на большевиков и меньшевиков, ну [еще] бундовцы и всякие другие.

Но вот, не помню в каком году, была какая-то конференция или съезд по народному образованию в Москве. Там должен был выступать Ленин. Мне очень хотелось поехать в Москву и попасть на этот съезд. Я работала тогда библиотечным инструктором в коллегии пропаганды и просвещения при Губкоме, помчалась в наш Украинский Наркомпрос и просила дать мне командировку на съезд в Москву. Ехало [туда], конечно, все начальство. Встретили они меня очень хорошо (мне даже страшно вспоминать, сколько потом меня отовсюду гнали).

<...> Не буду вспоминать все мои дальнейшие обиды, а расскажу, как не удалось мне в последний раз увидеть Ленина. Веселая, с командировкой в руках я прибежала со службы домой, чтоб взять свой чемодан и мчаться на вокзал. И что же я дома застаю? Маму в слезах и отчаянии. Пришли какие-то солдаты и требуют, чтоб все население нашего дома на следующий день покинуло его и не смело [при этом] брать никаких своих вещей. А куда уходить? Ну не могла же я в такой момент бросить маму!

Я отдала свою командировку и осталась дома. Но солдаты больше не приходили. Дом-то у нас вообще был буржуазный. Через несколько дней я встретила Заславского. <...> Он жил недалеко от нас и знал всех жителей нашего дома – все евреи. Он рассказал, как наш дом избавился от этих солдат: их пригласили на торжественный ужин, напоили шампанским и уговорили оставить нас в покое и идти выселять другие дома.

Помню, как бледный как смерть бежал куда-то прятаться Заславский. Он только что примкнул к большевикам, а тут в Киев вошли Деникинцы, начались погромы. Это был ужас, всю ночь крики, стоны... Ну а потом [(уже гораздо позже)] он, по-моему, опозорил себя навсегда своим фельетоном против Пастернака.

<...> То я волновалась о тебе и Н.А. [Ульянове], а теперь волнуюсь о Вике. Почему его фамилии нет в списке авторов «Нового Мира» на 1966 год? ** Он же от меня и Зины все скрывает. От кого я могу об этом узнать, не знаю. Вообще одна моя знакомая докторша, которую он вызывал к Зине, говорит, что у него очень расстроенный вид.

* Из публикации «Киевская профессура» в берлинском «Руле» 24 июня 1921 г.:

Достаточно указать, что престарелый и заслуженный профессор киевского университета Л.Н. Яснопольский после долгой внутренней борьбы решил совершенно уйти от научной работы. Он арендует теперь в окрестностях Киева небольшой огород и развозит на ручной тележке и продает овощи и фрукты.

** Лишь в №8 за 1967 год будет опубликовано эссе «Дом Турбиных». Драматическую историю обкарнивания «Городских прогулок» в «Новом мире» (куда входил и «Дом Турбиных») и расставания с этим «самым либеральным журналом» В.П. Некрасов обрисовал уже в эмигрантской повести «Записки зеваки».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 21 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> Сейчас у меня были Зина и Ева [Пятигорская]. Вика улетел в Ленинград, где ему (так говорит Ева) предлагают делать какой-то фильм и они переедут куда-то под Ленинград. Еве, конечно, ни в чем верить нельзя.

<...> Я спросила Еву, почему в №11 «Нового Мира» не указан среди других авторов Вика. Ева объясняет: «Потому что он ничего в будущем году не собирается давать в «Новый Мир», будет занят своими фильмами. А очерки из Камчатки будут напечатаны в №12» Что-то врет. Очевидно, Вика поссорился с «Новым Миром». Но от меня ведь нужно все скрывать. Не понятно, почему?»*

Спросила, где они думают праздновать Новый Год. Ева отвечает: «Как всегда, у нас». Мне это, конечно, все равно, но бедная Галина Викторовна хотела бы на Новый Год приехать к Вике. У нее этот год был полон всяких несчастий. И на сына [в шахте] электровоз наехал и поломал ему тазовые кости, но, слава богу, вылезился. И у нее была какая-то болезнь крови, ей пришлось месяц пролежать в больнице. А теперь еще сломала руку. В театре нечем ее заменить, и она играет со сломанной рукой в гипсе. Но, кажется, скоро гипс можно будет снять.

<...> Пока я довольна своей особой из «Бюро добрых услуг». Закажу ее себе на январь месяц. Ну она, конечно, вульгарна и фамильярна, но все-таки есть кого-то послать на почту, купить лекарство, принести продукты. Не говорит, как [прежняя платная «тимуровка»] Вера Всеволодовна: «Ноги-то у меня не казенные, руки у меня не казенные». Не повторяет, что у меня всюду грязь и т.п. И главное, ей – новой я плачу 6-7 руб. в месяц, а Вере Всеволодовне платила 30 руб. в месяц независимо от того, приходила она [каждый день] или нет. И она стала заходить на несколько минут. А раньше у меня обедала, обед сама готовила и еще жаловалась Гане, что я ей мало плачу [и еще задерживаю оплату].

Это тогда меня подвела Ленинская библиотека, сами [ее сотрудники] предложили мне продать им свои рукописи, относящиеся к «Минувшему», мои рассказы, письмо Веры Фигнер и еще что-то. Причем потребовали, чтоб я давала лишь только то, чего нет в других архивах. Как я могу знать, где что мое [есть]? У них каталог других архивов, у меня же их нет! Требовали, чтоб я давала и рукопись, и машинопись. Ведь я же могла прямо печатать, без рукописи? Предложил это сын академика Шлихтера, но с ним начались всякие несчастья, сотрясение мозга, какой-то пьяный студент его по голове ударил. Затем его с этой службы уволили.

Длилась эта история четыре месяца, все не могла собраться комиссия для определения стоимости! Я задолжала Вере Всеволодовне. Несчастный [«тимуровец»] Александр Ефимович сидел на полу, разложив все мои рукописи, машинописи и еще что-то. Его «девчонка» ему помогала, а я должна была каждую рукопись подписать. Наконец Александр Ефимович переписал все, упаковал, отнес на почту. Стали ждать. Вера Всеволодовна злилась, что я не плачу ей.

Наконец, через четыре месяца они сообщили мне, что мои рукописи им не нужны, они хотят только письмо Веры Фигнер и мой рассказ об этом, и еще один рассказ. За все – 30 руб.! Я, конечно, потребовала, чтоб они все мне вернули. Ну и не наглость ли это? Неизвестно зачем один мой знакомый писатель пошел туда и начал спрашивать, почему они не купили мои рукописи. Объяснили ему: «Не сошлись в цене». А его знакомая из отдела рукописей сообщила, что они и так для меня сделали повышенную расценку!! Нравы!

* Все-таки в №12 был опубликован очерк «За двенадцать тысяч километров (Из камчатских записей)», хотя и изуродованный цензурой, и фантастический рассказ «Случай на Мамаевом кургане».

<...> Зина мне принесла перевести для Вики полученное им из Америки письмо. Выходит [биобиблиографическая] книга «Писатели [за] полвека» (из всех стран, очевидно). В нее должен быть включен и Вика. Вика, Ганя и все его окружение до такой степени некультурны, что они не понимают значение биографии. <...> Вика рвет все свои письма, выкидывает все свои рукописи. И Ганя одобряет: «Нечего захламлять комнаты». <...> Ну, Ганя – простая деревенская баба, но в отношении Вики Ева [Пятигорская] думает так же.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 22 декабря 1965 г.

Милая Вера.

<...> Во времена Николая I живший у нас француз говорил, что русская публика – это стадо баранов.* Я с ним абсолютно согласна, хоть с тех пор прошло больше ста лет. То все в восторге от Фейхтвангера – потрясающе! Затем такой же восторг от Ремарка. О Хемингуэе, которого и Вика и все остальные [интеллигенты] обожают, и говорить нельзя. По-моему он абсолютно зазнался.

Статья о нем была в «Огоньке», где он утверждал, что выше всех (заметь, во всех областях): выше Тургенева, [далее следует] перечень всяких известных писателей, выше Баха, выше какого-то художника. Ходил по картинной галерее, вытаскивал из кармана шампанское и пил [из горлышка]! Любимый автор у всех у нас. Вика пишет его портреты и дарит. Рыбная ловля делается модной. Мне и Зине он абсолютно не нравится, но мы же выжившие из ума старухи, ничего не понимаем [в современных писателях].**

* Речь идет о путевых очерках Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году».

** Розыск публикации об Эрнесте Хемингуэе в «Огоньке» требует дополнительного трудоемкого исследования (правда, известно интервью с ним Генриха Боровика в №14 «Огонька» за 1960 год).

Приведем поэтому пару цитат из Интернета по поводу «соревнования с великими писателями»:

1) Начертав на своем знамени слова «Задача писателя – говорить правду», Хемингуэй тем самым определил себя продолжателем реалистических традиций американской и мировой литературы. Это видно и на перечисления великих мастеров, которых он считал своими учителями. В литературе Соединенных Штатов он выделял Марка Твена и его книгу «Приключения Гекльберри Финна». «Из нее вышла вся американская литература», – писал Хемингуэй. С уважением отзывался он и о творчестве Драйзера и Шервуда Андерсона. В европейской литературе он высоко ценил таких могучих реалистов, как Стендаль, Флобер, Мопассан, Томас Манн. Особое место занимала русская литература: «Чудесный мир, который дарил тебе русские писатели». Хемингуэй восхищался точностью описаний, глубиной психологического анализа Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова.

Однако при всем своем восхищении гениями литературы прошлого Хемингуэй отвергал саму мысль о возможности подражания им. «Любое искусство, – утверждал он, – создается только великими мастерами... Когда появляется истинный художник, великий мастер, он берет все то, что было постигнуто и открыто в его искусстве до него... а затем великий художник идет дальше того, что было открыто и сделано ранее, и создает свое, новое». В другом случае он писал: «Единственный способ понять, на что ты способен, – это соревнование с писателями прошлого».

2) Будучи начинающим бизнесменом-литератором-трудоголиком, он сделал то, что обычно делают начинающие профессионалы, – изучил рынок. Рынок текстов, созданных писателями до него. И очертил для себя круг конкурентов в виде <...> списка рекомендованной литературы «Какие книги следует прочесть» [(из очерка «Мазетро задает вопросы», 1935 г.)]. Если рассматривать этот список с точки зрения литературно-вкусовой, то он по меньшей мере удивляет. Соседство Толстого и Достоевского среди предпочтений обычного человека встречается редко. Как правило, любители литературы принимают одного, но не переваривают другого. Ну а что можно сказать о вкусе составителя списка, где уживаются Твен и Джойс, Томас Манн и Тургенев? Полная каша! Но в том-то и дело: «список Хемингуэя» – не отражение его вкусов читателя-обывателя. Это список конкурентов. Во многих интервью и воспоминаниях Папа из молчаливого задумчивого великана превращается в задиристого боксера, как только речь заходит о конкурентах.

<...> Читала статью «Геология на Высших Женских Курсах». Обо мне ни слова. Слава богу. У меня же нет никаких трудов. Была оставлена по кафедре геологии и все. <...> О Ереминой рассказано даже на целой полстранице. Но только то, что касается ее работы в России. Единственное, что для меня было ново: «Еремина дважды была командирована за границу и в 1910-м году в Лозаннском университете защитила докторскую диссертацию, за которую ей была присуждена золотая медаль Парижского университета». Вот об этой золотой медали я ничего не знала.

Когда я работала в 1913 году в Женевском университете у Дюпарка (Дюпарка я не видела, а только его тупого, бездарного ассистента Labot, что из него [потом] вышло?), палеонтолог Sarasin с раздражением мне рассказывал о Ереминой. Что Люжон сам говорил ему, что он целиком и полностью написал докторскую работу Ереминой. Выходит, что медаль-то была Люжону, а не Ереминой? Другой австрийский геолог, фамилию не помню, говорил мне, что Левинсон-Лессинг – крупный ученый, но ученики его ровно ничего не знают. Имел в виду Еремину. Она делала карьеру своими связями, всегда была au courant [(в курсе)] всех геологических сплетен, похорон и пр.

А про меня один мой «друг», Кистяковский, говорил так: «Лессинг большой ученый, но на Вас поскользнулся как на корке апельсина»^{*}.

Окончание примечания

Он говорит о них как о живых, как о современниках: «Я начал очень скромно и побил мистера Тургенева. Затем – это стоило большого труда – я побил господина де Мопассана. С мистером Стендалем у нас два раза была ничья, но, кажется, в последнем раунде я выиграл по очкам. Но ничто не заставит меня выйти на ринг против господина Толстого, разве что я сойду с ума или достигну несравненного совершенства».

В РГБ доступна книга Лестера Хемингуэя «Обреченный победитель». М., 2003 (перевод с английского оригинала – Leicester Hemingway. My brother Ernest Hemingway, 1962).

В жизнеописании старшего брата, устами младшего, помимо журналистской и писательской деятельности Эрнеста, немало сюжетов, связанных с ловлей морской рыбы и выпивок. Выберем лишь пару из последних.

1-й сюжет, Куба, 1929 г., «соревнования» Эрнеста и Джейн Мейсон, жены одного из ближайших друзей Хемингуэя – Гранта Мейсона. Они иногда гоняли по стране на спортивном автомобиле. Выпив перед обедом немало вина, садились по очереди за руль – выигрывал тот водитель, чей пассажир мог ехать дольше, не сказав «потише» или «осторожно». Здесь же, на Кубе устраивались грандиозные вечеринки с возлияниями на борту яхты «Пеликан», принадлежавшей Гранту Мейсону, а также в резиденции Мейсонов в Джоманитасе и баре «Флоридита». Однажды пьянство затянулось чуть ли не на три дня.

2-й сюжет, Лондон, весна 1943 г. При встрече с братом Эрнест отказался от заказанного им пива и предложил сделать «по несколько хороших глотков отменного шотландского напитка» (т.е. виски). Через несколько дней выпивка с душевным разговором продолжилась на квартире Роберта Капы, который наладил поставку замечательного спиртного из офицерских столовых Лондона и окрестностей. Далеко за полночь Эрнест сказал брату: «Хорошая вещь – алкоголь! Он подавляет в тебе чувство времени. Если б ты мог убрать из жизни тяжелые моменты, она была бы очень счастливой...»

А каково же было поклоннику Хемингуэя В.П. Некрасову, «с массой тяжелых моментов в советской жизни»? Пил еще чаще и больше!!!

^{*} По-видимому, это один из шести талантливых сыновей профессора Университета св. Владимира Александра Федоровича Кистяковского и Александры Ивановны, урожденной Михель, – Владимир (1865-1952), ставший выдающимся физико-химиком. Он окончил в 1889-м Петербургский университет, где в 1903-34 гг. преподавал в звании профессора (и вполне мог пересекаться с С.Н. Мотовиловой, учившейся там с 1901 г. на Бестужевских курсах, а затем, после некоторого перерыва, с 1913-го, – на метеорологических), в 1919-м был избран действительным членом АН УССР, в 1929-м – академиком АН СССР.

Как мы уже отмечали, другой сын Богдан (Федор) (1868-1920) был философом, социологом и правоведом.

Борис Александрович Кистяковский (р. 1870), образование высшее, беспартийный, был приговорен тройкой при УНКВД по Курской области и расстрелян по обвинению по статье 58-10 (шпионаж) в декабре 1937-го.

Юлий Александрович (1872-1920) преподавал математику в Фундуклеевской гимназии.

Я не обижалась – и геологом я была никудышным, и таким же библиографом. Кстати, когда я захотела бросить библиотечное дело и вернулась к геологии, я написала Лессингу, и он звал меня к нему работать. Не такого уж плохого мнения он был обо мне.

<...> Вдруг звонок, приехала из Харькова одна моя знакомая библиотекарьша [(Фридиева)]. О том, как мы познакомились в 1921 году на Брянском вокзале в Москве, расскажу в другой раз. Она живет теперь в Харькове, читает лекции в Библиотечном Институте и пишет работу «Библиотечное дело на Украине после Октября». Тут уж я была поражена: ровно ничего не знает, что происходило в Киеве! Вот тебе и история!

<...> Когда мы с ней познакомились, ей было двадцать восемь лет, а мне сорок. Они [с мужем] приехали в Киев, и их поселили в каком-то подвале. Я пожалела их, и мама сдала им одну комнату. Жила она у нас с 1921 года по 1928-й. Переехала в Харьков, а муж ее еще года два оставался у нас. Они тогда разошлись.*

Окончание примечания

Еще один сын – «известный общественный деятель Александр Александрович Кистяковский (р. 1874) в августе 1923 г. бросился под поезд на станции Целье (Югославия), причины самоубийства остались неизвестными», об этом написала берлинская газета «Руль» 22 августа 1923 г.

Ну и, наконец, Игорь Александрович Кистяковский (1876-1940) имел юридическое образование, в 1918 г. входил в правительство Украинской державы, затем эмигрировал.

* Из письма С.Н. Мотовиловой Н.А. Рубакину в Лозанну 15-17 мая 1924 г.:

Только что вернулась из прощального вечера на наших библиотечных курсах, заведующей которых была Фридиева. Впечатление ужасное. Много слов по поводу «наших новых, красных библиотекарей», много громких фраз – но все шумиха. Стены сплошь покрыты плакатами и лозунгами. Все это красно, кричаще, шумно, пестро. После торжественных речей были инсценировки. Инсценировали какой-то рассказ из «Красной нови», где сын-большевик кричит, чтоб арестовали «этого белогвардейца» – его отца. Ужасная драма, из которой делается балаган. <...> Затем был суд «над книгоубийцей», тоже аляповатая инсценировка. Какая-то девица изображала Библию, которая визжала, а «комендант» выталкивал ее из «пролетарского суда». Но неужели библиотека должна превратиться в балаган? Шумный, крикливый, пестрый балаган.

Из письма С.Н. Мотовиловой Н.А. Рубакину в Лозанну 14 мая 1927 г.:

Мое знакомство с Баликой и Фридиевой очень просто. Я их встретила в 1921 году на Брянском вокзале в Москве. <...> Вокзал представлял скопление голодающих, обнищавших людей. Одно сплошное движущееся тело людей, весь пол вокзала был покрыт людьми, мест в поездах не хватало, и тут мы валялись 8 дней подряд! И вот среди всех этих людей я встретила двух библиотекарей – Балика и Фридиеву. Она как клушка охраняла своего больного мужа. Ехали они из Сибири, явно нуждались и вызвали у меня чувство жалости. Потом недели через две я их встретила в Киеве, жалких и подавленных, они хотели поселиться в ужасном подвале под одной библиотекой. Я тогда попросила у мамы разрешения поселиться им в свободной комнате у нас. С тех пор они шесть лет живут в нашей квартире.

О Фридиевой (родившейся вроде бы в 1893 г.) в Интернете ничего нет. Она даже не попала в биобиблиографический словарь «Писательницы России», составленный Ю.А. Горбуновым (book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov). В отличие от самой С.Н. Мотовиловой. Несмотря на такое предувещание: «Хронологические рамки нашего Словаря достаточно широки – от зарождения на Руси изящной словесности, но ограничены первой половиной XX века: женщины-писательницы, родившиеся после 1901 года – уже не наш «контингент». Зато практически не имеет границ принадлежность обитательниц Словаря к жанру: прозаики и поэтессы, журналистки, мемуаристки, переводчицы, деятельницы науки и популяризаторы научных знаний, издательницы, хозяйки культурных салонов, все, так или иначе причастные к миру печатного слова – от широко известных имен до обладательниц хотя бы одной газетной заметки».

А вот о Балике – таки да:

1) Балика Дмитрий Андреевич (1894-1971), родился в Черниговской губ. в крестьянской семье. После окончания в 1911 г. реального училища в Чернигове поступил в С.-Петербургский политехнический институт, но из-за увлечения «революционным движением» был вскоре выслан на Урал под надзор полиции. В 1919 году партия направила его в Томск, где он 3 года руководил политехникумом, успешно учился на высших педагогических курсах. По окончании их Дмитрий Андреевич стал сам преподавать на историко-филологическом факультете Томского госуниверситета педагогику.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 23 декабря 1965 г.

Милая Вера. Вкладываю тебе Зинину открытку. До чего мне отвратительно это их постоянное вранье, скрывание от меня. Ну что, я могу что ли мину под Викин самолет подложить? Могу сглазить? Просто отвратительно. Зина с Евой [Пятигорской до этого] пришли и сказали: «Вика улетел в Ленинград. Там ему предлагают ставить фильм». И это может быть все вранье. Ведь они же знали, куда он взял билет? В Москву. Ну зачем непрерывно врать?

<...> А ты помнишь... Нет, ты помнить не можешь, это было в год папиной смерти (1888-й), тогда у нас жила тетя Соня. У нас был детский костюмированный вечер. Мы с Зиной были одеты в тирольские платья. Нэлли Бадке подошла к одной из девочек Юрбургена (мы жили в их доме) и сказала надменно: «Мой папа генерал, а твой сторож». Почему «сторож», я никак понять не могу! Мы ужасно возмущались.*

<...> Получила письмо от [Вани] Классона. У его жены плеврит, и ее пришлось положить в больницу. А он дома за всех: и покупает [продукты], и готовит, и стирает белье! Мне противно ему писать. Так противно он пишет обо всем своем, а я по его [мнению], «слишком подробно описываю Зинины и Викины приходы».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 25 декабря 1965 г.

Милая Вера. <...> Сегодня получила от Зины две открытки, одну посылаю тебе, а другую Галине Викторовне [Базий]. Это Викина приятельница, актриса и моя «благодетельница». <...> Теперь хочу тебе объяснить начало Зининой открытки: «И я все еще сижу, как дурак с вымытой шеей». Видишь, у нас есть анекдот. Родители говорят мальчику: «Абраша, вымой шею, тетя Сара может приехать». А сын [резонно] спрашивает: «А если тетя Сара не приедет, что же, как дурак буду сидеть с вымытой шеей?»

Окончание примечания

Однако болезнь родителей вскоре позвала его в Киев. Там он какое-то время вновь работал библиотекарем, с 1925 по 1930 годы – ученым библиографом Украинской Академии наук, руководителем аспирантуры по книговедению и библиографии. В 1930 году Дмитрий Андреевич перешел работать в Нижегородский педагогический институт.

2) Окончил пед. отделение Томского ун-та (1920). В 1916-30 работал (последовательно) библиотекарем земской б-ки в с. Шаран Уфимской губ. (одной из б-к, созданных по завещанию Ф.Ф. Павленкова), в б-ках в Белебее, Уфе, Томске (где им был организован Музей библиотековедения, ставший центром практич. и науч. работы по библиотеч. делу), с 1921 в Киеве – библиотекарем Военно-полит. школы Укр. Воен. округа, в 1925-30 – в Публ. б-ке Украины. С 1927 Б. одновременно проф. ун-та в Ниж. Новгороде. В 1930 окончательно переехал в Ниж. Новгород, где заведовал кафедрой библиотековедения Ин-та политпросвещения (1930-32) и читал в качестве профессора курс лекций по педагогике в Нижегородском (Горьковском) пед. ин-те (1930-71).

В декабре 2017-го случайно удалось обнаружить в Интернете, что «Фридиева» на самом деле обозначалась как Надежда Яковлевна Фридьева (1894-1982)! См., например, про сего «выдающегося библиотековеда!» на ресурсе (www.gpntb.ru/ntb/ntb/2015/1/ntb_1_13_2015.pdf):

В 1975 г., уже будучи на пенсии, Н.Я. Фридьева в соавторстве с членами кафедры библиотековедения ХГИК издала учебное пособие «История библиотечного дела на Украине (1917–1932 гг.)».

* Фон Бадке Петр Михайлович (?-1904) – генерал-майор, с 1865 г. штаб-офицер Симбирского жандармского губернского управления, в 1867-1901 гг. начальник того же управления. Его сын генерал Михаил Петрович служил симбирским полицмейстером. Нэлли – по-видимому, дочка Михаила Петровича (как указывает С.Н. Мотовилова, детский костюмированный вечер состоялся в 1888 г.). Ее брат Петр Михайлович (в чине ротмистра в 1918 г.) участвовал в знаменитом каппелевском походе (через Сибирь в Китай, в конце 1919-го – начале 1920 г.), вроде бы уже в чине полковника, но пропал. Бывший особняк фон Бадке находится на нынешней ул. Л. Толстого (бывш. Покровской), 43. В настоящее время в усадьбе находятся экспозиции: «Симбирская засечная полоса – сторожевая башня», «Усадьба с надворными постройками» и «Мельницы Симбирской губернии».

Симбирские дворяне (?) Юрбургены в Интернете не просматриваются, так же как и в книге П. Мартынова «Селения Симбирского уезда», изданной в 1903 году.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 26 декабря 1965 г.

Милая Вера. Сейчас приходили Зина с Исааком [Пятигорским].

<...> Лучше расскажу, что я у Исаака узнала. Вика действительно уехал в Ленинград. Ему предлагают экранизировать (написать сценарий) его маленький рассказ об итальянце, который попал к нам в плен. * Он, кажется, есть в его книге [военных] рассказов. Прямого билета на самолет Вика будто бы до Ленинграда не получил, поэтому до Москвы ехал поездом, а от Москвы полетел. Кто там из них врет, я не знаю.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 1 января 1966 г.

Милая Вера.

<...> Новый год я как всегда встречала одна. Все-таки хорошо, что были напечатаны мои воспоминания. Мне это дало большое развлечение. Вчера мне пришло четыре поздравления от четырех моих читателей – писателей.

Вывали ли у Н.А. [Ульянова] его зуб мудрости? Благополучно ли все у Вас? У нас сегодня наводнение в ватерклозете. Вика должен был приехать к встрече нового года, привез с собой свою редакторшу.

<...> №12 «Нового мира» пришел, но я думаю, что Вика сам тебе пошлет, и [потому] не посылаю своего. Ночью читала Вику, по-моему, сумасшедший бред.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 6 января 1966 г.

Милая Вера.

<...> Вчера были у меня Зина и Вика еще с каким-то писателем. Каким? Не знаю. Не особенно я люблю этих, приводимых незнакомых лиц, который стоят с Викой у входной двери, рассыпаются в любезностях по поводу моего «Минувшего», целуют ручку, что я тоже терпеть не могу. Викины приходы для меня «травма».

<...> В №12 «Нового Мира» есть Викина «Камчатка» и еще какой-то сумасшедший рассказ, в котором я ничего не поняла. ** А ты поймешь? По-моему, бред сумасшедшего.

Мне Викина знакомая писала, что Зина и Вика едут куда-то под Ленинград. Я осмелилась спросить Вику, куда и когда? Он сказал – не раньше февраля, а Зина сказала – в какой-то дом отдыха в Комарове.

С Иваном Робертовичем Классоном у нас разрыв сношений. Это никакого отношения к Н.А. не имеет. Просто он нашел, что я слишком подробно ему пишу о Зининых и Викиных приходах и о письмах моей племянницы (и моей и его – внучки тети Анюты [– Лены Игнатович]).

<...> У Классона была больна жена плевритом, лежала в больнице, делали прокол. Туда же попал и его младший сын: он упал во время физкультуры, ушибся обо что-то [головой], и у него было сотрясение мозга [(с кратковременной потерей сознания)]. Тоже лежал в больнице, слава богу, в одной и той же. Но оба вернулись домой в конце декабря, к встрече Нового Года. А тут неожиданно приехал его старший сын в отпуск. Он отбывает, как моряк, воинскую повинность.

* «ЧАО, Джульянчик!». Сей кинопроект так и не был осуществлен.

** Очерк «За двенадцать тысяч километров. Из камчатских записей» и «фантастический» рассказ «Случай на Мамаевом кургане». В последнем произведении В.П. Некрасов не только чудесным образом переносится из современности в октябрь 1942 г., но и встречает литературного персонажа «В окопах Сталинграда», командира роты Фарбера, в лице И.М. Смоктуновского, воплотившего этот образ в фильме «Солдаты». Более того, В.П. Некрасов в этом чудесном перенесении не «alter ego» лейтенант Керженцев, а «инженер», «лейтенант» без имени и фамилии! В общем, по С.Н. Мотовиловой – «бред сумасшедшего», а по писательнице Ольге Поповой – «Мамаев курган... Для одних он живет в неувядаемых переживаниях участников войны, а другие видят на Мамаевом кургане лишь жизнь настоящих дней...» (см. ниже).

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 18-19 января 1966 г.

Милая Вера.

<...> Обычно Александр Ефимович высылал Н.А. [Ульянову] каталог геологических книг, которые должны выйти в этом году. Но его сейчас нет в Киеве. А я же не ходячая. Пусть Н.А. поручит это Вике, магазин недалеко от них. Только, упаси боже, пусть не говорит, что это я посоветовала ему к Вике обратиться.

Тут Вика ничего делать не будет. Он охотно дает свои надписи на своих книгах, и в Париже в каком-то магазине их незнакомым людям давал, но если я попрошу – ни за какие [коврижки]! Нечего, мол, мне мешаться не в свое дело. Ну что же, бывает. <...> А я всегда стараюсь кому-нибудь (в данном случае – Н.А. [Ульянову]) что-то устроить.

<...> Но я все-таки хочу предложить тебе прислать два рассказа. Т.е. сперва один, а затем другой, если тебе не покажется скучно. Писала я не теперь, а в тридцатых годах, когда у нас был ужасный голод, люди, пришедшие из деревни, у нас на улицах Киева умирали. Это тоже своего рода мемуарная литература. Там описано, как [мы] приехали в деревню Полтавской губ. – это бабушкино Солоновщино, история с дипломами из гимназии, это было с Маней Липской в Симбирске. Ну, встреча в Лозанне в Ouchy, это тебе все знакомо. <...> Напиши сама искренне – прислать или нет?*

<...> Так же я была поражена Викой. Мне казалось, что у меня с ним самые хорошие отношения. Он был очень разумный, послушный мальчик. Мы с ним ездили вместе в Москву, в Ленинград, ходили пешком в Ялту. Вдруг, когда ему было уже двадцать восемь лет, он мне заявляет: «Я тебя ненавижу». Я изумилась: «С каких пор?» – «С тех пор, как помню себя». Правда, ты понимаешь, как мне «приятно» теперь, когда я совсем беспомощна, от него зависеть? Я уже мечтаю, чтоб они куда-нибудь поскорее уехали. Будем с Зиной переписываться.

<...> Одно одеяло сшила мне [«тимуровка»] Вера Всеволодовна, умудрилась всунуть туда целую подкладку из моей шубы. Помнишь их – тети Манины и тети Верины шубы на гагачьем пуху? Я еще носила их в Лозанне. <...> На меня напал один мальчишка-англичанин: я ему не нравилась, и он избивал меня. К счастью, я была в этой шубе, которая очень хорошо защищала меня от его побоев. Зина как-то шла с Надей Лемпицкой. <...> Она избила этого мальчишку, объяснив ему, за кого она его избивает. Больше я его не видела, на меня уж больше он не нападал.

Затем шуба досталась Вике, как тулупчик, подпоясанная. А на голове он носил круглую шапочку, с бобровым мехом от маминой бывшей шубы. Бывший мальчик [из благородных]. Его остановили киношники на улице и просили придти сниматься у них в какой-то картине из прошлого. Ну он, конечно, счастлив был. Избалован он тогда не был и всему радовался. Вечно пел. Однажды (он или кончал школу или был [уже] в институте) его пригласил приятель ездить с ним в автомобиле, вынимать почту из всех почтовых ящиков. Вика был счастлив. Тот-то этим зарабатывал.

Когда [в Киев] приезжал Художественный Театр, им давали контрамарки, но мало. Вика, чтоб попасть туда, влезал по водосточной трубе через окно в фойе. Они все обожали Качалова. Тот удивлялся, как им удается так часто попадать в театр. Очевидно, контрамарки свои они отдавали «девочкам».

* Судьба этих мемуаров не вполне ясна; как сообщила комментатору сих писем с.н.с. Музея Булгакова в Киеве Т.А. Рогозовская, в описи ф. 1505 отдела рукописей питерской РНБ (часть бывш. Лозаннского архива, побывавшая в Париже) имеется такая запись: «Отрывки каких-то художественных произведений. Автограф. Каранд., красн. каранд. 1930-е. 20 стр.». Похоже, Вера Николаевна согласилась получить их от сестры, и воспоминания 1930 годов были присланы в Лозанну.

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 28 января 1966 г.

Милая Вера. <...> Мой главный корреспондент [теперь] это мой Сыктывкарский друг[архивист]. Он не только «адресат», но и сам мне пишет. Вот прочел Викину «Камчатку» и «Рассказ» [(«Случай на Мамаевом кургане»)] и сейчас же прислал мне свое мнение, а он же безумно занят. Мнение его отрицательное, находит, что это гораздо хуже его прежних рассказов, и его рассказа, Викиного, не понял. И я тоже, мне кажется, это бред сумасшедшего. Или это фантастика в стиле Гофмана? Но Гофмана я никогда не читала и Одревского и в стиле Гофмана писавших писателей.

З.Н. Некрасова – С.Н. Мотовиловой, 28 января 1966 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну)

Милая Соня! Я все не успеваю пойти к тебе!

<...> Вика пошел к своим «киношникам» на какой-то просмотр. <...> На улице очень скользко, особенно в Пассаже нашем, и я держусь только благодаря Вике – он меня крепко держит под руку <...>. В Ленинград (вернее, в Комарово) мы приедем 8-го февраля, так что Вика сможет там ходить на лыжах, а я буду просто гулять по расчищенному снегу. Может быть, Ася Берзер тоже туда поедет, если ей в это время дадут отпуск! Ну, и я на днях к тебе зайду и принесу, что ты просишь. <...> А мы выедем 3 февраля [1-го?] и тоже поедем через Москву.

Приписка С.Н. Мотовиловой 31 января: «Милая Вера, пересылаю тебе Зинино письмо. Они едут поездом 1-го [февраля] в Москву, оттуда в Ленинград, а с 8-го уже у них путевка в Комарово, это какой-то дом отдыха под Ленинградом. Я даже рада – Викины приходы для меня травма. Полное отсутствие всякого интереса ко мне, ко всему нашему прошлому. <...>».

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 4 февраля 1966 г.

Милая Вера, посылаю тебе отзыв [нашей московской знакомой Оли] Поповой о Викиных последних вещах:

“Мамаев курган... Для одних он живет в неувядаемых переживаниях участников войны, а другие видят на Мамаевом кургане лишь жизнь настоящих дней... Они не размышляют, не задумываются над черепами убитых людей, лежащих на Мамаевом кургане, они видят на нем лишь шаха и шахиню Ирана, видят на лице шаха, в его седине пережитые дни бурь и раздумий...

Два поколения и у каждого – свое видение...

Как глубоко верно схвачен этот финал в концовке.

Вот, что я хотела сказать Вам по прочтении первых страниц двенадцатого номера «Нового мира», под свежим впечатлением”.

<...> На первом конгрессе Советских Писателей Чуковский мне все повторял: «Какой же это съезд писателей, где нет ни Ахматовой, ни Мандельштама?» Но ни стихов Ахматовой, ни Мандельштама я не знала. Т.е. об Ахматовой мне рассказывал мой ученик французского языка. Это был молодой врач, лично знакомый с Ахматовой. Ученики у меня были просто замечательные: врачи, директора научных институтов, один генерал. Самый старый из них был профессор-ушник, шестидесяти с чем-то лет. Затем докторша-гинеколог, тоже под шестьдесят лет. Этот глазной врач был еще самым молодым, лет тридцати с чем-то. И я и мама его очень любили. Когда нас переселили в две комнаты, мамину кровать отделял от входа наш громадный гардероб, и когда мама лежала на постели, она всегда спрашивала: «Кто пришел?» Он отвечал: «Француз пришел».

<...> Зина и Вика уехали в Москву 1-го. Затем едут в Ленинград, а с 8-го – в Комарово, какой-то дом отдыха под Ленинградом.

З.Н. Некрасова (из Москвы) – С.Н. Мотовиловой, 5 февраля 1966 г.

(переслано В.Н. Ульяновой в Лозанну).

Милая Соня! Пишу тебе с Исачком [Пятигорским], который сегодня уезжает в Киев <...>. <...> Вика вчера был еще у своих «киношников» на просмотре своего нового кинофильма [«38 минут в Италии»?].

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 7-8 февраля 1966 г.

Милая Вера.

<...> Села тогда [(приехав из Веймара в Женеву, где на вокзале меня встретил С.В. Андропов)] в поезд в Лозанну и очутилась у Зины, [Платона] Некрасова и впервые увидела маленького Колю.

С Некрасовым я была всегда в дружбе, и [теперь] нахожу, что мама была к нему несправедлива. Ну как можно было сдавать комнату Литовченко, а у Некрасова не было своей комнаты [в нашей квартире в Петербурге, в 1901 году]?

Не так уж мы были бедны тогда, чтоб очень нам нужны были эти 50 руб. [в месяц], которые Литовченко нам платил. И со стороны Зины тоже, по-моему, было ужасно. Она [тогда] приехала на Рождество. Ее вышли встречать мы с тобой. Еще она на нас обиделась, что мы говорили по-французски (мы же не знали, что она плохо знает французский), а мы привыкли тогда так разговаривать на улице. И тут Зина не захотела поехать на квартиру к своему мужу, а сказала, что будет жить у мамы. Правда, она целые дни отсутствовала, и [прислуга] Ксюта говорила: «Наша молодая барыня постоянно никогда не бывает дома». Зина ездила на какой-то конгресс по естествознанию. Коли у них тогда еще не было.

<...> Мама больше всех любила Зину и гордилась ею. Помню, как-то стоим на St. François [в Лозанне], подходит какая-то русская и спрашивает про меня: «Это Ваша дочка?». А мама скорее отвечает: «Не та, не та!»

<...> С тех пор, как у Зины появились дети, они стали главными в доме, и баловали их сверх всякой меры. Мама все берегла деньги, чтоб оставить Зининым детям. Помню, как мама все говорила в Москве (мы [тогда] жили в гостинице «Флоренция» на Тверской): «Останемся под фонарем». «Под фонарем» мы таки остались, но все же это счастье, что мама умерла у себя, в своей кровати.

<...> У меня не было никогда [личного] времени: то стояла в очередях, то продавала наши вещи на базаре, то по две, по три службы все время. Уроки. Это мы все трое Вику в люди выводили. Когда он кончил и Институт, и свою драмстудию, я настаивала, чтоб он уже зарабатывал. А мама [оправдывала его и] говорила: «Что ты к Вике пристаешь? Твой отец не работал, твой дед не работал, почему Вика должен работать?».

А сама мама работала сверх сил. Сидит Вика, развалившись со своими приятелями на прекрасных бабушкиных креслах, разглагольствует о театре, а мама бежит из далекой кухни и приносит им отбивные котлеты. А они даже не пошевеливаются, чтоб [грязные] тарелки на кухню отнести. А теперь Вика упрекает, почему его не учили музыке!? Откуда нам было платить за пианино?

С.Н. Мотовилова – В.Н. Ульяновой, 13 февраля 1966 г.

Милая Вера. Посылаю тебе Зинины открытки.

<...> Вот их адрес, это вчера мне Ева написала: Комарово Ленинградской области, Дом Литфонда, З.Н. Некрасовой.

Я разболелась, но Ева и Исаак [Пятигорские] велют об этом Зине не писать, чтоб не волновать ее. У меня желтуха. Ужасно не выношу современные методы лечения. Мне делают уколы ежедневно, кроме того – анализы мочи, крови, еще чего-то.

<...> Рано утром Еве надо встать, чтоб к какому-то часу нести [мою] мочу в поликлинику. Слава богу еще, особа, которая делает уколы, в моей квартире живет. Ева вчера опять какую-то врачиху привела. Будто бы та требует, чтоб меня госпитализировать. Выдумки, конечно. В больнице у нас переполнено, и от таких больных как я, восьмидесятипятилетних старух, рады [избавиться]. Но это Ева выдумывает, чтоб убедить меня переехать на Викину квартиру. Квартира в двух шагах от Евы, там Ганя может мне все приготовить. Но я не выношу их квартиру, там холодно и неудобно.

<...> Вообще я должна быть у себя.

З.Н. Некрасова – В.Н. и Н.А. Ульяновым, 12 марта 1966 г.

Милые Вера и Николай Алексеевич!

Я до сих пор не могу прийти в себя от известия о Сониной смерти [28 февраля]. Мне просто кажется это неправдоподобным! Она никогда не жаловалась на здоровье, всегда была бодра, много читала и раньше много выходила, но после падения стала выходить с палкой (бывшей маминой) и с кем-нибудь из знакомых сначала, а потом со своей ученицей французского языка [из их коммунальной квартиры] или с каким-нибудь знакомым: с Викой, его товарищем. Наконец, ей прислали особу из «общества добрых услуг». Меня она отвергала, говоря, что у меня руки слишком тонки, и она боится их «сломать».

Но в то же время она печатала свои воспоминания и в «Новом Мире» и других журналах, да и вы сами их, верно, читали? Когда я зашла к ней проститься перед нашим отъездом, я у нее застала эмигрантку из Америки [(Галину Дмитриевну Кулаеву, переводчицу, американского профессора)], которая тоже что-то брала у нее, чтобы там переводить. Получала оттуда массу писем.

Вообще была полна энергии и бодрости. Когда за мной зашел Вика, она и ему дала прочесть какую-то интересную книгу из библиотеки, и мы удивились, скольким людям она интересна, а главное, ее воспоминания. Так что уехали мы совсем спокойно, не подозревая, что у нее вскоре обнаружат рак желудка с метастазом в печени.

Когда нам друзья наши – Пятигорские сообщили этот диагноз, мы собрались сейчас же выехать, но вечером того же дня получили телеграмму, что она сразу умерла в тот же вечер и на другой день она была похоронена, нашими друзьями, на Байковом кладбище около мамы! Так и не пришла в сознание, к счастью!

После нее осталось много книг и писем, которые наша Ганя перевезла к нам на квартиру на шести грузовиках! Вот и все! Умерла она как и жила, оставив по себе яркий след.*

* Племянник, который похоже уже перестанет «ненавидеть свою тетку», в 1981 году, по случаю 100-летия со дня ее рождения, выступит весьма комплиментарно в адрес Софьи Николаевны по радио «Свобода» из Парижа (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Sof'e-Motovilovoy-100.aspx).